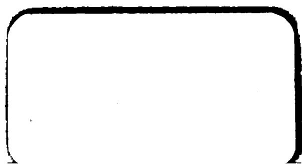




1281

СОЧИНЕНІЯ ДРУЖИНИНА

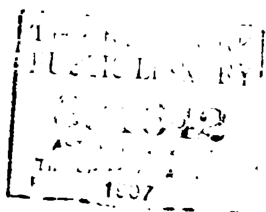
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. В. ДРУЖИНИНА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

(РЕДАКЦІЯ ИЗДАНІЯ Н. В. ГЕРБЕЛЯ)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
1865



Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1865 г.

ЭТЮДЫ

ОБЪ АНГЛІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ

ДЖОНСОНЪ И БОСВЕЛЛЬ.

КАРТИНА БРИТАНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НРАВОВЪ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

I.

Босвелль въ Лондонѣ.—Джонсонъ и его эпоха.—Чердачные поэты, перевороты въ литературѣ и книжной торговлѣ. — Шериданъ, его размолвка съ Джонсономъ. — Книгопродавецъ Дэвисъ. — Первое знакомство. — Наружность поэта, его манера разговаривать. — Сарказмы. — Честерфильдъ. — Тревоги Босвелля.—Первый визитъ. — Начало прочнаго знакомства.

Въ концѣ 1762 года прибылъ изъ сѣверныхъ странъ Шотландіи въ Лондонъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, длинный и худой, какъ всѣ шотландцы бываютъ въ этомъ возрастѣ, съ немного простоватою и очень воздушною физіономіей, въ которой отсутствіе выразительности и красоты отчасти выкупалось постоянно кроткимъ и озабоченнымъ его выраженіемъ. Имя молодого сына Каледоніи, нынѣ популярное во всей Великобританіи, въ то время было именемъ рѣшительно неизвѣстнымъ въ Лондонѣ, населеніе котораго никогда не имѣло особеннаго расположенія къ соплеменникамъ Джемза Донеса и Роберта Брюса. Отецъ молодого человѣка былъ, однако, лордомъ, но лордомъ шотландскимъ, званіе не совсѣмъ завидное во вторую половину прошлаго столѣтія; къ тому жь самое имя лорда было довольно странное и неблагозвучное. Онъ прозывался лордомъ Охинлеккомъ, а сынъ его, о которомъ идетъ теперь рѣчь, носилъ имя мастера Джемза Босвелля. Нашъ двадцати-двухъ-лѣтній посѣтитель Лондона, былъ привлеченъ туда не службою, не желаніемъ докончить свое образованіе, не свѣтскимъ любопытствомъ, даже не жадностью къ веселостямъ большого города: онъ былъ увлеченъ изъ своей родины, похищенъ у своихъ подданныхъ и безчисленныхъ сродниковъ страстью необыкновенною и почти непонятною въ наше эгоистическое время, страстью, наполнявшею все его существованіе

и не дававшею ему даже кратковременнаго отдыха, а именно страстью къ знакомству съ литературными знаменитостями.

Съ дѣтскихъ лѣтъ еще, Джемзъ Босвелль привыкъ ощущать какое-то особенное чувство при видѣ человѣка, сколько-нибудь извѣстнаго въ свѣтѣ своимъ умомъ, глупостью, странностями, храбростью; но чувство это принимало громадные размѣры, если такой человѣкъ имѣлъ хотя сколько-нибудь извѣстности въ литературномъ мірѣ. Самый прилѣжный изъ школьниковъ, Босвелль бросалъ и книги и трудъ для того, чтобъ бѣжать по городу за джентльменомъ, сочинившимъ хотя одно стихотвореніе; онъ шлялся изъ города въ городъ, затѣмъ только, чтобъ взглянуть на какого-нибудь извѣстнаго журналиста, и, если возможно, изустно засвидѣтельствовать ему свое глубокое почтеніе. Съ лѣтами, страсть къ литературнымъ знакомствамъ разлилась въ добромъ чудакѣ съ силою болѣзни, непобѣдимой маніи, подвергла его безчисленнымъ огорченіямъ, испортила его карьеру, разсорила съ половиной Англіи и только при концѣ жизни была причиною появленія знаменитой книги, обезсмертившей имя Джемза Босвелля. Но въ 1762 году, въ которомъ начинается нашъ разсказъ, Босвелль далеко не предчувствовалъ всего, что ему современемъ слѣдовало испытать отъ своей любимой страсти; онъ былъ молодъ, веселъ и счастливъ; отецъ собирался послать его за границу, гдѣ онъ могъ вдоволь насмотрѣться на литераторовъ; онъ уже успѣлъ, съ помощью добродушія и угодливости, составить себѣ порядочное знакомство между раздражительною породою пишущихъ существъ, а что главное, въ Лондонѣ его ждало одно изъ высочайшихъ благъ, которое, по его мнѣнію, могло быть дано судьбою на долю слабыхъ силъ человѣка — ему было обѣщано знакомство изъ знакомствъ, блаженство изъ блаженствъ: актеръ и бывшій содержатель театровъ, Шериданъ, далъ Босвеллю честное слово, въ томъ, что представитъ его величайшему и старѣйшему изъ тогдашнихъ британскихъ писателей, поэту, эссеисту и лексикографу *Самуилу Джонсону*. Чтобъ быть справедливымъ и хотя сколько-нибудь оправдать то болезненное, лихорадочное нетерпѣніе, съ которымъ молодой шотландецъ ждалъ вожделѣннаго дня и собиралъ всѣ свои силы, чтобы не оробѣть окончательно передъ лицомъ великаго человѣка, нужно прибавить, что репутація Самуила Джонсона, автора «Расселаса» и «Тщеты человѣческихъ желаній», достигла въ 1762 году зенита, послѣ котораго ей нельзя и некуда было идти далѣе. Авторъ двухъ большихъ поэмъ, латинскихъ и греческихъ стихотвореній, длинной полуклассиче-

ской трагедіи, безконечнаго множества этюдовъ во всѣхъ родахъ, и наконецъ составитель колоссальнаго лексикона, предпринятаго и оконченнаго безъ всякой посторонней помощи—Джонсонъ имѣлъ полнѣйшее право на удивленіе современниковъ. Національной гордости англичанина льстила та мысль, что *одинъ* британецъ началъ и окончилъ словарь своего языка — трудъ, надъ которымъ теряли годы цѣлыя академіи въ иностранныхъ государствахъ *). Злоба немногихъ завистниковъ тратила всю свою силу передъ успѣхомъ, завоеваннымъ долгою жизнью, долгимъ трудомъ и долгими лишеніями. И дѣйствительно, Самуилъ Джонсонъ, по своему воспитанію, трудамъ, образу жизни, испытаннымъ лишеніямъ, добрымъ качествамъ, даже порокамъ и слабостямъ, былъ вѣрнѣйшимъ представителемъ цѣлой эпохи въ словесности, а такъ-какъ словестность извѣстнаго народа выражаетъ собою его нравы и понятія, то доктора Джонсона безъ труда можно было назвать англичаниномъ по преимуществу.

Мы найдемъ случай на этихъ страницахъ передать читателю главнѣйшіе факты изъ немногосложной и высокопоучительной жизни этого писателя; теперь же ограничимся только тѣмъ, что очертимъ общій ея видъ, для лучшаго уразумѣнія послѣдующихъ сценъ и разсказа. Джонсонъ, Несторъ между писателями второй половины прошлаго столѣтія, родился въ эпоху матеріально-блистательную для словесности, въ эпоху, когда литература и поэзія были товаромъ болѣе нежели рѣдкимъ и доступнымъ только высшему классу аристократіи. Въ то время книгъ не покупалъ никто, публика не могла ничѣмъ награждать своего любимаго писателя, потреб-

---

*) При появленіи Джонсонова словаря, актеръ Гаррикъ, о которомъ не разъ будетъ говорено далѣе, сочинилъ слѣдующее стихотвореніе, гдѣ довольно отчетливо обрисовывается духъ тогдашняго времени.

— Потолкуйте-ка съ британцемъ о войнѣ и онъ смѣло скажетъ вамъ, что одинъ англійскій солдатъ побьетъ десятерыхъ французовъ, а если мы эту похвальбу перенесемъ къ литературному дѣлу, выгода все-таки будетъ на нашей сторонѣ.

— Пусть-ка они соберутъ своихъ риемачей и прозаиковъ, призовутъ своихъ героевъ, соберутъ всѣ силы, а потомъ потягаются съ нашими писателями. Во-первыхъ, Шекспиръ и Мильтонъ, подобно вѣковымъ богамъ, разгоняли ихъ эпиковъ и прозаиковъ.

— Устояли-ли они въ сатирѣ, эпистолѣ и одахъ противъ Попа и Драйдена? и Джонсонъ, надѣвши свое побѣдоносное оружіе, побилъ уже *сорокъ членовъ* — составъ Парижской Академіи, издавшей словарь французскаго языка — французовъ, и поколотитъ ихъ еще столько же.

ность чтенія развита была въ малыхъ размѣрахъ и ни одинъ писатель не могъ существовать безъ покровительства со стороны частныхъ лицъ. Правительство награждало лучшихъ поэтовъ и прозаиковъ доходными мѣстами, богатые лорды полагали имъ отъ себя пенсіи,—и такъ какъ число литераторовъ было тогда весьма ограничено, то всѣ они жили въ почетѣ и изобиліи, не стѣсняясь своей зависимостью, потому что не имѣли понятія о другой жизни и о средствахъ добывать доходы другими путями. Такова была пора Пóпа, Стиля и Эддиссона, жившихъ жизнью аристократіи, не составлявшихъ особеннаго класса литераторовъ и незнакомыхъ съ бóльшею частью треволненій писательской жизни. Эти люди были отдѣльными личностями, захваченными высшимъ классомъ въ свою среду и сроднившимися съ этою средою, благодаря личности аристократическихъ нравовъ и своему собственному достоинству.

Но эпоха, въ которую Самуилу Джонсону пришлось въ первый разъ приняться за перо, была уже не Эддисоновой эпохою. Цѣлое поколѣніе людей прошло между секретаремъ лорда-правителя Ирландіи, сорванцомъ Стилемъ, и благоразумнымъ, трудолюбивымъ, но не имѣвшимъ покровителей, Джонсономъ. Литературные нравы и самая жизнь литераторовъ измѣнились во многомъ и причина измѣненій была чисто экономическая: она заключалась въ несоразмѣрности, появившейся между количествомъ производителей литературнаго товара и массою его истребителей. Большинство публики еще не достигло того развитія умственнаго, при которомъ потребность чтенія становится одною изъ настоятельныхъ потребностей жизни, а кружокъ аристократическій и высоко-образованный охладѣлъ къ національной поэзіи. Одно министерство, пользуясь обширными средствами, могло обращать вниманіе правительства на цѣлый классъ бѣдствующихъ литераторовъ. Но, во-первыхъ, число страдальцевъ науки было слишкомъ велико для того, чтобъ разсчитывать на фундаментальныя пособія, а во-вторыхъ, въ главѣ министерства стояли люди весьма равнодушные къ ходу науки и словесности въ своемъ родномъ краѣ. Каждый талантливый человѣкъ, имѣвшій въ своемъ портфелѣ неизданное сочиненіе, могъ дѣйствовать только двумя путями: или продавать его книгопродавцу, или искать себѣ между богатыми людьми покровителя, который согласился бы принять на себя рискъ изданія новой книги. Въ первомъ случаѣ, торговецъ книгами, зная какъ дурно расходится его товаръ, бралъ рукопись почти даромъ; во второмъ, писатель-бѣднякъ, кромѣ небольшой выгоды за проданные экзем-

пляры, получалъ еще нѣсколько золотыхъ монетъ при поднесеніи посвященія, написаннаго обыкновенно въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ. Богатымъ меценатамъ не было нужды ласкать поэтовъ и прозаиковъ; вслѣдствіе литературнаго воспитанія, которое давалось всему британскому юношеству, число служителей Аполлона возрасло до такой степени, что между ними началась грустная конкурренція не изъ-за славы, а изъ-за куска насущнаго хлѣба. За одну гинею, за пару поношеннаго платья, за дорогую вещицу, за обѣдъ на кухнѣ у роскошнаго богача,—поэты и прозаики готовы были переносить всѣ униженія, губить свой талантъ заказною работою, портить свои лучшія вещи нелѣпыми посвященіями, въ которыхъ грубая лесть едва извинялась нуждою и жалкимъ состояніемъ автора. Въ посвященіяхъ этихъ, иной богатый пивоваръ провозглашаемъ былъ звѣздою всей Англіи, какой-нибудь распутный джентльменъ именовался подпорою своей родины, и многіе *знатные* невѣжды принимали титулъ меценатовъ, вскормленныхъ музами. Въ этотъ грустный и тяжелый періодъ, длившійся около полустолѣтія, англійскій языкъ обогатился однимъ энергическимъ словомъ, которое, лучше многихъ описаній, выражало состояніе тогдашнихъ литераторовъ—слово это было «чердачный поэтъ» — a garret-poet. Но писатели, имѣвшіе прибѣжище въ чердакахъ и подвалахъ, были еще счастливцами, потому что большая часть ихъ собратій не имѣла другого пріюта, кромѣ дрянныхъ тавернъ и церковныхъ лѣстницъ. Голодные и оборванные, они скитались по улицамъ, ночуя подъ открытымъ небомъ и только изрѣдка находя пристанище у своихъ рѣдкихъ покровителей. Каждый изъ извѣстныхъ писателей того времени нѣсколько разъ въ своей жизни сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги, едва доходившіе на наши деньги до ста рублей серебромъ. Одинъ изъ даровитѣйшихъ людей того времени, Ричардъ Севеджъ, умеръ оттого, что послѣ двухъдневнаго голода пообѣдалъ безъ воздержанія. Другой поэтъ, имя котораго слишкомъ извѣстно, началъ голодать и кончилъ отравленіемъ. Вотъ къ какого рода участи долженъ былъ готовиться человѣкъ, въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, рѣшавшійся на литературную дѣятельность въ Англіи и даже въ самой ея столицѣ.

И жители Лондона, отказывающіе чердачнымъ поэтамъ во всякомъ сочувствіи къ ихъ страданіямъ, были отчасти правы. Масса людей судитъ о человѣкѣ или цѣломъ сословіи по однимъ фактамъ, и нельзя отъ нея требовать, чтобъ она, съ упрямствомъ философа, вздумала анализировать причины этихъ фактовъ, вглядываться въ нихъ пристально и внимательно. И свѣтскій человѣкъ, и просто-

людинъ не любили писателей, неохотно пускали ихъ въ свои семейства, держали ихъ отъ себя въ почтительномъ отдаленіи, обходились съ ними презрительно, потому что эти писатели, испорченные нуждою и цыганскою жизнью, давно уже утратили чувство собственнаго своего достоинства. Знакомиться съ поэтомъ или ученымъ, значило подвергнуться безпрестаннымъ денежнымъ требованіямъ и цѣною этихъ пожертвованій пріобрѣсти себѣ нахальнаго и дерзкаго паразита. Самое разумное денежное пособіе не облегчало участи чердачнаго поэта, пріученнаго къ безпрестаннымъ скачкамъ отъ совершенной нищеты къ короткому богатству: заработавъ небольшую сумму, чердачный поэтъ проживалъ ее въ нѣсколько дней и проживалъ всегда одинаковымъ образомъ: въ первый же день покупая себѣ красный камзолъ съ золотымъ галуномъ, шпагу съ серебряной рукояткою, а потомъ отправляясь въ трактиръ и не возвращаясь оттуда до истребленія послѣдней своей монеты. Въ уличныхъ ссорахъ и дракахъ, въ театральныхъ исторіяхъ и трактирныхъ буйствахъ, дѣло не обходилось безъ одного или двухъ поэтовъ и нѣсколькихъ ученыхъ. Простой народъ смѣялся надъ ними, богатые люди, ожидая порядочныхъ гостей къ обѣду, отсылали служителей Аполлона обѣдать съ служителями своей собственной особы.

Вся эта жизнь была знакома Самуилу Джонсону, вся эта эпоха была имъ пережита и слѣды ея остались навѣки изображенными въ его характерѣ, странномъ для многихъ и только въ послѣдніе годы нашего времени, разъясненномъ трудами одного изъ блистательнѣйшихъ современныхъ критиковъ. Первые годы Джонсоновой жизни въ Лондонѣ, не смотря на всѣ усилія почитателей его таланта, не смотря на собственные отрывки изъ его корреспонденціи, до-сихъ-поръ остаются, и, вѣроятно, навсегда останутся неописанными по недостатку точныхъ свѣдѣній, но по дошедшимъ до насъ фактамъ, мы безъ труда можемъ усмотрѣть, изъ какого моря нужды, униженія, страданій и искушеній всякаго рода, вынырнулъ этотъ энергическій и замѣчательный характеръ. Высокія нравственныя правила и атлетическое сложеніе тѣла помогли Джонсону остаться человѣкомъ и пробиться на первое мѣсто, но главнымъ его помощникомъ и заступникомъ въ этой отчаянной борьбѣ за славу и существованіе былъ не онъ самъ, а всемогущее время, измѣняющее міръ и общество. Знаменитый лексикографъ спасся тѣмъ, что жилъ долго и наконецъ пережилъ грустнѣйшую изъ эпохъ британской словесности. Когда ему было сорокъ лѣтъ отъ роду, ему приходилось брать за свои лучшія произведенія по пят-

надцати фунтовъ стерлинговъ, сорока пяти лѣтъ, онъ еще писалъ предисловія къ чужимъ книгамъ за одну гинею платы (25 руб. ассигнаціями); тюрьма за долги угрожала еще Джонсону въ пятидесяти-лѣтнемъ его возрастѣ. Не ранѣе какъ въ пятьдесятъ-три года, знаменитый писатель получилъ право быть увѣреннымъ въ томъ, что голодная смерть не грозитъ ему болѣе. Самый нелитературный изъ министровъ выхлопоталъ автору гиганскаго словаря пожизненную пенсію въ триста фунтовъ стерлинговъ, сумма значительная въ то время (1762); между-тѣмъ, потребность чтенія уже развилась въ массѣ публики и плата за литературную собственность возвысилась почти втрое противъ платы, существовавшей за двадцать-пять лѣтъ прежде. Ни одинъ изъ литературныхъ сверстниковъ Джонсона не дожилъ до вождѣленной эпохи: лучшіе друзья его юности, давно уже кончили свою жизнь посреди безпутства и нужды, а старый авторъ «Расселаса» стоялъ одинъ въ толпѣ наваго поколѣнія новыхъ литераторовъ, глядѣвшихъ на него съ подобострастіемъ.

Съ такого-то рода человѣкомъ предстояло познакомиться молодому Босвеллю, о которомъ мы почти забыли, увлекшись изложеніемъ постороннихъ событій. Обратитъ ли великій писатель на меня свое вниманіе, полюбитъ ли меня хоть немного? думалъ молодой шотландецъ, или поразитъ меня сразу одной изъ тѣхъ ужасныхъ насмѣшекъ, отъ которыхъ трепещутъ люди умнѣе и важнѣе меня. Говорятъ, что онъ ненавидитъ шотландцевъ, нужно будетъ прежде всего скрыть отъ него мое происхожденіе. Потомъ, онъ можетъ заговорить со мной о предметѣ мнѣ незнакомомъ, наконецъ я могу сдѣлать какую-нибудь глупость или высказать мнѣніе, противоположное его убѣжденіямъ! Не уклониться ли отъ такъ долго ожидавшей встрѣчи, не удовольствоваться ли лучше однимъ взглядомъ на знаменитаго мужа издали? изъ окна, на гуляньи?

Покуда нашъ почитатель литературныхъ знаменитостей находился въ подобномъ раздумьѣ, злая вѣсть достигла до ушей Босвелля — Джонсонъ разсорился съ Шериданомъ, надежда на знакомство съ Несторомъ литераторовъ разрушилась окончательно. Кто возьмется представить молодого человѣка лексикографу, а надѣяться на примиреніе съ Шериданомъ было почти невозможно.

Прошло два мѣсяца, каждый день Босвелль навѣдывался къ Шеридану, и всякій день ложился спать съ отчаяніемъ въ сердцѣ: размолвка тянулась и угрожала сдѣлаться вѣчною; пришлось оставить раздраженнаго скомороха и обратить свои исканія въ другую сторону. Но юный шотландецъ былъ упрямъ и неутомимъ; жела-

ніе его было свыше мѣры раздражено мѣсяцами ожиданія, и наконецъ, употребивъ всѣ усилія, черезъ пособіе нѣсколькихъ друзей, онъ сошелся съ книгопродавцемъ Ѳомой Девисомъ, человѣкомъ весьма извѣстнымъ въ Лондонѣ и близкимъ къ Джонсону. Девисъ былъ знаменитъ во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, у него была хорошенькая жена, воспѣтая нѣсколькими поэтами, заискивающими связи съ ея мужемъ, во-вторыхъ, Девисъ былъ когда-то актеромъ и бросилъ сцену вслѣдствіе довольно плоской эпиграммы Чорчилля, гдѣ его произношеніе сравнивалось съ ворчаніемъ собаки, грызущей кость; въ третьихъ, Девисъ, какъ человѣкъ ловкій и предпріимчивый, принялся за книжную торговлю въ самое удобное время, когда требованіе на книги усилилось, а плата за рукописи не успѣла достаточно возвыситься, и, стало быть, съ помощью, такого маневра, пріобрѣлъ, достаточное состояніе. Магазинъ Девиса, какъ и до сихъ поръ водится въ Англіи, былъ въ то же время и кабинетомъ для чтенія, мѣстомъ, гдѣ зарождались литературные толки и литературныя сплетни; уголкомъ, куда стекались и литераторы и праздные посѣтители, чтобъ потолковать о книжныхъ новостяхъ, перечитать вновь изданную брошюру и пересмотрѣть карикатуры. Настойчивый Босвелль устроилъ свою главную квартиру въ лавкѣ Девиса, познакомился съ его семействомъ и проводилъ цѣлые дни въ квартирѣ книгопродавца, отдѣленной стеклянною дверью отъ главной комнаты магазина.

И наконецъ наступилъ вожделѣнный день, самый благотворный и памятный въ жизни молодого почитателя талантовъ: въ понедѣльникъ 16-го мая *), когда Босвелль сидя въ гостиной между мистрисъ Девисъ, занимался питьемъ чаю, высокій и плотный хозяинъ торжественно всталъ съ своего стула и, подражая извѣстнымъ словамъ Гораціо, при появленіи привидѣнія въ Гамлетѣ, провозгласилъ испуганнымъ голосомъ: глядите сюда, милордъ, онъ идетъ, идетъ къ намъ! Рѣчь эта сопровождалась выразительнымъ жестомъ къ сторонѣ стекляной двери, жестомъ, отъ котораго у Босвелля замерло дыханіе. Смятеніе Босвелля усилилось, когда стеклянная дверь была отворена и въ комнату ввалился человѣкъ огромнаго роста и соразмѣрной толщины, съ довольно правильными, но грубыми чертами лица, въ черномъ кафтанѣ, съ черными во-

---

*) Вотъ адресъ квартиры Девиса: Россель-стритъ въ Ковентъ-Гарденѣ, № 8. Въ своей книгѣ сообщая этотъ адресъ, Босвелль прибавляетъ: Самое мѣсто, гдѣ я былъ представленъ знаменитому человѣку должно быть обозначено съ великой отчетливостью. До сихъ поръ я прохожу мимо него съ чувствомъ глубокаго почтенія.

юсами, пуговицами, черномъ камзолѣ и такихъ же штанахъ, въ черныхъ поношенныхъ и дурно надѣтыхъ чулкахъ и огромныхъ башмакахъ, съ серебряными пряжками. Это былъ Самуилъ Джонсонъ. Слегка поклонившись хозяйкѣ, онъ подалъ руку Девису и вопросительно поглядѣлъ на Босвелля. Позвольте представить вамъ, сэръ, почтительно началъ хозяинъ; — одного изъ безчисленныхъ почитателей дарованія вашего, мистера Джемза Босвелля, недавно прибывшаго въ Лондонъ. Бога ради, прошепталъ переконфуженный путешественникъ, вспомнивъ о Джонсоновой антипатіи къ его соотчичамъ;—ради Бога, сэръ Девисъ, не говорите, откуда я пріѣхалъ! Изъ Шотландіи! громко продолжалъ хозяинъ, улыбаясь лукаво.

— Мистеръ Джонсонъ, произнесъ Босвелль, надѣясь сказать что-нибудь умное:—я дѣйствительно изъ Шотландіи, но въ этомъ самъ я не виноватъ нисколько.

— Да, сэръ, насмѣшливо замѣтилъ лексикографъ: — я нахожу, что всѣ почти пріѣзжіе изъ Шотландіи не виноваты въ томъ нисколько. Вы совершенно правы въ своемъ заключеніи *). И онъ засмѣялся чрезвычайно громко, отдуваясь, покачиваясь во всѣ стороны и поглядывая на всѣхъ присутствующихъ. Хозяинъ и хорошенькая мистрисъ Девисъ тоже засмѣялись, засмѣялся и Босвелль; но смѣхъ его былъ не совсѣмъ чистосердечнымъ смѣхомъ. Когда прошла минута веселости, старый поэтъ, не обращая никакого вниманія на новаго своего знакомца, сѣвшаго на свое мѣсто въ нѣмомъ огорченіи, обратился къ книгопродавцу съ слѣдующею рѣчью.

— Что вы думаете о Геррикѣ? **) сказалъ онъ, помѣщаясь около хозяйки: — что вы подумаете о немъ послѣ того, что онъ сдѣлалъ со мной сегодня? Я просилъ у него билета въ театръ для миссъ Уильямсъ, и онъ отказалъ мнѣ, потому что всѣ мѣста будутъ заняты и онъ потеряетъ три шиллинга за входъ!

*) Мы позволимъ себѣ примѣчаніе съ цѣлью объяснить читателямъ немного темную иронію Джонсона. Коренной англичанинъ считалъ прежде всякаго шотландца покидающимъ свою родину затѣмъ, чтобъ чѣмъ-нибудь поживиться въ Англіи. Шотландія дѣйствительно всегда была бѣднѣе Англіи и потому она и до сихъ поръ представляется англійскому простолюдину, или человѣку съ предразсудками, страною нищихъ, гдѣ жители ходятъ безъ панталонъ и питаются лошадинымъ кормомъ (овсомъ и рожью). Отвѣтъ Джонсона имѣетъ двойное значеніе: какъ насмѣшка надъ наивностью Босвелля и надъ бѣдностью его края, на это должно замѣтить, что всѣ шотландцы ѣдутъ въ Лондонъ не по своему желанію, а единственно отъ голода.

**) Девисъ Геррикъ, современный Джонсону актеръ и первая сценическая знаменитость Англіи.

— О, сэръ, снова началъ Босвелль, слишкомъ нетерпѣливо искавшій случая ввернуть свое словцо и завязать разговоръ съ знаменитостью: — о, сэръ, я не могу подумать, чтобъ мистеръ Геррикъ осмѣлился отказать вамъ въ такой бездѣлицѣ...

— А! вы не можете подумать этого! перебилъ Джонсонъ, измѣривъ молодого человѣка самымъ необязательнымъ взглядомъ: — вы не можете, сэръ, подумать этого! Знайте же, государь мой, что я знакомъ съ Геррикомъ подолѣе вашего; я былъ близокъ къ нему, когда еще вы не родились, и не вамъ толковать о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ!

На этотъ разъ бѣдный молодой человѣкъ былъ совершенно огорченъ и обиженъ, его небольшая гордость обижена была грубостью Джонсона; всѣ его разсчеты на будущую связь съ знаменитымъ человѣкомъ распались окончательно. Почти не принимая участія въ общемъ разговорѣ, нашъ шотландецъ прилагалъ всѣ старанія, чтобъ по крайней мѣрѣ запомнить всѣ рѣчи идола своей фантазіи и запечатлѣть въ своей памяти черты великаго человѣка, съ которымъ, по всей вѣроятности, ему не суждено было часто сходиться.

Джонсону было въ то время пятьдесятъ четыре года; лицо его, отъ природы не совсѣмъ красивое, было обезображено въ дѣтствѣ золотушными ранами, отъ которыхъ на немъ остались глубокіе шрамы. Маленькіе глаза его вѣчно жмурились и все-таки видѣли очень мало; зрѣніе его, слабое отъ природы, еще болѣе было испорчено вслѣдствіе кабинетныхъ трудовъ; на немъ былъ небольшой и дурно причесанный парикъ, съ котораго слетѣла почти вся пудра, такъ что онъ казался сѣроватымъ. Манеры его были грубы и отрывисты, тяжелое впечатлѣніе, производимое ими на непривычнаго человѣка усиливалось еще потому, что вслѣдствіе старой болѣзни и нервнаго разстройства, широкое лицо поэта безпрестанно подергивалось во всѣ стороны, и даже самыя ноги его по временамъ выдѣлывали какія-то непроизвольныя кривлянья. Прибавьте къ этимъ особенностямъ необыкновенно громкій голосъ, странный и непріятный смѣхъ, готовность вспыхивать, браниться за всякое бездѣльное противорѣчіе, и вы получите довольно вѣрное изображеніе великаго писателя, котораго лучшіе друзья и почитатели называли (конечно за глаза) неиначе какъ медвѣдемъ или многоуважаемымъ готтентотомъ.

Но какъ аляповаты и неловки ни были привычки Джонсона, Джемзу Босвеллю не трудно было убѣдиться, что всякій человѣкъ, разъ въ жизни имѣвшій случай сойтись съ великимъ лексикогра-

фомъ мгновенно забывалъ непріятное впечатлѣніе, произведенное его манерами, и весь отдавался необыкновенной пріятности, возбуждаемой оригинальнымъ его разговоромъ. Основная прелесть Джонсоновой рѣчи (talk) не легко поддавалась анализу; она не блистала остроуміемъ, сроднымъ французу, не язвила, какъ слова иного британскаго сатирика, а между тѣмъ увлекательность ея не была подвержена никакому сомнѣнію. Какъ писатель, имѣющій довѣріе къ своему уму, Джонсонъ былъ необыкновенно находчивъ въ разговорѣ, какъ замѣчательный энциклопедистъ: онъ находилъ возможность о самой избитой вещи сказать что либо новое, какъ человѣкъ, избалованный общимъ уваженіемъ и непривыкшій къ противорѣчію, онъ придавалъ бесѣдѣ своей ту легкую парадоксальность, безъ которой едва ли способна обойтись какая либо живая бесѣда. Говорить съ нимъ надобно было съ большой осторожностью, чтобъ не попасть подъ его гнѣвъ и насмѣшку, какъ это только что случилось съ Босвеллемъ, и это-то обстоятельство придавало всякой бесѣдѣ съ Джонсономъ особенно эксцентрическій оттѣнокъ, превращая ее въ какую-то оживленную игру, въ которой искусный человѣкъ награждался умными отвѣтами, а неловкій превращался въ общее посмѣшище. Вообще разговоръ Джонсона въ каждой гостинной былъ чѣмъ то въ родѣ изустнаго фельетона, или монолога, прерываемаго изрѣдка вопросами или краткими замѣчаніями постороннихъ; спорить съ Джонсономъ, излагать мысли, съ которыми онъ не соглашался, было почти невозможнымъ дѣломъ при его вспыльчивости и жосткомъ тонѣ. Между пріятелями поэта, нѣкоторые обладали особеннымъ искусствомъ вызывать его на интересные монологи, и, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, самъ Босвелль скоро сдѣлался однимъ изъ главныхъ искусниковъ въ этомъ дѣлѣ.

Въ этотъ вечеръ, лексикографъ былъ въ особенномъ расположеніи духа, можетъ быть отъ удовольствія, что ему такъ скоро удалось отбрить навязчиваго шотландца.

Разговоръ перешелъ вообще къ писателямъ изъ лордовъ и въ особенности къ знаменитымъ письмамъ Честерфильда. — До его писемъ, замѣтилъ Джонсонъ, считалъ я Честерфильда лордомъ между писаками, а теперь вижу что онъ писака между лордами. Нечего сказать, стоило писать къ своему родному сыну письма, изъ которыхъ можно только выучиться нравственности безпутной женщины и изящнымъ манерамъ танцмейстера. Кто не знаетъ, что танцмейстеровъ легко отличить между тысячью другихъ смертныхъ: ихъ профессія вся вертится на изящныхъ манерахъ и оттого ихъ

манеры нелѣпы до крайности. Такова будетъ и молодежь, воспитанная по письмамъ благороднаго лорда.

Замѣчая, что ученый докторъ разговорился съ особенной охотою, Девисъ счелъ долгомъ немного рискнуть собой и слегка подразнить своего умнаго гостя. — Я буду съ вами откровененъ, сэръ, началъ онъ вкрадчиво, и скажу вамъ, что въ городѣ всѣ считаютъ васъ немного озлобленнымъ противъ лорда Честерфильда. Не онъ ли такъ интересовался изданіемъ вашего знаменитаго словаря, не онъ ли наконецъ, еще до выхода его въ свѣтъ, напечаталъ о немъ такой блистательный отзывъ въ свѣтской газетѣ? Всѣ говорятъ, что въ размолвкѣ съ Его Честью, едва ли не вы одни виноваты.

Противорѣчіе оживило Джонсона, но, не раздраживъ его, только придало его рѣчи особенное краснорѣчіе. — Нѣтъ, сэръ, возразилъ онъ хозяину, вы не вѣрно смотрите на мои отношенія къ лорду, потому-что пропускаете въ нихъ самое важное — *время*, прошедшее между моимъ трудомъ и его лестнымъ вниманіемъ. Вы считаете его моимъ меценатомъ и ошибаетесь совершенно. Тотъ не меценатъ, сэръ, кто холодно смотритъ на утопающаго человѣка и подаетъ ему руку только тогда, какъ тотъ самъ доберется до берега. Семь лѣтъ я трудился надъ своею громадной задачею *), и трудился одинъ, безъ средствъ, безъ помощниковъ, безъ посторонняго участія. Безъ копѣйки пособія, безъ улыбки одобренія, безъ одного слова вниманія со стороны людей, я кончилъ свое дѣло, и только тогда явилась въ одномъ изъ журналовъ статья лорда Честерфильда, о которой вы напоминаете. Явись она во время, я бы первый оцѣнилъ ее съ благодарностью, но она явилась слишкомъ поздно. Я окончилъ работу и не нуждался въ ободреніи. Я былъ тогда одинокъ и не могъ ему радоваться, я былъ извѣстенъ свѣту и не находилъ его нужнымъ въ поздно-предложенномъ покровительствѣ; было время, когда оно могло бы придать мнѣ новое рвеніе и новую жизнь.

Отъ Честерфильда было недалеко до воспоминаній о Джонсоновой молодости, какъ мы видѣли, такъ бѣдной друзьями и покровителями. Лексикографъ не очень любилъ вспоминать объ этомъ времени, и нѣтъ сомнѣнія, что много любопытныхъ фактовъ его жизни пропали именно по причинѣ такой скрытности; но какъ бы то ни было, въ этотъ разъ на него напала небольшая охота къ откровенности. — У Севеджа, который жилъ и работалъ со мной,

*) Словаремъ языка.

сказалъ онъ между прочимъ, были свои покровители, что не мѣшало ему сидѣть въ тюрьмѣ иногда ежегодно, а иногда и ежемѣсячно. У меня ихъ не было и я не жалѣю о томъ; мы были молоды и безстрашно переносили злѣйшую нужду и лишенія. Я помню, какъ одинъ разъ мы были выгнаны съ квартиры за неплатежъ денегъ и нѣсколько ночей бродили по Лондону, воображая, что мы прогуливаемся.

Въ такомъ родѣ разговоръ тянулся весь вечеръ. Босвелль раза два или три позволялъ себѣ сдѣлать остроумный вопросъ о томъ или другомъ предметѣ и каждый разъ, къ неслыханному его наслажденію, великій мужъ отвѣчалъ ему охотно и вѣжливо. Наконецъ, выпивши въ продолженіе вечера около тридцати чашекъ чаю, Джонсонъ разкланялся и ушелъ, ласково кивнувъ головой своему шотландскому почитателю. — Радуйтесь, молодой человѣкъ, провозгласилъ хозяинъ, проводивъ многоуважаемаго готтентота до самой улицы: — радуйтесь, мистеръ Джемзъ Босвелль: вы начали знакомство, какъ нельзя удачнѣе. *Онъ* чувствуетъ, что немного обидѣлъ васъ, и потому получилъ къ вамъ замѣтное расположеніе.

Радостно побрелъ молодой человѣкъ къ себѣ домой, но скоро мимолетная радость покинула Босвелля: наединѣ съ самимъ собою онъ почувствовалъ, что цѣлый вечеръ былъ неловокъ, глупъ и незанимателенъ. Слова Девиса казались ему простой вѣжливостью, пріятельскимъ утѣшеніемъ; онъ не смѣлъ думать, чтобы великій Джонсонъ, не разъ въ свою жизнь зацѣплявшій людей посильнѣе и постарѣе его, вздумалъ раскаяваться въ своей горячности. А между-тѣмъ онъ сознавалъ болѣе и болѣе, что нѣтъ наслажденія выше знакомства съ необыкновеннымъ человѣкомъ, слушанія его оригинальныхъ выходокъ, переписки съ нимъ, наконецъ прогулокъ съ нимъ по Лондону. Что предстоитъ еще сдѣлать для сближенія? какими путями можно поддержать только что начавшееся расположеніе, если оно дѣйствительно существуетъ? Чувствуя, что ему не удастся заснуть всю ночь, Босвелль всталъ съ постели, привелъ въ порядокъ свои бумаги и записалъ каждое слово, слышанное имъ въ теченіе вечера. Рано утромъ онъ уже былъ снова у Девиса и спрашивалъ у него, нельзя ли будетъ въ одинъ изъ дней этой недѣли явиться съ визитомъ къ Джонсону. Книгопродавецъ, подумавъ не много, посовѣтовалъ Босвеллю поудержать порывы своего нетерпѣнія, и пропустивъ нѣсколько времени, явиться когда-нибудь не ранѣе часу въ квартиру писателя.

Прошло еще нѣсколько дней, и во вторникъ, 24 мая, Босвелль почувствовалъ, что наконецъ участь его должна рѣшиться. Одѣвшись

потщательнѣе, онъ забѣжалъ сперва къ знаменитымъ болтунамъ того времени, Уильку и Чорчиллю, замѣнявшимъ въ то время должность городской газеты, и, запасшись у нихъ новостями посвѣжѣе и поинтереснѣе, робко постучался у дверей Джонсоновой квартиры, находившейся въ первомъ этажѣ стариннаго и темнаго дома, стоявшаго на краю Темпльскаго квартала. Служитель изъ негровъ отворилъ шотландцу и провелъ его въ пыльную и некрасивую залу возлѣ спальни, гдѣ еще находился Джонсонъ, не взирая на позднюю пору. Комната уже была занята нѣсколькими посѣтителями и скоро въ нее явился самъ хозяинъ, съ заспанными глазами, въ коротенькомъ взъерошенномъ парикѣ, который чуть не падалъ съ головы, и въ широкихъ башмакахъ безъ пряжекъ, служившихъ ему вмѣсто туфлей. Вообще, нарядъ Джонсона былъ болѣе чѣмъ небреженъ: чулки его были спущены, пряжки панталонъ разстегнуты и воротникъ рубашки совершенно откинутъ.

Онъ принялъ Босвелля самымъ дружескимъ образомъ, спросилъ его, давно ли онъ видѣлъ Геррика, и посадилъ къ себѣ поближе. Одинъ изъ посѣтителей, принимавшій дѣятельное участіе въ спорѣ за подлинность стихотвореній, будто бы написанныхъ Оссіаномъ и переведенныхъ профессоромъ Макферсономъ*), спросилъ у Джонсона его мнѣнія объ этомъ важномъ вопросѣ. — Сэръ, отвѣчалъ поэтъ: — позвольте сказать вамъ, что вы не понимаете ровно ничего въ этомъ дѣлѣ. Еслибъ защитники Макферсона желали убѣдить публику въ томъ, что изданныя имъ вещи дѣйствительно написаны какимъ-то древнимъ поэтомъ и гдѣ-то отысканы по случаю, то они давно бы уже показали всему міру оригинальныя рукописи сочиненія! — Но, мистръ Джонсонъ, осмѣлился возразить ему одинъ изъ бывшихъ тутъ молодыхъ людей: — я вполнѣ убѣжденъ, что поэмы Оссіана — неподдѣльныя поэмы; мнѣ ихъ читали на оригинальномъ ихъ языкѣ, langue erse. — А вы знаете этотъ языкъ? спросилъ хозяинъ. Молодой человѣкъ признался, что во время чтенія не понялъ ни одного слова. — Вотъ, господа, со смѣхомъ произнесъ Джонсонъ, всѣ наши ученыя рѣшенія изучаются почти по такой же системѣ!

---

*) Любопытный подлогъ Макферсона слишкомъ извѣстенъ для того, чтобъ объяснять его читателямъ. Поэмы этого необыкновеннаго поэта имѣли громадный успѣхъ во всей Европѣ, породили бездну подражателей, и по своему достоинству дѣлаютъ только одну честь автору; тѣмъ не менѣе, вопросъ о дѣйствительности Оссіановыхъ поэмъ долго волновалъ ученое сословіе Европы и въ особенности Англіи.

Продолжая рѣчь объ Оссіанѣ, хозяинъ разсказалъ, что одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ Макферсонова подлога, докторъ Блеръ, истощивъ всѣ свои доводы, наконецъ спросилъ его съ запальчивостью: «неужели же вы думаете, что въ наше время найдется хотя одинъ человѣкъ, способный написать что-нибудь подобное Оссіановымъ поэмамъ?» — Виноватъ, сэръ, отвѣчалъ ему на это Джонсонъ, я такъ думаю, что подобныя поэмы способенъ сочинить въ наше время не одинъ человѣкъ. Докторъ Блеръ оставилъ разговоръ въ совершенномъ отчаяніи.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, Босвелль, какъ воспитанный юноша, всталъ съ своего мѣста и взялся за свою треугольную шляпу. — Не уходите такъ скоро, ласково сказалъ хозяинъ. — Я боюсь отбивать васъ отъ дѣлъ, которыми дорожитъ вся Англія. — Полно, полно, возразилъ Джонсонъ: — будто вы не знаете, что всякій человѣкъ скучаетъ умственной работой и радъ отъ нея отдѣлываться подъ всѣми предлогами. Всю жизнь мою я собирался вставать рано и приниматься за чтеніе, а не смотря на то, я очень благодаренъ всѣмъ, кто мнѣ мѣшаетъ работать. Бросьте вашу шляпу, молодой человѣкъ. — Сэръ, вымолвилъ шотландецъ, растроганный ласковымъ пріемомъ: — я едва вѣрю, что вы позволяете мнѣ еще немного пользоваться бесѣдою съ вами. Джонсонъ, въ свою очередь нѣсколько умилился при видѣ такого благоговѣнія и дружески пожалъ руку восхищеннаго Босвелля.

Всѣ посѣтители разошлись, а хозяинъ все еще не отпускалъ отъ себя своего молодого почитателя, оправдывая своей любезностью, извѣстное замѣчаніе Рошфуко: «nous aimons ceux qui nous admirent». Наивное обожаніе Босвелля, его робкіе разспросы, готовность растрогаться при всякомъ знакѣ вниманія, пришлись по душѣ поэту, воспитанному среди житейскихъ бурь, литературныхъ сплетень и ожесточенныхъ баталій за славу и денежныя выгоды. Джонсонъ разспрашивалъ молодого человѣка о его жизни, планахъ, и, узнавъ, что гость его намѣренъ въ скоромъ времени ѣхать въ Утрехтъ, дабы докончить свое воспитаніе въ тамошнемъ университетѣ, вызвался сообщить ему нѣчто въ родѣ руководства для занятій и выбора полезныхъ сочиненій. — Сэръ, сказалъ онъ ему: — я люблю знакомиться съ молодыми людьми: во-первыхъ потому, чтобъ не считать самого себя старикомъ. Потомъ знакомство съ молодежью длится долго, если оно только длится; а наконецъ молодые люди горячѣе и способнѣе на добро, нежели мы, старики. Мнѣ нравится нынѣшнее молодое поколѣніе; оно гораздо острѣе и опытнѣе, нежели мы были въ ваши годы; правда, нужно прибавить

только одно: мы были ученѣе васъ. Только что вышедши изъ дѣтства, сэръ, я проводилъ дни и ночи за книгами. Мнѣ стыдно признаться, но справедливость требуетъ замѣтить, что въ восемнадцать лѣтъ отъ роду я былъ такъ же ученъ, какъ теперь. Разсудокъ былъ, конечно, не тотъ, но количество свѣдѣній было совершенно такое же. Въ первый день моего прибытія въ Оксфордъ, какой-то старичокъ сказалъ мнѣ: «Молодой человѣкъ, сиди теперь за книгами, читай какъ можешь болѣе и не разсчитывай на будущіе годы. Придетъ время, когда чужія мысли будутъ отскакивать отъ твоей головы; придетъ время, когда чтеніе чужой книги будетъ для тебя наказаніемъ!»

Прощаясь съ своимъ гостемъ, Джонсонъ поглядѣлъ ему въ глаза и сказалъ: — дайте мнѣ вашу руку, сэръ, ячувствую, что полюбилъ васъ душою. — Благодарю васъ, произнесъ Босвелль, за все, что вы мнѣ сказали сегодня. Еслибъ кто-нибудь предсказалъ мнѣ, за нѣсколько лѣтъ назадъ, что я проведу цѣлое утро съ авторомъ «Странника», Боже мой, какова бъ была моя радость! — Я самъ радъ, что мы встрѣтились, отвѣтилъ лексикографъ, и надѣюсь, что мы проведемъ не одно утро и не одинъ вечеръ вмѣстѣ. Скажите мнѣ вашъ адресъ, и я думаю, что мы будемъ часто видѣться.

Такимъ образомъ было завязано знакомство, которому Англія одолжена одною изъ интереснѣйшихъ книгъ, когда либо въ ней напечатанныхъ. Не имѣя возможности вполнѣ придерживаться микроскопической описательности Босвеллевой біографіи, мы постараемся передать нашимъ читателямъ только одни интереснѣйшие эпизоды знакомства Джемза Босвелля съ поэтомъ Самуиломъ Джонсономъ.

II.

Образъ жизни Джонсона. — Утреннія бесѣды — Приближенные люди — Гольдсмитъ, его разсѣянность и уваженіе къ Джонсону. — Анекдотъ о Гольдсмитѣ. — Ужинъ у Босвелля. — Шотландцы. — Новизна мыслей и ихъ опроверженіе. — Поведеніе Джонсона за столомъ, его неумѣренность въ пищѣ и причины ея. — Нечувствительность къ чужому горю. — Разсказъ о привидѣніяхъ. — Чародѣйство. — Кокъ-Ленская духовидица. — Синьоръ Помпою и Футъ — Анекдотъ о Футѣ. — Tabletalk.

Не смотря на громадную свою репутацію и значительную толпу поклонниковъ, докторъ Джонсонъ имѣлъ весьма немного пріятелей въ Лондонѣ: однихъ знакомстъ онъ избѣгалъ для того, чтобъ не стѣсняться этикетомъ, другія были имъ оставлены еще въ то время, когда онъ велъ жизнь затворническую и убивалъ себя работой для насущнаго хлѣба. Около 1753 года, какъ мы видѣли,

участь поэта значительно облегчилась и судьба наконецъ улыбнулась ему, надѣливъ его денежною независимостью. Это измѣненіе, соединенное съ знаніемъ того, что главнѣйшій трудъ всей его жизни, великій словарь, покончень благополучно, было причиною того, что его авторъ позволилъ вести себѣ жизнь довольно лѣнивую. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изъ подъ Джонсонова пера не вышло ничего, кромѣ двухъ памфлетовъ и нѣсколькихъ предисловій, да два или три стихотворенія. Маститый мужъ, какъ говорится въ нашихъ газетахъ, видимо давалъ себѣ праздникъ и съ наслажденіемъ пользовался благами жизни, о которыхъ прежде почти не имѣлъ понятія и достигнуть которыхъ едва ли и надѣялся. —Не берите съ меня примѣра, молодой человѣкъ, говорилъ онъ Босвеллю при четвертомъ или пятомъ свиданіи, теперешняя моя жизнь показываетъ, что я ничто иное, какъ старый лѣнивецъ, всю жизнь трудившійся насильно, — и вѣрно не трудившійся бы, еслибъ ему не приходилось подчасъ тошно жить на свѣтѣ. Я сплю долго, болтаю и читаю пустяки до четырехъ часовъ, брожу по кофейнымъ домамъ и тавернамъ, на ночь пью много вина и болтаю еще болѣе. Ни Джонсонъ, ни преданный ему юноша не предполагали еще, что эта праздная болтовня современемъ прославитъ ихъ обоихъ и составитъ едва ли не основаніе репутаціи поэта въ то время, какъ серіозныя и обдуманныя его произведенія начнутъ погружаться въ забвеніе; беззаботныя бесѣды лексикографа должны были черезъ цѣлое столѣтіе играть завидную роль.

Босвелль былъ такъ счастливъ, что познакомился съ своимъ некрасивымъ идеаломъ именно въ тотъ періодъ, когда прославленный писатель, измѣнивъ привычки своей жизни, поневолѣ нуждался въ распространеніи кружка близкихъ къ нему людей. По своей скромности или простоватости, молодой шотландецъ уже слишкомъ привыкъ считать себя существомъ ниже всякой данной величины, иначе ему не трудно было бы сообразить, что великій Джонсонъ, оказывая ему ласку и вниманіе, нисколько не пренебрегалъ своими собственными интересами. Сынъ лорда Охинлекка не былъ человѣкомъ низкаго круга и получалъ отъ родителей содержаніе болѣе чѣмъ достаточное; его хорошо знали въ ученомъ и артистическомъ лондонскомъ свѣтѣ и хотя называли иногда чудакомъ, но за то отдавали полную справедливость его добродушію, начитанности, любознательности. Лаская Босвелля, лексикографъ пріобрѣталъ себѣ вѣчнаго слушателя, ревностнѣйшаго хвалителя, готоваго умереть за его извѣстность, собесѣдника, способнаго переносить всѣ его капризы и выполнять всѣ прихоти.

Нѣсколько разъ возобновлялись утренніе бесѣды обоихъ знакомцевъ, и пріязнь ихъ становилась тѣснѣе и тѣснѣе. Бесѣды эти, оживленныя афоризмами и острыми выходками хозяина, оканчивались почти всегда прогулкою и обѣдомъ въ ресторацiи Митра въ Флитъ-Стритѣ, гдѣ обычными собесѣдниками Джонсона были извѣстный намъ Девисъ и докторъ Оливеръ Гольдсмитъ, знаменитый авторъ Вэкфильдскаго священника, маленькій рябой человѣчекъ, иногда наряжавшійся въ великолѣпные кафтаны и розовые камзолы, но гораздо чаще пребывающій, благодаря своей беззаботной жизни, въ бѣдности, достойной прежнихъ чердачныхъ поэтовъ. Не смотря на свою завидную извѣстность, Гольдсмитъ былъ человѣкомъ самолюбивымъ только въ мелочахъ жизни, и о похвалахъ публики думалъ менѣе, нежели о чести посидѣть рядомъ съ старымъ лексикографомъ; незамѣтный въ обществѣ, застѣнчивый и тривіальный въ разговорѣ, онъ становился раздражительнымъ и сердитымъ, если кто нибудь начиналъ изъявлять притязаніе на особенное сближеніе съ Джонсономъ. Всякій почти вечеръ Босвелль имѣлъ несказанное огорченіе слышать, какъ Гольдсмитъ, поглядѣвъ на него съ насмѣшливой улыбкою, отправлялся съ старымъ поэтомъ пить чай къ миссъ Уильямсъ. Эти слова, говоритъ Босвелль въ своемъ сочиненіи, Гольдсмитъ произносилъ съ особенной торжественностью, будто стараясь дать мнѣ знать, что меня туда не пустятъ. Онъ гордился знакомствомъ съ миссъ Уильямсъ, какъ гордились старинные слушатели *экзотерическихъ* ученій передъ тѣми, кто допускался только къ слушанію *экзотерическихъ* лекцій *). Миссъ Уильямсъ, о которой идетъ рѣчь, была старою пріятельницею Джонсона. Лишившаяся зрѣнія съ самой первой молодости, она занималась сочиненіемъ небольшихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ. Но не долго приходилось Гольдсмиту торжествовать надо мною, прибавляетъ наивный шотландецъ, скоро и я удостоился великаго права, которымъ онъ такъ гордился передъ всѣми!

Не смотря на свое ничтожество въ разговорѣ, Оливеръ Гольдсмитъ могъ назваться далеко не лишнимъ членомъ кружка, средоточіемъ котораго былъ Джонсонъ; его беззаботность и разсѣянность, за которыя прозванъ онъ былъ великобританскимъ Лафонтеномъ, служили собесѣдникамъ также для безконечныхъ шутокъ и анекдотовъ, изъ которыхъ многіе даже и теперь, въ чтеніи, весьма ми-

---

*) Древніе философы имѣли, такъ сказать, два курса для своихъ учениковъ: первый назывался *экзотерическимъ* и читался всѣмъ слушателямъ безъ исключенія; къ *экзотерическому* же ученію допускалось только небольшое число избранныхъ, обязывавшихся хранить тайну на счетъ всего ими слышаннаго.

лы и оригинальны. Вотъ одинъ изъ нихъ. Боркъ и полковникъ О'Муръ были званы вмѣстѣ съ Гольдсмитомъ на обѣдъ къ сэру Рейнольдсу, извѣстному живописцу, съ которымъ мы будемъ имѣть случай сойтись въ продолженіе этого этюда. Пробираясь по Лейстеръ-Скверу, двое первыхъ замѣтили кучу народа, съ шумомъ толпившагося подъ окнами какого-то отеля, гдѣ сидѣло нѣсколько красивыхъ и странно одѣтыхъ иностранокъ, только что прибывшихъ въ Лондонъ. Авторъ «Вэкфильдскаго Священника» стоялъ по-одаль, въ глубокомъ раздумьѣ, поглядывая на волнующихся зѣвакъ. — Замѣтьте Гольдсмита, сказалъ Боркъ О'Муру, иобратите вниманіе на то, что произойдетъ у Рейнольдса. Всѣ трое сошлись за обѣдомъ, но Боркъ, при видѣ романиста, поклонился ему чрезвычайно холодно и ни разу не обращался къ нему во все время стола. Къ концу обѣда, Гольдсмитъ, огорченный такой незаслуженной холодностью, освѣдомился о ея причинѣ, при чемъ Боркъ, долго отказываясь говорить, наконецъ сказалъ ему: мнѣ стыдно быть вашимъ другомъ послѣ тѣхъ словъ, которыя вы себѣ позволили сегодня, всенародно, на Лейстерской площади. — Я не понимаю, о какихъ словахъ вы говорите, возразилъ разтревоженный авторъ «Священника». — Какъ? вскричалъ Боркъ въ негодованіи, разве вы не говорили, глядя на пріѣзжихъ иностранокъ: не скоты ли эти англичане, глазѣющіе на расписанныхъ чучелъ, между тѣмъ, какъ человѣкъ, подобный вамъ, стоитъ на улицѣ, одинокій и никѣмъ незамѣченный? Добрый другъ мой, въ ужасѣ вымолвилъ Гольдсмитъ, не можетъ быть, я не говорилъ такихъ словъ! Правда, правда! продолжалъ онъ, подумавъ немного: я чувствую, что былъ глупъ, я каюсь въ этомъ. Мнѣ помнится, что я *думалъ о чемъ-то въ этомъ родѣ*, но какимъ образомъ я могъ произнести такія слова во всеуслышаніе?...

Прошелъ только одинъ мѣсяцъ со дня представленія Босвелля автору знаменитаго Словаря, а уже дружба юноши съ ученымъ старикомъ подвинулась на столько, что въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца Джонсонъ далъ слово когда нибудь поужинать въ квартирѣ Босвелля. Отъ такого обѣщанія нетрудно было перейти къ исполненію, и день ужина былъ назначенъ, а всѣ обычные собесѣдники поэта, въ томъ числѣ Гольдсмитъ и Дэвисъ, приглашены заранѣе. Но хозяинъ дома, будто желая нарочно досадить своему шотландскому постояльцу, за день до такъ долго жданнаго вечера, надѣлалъ Босвеллю столько непріятностей и дерзостей, что тотъ немедленно долженъ былъ очистить квартиру. Молодой чудакъ, разогорченный и встревоженный, прибѣжалъ на утро въ спальню лексикографа.

— На васъ лица нѣтъ, сказалъ ему Джонсонъ, — живы ли ваши родители? — Что мнѣ дѣлать? едва могъ вымолвить шотландецъ: если вы меня не простите, я человѣкъ погибшій. Я звалъ васъ сегодня ужинать на моей квартирѣ и теперь у меня нѣтъ квартиры. Я заказалъ ужинъ въ ресторацiи, но не знаю, согласитесь ли вы принять мое приглашенiе послѣ такой страшной, хоть и не произвольной невѣжливости? — Сэръ, сказалъ Джонсонъ, засмѣявшись своимъ обыкновеннымъ смѣхомъ, бѣдствiе дѣйствительно ужасно но вспомните мои слова, подумайте о немъ ровно черезъ годъ, и замѣтьте, какъ ничтожно покажется оно вамъ тогда. Нечего бороться съ такимъ необыкновеннымъ несчастiемъ — лучше будетъ пойти ужинать куда вы насъ зовете. Обрадованный Босвелль поскорѣе поскакалъ увѣдомлять прочихъ гостей о измѣненiяхъ въ фестивалѣ.

За столомъ, кромѣ названныхъ нами особъ, засѣдали еще ирландскiй джентльменъ Эккльзъ и соотечественникъ амфитрiона, Огильви, авторъ нѣсколькихъ посредственныхъ стихотворенiй, за которыя получилъ почетное прозвище *сѣвернаго барда*—такъ рѣдки были въ то время барды между шотландцами. Огильви ревностный поклонникъ своей родной страны, началъ разговоръ сравненiемъ Лондона съ Эдинбургомъ, при чемъ отдавая справедливость обширности и богатству перваго города, замѣтилъ, что окрестности Эдинбурга красивѣе и плодороднѣе. Гольдсмитъ, воспитывавшiйся въ Эдинбургѣ, очень зналъ, что Огильви былъ почти правъ, но чувствуя антипатiю къ Босвеллю, за его сближенiе съ лексикографомъ, онъ былъ радъ затронуть шотландцевъ, и принялся опровергать Огильви. — Какъ? спросилъ Босвелль, внѣ себя отъ негодованiя: — вы отвергаете даже красоту окрестностей нашей столицы. — Отвергаю, храбро отвѣчалъ Гольдсмитъ. — И вы не хотите сознаться, спрашивалъ въ свою очередь Огильви, что Шотландiя богата живописными видами? — Бросьте вашъ споръ, господа. Шотландiя богата видами, и Норвегiя ими богата, и Лапландiя тоже. Что до меня касается, то я думаю, что лучшiй видъ, который когда либо доводилось видѣть шотландцу, это видъ большой дороги, ведущей въ Англiю! Общiй смѣхъ, въ которомъ принимали всѣ участiе, положилъ конецъ дальнѣйшимъ пренiямъ.

Отъ Шотландiи разговоръ перешелъ къ ея жителямъ, и Джонсонъ, желая нѣсколько утѣшить Огильви и самого хозяина, немного затронутыхъ его послѣднею шуткою, изволилъ замѣтить, что и шотландецъ, если его *поймать* во время и обучить пока онъ еще молодъ, можетъ сдѣлаться человѣкомъ. Гольдсмитъ. А что скажете вы, сэръ, о томъ сумасшедшемъ шотландцѣ, который въ своей

брошюрѣ публично утверждалъ, что дикіе — самые счастливые изъ людей, и самъ велъ жизнь дикаго человѣка? *) — Джонсонъ. Я могу сказать только то, что здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Онъ хочетъ, чтобъ его замѣтили. Онъ влѣзетъ въ свиной хлѣвъ и будетъ тамъ жить до тѣхъ поръ, пока вокругъ него будетъ собираться народъ и покуда его станутъ вызывать оттуда. Оставьте его въ хлѣву одного, проходите мимо его пріюта, не оглядываясь, и потомъ поглядите, его уже тамъ не будетъ. Онъ вылѣзетъ, замѣтивши, что его никто не приглашаетъ на чистый воздухъ.

Одинъ изъ гостей замѣтилъ, что тотъ-же самый чудакъ силится доказать несуществованіе различія между порокомъ и добродѣтелью. — Сэръ, замѣтилъ лексикографъ, если вашъ шотландецъ говоритъ это для эффекта, значитъ онъ лжецъ; и я не понимаю, что за выгода человѣку выставлять себя лжецомъ. Но, если онъ дѣйствительно убѣжденъ, что порокъ и добродѣтель — одно и тоже, то, если намъ придется принимать его у себя за обѣдомъ, по его уходѣ нужно старательно пересчитывать наши столовыя ложки.

Одинъ изъ гостей, сказалъ, что мудрецъ имѣетъ полное право пренебрегать роскошью, удобствомъ и другими интересами жизни. — Джонсонъ. Еслибъ люди были дикарями и жили поодиначкѣ, въ лѣсу, оно было-бъ справедливо, но въ образованномъ обществѣ мы должны дорожить мнѣніемъ себѣ подобныхъ. Въ образованномъ обществѣ нельзя пренебрегать блескомъ и приличіемъ, — иначе мы себѣ же сдѣлаемъ невыгоду. Кому неизвѣстно, что человѣка въ порядочномъ платьѣ вездѣ примутъ лучше, чѣмъ образованнаго неряху, — вотъ вамъ фактъ, противъ котораго сказать нечего. Анализируйте его, допытывайтесь, отчего оно такъ, а всетаки кончится тѣмъ, что вы наденете хорошее платье, собираясь въ гости. Это уже частичка общей системы. Тоже самое и съ счастіемъ человѣческимъ: оно состроено изъ мелочей, каждая его частица, при анализѣ, кажется ничтожною и ни на что не надобною. Въ нашей вседневной жизни, деньги иногда значатъ болѣе, нежели наши добрыя качества; сдѣлайте повѣрку моимъ словамъ, то есть выйдите на улицу и встрѣтивши двухъ бѣдняковъ, дайте первому изъ нихъ шиллингъ, а второму прочитайте нѣсколько наставленій — и тогда взгляните, который посмотритъ на васъ ласковѣе, сэръ. Уильямъ Пештя говоритъ въ своемъ разсужденіи, по поводу употребленія денегъ, что каждый человѣкъ можетъ

*) Не смотря на всѣ старанія композиторовъ, и въ томъ числѣ Крокера, послѣдняго изъ нихъ, имя этого шотландца неизвѣстно, и брошюры, о которой идетъ рѣчь, нигдѣ не найдено.

удовлетворять всѣ свои естественныя потребности за три фунта стерлинга въ годъ. Нынче время тяжелое — удвоимъ эту сумму и получимъ шесть фунтовъ. И такъ, за шесть фунтовъ вы можете набивать свой желудокъ, укрываться отъ непогоды и прикрывать свое тѣло какою-нибудь звѣриной кожей. И такъ, сэръ, всякій доходъ, превышающій шесть фунтовъ, служитъ намъ на удовлетвореніе искуственныхъ потребностей и на пріобрѣтеніе должнаго уваженія со стороны нашихъ собратій. Имѣя шестьсотъ или шесть тысячъ фунтовъ въ годъ, вы имѣете, и должны имѣть, болѣе счастія, нежели-бъ вы могли имѣть его за шесть фунтовъ. Конечно, есть несчастливые богачи, но имѣть богатство, не значитъ еще умѣть употреблять его съ толкомъ. Руссо и послѣдователи его, увлекаются дѣтскимъ пристрастіемъ къ необыкновенному; они готовы лгать для того, чтобъ сказать что-нибудь новое. — Гольдсмитъ. Когда я въ первый разъ принялся писать, я далъ себѣ слово излагать только то, что казалось мнѣ *новымъ*. Но чуть приходила мнѣ въ голову какая-либо новая мысль, я тотчасъ примѣчалъ въ ней что-нибудь ложное. — Джонсонъ. Я тоже могу сказать про себя, сэръ. Когда я былъ еще мальчикомъ, во всякомъ спорѣ я защищалъ ложную сторону вопроса, — потому что защищая ее, имѣлъ возможность наговорить много замысловатыхъ, то есть новыхъ вещей. Возьмемъ, напримѣръ, воровство, я и теперь могъ-бы придумать искусные аргументы въ его защиту. Иной человѣкъ не знаетъ, что дѣлать съ своими деньгами, другому его состояніе служитъ во вредъ; воръ обокравши ихъ обоихъ, можетъ употребить ихъ капиталы въ свою пользу. Однако, сэръ, вора все-таки люди ловятъ, вѣшаютъ, и, дѣлая это, поступаютъ весьма разумно. Когда я скитался по Лондону безъ одного шиллинга въ карманѣ, я былъ мастеръ говорить объ удовольствіяхъ бѣдности, но совсѣмъ тѣмъ мнѣ было очень досадно на свою бѣдность. Поминутно мы говоримъ о томъ, какъ тяжело быть министромъ и лордомъ, а между тѣмъ каждый изъ насъ охотно сѣлъ-бы на его мѣсто.

Стали говорить вообще о людяхъ, оспаривающихъ факты давно дознанные и цѣлымъ свѣтомъ признанные за истину. — Джонсонъ. Оспаривать каждую истину очень легко, гораздо труднѣе на словахъ защищать ее. Пусть кто-нибудь изъ васъ вздумаетъ увѣрять, что на этомъ столѣ не поставлено соли, его очень трудно будетъ заставить сознаться, что соль, напротивъ того, находится на столѣ. Пойдемъ далѣе: я отвергаю фактъ о взятіи Канады англичанами, и мнѣніе свое подкрѣпляю слѣдующими доводами. Франція превосходитъ наше отечество количествомъ народонаселе-

нія, стало-быть у ней болѣе войска и она не допустить насъ отнять у себя цѣлый край. Но министерство увѣрило насъ, черезъ газеты, что Канада дѣствительно взята, и при томъ взятіе Канады подтверждается свидѣтельствомъ тысячи людей, дѣлавшихъ кампанію. Положимъ такъ, но интересъ этой тысячи людей приказываетъ имъ разсказывать, что они побили Французовъ, а не сами были побиты. Вы сами ѣдете въ Америку и удостовѣряетесь въ истинѣ общаго голоса; но я вамъ все-таки не вѣрю. А не смотря на всѣ эти аргументы, мы все-таки знаемъ, что Канада дѣйствительно взята. Общій голосъ дѣйствительнѣе всѣхъ умозрѣній.

Въ англійскомъ народѣ существуетъ суевѣрное преданіе о томъ, что мертвецы, являющіеся по ночамъ, неиначе рѣшаются говорить съ людьми, какъ тогда, если съ ними кто-нибудь заговоритъ. Докторъ Джонсонъ самъ себя называлъ мертвецомъ по разговорной части, въ какой-бы дружеской бесѣдѣ онъ не находился; поэтъ не затрогивалъ ни одного изъ обычныхъ предметовъ разговора, и сидѣлъ въ молчаніи до тѣхъ поръ, пока его о чемъ не спрашивали. Понятно, что при славѣ, которою пользовались Джонсоновы рѣчи, ему рѣдко приходилось сидѣть молча, совсѣмъ тѣмъ, во время обѣда или ужина, было не легкимъ дѣломъ заставить лексикографа участвовать въ общей бесѣдѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Босвелль въ своихъ запискахъ: «Садясь за столъ, онъ предавался ѣдѣ съ рѣдкимъ рвеніемъ; его взгляды прикованы были къ тарелкѣ, и съ кѣмъ-бы онъ не находился въ это время (исключая развѣ слишкомъ высокой компаніи), онъ не хотѣлъ ни смотрѣть вокругъ себя, ни слушать того, что при немъ говорилось, — до тѣхъ поръ, пока аппетитъ его не былъ удовлетворенъ. Онъ ѣлъ чрезвычайно много, и такъ торопился, что, во время жеванія, жилы у него вздувались на лбу, и на всемъ лицѣ выступала испарина. Для слишкомъ нѣжныхъ и непримѣнившихся къ его манерѣ людей, эти привычки были довольно противны, и я самъ признаюсь, что такая неумѣренность не совсѣмъ приличествовала характеру такого великаго философа. Вина онъ пилъ чрезвычайно много; но въ тотъ же годъ, какъ мы съ нимъ познакомились, онъ привелъ въ исполненіе свой домашній планъ воздержанія, и пересталъ пить вино.»

«Вся прошлая жизнь поэта, говоритъ Томасъ Маколей, — съ ея бѣдствіями и голодной порою, — видна намъ въ этомъ описаніи.

Вообще, съ помощью глубоко остроумныхъ и блистательныхъ замѣтокъ современнаго намъ критика, котораго слова только что приведены нами, почти всѣ странности Джонсона, передъ кото-

рыми недоумѣвали его современники, разъяснены какъ нельзя болѣе, и вмѣсто непріятнаго чувства, возбуждаютъ въ насъ глубокое участіе, какъ рѣзкіе и драгоцѣнные слѣды пережитой имъ литературной эпохи. Джонсоново пристрастіе къ столу, рѣзкіе переходы отъ замѣчательной невоздержности къ совершенному воздержанію уже объяснены нами; точно также объясняется и его постоянная лѣность, за которою всегда слѣдовали дни и недѣли лихорадочной дѣятельности. Одна духовная особа хвалилась передъ Джонсономъ въ томъ, что на сочиненіе проповѣди ей потребно было не болѣе недѣли времени при другихъ занятіяхъ. — Что значитъ недѣля времени при другихъ занятіяхъ, замѣтилъ лексикографъ, послѣ этого можно сказать, что я способенъ пройти пѣшкомъ одну милю въ недѣлю времени. Мнѣ самому заказывали проповѣди, и я кончалъ ихъ, садясь работать послѣ обѣда и къ вечеру отправляя ихъ на почту. Когда я принимаюсь работать, для меня не существуетъ остановка или отдыхъ; я помню, какъ, въ теченіе вечера, я написалъ сорокъ шесть печатныхъ страницъ in 8°; въ другой разъ, я перевелъ цѣлую французскую книгу, не вставая съ мѣста — правда, что при этомъ цѣлая ночь проведена была безъ сна. Строгій къ самому себѣ, испытавшій всѣ роды лишеній и бѣдъ, Джонсонъ былъ рѣшительно нечувствителенъ къ чужому горю, если причины его были слишкомъ нѣжны и тонки; разсказы объ оскорбленномъ самолюбіи несчастной любви, рушившихся честолюбивыхъ планахъ, наводили его на одни сарказмы. Какая-то леди, потерявъ нѣжно любимаго мужа, предавалась безмѣрному отчаянію. — Сэръ, сказалъ Джонсонъ одному изъ соболѣзнователей, — если-бъ она была прачкою и имѣла на рукахъ девятерыхъ дѣтей, ей нѣкогда было-бы потѣшать весь Лондонъ своимъ хныканіемъ. И въ тоже самое время этотъ, повидимому, жестокосердый эгоистъ, раздавалъ послѣднія свои деньги бѣднымъ людямъ, держалъ у себя на квартирѣ по нѣскольку стариковъ неимѣющихъ пропитанія, и предоставлялъ плату за свои сочиненія слѣпымъ и увѣчнымъ старухамъ.

Послѣ ужина, за бутылкой портвейна, своего любимаго напитка. Джонсонъ продолжалъ бесѣду по поводу Руссо. — Вашъ Руссо — скверный человѣкъ, и я охотно-бъ сослалъ его въ плантаціи.

Такъ какъ ночь давно уже наступила, и всѣ собесѣдники еще не собирались расходиться, то разговоръ, какъ оно часто случается послѣ ужина, перешелъ къ привидѣніямъ. Мнѣнія Джонсона объ этомъ предметѣ были необыкновенно странны — какъ

человѣка свѣтлаго и практическаго ума; онъ отказывался довѣрять страшнымъ исторіямъ, которыя ему доводилось слышать; но какъ человѣкъ своего времени, соединявшій въ себѣ и слабыя и блистательныя стороны своего вѣка, онъ не отвергалъ возможности сверхъ-естественныхъ видѣній и даже чародѣйства. Всѣ присутствующіе были моложе Джонсона и каждому изъ нихъ было желательно вывѣдать мнѣніе знаменитаго человѣка, о вопросѣ, въ то время еще не полагаемомъ въ числѣ рѣшеныхъ вопросовъ. — Джонсонъ. Я вѣрю, что воображеніе безпрестанно обманываетъ людей; но когда мнѣ разсказываютъ сверхъ-естественное событіе, я прежде всего смотрю на то, *возможно-ли* было воображенію служить для обмана въ этомъ дѣлѣ. Предположите, что я увидѣлъ бы ночью страшилище и услышалъ голосъ, который бы мнѣ сказалъ: Джонсонъ, ты дурной человѣкъ и за то получишь наказаніе, — такое видѣніе я немедленно отнесъ-бы къ дѣйствію воображенія, ибо я знаю свои недостатки и часто о нихъ думаю. Мысль моя настроена въ извѣстную сторону и воображеніе можетъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ. Но представьте себѣ, что вдругъ я вижу видѣніе и что оно говоритъ мнѣ о смерти какого-нибудь человѣка, обозначаетъ ея часъ, и такъ далѣе: такое видѣніе я уже не имѣю права относить къ дѣйствію воображенія. Въ этомъ случаѣ, воображеніе не имѣетъ для себя достаточнаго матеріала и впечатлѣніе должно имѣть свое начало *внѣ меня*. И если событіе, переданное мнѣ сверхъ-естественнымъ путемъ, вполнѣ подтверждается, то я имѣю полное право вѣрить видѣніямъ. Самъ я никогда не видалъ ничего подобнаго, и потому прилагаю при всякомъ случаѣ стараніе для того, чтобъ составить себѣ положительное мнѣніе объ этомъ предметѣ. Я зналъ людей, которые ни разу не лгали въ свою жизнь и эти люди увѣряли меня въ томъ, что имъ являлись сверхъ-естественныя существа: книгопродавецъ Кэвъ, о которомъ вы всѣ слышали, имѣлъ одно необыкновенное видѣніе въ свою жизнь и всегда говорилъ о немъ съ ужасомъ, неохотно. — Босвелль. Какъ-же описывалъ онъ явившееся ему существо, какъ могъ онъ его видѣть, если оно не имѣло тѣла? — Джонсонъ. Сэръ, онъ говорилъ мнѣ, что оно походило на обыкновенную тѣнь отъ человѣческаго тѣла. Что же касается до мужчинъ и женщинъ, занимающихся чародѣйствомъ, то въ истинѣ этого убѣждаютъ насъ тысячи уголовныхъ дѣлъ и добровольныхъ признаній самихъ преступниковъ *). Исторія по-

---

*) Не нужно забывать, что даже въ концѣ XVIII столѣтія, въ Шотландіи и сѣ-

казываетъ намъ съ необыкновенной ясностью, что всѣ народы вѣрили и вѣрятъ въ чародѣйство, и кромѣ того, я убѣжденъ въ возможности загробныхъ явленій, а потому и я не смѣю ставить своей ничтожной опытности противъ свидѣтельства вѣковъ и поколѣній. — Босвелль. У насъ, въ Шотландіи, лучшіе юристы и судьи требуютъ отмѣны законовъ противъ колдовства, и процессовъ по этимъ дѣламъ никто почти не начинаетъ. — Джонсонъ. Сэръ, это доказываетъ что нравы народа измѣнились, что преступныя науки искореняются.

Тутъ одинъ изъ собесѣдниковъ, человѣкъ новаго поколѣнія, замѣтилъ, что въ послѣднее время всѣ страшныя исторіи развязываются забавнымъ образомъ и объясняются естественнымъ путемъ. Онъ привелъ въ примѣръ событіе, случившееся, прошлый годъ, въ домѣ пастора Эльдриха въ Кокъ-Ленѣ. Въ квартирѣ этого господина каждую ночь происходилъ необыкновенный шумъ, слышались вопли, и одна горничная дѣвушка, тутъ проживавшая, разсказывала, что ей каждую ночь являлось страшилище и разсказывало о какомъ то неслыханномъ и кровавомъ преступленіи, здѣсь совершенномъ и требующемъ отмщенія. Говорятъ, что многіе, даже умные люди, поддались на эту исторію, и нѣсколько дней провозились въ ужасномъ домѣ, повсюду доискиваясь привидѣнія, и наконецъ ушли, ничего не увидѣвши. — Сэръ, прервалъ Джонсонъ въ негодованіи, я самъ находился въ числѣ этихъ умныхъ людей и самъ возился около духовидицы, имѣя въ виду или открыть обманъ, или изслѣдовать вопросъ, заслуживающій вниманія, а не насмѣшки. Мой другъ, Сондерсъ Уельшъ, всѣми силами отговаривалъ меня отъ этого изслѣдованія, предсказывая, что я съ моими товарищами попадемъ подъ насмѣшки праздной толпы; я самъ зналъ это — и все-таки присутствовалъ при разспросахъ дѣвушки, слышалъ странный шумъ, которымъ она, по всѣй вѣроятности, обманывала, и ходилъ въ Клеркенвелль искать мертвое тѣло, котораго не отъискалось. Невѣжды могли смѣяться надъ нами, но мы были правы, потому что нами руководила любознательность и желаніе допытаться истины. Всю эту исторію мы описали въ газетахъ и тѣмъ прекратили вздорные толки суевѣрныхъ болтуновъ. — Босвелль. Правда ли, сэръ, что Футъ *), послѣ этой исторіи, имѣлъ намѣреніе вывести васъ на сцену и даже сочинилъ комедію, въ которой должна

верныхъ провинціяхъ Англіи, чародѣи преслѣдовались законнымъ порядкомъ, хоть все рѣже и рѣже.

*) Актеръ и содержатель театра, на которомъ разъигрывались фарсы и народныя комедіи, Футъ обладалъ рѣдкимъ даромъ копировать лицо, походку и манеры

была дѣйствовать кокъ-ленская дѣвушка, привидѣніе и вы сами, подъ именемъ *синьора Помпою?* — Джонсонъ. Совершенная правда, сэръ: современный Аристофанъ имѣлъ намѣреніе поддѣлаться подъ мою физіономію и позабавить ею своихъ почитателей; но я далъ ему замѣтить, черезъ пріятелей, что въ такомъ случаѣ истинный Джонсонъ придетъ на сцену и задастъ своему двойнику преисправную потасовку передъ всѣми зрителями. Такъ пьеса и не пошла; но это обстоятельство не помѣшало намъ остаться добрыми пріятелями. — Босвеллъ. Нужно сознаться, что Футъ — человѣкъ необыкновенной веселости. — Джонсонъ. Вы совершенно правы.—Босвеллъ. И обладающій большимъ талантомъ.— Джонсонъ. Сэръ, съ этимъ я не могу согласиться. Футъ мастеръ представить вамъ одного какого-нибудь человѣка, и только. Онъ похожъ на живописца, который умѣетъ рисовать только людей, неописанно безобразныхъ. Такой живописецъ, конечно, умѣетъ снять портретъ съ человѣка, имѣющаго на лицѣ что-нибудь особенное, рубецъ или шишку, но дайте ему простое лицо, и онъ станетъ въ тупикъ. Тоже и съ Футомъ. Если вы имѣете привычку скакать на одной ногѣ, Футъ тоже проскачетъ на одной ногѣ и представитъ васъ въ точности. Комикъ представляетъ намъ странности и пороки цѣлой породы людей; — Футъ можетъ дать вамъ понятіе о странностяхъ только одной единицы изъ всей этой породы. — Гольдсмитъ. Правда-ли, что Футъ, человѣкъ дурной нравственности? — Джонсонъ. Я рѣшительно не знаю какой онъ нравственности; если онъ дурно ведетъ себя, то, вѣроятно, по той-же причинѣ, по какой и собака иногда ведетъ себя дурно; короче сказать, онъ никогда не думалъ ни о нравственности, ни о своемъ поведеніи. — Босвеллъ. Способность этого человѣка, поднимать на смѣхъ своихъ знакомыхъ, заслуживаетъ осужденіе: почти всѣ пріятели Фута выведены имъ на сцену и обращены въ посмѣшище. — Джонсонъ. Вольно же вамъ, сэръ, отправляясь къ Футу, вообразить, что вы идете къ человѣку неслыханной добродѣтели. Онъ идетъ къ вамъ въ гости за тѣмъ, чтобъ вывести васъ на театръ,—и къ себѣ зоветъ васъ для той-же самой цѣли. Веселость его не подлежитъ никакому сомнѣнію, и я всю свою жизнь не видалъ ничего подобнаго этой громкой, задушевной, безтолковой веселости, къ которой ни одинъ человѣкъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Въ первый разъ я встрѣтился съ Футомъ на обѣ-

---

лицъ, извѣстныхъ въ публикѣ; пользуясь своимъ искусствомъ, онъ собиралъ большія деньги и былъ любимцемъ охотниковъ до скандала.

дѣ у Фицгерберта, и такъ-какъ я былъ предубѣжденъ противъ комедіанта, то былъ не совсѣмъ въ духѣ смѣяться его шуткамъ. При началѣ обѣда я больше молчалъ и, кажется, хмурился, но едва прошло нѣсколько минутъ, какъ я долженъ былъ кинуть вилку и ножикъ, опрокинуться на спинку стула и хохотать отъ всего сердца. Футъ въ то время бросался въ разныя спекуляціи и участвовалъ въ торговлѣ пивомъ, и пиво свое доставлялъ знакомымъ и между прочимъ и для Фицгербертовой прислуги. Пиво было такъ противно на вкусъ, что люди не могли его пить и рѣшились доложить о томъ хозяину. Слуга, обязанный принести эту жалобу, прислуживая за столомъ, все время стоялъ около Фута, и когда обѣдъ кончился, прибѣжалъ къ своимъ товарищамъ въ неслыханномъ восторгѣ. «Я буду вѣчно пить это скверное пиво», сказалъ онъ имъ: «у меня не достаетъ духа жаловаться хозяину на такого человѣка. Мистръ Футъ, самый дивный джентльменъ во всемъ мірѣ!» — Гольдсмитъ. Недавно, навѣстивъ Фута, я увидѣлъ на его бюро очень хорошенькій бюстъ Геррика и заглядѣлся на него. «Вотъ вы и удивляетесь, замѣтилъ хозяинъ, что я подпускаю нашего Дэви такъ близко къ своимъ деньгамъ?... развѣ не видите, что у него *рукъ нѣту?*» Джонсонъ и всѣ собесѣдники расхохотались, прослушавъ эту остроумную выходку современнаго Аристофана, и ужинъ окончился какъ нельзя веселѣе. Тѣ изъ гостей, которые были давно знакомы съ знаменитымъ писателемъ, слушая его оживленный разговоръ и отдавая справедливость его рѣдкой увлекательности, сознались съ изумленіемъ, что года не только не принесли съ собою слабости, но, скорѣе, укрѣпили и оживили свѣтлый умъ Джонсона. Въ молодости ему нѣкогда было говорить много; въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ былъ подверженъ жестокой нравственной болѣзни, нагнавшей на него черную меланхолію, и только съ наступленіемъ старости и, что еще вѣроятнѣе, со времени устройства своихъ домашнихъ обстоятельствъ, поэтъ безспорно овладѣлъ тою живостью души, безъ которой трудно блистать въ какой-бы то ни было бесѣдѣ.

Здѣсь мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе отъ разсказа, съ цѣлью извиниться передъ читателемъ въ тѣхъ небольшихъ уклоненіяхъ отъ исторической истины, въ которыя мы вовлечены, и будемъ вовлекаться вслѣдствіе стремленія сдѣлать нашъ трудъ наиболѣе понятнымъ и интереснымъ для русскихъ читателей нашего времени. Ни объ одномъ изъ британскихъ писателей, кромѣ трехъ: Мильтона, Шекспира и Байрона, не писано въ Англіи такъ много, какъ о Самуилѣ Джонсонѣ; не говоря уже о запискахъ

г-жи Піоцци, сира Бюрней и Гаукинсъ, не говоря о множествѣ отдѣльныхъ статей, печатавшихся въ теченіе ста послѣднихъ лѣтъ, и имѣвшихъ цѣлью розысканіе главныхъ фактовъ Джонсоновой жизни, — одна его біографія, писанная Босвеллемъ поражаетъ своей огромностью и разнообразіемъ матеріаловъ. Каждая замѣтка, каждое острое слово лексикографа записано въ этихъ сочиненіяхъ съ такою ясностью, что можно и нынѣ обозначить тотъ годъ и тотъ мѣсяцъ, когда онѣ были сказаны. Мы бы могли, передавая афоризмы и застольныя диссертаціи (table talk) поэта, держаться хронологическаго порядка изрѣченій съ полной тщательностью, но такая отчетливость не въ мѣру расширила бы предѣлы и безъ того обширной статьи, и не принесла-бъ ровно никакой пользы для публики. Кромѣ того, связавъ себя такой аккуратностью, мы необходимо дойдемъ до нѣкотораго *босвеллизма* и невольно примемся передавать читателю рѣчи и слова или вовсе не любопытныя, или интересныя только для англичанъ XVIII столѣтія. Многое изъ того, что передано потомству стараніями Босвелля и мистриссъ Піоцци, утратило свою живость въ печати; многое требуетъ комментаріевъ длинныхъ и утомительныхъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, мы рѣшились, передавая Джонсоновы разговоры, держаться хронологическаго порядка бесѣдъ, настолько, чтобъ не впадать въ анахронизмы историческіе и литературные, а, оградивъ себя съ этой стороны, группировать анекдоты, острыя слова и умныя замѣтки по собственному нашему усмотрѣнію. Люди, хорошо знакомые съ англійскою словесностью, безъ труда отыщутъ всѣ мѣста, въ которыхъ мы не строго слѣдовали источникамъ: остальные же читатели, конечно, простятъ намъ небольшую вольность разсказа за новость и интересъ сообщаемыхъ здѣсь подробностей.

III.

Мнительность Босвелля. — Джонсоновы наставленія по поводу чтенія и жизни вообще. — Лѣность, школы и строгое обхожденіе воспитателей. — Леди Эрроль. — Счастливѣйшая пора человѣческой жизни. — Порядокъ составленія Джонсонова словаря. — Жадность книгопродавцевъ. — Трудность работы. — Клобъ, Бучинсъ и разговоръ для побѣды. — Поѣздка въ Гринвичъ. — Малое сочувствіе природѣ. — Панегирикъ Лондону. — Сельское уединеніе. — Гринвичскій паркъ и споры — Поѣздка въ Гэрвичъ. — Поученіе по поводу недоумѣнія. — Слѣпой поэтъ Блеклокъ. — Обычай удивлять людей. — Ужинъ въ Кольгатерской гостинницѣ. — Тепсти. — Ночная бабочка. — Томсонъ, Попъ и Свифтъ. — Презрѣніе Джонсона къ нападеніямъ противниковъ; его мысли объ этомъ предметѣ. — Прощаніе обоихъ пріятелей. — Система Берклю. — Отъѣздъ Босвелля.

Между-тѣмъ подходило время разлуки Босвелля съ его знаменитымъ другомъ; — будущему лорду Охинлекку необходимо было

думать о поѣздкѣ въ Утрехтъ и торопиться отъѣздомъ, чтобъ не опоздать къ тамошнимъ курсамъ. Свиданія молодого человѣка съ Джонсономъ происходили почти ежедневно, и бесѣды ихъ часто продолжались почти до утра. Слабый здоровьемъ и мнительный, Босвелль, къ самому наслажденію примѣшивалъ безпокойство: то ему казалось, что лексикографъ внезапно къ нему охладѣлъ, то воображалось ему, что онъ не перенесетъ разлуки съ великимъ человѣкомъ. Безсонныя ночи и частое употребленіе портвейна, соединенные съ усиленнымъ трудомъ у себя дома — Босвелль каждый день велъ журналъ Джонсоновыхъ дѣлъ и изрѣченій — показывали молодому человѣку, что изъ всѣхъ знакомствъ съ знаменитостями, настоящее было едва ли не самымъ хлопотливымъ. Можетъ быть желая похвастаться своими сношеніями, Босвелль, разговаривая съ Джорджемъ Двипстеромъ, членомъ парламента, далъ ему замѣтить, что долгое сидѣнье и питье вина съ Джонсономъ повредило его нервамъ. На это получилъ онъ такой отвѣтъ: «Лучше вамъ умереть отъ паралича, нежели уклоняться отъ бесѣды съ такимъ человѣкомъ!» Само собой разумѣется, что Босвелль и въ умѣ не держалъ никакихъ уклоненій, а жалуясь на неудобства связи съ Джонсономъ, желалъ, какъ говорится, немного пококетничать.

Старый писатель не въ шутку начиналъ интересоваться занятіями и будущими планами молодого своего почитателя; видясь съ нимъ часто наединѣ, особенно по утрамъ, онъ давалъ ему совѣты, полные практическаго смысла и остроумнаго, хоть подчасъ слишкомъ великобританскаго взгляда на жизнь и обязанности человѣка. — Сэръ, говорилъ онъ Босвеллю, — я долженъ сказать вамъ, что будущее ваше званіе, — званіе шотландскаго помѣщика, съ многочисленными и зависящими отъ васъ существами, есть одно изъ важнѣйшихъ званій, на которое человѣкъ можетъ разсчитывать. Лондонскій банкиръ, хоть бы онъ имѣлъ сто тысячъ франковъ, не значитъ ровно ничего. Англійскій герцогъ, обладающій большими богатствами, тоже значитъ не болѣе: у него нѣтъ подчиненныхъ, которые ввѣрены его патріархальной заботливости и которые соберутся вокругъ него съ оружіемъ, если отечество будетъ въ опасности. Вы ѣдете за границу, сэръ, и перемѣна мѣста должна содѣйствовать вашему образованію. Ищите мѣстъ, гдѣ проживаетъ болѣе государственныхъ и ученыхъ людей; не слѣдуйте примѣру путешественниковъ, которые рыскаютъ по свѣту за тѣмъ, чтобъ взглянуть на какую нибудь гору и, вздыхая, прислушиваться къ журчанію ручейка. Меня упрекаютъ въ томъ, что

я холоденъ къ красотамъ природы, и я не вижу надобности скрывать своего образа мыслей: для меня тотъ садъ хорошъ, въ которомъ много плодовъ и кореньевъ, и тотъ источникъ пріятенъ, въ которомъ водится порядочная рыба. Я, напримѣръ, не люблю такой край, гдѣ нѣтъ лѣса, но я готовъ жить и на такой мѣстности, если буду знать, что встрѣчу тамъ людей и пользу для своей головы. Старайтесь объѣздить страны не такъ извѣстныя путешественникамъ: я совѣтовалъ бы вамъ пожить подолѣе въ Испаніи, которой огромная часть ни кѣмъ не описана и не изслѣдована ни въ какомъ отношеніи. Если время вамъ позволитъ, ведите полный и чистосердечный дневникъ всему случившемуся съ вами; во-первыхъ, эта работа будетъ для васъ полезнымъ упражненіемъ, а во-вторыхъ, она всю жизнь при васъ останется и сдѣлается источникомъ пріятныхъ воспоминаній. Только, чтобъ не давать разгуляться вашему самолюбію, дайте себѣ заранѣе слово никому не показывать своего дневника и истребить его передъ смертью. — Босвелль. Я боюсь, что принявшись за дневникъ, я буду наполнять его множествомъ мелкихъ и ничтожныхъ подробностей. — Джонсонъ. Сэръ, на свѣтѣ нѣтъ ничего мелкаго и ничтожнаго для такого мелкаго и ничтожнаго существа, каковъ человѣкъ. *Только углубляясь разсудкомъ въ мелочи, мы выучиваемся великой наукѣ быть наиболѣе счастливыми и испытывать несчастій какъ можно менѣе.*

— Когда вамъ придется, продолжалъ Джонсонъ, оставаться гдѣ нибудь на мѣстѣ для слушанія курсовъ той или другой науки, старайтесь выбрать для себя коллегію постариннѣе, товарищей разнообразнѣе и преподавателя извѣстнаго своей ученостью. И въ дѣтствѣ, и въ зрѣломъ возрастѣ, школа поучаетъ насъ многому, кромѣ самой науки. Я воспитывался въ двухъ первоначальныхъ школахъ и могу говорить по опыту: въ первой изъ нихъ меня многому выучила сама школа, а не учитель, во второй я заимствовалъ многое отъ дѣльнаго учителя, но сама школа принесла моему уму не много пользы.

— Правду ли говорятъ, спросилъ Босвелль, что первый изъ вашихъ воспитателей, мистръ Уелтворсъ, обходился съ вами неимовѣрно строго. — Джонсонъ. Сэръ, онъ былъ совершенно правъ; я не могу на него очень жаловаться, — я былъ упрямымъ мальчишкой. Это былъ человѣкъ чрезвычайно способный, но лѣнивый до крайности. Можетъ быть, вслѣдствіе его-то вліянія я всю свою жизнь ощущаю живѣйшую потребность ничего не дѣлать. Еслибъ онъ былъ ко мнѣ еще строже, можетъ быть и изъ меня

вышелъ бы другой человѣкъ, но мой воспитатель иногда лѣнился быть жестокимъ. Да, сэръ, вы можете удивляться, а я всегда буду поддерживать то мнѣніе, что строгость, даже жестокость, необходимы при воспитаніи; если взрослые люди бѣгаютъ отъ дѣльныхъ занятій, то чѣмъ приманите вы къ нимъ ребенка? Когда Лакстонъ спрашивалъ меня, отчего я такъ хорошо знаю латинскій языкъ? *) я сказалъ ему — оттого, что мой учитель сѣкъ меня нещаднымъ образомъ! Наказывая насъ, онъ приговаривалъ безпрестанно: «это я дѣлаю для того, чтобъ вы не были современемъ повѣшены». — Босвелль. Леди Эрроль, дама знаменитой шотландской фамиліи и сосѣдка наша по владѣніямъ, имѣвшая шестерыхъ дочерей и двухъ сыновей, никогда не наказывала ни одного изъ нихъ. — Джонсонъ. Сэръ, она поступаетъ весьма дурно. Пусть дѣти боятся палки и учатся отъ страха, это гораздо лучше, чѣмъ учиться изъ тщеславія или желанья блеснуть передъ своими сверстниками. Розги, безспорно, доставляютъ непріятное ощущеніе, но оно прекращается само-собою, не порождая дурныхъ чувствъ, между тѣмъ какъ развивая соперничество между дѣтьми, вы поощряете ихъ на хвастовство и на долгую взаимную ненависть. Братья и сестры начинаютъ ненавидѣть другъ друга, — и вотъ плоды вашего малодушія!

— Сэръ, сказалъ ему однажды Босвелль въ минуты особенно живого восторга, — сэръ, не прошло нѣсколько мѣсяцовъ со дня нашего знакомства, а я уже начинаю чувствовать себя совершенно свободнымъ въ вашемъ присутствіи; спрашиваю васъ о чемъ мнѣ вздумается и, можетъ быть, наскучаю вамъ своими разспросами. Отчего съ моимъ роднымъ отцомъ я никогда не былъ такъ откровененъ, какъ съ вами; хотя онъ немногимъ старѣе васъ и не обладаетъ ни вашей славой, ни вашей ученостью. — Джонсонъ. Оттого, сэръ, что я живу въ свѣтѣ и выучился приспособляться къ людямъ, какъ оно водится въ свѣтѣ. Вашъ отецъ занимаетъ должность судьи въ отдаленномъ уголку острова и принадлежитъ къ людямъ стараго покроя.

— Помните, говорилъ Джонсонъ, продолжая свои наставленія, что лѣность есть болѣзнь, отъ которой нужно поминутно лечиться. Полнаго плана занятіямъ я не совѣтую вамъ придерживаться: — я самъ бросалъ всѣ планы такого рода на другой день послѣ ихъ

---

*) Джонсонъ считался первымъ латинистомъ во всей Великобританіи и, вѣроятно, Европѣ.

составленія. Читать должно по возможности только то, что доставляетъ вамъ удовольствіе; читать насильно, значитъ то же, что не читать почти ничего. Посвятите часовъ пять въ сутки на чтеніе и ваша голова обогатится многими свѣдѣніями. Остерегайтесь читать древнихъ писателей слишкомъ ревностно, не то зачитаетесь до того, что получите къ нимъ отвращеніе и не будете въ силахъ продолжать вашихъ занятій; напротивъ того, чуть начнетъ васъ утомлять выбранный вами писатель, оставьте его до слѣдующаго дня и перейдите къ другимъ занятіямъ. Не пренебрегайте легкимъ чтеніемъ; между трудомъ беритесь иногда за интересныя мелочи, только выбирайте ихъ старательно, потому что вещь, прочитанная для отдохновенія, имѣетъ способность врѣзываться въ нашу память съ особеннымъ постоянствомъ. Будьте заранѣе готовы на всякое горе и непріятности, для того, чтобъ встрѣтить ихъ равнодушнѣе, и не разсчитывайте на невозможное счастіе. Время истиннаго счастія прошло и для меня и для васъ — вы догадываетесь, что я говорю про одну только блаженную пору въ жизни человѣка, пору его школьнаго воспитанія. — Босвелль. Сэръ, въ этомъ мнѣніи позвольте не согласиться съ вами; я всегда думалъ и думаю, что чѣмъ зрѣлѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ способенъ изведывать счастіе, а о порѣ школьной я никогда не вспоминаю съ удовольствіемъ, — по моему, это пора горя и тревоги. — Джонсонъ. Ахъ, сэръ, вы не испытали человѣческаго горя и людскихъ глупостей. Школьникъ боится только одного, быть высѣченнымъ, но что значитъ это опасеніе въ сравненіи съ опасеніемъ за свою извѣстность. — Босвелль. Сэръ, вамъ ли имѣть опасенія такого рода, послѣ всего, что вы сдѣлали въ свою жизнь? — Джонсонъ. Все это ничего не значитъ: чѣмъ значительнѣе слава, тѣмъ готовѣе мы за нее бояться. — Босвелль. И эти слова слышу я отъ автора знаменитаго словаря; отъ поэта, воспѣвавшаго Лондонъ и тщету человѣческихъ желаній. Кстати, сэръ, я давно желалъ спросить у васъ, какого рода занятіями приготовили вы себя къ этому неслыханному для одного человѣка труду, я разумѣю къ составленію лексикона. — Джонсонъ. Сэръ, я не могу вамъ дать на это положительнаго отвѣта. Я не готовился къ изданію: учась разнымъ наукамъ и читая разныя книги я не имѣлъ въ виду составленія изданія, для котораго нужны всѣ книги и всѣ науки. Я не скоплялъ массы потребныхъ свѣдѣній, она сама не замѣтно выросла въ моей головѣ. Я помню, что за нѣсколько лѣтъ до начала предпріятія, когда я сидѣлъ въ лавкѣ моего брата Роберта, онъ началъ говорить, что Англія нуждается въ подобномъ сочиненіи.

Я выслушалъ и сказалъ, что не мнѣ за него приниматься. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, я почувствовалъ себяноспособнѣе на подобный трудъ и составилъ планъ изданія, который показалъ книгопродавцу Роберту Додслею. Черезъ нѣсколько времени этотъ джентльменъ, вступивъ въ компанію съ Лонгманомъ, Гичемъ, Миллеромъ и Нептономъ, предложили мнѣ взяться за работу. По условію я долженъ былъ получить съ нихъ тысячу пятьсотъ-семдесятъ пять фунтовъ (около 8,000 р. с.) *). Я взялся кончить все дѣло въ три года. Тогда я жилъ въ Гольборнѣ, а потомъ въ Флитъ-Стритѣ, и въ обоихъ помѣщеніяхъ имѣлъ верхнюю комнату, устроенную въ видѣ конторы; тамъ засѣдало шестеро переписчиковъ. Главное мое занятіе состояло въ расположеніи словъ съ обозначеніемъ ихъ этимологіи, значенія и различныхъ смысловъ. Какъ вамъ извѣстно, ко многимъ изъ словъ прибавлены, съ цѣлью поясненія, цитаты изъ нашихъ лучшихъ писателей, способныя пояснить мои собственныя толкованія. Пріискиваніе книгъ, цитатъ, составляло порядочную часть труда; я самъ или выписывалъ ихъ на небольшіе листки, или отмѣчалъ ихъ въ книгѣ карандашемъ, и затѣмъ передавалъ своимъ сотрудникамъ, то-есть копіистамъ. Всѣ издержки по заготовленію изданія падали на меня, а издатели были такъ безсовѣстны, что одинъ разъ, когда имъ принесли въ типографію тетради, исписанныя по обѣ стороны листа, они воротили ихъ мнѣ, говоря, что нужно писать только на одной сторонѣ, для удобства работникамъ. Я долженъ былъ снова велѣть переписывать, и приплатилъ своихъ двадцать фунтовъ. — Босвелль. Я помню, вы разъ говорили при мнѣ, что для васъ легче написать страницу стиховъ, нежели пріискать опредѣленіе одного слова. — Джонсонъ. Это совершенная правда, и вамъ легко въ томъ убѣдиться, попробовавъ такую работу, хотя словъ для пяти или десяти. Нѣтъ работы, отъ которой разсудокъ приходилъ бы въ подобное состояніе напряженія; при ней, вы чувствуете, что обязаны охватить цѣлый предметъ и выразить свою мысль въ нѣсколькихъ словахъ, къ которымъ было бы нечего добавлять. Сочиняя поэмы, я иногда писалъ до семидесяти стиховъ въ одинъ день, и, написавши ихъ, не чувствовалъ ни малѣйшей усталости. Трудясь надъ словаремъ, я всякій день доходилъ до изнеможенія, а все-таки я окончилъ бы его въ три года, еслибъ не былъ отвлеченъ посто-

*) Сумма эта, значительная въ то время, покажется весьма жалкою, если сообразить, что Джонсонъ долженъ былъ отъ себя нанимать писателей-компиляторовъ, покупать книги, и прочая.

рованными работами *). — **Босвелль**. Какія же, сэръ, были развлеченія ваши въ продолженіе этого убійственнаго труда. — **Джонсонъ**. Сэръ, я переходилъ къ другимъ работамъ, сочинялъ поэму и заказанныя мнѣ предисловія къ чужимъ сочиненіямъ. Я составилъ въ это время маленькій клубъ, который разъ въ недѣлю сходился въ трактиръ King's Head, и гдѣ участвовали между прочими Дайеръ, Батерстъ и Гоукинсъ. Разъ въ недѣлю мы спорили о ученыхъ и другихъ предметахъ, засиживались до ночи, и на утро возвращались къ своимъ работамъ.

Вотъ что говоритъ другой изъ біографовъ Джонсона, сэръ Джонъ Гоукинсъ, о вечернихъ бесѣдахъ вышеозначеннаго клуба. «При нашихъ собраніяхъ, мнѣ легко было замѣтить, съ какой пріятностью толковалъ Джонсонъ о всѣхъ предметахъ, и тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что онъ не всегда бывалъ однообразенъ въ своихъ мнѣніяхъ и часто противорѣчилъ самому себѣ, сражаясь *для* побѣды, а не *для* истины. То говорилъ онъ, что Англія нисколько не измѣнила своихъ обычаевъ за послѣднія столѣтія, то находилъ, что они во многомъ измѣнились. Иногда онъ опровергалъ всѣми дознанныя истины; такъ, одинъ разъ, онъ принялся спорить противъ того, что съ развитіемъ народнаго богатства развивается роскошь, а въ другой — сталъ утверждать, что картежная игра нынѣ развилась меньше, чѣмъ въ предъидущее столѣтіе. Никто изъ насъ не обижался такою неровностью убѣжденій; мы знали, что Джонсонъ рожденъ для преобладанія во всякомъ разговорѣ, и никто изъ насъ не оспаривалъ у него этого права. Въ то время онъ былъ часто подверженъ припадкамъ самой черной меланхоліи, но не слѣдуетъ думать, чтобъ вслѣдствіе того онъ былъ врагомъ веселости; у него часто бывали свѣтлыя минуты, и онъ обладалъ рѣдкимъ *юморомъ*, подъ который невозможно было подделаться.»

За три дня до отъѣзда Босвелля, іюля 30, оба пріятели наняли лодку и отправились провести день въ Гринвичѣ. Всякому извѣстно что нибудь о красотѣ береговъ Темзы между Лондономъ и Гринвичемъ, и мы можемъ только прибавить отъ себя, основываясь на свидѣтельствѣ старинныхъ писателей, что эти прославленныя мѣста, въ прошломъ столѣтіи, были едва ли не красивѣе, чѣмъ въ настоящіе годы, когда непомѣрное распространеніе Лондона угрожаетъ обращеніемъ всего названнаго мѣста въ сплошной рядъ фабрикъ и го-

---

*) Объявленіе о Словарѣ напечатано было въ 1747 году, самый трудъ оконченъ былъ въ 1755.

родскихъ зданій. Мы уже видѣли, что Джонсонъ не былъ горячимъ поклонникомъ красотъ природы — обстоятельство довольно извинительное по причинѣ его дурного зрѣнія; Босвелль, родившійся въ поэтической Шотландіи, и обладавшій хорошими глазами, былъ въ этомъ отношеніи еще не чувствительнѣе лексикографа. У того и другого было въ карманѣ по книгѣ; въ осьмнадцатомъ столѣтіи никто не отправлялся гулять за городъ безъ какихъ либо стихотвореній подъ кафтаномъ. Быстро двигаясь по теченію блистательной рѣки, Джонсонъ и молодой шотландецъ не нашли лучшаго предмета для разговора, кромѣ древней литературы и древнихъ поэтовъ. — Сэръ, спросилъ Босвелль, неужели вы думаете, что изученіе латинскаго и греческаго языковъ есть необходимое условіе для всякаго хорошаго воспитанія. — Джонсонъ. Я убѣжденъ въ этомъ отъ всей души, потому что вижу огромную разницу между людьми, не знающими этихъ языковъ, и тѣми, которые съ ними знакомы. Стоитъ только подумать о томъ, сэръ, какой отпечатокъ кладетъ образованіе на каждаго человѣка во всѣхъ случаяхъ жизни, — и даже въ такихъ, гдѣ, повидимому, нечего дѣлать образованію. — И, однако, замѣтилъ Босвелль, мы поминутно видимъ людей, которые живутъ на свѣтѣ очень хорошо, и исполняютъ удовлетворительно свои обязанности, не имѣя образованія. — Джонсонъ. Я не утверждаю, чтобъ всѣ житейскія занятія, для нашего успѣха, требовали образованности отъ человѣка имъ предавшагося; вы сами видите, тутъ онъ указалъ на гребца, — этотъ мальчикъ, котораго мы наняли, дѣлаетъ свое дѣло очень хорошо, хотя и ничего не знаетъ объ Аргонавтахъ, первыхъ морякахъ древности. И оборотясь къ лодочнику, Джонсонъ спросилъ его: много ли бы далъ ты за то, чтобъ имѣть понятіе о томъ, что были Аргонавты? Мальчикъ, видѣвшій на своемъ вѣку много всякаго народа, догадался, что имѣетъ дѣло съ учонымъ домини *). «Сэръ, отвѣчалъ онъ безъ запинки, я далъ бы все, что могу дать». — Ты получишь за это двойную плату! сказалъ Джонсонъ изъявляя всѣ признаки большого удовольствія. — Вотъ вамъ, сэръ, продолжалъ онъ обращаясь къ Босвеллю, явное доказательство того, что родъ человѣческій стремится къ пріобрѣтенію познаній. Жажда новыхъ свѣдѣній показываетъ намъ, что умъ нашъ требуетъ пищи точно также, какъ и тѣло, и всякій неразвращенный еще человѣкъ готовъ отдать все, что можетъ, для утоленія этой жажды.

---

*) Dominie, народное выраженіе въ Англіи, для обозначенія вообще ученыхъ чудаковъ.

Высадившись на берегъ, близъ новаго лондонскаго моста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ѣзда по рѣкѣ была опасна *), ученые пріятели прошлись немного по набережной, и начиная отъ Биллингсгета, снова поѣхали по Темзѣ. День былъ превосходный: серебряная рѣка была почти загружена безчисленными судами; на обѣихъ ея берегахъ высились аристократическія виллы и тянулись густые сады. Лондонъ былъ любимымъ мѣстомъ Джонсона, всегда называвшаго столицу Англіи первымъ мѣстомъ во всей вселенной, великимъ театромъ для генія и труда человѣческаго. Провозглашать панегирики Лондону было великимъ наслажденіемъ для лексикографа и на этотъ разъ, въ виду чудесъ роскоши и промышленности, дѣятельности, кипѣвшей на рѣкѣ и ея берегахъ, онъ не упустилъ случая еще разъ поговорить о великомъ театрѣ для человѣческаго генія. — Жить въ Лондонѣ, есть счастіе, началъ онъ, и тотъ, кто не знаетъ Лондона, никогда не пойметъ этого счастія. Я смѣло скажу, что въ окружности какихъ нибудь десяти миль около этого пункта мы найдемъ болѣе знанія и образованности, нежели на всемъ остальномъ пространствѣ королевства. — Босвелль. Я нахожу одно неудобство въ Лондонѣ, это ужасныя разстоянія, на которыхъ иногда случается жить близкимъ людямъ. — Джонсонъ. Но эти разстоянія показываютъ огромность города, а его огромность и есть причина всѣхъ его совершенствъ. — Босвелль. Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ, чтобъ я оставлялъ столицу Англіи безъ сожалѣнія. — Джонсонъ. Иначе и быть не можетъ, сэръ; — ни одинъ человѣкъ, считающій себя другомъ образованности, не разстается съ Лондономъ хладнокровно. Но пусть вамъ служитъ утѣшеніемъ хотя то обстоятельство, что вы его видѣли, жили въ немъ и наслаждались имъ. Вы видѣли жизнь въ ея высшемъ развитіи, и цѣлый свѣтъ уже не можетъ представить ничего новаго. Правда, вы еще видѣли далеко не все въ нашемъ городѣ. Сэръ, кто желаетъ составить себѣ идею о величіи Лондона, тотъ не долженъ ограничиваться только видомъ однихъ его главныхъ пунктовъ: должно исходить всѣ его безчисленныя улицы, всѣ уголки и дворы (courts), и тогда подивишься этой неслыханной массѣ жилищъ человѣческихъ! Тутъ вы увидите все разнообразіе нашего существованія, и передъ вами раскинется вся жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ! Большой городъ, есть школа для изученія жизни, а

*) London-Bridge, тогда еще строился, и Темза, пересѣченная въ нѣсколькихъ мѣстахъ основаніями новой постройки, текла въ этомъ мѣстѣ съ необыкновенной быстротою.

нашъ Попъ сказалъ, что первая наука для человѣка, есть изученіе человѣка. Нѣтъ лучшаго лѣкарства отъ лишняго самолюбія, какъ жизнь въ Лондонѣ; какъ человѣкъ ни былъ бы одаренъ отъ природы, онъ всегда въ этомъ городѣ найдетъ многихъ себѣ подобныхъ людей, и сверхъ того другихъ, которые стоятъ выше его во всѣхъ отношеніяхъ. Ни нахальство, ни самоувѣренность, ни тщеславіе, не выдержатъ подобнаго простого процесса и умалятся вслѣдствіе сравненія. Въ Лондонѣ человѣкъ почти не можетъ влюбиться безумнымъ образомъ, потому что онъ тамъ развлекается обиліемъ своихъ дѣлъ и удовольствіемъ общественной жизни. Друзья мои, особенно Ленгтонъ, не разъ предлагали мнѣ занять мѣсто въ провинціи, но я всякій разъ отказывался, не имѣя духа промѣнять возвышенныя радости лондонской жизни на сельскую скуку, пустоту и бездѣйствіе.

Когда Гринвичъ, съ его великолѣпнымъ инвалиднымъ домомъ (Hospital), открылся передъ глазами плавателей, Босвеллъ не упустилъ случая вынуть изъ кармана привезенную имъ книгу и громко прочитать изъ нея нѣсколько строкъ. То была Джонсонова поэма «Лондонъ»; мѣсто, прочитанное Босвеллемъ, начиналось такъ: «Мы остановились въ задумчивомъ молчаніи на томъ берегу Темзы, гдѣ Гринвичъ улыбается надъ ея серебряными струями. Пораженные видомъ мѣста, гдѣ родилась на свѣтъ великая Элизавета, мы преклоняемъ колѣни и цалуемъ освященную землю!»

Послѣ обѣда, пріятели отправились гулять по гринвичскому парку; ихъ разговоръ бо̀льшею частью относился къ будущимъ занятіямъ и путешествіямъ молодого шотландца. Джонсонъ опять совѣтовалъ ему ѣхать въ Испанію, и Босвеллъ замѣтилъ, что можетъ быть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ лексикографъ получитъ отъ него письмо, писанное въ Саламанкѣ. — Это письмо будетъ мнѣ вдвойнѣ пріятно, отвѣчалъ Джонсонъ, потому что я питаю особенное уваженіе къ саламанкскому университету. Когда испанцы хищничали и проливали кровь въ Америкѣ, въ самой Испаніи возникъ вопросъ о томъ, прилично ли и дозволено ли христіанамъ угнѣтать бѣдныхъ индѣйцевъ. — Босвеллъ. Теперь я понимаю значеніе четырехъ строкъ въ вашей поэмѣ «Лондонъ»: неужели Небо, милосердое къ страждущему человѣку, не хранитъ для него какой нибудь неизвѣстной долины, неизслѣдованнаго еще острова, наконецъ мирной пустыни, еще незахваченной испанцами? — Джонсонъ. Сэръ, я питаю ненависть къ этому жадному народу, или скорѣе, къ его кровавой политикѣ.

Остановясь подъ тѣнью одной изъ вѣковыхъ аллей парка, лек-

сикографъ внезапно спросилъ: не правда ли, что здѣсь очень хорошо? Но Босвелль, успѣвшій уже разгадать многія симпатіи и антипатіи своего кумира, отвѣчалъ съ поспѣшностью: да, сэръ, только Флитъ-Стритъ *) несравненно лучше. — Вы совершенно правы, сказалъ Джонсонъ, улыбаясь въ полномъ удовольствіи; вашъ отвѣтъ напоминаетъ мнѣ слова сэра Михаила Флеминга, котораго заставляли бродить по полю въ майскій вечеръ; здѣсь очень хорошо пахнетъ, сказалъ онъ, но мнѣ болѣе нравится запахъ оперной лампы. Сэръ, продолжалъ поэтъ,—я долженъ признаться, что давно уже ни одинъ человѣкъ не приходился мнѣ болѣе васъ по сердцу. Дайте мнѣ вашу руку. Я намѣренъ видѣть, какъ вы покинешь Англію, — я провожаю васъ до Гервича и прощусь съ вами послѣдній.

Легко представить себѣ восторгъ Босвелля, продолжавшійся весь вечеръ, не смотря на позднее возвращеніе, на холодную ночь посреди Темзы и на перспективу добровольной безсонницы, ибо ему предстояло просидѣть съ Джонсономъ нѣсколько часовъ въ кофейномъ домѣ и потомъ записать все имъ слышанное въ этотъ день. Лексикографъ, котораго атлетическая натура легко переносила холодъ, посмѣивался надъ озябшимъ шотландцомъ, и такимъ образомъ путешествіе окончилось къ общему удовольствію.

Августа 3-го, по поводу одного разговора, имѣвшаго политическое направленіе, Босвелль, не смотря на всю свою осторожность и подобострастіе, непроизвольно зацѣпилъ мнѣнія доктора Джонсона и самъ испугался послѣдствій своей неосмотрительности. — Онъ подошелъ прямо къ моему стулу, говоритъ откровенный Босвелль, глаза его засверкали и во всѣхъ чертахъ примѣтны были слѣды страшнаго негодованія. Но такъ какъ свидѣтелей спора не было, то намъ неизвѣстны послѣдствія Джонсонова гнѣва, о чемъ можно пожалѣть, потому что многоуважаемый готтентотъ бывалъ необыкновенно остеръ и язвителенъ въ подобныхъ случаяхъ. Босвелль только говоритъ: «я согнулся передъ бурею!» Но намъ еще предстоитъ не одинъ случай увидѣть добраго шотландца въ подобныхъ передѣлкахъ, и на этотъ разъ мы удовольствуемся только свѣдѣніемъ о томъ, что Джонсонова вспыльчивость не имѣла никакихъ важныхъ послѣдствій.

Въ пятницу, 5-го мая, Джонсонъ и Босвелль, рано по утру заняли мѣста въ гэрвичской почтовой каретѣ. Спутниками ихъ были молодой голландецъ и старая, прилично одѣтая дама, которая тот-

*) Улица въ Лондонѣ.

часъ же вступила въ разговоръ, сообщила всѣмъ желающимъ ее выслушать, что у ней много дѣтей, что она старательно ихъ воспитываетъ и пуще всего не допускаетъ ихъ лѣниться. — Джонсонъ. Въ такомъ случаѣ, сударыня, я бы очень желалъ, чтобъ вы взяли меня къ себѣ на воспитаніе, потому что всю мою жизнь я былъ лѣнивѣйшимъ существомъ. Не можетъ быть, сэръ, перебила старушка: я не повѣрю вамъ, вашъ видъ не похожъ на видъ лѣниваго человѣка. — Джонсонъ. А между тѣмъ все, что я говорю вамъ, совершенная правда; я лѣнивецъ, и этотъ джентльменъ, который ѣдетъ со мною — тутъ онъ указалъ на Босвелля — тоже лѣнивъ до невѣроятной степени. Сперва онъ шатался по Эдинбургу и ничего не дѣлалъ, потомъ отецъ послалъ его въ Глазговъ, гдѣ онъ пуще прежняго предался лѣности. Потомъ прикатилъ въ Лондонъ и провелъ тамъ много времени, ничего не дѣлая, а теперь ѣдетъ въ Утрехтъ, чтобъ лѣниться еще болѣе.

Въ дорогѣ Джонсонъ былъ болѣе безпокоенъ, нежели у себя дома; замѣтивъ, что молодой его спутникъ на одной станціи далъ почтальону шиллингъ, тогда какъ всѣ остальные пассажиры, слѣдуя общепринятому порядку, наградили его шестью пенсами каждый, старый поэтъ счелъ долгомъ сдѣлать молодому человѣку строгій выговоръ. — Сэръ, сказалъ онъ, отведя Босвелля въ сторону: — вы сдѣлали невѣжливость и вредъ въ одно и тоже время. Открыто давши почтарю денегъ болѣе противъ положенія, вы произвели непріятное впечатлѣніе на своихъ спутниковъ. Онъ доволенъ вами, но не доволенъ другими пассажирами, а между тѣмъ, они дали столько, сколько всегда принято давать въ подобныхъ случаяхъ. Вы могли сыскать средство передать почтальону вашу монету, не содѣйствуя косвеннымъ образомъ къ возвышенію цѣны, которую онъ привыкъ брать съ проѣзжающихъ. Босвелль немедленно сознался въ своей вѣтрености и помѣстилъ ее въ свой дневникъ.

Рѣчь коснулась Блеклока, поэта, ослѣпшаго на шестомъ году отъ роду и имѣвшаго въ послѣдніе годы большой успѣхъ въ лондонскомъ свѣтѣ. — Босвелль. Успѣхъ Блеклоковыхъ стиховъ оправдывается, по моему, тѣмъ необыкновеннымъ обстоятельствомъ, что поэтъ, не имѣя зрѣнія, пишетъ все въ описательномъ родѣ. Я недавно читалъ статью, гдѣ его способность описывать сельскія сцены, физіономію людей и природы, прославляется какъ нѣчто чудное и почти волшебное. Я самъ готовъ признать Блеклока изумительнымъ феноменомъ. — Джонсонъ. Такъ какъ авторъ имѣетъ несчастіе быть слѣпымъ, то кто изъ насъ возьмется рѣшить, что именно въ его стихотвореніяхъ подсмотрѣно имъ самимъ въ при-

родѣ, а что заимствовано изъ трудовъ другихъ, конечно, зрячихъ писателей. Одинъ глупый человѣкъ, Спенсъ, принялся какъ-то объяснять, съ помощью глубокихъ философскихъ умозрѣній, что блистательное дарованіе Блеклока *угадало* то, чего ни одинъ слѣпой человѣкъ угадать не въ состояніи. Мое объясненіе будетъ проще: предположите, что у васъ есть знакомый калѣка, неспособный двигаться безъ посторонней помощи, — вы его оставляете въ одной комнатѣ и вдругъ находите его въ другомъ мѣстѣ дома, положимъ, въ верхнемъ этажѣ. Чтоже остается дѣлать послѣ такого чуднаго событія, какъ не кричать о томъ, что совершилось нѣчто, непонятное уму; что, можетъ быть, нервы больного получили какое-нибудь возбужденіе?.. Нѣтъ, сэръ, короче будетъ сказать, что его, вѣрно, *перенесли* въ другую комнату. Когда вамъ случится гдѣ-нибудь найдти чрезвычайно хитрое истолкованіе чрезвычайно простой вещи, вспомните этотъ примѣръ и скажите самому себѣ: истолкователь желаетъ, видно, чтобъ на него люди глядѣли разинувъ ротъ. — Босвелль. Итакъ, сэръ, вы почитаете непозволительнымъ изумлять людей какой-либо странностью. — Джонсонъ. Конечно, если этимъ вы вкореняете въ людяхъ вредное заблужденіе, — да и кромѣ того, во всякомъ случаѣ непохвально слишкомъ изумлять родъ человѣческій. Всѣ мы любимъ, чтобъ на насъ поглядывали выпуча глаза, для этой прихоти мы готовы многимъ пожертвовать, — но умный человѣкъ долженъ остерегаться отъ этого, весьма понятнаго чувства. Если вы чувствуете способность изумлять смертныхъ своими дарованіями и добрыми качествами, тогда, съ Богомъ, удивляйте кого угодно, пусть всѣ на васъ смотрятъ, выпуча глаза; пускай проглядятъ ихъ, если это возможно. Но сообразите, во сколько разъ легче удивлять людей одними глупостями. Я войду въ какую нибудь гостинную безъ башмаковъ и всѣ взглянутъ на меня съ изумленіемъ. Вспомните Эддисонова джентльмена, котораго призвали умалишеннымъ за то, что онъ вмѣсто парика накрывалъ свою голову ночнымъ колпакомъ. И дѣйствительно джентльменъ заслуживалъ осужденія: нѣтъ спора, что колпакъ удобнѣе и легче парика, но нужно было знать, что когда онъ надѣнетъ его, всѣ мальчишки начнутъ бѣгать сзади.

На ночь путешественники прибыли въ Кольчестеръ и рѣшились провести ночь въ тамошней гостинницѣ. Джонсонъ, какъ мы имѣли случай видѣть, не былъ врагомъ трактирной жизни, и хотя рѣдко выѣзжалъ изъ Лондона, но къ превосходнымъ англійскимъ постоялымъ дворамъ чувствовалъ уваженіе, сродное каждому англичанину. Нынѣ, съ развитіемъ роскоши и устройствомъ желѣз-

ныхъ дорогъ, эти свѣтлые оазисы для путешественниковъ, потеряли свою патріархальную прелесть; классическая кухня, служившая пріемной комнатой и столовой, обратилась въ общеевропейскую залу, и веселый трактирщикъ потерялъ свое давнее право, обѣдать вмѣстѣ съ постояльцами, забавлять ихъ то веселыми, то страшными исторіями. Но въ восемнадцатомъ столѣтіи британскія гостинницы еще не были подвергнуты радикальной реформѣ, а переѣзды по дорогамъ были не такъ легки и быстры какъ въ наше время. Подъѣзжая къ Кольчестеру, старый поэтъ съ восторгомъ прочиталъ стихи изъ Шельтоновой поэмы «Гостинница».

«И опять, съ новой веселостью я держу свой путь сквозь чащу и пустыню, подъ дождемъ и солнцемъ, потому что я знаю — «при концѣ дня мнѣ готовится ласковая встрѣча въ гостепріимной «гостинницѣ».

День заключенъ былъ самымъ эпикурейскимъ образомъ: ужинъ оказался превосходнымъ, вино было старое и цѣльное, а аппетитъ голодныхъ странниковъ лучше и вина и ужина. Докторъ Джонсонъ, въ своемъ періодическомъ изданіи «Странникъ», посвятившій цѣлый нумеръ изложенію вредныхъ послѣдствій лакомаго стола, совершенно позабылъ свои собственные афоризмы, и наслаждался, какъ мореходецъ, добравшійся до свѣжей пищи. — Сэръ, говорилъ онъ Босвеллю за каждымъ блюдомъ: — есть люди, хвастающіе тѣмъ, что они готовы уписывать всякую дрянь и вовсе не заботиться о вкусномъ столѣ, — всѣ эти люди говорятъ глупости. Что касается до меня, то я забочусь о своемъ желудкѣ и забочусь о немъ съ охотою, потому что, по моему мнѣнію, человѣкъ, не заботящійся о собственной своей пищѣ, едва ли способенъ заботиться о чемъ бы то ни было. Когда я жилъ своимъ домомъ, я всегда думалъ о томъ, чтобъ у меня былъ хорошій столъ, хотябъ меня въ тоже время одолѣвала бѣдность. За обѣдъ и особенно за кушанья мнѣ и случалось болѣе всего спорить съ моей бѣдной Тепсти *). — Босвелль. А, сэръ, такъ вы иногда пускались въ споры съ вашей супругой. — Джонсонъ. Если хотите знать правду, такъ и довольно часто пускался. Она любила чистоту и порядокъ,

---

*) Елисавета Джонсонъ, жена лексикографа, умершая въ 1752 году *шестидесяти трехъ* лѣтъ отъ роду. Лексикографъ былъ моложе ея двадцатью годами, и, не смотря на то, оплакивалъ свою жену постоянно. *Тепсти*, передъ своимъ послѣднимъ замужствомъ, была замужемъ за М. Портеромъ, оставившимъ ей двоихъ взрослыхъ дѣтей, съ которыми Джонсовъ до конца жизни оставался въ дружескихъ сношеніяхъ. Девидъ Гэррикъ и другіе старые друзья Джонсона единогласно утверждаютъ, что Тепсти была толста, дурна собой, сварлива, къ тому же

какъ и всѣ леди, готовыя *вымести* своихъ мужей изъ дома, какъ грязную вещь, и мы очень часто шумѣли по этому поводу. Она мнѣ говорила безпрестанно: «что можетъ быть лучше чистаго пола въ комнатѣ?» а я отвѣчалъ на это: — довольно потолковали о полахъ, теперь перейдемъ къ потолку? Но на счетъ обѣда я былъ взыскателенъ самъ, потому, сэръ, что я твердо убѣжденъ въ одной вещи: въ которомъ семействѣ плохой обѣдъ, въ томъ и все плохо. Гдѣ обѣдъ дуренъ, тамъ, значитъ, есть или скупость, или глупость, или безденежье, или все вмѣстѣ. Это я думалъ всегда и теперь думаю.

Босвелль началъ говорить о томъ, какъ тяжело ему оставлять родину, своихъ знаменитыхъ друзей и ѣхать вдаль, гдѣ, можетъ быть, его ожидаетъ болѣзнь, разныя бѣдствія, и наконецъ смерть. Джонсонъ выслушалъ эти рѣчи въ молчаніи и не отвѣчая, сталъ пристально глядѣть на свѣчку, около которой летала и кружилась ночная бабочка. Черезъ минуту несчастное насѣкомое, все болѣе и болѣе приближавшееся къ огню, обожгло себѣ крылья и упало безъ движенія. Вотъ, произнесъ Джонсонъ, существо, само себя замучившее, и его имя чуть ли не Джемзъ Босвелль.

Говоря о знаменитомъ Томсонѣ, авторѣ «Четырехъ временъ года», лексикографъ доказалъ какъ нельзя лучше свою способность отдавать другимъ поэтамъ должную справедливость, хотя ихъ направленіе было нѣсколько противоположно его собственному *). Томсонъ былъ поэтомъ той самой природы, къ которой Джонсонъ имѣлъ такъ мало сочувствія. — Но я долженъ сказать, такъ выразился авторъ Словаря, что Томсонъ заслуживаетъ названіе истиннаго поэта едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ почти великобританскіе стихотворцы. Этотъ человѣкъ имѣлъ дарованіе на каждый предметъ смотрѣть съ своей любимой точки зрѣнія. Онъ могъ написать поэму по поводу двухъ зажженныхъ свѣчей, потому что и на нихъ онъ смотрѣлъ съ своей поэтической стороны. Обиліе картинъ у него таково, что часто самая мысль ими бываетъ заглушена и самое про-

---

бѣлилась и румянилась, но супругъ ея былъ убѣжденъ въ ея красотѣ и часто съ восторгомъ упоминалъ о ея восхитительныхъ бѣлокурыхъ волосахъ. Привязанность поэта къ памяти своей бывшей жены подтверждается безчисленными замѣтками, найденными въ его бумагахъ, — изъ нихъ видно, что онъ рѣдкій день не думалъ со слезами о своей некрасивой покойницѣ. Не оттого ли характеръ Джонсона такъ популяренъ и привлекателенъ, что въ немъ есть всѣ стороны жизни человѣческой.

*) Мы говоримъ *нѣсколько* противоположно, потому что если оно было *діаметрально* противоположно, Джонсонъ становился человѣкомъ безъ малѣйшей терпимости. Въ его мнѣніи Вольтеръ былъ бездѣльникъ, Руссо мошенникъ, Болингброкъ каналья, и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

изведеніе много выигрываетъ отъ сокращенія. Недавно я прочелъ одному изъ жаркихъ почитателей Томсона нѣсколько строкъ изъ его книги, и когда почитатель пришелъ въ восторгъ, я объявилъ ему, что половина строкъ была мною нарочно выброшена. А что всего страннѣе — Томсонъ, любившій такъ распространяться въ стихахъ, былъ страшно лѣнивъ писать; и въ прозѣ, гдѣ только могъ, отдѣлывался лаконизмомъ. Онъ былъ нѣжный семьянинъ и проживая очень часто вдали отъ своихъ родныхъ, долженъ былъ безпрестанно писать письма; но онъ умѣлъ такъ устроить, что каждое изъ нихъ состояло изъ двухъ или трехъ строчекъ.— Босвелль. Въ этомъ случаѣ онъ составляетъ совершенную противоположность съ Попомъ, который писалъ довольно растянутыя письма въ прозѣ, за то обладалъ несравненною способностью высказывать въ одномъ стихѣ то, что до него высказывалось въ десяти. — Джонсонъ. Сэръ, это совершенный вздоръ, это вы говорите потому, что другіе такъ болтаютъ; повѣрьте мнѣ, въ одномъ стихѣ Коулея больше мысли, нежели въ страницѣ, написанной Попомъ. — Босвелль. Сэръ, я передалъ вамъ мнѣніе людей, считающихся знатоками дѣла. Свифтъ, которому вы не откажете въ умѣньи сжато выражать свои мысли, написалъ эти четыре стиха. «При каждой строкѣ, прочитанной мною въ Попѣ, я вздыхаю и жалѣю, зачѣмъ она не написана мною, потому что этотъ въ одномъ куплетѣ умѣетъ высказать болѣе мысли, нежели я передалъ въ шести». — Джонсонъ. Такое свидѣтельство ничего не значитъ, сэръ, Свифтъ — которому всѣ такъ удивляются, больше ничего какъ бездѣльникъ (scoundrel), осмѣливающійся смѣяться надъ всѣмъ, что не должно служить предметомъ для смѣха. Въ немъ нѣтъ ни остроты, ни тонкости; онъ поверхностнѣе всѣхъ своихъ современниковъ. Я увѣренъ, что его знаменитая «Сказка о Бочкѣ», не имъ написана. — Босвелль. На чемъ вы основываете подобное предположеніе, сэръ? — Джонсонъ. На томъ, что она лучше всѣхъ его сочиненій; а если, впрочемъ, онъ и писалъ ее, то былъ въ это время impar sibi *) (не похожъ на самого себя).

Пробесѣдовавъ часть ночи, путешественники заснули немного, и по утру направились къ Гервичу. Дорогою рѣчь зашла о многочисленныхъ завистникахъ Джонсоновой славы и объ озлобленныхъ

*) Судъ потомства достаточно оправдалъ автора Гулливерова путешествія, отъ вспыльчивыхъ нападеній Джонсона. Лексикографъ не былъ силенъ по части терпимости въ мнѣніяхъ людей, несходныхъ съ нимъ по убѣжденіямъ; правда, что и они платили ему тою же монетою. Мы еще будемъ не одинъ разъ имѣть случай ознакомиться съ жесткостью литературныхъ нравовъ XVIII столѣтія.

нападкахъ на его лучшія произведенія со стороны старыхъ и новыхъ артистовъ. Босвелль удивлялся, отчего поэтъ никогда не вступаетъ въ споръ съ своими противниками, тогда какъ его начитанность и способность къ діалектикѣ приноситъ ему одному только славу и побѣду во всякомъ диспутѣ. — Джонсонъ. У Гэррика есть книга, въ которой собрано все написанное обо мнѣ — лестное и обидное. Я читалъ ее затѣмъ, чтобъ воспользоваться добросовѣстно сдѣланными замѣчаніями, но ни на одну изъ этихъ статей я не писалъ и не напишу отвѣта. Одному Вольтеру я думалъ было отвѣчать на его дерзости, но не могъ собраться *). Когда вашъ шотландскій докторъ Кенрикъ, котораго я всегда называю публичнымъ, но все-таки незамѣтнымъ человѣкомъ, выпустилъ цѣлый трактатъ по поводу моихъ комментаріевъ къ Шекспиру и вскорѣ послѣ того принялся писать на меня сатиры моимъ же слогомъ, одинъ оксфордскій студентъ (Беркли), еще совсѣмъ мальчикъ, отвѣчалъ памфлетомъ на Кенрика. Я разсердился на молодого человѣка и даже не хотѣлъ принять его къ себѣ, когда ему случилось до меня дѣло. Всякое нападеніе дѣлаетъ писателю честь и выгоду, не скажу того же о защитѣ. Критикъ, злобно разбирающій мое сочиненіе, не вредитъ мнѣ, вредитъ мнѣ тотъ, который способствуетъ *забвенію* сочиненія. Для насъ, писателей, брань ничего не значитъ; мы живемъ за тѣмъ, чтобъ о насъ кричали: одно только молчаніе насъ губитъ. Гдѣ борьба, тамъ шумъ; гдѣ общая похвала, тамъ нѣтъ шума, и это едва ли выгодно для авторовъ. — Босвелль. Слава нашего друга Гэррика составилась такимъ образомъ. — Джонсонъ. Сэръ, вы правы, а между тѣмъ, Гэррикъ менѣе другого нуждался въ шумѣ и нападкахъ: онъ всякій день являлся передъ публикой своею персоною, и о немъ было трудно забыть. Слава Гольдсмита возвысилась чрезъ нападенія критиковъ; когда старику Бентлею сказали шутя, что литературные его враги собираются его уничтожить окончательно, онъ отвѣчалъ очень умно: ни одинъ еще писатель не былъ уничтоженъ чужими руками — только *самъ авторъ* способенъ уничтожить свою славу. Когда мнѣ случалось писать что нибудь сатирическое и если мое сочиненіе

*) Вольтеръ подсмѣялся надъ Джонсономъ по поводу его комментаріевъ къ пьесамъ Шекспира. Я не желаю, пишетъ фернейскій насмѣшникъ, утверждать, что господинъ Джонсонъ черезчуръ любитъ пьянствовать и шутить самымъ неудачнымъ образомъ, но все-таки я не могу сообразить, изъ-за какой причины онъ почитаетъ пьянство и плоскія шутки двумя главными прелестями британскаго театра. Слова эти были написаны около 1765, въ періодѣ Вольтеровой ненависти къ Шекспиру, имъ же открытому и возхваленному.

не возбуждало ожесточенныхъ нападеній, я очень огорчался,—это значило, что я не попалъ въ цѣль и не возбудилъ должной реакціи. Даже въ то время, когда я еще былъ чувствителенъ къ осужденію, я все-таки скорѣе желалъ злой критики нежели общаго молчанія. Вы можете думать, что штурмъ крѣпости есть дурная вещь, но блокада, съ цѣлью уморить гарнизонъ съ голода — во сто разъ хуже штурма. Атака открытой силой можетъ быть неудачна, осаждающій можетъ потерять тьму народа, — но если онъ отрѣжетъ вашъ путь къ продовольствію, — городъ погибъ безвозвратно.

Когда мѣсто на пакетботѣ было взято и Босвеллевы вещи уложены, Джонсонъ съ молодымъ шотландцемъ, отправились въ гэрвичскую гостинницу и въ послѣдній разъ отобѣдали вмѣстѣ. Снова принося благодарность своему знаменитому другу, за его вниманіе и проводы, Босвелль замѣтилъ, что если Джонсону не представится скорой возможности добраться до Лондона, онъ будетъ въ отчаяніи. Ужасно, прибавилъ онъ: — если вамъ придется ждать нѣсколько дней, оставаясь въ такомъ скучномъ мѣстѣ! — Не пріучайтесь, сэръ,—возразилъ Джонсонъ:—употреблять такія громкія слова, когда рѣчь идетъ о пустыхъ дѣлахъ. Я могу здѣсь остаться и скучать и не скоро попасть въ Лондонъ, но во всемъ этомъ не будетъ ничего *ужаснаго!*

Говоря о людяхъ, слишкомъ много заботящихся о своихъ поступкахъ и имѣющихъ свои теоріи на самый незначительный случай жизни,—черта, особенно свойственная британскому характеру,—Джонсонъ высказался такъ: — я никогда не задавалъ себѣ труда быть и казаться или серьёзнымъ или веселымъ человѣкомъ, и на этотъ счетъ все время слѣдовалъ своимъ врожденнымъ убѣжденіямъ.

Послѣ обѣда, Босвелль, все-таки сопровождаемый лексикографомъ, прошелъ въ городскую церковь, откуда оба пріятеля, помолившись, отправились къ морскому берегу.

У самой пристани, поэтъ и будущій его біографъ, обнялись какъ отецъ съ сыномъ. Джонсонъ объявилъ, что въ будущемъ году, можетъ быть, соберется въ Нидерланды, для того, чтобъ вдвоемъ осмотрѣть этотъ любопытный край. Заключено было взаимное условіе на счетъ переписки. Босвелль изъявилъ опасеніе, что лексикографъ, мало-по-малу изгонитъ его изъ своей памяти, но Джонсонъ, намѣкая на молодость шотландца отвѣтилъ: — Не вы ли, сэръ, меня позабудете прежде, чѣмъ я васъ забуду. Судно снялось съ якоря и Босвелль, стоя на палубѣ, долго наблюдалъ, какъ его знаменитый другъ, стоя на мѣстѣ и покачиваясь со сто-

роны на сторону, глядѣлъ въ слѣдъ отплывавшему пакетботу. Наконецъ Джонсонъ повернулся, пошелъ къ сторонѣ города, и массивная его фигура изчезла въ отдаленіи.

IV.

Занятія и грусть Босвелля. — Письма его и Джонсона. — Отрывки Джонсонова дневника. — Джонсоновъ клубъ. — Знакомство съ семействомъ Трель. — Поведеніе поэта въ гостинной. — Возвращеніе Босвелля и его дѣла на родинѣ. — Бесѣды Руссо и Вольтера. — Скорпіоны. — Ласточки подъ водой и островъ Св. Кильды. — Фильдингъ и Ричардсонъ. — Пуританство и лицемѣріе. — Придворная библіотека. — Свиданіе короля Георга съ Джонсономъ. — Литльтонъ, докторъ Гиль и журналистика. — Вечеръ у сэра Рейнольдса. — Наивность Гольдсмита.

Утрехтъ, флегматическая жизнь голландцевъ и необходимость прилѣжныхъ занятій, сперва не полюбились Босвеллю: ему сдѣлалось душно и тѣсно посреди древнихъ зданій города, которому не доставало лондонской жизни и лондонскаго шума, а отрадная и поэтическая тишина ученаго уединенія не тѣшила воображенія, привыкшаго къ новостямъ и блеску свѣта. Вскорѣ послѣ своего прибытія на мѣсто, шотландецъ отправилъ на имя Джонсона длинное плаксивое посланіе, въ которомъ называлъ себя несчастнымъ изгнанникомъ и увѣрялъ, что всѣ его слабыя способности подавлены вліяніемъ скучной, одинокой жизни. Лексикографъ не удостоилъ его никакимъ отвѣтомъ и тѣмъ вполнѣ достигъ своей цѣли — второе письмо Босвелля было несравненно складнѣе и приличнѣе, и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживало дружелюбнаго отзыва. Тогда, преодолѣвъ свою лѣность, Джонсонъ послалъ своему молодому другу слѣдующую эпистолу, равно блистательную и по слогу, и по благородству мыслей, и по изящной простотѣ изложенія.

Лондонъ, 8 декабря, 1763.

Уважаемый другъ! Не думайте, что причина моего молчанія заключается или въ забвеніи, или въ душевной холодности, достойной упрека; вы знаете, что я люблю видѣть моихъ друзей, имѣть о нихъ извѣстіе, говорить съ ними и говорить о нихъ, — но писать къ нимъ я всегда рѣшаюсь неиначе, какъ послѣ нѣсколькихъ усилій надъ самимъ собою. Но во всякомъ случаѣ, я не способенъ жертвовать для лѣности тѣмъ, что всегда почитаю и буду считать своимъ долгомъ.

Писать къ вамъ о томъ, что я здоровъ или нездоровъ, живу въ городѣ или за городомъ, что друзья ваши не перестаютъ о васъ вспоминать и что я пилъ ваше здоровье въ той самой ком-

натѣ, въ которой мы сходились послѣдній разъ, — писать обо всѣхъ этихъ подробностяхъ, безпрестанно повторяемыхъ во всѣхъ письмахъ и повторяемыхъ отъ нечего дѣлать, — я считаю излишнимъ. Но я всегда готовъ покинуть свою безпечность, для того, чтобы, по мѣрѣ силъ, смягчить чужое безпокойство, возбудить въ другомъ человѣкѣ благородную рѣшимость на хорошее дѣло, исправить его заблужденіе или утвердить въ добромъ намѣреніи. Все это я радостно готовъ исполнить даже въ отношеніи къ человѣку, менѣе васъ мнѣ дорогому. Дойду ли я до исправности въ корреспонденціи, этого рѣшить не берусь; во всякомъ случаѣ считайте настоящее письмо отвѣтомъ на два вашихъ. Первое изъ нихъ наполнено такими безнадежными извѣстіями о состояніи вашего духа, что не заслуживало никакого отвѣта, — во второмъ же я увидѣлъ болѣе пріятныя для меня и дѣльныя подробности о вашей жизни и занятіяхъ. И чѣмъ болѣе будете вы идти по этому пути, тѣмъ болѣе будетъ увеличиваться удовольствіе, доставляемое мнѣ письмами вашими.

Вы спрашиваете меня, какого рода науки будутъ для васъ полезнѣе въ настоящее время; на такого рода вопросъ я могу отвѣчать только тѣмъ, о чемъ такъ часто говорилъ съ вами прежде. Совѣтую вамъ и теперь держаться вашего стараго плана, то-есть заниматься изученіемъ права, какъ того желаетъ вашъ отецъ, и древней словесности, какъ вы того желали сами. Спѣшите же, пока вы живете покойною и осѣдлою жизнью, — спѣшите посвящать нѣсколько часовъ въ сутки названнымъ занятіямъ. Вы жалуетесь на разсѣянность и неустойчивость мысли: все это ничто иное, какъ признаки того, что вашъ умъ колеблется въ разныя стороны и способенъ къ увлеченію, непослѣдовательному. Противъ такого состоянія духа есть средство: попытайтесь разжечь въ себѣ горячее стремленіе къ тому или другому роду познаній, и тогда будьте покойны — всѣ безпокоющіе васъ порывы и колебанія перестанутъ на васъ вредно дѣйствовать.

Въ сердцѣ почти каждаго человѣка кроется непреодолимое стремленіе къ отличію передъ другими; вслѣдствіе чего каждый изъ насъ убѣждается сердцемъ, что судьба надѣлила его какими-то особенными дарованіями и предназначила на нѣчто особенное. Такое тщеславіе сперва охлаждаетъ въ насъ страсть къ правильному труду, а потомъ разжигаетъ въ нашей душѣ желанія, несоразмѣрныя съ средствами для ихъ удовлетворенія. Мало по малу, неудовлетворенная страсть переходитъ въ страданіе, и такимъ образомъ неразумныя стремленія, о которыхъ я только что упомянулъ, на-

помнвают собою змѣю, согрѣтую на груди: въ безпамятствѣ она была безвредна, но, отогрѣвшись, она чувствуетъ въ себѣ и силу и присутствіе яда. Вы знаете одного джентльмена (здѣсь поэтъ намѣкаетъ на самого Босвелля), который повременамъ думаетъ, что, занимаясь наукой слегка, можно сдѣлать многое. Воспріимчивый на все, но ко всему равнодушный, онъ повременамъ думаетъ, что прилѣжаніе и усердіе къ труду могутъ только ослабить данный ему геній и надѣется безъ труда, шутя, добиться до той степени познанія, до которой остальные смертные доходятъ путемъ усиленнаго мышленія и уединенныхъ занятій. Попробовавъ жить по своей системѣ, онъ вовремя убѣдился въ своемъ заблужденіи и былъ на столько уменъ, что рѣшился сызнова приняться за науки, но находя, что привычка къ удовольствіямъ праздной жизни трудно искореняется, этотъ джентльменъ принимаетъ обычныя послѣдствія своей ранней ошибки за непреложную волю судьбы. Ему все еще хочется смотрѣть на себя, какъ на существо съ особливыми принадлежностями, и потому онъ глядитъ на свою понятную разсѣянность въ дѣлѣ науки, какъ на нѣчто роковое.

Рѣшитесь на что нибудь и оставайтесь тверды въ своемъ рѣшеніи, — сдѣлайте выборъ и будьте ему вѣрны во чтобы то ни стало. Проведите сегодняшній день въ строгомъ трудѣ и завтра вамъ легче будетъ трудиться, хотя изъ этого и не слѣдуетъ, чтобъ вы сразу могли одержать надъ собой полную побѣду. Испорченность не такъ легко преодолѣвается — рѣшимость будетъ ослабѣвать, прилѣжаніе можетъ притупиться на время — но не теряйте бодрости въ этихъ случаяхъ, смотрите на нихъ, какъ на проявленіе слабости, общей всему человѣчеству. Начинайте тамъ, гдѣ вы остановились, и старайтесь не впадать въ прежнія ошибки и прежнее искушеніе.

Вотъ, дорогой мой Босвелль, совѣты, которые, можетъ быть, вамъ не разъ доводилось слышать и слышать напрасно. Но если вы не хотите принимать ихъ отъ постороннихъ, вы все-таки дойдете до нихъ путемъ собственнаго мышленія, если только вы дѣйствительно желаете сдѣлаться довольнымъ исполнителемъ обязанностей, провидѣніемъ на васъ возложенныхъ.

Если успѣете, напишите мнѣ длинное письмо; надѣюсь, что вы продолжаете свой дневникъ и обогащаете его свѣдѣніями о той странѣ, въ которой теперь живете. Пришлите мнѣ нѣсколько книгъ на фризонскомъ языкѣ и нѣсколько свѣдѣній о пособіяхъ бѣднымъ въ Нидерландахъ.

Преданный вамъ Сам. Джонсонъ.

Остальные мѣсяцы 1763 и весь 1764 годъ были проведены лексикографомъ въ великомъ бездѣйствіи, по крайней мѣрѣ по части новыхъ работъ. До февраля 1764 года онъ пробылъ въ Личфильдѣ, своемъ родномъ городѣ, гдѣ главнѣйшими его друзьями были Ленгтоны, отецъ и сынъ, и еще миссъ Люси Портеръ, родная дочь покойной его жены. Обширная библіотека Ленгтоновъ была постоянно къ услугамъ поэта, въ домѣ же миссъ Портеръ, недавно получившей богатое наслѣдство и выстроившей себѣ великолѣпный палаццо, Джонсонъ находилъ всѣ удобства и наслажденія жизни. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ многочисленныхъ личфильдскихъ почитателей его таланта, не имѣлъ обыкновенія записывать замѣчательныхъ вещей, сказанныхъ Джонсономъ, а потому объ этомъ періодѣ его жизни мы имѣемъ только малое число незначительныхъ и нелюбопытныхъ свѣдѣній.

Съ возвращеніемъ въ Лондонъ, Джонсонъ почувствовалъ новые припадки своей всегдашней болѣзни ипохондріи, по временамъ усиливавшейся до приближенія къ помѣшательству. Посторонніе недуги, примѣшавшись къ означеннымъ припадкамъ, еще болѣе повредили ходу болѣзни, надъ которою, однакоже, восторжествовали усилія медиковъ и могущественное сложеніе знаменитаго паціента. Послѣдствія болѣзни оказались для него вполнѣ благотворными: во-первыхъ, Джонсонъ совершенно бросилъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ, во-вторыхъ, началъ вести несравненно регулярнѣйшій образъ жизни. Не слѣдуетъ думать, однакоже, основываясь на послѣднихъ нашихъ словахъ, что поэтъ когда-либо съ излишествомъ предавался вину — сильное сложеніе Джонсона дѣлало его способнымъ пить много безъ ослабленія силъ, — и оттого онъ даже и въ молодости никогда не былъ доводимъ излишествами до унизительнаго состоянія. Тѣмъ не менѣе, при его болѣзни, вино было ему чрезвычайно вредно, а отказавшись отъ него, Джонсонъ словно началъ новую жизнь и пріобрѣлъ новое здоровье.

Въ краткомъ его дневникѣ около этого времени, легко отыскать признаки усилій, съ которыми старый докторъ неутомимо двигался на пути нравственнаго усовершенствованія. Сознавая свою лѣность, сознавая весь вредъ беззаботной *инерціи*, въ которую вовлеченъ онъ былъ съ того времени, какъ попечительное правительство отстранило отъ него всѣ заботы о пріобрѣтеніи насущнаго хлѣба, — Джонсонъ поминутно думаетъ о новыхъ трудахъ, о средствахъ разшевелить себя на новую дѣятельность. Такъ напримѣръ, въ день своего рожденія, онъ пишетъ: «Пятьдесятъ-пять лѣтъ провелъ я въ составленіи тщетныхъ плановъ усо-

вершенствованія. Между тѣмъ время идетъ и передо мною остается впереди немного лѣтъ. Нужно трудиться неутомимо, нужно исполнять планы, на которые я рѣшился. Господь подастъ мнѣ силу и поможетъ быть твердымъ въ своемъ словѣ. Аминь!»

Въ другомъ мѣстѣ: «Я замѣчаю, что прошлый годъ проведенъ былъ мною въ беззаботности и грязной праздности. Я жилъ чувственною жизнью и эта жизнь отуманила мои мысли. Какое-то забвеніе находитъ на меня, когда я собираюсь дать себѣ отчетъ о томъ, что сдѣлалъ я въ прошломъ году, и я вижу — все, что я испыталъ, все, что я передумалъ въ этотъ періодъ времени, скользнуло надо мной не оставивъ по себѣ никакихъ впечатлѣній.»

Далѣе: «Съ прошлой Пасхи я не истребилъ въ себѣ ни одной дурной привычки, не употребилъ своего времени съ пользою, и все время, такъ безплодно проведенное, кажется мнѣ пустымъ сномъ. Моя память теряетъ свою силу, и дни безсмысленно проходятъ надо мною. Боже, помоги мнѣ! Я долженъ вставать въ восемь часовъ постоянно. Хотя это и не рано, но если сообразить, что я всякій день лежу въ постели до двухъ часовъ, то все-таки окажется, что кромѣ побѣды надъ беззаботностью, я еще получу много времени, которое пойдетъ на полезныя дѣла *).

Не слѣдуетъ думать, однако, что беззаботность и лѣнь, въ которыхъ ежеминутно упрекалъ себя старый поэтъ, были безусловною лѣнью и полною беззаботностью. Джонсонъ каждый день читалъ старыхъ писателей, евангеліе на греческомъ языкѣ и отрывки изъ новыхъ книгъ, особенно ему нравившихся. Читать все, только-что появившееся въ свѣтъ, было для него пустою работою, потому-что на прочтеніе двухъ мелкихъ печатныхъ страницъ онъ употреблялъ нѣсколько секундъ и толстую книгу оканчивалъ въ полчаса времени. Не смотря на неслыханную быстроту этого процесса, онъ запоминалъ всѣ мѣста, сколько нибудь ему нравившіяся, и по прошествіи десяти лѣтъ могъ пересказать ихъ на память. Мы уже имѣли случай толковать о быстротѣ, съ которою онъ писалъ свои сочиненія — и замѣтить, что для Джонсона не было никогда средины между упорнымъ трудомъ и бездѣйствіемъ.

Въ исходѣ 1765 года, лексикографъ окончилъ свое изданіе Шекспира, съ комментаріями на каждую изъ его драмъ, и нѣ-

*) Просимъ читателей не скучать этими подробностями: не разъ еще придется удивляться необыкновенной свѣжести, глубинѣ Джонсонова ума, въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, — а потому свѣдѣнія о томъ, какимъ способомъ умъ этотъ такъ долго удерживалъ всю свою силу, не могутъ назваться безполезными свѣдѣніями.

сколько успокоился, раздѣлавшись съ трудомъ, такъ давно обѣщаннымъ публикѣ. Около этого же времени открылось обширное поприще его разговорному таланту, — одинъ изъ лучшихъ друзей Джонсона, живописецъ и баронетъ сэръ Джосуа Рейнольдсъ, основалъ клубъ, собиравшійся разъ въ недѣлю отъ семи часовъ вечера и продолжавшій свои засѣданія до поздней ночи. Все, что было въ Лондонѣ знаменитаго и остроумнаго, добивалось чести участвовать въ клубѣ, который, кромѣ именъ Джонсона и Рейнольдса, могъ похвастаться такими членами, какъ Эдмондъ Бергъ, членъ парламента и ораторъ, докторъ Гольдсмитъ, авторъ «Вэкфильдскаго священника», сэръ Уилліамъ Джонсъ, извѣстный своими безсмертными изысканіями объ Индіи, и сэръ Джонъ Гоукинсъ, одинъ изъ будущихъ біографовъ Джонсона. Кромѣ клуба, старый поэтъ пріобрѣлъ еще одинъ дружескій пріютъ въ семействѣ Треля, одного изъ богатѣйшихъ пивоваровъ Англіи и члена палаты коммонеровъ.

Домъ мистра Треля былъ одинъ изъ самыхъ гостепріимныхъ и пріятныхъ домовъ во всемъ Лондонѣ; самъ хозяинъ къ необыкновенной честности и радушію, присоединялъ огромное богатство (онъ имѣлъ до 200 тысячъ рублей дохода съ своихъ пивоваренъ), жена его, урожденная миссъ Эсѳирь Линчъ Салисбури, славилась своею любезностью, превосходнымъ, даже классическимъ воспитаніемъ и наконецъ красотою. Наслышавшись отъ одного изъ пріятелей про необыкновенную пріятность Джонсоновой бесѣды, мистриссъ Трель убѣдила своего мужа сдѣлать обѣдъ лексикографу и такимъ образомъ завязалось знакомство, украсившее собою послѣдніе годы жизни поэта. Джонсонъ обѣдалъ у Треля по четвергамъ и часто живалъ у него по недѣлѣ и болѣе, — то въ Лондонѣ, то въ его Стритгемской виллѣ. Само собой разумѣется, что первые дни знакомства Джонсона съ женой богача и члена парламента, не обошлись безъ многихъ забавныхъ продѣлокъ, и въ свѣдѣніяхъ, оставленныхъ намъ госпожей Піоцци *), находимъ мы довольно любопытное описаніе Джонсонова поведенія въ ея гостиной. Лексикографъ былъ одѣтъ до того дурно, что многіе изъ гостей сперва принимали его за бродягу, а потомъ, поглядѣвъ на его манеры, начинали пятиться отъ него, какъ отъ умалишеннаго. Входя въ комнату, онъ останавливался у двери и дѣлалъ извѣстное число шаговъ, сперва въ одну, потомъ въ другую сторону, стара-

*) Мистриссъ Трель извѣстна подъ этимъ именемъ въ литературѣ: она начала писать послѣ смерти своего перваго мужа, а вторымъ былъ Піоцци, италіанскій пѣвецъ.

ясь ступить правою ногою на какой-то избранный имъ пунктъ; если маневръ не удавался, Джонсонъ шелъ опять къ двери и повторялъ свои кривлянья, не обращая вниманія ни на присутствующихъ, ни на хозяина, съ которыми раскланивался иначе какъ уже послѣ совершенія своей кабалистической прогулки. Сидя на мѣстѣ, онъ держалъ голову совсѣмъ на бокъ, качался тѣломъ во всѣ стороны и изо всей силы теръ правой рукою свое правое колѣно. Иногда онъ говорилъ самъ съ собою, посвистывалъ или щелкалъ языкомъ, а послѣ каждаго отвѣта или монолога отдувался изъ всей силы, такъ, что собесѣдники, имѣвшіе несчастіе сидѣть прямо противъ него, встрѣчали своими лицами нѣчто въ родѣ цѣлаго урагана. Мало по малу мистриссъ Трель присмотрѣлась ко всѣмъ этимъ чудесамъ, перестала обращать на нихъ вниманіе и тѣмъ окончательно пріобрѣла себѣ добраго, преданнаго и знаменитаго друга.

Въ февралѣ 1765 года, — разсказываетъ Босвелль, — я возвратился въ Лондонъ *) и нашелъ доктора Джонсона, помѣщавшагося въ красивомъ домѣ со всѣми близкими къ нему людьми около себя: мистриссъ Уильямсъ жила однимъ этажемъ ниже, а вѣрный его слуга, негръ Френсисъ Берберъ, по прежнему, находился въ его комнатахъ. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково. Странствованія мои по чужимъ краямъ нисколько не погасили во мнѣ глубокой преданности къ автору Расселаса: напротивъ того, отъ сравненія его съ видимыми мною знаменитостями, преданность эта еще увеличилась.

Поэтъ встрѣтилъ своего молодого друга шутками. — Хорошими дѣлами занимались вы на твердой землѣ, сказалъ онъ, съ порядочными людьми сходились это время! Нечего сказать, вы подобрали себѣ достойную компанію: Руссо, Вольтера и Уилькза **). — Босвелль. Вы, сэръ, считаете Руссо недостойнымъ компаніи хорошаго человѣка? — Джонсонъ. Сэръ, если вы это у меня спрашиваете для шутки, я не хочу отвѣчать вамъ, если же хотите знать мое истинное мнѣніе, то я вамъ его не разъ уже говорилъ. И Руссо, и Вольтеръ, два бездѣльника; и трудно рѣшить, который изъ нихъ хуже; обоихъ давно, слѣдовало бъ согнать со свѣта; правда, что первый изъ нихъ уже и былъ выгнанъ изъ четырехъ или пяти земель. Босвелль разсказалъ поэту подробности своего свиданія съ Вольтеромъ и передалъ нѣкоторыя мысли фернейскаго

---

*) Босвелль, окончивъ курсъ въ Утрехтѣ, объѣздилъ довольно большую часть Европы: былъ въ Швейцаріи, Франціи, Италіи и Корсикѣ.

**) Wilkes, знаменитый памфлетистъ, неоднократно судимый и изгоняемый изъ Нижней палаты.

пустынника о британской словесности. — Босвелль. Вольтеръ сказалъ мнѣ, что Попъ ѣздитъ въ хорошенькой тележкѣ, на парѣ маленькихъ и красивыхъ коньковъ, тогда какъ Драйденъ мчится на колесницѣ, влекомой шестью рьяными скакунами. — Джонсонъ. Сэръ, я нахожу эти сравненія несправедливыми: оба поэта, и Попъ и Драйденъ, скачутъ на колесницѣ шестерикомъ; только первый изъ нихъ ѣдетъ скорымъ и мѣрнымъ шагомъ, а второй не можетъ справиться съ лошадьми, безпрестанно оступающимися. — Босвелль. Какъ нравится вамъ, сэръ, тоже трактатъ мистриссъ Монтегю, въ которомъ она защищаетъ Шекспира отъ беззаконныхъ нападокъ Вольтера? — Джонсонъ. Шекспиръ не нуждается въ защитникахъ: заступаться за него, значитъ дѣлать честь мошеннику, на него нападавшему. — И не смотря на такіе рѣзкіе приговоры, лексикографъ съ жадностью прослушалъ все, что только Босвелль могъ пересказать о его заграничномъ антагонистѣ.

Говоря о своемъ путешествіи въ Италію, Босвелль упомянулъ о томъ, что ему нѣсколько разъ приходилось дѣлать извѣстный опытъ со скорпіонами, которые, — если ихъ положить на тарелку, обложенную по краямъ горячими угольями, — убиваютъ себя жаломъ, чтобъ избѣгнуть мучительной смерти. Фактъ этотъ, прибавилъ шотландецъ, весьма многозначителенъ, потому что показываетъ въ насѣкомомъ способность выбора и кромѣ того, рѣшимость на самоубійство. — Джонсонъ. Сэръ, я вамъ не вѣрю, хотя вы сами, своими глазами видѣли описанный вами случай. Раньше меня, Мопертюи разсуждалъ о самоубійствѣ скорпіоновъ. Онъ говоритъ, что насѣкомое, чувствуя вокругъ себя жаръ, удаляется въ центръ огненнаго круга и тамъ умираетъ. Движеніе хвоста съ жалами къ головѣ есть ничто иное, какъ дѣйствіе конвульсіи. Я тогда только повѣрю самоубійству скорпіона, если знаменитый медикъ Морганьи объявитъ, что трупы скорпіоновъ были имъ осмотрѣны и жало найдено въ головѣ.

Но, разбирая съ такою умною тонкостью фактъ о скорпіонѣ, Джонсонъ, въ тоже время, высказалъ, по поводу натуральной исторіи, нѣсколько мнѣній, недѣлающихъ чести его обыкновенному такту. Нельзя сомнѣваться, говорилъ онъ, напримѣръ въ томъ, что ласточки спятъ всю зиму. Всякій изъ насъ замѣтилъ, что онѣ, съ наступленіемъ холоднаго времени, летаютъ тѣсными массами, будто свиваясь другъ съ другомъ. Такъ подлетаютъ онѣ къ морю и рѣкамъ, надъ водой сплетаются совершенно и сплошными кучами падаютъ въ глубину до теплаго времени *). Я всегда любилъ заду-

*) Мнѣніе это существуетъ и въ Россіи, но между простымъ народомъ.

мываться надъ тайнами природы, и первая поэма моя, которая, конечно не напечатана и не стоитъ печати, называлась: «Свѣтящійся червякъ».

Босвелль, продолжая начатый разговоръ о таинствахъ природы, сообщилъ, что на островѣ Святой Кильды (одномъ изъ Гебридскихъ), жители считаютъ прибытіе какого бы то ни было судна истиннымъ несчастіемъ, потому что чуть только чужой человѣкъ ступитъ на ихъ землю, климатъ перемѣняется, наступаетъ холодъ и страшныя простудныя болѣзни. Знаменитый Кембль (Campbell) силился объяснить этотъ фактъ теоріею какихъ-то особенныхъ испареній отъ тѣла новоприбывшихъ особъ. Какъ бы то ни было, фактъ признанъ Макъ-Олеемъ, человѣкомъ скорѣе скептическимъ, чѣмъ легковѣрнымъ.—Джонсонъ. Я не вѣрю объясненіямъ Кембля, но нахожу, что Макъ-Олей поступилъ благородно и смѣло, утверждая фактъ, хотя необъяснимый, но заслуживающій вѣры по множеству свидѣтелей. — Босвелль. Я не могу понять, какимъ образомъ появленіе одного иностранца на островѣ, можетъ поразить простудой всѣхъ его жителей? — Джонсонъ. Мало ли чего мы не можемъ понять и что, между тѣмъ, признано всѣми. Макъ-Олей поступилъ, скажу опять, и умно, и благородно. Выбрасывать изъ своей книги любопытный фактъ, и выбрасывать его только потому, что многіе не хотятъ ему вѣрить — есть, по моему, верхъ малодушія *).

Молодой шотландецъ не могъ долго жить въ Лондонѣ — отецъ звалъ его въ Шотландію; замѣтки, привезенныя имъ съ собою изъ путешествія и нуждавшіяся въ отдѣлкѣ, не дали ему срока до сыта насладиться обществомъ своего великаго пріятеля. Тѣмъ не менѣе, ужины въ ресторацiи Митра были возобновлены на время его пребыванія въ Лондонѣ. Гольдсмитъ, только что прославившійся изданіемъ своей поэмы «Traveller», принялъ участіе въ этихъ пирахъ, украшенныхъ присутствіемъ новыхъ знаменитостей. Бесѣды застольныя этого времени, къ сожалѣнію, не переданы намъ удовлетворительно. Со всѣмъ тѣмъ, мы постараемся передать, хотя

*) Загадка о причинахъ простуды на островѣ Святой Кильды, къ которому мы еще будемъ имѣть случай вернуться, — загадка, занимавшая собою дѣльные умы и ставившая въ тупикъ Кембля и Джонсона, разрѣшена была въ 1773 году, однимъ священникомъ, случайно прочитавшимъ Босвеллево путешествіе по Гебридскимъ островамъ. Расположеніе острова таково, что «судно можетъ подъѣхать къ нему не иначе, какъ при сѣверовосточномъ вѣтрѣ», и этотъ-то вѣтеръ, а не прибытіе путешественниковъ, дѣйствуетъ такъ вредно на здоровье сентъ-кильдскихъ островитянъ. Какъ проста и вмѣстѣ съ тѣмъ замысловата разгадка вопроса, изъ-за котораго ратоборствовали первые ученые Англіи!

часть ихъ, нашимъ читателямъ. По поводу параллели между Ричардсономъ и Фильдингомъ, Джонсонъ высказалъ такое мнѣніе:— Между первымъ и вторымъ романистомъ столько же различія, сколько между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ знаетъ весь механизмъ карманныхъ часовъ, а другой умѣетъ только говорить вамъ, который часъ, глядя въ то же время на циферблатъ. Въ одномъ письмѣ Ричардсона болѣе познанія сердца человѣческаго, чѣмъ во всемъ Томъ Джонсѣ. — Томасъ Эрскинъ (братъ лорда Буханъ). Говорите, что угодно, сэръ, но мнѣ Ричардсонъ кажется скучнымъ. — Джонсонъ. Конечно, онъ скученъ, если вы только хотите событій, а не изображенія чувствъ; кто читаетъ Ричардсона изъ-за однихъ происшествій, тотъ, конечно, будетъ готовъ повѣситься отъ досады, — такъ медленно и вяло онѣ тянутся; но эти происшествія только одинъ предлогъ для другихъ цѣлей. Я это всегда скажу, хотя не пристрастенъ къ Ричардсону: его частная жизнь была не по моему вкусу; онъ былъ вѣчно окруженъ женщинами, которыя расхваливали его въ глаза поминутно, — и ему становилось скучно, если никто не говорилъ ему о его сочиненіяхъ. — Рейнольдсъ. Помните вы, сэръ, какъ пріятно проведенъ былъ Ленгтономъ одинъ вечеръ у Ричардсона? — Джонсонъ. Да, это была забавная исторія: нашъ другъ былъ въ восторгѣ отъ Ричардсоновыхъ романовъ, его повели знакомиться съ ихъ авторомъ, наговоривши впередъ бездну хорошаго о разговорномъ талантѣ автора Клариссы. Ленгтонъ ожидалъ увидѣть остроумнаго человѣка, окруженнаго милыми поклонницами, и каково же было его удивленіе, когда онъ встрѣтилъ скучнѣйшаго старика, сидящаго въ кругу старухъ, слушающаго ихъ глупую лесть и не говорящаго со своими гостями. Во весь вечеръ онъ говорилъ только про то, что его Кларисса переведена на нѣмецкій языкъ и лежитъ въ его кабинетѣ. Тѣмъ и кончилось знакомство Ленгтона съ романистомъ.

Босвелль выразилъ свое удивленіе къ таланту Фильдинга, писателя, нелюбимаго торіями и въ особенности Джонсономъ. — Джонсонъ. Вашъ Фильдингъ дуракъ, — то есть, я хотѣлъ сказать безпутный мошенникъ. Еслибъ я его не зналъ, то могъ бы подумать, что онъ родился или конюхомъ, или слугой въ питейномъ домѣ. Онъ мастерски изображаетъ характеры, говорите вы! Да нужно знать, что именно онъ подмѣчаетъ въ этихъ характерахъ, Черпаетъ ли онъ свое вдохновеніе изъ натуры человѣческой, или просто беретъ странности, уродства и переноситъ ихъ на свои страницы? Фильдингъ описываетъ такихъ же негодяевъ, какъ онъ самъ;

а если у него и встрѣчаются люди, признаваемые имъ за порядочныхъ, то все-таки, что это за люди? Ихъ лучшія качества будутъ пороками въ другомъ человѣкѣ. — Босвелль. Однако, сэръ, который-то изъ Фильдинговыхъ романовъ прочитанъ былъ вами въ одинъ присѣстъ, — вы сами такъ сказывали. — Джонсонъ (нисколько не смѣшавшись). Да, но я началъ его съ середины и прочиталъ весь, зная, что не захочу разкрывать его съизнова.

Стали говорить о семейныхъ исторіяхъ и невѣрности многихъ женъ.—Джонсонъ. Я бы не пустилъ въ свой домъ дочери, убѣжавшей отъ мужа и ему невѣрной. Еслибъ женщины понимали, что нужно стараться всегда нравиться своему мужу, ихъ мужья вели бы себя лучше. Нѣкоторые изъ мужей единственно потому измѣняютъ своему долгу, что жены ихъ не стараются поддерживать въ нихъ супружеской привязанности.

Босвелль, начинавшій съ нѣкотораго времени строить планы женатой жизни, сообщилъ, что знаетъ одну особу, на которой страшно жениться, такъ много въ ней достоинствъ, ума и высокихъ талантовъ. — Джонсонъ. Ничего, сэръ, не церемоньтесь слишкомъ,—женитесь, а тамъ увидите. Можетъ быть, черезъ годъ высокій разумъ покажется вамъ въ размѣрѣ, болѣе обыкновенномъ, а блестящіе таланты утратятъ часть своего ослѣпительнаго сіянія. Впрочемъ,—прибавилъ онъ немного подумавъ: — подобное сомнѣніе передъ вступленіемъ въ бракъ, кажется мнѣ весьма похвальнымъ. Многіе люди оставляли слишкомъ блистательныхъ женщинъ и избирали для себя въ подруги особъ, повидимому, весьма не блестящихъ. Для семейной жизни нужны качества, вовсе чуждыя поэзіи, и въ то же время, есть таланты, которыми мы восхищаемся, но которые не принесутъ съ собою ничего, кромѣ огорченій! Кто-то замѣтилъ, что черезчуръ пуританское направленіе и въ женщинахъ не приводитъ къ доброму. Сэръ, сказалъ ему Джонсонъ, я самъ ненавижу людей, безпрестанно вопіющихъ противъ каждой невинной забавы. Я не играю въ карты, не танцовалъ никогда, одѣваюсь дурно, но всегда буду защищать и карты и танцы, и умѣнье хорошо одѣваться По моему, одеждою можетъ, и то не всегда, пренебрегать тотъ человѣкъ, котораго уже достаточно знаютъ и которому прощаютъ эту небрежность изъ-за другихъ его достоинствъ. Тутъ одинъ изъ гостей, нѣсколько зараженный лицемѣрствомъ пуританъ и квакеровъ, сказалъ нѣсколько словъ противъ щегольскихъ уборовъ и роскоши въ одеждѣ. — Джонсонъ. О, сэръ! станемъ лучше помышлять о искорененіи нашихъ пороковъ, а не срываніи нашихъ галуновъ съ нашихъ камзоловъ. Пусть

Господь, потребовавши насъ къ себѣ, найдетъ насъ простыми по душѣ, а не по костюму.

Черезъ нѣсколько времени послѣ Босвеллева отъѣзда въ Шотландію, въ то самое время, когда будущій лордъ Охинлеккъ получилъ званіе адвоката, ревностно подвизался на судебномъ поприщѣ и проживалъ въ Эдинбургѣ, съ Самуиломъ Джонсономъ случилось происшествіе, бывшее, какъ говоритъ онъ самъ, лучшей наградой за всѣ его старые труды и бѣдственные періоды жизни. Король Георгъ Третій, узнавъ, что старый лексикографъ по временамъ бываетъ въ библіотекѣ Сент-Джемскаго дворца, пожелалъ съ нимъ лично познакомиться. Библіотекарю Бэрнарду, содѣйствіемъ котораго Джонсонъ получилъ право работать по вечерамъ въ королевской библіотекѣ, приказано было увѣдомить короля, только что поэтъ посѣтитъ его книгохранилище.

На слѣдующій день, только что лексикографъ прибылъ въ библіотеку и покойно расположился съ книгами передъ огнемъ, мистеръ Бэрнардъ отправился въ королевскія комнаты и тотчасъ же воротился къ своему ученому пріятелю. «Сэръ, сказалъ онъ ему:— его величество желаетъ васъ видѣть». Георгъ Третій уже стоялъ возлѣ ветерана британской словесности.

Джонсонъ почтительно всталъ съ своего мѣста, не показывая никакихъ признаковъ особеннаго смущенія или неловкой торопливости. Король высказалъ ему свое удовольствіе видѣть его посреди своихъ книгъ, и началъ говорить съ нимъ объ оксфордской и кембриджской библіотекѣ, а потомъ спросилъ, не пишетъ ли онъ теперь чего-либо новаго? Джонсонъ отвѣтилъ, что высказавъ свѣту почти все, что только онъ зналъ, онъ чувствуетъ потребность новымъ чтеніемъ приготовить себя на новые труды. «Я не думаю, привѣтливо сказалъ король, чтобъ вы много нуждались въ пособіи чужого труда» Лексикографъ на это замѣтилъ, что его роль, какъ писателя, повидимому, окончена. «Я самъ такъ бы думалъ, сказалъ на это Георгъ Третій, еслибъ ваши творенія не были такъ прекрасны». Въ отвѣтъ на это лестное слово, Джонсонъ почтительно поклонился и не отвѣчалъ ничего *).

Король снова началъ говорить, и замѣтилъ, что, по его мнѣнію, начитанность доктора Джонсона была огромна; — поэтъ отвѣ-

---

*) Послѣ свиданія, сэръ Джосуа Рейнольдсъ спрашивалъ Джонсона, почему онъ ничего не сказалъ, выслушавъ королевскую похвалу. — Джонсонъ. Сэръ, я не имѣлъ права ничего отвѣчать. Я долженъ былъ молча принять ласковое слово. Не мнѣ перебрасываться любезностями съ моимъ государемъ. Отвѣтъ, дѣлающій честь свѣтскому такту уважаемаго готтентота.

чалъ на это, что онъ дѣйствительно много читалъ въ свою молодость, но что впослѣдствіи, по слабости здоровья, долженъ былъ заниматься менѣе. — Я думаю болѣе, чѣмъ читаю, — сказалъ онъ между прочимъ, — и въ этомъ отношеніи отсталъ отъ многихъ ученыхъ, напримѣръ отъ доктора Уарбуртона, начитанность котораго далеко обширнѣе... Король замѣтилъ, что и до него доходили слухи о необъятной учености Уарбуртона, которая, какъ онъ выразился, по своей многосторонности, походила на сценическій талантъ Гэррика. Коснувшись слегка богословскаго спора между Уарбуртономъ и Лоутсомъ, король спросилъ Джонсона, какого онъ мнѣнія о только что изданной въ свѣтъ исторіи, составленной лордомъ Литльтономъ. Лексикографъ отвѣчалъ, что слогъ сочиненія кажется ему очень хорошимъ, но что онъ не можетъ того же сказать о содержаніи, особенно о томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ самыми черными красками изображаетъ характеръ Генриха Втораго. — Георгъ Третій. Всѣ почти историки таковы; они не знаютъ мѣры ни въ лести, ни въ порицаніи.

— Джонсонъ. Ваше величество, я еще могу извинить льстиваго историка, предполагая, что онъ увлеченъ благодарностью; но что подумать о писателѣ, впадающемъ во вторую крайность? Лесть иногда происходитъ отъ добраго источника и тогда она бываетъ извинительною, если только заблужденіе можетъ быть достойнымъ извиненія.

За тѣмъ король спросилъ лексикографа о томъ, какого онъ мнѣнія на счетъ физическихъ познаній доктора Гилля *). Джонсонъ замѣтилъ, что способности этого лица весьма велики, но, что добросовѣстности въ немъ немного. Напримѣръ, продолжалъ поэтъ, мистеръ Гилль осмѣливается увѣрять насъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что предметъ увеличивается значительно, если, при разсматриваніи его, вмѣсто одного микроскопа, употреблять разомъ три или четыре. А между тѣмъ опытъ показываетъ намъ, что въ подобномъ случаѣ предметъ уменьшается. — Георгъ Третій. Утверждать подобную вещь, по моему, значитъ говорить не только ложь, но и вредную для себя вещь. Всякій человѣкъ, знакомый

---

*) Докторъ Гилль былъ замѣчателенъ въ тоже время своими сочиненіями, и мнѣнія лондонскаго общества о его познаніяхъ были весьма раздѣлены: одни называли Гилля шарлатаномъ, другіе — великимъ ученымъ и хорошимъ медикомъ. Гэррикъ сочинилъ на него слѣдующую эпиграму.

For physic and farces, his equal there scarce is
His farces are physic — his physic a farce is.

съ употребленіемъ микроскопа, способенъ уличить Гилля въ обманѣ *).

Хорошо ли я дѣлаю, подумалъ въ это время Джонсонъ, что такъ откровенно выставляю шарлатанство Гилля передъ его государемъ? И стараясь изгладить изъ памяти короля свое обвиненіе, онъ тутъ же прибавилъ: «Совсѣмъ тѣмъ, никто не рѣшится отнять у доктора Гилля его заслугъ, какъ искуснаго наблюдателя. Онъ виноватъ только въ томъ, что желаетъ передать свѣту болѣе познаній, нежели самъ имѣетъ; еслибъ подобная метода была имъ оставлена, репутація его много бы выиграла».

Отъ Гилля и его опытовъ разговоръ перешелъ къ ученымъ и литературнымъ журналамъ, англійскимъ и иностраннымъ. Король очень хвалилъ «Journal des Savants», спрашивалъ Джонсонова мнѣнія о лучшихъ періодическихъ изданіяхъ того времени, интересовался ходомъ журнальной работы, именами лучшихъ сотрудниковъ и въ тоже время предложилъ лексикографу заняться составленіемъ литературныхъ біографій. Джонсонъ изъявилъ полную готовность исполнить волю его величества, и затѣмъ свиданіе кончилось. Георгъ Третій ушелъ въ свои покои, совершенно довольный бесѣдою своего знаменитаго подданнаго, а Джонсонъ отправился къ своему другу сэру Рейнольдсу и подѣлился съ нимъ разсказомъ о впечатлѣніяхъ вечера. Лучшіе друзья почти всѣ сошлись къ живописцу-баронету, недоставало почти одного Босвелля, скучавшаго въ своей родной Каледоніи. Сэръ Джосуа и всѣ собесѣдники поздравили Джонсона съ новымъ знакомъ королевскаго вниманія, засыпали его разспросами, а нетерпѣливый докторъ Уартонъ насильно усадилъ поэта въ уголокъ и заставилъ сообщить по порядку всѣ подробности разговора съ его величествомъ. Во все время Джонсонова разсказа одинъ только Гольдсмитъ сидѣлъ по одаль и предавался довольно мрачной задумчивости. Босвелль увѣряетъ, что его грызла зависть, другіе біографы утверждаютъ напротивъ, что въ этотъ день авторъ «Викарія» былъ огорченъ разными театральными мелочами, — онъ ставилъ въ то время новую пьесу. Но и Гольдсмитъ не долго оставался холоднымъ: прослушавъ почтительные и благородные отвѣты лексикографа государю, онъ вскочилъ съ своего мѣста и подбѣжалъ къ Джонсону, говоря. «Вы отлично вели себя, сэръ, вы говорили какъ нельзя

---

*) Джонсонъ былъ не правъ въ своемъ обвиненіи: Гилль разумѣлъ не нѣсколько микроскоповъ, а употребленіе нѣсколькихъ стеколъ въ одномъ. Запутанное изложеніе сочиненій доктора Гилля ввело поэта въ заблужденіе.

умѣе. Я воображаю, что случилось бы со мной на вашемъ мѣстѣ... я бы только и умѣлъ бормотать, да кланяться!»

V.

Босвелль, превратившійся въ Корсиканца. — Юбилей Шекспиру. — Вечеръ у мистриссъ Трель. — Споръ о Гаррикѣ. — Привидѣніе въ видѣ полупенсовой монеты. — Гольдсмитъ въ необыкновенномъ нарядѣ. — Нападеніе на Корсику и на крѣпкіе напитки. — Мистриссъ Монтегю и Вольтеръ. — Конгревъ и Шекспиръ. — Уголовное дѣло синьора Баретти. — Джонсонъ въ судѣ. — Генералъ Паоли, его свиданіе съ Джонсономъ. — Отзывъ Паоли о Гольдсмитѣ и Шамье. — Пѣсня, сочиненная Босвеллемъ. — Наставленія по поводу вступленія въ бракъ. — Званный обѣдъ. — Диссертація о достоинствѣ литератора. — Поэтъ и слава старинныхъ писателей. — Споръ о винѣ и перебранка съ Рейнольдсомъ. — Роскошь. — Теорія Мандевиля о частныхъ порокахъ и общей пользѣ. — Литературная пытка. — Участь нѣкоторыхъ знаменитыхъ твореній. — Босвелль ѣдетъ жениться.

Осенью, 1769 года, странные слухи дошли до ушей знаменитаго лексикографа. Босвелль, другъ его, тихій и приличный, Босвелль, такъ любимый въ Лондонѣ, только что получившій нѣкоторую извѣстность своимъ живымъ и интереснымъ сочиненіемъ о Корсикѣ, Босвелль началъ вести себя забавнымъ образомъ и въ короткое время сталъ посмѣшищемъ насмѣшливыхъ журналистовъ, а отъ друзей своихъ получилъ кличку Корсиканца: «Korsica Boswell», кличку, оставшуюся за нимъ до самой смерти. «Босвелль», говорили Джонсону услужливые пріятели, «нашъ общій другъ влюбился по уши и дѣлаетъ неслыханныя глупости: ссорится съ отцомъ, напивается пьянъ и въ пьяномъ видѣ умоляетъ всѣхъ знакомыхъ вступиться за островъ Корсику, покоренный Франціею». Поэтъ сперва пренебрегалъ этими слухами, но вслѣдъ за ними до него дошли печатныя доказательства; въ описаніи Шекспирова юбилея, устроеннаго въ родномъ городѣ великаго драматурга, прописано было всѣми буквами, что извѣстный въ литературномъ мірѣ мистеръ Босвелль явился на торжество, одѣтый какимъ-то италіянскимъ бандитомъ, съ надписью «Корсика» на своей шляпѣ, и началъ, посреди общаго веселія, шумѣть, потрясать оружіемъ и проповѣдывать цѣлый крестовый походъ противъ вѣроломныхъ французовъ, притѣснявшихъ тотъ самый островъ, гдѣ ему, Босвеллю, оказано было такое радушное гостепріимство. Разсказы о томъ, какъ добрякъ Босвелль предался буйнымъ и воинственнымъ выходкамъ, были такъ необыкновенны, что весь Лондонъ потѣшался ими нѣсколько времени; даже вышли въ свѣтъ каррикатуры, на которыхъ Джонсоновъ пріятель изображенъ былъ, одѣтый корсиканскимъ вождемъ и въ двухъ смѣшныхъ положеніяхъ. Но

старый лексикографъ не могъ смѣяться со всѣми, ему больно стало видѣть шута въ своемъ добромъ, но слабомъ пріятелѣ, и онъ рѣшился написать къ нему строгое письмо, въ которомъ совѣтовалъ выкинуть изъ головы островъ Корсику и подобныя бредни и скорѣе явиться въ Лондонъ. Письмо это произвело надлежащій эффектъ, и храбрый Корсиканецъ пріѣхалъ къ своему ученому другу съ повинной головою и обѣщаніемъ исправиться. Два счастливыя обстоятельства, по его словамъ, произвели такое странное дѣйствіе на его слабую натуру: во-первыхъ, Босвелль дѣйствительно былъ влюбленъ, а во-вторыхъ, въ Англію только что пріѣхалъ изгнанникъ Паоли *), тотъ самый генералъ Паоли, который съ такой славою защищалъ свое отечество, Корсику, противъ генуэзцевъ и французовъ. Босвелль познакомился съ Паоли во время своихъ путешествій и не переставалъ питать къ нему живѣйшей дружбы, а отечество его считалъ какъ бы своимъ отечествомъ. Гораздо труднѣе было бѣдному шотландцу оправдаться въ своей страсти къ горячимъ напиткамъ, однако, выслушавъ строгія наставленія лексикографа, онъ далъ ему слово неусыпно наблюдать за собою и никогда не пить до помраченія разсудка. Послѣ надлежащихъ объясненій и признаковъ живѣйшаго раскаянія, прежняя связь двухъ пріятелей возобновилась вполнѣ и Босвелль принялся за продолженіе своихъ замѣтокъ обо всемъ, что касалось Джонсона.

Въ это время лексикографъ проводилъ большую часть своихъ вечеровъ въ семействѣ мистера Треля. Въ обширной гостинной съ каминомъ и колоннами, уставленной картинами Рейнольдса, снимками съ Гогарта и дорогими произведеніями иностранныхъ мастеровъ, собирался избранный кружокъ, котораго душою и центромъ были двѣ особы, — старый поэтъ и мистриссъ Трель, женщина маленькаго роста, очень полная, но весьма миловидная и живая. Актеръ Гэррикъ и многіе члены Джонсонова клуба были тутъ же; дамы, знакомыя съ хозяйкой дома, по временамъ оживляли бесѣду своимъ присутствіемъ, а самъ мистеръ Трель, мужчина огромнаго роста и величественной наружности, заботился равно и объ угощеніи посѣтителей и о направленіи общаго разго-

---

*) Паскаль Паоли (родился въ 1726 году) былъ главнымъ правителемъ и полководцемъ въ Корсикѣ, до тѣхъ поръ, пока окончательныя побѣды французовъ не принудили его искать убѣжища въ Великобританіи, гдѣ оставался до французской революціи. Въ это время онъ снова явился въ Корсикѣ и былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ ея кратковременномъ присоединеніи къ британскимъ владѣніямъ. Когда обстоятельства измѣнились, онъ снова бѣжалъ въ Англію и умеръ тамъ около 1807 г.

вора. Хотя онъ и былъ членомъ Парламента, но не любилъ, чтобъ за его обѣдами или на его вечерахъ, рѣчь шла о политикѣ; торій въ душѣ, онъ имѣлъ, однако, достаточно терпимости и предоставлялъ своимъ гостямъ полную свободу мнѣній, лишь бы они не служили поводомъ къ шуму и столкновеніямъ. Босвелль не любилъ госпожи Трель; въ свою очередь и молодая пріятельница Джонсона не упускала случая подсмѣяться надъ чудакомъ шотландцемъ.

Постараемся перенестись воображеніемъ на одинъ изъ такихъ вечеровъ и, пользуясь обильными матеріалами изъ біографіи Джонсона, представить себѣ, какъ бесѣдовали въ Лондонѣ ученые мужи и дамы восемнадцатаго столѣтія.

Мистриссъ Трель весьма любила театръ и часто брала Джонсона въ свою ложу, гдѣ онъ обращалъ на себя вниманіе всей публики своей извѣстностью, небрежнымъ костюмомъ, странными манерами и громкимъ голосомъ. Гэррикъ былъ чрезвычайно любимъ ею, какъ актёръ и какъ поэтъ, но Джонсонъ, изъ невольной ли зависти, или просто изъ каприза, никогда не отдавалъ должной справедливости талантамъ человѣка, съ которымъ вмѣстѣ росъ, вмѣстѣ прибылъ въ Лондонъ, вмѣстѣ страдалъ подъ гнетомъ нужды и вмѣстѣ прославился. Потому бесѣды въ домѣ Треля (конечно, въ отсутствіи Гэррика) очень часто начинались спорами о его игрѣ и сочиненіяхъ.

Одинъ разъ, въ собраніи друзей, мистриссъ Трель объявила, что нѣжные стихи Гэррика ей нравятся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. — Не правда ли, спросила она Джонсона, — что рѣдко случается найти у какого-либо поэта подобную строку.

I'll smile with the simple, and feed with the poor! *)

— Джонсонъ. Дорогая моя леди, этотъ стихъ никуда не годится; бѣдный Давидъ (Гэррикъ) во всю свою жизнь не писалъ ничего хуже этого. Что это на него припала охота улыбаться съ простаками? онъ рискуетъ смѣяться очень глупо. И кто захочетъ питаться съ убогими, если его позовутъ на хорошій обѣдъ къ богатому человѣку? Что касается до меня, то я желаю улыбаться съ умными, а раздѣлять пищу богатыхъ. Я уважаю Гэррика и соглашаюсь, что, какъ авторъ, онъ человѣкъ находчивый и плодовитый, но не могу слышать преувеличенныхъ похвалъ каждому его шагу и каждой буквѣ, имъ написанной. — Босвелль. Сэръ, намъ всѣмъ, здѣсь присутствующимъ, кажется, что вы иногда бы-

---

*) Я хочу улыбаться съ простодушными и раздѣлять пищу убогихъ!
Стихи изъ поэмы Флоризель и Пердита.

ваете не правы въ отзывахъ о нашемъ общемъ, знаменитомъ другѣ. — Джонсонъ. Позвольте вамъ сказать, что если я иногда и нападаю на Гэррика, за то не терплю, чтобъ другіе на него нападали, а нелѣпая похвала не есть ли сильнѣйшее изъ нападеній? Тѣмъ не менѣе я, какъ старый другъ Давида, имѣю право указывать на его слабыя стороны. Онъ отличный актеръ, но не умѣетъ играть джентльменскихъ ролей, — онъ добрый человѣкъ, но избалованъ общей хвалою и привыкъ, чтобъ за нимъ ухаживали. Когда я составлялъ комментаріи на Шекспира, Гэррикъ имѣлъ превосходную библіотеку, въ которой я могъ бы отыскать рядъ превосходныхъ матеріаловъ, но я не обратился къ нему, зная, что онъ начнетъ ломаться и заставитъ меня за собой ухаживать. — Мистриссъ Трель. Хотите ли, я скажу вамъ, сэръ, причину, по которой Гэррикъ не предложилъ вамъ сочиненій, касающихся Шекспира: ихъ изданія очень рѣдки, а вы имѣете маленькую слабость кидать книги на полъ, пачкать ихъ чернилами, а иногда и терять совершенно. — Джонсонъ. Это болѣе чѣмъ правда. Но обратимся къ самому Гэррику и его качествамъ. Боже сохрани меня отвергать его заслуги сценическія и литературныя, но всетаки я буду утверждать, что онъ не развилъ своихъ дарованій хорошимъ воспитаніемъ. Онъ не знаетъ древнихъ языковъ; каждую латинскую фразу онъ старается угадывать по смыслу, такъ что у него не языкъ служитъ пособіемъ для мысли, а мысль помогаетъ пониманію языка. — Рейнольдсъ. Вы согласитесь, однакоже, что никто изъ актеровъ и писателей не содѣйствовалъ и въ половину распространенію шекспировой поэзіи, сколько содѣйствовалъ тому Гэррикъ. Черезъ кого Шекспиръ и его великія драмы популярны во всѣхъ слояхъ нашего общества, — ежели не черезъ игру и талантъ Гэррика? — Джонсонъ. Сэръ, я буду отвѣчать вамъ словами Гэррика; еще недавно онъ сказалъ мнѣ: скоро я оставлю сцену и примусь за внимательное чтеніе шекспировыхъ сочиненій. Когда ему было изучать Шекспира и вдумываться въ свои роли? Работая на скорую руку и занятый хлопотами по своему ремеслу, онъ натурально не имѣетъ времени съ пользой читать великаго трагика.

Босвелль, всегда готовый, даже посреди своихъ похвалъ, слегка нападать на людей, особенно близкихъ къ Джонсону, далъ замѣтить, что къ числу немногихъ недостатковъ Гэррика должно отнести его тщеславіе. — Джонсонъ. Не удивительно, сэръ, что Гэррикъ тщеславенъ: передъ нимъ повсюду и во всѣхъ видахъ расточается лесть, превышающая всѣ мѣры. Нѣсколько мѣ-

ховъ дуетъ въ самолюбіе, какъ въ печку, и я только удивляюсь, какъ имъ не удалось обратить въ пепелъ всего Гэррика. — Босвеллъ. И какихъ еще мѣховъ! Лордъ Чатамъ дуетъ, какъ Эолъ *), лордъ Мэлгюнльдъ надувается такъ, что его щеки готовы лопнуть отъ напряженія! Я читалъ такія письма на имя Гэррика, отъ которыхъ способна взбаламутиться голова каждаго смертнаго. — Джонсонъ. Справедливо. Похвала всякая намъ пріятна, но если намъ льститъ человѣкъ, котораго другіе люди осыпаютъ лестью и похвалами, тогда мы вполнѣ счастливы. — Мистриссъ Трель. Подобная мысль, не ошибаюсь, гдѣ-то была высказана Конгревомъ. — Джонсонъ. Вы не ошибаетесь; у Конгрева точно есть два стиха:

«Высшее наслажденіе въ любви я испытываю тогда, если вижу, что ко мнѣ пылаетъ сердце, передъ которымъ пламенѣютъ другія сердца.» Потому-то я отдаю справедливость хладнокровію Гэррика, — онъ не вполнѣ испорченъ лестью и похвалами. Да, сэръ, когда подумаешь обо всемъ этомъ, то удивляешься еще умѣренности Гэррика. Еслибъ мнѣ кидали въ лицо столько лести, удивлялись бы такъ, какъ это дѣлается съ Гэррикомъ, засыпали бъ меня деньгами, какъ его, — я не отвѣчаю никому, что̀ бъ изъ меня вышло. Я бы нанялъ двухъ дѣтинъ съ длинными шестами, во время прогулки бралъ бы ихъ съ собой и приказывалъ бы имъ поражать всякаго, кто не захочетъ дать мнѣ дороги. Еслибъ слава Гэррика далась Сибберу или Квину, они давно бы вспрыгнули на луну, а Гэррикъ живетъ съ нами, любитъ насъ. И прибавьте ко всему этому, что онъ добръ и готовъ на помощь ближнему. Онъ разбросалъ и роздалъ болѣе денегъ, нежели кто либо изъ нашихъ аристократовъ; положимъ, что иногда тщеславіе побуждало его къ этому, — но все таки деньги не были для него первымъ дѣломъ въ жизни. — Мистриссъ Трель. А между тѣмъ въ свѣтѣ прославляютъ Гэррика скупцомъ. — Босвеллъ. Футъ разсказываетъ, что одинъ разъ Гэррикъ вышелъ на улицу съ цѣлью помочь ка-

*) Чтобъ показать какимъ почетомъ пользовался Гэррикъ въ лучшемъ лондонскомъ обществѣ, мы приведемъ одинъ отрывокъ изъ посланія лорда Чатама къ великому актеру, въ то время странствовавшему по отдаленнымъ графствамъ.

«Гэррикъ, перестань любоваться живописными видами полей и лѣсовъ; перестань съ морского берега глядѣть на доки, башни и корабли, сверкающіе по заливамъ; посѣти мое дѣдовское жилище; приди подъ мою скромную кровлю! Правда, ты не увидишь у меня чудесъ природы; твоему быстрому глазу не на чемъ будетъ остановиться, кромѣ картины спокойствія и уничтоженнаго, забытаго честолюбія. Явись же ко мнѣ, безсмертный духъ сцены, зеркало всѣхъ вѣковъ, наперсникъ великой природы; приди и узнай жизнь старыхъ патріарховъ, которые, посреди сельской тишины, не думали никогда ни о золотѣ, ни о почестяхъ.

кому-то голяку, но что на повороте улицы ему встретилось привидѣніе, тѣнь полупенсовой монеты. Гэррикъ испугался, какъ въ «Гамлетѣ», и бросился домой со всѣхъ ногъ. — Джонсонъ (Смѣясь). Сэръ, мы всѣ знаемъ, что Футъ — бездѣльникъ, веселый бездѣльникъ, но все все-таки бездѣльникъ. Чтобъ вывести на сцену какое нибудь привидѣніе въ видѣ полупенсовой монеты, онъ готовъ родного брата понапрасну прославить скрягою. Онъ правъ только въ одномъ отношеніи: на Гэррика дѣйствительно находили припадки скупости, въ то время, когда онъ только что началъ разживаться деньгами и не привыкъ къ нимъ. Кромѣ того, ему выгодно имѣть репутацію скупца, чтобъ избавляться отъ тьмы нахаловъ и просителей.

Такимъ образомъ, къ удовольствію мистриссъ Трель и всѣхъ друзей великаго актера, Джонсонъ, начавши съ нападеній на Гэррика, окончилъ рѣчь о немъ почти безусловными похвалами.

Въ это время къ гостямъ присоединился самъ Гэррикъ, высокій, статный мужчина, съ благородными, до крайности подвижными чертами лица, въ темномъ голубомъ кафтанѣ, обшитымъ золотомъ возлѣ петель, камзолѣ, чрезвычайно открытомъ на груди и маленькой треугольной шляпѣ съ золотымъ позументомъ. Гэррикъ умѣлъ одѣваться. Съ нимъ вмѣстѣ явился въ гостинную уже знакомый намъ Оливеръ Гольдсмитъ, одѣтый, по случаю своихъ послѣднихъ успѣховъ, въ цвѣтной кафтанъ и розовый жилетъ съ позументомъ, — что означало прекрасное состояніе его кармана. Всѣ присутствующіе начали шутить надъ щегольствомъ романиста и надъ его страстью къ яркимъ цвѣтамъ въ одеждѣ. — Я вамъ скажу вотъ что, — отвѣчалъ на эти шутки Гольдсмитъ, — мой портной былъ въ такомъ восторгѣ отъ этого кафтана, что назвалъ его своимъ лучшимъ произведеніемъ! «у меня есть къ вамъ одна просьба, сэръ, сказалъ онъ мнѣ, когда я примѣрялъ платье, — если у васъ кто нибудь спроситъ, гдѣ вы одѣваетесь съ такимъ вкусомъ, не забудьте упомянуть о Джонѣ Фильби, въ Уатеръ-Лэнѣ!» — Джонсонъ. Теперь я понимаю въ чемъ дѣло: вашему портному захотѣлось распространить свою извѣстность, и онъ поступилъ очень искусно, сдѣлавъ вамъ такое яркое одѣяніе. За вами вѣчно будутъ толпиться зѣваки; многіе изъ нихъ будутъ спрашивать его адресъ, — и всякій изъ нихъ скажетъ: глядите, какой молодецъ Джонъ Фильби, какъ онъ умѣетъ изъ самыхъ цвѣтныхъ матерій шить что нибудь порядочное. — Гольдсмитъ. Съ вами страшно спорить, сэръ, — къ вамъ больше, чѣмъ къ кому нибудь относятся слова Сибберовой комедіи: «Съ этимъ человѣ-

комъ не можетъ быть разсужденій: если его пистолетъ осѣчется, онъ пристукнетъ васъ его рукояткой!»

Гольдсмиту данъ былъ нѣкоторый отдыхъ и шутки перешли на Босвелля, который, позабывъ свое обѣщаніе меньше говорить о дѣлахъ Корсики, опять сталъ развивать свою любимую тему о томъ, что Великобританія должна послать деньги и войско на помощь соотечественникамъ героя Паоли. Сэръ, сказалъ Джонсонъ своему пріятелю, — что означаютъ новые диѳирамбы, по поводу вашей дрянной Корсики и ея малодушныхъ жителей? — Отчего жъ Корсика и ея жители заслужили ваше презрѣніе? спросилъ глубоко огорченный Босвелль. — Джонсонъ. Сэръ, не защищайте вашихъ друзей бандитовъ: позволено ли кому нибудь въ наше время сомнѣваться въ ихъ трусости? Двадцать лѣтъ они воевали съ Генуэзцами и въ двадцать лѣтъ не могли одолѣть своихъ непріятелей; что я говорю одолѣть, не умѣли даже взять ни одной крѣпости. — Босвелль. Сэръ, вы забываете, что у нихъ не было артиллеріи. — Джонсонъ. Это все пустяки, сэръ; народъ истинно желающій войны и побѣды, въ двадцать лѣтъ времени можетъ истолочь въ порошокъ непріятельскія стѣны. Въ двадцать лѣтъ неумолимой войны онъ разтаскаетъ крѣпости по камешку и изгложетъ камни своими зубами. Всѣ присутствующіе, чтобъ побѣсить Босвелля, согласились, что Корсиканцы трусы и что участь ихъ не заслуживаетъ даже и сожалѣнія.

Бѣдному шотландцу въ этотъ разъ довелось получить не одну царапинку отъ лексикографа: рѣчь какъ-то коснулась пьянства, которое, какъ мы имѣли уже случай видѣть, только что при Георгѣ III начинало уменьшаться въ Англіи и Шотландіи. Босвелль, самъ немного заинтересованный въ этомъ вопросѣ, началъ утверждать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни, пристрастіе къ напиткамъ почти извинительно. Вдали отъ родины, говорилъ онъ, человѣкъ можетъ искать забвенія въ винѣ, если онъ разлученъ съ дорогими особами: воображеніе его, слегка воспламененное дарами Бахуса, представитъ ему этихъ особъ; наконецъ, если имъ, вслѣдствіе горестныхъ событій жизни, овладѣваетъ тоска и скука, неужели вы и тогда не захотите позволить ему искать веселости въ винѣ. — Джонсонъ. Въ вашихъ словахъ, сэръ, есть частичка правды, и я дѣлаюсь поснисходительнѣе. Еслибъ *вы* были когда нибудь осуждены проводить жизнь въ обществѣ одного и того же человѣка, то... то клянусь честью, я бы позволилъ *этому человѣку* искать развлеченіе въ дарахъ Бахуса. Всѣ принялись хохотать при неожиданной выходкѣ, что не помѣшало, однако, Бос-

велю со временемъ помѣстить ее въ свое знаменитое сочиненіе *).

Гэррикъ, съ обычной своей живописностью, разсказалъ довольно любопытный анекдотъ о томъ, какъ его пріятельница и страстная поклонница Шекспира, мистриссъ Монтегю, присутствовала въ парижской академіи, въ то время, когда тамъ читалась записка, въ которой Вольтеръ, нападая на творца Отелло, осыпалъ его постыднѣйшими наименованіями. Секретарь академіи Сюаръ, подошелъ къ англичанкѣ съ лукавой улыбкою. Je crains, madame, сказалъ онъ, que vous êtes un peu fachée de ce que vous venez d'entendre? — Moi, monsieur? громко и вѣжливо отвѣчала туристка, point du tout, c'est que voyez-vous, je ne suis pas amie de M. Voltaire. — Джонсонъ. Хорошо сказано; впрочемъ я не понимаю, почему всѣ вы такъ восхищаетесь тѣмъ, что мистриссъ Монтегю заступается за Шекспира. Развѣ мы разхваливаемъ какого нибудь учителя, узнавши, что онъ высѣкъ злого и лѣниваго мальчишку? Принимать сильное участіе въ спорахъ о Шекспирѣ, почти значитъ оскорблять великаго трагика. Не лучше ли намъ, вмѣсто того, заботиться о славѣ другихъ нашихъ драматурговъ, между которыми есть поэты, во многомъ не уступавшіе старому Вилліаму. — Гэррикъ. Сэръ, не вдавайтесь въ крайности: у насъ есть отличные драматическіе поэты, а между тѣмъ, что они такое передъ одной страницей Шекспира? — Джонсонъ (увлекаясь желаніемъ посердить Гэррика, превозносившаго творенія Шекспира). Не вы ли, мой старый пріятель, вдаетесь въ крайности, съ вашимъ идолопоклонствомъ передъ авторомъ «Ромео и Юліи»? Я по крайней мѣрѣ знаю нѣкоторыхъ поэтовъ, которыхъ страницы, конечно не всѣ, не хуже Шекспировыхъ. Возьмите, раскройте «Невѣсту» **) Конгрева, вы тамъ найдете описанія, которыхъ нѣтъ въ Вилліамѣ. — Гэррикъ. Любопытно было бы указаніе этихъ описаній. — Джонсонъ. Я вамъ могу прочесть на память одно изъ нихъ, именно описаніе храма:

«Какъ свято глядитъ это величественное строеніе. Какъ торжественно поднимаютъ свои мраморныя вершины древніе столбы, «подпирающіе его круглые и глубокіе своды, твердые и незыбле-

---

*) Передавая чужія шутки надъ собою, Босвелль, однако же, смягчаетъ ихъ тонъ и рѣдко называетъ себя по имени, а говоритъ: одному джентльмену, или, одному изъ вашихъ друзей сказано было то-то. Но другіе біографы Джонсона своей откровенностью уничтожаютъ всѣ результаты Босвеллевой скрытности.

**) Mourning Bride. Конгревъ, модный писатель временъ Реставраціи; его драмы и комедіи, до сихъ поръ цѣнятся знатоками.

«мые по своей собственной тягости. Оно глядитъ спокойствіемъ, «оно поражаетъ страхомъ и почтеніемъ мои смятенные взоры...»

Въ Шекспирѣ я не помню ничего подобнаго этому описанію. — Гэррикъ. Чтобъ судить такъ, нужно не понимать Шекспировой силы! Нужно слишкомъ надѣяться на себя и свою память, чтобъ произносить подобные приговоры! — Джонсонъ. Я хвалю вашу геройскую горячность, она достойна Шекспирова поклонника; но вспомните, сэръ, у Конгрева было много натуры и спокойствія. — Гэррикъ. Вы можете шутить сколько угодно надъ моей горячностью, но я никогда не перестану защищать права нашего величайшаго трагика. — Джонсонъ. Вы не хотите понять моихъ словъ, сэръ. Я не утверждаю и никогда не посмѣю утверждать, что у Шекспира есть равные *по всей массѣ произведеній*, я только говорю про небольшое число отдѣльныхъ мѣстъ въ Конгревѣ и другихъ писателяхъ, мѣстъ, которыя едва ли не лучше Шекспировскихъ. Иной человѣкъ можетъ имѣть всего десять гиней за душою, но эти десять гиней, если ихъ слить въ одинъ кусокъ, представятъ монету огромнѣе, чѣмъ обыкновенныя монеты первыхъ богачей въ Англіи. Потому-то я защищаю прочитанный мною отрывокъ изъ Конгрева. Найдите мнѣ въ Шекспирѣ хоть одно подобное описаніе, только замѣтьте, описаніе матеріальныхъ предметовъ безъ людей съ ихъ страстями. — Мистриссъ Трель. А описаніе ночи передъ Азенкурскимъ сраженіемъ? — Джонсонъ. Въ этомъ описаніи есть *люди*. — Дэвисъ. Я приведу рѣчь Джульеты, просыпающейся въ склепѣ своихъ предковъ. Но въ этомъ отрывкѣ было много страсти. — Гэррикъ. Описаніе Доверъ-Клифа, въ Лирѣ? — Джонсонъ. Здѣсь поэтъ, описывая вороновъ, лодки, мелькающія въ отдаленіи, портитъ свое описаніе бездонной пропасти: переходитъ отъ идеи громадной къ мелкимъ предметамъ, значитъ вредить поэзіи. Положимъ, что дѣвушка въ Конгревовой Невѣстѣ сказала бъ, что ей не добросить своего башмака до вершины мраморныхъ столбовъ зданія; грандіозная идея была бы ослаблена и испорчена.

Разговоръ отъ литературы перешелъ къ городскимъ новостямъ и участи одного изъ друзей Джонсона, мистера Баретти, итальянца по происхожденію, но извѣстнаго въ Англіи своими сочиненіями, филологическими трудами, и считаемаго повсюду за человѣка благовоспитаннаго и скромнаго. Баретти былъ обвиненъ въ смертоубійствѣ и на дняхъ имѣлъ явиться въ судъ, гдѣ участь его должна была рѣшиться. Исторія, подавшая поводъ криминальному процессу, заключалась въ слѣдующемъ: въ октябрѣ 1769 года,

названный нами литераторъ, проходя ночью по Гэй-маркетской площади, встрѣченъ былъ женщиной подозрительнаго вида, наговорившей ему много дерзостей и непріятностей, заставившихъ Баррети, чтобъ освободиться отъ нея, ударить ее по рукѣ. На ея крикъ изъ за сосѣднихъ домовъ выскочило трое мужчинъ, эти мошенники, — по всей вѣроятности они были въ заговорѣ съ женщиной, — кинулись на ученаго прохожаго и начали толкать его въ глубокую грязную канаву, которыхъ въ то время было такъ много по лондонскимъ площадямъ и улицамъ. Баретти имѣлъ въ карманѣ десертный ножъ для рѣзанья фруктовъ и пирожковъ, и видя, что бездѣльники напирали на него сильнѣе и сильнѣе, онъ ударилъ имъ одного изъ своихъ противниковъ. Бродяга умеръ на другой день, а товарищи его обвинили Баретти въ предвамѣренномъ преступленіи.

Весь фешенебльный и ученый міръ Лондона интересовался исходомъ этого любопытнаго процесса; натурально, что и въ гостинной госпожи Трель имя Баретти произносилось съ глубокимъ соболѣзнованіемъ, а судьба его занимала всякаго. Одинъ Джонсонъ сохранялъ хладнокровіе, и когда у него спросили о причинахъ этой холодности, господа, — сказалъ онъ, я не одобряю этой излишней готовности къ соболѣзнованію. Во всякомъ признакѣ слишкомъ сильнаго участія къ бѣдствіямъ другихъ людей, мнѣ чудится или притворство, или малодушіе. — Босвелль. Неужели, сэръ, вы не допускаете возможности тосковать о человѣкѣ, который завтра, можетъ быть, будетъ приговоренъ къ повѣшенію? — Джонсонъ. Я допускаю возможность помощи, даже думаю, что всякій обязанъ оказать такую помощь своему ближнему, но на пустое соболѣзнованіе я не способенъ. — Босвелль. И вы способны были бы не страдать, узнавши, что вашъ другъ приговоренъ къ смерти? — Джонсонъ. Я бы сдѣлалъ все, что могу для его спасенія, — и въ случаѣ неудачи, остался бъ спокойнымъ. — Босвелль. И вы могли бъ обѣдать въ день его казни, обѣдать, какъ во всякой другой день? — Джонсонъ. Совершенно также, и повѣрьте, всѣ другіе его друзья сдѣлаютъ тоже самое. Я надѣюсь, что процессъ Баретти благополучно кончится, — но допустимъ что его повѣсятъ, — и тогда что станутъ дѣлать друзья его, теперь готовые за него въ огонь и въ воду? Они точно также станутъ обѣдать, какъ и цѣлый свѣтъ, и по случаю смерти друга не будутъ держать діэты. И повѣрьте, что въ тотъ день не будетъ съѣдено ни однимъ кусочкомъ пуддинга менѣе.

Слова эти, можетъ быть, имѣли въ себѣ рѣзкость, производя-

щую впечатлѣнie, довольно непрiятное, но, во-первыхъ, онѣ заключали въ себѣ много истинной откровенности, а во-вторыхъ, никто изъ собесѣдниковъ не былъ въ состоянiи заподозрить лексикографа въ жестокости сердца. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ описаннаго нами разговора, какъ Джонсонъ получилъ полную возможность примѣнить къ дѣлу свои сужденiя о симпатiи къ людскимъ бѣдствiямъ: — его пригласили въ судъ, какъ друга Баретти и какъ особу, способную доставить нѣсколько важныхъ свѣдѣнiй о поведенiи подсудимыхъ. Лексикографъ немедленно явился въ засѣданiе съ полной готовностью сдѣлать все возможное для спасенiя человѣка, связаннаго съ нимъ прiязнью и начавшаго свое литературное поприще подъ его руководствомъ. Когда старый поэтъ, въ своемъ небрежномъ нарядѣ, всталъ съ мѣста и важными шагами направился къ столу, за которымъ сидѣли присяжные, одобрительный ропотъ раздался повсюду. — Я зналъ мистра Баретти слишкомъ пятнадцать лѣтъ, началъ лексикографъ свои отвѣты, посреди общаго молчанiя; я коротко его знаю и друженъ съ нимъ. Онъ истинный литераторъ по своему трудолюбiю и учености. Онъ жилъ и живетъ своими трудами. Никогда не примѣчалъ я въ немъ признаковъ вспыльчивости, — употребленiю крѣпкихъ напитковъ онъ не былъ никогда преданъ. Миролюбивыя его наклонности для меня несомнѣнны: онъ кажется мнѣ даже болѣе робкимъ, по характеру, чѣмъ этого можно было бы ожидать. Онъ неспособенъ останавливать женщинъ на улицахъ, и если обстоятельства побудили его нанести ударъ человѣку, — то не сомнѣваюсь, что онъ былъ вынужденъ къ тому великимъ насилiемъ и защитою.

Въ это же засѣданiе Баретти былъ совершенно оправданъ.

Между тѣмъ Босвелль продолжалъ жить въ Лондонѣ и страсть его къ своей невѣстѣ, казалось, ограничивалась одними словами и письмами. Просидѣвъ вечеръ съ лексикографомъ, нашъ добрый шотландецъ посвящалъ часть ночи составленiю матерiаловъ будущей бiографiи Джонсона и на утро уже имѣлъ въ прiемной другого своего идола, генерала Паоли, къ которому продолжалъ питать прежнiя чувства. Обѣ знаменитости, военная и литературная, корсиканская и лондонская, Паоли и Джонсонъ, наконецъ столько наслышались другъ о другѣ, что, къ неописанной радости общаго ихъ друга, изъявили желанiе познакомиться. Былъ выбранъ день, переговоры окончены, и въ одно октябрское утро литераторъ Джемзъ Босвелль явился къ лексикографу въ сопровожденiи генерала, имя котораго еще продолжало гремѣть по всей Европѣ. Паоли въ то время было около сорока пяти лѣтъ; онъ былъ некрасивъ собою, —

особенно его физіономію портилъ огромный и широкій подбородокъ, — но осанка его была такъ строга и благородна, черты лица дышали такою простотой и тихостью что впечатлѣніе, сдѣланное имъ на поэта, было какъ нельзя болѣе удовлетворительно. Джонсонъ говорилъ по-англійски, а Паоли по-итальянски: оба они понимали другъ друга достаточно, а Босвелль помогалъ имъ обоимъ въ случаѣ затрудненій. — Я читалъ часть вашихъ сочиненій, началъ корсиканецъ, и много слышалъ о васъ отъ моего друга Босвелля. По обѣимъ причинамъ я не могу смотрѣть на васъ иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго удивленія. Джонсонъ отвѣчалъ въ томъ же родѣ и потомъ сдѣлалъ какую-то замѣтку по поводу языкознанія. — Паоли. Синьоръ Джонсонъ, я былъ всегда того мнѣнія, что изученіе какого бы то ни было языка должно быть неразлучнымъ съ изученіемъ самого народа, на немъ говорящаго. Не проникнувъ въ обычаи, понятія, исторію и поэзію этого народа, мы напрасно будемъ пытаться одолѣть его языкъ; прямой смыслъ словъ и фразъ будетъ намъ ясенъ, — но ихъ оттѣнокъ, остроуміе, сила выраженія, останутся для насъ въ потемкахъ. — Джонсонъ. Сэръ, вы говорите о языкахъ такъ, какъ будто бы всю свою жизнь изучали ихъ, а не управляли судьбами народовъ. — Паоли. Questo e un troppo gran complimento (комплиментъ для меня слишкомъ великъ!) — Джонсонъ. Я самъ могъ бы подумать это, раньше нашего знакомства, — не слыхавъ только что высказанныхъ вами мыслей! Паоли спросилъ хозяина, что думаетъ онъ о вредной философіи сенсуалистовъ. — Сэръ, мнѣ кажется, что этотъ духъ скептицизма подобенъ облаку, затемняющему горизонтъ: когда явится солнце, облако не удержится на небѣ. — Паоли. По этому вы думаете, что люди способны сбросить вредные предразсудки какъ платье? — Джонсонъ. Совершенно такъ, если они заразились этими предразсудками также легко, какъ надѣли новое платье. Развитіе новой философіи есть дѣло моды. — Паоли. Моды и хвастовства, это правда. Я замѣтилъ, что люди, хвастающіеся безвѣріемъ оказываются пустыми и даже трусливыми людьми въ случаѣ опасности. Сознавая необходимость храбриться надъ чѣмъ бы то ни было и не имѣя присутствія духа передъ опасностью, — они думаютъ выказать свое безстрашіе, шутливо толкуя о смерти. — Джонсонъ. И тѣмъ выказываютъ свою глубокую глупость. Есть вещи, о которыхъ не стыдно говорить съ ужасомъ, и даже если отъ высокихъ предметовъ мы перейдемъ къ истинамъ практической жизни, то увидимъ, что способность ощущать страхъ есть одна изъ неразлучныхъ принадлежностей человѣческой натуры. Вспомните,

что Карлъ V, прочитавъ на гробницѣ какого-то испанскаго гранда: «Этотъ человѣкъ никогда не испытывалъ страха», — сказалъ улыбнувшись: «Вѣроятно ему не приходилось никогда снимать пальцами со свѣчи!»

Вечеромъ въ тотъ же день, за чаемъ у Босвелля, лексикографъ благодарилъ хозяина за доставленное ему знакомство и разхваливалъ генерала Паоли, какъ умнѣйшаго человѣка и совершеннаго джентльмена. Генералъ Паоли, замѣтилъ онъ, имѣетъ чрезвычайно величественный видъ, и я мало встрѣчалъ людей ему подобныхъ. Босвелль замѣтилъ, что, однако, генералъ не имѣетъ въ своей фигурѣ ровно ничего воинственнаго. — Джонсонъ. Безукоризненно образованный человѣкъ не долженъ выказывать признаковъ своей профессіи, какъ бы она ни была блистательна. Его манеры должны быть вѣжливы и изящны, но сходны съ манерами общими для всѣхъ порядочныхъ людей. Онъ долженъ напоминать вамъ не судью, не оратора, не торговца, — а джентльмена, и ничего болѣе. Между прочимъ, мнѣ необыкновенно пріятно видѣть, что Паоли знакомъ съ нашей словесностью и выказываетъ свое къ ней участіе. — Босвелль. Недавно мы говорили съ нимъ о сочиненіяхъ нашего общаго друга Гольдсмита и генералъ чрезвычайно хорошо охарактеризовалъ общій духъ его сочиненій. «Мистеръ Гольдсмитъ, сказалъ онъ, напоминаетъ собой море, которое, само того не зная, выбрасываетъ на берегъ перлы, кораллы и другія драгоцѣнности». — Джонсонъ. Этими словами прекрасно выражена простота и наивность Гольдсмитовыхъ сочиненій. — Босвелль. Нельзя не пожалѣть, однако, что авторъ такихъ прекрасныхъ вещей, слабъ и ничтоженъ въ обществѣ. Въ послѣднее время имъ совершенно одолѣла страсть поминутно вмѣшиваться въ общій разговоръ, говорить много и говорить очень плохо. Онъ становится похожъ на человѣка, поминутно вынимающаго свой кошелекъ изъ кармана. — Джонсонъ. И какъ часто кошелекъ совершенно пустой. Гольдсмиту нечего добиваться славы болтуна и веселаго разсказчика: его никто не упрекнетъ въ молчаливости, а еслибъ и упрекнули, то онъ можетъ отвѣчать знаменитыми словами Эддисона: со мной мелкой монеты всего на десять пенсовъ, но я въ состояніи дать записку цѣлыхъ въ тысячу фунтовъ стерлинговъ. — Босвелль. Карлъ Фоксъ недавно объявилъ, что «Странникъ» Гольдсмита, кажется ему одною изъ лучшихъ поэмъ, когда-либо написанныхъ въ Англіи. — Джонсонъ. Слава Гольдсмита такъ велика, что похвала Фокса не прибавитъ ея. — Босвелль. Все-таки пріятно слышать такой отзывъ. — Джонсонъ. Мы сами

знаемъ, что поэма хорошая. — Босвелль. Такъ, но намъ могутъ сказать, что мы друзья автора и потому пристрастны. — Джонсонъ. Этого не скажутъ, сэръ, потому что всѣ мы вовсе не пристрастны къ Гольдсмиту; каждый изъ насъ знаетъ его недостатки, его привычку болтать не подумавши, сердиться за противорѣчіе вредить самому себѣ. Недавно произошла по поводу его поэмы весьма забавная исторія, которая покажетъ вамъ всю обширность Гольдсмитовой вѣтренности. Одинъ изъ нашихъ друзей, Шамье, читая «Странника» при авторѣ, спросилъ Гольдсмита о значеніи послѣдняго слова въ первой строчкѣ поэмы: Remote, unfriendles melancholy, slow. Въ какомъ смыслѣ, сэръ, говорилъ онъ ему, разумѣли вы слово slow. Хотѣли вы выразить медленность тѣлодвиженій? Гольдсмитъ, не подумавъ, отвѣчалъ: — Да. Я сидѣлъ возлѣ и разсердился чрезвычайно. — Нѣтъ, сэръ, возразилъ я Гольдсмиту, вы вовсе не хотѣли выразить медленности движенія. Вы разумѣли медленность, лѣность ума, происходящую въ человѣкѣ отъ уединенія! Вообразите себѣ удивленіе Шамье! Онъ сперва вообразилъ, что Гольдсмитова поэма написана была мною, а потомъ сказалъ: — Я вѣрю, что Гольдсмитъ самъ написалъ своего «Странника», и позвольте сказать вамъ, что черезъ это я выказываю большую способность вѣрить въ странныя вещи! Таковъ Гольдсмитъ въ жизни — но когда онъ принимается писать — ему мало равныхъ въ Англіи.

Вслѣдъ за тѣмъ, Босвелль прочелъ своему другу маленькую пѣсню, сочиненную имъ по случаю своей скорой свадьбы. Хотя игра словъ непереводима, но мы передадимъ, по возможности, это маленькое стихотвореніе, до того понравившееся Гэррику, что онъ велѣлъ переложить его на музыку.

СУПРУЖЕСКАЯ МЫСЛЬ.

«Въ первое время счастливаго медоваго мѣсяца, увлеченный красотой моей Кати *), я любилъ ее съ утра до утра — и называлъ ее моимъ дорогимъ котеночкомъ.

«А теперь изъ котеночка вышла большая кошка — и она царапается; клянусь моей душою — я боюсь, что она будетъ живуча, какъ кошка».

— Хорошо, произнесъ лексикографъ, только выбросьте слова, клянусь моей душою! И вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ говорить весьма много о бракѣ и женщинахъ.

---

*) Слова Kate (котъ), cat (кошка), kitten (котенокъ), сходныя одно съ другимъ, придаютъ особенную игривость стихотворенію.

— Вступая въ бракъ, — началъ онъ, — усильте свое наблюденіе надъ самимъ собою, не упускайте изъ вида малѣйшихъ предметовъ домашней жизни. Юнгъ сказалъ памятныя слова: «Изъ песчинокъ составлены горы и годъ состоитъ изъ минутъ» — и эта мысль пусть руководитъ вами въ новомъ вашемъ положеніи. Вы имѣете право ожидать добра, потому что женщины нашего времени во всѣхъ отношеніяхъ выше прежнихъ женщинъ. Ихъ воспитаніе улучшилось, а вслѣдствіе того ихъ нравственность очистилась. Прежнія женщины часто бывали невѣрны мужьямъ отъ своей неразсудительности, теперь же такіе примѣры случаются все рѣже и рѣже. Супружескія ссоры случаются не такъ часто, какъ въ мое время. Вы хорошо дѣлаете, что выбираете себѣ въ подруги женщину умную и со свѣдѣніями; я никогда не раздѣлялъ мнѣнія людей, насмѣхающихся надъ учеными женщинами, хотя они прикрываются именемъ самого Попа *). Я знаю людей, которые, боясь умныхъ женщинъ, переженились на дурахъ. Иныя изъ этихъ дуръ похожи были на пуделей: онѣ кое чему выучились. Другія же были похожи наословъ: изъ нихъ ровно ничего не вышло. — **Босвелль**. Какого вы мнѣнія, сэръ, на счетъ браковъ по разсчету? — **Джонсонъ**. Богатство не есть такая вещь, которою можно было-бъ пренебречь. — **Босвелль**. Мнѣ казалось иногда, что жениться на небогатой дѣвушкѣ во сто разъ выгоднѣе, въ денежномъ отношеніи выгоднѣе, нежели жениться на богатой наслѣдницѣ. Первая неизбалована роскошью и будетъ заботиться о томъ, чтобъ увеличить ваше состояніе, вторая же можетъ разбросать и свои, и мужнины деньги. — **Джонсонъ**. Не могу согласиться съ вами; тутъ нужно знать, какова женщина. Та изъ двухъ, которая по своему богатству привыкла обращаться съ деньгами, сбережетъ ихъ скорѣе, нежели молодая особа, въ первый разъ, можетъ быть, узнавшая цѣну богатству.

Передъ своимъ отъѣздомъ къ невѣстѣ въ Шотландію, Босвелль устроилъ великолѣпный обѣдъ въ прежней и памятной ему тавернѣ Митра; собесѣдниками, кромѣ Джонсона, были: сиръ Рейнольдсъ,

*) Вотъ знаменитые стихи Попа на леди Мэри Монтегю (автора Восточныхъ системъ). — Хотя Артемизія толкуетъ, сгоряча, — про соборы, классиковъ, теологію, шутливыхъ писателей — читаетъ Мальбранша, Бойля и Локка, — однако, она слаба въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; — ей не мѣшало-бъ заботиться о своихъ ногтяхъ и носить платье почище.

Лучшимъ оправданіемъ леди Мери, одной изъ первыхъ красавицъ своего времени, можетъ служить тотъ неподверженный сомнѣнію фактъ, что сатира, отрывокъ изъ которой здѣсь выписанъ, сочинена вслѣдствіе неудачной любви горбатаго поэта къ той же самой леди Монтегю.

Мурфи, Гэррикъ, Гольдсмитъ и нѣсколько другихъ особъ, менѣе замѣчательныхъ. Одинъ изъ гостей почему-то замѣшкался и не могъ поспѣть къ назначенному времени, почему Босвелль, боясь, чтобъ ожиданіе и голодъ не разсердили вспыльчиваго лексикографа, поспѣшилъ спросить его, не усѣсться ли намъ обѣдать? семеро одного не дожидаютъ. — Джонсонъ. Несогласенъ съ вами, сэръ. Иногда одинъ человѣкъ страдаетъ черезъ ожиданіе болѣе, чѣмъ семеро другихъ людей; возьмите въ примѣръ нашу теперешнюю компанію: намъ ничего не стоитъ ждать нѣсколько минутъ, но каково будетъ запоздалому гостю видѣть, что его не хотя дожидаются?

Когда сѣли за столъ, болтунъ Гольдсмитъ первый началъ общую бесѣду, разсказавши, какъ онъ въ какомъ-то домѣ, встрѣтился съ лордомъ Кемденомъ. — Этотъ лордъ показался мнѣ великимъ невѣждою: во все время, онъ не обращалъ на меня никакого вниманія, и велъ себя такъ, какъ будто бы видѣлъ во мнѣ *самаго обыкновеннаго человѣка*. Общій хохотъ прервалъ рѣчь наивнаго романиста. — Джонсонъ. Господа, я не могу раздѣлять вашей веселости. Докторъ Гольдсмитъ, по моему мнѣнію, совершенно правъ, называя лорда Кемдена невѣждою. Развѣ лордъ, дворянинъ, одно изъ главныхъ лицъ администраціи, — имѣетъ право быть не чувствительнымъ къ славѣ своей родины, къ людямъ, увѣнчивающимъ эту славу? Развѣ не прямая обязанность истиннаго лорда, при встрѣчѣ съ лицомъ, замѣчательнымъ въ литературѣ, — показать этому лицу, что эти заслуги оцѣнены въ самыхъ высшихъ слояхъ общества? Никто не можетъ принудить лорда Кемдена отыскивать насъ, для того, чтобъ осыпать комплиментами, но если который нибудь изъ насъ будетъ съ нимъ сведенъ обстоятельствами, — его долгъ быть внимательнымъ и вѣжливымъ. Представители науки и словесности должны быть уважаемы; мы можемъ спорить и враждовать между собою, — но въ глазахъ свѣта мы должны быть почитаемы какъ жрецы науки и изящнаго. Одинъ разъ мнѣ пришлось обѣдать въ обществѣ книгопродавцевъ. Комната была очень мала, и первое мѣсто, на которомъ сидѣлъ я, приходилось совершенно возлѣ камина, такъ, что огонь нагрѣвалъ мнѣ спину самымъ непріятнымъ образомъ. Но я храбро вынесъ всю непріятность отъ жара, за тѣмъ только, чтобъ никто кромѣ меня, не помѣстился на самомъ почетномъ мѣстѣ. — Гэррикъ (смѣясь): Сэръ, подобныхъ примѣровъ геройства нужно искать развѣ только въ римской исторіи. — С. Рейнольдсъ (шутливо). Не вамъ разсуждать, Давидъ, о геройствѣ писателей и о почестяхъ, имъ возда-

ваемыхъ. Вы скоморохъ, комедіантъ, и мы должны были бы васъ изгнать отсюда какъ недостойнаго сидѣть съ нами. — Джонсонъ. Я заступаюсь за Гэррика, онъ прикосновененъ къ искусству. — Сиръ Рейнольдсъ. Такъ, я это зналъ. Докторъ Джонсонъ привыкъ смотрѣть на Гэррика, какъ на свою собственность; никто не смѣетъ ни бранить, ни хвалить нашего Давида въ его присутствіи.

Разговоръ коснулся сочиненій Попа, къ которому, какъ мы уже видѣли, нашъ лексикографъ чувствовалъ особенное уваженіе. Кто-то замѣтилъ, что въ настоящее время, слава умершаго поэта начала тускнѣть. — Джонсонъ. Сэръ, слава Попа никогда не уменьшится: изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ авторовъ ни на чью долю не доставалось болѣе славы, и сочувстіе къ твореніямъ Попа не изчезло съ его смертью. О его стихахъ говорятъ меньше, но имъ удивляются по прежнему. Всякій писатель испытываетъ подобную участь: о Виргиліѣ говорятъ меньше чѣмъ о Попѣ, о Гомерѣ меньше нежели о Виргиліѣ, а между тѣмъ, каждый изъ названныхъ мною поэтомъ живетъ въ потомствѣ. Мы не можемъ все время сидѣть надъ твореніями старыхъ писателей, мы должны, мы обязаны слѣдить за новыми явленіями въ мірѣ словесности. Многіе люди нападаютъ на плодовитость новыхъ писателей, на развитіе книжной промышленности; они утверждаютъ, что необходимость чтенія новыхъ посредственныхъ книгъ, отбиваетъ насъ отъ изученія классиковъ, отъ перечитыванія лучшихъ твореній древности. Но эти люди не хотятъ подумать, что въ замѣнъ того общая масса свѣдѣній увеличивается во всемъ обществѣ, что наука дѣлается болѣе доступною, что въ наше время женщины привыкли читать и читаютъ съ пользою. Современныхъ намъ писателей можно назвать лучами словесности, они сіяютъ не своимъ свѣтомъ, а сіяніемъ, заимствованнымъ отъ другихъ свѣтилъ, отъ свѣтилъ древности.

Заговорили объ употребленіи вина и стали подшучивать надъ Босвеллемъ. — Джонсонъ. Я знаю, что пить вино пріятно и одно время съ трудомъ отъ него воздерживался, но теперь я думаю о винѣ столько же, сколько думаетъ о немъ лошадь или собака, которая лежитъ подъ стуломъ. Вино не даетъ человѣку ничего: ни разума, ни остроумія, ни довольства самимъ собою; оно дѣлаетъ его смѣлѣе и способнѣе высказывать то, чего онъ прежде не смѣлъ высказать передъ другими. Вино только приводитъ въ движеніе тѣ мысли, которыя у человѣка въ головѣ уже были; если эти мысли дурны или глупы, тѣмъ хуже для него. — Рейнольдсъ. То-есть, другими словами, вино есть ключъ отъ ящика, но ящикъ можетъ быть или пустъ или полонъ. — Джонсонъ. Нѣтъ, сэръ, ключъ —

6*

это способность къ разговору, а вино есть орудіе, которымъ ломаютъ замки и портятъ ящики. Человѣкъ долженъ такъ распоряжаться своими способностями, чтобы имѣть на готовѣ лучшія мысли и безъ помощи вина. — Босвеллъ. Привѣтливому и вѣжливому человѣку нельзя не пить вина; представьте себѣ, что какой нибудь добрый и достойный хозяинъ упрашиваетъ васъ отвѣдать его вина, которое лѣтъ двадцать, какъ стоитъ въ погребѣ. — Джонсонъ. Такое мнѣніе о привѣтливости происходитъ оттого, что многіе люди придаютъ себѣ болѣе вѣса, чѣмъ бы слѣдовало. Какъ будто какой нибудь добрый и достойный хозяинъ чрезвычайно озабоченъ тѣмъ, чтобъ вы выпили его вино. Во первыхъ, никакой добрый и достойный хозяинъ не станетъ принуждать своего гостя пить вино. Во вторыхъ, изъ числа десяти такихъ добрыхъ и достойныхъ хозяевъ, трое вовсе не имѣютъ стараго вина въ своемъ погребѣ, и говорятъ объ немъ, чтобы что нибудь только сказать: трое лгутъ, зная то, что они лгутъ; трое имѣютъ старое вино и очень желаютъ, чтобъ его никто не пилъ, и едва ли одинъ угощаетъ васъ дѣйствительно старымъ виномъ и угощаетъ отъ чистаго сердца. Босвеллъ упомянулъ объ одномъ, весьма знаменитомъ лордѣ, который дѣйствительно оскорблялся, если его гости пили мало вина. — Джонсонъ. И вы приписываете это страсти къ гостепріимству, хлѣбосольству лорда? А я такъ думаю, что онъ просто хочетъ, чтобъ за столомъ всѣ преклонялись передъ его прихотями. — Босвеллъ. Однако, согласитесь, что наединѣ съ такимъ человѣкомъ нѣтъ средствъ соблюдать умѣренность. — Джонсонъ. Вовсе не согласенъ съ вами, сэръ, если вашъ хозяинъ не хочетъ пить воды вмѣстѣ съ *вами*, изъ-за чего же вы станете напиваться для *его* удовольствія. — Сиръ Рейнольдсъ. Все-таки, если мы имѣемъ цѣлью доставить нашему хозяину удовольствіе, совершенно правы, и намѣреніе наше стоитъ всякаго уваженія. — Джонсонъ (разсердясь). Я не хочу больше спорить съ вами, сэръ, кажется вы съ Босвеллемъ, слишкомъ примѣнили теорію къ самому дѣлу *). — Рейнольдсъ. Я бы самъ это подумалъ, сэръ, еслибъ кто нибудь изъ васъ сталъ говорить своимъ друзьямъ, что вы говорите. — Джонсонъ (покраснѣвъ и приближаясь къ Рейнольдсу). Сэръ, не сердитесь на меня, я не хотѣлъ васъ обидѣть. Вспомните слова поэта: «Какъ бы ни былъ легокъ и гладокъ мой стихъ, но пусть будетъ онъ проклятъ, если имъ я раздражалъ хоть одного достойнаго человѣка». Но, нападая на употребленіе вина, Джонсонъ былъ

*) То есть, напились сами.

несравненно снисходительнѣе къ другимъ наслажденіямъ жизни и вообще къ роскоши богатыхъ людей. Роскошь, говорилъ онъ, есть отличительный признакъ образованности въ обществѣ; она необходима и полезна въ благоустроенномъ государствѣ. Расточая деньги на различныя утонченныя потребности, вы передаете эти деньги бѣднымъ людямъ и передаете съ огромною пользою, потому что вознаграждаете ихъ трудъ и поощряете дѣятельность. Въ простой раздачѣ денегъ неимущимъ, заключается, можетъ быть, болѣе добродѣтели; но польза едва ли выходитъ та же, какъ отъ денегъ, отданныхъ за дѣло, за трудъ, и слѣдовательно попавшихъ въ руки людямъ бѣднымъ, но трудящимся. — Мурфи. Это напоминаетъ мнѣ извѣстную теорію *Мандевилля* о частныхъ порокахъ, служащихъ къ общей пользѣ. — Джонсонъ. Недостаточность этой теоріи происходитъ оттого, что Мандевилль не съумѣлъ достаточно опредѣлить значеніе слова *порокъ* и слова *польза*. Порокомъ онъ называетъ все то, что доставляетъ намъ удовольствіе и оттого впадаетъ въ такія смѣшныя крайности, что готовъ совѣтовать намъ ѣсть рыбу безъ соли, имѣя въ виду, что соль дѣлаетъ рыбу вкуснѣе, и стало быть доставляетъ намъ удовольствіе. Есть удовольствія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ порокомъ: имѣть хорошій садъ очень пріятно, и я надѣюсь, что не безнравственно. Съ другой стороны, Мандевилль, подъ словомъ общая *польза*, разумѣетъ богатство, деньги и ничего болѣе. Никакой порокъ самъ по себѣ не можетъ быть источникомъ пользы: положимъ, разбойникъ обобралъ какого нибудь другого бездѣльника и отдалъ его деньги порядочному человѣку: разбой все-таки остается разбоемъ, и вообразите себѣ положеніе края, въ которомъ бы часто случались подобные примѣры передачи чужой собственности! Нѣтъ, для меня ясно, что благополучіе обществъ основано на добродѣтели и правдѣ; безъ правды не могло-бъ существовать ни одно общество, и хотя на свѣтѣ такъ мало правды, что мы по временамъ боимся вѣрить собственнымъ нашимъ ушамъ, но еслибъ лжи было вдесятеро болѣе, чѣмъ теперь — что бы сдѣлалось со всѣми нами? Общество живетъ тѣмъ небольшимъ запасомъ правды, безъ котораго оно не могло бы существовать, и думая объ этомъ, я припоминаю извѣстныя слова сэра Томаса Броуна: «Дьяволы всегда ли лгутъ? не думаю, потому что въ такомъ случаѣ, самый адъ не могъ бы существовать долѣе!»

Одинъ изъ гостей замѣтилъ, что роскошь и удовольствія жизни, конечно, весьма важны для общества, но что истинный философъ правъ, не пріучая себя къ утонченнымъ наслажденіямъ. Сча-

стіе наше, заключилъ онъ, таится въ насъ самихъ, и намъ не зачѣмъ пріучать себя къ излишеству, если мы способны довольствоваться малымъ. Кто не помнитъ стиховъ Эддисона.

«Груба пища нумидійца, добыча его охоты, онъ привыкъ утолять жажду въ быстромъ ручьѣ, трудиться цѣлый день, и съ наступленіемъ ночи засыпать на родномъ берегу съ камнемъ подъ изголовьемъ. И если съ разсвѣтомъ онъ находитъ новую пищу и новый ручей, онъ благословляетъ свою звѣзду и считаетъ себя утопающимъ въ роскоши» *).

— Вотъ, сэръ, какого рода роскошь я одобряю.—Джонсонъ. Нѣтъ, сэръ, утолять чѣмъ ни попало жажду и голодъ, не значитъ еще быть счастливымъ. Большая часть нашей промышленности, изобрѣтеній и вообще всѣхъ усилій ума клонится къ доставленію удовольствія себѣ и другимъ, и я прошу васъ вѣрить, что голодный человѣкъ съ большимъ удовольствіемъ примется за хорошій обѣдъ, нежели за ключевую воду и добычу охоты, хотя бы и нумидійской.

Разговоръ коснулся переводовъ изъ Горація, сдѣланныхъ одною молодою дѣвушкою **).—Джонсонъ. Стихи весьма милы для молодой миссъ и очень плохи для Горація. Крайне досадно, что мнѣ показали ихъ ранѣе, чѣмъ напечатали.—Рейнольдсъ. Отчего же, если стихи дѣйствительно не дурны.—Джонсонъ. Я не могъ знать этого заранѣе и потому, еще не раскрывая тетради, чувствовалъ досаду. Стихи могли никуда не годиться, а между тѣмъ, я долженъ былъ сказать о нихъ свое мнѣніе. Крайне невѣжливо ставить человѣка въ такое положеніе и заставлять его, противъ воли, высказывать мнѣніе, которымъ, можетъ быть, авторъ оскорбится, или, что еще хуже, лгать съ цѣлью угодливости. Это я называю *дѣлать пытку*.—Босвеллъ. Развѣ нельзя совѣтоваться о своихъ произведеніяхъ съ знаменитыми писателями и знатоками, которыхъ одно слово можетъ намъ принести пользу?—Джонсонъ. Это выходитъ другими словами: или я не имѣю права дѣлать пытку, если отъ этой пытки жду себѣ выгоды. Я могу изъ вѣжливости похвалить рукопись, книга не понравится и тогда авторъ начнетъ кричать въ отвѣтъ критикамъ: я не хотѣлъ печатать сочиненія, но Джонсонъ, или Рейнольдсъ, или Мосгревъ, меня къ тому принудили своими похвалами. Я могу отсовѣтовать автору печатаніе его вещи и тогда онъ будетъ говорить: мнѣ нужны деньги и я бы имѣлъ ихъ, еслибъ

---

*) Въ трагедіи «Катонъ».
**) Дочерью леди Нейтъ (Knight).

вы не отсовѣтовали продавать мое сочиненіе. — Рейнольдсъ. Въ такомъ случаѣ нужно давать два совѣта, то есть, во-первыхъ, высказать свое откровенное мнѣніе объ абсолютномъ достоинствѣ сочиненія, а вслѣдъ за тѣмъ, сообразивъ потребности и вкусъ публики, рѣшить будетъ ли оно благосклонно принято читателями. — Джонсонъ. Этого-то рѣшить никто не въ состояніи. Вспомните, что двѣ лучшія комедіи Гольдсмита были сперва не приняты на сцену. — Гэррикъ. И противъ одной ратоборствовалъ именно я, въ чемъ и раскаиваюсь. — Гольдсмитъ. Докторъ Джонсонъ говорилъ мнѣ, что Вэкфильдскій священникъ пройдетъ совершенно незамѣченнымъ. — Джонсонъ. И еслибъ Вэкфильдскій священникъ явился послѣ Странника, за него дали бы около двухъ сотъ гиней, тогда какъ романъ былъ проданъ только за шестьдесятъ. Всего труднѣе угадывать, понравятся ли публикѣ драматическія произведенія — часто веселость ихъ изложенія выкупаетъ всѣ недостатки, а искусная обстановка придаетъ цѣну каждому слову. Нѣтъ, господа, не приносите ни къ кому на судъ своихъ рукописей, это игра невѣрная, опасная и для дружбы и для денежныхъ цѣлей.

Теперь мы простимся съ Босвеллемъ и его знаменитымъ другомъ до 1773 года, ознаменованнаго путешествіемъ лексикографа на сѣверъ Шотландіи. Въ пространство времени, между описанными нами бесѣдами и началомъ поѣздки на Гебридскіе острова, Босвелль не разъ пріѣзжалъ въ Лондонъ; мистриссъ Трель продолжала дѣлать свои замѣтки обо всемъ, что дѣлалъ и говорилъ старый поэтъ; но мы имѣемъ еще много матеріаловъ впереди и боимся, чтобъ предѣлы нашего этюда не расширились болѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

VI.

План поѣздки. — Прибытіе въ Шотландію. — Гостинница, гнѣвъ и путешествіе по темнымъ улицамъ. — Домъ и семейство Босвелля. — Мнѣніе его отца о Джонсонѣ. — Эдинбургскія бесѣды. — Юристы. — Эмиграція. — Эдмондъ Боркъ. — Сэръ Исаакъ Ньютонъ и стихи. — Актеры и драматическое искусство. — Лордъ Гэйльсъ. — Работа во что бы ни стало. — Древнія зданія Эдинбурга. — Сборы и отъѣздъ. — Разговоръ близъ рѣки Лейтъ. — О самоубійцахъ. — Островокъ Инчъ-Кейтъ и литературное предположеніе. — Сентъ-Андрю и невѣжество одного итальянца. — Упадокъ словесности, торговля и меценаты. — Пьянство и куреніе табаку. — Уединеніе. — Необходимость работать скоро. — Монтрозъ и разговоръ о лимонахъ. — Нѣчто о лордѣ Монбоддо, его жизнь и причуды. — Замокъ Монбоддо. — Гомеръ и Виргилій. — Упадокъ учености. — Лондонскій торгашъ и дикій островитянинъ. — Вѣжливость. — Городъ Эбердинъ.

Предположеніе о поѣздкѣ на Гебридскіе острова давно уже занимало Джонсона, и въ особенности Босвелля, но первый, не смотря на свой возрастъ, извѣстенъ былъ готовностью строить

различные планы и бросать ихъ безъ исполненія, а второй, какъ мы уже имѣли случай видѣть, озабоченъ былъ постоянно, то семейными, то служебными обстоятельствами. Тѣмъ не менѣе оба пріятеля уже нѣсколько лѣтъ сряду собирались пуститься въ тотъ край, о которомъ Джонсонъ съ самого дѣтства имѣлъ самое фантастическое понятіе, и гдѣ предстояло имъ увидѣть величественную природу, интересныхъ людей, патріархальные нравы и обычаи. Со стороны Босвелля, ко всѣмъ этимъ побужденіямъ присоединилось новое: — онъ явно завидовалъ лондонскимъ друзьямъ поэта, имѣвшимъ возможность чаще его пользоваться Джонсоновой бесѣдою, — иначе сказать, недостатокъ, въ которомъ Босвелль такъ часто упрекалъ Гольдсмита, сдѣлался его недостаткомъ. Чѣмъ далѣе подвигался старый лексикографъ на пути жизни, тѣмъ болѣе оказывалось у него друзей, почитателей его таланта, и нужно замѣтить, съ какой горечью Босвелль постоянно отзывался о тѣхъ изъ нихъ, съ которыми поэтъ былъ особенно близокъ. Благородный и добрѣйшій характеръ Гольдсмита совершенно искаженъ въ запискахъ ревниваго шотландца, а ненависть его къ мистриссъ Трэль не кончилась даже со смертью Джонсона, когда уже не было причинъ къ ревности. Потому-то Босвелль съ восхищеніемъ помышлялъ о томъ времени, когда Джонсонъ рѣшится ѣхать съ нимъ на Гебридскіе острова, и когда во все время поѣздки онъ *одинъ* будетъ наслаждаться бесѣдою поэта, и хотя на нѣсколько мѣсяцовъ будетъ его тѣнью, самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ, рабомъ и прислужникомъ. Босвеллево подобострастіе не угасало съ годами, а напротивъ становилось забавнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того какъ Джонсонъ становился славнѣе и богаче друзьями. И наконецъ наступилъ годъ исполненія его ревностныхъ желаній. Въ 1773 году, августа третьяго, поэтъ, побуждаемый восторженными письмами своего хвалителя, проживавшаго тогда, по судебнымъ дѣламъ, въ Эдинбургѣ, далъ ему слово черезъ три дни выѣхать изъ Лондона, и явившись въ столицу Шотландіи, отдаться въ полное распоряженіе будущаго лорда Охинлекка. Письма Босвелля, по его собственному сознанію, были наполнены немножко нелѣпыми (extravagant) выраженіями, въ которыхъ онъ выражалъ свой восторгъ при мысли о свиданіи съ такимъ знаменитымъ гостемъ и спутникомъ. Должно быть, эти выраженія были достаточно нелѣпы, потому что Джонсонъ, всегда любившій лесть, даетъ, однако, замѣтить въ своемъ отвѣтѣ, что Босвелль зашелъ слишкомъ далеко, и своими странными письмами едва не заставилъ его отложить поѣздку.

Подъ вечеръ, въ субботу, четырнадцатаго августа, Босвелль получилъ записку такого содержанія: Мистеръ Джонсонъ, остановившійся въ гостинницѣ Бойда, свидѣтельствуетъ свое почтеніе мистеру Босвеллю! Записка эта была сигналомъ неслыханной суматохи въ домѣ благороднаго шотландца, который, наскоро давъ женѣ нужныя приказанія, и оставивъ ее хлопотать по хозяйству, стремительно бросился къ Кэнонгэту, гдѣ находилась упомянутая гостинница. Къ великому своему испугу и сожалѣнію, онъ засталъ лексикографа, и безъ того разсерженнаго дорожными хлопотами, въ страшномъ гнѣвѣ на неловкость трактирной прислуги: одинъ изъ лакеевъ, которому Джонсонъ приказалъ подсластить свой лимонадъ, загребъ грязными пальцами нѣсколько кусковъ сахара, и положилъ ихъ въ стаканъ. Стаканъ полетѣлъ въ окно, проклятія посыпались на Шотландію и ея неопрятныхъ жителей, и мистеръ Скоттъ, оксфордскій ученый, сопровождавшій Джонсона до Эдинбурга, разсказываетъ, что поэтъ имѣлъ твердое намѣреніе выбросить и слугу вслѣдъ за стаканомъ. Появленіе Босвелля нѣсколько его успокоило; онъ охотно принялъ радушное предложеніе остановиться въ домѣ своего почитателя, и въ темнотѣ туманной ночи, наши путешественники отправились по Гей-Стриту, между двумя рядами старинныхъ домовъ, изъ которыхъ, по эдинбургскому обычаю, всякую ночь жители выливали помои и грязную воду, не заботясь о томъ, что подобныя возліянія могутъ окропить иного запоздалаго пѣшехода. Еслибъ такое происшествіе случилось съ лексикографомъ въ ту ночь, нѣтъ сомнѣнія, что онъ немедленно возвратился бы въ Лондонъ, и кромѣ того, наговорилъ Босвеллю тьму непріятностей, а потому понятно, какимъ страхомъ наполнено было, во-время пути, сердце Джонсонова друга. Улица была дѣйствительно въ ужасномъ состояніи, и нѣсколько разъ старый поэтъ, потянувъ въ себя ночной воздухъ, приговаривалъ: — и въ темнотѣ я чувствую Шотландію! Я бы хотѣлъ, говоритъ Босвелль, чтобъ на эту ночь Джонсонъ имѣлъ однимъ органомъ менѣе, потому что дѣйствительно переходъ по нашимъ улицамъ чувствителенъ для человѣка съ тонкимъ обоняніемъ. Къ счастью, благодаря страданіямъ городского начальства, въ то время рѣже выливалась изъ домовъ нечистая вода; но все-таки я былъ радъ, когда мы благополучно дошли до дома! Молодая мистриссъ Босвелль встрѣтила дорогого гостя съ полнымъ радушіемъ, и даже предложила ему свою собственную комнату, что̀ въ Шотландіи почитается признакомъ великаго почтенія. Судьба рѣшительно улыбалась хозяину: его четырехмѣсячная дочь, Вероника, чрезвычайно полюби-

лась Джонсону, и поэтъ ей также полюбился: малютка цѣлый вечеръ глядѣла на гигантскую его фигуру съ необыкновеннымъ вниманіемъ, когда Джонсонъ начиналъ говорить, смотрѣла ему въ лицо еще пристальнѣе, и чуть онъ переставалъ, тянулась къ нему, и что-то бормотала, будто прося заговорить съ изнова. Такое проявленіе нѣжности до того растрогало Босвелля, что онъ обѣщалъ тутъ же дать за Вероникою въ приданое лишнихъ пятьсотъ фунтовъ, за ея вниманіе къ великому человѣку.

Босвелль жилъ очень хорошо и гостепріимно, въ собственномъ, большомъ домѣ, комнаты котораго были просторны и чисто убраны. Въ Эдинбургѣ онъ былъ любимъ всѣми, во-первыхъ потому, что старый лордъ Охинлеккъ пользовался общимъ уваженіемъ, а наконецъ изъ-за своей собственной добродушной натуры. Не смотря на свои странствованія, большую начитанность, связи и мѣсто, имъ занимаемое, Джемсъ Босвелль не былъ человѣкомъ, способнымъ въ комъ нибудь возбудить зависть или недоброжелательство; въ его характерѣ былъ элементъ какого-то забавнаго простодушія, дѣлавшій его общимъ пріятелемъ, и пріятелемъ самымъ безопаснымъ. Его не могли очень уважать, смѣялись надъ нимъ довольно часто, но каждый признавалъ его существомъ добрымъ, веселымъ, всегда готовымъ плясать по чужой дудкѣ, веселиться съ весельчаками, преклоняться передъ педантами, и уступать всякому, кто поумнѣй и позадорнѣе. Старый лордъ Охинлеккъ, всегда почти проживавшій въ своихъ владѣніяхъ, на сѣверѣ, любилъ сына душевно, не смотря на то, что Джемсъ, по его мнѣнію былъ вѣчно несовершеннолѣтнимъ, и всю жизнь занимался пустяками. — Джемми большой добрякъ, сказывалъ старый лордъ одному изъ своихъ пріятелей, только не выйдетъ изъ него ничего порядочнаго. У него въ крови страсть къ разнымъ чудакамъ, и онъ всю жизнь привязывается, то къ тому, то къ другому. Сперва связался онъ съ Паоли, какимъ-то корсиканскимъ чучелой, а теперь, какъ вы думаете, за чьимъ хвостомъ онъ ухаживаетъ? Онъ пріискалъ себѣ *Домини* *), стараго хрыча и педанта, который училъ въ какой-то школѣ, и называлъ ее академіей. У всякаго свои слабости, а все-таки жаль бѣднаго Джемми! И не смотря на такое невыгодное мнѣніе о Джонсонѣ, старикъ на столько любилъ сына, что въ проѣздъ его по Шотландіи пригласилъ къ себѣ его съ товарищемъ и, что еще важнѣе, старался быть какъ можно ласковѣе съ старымъ хрычомъ и педантомъ.

---

*) *Домини*, названіе, въ шутку присвоенное въ Англіи школьнымъ учителемъ.

Итакъ, Джемсъ Босвелль зналъ всю Шотландію, и вся Шотландія знала его; намѣреваясь предпринять поѣздку въ сопровожденіи или, лучше сказать, для сопровожденія Джонсона, онъ написалъ множество писемъ во всѣ концы своей гористой родины, во всѣхъ письмахъ изображалъ великій умъ своего знаменитаго друга, и просилъ гостепріимства повсюду. Въ Эдинбургѣ уже давно было извѣстно, что Джемми не спитъ ночей отъ нетерпѣнія, и что Джонсонъ, Dictionary-Johnson, собирается посѣтить хладную Каледонію. Все сколько нибудь ученое и начитанное готовилось встрѣтить ветерана науки, какъ можно торжественнѣе и дружелюбнѣе; люди совершенно несходныхъ занятій и лѣтъ равно старались быть ему представленными. Джонсонъ, писавшій все на свѣтѣ, отъ богословскихъ сочиненій до мадригаловъ, былъ равно близокъ къ сердцу докторовъ теологіи, историковъ, философовъ, романистовъ и юныхъ поэтовъ. Каждый грамотный Шотландецъ пылалъ желаніемъ видѣть необыкновеннаго человѣка, и со дня его прибытія въ Эдинбургъ, Босвеллева квартира была полна многочисленными посѣтителями. Каждаго изъ нихъ Джонсонъ встрѣчалъ необыкновенно ласково, каждаго удивлялъ увлекательностью своего разговора, и въ каждомъ оставилъ о себѣ самое пріятное впечатлѣніе. — Въ замѣнъ того, и самъ онъ остался до крайности доволенъ лестными пріемами, устроенными ему въ Эдинбургѣ. Несторъ между великобританскими литераторами, Джонсонъ любилъ славу и длинные монологи, — онъ дѣлался нестерпимъ только въ случаѣ, если кто ему противорѣчилъ; — къ счастью, всѣ гости, наученные Босвеллемъ, оказывались какъ нельзя болѣе уступчивыми.

На второй день Джонсонова прибытія въ Эдинбургъ, въ числѣ прочихъ, болѣе и менѣе замѣчательныхъ особъ, представлены были ему баронетъ сэръ Уильямъ Форбсъ, авторъ нѣсколькихъ критическихъ сочиненій, Уильямъ-Нэрнъ, одинъ изъ первыхъ адвокатовъ Шотландіи, и докторъ Робертсонъ, извѣстный своими историческими трудами. Босвелль, заранѣе начавшій журналъ всѣмъ дѣламъ и изрѣченіямъ своего друга, передаетъ намъ нѣсколько подробностей о томъ, что было говорено въ этотъ день.

Сэръ Уильямъ Форбсъ, говоря объ обязанностяхъ юриста, изъявилъ мнѣніе о томъ, что ни одинъ законовѣдъ не имѣетъ права хлопотать о дѣлѣ, которое въ глубинѣ своей совѣсти признаетъ дѣломъ неправымъ. «Сэръ, возразилъ ему Джонсонъ, — юристу и адвокату нѣтъ надобности до того, право или неправо дѣло, ему порученное. Если его кліентъ спроситъ по этому поводу его личное мнѣніе, онъ обязанъ отвѣчать ему по совѣсти, — и ничего

болѣе. Правоту дѣла рѣшитъ судья, на то поставленный, и не слѣдуетъ человѣку, призванному для совѣта и помощи, предупреждать рѣшеніе суда. Разсудите, сэръ, въ чемъ состоитъ истинное правосудіе? Конечно въ томъ, чтобъ каждый процессъ рѣшался не иначе, какъ по приведеніи и взвѣшиваніи всѣхъ его подробностей, всѣхъ аргументовъ въ пользу и невыгоду истца. Адвокатъ не имѣетъ права лгать передъ трибуналомъ; онъ не имѣетъ права давать фальшивый смыслъ дѣлу, — но обязанъ, не вмѣшиваясь въ дѣло судьи, сдѣлать для своего кліента все, что только можетъ для него сдѣлать. Рѣдкій человѣкъ можетъ самъ себя защищать въ судѣ, но всякій хотѣлъ бы поставить на видъ своимъ противникамъ всѣ обстоятельства, его оправдывающія; и для этого-то случая и существуетъ цѣлый классъ юристовъ, обязанныхъ во всякое время быть къ услугамъ той стороны, которая къ нимъ обратится. Этотъ классъ отличается познаніемъ законовъ, имѣетъ опытность въ судебныхъ дѣлахъ, и потому онъ всегда полезенъ и на сторонѣ праваго и на сторонѣ обвиняемаго. Еслибъ адвокаты могли только браться за правыя дѣла, произошли бъ остановки въ ходѣ процессовъ, и упущенія въ нихъ разрѣшеніи. Юристъ обязанъ сдѣлать для своего кліента все то, что тотъ сдѣлалъ бы самъ для себя, еслибъ имѣлъ нужныя познанія и должную опытность.»

Стали говорить объ эмиграціи въ Америку, которая со всякимъ годомъ принимала болѣе обширные размѣры, особенно въ Шотландіи. Кто-то изъ гостей сказалъ, что когда изъ его родного города отплылъ въ первый разъ корабль съ переселенцами, всѣ жители стояли на берегу, оглашая воздухъ воплями, и бросались на землю въ величайшемъ припадкѣ отчаянія. На слѣдующій годъ, заключилъ онъ, печаль была слабѣе, и теперь всѣ примирились съ мыслью о переселеніи въ дальній край. — Джонсонъ. Только мужики безъ образованія могутъ хладнокровно промѣнивать образованный край Европы на пустыни Новаго Свѣта. Ничтожный человѣкъ соблазняется тѣмъ, что тамъ онъ будетъ имѣть много земли и дешевое пропитаніе, но не думаетъ того, что, покидая родной городъ, онъ отрѣшается отъ образованнаго общества. Мы всѣ смотримъ на переселеніе какъ на зло, но рѣдкіе изъ насъ знаютъ, въ какой степени эта новизна гибельна для рода человѣческаго, для нашей силы и нашего счастія *). Вслѣдствіе эмигра-

*) Мнѣніе Джонсона объ эмиграціи было въ то время едва ли не общимъ по всей Европѣ. Менѣе чѣмъ во сто лѣтъ вопросы о народонаселеніи и эмиграціи приняли обширнѣйшій и совершенно иной видъ, а потому весьма любопытно видѣть, какъ думали о нихъ образованнѣйшіе Англичане Джонсонова времени.

цій, народонаселеніе раздробляется, государства теряютъ свою силу, и мы имѣемъ въ виду лишиться всѣхъ удобствъ жизни. Люди, разбросанные на широкомъ пространствѣ, непроизвольно отвыкаютъ отъ вещей необходимыхъ. Если кузнецъ живетъ за десять миль, они пріучаются обходиться безъ гвоздя и подковы. Портной далеко отъ нихъ, они начинаютъ изготовлять сами свое платье. Только тамъ, гдѣ народонаселеніе многочисленно, можно разсчитывать на удобства жизни!

Говоря объ Эдмундѣ Боркѣ (Burke), котораго слава, какъ оратора и ученаго, только что начала распространяться въ то время, Джонсонъ отдалъ полную справедливость его свѣдѣніямъ, блистательному воображенію и искусству выражаться на трибунѣ. — Робертсонъ. Остроуміе его тоже заслуживаетъ вниманія. — Джонсонъ. Нѣтъ, сэръ, этимъ онъ не можетъ похвастаться: его шутки или пошлы, или изысканны. Я всегда утверждалъ, что Боркъ во всю свою жизнь не сказалъ ни одного остраго слова. — Босвеллъ. Сэръ Джосуа Рейнольдсъ противнаго вамъ мнѣнія: по его словамъ, ему часто доводилось слышать отъ Борка до десяти хорошихъ вещей въ вечеръ, и такихъ вещей, которыми обыкновенный острякъ способенъ былъ бы довольствоваться круглый годъ. Однажъ разъ, когда я сказалъ ему, что видѣлъ высокаго мистера Ленгтона, толкующаго о литературѣ съ женщинами, онъ сказалъ мнѣ: «Это напоминаетъ мнѣ дѣвушекъ, пляшущихъ около праздничнаго шеста». — Джонсонъ. Я завидую Борку только въ одномъ: онъ никогда не суется въ чужую рѣчь, никогда не торопится болтать, никогда не торопится кончить. Онъ всегда одинаковъ и всегда вѣренъ самъ себѣ. Боркъ, сэръ, можетъ назваться необыкновеннымъ человѣкомъ. Положимъ вы его не знаете и встрѣчаетесь съ нимъ вмѣстѣ на улицѣ; какой нибудь обозъ загородилъ вамъ дорогу, и вы, стоя рядомъ обмѣниваетесь нѣсколькими словами. И что же? Въ это короткое время вы уже составите о немъ блестящее понятіе, и уходя отъ него, скажете: я видѣлъ необыкновеннаго человѣка! Я не могу понять только одно, — какимъ образомъ могъ онъ имѣть такъ мало постоянства, что бросилъ законовѣдѣніе, которому прежде учился довольно долго. Или у него не хватало денегъ, или ему не доставало прилежанія.

Робертсонъ замѣтилъ, что всякій человѣкъ дѣйствуетъ сообразно своимъ способностямъ, что иного природа надѣлила обиліемъ разсудка, тогда какъ другой получилъ на свою долю сильнѣйшій запасъ воображенія. — Джонсонъ. Нѣтъ, сэръ, я признаю только одно, — иной человѣкъ бываетъ умнѣе другого, но отъ

всякаго изъ насъ зависитъ направить свой умъ въ какую угодно сторону. Я убѣжденъ, что еслибъ сэръ Исаакъ Ньютонъ вздумалъ употребить свои способности на сочиненіе стиховъ, онъ написалъ бы превосходную эпическую поэму. Я могъ бы выучиться законамъ, вмѣсто того, чтобъ сочинять трагедію. — Босвелль. Однакоже, сэръ, вы сочинили трагедію и не учились законамъ. — Джонсонъ. Причина тому очень проста: у меня не было денегъ, чтобъ заниматься изученіемъ законовъ. Сэръ, — человѣкъ, имѣющій физическія силы, можетъ идти по направленію къ востоку совершенно также, какъ идетъ онъ къ сторонѣ запада. Стòитъ только повернуться въ извѣстную сторону. — Босвелль. Однако, сэръ, мы знаемъ, что не все равно: входить на гору или съ нея спускаться; одинъ человѣкъ ловокъ на одно, другой на другое. Заяцъ съ длинными ногами хорошо вбѣгаетъ снизу вверхъ, а собака наоборотъ. — Джонсонъ. Тутъ механическія причины, сэръ: если вамъ угодно говорить о человѣческомъ умѣ какъ о механической вещи, побѣда будетъ за вами; толкуйте о собакахъ и зайцахъ, мнѣ нечего пускаться съ вами въ подобные споры. — Весь этотъ день докторъ Джонсонъ, можетъ быть съ дороги, былъ необыкновенно наклоненъ къ спору, и высказывалъ мысли, несовсѣмъ неопровержимыя. За ужиномъ онъ началъ развивать длинную теорію о томъ, что современные актеры вовсе не понимаютъ драматическаго искусства, и нападать на Гэррика, оказавшаго, какъ всѣмъ извѣстно, безсмертную услугу англійской сценѣ, изгнаніемъ съ нея классическихъ манеръ, и введеніемъ наибольшей естественности въ декламаціи. Всѣ эти комедіанты, говорилъ Джонсонъ, дурны безъ исключенія. Они кричатъ, ломаются, таращатъ глаза, затѣмъ, чтобъ представить истинную страсть, настоящій испугъ, настоящее бѣшенство. Всякій человѣкъ долженъ стараться избѣгать этихъ наружныхъ проявленій страсти. — Босвелль. Однако, сэръ, еслибъ вамъ представилось привидѣніе, вы бы, вѣрно, пошевельнулись и вздрогнули, подобно Гэррику въ Гамлетѣ? — Джонсонъ. Ни за что̀ въ свѣтѣ. Не думаю. Еслибъ я сталъ коверкаться наподобіе Гэррика, само привидѣніе перепугалось бы. — На слѣдующій день Босвелль повелъ своего гостя, окруженнаго толпою новыхъ знакомцевъ, осматривать древности шотландской столицы. Джонсонъ ночью читалъ лорда Гейльса «Замѣтки по поводу исторіи Шотландіи», и остался чрезвычайно доволенъ легкимъ и разнообразнымъ ихъ изложеніемъ. Робертсонъ замѣтилъ: — Нельзя не пожалѣть, что лордъ Гейльсъ не употребитъ своихъ отличныхъ способностей на трудъ болѣе

важный. — Джонсонъ. Какъ то недавно я провелъ цѣлый вечеръ у одной моей пріятельницы. Гостей было много, и когда они разошлись, я сказалъ хозяйкѣ, что за пустой разговоръ былъ сегодня вечеромъ! «Правда, сказала она, но эти господа все-таки что нибудь говорили, а вы не сказали и одного слова». Я былъ пораженъ этимъ умнымъ упрекомъ. Во сколько разъ человѣкъ, дѣлающій хотя немного, выше того, который ровно ничего не дѣлаетъ! Кромѣ того, я сознаюсь, что люблю анекдотическую манеру Гейльса. Мнѣ иногда кажется, что со временемъ весь родъ человѣческій будетъ писать книги въ видѣ афоризмовъ (конечно за исключеніемъ немногихъ вещей). Всѣмъ когда нибудь надоѣдятъ предисловія, поясненія, сцѣпленіе мыслей и прочія средства, съ помощью которыхъ создаются увѣсистыя книги. Если человѣкъ, имѣющій сообщить намъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, будетъ ждать удобнаго случая раздуть свои анекдоты въ цѣлую систему, времени пройдетъ много, и онъ упуститъ случай обогатить свою голову новыми фактами. Кто-то замѣтилъ по этому случаю, что для умственнаго труда, въ особенности для сочиненія книги, иное время бываетъ удобнымъ, тогда какъ въ другое нѣтъ возможности приняться за перо. — Сэръ, возразилъ Джонсонъ, всякій пишущій человѣкъ можетъ писать что ему угодно и въ какое время ему будетъ угодно, только надобно садиться за работу съ упрямой, твердой рѣшимостью работать во что бы ни стало! При осмотрѣ эдинбургскаго замка, который, какъ извѣстно, стоитъ на высокой горѣ, и поражаетъ своею массивною, мрачной архитектурой, поэтъ задумался, глядя на древнее строеніе. Босвелль, замѣтивъ впечатлѣніе, сказалъ тутъ же: — Не правда ли, сэръ, человѣку рѣдко случается видѣть что либо прекраснѣе этого зданія. Джонсонъ тотчасъ же возразилъ ему: — Сэръ, этотъ замокъ чрезвычайно хорошъ для Шотландіи, у насъ въ Англіи онъ могъ бы представить изъ себя *очень хорошую тюрьму для уголовныхъ преступниковъ*. Видъ величественнаго Голирудскаго аббатства доставилъ Джонсону большое удовольствіе; онъ долго бродилъ по звонкимъ заламъ дворца, котораго почти каждая комната памятна въ исторіи Шотландіи и Англіи, осмотрѣлъ мѣсто, на которомъ былъ убитъ красавецъ Давидъ Риччіо, прочиталъ въ нихъ нѣсколько строкъ изъ старинныхъ балладъ, и сказалъ два или три латинскія изреченія. За обѣдомъ опять явилось нѣсколько новыхъ лицъ, къ сожалѣнію, застольный разговоръ этого дня и нѣсколькихъ послѣдующихъ представляетъ мало интереснаго для нашихъ читателей. Между тѣмъ осень прибли-

жалась, и заживаться въ Эдинбургѣ не слѣдовало; а потому 18 августа, рано поутру, оба пріятеля покинули столицу Шотландіи, и направились къ городу Сентъ-Андрю, въ сопровожденіи адвоката Нейрна, собравшагося въ этотъ послѣдній городъ, и богемца Іосифа Риттера, Босвеллева слуги, жившаго долгое время въ разныхъ странахъ Европы, гдѣ онъ выучился многимъ языкамъ. Босвелль въ своей знаменитой біографіи посвящаетъ нѣсколько страницъ на описаніе Джонсона передъ вояжемъ, упоминаетъ и о себѣ весьма лестнымъ образомъ, не забываетъ даже сказать того, что на знаменитомъ его другѣ надѣта была, сверхъ кафтана, темная суконная шинель съ преогромными карманами, въ которыхъ безъ труда могло бы помѣститься великое произведеніе поэта, его колоссальный словарь. Вмѣсто башмаковъ, Джонсонъ имѣлъ длинные сапоги, къ которымъ, на случай надобности, были у него въ запасѣ шпоры; въ рукахъ же лексикографа постоянно находилась претолстая дубовая палка. Пистолеты, которыми онъ запасся при выѣздѣ изъ Лондона, пули и порохъ, поступили на сохраненіе къ мистриссъ Босвелль: благодаря патріархальнымъ нравамъ Каледоніи, по ней можно было путешествовать безъ всякаго оружія. Оба путешественника имѣли при себѣ порядочное количество книгъ и бумаги, для записыванія своихъ мыслей и наблюденій. Слѣдуетъ, однако же, сказать, что Босвеллева роль въ поѣздкѣ была несравненно тяжелѣе, ибо, кромѣ возложенной имъ на себя обязанности вести дневникъ путешествію, онъ обремененъ былъ дорожными и хозяйственными хлопотами. Джонсонъ прогуливался совершеннымъ сибаритомъ, оставляя всѣ разсчеты и матеріальные интересы на долю своего поклонника. Лексикографу въ то время было шестьдесятъ четыре года, но желѣзное его сложеніе могло переносить безъ труда и усталость и всѣ лишенія. То была лучшая пора Джонсоновой жизни: освободившійся отъ болѣзни, обезпеченный на счетъ будущаго, повсюду встрѣчаемый съ глубокимъ участіемъ, поэтъ, такъ сказать, переживалъ вторую молодость, и пользовался ею безпрепятственно, предпринимая путешествіе способное испугать иного молодого человѣка. Наружность его нисколько почти не измѣнилась въ десять лѣтъ, и намъ нѣтъ надобности описывать ее снова; достаточно будетъ сказать только, что корпусъ его сталъ толще, и, при огромномъ ростѣ, представлялъ собою нѣчто дѣйствительно колоссальное. Еще во времена Вальтеръ-Скотта, старые островитяне гебридскіе по временамъ толковали съ полусуевѣрнымъ уваженіемъ о толстомъ англичанинѣ (big englishman) давно, давно, посѣщавшемъ ихъ холодную ро-

дину, — и авторъ Кенильворта, соображаясь съ ихъ разсказами, безъ труда догадался, что подъ этимъ именемъ старики разумѣли великаго Самуила Джонсона. Что̀ касается до мистера Нейрна, бывшаго только на короткое время попутчикомъ нашихъ странниковъ, то оба туриста отзываются о немъ какъ о человѣкѣ умномъ и благовоспитанномъ, короткое знакомство съ которымъ только заставляло жалѣть о своей непродолжительности.

Переѣздъ до Сентъ-Андрю продолжался частью въ почтовомъ экипажѣ, частью по водѣ, въ виду великолѣпныхъ, хотя нѣсколько дикихъ окрестностей. Указывая своимъ спутникамъ на Фортскій заливъ, обставленный величавымъ лѣсомъ и красивыми зданіями, Босвелль замѣтилъ, что это мѣсто, по словамъ путешественниковъ, равно красотою съ видомъ Константинополя и Неаполя. — Очень можетъ быть, замѣтилъ Джонсонъ, — свѣтъ такъ устроенъ, что всякая вода похожа бываетъ на другую воду. Овидій сказалъ, если помните: «Океанъ не представляетъ нашему глазу ни городовъ, ни лѣсу, однообразна его голубая поверхность». — Босвелль (указывая на портъ). Въ этомъ мѣстѣ находится истокъ рѣки Лейтъ. — Нейрнъ. Не смѣшайте только ее съ Летою. — Джонсонъ. Отчего же и нѣтъ: всякій шотландецъ отправляется изъ этого порта въ Англію за тѣмъ только, чтобъ забыть свою родную сторону. — Нейрнъ. А мы, въ свою очередь, сэръ, надѣемся заставить васъ забыть вашъ край для Шотландіи. — Джонсонъ. Стало быть рѣка эта во всякомъ случаѣ будетъ Летою. — Эти схоластическія шуточки не помѣшали лексикографу, при первомъ удобномъ случаѣ, снова потѣшиться надъ Шотландіею: увидя угромную набережную, устроенную для пристани кораблямъ, онъ замѣтилъ: — Вамъ нѣтъ надобности въ такомъ пространствѣ, ваша торговля слишкомъ мала. Шотландцы напоминаютъ собой иныхъ лавочниковъ, нанимающихъ огромные магазины для того, чтобъ проходящіе говорили, что у нихъ, должно быть, много всякаго товара.

Стали говорить о человѣкѣ, недавно утопившемся близъ дороги. — Джонсонъ. Я не думаю, чтобъ кто-нибудь имѣлъ право негодовать на продолженіе своей жизни, и думать, что̀ ему дѣлать долѣе въ этомъ мірѣ. Босвелль упомянулъ о нѣкоемъ Боджеллѣ, поддѣлавшемъ духовное завѣщаніе, и бросившемся въ Темзу, когда его обманъ только-что сталъ обнаруживаться. — Предположите, сэръ, продолжалъ онъ, что какой нибудь человѣкъ, въ родѣ Боджелля, предвидитъ неминуемую гибель, позоръ и такъ далѣе. — Джонсонъ. Въ такомъ случаѣ, сэръ, ему выгодно спасаться въ какой нибудь отдаленный край, искать такихъ мѣстъ, гдѣ его

не знаютъ. За что вы хотите, чтобъ онъ попался въ руки дьявола, который его *слишкомъ хорошо знаетъ*. Я зналъ человѣка, именно Уильяма Фицгерберта, который совершилъ самоубійство потому, что дѣла его были слегка разстроены, А разстройство это было ничтожное: посовѣтуйся онъ съ опытнымъ другомъ, и тотъ доказалъ бы ему всю глупость его отчаянія.—Босвелль. И вы постоянно смотрите на самоубійцъ, какъ на сумасшедшихъ.—Джонсонъ. Сэръ, часто эти люди не теряютъ вполнѣ разсудка, но одна какая нибудь страсть гнететъ ихъ до такой степени, что они теряютъ самообладаніе, и убиваютъ себя по той же причинѣ, по которой вспыльчивый человѣкъ убиваетъ другого себѣ подобнаго человѣка.

Проѣзжая мимо небольшого каменистаго островка, Инчъ-Кейта, Джонсонъ потребовалъ, чтобъ его пустили туда, и оставивъ лодку, началъ карабкаться на утесистый берегъ, въ сопровожденіи своихъ спутниковъ. Островокъ покрытъ былъ густою травою и высокимъ репейникомъ, на немъ паслось небольшое стадо, и видны были остатки укрѣпленія, выстроеннаго во время королевы Маріи Стюартъ. Джонсонъ осматривалъ мѣстность съ любопытствомъ самого юнаго туриста, гигантская его фигура двигалась по кустамъ репейника до тѣхъ поръ, пока уже ровно ничего смотрѣть не оставалось. Воротясь къ Босвеллю и Нейрну, усѣвшимся около покинутаго укрѣпленія, онъ сказалъ первому изъ нихъ: Я предлагаю вамъ выгодное литературное дѣло. Опишите Инчъ-Кейтъ точно также, какъ другіе путешественники описываютъ открытыя ими страны, посвятите много страницъ самымъ пустымъ подробностямъ, сдѣлайте разныя догадки насчетъ его исторіи, пуститесь въ предположенія насчетъ того, былъ ли островъ прежде заселенъ людьми, прибавьте ко всему этому побольше мудрыхъ размышленій, — однимъ словомъ, дѣйствуйте такъ, чтобъ заставить любознательныхъ людей сюда прокататься. Все вами сказанное должно быть вѣрно истинѣ, но все-таки путешественники разозлятся, удостовѣрившись, что здѣсь ровно нечего осматривать. А впрочемъ, что касается до меня, то мнѣ нравится этотъ островокъ, я былъ бы не прочь сдѣлать его своимъ владѣніемъ, выстроить здѣсь домъ, развести садъ съ виноградниками, и принимать тутъ гостей изъ Эдинбурга!

Когда путники снова усѣлись въ лодку, Джонсонъ приказалъ Босвеллю пріискать какую нибудь классическую цитату по поводу прощанія съ Инчъ-Кейтомъ, и шотландецъ громко произнесъ стихъ изъ Энеиды: «Несчастная царица, — не охотно покидаю я твои го-

степріимныя владѣнія!» — Очень хорошо! произнесъ Джонсонъ, вспомнивъ, что на одномъ камнѣ инчъ-кейтскаго укрѣпленія написаны были имя Маріи и 1564 годъ. Въ туманную, темную ночь Джонсонъ съ товарищами добрались до Сентъ-Андрю, и подкрѣпили свои силы сытнымъ ужиномъ въ гостинницѣ. Послѣ стола, не взирая на позднюю пору, всѣ трое отправились смотрѣть покинутую коллегію Св. Леонарда, старинное готическое строеніе, недавно проданное въ частныя руки, и стоявшее почти пустымъ. Впереди путешественниковъ шелъ трактирщикъ со свѣчою, а сзади ихъ слуга съ фонаремъ; торжественность шествія совершенно соотвѣтствовала торжественности зданія, красиво выдвигавшагося изъ ночной темноты. Джонсону очень хотѣлось видѣть внутренность капеллы, но его туда не пустили, потому что она занята была разными хозяйственными припасами.

Утромъ продолжался осмотръ города, богатаго старинными зданіями. Нейрнъ, часто бывавшій въ немъ и знавшій почти всѣхъ жителей, не упустилъ случая представить Джонсону многихъ сентъандрюсскихъ ученыхъ; изъ нихъ стóитъ упомянуть о докторѣ Гиллѣ, извѣстномъ своими теологическими трактатами, и о докторѣ Уатсонѣ, котораго дочь считалась одною изъ первыхъ городскихъ красавицъ. Бесѣда весь этотъ день была очень разнообразна. Уатсонъ замѣтилъ, что гласговскій университетъ съ нѣкоторыхъ поръ обѣднѣлъ числомъ студентовъ. Развитіе промышленности — прибавилъ онъ — отбиваетъ народъ отъ учености! — Джонсонъ. Сэръ, я не могу согласиться съ вашимъ заключеніемъ: торговля не отбиваетъ охоты къ наукѣ, и не отнимаетъ времени. Богатые люди не сами торгуютъ: — у нихъ всегда остается довольно времени, стóитъ только употреблять его съ пользою. Мало того, въ наше время ученость становится промышленностью; можно торговать книгами, можно жить литературнымъ трудомъ. Еще недавно этотъ трудъ не награждался ничѣмъ, кромѣ частнаго покровительства немногихъ богачей. Теперь же прошла пора меценатовъ, и ученый трудится не для одного человѣка, а для всей массы публики. — Босвеллъ. Стыдно подумать о томъ, какъ дурно ведутъ себя наши знатные люди относительно науки, — какъ скупы они на пособіе и покровительство. — Джонсонъ. Нѣтъ, сэръ. Тѣ времена дурны, когда писатель не въ силахъ считать на самого себя, когда трудъ его остается невознагражденнымъ, когда онъ, сложа руки, долженъ дожидаться, чтобъ какой нибудь посторонній человѣкъ надъ нимъ сжалился, и взялъ его въ свои прихлебатели. Когда вы стоите на своихъ ногахъ, храните равно-

вѣсіе, не обязаны искать чужой помощи, вы смѣло высказываете свое имя, вы распространяете истину между своими читателями, вы не подлаживаетесь къ ихъ порокамъ и слабостямъ; — но если вы зависите отъ какого нибудь покровителя, вы невольно должны говорить только то, что̀ можетъ его потѣшить.— Уатсонъ. Прежде поэтъ обязанъ былъ угождать одному какому нибудь богачу, отъ котораго получалъ деньги и пропитаніе, теперь же онъ долженъ льстить всему свѣту. — Джонсонъ. Опять таки нѣтъ, сэръ. Свѣтъ всегда позволяетъ говорить о себѣ все, что̀ кому будетъ угодно. Отдѣльныя единицы могутъ злиться на правду, но масса читателей всегда уважаетъ мнѣніе умнаго человѣка!

Разговоръ перешелъ къ измѣненіямъ въ общественныхъ нравахъ англійскаго общества. — Джонсонъ. Я помню время, когда каждый порядочный джентльменъ въ Личфильдѣ считалъ вещью совершенно невинною напиваться каждый день, и никто не находилъ этой привычки дурною. Съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли отъ эля къ вину, пьянство уменьшается съ необыкновенной быстротою: дороговизна питья исправила нравы. Обычай курить совершенно брошенъ, — въ немъ было кое-что̀ смѣшное. Дѣйствительно, поневолѣ засмѣешься, видя, какъ человѣкъ преспокойно выпускаетъ изъ своего рта клубы дыма въ чужіе глаза и чужіе носы. Всякій человѣкъ имѣетъ какую нибудь привычку на случай душевнаго волненія,— я не курю, за-то топаю ногами, когда меня что̀ разсердитъ. Я еще помню время, когда народъ имѣлъ обычай перемѣнять свое бѣлье разъ въ недѣлю. Въ то время разсчетливые люди никогда не разводили огня въ своихъ комнатахъ, кромѣ воскресенья; во всѣ дни недѣли печь топилась только въ кухнѣ. Мой отецъ, занимая должность судьи, жилъ такимъ образомъ.

Уатсонъ, бывшій одно время профессоромъ риторики, заговорилъ о различныхъ правилахъ, необходимыхъ при сочиненіи чего бы то ни было. — Джонсонъ. Я совѣтовалъ Чемберсу, и буду всегда совѣтовать молодымъ писателямъ, чтобъ они пріучали себя работать со скоростью. Нужно достигнуть того, чтобъ высказываться съ быстротою... добиться этого достоинства труднѣе, чѣмъ достигнуть правильности. — Уатсонъ. Я того мнѣнія, что правильность и отчетливость первое дѣло въ сочиненіи, — пренебрегая тѣмъ и другимъ, мы вдаемся въ небрежность. — Джонсонъ. Сэръ, вы смѣшиваете неспособность къ правильному роду сочиненій съ простымъ его отсутствіемъ, которое всякій писатель обязанъ самъ подсмотрѣть у себя, и исправить. Сообразите же теперь, какой вредъ происходитъ отъ медленной работы. Зародышъ

медленности тотъ, что человѣкъ, по существу своему неспособный любить труднаго дѣла, берется за него неохотно. Кто работаетъ медленно, тотъ скоро получаетъ отвращеніе отъ своихъ занятій. Я написалъ жизнь Севеджа, 48 страницъ въ 8 д. л., въ одинъ присѣстъ. — Босвелль. Всякій замѣтитъ, что одни люди имѣютъ привычку одѣваться медленно, тогда какъ другіе кончаютъ свой тоалетъ въ минуту. — Джонсонъ. Всякій человѣкъ долженъ одѣваться скоро, и я только могу удивляться тому, какъ могутъ иные копаться по этому поводу, десять разъ разглядывая и переворачивая вещь, которую надѣть собираются. Еслибъ мнѣ случилось экзаменовать молодыхъ людей по части сочиненій, я сказалъ бы каждому изъ нихъ: вотъ вамъ тема — посмотримъ, во сколько времени вы можете ее обработать. А ужь потомъ, просмотрѣвъ сочиненіе, я имъ сказалъ бы: теперь покажите мнѣ, какъ бы его пригладить и поправить. Такимъ образомъ, я заразъ убѣдился бы и въ быстротѣ ихъ способностей, и въ другихъ ихъ качествахъ.

Полковникъ Нейрнъ, родственникъ упомянутаго выше, показалъ путешественникамъ свой домъ, садъ съ гротомъ и одно вѣковое дерево, которое, по его словамъ, имѣло только одно себѣ подобное во всемъ краѣ. Докторъ Джонсонъ много смѣялся по этому случаю, и называлъ Шотландію жалкою и безлѣсною стороною. Оба путешественника выѣхали изъ Сент-Андрю черезъ день, и въ ту же ночь пріѣхали въ Монтрозъ, древній городъ, который могъ бы назваться красивымъ, еслибъ его дома не были построены по весьма странному способу — окнами на дворы и задними стѣнами на улицу. Утромъ Босвелль повелъ своего знаменитаго друга смотрѣть достопримѣчательности города, и между прочимъ, щегольское помѣщеніе для публичныхъ баловъ и собраній. Гостинница была довольно грязна, и прислужникъ снова разсердилъ Джонсона, захвативши пальцами кусокъ сахара при изготовленіи лимонада. Босвелль хотѣлъ купить на дорогу лимоновъ, и по этому случаю получилъ нотацію отъ лексикографа. — Сэръ, сказалъ ему тотъ, я прошу васъ не считать меня за слабого человѣка, который не можетъ обойтись безъ какихъ нибудь пустяковъ, въ родѣ лимонада. Вы бы могли знать, сэръ, что нѣтъ ничего невѣжливѣе, какъ являться въ чужіе дома съ своей провизіей. Въ отношеніи къ низшему себя, это показываетъ, какъ будто презрѣніе, а въ домѣ человѣка высшаго насъ званіемъ оно покажется нахальствомъ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Монтроза, проживалъ, въ своихъ владѣніяхъ другъ Босвеллева отца и человѣкъ необыкновенно ори-

гинальный, по имени лордъ Монбоддо, авторъ нѣсколькихъ занимательныхъ, но необыкновенно странныхъ сочиненій. Почтенный лордъ никогда не употреблялъ экипажа, одѣвался съ несказанною небрежностью, спалъ почти всегда на голой землѣ, читалъ преимущественно путешествія по вновь открытымъ странамъ, и доставалъ изъ нихъ факты, неоспоримо доказывающіе блаженство дикаго состоянія. Островитяне и дикари всевозможныхъ краевъ были его идолами; въ нихъ онъ видѣлъ тьму добродѣтелей и достоинствъ, непонятныхъ міру. Джонсонъ иногда нападалъ на него въ своихъ сочиненіяхъ, и конечно Монбоддо платилъ ему тою же монетою, называя ученаго лексикографа старымъ дуракомъ и другими ласковыми именами, употребительными въ ученыхъ спорахъ прошлаго столѣтія. Оба писатели пылали злобою другъ на друга, но Босвелль любилъ ихъ обоихъ, тѣмъ болѣе, что Монбоддо, не смотря на свои странности, былъ гостепріимнѣйшимъ и честнѣйшимъ существомъ въ цѣлой Шотландіи. Проѣхать мимо владѣній Монбоддо, и не посѣтить лорда, значило нанести оскорбленіе извѣстному и многоуважаемому человѣку,— привезти же Джонсона въ домъ его литературнаго врага казалось дѣломъ, болѣе чѣмъ труднымъ. Къ счастью, самъ лексикографъ рѣшилъ Босвеллевы сомнѣнія, объявивъ ему, что онъ готовъ даже свернуть съ дороги, съ цѣлью поглядѣть на такого чудака, какъ Монбоддо. Будущій лордъ Охинлеккъ, внѣ себя отъ восхищенія, поспѣшилъ увѣдомить Джонсонова антагониста о предполагаемомъ визитѣ. «Почтеннѣйшій и дорогой лордъ, писалъ онъ,— я нахожусь въ Монтрозѣ съ извѣстнымъ вамъ мистеромъ Сам. Джонсономъ, а къ ночи мы разсчитываемъ поспѣть въ Эбердинъ. Я знаю, что вы не питаете къ г. Джонсону того уваженія, которымъ я преисполненъ; но все-таки я не могу рѣшиться продолжать путь не поклонясь вамъ, и не увидавъ монбодскихъ владѣній; можетъ-быть, мнѣ еще долго не доведется ихъ увидѣть. Кромѣ того, мистеръ Джонсонъ готовъ свернуть съ дороги на нѣсколько миль, для того, чтобъ имѣть удовольствіе съ вами увидѣться; это онъ мнѣ сейчасъ только замѣтилъ. Я послалъ впередъ служителя, и поручилъ ему освѣдомиться о томъ, разсчитываете ли вы быть дома!

Джемзъ Босвелль.

Отправивъ письмо, путешественники оставили Монтрозъ, и двинулись впередъ, по дорогѣ, извивавшейся среди богатыхъ, но безлѣсныхъ полей, замыкавшихся перспективою гремпіанскихъ холмовъ. Разговоръ шелъ о лордѣ Монбоддо и его сочиненіяхъ.
— Джонсонъ. Его твердое убѣжденіе въ томъ, что дикіе люди

счастливѣе образованныхъ народовъ, показываетъ странную узкость ума. Какимъ образомъ думать, что вещи, о которыхъ мы не имѣемъ понятія, лучше тѣхъ вещей, которыя намъ хорошо извѣстны? — Босвелль соглашался со всѣмъ, и нетерпѣливо ждалъ минуты свиданія обоихъ философовъ.

За милю отъ замка Монбоддо, Риттеръ, служитель Босвелля, встрѣтилъ обоихъ путешественниковъ, и передалъ имъ радушное приглашеніе лорда остановиться въ его резиденціи. Замокъ, окруженный болотами и мелкимъ кустарникомъ былъ некрасивъ, бѣденъ, вовсе не отдѣланъ и не имѣлъ въ себѣ ничего порядочнаго, кромѣ двухъ старинныхъ башень. Самъ лордъ, въ деревенскомъ нарядѣ и съ крестьянской круглой шляпой на головѣ, вышелъ на крыльцо, не смотря на дождливую погоду. Вѣжливо привѣтствовавъ своихъ гостей, онъ указалъ имъ на гербъ Дугласовъ, красовавшійся надъ воротами его дома (прабабушка Монбоддо происходила изъ знаменитой фамиліи Дугласовъ или, вѣрнѣе, Доглесовъ). — Вотъ, господа, замѣтилъ онъ при этомъ случаѣ, въ какихъ бѣдныхъ домахъ проживали наши предки, а между тѣмъ они были далеко выше насъ! — Нѣтъ! нѣтъ, милордъ — перебилъ его Джонсовъ — мы также сильны, какъ наши предки и умнѣе ихъ во многомъ. — У Босвелля сердце замерло, онъ ожидалъ ожесточеннаго диспута на самомъ порогѣ дома, но лордъ Монбоддо, какъ истинно гостепріимный хозяинъ, промолчалъ и повелъ посѣтителей въ свои покои.

— Благодарю васъ, мистеръ Босвелль, началъ онъ, усадивъ гостей: — что вы возымѣли мысль пригласить сюда доктора Джонсона; еслибъ вы оба проѣхали мимо, я не простилъ бы вамъ никогда. Только я долженъ предувѣдомить васъ, что пріемъ мой будетъ болѣе чѣмъ скромный. Вы въ домѣ мызника Бюрнета *), и онъ можетъ только представить вамъ свой семейный обѣдъ, обѣдъ мызника. Затѣмъ онъ сталъ говорить о хозяйствѣ, разсказалъ, что страсть его къ земледѣлію заставила его разъ, воротясь изъ какой-то поѣздки, ночью, отправиться со свѣчой, глядѣть на посѣвы. Въ этомъ отношеніи я похожъ на Виргилія, заключилъ лордъ Монбоддо, показавъ своимъ гостямъ образцы различнаго хлѣба, родившагося на его земляхъ: — я энтузіастъ-земледѣлецъ, какъ и авторъ Энеиды. Виргилій любилъ земледѣліе, и, вѣроятно, занимался имъ съ успѣхомъ. — Джонсонъ. Милордъ, не всегда тотъ человѣкъ, который пишетъ о какомъ нибудь искусствѣ, знаетъ

*) Имя лорда было Джемзъ Бюрнетъ.

его въ точности. Филипсъ написалъ поэму о дѣланіи сидра, а люди, знающіе дѣло, увѣрили меня, что онъ ничего не смыслилъ въ этомъ дѣлѣ.

Отъ Виргилія не было далеко и до Гомера. — Джонсонъ. Этотъ человѣкъ соединялъ въ себѣ всю ученость своего вѣка; въ его книгѣ мы находимъ описаніе народа во время войны и во время мира; видимъ даже описаніе сельскихъ занятій, даже описаніе воровства, какъ оно дѣлалось тогда. И все это на одномъ щитѣ Ахилла. — Монводдо (лукаво глядя на Босвелля). И даже, такъ сказать, парламентскія сцены: описаніе процесса и его рѣшенія. — Джонсонъ. И его описанія героевъ таковы, что и въ наше время мы можемъ повторять только имъ сказанное. — Монводдо. Однако ни одинъ характеръ не описанъ. — Джонсонъ. Потому — что они сами развиваются въ дѣйствіи. Взгляните на Агамемнона, онъ всегда вѣренъ себѣ, всегда одинаковъ, всегда въ немъ есть нѣчто царственное. Всѣ древніе писатели, и самъ Эврипидъ, въ Гекубѣ, всегда изображали его такимъ образомъ. — Монводдо. Я болѣе всего и во всемъ люблю описаніе характеровъ и обычаевъ, исторія и всѣ факты ея для меня значатъ немного. — Джонсонъ. Я совершенно съ вами согласенъ, и потому особенно люблю біографіи: то, что мы изъ нихъ почерпаемъ, близко къ намъ, касается прямо насъ. — Босвелль. Однако изъ самой общей исторіи мы извлекаемъ свѣдѣнія о характерахъ и обычаяхъ. Положимъ, описывается война: читая это описаніе, вы узнаете нравы извѣстнаго народа, его благородныя или другія наклонности, и такъ далѣе. — Джонсонъ. Справедливо, но чтобъ узнать все это, со сколькими фактами вамъ должно возиться, и какъ мало вы изъ нихъ извлечете. — Монводдо. И при всемъ томъ, только эта малость и придаетъ цѣну исторіи. — Браво, подумалъ Босвелль, они поладили какъ родные братья. — Монводдо. Какъ я жалѣю, докторъ Джонсонъ, что вы не пробыли долѣе въ Эдинбургѣ, хотя бы затѣмъ, чтобъ принять должную дань уваженія отъ шотландскихъ ученыхъ. Бѣдная Шотландія, и бѣдная наука! Да, мой почтенный докторъ, съ каждымъ годомъ ученость изчезаетъ изъ моей родины. — Джонсонъ. И на моей памяти ученость все идетъ хуже и хуже въ Англіи. — Монводдо. Вы, сэръ, переживаете ея упадокъ въ Англіи, а я вижу совершенное уничтоженіе учености въ Шотландіи.

За тѣмъ лексикографъ слегка проэкзаменовалъ маленькаго сына Монводдо, Артура, и остался доволенъ его познаніями. За обѣдомъ зашла рѣчь о вредѣ образованности, и наконецъ о люби-

момъ предметѣ хозяина, то есть о блаженствѣ дикаго состоянія. Лордъ Монбоддо, какъ и слѣдовало ожидать, доказывалъ, что положеніе лондонскаго торгаша во сто разъ несчастнѣе положенія дикаго островитянина, съ лукомъ за плечами бѣгающаго посреди своихъ лѣсовъ. Споръ возгорѣлся, но аристократическая уступчивость хозяина не допустила его принять слишкомъ запальчивый оттѣнокъ: оба ратоборца только потѣшили самихъ себя, и остались при своихъ мнѣніяхъ. Обѣдъ былъ довольно плохъ, и напоминалъ собою обѣды островитянъ, такъ любимыхъ лордомъ. Въ другое время подобный обѣдъ раздражилъ бы Джонсона, но лексикоргафъ очарованный ласкою и уступчивостью хозяина, почти забылъ о выгодахъ своего желудка. Всѣ были веселы и довольны собою, особенно Босвелль, еще недавно несмѣвшій и помыслить о такомъ результатѣ своего предпріятія. Лордъ Монбоддо убѣждалъ путниковъ провести ночь въ его домѣ, но узнавши, что имъ непремѣнно хочется къ вечеру быть въ Эбердинѣ, поблагодарилъ за посѣщеніе, и пожелалъ имъ счастливѣйшаго пути. Когда женщины вышли изъ за-стола, Джонсонъ, не желая оставаться въ долгу у вѣжливаго хозяина, изъявилъ желаніе идти за ними въ гостиную *). — Вѣжливость, — сказалъ онъ при этомъ: — необходима повсюду, общество безъ нея не можетъ существовать. Вѣжливость есть, такъ сказать, изображеніе нашей привязанности къ людямъ; она въ особенности важна въ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемся съ людьми изрѣдка или въ многочисленной бесѣдѣ, гдѣ истинной привязанности нельзя проявиться. О ней можно сказать тоже, что Эддисонъ говорилъ о благородствѣ. «Это признакъ прекрасной души — она усиливаетъ добродѣтель тамъ, гдѣ она есть, и подражаетъ ея дѣйствіямъ тамъ, гдѣ ея недостаетъ».

Скоро послѣ обѣда Джонсонъ дружески простился съ эксцентрическимъ лордомъ, и взявъ свою огромную палку, сказалъ ему, намекая на недавній разговоръ о Гомерѣ: — Милордъ, это вещь *гомерическая!* — Затѣмъ всѣ трое вышли на лѣстницу, и лордъ Монбоддо не только проводилъ нашихъ путниковъ до экипажа, но даже далъ имъ въ проводники своего любимаго слугу изъ негровъ. Всю дорогу до Эбердина лексикографъ отзывался съ великой похвалой о своемъ бывшемъ врагѣ. — Ни одного парадокса! въ цѣлый день ни одного парадокса! повторялъ онъ, сидя въ экипажѣ.

---

*) Обычай оставаться за столомъ послѣ ухода женщинъ, нынче почти несуществующій въ Англіи, былъ въ полной силѣ въ XVIII и началѣ нашего столѣтія.

Правда, милордъ слишкомъ унижалъ лондонскихъ торговцевъ, но это еще ничего не значитъ. Еслибъ при мнѣ кто нибудь сталъ бранить дикихъ островитянъ, я тотчасъ же принялъ бы ихъ сторону. Жаль, что такой прекрасный человѣкъ пишетъ такія странныя книги. Еслибъ дуракъ занимался такими дивами, мы охотно посмѣялись бы надъ нимъ, — но заблужденія умнаго человѣка располагаютъ къ грусти. У всякаго человѣка есть своя забавная идея, но всякій старается ее скрыть подалѣе, всякій прячетъ отъ другихъ свой хвостъ, а Монбоддо возится со своимъ какъ бѣлка. О двухъ дняхъ, проведенныхъ путешественниками въ Эбердинѣ, нельзя сказать многаго. Джонсону были представлены профессоры городской коллегіи, а городовой магистратъ, въ изъявленіе своего уваженія къ знаменитому посѣтителю, прислалъ ему дипломъ на латинскомъ языкѣ, въ которомъ значилось, что докторъ Самуилъ Джонсонъ причисленъ къ сословію эбердинскихъ гражданъ. По узаконенному порядку, этотъ дипломъ, написанный на небольшомъ кускѣ бумаги, цѣлый день долженъ былъ украшать собой шляпу новаго гражданина. Авторъ «Словаря» исполнилъ этотъ обычай въ точности, и все время ходилъ по городу съ дипломомъ на своемъ головномъ уборѣ, а по слѣдамъ его толпились уличные зѣваки, восклицая: — Докторъ Джонсонъ! вотъ идетъ докторъ Джонсонъ! Пріемъ повсюду былъ самый лестный и гостепріимный.

VII.

Похвала поселянки. — Величайшій человѣкъ послѣ лорда Менсфильда. — Феодальное семейство Эрролей. — Макбетовъ зáмокъ. — Семейство пастора. — Ариеметика въ карманѣ. — Сент-Джорджская крѣпость и офицерскій обѣдъ. — Арабы. — Брюсъ и автографы Шекспира. — Лохъ-Несcъ и старая кокетка. — Плачевное приключеніе у горы Раттакина. — Островъ Скэй и поведеніе сэра Александра Макдональда. — Феодальныя увѣщанія и нечувствительный баронъ. — Латинскій языкъ — Коррикатахинъ. — Разсказъ о двойномъ зрѣніи. — Джонсонъ и недовѣрчивый пасторъ. — Плаваніе къ острову Разаю. — Видъ острова. — Обѣдъ и балъ. — Макъ-Леоды. — Достопримѣчательности острова Разая. — Пещеры и битва съ чудовищемъ. — Портъ-Рэ. — Кингсбургъ. — Знакомство съ знаменитою миссъ Флорой Макдональдъ и ея мужемъ. — Молодой лондонскій щоголь. — Подробности о принцѣ Карлѣ Эдуардѣ и его бѣгствѣ. — Преданность дому Стюартовъ. — Участь миссъ Флоры.

Въ мѣстечкѣ Эллонъ, неподалеку отъ Эбердина, хозяйка гостинницы, въ которой остановились Босвелль съ своимъ менторомъ, таинственно подошла къ шотландцу и отвела его немного въ сторону. — Не съ вами ли, спросила она, тотъ великій докторъ, который, говорятъ, ѣздитъ эти дни по нашему краю! — Вотъ онъ, от-

вѣчалъ Босвелль. — Я столько про него слышала, продолжала хозяйка, что нарочно пробралась въ вашу комнату, взглянуть на такого джентльмена. Я рада, что онъ хоть сколько нибудь пробылъ въ нашемъ домѣ; на лицѣ его написано что-то необыкновенное, и всѣ говорятъ, что онъ сдѣлалъ много, много добра въ свою жизнь. Надобно бы ему показать мое дитя, которое все хвораетъ. — Онъ докторъ, только не можетъ лечить больныхъ. — А глаза онъ умѣетъ лечить? въ свою очередь спросилъ хозяинъ. — Не умѣетъ! — Почему жъ онъ докторъ! — Оттого что онъ очень ученый человѣкъ! — Хозяинъ. Правда, правда, всѣ говорятъ, что онъ величайшій человѣкъ въ Англіи, послѣ лорда Менсфильда. Джонсонъ былъ чрезвычайно обрадованъ и утѣшенъ такими признаками своей славы. — Сэръ, сказалъ онъ Босвеллю, еслибъ они сказали просто, что я самый великій человѣкъ во всей Англіи, это былъ бы глупый и безсмысленный комплиментъ, но они отдали первенство своему любимому лорду, значитъ, похвала шла отъ чистаго сердца.

Обѣдали наши туристы въ величавомъ зáмкѣ лорда Эрроля, выстроенномъ на морскомъ берегу, гдѣ ихъ встрѣтила жена лорда, окруженная многочисленнымъ и изящнымъ семействомъ. Леди Эрроль, о которой упоминалось въ одной изъ первыхъ главъ нашего этюда, была знаменита во всей Шотландіи своимъ умомъ, кротостью и еще однимъ обстоятельствомъ: она сама воспитывала всѣхъ своихъ дѣтей, воспитывала ихъ, ни разу не прибѣгая къ мѣрамъ строгости, и теперь эти дѣти, прекрасныя, какъ она сама, служили лучшимъ украшеніемъ древняго зáмка. Всѣ они повиновались своей матери безпрекословно, и видя ея уваженіе къ новымъ гостямъ, отдавали имъ всю должную ласку. Величественныя окрестности, видъ моря и зáмка, значительное количество проживающихъ въ немъ домочадцевъ и ихъ отношенія другъ къ другу, все это, взятое вмѣстѣ, придавало всему уголку какой-то феодальный характеръ, сильно подѣйствовавшій на Джонсона. По собственному его признанію, лучшаго мѣста онъ не видалъ въ свою жизнь. Предложеніе хозяйки провести ночь въ ея домѣ и дождаться лорда, на короткое время отлучившагося въ окресности, принято было съ полной готовностью. День быстро прошелъ въ бесѣдѣ и осматриваніи окрестностей, а вечеромъ явился домой и самъ лордъ Эрроль, мужчина высокаго роста, прекрасной наружности и блестящаго образованія. Въ Лондонѣ онъ встрѣчался съ Джонсономъ и потому онъ привѣтствовалъ его какъ стараго знакомца. Посреди этого благородно-патріархальнаго семейства, лексикографъ

не упустилъ случая поговорить о вліяніи семейныхъ отношеній на всю жизнь человѣка, коснулся и другихъ предметовъ подобнаго рода, отчего вечерняя бесѣда приняла важный характеръ. На слѣдующій день утромъ, оба гостя простились съ феодальнымъ семействомъ лорда Эрроля.

Медленно подвигаясь то по лѣсистой мѣстности, то по горной дорогѣ, а всего чаще по безлѣснымъ возвышенностямъ, ночуя въ гостинницахъ, и повсюду осматривая все достойное замѣчанія, оба друга прибыли въ концѣ августа къ зáмку Кавдору, прославленному Шекспировымъ Макбетомъ. Проѣзжая по равнинѣ, на которой, какъ говоритъ преданіе, танъ Кавдорскій увидалъ вѣдьмъ, предсказавшихъ ему будущее величіе, Джонсонъ продекламировалъ шекспировы стихи:

«Кто эти женщины, дряхлыя и дикія въ своемъ странномъ одѣяніи?» А потомъ, пародируя привѣтствіе волшебницъ, произнесъ, обращаясь къ своему спутнику: «привѣтъ тебѣ, Босвелль, привѣтъ тебѣ, лордъ Охинлекскій!» Почти цѣлый день посвященъ былъ осмотру Макбетова зáмка, одного изъ старѣйшихъ и величественнѣйшихъ въ краѣ. Толстыя стѣны строенія побѣдоносно выдержали разрушительный напоръ времени, главная башня, подъемный мостъ и весь корпусъ центральнаго зданія казались необыкновенно живописными, также, какъ колоссальныя деревья, разбросанныя, по эспланадѣ. Одно дерево росло въ самой срединѣ зáмка, стволъ его, какъ деревянный столбъ, виденъ былъ и въ верхнемъ и въ нижнемъ этажѣ. — Основатели Кавдора не рѣшались срубить его, велѣли строителямъ обвести стѣной древнее дерево. Двери зáмка были изъ желѣза, стѣны испещрены бойницами *). Туристы ночевали въ домѣ пастора Маколея, семейство котораго оказалось полнымъ радушія къ усталымъ путешественникамъ. Джонсонъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ и ночлегомъ и хозяевами, и застольнымъ разговоромъ, и мѣстоположеніемъ. Послѣ огромнаго, аристократическаго зáмка лорда Эрроля, ему пріятно было увидѣть скромный пасторскій домикъ, миніатюрное хозяйство, безхитростный пріемъ, и посреди всего этого людей простыхъ и все-таки гостепріимныхъ какъ лорды. Прощаясь, онъ подарилъ маленькому сыну пастора карманное изданіе Саллюстія

*) Нынѣ зáмокъ Кавдора, по увѣренію сэра Вальтеръ-Скотта, находится почти въ развалинахъ, отъ случившагося въ немъ сильнаго пожара. Дерево, украшавшее собой главную залу, обгорѣло и не зеленѣетъ болѣе.

и обѣщалъ похлопотать о его опредѣленіи въ одну изъ коллегій оксфордскаго университета.

Другому ребенку лексикографъ тоже подарилъ одну изъ книгъ, находившихся въ его карманѣ. Книга эта была *ариѳметика*. На вопросъ изумленнаго товарища, зачѣмъ онъ возитъ съ собою такія странныя для дороги сочиненія, поэтъ отвѣтилъ: — сэръ, въ дорогѣ всегда берите съ собой книги, которыя читаются медленно и требуютъ умственной работы. Поэму и романъ вы прочтете въ два дни и не будете знать, что съ ней дѣлать болѣе, а философская или математическая книга можетъ продовольствовать вашъ умъ втеченіе самаго длиннаго переѣзда.

Въ Сент-Джорджской крѣпости ученыхъ путниковъ, ожидало новое доказательство сѣвернаго радушія: пріятели Босвелля, Фернъ и маіоръ Брюсъ, встрѣтили гостей тотчасъ по ихъ пріѣздѣ, показали имъ всѣ укрѣпленія и повели обѣдать къ сэру Эйръ-Куту, командиру полка, тамъ расположеннаго. Передъ окнами полковаго командира игралъ хоръ музыки, столъ уставленъ былъ дорогими винами и роскошно сервированъ, почти всѣ сент-джорджскіе офицеры раздѣляли трапезу начальника, какъ это водится въ британскомъ войскѣ. За обѣдомъ говорили объ Индіи, тамошнихъ экспедиціяхъ, вообще о военномъ дѣлѣ, и докторъ Джонсонъ удивилъ всѣхъ присутствующихъ цѣлою диссертаціею о приготовленіи, полированіи и испытаніи пороха. Полковой командиръ, только что возвратившійся изъ путешествія по степямъ Аравіи, сообщилъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о жизни кочующихъ арабовъ, ихъ необыкновенной воздержности и честности относительно путешественниковъ. Если арабъ, говорилъ онъ между прочимъ, возьмется проводить васъ по степи, вы можете быть увѣрены, что онъ скорѣе погибнетъ, нежели допуститъ къ вамъ хищниковъ. — Джонсонъ. Сэръ, я никогда не соглашусь, что дикіе народы честнѣе или добродѣтельнѣе насъ Европейцевъ. Всякій солдатъ, котораго вы дадите мнѣ въ провожатые, сдѣлаетъ тоже.

Потомъ Джонсонъ спросилъ у инженернаго маіора Брюса, не происходитъ ли онъ отъ знаменитой фамиліи Брюсовъ, тотъ отвѣчалъ ему, что не знаетъ на этотъ счетъ ничего положительнаго. Наше имя, продолжалъ маіоръ, пишется на четырнадцать различныхъ способовъ, я самъ недавно обѣдалъ въ Лондонѣ съ тремя Брюсами: шотландскимъ, ирландскимъ и англійскимъ, каждый изъ нихъ пишетъ свое имя иначе. — Джонсонъ. Это мнѣ напоминаетъ споры нашихъ ученыхъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать фамилію Шекспира. Послѣ многихъ толковъ, изысканій и взаимныхъ пере-

бранокъ, эти джентльмены придумали средство покончить съ своими сомнѣніями: нужно было узнать мнѣніе самого Шекспира. Но когда собраны были письма и другіе автографы поэта, открылось, что онъ самъ писалъ свое имя иногда такъ, иногда иначе, и къ тому же тремя различными способами.

Послѣ обѣда, Джонсонъ и его другъ распрощались съ своими хозяевами и къ ночи прибыли въ Инвернесъ, гдѣ не случилось ничего достойнагѡ описанія. Начиная отъ этого города, слѣдовало продолжать свой путь верхомъ. За то дорога, пролегавшая по берегу озера Лохъ-Несса, была чрезвычайно живописна, противоположный берегъ его обросъ кустарниками, а надъ головами путешественниковъ высились утесистыя возвышенности. Въ бѣдной избушкѣ у озера, куда наши путники вошли отдохнуть на минуту, случилось съ нами довольно забавное приключеніе. Старая и безобразная женщина, стоявшая у порога, почему-то подумала, что Джонсонъ съ товарищемъ намѣрены за ней волочиться и даже, можетъ быть, увезти ее съ собою. — Босвелль (обращаясь къ лексикографу). Сэръ, это вы испугали красавицу. — Джонсонъ. Нѣтъ, сэръ, кажется это ваше дѣло. Она разскажетъ своимъ роднымъ, что сегодня поутру явился у ея двери безпутный юноша, страшный волокита, который хотѣлъ похитить ее и исполнилъ бы свое адское намѣреніе, еслибъ его не остановилъ почтенный старецъ, съ нимъ бывшій. Счастье, что у него такой спутникъ, но когда онъ избавится отъ него, бѣда всѣмъ женщинамъ, молодымъ и старымъ. — Босвелль. Нѣтъ, она будетъ такъ разсказывать: — сегодня явился ко мнѣ злобный и страшный старикъ съ адскими намѣреніями, но меня спасъ миловидный молодой человѣкъ, остановившій его. Нѣтъ сомнѣнія, то былъ добрый геній, посланный мнѣ на помощь.

Послѣ нѣкоторыхъ объясненій, щекотливая женщина наконецъ пустила въ свой домъ путешественниковъ, даже разсказала имъ свою исторію. Мужъ ея былъ лѣсничимъ, семейство состояло изъ пятерыхъ дѣтей, хозяйство изъ шестидесяти козъ. Старуха считала себя одною изъ счастливѣйшихъ особъ въ мірѣ; ей было отпущено двѣнадцать пенсовъ на покупку табаку, страсть къ которому была необыкновенно развита во всемъ краѣ.

Перваго или второго сентября, доброе согласіе между нашими туристами едва было не разрушилось плачевнѣйшимъ образомъ. Послѣ чрезвычайно утомительнаго и не очень интереснаго переѣзда, имъ пришлось взбираться на чрезвычайно высокую гору, называвшуюся Раттакинъ. Джонсонъ былъ утомленъ, лошадь его едва сту-

пала подъ своимъ массивнымъ всадникомъ. Чтобъ дать ей хотя немного отдыха, оба проводника согласились сажать лексикографа на своихъ лошадей поочередно; во все время взъѣзда докторъ не говорилъ ни слова, поглядывая вокругъ себя съ недовольнымъ видомъ; досада его усилилась, когда глупый проводникъ, стараясь развлечь его, принялся утѣшать поэта, какъ утѣшаютъ крошечныхъ дѣтей. Глядите, сэръ, повторялъ онъ забавнымъ голосомъ, глядите, какія хорошенькія козочки у насъ! Джонсонъ переносилъ терпѣливо эти утѣшенія, но видъ его нахмуренныхъ бровей не предвѣщалъ ничего добраго.

Становилось темно, глубокое молчаніе царствовало между ѣздоками, когда Босвелль, наскучивъ тихой ѣздою и сообразивъ, что гостинница должна быть въ близкомъ разстояніи, пришпорилъ свою лошадь и поскакалъ впередъ по дорогѣ. Джонсонъ, голосомъ Стентора, велѣлъ ему остановиться и осыпалъ его громовыми упреками. На вашемѣ мѣстѣ, говорилъ онъ, я бъ скорѣе рѣшился украсть платокъ изъ кармана, нежели сдѣлать такое невѣжество. Напрасно Босвелль оправдывался, увѣряя, что цѣль его заключалась только въ скорѣйшемъ заказѣ ужина и другихъ потребностей, старый поэтъ продолжалъ браниться и велѣлъ ему все время ѣхать около себя. Въ угрюмой задумчивости, оба друга дотащились наконецъ до грязной и холодной Глепельской гостинницы, въ которой не было ни постели, ни куска хлѣба. Сонъ Босвелля былъ непріятенъ и безпокоенъ; то ему чудилось, что его кусаетъ безчисленное множество насѣкомыхъ, изъ которыхъ одно, паукъ неслыханнаго объема ползаетъ по его груди, то вообразилось ему, что трактирщикъ имѣетъ дурные умыслы на жизнь своихъ постояльцевъ, то наконецъ ему представлялись всѣ подробности послѣдней размолвки съ знаменитымъ лексикографомъ и самая размолвка казалась залогомъ будущихъ неудовольствій, можетъ быть началомъ вѣчной холодности. Къ счастію, свѣжее и ясное осеннее утро разогнало туманъ мрачныхъ мыслей. Джонсонъ, вставъ съ постели, дружески привѣтствовалъ своего поклонника, усѣлся за скудный завтракъ въ пріятнѣйшемъ расположеніи духа, и даже извинился во вчерашней запальчивости.

Подкрѣпивъ свои истощенныя силы, наши туристы сѣли на лодку и направили путь къ Скейскому острову, одному изъ самыхъ красивѣйшихъ на всемъ архипелагѣ, раскинутомъ у сѣверныхъ береговъ Шотландіи. Въ Эрмидалѣ, главномъ селеніи острова, встрѣчены были они его владѣтелемъ, сэромъ Александромъ Макдональдомъ, знаменитымъ во всемъ краѣ, во-первыхъ, по своему знатному роду, во-вто-

рыхъ, по своей скупости, и въ-третьихъ, по безтолковости, съ которою онъ управлялъ своими имѣніями, раззоренными до тла вслѣдствіе его собственной жадности. По крайней мѣрѣ, такъ его описываетъ Босвелль, присовокупляя въ своемъ дневникѣ, что сэръ Макдональдъ обходился съ нимъ и старымъ поэтомъ, во все время ихъ пребыванія на его островѣ, съ большою невѣжливостью и даже пренебреженіемъ. Трудно рѣшить, кто былъ правъ и кто виноватъ, но кажется, что если хозяинъ былъ несовсѣмъ радушенъ, то и лексикографъ съ своимъ поклонникомъ вели себя въ Эрмидалѣ немного странно. Джонсонъ отыскалъ въ какомъ-то углу баронскаго дома два ящика старыхъ книгъ и началъ читать ихъ, не обращая вниманія на хозяина, а Босвелль, по увѣренію мистриссъ Піоцци, за обѣдомъ выпилъ лишнее, послѣ чего принялся весьма некстати вспоминать объ угасшемъ величіи дома Макдональдовъ, о покойномъ Джемзѣ Макдональдѣ, старшемъ братѣ Александра, который по его словамъ умѣлъ бы поддержать честь своего имени и въ Англіи и въ Шотландіи.

На другой день дѣла пошли еще хуже. Джонсонъ, насмотрѣвшійся во время своей поѣздки на слѣды такъ любимой имъ феодальной жизни, принялся давать владѣтелю острова наставленія о томъ, какъ нужно управлять своими владѣніями, для того, чтобъ лучше поддержать славу имени Макдональдовъ. Сэръ Александръ, не удостоивая доводовъ поэта даже опроверженіемъ, принялся улыбаться, что еще болѣе раззадорило путешественниковъ. — На вашемъ мѣстѣ, говорилъ Джонсонъ, я жилъ бы себѣ на своемъ островѣ какъ жили мои предки. Я жарилъ бы цѣлыхъ быковъ и выкидывалъ на башнѣ флагъ въ знакъ того, что каждый изъ клана Макдональдовъ можетъ ѣхать ко мнѣ ѣсть мясо, веселиться, плясать и пить виски. — Сэръ Александръ. Дѣйствительно, это недурно придумано, жаль что дорого будетъ стоить. — Джонсонъ. Каждый мой подданный могъ бы разсчитывать на меня, какъ на своего защитника, я бы самъ производилъ судъ и расправу передъ дверьми зàмка, я бы не допускалъ ни одного дѣла до судовъ. Я заступался бы за посторонніе мнѣ кланы, еслибъ кто ихъ вздумалъ притѣснять; у меня были бъ и вассалы и союзники. Сэръ Александръ отвѣчалъ что-то насчетъ измѣнившагося порядка вещей въ Шотландіи. — Джонсонъ. Сэръ, если вы не имѣете довольно рѣшимости, я не могу говорить съ вами, сэръ; у меня былъ бы арсеналъ, строеніе, наполненное оружіемъ. — Сэръ Александръ. Которое бъ заржавѣло. — Мы напрасно старались, прибавляетъ Босвелль въ своемъ дневникѣ, сообщить ему хотя часть нашего

энтузіазма *). Онъ прибавляетъ, однакоже, что сэръ Александръ весьма вѣжливо отыгрывался отъ возгласовъ своихъ ученыхъ гостей.

Вслѣдъ за тѣмъ сэръ Александръ провелъ обоихъ друзей къ церкви, очень бѣдной и просто-отстроенной, въ которой находился памятникъ его старшаго брата, сэра Джемза, умершаго въ Римѣ на двадцать шестомъ году своего возраста. Сэръ Джемзъ Макдональдъ былъ необыкновенно любимъ во всей Шотландіи за свои огромныя достоинства. Не смотря на свою молодость, онъ славился какъ ученый и ораторъ; два письма, писанныя имъ передъ смертью къ своей матери, изобличали въ молодомъ человѣкѣ душу необыкновенно нѣжную и возвышенную. Босвелль съ почтеніемъ остановился возлѣ памятника, превосходно выполненнаго въ Римѣ, но докторъ Джонсонъ и тутъ остался недовольнымъ; ему не понравилось, что надпись на монументѣ, составленная другомъ покойнаго, Георгомъ лордомъ Литльтономъ, была на англійскомъ, а не на латинскомъ языкѣ.—Все, что назначается на вѣчныя времена, сказалъ онъ, должно быть изображено латинскими буквами. Латинскій языкъ имѣетъ еще и то превосходство передъ другими, что онъ понятенъ каждому. Сэръ Александръ могъ бы отвѣтить, что изо-ста англичанъ едва ли одинъ понимаетъ языкъ, на которомъ говорили древніе римляне, и что, сверхъ того, всякій смертный долженъ быть доволенъ, если воспоминаніе о немъ продлится столько же, сколько продлится и родной его языкъ, но онъ не хотѣлъ прибавлять новой досады своему ученому гостю. Наконецъ оба путешественника оставили Эрмидаль, крайне недовольные пріемомъ, имъ сдѣланнымъ, и послѣ довольно труднаго переѣзда достигли до фермы Коррихатахинъ, гдѣ были приняты радушно и ласково мистеромъ Макъ-Киннокомъ и его женою, одною изъ самыхъ образованныхъ женщинъ во всемъ краѣ. За ужиномъ собралась многочисленная и веселая компанія изъ сосѣдей и родныхъ хозяина; всѣ присутствующіе пили по шотландски и пѣли за столомъ древнія народныя пѣсни. Веселость была такая, что самъ докторъ Джонсонъ былъ почти забытъ, пишетъ Босвелль, и при-

*) Споръ ученаго поэта съ шотландскимъ барономъ о возстановленіи феодальныхъ обычаевъ, не смотря на весь свой комизмъ, покажется намъ еще смѣшнѣе, если мы сообразимъ, до какой наивности доходили въ этомъ случаѣ невѣдѣніе Джонсона и забывчивость его поклонника по поводу дѣлъ Шотландіи въ то время. Докторъ Джонсонъ будто забылъ, говоритъ Вальтеръ-Скоттъ въ своихъ замѣткахъ, что въ 1793 году шотландскимъ горцамъ было не дозволено носить оружія и что, вслѣдствіе недавнихъ смутъ, созывать свой кланъ было дѣломъ не только безполезнымъ, но глупымъ и опаснымъ.

бавляетъ къ тому, что самъ принималъ дѣятельное участіе въ хорѣ. Лексикографъ, утомленный шумомъ, рано отправился въ свою комнату, а товарищъ его продолжалъ пить и веселиться съ добрыми хозяевами до утра.

На другой день всѣ собесѣдники съизнова сошлись продолжать пиръ, и Джонсонъ, цѣлое утро занимавшійся чтеніемъ, не замедлилъ присоединиться къ радушнымъ весельчакамъ. Желая собрать нѣсколько свѣдѣній о *второмъ зрѣніи* *) лексикографъ тутъ же сдѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ по этому предмету. Отвѣты и примѣры посыпались съ неимовѣрною быстротою, потому что всѣ жители острова Скей вѣрили во второе зрѣніе. Молодой сынъ Макъ-Киннока сообщилъ, какъ одинъ изъ ихъ сосѣдей, по имени Макъ-Кензи, по временамъ падаетъ въ обморокъ, и придя въ чувство разсказываетъ о видѣніяхъ, которыя ему въ это время грезятся. Каждое видѣніе оказывалось пророческимъ: чаще всего Макъ-Кензи видалъ похороны и лица, которыя ему являлись мертвыми, дѣйствительно умирали.

Мистриссъ Макъ-Киннокъ разсказала, какъ отецъ ея прежде никогда не вѣрилъ во второе зрѣніе, а нынче обратился къ болѣе здравому взгляду на предметъ. Разъ онъ ѣхалъ по острову и встрѣтилъ нѣсколькихъ женщинъ, увѣрявшихъ его, что онѣ слышали сію минуту два тайтча (т. е. два голоса мертвыхъ людей) и что одинъ изъ голосовъ былъ англійскимъ голосомъ. Проѣзжая черезъ нѣсколько дней по той же полянѣ, онъ встрѣтилъ двое похоронъ, и одинъ изъ умершихъ былъ англичанинъ, только что прибывшій на островъ. Съ тѣхъ поръ, прибавила хозяйка дома, мой отецъ со страхомъ вспоминаетъ объ этомъ приключеніи. Потомъ была разсказана исторія о шкиперѣ, утонувшемъ гдѣ-то въ Индіи и о женѣ его, знавшей о смерти мужа въ самый день его погибели *). Не слѣдуетъ, однако, думать, замѣтилъ одинъ изъ гостей, будто люди одаренные вторымъ зрѣніемъ, видятъ только однихъ мертвецовъ и тому подобные ужасы, часто второе зрѣніе указываетъ намъ на предметы простые и пріятные. У одного лорда изъ фамиліи Макъ-Кверри живетъ въ домѣ старуха, всегда угадывающая когда хозяинъ ея возвращается изъ Эдинбурга или другихъ мѣстъ домой.

---

*) Второе зрѣніе, second sight, народный шотландскій предразсудокъ, который въ XVIII столѣтіи еще не всѣми былъ признанъ за предразсудокъ. Читатель сейчасъ увидитъ, въ чемъ именно заключалось повѣрье насчетъ второго зрѣнія.

*) Исторія эта надѣлала столько шума въ Шотландіи, что жена шкипера потребована къ допросу и заставлена присягнуть въ томъ, что она видѣла заочно смерть мужа.

Однимъ разъ, за день до его пріѣзда, она сообщила, что Макъ-Кверри привезетъ съ собой двухъ джентльменовъ, и предсказанное ею дѣйствительно случилось. Въ другой разъ она узнала, что за нимъ ѣдетъ человѣкъ въ ливреѣ изъ зеленаго сукна съ краснымъ. Оказалось, что эта ливрея дѣйствительно куплена была мистеромъ Макъ-Кверри въ Эдинбургѣ, для своего служителя.

— Мартынъ Макферсонъ, пасторъ округа. Не смотря на всѣ эти примѣры, я рѣшился не вѣрить въ возможность второго зрѣнія, потому что это повѣрье не основано ни на какой мысли. — Джонсонъ. Есть много вещей на свѣтѣ, которыя нельзя подвергать сомнѣнію, а между тѣмъ онѣ не основаны ни на какой доступной намъ мысли. Вслѣдствіе какого принципа магнитъ притягиваетъ желѣзо? почему яйцо, при извѣстной степени жара, производитъ цыпленка? Отчего дерево растетъ кверху, когда всякая вещь тянется книзу вслѣдствіе закона притяженія? Вотъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ, какъ большинство людей вѣритъ въ возможность сверхъестественныхъ событій, и не намъ идти противъ общаго убѣжденія. Я желаю вѣрить во второе зрѣніе, которому вѣритъ вся Шотландія. — Босвелль. Я не только *желаю* вѣрить, но *вѣрю*. Для вашего ума недостаточно слышанныхъ нами доводовъ, но они наполняютъ собою мой разумъ. Количество жидкости, недостаточное для наполненія огромной бутылки, наполняетъ обыкновенную склянку. Что касается до меня, то я наполненъ вѣрою въ двойное зрѣніе. — Макъ-Киннокъ. Въ такомъ случаѣ, добрый нашъ Босвелль, закупорьте поскорѣе вашу бутылку.

Наконецъ пришло время проститься съ хозяевами Коррихатахина, и направить путь свой далѣе. За Джонсономъ и его спутникомъ пріѣхала разайская карета, — такъ назывался крѣпкій и открытый ботъ, перевозившій пассажировъ на Разай, мѣстопребываніе фамиліи Маклеодовъ. Для сопровожденія почетныхъ гостей въ каретѣ пріѣхали пасторъ Макъ-Квинъ, кроткій, вѣжливый старичокъ, и мистеръ Малькольмъ Маклеодъ, старый, загорѣлый и атлетическій горецъ, бывшій однимъ изъ проводниковъ и спасителей принца Карла-Эдуарда послѣ несчастнаго Куллоденскаго дѣла. Босвелль, все еще сохранившій благоговѣйныя чувства къ фамиліи Стюартовъ, разглядывалъ съ особеннымъ вниманіемъ воинственную фигуру Маклеода, одѣтую въ коротенькій зеленый плащь, тартановые панталоны по колѣна и большой голубой токъ съ золотою пуговицею. (Парламентскимъ постановленіемъ было запрещено горцамъ, послѣ послѣдняго возмущенія, носить клѣтчатыя матеріи). Путь лежалъ возлѣ острова Скальпы, сплошной массы голыхъ уте-

совъ мили на четыре въ поперечникѣ. Всѣ гребцы были изъ клана Маклеодовъ, одинъ изъ нихъ, весьма легко одѣтый и безъ шапки на головѣ, казался похожимъ на индѣйскаго геркулеса. Самъ Малькольмъ взялся за весло, затянувъ старинную пѣсню, могучіе гребцы и пастухъ ему подтягивали, Босвелль запѣлъ вмѣстѣ съ ними, а Джонсонъ, подобно величавому тритону, усѣлся на кормѣ, услаждаясь музыкой и быстротой плаванія.

Около шести часовъ вечера, великолѣпная панорама раскрылась передъ учеными мореплавателями, въѣхавъ въ красивый заливъ, они увидѣли передъ собою открытое мѣсто для пристани, покрытое зеленью, старыми деревьями и замкнутое рядами отвѣсныхъ скалъ, торжественно воздымавшихся одна надъ другою. Старый домъ, грубой, но величавой постройки, стоялъ подъ самыми утесами, по сторонамъ его разбросаны были домики изъ камня или торфа, по заливу мелькало около сотни рыбачьихъ лодокъ. Джонсонъ и Босвелль находились въ Разаѣ, и навстрѣчу изъ стараго строенія вышла цѣлая толпа хозяевъ и ихъ родственниковъ, съ крикомъ и радостными привѣтствіями. Владѣтель острова имѣлъ трехъ сыновей и десятерыхъ дочерей, — всѣ они находились налицо и поздоровались съ гостями; за ними шло слѣдомъ болѣе десятка разныхъ Маклеодовъ и Макъ-Кинноковъ, приходившихся своими семейству хозяина: тутъ были и военные люди, и пасторы, и лорды, и доктора разныхъ наукъ. Служители, по обычаю края, прежде всего поднесли пловцамъ по стакану превосходной водки, а вслѣдъ за этой церемоніей начался обѣдъ, почти гомерическій. Не успѣли гости и хозяева кончить обѣда, какъ въ залѣ явился скрипачь и начались танцы: владѣтель острова первый подалъ примѣръ, подхвативъ свою собственную дочь, а старый Малькольмъ пустился прыгать, какъ дикая коза. Одинъ изъ Маклеодовъ, по имени Сэнди (Саша или Александръ) прозванный домовымъ *), выдѣлывалъ такіе отчаянные прыжки и до того смѣшилъ всѣхъ своею болтовнею, что въ короткое время очутился героемъ всего бала; первою же красавицею изъ числа танцовавшихъ дамъ и дѣвицъ всѣ признали дочь хозяина, миссъ Флору Макъ-Леодъ-Разай, — которой красота не только славилась на всѣхъ островахъ Гебридскаго архипелага, но была небезъизвѣстна въ самомъ Эдинбургѣ. Всѣ веселились до ребячества, и докторъ Джонсонъ, усѣвшійся рядомъ съ пасторомъ Макъ-Квиномъ возлѣ тан-

*) Надо вспомнить, что на русскомъ языкѣ нѣтъ слова, равносильнаго шотландскому cruslik или англійскому hobgoblin. Hobgoblin значитъ веселый и вертлявый духъ, въ родѣ Шекспирова Пука.

цующихъ, — сказалъ, обращаясь къ Босвеллю: не знаю, какъ у насъ достанетъ силы выѣхать отсюда. За ужиномъ сидѣло болѣе тридцати человѣкъ, шумная бесѣда не прекращалась ни на минуту, а пьянства, какъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Босвелль,— вовсе не было.

Четыре дня проведены были посреди патріархальнаго семейства Маклеодовъ; обѣды слѣдовали за ужинами, балы за обѣдами; добродушный Босвелль закружился такъ, что даже забылъ записывать въ своемъ дневникѣ замѣчательнѣйшія изъ Джонсоновыхъ изрѣченій. А между тѣмъ времени терять не слѣдовало, наступала глубокая осень и плаваніе по морю становилось съ каждымъ днемъ опаснѣе.

Островъ Разай имѣетъ въ себѣ много достопримѣчательнаго, начиная съ высокой горы Дунъ-Кана, до озера, въ которомъ, по словамъ Малькольма Макъ-Леода, жило нѣкогда чудовище гиппопотама, выходившее иногда изъ глубины и пожиравшее людей. Одинъ земледѣлецъ, котораго родная дочь досталась въ добычу хищному звѣрю, вознамѣрился съ нимъ сразиться, и для этого, устроивъ родъ небольшого укрѣпленія, спрятался позади, напередъ сложивши передъ нимъ цѣлый костеръ дровъ. Передъ огнемъ этимъ, по его приказанію, положили цѣлую свинью, а сверхъ того въ немъ накаливался огромный желѣзный вертелъ. Когда запахъ отъ жаренаго мяса распространился повсюду, чудовище направилось прямо къ огню, но было встрѣчено ударами до красна накаленаго желѣза. Произошла яростная битва, кончившаяся гибелью гиппопотама, насквозь пронзеннаго каленымъ вертеломъ. Груда камней, за которыми укрывался неустрашимый охотникъ, показаны были Босвеллю.

Возлѣ самого моря находятся еще двѣ огромныя пещеры, украшенныя сталактитами. Скота на островѣ очень много и народъ, подъ истинно отеческимъ управленіемъ Разая, пользуется полнымъ благоденствіемъ. Вотъ все, что было замѣчено Босвелемъ и Джонсономъ послѣ четырехдневнаго пребыванія. Къ этому шотландецъ прибавляетъ еще, что на вершинѣ горы Дунъ-Кана, онъ танцовалъ, въ сообществѣ Малькольма и двухъ другихъ спутниковъ, какой-то горскій танецъ, — что не помѣшало ему, однакоже, вернувшись домой къ балу, отплясывать на немъ съ полной неутомимостью.

Между тѣмъ погода становилась все хуже, и надлежало пользоваться первымъ яснымъ днемъ, чтобъ покинуть гостепріимный кровъ Маклеодовъ. Двѣнадцатаго сентября, вѣтеръ, дувшій съ моря,

затихнулъ, и все семейство хозяина вышло къ берегу провожать знаменитаго лексикографа. Самъ владѣтель острова и часть гостей рѣшились взять еще одну лодку и конвоировать путешественниковъ до Кингсбурга или, по крайней мѣрѣ, до половины дороги. Въ городкѣ, называвшемся Портъ-Рэз (королевская пристань), на островѣ Скэй, отыскана была гостинница, въ которой произошелъ прощальный обѣдъ. Джонсонъ хотѣлъ угощать своихъ спутниковъ, но это ему не удалось: Разай заплатилъ за все впередъ, строго запретивъ трактирщику брать хоть одну копѣйку съ бывшихъ его гостей, такъ что лексикографу и его товарищу оставалось только еще разъ поблагодарить лорда и дружески проститься съ нимъ, съ его семействомъ и своимъ бывшимъ проводникомъ старымъ Малькольмомъ.

Въ Кингсбургѣ путешественники остановились въ домѣ мистера Макдональда, мужа знаменитой Флоры Макдональдъ, игравшей такую романическую роль во время войны принца Карла-Эдуарда за наслѣдство своихъ предковъ. Объѣхать Гебридскіе острова и не видать бывшей подруги претендента, значило быть въ Италіи и не видать Папы, потому-то ни одинъ путешественникъ не оказывался способнымъ миновать Кингсбурга.

Въ старой и большой залѣ, освѣщенной яркимъ огнемъ камина, Джонсонъ встрѣченъ былъ хозяиномъ дома, черноволосымъ и высокимъ мужчиной, типомъ истиннаго горца, въ тартановомъ пледѣ, наброшенномъ сверхъ казакина съ золотыми пуговицами. На головѣ его надѣтъ былъ, какъ и у Маклеода, голубой токъ, только безъ золотой пуговицы, а съ чорной лентою вокругъ. Лицо его поражало своей выразительностью и казалось нѣсколько задумчивымъ.

Только что подали виски и ужинъ, передъ гостями явилась маленькая пятидесятилѣтняя женщина, на лицо очень молодая для своихъ лѣтъ, съ деликатными и аристократическими манерами. Джонсонъ и Босвелль почтительно встали съ своихъ мѣстъ: передъ ними находилась мистриссъ Флора.

Послѣ первыхъ привѣтствій, мистриссъ Флора сказала своимъ гостямъ, что она давно уже знаетъ о ихъ путешествіи. Нѣсколько дней тому назадъ, продолжала она, мнѣ было дано знать о васъ. Я знала, что ко мнѣ собирается мистеръ Босвелль, въ сообществѣ мистера Джонсона, одного изъ молодыхъ лондонскихъ щеголей (bucks). Всѣ начали смѣяться и придумывать, какимъ образомъ могъ старый и почтенный ученый попасть въ число денди XVIII столѣтія. Я намѣрена, продолжала шутя мистриссъ Флора, и намѣ-

рена отвести вамъ лучшую комнату въ домѣ: вы знаете манеру женщинъ. Онѣ угождаютъ молодежи и вообще любятъ молоденькихъ щеголей. Стали вспоминать о пребываніи принца Карла въ Кингсбургѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ происходила бесѣда, — и Джонсонъ, желая въ свою очередь пошутить, спросилъ хозяйку: мнѣ сказывали въ Англіи, какъ будто бы съ принцомъ была здѣсь какая-то хорошенькая героиня, миссъ Флора Макдональдъ, — какъ вы думаете, правду ли мнѣ сказали. Совершенную правду, отвѣчала хозяйка въ томъ же духѣ, и видя, что ея гости не прочь услышать ея исторію, хотя и совѣстятся дѣлать ей прямые вопросы, разсказала имъ нѣсколько событій о приключеніяхъ принца послѣ Куллоденскаго сраженія, развѣявшаго въ прахъ всѣ его надежды и разсчеты на отеческій престолъ. Мы передадимъ нашимъ читателямъ только весьма малую часть сказанныхъ приключеній.

Всякому человѣку, сколько нибудь знакомому съ исторіею Великобританіи, извѣстно, что принцъ Карлъ, въ 1746 году, послѣ своей несчастной высадки въ Шотландію, принужденъ былъ скрываться нѣсколько времени и ждать удобнаго случая для переѣзда къ берегамъ Франціи. Окрестности Куллодена (гдѣ произошло пораженіе приверженцевъ принца), да и вся сѣверная часть Англіи съ Шотландіею, заняты были войсками, всѣ главные помощники принца и всѣ почти шефы клановъ, принимавшіе участіе въ дѣлѣ Стюартовъ, были или перебиты, или подъ стражею, или скрывались въ неприступныхъ горахъ. Миссъ Флора Макдональдъ, неоставлявшая принца ни на минуту, убѣдила его одѣться въ женское платье и ѣхать съ ней къ ея родственникамъ. Съ опасностью жизни оба они достигли до острова Скэй, гдѣ миссъ Флора открыла тайну владѣтелю Кингсбурга и посовѣтовалась съ нимъ о средствахъ спасти изгнанника. Оставаться ему въ женскомъ платьѣ было невозможно, онъ поминутно измѣнялъ своему костюму, дѣлалъ огромные шаги, при переходахъ черезъ рѣчки поднималъ платье выше, чѣмъ бы слѣдовало, и однимъ словомъ, велъ себя съ беззаботой, рыцарской вѣтренностью, сродной его всегдашнему характеру. Даже простыя поселянки догадывались, что ирландская горничная миссъ Флоры есть ничто иное какъ мужчина и вѣроятно, переодѣтый претендентъ. Одинъ только англійскій офицеръ, квартировавшій въ Кингсбургѣ не догадывался ни о чемъ, — и когда преслѣдованія якобитовъ окончились, миссъ Флора при всякомъ удобномъ случаѣ принималась подшучивать надъ недальновидностью своего стараго постояльца.

Со стороны горцевъ измѣны опасаться было нечего, преданность ихъ къ послѣднему представителю дома Стюартовъ превосходила всякое вѣроятіе. Башмаки, которые принцъ износилъ дорогою, хранились въ домѣ Кингсбурговъ и были потомъ проданы за двадцать фунтовъ, а старая хозяйка дома, мистриссъ Макдональдъ Кингсбургъ, завѣщала похоронить себя въ той самой простынѣ на которой Карлъ-Эдуардъ провелъ первую ночь въ ея замкѣ. Благородный, веселый характеръ принца обворожалъ всѣхъ, кто слышалъ отъ него хоть одно только слово.

За ужиномъ, разсказываетъ мистриссъ Флора, онъ былъ весьма веселъ, пилъ за здоровье хозяина, а потомъ легъ спать и проспалъ до часу пополудни. Хозяйка замка прибѣжала поутру къ своему отцу, и, высчитывая всѣ опасности, ихъ окружавшія, просила его поскорѣе разбудить его высочество. Пусть онъ отдыхаетъ спокойно, отвѣчалъ преданный старикъ, ему нуженъ отдыхъ, а что до меня, то мнѣ совершенно все равно, если съ меня снимутъ мою сѣдую голову нѣсколькими годами ранѣе, чѣмъ мнѣ слѣдуетъ умереть.

На другой день, принцъ, опять таки въ сопровожденіи Флоры Макдональдъ добрался до Порт-Рээ, чтобъ оттуда переѣхать въ Разай; къ несчастію всѣ лодки были сожжены или испорчены англичанами, и только послѣ долгихъ остановокъ, двое братьевъ изъ фамиліи Макъ-Леодовъ, отыскавши гдѣ-то маленькій челнъ, перевезли въ немъ претендента, съ помощью уже извѣстнаго намъ Малькольма Маклеода. Миссъ Флора простилась съ принцемъ, успокоенная тѣмъ, что передала его судьбу въ руки людей, полныхъ изобрѣтательности и готовыхъ на все для его спасенія.

Едва только великодушный Малькольмъ Маклеодъ, послѣ тысячи разныхъ опасностей, успѣлъ проводить принца черезъ весь островъ Разай и сдать его на руки преданному лерду Макъ-Киннону, какъ самъ онъ былъ схваченъ, посланъ въ Лондонъ на военномъ кораблѣ и посаженъ въ темницу. Началось слѣдствіе, и Малькольмъ ожидалъ неминуемой смерти, но счастливое стеченіе обстоятельствъ спасло горца, вѣрнаго дому своихъ государей. Не смотря на то, что его участіе въ спасеніи несчастнаго принца было извѣстно какъ нельзя болѣе, не взирая на то, что его политическія мнѣнія открыты были передъ всѣми и каждымъ, нашелся только одинъ свидѣтель въ его обвиненіе, и Малькольма оправдали. Очень вѣроятно, сообразжаясь съ закономъ, требовавшимъ, по крайней мѣрѣ, двухъ свидѣтелей для осужденія преступника, что сами судьи желали его спасенія.

Что касается до самой миссъ Флоры, то судьба ея была еще

непонятнѣе. Сотни и тысячи человѣкъ видѣли ее въ мужскомъ платьѣ передъ полками Карла-Эдуарда, вся Англія знала, что преданная дѣвушка, вѣрная правиламъ Макдональдовъ, не покинула претендента и послѣ того какъ онъ всѣми былъ покинутъ, а между тѣмъ для нея все дѣло кончилось годовымъ заключеніемъ. Процессъ ея разрѣшился совершеннымъ оправданіемъ. По словамъ историковъ и біографовъ, приверженныхъ къ дому Стюартовъ, миссъ Флору никто не посмѣлъ осудить на казнь; писатели изъ виговъ полагаютъ напротивъ, съ большимъ основаніемъ, по всей вѣроятности само правительство пожелало быть милосердымъ къ женщинѣ, можетъ быть заблуждавшейся, но все-таки достойной общаго участія, если не удивленія.

VIII.

Зàмокъ Дунвеганъ. — Леди Макъ-Леодъ, докторъ Кадогенъ и его сочиненіе о подагрѣ. — Веселость духа должна усиливаться съ лѣтами. — Супружеская вѣрность, Монтескьё, Индія и Японія. — Поваръ и монетчикъ. — Собака и кусокъ мяса. Поѣздки въ Швецію. — О льняныхъ и шолковыхъ матеріяхъ. — Гаремъ и выговоръ Босвеллю. — Храмъ богини Анаитисъ. — Сочиненіе Пеннанта о Шотландіи. — Отрицательная критика. — Плутовство и безпечность. — Кельты и Скифы. — Шутка поэта Ботлера. — Таинственная исторія леди Грейнджъ. — Поэзія безъ матеріаловъ для поэзіи. — Молодой *Коль*. Опять Коррикатаханъ. — Оргія. — Босвелль съ похмѣлья. — Еще патріархальныя наслажденія. — Героизмъ Босвелля. — Переѣздъ къ Моллю, буря на морѣ. — Островъ Коль и темницы стараго зàмка. — Камень на берегу моря. — Скука. — Ложный братъ Джонсона. — Двое судей изъ Эдинбурга. — Отзывъ лексикографа о молодомъ Колѣ. — Острова Молль и Инчкеннетъ. Прощаніе съ Колемъ. — Его плачевная кончина. — Потеря шпоръ и гомерической палки.

Зàмокъ Дунвеганъ, къ которому прибыли наши путешественники на другой день послѣ своего визита кинбургскому владѣтелю, расположенъ посреди мѣстоположенія, въ высшей степени дикаго и сумрачнаго. Скалы, болота, пропасти окружаютъ огромное строеніе, часть котораго самая старинная, немногимъ лучше развалинъ. Оно стоитъ на утесѣ, выдвигающемся къ берегу; широкая, грубо изсѣченная лѣстница ведетъ къ нему со стороны, противоположной морю. Такимъ образомъ въ зàмокъ нельзя попасть иначе, какъ пѣшкомъ съ одной стороны, или подъѣхавши на лодкѣ съ другой. И не смотря на мрачность обстановки, можетъ быть, по случаю этой самой мрачности, общая картина была необыкновенно прекрасна. Дунвеганъ принадлежалъ семейству Макъ-Леодовъ. Оказалось, что настоящая его владѣтельница, леди Маклеодъ, иногда видала доктора Джонсона въ Лондо-

нѣ, была хорошо знакома съ лучшими литературными знаменитостями Англіи, и постоянно слѣдила за всѣми новостями въ ученомъ мірѣ. За ужиномъ она спросила Джонсона, читалъ ли онъ сочиненіе доктора Кэдогена о подагрѣ, и какого онъ мнѣнія объ этой книгѣ *). — Джонсонъ. Книга эта очень хороша въ цѣломъ и очень глупа по своимъ частностямъ. Кэдогенъ весьма уменъ, когда совѣтуетъ намъ лѣчиться умѣренностью, движеніемъ и веселостью, но, принимаясь сравнивать подагру съ лихорадкою, и утверждая что подагра не наслѣдственна, онъ говоритъ глупость. — Леди Маклеодъ. Я обвиняю доктора Кэдогена въ томъ, что онъ самъ не слѣдуетъ высказаннымъ имъ правиламъ: такъ онъ безпрестанно восхваляетъ передъ своимъ читателемъ умѣренность, а самъ проводитъ ночи за бутылками. — Джонсонъ. Книга отъ этого нисколько не выходитъ хуже. Мы всѣ, то есть люди, немного глупы въ одномъ отношеніи: мы не хотимъ сообразить того, что истина всегда истина, что можно высказывать мысли, не примѣняя ихъ къ дѣлу, и что онѣ вовсе не проиграютъ отъ этого. Я валяюсь въ постелѣ каждый день до полудня, а между тѣмъ говорю каждому молодому человѣку, и повторяю съ полнымъ убѣжденіемъ: если вы не пріучите себя вставать рано, изъ васъ не выйдетъ ровно ничего хорошаго! Вы читаете книгу, соглашаетесь съ ея авторомъ въ мнѣніяхъ, и потомъ узнаете, что его жизнь противорѣчитъ книгѣ — развѣ вы черезъ это отступитесь отъ тѣхъ мыслей, которыя кажутся вамъ справедливыми? Положимъ, вамъ попалось умное сочиненіе, но авторъ его вамъ совершенно неизвѣстенъ, вы однако его прочитали, что же вамъ предстоитъ далѣе? Не вѣрить прочитанному до тѣхъ поръ, пока вы не ознакомитесь съ правилами и образомъ жизни писателя? Конечно, человѣкъ, на дѣлѣ исполняющій правила имъ высказанныя, стоитъ полнаго уваженія, однако не меньшаго уваженія стоитъ и тотъ писатель, который, сознавая свои слабости, не оправдываетъ ихъ, а благородно преклоняется передъ истиною. — Босвелль. Странно, что нашъ докторъ рекомендуетъ своимъ больнымъ веселость какъ лекарство: развѣ отъ насъ зависитъ быть веселыми по произволу. — Джонсонъ. Почти зависитъ, сэръ, съ лѣтами и наше расположеніе духа измѣняется къ лучшему. Человѣкъ совершенствуется съ по-

*) Чтобъ читатель не удивился такому странному предмету разговора, мы попросимъ его вспомнить, что жены шотландскихъ лордовъ и лердовъ, особенно на сѣверѣ, часто принуждены были, по недостатку медиковъ, лечить своихъ подданныхъ, и потому нерѣдко пріучались читать медицинскія сочиненія. Книга доктора Кэдогена была весьма популярна въ Англіи.

мощью опыта. Въ юности своей онъ на всякую вещь, до него касающуюся, глядитъ какъ на нѣчто важное. Съ лѣтами онъ пріучается не придавать большого вѣса мелкимъ, но горькимъ событіямъ жизни, дѣлается ровнѣе, терпѣливѣе, и оттого пріятнѣе по нраву. Дитя думаетъ только о томъ, чтобъ доставить удовольствіе себѣ самому, оно хватается за всякую вещь, не думая о другихъ. Мало по малу, оно пріучается думать и о *чужомъ* удовольствіи, его учатъ нравиться другимъ и помышлять о выгодѣ другихъ прежде своей. Такъ пріобрѣтаются хорошія наклонности, и потому то, говоря о хорошо развитомъ человѣкѣ, мы говоримъ, его хорошо воспитали.

Стали говорить о нравственности женщинъ и о вредѣ, происходящемъ въ семействахъ, которыхъ матери забываютъ свои супружескія обязанности. — Босвеллъ. Я снисходительнѣе смотрю на ошибки одинокой женщины; нежели на ошибки женщины замужней. — Джонсонъ. Конечно, сэръ, украсть шиллингъ значитъ не то, что украсть тысячу фунтовъ, и вытащить у прохожаго кошелекъ потихоньку лучше, чѣмъ къ воровству присоединить убійство, но когда начало преступленія сдѣлано, остальное придетъ само собою. Тамъ, гдѣ одинокія женщины ведутъ себя дурно, не ждите встрѣтить вѣрности въ замужнихъ особахъ. — Босвеллъ. Однако, по увѣренію путешественниковъ, въ Индіи...— Джонсонъ. Сэръ, избавьте меня отъ Индіи. Это мнѣ напоминаетъ Монтескьё, человѣка впрочемъ геніальнаго, во многихъ отношеніяхъ. Когда ему нужно защищать какой нибудь нелѣпый обычай, онъ тотчасъ же говоритъ: такъ дѣлается въ Японіи или въ другомъ отдаленномъ краѣ, о которомъ онъ самъ ровно ничего не знаетъ *). Въ пользу многоженства онъ приводитъ островъ Формоза, гдѣ по его словамъ родится десять женщинъ на одного мужчину. Остается только пріискать другой островъ, гдѣ мужчинъ вдесятеро болѣе чѣмъ женщинъ, — и тѣмъ пополнить недостатокъ.

За ужиномъ подавъ былъ гостямъ огромный рогъ, обдѣланный въ серебро, изъ котораго пилъ Родерикъ Великій, одинъ изъ древнихъ лердовъ зâмка: болѣе полуторы бутылки входило въ этотъ колоссальный сосудъ. На стѣнахъ столовой залы развѣшано было старое оружіе: маленькіе круглые щиты, копья и глайморы **) необыкновенной величины.

На слѣдующій день путешественники осмотрѣли водопадъ, одинъ

*) Долгомъ считаемъ обратить вниманіе читателя на эту характеристику блестящаго, но парадоксальнаго автора Espit des Lois.

**) Glaymore — великій мечъ.

изъ огромнѣйшихъ въ краѣ, находившійся недалеко отъ замка и называвшійся водопадомъ Родерика Великаго. Поутру Джонсонъ объяснялъ своимъ собесѣдникамъ, какъ дѣлается монета, золотая и серебряная, а вечеромъ излагалъ мысли о пивной торговлѣ и долго говорилъ о порядкѣ пивовареннаго искусства. Докторъ Макъ-Квинъ (сопровождавшій спутниковъ и вмѣстѣ съ ними гостившій въ Дунвеганѣ), замѣтилъ, что Джонсонъ какъ будто воспитывался на монетномъ дворѣ, а потомъ всю жизнь свою былъ пивоваромъ. Босвелль упоминаетъ объ этомъ днѣ, какъ объ одномъ изъ счастливѣйшихъ въ теченіе всей его жизни. Меня приводила въ восторгъ, пишетъ онъ, та мысль, что я былъ способенъ увлечь съ собою такого великаго человѣка, и увлечь почти на край свѣта. Смѣшное, но вѣрное изображеніе представилось мнѣ: я сравнилъ себя съ собакой, утащившей огромный кусокъ мяса, и скрывшейся въ неприступный уголокъ, гдѣ никто не могъ его у нея отнять. Сказанную мысль я тутъ же передалъ всѣмъ присутствующимъ, прибавивъ для поясненія: въ Лондонѣ Рейнольдъ, Ботлеркъ и тьма другихъ людей имъ подобныхъ, рвутся изъ-за того, чтобъ слушать доктора Джонсона, пользоваться его бесѣдою наперерывъ другъ передъ другомъ. А мы здѣсь, въ Дунвеганѣ, наслаждаемся ею безъ помѣхи и опасенія.

За обѣдомъ рѣчь шла о путешествіяхъ, и Джонсонъ дѣлалъ разныя предположенія насчетъ поѣздки въ Швецію. — Босвелль. Мы тамъ представимся королю. — Джонсонъ. Нужно еще знать, захочетъ ли король шведскій видѣть насъ и захотятъ ли при дворѣ говорить съ нами. — Полковникъ Маклеодъ. Объ этомъ не безпокойтесь, нашъ Босвелль первый заговоритъ. Но замѣтивъ, что его выходка огорчила добраго Джемми, полковникъ прибавилъ: — и заговоритъ какъ всегда: умно и кстати. Позвольте мнѣ, пишетъ Босвелль въ своемъ описаніи поѣздки на Гебридскіе острова, сказать нѣсколько словъ въ защиту моей страсти къ знакомствамъ съ замѣчательными лицами. Я дѣйствительно готовъ заговаривать со всякимъ извѣстнымъ лицомъ, но того не слѣдуетъ приписывать безстыдству или навязчивости. Я получилъ много счастія черезъ подобную привычку. И если мы хвалимъ человѣка, который ищетъ познанія, хотя для того нужно было переѣзжать горы и моря, то неужели свѣтъ не будетъ снисходителенъ къ человѣку, который для той же самой цѣли превозмогаетъ труды и непріятности, хотя труды и непріятности совсѣмъ другого рода.

А трудовъ и непріятностей бѣдному Босвеллю приходилось испытывать немало, и даже въ тотъ самый день, когда онъ писалъ

эти стороны. Послѣ ухода дамъ изъ за стола, Джонсонъ сталъ нападать на нѣкоторые обычаи горцевъ, въ особенности на ихъ отвращеніе къ полотняному бѣлью. Фланель, которую многіе изъ нихъ носятъ на тѣлѣ, сказалъ онъ, по чистотѣ своей никогда не сравнится съ полотномъ. Замѣтьте, что всѣ матеріи и продукты, происходящіе изъ царства растительнаго, гораздо чище выдѣлываемыхъ изъ продуктовъ царства животнаго. Ленъ чище шерсти. Прежде я боялся подходить къ смолѣ и дегтю, но когда узналъ, что то и другое дѣлается изъ древесной коры и еловыхъ шишекъ, мое отвращеніе прошло совершенно. Если древесный сокъ или камедь попадется къ намъ на руки, мы не испытываемъ непріятнаго чувства, но запачкавъ палецъ саломъ или жиромъ, не успокоимся пока его не вытремъ дочиста. Я часто думалъ, что если бъ мнѣ пришлось имѣть гаремъ, всѣ мои жены одѣвались бы не иначе, какъ въ полотняныя или бумажныя матеріи. Шолковыхъ издѣлій я не дозволялъ бы носить, потому-что шолкъ легче держитъ грязь: она въ немъ незамѣтна...

Когда я услыхалъ — пишетъ Босвелль — когда я услыхалъ величественнаго доктора Джонсона, учителя мудрости, важно сидящаго въ старомъ креслѣ и говорящаго своимъ слушателямъ, будто съ каѳедры о томъ, что сталъ бы онъ дѣлать еслибъ имѣлъ гаремъ, и доктора Джонсона, передъ всѣми сознающагося въ томъ, что подобная мысль *часто* приходила ему въ голову, все самообладаніе меня оставило и я принялся хохотать самымъ неумѣреннымъ образомъ. Но гордость знаменитаго моего друга не могла перенести моей веселости; въ туже минуту онъ обратился ко мнѣ и сталъ говорить съ такимъ саркастическимъ остроуміемъ, осыпалъ меня такими унизительными названіями и такъ неумолимо предалъ меня на посмѣяніе всѣхъ собесѣдниковъ, что я съ радостью готовъ былъ бы и теперь изгнать изъ моей памяти самое воспоминаніе его строгихъ рѣчей.

Добрый пасторъ Макъ-Квинъ поспѣшилъ дать разговору другое направленіе. Утромъ онъ показывалъ путешественникамъ какія-то развалины на краю двухъ пропастей, при чемъ утверждалъ, что нестройная масса камней есть ничто иное, какъ храмъ древней богини Анаитисъ, о которой упоминали Павзаній и Плиній. Джонсонъ не повѣрилъ его догадкамъ, и Макъ-Квинъ послѣ обѣда снова сталъ убѣждать поэта въ истинѣ своего открытія. — Джонсонъ. Не спорю, сэръ, вы имѣете одну вѣроятность въ вашу пользу; догадка ваша можетъ быть и вѣрна. Можетъ быть, что развалины эти — дѣйствительно храмъ богини Анаитисъ, но можетъ быть они

ничто иное, какъ остатки христіанской церкви, а можетъ быть храма, посвященнаго другому божеству, а не вашей любимой Анаитисъ. Строить подобнаго рода догадки, не тоже ли, что бросить песчинку на морской берегъ, и быть въ увѣренности, что она завтра отыщется. Самая этимологія доказываетъ мои слова, потому что, какъ вы сами сказали, слово Анаитисъ, на эрскомъ языкѣ; означаетъ всякое мѣсто, лежащее близъ воды. Сама этимологія васъ обвиняетъ; вы подобны орлу, про котораго говоритъ Валлеръ, орлу, убитому стрѣлою, украшенною перомъ изъ его собственнаго крыла. Макъ-Квинъ упомянулъ что-то объ алтарѣ богини, будто отысканномъ въ развалинахъ храма. — Джонсонъ (смѣясь). Вы все таки поражены, хотя и сражаетесь, подобно Тацитовскимъ Германцамъ, за свои алтари.

Разговоръ перешелъ къ сочиненію Пеннанта, нѣсколько лѣтъ тому назадъ путешествовавшаго по сѣверовосточной части Шотландіи и издавшаго книгу съ описаніемъ его поѣздки. На эту книгу нападали всѣ присутствующіе, находя ее черезчуръ поверхностью. — Джонсонъ. Напрасно вы браните книгу Пеннанта, и въ особенности нападаете на многое въ ней несказаное: если человѣкъ намѣренъ говорить о рыбахъ, отчего вы хотите принудить его толковать о домашней птицѣ? — Маклеодъ. Однако, говоря о рентѣ въ Шотландіи, авторъ сочиненія обвиняетъ всѣхъ насъ, землевладѣльцевъ, въ неразумномъ управленіи. Онъ пишетъ: «они умѣютъ только опорожнять мѣшокъ, не думая о его наполненіи.» Почему же онъ не возьмется выучить насъ наполнять наши мѣшки? — Джонсонъ. Сэръ, то, что вы говорите, есть отрицательная критика, которую можно тянуть безъ конца. Путешественникъ говоритъ: такія-то земли дурно обработаны, онъ правъ если говоритъ правду, и ему нѣтъ дѣла до того, чтобъ учить помѣщиковъ земледѣлію. Я могу написать, что бо̀льшая часть вашихъ горцевъ ходитъ босикомъ, но я не обязанъ, вслѣдствіе своего замѣчанія, указывать имъ гдѣ покупаются башмаки. Вамъ показываютъ человѣка ростомъ въ шесть футовъ, и вы обижаетесь, почему ихъ въ немъ не семь. Если путешественникъ солжетъ, вы имѣете право обвинять его, но придираться къ вещамъ несказаннымъ, есть признакъ не хорошаго, а предубѣжденнаго цѣнителя.

Послѣ того стали говорить о мошенничествѣ, и Джонсонъ высказалъ полную мысль: «еслибъ большинство людей не было такъ легковѣрно, плутовство меньшинства не развилось бы въ такихъ обширныхъ размѣрахъ». — Босвеллъ. Стало быть, для того

чтобъ пускаться на злыя дѣла, не нужно имѣть особенныхъ способностей ума. — Джонсонъ. Гораздо труднѣе употреблять свои способности на добро, чѣмъ на зло. Дѣлать зло не требуетъ усилій и стараній, — злой человѣкъ всегда дѣйствуетъ кратчайшимъ путемъ. Гораздо легче украсть тысячу фунтовъ, нежели нажить ихъ честнымъ трудомъ. Разбить непріятельское войско въ открытомъ бою не совсѣмъ легко, но когда оно сдалось и бросило оружіе, его можно перерѣзать безъ всякихъ усилій.

Мистеру Макъ-Квину, утверждавшему, что Кельты произошли отъ Скиѳовъ, населявшихъ Малую Азію, Джонсонъ сказалъ. О, сэръ! можетъ ли какой нибудь безграмотный народъ имѣть вѣрное понятіе о своемъ происхожденіи? Мнѣ трудно сохранить хладнокровіе, когда я слышу какъ учоные разглагольствуютъ о происхожденіи разныхъ необразованныхъ народовъ, не имѣя другого основанія, кромѣ преданій этихъ самыхъ дикарей. Кто можетъ говорить о подобномъ предметѣ серьозно? Что можетъ вамъ полудикій кланъ Макъ-Краасовъ сообщить о своемъ происхожденіи? Если языкъ двухъ другъ отъ друга отдаленныхъ народовъ почти одинъ и тотъ же, я вѣрю въ ихъ родство, но я несогласенъ признавать его, если все сходство между двумя языками заключается въ двухъ трехъ словахъ, съ усиліемъ прiисканныхъ. Ботлеръ *) раньше меня ввелъ въ шутку, что обитатели Валлиса и окрестностей Магелланова пролива — одинъ и тотъ же народъ. «Слово *пенгуинъ*, говоритъ онъ, означаетъ у вторыхъ птицу съ бѣлой головой, а мы знаемъ, что на языкѣ валлійскихъ жителей *пенъ* значитъ голова, и слово *гуинъ* тоже, что бѣлый. И такъ, намъ не дозволено сомнѣваться въ сродствѣ обоихъ народовъ. И вотъ результаты филологическихъ сближеній».

Одинъ изъ собесѣдниковъ разсказалъ трагическую и таинственную исторію леди Гренджъ, жены одного изъ первыхъ лордовъ Шотландіи. Эта женщина, отличавшаяся съ дѣтства жестокимъ и мстительнымъ характеромъ, безъ вѣсти пропала отъ своего мужа, и впослѣдствіи только открылось, что ее перевезли какіе-то люди, ночью, на островъ Святыя Кильды. Нѣсколько лѣтъ провела леди на пустынномъ островѣ, раздѣляя бѣдную пищу его жителей; во все время за ней ходила старая женщина, неизвѣстно кѣмъ присланная; никто изъ жителей не бралъ отъ нея писемъ и не соглашался дать знать кому-либо о ея пребываніи на островѣ.

---

*) Авторъ знаменитой поэмы Гудибрасъ, въ которой осмѣивались обычаи пуритамъ.

Наконецъ, съ помощью цѣлаго ряда хитростей, несчастной леди удалось переслать одно письмо въ Эдинбургъ; правительство тотчасъ послало за ней корабль, но изгнанницы нигдѣ не было отыскано: за нѣсколько дней до прибытія избавителей, она пропала безъ вѣсти *). — Босвелль. Вотъ предметъ для мрачной поэмы, видно не даромъ говорятъ, что на островѣ Святыя Кильды всегда процвѣтала поэзія. — Джонсонъ. Невыгодно заниматься поэзіею тамъ, гдѣ жизнь и природа имѣютъ такъ мало разнообразія. — Босвелль. Однако истинное искусство не состоитъ ли въ томъ, чтобъ изъ малаго числа образовъ создавать что̀ нибудь полное и поэтическое. — Джонсонъ. Нѣтъ, сэръ, если у васъ мало дровъ, не разведете вы хорошаго огня, и если вы не богаты металломъ, то и монетъ вычеканите немного. Оттого-то всѣ ваши пѣсни сѣверныхъ народовъ напоминаютъ мнѣ одну хорошую пѣсенку, сочиненную во время королевы Елисаветы: вотъ изъ нея отрывокъ:

«Всѣ лондонскіе парни, толстые и высокіе, стали кричать, что они готовы сражаться за Эссекса; *радарату*, *радарата*, *радара*, *тадара*, *тандара*».

— Мистеръ Макъ-Квинъ. Однако, вы не желаете, докторъ Джонсонъ, отрицать красоты Оссіановыхъ твореній. — Джонсонъ. (смѣясь). Да, да. *Радарату*, *радарата*, *радара*, *тадара*.

Оставимъ, однакоже, дальнѣйшія бесѣды въ Дунveганѣ, гдѣ бури и дождь долго задержали Джонсона и примемся снова слѣдить за его переѣздами.

Макъ-Квинъ и другіе спутники лексикографа сдали обоихъ туристовъ на руки Дональда Макъ-Лина, болѣе извѣстнаго подъ именемъ *Коля*, потому-что онъ былъ лердомъ острова Коль. Дональдъ былъ еще очень молодъ и къ достаточному образованію, полученному въ Лондонѣ, присоединялъ всю живость и увлекательную веселость, свойственную его возрасту. Старый поэтъ очень любилъ молодыхъ людей, если они были дѣйствительно молоды, и скоро Коль сдѣлался его фаворитомъ; забавно было видѣть какъ Не-

---

*) С. В.-Скоттъ, замѣткамъ котораго много обязаны всѣ біографы Джонсона и Босвелля, объясняетъ всю эту таинственную исторію. Мужъ леди Гренджъ когда-то замѣшанъ былъ въ заговорѣ, и сношенія его съ приверженцами фамиліи Стюартовъ были извѣстны его супругѣ, которая жила съ нимъ очень несогласно и послѣ всякой ссоры угрожала тѣмъ, что выдастъ его тайну. Леди Гренджъ похищена была по его приказанію; когда же слухи о ея заточеніи достигли Эдинбурга, лордъ приказалъ перевезти ее на островъ Герризъ, владѣніе Макъ-Леодовъ, гдѣ она и умерла.

сторъ британской словесности взбирался на горы вслѣдъ за двадцатилѣтнимъ лердомъ, заслушивался его веселыхъ разсказовъ, соглашался со всѣми его предположеніями насчетъ дальнѣйшихъ поѣздокъ и вообще ввѣрялъ судьбу свою и судьбу Босвелля его заботливости. На морѣ, Коль первый брался за весло, а если переѣздъ совершался по сушѣ, онъ двигался непремѣнно впереди всѣхъ, не переставая пѣть и дурачиться.

Простившись съ Дунвеганскимъ замкомъ и сдѣлавъ нѣсколько поѣздокъ по окрестностямъ, наши туристы опять очутились въ Коррикатахинѣ, владѣтели котораго уже были знакомы Джонсону. Такъ какъ былъ уже часъ одиннадцатый ночи, то лексикографъ, побесѣдовавъ немного, послѣ ужина отправился въ свою комнату, а Босвелль остался въ столовой съ хозяиномъ, Колемъ и другими гостями. Владѣлецъ Коррикатахина, страстно любившій Коля, былъ въ восторгѣ, что видитъ его въ своемъ домѣ, и по этому случаю предложилъ изготовить лишнюю чашу (boul) пунша. Когда она была выпита, то, по совѣту Коля, всѣ гости рѣшились приняться за слѣдующую. Потомъ выпита была еще одна, а гости занялись пѣніемъ, веселыми шутками и, вѣроятно, танцованіемъ, вещью всегда милою для шотландца. Всѣ имена собесѣдниковъ были сокращены въ знакъ дружбы: Босвелль называлъ хозяина именемъ *Корри*, а тотъ сжималъ его въ объятіяхъ, называя своимъ милымъ *Джемми*. Заварили еще чашу пунша, и изъ строя питуховъ выбылъ молодой сынъ хозяина, за нимъ убрались по своимъ постелямъ Коль и еще нѣкоторые гости. Босвелль, самъ *Коррикатахинъ* и лердъ Нокоу остались до конца сраженія.

«На слѣдующій день», пишетъ откровенный Босвелль, «я проснулся въ полдень, съ страшнѣйшею головною болью. Мнѣ было крайне совѣстно за вчерашнее пьянство и я несказанно боялся, чтобъ докторъ Джонсонъ не сдѣлалъ мнѣ строгаго выговора. «Прилично ли думалъ я, прилично ли вести себя такъ, имѣя счастіе быть спутникомъ автора «Расселаса»? Черезъ часъ и онъ явился въ мою комнату, сказавъ напередъ: «вѣрно все еще пьянъ»? Голосъ показался мнѣ не очень строгимъ и я нѣсколько успокоился. «Сэръ», отвѣчалъ я,—«они меня не пускали». «Нѣтъ», возразилъ онъ съ истинно британской веселостью,—«нѣтъ, чуть ли не вы сами ихъ не пускали, пьяная собака! (drunken dog)». Въ это время Коррикатахинъ, Коль и другіе друзья собрались вокругъ моей постели. Корри держалъ высоко надъ головою стаканъ и бутылку съ водкой, предлагая мнѣ опохмѣлиться.—Джонсонъ. Скорѣй напойте его съизнова, онъ станетъ смѣшить насъ

цѣлый день, это лучше чѣмъ напиваться на ночь, безъ пользы и веселья для всей компаніи. Видя, что онъ веселъ, я самъ развеселился и выпилъ водки, отчего головная боль тотчасъ же прошла. Когда я началъ вставать, Джонсонъ сказалъ мнѣ съ добродушіемъ «нечего такъ торопиться». Одѣвшись, я прошелъ въ его комнату и раскрылъ молитвенникъ хозяйки; на первой строкѣ, кинувшейся мнѣ въ глаза, значилось: «не упивайтеся виномъ...»

Весь этотъ день былъ опять таки днемъ патріархальныхъ наслажденій, одни описанія которыхъ, не смотря на ихъ странность, не могутъ не возбудить какого-то милаго и сладкаго чувства въ читателяхъ. За обѣдомъ сидѣло нѣсколько молодыхъ женщинъ, родственницъ хозяина; всѣ они слушали лексикографа съ неописаннымъ вниманіемъ, ухаживали за нимъ и безпрестанно подносили свои рюмки къ губамъ, крича: «Токторъ Шонсонъ, Токторъ Шонсонъ,—ваше здоровье!» Старикъ былъ совершенно очарованъ наивностью шотландскихъ красавицъ, отвѣчалъ на всѣ ихъ тосты, высоко поднимая свой стаканъ съ водою, и вообще являлся въ самомъ блистательномъ видѣ. Джонсонъ и его добрый товарищъ довольно рано отправились въ свои комнаты, а остальные джентльмены долго еще сидѣли за своимъ пуншемъ, оглашая залу старинными пѣснями, прерываемыми гомерическимъ хохотомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдный Босвелль дорого бъ далъ, чтобъ присоединиться къ веселой компаніи, но страхъ огорчить или разгнѣвать Джонсона былъ сильнѣе. Въ пять часовъ утра питухи вошли къ нему въ комнату, «*по несчастію*» отыскали въ ней какую-то бутылку пунша и ее выпили *). Потомъ Коррикатахинъ притащилъ еще бутылку и та была истреблена посреди общаго веселія. Искушеніе было велико, но Босвелль увѣряетъ, что ему не поддался.

Не успѣли наши путешественники оставить островъ Скэй и двинуться по направленію къ острову Моллю, какъ ихъ застала буря на морѣ. Ботъ, въ которомъ они помѣстились съ Колемъ и другими спутниками, не смотря на свою крѣпкую постройку, не смотря на большой навыкъ шкипера и матросовъ, оказывался почти неудобнымъ къ управленію. Съ Джонсономъ сдѣлалась морская болѣзнь и онъ завалился подъ навѣсомъ, возлѣ кормы; Босвелль чувствовалъ себя очень свѣжимъ, но не надолго: скоро началось головокруженіе, тошнота, и самъ онъ вынужденъ былъ искать

*) Намъ кажется, что Босвелль въ своихъ запискахъ немного покривилъ душой. Какимъ образомъ въ его комнатѣ неожиданно отыскана была бутылка и бутылка *съ пуншемъ?* Вѣрнѣе будетъ предположить, что онъ не удержался и еще разъ напился пьянъ, не смотря на близость Джонсона.

пріюта, болѣе спокойнаго, чѣмъ палуба. Страхъ напалъ на бѣднаго шютландца: воображенію его представились разсказы о тысячѣ несчастныхъ событій, случившихся съ мореплавателями возлѣ Гебридскихъ острововъ; и нужно сказать правду, опасенія Босвелля имѣли основаніе: октябрь и ноябрь считались въ томъ краѣ самыми страшными мѣсяцами для путешественниковъ *). Не имѣя силы оставаться подъ навѣсомъ, спутникъ лексикографа собрался съ силами и выползъ на воздухъ, гдѣ увидѣлъ Коля, шкипера и матросовъ, озабоченныхъ парусами и рулемъ. — Не могу ли я въ чемъ-нибудь пособить вамъ? спрашивалъ Болвелль. Коль, взглянувъ, на его вытянутую физіономію, понялъ, что тутъ нечего ожидать хорошаго помощника. — Берите эту веревку, сказалъ онъ Босвеллю, «берите ее въ обѣ руки и держите какъ можно крѣпче». Шотландецъ повиновался и нѣсколько часовъ простоялъ подъ дождемъ, натягивая данный ему канатъ, и не догадываясь, что отъ него хотѣли только отдѣлаться. Послѣ многихъ усилій, ботъ прибылъ къ острову Коль, и пловцамъ удалось бросить якорь, но проѣхать до берега было нельзя, вѣтеръ все еще крѣпчалъ и къ ночи слѣдовало ждать новой бури.

Внутренность судна представляла живописное зрѣлище. Коль и матросы, промокшіе до нитки, были веселы, потому что благополучно добрались до пристани. Босвелль, по словамъ Коля, похожъ былъ на утопленную мышь; Джонсонъ, все время пролежавшій въ темнотѣ, даже не догадывался о грозившей и миновавшей опасности. Чувствуя облегченіе отъ морской болѣзни, старый лексикографъ удивлялъ всѣхъ своей веселостью. Онъ величественно игралъ подъ навѣсомъ, прислонившись къ огромной собакѣ, которая согрѣвала ему спину своей теплотою. Вокругъ него находились еще четыре собаки, въ томъ числѣ одна преогромная ньюфоундленская; всѣ онѣ принадлежали Колю, страстному любителю новой породы. Когда Босвелль принялся разсказывать всѣ испытанныя бѣдствія, лексикографъ назвалъ его трусомъ и не хотѣлъ вѣрить въ возможность бури. — Думалъ ли я, говорилъ онъ шутя, что въ шестьдесятъ лѣтъ отъ роду мнѣ придется

---

*) Приведемъ слова Вальтеръ-Скотта по поводу этой поѣздки. «Ѣздить по морю, покрытому островами, говоритъ онъ, весьма опасно, особенно если мы возьмемъ въ соображеніе безпечность и даже неспособность матросовъ на Гебридскихъ островахъ. Самыя суда, служащія для переѣздовъ или малы, или неисправны. Поѣздка Джонсона и Босвелля была крайне опасною поѣздкою, а время, для нея выбранное, самымъ опаснымъ временемъ.

плавать возлѣ Гебридскихъ острововъ. Любопытно было бы знать, гдѣ стану я странствовать, когда мнѣ стукнетъ восемьдесятъ.

На островѣ Коль проживалъ родственникъ лерда, Макъ-Линъ, нанимавшій тутъ ферму; къ его-то дому, дождавшись хорошей погоды, направились наши туристы. По каменистому-острову бѣгало стадо крошечныхъ, но дикихъ лошадокъ; одна изъ нихъ была тутъ же поймана, осѣдлана, ей дали въ зубы веревку, сдѣланную изъ соломы, и подвели къ Джонсону. Лексикографъ помѣстился на сѣдло, и, окруженный своими товарищами, прибылъ къ мѣсту назначенія. Мистеръ Макъ-Линъ оказался добрымъ и ученымъ человѣкомъ; онъ много странствовалъ по Восточной Индіи и обладалъ весьма недурною библіотекою. Въ домѣ его собралось семейство пастора, еще нѣсколько родственниковъ, и день прошелъ весьма весело, только Джонсонъ нѣсколько испортилъ общее удовольствіе, затѣявъ престрашный споръ о философіи Лейбница съ семидесяти-лѣтнимъ пасторомъ Гекторомъ Макъ-Линомъ. Помѣстившись у камина, оба ратоборца (имъ обоимъ было около полутораста лѣтъ отъ роду) подняли такой крикъ, какого не въ состояніи затѣять цѣлая компанія молодыхъ людей; всѣ присутствовавшіе каждую минуту ожидали рѣшительной ссоры и Босвелль отъ страха не помнилъ самого себя, но, къ счастію, дѣло обошлось безъ плачевныхъ послѣдствій, и поэтъ и пасторъ, увлекаясь горячностью, слушали только самихъ себя и не обращали вниманія на аргументы и колкости противника. Во всякомъ случаѣ лексикографа нельзя не обвинить, потому что онъ былъ все-таки моложе и сверхъ того находился въ чужомъ домѣ, однако Босвелль, полный благоговѣнія къ своему идолу, нелишнимъ считаетъ сказать читателю: что величавый дубъ никогда не будетъ способенъ гнуться, какъ тросточка?

Старый зáмокъ лердовъ былъ осмотрѣнъ на другой день: строеніе поставлено на скалѣ и будто виситъ надъ моремъ; въ архитектурѣ его не было ничего особеннаго, она напоминала собой живописные стихи Грея «повсюду богатыя окна, непропускающія свѣта, и переходы, неведущіе ровно никуда». Коль весело бѣгалъ по мрачнымъ заламъ своего зáмка и настоятельно требовалъ, чтобъ посѣтители шли смотрѣть темницы и подземелья, и разсказывалъ, какъ еще десять лѣтъ тому назадъ, въ темницѣ содержалась одна женщина, за воровство, считаемое на Гебридскихъ островахъ преступленіемъ чудовищнымъ. Босвелль и Джонсонъ осмотрѣли подземелье, и въ одномъ углу его нашли яму, заваленную мусоромъ. Въ эту яму, замѣтилъ Коль, сажали обыкновенно самыхъ ужас-

ныхъ преступниковъ. Теперь она засыпана, но говорятъ, что глубина ея была непомѣрна. — Я давно замѣчалъ, отвѣтилъ Джонсонъ, улыбаясь, что всѣ засыпанныя ямы и колодцы, прежде отличались непомѣрною глубиною. Возлѣ зàмка стояла маленькая землянка, вся почернѣвшая отъ дыма и занятая какимъ-то бѣднымъ и неблагороднымъ, но многочисленнымъ семействомъ, спавшимъ вмѣстѣ на одной кровати. Старый поэтъ далъ бѣднякамъ нѣсколько денегъ, и выходя изъ хижины, сказалъ по латыни: и вотъ гдѣ, по словамъ философовъ, таится счастіе! — Босвелль. Философы, помѣщая счастіе посреди хижинъ, предполагали хижины чистыми и незадымленными. — Джонсонъ. Сэръ, они *не думали* ни о дымѣ, ни о неопрятности.

Около лердова дома находился садъ, въ которомъ садовникъ старался развить деревья, однако его усилія никогда не имѣли успѣха: деревца пропадали, чуть верхушки вѣтвей ихъ начинали выходить изъ-за довольно высокой ограды. Недалеко отъ моря валялся огромный камень, будто оторванный отъ какой-то скалы и нарочно прикаченный на ровное мѣсто: туристамъ разсказано тутъ было преданіе о томъ, какъ одинъ великанъ имѣлъ обыкновеніе шутить со своей женой, кидая въ нее подобными отломками утесовъ; настоящій камень, лежавшій на берегу, кинутъ былъ супругою великана, въ видѣ любезности, въ своего сожителя. Посмотрѣвъ на эту огромную массу, Босвелль довольно кстати привелъ стихи Виргилія:

Malo me Galatea petit lasciva puella.

Между тѣмъ буря слѣдовала за бурею, и день за днемъ проходилъ посреди полнаго бездѣйствія. Восьмого октября докторъ Джонсонъ соскучился и сказалъ: Я желалъ бы скорѣе увидѣть твердую землю и снова начать жить на свѣтѣ. Здѣсь пустыня жизни. — Босвелль. А на меня нерѣдко приходятъ минуты, когда я чувству себя способнымъ долго жить такимъ образомъ, и думать только о кушаньѣ, снѣ и гуляньи. Для развлеченія я могъ бы заниматься собственными своими мыслями. — Джонсонъ. Это вамъ такъ кажется, пока вы знаете, что можете скоро уѣхать отсюда, а посади васъ сюда на извѣстное время и вы тотчасъ пуститесь тосковать о Лондонѣ и Эдинбургѣ. — Босвелль. Впрочемъ, мы имѣемъ право жаловаться на наше удаленіе отъ родины. — Сенека дѣлалъ тоже, находясь въ Корсикѣ *). — Джонсонъ. А онъ былъ ближе отъ своего города, нежели мы съ вами.

*) Barbara prœruptis inclusa est Corsica saxis.
Horrida... De Consol. Lib.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разсказывалъ Джонсонъ въ этотъ же день, въ Нортэмптонскомъ графствѣ появился какой-то джентльменъ, выдававшій себя повсюду за моего брата. Всѣ помѣщики принимали его чрезвычайно ласково и сперва находили хорошимъ человѣкомъ, какъ вдругъ онъ сталъ вмѣшиваться въ ихъ хозяйственныя дѣла и вообще вести себя съ необыкновеннымъ безстыдствомъ. Типографщикъ Олленъ, жившій тамъ, пріѣхалъ ко мнѣ нарочно затѣмъ, чтобъ навести справки, и убѣдившись въ томъ, что всѣ мои братья давно умерли, отписалъ о томъ на родину, и обманщикъ былъ изгнанъ. Я сознаюсь — мнѣ было пріятно услышать, какъ одно *мое имя* могло доставить неизвѣстному до того человѣку почетъ и уваженіе въ обществѣ. Не всякій, говорилъ я самъ себѣ, можетъ однимъ своимъ именемъ продовольствовать двухъ людей — и себя и брата. Еще недавно какая-то глупая книга была издана съ именемъ Самуила Джонсона *). Когда мнѣ совѣтывали преслѣдовать автора, я отказался.

Не ранѣе 14 октября путники наши, все сопровождаемые своимъ другомъ Колемъ, нашли возможность выйти въ море и добраться до острова Молля. Босвелль, по обыкновенію, захворалъ и перетрусилъ во время переѣзда, но ступивъ на землю, забылъ все претерпѣнное. Докторъ Джонсонъ сказалъ про него очень удачно: нашъ Боцци похожъ на гиганта Антея — силы его возрождаются, чуть онъ коснется ногами до земли, своей матери. За день до отплытія туристовъ, имъ пришлось быть свидѣтелями любопытной и характеристической сцены: обитатели Коля явились къ своему молодому лерду съ различными жалобами другъ на друга, съ требованіями суда и расправы; число ихъ было чрезвычайно велико и разсудить ихъ не оказывалось никакой возможности. Тогда одинъ изъ гостей, указывая на Джонсона и его спутника, сказалъ поселянамъ: вотъ два судьи — обращайтесь къ нимъ, они нарочно для васъ пріѣхали изъ Эдинбурга! Словъ этихъ было довольно: всѣ островитяне разбѣжались съ удивительной быстротою, такъ сильны были въ нихъ привычки къ патріархальному судопроизводству и недовѣріе къ суду трибуналовъ.

Объ островѣ Моллѣ многаго нельзя сказать, — то былъ каменистый клочекъ земли, покрытый зелеными возвышенностями и

---

*) Авторъ упоминаемаго сочиненія дѣйствительно носилъ имя Самуила Джонсона и былъ сперва танцовальнымъ учителемъ, потомъ актеромъ, наконецъ писателемъ. Книга, имъ изданная, называлась «Hurlo Thrumbo» и имѣла нѣкоторый успѣхъ, благодаря тождеству его имени съ именемъ поэта.

пересѣченный нѣсколькими рѣчками. О миссъ Макъ-Линъ, въ домѣ которой остановились туристы, Джонсонъ, по обыкновенію своему, отозвался такъ: болѣе приличной и образованной женщины я не встрѣчалъ въ этомъ краѣ. Дѣйствительно, миссъ Макъ-Линъ была женщиною въ нѣкоторомъ смыслѣ энциклопедическою: она знала языки: французскій и старый шотландскій, занималась музыкой и умѣла доить коровъ, отлично рисовала и сама занималась шитьемъ, могла переводить Оссіана и дѣлать мелкія вещицы изъ морскихъ раковинъ. Послѣ Молля осмотрѣны были острова Ульва и Инчкеннетъ, пещеры на морскомъ берегу и такъ далѣе. Со всякимъ днемъ Джонсонъ болѣе и болѣе привязывался къ молодому Колю и наконецъ сталъ называть его существомъ небывалымъ, всеобъемлющимъ по своимъ способностямъ. Нѣтъ двуногаго животнаго благороднѣе нашего друга Коля, говорилъ онъ нерѣдко. Онъ герой островововъ, онъ олицетворяетъ въ себѣ всѣ лучшія качества своихъ одноземцевъ. Онъ знаетъ земледѣліе, онъ охотникъ, морякъ, рыболовъ, онъ на бѣгу можетъ опередить борзую собаку *), онъ гостепріименъ, онъ мастеръ говорить обо всемъ, даже о незнакомыхъ ему предметахъ. Ему недостаетъ только нѣкоторой разсудительности.

Похвалы усилились, когда молодой лердъ еще разъ показалъ Джонсону свои замѣчательныя способности. Лексикографъ простудился на морскомъ берегу и потерялъ все веселое расположеніе духа, но Коль далъ ему выпить какое-то лекарство, составленное по своему указанію, и болѣзни какъ не бывало. Мы всѣмъ одолжены Колю, въ восторгѣ сказалъ Джонсонъ; онъ все дѣлаетъ за насъ и для насъ, онъ нашъ dux: мы воздвигнемъ въ честь его статую. — Босвеллъ. И надо, чтобъ статуя имѣла всѣ отличительные знаки его рѣдкихъ и разнообразныхъ достоинствъ; пусть ее всякій узнаетъ, какъ статую Меркурія или другаго языческаго бога. Мы придадимъ ей всѣ атрибуты пловца, стрѣлка, земледѣльца и медика.

Какъ ни былъ, однако, привязанъ молодой Коль къ туристамъ, съ которыми свела его судьба, и какъ ни были они ему, въ свою очередь, преданы, все-таки новымъ друзьямъ слѣдовало разстаться: молодой лердъ долженъ былъ ѣхать къ своимъ род-

---

*) Я всегда обгоню какую хотите собаку — сказалъ Коль Джонсону: собака пустится бѣжать со всѣхъ ногъ, запыхается и скоро утомится, а я стану бѣжать все однимъ и тѣмъ же ровнымъ порядкомъ. Эти то слова и были причиною панегирика, о которомъ мы говоримъ.

нымъ: онъ и такъ уже слишкомъ много времени провелъ въ интересной компаніи лексикографа. 19-го октября новые друзья простились, какъ нельзя трогательнѣе. Джонсонъ, выразивъ юношѣ свою благодарность, самымъ высокимъ слогомъ объявилъ твердое намѣреніе еще разъ увидѣться съ нимъ, хотя бы это стоило новыхъ трудовъ и новаго путешествія. Чувствительный Босвелль былъ еще болѣе растроганъ, и горесть его походила на грустное предчувствіе: ни ему, ни его знаменитому другу не было болѣе суждено видѣть милаго Коля. Молодой горецъ утонулъ въ слѣдующемъ году, во время смѣлаго переѣзда между островами Моллемъ и Ульвою, противъ того самого дома, гдѣ за годъ назадъ его встрѣчали такъ радостно и гдѣ онъ пировалъ съ старымъ лексикографомъ.

И Джонсонъ и Босвелль узнали о смерти молодого человѣка, передъ самымъ изданіемъ въ свѣтъ ихъ «Записокъ о поѣздкѣ на Гебридскіе острова». И тотъ и другой прибавили по нѣсколько грустныхъ словъ къ сочиненію. Здѣсь (въ Инчкеннетъ) *), пишетъ Джонсонъ, мы въ послѣдній разъ обняли этого любезнаго человѣка, который, въ то самое время, какъ я готовился разсказать свѣту о его достоинствахъ, погибъ печальною смертью, между двумя островами!

Босвелль прибавляетъ въ своихъ «Запискахъ», что его собственное сожалѣніе и высокая честь Джонсоновой трогательной похвалы — вотъ все, чѣмъ мы можемъ теперь воздать этому достойному молодому человѣку!

Изданіе Gentlemen's Magazine, при разборѣ Джонсоновой книги: «Путешествіе по Гебридскимъ островамъ», выражется такъ: Все видѣнное и описанное Джонсономъ во время его поѣздки, принадлежитъ уже потомству. Пусть древнія Эйкольмсгильскія зданія сравняются съ землею и пусть молодой лердъ острова Коля не нуждается болѣе въ земной похвалѣ, но мы знаемъ, что еще неродившіеся читатели (readers yet unborn) будутъ вдохновляться описаніемъ Эйона и горевать о преждевременной кончинѣ милаго Дональда Макъ-Лина.

Наивный чудакъ Босвелль, надъ которымъ Коль очень часто подшучивалъ, сдѣлалъ для молодого лерда болѣе, чѣмъ округленные періоды Джонсона и всѣ похвалы современниковъ: благодаря обворожительному перу автора Джонсоновой «Жизни», смѣлая и привлекательная фигура юнаго горца стоитъ, какъ живая передъ

*) Journey to the Western Islands.

каждымъ читателемъ Босвеллевой книги. Около этого же времени съ нашими туристами случилось два довольно непріятныхъ и забавныхъ приключенія, которымъ Босвелль, въ своемъ микроскопическомъ разсказѣ, придаетъ особенную важность. Во-первыхъ, во время переѣзда по морю, шпоры, находившіяся при Джонсонѣ на случай надобности, были уронены въ воду и потонули, а вслѣдъ за тѣмъ огромная, гомерическая палка поэта была оставлена гдѣ-то, и, не смотря на всѣ поиски пропала безъ вѣсти. Лексикографъ очень часто упрекалъ Босвелля, ставя эту потерю слѣдствіемъ его невниманія; сверхъ того никто не могъ выбить у него изъ головы, что палка пропала сама, а не была украдена. «Нѣтъ, сэръ, возражалъ Джонсонъ въ отвѣтъ на всѣ увѣренія, я знаю вашихъ шотландцевъ: они украли мою палку съ полнымъ коварствомъ: въ ихъ безлѣсной родинѣ такой *большой кусокъ дерева* способенъ ввести во искушеніе всякого!

IX.

Макъ-Киннокова пещера. — Островъ Эйкольмсгилль и развалины Эіонскихъ монастырей. — Ночлегъ въ сараѣ. — Каѳедральный соборъ и четыре королевскія гробницы. — Преданность островитянъ къ сэру Оллену Макъ-Лину, начальнику ихъ клана. — Бутылка рома. — Англія и Шотландія. — Обиліе воды. — Взглядъ на исторію Англіи. — Легковѣріе французовъ. — Стихи Гольдсмита. — Герней; размышленія о лунѣ и о пуддингѣ. — Селеніе Мой и чудакъ лердъ. — Допотопные люди. — Темницы Локъ-Буя. — Окончаніе морскихъ переѣздовъ. — Глазговская газета, сравнившая Джонсона съ китомъ. — Ночная буря. — Йнверари. — Виски. — Босвелль у герцога Аргайльскаго. — Герцогиня и ея антипатія къ Джонсонову пріятелю. — Знакомство лексикографа съ герцогомъ — Замокъ Аргайльскій. — Горничныя дѣвушки герцогини. — Обѣдъ у герцога. — Роскошь. — Процессъ Дугласовъ. — Отъѣздъ въ Инверари. — Замокъ Охинлекъ и старый ея владѣтель, отецъ Босвелля. — Договоръ съ Джонсономъ насчетъ будущихъ разговоровъ. — Библіотека лорда Охинлекка. — Начало споровъ. — Созвѣздіе Большой-Медвѣдицы. — Взрывъ по поводу медали. — Вѣжливость старика. — Проектъ Босвелля насчетъ памятника лексикографу. — Отвѣтъ изъ Охинлекка. — Прибытіе въ Эдинбургъ и конецъ самой поѣздки.

Владѣтель Инчкеннета и глава клана Макъ-Линовъ, сэръ Олленъ Макъ-Линъ заступилъ у нашихъ туристовъ мѣсто Коля и отправился вмѣстѣ съ ними на островъ Эйкольмсгилль, знаменитый своими развалинами *). Погода стояла довольно сносная: не смотря

*) На этомъ островѣ видны остатки великолѣпныхъ готическихъ храмовъ и монастырей, изъ которыхъ самые старые выстроены были первыми христіанами Гебридскихъ острововъ, стекавшимися къ Эйкольмсгиллю, гдѣ проживалъ святой Колумба, просвѣтитель края и учредитель многихъ религіозныхъ обществъ. Въ 807 году строенія были разрушены датчанами, но по ихъ изгнаніи возобновлены въ прежнемъ своемъ величіи.

на осенній туманъ, плаватели могли любоваться на грандіозныя сцены моря и утесистыхъ острововъ; они даже обозрѣли на одномъ изъ нихъ пещеру необъятной величины, такъ называемую Макъ-Киннокову пещеру. Не смотря на сильный прибой волнъ, Джонсонъ, Босвелль и Макъ-Линъ подъѣхали къ огромному, крутому утесу, съ котораго низвергался водопадъ: вправо отъ него находилась впадина, гдѣ, согласно преданіямъ, погибло много неосторожныхъ путниковъ. Однако же, разсказы о безконечности и ужасахъ Макъ-Кинноковой пещеры не устрашили нашихъ путниковъ: зажегши находившіяся при нихъ свѣчи, они смѣло двинулись въ отверзтіе, проникли въ глубину пещеры на разстояніе пятисотъ футовъ и остановились только когда пламя свѣчей начало горѣть все слабѣе и слабѣ. Оставивъ пещеру, наши друзья двинулись далѣе, проѣхали около Стаффы, Молля, острова Монахинь и, наконецъ, при свѣтѣ луны примѣтили башню древняго Эйкольмсгилльскаго собора. Наконецъ — (мы выписываемъ лучшую страницу изъ Джонсоновыхъ «Записокъ») — наконецъ, ноги наши стали на знаменитой землѣ, такъ долго служившей маякомъ для Каледонской пустыни, — на землѣ, отъ которой свѣтъ истины и религіи распространялся между дикими горцами и кочующими варварами. Отдѣляться духомъ отъ воспоминаній, сопряженныхъ съ видомъ извѣстныхъ мѣстъ, — невозможно и безполезно; мы сознаемъ достоинство мыслящаго существа, мы сознаемъ свое человѣческое достоинство, отрѣшаясь изъ-подъ власти чувственной и помышляя о прошедшемъ, будущемъ, отдаленномъ отъ насъ. Пусть отлетитъ далеко отъ меня и моихъ друзей та жалкая философія, которая дѣлаетъ насъ холодными и безчувственными посреди мѣстъ, прославленныхъ дѣлами мудрости, храбрости и добродѣтели! И если найдется человѣкъ, котораго патріотизмъ не оживится при видѣ Мараѳонскихъ полей, котораго благочестіе не получитъ новой теплоты посреди развалинъ Эйоны — такому человѣку не въ чемъ завидовать *)!

Не смотря на то, что островъ Эйкольмсгилль въ 1773 году уже принадлежалъ герцогу Аргайльскому, бо́льшая часть жителей, узнавъ о прибытіи своего стараго владѣльца, сэра Оллена, сбѣжалась къ нему, изъявляя всѣ признаки преданности и восхищенія;

---

*) Еслибъ весь результатъ нашей поѣздки заключался въ одномъ вышеприведенномъ отрывкѣ, — свѣтъ и тогда былъ бы принужденъ сознаться, что мы не даромъ странствовали. Президентъ Королевской Академіи, сэръ Джозефъ Бенксъ, былъ такъ пораженъ этой дивною страницею, что, прочитавъ ее, сложилъ руки и сидѣлъ нѣсколько минутъ, полонъ нѣмого удивленія! *Примѣчаніе Босвелля.*

каждый островитянинъ наперерывъ предлагалъ пловцамъ свою хижину, только, къ сожалѣнію, хижины были до крайности плохи и грязны. Сэръ Олленъ, отклонивъ всѣ приглашенія, рѣшился съ своими друзьями провести ночь въ большомъ сараѣ, куда гостепріимные эйкольмсгилльцы не замедлили притащить пропасть бѣлья и съѣстныхъ припасовъ; постели были устроены, туристы расположились на отдыхъ не раздѣваясь и рано поутру, отыскавъ себѣ проводника, отправились смотрѣть на священныя развалины.

Остатки храмовъ и монастырей все еще казались величественными по своей архитектурѣ. Отъ женскаго монастыря вплоть до развалинъ каѳедральнаго собора, шла каменная дорога, по сторонамъ которой, говорилъ проводникъ, встарину стояли ряды высокихъ домовъ. За соборомъ находился еще монастырь, часовня святого Орана и еще четыре часовни; потомъ горецъ, сопровождавшій компанію, указалъ на четыре плиты, совершенно вдавившіяся въ землю и объявилъ, что тутъ похоронены четыре короля: шотландскій, датскій, французскій и исландскій. Поодаль отъ этихъ полубаснословныхъ памятниковъ, находились гробницы Макъ-Линовъ и Макъ-Кверрійсовъ. Оставивъ развалины, путешественники сѣли на лошадей и, проѣхавъ на морской берегъ, отыскали то мѣсто, къ которому присталъ святой Колумба, основатель монастырей и просвѣтитель Каледоніи.

Во время переѣзда на лошадяхъ, случилось новое доказательство преданности островитянъ къ начальникамъ своихъ клановъ. Сэръ Олленъ поручилъ кому-то изъ встрѣченныхъ имъ жителей Эйкольмсгилля отыскать для него бутылку рома. Рома, однако, не было прислано и раздраженный Макъ-Линъ вытребовалъ къ себѣ вассала, оказавшагося непослушнымъ. — Мошенникъ, сказалъ онъ ему, какъ смѣлъ ты прогнать человѣка, посланнаго за ромомъ? Развѣ ты не знаешь, что ты обязанъ повиноваться мнѣ? Ты не Макъ-Линъ, ты Камбелль *)! — Сэръ, отвѣчалъ горецъ, дрожа, смѣю увѣрить вашу честь, что я никогда не рѣшался на подобную дерзость. Я знаю, что обязанъ повиноваться по первому приказанію вашей чести. Босвелль принялъ было сперва эти увѣренія за лесть, но онъ самъ услышалъ, какъ встревоженный бѣднякъ, уходя прочь, говорилъ: — Я не зналъ, что ко мнѣ являлся посланный отъ его чести: еслибъ сэръ Олленъ прислалъ ко мнѣ хоть свою собаку, я бы выполнилъ все имъ приказанное.

*) Имя клана, враждебнаго Макъ-Линамъ.

Не мѣшаетъ теперь передать читателю нѣсколько лучшихъ отрывковъ изъ Джонсоневыхъ бесѣдъ, довольно давно нами оставленныхъ. По поводу сравненія Англіи съ Шотландіею, лексикографъ выразился такъ, передъ сэръ Олленомъ и Босвеллемъ: —Ваша земля заставляетъ меня вздыхать о той землѣ, гдѣ водится сѣдлы и уздечки; въ вашей сторонѣ я только и вижу, что двѣ вещи: камни и воду. Правда, по инымъ уголкамъ можно видѣть немножко земли на камняхъ, только очень мало, камень изъ-подъ нея все-таки выглядываетъ. Лучше бы и не было этой земли на камняхъ, она напоминаетъ мнѣ нищаго въ лохмотьяхъ, изъ-подъ которыхъ тѣло выглядываетъ. — Сэръ Олленъ. Въ Шотландіи несравненно больше воды чѣмъ въ Англіи. — Босвелль. И это изобиліе озеръ, ручьевъ, каскадовъ, придаетъ большую прелесть мѣстоположеніямъ. — Джонсонъ. Въ Англіи не завидуютъ вашей водѣ, пусть она остается при васъ, вмѣстѣ съ грязными болотами, изъ которыхъ она выходитъ. У васъ слишкомъ много воды. Человѣкъ, утопающій тоже имѣетъ воды больше, чѣмъ бы слѣдовало. — Босвелль. Исторія Англіи такъ необыкновенна по своимъ событіямъ, что мы бы ей съ трудомъ вѣрили, еслибъ событія не были подтверждены несомнѣнными доказательствами. — Джонсонъ. Сэръ, все зависитъ отъ изложенія. Попробуйте передать событія нашей исторіи такъ, какъ передана исторія ассирійскихъ государей, то есть вкратцѣ и безъ всякаго приготовленія къ событіямъ, выйдетъ чистое баснословіе. Разсказъ вашъ покажется нелѣпымъ вымысломъ, даже французъ не повѣритъ. — Босвелль. Неужели, сэръ, по мнѣнію вашему, французъ не имѣетъ себѣ равного въ легковѣріи? — Джонсонъ. Совершенно такъ, сэръ. Я могу подвести француза къ церкви святого Павла и сказать ему: «по нашимъ законамъ вы имѣете право обойдти часть церкви; но если вы обойдете ее всю, васъ казнятъ немедленно». И я могу увѣрить всякаго, что французъ не усомнится въ истинѣ моихъ словъ. А между тѣмъ, изъ англичанъ ни одинъ не поддастся на нелѣпую выдумку въ такомъ родѣ. Англичанинъ выслушалъ бы мои слова, онѣ показались бы ему странными, онъ отошелъ бы отъ меня, и, отъискавъ кого-нибудь изъ посторонних, немедленно принялся бы дѣлать справку. И въ малыхъ и въ великихъ вещахъ, британецъ вполнѣ достоинъ этихъ чудныхъ стиховъ нашего друга Гольдсмита:

«Я вижу, какъ они проходятъ мимо меня, гордые по своимъ движеніямъ, преданные высокимъ помысламъ: у каждаго изъ нихъ сердце подчинено строгому разуму. Толпа, богатая мыслію, суровая и первобытная по наружнымъ формамъ, гордая сознаніемъ

своей мощи, благородная по врожденной смѣлости духа. И послѣдній изъ этого числа уже выучился уважать въ себѣ достоинство человѣка» *).

Босвелль одинъ разъ принялся хвалить «Размышленія» Гервея, книгу, по замыслу напоминающую «Опыты Монтеня», но, къ сожалѣнію, полную мелочности и приторныхъ отступленій.

— Джонсонъ. Сэръ, успѣхъ этого сочиненія довольно понятенъ: оно имѣетъ занимательность и часто смѣшитъ читателя тамъ, гдѣ авторъ желаетъ его растрогать. Герой часто говоритъ точно такъ же, какъ нынче говорятъ въ обществахъ, за тѣмъ, чтобъ не сидѣть молча и сказать что бы то ни было. Возьмемъ хоть его «Размышленіе о лунѣ» — почему Гервею непремѣнно хочется представить эту планету въ видѣ какого-то призрака, враждебнаго человѣчеству? Я могу сочинить подобное размышленіе о лунѣ же, и буду, напротивъ, доказывать ея благодѣтельное расположеніе къ смертнымъ. По Герееву примѣру можно писать размышленія вовсе не размышляя и я сейчасъ же примусь сочинять размышленіе... хоть о пуддингѣ. «Размыслимъ по серьёзнѣе, скажу я, о составныхъ частяхъ пуддинга. Во-первыхъ, въ составъ его входитъ мука, сдѣланная изъ зеренъ, когда-то качавшихся посреди золотой нивы и впивавшихъ въ себя утреннюю росу. Во-вторыхъ, молоко, выдоенное изъ вздувшихся сосцовъ нѣжною рукою юной молочницы, которой красота и невинность въ состояніи придать чудный вкусъ и менѣе сладкому напитку! Молоко дано намъ коровою, питающейся ничемъ болѣе, какъ одною только зеленью луговъ, животнымъ, которое почти одно питало людей во времена золотого вѣка. Въ-третьихъ — яйцо, это чудное созданіе природы, сравниваемое когда-то Бюрнетомъ съ міозданіемъ. Изъ яйца, скрывающаго подъ бѣлоснѣжною оболочкою зародышъ живого существа, выходитъ чрезъ нѣсколько времени правильное животное съ мускулами и частями, животное, покрытое перьями. Взглянемъ еще, не нужно ли еще какого нибудь матеріала для созданія пуддинга? Найдемъ и еще. Соль, сохраняющая воды морскія отъ гніенія, соль, служащая символомъ умственнаго совершенства, — также есть одна изъ составныхъ частей пуддинга».

Двадцать-перваго октября, Джонсонъ и Босвель прибыли въ се-

---

*) Эти дѣйствительно превосходные стихи (Traveller by Goldsmith) приписываемы были Джонсону, отчасти потому, что ихъ энергія была слишкомъ велика для автора «Векфильдскаго священника», а болѣе изъ-за того, что лексикографъ ихъ чрезвычайно любилъ и перечитывалъ безпрестанно всѣмъ своимъ пріятелямъ.

леніе Мойи, владѣніе лерда Лохъ-Буя *), женатаго на старшей сестрѣ сэръ Оллена Макъ-Лина. Про этого лерда молодой Коль разсказывалъ множество забавныхъ исторій и наши путешественники ожидали встрѣтить въ немъ какого-то шотландскаго Фальстаффа, въ соединеніи съ донъ-Кихотомъ. Но на самомъ дѣлѣ, властитель Желтаго Озера оказался не болѣе какъ толстымъ, неловкимъ и старымъ невѣждою, даже не слыхавшимъ никогда имени своего знаменитаго гостя. Когда ему сказали, что лексикографъ немного тугъ на ухо, онъ побѣжалъ къ нему и закричалъ громовымъ голосомъ: «Изъ какихъ вы *Джонстоновъ*, гленкросскихъ или арднамурханскихъ?» Джонсонъ только поглядѣлъ на него, не удостоивъ отвѣтомъ, а Босвелль объяснилъ, что имя его друга не Джонстонъ, а Джонсонъ, изъ фамиліи Джонсоновъ англійскихъ. Жена лерда, поговоривъ немного съ старымъ поэтомъ, объявила во всеуслышаніе: «у этого человѣка цѣлый замокъ ума въ головѣ». Оставшись наединѣ съ своимъ шотландскимъ поклонникомъ, Джонсонъ выразился такъ: «и лердъ и его супруга принадлежатъ оба къ допотопной породѣ людей». Слово «допотопный человѣкъ», нынѣ получившее право гражданства на всѣхъ языкахъ, въ то время было еще смѣлою новостью, и Босвелль съ радостью помѣстилъ его на страницахъ своего дневника.

Въ тотъ же день путешественникамъ былъ показанъ старый замокъ владѣльцевъ острова Молля, и темницы, въ которыя лердъ Лохъ-Буй еще недавно сажалъ провинившихся вассаловъ, не смотря на давнишнее запрещеніе всѣмъ лордамъ творить судъ и расправу безъ вѣдома присутственныхъ мѣстъ, учрежденныхъ отъ правительства. Не смотря на нѣсколько процессовъ, возникшихъ вслѣдствіе его самоуправства (одно изъ подобныхъ дѣлъ производилось подъ надзоромъ лорда Охинлекка, Босвеллева отца), не смотря на безпрестанныя напоминанія со стороны эдинбургскихъ властей, чудакъ Лохъ-Буй готовъ былъ засадить въ темницу пол-острова, но къ счастію, преступленій почти не было, благодаря патріархальнымъ нравамъ жителей. Сэръ Олленъ Макъ-Линъ отчасти раздѣлялъ предразсудки хозяина и тоже нерѣдко имѣлъ дѣло съ судами **).

---

*) Лохъ-Буй, значитъ Желтое-Озеро.

**) Вальтеръ-Скоттъ разсказываетъ забавный анекдотъ про сэръ Оллена. Дѣла почтеннаго шотландца были запутаны и онъ часто имѣлъ дѣла съ судебными лицами, по-шотландски «писцами», *writers*. Разъ онъ былъ въ гостяхъ у одного изъ своихъ друзей, на берегу рѣки Карона, по обѣимъ берегамъ застроенной изящными сельскими домиками. — «Чудный пейзажъ! — говорилъ сэръ Олленъ, оглядывая

Передъ вечеромъ Босвелль и Джонсонъ, простившись съ сэръ Олленомъ и своими хозяевами, въ послѣдній разъ поѣхали по морю, до Обана, маленькаго города въ Аргайльскомъ графствѣ. Къ ночи прибыли они въ чистенькую гостинницу, гдѣ поздравили другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ труднѣйшей части поѣздки. Они находились на твердой землѣ, бури могли бушевать между гебридскими утесами, время опасныхъ переѣздовъ миновало благополучно. Въ гостинницѣ валялся одинъ изъ послѣднихъ номеровъ Глазговской газеты, въ которой находились слѣдующія строки:

«Насъ увѣряютъ, будто-бы бурная погода до сихъ поръ задерживаетъ доктора Джонсона на островѣ Скэй, и дѣйствительно, въ настоящее время года нельзя и думать о ѣздѣ въ небольшихъ лодкахъ по гебридскимъ пучинамъ. Философъ, удерживаемый бурями почти на пустомъ островѣ, напоминаетъ намъ кита, выброшеннаго на берегъ. Присутствіе кита радуетъ всякаго, потому что китъ полезенъ людямъ своими костями, жиромъ; присутствіе доктора Джонсона должно радовать и спутниковъ его и суровыхъ островитянъ, наслаждающихся на свободѣ его великимъ умомъ и безграничными добродѣтелями!».

Переѣздъ отъ Обана до Инверари сдѣланъ былъ частію верхомъ, частію въ лодкѣ по озеру; погода была дождливая и путники измокли до костей. Вотъ какимъ живописнымъ и торжественнымъ слогомъ описываетъ лексикографъ природу въ этотъ день: «Ночь наступила, а мы еще имѣли много пути передъ собою; было темно, однако темнота не была полною: мы имѣли возможность легко разглядѣть потоки, падавшіе съ горъ по одну сторону и сливавшіеся въ одинъ общій каналъ, вода котораго клубилась и яростно бѣжала по другую сторону дороги. Вѣтеръ былъ силенъ, дождь крупенъ и частъ: свистъ вихря, паденіе ливня, ревъ водопадовъ и рокотъ грома, соединялись въ одинъ мрачный и величественный хоръ, которому подобнаго я не слыхалъ во всю мою жизнь.

Въ Инверари туристамъ указали гостинницу, ничѣмъ не уступавшую лучшимъ гостинницамъ Англіи. Джонсонъ спросилъ себѣ стаканъ виски и поднявъ его кверху сказалъ: — Посмотримъ, ка-

---

окрестность, — мнѣ хотѣлось бы знать, чей это хорошенькій палаццо напротивъ?» — «Писца такого-то», отвѣчалъ хозяинъ. — «Нѣтъ, — я говорю про этотъ домъ, глядите влѣво». — «Это домъ Джеми **, тоже писца изъ...» — «Г-мъ, произнесъ сэръ Олленъ, — а этотъ домъ, который поменьше». — «Писца изъ Стирлинга, я забылъ его фамилію». — «Мой другъ, — сказалъ гость, повернувшись задомъ къ рѣкѣ, — ландшафтъ хорошъ, но сосѣдство самое негодное, d—d neighbourhood!» И вслѣдъ затѣмъ онъ устремился прочь.

ковъ напитокъ, способный составить счастіе каждаго шотландца! Онъ выпилъ нѣсколько капель и передалъ стаканъ Босвеллю, взявшему его съ жадностью. — Босвелль. Я перелью все въ свой стаканъ; пусть другіе скажутъ, что я имѣлъ счастіе пить виски вмѣстѣ съ докторомъ Джонсономъ. За здоровье мистриссъ Трэль! — Джонсонъ. Сэръ, я не хочу, чтобъ за здоровье мистриссъ Трэль пили виски, выпейте лучше за здоровье какой нибудь островитянки.

Всякій изъ нашихъ читателей, знакомый съ романами Вальтеръ-Скотта (а кто не знакомъ съ этими романами), знаетъ, какую важную роль занимали герцоги Аргайльскіе въ исторіи Шотландіи, и как неограниченна преданность сыновъ Каледоніи къ этой славной фамиліи. Пятый герцогъ Аргайльскій, Джонъ, проживалъ въ Инверари во время Джонсоновой поѣздки и, натурально, лексикографу весьма хотѣлось видѣть домъ и семейство перваго аристократа Шотландіи. Босвелль былъ хорошо извѣстенъ герцогу, но въ высшей степени ненавидимъ его женою (урожденною леди Геннингъ и герцогинею Гэмильтонъ, по имени перваго мужа), за участіе въ одномъ процессѣ съ фамиліей Дугласовъ (Douglas) *), это то обстоятельство значительно конфузило Джонсонова спутника, но во всякомъ случаѣ не могло его долго удерживать. Разсчитавъ время, Босвелль отправился въ замокъ герцога и попалъ туда въ тотъ самый часъ, когда всѣ дамы, и, слѣдовательно, герцогиня Аргайльская, вышли изъ-за обѣденнаго стола, за которымъ оставался самъ хозяинъ, окруженный множествомъ гостей, прихлебателей и почитателей. Герцогъ посадилъ новаго гостя и, обласкавъ его, заставилъ разсказать нѣкоторыя подробности описанной нами поѣздки. — Я надѣюсь, сказалъ онъ потомъ, что завтра, вы и докторъ Джонсонъ, сдѣлаете мнѣ честь отобѣдать вмѣстѣ съ нами. — Босвелль. Я передамъ ему ваше обязательное приглашеніе, только боюсь одного: дѣла могутъ принудить мистера Джонсона ѣхать въ Лондонъ поутру. — Герцогъ. Для меня онъ не откажется пожерт-

---

*) Дугласы приходились родней герцогинѣ. Процессъ, вслѣдствіе котораго Босвелль попалъ въ немилость, будетъ неинтересенъ для читателей; довольно будетъ сказать, что Босвелль держалъ себя довольно неприлично въ этомъ дѣлѣ. Съ обычной своей горячностью, предавшись интересамъ противниковъ семейства Дугласовъ, онъ нетолько хлопоталъ за нихъ по судамъ, но даже бѣгалъ по улицамъ съ толпой своихъ кліентовъ, увѣщевая всѣхъ прохожихъ протестовать противъ рѣшеній трибуналовъ. При этихъ прогулкахъ было разбито много стеколъ въ домахъ судей, заступавшихся за Дугласовъ, въ томъ числѣ пострадали окна и стараго Охинлекка.

вовать однимъ днемъ, я же съ своей стороны сдѣлаю распоряженіе, чтобъ завтра ему было показано все, что здѣсь только есть замѣчательнаго. Пойдемте пить чай.

Скрѣпя сердце, Босвелль вошелъ къ дамамъ въ гостинную; тамъ увидѣлъ онъ герцогиню и дочь ея, красавицу, леди Бетти Гэмильтонъ. Хозяйка не удостоила Босвелля ни словомъ, ни поклономъ; но герцогъ Аргайльскій, замѣтивъ это невниманіе, сдѣлался еще вѣжливѣе и внимательнѣе къ спутнику великаго Джонсона. На другой день лексикографъ, въ сопровожденіи своего друга и пастора Макъ-Олея, отправился въ герцогскій зáмокъ, гдѣ послѣ нѣкотораго разговора съ герцогомъ, встрѣтившимъ его какъ нельзя ласковѣе, поэта посадили въ кабріолетъ, а потомъ повезли осматривать паркъ и другія принадлежности зáмка. Немногіе владѣтели имѣли дворцы и сады подобные дворцамъ и садамъ герцога Аргайльскаго — главное строеніе зáмка, хотя и казалось немного низко, но славилось по всей Шотландіи великолѣпіемъ архитектуры и прелестью всей своей обстановки. Въ паркѣ старыхъ деревьевъ было больше, чѣмъ во всей сѣверной части Шотландіи, и Босвелль съ гордостью указывалъ на нихъ своему знаменитому спутнику. По саду бѣгали и шалили горничныя дѣвушки герцогини, въ щегольскихъ утреннихъ платьицахъ. «Послѣ суровыхъ нравовъ и сценъ мною видѣнныхъ, говоритъ Босвелль, я такъ былъ пораженъ ихъ живостью и веселыми милыми манерами, что въ ту минуту радостно согласился бы принять на себя званіе странствующаго рыцаря» *). Но какъ ни восхищался онъ горничными — долженъ былъ ихъ скоро оставить: наступилъ часъ обѣда и герцогъ Аргайльскій уже дожидался гостей, сидя въ роскошной залѣ, снизу дó верху обвѣшанной драгоцѣннымъ и древнимъ оружіемъ.

За обѣдомъ, по обыкновенію, было множество народа; не смотря на свое гостепріимство, владѣтель зáмка обращался со своими гостями на черезъ-чуръ патріархальную ногу, нерѣдко посылая ихъ изъ-за стола съ разными порученіями. Такъ одинъ изъ собесѣдниковъ былъ отправленъ въ хозяйскій кабинетъ за кусочкомъ мрамора, о которомъ говорилось, и когда онъ принесъ не тотъ кусокъ, герцогъ попросилъ его сходить туда же еще разъ. Джентльменъ исполнилъ повелѣніе безпрекословно и только *позволилъ себѣ посвистать, проходя по залѣ, въ знакъ того, что онъ*

*) Черезъ нѣсколько лѣтъ, разсуждая по поводу этихъ строкъ, я изумляюсь, по какому случаю мой многоуважаемый спутникъ, прочитавъ ихъ, не разбранилъ меня за вѣтренность. *Примѣчаніе Босвелля.*

гость, а не прислужникъ. Лексикографъ сидѣлъ по правую руку хозяина, Босвелль — насупротивъ герцогини, продолжавшей не обращать на него вниманія. Разговоръ шолъ о старомъ и новомъ времени.

Босвелль передалъ хозяину отвѣтъ Джонсона сэру Макдональду насчетъ оружія, нержавѣвшаго въ рукахъ его предковъ. — Джонсонъ. Все-таки лучше будемъ радоваться тому, что въ наше время оружіе *можетъ* себѣ ржавѣть. Пріятно думать, что мы можемъ сидѣть за столомъ гостепріимнаго герцога, не опасаясь тревоги и нападеній, не имѣя въ виду сойтись на слѣдующій день искалѣченными и перераненными. — Герцогъ Аргайльскій. Ваша правда, нельзя, однако, не сказать одного: прежняя боевая жизнь и опасности спасали общество отъ роскоши, нынѣ развивающейся повсемѣстно. — Джонсонъ. Милордъ, я не вижу вреда въ роскоши. Мы сидимъ въ великолѣпномъ дворцѣ, за столомъ, уставленнымъ роскошными кушаньями, гдѣ же тутъ зло?

Герцогиня Аргайльская была весь вечеръ чрезвычайно любезна съ старымъ поэтомъ, а леди Бэтти Гэмильтонъ, послѣ обѣда придвинула свой стулъ къ его стулу и почти положивъ свою голову на плечо Джонсона, жадно вслушивалась въ каждое его слово. Послѣ чаю всѣ разошлись и наши путешественники очутились одни въ своей гостинницѣ.

— Босвелль. Сэръ, я все время, сидя за столомъ, любовался вами: вы были неописанно вѣжливы и занимательны; я бы хотѣлъ срисовать леди Бетти, прилегшую на спинку вашего стула, и васъ самихъ, во время бесѣды съ нею. И съ герцогиней вы обходились какъ совершеннѣйшій изъ джентльменовъ. — Джонсонъ *(улыбаясь)*. Сэръ, я считаю себя очень вѣжливымъ человѣкомъ. Я не уроню себя передъ герцогинею, даже трехъ-бунчужною *). — Босвелль. Вы что-то говорили съ ней обо мнѣ, сэръ? — Джонсонъ. Когда я почему-то упомянулъ о должности, занимаемой вами въ Эдинбургѣ, она отвѣтила: «Мнѣ ничего неизвѣстно по поводу господина Босвелля». — Босвелль. Напротивъ, ей бы лучше было сказать, что Босвелль ей *через-чуръ извѣстенъ.* Она наказываетъ меня за участіе въ процессѣ Дугласовъ, но самое наказаніе пріятно, если оно идетъ отъ такой блистательной женщины. — Джонсонъ. Это очень удачно сказано, сэръ, *но* вы были въ заблужденіи

---

*) Герцогиня имѣла три титула: Гэмильтонъ, Брентовъ и Аргайль. Титулъ по англійски le title, а хвостъ или бунчукъ tail. Three titles и three tails слова почти однозвучныя.

насчетъ процесса: дѣло Дугласовъ я считаю дѣломъ совершенно правымъ. Тутъ онъ пустился судить о ходѣ процесса и, не зная шотландскихъ законовъ, не зная самой сущности дѣла, нагородилъ много пустяковъ и раздражилъ смирнаго своего друга выше мѣры. Босвелль даже себѣ позволилъ сказать своему кумиру: «Вы ничего не понимаете въ этомъ дѣлѣ, дорогой мой сэръ!» Чѣмъ кончился споръ, неизвѣстно, но можно догадаться изъ глухого молчанія Босвелля, что ему не прошла даромъ такая дерзкая выходка.

Добравшись до береговъ Лохъ-Ломонда, Джонсонъ поспѣшилъ отправить къ герцогу Аргайльскому записку слѣдующаго содержанія:

«Милордъ, возвращая вамъ съ глубокою благодарностью принадлежащую вамъ лошадь, беру смѣлость, вслѣдствіе оказаннаго мнѣ благорасположенія, думать, что вамъ будетъ пріятно услышать о благополучномъ окончаніи нашего переѣзда.

«Черезъ исполненіе порученія, которымъ почтила меня герцогиня, я надѣюсь доказать, какъ цѣню всѣ высокія ласки мнѣ оказанныя и сколько много я желаю, милордъ, считаться вашимъ преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою.

С. Джонсонъ.»

Въ тотъ же день, герцогъ послалъ поэту такія строки:

«Сэръ, мнѣ пріятно было узнать, что путешествіе ваше не было непріятнымъ. Я отъ всей души радъ бы былъ снабдить васъ, кромѣ лошади, и хорошею погодою, въ которой, какъ кажется, оказывалась надобность.

«Герцогиня Аргайльская посылаетъ вамъ свое привѣтствіе и благодарность за память о ея порученіи. Остаюсь, сэръ, вашимъ покорнымъ слугою. Джонъ, герцогъ Аргайльскій».

Ноября второго, Джонсонъ и Босвелль прибыли въ замокъ Охинлеккъ, гдѣ намъ предстоитъ познакомиться съ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ шотландцевъ, именно съ отцомъ Босвелля.

Стараго лорда Охинлекка любила и уважала вся Шотландія, за его характеръ, титулъ, возрастъ и занимаемую имъ должность. Онъ былъ двумя годами старѣе Джонсона, и по сложенію своему могъ назваться Геркулесомъ, еслибъ только его атлетическая натура не была изнурена болѣзнями, годами трудной судейской работы и, наконецъ, горестью, вслѣдствіе потери жены, происходившей изъ фамиліи графовъ Бухановъ и славившейся своими добродѣтелями и благочестіемъ. Всѣ эти причины испортили здоровье старика и вредно подѣйствовали на расположеніе его духа. Лордъ Охинлеккъ, когда-то первый весельчакъ своего круга, философъ,

утверждавшій, что онъ не зналъ въ свою жизнь минуты безпричинной грусти, дѣлался со всякимъ днемъ строптивѣе и раздражительнѣе, готовѣе на споръ и нетерпѣливѣе при всякомъ противорѣчіи. Онъ былъ столь же ревностнымъ вигомъ, сколько Джонсонъ усерднымъ торіемъ; пресвитеріанизму преданъ онъ былъ такъ же, какъ Джонсонъ былъ преданъ англиканскому вѣроисповѣданію. Ученость стараго лорда была велика, но не современна: онъ не любилъ новой словесности и не имѣлъ времени слѣдить за нею; сочиненія лексикографа были ему вовсе неизвѣстны, а самого Джонсона звалъ онъ не иначе, какъ Jacobite fellow, воображая въ немъ стараго и упрямаго приверженца фамиліи Стюартовъ. Зная все это, Босвелль опасался свести своего отца съ своимъ вспыльчивымъ идоломъ, но намѣренія его измѣнились, когда лордъ Охинлеккъ прислалъ ему отъ своего имени письмо и въ немъ радушно приглашалъ обоихъ друзей пріѣхать въ его зáмокъ, и провести тамъ нѣсколько времени. Отказаться не было возможности. Босвелль, подъѣзжая къ зáмку, и предчувствуя всю щекотливость своего положенія, умолялъ лексикографа быть какъ можно снисходительнѣе и мягче въ разговорахъ со старикомъ. — Ради Бога, просилъ онъ его, избѣгайте говорить о трехъ пунктахъ: о вигахъ, пресвитеріанской церкви и сэрѣ Джонѣ Принглѣ. — Сэръ, отвѣчалъ ему Джонсонъ, не въ моихъ правилахъ говорить въ чьемъ бы то ни было домѣ о предметахъ, которые непріятны хозяину, въ особенности я не желалъ бы ни за что въ свѣтѣ чѣмъ нибудь огорчить *вашего* родителя.

Старый лордъ вышелъ навстрѣчу къ сыну, дружески привѣтствовалъ поэта и показалъ ему весь свой зáмокъ и въ особенности библіотеку, едва-ли не первую во всей Великобританіи, по множеству находившихся въ ней драгоцѣнныхъ изданій латинскихъ и греческихъ классиковъ. Докторъ Джонсонъ, не смотря на всѣ разсказы Босвелля, ожидавшій встрѣтить въ Охинлеккѣ какого-нибудь стараго невѣжду, въ родѣ Лохъ-Буя, былъ пріятно изумленъ узнавши, что отецъ его друга въ свою молодость учился въ Лейденѣ, былъ друженъ съ знаменитымъ археологомъ Гроновіусомъ и держалъ до сего времени въ своемъ домѣ цѣлый рядъ манускриптовъ и библіографическихъ рѣдкостей. Разговоръ все время шелъ объ Анакреонѣ, греческихъ лирикахъ, и лексикографъ съ восхищеніемъ открылъ въ шкафахъ своего хозяина Бекстерово изданіе Анакреоновыхъ твореній, изданіе, котораго нѣсколько лѣтъ уже искалъ безъ успѣха.

Слѣдующіе за тѣмъ дни прошли уже не такъ спокойно. Одинъ

джентльменъ, изъ гостей лорда Охинлекка, навлекъ на себя негодованіе Джонсона, съ насмѣшкой отзываясь о нѣкоторыхъ ученыхъ людяхъ того времени, преданныхъ будто бы употребленію крѣпкихъ напитковъ. Лексикографъ слушалъ всю эту филиппику и, наконецъ, поразилъ своего противника однимъ изъ обычныхъ своихъ изрѣченій, которыхъ эффектъ еще увеличивался отъ его громкаго голоса и массивной фигуры. — «Сэръ, сказалъ онъ ему, полноте говорить такія глупости. Я не хочу ихъ слышать, потому-что вижу очень хорошо: вы знаете о нашихъ дѣлахъ менѣе всякаго готтентота».

Другой изъ собесѣдниковъ, приставая къ поэту съ докучными любезностями, спрашивалъ его нѣсколько разъ о томъ, какъ ему нравится край, по которому онъ только-что путешествовалъ. — «Какъ можете вы, сэръ, вскричалъ наконецъ Джонсонъ, можетъ быть уже разсерженный предшествующимъ споромъ, какъ можете вы дѣлать мнѣ вопросы, на которые я можетъ быть буду вынужденъ отвѣчать хулою на тотъ край, гдѣ меня принимали такъ радушно и ласково? Кто можетъ любить сѣверную Шотландію? Довольно вамъ знать, что мнѣ нравятся ея жители».

Подобныя выходки дали поводъ отцу Босвелля сказать, въ отсутствіе Джонсона, очень милую остроту, дѣлающую честь веселости стараго лорда. По уходѣ лексикографа въ свою комнату, почти всѣ гости, подстрекаемые усерднымъ Джемми, начали произносить въ честь поэта цѣлыя хвалебныя рѣчи. — «Докторъ Джонсонъ, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, это цѣлое созвѣздіе ума и прочихъ достоинствъ». — Правда, правда, сказалъ на это лордъ Охинлеккъ, я самъ давно нахожу въ немъ нѣчто общее съ созвѣздіемъ *Большой-Медвѣдицы*.

Въ пятницу или субботу, ноября 5-го или 6-го, наконецъ произошелъ взрывъ, котораго такъ опасался добрый Джемми Босвелль. Старый лордъ показывалъ Джонсону коллекцію медалей; при этомъ завязался ученый споръ объ одной медали, во время котораго лексикографъ разразился громомъ негодованія. Старый лордъ отвѣчалъ вѣжливо, но не безъ колкости; еще черезъ нѣсколько минутъ оба старика потеряли почти всякое приличіе и диспутъ разгорѣлся съ истиннымъ ожесточеніемъ. Нѣсколько разъ огорченный Джемми пытался водворить согласіе между антагонистами или, по крайней мѣрѣ, придать спору болѣе скромное направленіе, но результатъ его попытокъ оказался тотъ, что его самого обругали. — «Не мнѣ, говоритъ Босвелль въ своей книгѣ, не мнѣ приличествуетъ выводить на сцену такихъ уважаемыхъ ратоборцевъ,

какъ Джонсонъ и мой родитель, а потому я удержусь отъ подробнаго описанія ихъ спора, хотя и долженъ признаться, что сцена была обильна драматизмомъ, и могла бы показаться читателямъ весьма интересною, какъ дополненіе къ описанію Джонсоновыхъ странствованій по Каледонской гемисферѣ. На слѣдующій день слѣды неудовольствія были почти изглажены, хотя Джонсонъ еще сохранялъ дурное расположеніе духа. Онъ отказался идти въ церковь съ Босвеллемъ и старымъ лордомъ, и хотя различіе вѣроисповѣданій нѣсколько и прикрывало эту невѣжливость противъ хозяина, но все-таки нельзя не замѣтить, что такое проявленіе нетерпимости не понравилось старому лорду. Тѣмъ не менѣе лордъ Охинлеккъ такъ высоко цѣнилъ лучшую добродѣтель своихъ предковъ, что его собственное гостепріимное расположеніе отъ того ни мало не пострадало: онъ оставался по прежнему внимателенъ къ своему ученому посѣтителю.

Джемми, съ своей стороны, дѣлалъ все возможное, чтобъ сдѣлать зáмокъ Охинлеккъ пріятнымъ для Джонсона; показывалъ ему старое строеніе во всѣхъ подробностяхъ, садъ, разведенный съ большими усиліями, и даже мѣсто, на которомъ, по его словамъ, будетъ воздвигнутъ памятникъ автору «Расселасса», въ случаѣ, ежели Босвеллю будетъ суждено судьбою пережить великаго лексикографа. Послѣднее предположеніе видимо не понравилось старому поэту, никогда не любившему останавливаться на мысли о смерти. — «Сэръ, произнесъ онъ нахмурившись, не хороните меня такъ рано: я надѣюсь еще глядѣть на вашихъ внучатъ». По вечерамъ Босвелль приносилъ къ нему на разсмотрѣніе свои замѣтки о путешествіи, которое только-что оканчивалось и Джонсонъ тщательно провѣрялъ дневникъ своего друга, выбрасывая изъ него лишнія мѣста, немного гнѣваясь, если предметы разсказа избраны были неудачно, и спокойно перечитывая тѣ страницы, гдѣ простодушный шотландецъ изливаетъ дань своего удивленія къ Джонсоновымъ добродѣтелямъ. — Сэръ, говорилъ лексикографъ почти всякій разъ послѣ упомянутаго занятія, ваша «Поѣздка на Гебридскіе Острова» мнѣ нравится болѣе и болѣе; я не думалъ открыть въ вашемъ талантѣ столько наблюдательности, здраваго направленія и вѣрности относительно изображенія описываемыхъ вами предметовъ. Вашъ дневникъ, сэръ, сдѣлаетъ честь англійской словесности.

Восьмого ноября путешественники простились съ прародительскимъ зáмкомъ лорда Охинлекка и двинулись, въ почтовомъ экипажѣ, по направленію къ Эдинбургу. Отецъ Босвелля съ рыцар-

ской вѣжливостью проводилъ лексикографа до самой кареты и, пожелавъ ему добраго пути, вслѣдъ за тѣмъ распростился съ своимъ Джемми. «Такъ разстались», прибавляетъ Босвелль, *) «два глубокоуважаемые мною человѣка: ни того, ни другого уже нѣтъ болѣе въ здѣшнемъ мірѣ, но такъ какъ оба они были истинными христіанами, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они уже встрѣтились въ лучшемъ мірѣ».

На слѣдующій день оба туриста были радостно встрѣчены своими эдинбургскими друзьями, уже пять недѣль не имѣвшими о нихъ никакого извѣстія, по случаю бурной погоды, замедлившей всѣ сообщенія. Поѣздка окончилась благополучно: восемьдесятъ три дня, занятые ею, были признаны самимъ лексикографомъ за дни, едва ли не лучшіе во всей его долгой жизни.

X.

Возвращеніе въ Лондонъ. — Рукопись Босвелля ходитъ по рукамъ; мнѣніе о ея достоинствахъ. — Джонсоново описаніе поѣздки. — Поступокъ книгопродавца Девиса. — Споры съ Макферсономъ. — Нападки на Оссіана. — Бранное письмо и отвѣтъ въ томъ же родѣ. — Безстрашіе Джонсона передъ опасностью, приключенія съ собаками и въ театрѣ. — Купанье и стрѣльба въ стѣну. — Полемика по поводу Джонсоновой поѣздки на Гебридскіе острова. — Обидчивые шотландскіе литераторы. — Восторги хвалителей. — Мнѣніе Джонсона о лести. — Мистриссъ Трэль. — Какъ вести себя въ литературной борьбѣ. — Ораторское искусство. — Спокойствіе духа. — Уильксовъ совѣтъ молодымъ ораторамъ. — Оратору не слѣдуетъ быть высокаго мнѣнія о своихъ слушателяхъ. — Цѣны за статьи въ журналахъ. — Когда нужно начинать литературное поприще. — Джонсоновъ клубъ. — Члены клуба. — Одинъ изъ вечеровъ въ клубѣ. — Свифтъ и Гулливерово путешествіе. — Сравненіе между описаніями у Шекспира и Мильтона. — Мнѣніе Джонсона о Мильтонѣ. — Антикъ привезенный въ Лондонъ. — О пользѣ изящныхъ искусствъ. — Анекдотъ изъ Эддисона. — О народонаселеніи и эмиграціи. — Опять парламентское краснорѣчіе. — Мнѣніе Борка о своихъ рѣчахъ. — Хорошія и дурныя стороны рода человѣческаго. — О томъ, позволено ли испытывать людей. — Рѣчь Борка въ клубѣ о кларетѣ. — Письмо къ доктору Бэрнарду.

Джонсонъ къ Босвеллю.

27 ноября 1773 года. Лондонъ.

Дорогой сэръ, вчера вечеромъ я прибылъ домой, безъ всякихъ ощущеній усталости, безъ всякой опасности или непріятности, и даже чувствую себя способнымъ предпринять какую нибудь новую поѣздку. Въ понедѣльникъ я ѣду въ Оксфордъ на нѣсколько времени. Кланяйтесь отъ меня мистриссъ Босвелль; я знаю,

*) Въ послѣднемъ изданіи біографіи Джонсона.

что ей хотѣлось поскорѣе спровадить меня изъ Эдинбурга; желаніе ея исполнилось *); однако я не перестану ее любить попрежнему и готовъ загладить всѣ хлопоты, мною причиненныя, чѣмъ только могу. Передайте мой поклонъ всѣмъ, кому поклонъ этотъ можетъ доставить удовольствіе. Позаботьтесь отправкою ко мнѣ ящика съ рѣдкостями, собранными во время поѣздки нашей, и поторопите тѣхъ пріятелей, которые вызвались доставить мнѣ свѣдѣнія и матеріалы, необходимые для предпринятаго мною описанія поѣздки къ Гебридскимъ островамъ. Остаюсь и пр.

Сам. Джонсонъ.

И такъ, благополучно окончивъ давно предполагаемую поѣздку, оба пріятеля рѣшились, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, обезсмертить ее изданіемъ въ свѣтъ, каждый со своей стороны, ея описанія. Босвеллю предстояло менѣе труда, благодаря дневнику, веденному имъ подъ наблюденіемъ лексикографа, тому самому дневнику, отрывки изъ котораго мы не разъ уже представляли читателямъ; его задача была почти кончена, оставалось только пополнить пропуски, привести рукопись въ должный порядокъ, и за тѣмъ приступить къ ея печатанію. Все это было исполнено, за исключеніемъ послѣдняго условія: Босвеллева поѣздка на Гебридскіе острова вышла въ свѣтъ не ранѣе 1785 года, и только тогда встрѣчена была общимъ одобреніемъ, однако не безъ примѣси шутокъ и забавныхъ намековъ, совершенно понятныхъ, если взять въ соображеніе ту оригинальную, комическую наивность, которою была пропитана каждая страница всего когда-либо писаннаго Джонсоновымъ почитателемъ **). Какъ довольно любопытную лите-

---

*) Нельзя не подивиться необыкновенной проницательности моего знаменитаго друга. Моя жена, все время, пока докторъ Джонсонъ гостилъ у насъ, была исполнена предупредительности и вѣжливости къ поэту, однако онъ, къ изумленію нашему, угадалъ сокровеннѣйшія ея мысли. Дѣйствительно, его странныя привычки не могли не произвести нѣкотораго впечатлѣнія на молодую женщину, и жена въ особенности не любила, когда докторъ Джонсонъ, находя, что свѣчи горятъ недовольно ярко, хваталъ ихъ со стола и держалъ ихъ головой внизу (with their heads downwards), чтобъ огонь разгорѣлся, отчего воскъ капалъ на ковры. Сверхъ того, мистриссъ Босвеллъ не раздѣляла моего благоговѣнія къ его дарованіямъ, и думала, что вліяніе доктора Джонсона на ея мужа болѣе значительно, нежели слѣдуетъ. Одинъ разъ, немного разгорячившись споромъ, она сказала такія слова, болѣе острыя, чѣмъ справедливыя: Я видала, какъ медвѣди ходятъ за людьми на цѣпи, но въ первый разъ теперь вижу я человѣка, который ходитъ за медвѣдемъ.

Примѣчаніе Босвелля.

**) Нельзя не предположить, однакоже, что Босвеллевъ журналъ поѣздки былъ извѣстенъ лондонскому литературному кругу, въ рукописи, гораздо ранѣе 1785 г. Джонсонъ и его друзья о немъ очень часто упоминали въ письмахъ и разговорѣ.

ратурную рѣдкость, приведемъ здѣсь краснорѣчивую похвалу поэта Коуртнея.

«Подобно Рейнольдсу, чья кисть такъ смѣла, блистательна и жива, преданный Босвелль ставитъ передъ нашими глазами портретъ своего учителя, и восхищенные трудомъ ученика, мы сознаемъ все величіе его мудраго наставника. Мы не можемъ не любить веселаго разскащика, не цѣнить его простодушія, будто заимствованнаго у философа Монтеня; въ его картинѣ даже самыя пятна привлекаютъ наши взгляды. Мы видимъ передъ собой ученаго странника, смотрящаго съ насмѣшливой улыбкой на одинокое дерево, или островокъ, одѣтый кустарникомъ, но когда воинственный разсказъ Джоры (или Макдональдъ) касается его слуха онъ готовъ потрясать древнимъ оружіемъ и пѣть старую пѣснь вѣрныхъ воиновъ».

Самъ Джонсонъ отзывался слѣдующимъ образомъ о дневникѣ своего добродушнаго поклонника *): «Босвелль расхваливаетъ меня за твердость и другія высокія качества, а я, въ свою очередь, не могу не отдать полной справедливости его веселости и постоянно милому расположенію духа. Его способности далеко выше, чѣмъ я могъ предполагать; въ немъ много проницательности и плодовитой фантазіи. Сверхъ того, съ нимъ чрезвычайно выгодно путешествовать; во всякомъ домѣ его принимаютъ съ радушіемъ и почтеніемъ **). Въ этомъ дневникѣ вы найдете тьму подробностей обо мнѣ бѣдномъ; всѣ мои капризы и болтовня описаны съ удивительной аккуратностью; судьба наслала на меня шпіона въ образѣ нашего добряка Боцци. Со всѣмъ тѣмъ нельзя читать этой книги безъ пріятнаго чувства, такъ много въ ней живости и прекрасныхъ описаній».

Между тѣмъ и Джонсоново описаніе поѣздки подвигалось впередъ съ быстротою, не смотря на многія препятствія, какъ со стороны литературныхъ пріятелей, такъ и самого поэта. Во-первыхъ, лексикографъ сдѣлалъ въ короткое время двѣ новыя поѣздки: сперва въ Оксфордъ, гдѣ ему поднесенъ былъ отъ университета дипломъ на званіе доктора правъ, а потомъ въ Валлисъ, для сопутствія госпожѣ Трэль и ея семейству. По возвращеніи въ Лондонъ,

*) См. переписку Джонсона съ госпожею Піоцци.

**) Одинъ изъ комментаторовъ Босвеллевой книги, Крокеръ, говорилъ объ этомъ предметѣ съ шотландскимъ лордомъ Стоуэлемъ, коротко знавшимъ лорда Охинлекка и его сына Босвелля, и лордъ отозвался, что всѣ любили добраго малаго и веселаго собесѣдника. — Но уважали ль его? спросилъ Крокеръ. Конечно уважали, былъ отвѣтъ, какъ уважаютъ всякого веселаго и добродушнаго чудака.

съ нимъ произошли двѣ полузабавныя, полунепріятныя исторіи. Во-первыхъ, извѣстный намъ Томъ Дэвисъ въ-торопяхъ собралъ нѣсколько Джонсоновыхъ стихотвореній, хранившихся въ разныхъ рукахъ, и выпустилъ ихъ въ печать, не спросясь его согласія, подъ заглавіемъ: «Мелкія стихотворенія разнообразнаго содержанія» — и въ то же время объявилъ въ газетахъ, что стихотворенія эти принадлежатъ автору «Расселаса». Успѣхъ книги былъ значителенъ, но въ числѣ пьесъ, въ ней помѣщенныхъ, почти половина или вовсе не была написана Джонсономъ, или оказывалась недостойнымъ его дарованія.

Старый поэтъ, извѣстясь о такомъ безстыдномъ подлогѣ, запылалъ сильною яростію, и взявъ палку, въ родѣ той, которая, къ сокрушенію вѣрнаго Босвелля, потеряна была въ сѣверовосточной части Шотландіи, направилъ стопы къ жилищу книгопродавца, разсчитывая, или сокрушить свою палку, или переломать кости мошенника. Дэвиса не было дома; раздраженный авторъ пустился искать его по улицамъ Лондона; всѣ ждали чего нибудь страшнаго и необычайно скандалезнаго. Къ крайнему изумленію друзей поэта, не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ Джонсона и Дэвиса увидѣли прогуливающимися по Флитъ-Стриту, рука объ руку. На вечерѣ у мистриссъ Трэль, друзья лексикографа начали спрашивать его о причинахъ такого внезапнаго примиренія. — Джонсонъ. Что я могу сказать вамъ на это? Я былъ свирѣпъ и считалъ себя въ-правѣ разразиться гнѣвомъ; Дэвисъ оказался кроткимъ существомъ, и изъявилъ всѣ признаки живѣйшаго раскаянія. Я почему-то думаю, что онъ мнѣ истинно преданъ; такимъ образомъ и вся исторія кончилась. И обращаясь къ мистеру Трэлю, онъ прибавилъ: — Бѣдный Томъ совсѣмъ промотался; намъ надо подумать о томъ, чтобы можно было для него сдѣлать.

Второе литературное приключеніе было нѣсколько серьёзнѣе. Нѣсколько разъ упоминаемый нами мистеръ Джемсъ Макферсонъ, сочинитель подложныхъ поэмъ, изданныхъ подъ названіемъ Оссіановыхъ твореній, давно уже питалъ въ своей душѣ злобу на лексикографа, все время считавшагося однимъ изъ самыхъ ревностныхъ изобличителей его подлога. Въ нѣсколькихъ мелкихъ статьяхъ и послѣ того въ изданіи своей поѣздки, Джонсонъ не упускалъ случая нападать на Оссіана и его издателя, называя Макферсона, какъ обыкновенно бывало во-время жосткихъ споровъ, безстыднымъ шарлатаномъ, а его послѣдователей стадомъ глупцовъ, готовыхъ жертвовать истиною и собственнымъ своимъ достоинствомъ, для преклоненія передъ капризомъ бездарнаго мошенника. — «Макфер-

сонъ и докторъ Блейръ, котораго я считаю умнымъ, но кругомъ обманутымъ человѣкомъ, писалъ лексикографъ, увѣряютъ насъ, что поэмы, приписываемыя Оссіану, списаны съ древнихъ манускриптовъ. Я этому не вѣрю, и всѣ доводы ихъ не цѣню нимало. Я только спрошу одно: гдѣ оригинальныя рукописи? спрошу тоже, что спрашивалъ десять разъ передъ этимъ, ни разу не получая удовлетворительнаго отвѣта. Законъ нашъ говоритъ «de non existentibus et non apparentibus, eadem est ratio». Изъ-за чего я долженъ вѣрить честному слову Макферсона, когда онъ можетъ поступить со мною гораздо проще и убѣдительнѣе, показавъ мнѣ оригиналъ Оссіановыхъ стиховъ? Но я знаю, во-первыхъ, что такого оригинала нигдѣ нѣтъ; во-вторыхъ, что Оссіана никогда не существовало; въ-третьихъ, что Джемсъ Макферсонъ лжецъ, подобно большей части его соотечественниковъ *).

«Защитники поэмъ Оссіана сравниваютъ упорство своихъ противниковъ съ глупостью слѣпца, который споритъ о краскахъ и рѣшается утверждать, что британскія войска носятъ не красные мундиры. Слѣпецъ дѣйствительно глупъ, если пускается спорить съ зрячими. Но мы позволимъ себѣ спросить: вслѣдствіе какихъ особенныхъ достоинствъ поклонники мистера Макферсона имѣютъ право считать себя прозорливыми смертными, а насъ принимать за людей, лишенныхъ зрѣнія? Мы позволимъ себѣ измѣнить немного прежнее сравненіе. Предположимъ, что человѣку, имѣющему два глаза, какой нибудь хвастливый и глупый капралъ говоритъ, что у нашихъ войскъ, кромѣ ихъ обыкновенныхъ красныхъ мундировъ, есть еще кафтаны изъ чернаго бархата, надѣваемые только при особенныхъ торжественныхъ случаяхъ. Услыхавъ такую новость, нашъ джентльменъ находитъ ее странною, и спѣшитъ посмотрѣть знаменитые бархатные кафтаны; только ихъ нигдѣ не оказывается. Сорокъ тысячъ солдатъ видитъ онъ, и каждый изъ сорока тысячъ одѣтъ въ красномъ. Начинаются разспросы: одинъ солдатъ объявляетъ, что его бархатный кафтанъ лежитъ въ чемоданѣ за тысячу миль; другой говоритъ: я слышалъ про кафтаны, но не видалъ ихъ нигдѣ; третій — мнѣ казалось бы, что каждый солдатъ долженъ былъ бы ходить въ бархатѣ. — Не правъ ли будетъ изслѣдователь въ своемъ сомнѣніи насчетъ существованія невидимыхъ кафтановъ? Для разрушенія такихъ сомнѣній, пусть солдаты покажутъ намъ хотя одинъ чорный бархатный кафтанъ, а мистеръ Макферсонъ съ пріятелями хоть одинъ отрывокъ изъ

*) Шотландцевъ.

древнихъ оригинальныхъ поэмъ, будто бы сочиненныхъ Оссіаномъ.

«Разница между нами и слѣпцомъ такая: слѣпецъ не можетъ быть убѣжденнымъ, потому-что его глаза не могутъ ничего видѣть, мы же остаемся при своемъ недовѣріи отъ ясной причины. Мы можемъ видѣть, но, къ сожалѣнію, намъ ровно ничего не показываютъ.»

Эти и подобные аргументы совершенно раздразнили задорнаго Макферсона, и вывели его изъ всякихъ границъ приличія. Онъ написалъ къ Джонсону письмо, исполненное угрозъ. По всей вѣроятности, лексикографъ, прочитавъ, затерялъ эпистолу своего недруга, а потому лишилъ всѣхъ своихъ біографовъ одного изъ любопытнѣйшихъ образчиковъ тогдашней литературной полемики. Самъ Босвелль и послѣ него Крокеръ, ревностнѣйшіе изыскатели всѣхъ фактовъ, относившихся въ чемъ нибудь къ личности Джонсона, признаются, что содержаніе Макферсонова посланія имъ вовсе неизвѣстно. Одинъ отвѣтъ лексикографа, помѣщенный тотчасъ же во всѣхъ газетахъ, даетъ о немъ удовлетворительное понятіе. Вотъ этотъ отвѣтъ:

«Мистеръ Джемсъ Макферсонъ, я получилъ ваше дурацкое и безстыдное письмо. Всякую задуманную вами обиду я готовъ оттолкнуть отъ себя силою, и если силъ моихъ будетъ недостаточно, съ помощью законной защиты. Надѣюсь, что какая нибудь угроза бездѣльника никогда не будетъ въ состояніи помѣшать мнѣ называть ложь ложью и подлогъ подлогомъ.

«Вамъ желательно, чтобъ я отступился отъ своихъ мнѣній насчетъ поэмъ, изданныхъ вами. Требованіе ваше безтолково. Книгу вашу я всегда считалъ и до сихъ поръ считаю плодомъ литературнаго мошенничества. Причину такого мнѣнія я уже не разъ высказывалъ передъ публикою. Надъ вашей яростью я смѣюсь. Способности ваши, судя по вашимъ трудамъ, не представляютъ ничего изумительнаго и страшнаго, а нравственность, про которую я такъ много слышалъ, не возбуждаетъ довѣрія къ справедливости вашихъ словъ. Если хотите, можете напечатать это письмо.

Сам. Джонсонъ.»

Кромѣ такой пріятной переписки, между лексикографомъ и его шотландскимъ недругомъ, не произошло ничего болѣе непріятнаго. Макферсонъ не зналъ Джонсонова характера, пишетъ Босвелль, думая своими дерзкими угрозами испугать моего великаго друга. Безстрашіе передъ опасностью было рѣзкою чертой его характера, и примѣровъ тому нѣтъ числа. Одинъ разъ, на дачѣ у Боклера,

двѣ огромныя собаки стали грызться съ неописаннымъ свирѣпствомъ. Джонсонъ подошелъ къ нимъ, когда никто не осмѣливался подойти, и колотилъ обѣихъ до тѣхъ поръ, пока не заставилъ разойтись. Въ другой разъ, чтобъ испытать, разрывается ли ружье, если его зарядить нѣсколькими пулями, онъ положилъ въ стволъ семь или шесть пуль, а потомъ выстрѣлилъ изъ ружья въ стѣну. Мистеръ Ленгтонъ разсказывалъ мнѣ, какъ во время купанья въ Оксфордѣ, докторъ Джонсонъ непремѣнно всякій разъ плавалъ около самаго опаснаго и глубокаго мѣста, котораго всѣ удалялись. Однажды ночью, въ Лондонѣ, четверо воровъ напали на него во время ночной прогулки по улицамъ: онъ не смутился ни мало, а защищался до тѣхъ поръ, не сходя съ мѣста, пока не пришелъ дозоръ и не перехваталъ бездѣльниковъ. Вотъ еще любопытный разсказъ, слышанный мною отъ Гэррика: одинъ разъ, въ личфильдскомъ театрѣ, Джонсонъ, оставивъ на минуту свое кресло, находившееся съ боку сцены, нашелъ его, по возвращеніи въ залу, занятымъ. Онъ вѣжливо попросилъ сидѣвшаго на немъ джентльмена уступить мѣсто законному владѣтелю, но тотъ отвѣтилъ какою-то грубостью, не изъявляя ни малѣйшаго желанія удалиться. Тогда Джонсонъ, поднявъ съ пола и кресло и сидѣвшаго на немъ грубіяна, перебросилъ ихъ въ партеръ какъ будто какую нибудь щепку. Нѣтъ сомнѣнія, что и съ Макферсономъ, въ случаѣ открытаго или тайнаго нападенія, случилось бы нѣчто подобное.

Оба друга, Джонсонъ и Босвелль, увидѣлись, въ первый разъ послѣ своей поѣздки, весною 1775 года, вскорѣ послѣ изданія въ свѣтъ Джонсонова путешествія къ Гебридскимъ островамъ. Книга эта, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, возбудила сильную полемику: иной ученый вступался за Макферсона и Фингала, другой обижался тѣмъ, что Шотландія названа была страной дикою и безлѣсною, третій нападалъ на то, что бо̀льшая часть сочиненія занята размышленіями о предметахъ, весьма мало касающихся Гебридскихъ острововъ, да и всей поѣздки. Поздоровавшись съ своимъ поклонникомъ и освѣдомившись объ общихъ друзьяхъ, старый поэтъ сказалъ Босвеллю: Я знаю, что ваши соотечественники теперь терзаютъ меня и мою книгу. Я ожидалъ этого, и знаю, что каждый изъ нихъ привязанъ къ Шотландіи больше, чѣмъ къ истинѣ.

— Босвелль. Сэръ, вы болѣе чѣмъ ошибаетесь въ вашемъ заключеніи. Лучшіе изъ моихъ соотечественниковъ всѣ на вашей сторонѣ. Мистеръ Дэмпстеръ писалъ ко мнѣ, и въ своемъ письмѣ говоритъ: «Отъ начала до конца книги доктора Джонсона, я не нашелъ въ ней ничего способнаго оскорбить истиннаго сына Шот-

ландіи». М. Тейтлеръ тотъ самый джентльменъ, который такъ прославился своими трудами о королевѣ Маріи Стюартъ, называетъ васъ истиннымъ другомъ Шотландіи. — Джонсонъ. И даже не оскорбляется тѣмъ, что я нападалъ на недостатокъ лѣсовъ въ вашемъ краѣ? — Босвелль. Нимало, и книгопродавецъ Ноксъ, путешествовавшій по Гебридскимъ островамъ съ вашей книгою въ рукахъ, даже васъ хвалитъ за это? «Мы должны благодарить Джонсона, пишетъ онъ, за указанія подобныхъ недостатковъ. Наша земля дурно обработывается, дичаетъ отъ безпечности землевладѣльцевъ, незаботящихся ни о лѣсѣ, ни о поляхъ; указать такую безпечность есть дѣло полезное, а не дурное». — Джонсонъ. Здѣсь очень много нападаютъ на обиліе разсужденій въ моей книгѣ. — Питеръ Гэррикъ, *братъ актера*. Такъ могутъ говорить одни невѣжды: истинные знатоки дѣла не перестаютъ удивляться глубинѣ и обилію вашихъ мыслей. Спѣшу передать вамъ отзывъ объ этомъ предметѣ человѣка, котораго вы уважаете. Мистеръ Ормъ, авторъ «Исторіи Индостана» сказалъ мнѣ: «Вся книга изобилуетъ мыслями, долгое время вращавшимися въ великомъ умѣ Джонсона, и вслѣдствіе того — стройными, ровными и блестящими, какъ камни, отшлифованные морскими волнами». — Джонсонъ. Сэръ, мнѣ пріятна такая похвала, и пріятнѣе тѣмъ, что сказана была за глаза, въ мою защиту. Я люблю похвалу, если она искренна и высказана въ умѣренныхъ выраженіяхъ; я люблю ее столько же, сколько ненавижу похвалу льстивую и преувеличенную. — Босвелль. То есть похвалу, на которую большая мастерица одна изъ вашихъ милыхъ пріятельницъ, именно мистриссъ Трэль. — Джонсонъ. Сэръ, вы любите нападать на мистриссъ Трэль, но на этотъ разъ я неспособенъ защищать ее. Ея похвалы почти всегда преувеличены и высокопарны; по милости этой привычки, я могу прослыть за злобнаго и недоброжелательнаго человѣка. — Босвелль. Это какимъ образомъ? — Джонсонъ. Сэръ, мистриссъ Трэль такъ щедра на похвалы талантамъ всѣхъ своихъ пріятелей, что я поневолѣ бросаюсь въ противную сторону и отзываюсь о нашихъ друзьяхъ хуже, чѣмъ бы слѣдовало. Своей лестью она вызываетъ на злорѣчіе. Недавно еще она льстила передъ одной, очень извѣстной намъ особой; я такъ разсердился, что сказалъ ей: эта особа умѣетъ только сидѣть на стулѣ. А между тѣмъ дѣло шло о человѣкѣ, мною уважаемомъ. А между тѣмъ ее можно бъ назвать первою женщиною во всемъ мірѣ! Языкъ, одинъ языкъ портитъ все дѣло!

Упомянули объ огромной книгѣ: «Замѣтки по поводу Путеше-

ствія къ Западнымъ Островамъ доктора Джонсона, составленныя Дональдомъ Макъ Николемъ». Сочиненіе это, далеко превосходившее своимъ объемомъ книгу, въ немъ разбираемую, было наполнено самыми дерзкими и обидными личностями противъ особы и произведеній лексикографа *). — Босвелль. Не приписывайте, дорогой сэръ, этихъ замѣтокъ перу какого нибудь благороднаго и безпристрастнаго шотландца. Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что имя Макъ Николя взято только для прикрытія, тогда какъ истиннымъ сочинителемъ былъ человѣкъ, питающій къ вашему высокому дарованію вражду безумную и непримиримую **). — Джонсонъ. Сэръ, этотъ человѣкъ глупъ до невѣроятности; онъ показываетъ даже свою неспособность къ литературной борьбѣ; онъ не умѣетъ распоряжаться своею бранью. Кто станетъ читать книгу, направленную на меня, если она стоитъ пять шиллинговъ? Кто захочетъ ее пріобрѣсть за такую цѣну? Еслибъ у него былъ умъ, онъ долженъ былъ бы закидывать меня маленькими и ѣдкими памфлетами.

Явилось еще нѣсколько гостей, и разговоръ перешелъ къ ораторскому искусству. — Джонсонъ. Нельзя судить объ умѣ человѣка по тому, имѣетъ ли онъ успѣхъ на трибунѣ: одинъ изъ умнѣйшихъ людей Великобританіи, Исаакъ Букинсъ Броунъ, явившись въ парламентъ, ни разу не раскрывалъ рта, при всѣхъ своихъ способностяхъ. Я, впрочемъ, не понимаю и не могу одобрить такой робости: гораздо лучше начать говорить, и говорить плохо, чѣмъ никогда не раскрывать рта. Тотъ, кто сразился неудачно, все-таки выше человѣка, уклонившагося отъ сраженія. — Босвелль. Я несогласенъ съ вами, сэръ. Мы почитаемъ трусомъ человѣка, уклонившагося отъ сраженія, а вовсе не презираемъ того, кто не рѣшается говорить передъ публикой. По моему крайнему разумѣнію, лучше держать языкъ за зубами, нежели поступать какъ тотъ господинъ, который въ обществѣ сперва говоритъ безъ умолка, а потомъ говоритъ самъ себѣ: теперь примемъ важную и умную физіономію, пускается молчать, храня на своемъ лицѣ озабоченное выраженіе, и превращается, наперекоръ закону природы, изъ блестящаго мотылька въ неподвижную гусеницу. Я могъ бы современемъ разсчитывать на мѣсто члена въ парламентѣ, но не буду его искать, потому-что не довѣряю своимъ силамъ. — Джонсонъ. Сэръ, вы говорите великія пустяки. Можно быть полез-

*) Эпиграфомъ для этой книги выставлена была слѣдующая дерзкая выходка: «Всѣ старики и путешественники имѣютъ право лгать безнаказанно».

**) Джемсъ Макферсонъ.

нымъ членомъ законодательнаго собранія и не обладая ораторскимъ талантомъ. — Босвелль. Но я опасаюсь за счастіе всей моей жизни: политическія дѣла испортили бы мое спокойствіе. Я не буду въ состояніи веселиться, если онѣ пойдутъ дурно. — Джонсонъ. Опять пустяки и неправда. Сэръ, дѣла, касающіяся всего общества, никогда не будутъ въ состояніи лишать спокойствія какое нибудь одно отдѣльное лицо. По вашей теоріи, всѣ министры и члены палатъ должны тосковать и заболѣвать отъ горя, чуть противная партія начинаетъ брать верхъ. Я не вижу причины, почему зритель въ галлереѣ остается спокойнымъ, а членъ, сидящій въ серединѣ залы, долженъ терять и веселость и счастіе. Сэръ, политическія дѣла ни у кого не отбиваютъ сна и аппетита. — Босвелль. Однако, сэръ, когда послѣднему министерству грозило паденіе, развѣ вы не досадовали на дерзкія и неприличныя рѣчи въ палатѣ коммюнеровъ. — Джонсонъ. Досадовалъ, сэръ, однако вовсе не терялъ своего спокойствія душевнаго. Я съ удовольствіемъ готовъ былъ стукнуть по головѣ каждаго изъ собакъ-виговъ, но ни сонъ мой, ни аппетитъ не пострадали нимало. — Босвелль. Я самъ не терялъ ни сна, ни аппетита, но я былъ огорченъ глубоко, огорченъ всею душою. — Джонсонъ. Сэръ, все это одни слова, а въ словахъ таится лицемѣріе (cant). Впрочемъ вы можете говорить, что угодно, только не придавая своимъ словамъ преувеличеннаго значенія. Вы можете сказать человѣку: я вашъ покорнѣйшій слуга, хотя вы вовсе не его служитель, да еще и не покорнѣйшій. Другому вы можете объявить: какъ я жалѣю, что вовремя такой-то поѣздки, дождь шелъ все время и промочилъ васъ такъ жестоко; а между тѣмъ вы не дадите шести пенсовъ, еслибъ за эту цѣну могли устроить хорошую погоду для вашего пріятеля. Подобныя фразы позволяется говорить въ обществѣ, но быть убѣжденнымъ въ ихъ справедливости можетъ развѣ какой нибудь болванъ. И такъ, не отказывайтесь отъ парламента, и будьте увѣрены, что участіе въ общественныхъ дѣлахъ не нарушитъ вашего счастія. Изучайте ораторское искусство, у васъ столько друзей, извѣстныхъ дарованіями. — Лэнгтонъ. Нашъ Джемми прибѣгнетъ къ помощи своего пріятеля Уилькса. У Уилькса всегда одинъ и тотъ же совѣтъ всѣмъ молодымъ ораторамъ: «Будьте такъ безстыдны, какъ только можете, такъ веселы, на сколько хватаетъ силы, болтайте все, что придетъ въ голову, старайтесь смѣшить и сердить своихъ слушателей. Такъ дѣйствуетъ Джакъ Ли, нахальнѣйшая собака во всей палатѣ, — онъ вѣчно говоритъ намъ дерзости, и мы вѣчно радуемся, чуть только онъ начи-

жаетъ говорить». — Джонсонъ. Этотъ мошенникъ Уилькесъ часто говоритъ дѣльныя вещи. Въ его совѣтѣ есть одна умная мысль: какъ бы ни было знаменито собраніе, передъ которымъ говоритъ ораторъ, ему необходимо ставить себя нѣсколько выше этого собранія, и хотя на время своей рѣчи считать себя существомъ необыкновенно высокимъ, почти исключительнымъ. Знаменитый Бакстеръ *) всегда старался, чтобъ въ его рѣчахъ было нѣсколько фразъ и словъ, почти непонятныхъ слушателямъ; онъ не боялся подносить горчицу къ губамъ младенцевъ, и по моему мнѣнію, поступалъ разумно. Самъ онъ пріобрѣталъ авторитетъ надъ слушателями, а слушателямъ льстило то, что имъ даютъ раскусывать такія глубокія истины. Вообще, оратору никогда не слѣдуетъ быть высокаго мнѣнія о своихъ слушателяхъ; онъ долженъ знать, что всякое собраніе рѣдко бываетъ внимательнымъ, и располагать свою рѣчь сообразно съ такимъ заключеніемъ. Я бы посовѣтовалъ въ этомъ случаѣ человѣку, держащему рѣчь, имѣть въ своей головѣ обильный запасъ аргументовъ, затѣмъ, чтобъ не останавливаться посреди импровизаціи. Чуть замѣтитъ онъ признаки вниманія въ слушателяхъ, пусть выдвигаетъ онъ впередъ все лучшее изъ имѣющагося въ головѣ, но едва общее вниманіе начинаетъ ослабѣвать, и оратору слѣдуетъ переходить къ слабѣйшей части своей рѣчи.

Стали говорить о существующей въ то время платѣ авторамъ за оригинальныя статьи въ «Обозрѣніяхъ», при чемъ Босвеллъ спросилъ: «Правда ли, что докторъ Шибберъ (Schebbeare) получаетъ за свои рецензіи новыхъ книгъ неслыханную цѣну — по шести гиней (сто пятьдесятъ рублей ассигнаціями) съ листа? **) — Джонсонъ. Сэръ, это невозможно и никогда не будетъ возможнымъ; цѣна эта слишкомъ высока; развѣ можетъ быть доктору даютъ столько гиней за какой нибудь особенный листъ, а не за communibus sheetibus. — Босвеллъ. Скажите мнѣ, сэръ, при платѣ за листъ критическаго сочиненія, авторъ получаетъ деньги только за то, что имъ написано, или въ разсчетъ идутъ выписки, отрывки, взятые имъ изъ разбираемаго сочиненія? — Джонсонъ. Листъ, есть листъ, чѣмъ бы онъ ни былъ наполненъ. Всякому человѣку легче сочинить самому листъ печатный, нежели наполнить его выдержками изъ какого нибудь претолстаго волюма in 8-vo. — Босвеллъ. Сэръ, оно, безъ сомнѣнія, легко для писателя, обладаю-

---

*) Одинъ изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ Великобританіи.

**) Six guineas for a sheet.

щаго высшими изумительными способностями, но для обыкновеннаго человѣка дѣло принимаетъ другой оборотъ. Мы поминутно встрѣчаемъ въ критическихъ статьяхъ цѣлые ряды выписокъ некстати, неизвѣстно для чего помѣщенныхъ, выписокъ длинныхъ и будто насильно притянутыхъ въ статью. — Питеръ Гэррикъ. За то, съ другой стороны, мы поминутно находимъ статьи, въ которыхъ авторъ говоритъ обо всемъ, кромѣ разбираемаго сочиненія, прибѣгаетъ къ тончайшимъ хитростямъ, чтобъ, не ссылаясь на него, брать весь матеріалъ изъ своей головы, и наконецъ приводитъ читателя, желавшаго узнать кое-что и ровно ничего неузнавшаго, въ досаду и негодованіе. Въ такія крайности часто вдаются авторы, начавшіе писать слишкомъ рано, не обогативъ своей головы фундаментальнымъ образованіемъ и классическими свѣдѣніями.

— Джонсонъ. Сэръ, человѣкъ, готовящій себя на литературное поприще, долженъ начинать рано. Если онъ не принимается писать, ожидая покуда разсудокъ его созрѣетъ, онъ рискуетъ вѣчно оставаться недовольнымъ своими произведеніями. Съ одной стороны недостатокъ навыка сдѣлаетъ его неспособнымъ отчетливо высказывать свои мысли; съ другой стороны способность къ анализу, развитая во всей силѣ, лишитъ его довѣрія къ самому себѣ и навѣки отобьетъ его отъ всякой работы. Нуженъ запасъ юношеской смѣлости, чтобъ браться за печатный разговоръ съ современниками, — пропустите ея пору, и недовѣріе къ себѣ васъ задушитъ. Великій человѣкъ, лордъ Грэнвиль, написавъ свое превосходное письмо съ описаніемъ Деттингенскаго сраженія, бросилъ его съ досадою на полъ, вскричавъ: «вотъ письмо, хуже котораго не напишетъ лавочникъ, торгующій сальными свѣчками!»

Литературный клубъ, основанный Рейнольдсомъ (см. выше), продолжалъ собираться по прежнему и увеличился новыми членами, по большей части людьми достаточными и любившими роскошь. По изяществу помѣщенія и обширной библіотекѣ, клубъ нисколько не отставалъ отъ другихъ, болѣе многолюдныхъ собраній въ томъ же родѣ; по оригинальности и знаменитости собиравшагося въ немъ общества, онъ далеко оставлялъ за собой всѣ лондонскіе клубы. Провести въ немъ вечеръ было дѣломъ труднымъ для непосвященнаго: называться однимъ изъ его членовъ считалось честью, почти недоступною людямъ обыкновеннымъ. Всѣ лучшіе элементы лондонскаго общества имѣли въ немъ своихъ представителей, и разнообразіе нимало не мѣшало общему согласію или веселости: баронетъ сэръ Джосуа, художникъ и баловень аристократіи,

дружески спорилъ съ скромнымъ Гольдсмитомъ, блистательный острякъ Боклеркъ садился рядомъ съ простодушнымъ Босвелломъ, историкъ Гиббонъ подавалъ руку Джонсону, не смотря на діаметральную противоположность политическихъ и философскихъ убѣжденій. Много будущихъ знаменитостей, еще молодыхъ людей, только что начинавшихъ вкушать первую сладость начинающейся славы, оживляли клубные вечера своими импровизаціями и веселыми находками; въ числѣ ихъ нельзя не упомянуть про Чарльса Фокса, Эдмонда Борка, едвали не перваго оратора Великобританіи, Стевенса, впослѣдствіи извѣстнаго своими трудами по части критики и исторіи литературы. Правила клуба не были стѣснительны, и разговоры въ немъ очень часто касались литературы, но еще чаще принимали другія, самыя разнообразныя направленія; и такъ, какъ Босвелль и другіе писатели, слѣдившіе за жизнію Джонсона, даютъ намъ очень подробныя свѣдѣнія о томъ, что происходило на вечернихъ собраніяхъ литературнаго клуба, то мы постараемся, по мѣрѣ силъ и объема статьи, воспользоваться этими матеріалами, сдѣлавъ изъ нихъ тщательное и довольно краткое извлеченіе.

Въ одну изъ пятницъ, 24 марта, докторъ Джонсонъ, присутствуя въ клубѣ, былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и бесѣдовалъ съ постояннымъ успѣхомъ. Сперва онъ нападалъ на Свифта, автора Гулливеровыхъ путешествій, книги, нынѣ извѣстной всему міру и переведенной едвали не на всѣ европейскіе языки.— Джонсонъ. Я не признаю ничего хорошаго въ этомъ сочиненіи: пріемъ, ему сдѣланный, безъ сомнѣнія превышалъ всѣ ожиданія автора и до сихъ поръ остается для меня загадкою. Я даже не вижу особенной изобрѣтательности въ вымыслѣ; стоитъ только одинъ разъ выдумать великановъ и лилипутовъ, чтобъ всѣ подробности пришли сами собою. Во всемъ путешествіи Гулливера, по моему мнѣнію, есть одно только удачное мѣсто, именно, когда лилипуты, завладѣвъ своимъ гостемъ, дѣлаютъ опись всѣмъ вещамъ, при немъ найденнымъ: табакеркѣ, пистолетамъ, часамъ, и на каждую изъ вещей смотрятъ съ своей точки зрѣнія *).

Стали спорить о томъ, кто изъ двухъ великихъ поэтовъ Англіи,

*) Это дѣйствительно прекрасное мѣсто породило безчисленныя подражанія; какъ о лучшемъ изъ нихъ, упомянемъ о тѣхъ главахъ Моріерова романа: «Айше», гдѣ мусульмане, захвативъ чемоданъ путешествующаго лорда, судятъ о его вещахъ по своему; ѣдятъ мыло, принимая его за конфекты, принимаютъ короткіе панталоны за мѣхъ для вина, а химическое огниво за чернильницу, что служатъ поводомъ къ десятку забавнѣйшихъ эпизодовъ.

Шекспиръ или Мильтонъ, выше по живописности описаній. Босвелль стоялъ за Шекспира, бо́льшая часть посѣтителей отдавали первенство пѣвцу «Потеряннаго Рая». Джонсонъ, всегда готовый увлекаться посторонними дѣлу соображеніями, поддерживалъ Босвелля, болѣе потому, что по своимъ политическимъ понятіямъ питалъ постоянно антипатію къ бывшему секретарю Оливера Кромвелля. Положено было избрать по одному отрывку изъ каждого поэта, съ тѣмъ, чтобъ въ отрывкахъ этихъ описывался человѣкъ, а потомъ сравнить оба описанія. Босвелль привелъ то мѣсто, гдѣ Гамлетъ изображаетъ своего усопшаго родителя.

«Глядите, какимъ изяществомъ украшенъ былъ его обликъ! Кудри Гиперіона, чело самого Зевса, строгій и повелительный взглядъ Марса, стройность тѣла, напоминающая божественнаго герольда, Меркурія, остановившагося на горѣ, достигающей облаковъ, какъ-будто при созданіи этого человѣка каждое божество наложило на него свою печать».

Въ параллель этимъ стихамъ выставлены были строки Мильтона, по поводу нашего прародителя Адама: «На его широкомъ, прекрасномъ челѣ и въ благородныхъ глазахъ значилась печать власти и твердости; кудри, подобныя цвѣтамъ гіацинта, раздѣляясь посреди головы, густо спускались къ плечамъ, но не падали ниже». *)

---

*) По поводу вышеприведенныхъ отрывковъ довольно любопытно будетъ привести нѣкоторыя замѣтки лучшихъ комментаторовъ — замѣтки, показывающія до какой тщательности и, можетъ быть, излишней тонкости разобраны англичанами всѣ произведенія великихъ отечественныхъ поэтовъ. Послѣдняя строка Мильтонова описанія, пишетъ Мэлонъ (Malone), гдѣ говорится о волосахъ Адама, очевидно внушена автору «Потеряннаго Рая» его предразсудкомъ по поводу длинныхъ волосъ. Извѣстно, что пуритане имѣли великое къ нимъ отвращеніе и стриглись довольно коротко, за что получили свое извѣстное прозвище круглоголовыхъ (roundheads) *докторъ Кирней* (Kearney), сравнивая оба описанія, говоритъ: «нельзя не подивиться тому, что Гамлетово изображеніе отца, сочиненное Шекспиромъ, человѣкомъ малой учености, исполнено классическихъ выраженій, — тогда какъ глубокоученый Мильтонъ, въ своемъ описаніи, не употребилъ ни одного миѳологическаго термина. Изъ двухъ описаній, послѣднее кажется мнѣ болѣе живописнымъ». Но это мнѣніе встрѣтило себѣ противника въ лицѣ доктора Крокера (Croker), послѣдняго издателя Босвеллевой біографіи Джонсона. «Докторъ Кирней, говоритъ этотъ джентльменъ, повидимому забылъ, что Мильтонъ, какъ поэтъ *описательный*, даетъ намъ просто самъ отъ себя изображеніе перваго человѣка, тогда какъ Шекспиръ, по обязанности драматическаго поэта, говоритъ отъ лица одного изъ своихъ героевъ, принца Гамлета, молодого энтузіаста, *только что окончившаго свои науки*. Въ душѣ юноши кипитъ горе и негодованіе, которыя онъ хочетъ прикрыть или, по крайней мѣрѣ, заглушить нѣсколько чрезъ посредство этихъ классическихъ аллюзій, во всякомъ другомъ случаѣ возбудившихъ бы въ насъ идею о педантизмѣ».

Большая часть членовъ клуба, участвовавшихъ въ разговорѣ, передались на сторону Мильтона, однако, это обстоятельство не помѣшало лексикографу продолжать свою защиту Шекспира. Когда ему замѣтили, что онъ поступаетъ пристрастно, вводя въ литературный споръ свои политическія антипатіи, Джонсонъ отвѣтилъ: «Господа, никакая разница въ мнѣніяхъ не помѣшаетъ мнѣ быть справедливымъ къ таланту. Я ненавижу поэта, служившаго подъ крыломъ злодѣя Кромвелля, сочинявшаго памфлеты въ защиту бездѣльниковъ, осудившихъ на смерть Карла Перваго, но никакія заблужденія частной жизни не будутъ въ силахъ отвратить меня отъ поклоненія генію, создавшему «Потерянный Рай», поэму изъ поэмъ. И можетъ ли быть иначе? Когда мы воздаемъ честь и хвалу созданіямъ геніальнаго человѣка, мы отдаемъ честь своей роднѣ, дѣлаемъ пользу самимъ себѣ, поддерживаемъ то уваженіе, которымъ поэтъ и ученый долженъ быть окруженъ. Послѣ всего этого, мы даже приносимъ выгоду собственно себѣ; тотъ, кто чтитъ память великихъ людей, самъ получаетъ нѣкоторую дань общаго вниманія. Въ наше время, почти каждая — что я говорю *почти* — просто каждая усопшая знаменитость изъ британцевъ имѣетъ надъ своей могилою или дорогой памятникъ, или величественную надпись; каждый изъ гражданъ не жалѣетъ денегъ на такое дѣло, готовъ воздвигнуть мавзолей надъ тѣломъ поэтовъ, изъ которыхъ многіе чуть не умерли съ голода въ свое время. Потому-то поносить Мильтона вслѣдствіе какихъ-то отдаленныхъ цѣлей было бы для меня слишкомъ невыгодно. Когда Флексманъ, составляя указатель къ новому изданію моего «Rambler», написалъ въ одномъ мѣстѣ: *Мильтонъ, мистеръ Джонъ*, я до того разсердился, что долгое время не ходѣлъ съ нимъ говорить; такъ странно и неловко показалось мнѣ названіе великаго поэта мистеромъ Джономъ. Я порадовался, видя въ послѣднихъ біографіяхъ даже означеніе домовъ и улицъ, гдѣ проживалъ авторъ «Потеряннаго рая». — Рейнольдсъ. Однако, сэръ, такое благоговѣніе къ памяти Мильтона не помѣшало вамъ, еще недавно, въ моемъ присутствіи, утверждать, что всѣ небольшія стихотворенія этого писателя чрезвычайно слабы и скучны. — Джонсонъ. И я былъ правъ, сэръ. Мильтону былъ данъ отъ Бога геній на все необыкновенное: онъ могъ съ помощію рѣзца изваять колосса изъ цѣлой скалы, но у него не было способности вырѣзывать головки изъ вишневыхъ косточекъ. Но какъ бы я ни благоговѣлъ передъ дарованіемъ пѣвца, я все-таки могу быть безпристрастнымъ, сравнивать его лучшія мѣста съ лучшими мѣстами Шекспира, древнихъ поэтовъ, и произно-

сить свой приговоръ строго, обдуманно, sine ira et studio. — Босвеллъ. Если я не ошибаюсь, сэръ, вы ставите древнихъ эпическихъ поэтовъ выше Мильтона? — Джонсонъ. Сэръ, эпоха, въ которую Мильтонъ существовалъ, была эпохой упадка во всемъ. Пора эпической поэзіи миновалась, и поэма, созданная въ это время, не могла равняться съ поэмами, писанными въ блестящіе періоды словесности. Мильтонъ явился слишкомъ поздно, сэръ. Но это не помѣшало ему далеко превышать всѣхъ своихъ современниковъ, изображать собой гиганта между пигмеями, быть *одноглазымъ властелиномъ слѣпого народа!*

Одинъ изъ собесѣдниковъ разсказалъ о неслыханной цѣнѣ одной маленькой античной вещи, недавно привезенной въ Лондонъ и обратившей на себя вниманіе всѣхъ художниковъ и любителей искусствъ. То была собака, сдѣланная изъ мрамора и, какъ увѣряли нѣкоторые археологи, принадлежавшая Алкивіаду. — Джонсонъ. Мнѣ забавны эти догадки; я бы совѣтовалъ отрубить ей хвостъ, и потомъ увѣрять, что это Алкивіадова собака *). — Эдмондъ Боркъ. Я не знаю, принадлежала ли собака эта Алкивіаду; да и очень мало о томъ забочусь, но работа фигуры дѣйствительно превосходная. Но цѣна все-таки безумно велика: Дженнингсъ, счастливый обладатель пса, цѣнитъ его въ тысячу гиней (около 25,000 р. асс.). Эта бездушная собака стало быть дороже живого льва. — Джонсонъ. Сэръ, я самъ согласенъ, что цѣна высока, но если искусство, съ которымъ фигура окончена, дѣйствительно безпримѣрно, то сабака стóитъ этихъ денегъ. Всякая вещь, доказывающая собою, какъ много въ состояніи сдѣлать человѣкъ, — каждый трудъ, тáкъ сказать, раздвигающій собою сферу человѣческаго могущества, долженъ цѣниться высоко. Первый человѣкъ изъ фокусниковъ, ухитрившійся поставить себѣ на носъ соломенку, Джонсонъ, выучившійся ѣздить разомъ на трехъ лошадяхъ, короче сказать, всѣ особы, подобныя двумъ мною названнымъ искусникамъ, стоили и стоятъ вознагражденія. Результатъ ихъ труда не великъ, но искусство, ими выказанное, дѣлаетъ честь природѣ человѣка. — Босвеллъ. Я, признаюсь, не поощрялъ бы никогда подобныхъ занятій. Время и способности людскія могутъ и должны быть употребляемы на нѣчто лучшее. Эддисонъ, въ своемъ «Зрителѣ», разсказываетъ слѣдующую исторію. Къ одному мудро-

*) Извѣстно, что Алкивіадъ отрубилъ хвостъ своей любимой собакѣ, замѣтивъ, что ея красота обращаетъ на нее вниманіе всѣхъ афинянъ. Совѣтуя отрубить хвостъ мраморной собакѣ, а потомъ выдать ее за Алкивіадову, Джонсонъ шутитъ надъ шарлатанствомъ тогдашнихъ археологовъ.

му королю привели фокусника, всю жизнь изучавшаго свое ремесло и знавшаго бездну неслыханныхъ и непонятныхъ уму штукъ. Когда король приказалъ ему показать что нибудь особенно чудное, фокусникъ поставилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя иглу и сталъ бросать въ нее зернушками ржи, но бросать такъ, что всякое зерно проскакивало сквозь игольное ушко. Всѣ присутствующіе изумились, и фокусникъ ждалъ уже себѣ богатой награды, когда король, похваливъ его искусство, велѣлъ принести ему въ подарокъ, что бы вы думали?—мѣру ржи!—Джонсонъ. Должно быть мудрый король этотъ былъ королемъ шотландскимъ; исторіи этой негдѣ было происходить, кромѣ вашего голоднаго отечества. — Докторъ Джонъ Фордейсъ. Не напрасно весь Лондонъ ѣздитъ глядѣть на Дженнингсову собаку, какъ на нѣчто необычайное по цѣнѣ и отдѣлкѣ; древніе скульпторы рѣдко брались изображать животныхъ, но если брались, то выполняли свою задачу отлично. Во Флоренціи я видѣлъ фигуру вепря, высоко цѣнимую знатоками. — Джонсонъ. И они правы: каждая подобная вещь должна быть тщательно хранима, какъ *первая* изъ сдѣланныхъ въ такомъ родѣ, хранима какъ образецъ человѣческой изобрѣтательности и какъ образецъ, на случай если изящныя искусства, когда нибудь придя въ упадокъ, будутъ нуждаться въ возрожденіи.

Отъ упадка искусствъ разговоръ перешелъ къ упадку въ народонаселеніи. Вслѣдствіе страннаго предразсудка, отчасти извинительнаго по отсутствію вѣрныхъ статистическихъ данныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій, лучшая часть британскаго общества была въ то время убѣждена, что народонаселеніе Англіи, на самомъ дѣлѣ размножавшееся съ значительною быстротою,—постоянно уменьшается и грозитъ отечеству ослабленіемъ его силъ. Эмиграція, дѣйствительно начинавшая принимать обширные размѣры въ глазахъ людей, неглубоко изучившихъ положеніе края, казалась бѣдствіемъ и гибельною мѣрою. Эдмондъ Боркъ принадлежалъ къ числу ея защитниковъ, но аргументы, имъ приводимые, покажутся крайне простодушными въ наше время, когда вопросъ о движеніи народонаселенія достаточно обсуженъ, и когда передъ нами давно уже раскрыта крайняя незначительность вліянія, производимаго самой обширной эмиграціей на всю массу населенія того или другого государства. Боркъ утверждалъ въ этотъ вечеръ, что эмиграція нетолько не ослабляетъ силъ государства, *но еще способствуетъ увеличенію его народонаселенія.* Вывозъ людей, какъ и вывозъ товаровъ, поощряетъ производительность. Дайте средство странѣ избавиться отъ людей, неимѣющихъ пропитанія,

и масса достаточныхъ людей быстро пополнитъ недостающее число жителей. — Джонсонъ. Сэръ, ваше заключеніе походитъ на парадоксъ. По вашему, десять коровъ способны дать хозяину столько телятъ, сколько ихъ дадутъ тридцать.—Боркъ. Да, если взять въ соображеніе, что коровы эти пасутся на хорошемъ пастбищѣ. —Босвелль. Однако мы замѣчаемъ что самыя нездоровыя и бѣдныя страны, какъ-то: Египетъ, Бенгалія, населены больше другихъ. Въ Голландіи нездоровый климатъ, а между тѣмъ ея населенію можетъ позавидовать всякое государство. — Джонсонъ. Сэръ, я отъ васъ перваго слышу, что въ Голландіи нездоровый климатъ. Въ больномъ краѣ не можетъ быть обильнаго населенія; мертвые исчезаютъ, а живые слабѣютъ въ силахъ. Кромѣ того, Голландія не можетъ служить примѣромъ,—въ ней очень мало постоянныхъ жителей, она наполнена выходцами изъ другихъ земель.

— Рейнольдсъ (обращаясь къ оратору Эдмонду Борку). Сэръ, я далекъ отъ лести, но когда я слушаю одну изъ вашихъ чудныхъ рѣчей въ парламентѣ, мнѣ приходитъ въ голову такая мысль: потомство, перечитывая эти рѣчи, будетъ дивиться, какъ много ума и таланта потратилъ на нихъ ораторъ, зная заранѣе, что онѣ не перемѣнятъ ничьего убѣжденія, не пріобрѣтутъ ни одного голоса въ пользу его партіи. — Боркъ. Поблагодаря васъ за комплиментъ, я буду говорить собственно о парламентскихъ рѣчахъ. Говорить хорошо передъ другими людьми не есть дѣло безполезное. Во первыхъ, хорошій ораторъ пріобрѣтаетъ славу и тѣшитъ свое самолюбіе, принося вмѣстѣ съ тѣмъ пользу. Ни одна рѣчь не измѣнитъ разомъ убѣжденій слушателя, не захватитъ въ свою пользу ни одного враждебнаго голоса, но она подѣйствуетъ на общественное мнѣніе, на идеи самыхъ упорныхъ слушателей, и современемъ получитъ ожидаемую награду. Кромѣ того, если мѣра, защищаемая мною, и не найдетъ себѣ одобренія въ слушателяхъ, если она будетъ отвергнута сто, тысячу разъ, — я все-таки найду себѣ возмездіе въ той мысли, что я сдѣлалъ все возможное въ ея пользу, и высказалъ моимъ противникамъ все ихъ заблужденіе. —Джонсонъ. Сэръ, это только одно утѣшеніе нашего самолюбія; думая такимъ образомъ, мы похожи на побитаго школьника, утѣшающагося тѣмъ, что одолѣвшій его боецъ тоже получилъ царапину. Человѣкъ всегда готовъ на подобныя утѣшенія самому себѣ.

— Боркъ. Изо всего видѣннаго мною въ жизни, — а я видалъ на своемъ вѣку многое, — я выучился лучше думать о родѣ

человѣческомъ. — Джонсонъ. Я отчасти согласенъ съ вами, сэръ, но далеко не вполнѣ. Во многомъ я нашелъ людей худшими, чѣмъ предполагалъ; никогда, въ моей юности, я не считалъ ихъ такъ способными на обманъ, корыстные помыслы, никогда не ожидалъ я найти въ людяхъ такъ мало честности. Въ замѣнъ того, люди готовы на добро, болѣе нежели я могъ ожидать; не смотря на великое себялюбіе, они способны находить удовольствіе въ пособіяхъ ближнему. — Рейнольдсъ. То есть вы не нашли въ нихъ правды, но нашли теплоту душевную. — Джонсонъ. И не удивительно ли найти въ людяхъ столько способности сочувствовать бѣдамъ своихъ собратій? Подумайте о томъ, какъ трудно каждому человѣку жить на свѣтѣ, какъ много онъ обязанъ думать о себѣ, о предохраненіи себя отъ бѣдъ, — и вы спрашиваете еще, какимъ образомъ онъ находитъ возможность думать о другихъ людяхъ! Разсказываютъ, что величайшій лжецъ въ мірѣ поневолѣ говоритъ болѣе правды, чѣмъ лжи; точно также можно сказать, не оскорбляя истины, что злѣйшій изъ смертныхъ дѣлаетъ болѣе добра, нежели зла. — Босвеллъ. Можетъ быть, опытъ укажетъ намъ, что люди *счастливѣе*, нежели о нихъ думаютъ. — Джонсонъ. Нѣтъ, сэръ, этого вамъ не покажетъ никакой опытъ; чѣмъ болѣе мы наблюдаемъ за людьми, тѣмъ несчастнѣе они намъ кажутся. — Гиббонъ. Часто, желая испытать человѣка, различить его добрыя и дурныя наклонности, мы дѣлаемъ великій вредъ и ему и себѣ своимъ испытаніемъ. Люди хороши, только не всегда хорошо испытывать качества ихъ души. Когда сэръ Годфрей Неллеръ *) былъ мировымъ судьею, какой-то джентльменъ привелъ въ судъ своего лакея, виновнаго въ воровствѣ. «Въ чемъ заключалось воровство?» спросилъ сэръ Неллеръ. Хозяинъ отвѣчалъ, что украдены деньги, положенныя имъ на полъ въ его кабинетѣ. «Зачѣмъ вы кладете деньги на полъ?» спросилъ мировый судья. — Я хотѣлъ испытать честность своего служителя. — Джонсонъ. Еслибы даже служитель и устоялъ противъ искушенія, все-таки нельзя было бы сказать ничего положительнаго о его честности. Доказательство было бы сильное, но все-таки неполное. И никто не имѣетъ права испытывать кого нибудь подобнымъ образомъ. Искушая ближняго, вы его оскорбляете во первыхъ, а во вторыхъ раздѣляете его вину, если у него не достало силы быть твердымъ. — Босвеллъ. У меня былъ одинъ знакомый, вѣчно подвергавшій своихъ друзей одному странному испытанію. Онъ являлся къ которому нибудь изъ

*) Sir Godfrey Kneller, одинъ изъ первыхъ живописцевъ Великобританіи.

нихъ, выдумывалъ трогательную исторію и увѣрялъ, что дѣла его придутъ въ жалкое положеніе, если тотъ не согласится дать ему денегъ. Этой ложью онъ перепробовалъ всѣхъ близкихъ къ нему людей. — Джонсонъ. Пріятель вашъ поступалъ до крайности дурно. Человѣкъ, нравственно говоря, не создавъ весь изъ одного куска; въ каждомъ изъ насъ есть свои пороки и свои добродѣтели. Я могу быть отличнымъ существомъ, но скупость есть одна изъ моихъ слабостей. Меня испытываютъ по способу вашего пріятеля, я не даю денегъ, меня исключаютъ изъ числа друзей. А между тѣмъ, моя дружба можетъ быть полезна въ десяти другихъ, только не денежныхъ отношеніяхъ. Какое право имѣлъ мой пріятель испытывать мою внутреннюю сторону, и наконецъ, отчего, при этомъ испытаніи, онъ ухватился именно за одну худшую сторону моего характера.

Передъ разставаньемъ ораторъ Боркъ потребовалъ молчанія, и шутливо представляя, будто онъ говоритъ одну изъ своихъ рѣчей въ палатѣ, сказалъ слѣдующее: «почтеннымъ джентльменамъ, составляющимъ наше собраніе небезъизвѣстно, что запасъ кларету подареннаго намъ нашимъ уважаемымъ другомъ, деканомъ Дерби, докторомъ Бернардомъ *), быстро близится къ концу, что дѣлаетъ честь достоинству подареннаго напитка, но грозитъ намъ довольно непріятнымъ лишеніемъ. Я предлагаю, отъ имени членовъ клуба, просить достопочтеннаго доктора о принятіи на себя труда указать намъ, гдѣ онъ пріобрѣтаетъ упомянутый кларетъ. Но дабы склонить нашего добраго друга къ присылкѣ новаго запаса въ видѣ подарка (что и пріятнѣе и выгоднѣе), я предлагаю сочинить къ нему письмо въ выраженіяхъ немного двусмысленныхъ и ловкихъ, такъ, чтобъ идея насъ руководящая, была высказана съ приличіемъ, осторожностью и вѣжливостью. — Джонсонъ. Я изъявляю свою готовность быть секретаремъ общества, и предлагаю свои услуги по части составленія адреса къ декану. — Гиббонъ (исправлявшій въ этотъ вечеръ должность президента). Кто изъ присутствующихъ согласенъ на избраніе доктора Джонсона въ секретари общества, пусть подниметъ руку.

Избраніе произведено было единогласно, и лексикографъ, смѣясь, сѣлъ за работу. — Босвелль. Сегодня докторъ Джонсонъ получаетъ отъ насъ званіе диктатора. — Джонсонъ. Я могу только исполнять приказанія общества, но не могу имъ управлять. Я диктаторъ развѣ потому, что буду *писать* подъ вашу диктовку.

---

*). Впослѣдствіи епископомъ Кильмадельскимъ и Лимерикскимъ.

— Боркъ. Не писать, а *предписывать*. — Босвеллъ. Мы предались игрѣ словъ въ первый разъ сегодня. — Джонсонъ. Еслибъ я былъ вашимъ диктаторомъ, я бы не позволилъ вамъ пить вино. Вы не видали бы кларету, какъ своихъ ушей. По моей обязанности остерегать отъ всего, что опасно моимъ согражданамъ, я бы изгналъ вино и людей, ему преданныхъ. Вспомните только одно: Римъ погибъ отъ роскоши, разврата и утонченности жизни. — Боркъ. Если вы, какъ диктаторъ, запрещаете намъ пить вино, я не хочу командовать конницей, ищите себѣ другого помощника.

Такъ веселились и бесѣдовали британскія знаменитости прошлаго столѣтія.

XI.

Босвелль продолжаетъ гоняться за знаменитостями всякаго рода. — Джонъ Уилькcъ. — Его похожденія, ненависть Джонсона къ Уильксу, происшествіе съ его братомъ. — Дилли и Поультри. — Общее желаніе свести вмѣстѣ Джонсона и Уилькса. — Дипломація Босвелля. — Джонсонъ даетъ согласіе. — Мистрисъ Уилькс и ужасъ Босвелля. — Новыя усилія увѣнчиваются успѣхомъ. — Обѣдъ у Дилли. — Пріѣздъ Джонсона. — Наружность Уилькса. — Знакомство совершается. — Шутки надъ шотландцами. — Шотландцы въ Америкѣ. — Шотландскіе должники и кредиторы. — Трудность составленія біографій — Результатъ разспросовъ о событіяхъ изъ жизни Драйдена. — Малиновка на Парнассѣ. — Самолюбіе литераторовъ. — Подарокъ Джонсона Уильксу. — Смертность въ Лондонѣ и въ Америкѣ. — Доброта есть послѣдствіе просвѣщенія. — Забавный промахъ двухъ переводчиковъ. — Анекдотъ про Ричардсона, автора «Кларисы Гарловъ». — Трогательное зрѣлище въ гостиной у Дилли. — Ягненокъ и козелъ. — Житейскія странности.

Чѣмъ далѣе подвигался Джемми Босвелль по пути своей вѣчно озабоченной и разнообразной жизни, тѣмъ съ большею силой развивалась въ его сердцѣ страсть къ знаменитостямъ всякаго рода.

Правда, лексикографъ и великій докторъ Самуэль Джонсонъ постоянно оставался его первымъ кумиромъ, но обстоятельство это ни мало не препятствовало доброму чудаку имѣть еще много постороннихъ, хотя и не столь чтимыхъ идоловъ. Достаточно было хоть разъ броситься въ глаза лондонскому свѣту какимъ нибудь необыкновеннымъ дѣломъ, даже какою нибудь непозволительною странностью, чтобъ привлечь на себя напряженное вниманіе будущаго автора Джонсоновой біографіи; и въ такомъ случаѣ стоило хоть для шутки уклониться отъ Босвеллевой навязчивости, и уже шотландецъ не помнилъ самъ себя, пускался на труднѣйшія предпріятія, употреблялъ самыя забавныя усилія, чтобъ какъ нибудь сблизиться съ предметомъ своего любопытства. Съ своими слабо-

стями и каррикатурными сторонами, Босвелль былъ словно нарочно созданъ для радости и поученія будущимъ поколѣніямъ: съ помощью незавидныхъ сторонъ своей личности, онъ какъ нельзя лучше подходилъ къ трудной и многосложной должности историографа своей эпохи, такъ богатой происшествіями и замѣчательными особами.

Увлекаемый своею необузданною и никогда неослабѣвающею страстью, Босвелль имѣлъ драгоцѣнныя знакомства во всѣхъ классахъ общества, въ самыхъ противоположныхъ и враждебныхъ политическихъ кружкахъ, въ самыхъ задорныхъ и угрюмыхъ литературныхъ собраніяхъ.

Не смотря на дружбу съ Джонсономъ, онъ поминутно заискивалъ расположенія нѣкоторыхъ молодыхъ литераторовъ, безсовѣстно называвшихъ лексикографа старымъ дуракомъ и ученымъ медвѣдемъ. Нужно, однако, отдать справедливость нашему шотландцу, его поклоненіе особѣ Джонсона ни мало не ослабѣвало отъ подобныхъ невѣрностей; мало того, знакомясь съ каждымъ новымъ лицомъ, принадлежавшимъ къ чужой партіи, Босвелль употреблялъ всѣ усилія, чтобъ свести это лицо съ старымъ поэтомъ. Истощивъ всѣ средства, чтобы сблизить и по возможности примирить своихъ неподатливыхъ друзей, Боссвель иногда достигалъ своей цѣли, и тогда радость его не знала границъ; онъ вслушивался въ каждое слово собесѣдниковъ, записывалъ всѣ ихъ рѣчи, и на другой день пускался трубить по всему Лондону, что въ такой-то день, съ помощью его неусыпныхъ стараній, великій поэтъ обѣдалъ вмѣстѣ съ злѣйшимъ изъ своихъ критиковъ, или съ ораторомъ, пользующимся особенною ненавистью министерства. Мы уже имѣли случай наблюдать торжество Джемми послѣ свиданія Джонсона съ лордомъ Монбоддо; теперь намъ предстоитъ разсказать о сближеніи лексикографа съ врагомъ, болѣе страшнымъ и личностью несравненно примѣчательнѣйшею.

Въ половинѣ 1776 года проживалъ въ Лондонѣ человѣкъ чрезвычайно незавидной репутаціи, одаренный необыкновенно злымъ языкомъ и безстыднымъ характеромъ, что не мѣшало ему, однакоже, быть однимъ изъ первыхъ ораторовъ своего времени. Имя его, слишкомъ извѣстное въ англійской исторіи и словесности, было Джонъ Уилькcъ. Рѣзкій и невѣроятно смѣлый на все, отъ парламентскихъ убѣжденій до эпиграммъ на друзей и недруговъ, Уилькcъ самъ называлъ себя нахальнѣйшею собакой во всей Великобританіи, писалъ памфлеты, за дерзость которыхъ неоднократно изгоняли его изъ палаты; издавалъ газету, каждый нумеръ которой

производилъ скандалы и ссоры; осыпалъ печатною бранью знаменитѣйшихъ писателей и лицъ своей родины; велъ жизнь болѣе чѣмъ разгульную, и не смотря на то, пользовался какою-то странною, почти безотчетною симпатіею своихъ соотечественниковъ. Значительная часть жителей Лондона была внѣ себя отъ остроумія и откровенныхъ выходокъ Уилькса; по увѣренію современниковъ, въ самомъ нахальствѣ этого человѣка было нѣчто простодушное; пороки и дурныя стороны сердца не исключали въ немъ своего рода благородство и готовность на добрыя дѣла. Неоднократно избираемый членомъ нижней палаты, наперекоръ желанію всѣхъ ея членовъ, Уильксъ являлся въ парламентъ какъ въ завоеванный городъ, съ насмѣшкою на устахъ, съ комическимъ безстыдствомъ во взглядѣ, съ запасомъ рѣчей, самыхъ рѣзкихъ по мысли, самыхъ забавныхъ по изложенію. И всякая рѣчь Уилькса была событіемъ; ее жадно слушали сонливѣйшіе изъ членовъ палаты; она поминутно прерывалась или общимъ хохотомъ, или хоромъ бранныхъ словъ, до которыхъ веселому оратору не было никакого дѣла. Въ свободное отъ политическихъ занятій время, Уильксъ пускался въ литературные споры, съ наслажденіемъ бѣсилъ всѣхъ и каждаго, ссорился и мирился съ первыми лицами Великобританіи, принималъ приглашенія на безчисленные обѣды и вечерніе пиры, или проводилъ ночи въ тавернахъ, съ пріятелями, себя достойными. Во всякой общественной и еще болѣе застольной бесѣдѣ, азартный памфлетистъ былъ истиннымъ представителемъ старой веселой Англіи, и не одинъ аристократъ считалъ за великую отраду имѣть у себя за столомъ знаменитаго весельчака Уилькса. Босвелль не слышалъ въ немъ души, и называлъ его не иначе, какъ своимъ «ученымъ и блистательнымъ другомъ», и, конечно, сносилъ отъ Уилькса всякую насмѣшку, всякое нападеніе. Нѣсколько разъ преданный шотландецъ пытался говорить при Джонсонѣ о веселости и благородной душѣ своего блестящаго пріятеля, но попытки такого рода всегда кончались побранкою: лексикографъ питалъ къ Уильксу злѣйшую антипатію.

— Я удивляюсь, говорилъ лексикографъ, всякій разъ, когда бесѣды его касались недостатковъ Уилькса или новаго скандала, имъ произведеннаго: — я удивляюсь безумію лондонскихъ жителей: они поклоняются Ванькѣ Уильксу (Jack Wilkes) именно за то, что тотъ питаетъ къ каждому изъ нихъ въ особенности и ко всѣмъ имъ вообще глубочайшее безстыднѣйшее презрѣніе. Они назначаютъ его лордомъ-меромъ, первымъ лицомъ градского управленія, единственно потому, что такой лордъ-меръ вполнѣ способенъ

ограбить ихъ лавки. Что до меня, то я сознаюсь: всякій разъ, когда я слышу про Уилькса, мнѣ хочется идти къ нему и бить его палкой по головѣ «до-тѣхъ-поръ, пока не убью до смерти.» Да, сэръ, Ванька Уильксъ — стыдъ Англіи, стыдъ Лондона, позоръ нашего времени.

«Ненависть Джонсона къ Уилксу, разсказываетъ миссъ Рейнольдсъ, была такъ велика, что часть ея падала на родню оратора. На одномъ обѣдѣ у сэра Джошуа Рейнольдса присутствовали, вмѣстѣ съ старымъ поэтомъ, братъ мистера Уилькса, Израиль Уилькcъ, съ супругой. Всякій разъ, когда во-время общаго разговора этотъ джентльменъ произносилъ нѣсколько словъ, докторъ Джонсонъ глядѣлъ на него свирѣпо, и потомъ отдувался изо всей силы. Наконецъ поэтъ не выдержалъ, и чуть только мистеръ Израиль Уилькcъ снова открылъ ротъ, обратился къ нему, произнеся грубымъ голосомъ: «Надѣюсь, сэръ, что теперешнія ваши слова будутъ поумнѣе тѣхъ, которыя мы уже имѣли неудовольствіе слушать!» Трудно пересказать, какое смятеніе произошло отъ этой совершенно неожиданной и незаслуженной выходки; всѣ мы знали уилксова брата очень давно, и постоянно уважали его, какъ человѣка чрезвычайно добраго и вѣжливаго; сверхъ всего этого, онъ былъ тори и убѣжденія его были совершенно согласны съ убѣжденіями лексикографа. Вечеромъ, однако, онъ признался, что поступилъ дурно, выбранивъ джентльмена при его женѣ.

«Еслибъ и не было его жены за обѣдомъ, отвѣтила я, — вы все-таки позволили себѣ слишкомъ много. — Съ этимъ я никогда не соглашусь! возразилъ докторъ Джонсонъ».

Нѣсколько разъ Ванька Уилькcъ, подшучивая надъ Босвеллемъ, увѣрялъ, что имѣетъ пламенное желаніе подружиться съ Самуиломъ Джонсономъ, котораго такъ часто задѣвалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Мысль казалась странною, и самъ насмѣшникъ не вѣрилъ въ ея удобоисполнимость, но для рѣдкаго поклонника знаменитостей не было ничего невозможнаго: разъ вбивши себѣ въ голову планъ сближенія двухъ враждебныхъ, но равно милыхъ ему личностей, Босвелль рѣшился преодолѣть всѣ трудности, и пустилъ въ ходъ такія тонкости, которымъ позавидовалъ бы первый дипломатъ того времени.

Случилось, что вскорѣ послѣ разговора съ Уилксомъ о Джонсонѣ, два книгопродавца, торговавшіе вмѣстѣ и вмѣстѣ пользовавшіеся привязанностью бо́льшей части литераторовъ, безъ различія партій, именно мистеръ Дилли и мистеръ Поультри, пригласили Босвелля на большой литературный обѣдъ, имѣющій быть у нихъ

обѣдъ 5-го мая. Имя Джона Уилькса стояло въ самомъ началѣ списка приглашенныхъ лицъ. «Почему же вы не хотите доктора Джонсона?» спросилъ шотландецъ. «Боже сохрани, отвѣчалъ Дилли, свести Джонсона съ мистеръ Уилксомъ? Довольно и того, что вашъ великій другъ извиняетъ намъ наши мнѣнія! Джонсонъ и Уилксъ! такая мысль можетъ войти только въ вашу голову!» — «Предоставьте это дѣло мнѣ, сказалъ Босвелль не безъ сладкаго самодовольства». — «Докторъ Джонсонъ скорѣе умретъ, нежели согласится?» — «А если онъ пріѣдетъ?» — «Тогда я васъ назову истиннымъ великимъ человѣкомъ, и буду вамъ обязанъ какъ за истинное наслажденіе!»

«Не смотря на мое безконечное уваженіе къ добродѣтелямъ и высокимъ достоинствамъ доктора Джонсона», разсказываетъ Босвелль, «я очень хорошо зналъ, что мой великій другъ часто бывалъ движимъ духомъ противорѣчія, и на этомъ пунктѣ основалъ главную, опорную точку всего предпріятія. Я былъ вполнѣ убѣжденъ, что еслибъ мнѣ пришлось сказать ему прямо: не желаете ли, сэръ, отобѣдать въ одной компаніи вмѣстѣ съ Джономъ Уилксомъ? предложеніе мое возбудило бы только гнѣвъ и рѣзкій отказъ. «Обѣдать съ Ванькой Уилксомъ? Сэръ, я согласенъ лучше сидѣть за однимъ столомъ съ Ванькой Кечемъ» *), отвѣтилъ бы мнѣ поэтъ. Потому-то я дождался вечера, удерживаясь говорить о приглашеніи, и только послѣ чаю, въ срединѣ тихой и спокойной бесѣды, началъ такъ: — Сэръ, мистеръ Дилли поручилъ мнѣ, во-первыхъ, передать вамъ свое глубокое почтеніе, а во-вторыхъ, сообщить, что онъ сочтетъ себя счастливымъ, если вамъ будетъ угодно отобѣдать у него въ будущую среду, вмѣстѣ со мною, передъ моимъ отъѣздомъ въ Шотландію. — Джонсонъ. Сэръ, я очень благодаренъ мистеру Дилли за его вниманіе и съ удовольствіемъ принимаю его приглашеніе. — Босвеллъ. Одно меня безпокоитъ въ этомъ случаѣ, сэръ: — общество, собирающееся обыкновенно у Дилли, будетъ ли для васъ пріятно? — Джонсонъ: Что вы толкуете, сэръ? Или вы принимаете меня за болвана? Или я такъ мало знаю свѣтъ, что захочу предписывать каждому джентльмену, какую именно компанію долженъ онъ приглашать на свои обѣды? — Босвеллъ. Я прошу у васъ извиненія, сэръ, — намѣреніе мое не было дурное. Я имѣю въ виду одно только: отстранить ваше свиданіе съ людьми, которые вамъ не нравятся. Можетъ-быть у ми-

*) Ванька Кечь (Jack Kitch) простонародное слово, означающее исполнителя смертныхъ приговоровъ или, попросту, палача.

стера Дилли будутъ нѣкоторые изъ его такъ называемыхъ друзей. — Джонсонъ. Ну, сэръ, что жь дальше? Мнѣ какое дѣло до его друзей; вы просто сошли съума! — Босвеллъ. Очень можетъ быть, сэръ, что за обѣдомъ будетъ находиться Ванька Уилькcъ. — Джонсонъ. Пускай за обѣдомъ будетъ находиться Ванька Уилькcъ, мнѣ какое до того дѣло. Любезный другъ, полноте говорить о такихъ пустякахъ. Мнѣ совѣстно сердиться на васъ; но съ какой стати вы-то смотрите на меня, какъ на медвѣдя, неспособнаго жить съ людьми?! — Босвеллъ. Еще разъ простите меня, сэръ; мое намѣреніе извиняетъ меня. Окончивъ это трудное дѣло, я побѣжалъ къ Дилли и сообщилъ ему, что Джонсонъ принялъ его приглашеніе съ удовольствіемъ.

«Наконецъ наступила такъ нетерпѣливо ожидаемая среда. По моему обыкновенію въ подобныхъ случаяхъ, я заѣхалъ къ доктору Джонсону за полчаса до обѣда, чтобъ не дать ему опоздать и взять его съ собой. Мой знаменитый другъ занятъ былъ установкою книгъ по шкафамъ; пыль покрывала его съ ногъ до головы; въ жару занятія, онъ, казалось, вовсе не помышлялъ ни объ обѣдѣ, ни о лицахъ, его ожидающихъ. «Какъ же это, сэръ, спросилъ я, или вы забыли, что мы приглашены къ мистеру Дилли?» — Джонсонъ. Сэръ, у меня изъ головы вышелъ вашъ мистеръ Дилли; я заказалъ обѣдъ дома, и буду обѣдать вмѣстѣ съ мистриссъ Уильямсъ. — Босвеллъ. Но, многоуважаемый сэръ, я уже успѣлъ передать мистеру Дилли ваше согласіе, онъ будетъ васъ ждать, и крайне огорчится вашей разсѣянностью. — Джонсонъ. Идите и толкуйте объ этомъ съ мистриссъ Уильямсъ.

«Задача была трудна и я начиналъ опасаться за осуществленіе всѣхъ своихъ плановъ. Уваженіе моего друга къ особѣ мистриссъ Уильямсъ было очень велико, и стоило ей сказать одно слово, чтобъ заставить его отказаться отъ нѣсколькихъ приглашеній. Стоило ей закапризничать, и все было кончено! Я бросился внизъ, къ слѣпой леди, и сообщилъ ей, что докторъ Джонсонъ, позабывъ данное слово, намѣревается обѣдать дома, къ великому огорченію, какъ моему, такъ и хозяина. «Да, сэръ, отвѣчала она сухо и непривѣтливо, докторъ Джонсонъ желаетъ обѣдать дома.» «Сударыня», возразилъ я, «мнѣ совершенно извѣстно, что если только вы пожелаете, докторъ Джонсонъ оставитъ всякое приглашеніе. Но вы счастливѣе насъ всѣхъ, вы больше всѣхъ насъ имѣете случаевъ пользоваться драгоцѣнными бесѣдами нашего друга, и потому уступите намъ хотя часть сегодняшняго дня. За что обижать и огорчать мистера Дилли, человѣка благороднѣйшаго и

всѣмъ сердцемъ привязаннаго къ доктору Джонсону? И наконецъ, сообразите весь ужасъ моего положенія: я обѣщалъ обрадовать всѣхъ собесѣдниковъ, пріѣхавъ съ нимъ вмѣстѣ; я передалъ Дилли, что его приглашеніе принято: мнѣ теперь остается только прослыть за лгуна и погибнуть въ общемъ мнѣніи. Мои просьбы были такъ горячи, что она наконецъ стала поласковѣе, и мало по малу смягчаясь, наконецъ вымолвила: «дѣйствительно, сообразивъ всѣ обстоятельства, я вижу, что ему слѣдовало бы ѣхать». Я устремился тотчасъ же наверхъ и засталъ доктора попрежнему посреди пыли и старыхъ книгъ; вся моя тревога не возбуждала въ немъ малѣйшаго сочувствія, но когда я передалъ слова мистриссъ Уилльямсъ, онъ громко закричалъ: «Франкъ, чистую рубашку!» и скоро былъ совершенно готовъ къ отъѣзду. Усадивъ его въ нанятую карету и самъ помѣстившись рядомъ, я радовался, какъ искатель богатыхъ невѣстъ, убѣдившій какую нибудь богатую наслѣдницу ѣхать съ нимъ въ Гретна-Гринъ.

Въ гостинной мистера Дилли было уже много народа, совершенно незнакомаго Джонсону, но каждый изъ гостей поклонился лексикографу съ безукоризненною вѣжливостью, и даже поглядѣлъ на него съ тѣмъ вниманіемъ, которое такъ нравится поэтамъ, ученымъ, художникамъ и вообще всѣмъ особамъ, имѣющимъ право на извѣстность въ обществѣ. Хозяинъ поспѣшилъ привѣтствовать Босвеллева ментора, и въ то самое время, когда онъ изъявлялъ ему свою признательность за посѣщеніе, докторъ Джонсонъ завелъ съ нимъ въ полголоса слѣдующій разговоръ: «Кто этотъ джентльменъ направо?» — Дилли. Сэръ, это мистеръ Артуръ Ли! Джонсонъ сталъ отдуваться изо всей силы. Артуръ Ли *), былъ *американецъ* по происхожденію. «А этотъ господинъ въ позументахъ?» — Дилли. Сэръ, это мистеръ Джонъ Уилькcъ. — Джонсонъ совершенно смѣшался, и взявъ первую изъ лежавшихъ на столѣ книгъ, принялся глядѣть въ нее. Однако онъ скоро оправился вѣроятно припомнивъ недавній свой разговоръ съ Босвеллемъ.

Портретъ *Ваньки Уилькса* читатель можетъ увидѣть въ полномъ собраніи гравюръ Гогарта, на послѣднихъ страницахъ. Физіономія нахальнѣйшей собаки во всей Англіи совершенно соотвѣтствовала нравственной сторонѣ памфлетиста: тощее, худое, искривленное лицо Уилькса скорѣе отличалось безобразіемъ, чѣмъ красотою, но въ чертахъ его было такъ много живости, веселости и

*) Въ послѣдствіи посолъ отъ Соединенныхъ Штатовъ при испанскомъ дворѣ. Ненависть Джонсона къ американцамъ началась со времени споровъ о тарифѣ, и чрезвычайно усилилась въ войну Великобританіи и ея колоній.

безграничной насмѣшливости, что оно сразу привлекало и приковывало къ себѣ глаза всякаго. Кафтанъ оратора, украшенный золотымъ шитьемъ и блестящими пуговицами, вообще изысканность въ нарядѣ, и манеры, бойкія, смѣлыя, но лишенныя всякой угловатости, показывали въ Уильксѣ истинно свѣтскаго человѣка. Онъ распорядился такъ, что когда гости пошли въ столовую, то докторъ Джонсонъ увидѣлъ себя возлѣ него, и имъ пришлось сидѣть рядомъ; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ маленькихъ угожденій, противъ которыхъ старый лексикографъ оказался совершенно безсильнымъ. Замѣтивъ, что его сосѣдъ кушаетъ съ изумительнымъ аппетитомъ, Уильксъ то и дѣло что предлагалъ Джонсону лучшіе куски съ каждаго блюда. «Сэръ, подвиньтесь немного въ мою сторону, вамъ будетъ просторнѣе. Вы совсѣмъ не взяли жиру, — позвольте мнѣ передать вамъ этотъ кусокъ ростбифа. Мнѣ хотѣлось бы предложить вамъ немного масла. Сэръ, я беру смѣлость посовѣтывать вамъ подлить сюда лимоннаго сока. Неужели вы не желаете, сэръ, отвѣдать вонъ того блюда?»

— Сэръ, сэръ, я очень много обязанъ вамъ, сэръ, благодарю васъ, сэръ, повторялъ Джонсонъ, кланяясь и поглядывая на своего сосѣда, сперва съ нѣкоторою строгостью, но потомъ не безъ замѣтнаго дружелюбія.

Скоро оба сосѣда и противника завязали между собою оживленную бесѣду, и какъ надо было ожидать, страдательнымъ лицомъ оказался въ ней преданный и всегда готовый сносить чужія шутки Босвелль: шотландецъ, потратившій столько усилій для сближенія двухъ знаменитостей очутился посреди перекрестнаго огня, направленнаго каждымъ изъ нихъ противъ его родины и соотечественниковъ. Уильксъ началъ жаловаться, для шутки, что весь Лондонъ наводненъ жителями Шотландіи, по случаю предстоящей повѣрки выборовъ «Я удивляюсь говорилъ онъ, зачѣмъ не издадутъ закона, чтобъ шотландскіе выборы и провѣрялись гдѣ нибудь въ Эдинбургѣ, на то у нихъ есть и Голирудъ и Аббатство; лучше кончать свои дѣла дома, чѣмъ наваливаться цѣлой толпой на нашу бѣдную столицу. Вотъ, напримѣръ, нашъ другъ Босвелль, для какой потребы онъ сюда притащился и когда онъ найдетъ время присутствовать при повѣркѣ голосовъ?» — Джонсонъ (*улыбаясь*). Сэръ, я съ своей стороны нахожу всякую повѣрку излишнею: что́ пользы, что вмѣсто одного шотландца будетъ выбранъ другой? Они всѣ одного покроя. — Уильксъ. Кстати, Босвелль, сколько можетъ получить въ годъ лучшій адвокатъ

шотландскаго суда? — Босвелль. Я думаю, что около двухъ тысячъ фунтовъ (12,000 р. с.) — Уильксъ. Теперь второй вопросъ: какимъ образомъ нужно ухитриться, чтобъ прожить двѣ тысячи фунтовъ въ Шотландіи? — Джонсонъ. Можете ли вы о томъ спрашивать, сэръ? Деньги, конечно, прожиты будутъ въ Англіи и, какъ слѣдуетъ, истрачены на крѣпкіе напитки; но тутъ рождается еще третій, чрезвычайно важный вопросъ: если одинъ индивидуумъ изъ числа шотландцевъ получитъ на свою долю двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, то что же придется на долю остальныхъ его соотечественниковъ? — Уильксъ (*продолжая смѣяться*). По всей вѣроятности, та же сумма, которая была накоплена во время послѣднихъ смутъ, отъ ограбленія семи шотландскихъ островов: именно *три шиллинга и шесть пенсовъ*. — Джонсонъ (*хохоча во все горло*). Ваша правда, сэръ, вы проникли въ сущность дѣла! — Артуръ Ли. Вы, вѣроятно, слыхали, господа, что между лицами, эмигрирующими въ Америку, бываетъ довольно много шотландцевъ. Я родился въ Америкѣ и довольно много видѣлъ на своемъ вѣку разныхъ переселенцевъ, но никто изъ нихъ не удивлялъ меня такъ, какъ шотландцы. Вообразите себѣ, что соотечественники нашего друга Босвелля постоянно выбираютъ мѣстами своихъ поселеній участки земли самые скудные, безлѣсные и безплодные. Неужели тутъ заключается нѣжное воспоминаніе о родинѣ? — Джонсонъ. Нѣтъ, сэръ, причина тому другая: то, что кажется вамъ безлѣснымъ и безплоднымъ участкомъ, кажется шотландцу эдемомъ въ сравненіи съ его роднымъ краемъ. — Босвелль. Сэръ, я знаю вашу манеру вѣчно льстить англичанамъ. Вы недавно прогулялись по Шотландіи, и что же? развѣ вы не нашли въ ней довольно пищи и всякаго рода напитковъ? — Джонсонъ. Какъ же, весьма довольно для того, чтобъ дать ея жителямъ довольно силы улизнуть изъ родного края. — Босвелль. Кстати о побѣгахъ: знаете ли вы, господа, что у насъ въ Шотландіи никто не можетъ быть арестованъ за долгъ безъ формальнаго, судебнаго разсмотрѣнія долга. Этого благодѣтельнаго закона не существуетъ въ Англіи! У насъ могутъ только въ такомъ случаѣ схватить человѣка за долгъ, если кредиторъ покажетъ подъ присягою, что его должникъ имѣетъ намѣреніе бѣжать. — Уильксъ. Въ такомъ случаѣ я готовъ поклясться, что каждый житель Шотландіи помышляетъ о бѣгствѣ изъ своего родного края. — Джонсонъ (*обращаясь къ Уильксу*). Я долженъ вамъ сообщить, сэръ, что постоянно прилагаю всѣ усилія къ *наибольшему просвѣщенію* моего друга Босвелля. Еще недавно мы съ нимъ ѣздили въ Личфильдъ гдѣ онъ ознако-

мился съ просвѣщенною жизнью нашихъ провинціальныхъ городовъ. Наша прямая обязанность — знакомить его съ нравами и обычаями образованныхъ частей свѣта; бѣдняжка проводитъ всю свою жизнь или съ дикарями въ Шотландіи, или съ буянами въ Лондонѣ. — Уилькcъ. И только изрѣдка дается ему на долю счастіе быть вмѣстѣ съ такими серьозными, умными, благовоспитанными людьми, какъ мы съ вами. — Джонсонъ *(улыбаясь)*. За то мы и совѣстимся бывать съ нимъ вмѣстѣ!

Стали говорить о біографіяхъ знаменитыхъ людей, и лексикографъ, въ то время обдумывавшій свое сочиненіе, планъ котораго данъ былъ королемъ Георгомъ *), сообщилъ по этому предмету нѣсколько любопытныхъ подробностей? Трудно представить себѣ, говорилъ онъ, сколько препятствій встрѣчаетъ у насъ литераторъ, взявшійся за дѣло, повидимому, весьма легкое, именно: собираніе свѣдѣній о жизни людей, имя которыхъ, повидимому, такъ почтенно и дорого каждому англичанину. Тому очень давно, я замышлялъ сочинить жизнь Драйдена, и натурально обратился за матеріялами къ двумъ старикамъ, помнившимъ поэта и пользовавшимся его знакомствомъ: къ директору Гэймаркетскаго театра Свиннэю и комическому писателю Сибберу. Первый изъ нихъ могъ сказать мнѣ только то, «что въ кофейномъ домѣ Уилля стоялъ стулъ, постоянно предназначенный для Драйдена; зимой его ставили къ огню, и называли зимнимъ стуломъ, а лѣтомъ выносили на балконъ, и именовали лѣтнимъ стуломъ». Сибберъ доставилъ свѣдѣній еще меньше. По его словамъ, Драйденъ имѣлъ видъ очень почтеннаго старичка, и обыкновенно рѣшалъ всѣ литературные споры между посѣтителями названной кофейни. — Босвеллъ. А между тѣмъ, Сибберъ былъ человѣкъ не безъ дарованія. — Джонсонъ. По временамъ да. Зато ему случалось писать вещи совершенно нелѣпыя. Разъ онъ прочелъ мнѣ свою оду, въ которой сравнивалъ себя съ малиновкой, залетѣвшей на Парнассъ потому, что она прицѣпилась къ крылу орла. Я сказалъ ему только, что древній поэтъ не сдѣлалъ бы подобнаго сравненія, а придумалъ бы какое нибудь другое, болѣе соотвѣтственное порядку вещей въ природѣ.

— Уилькcъ. Дѣйствительно, сэръ, писать о старыхъ поэтахъ весьма трудно; эти люди были скромны, по крайней мѣрѣ такъ слѣдуетъ о нихъ думать; никто изъ нихъ не помышлялъ о затрудненіяхъ біографовъ будущаго поколѣнія. Зато наши теперешніе

*) См. выше: свиданіе Джонсона съ королемъ. Книга эта была Lives of the poets.

писаки сами просятся въ разрядъ безсмертныхъ. Сколько мемоаровъ, сколько разсказовъ о себѣ, сколько писемъ, писанныхъ не для друзей, а для печати! Меня тошнитъ отъ всѣхъ этихъ дружескихъ писемъ, отъ этихъ корыстныхъ панегириковъ, отъ самолюбивыхъ разсчетовъ на одобреніе публики, тамъ гдѣ публикѣ нѣтъ до насъ дѣла. — Джонсонъ. Я вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ на злоупотребленіе корреспонденціи и на обращеніе ея во что-то литературное. Я давно думаю такимъ образомъ, и оттого никогда не стараюсь украшать своихъ писемъ. — Босвелль. Все равно, сэръ, каковы бы ни были ваши письма, онѣ явятся передъ публикою, вы можете въ томъ быть увѣрены. — Джонсонъ. А если онѣ никуда не годятся? — Босвелль *(улыбаясь)*. Все-таки публика будетъ изумлена и повторитъ извѣстные два стиха:

«Смотрите на чудо! вмѣсто остроумія и изящества, вотъ
двѣ скучныя строки, написанныя карандашемъ Стенгопа».

Уильксъ въ это время нагнулся къ Босвеллю и сказалъ въ полголоса, но такъ, чтобъ Джонсонъ могъ слышать его: «докторъ Джонсонъ такъ хорошо говоритъ о поэтахъ и ихъ біографахъ, что я съ нетерпеніемъ стану ждать выхода его новой книги. Кстати, Боцци, могъ бы вашъ другъ тогда подарить мнѣ одинъ экземпляръ: ему извѣстно, что я бѣдный патріотъ и не люблю тратить деньги на книги». Джонсонъ улыбнулся очень привѣтливо, и только что біографіи поэтовъ Англіи явились въ свѣтъ, одинъ изъ первыхъ экземпляровъ посланъ былъ когда-то ненавистному Ванькѣ Уилькcу *).

Обѣдъ кончился, но собесѣдники долго оставались за столомъ, наливая вино. Говорили о непомѣрномъ распространеніи города Лондона, и удивлялись тому, что не смотря на множество новыхъ зданій, улицъ и предмѣстій, народонаселеніе столицы не только не прибавилось въ послѣдніе годы, а напротивъ того значительно уменьшилось. — Джонсонъ. Статистическіе списки ведутся только *постоянному* населенію; надо смотрѣть не на число родившихся, а на число прибывающихъ изъ провинцій. — Босвелль. Великое число дѣтей умираетъ каждый годъ въ Лондонѣ. — Джонсонъ. Это истинна несомнѣнная. — Босвелль. Но эта смертность не препятствуетъ общей массѣ лондонскаго населенія отличаться здоровьемъ и крѣпкимъ сложеніемъ. Докторъ Прейсъ увѣряетъ, что разъ переживъ опасный возрастъ дѣтства, человѣкъ можетъ жить спокойно и не бояться лондонскаго климата. — Джонсонъ. Оно

*) Получивъ экземпляръ, Уилькcъ сдѣлалъ визитъ поэту, и принятъ былъ чрезвычайно ласково.

очень понятно сэръ. Одинъ великій путешественникъ разсказываетъ, что между американскими индѣйцами нѣтъ людей слабыхъ и болѣзненныхъ, причина этому, прибавляетъ онъ, заключается въ трудахъ, лишеніяхъ и грубой жизни. Вся хилая часть народа умираетъ въ дѣтствѣ, на землѣ остаются только субъекты, одаренные силою и здоровьемъ. Родись *я* индѣйцемъ, меня давно не было бы на свѣтѣ, мое зрѣніе сдѣлало бъ меня неспособнымъ добывать себѣ пищу охотой и рыбной ловлею. А еслибы я не умеръ самъ, какой нибудь добрый дикарь пристукнулъ бы меня, какъ существо безполезное себѣ и обществу. — Босвелль. Напротивъ, индѣйцы заботились бы о васъ со тщаніемъ, они любятъ ораторовъ и разскащиковъ, вамъ пришлось бы вести съ ними длинныя бесѣды. — Джонсонъ. Я успѣлъ бы погибнуть десять разъ, прежде чѣмъ оказаться способнымъ на какую нибудь бесѣду. Какой дикарь способенъ прокармливать больного и негоднаго ребенка до его совершеннолѣтія? Какой человѣкъ, лишенный благъ просвѣщенія, можетъ питать въ своемъ сердцѣ привязанность и состраданіе? — Босвелль. Онъ можетъ имѣть врожденное добродушіе. — Джонсонъ. Врожденная доброта — пустяки. Врожденныя чувства — нуль. Только доброта, внушенная правилами и сознаніемъ долга, бываетъ сильна и благотворна. — Артуръ Ли. Курица кормитъ своихъ цыплятъ, сама оставаясь голодною. — Джонсонъ. А почему вы знаете, сэръ, что курица голодна въ то время, когда ея цыплята ѣдятъ. Я скорѣе повѣрю, что пѣтухъ съ охотою отдаетъ свою пищу курицамъ. — Босвелль. Это происходитъ отъ угожденія женскому полу.

Вслѣдъ за тѣмъ Уильксъ разсказалъ нѣсколько литературныхъ анекдотовъ, которымъ мимика разскащика и забавное изложеніе придавали особенный интересъ. «Какъ-то двое писакъ, изъ которыхъ одинъ былъ родомъ шотландецъ, другой прибылъ къ намъ изъ Ирландіи, предприняли перевести извѣстное сочиненіе Дюгальда о Китаѣ. Одинъ изъ переводчиковъ, мистеръ Гринъ, не зналъ по французски, второй, мистеръ Готри, имѣлъ крайне смутное понятіе о языкѣ англійскомъ, а что̀ всего лучше, и тотъ и другой взаимно упрекали другъ друга въ такомъ невѣжествѣ. Тѣмъ неменѣе работа закипѣла, и книга пошла гулять по свѣту. На первыхъ ея страницахъ стояла фраза въ такомъ родѣ: «*Былъ двадцать шестой день новой луны*». Но какъ извѣстно, что лунный мѣсяцъ имѣетъ всего 28 дней, то пришлось признаться, что новая луна была весьма старой луною. Стали доискиваться, откуда взялся такой промахъ, и скоро великое невѣжество обоихъ перевод-

чиковъ вполнѣ обнаружилось: слово «neuvième lune» *девятая луна* была принята ими за «lune neuve» или «lune nouvelle».

«Около этого же времени многія англійскія книги были переведены на французскій языкъ, и, конечно, переводы были въ такомъ же родѣ. Ричардсонова Клариса явилась на французскомъ языкѣ въ довольно приличномъ видѣ. — Самолюбивый ея авторъ, узнавъ о такой чести, не спалъ нѣсколько ночей отъ восхищенія, и принялся любить Францію всѣмъ тѣломъ и всею душою. Одинъ разъ, во время обѣда въ его нордентскомъ загородномъ домѣ, какой-то молодой джентльменъ, недавно вернувшійся изъ Парижа, сообщилъ Ричардсону, что онъ видѣлъ экземпляръ Кларисы на столѣ у герцога Орлеанскаго. Романистъ даже поблѣднѣлъ, такъ силенъ былъ его восторгъ; но, къ сожалѣнію, всѣ гости въ это время заняты были своимъ разговоромъ, и новость, сообщенная путешественникомъ, не коснулась ничьихъ ушей. Выждавъ первую минуту молчанія, авторъ Памелы снова обратился къ порадовавшему его джентльмену, и спросилъ его, будто продолжая начатый разговоръ: «кажется, сэръ, вы мнѣ что-то изволили сказать по поводу моихъ сочиненій...» Всѣ гости обратили глаза на обоихъ собесѣдниковъ, ожидая услышать нѣчто необычайное. «Не стòитъ повторять, сэръ»! отвѣтилъ лукавый джентльменъ. Ричардсонъ такъ былъ обиженъ, что не сказалъ болѣе десяти словъ въ продолженіе всего дня».

Къ вечеру общество мистера Дилли оживилось прибытіемъ альдермана Ли и мистриссъ Ноульзъ, жены одного изъ извѣстнѣйшихъ квакеровъ того времени, молодой женщины, замѣчательной по своему уму и пріятной наружности. Уилльксъ, не оставляя своего новаго пріятеля, нашелъ время нетолько что сказать ей нѣсколько любезностей въ своемъ родѣ, но даже познакомить съ ней доктора Джонсона. Потомъ онъ взялъ свѣчу и принялся показывать лексикографу картины, висѣвшія въ гостинной. Чуть только между этими картинами попадалось изображеніе хорошенькой женщины, гуляка-ораторъ считалъ долгомъ поэту указать на мистриссъ Ноульзъ, будто приглашая произвести сравненіе между фантазіей живописца и привлекательною дѣйствительностью. Въ отвѣтъ на это лексикографъ пыхтѣлъ и улыбался, стараясь придать своей улыбкѣ нѣчто лукавое, Босвелль находился въ эмпиреяхъ.

Наконецъ, почти всѣ гости ушли. Дилли вышелъ въ свою контору за какимъ-то дѣломъ. Я тоже вышелъ на минуту, разсказываетъ Босвелль, и воротясь въ гостинную, увидѣлъ мистера Джона Уилькса и доктора Самуила Джонсона занятыхъ самымъ друже-

скимъ и пріятнымъ образомъ. Придвинувъ свои кресла одно къ другому, согнувшись и почти касаясь головами, они вели рѣчь о частныхъ неудовольствіяхъ, возникшихъ между королемъ Георгомъ Вторымъ и королемъ прусскимъ. Потомъ рѣчь перешла къ послѣдней рѣчи Борка, и Уильксъ насмѣшилъ поэта, выразившись такъ: «про Венеру Апеллеса говорили древніе, будто она вскормлена розами: Боркъ, по своимъ рѣчамъ, истинный ирландецъ, воспитанный на картофелѣ и стаканахъ виски».

Эта сцена трогательнаго согласія между двумя недавними непріятелями и постоянными антагонистами на всѣхъ поприщахъ заключала въ себѣ, по увѣренію Босвелля, нѣчто величественное совершенно заслуживая быть предметомъ превосходной картины. Она приводила ему на мысль тѣ счастливыя времена, *когда левъ лежалъ рядомъ съ ягненкомъ.*

Домой Джонсонъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Босвеллемъ, и ревностный поклонникъ лексикографа имѣлъ удовольствіе слышать своими ушами, какъ поэтъ сообщалъ мистриссъ Уильямсъ о пріятностяхъ только что проведеннаго дня и о блистательномъ обращеніи когда-то проклинаемаго Ваньки Уилькса. На слѣдующій день онъ еще вспоминалъ о вчерашнемъ обѣдѣ, и говорилъ госпожѣ Трэль: вы удивлялись, куда занесло вчера Джонсона? вы соображали, что могъ онъ дѣлать съ такимъ народомъ? Таковы житейскія странности: докторъ Джонсонъ сидѣлъ рядомъ съ Уильксомъ, и они вмѣстѣ подшучивали надъ шотландцами!

XII.

Литературные дилетанты. — Синіе чулки, — происхожденіе этого названія. — Миссъ Мери Монктонъ, ея гости и подруги. — Докторъ Стиллингфлитъ. — Вечеръ у синяго-чулка. — Вторженіе двухъ пьяныхъ джентльменовъ. — Разсужденіе о винахъ. — Джонсонъ, учащійся танцовать у Вестриса. — Лордъ Грагамъ. — Слонъ, пляшущій на канатѣ. — Поваренное искусство. — Книга о кухнѣ на философскихъ началахъ. — Геркулесъ съ веретеномъ. — Неприличные поступки Босвелля. — Хвастовство и наказаніе. — Стихи Босвелля. — Поѣздка въ Оксфордъ, привязанность Джонсона къ мѣсту воспитанія. — Память о немъ въ университетѣ. — Дилижансъ. — Удивленіе американской госпожи. — Жизнь туриста. — Невниманіе свѣта и претензіи авторовъ. — Невниманіе и невѣдѣніе. — Маленькая церковь возлѣ дороги. — Споръ по поводу архитектуры и ваянія. — Женскія работы. — Обѣдъ въ гостинницѣ, стихи Шенстона. — Университетская встрѣча. — Ректоръ Адамсъ. — Прогулка по университетскимъ заламъ. — Школьныя воспоминанія. — Воспоминанія Адамса о первыхъ трудахъ Джонсона. — Миссъ Адамсъ. — Острота доктора Барроуби. — Любезность стараго поэта. — Университетскія празднества.

Свиданіе съ Ванькой Уильксомъ и постоянная пріязнь, за нимъ послѣдовавшая, служатъ лучшимъ доказательствомъ тому, какъ

смягчился угловатый, угрюмый характеръ доктора Джонсона, вслѣдствіе ласковой угодливости, которую лондонской свѣтъ началъ оказывать старому и такъ долго неоцѣняемому ветерану словесности. Чѣмъ далѣе распространялась слава Джонсоновой бесѣды, тѣмъ болѣе у лексикографа являлось поклонниковъ и новыхъ знакомцевъ; аристократическія имена стали чаще попадаться въ ихъ числѣ; женщины, старыя и молодыя, ученыя и неученыя, не отставали отъ мужчинъ въ изъявленіяхъ сочувствія къ Босвеллеву другу и ментору.

По мѣрѣ того, какъ англійское общество покидало свое равнодушіе къ учености и литературнымъ вопросамъ, обширный классъ диллетантовъ науки и изящной словесности распространялся более и болѣе: всякій достаточный человѣкъ начиналъ помышлять о знакомствахъ съ людьми, извѣстными по своимъ дарованіямъ, и не одна хозяйка прилагала всѣ старанія къ тому, чтобы на ея вечерахъ бывали ученые люди. Нѣкоторыя изъ молодыхъ женщинъ простирали свою страсть къ писателямъ до нѣкотораго излишества; замѣтнѣйшими дамами въ этомъ родѣ были мистриссъ Трэль, миссъ Рейнольдсъ, сестра живописца, Анна Моръ сочинительница стихотвореній, существо, по своей миніатюрности и причудливости напоминающее извѣстную Бентину Брентано, и наконецъ миссъ Мери Монктонъ, дочь виконта Гальуэя, впослѣдствіи графиня Коркъ и Оррери. Вечера этой послѣдней особы были самыми блистательными послѣ вечеровъ мистриссъ Трэль; они назывались «Собраніями синихъ чулокъ», и отъ нихъ то произошло выраженіе «Bas-bleu», нынѣ извѣстное всей Европѣ, какъ синонимъ слова *ученая женщина*. Любопытно, однако, замѣтить, что первымъ синимъ чулкомъ была вовсе не женщина, а докторъ Бенджаменъ Стиллингфлитъ, авторъ нѣсколькихъ трактатовъ по части естественной исторіи; этотъ джентльменъ, постояннѣйшій изъ друзей миссъ Монктонъ, обладалъ такою веселостью, умѣлъ говорить такъ много и такъ мило, что безъ него собраніе не было собраніемъ. Стиллингфлитъ одѣвался чрезвычайно просто, и можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ городскихъ жителей при темномъ платьѣ носилъ темносиніе чулки, наподобіе крестьянскихъ; отчего на вечерахъ миссъ Монктонъ часто повторялось: мы не можемъ жить безъ синихъ чулокъ, сегодня бесѣда идетъ плохо: нѣтъ синихъ чулокъ. Миссъ Анна Моръ окончательно прославила синіе чулки въ своей поэмѣ Bas-Bleu, поэмѣ довольно интересной, если къ ней имѣть комментаріи современниковъ. Джонсонъ бывалъ у миссъ Монктонъ когда только позволяли ему занятія; дамы были отъ него въ востор-

гѣ, и говорили, что бесѣда поэта подобна жаркой природѣ тропическихъ странъ, богатыхъ сильною, блистательною растительностью, — но въ тоже время обильныхъ неожиданными грозами, дождями и другими атмосферическими суматохами. Одинъ разъ, когда лексикографъ, окруженный своими новыми и старыми поклонницами, пилъ у миссъ Монктонъ чай и утѣшалъ всю компанію длинными монологами самаго разнообразнаго содержанія, произошелъ случай, чрезвычайно характеризующій оригинальные нравы того времени: Джемми Босвелль явился на вечеръ въ совершенно пьяномъ видѣ, шатаясь и смѣясь пробрался къ хозяйкѣ, объявилъ, что былъ въ тотъ день на обѣдѣ у лорда Монтроза, гдѣ вся благородная компанія нарѣзалась отчаяннѣйшимъ образомъ, а вслѣдъ за тѣмъ принялся говорить миссъ Монктонъ великія нѣжности. Вмѣстѣ съ шотландцемъ ввалился въ гостинную молодой лордъ Грагамъ, въ еще болѣе непозволительномъ видѣ; онъ также обѣдалъ у весельчака Монтроза, и былъ свидѣтелемъ, какъ большая часть собесѣдниковъ свалилась подъ столъ. Появленіе обоихъ пріятелей, вмѣсто того, чтобъ поразить собраніе, только усилило общую веселость; миссъ Монктонъ не преминула спросить у Босвелля, не было ли за столомъ ссоры, и какое вино онъ пилъ преимущественно передъ другими напитками. — Босвелль. Я всегда держусь изрѣченія моего великаго друга Джонсона: «кларетъ для мальчишекъ, портвейнъ для мужчинъ, водка для героевъ!» — Лордъ Грагамъ. Такъ я всегда буду пить кларетъ, чтобы снова быть мальчикомъ, чтобъ перенестись къ золотымъ днямъ дѣтства. — Джонсонъ *(смѣясь)*. Милордъ, отъ кларета мальчишка не сдѣлается мужчиной, а мужчина мальчишкой. Я боюсь, что вы скорѣй потонете въ кларетѣ, чѣмъ придете отъ него въ опьяненіе.

Вслѣдъ за тѣмъ пьяный лордъ пустился бродить по гостинной, подсаживаясь къ каждому изъ собесѣдниковъ, кромѣ Джонсона, показывая какой-то лоскутокъ печатной бумаги, что-то говоря шопотомъ и повторяя: спросить или не спросить? Босвелль подошелъ къ нему и сказалъ: да спрашивайте, не то я спрошу. — Анна Моръ. Куда вамъ спросить; Джонсонъ васъ выдеретъ за уши. — Босвелль. Я не боюсь доктора Джонсона, — онъ мой другъ, мы Орестъ и Пиладъ... не было въ мірѣ примѣровъ подобной дружбы. — Грагамъ. Боцци напился и хвастается. — Миссъ Монктонъ. А самъ дрожитъ при одномъ взглядѣ на своего Пилада. — Босвелль. Я не дрожу ни передъ кѣмъ въ мірѣ — хотите сейчасъ спрошу, — дайте мнѣ газету.

Но уже лордъ Грагамъ стоялъ возлѣ кресла, на которомъ си-

дѣлъ старый поэтъ, и почтительно выждавъ время, чтобъ не перебить Джонсоновой рѣчи, обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: «Правда ли, сэръ, что къ вамъ секретно ѣздитъ monsieur Вестрисъ *) и вы берете у него уроки танцованія?» Мысль была дѣйствительно смѣшна, но хохотъ замеръ на устахъ собесѣдниковъ, когда Джонсонъ, вспыльчиво повернувшись, сказалъ своимъ громкимъ, грубымъ голосомъ: «Какъ можете вы, милордъ, подходить ко мнѣ съ такимъ глупымъ вопросомъ?» Къ счастію, лексикографъ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа: примѣтивъ общее смущеніе, онъ повторилъ свой вопросъ болѣе ласковымъ тономъ, а сверхъ того еще весело улыбнулся.

Видя, что его смѣлая выходка принята безъ особеннаго гнѣва, лордъ вынулъ изъ кармана листокъ газеты, въ которой было написано, въ отдѣлѣ мелкихъ извѣстій, о Вестрисѣ и танцахъ доктора Джонсона. — Джонсонъ *(смѣясь)*. Я намѣренъ наказать клеветника и сочинить опроверженіе... впрочемъ нѣтъ, опровергать эту новость значитъ вредить и себѣ и Вестрису. Въ самомъ дѣлѣ, почему доктору Джонсону не прибавить къ своимъ моральнымъ дарованіямъ нѣсколько тѣлесныхъ совершенствъ? Сократъ учился плясать въ старости, и Катонъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ принялся за изученіе греческаго языка. Я не вижу причины, почему здѣсь не сказано, что докторъ Джонсонъ, не довольствуясь танцами по землѣ, учится плясать на канатѣ. Одинъ очень извѣстный намъ человѣкъ, именно лордъ Грилитонъ, сочинилъ глупѣйшую комедію: «Любовь въ дуплѣ»; піеса была такъ нелѣпа, что онъ опомнился и сжегъ всѣ экземпляры, кромѣ одного, какъ то попавшагося въ руки герцогини Мальбороу. Какова же была досада бѣднаго автора, когда во время первыхъ за тѣмъ выборовъ въ члены парламента, противники его издали въ свѣтъ его несчастную «Любовь въ дуплѣ», съ картинкою, изображавшею слона, пляшущаго на канатѣ, — намекъ довольно ѣдкій и удачный!

— Миссъ Монктонъ. Я не нашла бы ничего страннаго, еслибъ докторъ Джонсонъ въ самомъ дѣлѣ захотѣлъ танцовать и потому взялъ нѣсколько уроковъ у Вестриса. Геній нашего великаго и любезнаго поэта не знаетъ преграды, онъ великъ и въ высокихъ и въ малыхъ предметахъ. Передъ приходомъ лорда мы говорили о поваренномъ искусствѣ, и докторъ Джонсонъ удивилъ

---

*) Знаменитѣйшій танцовщикъ парижской оперы. Въ письмахъ Карамзина изъ-за границы можно найти свѣдѣнія о чрезвычайныхъ, непонятныхъ, по нашему вкусу, успѣхахъ Вестриса.

насъ всѣхъ глубокими познаніями въ этомъ дѣлѣ. — Босвелль. О! о! *мой другъ Джонсонъ* великій человѣкъ, но въ отношеніи хорошаго стола съ нимъ можно не поладить: онъ не пьетъ вина, а что значитъ угощеніе безъ вина, не правда ли? — Джонсонъ *(строго)*. Сэръ, въ обществѣ не принято называть старшихъ *моимъ другомъ*, а что касается до угощенія безъ вина, вы намъ очень показали, что, къ несчастію, не любите такихъ угощеній. — Босвелль. Мой многоуважаемый другъ, лордъ Монтрозъ, у котораго мы такъ славно обѣдали, — одного со мной мнѣнія. — Джонсонъ. Сэръ, такъ идите къ лорду Монтрозу, или, что вамъ нужнѣе, къ себѣ спать. — Босвелль *(глядя на хозяйку)*. Мнѣ ли спать, когда я сижу между мудростью и прелестью. — Анна Моръ. Я вижу, что вы неисправимы, Боцци. Однако мы говорили о поваренномъ искусствѣ и о свѣдѣніяхъ доктора Джонсона.

— Джонсонъ. Мои свѣдѣнія не такъ велики, какъ о томъ было угодно сказать нашей хозяйкѣ; я только смотрю на поваренное искусство съ общей точки зрѣнія. Я бы желалъ когда нибудь написать книгу о кухнѣ, книгу, основанную на философскихъ началахъ. Взгляните, какъ съ недавняго времени упростилась аптекарская наука; то же должно быть и съ поваренною. Теперешніе рецепты медиковъ, состоящіе изъ пяти ингредіентовъ, имѣютъ то же значеніе, что прежніе рецепты изъ пятидесяти составныхъ частей. Если хорошенько разобрать составныя части каждаго блюда, можно уменьшить число частей, и достигнуть того же результата. Потомъ, въ моей книгѣ я указалъ бы, какъ узнавать достоинства мяса и домашней птицы, въ какіе мѣсяца сажать и снимать овощи, и какъ ихъ варить повкуснѣе. Вы увидите, какова будетъ моя книга; остается только согласиться съ мистеромъ Дилли въ цѣнѣ изданія. — Миссъ Монктонъ. Вы хотите представить изъ себя Геркулеса съ веретеномъ. — Джонсонъ. Не совсѣмъ: всякая женщина можетъ владѣть веретеномъ, но ни одна не напишетъ книги о поваренномъ искусствѣ. Я не шутя увѣренъ, что подобный трудъ можетъ доставить мнѣ много удовольствія. — Миссъ Анна Моръ. А если можетъ доставить, то принимайтесь за работу; не всѣ ли ощущенія равны, если онѣ доставляютъ намъ равное удовольствіе. Маленькая миссъ, которая является на балѣ въ новомъ платьѣ, наслаждается столько же, сколько великій ораторъ послѣ удачной и восторженно-встрѣченной рѣчи. — Джонсонъ. Два стакана съ водой, большой и маленькій, равно полны, однако, количество содержимой въ нихъ жидкости неодинаково. Вотъ опроверженіе вашей мысли и однороднаго съ нею афоризма Давида Юма.

Между тѣмъ, Босвеллъ продолжалъ разсыпаться въ любезностяхъ то передъ той, то передъ другой дамою; но чѣмъ болѣе шумѣло въ головѣ добраго шотландца, тѣмъ сильнѣе разбирала его охота хвастаться передъ другими гостями своей великой дружбой съ лексикографомъ. «Наконецъ,—здѣсь мы приводимъ отрывокъ изъ его собственныхъ наивныхъ признаній—снова пробравшись сквозь толпу, состоявшую изъ многихъ лицъ, между которыми (я со стыдомъ вспоминаю) находилась одна благородная леди, исполненная правилъ самаго величественнаго этикета, — я помѣстился совершенно близко къ доктору Джонсону, и считая себя вполнѣ достойнымъ состязаться съ такимъ собесѣдникомъ, началъ болтать громко и самымъ хвастливымъ образомъ, стараясь показать, какъ я достоинъ состязаться на словахъ съ такимъ *Аяксомъ*. Въ особенности я припоминаю, какъ я старался истолковывать прелести удовольствій воображенія, а въ видѣ поясненія своихъ заключеній, спросилъ у него: «Неужели, сэръ, еслибъ мнѣ вообразилось, что въ меня влюблена *** (тутъ я назвалъ прелестнѣйшую герцогиню изо всѣхъ владѣній короля Великобританіи), вы и тогда не согласились бы назвать меня счастливымъ человѣкомъ?» Это было уже черезчуръ; компанія, ненаходившая страннымъ вторженіе въ гостинную двухъ пьяныхъ джентльменовъ, очень оскорбилась выходкою шотландца, осмѣлившагося предположить, что одна изъ герцогинь въ него влюбится. «Мой великій другъ, продолжаетъ Боцци, избѣгалъ разговора со мною съ великимъ искусствомъ; онъ не терялъ хладнокровія, но легко вообразить, что *долженъ былъ онъ чувствовать!* Однако, когда спустя нѣсколько дней, я зашелъ къ нему и попросилъ извиненія въ своихъ рѣчахъ, онъ обошелся со мною очень ласково».

Передъ миссъ Монктонъ нашъ другъ извинился болѣе оригинальнымъ образомъ, то-есть принесъ ей стихи своего сочиненія и вручилъ ихъ съ колѣнопреклоненіемъ. Чтобъ познакомить читателей съ стихотворнымъ талантомъ Босвелля и дополнить эффектъ только что описаннаго вечера, выписываемъ эпистолу въ честь дѣвицы Монктонъ, какъ мы уже сказали, одной изъ предводительницъ синихъ чулокъ стараго времени.

To the honourable miss Monckton

Не оттого, что я имѣлъ счастіе
Обѣдать съ хлѣбосоломъ Монтрозомъ,
Не оттого, что я поздно всталъ изъ-за стола,
Оставивъ доброе вино и шутки Грагама;
Не вслѣдствіе однихъ этихъ причинъ,

Я нарушилъ священные законы приличія,
И испыталъ то, чего боюсь больше всего, —
Молчаливый упрекъ Джонсона и собственное осужденіе!
Потому, что когда я вошелъ со всей смѣлостью
Ваши глаза бросали такіе лучи свѣта,
Что на меня нашло опьяненіе
И пламень охватилъ меня всего!
Но пламень этотъ не былъ блестящимъ пламенемъ;
Я стыжусь его удушливаго дыма;
Я превратился въ унылую развалину,
Сгорѣвшую отъ огня, но неосвѣщенную огнемъ.
О, я надѣюсь, вы простите, Марія,
Жертву вина и жертву любви;
Я же стану призывать небесныя силы,
Чтобъ съ этихъ поръ вести себя разумнѣе.

Теперь, въ заключеніе нашего разсказа о золотыхъ дняхъ старика Джонсона, не мѣшаетъ передать читателямъ одинъ изъ трогательнѣйшихъ эпизодовъ въ жизни стараго поэта, именно его поѣздку съ Босвеллемъ въ Оксфордъ, мѣсто его воспитанія.

Привязанность знаменитыхъ англичанъ къ университетамъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ провелъ лучшіе годы своей юности — понятна всякому, потому что всякій изъ людей образованныхъ постоянно питаетъ болѣе или менѣе нѣжное чувство къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ впервые пришлось ему извѣдать сладость науки, пріобрѣсти вѣрныхъ товарищей всей жизни, насладиться первымъ развитіемъ юношеской силы и юношескихъ стремленій. Поэтическая сторона древнихъ университетовъ Великобританіи, съ такой религіозной пунктуальностью сохраняющихъ всѣ древніе обычаи, хорошо извѣстна; каждая мелочь, частность въ этихъ гигантскихъ учрежденіяхъ дѣйствуетъ на душу учащихъ и учащихся, переноситъ ихъ въ особенный міръ чистой и старинной науки, міръ отрадный, блестящій и успокоительный, но не исключающій ни веселости, ни забавъ общежитія. Вся обстановка англійской университетской жизни: готическія зданія, изображающія собою цѣлый городъ посреди города, обширные сады и рощи, костюмы профессоровъ и студентовъ, напоминающіе собой отдаленное время, диспуты на древнихъ языкахъ, спектакли, въ которыхъ разыгрываются драмы Софокла и комедіи Теренція, строгая, даже желѣзная дисциплина, смягчаемая общею дружбою, колоссальныя библіотеки, почти неимѣющія себѣ равныхъ во всемъ мірѣ, общіе столы и ночныя бесѣды подъ открытымъ небомъ, — всѣ эти поэтическія

подробности строгой и даже исключительной жизни будто созданы для того, чтобъ удобнѣе врѣзываться въ память воспитанниковъ, и сохраняться на вѣчныя времена, не измѣняясь и не слабѣя при всѣхъ переворотахъ и волненіяхъ самой бурной, самой озабоченной жизни. И привязанность великихъ людей къ мѣсту ихъ воспитанія не остается нераздѣленною, по крайней мѣрѣ въ Англіи — отдаленныя поколѣнія наставниковъ и студентовъ чтятъ память тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ, которые прославили себя и свою коллегію; въ честь этихъ людей посвящаются надписи на стѣнахъ, ихъ бюсты ставятся въ рефекторіи, ихъ комнаты и любимыя мѣста прогулокъ показываются туристамъ. И когда одинъ изъ такихъ людей, состарѣвшійся на поприщѣ государственной дѣятельности или увѣнчанный лаврами поэзіи, пріѣзжаетъ взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ онъ приготовился къ труду своей полезной жизни,—весь университетъ приходитъ въ волненіе; депутаціи отъ коллегій встрѣчаютъ его у входа, а начальникъ той коллегіи, въ которой воспитывался знаменитый посѣтитель, беретъ на себя, по праву, обязанность помѣстить у себя, привѣтствовать и угощать гостя. Если докторъ Джонсонъ съ отрадою вспоминалъ объ Оксфордѣ, зато и Оксфордъ его помнилъ. Университетъ, не ожидая домогательствъ, давно уже почтилъ его званіемъ доктора (of the Civil Law), а комната, въ которой помѣщался будущій лексикографъ и авторъ Расселаса, поступила въ разрядъ университетскихъ достопримѣчательностей, подъ названіемъ комнаты доктора Джонсона.

Итакъ, въ одно свѣтлое весеннее утро, въ мартѣ 1776 года, Босвелль и Джонсонъ, оба въ дорожныхъ костюмахъ и съ чемоданами, за которыми смотрѣть поручено было извѣстному уже намъ негру Франку Барберу, сошлись въ сомерсетскомъ кофейномъ домѣ, (strand), мимо котораго должна была проѣхать оксфордская карета. Когда экипажъ подъѣхалъ, оказалось, что именно два мѣста были свободны, остальныя же два или, скорѣе, три мѣста *) заняты были дамою среднихъ лѣтъ, по имени мистриссъ Берсфордъ, съ дочерью, и архитекторомъ мистеромъ Гвиномъ, уже знакомымъ Босвеллю. Мистриссъ Берсфордъ, недавно прибывшая изъ Америки, смотрѣла на все съ необыкновеннымъ любопыт-

*) Извѣстно, что внутри старинныхъ англійскихъ дилижансовъ, не смотря, что внутреннихъ мѣстъ считалось только четыре, помѣщалось гораздо болѣе четырехъ лицъ, по усмотрѣнію разсчетливаго кондуктора. Этотъ обычай изображенъ въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ рисунковъ Гогарта.

ствомъ, и даже прочитала надписи на чемоданахъ новыхъ пассажировъ, и замѣтивъ на одномъ изъ нихъ имя Джонсона, спросила шотландца въ полголоса: «Скажите мнѣ, сэръ, вашъ товарищъ Джонсонъ?—великій докторъ Джонсонъ?» Лексикографъ услышалъ вопросъ и былъ имъ очень доволенъ.

Когда карета миновала заставу и быстро понеслась между безконечнымъ рядомъ загородныхъ парковъ, виллъ и коттеджей, Джонсонъ, до тѣхъ поръ только пыхтѣвшій и болтавшій головою во всѣ стороны, сталъ принимать дѣятельное участіе въ разговорѣ. «Если бы, сказалъ онъ между прочимъ:—если бы я не имѣлъ никакихъ обязанностей и не считалъ себя связаннымъ съ потомствомъ, я бы проводилъ всю свою жизнь въ почтовомъ экипажѣ, катаясь во весь духъ по разнымъ краямъ, гдѣ только дороги гладки.»—Босвеллъ. И вы не скучали бы сидя одни, сэръ.—Джонсонъ *(улыбаясь)*. Сэръ, я не хотѣлъ бы ѣздить одинъ, я хотѣлъ бы имѣть въ пути возлѣ себя молодую, прекрасную женщину, и даже желалъ бы, чтобъ она была образована и принимала участіе въ бесѣдѣ. — Босвеллъ. Сэръ, я нахожу, что вы напрасно не путешествуете, если любите путешествовать: вы считаете себя обязаннымъ свѣту и для него лишаете себя развлеченій, а между тѣмъ, что̀ свѣтъ для васъ сдѣлалъ? чѣмъ наградилъ онъ ваши труды? Далъ ли онъ вамъ въ награду за все, что̀ вы ему дали полезнаго, знатность, или хотя богатство?—Джонсонъ. Сэръ, вы говорите глупости или, лучше сказать, сами не знаете, что болтаете. Никто не имѣетъ права разбирать дѣйствій и побужденій человѣка, если онъ самъ того не желаетъ. Я не искалъ свѣта, и свѣту не зачѣмъ было искать во мнѣ; онъ больше для меня сдѣлалъ, чѣмъ бы я могъ ждать. Всѣ жалобы людей на равнодушіе свѣта глупы и несправедливы. Я не зналъ ни одного достойнаго человѣка, обиженнаго невниманіемъ свѣта; по большей части недостатокъ успѣха происходитъ отъ собственныхъ ошибокъ. Всякій человѣкъ можетъ спрятать свою голову въ какую нибудь дыру, уѣхать въ деревню, издать двѣ пустыя книжонки, и потомъ жаловаться на невниманіе общества. Нѣтъ причины, чтобъ тотъ или другой членъ общества заботился объ авторѣ понравившейся ему книги,—потому нѣтъ причины, что книга писана не для него одного, а для всѣхъ читателей. Послѣ этого, отчего не давать что нибудь почтальону, который приноситъ вамъ письмо? Когда меценатство было въ ходу, авторы жаловались на недостатокъ меценатовъ. Такая жалоба не имѣла основанія: меценатъ могъ не заботиться о жалующемся поэтѣ и имѣть у себя другихъ поэтовъ.

Истинное дарованіе никогда не будетъ непризнаннымъ. — Гвинъ. Однако, вы согласитесь, сэръ, что есть много даровитыхъ адвокатовъ безъ дѣла; отчего это происходитъ? — Джонсонъ. Сэръ, это происходитъ отъ невѣдѣнія, а не отъ невниманія. Даровитый адвокатъ безъ дѣла, значитъ не показалъ своего дарованія. Имъ никто не пренебрегаетъ. Можно привести на рынокъ хорошую лошадь и не продать ее, потому что никто не различилъ ея достоинствъ. Тутъ не невниманіе, а незнаніе всему виною.

Вслѣдъ за тѣмъ архитекторъ указалъ своимъ спутникамъ небольшую церковь подлѣ дороги, говоря, что ему поручено сломать ее и отнести зданіе въ сторону, такъ какъ на настоящемъ мѣстѣ должна проходить еще одна дорога къ мосту, значительно сокращающая разстояніе. — Джонсонъ. Сэръ, вамъ не слѣдовало браться за такое дѣло; вы относите церковь отъ дороги затѣмъ, чтобъ какому нибудь праздношатающемуся было ближе пройти къ мосту. Я не одобряю ни плана, ни исполнителей. — Гвинъ *(улыбаясь)*. Позвольте съ вами поспорить, сэръ. Новая церковь будетъ всетаки около главнаго пути. Кромѣ того, новая церковь будетъ обширнѣе и красивѣе этой, — ее будутъ строить въ самомъ готическомъ стилѣ.

Мистриссъ Берсфордъ, совершенно приведенная въ восторгъ, поминутно шептала своему сосѣду Босвеллю: «ахъ какъ онъ говоритъ, что̀ за великій человѣкъ этотъ Джонсонъ». Но мистеръ Гвинъ долгомъ счелъ заступиться за родныя ему художества. «Какъ, сэръ? спросилъ онъ Джонсона, вы рѣшительно отвергаете всю красоту, все достоинство ваянія и архитектуры? Такъ позвольте же мнѣ отвергнуть всю пользу литературы. Для чего, работая, вы придумываете блестящія аллюзіи, остроумныя сближенія, прекрасныя описанія, щегольской оборотъ фразы? Лучше передавайте намъ науку безъ всякихъ украшеній? — Джонсонъ. Сэръ, въ литературѣ эти орнаменты нужны какъ оболочка истины; безъ нихъ истина не будетъ такъ доступна, но строеніе, украшенное вычурнымъ образомъ, не пріобрѣтетъ отъ своихъ украшеній никакого удобства, никакой выгоды. (Обращаясь къ мистриссъ Берсфордъ, которая, не переставая слушать, вынула свое вязанье и принялась прилежно работать). Тоже самое могу я замѣтить и о вашемъ теперешнемъ трудѣ, сударыня. Послѣ совершенной лѣности, я не знаю безполезнѣе женскихъ работъ, особенно вязаными, Мистриссъ Берсфордъ весьма сконфузилась и хотѣла прекратить почти работу, но Джонсонъ остановилъ ее, прибавивъ: «а межъ въ разго-

меня самого учили вязать: сестра мистеръ Демстера *) занималась этимъ, но скоро должна была признаться, что ученикъ не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ». — Гвинъ. Не оттого ли, сэръ, вы такъ и нападаете на женскія работы? Ужь не принимались ли вы когда нибудь и за ваяніе? Лексикографъ былъ очень доволенъ веселостью своего спорщика-художника.

Пришло время обѣда, и путешественники остановились у красивой, чистой, отлично устроенной гостинницы. Обѣдъ былъ вкусенъ, вино старое, всѣ приказанія проѣзжихъ исполнялись съ похвальною быстротою. Джонсонъ сказалъ, что по части гостинницъ Англія не имѣетъ равной себѣ страны на всемъ земномъ шарѣ. Во Франціи, прибавилъ онъ, нѣтъ гостинницъ; тамъ путешественникъ встрѣчаетъ только однѣ грязныя харчевни **). Наслажденія, доставляемыя человѣчеству въ дорогѣ хорошими тавернами и гостинницами, неисчислимы. Нельзя не припомнить по этому случаю прелестной строфы Шенстона ***).

Кто достаточно изъѣздилъ трудный жизненный путь,
Какъ разнообразно ни было его путешествіе,
Долженъ со вздохомъ признаться въ томъ,
Что всего теплѣе принимали его — въ гостинницахъ!

Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго переѣзда, оксфордскія строенія и между ними величавое, древнее зданіе университета, окруженное болѣе современными зданіями новыхъ коллегій и профессорскихъ домовъ, представилось нашимъ путникамъ; за готическими стѣнами и башнями храма науки виднѣлись сады и луга, составлявшія собственность университета. Джонсонъ и Босвелль

---

*) Джонсонъ Демстеръ, членъ парламента, пріятель Босвелля и Джонсона. Онъ былъ извѣстенъ какъ любитель литературы, въ молодости своей занимался сочиненіемъ стиховъ и критическихъ брошюрокъ. Добродушіе или скорѣй мягкость Демстера вошли въ поговорку; нерѣдко, обругавъ какого нибудь плохого поэта, онъ самъ о томъ жалѣлъ и выискивалъ всѣ средства залечить рану, нанесенную чужому самолюбію.

**) Въ 1775 году, докторъ Джонсонъ сдѣлалъ, вмѣстѣ съ семействомъ Трэль, небольшую поѣздку на твердую землю, при чемъ посѣщенъ былъ Парижъ. Мы умолчали объ этомъ событіи изъ жизни поэта, во-первыхъ, потому, что Босвелль не участвовалъ въ поѣздкѣ, во-вторыхъ, оттого, что самъ Джонсонъ оставилъ о ней только малыя, короткія свѣдѣнія, въ родѣ самаго сокращеннаго дневника. [illegible]онсонъ во время этой поѣздки не хотѣлъ ни съ кѣмъ говорить по-французски, и нибу лишилъ себя почти всякой пользы и рѣшительно всѣхъ наблюденій надъ натсти сосѣдей.

натовъ ***) Вилліамъ Шенстонъ, извѣстный поэтъ и эссеистъ того времени, авторъ ботиться «Essays on Men and Manners». Джонсонъ оставилъ намъ его біографію.

пошли пѣшкомъ до главныхъ воротъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ съ радостнымъ привѣтствіемъ докторъ богословія Адамсъ, престарѣлый ректоръ Пемброкской коллегіи, бывшій уже въ ней профессоромъ, когда поэтъ только что поступилъ въ нее. Оба старика прослезились, оба мысленно перенеслись болѣе чѣмъ за полвѣка назадъ; ветеранъ-ректоръ первый прервалъ трогательное молчаніе, объявивъ, что согласно всѣмъ постановленіямъ, обычаямъ и наконецъ, влеченію собственнаго сердца, предлагаетъ свой домъ въ полное распоряженіе Джонсона на все время его пребыванія въ стѣнахъ Оксфорда. Вслѣдъ за тѣмъ старикъ сказалъ нѣсколько дружескихъ словъ уже знакомому ему Босвеллю, также предложивъ ему помѣщеніе въ своемъ домѣ, и повелъ обоихъ пріятелей въ залы ввѣренной ему коллегіи. Профессора и студенты оставили занятія, и въ своихъ длинныхъ академическихъ хламидахъ устремились навстрѣчу гостю, прославившему ихъ ученую отчизну (alma mater). Между профессорами и баккалаврами находилось много лицъ, знакомыхъ лексикографу по Лондону, но изъ особъ, находившихся въ Оксфордѣ во время его тамъ воспитанія, докторъ Адамсъ остался почти одинъ. Само собой разумѣется, что осмотръ коллегіи не обошелся безъ воспоминаній о занятіяхъ и мечтаніяхъ молодости.

«На этомъ мѣстѣ, говорилъ Джонсонъ, проходя общую рекреаціонную залу, между тѣмъ, какъ многочисленная толпа, сопровождавшая его обходъ, ловила каждое слово стараго поэта, на этомъ мѣстѣ я обыкновенно игралъ съ двумя изъ моихъ товарищей Джонсомъ и Флудайеромъ. Что сдѣлалось съ ними, живы ли они? Джонсъ слишкомъ любилъ пиво и недалеко подвинулся въ адвокатскомъ званіи; Флудайеръ, какъ мнѣ говорили, пошелъ еще хуже: бездѣльникъ сдѣлался вигомъ и разсказываетъ, что стыдится своего воспитанія въ Оксфордѣ. — Босвелль. И если вы играли съ ними на деньги, эти молодцы вѣрно плутовали? — Джонсонъ. Сэръ, мы никогда не играли на деньги, надѣюсь, что и теперь нѣтъ этого обычая въ коллегіи.

— Докторъ Адамсъ. Я помню вечеръ, въ который поступилъ къ намъ докторъ Джонсонъ; помню его какъ вчера, а не за пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Прежде всего, отецъ поручилъ новаго воспитанника одному изъ старшихъ учителей, мистеръ Джордену; потомъ онъ разсказалъ, что его сынъ умѣетъ писать латинскіе стихи. Манеры молодого человѣка сперва показались намъ странными, но онъ велъ себя очень скромно, и первые дни не говорилъ почти ничего. Одинъ разъ, за общимъ обѣдомъ, онъ вступилъ въ разго-

воръ, и удивилъ насъ совершенно вѣрными цитатами изъ Макробія. — Джонсонъ. Я это хорошо помню, помню и то, какъ я не поладилъ съ Джорденомъ. — Адамсъ. Вы не хотѣли посѣщать его лекцій, и когда было объявлено, что по законамъ коллегіи платится штрафъ за каждую пропущенную лекцію, докторъ Джонсонъ выразился такъ: «Этотъ пустомеля заставляетъ меня терять два пенса за лекцію, нестоющую одного пенни». — Джонсонъ. Сэръ, я не могъ сказать этого; теперь я могу признаться, что очень боялся мистера Джордена: у меня всегда билось сердце, когда онъ начиналъ дѣлать мнѣ выговоры.

Остальная часть вечера проведена въ домѣ доктора Адамса, куда приглашены были замѣчательнѣйшія изъ лицъ, принадлежащихъ къ университету. Во время оживленнаго разговора, престарѣлый хозяинъ показалъ, какъ близка была къ его сердцу слава знаменитаго посѣтителя: рѣдко посѣщая Лондонъ, онъ не упускалъ, однако, ни одного случая прослѣдить за дѣятельностью человѣка, котораго будущность онъ почти предвидѣлъ; нѣкоторыя замѣчанія ректора удивили самого Джонсона. «Однимъ изъ первыхъ произведеній Джонсона, говорилъ между прочимъ Адамсъ, были латинскіе стихи, подъ названіемъ «Somnium», написанные во время его пребыванія въ пемброкской коллегіи. Въ день университетскаго торжества всѣ мы ожидали, что Джонсонъ воспоетъ въ приличной поэмѣ важное событіе нашей исторіи. Но молодой человѣкъ прочелъ имъ стихи, въ которыхъ описывалось, какъ муза явилась ему во снѣ и приказала избѣгать политическихъ пѣснопѣній, а отыскивать вдохновеніе въ болѣе скромныхъ источникахъ. Версификація произведенія заключала въ себѣ нѣчто виргиліевское.

«Въ первое время своихъ литературныхъ трудовъ, продолжалъ докторъ Адамсъ, нашъ знаменитый другъ отличался разнообразіемъ плановъ, рѣдко приводимыхъ въ исполненіе. Двухъ начатковъ, брошенныхъ безъ послѣдствій, я до сихъ поръ не могу простить доктору Джонсону. Такъ онъ принимался за сочиненіе «Жизнь короля Альфреда», которое, сколько я могу судить по горячности съ какимъ дѣло было начато, могло бы украсить собою нашу словесность. Въ другой разъ, посѣтивъ Джонсона въ Лондонѣ, я нашелъ у него весь полъ заваленный иностранными журналами. На вопросъ, что̀ все это значитъ, хозяинъ отвѣтилъ, что предпринимаетъ издавать Обозрѣніе, имѣющее цѣлью знакомить великобританскихъ читателей со всѣмъ, что̀ печатается замѣчательнаго въ остальныхъ странахъ Европы». Всѣ слушатели согла-

сились, что изъ доктора Джонсона вышелъ бы совершеннѣйшій изъ когда нибудь существовавшихъ журналистовъ.

Дочь ректора, миссъ Адамсъ *), живая и умная дѣвушка, своей услужливостью и пріятными разговорами завоевала сердце лексикографа. Когда по поводу разговора о томъ, какъ партіи (виговъ и торіевъ) сближаются черезъ разныя необходимыя условія общества, и особенно черезъ браки, миссъ Адамсъ замѣтила, шутя, что желаетъ выйти за вига, и еще за самого безпутнаго изъ виговъ. Джонсонъ отвѣчалъ: «чтобъ помѣшать этому браку, надо чтобъ ваши родители на то согласились». — Миссъ Адамсъ. Я этого не понимаю.—Джонсонъ. Оттого, что если они заупрямятся, вамъ еще больше захочется замужъ. У меня былъ одинъ другъ, докторъ Барроуби, старшій членъ медицинской коллегіи, великій охотникъ до ветчины и вообще свиного мяса. Всякій разъ, садясь за окорокъ, онъ восклицалъ: «Ахъ, если бы я былъ жидомъ!» — Тогда нельзя бы было ѣсть окорока, кто-то ему замѣтилъ. «О! возразилъ Барроуби, тогда я ѣлъ бы свинину съ двойнымъ наслажденіемъ». Поутру, когда Джонсонъ отказывался пить лишнюю чашку кофе, миссъ Адамсъ сказала, показывая ему маленькій серебряный кофейникъ: «Вы должны выпить изъ этого кофейника, онъ принадлежитъ мнѣ, это одна вещь, которая собственно принадлежитъ *мнѣ* на этомъ свѣтѣ». Старый поэтъ возразилъ, съ самою любезнѣйшею изъ улыбокъ: «Неужели, мой добрый другъ, вы считаете *за ничто* мое сердце!»

Всѣ слѣдующіе дни заняты были пирами, академическими праздниками и учеными бесѣдами. Центральная университетская коллегія, коллегія Магдалины, коллегія Св. Троицы, Богословская коллегія каждый день отряжали къ поэту старшихъ своихъ членовъ съ приглашеніями на общіе обѣды въ рефекторіяхъ, общія гулянья и вечернія бесѣды. Отказать которой нибудь коллегіи было невозможно; посреди строгихъ увеселеній, латинскихъ диспутовъ, безконечныхъ разговоровъ и отрадныхъ воспоминаній о далекомъ времени былой юности, посѣщеніе оксфордскаго университета Джонсономъ незамѣтно заняло собою довольно длинный рядъ дней, самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ трогательныхъ изо всей жизни стараго поэта.

---

*) Впослѣдствіи мистриссъ Бенджаменъ Гайеттъ.

XIII.

Послѣдніе годы Джонсоновой жизни. — Смерть Гольдсмита, Геррака и мистера Трэля. — Новое замужство госпожи Трэль и послѣднее письмо Джонсона къ ней по этому случаю. — Мистриссъ Сиддонсъ и Анна Моръ. — Упадокъ здоровья. — Ударъ паралича. — Любопытное письмо съ описаніемъ удара. — Быстрое возстановленіе силъ. — Послѣдній пріѣздъ Босвелля. — Разговоръ о здоровьѣ. — Робертсонъ. — Лордъ * и сварливая жена. — Хорошее и дурное воспитаніе. — О сохраненіи потомству бесѣдъ знаменитыхъ людей. — Лордъ Клейвъ и Фридрихъ Великій. — Нѣтъ счастливыхъ людей. — Стихи Драйдена. — Свиданіе съ школьнымъ товарищемъ. — Оливеръ Эдвардсъ. — Сплетни и критика. — Богатство и счастіе. — Мрачная и веселая философія. — Предполагаемая поѣздка въ Италію. — Письмо Босвелля къ лорду-канцлеру и отвѣтъ. — Трогательная сцена на обѣдѣ у Рейнольдса. — Пенсія и единовременное пособіе. — Живопись и музыка. — Разговорное искусство. — Параллель между Фоксомъ и Боркомъ. — Эпиграмма на Стенгопа. — *Никто не говоритъ ничего серьёзнаго.* — Обманчивость дружескихъ увѣреній. — Послѣднее свиданіе Босвелля съ Джонсономъ.**

Намъ предстоитъ теперь короткій, но печальный трудъ — описаніе послѣднихъ дней жизни Самуила Джонсона. Какъ ни обильна интересомъ золотая пора жизни стараго поэта съ ея дружескими бесѣдами, ночными пирами, поѣздками въ разные города Англіи и знакомствомъ со всѣми знаменитостями того времени, какъ ни многочисленны матеріалы о той эпохѣ, оставленные послѣдующимъ поколѣніямъ даже самыми неискусными изъ Джонсоновыхъ біографовъ, тѣмъ не менѣе предѣлы журнальной статьи налагаютъ на насъ условія своего рода. Если читатель успѣлъ полюбить лица, которыхъ жизнь здѣсь изображается, онъ самъ съумѣетъ отыскать дальнѣйшія свѣдѣнія о ихъ приключеніяхъ; самъ, съ помощью легкаго и плодотворнаго труда, сживется съ ихъ нравами, идеями, наружностью, странностями и добродѣтелями; самъ броситъ пытливый взглядъ на одну изъ интереснѣйшихъ литературныхъ эпохъ всей образованной Европы, и самъ покончитъ то, что̀ было начато авторомъ. Если же Джонсонъ не возбудитъ въ читателяхъ желаемаго сочувствія, — цѣль наша недостигнута, и уже не достигнется съ помощью излишняго удлиненія представляемаго здѣсь этюда. Джонсонъ, какъ мы уже говорили въ началѣ статьи, долгимъ и тяжелымъ трудомъ дошелъ до извѣстности: умри онъ въ томъ возрастѣ, когда обыкновенно умираютъ люди, ему не видать бы при своей жизни ни общаго почета, ни многочисленныхъ друзей и поклонниковъ. Всѣ писатели, артисты, лорды, ученые, составлявшіе обычный кругъ лексикографа и пролившіе на его послѣдніе годы столько радости, были еще дѣтьми,

когда онъ начиналъ считать себя человѣкомъ старымъ и уже почти кончившимъ свою неблагодарную дѣятельность. Въ продолжительности жизни заключалась главная причина его счастія; новое поколѣніе окружало Джонсона дружбой и славою. Этому поколѣнію людей ему истинно преданныхъ, казалось предстояло усладить собой даже послѣднія минуты семидесятипятилѣтняго знаменитаго ветерана британской словесности. Но судьба во многомъ судила иначе, предназначивъ старцу перенести цѣлый рядъ утратъ, оплакать лучшую часть своихъ друзей, и медленно умереть, испытавъ горестнѣйшее изъ земныхъ ощущеній, именно потерю младшихъ спутниковъ нашей жизни.

Первымъ изъ блистательнаго круга сошелъ въ могилу докторъ Гольдсмитъ, слава Джонсонова періода словесности, авторъ «Странника», «Векфильдскаго священника» — твореній донынѣ знаменитыхъ и къ которымъ нужно присоединить нѣсколько комедій, въ свое время пользовавшихся успѣхомъ, едва ли не завиднѣйшимъ, нежели успѣхъ двухъ только-что названныхъ нами и всѣмъ извѣстныхъ произведеній. Гольдсмитъ жилъ ребенкомъ и умеръ ребенкомъ въ 1774 году. Воспользовавшись временемъ года, большая часть его лучшихъ друзей была въ отлучкѣ и не могла, по своему обыкновенію, наблюдать за его бюджетомъ *), онъ замотался, надѣлалъ долговъ, испугался своей расточительности, и занемогъ отъ безпокойства. Лихорадка, ничтожная вначалѣ, усилилась отъ небреженія и пріема какихъ-то пилюль, которыя Гольдсмитъ вопреки совѣтамъ медиковъ, всегда имѣлъ при себѣ и которыми лечился отъ всѣхъ болѣзней. Смерть постигла его слишкомъ рано для искусства, а искусству нашъ поэтъ преданъ былъ всею душою. Тѣло Гольдсмита, сопровождаемое до могилы всѣмъ, что было лучшаго и талантливаго въ Лондонѣ, положено въ вестминстерскомъ аббатствѣ; великолѣпная гробница, сооруженная по подпискѣ, украшена латинскою эпитафіею, сочиненною Джонсономъ. Долги автора «The vicar Wakefield», уплаченные его друзьями, простирались до 2,000 фунт. стерлинговъ, сумма, десятую часть которой, по словамъ Джонсона, никто бы не повѣрилъ блистательнѣй-

*) Главными попечителями по поводу денежныхъ дѣлъ Гольдсмита были Джонсонъ и живописецъ серъ Рейнольдсъ. Первый довольствовался только подаваніемъ совѣтовъ и уплачиваніемъ долговъ беззаботнаго автора (часто изъ своихъ доходовъ), но второй нерѣдко отбиралъ у Гольдсмита заработанные капиталы, хранилъ ихъ у себя, дѣлалъ ему строжайшіе выговоры за жизнь не по состоянію, и выдавалъ хранимыя суммы только въ случаѣ рѣшительной крайности.

шему поэту временъ его молодости. Черта характеристическая и важная для исторіи словесности.

За простодушнымъ Оливеромъ Гольдсмитомъ послѣдовалъ актеръ и поэтъ Девидъ Геррикъ, слава британской сцены и единственный изъ оставшихся на землѣ товарищей Джонсоновой молодости. Геррикъ хотя и былъ гораздо моложе поэта, однако хорошо помнилъ то время когда они оба, прибывъ въ столицу искать счастія и работы, для начала должны были перенести мѣсяцы, даже годы голодной, чердачной жизни. Не разъ случалось веселому хоть и бѣдному артисту, возвращаться съ какого нибудь дружескаго пира въ подземной тавернѣ, заставать своего ученаго сожителя въ холодной комнатѣ, безъ куска хлѣба, за бумагами, и дѣлить съ нимъ остатки жалованья, забраннаго впередъ въ театральной кассѣ. Не разъ случалось и будущему лексикографу выручатъ своимъ скуднымъ гонораріемъ молодого комедіанта, попавшагося въ руки къ полисмену. Геррикъ получилъ славу и богатство гораздо прежде, нежели самое имя Джонсона стало сколько нибудь извѣстнымъ публикѣ; но это обстоятельство не измѣнило ихъ дружбы, хотя отчасти и огорчало забытаго поэта. Въ послѣдствіи, Джонсонъ не любилъ говорить о старомъ времени, но Геррикъ свято сохранялъ всѣ воспоминанія тяжкой годины; многія изъ этихъ воспоминаній были чрезвычайно трогательны *). Покинувъ сцену съ ея упоитель-

*) Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Джонсонъ, проживая на чердакѣ, имѣлъ обыкновеніе гулять по улицамъ послѣ ночной работы. Часто, подходя къ своему крыльцу, видалъ онъ по нѣскольку бѣдныхъ едва одѣтыхъ мальчиковъ, спавшихъ на ступенякъ за неимѣніемъ другого пріюта. Все состояніе поэта въ эти тяжелыя времена едва заключалось въ нѣсколькихъ шиллингахъ, однако, онъ останавливался, и не будя ребятишекъ, клалъ каждому изъ нихъ въ руку по маленькой монетѣ.

У одного изъ книгопродавцевъ (книгопродавецъ этотъ былъ Ричардсонъ, авторъ «Клариссы»), Джонсонъ встрѣтилъ знаменитаго Гогарта и съ нимъ познакомился. Поэтъ въ то время (1745) находился въ самомъ бѣдномъ положеніи и былъ одѣтъ такъ дурно, что художникъ принялъ его сперва за нищаго, а потомъ за дурака или сумасшедшаго, потому что Джонсонъ, стоя у окна, выдѣлывалъ головой и ногами самыя непонятныя тѣлодвиженія. Рѣчь шла о казни доктора Камерона. Къ удивленію Гогарта, странная, оборванная фигура, замѣченная имъ у окна, покинула свой постъ, и начала говорить съ такимъ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ, что всѣ слушатели приведены были въ восхищеніе. Съ этого дня знакомство завязалось между живописцомъ и бѣднымъ поэтомъ. По смерти перваго, Джонсонъ написалъ слѣдующую эпитафію:

Здѣсь лежитъ безъ движенія рука человѣка,
Уловившаго изображеніе и сущность изящнаго;
Здѣсь закрытъ смертью зоркій глазъ,
Угадывавшій нравъ людей по ихъ лицамъ!

ными успѣхами, великій актеръ прожилъ недѣлю; отсутствіе сильныхъ ощущеній, соединенныхъ съ постояннымъ умственнымъ трудомъ, оказалось для него гибельнымъ: онъ умеръ въ началѣ 1779 года, шестидесяти-трехъ лѣтъ отъ роду, сохраняя до послѣдней минуты всю силу необыкновенныхъ своихъ способностей. Потеря Девида Геррика могла назваться незамѣнимою потерею; выраженіе «душа общества», какъ нельзя лучше шло къ этому блистательному, веселому, горячему въ дружбѣ артисту. «Самое воспоминаніе о Геррикѣ, говоритъ Босвелль описывая посѣщеніе Джонсономъ загородной виллы покойника, разливало на насъ веселіе. Слѣдующія строки Шекспира, съ общаго согласія Герриковыхъ друзей подписанные Боклеркомъ подъ портретомъ великаго актера, даютъ полное о немъ понятіе:

.... съ болѣе веселымъ существомъ,
Въ границахъ благороднаго веселья,
Не приходилось мнѣ имѣть бесѣды.
Онъ зорокъ на смѣшное. Глазъ его
Мгновенно выищетъ во всемъ забаву,
Умъ мѣткій тутъ же подведетъ сближенье
Языкъ же острый, (изъявитель шутокъ)
Ихъ передастъ такъ ловко и такъ мило,
Что сами старики развѣсятъ уши,
А молодежъ замлѣетъ отъ восторга
Такъ живы, сладки, ясны эти рѣчи!

Менѣе тягостною для искусства, но въ высшей степени печальною для Джонсона могла назваться кончина мистера Трэля, мужа мистриссъ Трэль, богатаго пивовара, члена нижней палаты и вѣрнаго друга лексикографа (1781). Джонсонъ назначенъ былъ, по завѣщанію покойника, однимъ изъ душеприкащиковъ. Заботы о благосостояніи семейства, такъ долго бывшаго для него болѣе чѣмъ роднымъ семействомъ, многосложныя дѣла по наслѣдству нѣсколько разсѣяли грусть старика, или, по крайней мѣрѣ, не дали ей слишкомъ развиться. При содѣйствіи Джонсона, обширная пивоварня Трэлей продана была гг. Берклею и Перкинсу съ к° за 135,000 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 800,000 руб. серебр.). Заведеніе, купленное Берклеемъ и Перкинсомъ, въ наше время принадлежитъ той же фирмѣ и считается, по справедливости, первымъ во всемъ мірѣ. Во время Трэля, сумма казенной пошлины съ пива, эля и портера простиралась до 20,000 фунтовъ въ годъ; нынѣ она возвысилась вдесятеро (200,000). Душеприкащики, можетъ быть, слишкомъ поторопились продать заведеніе, долженствовавшее современемъ (мы опять приводимъ слова Джонсона) приносить до-

ходы, о которыхъ не посмѣетъ мечтать самый жадный сребролюбецъ *), но поспѣшность въ окончаніи этого дѣла, имѣвшаго прямымъ послѣдствіемъ совершенное обезпеченіе дѣтей мистера Трэля, болѣе чѣмъ извинялась странной перемѣною въ поведеніи самой мистриссъ Трэль. Едва дождавшись окончанія траура, богатая вдова поспѣшила вполнѣ измѣнить свой образъ жизни, совершенно уклонилась отъ лучшихъ, искреннѣйшихъ друзей покойнаго мужа, перестала заниматься воспитаніемъ дѣтей, и распростившись съ знаменитостями, прославившими ея гостинную, окружила себя, вмѣсто поэтовъ, ораторовъ и художниковъ, веселою молодежью, шутами и итальянскими артистами, изъ которыхъ одинъ, нѣкто синьоръ Піоцци, пѣвецъ и учитель музыки **), давно уже какъ съ усердіемъ ухаживалъ за пріятельницей Джонсона. Стараго поэта начали принимать сухо; новые друзья госпожи Трэль не постыдились вдобавокъ распустить по городу гнусную сплетню о томъ, будто бы Джонсонъ, прельстившись состояніемъ, предлагалъ вдовѣ свою руку, и получилъ постыдный отказъ; сплетня эта, благодаря извѣстному безстыдству тогдашнихъ журналистовъ, украсила собой столбцы каждой газеты, и даже породила нѣсколько забавныхъ стихотвореній. Какъ ни хододенъ былъ лексикографъ къ печатнымъ оскорбленіямъ, однако эта исторія послужила поводомъ къ почти совершенному прекращенію когда-то дорогого ему знакомства, а по прошествіи еще нѣсколькихъ мѣсяцевъ, главнѣйшія его опасенія подтвердились самымъ плачевнымъ образомъ. Ловкій синьоръ Піоцци обвѣнчался съ сорокалѣтней вдовою, при насмѣшкахъ и порицаніи всего Лондона. Извѣстіе о бракѣ сообщено было каждому изъ душеприкащиковъ покойнаго Трэля циркулярнымъ письмомъ; одинъ только Джонсонъ, въ память старой дружбы, получилъ отъ госпожи Піоцци особое извѣщеніе въ выраженіяхъ ласковыхъ, боязливыхъ и почтительныхъ.

---

*) Настоящая пивоварня Берклея и Перкинса расположена въ Паркъ-Стритѣ и занимаетъ десять акровъ земли. При ней находится двѣ паровыхъ машины; въ погребахъ стоятъ 126 чановъ, изъ которыхъ третья часть вмѣщаетъ въ себѣ до 4,000 боченковъ; до 200 лошадей ежедневно заняты перевозкой пива и портера по Лондону Въ 1826 году въ ней сварено было пива 380,180 боченковъ; съ той поры производство еще усилилось.

**) Въ прошломъ столѣтіи Лондонъ наводненъ былъ выходцами изъ Италіи, во всякомъ богатомъ домѣ находилось по нѣскольку артистовъ-паразитовъ, занимавшихъ среднее мѣсто между гостями и прислугою. По идеямъ тогдашняго времени выйти замужъ за итальянскаго пѣвца или музыканта, было для порядочной женщины постыднѣе, нежели вступить въ бракъ съ послѣднимъ комедіантомъ изъ англичанъ.

Старый поэтъ отвѣчалъ на увѣдомленіе слудующимъ довольно любопытнымъ посланіемъ:

«Дорогой другъ, я могу сожалѣть о поступкѣ вашемъ, но оскорбляться имъ и гнѣваться на васъ, я не имѣю ни малѣйшаго права, а потому все, что могу себѣ позволить, заключается въ одномъ вздохѣ, можетъ быть безполезномъ, но глубокомъ и вполнѣ чистосердечномъ.

«Пусть Богъ пошлетъ свое благословеніе на остатки вашей здѣшней жизни и на вашу будущую жизнь. Что касается до моихъ чувствъ, то могу сказать вамъ одно: я вѣчно останусь готовымъ для васъ на все отъ меня зависящее, и вѣчно сочту за отраду для себя оказать услугу лицу, ласки котораго пролили такъ много спокойствія на цѣлые двадцать лѣтъ моей грустной и тревожной жизни.

«Одинъ совѣтъ позволю себѣ здѣсь высказать, прося васъ подумать о немъ какъ можно серьёзнѣе. Уговорите мистера Піоцци поселиться въ Англіи, не ѣздите вмѣстѣ съ нимъ въ чужіе края; здѣсь вы будете имѣть болѣе спокойствія, нежели въ Италіи, и сверхъ того ваше состояніе будетъ постоянно на глазахъ вашихъ. Самое ваше общественное положеніе здѣсь почтеннѣе и обезпеченнѣе того, которое ждетъ васъ на родинѣ вашего супруга. Я не вхожу въ дальнѣйшія подробности, зная, что вы поймете меня *). Боюсь, что совѣтъ мой не принесетъ вамъ пользы, но, по крайней мѣрѣ, высказавъ его, я облегчилъ свою душу.

«Когда королева Марія **) вознамѣрилась искать прибѣжища въ Англіи, сент-андрюсскій архіепископъ провожалъ ее до самой границы, не переставая упрашивать королеву отказаться отъ своего пагубнаго намѣренія. Когда поѣздъ достигнулъ до рѣки, раздѣляющей оба королевства, прелатъ, продолжая свои убѣжденія пошелъ въ бродъ по водѣ, рядомъ съ лошадью королевы и на срединѣ рѣки ухватился за поводъ, въ послѣдній разъ убѣждая свою повелительницу подумать о томъ, что ее ожидаетъ. Королева проѣхала дальше. Дай Богъ, чтобъ остальная часть моего сравненія не касалась до васъ. Пусть Богъ защититъ васъ отъ послѣдствій вашего дѣла. Слезы мѣшаютъ мнѣ писать болѣе. С. Джонсонъ.»

Въ 1783 году умерла вѣрная пріятельница поэта, болѣе трид-

*) Джонсонъ предвидѣлъ планы Піоцци, и не ошибся. Часть имѣнія, принадлежавшаго собственно госпожѣ Трэлъ, была передана ею, помимо своихъ дѣтей, племянникамъ хитраго итальянца.

**) Марія Стюартъ.

цати лѣтъ проживавшая въ его домѣ, та самая слѣпая мистриссъ Анна Уильямсъ, надъ которою Босвелль и его друзья такъ часто подшучивали. Призрѣнная и облагодѣтельствованная лексикографомъ, старуха съумѣла сдѣлаться для него необходимою, и потеря этой умной, начитанной, хотя довольно сварливой особы, оказалась весьма чувствительною для Джонсона. Изо-всѣхъ бѣдняковъ, имъ пристроенныхъ у себя, остался только его вѣрный арабъ Френсисъ Барберъ. Уменьшеніе развлеченій, сидячая жизнь, поневолѣ, вслѣдствіе подагры и замѣтно проявившихся симптомовъ водяной болѣзни, соединясь съ отсутствіемъ постояннаго литературнаго труда («Жизнь британскихъ поэтовъ» — послѣднее и лучшее изъ произведеній Джонсона, было уже окончено и напечатано), начали замѣтно разрушать атлетическія силы лексикографа. «Я провела утро съ знаменитымъ Джонсономъ», разсказываетъ мистриссъ Сиддонсъ *) (въ 1783 году), «его грустное лицо и слабый видъ меня поразили. Онъ дышетъ съ трудомъ и оживляется только во-время разговора. Въ комнатѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, не было ни одного стула: пославши за нимъ въ другую комнату, почтенный поэтъ сказалъ мнѣ улыбаясь: «сударыня, вы такъ часто заставляли насъ оставаться безъ мѣстъ въ партерѣ, что, конечно, извините недостатокъ стульевъ въ эту минуту». Потомъ онъ долго говорилъ о Гаррикѣ, о драмахъ Шекспира, и когда я сказала ему, что изъ всѣхъ женскихъ ролей, созданныхъ великимъ поэтомъ, мнѣ болѣе всего нравится характеръ королевы Екатерины (въ Генрихѣ VII), онъ замѣтилъ: у «меня одинъ вкусъ съ вами; когда вы будете играть эту роль, я какъ нибудь дотащусь до театра». Миссъ Анна Моръ пишетъ около того же времени: «Весь вечеръ мы слушали и не могли наслушаться бѣднаго Джонсона; его разговоръ напоминалъ намъ послѣдніе, яркіе лучи закатывающагося солнца. Онъ много говоритъ и старается дѣлать больше движенія, но видно, что весьма болѣнъ; на него смотрѣть грустно и страшно. Мы собрали всѣхъ друзей, съ которыми ему только было пріятно встрѣчаться: мистриссъ Гаррикъ, миссъ Гемильтонъ, всякая изъ насъ дѣлала все возможное, чтобъ утѣшить старика своей ласкою. Онъ былъ милъ и внимателенъ въ высшей степени, но я боюсь, что мы скоро услышимъ о несчастіи съ нашимъ добрымъ, престарѣлымъ другомъ».

Предчувствія преданныхъ женщинъ оправдались, хотя еще не-

---

*) Сестра великаго актера Кембля, считавшагося вторымъ послѣ Гаррика. Мистриссъ Сиддонсъ считается, въ свою очередь, *первою* изъ актрисъ Великобританіи.

вполнѣ. Іюня 17, вскорѣ послѣ того, какъ Босвелль, призываемый по дѣламъ въ Шотландію, оставилъ Лондонъ, увозя съ собой тягостнѣйшее изъ предчувствій, сильный ударъ паралича едва мгновенно не прекратилъ всѣхъ страданій лексикографа. Мы уже имѣли случай видѣть, что Джонсонъ боялся смерти, не скрывая своей боязни; тѣмъ неменѣе онъ встрѣтилъ бѣдствіе безстрашно и спокойно. Письмо его къ одной пріятельницѣ, писанное черезъ два дни послѣ страшнаго событія, представляется здѣсь какъ истинная рѣдкость въ своемъ родѣ.

«Въ понедѣльникъ, 16, я сидѣлъ съ миссъ Рейнольдсъ, и она снимала мой портретъ; потомъ я много ходилъ по улицамъ, не замѣчая въ себѣ никакой особенной болѣзни. Послѣ обѣда и все время вечеромъ я чувствовалъ себя необыкновенно легко и хорошо. Оставшись одинъ я, по обыкновенію, строилъ планы жизни и разныхъ занятій. Такъ я легъ въ постелъ, заснулъ, потомъ скоро проснулся, и, по своему обыкновенію, сѣлъ на кровати. Въ это-то время я почувствовалъ въ-теченіе, думаю, полуминуты, нѣчто странное и безтолковое въ моей головѣ. Я испугался и мысленно обратилъ къ Богу молитву о томъ, чтобы Онъ соблаговолилъ, насылая какія угодно страданія моему тѣлу, пощадить разсудокъ. Эту молитву я произнесъ на латинскомъ языкѣ, для того, чтобъ испытать какъ идетъ процессъ моего мышленія. Конечно, слогъ былъ неочень хорошъ, но я сознавалъ его недостатки и пріискивалъ слова безъ труда: обстоятельство, убѣдившее меня въ неприкосновенности моихъ умственныхъ способностей.

«Скоро послѣ того я понялъ, что со мной произошелъ паралитическій ударъ, отнявшій у меня способность говорить. Я не чувствовалъ ни боли, ни страха, невзирая на весь ужасъ моего положенія. Дивясь своей апатіи, я подумалъ о томъ, что самая смертъ, можетъ-быть, не приноситъ съ собой того ужаса, который мы постоянно. въ нашихъ мысляхъ, съ нею соединяемъ.

«Чтобы возбудить голосъ, я выпилъ двѣ рюмки вина — говорятъ, что вино славится какъ начало краснорѣчія. Потомъ я началъ дѣлать сильное движеніе всѣмъ тѣломъ; но усилія мои заговорить оказались напрасны. Вслѣдъ затѣмъ я легъ въ постель, и странное дѣло! мнѣ кажется, что заснулъ. Я очнулся при дневномъ свѣтѣ, и сообразилъ, что пора принять нужныя мѣры. Лишившись языка, я сохранилъ возможность владѣть рукою, и тотчасъ же написалъ записку къ моему слугѣ, который въ эту минуту входилъ въ комнату, что-то говоря, и конечно очень изумился, получивъ вмѣсто отвѣта писанный лоскутокъ для прочтенія.

Вслѣдъ за тѣмъ я написалъ нѣсколько словъ къ Оллену *), чтобъ имѣть при себѣ самого вѣрнаго и скромнаго изъ друзей моихъ, на случай разныхъ надобностей. Выписывая строки я чувствовалъ нѣкоторую неловкость, моя рука неизвѣстно почему, иногда ставила одну букву тамъ, гдѣ требовалась другая. Потомъ я послалъ къ сосѣду моему, доктору Брокльсби, и еще къ двумъ медикамъ».

Изъ числа пріятелей старика, только немногимъ дано было позволеніе навѣщать его во всякое время; но вскорѣ запрещеніе снялъ онъ самъ, и преданный кружокъ почитателей, поспѣшившü навѣстить знаменитаго старца, съ удивленіемъ замѣтилъ, вмѣсто слѣдовъ тяжкой болѣзни — свѣжесть, веселость и спокойствіе на лицѣ Джонсона. Медики удивлялись сами быстрому дѣйствію лекарствъ, и еще болѣе крѣпости сложенія паціента. «Господа», сказалъ лексикографъ самымъ дорогимъ изъ своихъ посѣтителей, «Богу угодно, чтобъ я еще нѣсколько врмени прожилъ съ вами. Тому три дня, я заперся въ своемъ кабинетѣ, велѣлъ закрыть окна, и посреди темноты предался молитвѣ и важнымъ размышленіямъ. Я покорялся волѣ Испытавшаго меня, но горько сѣтовалъ о томъ, что недостоинъ еще явиться передъ Его лицо. Много часовъ прошло такимъ образомъ, и я ихъ не замѣтилъ, но оставивъ свою комнату, я вдругъ почувствовалъ легкость во всемъ тѣлѣ и несказанное спокойствіе духа».

Лѣто еще не прошло, и небольшая поѣздка къ сторонѣ Рочестера, въ семейство мистера Ленгтона, еще болѣе возстановила силы поэта. Онъ вернулся въ Лондонъ къ осени здоровѣе, но зиму и начало весны провелъ въ новыхъ страданіяхъ отъ подагры и водяной болѣзни; чуть прошли дни холода и ненастья, поэтъ снова поправился. *Преданный* Босвелль, въ маѣ мѣсяцѣ явившійся въ Лондонъ, на свиданіе съ своимъ знаменитымъ другомъ, засталъ его нетолько веселымъ и здоровымъ, но занятымъ безпрестанными обѣдами, поѣздками за городъ и планами новыхъ трудовъ. Все, что оставалось въ столицѣ преданнаго Джонсону, праздновало счастливое выздоровленіе своего идола, и тѣсно сомкнувшись около него, будто предвидя неминуемую разлуку, почти мучило старика изобиліемъ развлеченій. Въ отвѣтъ на разспросы Босвелля о своемъ здоровьѣ, лексикографъ сказалъ ему: «Сэръ, не зачѣмъ серьознымъ людямъ безпрестанно толковать о своемъ здоровьѣ; намъ

---

*) Книгопродавецъ болѣе тридцати лѣтъ имѣвшій дѣла съ Джонсономъ и нераз, во времена бѣдности, дававшій ему деньги въ займы.

съ вами, можетъ-быть, мало времени осталось толковать о другихъ болѣе умныхъ и полезныхъ предметахъ. Я ненавижу два предмета разговора, къ сожалѣнію повсюду распространенные, именно: о здоровьѣ и о погодѣ. Лучше скажите, что̀ новаго въ Шотландіи; о вашихъ родныхъ я уже имѣю извѣстіе, сообщите мнѣ лучше о нашихъ друзьяхъ, что̀-нибудь о докторѣ Робертсонѣ, напримѣръ. — Босвеллъ. Мистеръ Робертсонъ собирается посѣтить Лондонъ и повидаться съ вами, сэръ. При послѣднемъ нашемъ свиданіи онъ сказалъ мнѣ очень милую вещь: когда докторъ Джонсонъ былъ въ нашихъ краяхъ, онъ отказывался постоянно отъ слушанья нашихъ ораторовъ, — а мы, въ свою очередь, по-крайней-мѣрѣ всѣ его знавшіе люди, только и думаемъ, какъ бы насладиться его бесѣдою.—Джонсонъ (*смѣясь*). Сэръ, скажите ему на это, король сіамскій послалъ пословъ къ Людовику XIV, но что Людовикъ не послалъ никого къ королю сіамскому. А что̀ дѣлаетъ хорошаго лордъ ***? — Босвеллъ. Сэръ, этотъ джентльменъ разомъ потерялъ и свою жену и часть своего капитала.—Джонсонъ. Какимъ же это образомъ? — Босвеллъ. Жена его, скаредная и злая женщина, имѣя на рукахъ всѣ капиталы лорда, постоянно крала изъ нихъ довольно значительныя суммы, и составила себѣ значительную казну, которую куда-то спрятала. Случилось такъ, что она захворала отчаянно, и на смертномъ одрѣ призналась мужу въ покражѣ. «Деньги лежатъ въ...» сказала она потомъ, и это были ея послѣднія слова, она умерла не прибавивши ничего болѣе. — Джонсонъ. Все-таки, я отъ души поздравляю нашего друга. Онъ можетъ быть доволенъ; можетъ быть деньги еще сыщутся, между тѣмъ какъ жена, къ полному его удовольствію, исчезла съ лица земли навсегда. — Босвеллъ. Я все-таки жалѣю о потерѣ, потому что лордъ*** поистинѣ принадлежитъ къ прекраснымъ, хотя и дурно воспитаннымъ людямъ. — Джонсонъ. Сэръ, быть дурно воспитаннымъ, хотя и хорошимъ человѣкомъ есть истинное несчастіе, несчастіе бо̀льшее, чѣмъ потеря жены и денегъ. Между хорошо воспитаннымъ и дурно воспитаннымъ человѣкомъ разница такая: первый привлекаетъ васъ къ себѣ, второй возбуждаетъ ваше отвращеніе. *Перваго вы уже любите до тѣхъ поръ, пока онъ* не даетъ случая себя ненавидѣть; второго вы ненавидите до тѣхъ поръ, пока онъ *чѣмъ нибудь не заставитъ себя полюбить*. — Босвеллъ. Сэръ, слушая ваши рѣчи, сколько разъ я благословлялъ нашу дружбу и мою мысль записывать наши бесѣды, чтобъ потомъ познакомить свѣтъ съ мыслями, сужденіями, остроуміемъ, которое безъ моихъ усилій пропало бы для слѣдующихъ поколѣній! — Джон-

сонъ *(смѣясь)*. За то васъ всѣ боятся, какъ сплетника, всегда готоваго записывать и потомъ отдавать въ печать все видѣнное и слышанное. — Босвелль. Сэръ, немногіе, весьма немногіе люди имѣютъ причину бояться, что ихъ разговоръ и дѣла будутъ переданы потомству. Я не стану рвать дикихъ плодовъ изъ лѣсу, имѣя возможность срывать *бон-кретьенъ* и *нонпарели*. Сколько увеселенія и пользы могла бы принести свѣту моя мысль, еслибъ ее хорошо примѣнять къ дѣлу! Этой мысли, въ древности мы обязаны апофегмами и замѣтками Плутарха, Ксенофонта и Валерія Максима. Руководясь ею, французы напечатали эти собранія подъ названіемъ *ana*, о каждомъ почти изъ своихъ знаменитыхъ людей; на нашемъ языкѣ мы имѣемъ въ этомъ родѣ «Застольную бесѣду» (Table Talk) Сельдена, Спенсовы «Анекдоты о Попе» и нѣсколько другихъ превосходныхъ твореній. О если бы наши предки оставили намъ что нибудь въ такомъ же родѣ по поводу Шекспира и Драйдена! Съ какой жадностью стремились бы мы знакомиться съ характеромъ, обычаями, шутками, домашними занятіями, повседневными бесѣдами этихъ великихъ людей! Все это потеряно, и безвозвратно потеряно. Подумавши о томъ, сколько ума, свѣтлыхъ мыслей, блистательныхъ сужденій этихъ великихъ людей не дошло до насъ, хочется сказать вмѣстѣ съ Гораціемъ: «И до временъ великаго Агамемнона были славные и храбрые герои, которыхъ великое честолюбіе нынѣ удовлетворено небольшою гробницею. Они спятъ въ безконечной ночи, неоплаканные и неизвѣстные свѣту, ибо они не имѣли пѣвца, для прославленія ихъ времени!»

Отъ прежнихъ великихъ людей разговоръ перешелъ къ великому человѣку того времени, несовсѣмъ хорошо награжденному своими неблагодарными современниками, именно лорду Клейву, бывшему губернатору и завоевателю половины нынѣшней британской Индіи. — Босвелль. Докторъ Робертсонъ называетъ лорда Клейва самымъ *велико-умнымъ* смертнымъ нашего времени. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ ему случалось видѣть знаменитаго полководца въ обыкновенной бесѣдѣ; — пока разговоръ шелъ о пустыхъ, вседневныхъ вещахъ, лордъ Клейвъ молчалъ и глядѣлъ вокругъ себя съ лѣнивымъ, соннымъ видомъ; — но чуть разговоръ касался важнаго или политическаго предмета, напримѣръ о средствахъ защиты противъ вторженія французовъ въ наше отечество, старикъ быстро оживлялся и повергалъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ всѣхъ собесѣдникомъ въ истинное изумленіе. — Джонсонъ. — И между тѣмъ этотъ великій человѣкъ перерѣзалъ себѣ

горло! Истинно великимъ и твердымъ умомъ обладаетъ тотъ только, кто можетъ имъ равно обнимать и великія и малыя вещи. Про прусскаго короля *) разсказываютъ, что онъ часто за столомъ говоритъ буфетчику: «принеси намъ бутылку такого-то вина, которое куплено въ такомъ-то году; ты его найдешь въ такомъ-то углу погреба». Я люблю, чтобъ люди были велики въ великихъ дѣлахъ жизни, и точны, изящны въ малыхъ. — Босвелль. Я передамъ эти слова Робертсону. — Джонсонъ. И скажите, что я противъ лорда Клейва выставилъ короля прусскаго. — Босвелль. И даже пустили въ нашего пріятеля *бутылкой*.

Одинъ изъ гостей, находившихся въ это время въ комнатѣ, замѣтилъ, что по его мнѣнію, истинно умный человѣкъ тотъ, кто умѣетъ всегда быть счастливымъ. — Джонсонъ. Сэръ, это пустяки, сэръ, не вѣрьте тому, кто вамъ сообщилъ эту галиматью. Нѣтъ на свѣтѣ счастливыхъ людей, и тѣ, которые говорятъ, что они счастливы, — или дураки, или лгутъ безсовѣстно. Человѣкъ никогда не счастливъ въ настоящемъ, онъ только болѣе или менѣе страдаетъ. Единственное нѣчто похожее на счастіе заключается въ нашей способности надѣяться на лучшее. — Босвелль. И вы думаете, сэръ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ назвать себя счастливымъ *въ настоящемъ*?

Босвелль, получившій царапину на свою долю, отошелъ въ молчаніи, но прежній защитникъ счастія продолжалъ спорить и даже привелъ въ примѣръ, какъ постоянно счастливую особу, сестру своей жены, лично знакомую лексикографу. — Джонсонъ *(совсѣмъ разсердившись)*. Въ такомъ случаѣ мнѣ остается сказать только одно: сестра вашей жены — феноменъ, какихъ мало. Если она умѣетъ быть счастливою, не имѣя ни здоровья, ни ума, ни приличной физіономіи, ни талантовъ, ни добраго характера и ко всему этому еще сочиняя пренегодные стихи, — то я только могу ей удивляться? Такъ, господа — продолжалъ поэтъ, замѣтивши, что зашелъ слишкомъ далеко, и стараясь успокоить затронутыхъ пріятелей — не полагайтесь на слова и смѣхъ людей, повидимому веселыхъ и счастливыхъ. Какъ многіе изъ насъ, иногда оживляющихъ дружескую бесѣду своимъ остроуміемъ, тоскуютъ душой, выговаривая шутку, и проклинаютъ солнце, стоя подъ его лучами! Друзья мои, на землѣ нѣтъ счастія, и я еще разъ скажу вамъ великолѣпныя строки Драйдена:

---

*) Фридриха Великаго.

Вся наша жизнь, одинъ обманъ печальный;
Но человѣкъ, утѣшенный надеждой,
Все ждетъ и вѣритъ, — думая, что завтра
Увидитъ что̀ нибудь... но завтра снова
Обманется, и снова будетъ ждать,
Какихъ-то радостей, о прошломъ забывая.
Необъяснимъ тотъ рядъ надеждъ напрасныхъ!
Никто не хочетъ къ прежнему вернуться,
А всякій вдаль глядитъ съ надеждой сладкой,
И думаетъ — что вотъ, на днѣ сосуда
Найдетъ онъ то, чего не получилъ
Отъ свѣжей, юной, искрометной влаги!

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, Джонсону привелось, однакоже, встрѣтиться, и дружески встрѣтиться съ человѣкомъ, имѣющимъ полное право на завидный титулъ счастливаго. Утромъ, когда лексикографъ въ сопровожденіи своей шотландской тѣни, выходилъ изъ церкви, прослушавъ священную литургію, къ пріятелямъ подошелъ сѣдой, высокій джентльменъ, кроткаго и здороваго вида, съ красными щеками и яснымъ взглядомъ, въ сѣромъ кафтанѣ и парикѣ, украшенномъ великимъ множествомъ вьющихся буколь. — «Сэръ, сказалъ онъ доктору Джонсону, простите смѣлость человѣка, можетъ быть давно вами забытаго. Я одинъ изъ вашихъ усердныхъ поклонниковъ и товарищей пемброкской коллегіи, — имя мое Оливеръ Эдвардсъ». Джонсонъ, сперва поклонившійся было довольно сухо, радостно привѣтствовалъ своего соученика, съ которымъ не видался болѣе пятидесяти лѣтъ. Изъ разспросовъ оказалось, что Эдвардсъ прежде занималъ должность адвоката въ Лондонѣ, а потомъ, наживъ честнымъ трудомъ небольшую ферму, пространствомъ около шестидесяти акровъ, поселился въ Герфордскомъ графствѣ. Старикъ часто пріѣзжалъ въ столицу, и нерѣдко встрѣчалъ поэта на улицѣ, но не рѣшался ему представиться, опасаясь холоднаго пріема; за то тѣмъ сильнѣе была его радость, когда Джонсонъ, вмѣсто простыхъ любезностей, или холодныхъ рѣчей, встрѣтилъ его дружескими привѣтствіями, и мало того, изъявилъ намѣреніе самъ зайти на дняхъ въ лондонскую квартиру фермера. Пока старые товарищи бесѣдовали, Босвелль шепнулъ Эдвардсу: «Докторъ Джонсонъ идетъ домой, и ему будетъ пріятно принять васъ у себя». Затѣмъ бывшіе пемброкцы пошли по улицѣ рука въ руку, бесѣдуя о старыхъ временахъ, а за ними поплелся вѣрный Босвелль, радуясь пріятной встрѣчѣ неменѣе самого Джонсона.

Войдя въ библіотеку лексикографа, Оливеръ Эдвардсъ снова пожалъ руку хозяина, прибавивъ: «Ахъ, сэръ, мы съ вами те-

перь старые, очень старые люди». На это Джонсонъ, нелюбившій подобныхъ воспоминаній, отвѣчалъ отчасти съ досадою: — «Полно, полно, добрый товарищъ, для чего намъ огорчать другъ друга подобными замѣтками!» — Эдвардсъ. Что жь за бѣда въ этомъ, докторъ? Вы глядите молодцомъ, совершенно здоровымъ и веселымъ человѣкомъ; судя по газетамъ, безпрестанно упоминавшимъ о дурномъ состояніи вашего здоровья, я ожидалъ найти васъ гораздо хуже. — Джонсонъ. Сэръ, газеты всегда выдумываютъ пустяки на насъ стариковъ. — Эдвардсъ. Да, сэръ, таковъ удѣлъ знаменитыхъ людей: и ваша слава, и ваша частная жизнь потерпѣли много зла отъ газетъ и другихъ путей, которыми дѣйствовали ваши противники. — Джонсонъ. Однако вы видите, что я живъ и не утратилъ ничьего уваженія. Сэръ, несчастія авторской жизни только издали кажутся несчастіями, самый малый навыкъ дѣлаетъ насъ равнодушными къ клеветамъ и сплетнямъ противниковъ. — Эдвардсъ. Я всегда удивлялся вашему хладнокровію и холодности къ спорамъ. — Джонсонъ. Сэръ, тутъ не было геройства съ моей стороны. Я убѣжденъ, что съ самого начала словесности до нашихъ дней ни одинъ писатель не пострадалъ ни мало отъ чужой брани. Насъ губятъ не чужія сочиненія, а наши собственныя *). — Эдвардсъ *(обращаясь къ Босвелю)*. Тѣмъ неменѣе, я бы, съ своей стороны, не промѣнялъ тихой, счастливой моей деревенской жизни на существованіе каждой литературной знаменитости. — Босвелль. Я не могу быть одного мнѣнія съ вами, сэръ. Все деревенское счастіе и всѣ деревенскія удовольствія, по моему мнѣнію, не могутъ занять человѣка болѣе какъ на полчаса. — Эдвардсъ. Какъ, сэръ, вы не понимаете наслажденія видѣть свои надежды въ исполненіи, свои планы, труды приносящими плодъ? Я каждый день вижу улучшенія своего хозяйства, вижу какъ растутъ мой хлѣбъ, мои травы, мои плодоносныя деревья. Даже въ настоящую минуту я занятъ всѣмъ этимъ; сегодняшній морозъ утромъ могъ повредить моему саду. — Джонсонъ. И такъ вы сами сознаетесь, что въ вашей жизни не все встрѣчаются радости, — къ надеждамъ вашимъ примѣшивается и страхъ. Скажите же мнѣ теперь, мистеръ Эдвардсъ, ваше хозяйство и занятія по судебнымъ дѣламъ доставили ли вамъ хорошее состояніе? — Эдвардсъ. Нѣтъ,

---

*) «Nobody was ever written down, except by himself». Эта фраза Джонсона, которую можно перевести слово въ слово такимъ образомъ: «никто не былъ записываемъ до смерти никѣмъ, кромѣ самимъ собою», вошла въ число англійскихъ литературныхъ поговорокъ.

сэръ, оставляя дѣла по судамъ, я увидѣлъ себя владѣтелемъ большого капитала, но у меня такъ много бѣдныхъ родственниковъ, что всѣ деньги пришлось имъ раздать въ пособіе. — Джонсонъ. Сэръ, значитъ вы *богаты* въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Вы не *умрете* богачомъ, но вы *живете* богатымъ человѣкомъ: вы богаты добрыми дѣлами. — Эдвардсъ. Я не спорю съ вами, докторъ Джонсонъ: вы знаменитый философъ. Я самъ пробовалъ было сдѣлаться философомъ, но не знаю почему, врожденная веселость моего нрава всегда брала свое и не давала мнѣ пускаться въ философскія умствованія *). — Босвелль. Сэръ, вы тоже философъ. — Эдвардсъ *(Джонсону)*. Я былъ два раза женатъ, сэръ. Вы, я думаю, не знали прелестей семейнаго счастія? — Джонсонъ *(съ чувствомъ)*. Сэръ, я имѣлъ добрую жену и зналъ горесть ея потери. — Эдвардсъ. Я всегда любилъ баловать себя, и въ старости еще сталъ прихотливѣе. Я люблю хорошій столъ и стаканъ добраго вина; я привыкъ ужинать, и гляжу на ужинъ какъ на необходимое предисловіе ко сну. — Джонсонъ. Сэръ, пейте больше воды, и вѣрьте, что мы съ вами проживемъ еще до ста лѣтъ. — Эдвардсъ. Врядъ ли, почтенный другъ. Къ намъ обоимъ подходитъ стихъ Юнга:

Самихъ себя мы жалкіе остатки!

И хотя этой цитатой веселый старикъ снова тронулъ лексикографа за живое, однако оба товарища, припомнивъ еще кое что̀ изъ своихъ ученическихъ годовъ, разстались съ большимъ дружелюбіемъ, условившись видаться отъ время до времени. По уходѣ Эдвардса, Босвелль, всегда готовый говорить дурно про людей, понравившихся его другу, замѣтилъ будто безъ намѣренія: «Вашъ старый товарищъ кажется мнѣ довольно обыкновеннымъ существомъ». — Джонсонъ. Можетъ быть, сэръ. Я вѣрю, что Эдвардсъ прошелъ жизненный путь не научась многому, но чувствую, что предпочитаю его бесѣду бесѣдѣ многихъ умниковъ. Онъ говоритъ что̀ думаетъ. Онъ искрененъ въ словахъ и чувствахъ. Онъ всегда готовъ на разговоръ и на привѣтствіе!

Въ среду, 30 іюня, у сэра Джонсуа Рейнольдса происходилъ обѣдъ, на которомъ Джемзъ Босвелль въ послѣдній разъ сошелся съ своимъ знаменитымъ другомъ, и сошелся за тѣмъ, чтобъ пора-

---

*) Мистеръ Боркъ, Мелонъ, сэръ Рейнольдсъ, всѣ знаменитые люди, которымъ я сообщалъ эти слова Эдвардса, нашли ихъ въ высшей степени прекрасными и характеристическими. *Замѣтка Босвелля.*

довать его пріятною нечаянностью. Медики, замѣчая нѣсколько лѣтъ сряду, что здоровье стараго поэта постоянно слабѣетъ съ приближеніемъ осени, совѣтовали ему предпринять долговременную поѣздку въ Италію, и даже проводить тамъ постоянно дурное время года, возвращаясь къ своимъ друзьямъ на лѣто. Совѣтъ могъ назваться весьма дѣльнымъ, но такъ какъ малое состояніе лексикографа служило важнымъ препятствіемъ къ его исполненію, то преданный Босвелль, не говоря своему другу ни слова, прямо отнесся къ канцлеру королевства, лорду Тюрлоу, смѣло требуя отъ правительства пособія человѣку, прославившему, въ теченіе своей долгой жизни, британское имя и британскую словесность. Отвѣтъ, какъ можно было ожидать, оказался самымъ удовлетворительнымъ. Лордъ канцлеръ изъявлялъ полную готовность доложить дѣло королю, и только приглашалъ къ себѣ сэра Рейнольдса, для совѣщанія о количествѣ суммы, потребной для путешествія. Когда Босвелль прочелъ Джонсону сказанное письмо, старикъ прослезился и сказалъ, протягивая руки своимъ друзьямъ: «Да благословитъ васъ Господь! Вы слишкомъ много трудитесь для одного человѣка!» — «Сэръ, вскричалъ на это Босвелль, ваши друзья готовы для васъ сдѣлать все, все въ мірѣ». Джонсонъ заплакалъ, и всѣ присутствовавшіе залились слезами. «Господь да благословитъ васъ, продолжалъ старый поэтъ, благословитъ васъ всѣхъ! Еще вчера докторъ Брокльсби вызвался самъ давать мнѣ изъ своего небольшого состоянія по сту фунтовъ ежегодно. Я отказался, но опять призываю благословеніе Бога на этого истиннаго друга!» Затѣмъ, послѣ короткаго совѣщанія о суммѣ съ сэромъ Рейнольдсомъ, сѣли за столъ, и бесѣда пошла своимъ чередомъ.

— Сэръ Д. Рейнольдсъ. Итакъ, докторъ Джонсонъ, вы того мнѣнія, что, вмѣсто назначенія единовременной суммы отъ правительства, лучше будетъ просить объ увеличеніи вашей пенсіи? — Джонсонъ. Да, я такъ думаю, и даже скажу вамъ причины моего желанія. Я очень знаю, что можетъ быть, даже почти навѣрное, сумма моего пенсіона за всѣ года, мнѣ остающіеся на этомъ свѣтѣ, не сравняется съ количествомъ единовременнаго пособія, но мнѣ будетъ пріятно думать о томъ, что я имѣю перспективу прожить всю мою старость въ довольствѣ. — Босвелль. Сэръ, вы имѣете полное право разсчитывать на вниманіе короля; онъ не забудетъ человѣка, вамъ подобнаго. Время, когда таланты томились и погибали безъ вниманія, прошло, и прошло повсюду. Даже въ краяхъ, такъ недавно еще считавшихся необразованными, наши

великіе люди встрѣчаютъ почетъ и лестное поощреніе *). Проживайте въ Италіи безъ заботъ по этому случаю; думайте только о возстановленіи здоровья, безцѣннаго для вашей родины. — С. Рейнольдсъ *(шутя)*. И старайтесь, добрый мой другъ, пріобрѣсти тамъ вкусъ къ изящнымъ художествамъ. Надѣюсь, что по вашемъ возвращеніи вы не станете говорить, что Венеру Медицейскую нужно кинуть въ воду, какъ предметъ безнравственный, и что художественныя академическія выставки — одна пустая забава для толпы. — Джонсонъ. Напротивъ, сэръ, я даже перестану хвалить ваши прославленныя «Рѣчи», и всегда стану утверждать, что маленькая дѣвочка, которая, увидя изображеніе Ѳемиды съ вѣсами, вскричала: «ахъ, вотъ женщина, что продаетъ пряники!» сказала, сама того не зная, эпиграмму на ваше искусство. Ваша живопись, сэръ, всегда будетъ стоять, какъ искусство, ниже поэзіи и только одной маленькой ступенькой выше музыки, которую я признаю не искусствомъ, а пустымъ занятіемъ, болѣе годнымъ для канареекъ, чѣмъ даже для итальянцевъ. — Миссъ Рейнольдсъ. Ахъ, докторъ Джонсонъ, хотя бы, нападая на музыку, вы избавили отъ вашихъ насмѣшекъ геніальныхъ музыкантовъ! — Джонсонъ. Я сознаюсь, моя дорогая миссъ, что немного погорячился. Музыка дѣйствительно заслуживаетъ уваженія, какъ невинное удовольствіе. Слова, *невинное удовольствіе* — великія слова! Значеніе слова удовольствіе во многихъ отношеніяхъ есть сомнительное значеніе. Бо́льшая часть нашихъ удовольствій опасны, или несовмѣстны съ добродѣтелью, потому-то если удовольствіе невинно, то оно уже сто́итъ многаго. — Босвелль. Въ такомъ случаѣ, сэръ, вы великій мастеръ и творецъ подобныхъ удовольствій: я разумѣю вашу бесѣду, которая всегда напоминаетъ мнѣ слова раввина Давида Кимчи: *Самые листья этого дерева не должны никогда вянуть, самыя беззаботныя бесѣды этого человѣка должны быть сохранены, ибо самая простая рѣчь праведнаго есть добро.* — Сэръ Д. Рейнольдсъ. Я всегда смотрю на способность къ бесѣдѣ, какъ на искусство. — Джонсонъ. И вы правы, сэръ. Для разговора нужно многое: свѣдѣнія, то есть матеріалъ, потомъ воображеніе, для того

*) За нѣсколько лѣтъ назадъ, около 1770 года, сэръ Д. Рейнольдсъ получилъ отъ Императрицы Екатерины II, за поднесенную ей первую часть «Рѣчей въ Королевской Академіи», говоренныхъ этимъ знаменитымъ художникомъ, золотую табакерку съ брильянтами и гравюрнымъ изображеніемъ Ея Величества. Въ табакеркѣ находился автографъ Великой Императрицы такого содержанія: *«Pour le Chevalier Reynolds, en témoignage du contentement que j'ai ressentie á la lecture de ses excellents Discours sur la Peinture.»*

чтобъ ставить каждый предметъ въ свѣтѣ или новомъ, или занимательномъ; потомъ власть неограниченную надъ словами, и наконецъ, стойкость характера, безцѣнную при всякой неудачѣ. У меня нѣтъ этого послѣдняго качества; я бросаю всю игру, сдѣлавъ первый проигрышъ. — Миссъ Рейнольдсъ. Противъ послѣдняго заключенія мы всѣ возстанемъ, сэръ; оно скорѣе можетъ быть примѣнено къ другому знаменитому человѣку, именно Чарльзу Фоксу, который, обладая блистательнѣйшимъ даромъ слова, очень часто молчитъ посреди самаго дружескаго круга. — Джонсонъ. Вы забываете только одно: Фоксъ, котораго каждая рѣчь въ нижней палатѣ сопровождается громомъ рукоплесканій, котораго слушать пріѣзжаютъ путешественники изъ всѣхъ краевъ Европы, имѣетъ нѣкоторое право лѣниться среди застольной бесѣды. Кто привыкъ платить долги въ тысячу фунтовъ, можетъ иногда замѣшкаться въ возвращеніи шести-пенсовой монеты. — Сэръ Рейнольдсъ. И прибавьте еще: проигрывать по тысячѣ, даже по десяти тысячъ фунтовъ. Страсть къ игрѣ, къ сильнымъ наслажденіямъ свѣтской жизни, къ ораторскимъ тріумфамъ, непремѣнно должна отразиться въ нѣкоторомъ безсиліи по части простыхъ разговоровъ. Когда я вижу, въ одинъ и тотъ же день, какъ Фоксъ, едва кончивши одну изъ своихъ блистательныхъ рѣчей, едва оправившись отъ утомленія, причиненнаго пламеннымъ монологомъ, тянувшимся три и четыре часа, подсаживаетъ придворныхъ дамъ въ кареты и скачетъ за ними на своей лошади, а потомъ, вечеромъ, садится за игру, выигрываетъ и проигрываетъ цѣлое состояніе — я удивляюсь этому человѣку и боюсь за него. — Джонсонъ. И напрасно боитесь: *Фоксъ всегда будетъ Фоксомъ — блистательнымъ, но безплоднымъ для родины человѣкомъ. Борку я предсказываю другой путь: онъ удивитъ собою вселенную* *). Чѣмъ скорѣе пройдетъ пора людей, подобныхъ Фоксу, Честерфильду и моему аристократическому врагу Горацію Вальполю **), тѣмъ лучше будетъ для всѣхъ насъ.

---

*) Можетъ быть, для нѣкоторыхъ изъ читателей, полезно будетъ прибавить, что Эдмундъ Боркъ впослѣдствіи былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ противниковъ французской революціи. Его рѣчамъ и памфлетамъ, неоспоримо имѣвшимъ въ себѣ нѣчто предсказательное, даже относящееся и къ нашему времени и къ революціямъ 1848 года, Англія преимущественно обязана началомъ гигантской борьбы, кончившейся паденіемъ Наполеона и славою для Великобританіи. Отрывки изъ Борковыхъ рѣчей и сочиненій понынѣ удивляютъ собою и служатъ для постоянныхъ цитатъ въ печати и въ палатѣ.

**) Горацій Вальполь, сынъ министра Роберта Вальполя, авторъ нѣсколькихъ романовъ, библіографическихъ эпизодовъ и великолѣпной корреспонденціи, кото-

— Босвелль. Господа, имя Честерфильда напоминаетъ мнѣ остроумную эпиграмму, недавно пущенную по гостиннымъ. Вамъ извѣстно, что сынъ лорда, мистеръ Стенгопъ, предметъ «Писемъ», ученикъ философіи своего отца, оказался пренелѣпымъ, пренеловкимъ и весьма нечестнымъ человѣкомъ. Вотъ эпиграмма: «Нашъ устарѣлый развратникъ, видя что ему нельзя грѣшить болѣе, хотѣлъ указать своему сыну, какъ идти въ адъ, въ сопровожденіи Грацій. Но благородный юноша невполнѣ воспользовался уроками, потому-что грязный родомъ, душой и дѣлами, онъ дотащился до сатаны безъ всякихъ проводовъ».

— Джонсонъ. Сэръ, я не одобряю этой эпиграммы. Если она писана съ злобой, я жалѣю о человѣкѣ, способномъ такъ злиться; если она писана, какъ я опасаюсь, для потѣхи, мнѣ досадно, что такія ѣдкія вещи пишутся въ спокойномъ духѣ, для развлеченія нѣсколькихъ свѣтскихъ болтуновъ и сплетницъ. Несчастная страсть говорить *для болтовни*, не отъ сердца, все болѣе и болѣе развивается въ обществѣ. *Никто не говоритъ ничего серьёзнаго, сэръ; нѣтъ болѣе искреннихъ разговоровъ!* Фразы, *cant*, развиваются повсюду. Конечно, нѣтъ бѣды въ томъ, что вы называете себя чьимъ нибудь покорнымъ слугою, отъ этого васъ не попросятъ стать за каретой. Можно, пожалуй, безопасно говорить о «дурныхъ временахъ» — всякій знаетъ, что его не пригласятъ оставить свой вѣкъ и своихъ соотечественниковъ. Но есть лжи болѣе вредныя, а между тѣмъ невинныя въ общемъ мнѣніи. Я говорю человѣку: «разсчитывай на меня въ чорный день», и когда этотъ человѣкъ точно приходитъ за помощью, я не стыжусь глядѣть на него, какъ на чудака! Одна бѣдная, мнѣ знакомая дѣвушка, которой родственники эмигрировали въ Барбадосъ, получила, при ласковомъ письмѣ, приглашеніе къ нимъ пріѣхать. Случилось такъ, что ей точно показалось скучнымъ жить въ Лондонѣ; она собрала всѣ свои достатки, и въ одно утро, послѣ утомительнаго и долгаго переѣзда по морю, явилась къ своимъ корреспондентамъ. Родственники изумились, отказались отъ своего приглашенія, и когда имъ было показано обличительное письмо, сказали, что *написали это просто*,

---

рую англичане ставятъ очень высоко. Вальполь велъ жизнь эпикурейца, диллетанта науки, живописи и археологіи; но съ своей поэтической лѣностью соединялъ духъ сатиры и безпримѣрнаго злоязычія. Джонсона въ своихъ письмахъ онъ описываетъ неиначе какъ уродомъ, дикаремъ. Эти нелестные отзывы теряютъ весь свой вѣсъ, если вспомнить, что Горацій Вальполь ни разу хорошо не отозвался ни объ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ современниковъ.

какъ любезность! Дѣвушка едва не умерла отъ нужды и перемѣны климата, а потомъ вернулась въ Лондонъ безъ друзей, безъ денегъ и безъ здоровья!

Босвелль довезъ лексикографа, въ каретѣ сэра Рейнольдса, до его квартиры. Грусть терзала душу преданнаго шотландца. На утро ему предстояло покинуть Лондонъ, и долго новаго свиданія съ Джонсономъ не предвидѣлось: если не слабость старика, то его предположенная поѣздка въ Италію разрушала всѣ планы скораго соединенія. «Онъ спросилъ меня», говорилъ шотландецъ, «не проведу ли я остатокъ вечера съ нимъ, въ его комнатѣ, но я отклонилъ приглашеніе, боясь, чтобы не упасть духомъ. Мы нѣжно простились, сидя въ каретѣ. Ступивъ на крыльцо, онъ произнесъ: «Прощайте!» и не глядя назадъ, съ патетическою быстротою (если можно такъ выразиться), будто стараясь скрыть свое волненіе, почти побѣжалъ впередъ. Предчувствіе долгой, долгой разлуки одолѣло меня совершенно».

На этотъ разъ предчувствіе не могло назваться напраснымъ. Доброму, преданному Боцци несуждено было болѣе видѣть своего идола, своего мэнтора, своего великаго друга!

XIV.

Послѣдняя болѣзнь. — Безкорыстіе медиковъ. — Разговоръ съ докторомъ словами Шекспира. — Предсмертныя бесѣды. — Чувствительность Борка. — Завѣщаніе — Пропуски въ завѣщаніи. — Истребленіе бумагъ. — Роковое извѣстіе. — Миссъ Моррисъ. — Вестминстерское аббатство. — Смерть Джонсона. Похороны и анекдоты о его благотворительности. — Памятники. — Печаль Босвелля. — Онъ остается вѣренъ памяти своего друга. — Дальнѣйшія радости и горести Босвелля. — Изданіе въ свѣтъ «Поѣздки къ Гебридскимъ островамъ» и «Джонсоновой жизни». — Великій успѣхъ этихъ книгъ. — Смерть Босвелля. — Мнѣніе о немъ современниковъ. — Семейство Босвелля. — Пародія на его книгу.

Наступила осень 1784 года; докторъ и друзья начали побуждать Джонсона ускорить предполагаемую поѣздку, но вскорѣ, ближе ознакомившись съ состояніемъ его здоровья, прекратили свои совѣты. Смерть близилась быстрыми шагами, и всякая перемѣна мѣста могла только повести за собой одно безполезное страданіе: всѣ первые медики Лондона знали, что знаменитому лексикографу не дожить до новаго года.

Джонсонъ боялся смерти такъ, какъ многіе ея боятся; даже въ молодые годы онъ избѣгалъ всѣхъ разговоровъ о ней, избѣгалъ вида погребальныхъ процессій, даже боялся случаевъ прощанья

съ тѣлами умершихъ друзей; со всѣмъ тѣмъ немногимъ изъ самыхъ безстрашныхъ философовъ удалось встрѣтить свою послѣднюю болѣзнь такъ спокойно, какъ онъ ее встрѣтилъ. Джонсонъ готовился къ смерти какъ христіанинъ, не переставая, однако, надѣяться на облегченіе. Каждая минута отдыха отъ страданій постоянно услаждалась присутствіемъ самыхъ дорогихъ, самыхъ преданныхъ пріятелей ветерана словесности. Присутствіе духа и невѣроятная способность къ остроумной бесѣдѣ не оставляли Джонсона посреди тяжкихъ страданій; а потому послѣдніе дни его смертной болѣзни, кромѣ своего весьма понятнаго высокаго интереса, представляютъ собою даже чисто литературную занимательность.

Доктора: Геберденъ, Брокльсби, Бетгеръ и хирургъ Крайсменкъ безотлучно находились при больномъ, иногда смѣняясь, иногда всѣ разомъ; само собою разумѣется, что ни одинъ изъ этихъ достойныхъ и знаменитыхъ медиковъ не соглашался принимать малѣйшаго вознагражденія за свои визиты. По ихъ указанію и вообще вслѣдствіе настояній остальныхъ друзей, Джонсонъ согласился пригласить на консультацію доктора Уаррена, считавшагося въ то время блистательнѣйшею звѣздою лондонскаго медицинскаго круга. Когда знаменитый гость вошелъ въ комнату больного, лексикографъ протянулъ ему дрожащую руку, говоря: «Ты пришелъ на работу послѣднимъ, въ послѣдній часъ дня, но плата твоя будетъ одинакова съ товарищами». «Франкъ», продолжалъ онъ, обращаясь къ своему вѣрному негру: «положи въ карету доктора Уаррена экземпляръ «Біографій британскихъ поэтовъ».

За недѣлю до своей кончины, проснувшись утромъ, лексикографъ встрѣтилъ доктора Брокльсби такими словами: «Эту всю ночь я былъ умирающимъ человѣкомъ. Докторъ, я буду говорить вамъ словами Шекспира:

Ты можешь ли лечить больную душу;
Изъ памяти печаль лихую вырвать,
Освободить мой умъ отъ тяжкихъ мыслей;
И помощью какого-либо зелья,
Забвенье намъ дающаго, — прогнать
Тоску, такъ страшно давящую сердце?

Брокльсби отвѣчалъ тотчасъ же словами того же поэта:

. . . . отъ названныхъ страданій
Самъ паціентъ себя избавить долженъ!»

«Превосходно, превосходно! — вскричалъ лексикографъ: — вы знаете Шекспира, какъ свою науку».

По мѣрѣ того, какъ силы поэта слабѣли, медики старались не допускать до него слишкомъ большое число посѣтителей; но была ли какая нибудь возможность запирать дверь комнаты гостямъ въ родѣ сэра Рейнольдса, Ленгтона—этотъ старинный другъ почти не покидалъ постели Джонсона—мистера Уиндгема, оставлявшаго государственныя дѣла для бесѣды съ поэтомъ, или Эдмунда Борка, тоже отказывавшагося отъ всѣхъ занятій во все время болѣзни своего друга. Одинъ разъ, когда всѣ эти сейчасъ названныя лица разомъ собрались у больного, Боркъ сказалъ: «Я боюсь, докторъ Джонсонъ, чтобы наша бесѣда и постоянныя посѣщенія не утомили васъ». «Сэръ», отвѣчалъ на это старикъ, радостнымъ взглядомъ окинувъ всѣхъ бывшихъ около него: «сэръ, нужно быть истинно несчастнымъ человѣкомъ, чтобъ утомляться подобнымъ обществомъ. Сэръ,— такихъ собесѣдниковъ, какъ я въ эту минуту, не имѣетъ ни одинъ человѣкъ во всей образованной Европѣ!» Услыхавъ эти слова, великій ораторъ вскочилъ съ своего мѣста, вымолвилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «Сэръ, вы всегда, всегда были добры, ко мнѣ...» и не имѣвъ силъ ничего сказать болѣе, выбѣжалъ, залившись слезами, изъ комнаты больного.

Чувствуя себя слабѣе и слабѣе, Джонсонъ поспѣшилъ составить духовное завѣщаніе. Все его состояніе, въ деньгахъ, билетахъ и вещахъ, не превышало трехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ (около 18.000 р. с.); около трети этой суммы имѣло идти на уплату долговъ. Затѣмъ изъ остального капитала, около половины должно было поступить въ пользу дальнихъ родственниковъ поэта, его крестнымъ дѣтямъ, женщинѣ по имени Уайтсъ, прислуживавшей у него въ домѣ, и еще одному бѣдному семейству, послѣдняя же половина назначалась на покупку пожизненной пенсіи Френсису Барберу, негру, о которомъ не разъ уже было нами упомянуто. Каждый изъ ближайшихъ друзей Джонсона имѣлъ право выбрать изъ его библіотеки книгу на память, по своему усмотрѣнію; нѣкоторымъ изъ нихъ, впрочемъ, были, сверхъ того, назначены книги, поименованныя въ завѣщаніи. За исполненіемъ поручалось наблюдать сэру Рейнольдсу, сэру Джону Гоукинсу, впослѣдствіи одному изъ біографовъ Джонсона, и доктору Уилльяму Скотту. Не любя долго останавливаться надъ печальными подробностями, лексикографъ сдѣлалъ въ своемъ завѣщаніи много пропусковъ, объясняемыхъ только одной торопливостью; такъ напримѣръ: ни преданный Босвелль, ни Боркъ, ни миссъ Бюрней, ни дѣти госпожи Трэль, не помѣщены въ число особъ, имѣющихъ получить по книгѣ на память. Но еще большую неосмотрительность оказалъ онъ

въ распоряженіи со своими письмами и рукописями, начавши истреблять то, что казалось ему заслуживающимъ уничтоженія, и вскорѣ, подъ вліяніемъ какой-то мрачной мысли, бросивши въ огонь все, что только нашлось изъ бумагъ подъ руками. Босвелль, упоминая объ этомъ бѣдствіи, особенно сожалѣетъ о двухъ толстыхъ тетрадяхъ, заключавшихъ въ себѣ подробности и замѣтки, относящіяся къ времени Джонсоновой молодости. «Нѣсколько разъ, видя эти два заманчивые тома», разсказываетъ нашъ шотландецъ: «я думалъ про себя: вотъ бы украсть эти замѣтки, и потомъ навѣки разстаться съ Джонсономъ! Когда я разсказалъ моему великому другу объ этомъ единственномъ въ моей жизни поползновеніи къ воровству, онъ отвѣтилъ, что покража могла бы свести его съ ума. Мнѣ иногда, однакоже, удавалось, тайкомъ отъ него, прочитывать по нѣскольку листовъ; тетрадь заключала его автобіографію, съ самой ранней поры.

Окончивъ всѣ сказанныя распоряженія въ началѣ декабря мѣсяца, докторъ Джонсонъ пригласилъ къ себѣ мистера Брокльсби въ неуказанную для визитовъ пору, и оставшись наединѣ съ своимъ другомъ и медикомъ, спросилъ его: есть ли какая-нибудь надежда къ выздоровленію, прося дать отвѣтъ откровенный и рѣшительный. Удостовѣрясь въ положеніи паціента и значеніи вопроса, Брокльсби отвѣтилъ: только одно чудо можетъ совершить исцѣленіе. — «И такъ», сказалъ на это лексикографъ, «я попрошу васъ не давать мнѣ болѣе лекарствъ. Я удержусь даже отъ обычныхъ пріемовъ опіума на ночь — мнѣ нежелательно, чтобъ душа моя явилась передъ Богомъ въ отуманенномъ состояніи». Черезъ два дня, 13-го декабря, молодая миссъ Моррисъ, дочь его стариннаго друга, навѣстила старика и ставъ на колѣна возлѣ постели, попросила Джонсонова благословенія. Старикъ повернулся въ постели, и сказалъ: «Богъ да благословитъ тебя, дорогое мое дитя»! Это были послѣднія слова поэта. Вечеромъ, прослушавъ молитвы, читанныя пасторомъ Гулемъ, онъ тихо заснулъ, и не просыпался болѣе.

За нѣсколько дней до своей смерти, Джонсонъ спрашивалъ сэра Джона Гоукинса о томъ, гдѣ его похоронятъ. Безъ сомнѣнія, въ Вестминстерскомъ аббатствѣ *), былъ отвѣтъ, повидимому, доставив-

*) Читателю, конечно, извѣстно, что въ Вестминстерскомъ аббатствѣ хоронятъ знаменитыхъ людей Великобританіи; къ сожалѣнію, этотъ обычай въ старое и настоящее время давалъ и даетъ большую пищу духу политическихъ и литературныхъ партій. Половина великихъ поэтовъ Англіи не лежатъ въ Вестминстерѣ.

шій истинную отраду престарѣлому ветерану словесности. 20 декабря 1784 года, тѣло Самуила Джонсона, при стеченіи безчисленной публики, принесено было, въ свинцовомъ гробѣ, во внутренность величаваго зданія аббатства, и положено у подножія Шекспирова монумента, рядомъ съ могилою Девида Геррика *). На голубой плитѣ, прикрывавшей останки лексикографа, автора «Странника», «Расселаса» и «Біографій поэтовъ Великобританіи», вырѣзали простую надпись, къ сожалѣнію на латинскомъ языкѣ:

*) Множество нищихъ и бѣдныхъ типографскихъ работниковъ сопровождало гробъ лексикографа, и много никому неизвѣстныхъ добрыхъ дѣлъ поэта явились передъ свѣтомъ по этому случаю. Вотъ нѣсколько разсказовъ, лучше всего способныхъ показать, какъ много душевной теплоты, чувства самого христіанскаго, скрывала въ себѣ суровая и угловатая натура Джонсова.

Восьмидесяти-пяти лѣтній наборщикъ Стрегеновой типографіи, по имени Меннингъ, разсказалъ на похоронахъ, какъ однажды, при напечатаніи «Жизнеописаній британскихъ поэтовъ», Джонсонъ былъ выведенъ изъ терпенія, неисправнымъ наборомъ одного изъ корректурныхъ листовъ (proof-sheets). Изорвавъ листокъ и предавшись порывамъ сильной вспыльчивости, старый поэтъ потребовалъ, чтобъ наборщикъ былъ къ нему присланъ сію же минуту. При видѣ Меннинга, Джонсонъ нѣсколько смягчился, вспомнивъ, что этотъ самый старикъ набиралъ почти весь его лексиконъ; однако же, показывая ему разорванный листъ, не удержался отъ нѣсколькихъ упрековъ. Огорченный ветеранъ типографіи взялъ листъ, свѣрилъ его съ оригиналомъ и показалъ, что всѣ ошибки заключались въ этомъ послѣднемъ. Тогда лексикографъ подошелъ къ наборщику, и при всемъ многочисленномъ собраніи, наполнявшимъ его кабинетъ, произнесъ разтроганнымъ голосомъ: — Я неправъ передъ вами, господинъ наборщикъ, я виноватъ, я одинъ виноватъ. Прошу вашего прощенія, опять и опять прошу у васъ прощенія, господинъ наборщикъ. Простите меня и забудьте мои слова. Этотъ разсказъ много выиграетъ, если къ нему прибавимъ, что въ прошломъ столѣтіи, дурное обращеніе литераторовъ и издателей съ типографскими служителями, — эти бѣдные люди не имѣли даже другого названія какъ printer's devils, — даже вошло въ поговорку.

Въ числѣ лицъ, со слезами провожавшихъ смертные останки Джонсона, находилась женщина приличнаго и скромнаго вида, обязанная старику жизнью и, можетъ-быть, своимъ спасеніемъ изъ бездны разврата. Одинъ разъ, возвращаясь ночью домой, лексикографъ примѣтилъ слабую, полузамершую дѣвушку, лишившуюся чувствъ посреди пустой улицы. Небольшого труда стоило ему, обозрѣвъ нарядъ незнакомки, убѣдиться въ томъ, что она принадлежитъ къ самому жалкому и презрѣнному классу лондонскихъ женщинъ: голодъ и болѣзнь застали ее вовремя ночной прогулки. Не думая о томъ, къ какимъ клеветамъ и сплетнямъ могла, при несчастіи, привести его благотворительность, лексикографъ поднялъ бѣдную жертву, на рукахъ отнесъ ее въ свою квартиру, поручилъ ее заботливости мистриссъ Уилліамсъ, и на утро пригласилъ доктора. Бѣдная женщина оправилась, и проживши въ квартирѣ поэта до совершеннаго выздоровленія, оставила ее, благословляя своего благодѣтеля, давъ ему торжественное слово вернуться къ порядочной жизни.

Самуилъ Джонсонъ, докторъ правъ,
Почившій въ 13 день декабря
MDCCLXXXIV.
Семидесяти-пяти лѣтъ отъ роду *).

Печаль вѣрнаго, преданнаго Джемза Босвелля (fervent Boswell), не можетъ быть описана на бумагѣ, и самъ онъ, на послѣднихъ страницахъ своей книги изображаетъ ее только двумя, тремя трогательными словами. Подобно влюбчивому человѣку, изцѣлившемуся отъ своей слабости черезъ одну пылкую и продолжительную страсть, добрый шотландецъ уже не пытался, привязавшись къ какой-нибудь новой знаменитости, замѣнить свою незабвенную утрату. Онъ уже не находилъ въ себѣ ни силъ, ни рѣшимости быть ни чьимъ Босвеллемъ: ораторы смѣняли ораторовъ въ палатѣ, новые поэты и молодые художники выступили на сцену и прославились, Джонсоновъ клубъ украсился новыми знаменитыми членами, Фоксъ, Рейнольдсъ, Боркъ, миссъ Бюрней къ своей славѣ присовокупили новыя заслуги и попрежнему оставались друзьями шотландца, но Босвелль оставался вѣренъ идолу своей молодости, другу своихъ лучшихъ годовъ. Не отказываясь отъ веселостей свѣта, семейныхъ радостей и даже отъ сочиненія стиховъ, Босвелль все-таки посвящалъ половину каждаго дня памяти усопшаго лексикографа. Онъ привелъ въ порядокъ всѣ матеріалы, собранные имъ въ-теченіе долгаго знакомства съ поэтомъ, съ невѣроятнымъ терпѣніемъ присовокупилъ къ нимъ запасъ новыхъ свѣдѣній и новыхъ замѣтокъ, надоѣлъ каждому изъ бывшихъ друзей Джонсона своими разспросами, и наконецъ принялся за обширный трудъ, обезсмертившій его имя. Старый поэтъ и за гробомъ наградилъ безпримѣрную преданность своего почитателя: Босвеллю суждено было дожить до такой извѣстности, о какой, безъ сомнѣнія, нашъ добрый чудакъ не мечталъ даже въ самую горячую пору юношескихъ мечтаній.

---

*) Вскорѣ послѣ кончины поэта, друзья соорудили ему, по подпискѣ, два памятника: первый въ лондонской церкви св. Павла, второй въ личфильдскомъ соборѣ. Первый изображаетъ самого Джонсона, прислонившимся къ колоннѣ и держащимъ въ рукѣ свертокъ съ послѣдними словами изъ «Странника»: «И пусть онъ получитъ заслуженную плату за труды свои! (цитата изъ Діонисія Географа). Скульпторъ, Джонъ Беконъ, имѣлъ несчастную идею изобразить лексикографа въ римской тогѣ, а составитель надписи на пьедесталѣ, докторъ Перръ, до того простеръ свою любовь къ древности, что показалъ поэта умершимъ *въ декабрскія иды*. Личфильдскій памятникъ проще; онъ состоитъ изъ медальона, надгробнаго камня и надписи на англійскомъ языкѣ, безъ всякихъ претензій.

Въ 1785 году, желая удостовѣриться въ томъ, какъ будетъ принята читателями задуманная имъ біографія, Босвелль отпечаталъ въ Эдинбургѣ «Описаніе поѣздки къ Гебридскимъ островамъ», которое, какъ мы уже имѣли случай видѣть, много лѣтъ, какъ ходило по рукамъ его пріятелей въ рукописи. Успѣхъ могъ назваться неимовѣрнымъ: легкость разсказа, простодушіе разсужденій, описательный даръ, соединенный съ наивностью и добродушнымъ, но комически-важнымъ изложеніемъ самыхъ микроскопическихъ подробностей, драгоцѣнные образчики Джонсоновой бесѣды, и наконецъ самое обиліе анекдотовъ о лицахъ знаменитыхъ и еще живыхъ, всѣ эти достоинства и недостатки, интересуя собою и ученыхъ и праздныхъ любителей легкаго чтенія, и публику, и сплетниковъ, разомъ поставили Джемза Босвелля въ число первоклассныхъ британскихъ литераторовъ. Шутокъ, насмѣшекъ и желчныхъ критикъ тоже было довольно: кто забавлялся, пересказывая непріятности, перенесенныя добрымъ Джемми отъ своего идола, во время поѣздки; кто дѣлалъ комментаріи насчетъ того, сколько разъ вѣрный шотландецъ напивался съ Колемъ и Коррикатахиномъ; кто сочинялъ смѣшные стихи на шотландцевъ; кто пародировалъ цвѣтистый и высокопарный слогъ Самуила Джонсона. Какъ бы то ни было, все изданіе «Поѣздки» разошлось съ быстротою, и скоро поступилъ въ продажу главный трудъ ея автора, именно «Жизнь Самуила Джонсона», въ двухъ огромныхъ, толстыхъ томахъ, in 4°. Три изданія раскупились въ два года *); Босвеллево твореніе пріобрѣло популярность, до сихъ поръ несравненную, никѣмъ неоспариваемую — популярность, которая растетъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ годомъ становясь понятнѣе и безпримѣрнѣе.

Дальнѣйшія похожденія Джемза Босвелля не представляютъ много пищи біографамъ. Послѣ смерти стараго лорда Охинлекка **), знакомаго намъ изъ описанія поѣздки къ Гебридскимъ островамъ, небольшія владѣнія старика и Охинлеккскій зàмокъ перешли къ нашему другу, но имѣніе оказалось обремененнымъ долгами, такъ что Босвелль долженъ былъ, для исправленія своихъ дѣлъ, провести много лѣтъ въ Шотландіи, отказывая себѣ во многихъ удобствахъ жизни. Къ счастью, успѣхъ Джонсоновой біографіи, выго-

*) Первое изданіе отпечатано было въ 1791 году.

**) Послѣдніе годы лорда Охинлекка были несчастны и для него и для Босвелля. Отецъ Джемми вступилъ въ бракъ съ молодой дѣвушкой изъ простого званія, передалъ ей свои наличныя деньги, надѣлалъ долговъ, и только передъ смертью примирился съ сыномъ, весьма огорченнымъ по поводу страннаго брака и его послѣдствій.

ды, доставленныя автору ея вторымъ изданіемъ, и наконецъ жалованье по занимаемой Босвеллемъ должности въ судѣ, помогли доброму шотландцу выпутаться изъ нужды и переѣхать въ Лондонъ, поближе къ знаменитымъ друзьямъ Джонсона и своимъ собственнымъ пріятелямъ. Въ Лондонѣ, Босвелль дѣлилъ свое время между удовольствіями свѣта и учено-политическими трудами, не забывая при томъ пополнять свою колоссальную біографію новыми замѣтками, при всякомъ удобномъ случаѣ перебраниваясь съ многочисленными своими завистниками. Ему хотѣлось бы занять мѣсто въ парламентѣ, но всѣ попытки по этому случаю оказались неудачными, а Фоксъ и Боркъ постоянно отговаривали Джемми отъ участія въ борьбѣ партій. Ребяческая сторона Босвеллевской натуры не утратилась съ годами: незадолго до своей смерти, добрый чудакъ пойманъ былъ кружкомъ своихъ насмѣшливыхъ пріятелей въ типографіи, за корректурами листовъ «Жизни», въ бархатномъ, расшитомъ позументами кафтанѣ, со шпагою и въ шляпѣ съ плюмажемъ, посреди толпы разинувшихъ рты наборщиковъ.

Въ этотъ день Босвелль представлялся ко двору, и восхищенный своимъ блестящимъ костюмомъ, не могъ утерпѣть, чтобъ не заѣхать оттуда, не переодѣваясь, въ типографію. Корректуры принеслибъ ему на домъ, какъ это всегда водилось, но тогда эффектъ великолѣпнаго кафтана оказался бы утраченнымъ для наборщиковъ. Довольный своей судьбою и своей славою, произведя на свѣтъ двоихъ сыновей и трехъ дочерей - красавицъ, добрый чудакъ Джемзъ Босвелль умеръ тихо и спокойно, 19 марта 1795 года, пятидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, надъ страницами новыхъ дополненій къ Джонсоновой біографіи. Лондонскій артистическій кругъ былъ опечаленъ его смертью, и долго еще посѣтители Джонсонова клуба вспоминали своего вѣчно добраго, вѣчно веселаго, вѣчно озабоченнаго собесѣдника, всегда готоваго вспоминать о Самуилѣ Джонсонѣ, и спокойно встрѣчать шуточки надъ самимъ собою. — «Докторъ Джонсонъ», говоритъ одинъ изъ современныхъ біографовъ, «былъ необыкновеннымъ существомъ, но и Босвелль, въ свою очередь, не могъ назваться ничтожнымъ человѣкомъ. Онъ соединялъ живые пріемы съ неутомимой любовью къ труду, любопытство городского сплетника съ терпѣніемъ составителя хроникъ. Имѣя высокое мнѣніе о себѣ самомъ, онъ былъ всегда готовъ любить и хвалить другихъ. Гордясь своимъ именемъ и происхожденіемъ, онъ умѣлъ склоняться передъ дарованіемъ, въ какой бы скромной долѣ оно ни находилось. Современники часто говорятъ о немъ, какъ о существѣ назойливомъ, чванномъ, болтливомъ и спо-

собнюмъ надоѣдать; въ отзывахъ ихъ есть частица истины, но самые эти недостатки для насъ драгоцѣнны. Его маленькое чванство никого не оскорбляло, его любопытство направлено было ко всему прекрасному и интересному; если онъ и надоѣдалъ кому, то надоѣдалъ излишней веселостью, готовностью на услуги, разспросами, имѣвшими цѣлью увеличеніе занимательности своего безсмертнаго труда. Даже слабости Босвелля были ему полезны — надъ нимъ часто шутили, но его принимали всюду; онъ не возбуждалъ ничьей злобы, не заставлялъ никого надѣвать маску. По роду и воспитанію, онъ годился въ товарищи аристократамъ, по веселости и обязательному нраву — былъ любимъ низшими. Онъ много читалъ и много видѣлъ. Онъ имѣлъ даръ хорошо разсказывать видѣнное и вычитанное; въ передачѣ же читателю бесѣды своихъ дѣйствующихъ лицъ, Босвелль не имѣетъ себѣ равнаго. Лицъ, которыя говорятъ между собою на его страницахъ, мы будто видимъ передъ собою.

Въ портретной залѣ Охинлекскаго замка виситъ до сихъ поръ и показывается рѣдкимъ посѣтителямъ этого негостепріимнаго края изображеніе Джемза Босвелля во весь ростъ, въ кафтанѣ и треугольной шляпѣ, писанное на полотнѣ сэромъ Джосуа Рейнольдсомъ, о которомъ мы имѣли случай упоминать такъ часто. Портретъ представляетъ человѣка среднихъ лѣтъ, съ свѣжимъ и добродушнымъ лицомъ, къ которому не очень идетъ важная и при всемъ томъ нѣсколько комическая задумчивость, по нему разлитая. Маленькій рисунокъ Джорджа Ленгтона, приложенный къ послѣднему изданію Крокерова «Босвелля», представляетъ Джемми Босвелля въ профиль, съ длинною косою, съ руками, заложенными назадъ и величественно поддерживающими длинную палку съ кистями. О семействѣ Босвелля нечего сказать интереснаго. Великобританія и Европа провозглашаютъ единогласно, что «Жизнь Джонсона» — превосходное сочиненіе, а простодушный біографъ великаго лексикографа принадлежитъ къ малому числу причудливыхъ, но истинно милыхъ писателей.

Шутки, пародіи, забавныя подраженія, возбужденныя успѣхомъ Босвеллевой книги, по своей многочисленности, могутъ составить цѣлую коллекцію, объемомъ далеко превышающую знаменитую «Johnson's life», не взирая на ея толстые восемь томовъ. Остроты и тирады по поводу *Босвеллизма* можно отыскать въ самыхъ новѣйшихъ кипсекахъ, или на страницахъ того, или другого послѣдняго нумера британскихъ обозрѣній. Одну изъ остроумнѣйшихъ шутокъ въ этомъ родѣ мы представляемъ нашимъ читателямъ,

какъ необходимое дополненіе всего труда. Авторомъ пародіи, имѣвшей въ свое время немаловажный успѣхъ, былъ молодой литераторъ по имени Александръ Чельмерзъ (Chalmers).

УРОКЪ ВЪ НАУКѢ БІОГРАФІИ, ИЛИ О ТОМЪ, КАКЪ ДОЛЖНО ОПИСЫВАТЬ ЖИЗНЬ СВОЕГО ДРУГА.

Извлеченіе изъ жизнеописанія доктора *Поцца*, въ десяти томахъ in-folio, написанныхъ Джемзомъ *Боццомъ*, который *процѣнталъ* *) вмѣстѣ съ нимъ около пятидесяти лѣтъ.

Мы обѣдали въ харчевнѣ. Докторъ Поццъ былъ весь день необыкновенно поучителенъ. Мы говорили о книгахъ. Я упомянулъ объ исторіи Томми Трипа. Я сказалъ, что это великое твореніе. — Поццъ. Да, сэръ, это великое твореніе, но оно велико въ относительномъ смыслѣ. Когда вы были мальчишкой, вы считали исторію Томми Трипа великимъ твореніемъ; а теперь, сэръ, вы сами великій человѣкъ, а Томми Трипъ мальчишка. Меня нѣсколько оскорбило это замѣчаніе, и мнѣ кажется, что онъ это примѣтилъ, потому что, давя лимонъ въ свою тарелку, сказалъ: «Сэръ, никогда не оскорбляйтесь сравненіемъ. Меня сравнивали со многими вещами, но я никогда не обижался. Пусть скажутъ, напримѣръ, что я похожъ на собаку, а вы на собаченку, привязанную къ моему хвосту — я не обижусь нимало. — Боццъ. Но иныя сравненія развѣ не бываютъ обидны и гнусны? — Поццъ. Нѣтъ, сэръ, сравненія сами по себѣ необидны, онѣ негнусны какъ сравненія, гнусны люди, ихъ себѣ позволяющіе. Всѣ ваши лябятъ дѣлать сравненія.

---

*) Насмѣшка надъ выраженіемъ Босвелля въ заглавіи его книги. Вотъ это заглавіе:

Жизнь Самуила Джонсона L. L. D. (доктора Правъ), заключающая въ себѣ отчетъ о его занятіяхъ и многочисленныхъ трудахъ, въ хронологическомъ порядкѣ; собраніе его письменной корреспонденціи и бесѣдъ со многими знаменитыми людьми, и много оригинальныхъ вещей, имъ сочиненныхъ и еще никѣмъ доселѣ неизданныхъ.

Все вообще должно изображать собою обозрѣніе литературы и литературныхъ людей Великобританіи почти за полустолѣтіе, въ теченіе котораго онъ процвѣталъ.

Сочиненіе *Джемза Босвелля*, въ двухъ томахъ (quarto).

Quo fit ut *Omnis*
Voliva pateat veluti descripta tabella
Vita senis.
Horat.

Лондонъ, печатано у Генри Бальдуина,
издано Карломъ Дилли 1791.

Вечеромъ мы ужинали въ его домѣ, при чемъ я показалъ ему стансы, сочиненные мною по поводу моихъ панталонъ.—Поццъ. Сэръ, стихи хороши, но гдѣ вы могли найти тему для своего стихотворенія *).—Боццъ. Тутъ-то и видна изобрѣтательность поэта. —Поццъ. Да, сэръ, но немногіе изъ вашихъ земляковъ возьмутъ въ толкъ эту изобрѣтательность. Я потомъ долго разсуждалъ о глубинѣ этого замѣчанія: оно можетъ служить доказательствомъ, какую ясность вносилъ онъ въ каждый вопросъ о каждой отрасли словесности. Я спросилъ его затѣмъ, какого онъ мнѣнія о зеленыхъ очкахъ?—Поццъ. Что касается до зеленыхъ очковъ, сэръ, то я охотно бы носилъ ихъ, еслибы они мнѣ нравились, или дѣлали пользу зрѣнію. Но еслибы кто нибудь пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что зеленыя очки дѣлаютъ ему вредъ, я бы не сталъ принуждать его носить зеленыя очки. Нѣтъ, сэръ, я бы, напротивъ того, отговорилъ его. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, я снова спросилъ его мнѣнія объ этомъ предметѣ, и онъ почтилъ меня письмомъ, которое читатель найдетъ въ своемъ мѣстѣ, томъ шестой, стр. 2,789. Я думалъ много объ этомъ предметѣ и признаюсь, что въ подобномъ дѣлѣ нравственная воля человѣка не должна быть стѣсняема.

На слѣдующій день я уѣхалъ изъ города, и, какъ значится въ моемъ журналѣ, находился въ отлучкѣ шесть недѣль, три дня и семь часовъ. Въ теченіе этого времени получено было мною слѣдующее письмо.

Джемзу Боццу.

«Дорогой сэръ. Мой желудокъ совсѣмъ разстроился. Пожалуй-«ста, купите для меня нѣсколько турецкаго ревеню, да не забудь-«те съ тѣмъ вмѣстѣ прислать мнѣ томикъ вашего «Путешествія».

«Пишите ко мнѣ чаще и пишите больше. Остаюсь вашъ пре-«данный Сам. Поццъ».

Было бы съ моей стороны непростительно не напечатать этого письма, изъ котораго можно видѣть великій и сіяющій умъ этого человѣка, котораго я съ гордостью называлъ своимъ знаменитымъ другомъ. По возвращеніи моемъ въ городъ, мы съ нимъ снова встрѣтились въ харчевнѣ. Мы много говорили въ этотъ день; его остроуміе сіяло подобно молніи; нѣтъ часа въ моей жизни, въ который бы я не поучался и не извлекалъ пользы изъ его безцѣнныхъ рѣчей.

*) Предполагается, что Боццъ шотландецъ.

Его познанія въ медицинѣ могли назваться неимовѣрными. Онъ передалъ мнѣ, что одинъ изъ нашихъ общихъ друзей занемогъ ужасной болѣзнью: онъ потерялъ способность владѣть членами, такъ что не могъ стоять и ходить безъ посторонней помощи; языка онъ тоже лишился, глаза его опухли, каждая жилка вздулась, и пульсъ бился до ста шестидесяти разъ въ минуту. При всемъ этомъ лицо бѣднаго друга было блѣдно, а оконечности его тѣла холодны. Полный соболѣзнованія, я сказалъ, что сейчасъ же схожу его провѣдать, и прибавилъ: «Я, сэръ, возьму съ собою доктора Болуса». — Поццъ. Нѣтъ, сэръ, не ходите. Зная его благородную душу, я немало изумился и спросилъ, почему же не ходить? — Поццъ. Сэръ, вы не знаете въ чемъ состоитъ его болѣзнь. — Боццъ. Бога ради, скажите, какая это болѣзнь? — Поццъ. Сэръ, нашъ другъ, *пьянъ мертвецки!*

Это объясненіе повергло меня въ пароксизмъ хохота и онъ присоединился ко мнѣ, ворочаясь всѣмъ тѣломъ, какъ это случалось всегда въ то время, когда онъ наслаждался успѣхомъ шутки; но минуту спустя, онъ вдругъ остановилъ меня. — Поццъ. Сэръ, вы не должны смѣяться тому, что было сказано мною. Сэръ, кто смѣется при словахъ другого человѣка, скоро будетъ смѣяться надъ нимъ самимъ. Сэръ, вы имѣете право смѣяться только при своихъ шуткахъ: я думаю вамъ рѣдко придется испытать это удовольствіе.

. . . .

Въ этотъ день мы толковали о множествѣ предметовъ, но я нахожу только небольшое число замѣтокъ въ моемъ журналѣ. По поводу полпива онъ сказалъ что этотъ напитокъ безвкусенъ. Онъ говорилъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ о противникахъ министерства, и осудилъ одного изъ нашихъ друзей за его страсть къ печенымъ яйцамъ. Вывѣски объявилъ онъ, на его памяти почти исчезли изъ лондонскихъ улицъ. «Опера нищихъ», казалась ему безнравственнымъ твореніемъ. Я попробовалъ было вступиться за піесу, доставившую мнѣ столько наслажденія, но мнѣ ли было бороться съ силой его ума? Вслѣдъ затѣмъ, къ моему крайнему удовольствію, онъ сообщилъ мнѣ, какъ лечить мозоли, прикладывая къ нимъ шолкъ, намоченный въ маслѣ. Онъ былъ высокаго мнѣнія о хронологіи сэра Исаака Ньютона, и по поводу большихъ пряжекъ, входившихъ въ общее употребленіе, замѣтилъ, что производство этого товара даетъ полезное занятіе многимъ работникамъ.

На слѣдующій день мы обѣдали въ тавернѣ «Митра». Я заговорилъ о привидѣніяхъ. — Поццъ. Сэръ, въ пользу существова-

нія привидѣній также много аргументовъ, какъ и противъ ихъ существованія. Вы можете не вѣрить, но отрицать не имѣете никакого права. Я сообщилъ ему, что моя бабушка однажды видѣла привидѣніе. Онъ попросилъ разсказать всю исторію въ подробности, и пока я исполнялъ его желаніе, слушалъ меня съ глубокимъ вниманіемъ. Когда я сказалъ, что привидѣніе въ первый разъ явилось бабушкѣ въ видѣ бараньей ноги, а во второй въ видѣ чайника, онъ меня перебилъ, — Поццъ. Вотъ, сэръ, здѣсь я вижу пунктъ немалой важности; доказательства хороши, но сама исторія не выдерживаетъ критики. Мы не можемъ отвергать, что духъ или привидѣніе являлось въ двухъ вами упомянутыхъ видахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумъ отказывается этому вѣрить. Какое отношеніе имѣетъ баранья нога съ чайникомъ, и для чего привидѣнію являться въ этихъ двухъ видахъ? Оба предмета неспособны возбуждать страха. Между обоими предметами нѣтъ ничего общаго, сэръ, оба предмета никогда не бываютъ видимы въ одно время и въ одномъ мѣстѣ. — Боццъ. Сэръ, я думаю, что вообще старухи часто видятъ привидѣнія. — Поццъ. Да, сэръ, и разговоръ ихъ полонъ этимъ сюжетомъ. Я хотѣлъ бы имѣть при себѣ старуху, чтобъ записывать ея разсказы. Болтливость старухъ драгоцѣнна для любителей подробности.

Мы заговорили объ одномъ джентльменѣ весьма дурной репутаціи. — Поццъ. Сэръ, онъ мошенникъ. — Боццъ. Я всегда ненавидѣлъ мошенниковъ. — Поццъ. Тутъ-то вы и не правы — не слѣдуетъ ненавидѣть мошенниковъ. Мошенники, сэръ, иногда бываютъ полезны. Я не хотѣлъ бы водить компаніи съ мошенниками, но иногда не могу безъ нихъ обойтись. — Боццъ. Развѣ мошенники невсегда дураки? — Поццъ. Нѣтъ, сэръ, мошенникъ и дуракъ не одно и тоже. Мошенникъ можетъ имѣть умъ, можетъ знать многое, что дураку недоступно. Всякій человѣкъ можетъ быть дуракомъ. На мошенниковъ можно сдѣлать хорошую книгу. Я желалъ бы, чтобъ явилась въ свѣтъ «Biographia Flagitosa» или «Жизнеописанія знаменитыхъ мошенниковъ» отъ древности до нашихъ дней. Говоря о повѣшеніи, я сказалъ, что по моему мнѣнію, повѣшенный человѣкъ находится въ странномъ и неловкомъ положеніи. — Поццъ. Нѣтъ, сэръ, повѣшенный не находится въ странномъ положеніи; положеніе это разумно. Надо, чтобъ особа, всю жизнь свою дѣйствующая кривыми и извилистыми путями, была наконецъ приведена въ перпендикулярное состояніе. Я разсказалъ о томъ, какъ мнѣ недавно случилось быть въ компаніи нѣсколькихъ джентльменовъ, изъ которыхъ каждый припомнилъ, какъ кто

нибудь изъ его друзей или родныхъ былъ недавно повѣшенъ. — Поццъ. Сэръ, вспоминая объ этомъ, они поступали разумно. Мы знаемъ тѣхъ, кто былъ повѣшенъ и можемъ о томъ вспоминать, но людей, заслуживающихъ повѣшенія, мы не знаемъ всѣхъ, и высчитывать такихъ людей въ компаніи было бы невѣжливостью. Нѣтъ, сэръ, объ этомъ предметѣ можно только *думать*.

XV.

Біографы Джонсона и лица, писавшія о разныхъ событіяхъ его жизни. — Гоукинсъ, мистриссъ Піоцци, и другіе. — Крокерово изданіе Босвеллевой «Жизни Джонсона». — Разборы этого изданія. — Этюдъ Маколея. — Взглядъ автора на значеніе книги. — Босвелль главное лицо въ сочиненіи. — Первая изъ автобіографій, когда-либо писанныхъ. — Нападки на характеръ Босвелля. — Защита Босвелля въ сочиненіяхъ Карлейля. — Блистательный взглядъ Томаса Карлейля на значеніе Джонсоновой личности. — Благость и величіе. — Безстрашіе и милосердіе. — Да здравствуетъ Джонъ Буль. — Заключеніе.

Въ заключеніе нашего труда нелишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о матеріялахъ, изъ которыхъ читатель можетъ почерпнуть много интересныхъ, нами нетронутыхъ свѣдѣній о жизни Самуила Джонсона и его вѣрнаго біографа, а затѣмъ, по поводу этого указанія, изложить новѣйшій взглядъ современныхъ историковъ британской литературы на характеръ и значеніе обѣихъ нами названныхъ личностей.

Сэръ Джонъ Гоукинсъ, одинъ изъ друзей и душеприкащиковъ лексикографа; вскорѣ послѣ его смерти издалъ въ свѣтъ «Жизнь Самуила Джонсона», въ одномъ небольшомъ томѣ, заключавшемъ въ себѣ достаточное количество любопытныхъ подробностей. Гоукинсъ для составленія своей книги, пользовался бумагами поэта, имъ спасенными отъ сожженія, въ слогѣ же и манерѣ произведенія придерживался стараго порядка біографій, примѣшивая къ своимъ матеріаламъ собственные панегирики и разсужденія. Появленіе Босвеллевой книги нанесло рѣшительный ударъ Гоукинсовой біографіи, и такъ какъ повѣствовательный талантъ ея автора не могъ назваться значительнымъ, то и самое его сочиненіе вскорѣ забыто публикою.

Госпожа Трэль, во время своего знакомства съ Джонсономъ, вела небольшія замѣтки, и послѣ своего брака съ господиномъ Піоцци, издала ихъ въ свѣтъ, давши имъ анекдотическую форму и прибавивъ къ тому письма, въ разное время писанныя ей старымъ поэтомъ. Книга ея пользуется репутаціею живого, оригинальнаго произведенія, и вполнѣ заслуживаетъ свою славу. Подвижной, ве-

селый, горячій характеръ женщины-автора, высказывается на каждой страницѣ. Мистриссъ Піоцци очень неблагосклонна къ Босвеллю, который платилъ ей тою же монетою. Письма Джонсона, ею напечатанныя не имѣютъ большого интереса. Лексикографъ хорошо писалъ свои посланія только тогда, если былъ чѣмъ-либо особенно растроганъ, или если предметъ письма, по важности своей, принуждалъ его писать со стараніемъ. Письма, помѣщенныя въ нашей статьѣ, принадлежатъ всѣ безъ исключенія къ этому разряду.

Изъ остальныхъ современниковъ, писавшихъ о Джонсонѣ и Босвеллѣ, достаточно будетъ упомянутъ мистера Рейта, автора разсказовъ, подъ названіемъ *Джонсоніана* (къ сожалѣнію, почти цѣликомъ взятыхъ у Гоукинса, мистриссъ Піоцци и особенно Босвелля) и миссъ Френсесъ Бюрней, сочинительницу романа «Эвелина» — извѣстнаго русскимъ читателямъ. Миссъ Бюрней, дочь композитора и сочинителя весьма уважаемыхъ статей о музыкѣ, видалась съ Джонсономъ въ домѣ своего отца и вела съ поэтомъ дѣятельную корреспонденцію. Бо́льшая часть ея сочиненій, кромѣ «Эвелины», были исправляемы Джонсономъ, можетъ быть во вредъ ихъ простотѣ. Фр. Бюрней, впослѣдствіи госпожа Дарблей, издала въ свѣтъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, свои «Записки», первая часть которыхъ заключаетъ въ себѣ много интересныхъ разсказовъ о Джонсонѣ и его шотландскомъ поклонникѣ.

Въ обширномъ изданіи Gentleman's magazine, любимомъ журналѣ прошлаго столѣтія, можно отыскать безчисленное множество анекдотовъ про Джонсона, панегириковъ и эпиграммъ, пародій на его слогъ, свѣдѣній о его образѣ жизни и занятіяхъ, описаніе его послѣднихъ минутъ, и наконецъ, цѣлый океанъ шутокъ, возбужденныхъ Босвеллевой біографіей. Мистеръ Масонъ, коментаторъ Шекспира и человѣкъ, лично знавшій Джонсона, по смерти Босвелля два раза издалъ его книгу, обогативъ ее множествомъ замѣтокъ, анекдотовъ и новыхъ свѣдѣній, доставленныхъ очевидцами. Послѣднее изъ этихъ изданій принадлежитъ къ нашему столѣтію; оно было пущено въ свѣтъ въ 1804 году, и быстро раскуплено. Ближе къ нашему времени явилось нѣсколько статей о Джонсонѣ и Босвеллѣ въ «Британской Біографіи», энциклопедическихъ лексиконахъ и литературныхъ журналахъ Англіи. Вальтеръ Скоттъ объѣздилъ Гебридскіе острова, составляя комментаріи къ Босвеллевой «Поѣздкѣ», и украсилъ свой трудъ богатымъ запасомъ превосходныхъ анекдотовъ. Наконецъ, въ 1831 году, мистеръ Джонъ Уильсонъ Крокеръ, докторъ правъ и писатель, извѣстный своими этюдами въ «Quarterly Review», по части исторіи.

словесности, послѣ многихъ лѣтъ упорнаго труда, выпустилъ въ свѣтъ лучшее до сихъ поръ изданіе Босвеллевой «Жизни Джонсона», прибавивъ къ этой біографіи «Поѣздку на Гебридскіе острова», огромное количество писемъ, нѣсколько тысячъ своихъ собственныхъ и чужихъ комментаріевъ, и кромѣ всего этого, припечатавши, въ видѣ приложеній, множество свѣдѣній о Джонсонѣ и Босвеллѣ, свѣдѣній или совершенно новыхъ, или старыхъ, но безъ вѣсти пропадавшихъ по журналамъ, также какъ на страницахъ книгъ, вышедшихъ изъ продажи. Самъ Босвелль могъ бы позавидовать неутомимымъ трудамъ и ревности мистера Крокера. Издатель его безсмертной книги не жалѣлъ ни усилій, ни времени, изъѣздилъ всю Англію, собирая анекдоты про Джонсона, его автографы и письма, даже имѣлъ аудіенціи у членовъ королевской фамиліи, прося содѣйствія своимъ хлопотамъ и доступа въ какіе-то архивы, для него недоступные. Главное попеченіе Крокера, какъ и слѣдовало ожидать, было устремлено на поясненіе свѣдѣній, понятныхъ современникамъ Босвелля, нынѣ же темныхъ и становившихся темнѣе съ каждымъ годомъ. Руководясь этой мыслью, названный нами издатель дѣйствовалъ медленно, осмотрительно, неутомимо, и наконецъ кончилъ свое дѣло въ совершенствѣ. Знаменитый книгопродавецъ Муррай издалъ книгу самымъ блистательнымъ образомъ, и еще въ прошломъ году имѣлъ удовольствіе пустить въ ходъ ея второе изданіе.

Книга Крокера, неоспоримо, лучшее изъ всѣхъ существующихъ изданій Джонсоновой жизни, въ свою очередь породила нѣсколько журнальныхъ статей, изъ которыхъ одна, къ сожалѣнію отчасти затемненная духомъ партіи, признана всѣми любителями британской словесности за превосходнѣйшій трудъ, далеко оставившій назади все, что до сихъ поръ было писано въ Англіи о Самуилѣ Джонсонѣ и его преданномъ жизнеописателѣ. Авторомъ этого классическаго этюда, помѣщеннаго въ 1831 году на страницахъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», этюда, стоящаго цѣлой книги по своему значенію, былъ Томасъ Бабингтонъ Маколей, тогда еще горячій молодой журналистъ, впослѣдствіи авторъ «Пѣсень древняго Рима», «Исторіи Англіи», членъ нижней палаты и министерства, какъ секретарь военныхъ дѣлъ (secretary of War). Этюдъ *)

---

*) Слово *этюдъ*, примѣненное къ журнальнымъ статьямъ, довольно хорошо передаетъ значеніе англійскаго слова Essay. Замѣнить это слово статьей или опытомъ совершенно невозможно. Повѣсть, фельетонъ, статистическое свѣдѣніе, полемическая замѣтка тоже могутъ быть названы *статьями*. Опытъ — буквальный переводъ слова Essay — не выражаетъ его значенія въ литературномъ отношеніи.

Маколея, съ тѣхъ поръ изданный нѣсколько разъ, при полномъ собраніи критическихъ статей этого автора, въ Лондонѣ, Филадельфіи и Лейпцигѣ, начинается жосткими и невѣжливыми нападками на изданіе господина Крокера; но къ счастію, послѣ первыхъ страницъ, совершенно недостойныхъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» и его знаменитаго сотрудника *), тотчасъ же идетъ рядъ блистательныхъ поэтическихъ выводовъ, новыхъ мыслей, живыхъ и нежданныхъ отступленій, лирическихъ вспышекъ, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ достоинствъ, которыя дѣлаютъ чудо увлекательности изъ самой незначительной статьи, подписанной Маколеемъ. Идея, проведенная по всему произведенію, вполнѣ достойна своего блестящаго изложенія. Оставивъ панегирики и анекдотическую болтовню, безъ которыхъ до того не обходилась ни одна статья о Джонсонѣ и Босвеллѣ, авторъ этюда всматривается въ характеры обоихъ героевъ, признаетъ и тотъ и другой въ высшей степени поучительными, а затѣмъ объясняетъ необыкновенный успѣхъ Босвеллева творенія *не столько анекдотическою его занимательностью, какъ чрезвычайнымъ вліяніемъ названныхъ характеровъ на сердца читателей прошлаго, современнаго и, по всей вѣроятности, всѣхъ будущихъ поколѣній.* Въ «Johnson's Life» Маколей видитъ не одну картину старыхъ литературныхъ нравовъ, не одинъ рядъ живописныхъ подробностей и милыхъ анекдотовъ, — подобнаго рода интересъ представляютъ многіе сборники, неимѣвшіе сотой доли успѣха Босвеллева творенія, — въ безсмертной книгѣ преданнаго шотландца критикъ видитъ подробнѣйшую біографію великаго труженика науки, соединенную съ автобіографіей самого Босвелля, съ самой нелицемѣрной, самой микроскопической изъ всѣхъ автобіографій, когда-либо являвшихся въ какой-либо словесности. И посвящая главную часть этюда изслѣдованіямъ о значеніи личности Джемса Босвелля, Маколей даетъ намъ замѣтить, что главнымъ героемъ книги, причиной ея громаднаго успѣха должно считать Босвелля, и одного Босвелля, представившаго свѣту единственный и неподражаемый примѣръ автобіогра-

---

*) Джонсонъ Крокеръ былъ ненавистникъ редакціи «Эдинбургскаго Обозрѣнія» какъ сотрудникъ «Трехмѣсячнаго Обозрѣнія» (Quarterly Review), съ Маколеемъ же имѣлъ неудовольствія по случаю совершенно различныхъ взглядовъ въ историческихъ трудахъ обоихъ писателей. Увлекшись духомъ партіи, Маколей нетолько призналъ превосходное изданіе Крокера негоднымъ, основываясь на маломъ числѣ неточныхъ комментаріевъ, но самъ даже сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, впослѣдствіи выставленныхъ его противникомъ, при новомъ изданіи книги въ 1851 году.

сіи, самой искренней, исповѣди самой откровенной, передъ которою признанія другихъ знаменитыхъ людей, ничто иное, какъ чудныя, но лишенныя истины разглагольствованія о самихъ себѣ. Характеръ Джонсона прекрасенъ, вѣренъ, занимателенъ, но онъ одинъ не составляетъ оригинальности произведенія; эта, можетъ быть, единственная въ мірѣ оригинальность заключается въ безсознательныхъ признаніяхъ Босвелля, его самохвальной наивности, въ его простодушіи, въ угольяхъ, которыя слабоумный чудакъ нагребаетъ на свою собственную голову. Чуть Босвелль сходитъ со сцены на время, интересъ его книги слабѣетъ, чуть онъ является опять, читатель съ жадностью кидается слѣдить за тѣмъ, какъ это непонятное созданіе начинаетъ цѣлый рядъ признаній, которыхъ, можетъ быть, самый несамолюбивый человѣкъ не посмѣетъ сдѣлать самому себѣ, въ тишинѣ своего кабинета, наединѣ съ своей совѣстью!

Босвелль, — мы передаемъ здѣсь своими словами мысль Маколея, — срамитъ самъ-себя поминутно, поминутно развиваетъ онъ передъ читателемъ, съ неслыханнымъ простодушіемъ, картину своей собственной жалкой души, своихъ дѣтскихъ, уморительныхъ странностей, и читатель наслаждается ею, потому что картина неподражаемо вѣрна, и потому что во всякомъ изъ насъ есть своя затаенная частица босвеллизма. Мы видали людей, которые хладнокровно и искренно вели разсказъ о своихъ преступленіяхъ, о своемъ развратѣ, о своихъ великихъ ошибкахъ, но каждый изъ этихъ автобіографовъ отшатнулся бы съ ужасомъ отъ своего труда, еслибъ его попросили передать публикѣ рядъ собственныхъ своихъ мелкихъ уничиженій, смѣшныхъ и обидныхъ приключеній, ошибокъ не эффектныхъ, но жалкихъ и всего болѣе забавныхъ. Сильные передъ гнѣвомъ, гоненіемъ свѣта, мы боимся его насмѣшекъ болѣе гнѣва и гоненій; мысль, что наши признанія насмѣшатъ міръ на нашъ же счетъ, способна убить собой разскащика! И вотъ почему признанія Босвелля единственны, несравненны въ своемъ родѣ! Глупый педантъ, — онъ простодушно восхищается своимъ педантизмомъ, считая его за ученость; льстецъ и паяцъ, онъ тщеславится этими званіями; старая баба по своей любви къ сплетнямъ, онъ не видитъ въ этой любви ничего постыднаго. Его ругаютъ въ глаза самымъ дерзкимъ образомъ, онъ наивно передаетъ свою печаль по этому случаю; надъ нимъ смѣются, онъ выписываетъ насмѣшку всѣми буквами; его выгоняютъ изъ дома за глупую болтовню, онъ опять туда вторгается со стихами, проситъ прощенія, и, получивъ его, сообщаетъ всю исторію чита-

телю. Онъ напивается пьянъ, поутру его ругаютъ какъ мальчишку, и онъ описываетъ свой страхъ, даетъ слово исправиться, и потомъ опять является передъ читателемъ въ пьяномъ видѣ, и опять безъ трепета выноситъ шутки, жосткія слова, униженія всякаго рода. Какой человѣкъ, хотя бъ ему обѣщали громадную славу впереди, согласится хладнокровно разсказывать публикѣ событія такого рода? Но у Босвелля мѣдный лобъ, и онъ тщеславится своимъ срамомъ. И вотъ какимъ путемъ добился онъ въ одно время до того, что слава его гремитъ по всей Европѣ, между тѣмъ какъ его родной сынъ стыдится говорить съ кѣмъ нибудь про книгу, прославившую имя его родителя.

Въ Босвеллѣ было только одно доброе качество: ровность нрава, потому что простодушія въ разсказѣ своихъ презрѣнныхъ дѣлъ мы не считаемъ добрымъ качествомъ: простодушіе это имѣло зародышь въ тщеславіи, понимаемомъ по своему. Съ помощью ровнаго и веселаго нрава, Босвелль пробрался во всѣ лучшіе круги Лондона, и высмотрѣлъ все то, что̀ намъ сообщаетъ, но въ каждомъ изъ этихъ круговъ онъ не былъ уважаемъ нисколько. На него смотрѣли почти какъ на шута, и онъ не тяготился этимъ. Отъ Джонсона перенесъ онъ болѣе униженій, чѣмъ отъ кого либо, но врожденное безстыдство Джемми не видѣло въ нихъ ничего ужаснаго: онъ могъ бесѣдовать съ лексикографомъ, считался его другомъ, — и съ него было довольно. И такъ, съ помощью качествъ жалкихъ и постыдныхъ, Джемзъ Босвелль нетолько подарилъ свѣту *первую* изъ всѣхъ автобіографій въ свѣтѣ, но даже навѣки прославилъ писателя, смотрѣвшаго на него какъ на нѣчто среднее между своимъ негромъ и вседневнымъ шутомъ для бесѣды.

Таковъ взглядъ (правду сказать, взглядъ несовсѣмъ лестный) Томаса Бабингтона Маколея на Босвелля и причину успѣха его книги. Новость взгляда, блескъ изложенія, совершенно утраченный въ нашемъ блѣдномъ сокращеніи, не скрываютъ, однако же, отъ насъ отчасти непонятной строгости къ особѣ преданнаго шотландца *). Смѣшно было бы съ нашей стороны и съ нашими неполны-

*) Не думалъ ли Маколей, описывая нѣкоторыя изъ качествъ Босвелля, кольнуть послѣдняго издателя его книги, именно Крокера, простиравшаго свою ревность по изданію, собранію новыхъ матеріяловъ, и, можетъ быть, докучнымъ разспросамъ о Джонсонѣ и Босвеллѣ, — до нѣкотораго *босвеллизма*? Крокеръ дѣйствительно не оставилъ въ покоѣ ни одного семейства, въ которомъ находились лица, помнившія его героевъ, и даже потревожилъ, какъ мы видѣли, королевскую фамилію.

ми матеріялами подъ рукой, оспаривать выводы одного изъ знаменитѣйшихъ писателей, которыми гордится Великобританія; но къ счастью, въ самой Англіи нашлись защитники бѣднаго Босвелля, и мы, опираясь на ихъ слова, еще можемъ съ нѣкоторымъ основаніемъ, высказать то, что̀ думаемъ по этому предмету. Нѣтъ сомнѣнія, что книга Босвелля драгоцѣнна автобіографіею, которой ничего подобнаго не было въ образованномъ мірѣ; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что признанія Босвелля могли быть сдѣланы только *имъ однимъ*; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что преданный Джемми могъ назваться существомъ въ высшей степени комическимъ. Но признать дуракомъ, педантомъ, шутомъ и жабоѣдомъ *) человѣка, подарившаго намъ одну изъ восхитительнѣйшихъ книгъ во всемъ книжномъ царствѣ, — мы не рѣшаемся; не потому что онъ подарилъ намъ эту книгу, но потому, что во всѣхъ дѣлахъ и признаніяхъ Босвелля, различая много смѣшного, мы не видимъ ничего подлаго и позорнаго. Самъ Маколей отдаетъ полную честь Босвеллевой правдивости, да и въ самомъ дѣлѣ, кто способенъ заподозрить во лжи человѣка, заставляющаго цѣлый міръ надъ собой потѣшаться? а въ «Johnson's Life» ясно высказано, какъ лексикографъ заставлялъ забывать каждую непріятность, имъ сдѣланную шотландцу, — или дружеской услугою, или откровеннымъ, отъ сердца выходящимъ извиненіемъ **). Самъ Маколей, въ своей «Исторіи» и «Собраніи историческихъ этюдовъ», сообщалъ намъ до какой степени пьянство развито было въ Англіи XVII и XVIII столѣтій; изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что Босвелль, простодушно разсказывая свои попойки и ихъ горестныя послѣдствія, не можетъ быть поставленъ наряду съ джентльменомъ нашего времени, который вздумалъ бы печатно хвастаться своими продѣлками въ нетрезвомъ видѣ. И опять: Маколей, поэтическими чертами изобразивъ намъ въ своемъ этюдѣ всѣ униженія, всѣ бѣдствія бѣдныхъ литераторовъ въ сказанныя столѣтія, самъ ведетъ насъ къ тому заключенію, что Босвелль, рано вступившій въ литературный кругъ своего времени, не имѣлъ причины видѣть въ какихъ нибудь шуткахъ или жосткихъ словахъ значительнаго оскорбленія своему достоинству. Критеріумъ обидъ, если позволено будетъ такъ выразиться, во многомъ измѣнился въ теченіе столѣ-

*) *Toad-eater* (пожиратель жабъ) англійское выраженіе, означающее человѣка, способнаго переносить всѣ возможныя насмѣшки и униженія, для своихъ выгодъ.

**) Вообще Босвелль, конечно, не страдалъ ни отъ кого столько, какъ отъ своего великаго друга, но во всей его книгѣ едва ли есть десять примѣровъ вспыльчивости и насмѣшекъ со стороны Джонсона.

тія, и джентльменъ, котораго въ наше время вызовутъ на дуэль за невѣжливое слово, можетъ быть, за восемьдесятъ лѣтъ назадъ прибилъ бы своего противника гдѣ нибудь на улицѣ, не подвергаясь ни нареканію свѣта, ни опасности отъ вызова.

Льстить знаменитымъ современникамъ, навязываться къ нимъ въ друзья и переносить отъ нихъ щелчки и царапины, Босвелль любилъ отъ всего сердца. Но въ обществѣ великихъ людей своего времени онъ не былъ ни шутомъ, ни негромъ, а просто веселымъ и простодушнымъ пріятелемъ, готовымъ на услугу, негнавшимся за шуткою и жертвовавшимъ собой для общаго увеселенія. На него рисовали карикатуры *), про него сочиняли смѣшныя исторіи, но презирать Босвелля не могъ и не желалъ никто изъ его пріятелей. Ребенокъ до конца жизни, нашъ шотландецъ хранилъ въ своей душѣ, вмѣстѣ съ многими ребяческими слабостями, теплоту, ласковость, мягкость дѣтства. Почтительный сынъ, нѣжный супругъ и отецъ, онъ умѣлъ вводить въ свои дружескія связи нѣчто привлекательное и родственное; читая описаніе его хлопотъ о прибавкѣ Джонсону пенсіи, его восторга при успѣхѣ ходатайства, нетрудно будетъ убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. И горячность эта, послужившая поводомъ къ характеристическому эпитету: «преданный Босвелль», не пропадала безъ взаимности. Лордъ-канцлеръ Тюрло отвѣчаетъ вѣжливымъ, теплымъ письмомъ на письмо Босвелля по случаю Джонсоновой поѣздки въ Италію; первый живописецъ того времени, сэръ Рейнольдсъ, охотно вызывается написать портретъ Босвелля, и ждать уплаты до поправленія его состоянія; суровый лексикографъ, отпуская шотландца въ Голландію провожаетъ его до моря, и стоя на берегу, смотритъ какъ отплываетъ корабль, увозящій изъ Англіи его вѣрнаго почитателя. Поступаютъ ли такъ съ шутами или презрѣнными сплетниками? Мы умалчиваемъ о несомнѣнномъ, громадномъ литературномъ талантѣ Босвелля, который самъ по себѣ, безъ всякихъ другихъ достоинствъ, могъ извинить собою многое въ характерѣ шотландца, и не только извинить, но даже окружить осо-

*) Одна изъ карикатуръ, рисованная сэромъ Т. Лауренсомъ, приложена къ Крокерову изданію. Босвелль изображенъ въ видѣ толстяка съ нѣсколько удлиненнымъ носомъ и губами, вытянутыми впередъ, въ задумчивой позѣ. Лицо дышитъ добродушіемъ, и во всей карикатурѣ нѣтъ ничего обиднаго. Въ приложеніи къ статьѣ, читатель найдетъ сатирическое подраженіе Чельмерза слогу Босвелля, и опять убѣдится, что и въ этой сатирѣ веселости гораздо болѣе, чѣмъ обидной шутливости.

бу Босвелля проявленіемъ общей симпатіи, общаго участія, общей признательности.

Любящая и преданная натура Джонсонова біографа превосходно охарактеризована однимъ изъ соперниковъ Маколея *) въ слѣдующихъ замѣткахъ. «Слабости и дурныя стороны Босвелля видимы всякому изъ поверхностныхъ даже читателей. Но его добрыя качества, противорѣча нравамъ и обычаямъ того времени, принадлежа *собственно ему*, — не усматриваются съ такой же легкостью. По лицу Джемми, по его сплетнямъ, по его подвигамъ на юбилѣе Шекспира **), по его довольно нетрезвой жизни, легко обрисовать Босвеллевы недостатки, но не то съ *великими* и истинно добрыми его качествами. Скажемъ разомъ: этотъ человѣкъ имѣлъ правдивость взгляда, и теплое, любящее, правдивое, рѣдкое сердце. Ко всему благому и великому тянулось это сердце, какъ желѣзо къ магниту, и тянулось, и прицѣплялось, и шло вмѣстѣ съ лицомъ, имѣвшимъ въ себѣ благость и величіе, шло съ нимъ во чтò бы то ни стало, жертвуя всѣмъ для этого товарищества. Сообразите, какое воспитаніе получилъ Босвелль на своей полудикой родинѣ, какими предразсудками былъ онъ зараженъ, сколько ужасныхъ, унизительныхъ препятствій встрѣчало его сердце, рвавшееся ко всему благому и великому, — сообразите все это и вы убѣдитесь, сколько героизма душевнаго, сколько силы вмѣщалось въ любящемъ сердцѣ чудака!.. Вспомните, въ какую эпоху Босвелль привязался къ своему идолу, бѣдному, больному, суровому писателю (писателю тѣхъ временъ!), въ потертомъ кафтанѣ, обитателю сумрачной квартиры въ Темпль-Ленѣ, квартиры, украшенной, присутствіемъ слѣпой, сварливой, бранчивой старухи! (мистриссъ Уильямсъ). Еслибъ Босвелль искалъ *для себя* выгодъ и извѣстности, вина и угощенія, блеска и свѣтскихъ радостей, не лучше ли бы ему было привязаться къ какому-нибудь лорду или капиталисту, объѣдалѣ и волокитѣ, хлѣбосолу и эпикурейцу? Развѣ въ Лондонѣ того времени не было министровъ и канцлеровъ, храбрыхъ воиновъ и судей, людей знаменитыхъ и стоящихъ знаменитости, которые могли бы хорошо оцѣнить и наградить идолопоклонство Босвелля. И Босвелль точно угождалъ этимъ людямъ, дорожилъ ими, но предметомъ его высокаго, идеальнаго поклоненія былъ Джонсонъ, и одинъ Джонсонъ. Взгляните,

---

*) См. Fraser's magazine за 1832 — разборъ Крокеровой книги. Авторомъ рецензіи быть Т. Карлейль, къ которому мы еще вернемся, говоря о личности Джонсона.

**) См. выше.

какъ нашъ шетландецъ, бросивъ свой адвокатскій парикъ, летитъ на почтовыхъ въ Лондонъ, будто на празднество, торопится и радуется, и идетъ въ пыльную квартиру мудреца, своего идола Джонсона, и пьетъ мутный кофе вмѣстѣ съ нимъ и слѣпой старухой, и переноситъ вѣчныя противорѣчія своимъ словамъ! Онъ счастливъ— онъ можетъ жить и слушать! Какая слава, какая осязаемая награда влекла Босвелля къ его другу? Его идолъ не былъ идоломъ свѣта, его солнце въ глазахъ великаго большинства публики было чѣмъ-то въ родѣ огромной, нескладной, сальной свѣчки, около которой порхала и вертѣлась ночная бабочка, то-есть самъ Босвелль...

«Многое нераскрыто, иное разъяснено въ преданности Босвелля къ Самуилу, но кто въ ней не видитъ трогательнаго появленія добра, высокаго обожанія мудрости, которое озаряетъ собою все изображеніе? Его легкій, безъ усилія написанный трудъ, полонъ истины, какъ полно истины отраженіе человѣческаго лица въ зеркалѣ: *тамъ, гдѣ чисто зеркало — тамъ истина!* Видите ли какъ Босвелль, вдохновенный одною любовію, окруженный воспоминаніями, видѣніями, вызванными этой любовью, по ночамъ описываетъ дѣла мудраго человѣка, передаетъ его рѣчи и его черты, и наконецъ, мало по малу, не сознавая величія своего труда, оканчиваетъ полную и великую *Джонсоніаду* — самое благородное, истинное, сіяющее, сердцу говорящее изображеніе,—изображеніе, которому столько столѣтій ничего подобнаго не было создано! Можетъ-быть, со временъ Гомера никто не творилъ подобнаго дѣла, и книга Босвелля, во многихъ отношеніяхъ, стоитъ названія героической поэмы... Истинная одиссея нашего времени, не пѣтая, но написанная въ прозѣ, заключающая въ себѣ исторію не воина, но мыслителя, писанная, за неимѣніемъ Гомера, первымъ любящимъ существомъ, *чье сердце было дальновиднѣе головы!..*»

Исполненный чувства и энергіи диѳирамбъ Карлейля останется не понятнымъ для многихъ читателей, если къ нему не прибавить другого диѳирамба, еще болѣе пламеннаго, въ которомъ поэтъ-эссеистъ обрисовываетъ передъ нами личность самого лексикографа. Нѣтъ средства читать этихъ страницъ, не становясь, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько минутъ, добрѣе и благороднѣе. Съ истиннымъ наслажденіемъ выписываемъ замѣтки Карлейля, извиняясь передъ читателями въ нѣсколькихъ измѣненіяхъ и даже сокращеніяхъ нашего перевода, или, вѣрнѣе, извлеченія.

«Оставивъ одиссею съ ея пѣвцомъ и схоліастомъ, перейдемъ къ самому *Улиссу*, этому великому Самуилу Джонсону, много испытав-

шему, много изведавшему человеку, котораго жизнь, слова и деянія въ ней описываются... Къ избраннымъ смертнымъ, къ вождямъ человечества принадлежалъ Самуилъ, и жизнь его не была *грёзой*, но истинной жизнью, жизнью, пройденною, совершенною наяву. По натуре своей предназначенъ онъ былъ на служеніе Господу и на поученіе человечества, и не взирая на все противоречія судьбы, свершилъ свое назначеніе. Редко въ какомъ-либо человеке, дары врожденные небомъ, встречали более препятствій для своего проявленія, но Джонсону дано было, сверхъ-того, много жизни на долю, много преградъ для ихъ одоленія, много работы, и великой работы! И онъ жилъ, и одолевалъ, и трудился более и лучше, чемъ большая часть остальныхъ смертныхъ!

«Природа дала ему высокую, проницательную, почти поэтическую душу, но заключила ее въ болезненное и нескладное тело. Созданный для движенія, онъ имелъ члены, более способные коверкаться, чемъ ему повиноваться, — его внутренній глазъ имелъ телесными окнами тусклыя и больныя окна, онъ любилъ людей, не могъ жить безъ нихъ, и между-темъ первое впечатленіе, производимое имъ на каждаго человека, было близко къ отвращенію! Судьба дала повелительному Джонсону въ уделъ бедность, и вождю людей предстояло бороться съ фортуной до конца дней своихъ! И онъ безропотно вступилъ въ эту борьбу, и сталъ работать за жалкую поденную плату, и трудился безъ лжи, безъ искательствъ, безъ жалобъ, требуя, только права существовать своимъ трудомъ и говорить истину людямъ! Векъ, въ которомъ довелось Джонсону жить, трудиться и поучать людей, не былъ векомъ счастливымъ, для истины, то былъ векъ противоречій и упадка убежденій, озаренный красною планетой безверія, векъ раздоровъ, непокорства и скептицизма въ политике. Посреди бурнаго и мутнаго моря, посреди чудовищъ, обломковъ, морскихъ змей и грозныхъ привиденій пришлось плавать ладье Джонсона, и слава кормчему — путь совершенъ со славой! Джонсонъ былъ одинъ на своей ладье, потому-что люди одной съ нимъ партіи были также лживы и развращены и безверны, какъ ихъ противники, — но нашъ вождь людей смело плылъ впередъ, и его озаряла вера, какъ огненный столпъ, вера, безъ которой все казалось ему мертвымъ и мрачнымъ, святая вера, свято сохраненная имъ посреди искушеній и трудной борьбы! Въ немъ была душа истиннаго воина, и онъ трудился какъ добросовестный воинъ, какъ последній солдатъ, последній по рангу, первый по безстрастію и покорности! Взгляните на первыя десятилетія его литетатурной карьеры; съ какой силой ги-

ганта онъ трудится, признавая трудъ своимъ спасеніемъ и своей обязанностью! Онъ готовъ, подобно Калибану, носить дрова и воду для невѣжливаго книгопродавца Кэва; онъ готовъ отличаться однимъ *количествомъ* своихъ сочиненій, если нѣтъ другого отличія, если для права жить и поучать человѣковъ нужно таскать дрова и воду! Онъ можетъ писать все: латинскіе стихи, если ихъ покупаютъ, предисловія, обозрѣнія, политическія брошюры, драмы и поэмы, и пишетъ ихъ съ быстротой, но пишетъ такъ хорошо, такъ добросовѣстно, какъ только можетъ! «Человѣкъ, говоритъ онъ, можетъ проживать въ Лондонѣ, тратя 18 пенсовъ въ недѣлю, завтракая хлѣбомъ и молокомъ, обходясь безъ ужина, отправляясь въ гости въ тѣ дни, когда *надѣвается чистая сорочка* (a clean shirt day)». Вспомните, каковъ человѣкъ, сказавшій эти слова, и вы увидите въ нихъ паѳосъ, передъ которымъ *всѣ Гяуры и Гарольды останутся въ тѣни!* Въ другой разъ, на вечерѣ у Трэлей, Джонсонъ, читая въ своей сатирѣ описаніе бѣдствій чердачнаго ученаго, вдругъ обливается слезами и рыданія вырываются изъ его груди; мистеръ Скоттъ, мужчина гиганскаго роста, подходитъ къ поэту, и говоритъ, ласково ударяя его по плечу: «Что̀ съ вами, дорогой другъ. Вспомните, что вы, я и *Геркулесъ* всегда отличались меланхоліею!» Вотъ черты, вотъ свѣдѣнія, которыя говорятъ такъ много, такъ выразительно! И Геркулесу невѣчно суждено было править работу Калибана, — его послѣдніе годы украсились общимъ почтеніемъ, дружбою, нѣкоторою независимостью и добрыми дѣлами, дѣлами безсмертнаго милосердія! *Что̀ я имѣю — то отдаю, то, что̀ я роздалъ — мое богатство!...*

«Джонсонъ учитель и вождь англійскаго народа, Джонсонъ принадлежитъ Англіи. Сѣмяна, зароненныя этимъ человѣкомъ въ умы современниковъ, дали богатый плодъ. Онъ не напрасно трудился, онъ могъ успокоиться, какъ воинъ, честно исполнившій свою многотрудную обязанность. Если Англія избѣгнула кровавой ванны, которая выпала на долю Франціи, если религія, спокойствіе, сила сопротивленія неустройствамъ славятся въ нашемъ отечествѣ, долго будутъ въ немъ сильны, то однимъ изъ поборниковъ великаго дѣла былъ лексикографъ въ своемъ истертомъ кафтанѣ, Самуилъ Джонсонъ, твердый, неутомимый, полный вѣры и духа покорности, Джонсонъ, великій воинъ великаго дѣла, заставившій, при концѣ своей многотрудной жизни, всю Великобританію смотрѣть не себя и поучаться этимъ зрѣлищемъ, Джонсонъ, герой истины, герой труда и жизни!...

«Если спросятъ, съ помощью какихъ дарованій Джонсонъ со-

здалъ себѣ и другимъ такую жизнь, и какое качество было отличительнымъ качествомъ его души: мы отвѣтимъ: съ помощью *безстрашія*, — *безстрашіе* было основною добродѣтелью Самуила Джонсона. Мы не признаемъ за безстрашіе смѣлость передъ минутною и рѣдкою опасностью, смѣлость дуэлиста или преступника передъ казнью, даже смѣлость людей, болѣе достойныхъ, посреди смертной болѣзни или смертнаго боя. Высшее безстрашіе для насъ не есть способность умирать прилично, — но *жить мужественно!* Въ этомъ отношеніи Джонсонъ могъ назваться храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ. Какой изъ смертныхъ боролся и страдалъ болѣе его? кто побѣждалъ подобно ему? Какъ тяжка была ему жизнь — крѣпость сомнѣній и страданія! «Главная моя забота — признается онъ — заключается въ томъ, чтобъ спасаться отъ самого себя»! Со времени Джона Мильтона ни одна британская грудь не вмѣщала въ себѣ сердца, по своему безстрашію подобнаго сердцу Самуила Джонсона. Тѣсно соединенныя съ безстрашіемъ, въ этомъ сердцѣ обитали *правота* и *честность*. «Очищайтесь отъ лицемѣрія — говаривалъ Джонсонъ, — не говорите пустыхъ словъ даже для шутки, — бойтесь празднословія, какъ огня!» И въ трудахъ его, даже писанныхъ изъ нужды, для насущнаго хлѣба, нѣтъ лживаго слова, нѣтъ лицемѣрія; онъ самъ часто признавался, что пишетъ изъ-за денегъ и между тѣмъ писалъ такимъ образомъ! Онъ часто, въ бесѣдахъ, позволялъ себѣ спорить для побѣды, но въ этихъ парадоксальныхъ спорахъ онъ былъ руководимъ желаніемъ *обсуживать вопросъ со всѣхъ сторонъ, доказывать людямъ, какъ часто истина состоитъ въ одномъ простомъ пониманіи обѣихъ сторонъ каждаго вопроса!*

«Давно сказано, что милосердіе неразлучно съ безстрашіемъ, и безстрашная душа стараго Самуила по своей нѣжности и милосердію едва ли имѣетъ себѣ равныхъ. Его звали медвѣдемъ, и онъ часто глядѣлъ и ворчалъ какъ медвѣдь, но подъ суровой оболочкой билось сердце, любящее какъ сердце матери, мягкое какъ сердце ребенка. Его гнѣвъ даже — былъ гнѣвомъ медвѣдицы, у которой отнимаютъ дѣтенышей. Затроньте при немъ вѣру, повиновеніе власти, церковь, все то, что̀ онъ считаетъ драгоцѣннымъ, спасительнымъ для рода человѣческаго, и онъ бросается на васъ, не изъ ненависти къ вамъ, но изъ любви къ тому, противъ чего вы идете! За то полюбуйтесь, съ какой чистотой и силой привязывается онъ ко всему живому — къ старой, слѣпой и сердитой старухѣ, къ доктору Левету, къ коту Годжу! Взгляните, какъ онъ обращаетъ свой домъ въ госпиталь, раздѣляетъ съ бѣдняками свои

тяжелымъ трудомъ добытые шиллинги... великодушный старецъ! Пусть Стернъ пишетъ сантиментальности по поводу издохшихъословъ, — голосъ Джонсона грубъ и лишенъ нѣжности, — но нашъ старикъ находитъ посреди улицы упавшую дочь порока, и, какъ самаритянинъ, несетъ ее домой, къ себѣ, на своихъ плечахъ! Этотъ нескладный, сурово-лицый человѣкъ не былъ членомъ комитета о супѣ для нищихъ, но гдѣ, во всей Англіи, могли вы найти душу, болѣе исполненную жалости, руку, болѣе отверстую, неистощимую на благодѣянія? Лепта вдовицы — говорятъ намъ — передъ Богомъ стоитъ выше другихъ великолѣпныхъ даровъ!

«Можетъ быть это божественное чувство любви и привлекаетъ насъ болѣе всего къ особѣ Джонсона. Мы видимъ въ немъ истиннаго брата человѣковъ, преданнаго сына земли. Читайте его письма, писанныя по случаю смерти матери, — какъ онѣ высоки и спокойны, потому что ему предстоитъ дѣйствовать, не плакать только; обожаемая родительница отнята у него, но онъ долженъ писать *Расселаса*, чтобъ собрать сумму на ея погребеніе. Найдите въ его замѣткахъ описаніе прощанія съ его старой, больной пріятельницей, Катериной Чельмерсъ, за нѣсколько дней до ея смерти! Въ юности ему случилось раздражить отца, отказавшись ѣхать на какой-то рынокъ по его приказанію — черезъ пятьдесятъ лѣтъ Джонсонъ вспоминаетъ свой поступокъ, ѣдетъ на то самое мѣсто, куда его посылали, и въ память своего родителя, стоитъ нѣсколько времени посреди рынка, снявши шляпу, мечтая о своей юности и о своихъ давно усопшихъ родителяхъ. Современники худо цѣнили эту любовь, наполнявшую собой сердце Джонсона; ихъ близорукость извинительна; высокая сторона его души, закрытая причудами, открывается только вслѣдствіе внимательнаго наблюденія. Учтивость Джонсона, прямо вытекающая изъ сердца, происходила изъ той же любви. Онъ одѣвался дурно, но самъ провожалъ женщинъ изъ своей квартиры до экипажа; въ его кабинетѣ находился трехъ ногій стулъ, и онъ всегда устанавливалъ его самымъ безопаснымъ образомъ, при появленіи каждаго посѣтителя. Вѣжливость Джонсона не была *фарисейско-бруммелистической* вѣжливостью франта, который скорѣе согласится претерпѣть мученія, нежели за обѣдомъ два раза попросить супу, — нѣтъ, эта вѣжливость вытекала изъ уваженія къ себѣ и другимъ людямъ, то была вѣжливость патріарха!..

«Въ добрѣ и слабости, въ предразсудкахъ и во всемъ остальномъ, Джонсонъ могъ назваться чистымъ произведеніемъ Великобританіи, чистымъ йоменомъ, котораго члены сработаны въ Англіи,

16*

англичаниномъ по своимъ интересамъ и своему воспитанію, человѣкомъ, живущимъ для Англіи и во всемъ видящимъ одну Англію, Джонъ Булемъ образованной Европы! Да здравствуетъ же нашъ литературный Джонъ-Буль, нашъ братъ и нашъ наставникъ, нашъ чудакъ съ львинымъ сердцемъ и душой, исполненной милосердія!» *).

Съ взглядомъ Маколея на личность Джонсона и на практическія трудности литературнаго поприща во время молодости лексикографа, мы уже познакомили читателей въ самомъ началѣ нашего труда. Намъ остается только проститься съ нимъ, и какъ лучшее заключеніе къ исторіи Самуила Джонсона, перевести поэтическую страницу, которою Маколей заключаетъ свой эпизодъ по поводу Крокерова изданія.

«Мы прочли съизнова Босвеллеву книгу. Мы закрыли ее, и видимъ передъ собой залу Джонсонова клуба. На столѣ стоитъ яичница, приготовленная Нюдженту, и лежатъ лимоны, потребованные лексикографомъ. Вокругъ стола — головы, вѣчно живущія на полотнѣ картинъ Рейнольдса. Вотъ очки Борка и высокая, худая фигура Ленгтона, сіяющая улыбка Гэррика и усмѣшка Боклерка; вотъ Гиббонъ хлопаетъ по своей табакеркѣ и сэръ Джосуа съ слуховой трубкой въ ухѣ. На авансценѣ странная фигура, знакомая такъ какъ только бываютъ намъ знакомы лица людей, жившихъ вмѣстѣ съ нами: гигантскій корпусъ, нескладное, массивное лицо, обезображенное знаками болѣзни, темный кафтанъ, черные истертые чулки, сѣрый парикъ съ обожженными клочками волосъ напереди, грязныя руки съ обкусанными ногтями. Мы видимъ, какъ тяжелая фигура ворочается, слышимъ ея пыхтеніе, а потомъ раздается въ нашихъ ушахъ: «Какъ, сэръ? — Чтó же изъ этого, сэръ? — Нѣтъ, сэръ! — Вы ничего не понимаете въ этомъ вопросѣ, сэръ?»

«Какъ необыкновенна участь этого замѣчательнаго человѣка! Быть признаваемымъ современниками за классика, а потомками за друга и собесѣдника! Получить отъ современниковъ всю хвалу, все обожаніе, которое достается только отъ потомства, и только геніальнымъ людямъ! Быть такъ коротко знакому потомкамъ, какъ немногіе люди знакомы своимъ современникамъ! Джонсонъ добылъ

*) Не извиняемся передъ читателемъ въ обширности выписки — подобныя страницы можно печатать безъ извиненій и оговорокъ. Но мы должны предувѣдомить его, что покоряясь необходимости, и желая соблюсти краткость, принуждены были сжать и, такъ сказать, *обезсилить* страницы Карлейля.

себѣ вѣчную славу за качества, повидимому, способныя доставить человѣку извѣстность кратковременную и преходящую. Знаменитость сочиненій, имѣвшихъ, по его понятіямъ, доставить автору безсмертіе, угасаетъ съ каждымъ днемъ, между тѣмъ, какъ картина Джонсоновыхъ странностей, изложеніе его безпечныхъ застольныхъ бесѣдъ — бесѣдъ, о которыхъ воспоминаніе, повидимому, должно было исчезнуть съ нимъ вмѣстѣ, будетъ славиться до тѣхъ поръ, пока англійскій языкъ будетъ въ употребленіи между обитателями той или другой части свѣта!»

1851 и 1852.

ЖИЗНЬ И ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

РИЧАРДА ШЕРИДАНА.

I.

Томасъ Шериданъ. — Гэррикъ, его вліяніе на театръ и актеровъ. — Соперничество Томаса Шеридана. — Эпиграмма Чорчилля. — Окончаніе театральной карьеры. — Дѣти Шеридана: Карлъ и *Ричардъ*. — Дѣтство послѣдняго. — Его тупость въ школѣ. — Гарровское училище. — Замѣтки доктора Перра. — Положеніе шериданова семейства. — Отзывъ сестры Ричарда. — Гальгедъ. — Литературные планы. — Проэктъ фарса. — Переводъ Арисѳенета и странныя вставки. — Пріемъ перевода журналами и публикою. — Жизнь въ Батѣ. — Нешъ. — Миссъ Элиза Линли, пѣвица. — Стихотворенія Шеридана. — Первая любовь и ссоры.

Въ нашемъ этюдѣ о Джонсонѣ и Босвеллѣ мы имѣли случай упомянуть о мистерѣ Томасѣ Шериданѣ, актерѣ и литераторѣ, предложившемъ свое, впрочемъ неудачное, содѣйствіе шотландскому чудаку, всюду искавшему человѣка, который взялся бы познакомить его съ недоступнымъ и суровымъ лексикографомъ. Этотъ Томасъ Шериданъ, сынъ доктора Шеридана, извѣстнаго своей дружбой съ Свифтомъ, знаменитымъ авторомъ «Гулливерова Путешествія», женою имѣлъ даму-писательницу, въ свое время заслужившую нѣкоторое вниманіе публики, и, происходя отъ порядочной ирландской фамиліи, былъ принятъ въ хорошихъ кругахъ Дублина и Лондона. Званіе комедіянта, не считавшееся очень честнымъ въ прежнее время да и нынѣ не совсѣмъ почетное въ Англіи, могло, однако же, назваться во времена Томаса Шеридана званіемъ выгоднымъ и уважаемымъ. Давидъ Гэррикъ, едва ли не величайшій актеръ всѣхъ вѣковъ и народовъ, соединявшій съ громаднымъ дарованіемъ талантъ писателя и душевныя качества джентльмена,

произвелъ благотворную реформу и въ искусствѣ своемъ, и въ понятіяхъ публики, и въ театральныхъ нравахъ. Сдѣлавшись любимцемъ всего Лондона, онъ приманилъ въ театръ лучшее общество и тѣмъ избавилъ партеръ отъ буяновъ, приходившихъ туда шумѣть и производить безчинство, а потомъ, упираясь на вкусы новыхъ своихъ поклонниковъ, изгналъ со сцены неблагопристойные фарсы и комедіи. Не слѣдуетъ, однако же, думать, что Гэррикъ слѣпо угождалъ вкусамъ щоголей того времени; напротивъ того, онъ первый нанесъ имъ великій ударъ, запретивъ зрителямъ садиться на сценѣ вокругъ актеровъ, какъ это всюду дѣлалось, а впослѣдствіи раздражилъ многихъ педантовъ, начавъ костюмироваться сообразно ролямъ, избавивъ Гамлета отъ пудреннаго парика и Юлія Кесаря отъ красныхъ башмаковъ съ каблуками. Вліяніе Гэррика, какъ актера, режиссёра и писателя, благотворно подѣйствовало и на публику и на его товарищей. Молодежь, посѣщавшая спектакли, уже не смѣла требовать какихъ нибудь скандалёзныхъ интермедій между актами трагедіи, и ни одна актриса не бралась восхищать своихъ поклонниковъ пѣніемъ пѣсенокъ, скорѣе достойныхъ нитейнаго дома, нежели аполлонова храма. Самъ Гэррикъ держалъ себя строго и гордо, хотя его характеръ отличался веселостью: онъ никогда не напивался за столомъ у своихъ поклонниковъ, не потѣшалъ молодыхъ лордовъ гаэрскими декламаціями, не бѣгалъ съ ними ночью по улицамъ для разбиванія стеколъ и дракъ съ полицейскими служителями. Онъ жилъ какъ слѣдуетъ достаточному артисту, не нуждающемуся ни въ чьемъ покровительствѣ и ни въ чьихъ угощеніяхъ; въ домъ его могъ попасть не всякій, ибо Гэррикъ, сверхъ разборчивости своей, былъ довольно скупъ, или, скорѣе, разсчетливъ: кромѣ небольшого числа знатныхъ людей, доктора Джонсона, Гольдсмита и еще нѣсколькихъ первоклассныхъ писателей, онъ не принималъ къ себѣ почти никого. Понятно, до какой степени жизнь и примѣръ такого человѣка въ короткое время возвысили общественное положеніе даровитыхъ актеровъ; понятно и то, почему нѣкоторое число талантливыхъ мужчинъ и женщинъ, до того не рѣшавшихся посвятить свою жизнь сценическому искусству и боявшихся театра, какъ притона интригъ и разврата, безъ страха выступили на сцену, облагороженную и очищенную Гэррикомъ. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести мистриссъ Сиддонсъ (по словамъ англичанъ, единственную женщину, способную играть лэди Макбетъ), ея брата, знаменитаго Кембля и наконецъ Томаса Шеридана, нѣкоторое время соперничавшаго съ Гэррикомъ по исполненію шекспировскихъ ролей.

Томасъ Шериданъ, отецъ нашего поэта, имѣлъ все нужное, чтобъ прославиться на сценѣ. Онъ былъ выше ростомъ и моложе Гэррика; красота его лица дѣлала то, что почти невозможныя роли юношей (напримѣръ, Ромео) приходились ему по средствамъ, а пламенная ирландская натура какъ нельзя лучше подходила ко всѣмъ страстнымъ пьесамъ: Шериданъ находился въ своей сферѣ вездѣ, гдѣ требовалось огня, крику, паѳоса, всего того, что̀ наиболѣе электризуетъ многочисленную публику. Къ сожалѣнію, произношеніе его было непріятно и отчасти отзывалось не англійскимъ акцентомъ, такъ что насмѣшливый Чорчилль, въ довольно плоской эпиграммѣ, сравнилъ дикцію Шеридана съ ворчаніемъ собаки, занимающейся глоданіемъ кости. Эта пустая шутка отравила всѣ успѣхи актера: Шериданъ почувствовалъ себя не въ силахъ долѣе оставаться на сценѣ и, не слушая увѣщаній своихъ поклонниковъ, уѣхалъ въ Ирландію, гдѣ открылъ школу риторики и декламаціи. Едва ли, впрочемъ, одно оскорбленное самолюбіе было причиной такого радикальнаго измѣненія во всей жизни и занятіяхъ Томаса; гораздо вѣрнѣе можемъ мы предположить, вмѣстѣ съ нѣсколькими писателями, о немъ упоминавшими, что на театръ завлекла Шеридана временная фантазія, плодъ пылкой натуры — фантазія, успѣвшая остыть вслѣдствіе хлопотъ и утомительныхъ актерскихъ занятій. Шумъ, блескъ, восклицанія и вѣчныя толпы народа могли надоѣсть ему, тѣмъ скорѣе, что онъ всегда любилъ чтеніе, серьёзную кабинетную работу и впослѣдствіи написалъ нѣсколько нынѣ забытыхъ сочиненій о воспитаніи юношества. Шериданъ до конца своей жизни считалъ воспитаніе великимъ, государственнымъ дѣломъ и не разъ говаривалъ:

«Если меня спросятъ, какой будущности я желаю своимъ сыновьямъ, я скажу, что хочу видѣть того и другого начальниками превосходныхъ училищъ. Я буду менѣе радъ, если одинъ будетъ первымъ министромъ Великобританіи, а второй — правителемъ дѣлъ всей Ирландіи».

Томасъ имѣлъ двухъ сыновей: Карла и *Ричарда Бринсли Шеридана*, впослѣдствіи знаменитаго драматурга, оратора, члена парламента и друга принца-регента Великобританіи. Ричардъ родился въ сентябрѣ 1751 года и въ дѣтствѣ отличался, во-первыхъ, необыкновенною красотою, во-вторыхъ, нравомъ постоянно веселымъ, и, въ-третьихъ, лѣностью самой безграничною. Въ родительскомъ домѣ и въ школѣ Давида Уайта, куда мальчика отдали по осьмому году, и родители и наставники не знали, что̀ дѣлать съ Ричардомъ, какъ учить его, какими способами развить понятія дитяти.

Много разъ они съ недоумѣніемъ глядѣли на его счастливое лицо, на его ловкія, привлекательныя движенія, и, въ утѣшеніе себѣ, не хотѣли вѣрить тупоумію мальчика Но первый урокъ разрѣшалъ сомнѣнія: юный Дикъ *) не понималъ ни одного слова и вмѣсто отвѣтовъ говорилъ несвязную дичь, достойную полоумнаго. Тотъ, кому суждено было, въ двадцать-пять лѣтъ отъ роду, приводить Англію въ восторгъ своими комедіями, а краснорѣчіемъ своимъ на трибунѣ потрясать сердца слушателей, въ 1759 году получилъ названіе «дурака самаго безнадежнаго!»

Карлъ Шериданъ, съ успѣхомъ окончивъ свое первоначальное образованіе, вернулся въ родительскій домъ — для другихъ занятій, подъ надзоромъ отца, а Дика, какъ мальчика, ровно ничему не выучившагося, отправили въ Гарровскую школу, впослѣдствіи прославленную лордомъ Байрономъ, однимъ изъ ея воспитанниковъ. Училище, о которомъ идетъ рѣчь, могло назваться образцовымъ и по составу воспитателей **), и по системѣ образованія (физическое развитіе мальчиковъ озабочивало гарровскихъ воспитателей гораздо ранѣе, нежели гимнастика, верховая ѣзда, борьба и тому подобныя занятія начали входить въ общую систему хорошихъ заведеній), и наконецъ по массѣ воспитанниковъ, бо́льшею частію взятыхъ изъ лучшихъ англійскихъ фамилій. Первое время своего пребыванія въ новой школѣ, одиннадцатилѣтній Ричардъ Шериданъ поддержалъ свою репутацію: учители отступились отъ него съ негодованіемъ; но, къ счастію, главные воспитатели, съ прозорливостью, достойною похвалы и подражанія, вовремя обратили вниманіе на нѣкоторыя особенности въ обхожденіи мальчика съ его товарищами. Ихъ поразила привязанность старшихъ и младшихъ учениковъ къ «безнадежному идіоту»; они примѣтили, какъ цѣлые кружки мальчиковъ оживлялись и начинали смѣяться, чуть только Ричардъ Шерриданъ вступалъ въ ихъ бесѣду. Шалости и шутки новаго воспитанника неоспоримо принадлежали къ умнымъ шалостямъ, болтовня его уже отличалась замѣчательнымъ комизмомъ, и самая апатія имѣла въ себѣ нѣчто милое, если и не совсѣмъ похвальное. Остальныя похожденія Шеридана въ Гарровской школѣ разскажетъ намъ самъ докторъ Перръ, въ своемъ письмѣ къ Томасу Муру, писанномъ тогда, какъ авторъ «Лаллы-Рукъ» собиралъ отвсюду матеріалы для своего, къ сожалѣнію, не совсѣмъ

*) Dick — уменьшительное отъ Ричарда.

**) Начальникомъ Гарровской школы былъ докторъ Сомнерсъ, одинъ изъ первыхъ, если не первый, педагогъ своего времени; въ числѣ его помощниковъ находился не менѣе знаменитый эллинистъ и латинистъ докторъ Перръ (Parr).

удачнаго сочиненія о жизни и литературной дѣятельности Ричарда Шеридана.

«Спѣшу доставить вамъ, сэръ, нѣсколько свѣдѣній относительно пребыванія мистера Шеридана въ Гарровской школѣ. Во всѣхъ учебныхъ занятіяхъ его успѣхи могли назваться весьма малыми, и сочиненія его, писанныя на заданныя темы, какъ по латыни, такъ и по англійски, не стоили никакого вниманія. Онъ не добрался до класса, въ которомъ читали и поясняли греческихъ трагиковъ, Горація же, Виргилія и Гомера читалъ довольно прилежно, хотя грамматику языковъ зналъ плохо. Замѣтивъ способности мальчика, мы рѣшились спрашивать почаще, подзывали его къ себѣ ближе, затѣмъ, чтобъ никто не могъ ему подсказывать, и съ большими усиліями передали ему нѣсколько необходимыхъ свѣдѣній. Замѣчательно, что, при всей своей лѣности, Шериданъ всегда избѣгалъ тѣлеснаго наказанія, работая ровно столько, сколько было нужно, чтобы не подвергнуться унизительному взысканію. И я и Соммерсъ все время подмѣчали въ мальчикѣ проблески способностей изумительныхъ; его отвѣты всегда отличались быстротой и замысловатостью. Шаловливъ онъ былъ очень, но нельзя было не смѣяться его шалостямъ. При началѣ школьныхъ занятій, онъ любилъ читать англійскихъ поэтовъ, но потомъ кинулъ ихъ совсѣмъ, и никогда мечта о литературной извѣстности не посѣщала его головы. Отецъ взялъ его слишкомъ рано изъ училища и не отдалъ въ университетъ, вѣроятно, не имѣя на то достаточно денегъ; вообще, присылка ихъ во время его пребыванія въ школѣ могла назваться весьма незначительною, и это обстоятельство причиняло Ричарду много горя, вовлекало его во многія слабости. Но порочнымъ мальчикомъ онъ никогда не могъ назваться».

Во все время пребыванія Ричарда въ Гарровѣ положеніе его отца принадлежало къ разряду самыхъ затруднительныхъ: мистеръ Томасъ Шериданъ не только не могъ жертвовать никакими суммами на полное образованіе своихъ сыновей, но самъ долженъ былъ на время переселиться во Францію, не имѣя средствъ содержать семейство въ Англіи. Отчасти поправивъ свои дѣла уроками и скромной жизнью, онъ вернулся въ Лондонъ, около 1770 года и вознамѣрился вознаградить потерянное время, давая сыновьямъ уроки словесности, краснорѣчія, а сверхъ того — посылая ихъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ профессоровъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ старшая дочь Томаса Шеридана вспоминаетъ о своемъ братѣ Ричардѣ.

«Только воротясь въ Англію — говоритъ она — я познакоми-

лась, такъ сказать, съ меньшимъ изъ моихъ братьевъ: оставляя его, я была слишкомъ молода и не могла сохранить о немъ яснаго воспоминанія. Увидавъ его, я почувствовала, какъ удвоилась моя привязанность къ Ричарду. Онъ былъ чрезвычайно хорошъ собою, не только въ глазахъ сестры, всегда наклонной къ пристрастію, но по общему приговору всѣхъ лицъ, его знавшихъ. На его щекахъ еще находился свѣжій румянецъ дѣтства, а въ его глазахъ, прелестнѣе которыхъ трудно что нибудь видѣть, ясно свѣтился геній и особенная живость, соединенная съ нѣжностью. Его веселый нравъ и откровенность очаровывали все наше семейство. Я удивлялась ему, обожала его и сочла бы за счастіе пожертвовать для него всѣмъ, даже жизнію. Послѣ извѣстной исторіи въ Батѣ (Bath), я по возможности доказала ему свою преданность и примирила Ричарда съ родными, не смотря ни на какія опасности».

Ричардъ жилъ въ согласіи съ своимъ братомъ Карломъ, благодаря своимъ блестящимъ качествамъ, имѣлъ много друзей и даже льстецовъ; но лучшимъ его другомъ въ то время былъ товарищъ по Гарровской школѣ, нѣкто Гальгедъ, молодой человѣкъ, пылкаго, честолюбиваго и предпріимчиваго характера. Гальгеду предстояла великая честь первому одолѣть обычную беззаботность своего пріятеля и указать ему на одинъ изъ путей, впослѣдствіи доставившій ему столько славы. Страстно любя театръ и литературу, поминутно видя успѣхъ слабыхъ пьесъ и читая похвалы весьма незавиднымъ книгамъ, Гальгедъ принялся убѣждать Ричарда испытать свои силы или на томъ, или на другомъ поприщѣ. Совѣтъ его приняли съ восторгомъ; но дѣло чуть не кончилось одними предположеніями: Шериданъ ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ работать одинъ, въ то же время отказываясь принимать участіе во всѣхъ планахъ, предлагаемыхъ Гальгедомъ.

«Я не могу писать ничего серьёзнаго, правильнаго, трогательнаго и хорошо обдуманнаго!» безпрестанно говорилъ онъ своему товарищу, на словахъ и въ оставшихся письмахъ.

Наконецъ оба друга остановились на одномъ странномъ планѣ, о которомъ почти совѣстно разсказывать, имѣя въ виду дальнѣйшіе труды Шеридана. Они рѣшились составить фарсъ изъ миѳологіи, не пьесу, а пародію, даже не имѣвшую своимъ оправданіемъ новизны, такъ какъ весь замыселъ произошелъ вслѣдствіе временной моды на маленькія драматическія произведенія преднамѣренно нелѣпаго содержанія. Основа перваго произведенія, надъ которымъ Ричардъ Шериданъ въ первый разъ испыталъ свои силы, вертится на привязанности сэра Ричарда Иксіона къ лэди

Юнонѣ, супругѣ Юпитера, начальника олимпійской артиллеріи, съ своей стороны, влюбленнаго въ жену мистера Амфитріона, майора неизвѣстно какой службы. Отрывки пьесы, сохраненные для потомства услужливымъ Томасомъ Муромъ, не дѣлаютъ ни малѣйшей чести ни Гальгеду, ни его юному сотруднику; но не мѣшаетъ замѣтить, что лучшая комбинація во всей вещи принадлежитъ Шеридану, впослѣдствіи употребившему ее въ дѣло, при болѣе изящныхъ условіяхъ. Будто сознавая противъ воли плоскость и ничтожество фарса, Ричардъ оживилъ его оригинальною выдумкою; вся пьеса представлена какъ будто только что разученною и разъигранною, въ видѣ репетиціи передъ директоромъ театра, его пріятелями и малымъ числомъ диллетантовъ, безпрестанно перебивающихъ рѣчи актеровъ шутками, изъ которыхъ иныя довольно удачны.

Не смотря ни на какія прибавленія и усовершенствованія, не смотря на просьбы Гальгеда, шутливо писавшаго въ своихъ письмахъ: «вспомни, что намъ, можетъ быть, дадутъ двѣсти фунтовъ! *) неужели у тебя изъ глазъ не текутъ слезы при этой мысли?» — не смотря на всю вѣроятность ласковаго пріема со стороны извѣстнаго Фута **), до крайности снисходительнаго ко всѣмъ пьесамъ

---

*) Около 1,200 руб. сер.

**) Величайшій комикъ того времени, слишкомъ увлекавшійся фарсами, но по словамъ современниковъ, неподражаемый въ самыхъ фарсахъ. Футъ, пользуясь свободой тогдашнихъ нравовъ, доводилъ свои шалости до неприличія и, подобно афинскому Аристофану, копировалъ на сценѣ личности, извѣстныя всему Лондону. Между прочимъ, онъ готовился вывести въ одномъ фарсѣ и Джонсона, въ роли педанта Помпозе; но суровый поэтъ, едва о томъ узнавъ, велѣлъ сказать Футу, что въ день представленія не преминетъ самъ явиться на сцену съ толстой палкой. «Футъ оставилъ свое намѣреніе — разсказываетъ лексикографъ — но я все-таки чувствовалъ къ нему отвращеніе до тѣхъ поръ, пока мы не сошлись съ нимъ на обѣдѣ у Гаррика. Эта веселая собака довела меня до того, что я бросилъ вилку и ножикъ, и долго не могъ ничего ѣсть отъ хохота». О неподражаемой веселости Фута сохранился одинъ весьма характеристическій анекдотъ. Футу какъ-то вздумалось вступить въ торговое товарищество съ однимъ пивоваромъ и, вслѣдствіе того, повсюду рекомендовать его пиво, хотя оно вовсе того не заслуживало. Одинъ изъ лордовъ, особенно любившій Фута, сталъ брать большіе запасы этого пива для своей прислуги; прислуга, находя его невкуснымъ, попросила дворецкаго объяснить дѣло хозяину. Случилось такъ, что Футъ обѣдалъ у лорда въ самый день, назначенный для жалобы: дворецкій, стоя около стола и слушая его глупости, совершенно позабылъ, что по милости этого чуднаго гостя, и онъ и его товарищи пьютъ скверную смѣсь, вмѣсто пива. Чуть дождавшись конца обѣда, онъ убѣжалъ къ слугамъ и, не превозмогая своего восторга, закричалъ: «Пусть жалуется кто хочетъ, я же готовъ всю жизнь пить жидкое пиво: языкъ мой не повернется противъ мистера Фута!»

забавно-нелѣпаго содержанія, Шериданъ бросилъ пьесу и послѣднихъ ея сценъ, уже обдуманныхъ и начертанныхъ вчернѣ, написать не могъ рѣшиться.

Вскользь упомянувъ о замышленныхъ Шериданомъ «Сказкахъ», имѣвшихъ нѣчто сходное съ разрядомъ сказокъ Лафонтена или Бокаччіо, и о журналѣ, напрасный планъ котораго сысканъ въ бумагахъ Гальгеда, перейдемъ еще къ одному предпріятію, начатому и конченному обоими друзьями, бойкими на замыслы, но не всегда исправными по части исполненія ихъ. Стихотворенія Арисѳенета, древняго греческаго писателя, какъ кажется, трудившагося въ періодъ великаго упадка словесности и, сверхъ того, обладавшаго талантомъ весьма посредственнымъ, неизвѣстно почему, сперва приковали къ себѣ вниманіе Гальгеда съ Шериданомъ, а потомъ возбудили въ нихъ желаніе передать англійскимъ стихомъ цвѣтистыя произведенія названнаго поэта. Трудъ обѣщалъ если не деньги, то извѣстность; стихотвореній Арисѳенета не существовало въ переводѣ, и самый поэтъ такъ мало интересовалъ собою ученыхъ, что совмѣстничества опасаться было нечего. Гальгедъ, съ обычной своей горячностью, кончилъ свою долю перевода въ ноябрѣ 1770 года, между тѣмъ, какъ его безпечный товарищъ только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ обратился къ Керру, своему лондонскому пріятелю, прося его прислать поскорѣе стихотворенія Арисѳенета и *греческую грамматику*. Начало не предвѣщало ничего добраго; но результатъ Шеридановскихъ трудовъ, странностью своей превзошелъ всѣ ожиданія лицъ, знавшихъ причудливую натуру избалованнаго юноши. Дѣло въ томъ, что Гальгедовъ пріятель, будущій авторъ «Соперниковъ» и «Школы Злословія», поступилъ съ греческимъ софистомъ безъ всякой церемоніи, пропуская тексты, требующіе труда для ихъ пониманія, и примѣшивая къ страницамъ переводимаго поэта цѣлыя страницы своего собственнаго издѣлія. Занимаясь во время перевода любовью, и любовью, повидимому, безнадежною, Шериданъ придалъ этимъ первымъ изліяніямъ своей юношеской музы если не всю правильность изящнаго произведенія, то, по крайней мѣрѣ, всю теплоту, всю горячность своей живой, юношеской натуры. Забавная продѣлка Ричарда такъ понравилась Гальгеду, что онъ тотчасъ же вытребовалъ свою долю перевода и изукрасилъ ее такими же, но менѣе удачными прибавленіями. Въ такомъ странномъ видѣ книжка явилась въ печати, встрѣтила во многихъ журналахъ лестные отзывы и даже иными литературными вѣстниками приписана была доктору С. Джонсону; но тѣмъ успѣхъ и кончил-

ся: публика, имѣющая обыкновеніе покупать книги, не купила и ста экземпляровъ Арисѳенета, не смотря на похвалы критиковъ и предполагаемое сотрудничество великаго лексикографа. Ни одна изъ тогдашнихъ газетъ, ни одно изъ ученыхъ обозрѣній не подмѣтило, что текстъ стараго греческаго поэта почти пропадалъ подъ изобиліемъ украшеній, вставныхъ страницъ и дополненій, которыя самому Арисѳенету и во снѣ никогда не снились *). А между тѣмъ каждая изъ вставокъ совершенно отличалась современнымъ духомъ, и одна изъ самыхъ послѣднихъ, въ которой описываются чувства юноши, уступившаго своему другу женщину, любимую обоими, прямо относилась къ домашнимъ дѣламъ Шеридана, Гальгеда и еще одной особы, съ которой читатель сейчасъ познакомится.

Главное мѣстопребываніе Шеридана-отца, со времени его возвращенія изъ Франціи, находилось въ городѣ Батѣ, и нынѣ очень извѣстномъ по своимъ минеральнымъ источникамъ, а въ концѣ прошлаго столѣтія (когда еще поѣздки къ заграничнымъ водамъ представляли много затрудненій) считавшееся за самый здоровый, веселый и фешенебельный уголокъ во всей Великобританіи. Великая часть комедій и романовъ того времени имѣютъ своимъ мѣстомъ дѣйствія Батъ, вполнѣ заслуживавшій этой чести своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и романическими окрестностями, интересными для ученаго по множеству древнихъ памятниковъ, а для свѣтскаго человѣка — по изяществу, съ которымъ украсило ихъ искусство человѣка. Знаменитый и нахальный предшественникъ фата Бруммеля, *Нешъ* (называвшійся не иначе, какъ Beau Nash), въ свое время предводитель и руководитель лондонскаго свѣта, своимъ примѣромъ и усиліями сдѣлалъ изъ Бата какой-то волшебный уголокъ роскоши, моды, азартной игры, артистическихъ увеселеній и забавъ всякаго рода, позволительныхъ и не-

*) Вотъ отзывъ одного изъ тогдашнихъ изданій «Gentlemen's Magazine», если не ошибаемся:

«Никогда въ Греціи не было Арисѳенета писателя, ни въ классическое время, ни во время Восточной имперіи и ея паденія. Творенія Арисѳенета подлогъ, устроенный въ средніе вѣка, въ которой нибудь изъ монастырскихъ библіотекъ. Эти творенія ничто иное, какъ вздоръ, недостойный перевода и времени, истраченнаго переводчикомъ. Читая переводъ, и мы потеряли дорогое время, и всякій читатель потеряетъ свое при его чтеніи».

Не имѣя никакого понятія объ Арисѳенетѣ, предоставляемъ знатокамъ дѣла рѣшить, кто правъ: журналъ ли, признающій его творенія подлогомъ, или Муръ, въ своей біографіи Шеридана, относящій Арисѳенета къ поэтамъ временъ Восточной имперіи.

позволительныхъ; по его указаніямъ, источники украсились галлереями и большими залами, парками и бульварами, вслѣдствіе чего портретъ Неша во весь ростъ и теперь красуется въ главной залѣ батскаго воксала. Лондонская аристократія, всегда готовая убѣгать отъ стѣснительнаго церемоніала столичной жизни и отъ величаваго уединенія своихъ родовыхъ загородныхъ замковъ, всегда наполняла Батъ, безъ претензій смѣшиваясь, по обычаю курсовыхъ посѣтителей, съ разнаго рода авантюристами, игроками, заѣзжими иноземцами, постоянными городскими жителями и артистами, безпрестанно прибывавшими въ этотъ городъ для развлеченія лечившейся тамъ публики.

Между этими-то артистами, около 1770 года, блистала и приковывала къ себѣ вниманіе батскихъ посѣтителей семнадцатилѣтняя пѣвица необыкновенной красоты, по имени миссъ Элиза Линли, дочь музыкальнаго композитора, хорошо знакомаго съ семействомъ Шеридановъ. Все семейство мистера Линли, извѣстное намъ по статьѣ доктора Бюрнея *), «сходствовало съ гнѣздомъ соловьевъ»; но изъ числа этихъ соловьевъ первенство оставалось за Элизою. Музыкальные ея успѣхи, какъ можно заключить изъ описаній Мура и другихъ шеридановыхъ біографовъ, совершенно равнялись съ современными намъ успѣхами Дженни Линдъ или госпожи Віардо и хотя, по тогдашнимъ деньгамъ, не могли очень скоро принести съ собой богатства, но все-таки были, для разсчетливаго отца дѣвушки, источникомъ порядочныхъ доходовъ. Лондонская публика привѣтствовала соловья прозваніемъ «Сентъ-Сасиме»; а во время концерта, даннаго Элизой въ Оксфордѣ, профессора и студенты древняго университета, не смотря на свои академическія тоги съ классическими колпаками, необузданнымъ восторгомъ возбудили скандалъ въ остальной части публики. Чрезвычайная молодость миссъ Линли, ея безукоризненное поведеніе (въ этомъ отношеніи родитель пѣвицы оказывался весьма полезнымъ, предвидя блистательное замужство) и наконецъ слухи о корыстолюбіи отца, торопившагося извлечь всевозможныя выгоды изъ ея юнаго еще голоса, могли назваться чудной приманкой для батскихъ волокитъ, холостыхъ и женатыхъ. Ричардъ Шериданъ, какъ пріятель дома, часто провожалъ миссъ Элизу въ концерты, танцовалъ съ ней на балахъ и вмѣстѣ съ своей очаровательницей бродилъ вдвоемъ, къ зависти всей молодежи, по живописнымъ паркамъ и уединеннымъ аллеямъ. Миссъ Линли очень хорошо знала чувства своего моло-

*) Отца Фанни Дарблей, написавшей извѣстный романъ «Эвелина».

дого пріятеля, но они не могли очень поражать ее: поклонники ея считались сотнями; въ ихъ числѣ находились и Карлъ Шериданъ, и Гальгедъ, и многіе лорды, и деревенскіе сквайры, и военные — люди всѣхъ чиновъ и званій. У ней даже имѣлся и женихъ, въ лицѣ очень богатаго помѣщика, по имени Лонга, который любилъ миссъ Линли такъ деликатно и рыцарски, что когда дѣвица сообщила ему свое отвращеніе отъ брака, онъ положилъ на ея имя въ банкъ 3,000 фунтовъ стерлинговъ *), прося только забыть о своихъ домогательствахъ и навсегда считать его своимъ другомъ. Замѣтивъ холодность соловья, Ричардъ Шериданъ, не оставляя концертовъ и прогулокъ, самъ принялся за холодность, не желая выставлять своей страсти на позоръ городскимъ сплетникамъ. Онъ не имѣлъ никакой надежды и любилъ молча, не потому, чтобъ въ его характерѣ имѣлось много скрытности, а единственно затѣмъ, чтобъ избѣгнуть насмѣшекъ. Вѣчно готовый подсмѣяться надъ своимъ ближнимъ, Шериданъ на собственный свой счетъ имѣлъ много раздражительной щекотливости.

Время проходило — Шериданъ влюблялся болѣе и болѣе. Признанія, косвенно высказанныя въ Арисѳенетѣ, не могли облегчить его надолго. Онъ страдалъ и любилъ свои страданія и стремился ихъ высказать и мало по малу дѣлался поэтомъ. Вся блистательная обстановка его безпечной, артистической жизни, эти балы и роскошные сады около животворныхъ источниковъ, полу-скрытыя въ зелени мраморныя колонны галлерей, оживленныя веселящимся народомъ, концерты, въ которыхъ слышался голосъ той, которую онъ любилъ со всей энергіей своей двадцатилѣтней натуры, уединенныя прогулки вдвоемъ съ нею же, безчисленныя проказы и романическія исторійки, вѣчно оживляющія собой каждое собраніе на водахъ, наконецъ самое изобиліе соперниковъ и дерзость, съ которою многіе изъ нихъ осмѣливались преслѣдовать понравившуюся имъ пѣвицу — все это питало духъ поэзіи въ Ричардѣ. Его любовь не могла назваться обыкновенною любовью, а Элиза не стояла на ряду съ остальными дѣвушками города: ея профессія дѣлала изъ нея какое-то особое существо, замѣтное и исключительное, всѣми любимое, но не укрытое отъ оскорбленій, украшенное славою, но поминутно нуждающееся въ опорѣ, поминутно подвергавшееся злѣйшимъ искушеніямъ. Подъ вліяніемъ чувствъ, взволновавшихъ всю его натуру, Ричардъ сочинилъ нѣсколько стихотвореній и, какъ человѣкъ, уже имѣвшій право считать себя

*) Около 18,000 р. сер.

литераторомъ (вслѣдствіе Арисоенета), безъ труда помѣстилъ ихъ въ батской литературной газетѣ *); они не могли не обратить на себя общаго вниманія, какъ по изящности стиха, такъ и по многому въ своемъ содержаніи. Въ сказанныхъ стихахъ воспѣвались вещи, извѣстныя каждому батскому посѣтителю: концерты, въ которыхъ онъ самъ хлопалъ и, можетъ быть, плакалъ; гроты, извѣстные всѣмъ гуляющимъ, окрестные пейзажи, давно уже получившіе общую извѣстность. Все это было приправлено выраженіемъ страсти — обстоятельство, тоже немало способствовавшее успѣху вещицъ, вмѣстѣ съ сатирическимъ направленіемъ нѣкоторыхъ отрывковъ. Ничто такъ не удается на водахъ, какъ маленькая сатира, и пустые стишки Шеридана: «Письмо Тимоеея Скрю (воксальнаго оффиціанта) къ своему брату Генри, лакею Альмакскому», такъ полюбилось и пріѣзжимъ и жителямъ города, что авторъ тутъ же распорядился издать его отдѣльною книжкою. Изъ простого мальчика безъ профессіи, бѣднаго батскаго обитателя Шериданъ сталъ лицомъ крайне замѣчательнымъ, особенно для праздной водяной публики; въ Лондонѣ та же самая публика не подумала бы о плодахъ его юной музы, между тѣмъ какъ въ Батѣ дамы начали сходить съ ума отъ шеридановыхъ мадригаловъ, а мужчины — считать его острымъ и опаснымъ сатирикомъ.

Миссъ Линли первая поздравила своего молодого друга съ успѣхомъ его произведеній, первая предсказала ему блестящій успѣхъ на литературномъ поприщѣ и стала принимать знаки шериданова вниманія безъ прежней своей холодности; но эта весьма понятная перемѣна въ ея обращеніи, вмѣсто того, чтобъ привести въ восторгъ самолюбиваго юношу, едва было не повела къ разрыву страсти, пролившей столько блаженства на лучшіе годы его молодости. Гроты и поэтическія рощицы, только что воспѣтые юнымъ поэтомъ, сдѣлались свидѣтелями многихъ ссоръ, многихъ размолвокъ, многихъ несправедливыхъ обвиненій, нѣсколько разъ доводившихъ до слезъ бѣдную дѣвушку, и безъ того въ свой короткій вѣкъ видавшую довольно горя. Шериданъ, подобно своему герою Фокленду, не могъ любить, какъ любятъ всѣ люди: безтолковый, капризный и подозрительный, да сверхъ того еще избалованный общимъ вниманіемъ, онъ всегда былъ готовъ мучить и себя и любимую женщину. Уваженіе миссъ Линли къ его трудамъ казалось ему разсчетомъ вѣтренной женщины; ея сближеніе съ собою онъ приписывалъ одному кокетству, не думая о томъ, что Элиза ви-

*) Многія изъ нихъ онъ потомъ перенесъ въ свою оперу «Дуэнна».

дѣла въ свою жизнь и, можетъ быть, у своихъ ногъ, многихъ литераторовъ со славой прочнѣе и завиднѣй шеридановой батской репутаціи. Двадцати-лѣтній мальчикъ, не имѣя ни денегъ, ни мѣста, ни положенія въ обществѣ, непремѣнно желалъ, чтобъ его любили *для него самого*, и, желая этого, простодушно проклиналъ первые свои литературные успѣхи, обратившие на него вниманіе безумно любимой пѣвицы. Какъ бы то ни было, въ описанныхъ буряхъ имѣлась и своя хорошая сторона: молодые люди коротко узнали другъ друга, и любовь ихъ, не смотря на всѣ препятствія, можетъ быть, даже въ силу этихъ препятствій, утвердилась на прочномъ основаніи. Не безъ труда удалось Элизѣ обуздать подозрительный нравъ своего юнаго поклонника; не безъ труда и самъ Шериданъ успѣвалъ скрывать свою страсть какъ отъ собственныхъ многочисленныхъ пріятелей, такъ и отъ еще многочисленнѣйшихъ поклонниковъ миссъ Линли. Надеждъ имѣлось весьма мало: ни Томасъ Шериданъ, ни разсчетливый отецъ плѣнительной пѣвицы не согласились бы на бракъ; за первымъ неосторожнымъ словомъ могла произойти разлука, по всей вѣроятности, вѣчная. Къ счастію для интересной четы, скоро послѣдовало событіе, рѣшившее ея участь и на нѣсколько недѣль повергнувшее всѣхъ батскихъ посѣтителей въ пучину ужаса, сплетней и недоумѣнія.

II.

Капитанъ Матьюзъ. — Его отношенія къ семейству Линли. — Отчаяніе миссъ Элизы. — Бѣгство молодыхъ людей. — Уартъ. — Приключенія во Франціи. — Свадьба. — Появленіе мистера Линли. — Клеветы Матьюза. — Драматическія сцены. — Первая дуэль; трусость Матьюза. — Отъѣздъ гонителя Элизы и новое его явленіе въ Батѣ. — Услужливый другъ Бернеттъ. — Вторая дуэль съ Матьюзомъ. — Бѣдствія пѣвицы. — Разлука. — Жизнь Ричарда въ имѣніи мистера Паркера. — Ссоры и примиренія. — Соединеніе Ричарда съ Элизой и первое произведеніе Шеридана.

Въ числѣ свѣтскихъ джентльменовъ, постоянно проводившихъ лучшую часть года на батскихъ водахъ, находился нѣкто Томасъ Матьюзъ, капитанъ сухопутныхъ войскъ, человѣкъ съ состояніемъ, умомъ и красивою наружностью, но какъ видно изъ сохранившихся о немъ свѣдѣній, затмѣвавшій всѣ свои добрыя качества характеромъ буйнымъ и безнравственнымъ. Матьюзъ давно уже принадлежалъ къ классу женатыхъ людей и, по своимъ лѣтамъ, имѣлъ право на уваженіе со стороны городской молодежи; но онъ предпочиталъ болѣе заниматься дѣлами, недостойными его лѣтъ и званія, то есть картежной игрою, волокитствомъ и всякими про-

казами, допускаемыми въ то безцеремонное и очень пьяное время. Миссъ Линли ему очень понравилась; а такъ какъ Матьюза очень хорошо зналъ отецъ пѣвицы, то бѣдная дѣвушка, не смотря на все свое отвращеніе къ вольнымъ манерамъ капитана, вынуждена была каждый день встрѣчать, въ своемъ же домѣ, новаго поклонника. Непристойныя домогательства пожилого дэнди, привыкшаго смотрѣть на пѣвицъ и артистокъ всякаго рода съ самой легкой точки зрѣнія, сдѣлались совершенно невыносимыми съ той поры, какъ отецъ Шеридана и братъ его Карлъ, единственные друзья, способные, по своимъ лѣтамъ, заступиться за дѣвушку, уѣхали, по своимъ дѣламъ, въ Дублинъ. Отецъ и братъ Элизы, постоянно занятые уроками и концертами, почти не сидѣли дома; да молодая пѣвица и не желала просить ихъ вмѣшательства, зная характеры дѣйствующихъ лицъ, а потому справедливо опасаясь затѣять страшную семейную исторію. Угадавъ причину ея молчанія, Матьюзъ сдѣлался еще безстыднѣе, то открыто угрожая миссъ Линли оклеветать ее передъ всей водяною публикою, то отыскивая случай завязать ссору съ ея родственниками. Утомленная преслѣдованіями дерзкаго человѣка, огорченная подозрѣніями отца, миссъ Элиза рѣшилась повѣрить всю исторію своему другу Ричарду, плача и прося его дать ей средство куда нибудь ускользнуть изъ Бата, затѣмъ, чтобъ провести въ какомъ нибудь изъ континентальныхъ монастырей остатокъ жизни, начавшейся такъ тревожно и несчастливо. Сценическіе успѣхи, жадные взгляды публики, сплетни и утомительная дѣятельность, сопряженные съ ея свѣтскимъ положеніемъ, давно уже опротивѣли пѣвицѣ: ожесточенныя преслѣдованія Матьюза оказывались послѣдней каплей въ чашѣ ея душевныхъ страданій. Правда, корыстолюбивый родитель, едва открывъ, что дочь его обладаетъ прекраснымъ голосомъ, счелъ нужнымъ заключить съ нею формальный контрактъ насчетъ участія въ его концертахъ и ораторіяхъ; но миссъ Линли разсчитывала вознаградить разрывъ условія частью суммы, оставленной ей Лонгомъ, о которомъ мы недавно разсказывали. Въ заключеніе она попросила Шеридана остерегаться ссоры съ Матьюзомъ; только просьба ея оказалась тщетною: на первомъ же гуляньѣ соперники наговорили другъ другу разныхъ дерзостей, и дѣло кончилось бы дуэлью, еслибъ Ричардъ, имѣя въ виду предпріятіе, задуманное его дамою, не счелъ нужнымъ на время уклониться отъ поединка.

У Ричарда Шеридана не имѣлось ни гроша, у миссъ Элизы отецъ постоянно отбиралъ всѣ деньги, обоимъ вмѣстѣ не было полныхъ тридцати-осьми лѣтъ; всѣ эти обстоятельства, какъ легко

можно себѣ представить, не обѣщали особеннаго успѣха предпріятію. Къ счастію, сестра Шеридана, замѣтки которой о братѣ представлены читателю въ предыдущей главѣ, приняла влюбленныхъ дѣтей подъ свое покровительство, снабдила ихъ деньгами и сверхъ того дала имъ рекомендательныя письма во Францію. Не откладывая долѣе своего плана, Ричардъ и Элиза вечеромъ выѣхали изъ Бата, на большой дорогѣ встрѣтили почтовый экипажъ съ старухою, нанятою для приличія и услугъ миссъ Линли, и, пріѣхавъ въ Лондонъ, смѣло явились въ домъ негоціанта Уарта, давно связаннаго дружбой съ семействомъ Шериданов. Тутъ произошла сцена, достойная комедіи: Ричардъ, выпрыгнувъ изъ экипажа, поспѣшилъ сообщить старому торговцу, что онъ увезъ изъ Бата богатую наслѣдницу, намѣренъ обвѣнчаться съ аристократической бѣглянкой во Франціи и уже оттуда сообщить результатъ всего дѣла ея родителямъ.

— Точно ли она богата? спросилъ Уартъ.

— Чрезвычайно! былъ отвѣтъ.

— А мнѣ здѣсь болтали, продолжалъ старикъ: — будто ты врѣзался въ пѣвицу миссъ Линли.

— Это былъ одинъ отводъ! серьезно возразилъ Шериданъ.

Уартъ тотчасъ же приказалъ отвести дѣвушку въ особою половину, пріискалъ бѣглецамъ мѣсто на дюнкирхенскомъ пакетботѣ и, на случай надобности, прибавилъ ко всему нѣсколько писемъ къ надежнѣйшимъ изъ своихъ корреспондентовъ во Франціи.

Небольшого труда стоило Шеридану, во время морского путешествія, отговорить свою милую странницу отъ плановъ совершеннаго уединенія. Въ маленькой деревенькѣ около Кале молодыхъ людей обвѣнчали, послѣ чего миссъ Линли, чувствуя себя чрезвычайно разстроенною вслѣдствіе всѣхъ хлопотъ и переѣздовъ, попросила отвезти себя въ Лилль, гдѣ и наняла маленькую комнатку въ католическомъ монастырѣ. Тутъ она сильно занемогла, и бѣдственное положеніе юной четы усилилось новымъ бѣдствіемъ: мистеръ Линли прибылъ въ Лилль, имѣя при себѣ контрактъ, заключенный съ дочерью, и требуя ея немедленнаго возвращенія въ Англію. Тутъ Шериданъ поспѣшилъ высказать старику весь результатъ его безпечности какъ отца, весь ходъ исторіи съ Матьюзомъ и передать ему исторію бѣгства, какъ нѣчто необходимое и совершенное для пользы его же семейства. О бракѣ своемъ онъ не сказалъ ни слова, боясь испортить все дѣло: миссъ Линли тоже не сочла полезнымъ признаться. Послѣ многихъ переговоровъ, мистеръ Линли далъ позволеніе дочери снова воротиться во Фран-

цію, по исполненіи всѣхъ условій контракта, ее связывающаго, и сверхъ того обѣщалъ не требовать отъ нея новыхъ обязательствъ на будущее время. Устроившись такимъ бразомъ, тотчасъ же послѣ выздоровленія бѣглянки, всѣ трое вернулись въ Лондонъ, въ одномъ экипажѣ, какъ добрые пріятели.

Бѣгство миссъ Линли, какъ и слѣдовало ожидать, повергнуло всѣхъ обожателей ея красоты и таланта въ полное отчаяніе, а сплетни; начавшіяся по этому случаю въ городѣ Батѣ, не прекратились и послѣ окончанія всей исторіи. Матьюзъ, какъ истинный дэнди, всегда готовый налегать на тѣхъ, кто послабѣе и побезотвѣтнѣе, безстыдно позорилъ молодую чету всѣми средствами, имѣвшимися въ его распоряженіи, то есть клеветами изустными, письменными и печатными. Какъ человѣкъ женатый и близкій къ музыкальному семейству мистера Линли, онъ счелъ долгомъ всюду представлять изъ бѣжавшей пѣвицы жертву разврата, а о защитникѣ ея отзываться, какъ о мальчишкѣ, показавшемъ всю свою трусость во время первой съ нимъ ссоры. Одна изъ статеекъ подобнаго содержанія, тиснутая въ газетѣ «Батская Хроника» и подписанная именемъ Томаса Матьюза, попавшись на глазу Ричарду, произвела пароксизмъ бѣшенства, на которое только можетъ быть способна натура двадцатилѣтняго сына Ирландіи — страны, издавна извѣстной задорнымъ нравомъ своихъ уроженцевъ. Онъ послалъ клеветнику записку, въ которой изъявлялъ свою рѣшимость *не ложиться спать до тѣхъ поръ, пока не накажетъ злодѣя*. Матьюзъ отвѣчалъ холодною шуткою, прося Ричарда не лишать себя благъ Морфея, а явиться къ нему, когда будетъ угодно. Затѣмъ Шериданъ поѣхалъ въ Батъ, чтобъ вытребовать отъ своего брата Карла, уже возвратившагося въ Батъ изъ Дублина, всѣ свѣдѣнія о клеветахъ, распространяемыхъ Матьюзомъ. Въ Батѣ же находился и мистеръ Линли съ дочерью, такъ что Шериданъ льстилъ себя надеждою хотя разъ увидѣть свою жену-дѣвушку передъ опасною встрѣчею за ея честь и добрую славу. Случилось такъ, что самъ Матьюзъ находился въ то время въ Лондонѣ, и это сплетеніе разныхъ обстоятельствъ еще разъ подало поводъ къ сценамъ совершенно драматическимъ.

Повидавшись съ женой и прослушавъ всѣ городскіе слухи, Ричардъ вернулся домой поздно вечеромъ и прошелъ въ комнату Карла. Старшій братъ, какъ мы уже видѣли, безъ памяти влюбленный въ миссъ Линли, встрѣтилъ Ричарда упреками за его коварное бѣгство и всю скрытность первыхъ отношеній къ пѣвицѣ; Ричардъ же, въ свою очередь, потребовалъ отъ брата объясненій

насчетъ его молчанія во время гнусныхъ клеветъ Матьюза. Карлъ тутъ же передалъ брату всѣ пункты матьюзовыхъ обвиненій и услыхалъ всѣ подробности относительно преслѣдованія пѣвицы ненавистнымъ капитаномъ. Вслѣдъ затѣмъ братья пожали другъ другу руки и поклялись, не теряя времени, отмстить гнусному клеветнику, тотчасъ же послали за лошадьми и, не простясь ни съ кѣмъ, выѣхали изъ Бата.

Сестры Ричарда и Карла, слушая крикъ, происходившій въ комнатѣ братьевъ, предались смертному ужасу, а получивъ извѣстіе, что и тотъ и другой вмѣстѣ выѣхали изъ дома, въ глухую ночь, едва не лишились послѣднихъ силъ. Страсть обоихъ братьевъ къ Элизѣ Линли давно не была для нихъ тайной, между тѣмъ какъ настойчивость Карла, вспыльчивость Шеридана, соединенная съ пламеннымъ характеромъ обоихъ, заставляла ожидать чего-то ужаснаго. Сестрамъ показалось, что оба брата поѣхали совершить единоборство, беспримѣрное въ лѣтописяхъ человѣчества со времени Этеокла и Полиника, Объятыя трепетомъ, дѣвушки побѣжали къ миссъ Линли, надѣясь получить отъ нея какія нибудь свѣдѣнія насчетъ намѣреній Ричарда и Карла; но бѣдная пѣвица, услыхавъ всю исторію, только могла впасть въ конвульсіи и рыдать, призывая своего бѣднаго друга. Увлеченныя ея примѣромъ, обѣ дѣвушки сдѣлали тоже и, съ помощью слезъ, обмороковъ и стенаній, подняли въ домѣ такую тревогу, что всѣ жильцы сбѣжались въ недоумѣніи. Знаменитый, въ исторіи науки, докторъ Пристли, въ то время нанимавшій помѣщеніе въ домѣ мистера Линли, присутствовалъ при этой ужасной сценѣ и до конца дней хранилъ о ней самое живое воспоминаніе.

Между тѣмъ оба брата-мстителя, добравшись до Лондона, тотчасъ же послали Матьюзу картель, подписанный Ричардомъ. Противники и ихъ секунданты сошлись въ Гайдъ-Паркѣ и рѣшились кончить дѣло на шпагахъ. Но Матьюзъ, такъ задорный до того времени и считавшій первое уклоненіе Шеридана отъ дуэли признакомъ несомнѣнной трусости, оробѣлъ передъ лицомъ молодого и неукротимаго соперника. Поминутно уклоняясь отъ боя, то говоря, что въ паркѣ много гуляющихъ, то не соглашаясь на выборъ мѣста, онъ дотянулъ дѣло до сумерекъ и уже считалъ себя свободнымъ на весь день, когда Ричардъ изъявилъ желаніе кончить бой, гдѣ бы то ни пришлось и во что бы то ни стало. Вся компанія вошла въ квартиру Матьюза. Молодой Уартъ, секундантъ Шеридана, взялъ въ руки по свѣчѣ, и шпаги дуэлистовъ скрестились. Скоро Ричардъ отбросилъ шпагу своего противника влѣво и,

приставивъ свою къ его груди, схватилъ лѣвой рукой рукоять матьюзова оружія. Капитанъ вскричалъ: «я прошу пощады!» секунданты сказали тоже: «все кончено, онъ проситъ пощады.» Чуть бойцовъ розняли, Матьюзъ, обращаясь къ секундантамъ, сказалъ имъ: «мой противникъ поступилъ безчестно, схвативъ рукой мою шпагу!» На это секунданты замѣтили: «Отбросивъ въ сторону во время боя матьюзову шпагу, Ричардъ имѣлъ всю возможность заколоть своего соперника однимъ ударомъ, а потому поступокъ Шеридана — завладѣніе матьюзовымъ оружіемъ, какъ случившійся послѣ рѣшительнаго момента боя, долженъ считаться признакомъ пощады, а не коварства.» На это капитанъ отвѣтилъ опроверженіемъ всѣми виденнаго удара: по его словамъ, Шериданъ вовсе не экартировалъ его шпаги, а прямо кинувшись на него, помѣшалъ ему защищаться.

Трудно описать все неистовство, которому предался молодой ирландецъ, видя такую награду своему человѣколюбію. Взявъ матьюзову шпагу, Шериданъ переломилъ ея и раскидалъ обломки по полу, въ то же время упрекая безстыднаго противника и признавая его существомъ, недостойнымъ носить шпагу, признакъ благородства и мужества. Секунданты, сами пораженные неприличнымъ поступкомъ Матьюза, не считали нужнымъ за него заступиться, тѣмъ болѣе, что самъ капитанъ, вмѣсто того, чтобъ твердо встрѣтить позоръ, его постигшій, только восклицалъ поминутно: «Куда я покажусь послѣ этого? честь моя на вѣки погибла!» Шериданъ, такъ же быстро приходившій въ себя, какъ и разгорячавшійся, тотчасъ же взялъ одну изъ шпагъ, бывшихъ въ комнатѣ, и, подавая ее противнику, предложилъ рѣшить дѣло во второй разъ, съ тѣмъ вмѣстѣ давая честное слово никому не разсказывать о шпагѣ, имъ изломанной. На это Матьюзъ опять отвѣтилъ: «Я не могу драться съ человѣкомъ, которому я обязанъ жизнью», и, не торгуясь болѣе, подписалъ газетную статейку, въ которой опровергалъ всѣ свои клеветы касательно Ричарда и миссъ Линли.

Тотчасъ же послѣ дуэли, капитанъ Матьюзъ уѣхалъ въ свое валлійское имѣніе, куда вся исторія достигла раньше его, и гдѣ онъ, вслѣдствіе того, встрѣтилъ замѣтную холодность со стороны большей части сосѣдей. Такъ какъ жители Валлиса отъ начала вѣковъ соперничаютъ съ ирландцами по части задорнаго характера, то нашъ клеветникъ скоро увидѣлъ себя окруженнымъ цѣлой кучкой совѣтниковъ, прилагавшихъ всѣ старанія къ возбужденію воинственныхъ инстинктовъ капитана, смѣявшихся надъ его удаленіемъ изъ Бата и настоятельно требовавшихъ новой дуэли. Одинъ

изъ этихъ совѣтниковъ, мистеръ Бернеттъ, матьюзовъ сосѣдъ по имѣнію, впослѣдствіи выведенный Шериданомъ на театръ, подъ именемъ *сэра Люціуса о'Триггера*, предложилъ свои услуги для новой дуэли, раззадорилъ капитана съизнова и, не давши ему одуматься, явился съ нимъ въ Батъ, къ ужасу всѣхъ посѣтителей, уже начинавшихъ радоваться прекращенію гоненій на миссъ Линли. Оба друга безстрашно пустились воздвигать новыя клеветы, превратно разсказывать исторію первой дуэли и потомъ, пославъ свой картель Ричарду, приготовились къ безпощадному бою и всѣмъ его послѣдствіямъ.

Во время новаго появленія своего врага на батскихъ водахъ, Ричардъ находился въ расположеніи духа, совершенно подходящемъ къ буйному расположенію мистера Бернетта. Онъ прощался съ любимымъ своимъ братомъ Карломъ, отправлявшимся надолго въ Швецію, секретаремъ посольства, не ладилъ съ отцомъ, начинавшемъ уже догадываться о его отношеніяхъ къ миссъ Линли, и, сверхъ всего этого, находился въ разлукѣ съ самой Элизой, своей «женой-дѣвушкой», увезенной ея жаднымъ родителемъ въ Оксфордъ, для концертовъ. Раздосадованный всѣми этими обстоятельствами, выведенный изъ терпѣнія потокомъ новыхъ клеветъ и дерзостей со стороны человѣка, одолженнаго ему жизнью *), молодой Шериданъ тотчасъ же принялъ вызовъ. Противники съизнова сошлись около Кингсдона, въ уединенномъ мѣстѣ, и тутъ послѣдовала страшная сцена, не дѣлающая чести нравамъ того времени: капитанъ, воспламененный жаждою мщенія и стараніями своего зловреднаго спутника, забылъ всѣ правила боя, законы приличія; въ свою очередь и Шериданъ, взбѣшенный его поведеніемъ, увлеченный примѣромъ, сдѣлалъ то же самое. Тонкія шпаги соперниковъ изломались послѣ первыхъ ударовъ, и тотъ и другой получилъ по ранѣ; но бой оттого не прекратился: продолжая колотить другъ друга обломками своего оружія, и Матьюзъ и Шериданъ упали на земь, не переставая бороться. Капитанъ очутился наверху и нѣсколько разъ пытался заколоть Ричарда; но, къ счастію, при рукояткѣ его шпаги остался самый небольшой обломокъ стали, такъ что всѣ удары пропадали даромъ.

— Просите жизни! кричалъ Бернеттъ Шеридану.

---

*) Между прочимъ, Матьюзъ и Бернеттъ, готовясь къ дуэли, постоянно говорили въ публикѣ о необходимости великой осторожности во время боя, такъ какъ Шериданъ уже одинъ разъ показалъ свою привычку дѣйствовать въ противность всѣхъ правилъ при боѣ между джентльменами.

— Нѣтъ, чортъ возьми, отвѣчалъ на это Ричардъ. — Ужь этого вы отъ меня не дождетесь!

И тутъ же, въ свою очередь, дѣйствуя кусочкомъ шпаги, ранилъ Матьюза.

Наконецъ секунданты, изъ которыхъ одинъ, Поалье, совершенно струсилъ, а другой, какъ мы уже видѣли, способенъ былъ только наслаждаться видомъ безчеловѣчнаго кровопролитія, схватились за разумъ и розняли ожесточенныхъ бойцевъ. Шеридана увезли въ Батъ, а Матьюза — въ Лондонъ. Каждый считалъ себя побѣдителемъ, что едва было не довело обоихъ до третьей дуэли.

Миссъ Линли, какъ мы сказали, находилась въ Оксфордѣ во время описанной катастрофы, а ея отецъ, имѣвшій обыкновеніемъ прежде всего заботиться объ успѣхѣ своихъ концертовъ, поспѣшилъ перехватить всѣ газеты, заключавшія въ себѣ извѣстія о второй дуэли Шеридана съ Матьюзомъ. Романическая исторія милой пѣвицы была извѣстна всему Оксфорду, хотя и не во всѣхъ подробностяхъ, а потому, когда она, ничего не зная о постигшемъ ея бѣдствіи, вышла передъ публику на своемъ послѣднемъ концертѣ, вся масса слушателей съ трудомъ удерживала слезы. Только по дорогѣ въ Батъ миссъ Элиза узнала всю исторію съ прибавленіями, а узнавъ ее, потеряла всю осторожность, настоятельно требуя отъ отца, чтобъ тотъ пустилъ ее ходить за раненымъ мужемъ, сидѣть около него днемъ и ночью. Нельзя предположить, со стороны отца пѣвицы, совершеннаго невѣдѣнія касательно ея отношеній къ Ричарду; но извѣстно, что со времени этого невольнаго признанія и онъ и мистеръ Томасъ Шериданъ начали выжидать перваго положительнаго факта для расторженія брака, такъ невыгоднаго для обѣихъ сторонъ. Къ счастію, миссъ Линли поспѣшила истолковать свои выраженія въ каретѣ простымъ порывомъ преувеличенной горести, а бѣдный ея мужъ удвоилъ осторожность своихъ поступковъ и даже написалъ къ ней, черезъ сестру, о необходимости полной скрытности.

Раны Ричарда скоро зажили; но здоровье его, расшатанное безпрерывными тревогами, начало слабѣть замѣтнымъ образомъ. Повинуясь волѣ отца и самъ понимая всю опасность дальнѣйшаго пребыванія въ Батѣ, гдѣ онъ могъ, вслѣдствіе одного неосторожнаго слова, на вѣки лишиться любимой женщины, молодой человѣкъ переѣхалъ въ Эссекское графство и поселился у мистера Паркера, друга фамиліи Шериданов, въ его загородномъ замкѣ. Тутъ провелъ онъ въ уединеніи и литературныхъ занятіяхъ восемь мѣсяцевъ своей жизни, восемь мѣсяцевъ, принесшіе ему впослѣд-

ствіи неисчислимыя выгоды, какъ поэту, государственному человѣку и оратору. Воспоминанія своей страсти и рѣдкая переписка съ женою, питали его фантазію, между тѣмъ какъ невозмутимая тишина стараго зàмка и окрестныхъ полей производила цѣлебное вліяніе на душу, слишкомъ рано истерзанную свѣтскими огорченіями, сплетнями и враждою, вѣчнымъ шумомъ и обиліемъ сильныхъ ощущеній. Книги, читанныя имъ во время этого спасительнаго отдыха, и разнаго рода замѣтки, впослѣдствіи у него найденныя, показываютъ въ Шериданѣ наклонность къ дѣятельности политической, между тѣмъ какъ многочисленныя его посланія къ молодому Уарту, Гальгеду и другимъ лучшимъ пріятелямъ, посланія, исполненныя страстныхъ воспоминаній и разспросовъ объ успѣхахъ Элизы Линли, въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаютъ собой знаменитыя письма Мирабо къ Софіи. Для дополненія нашего разсказа, и безъ того изобилующаго романическими подробностями, нужно прибавить, что по временамъ Шериданъ уѣзжалъ въ Лондонъ, по вечерамъ пробирался въ Ковенъ-гарденскій театръ, гдѣ тогда пѣла его «жена-дѣвушка», и проводилъ часъ счастливой ночи между толпой зрителей, упиваясь обворожительнымъ голосомъ пѣвицы, любуясь ея наружностью, сердито поглядывая вокругъ себя, когда восторги публики начинали задѣвать его ревность, и наконецъ утѣшаясь мыслью о своемъ неоспоримомъ превосходствѣ надъ всѣю толпою поклонниковъ знаменитой Элизы Линли.

Но за рѣдкими вечерами чистаго, безпредѣльнаго счастія не могли не слѣдовать бури, весьма понятныя, весьма извинительныя, если мы возьмемъ въ соображеніе характеръ Шеридана, молодость его жены, ея исключительное положеніе въ обществѣ, наконецъ театральные нравы того времени. Не проходило мѣсяца безъ обидныхъ газетныхъ статеекъ на счетъ поведенія миссъ Линли. Каждая артистка, завидовавшая ея успѣхамъ, за какую нибудь гинею, данную редакціи того или другого журнала, могла безнаказанно распространять всевозможныя клеветы о «батскомъ соловьѣ». Отецъ Элизы, энергію свою употреблявшій только для набиванія кармана, не только не могъ служить защитникомъ своей дочери, но даже вредилъ ея доброму имени, пріискивая ей богатыхъ жениховъ съ рвеніемъ, не всегда истолковываемымъ въ хорошую сторону.

Одна газетная исторія, помѣщенная въ «Батской Хроникѣ» за 1773 г., показываетъ, до какого утонченнаго безстыдства доходилъ иногда тонъ тогдашнихъ журналовъ. Цѣлая вымышленная корреспонденція между миссъ Элизой и донъ-Жуаномъ прошлаго

вѣка, лордомъ Гросвеноромъ, печаталась въ этой газетѣ нѣсколько дней сряду, будто фельетонный романъ въ теперешнемъ вкусѣ; къ сочиненію приложено было предисловіе издателя въ такомъ вкусѣ:

«Предлагаемыя читателю письма, по увѣренію особъ, не имѣющихъ привычки распространять ложные слухи, дѣйствительно были адресованы лордомъ Г. извѣстной британской сиренѣ Элизѣ Линли и отъ миссъ Линли къ этому лорду. Не для скандала мы ихъ помѣщаемъ: наши газеты, нужно съ горестью признаться, не нуждаются въ новыхъ сплетняхъ; но мы имѣемъ похвальное намѣреніе показать, для поученія публики, какимъ образомъ молодая особа умѣла, къ чести своей, противостоять всѣмъ искушеніямъ, всѣмъ примѣрамъ, ее окружающимъ, и соединить непоколебимую добродѣтель съ другими многочисленными, ее окружающими совершенствами».

Результатомъ вѣроломной статьи чуть было не случился разрывъ между бѣдными супругами: переписка ихъ прекратилась, а молодая пѣвица, видя въ своемъ обожателѣ ревнивца неисправимаго, сочла нужнымъ проститься со всѣми надеждами спокойствія и счастливой привязанности. Къ счастію, молодой Уартъ, сынъ того негоціанта, котораго Ричардъ такъ обманулъ во время своего бѣгства во Францію съ Элизой, устроилъ все дѣло своимъ посредничествомъ. Между тѣмъ, истекалъ срокъ контракта миссъ Линли съ ея родителемъ, а самъ мистеръ Линли, не имѣя надеждъ на новое обязательство и сверхъ того убѣдившись въ непреклонномъ постоянствѣ своей дочери, наконецъ пересталъ противиться влеченію ея наклонностей.

Въ апрѣлѣ 1773 года молодые люди сошлись затѣмъ, чтобъ не разставаться болѣе; ихъ счастіе еще усилилось счастіемъ преданнаго Уарта, въ тотъ же день обвѣнчавшагося на молодой особѣ, увезенной имъ точно такъ же, какъ когда-то Ричардъ Шериданъ увозилъ свою «жену-дѣвушку».

Удовлетворенная страсть, вмѣстѣ съ совершеннымъ прекращеніемъ тревогъ и тягостнаго ожиданія, благотворно подѣйствовала на натуру молодого поэта. Любовныя бури, вѣчныя несогласія, кидавшія столько тѣни на его первыя отношенія къ обожаемой пѣвицѣ, исчезли тотчасъ послѣ брака. Пользуясь обширными связями своего отца и знакомствами семейства Линли, Ричардъ поспѣшилъ окружить себя блистательнымъ знакомствомъ и сдѣлать свой скромный домъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ домовъ, которыми дорожитъ всякій, потому что въ нихъ обитаютъ вѣчныя ве-

селость, артистическія развлеченія и дружба, сродная только молодости. Наконецъ плодомъ любви, веселости и счастія вышла первая комедія Шеридана: «Соперники», комедія, вся основанная на личныхъ воспоминаніяхъ, комедія живая, свѣтлая, обворожительная по своему духу, хотя отчасти слабая по частностямъ, — одна изъ тѣхъ немногихъ комедій, въ которыхъ свѣжимъ ключемъ бьетъ поэзія молодости, едва ли не первая изъ всѣхъ поэзій на свѣтѣ.

III.

Содержаніе комедіи «Соперники». — Съ кого писаны дѣйствующія лица? — Фоклендъ и Джулія, миссъ Лидія Ленгвишь и капитанъ Эбсольютъ. — Сэръ Антони, Люціусъ о'Триггеръ и Экрсъ. — Отрывки и выписки. — Слабыя стороны пьесы: неестественность, запутанность и цвѣтистость слога. — Избытокъ остроумія. — Достоинства комедіи. — Ея огромный успѣхъ. — Актеръ Ли, чуть было не испортившій представленія.

Такъ какъ Шеридановыхъ «Соперниковъ» не имѣется въ хорошемъ русскомъ переводѣ, то мы считаемъ долгомъ въ короткихъ словахъ разсказать содержаніе этой комедіи, сразу поставившей своего двадцати-четырехъ-лѣтняго автора въ разрядъ первоклассныхъ европейскихъ драматурговъ.

Сообразно примѣру первыхъ комическихъ писателей Англіи: Конгрева, Вичерли, Ванъ-Бруга, Гольдсмита и предшественника ихъ, несравненнаго Шекспира, считавшихъ запутанную многосложность интриги однимъ изъ первыхъ условій хорошей комедіи, Шериданъ выводитъ на сцену двухъ героинь и двухъ героевъ, то есть себя самого, миссъ Элизу Линли, своего друга Уарта и его возлюбленную. Дѣйствіе происходитъ въ Батѣ; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, скрытые подъ вымышленными именами, красуются персонажи Матьюза, Бернетта, старика Уарта и нѣсколькихъ другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ романической исторіи Шериданова брака.

Между красавицами того изъ батскихъ сезоновъ, къ которому относятся происшествія комедіи, особенною славою пользуются *миссъ Лидія Ленгвишь* *) и *миссъ Джулія Мельвилль* **), воспитанница стараго, вспыльчиваго, взбалмошнаго, но весьма почтеннаго баронета *сэра Антони Эбсольюта*. Обѣ дѣвицы очерчены такъ мило, какъ только можетъ обрисовывать женщинъ еще молодой

*) Будущая супруга Уарта.

**) Будущая мистриссъ Элиза Шериданъ.

писатель; обѣ вѣрны своему времени и своей родинѣ, но обѣ крайне несходны характерами. Джулія есть совершенство въ великобританскомъ вкусѣ; умная, тихая, преданная, всегда готовая забывать себя для любимаго человѣка, она, однако же, обладаетъ твердостью характера и практическимъ взглядомъ на вещи. Она любитъ нѣкоего мистера Фокленда *), любима имъ, считается его невѣстою; но эта связь приноситъ ей только однѣ горести. Фоклендъ, по всей вѣроятности поэтъ, ведетъ себя какъ слѣдуетъ поэту. Ревнивый, подозрительный и недовѣрчивый, онъ безпрестанно мучитъ самъ себя и бѣдную дѣвушку. Смѣется ли она, Фоклендъ оскорбляется ея вѣтренностью, груститъ ли Джулія о его подозрѣніяхъ, поэтъ обижается, зачѣмъ она не любитъ самихъ его недостатковъ; если невѣста нѣжна, Фоклендъ подозрѣваетъ въ ней неприличную вольность обращенія; если она сурова, онъ предвидитъ бѣдствія и проклинаетъ свою участь.

Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ сцены, въ которой Фоклендъ освѣдомился черезъ одного сосѣда о здоровьи и поведеніи миссъ Джуліи въъ его отсутствіе:

Капитанъ Эбсольютъ *(сынъ сэра Антони и другъ Фокленда)*, Фоклендъ *и сквайръ* Экрсъ.

Фоклендъ. Сэръ, я еще не видалъ миссъ Мельвилль. Я надѣюсь, что она здорова и не скучаетъ въ Девонширѣ. Мнѣ говорили, что она вздумала было хворать.

Экрсъ. Пустяки, пустяки, сэръ! Это васъ хотѣли помучить. Она цвѣтетъ какъ роза и здоровѣе чѣмъ городъ Спа въ Германіи. *(Фоклендъ начинаетъ ходить по комнатѣ.)*

Фоклендъ *(капитану)*. Ты видишь Джекъ, она умнѣе меня; я чуть было не захворалъ отъ скуки и безпокойства.

Капитанъ. Я совѣтую тебѣ на нее посердиться за то, что она здорова.

Фоклендъ. Не то, не то, Джекъ! Я очень радъ. А все-таки есть что-то непріятное въ этомъ постоянномъ, грубомъ, цвѣтущемъ здоровьи... *(Экрсу.)* И она постоянно весела? вѣчно смѣется? не правда ли?

Экрсъ. Еще бы нѣтъ! Гдѣ она, тамъ радость и веселіе. Столько ума и столько рѣзвости!

Фоклендъ. Есть и въ лучшей женщинѣ запасъ несокрушимой вѣтренности! Веселиться въ разлукѣ!

---

*) Самъ Р. Шериданъ.

Капитанъ. А сейчасъ не ты ли самъ тревожился о томъ, что она грустить и скучаетъ?

Фоклендъ. Скажи мнѣ, Джекъ, разливалъ ли я радость и веселіе моимъ появленіемъ?

Капитанъ. О, конечно, нѣтъ!

Фоклендъ. Былъ ли я рѣзвъ и очастливъ?

Капитанъ. Клянусь честью, въ этомъ тебя упрекнуть невозможно.

Фоклендъ. Сіялъ ли я умомъ и веселостью?

Капитанъ. Нѣтъ, чортъ возьми, ты былъ нестерпимо скученъ.

Экрсъ *(капитану)*. Что съ этимъ джентьменомъ дѣлается?

Капитанъ. Онъ радуется, что его Джулія въ добромъ здоровьи и веселится.

Экрсъ. Какъ не радоваться! Что за дѣвушка! что за таланты! какъ она играетъ, какъ она поетъ и выдѣлываетъ трельки! Послушали бы вы, какъ она щебетала въ концертѣ у мистера Пьяно!

Фоклендъ. Дуракъ я, глупецъ, основавшій надежды счастія на сердцѣ кокетки! Чортъ возьми! позорить свои дарованія посреди публики! веселить свое непостоянное сердце пѣсенками!.. И она танцовала, можетъ быть...

Экрсъ. Да какже?.. Вотъ, на послѣднемъ балѣ...

Фоклендъ. Проклятіе! я говорилъ, говорилъ это...

Капитанъ. Опомнись, Фоклендъ! Можно ли отказаться отъ танцевъ? Законы приличія...

Фоклендъ. Правда... правда... законы... можетъ быть... я съумѣю удержаться. *(Экрсу.)* Сэръ, сэръ... какъ его проклятое имя?

Капитанъ. Экрсъ! Экрсъ!

Фоклендъ. Да, Экрсъ. Такъ вы говорили, сэръ, что миссъ Джулія танцуетъ минуэтъ съ искусствомъ....

Экрсъ. Посмотрѣли бы вы на нее въ контръ-дансѣ!

Фоклендъ. Пусть поразитъ ее сама судьба!... Защищай ее, Джекъ! чтожь ты ее не защищаешь? Контръ-дансы, джиги, вытягиванія и подниманія ногъ! Правъ ли я теперь?... Переходить всю ночь изъ рукъ въ руки, испытывать позорное прикосновеніе фатовъ, показывать свои стати какъ лошадь, выведенная на продажу! О, Джекъ! женщина можетъ танцовать контръ-дансъ только съ *однимъ* мужчиной, да и тогда остальныя пары кадрили должны состоять изъ ея дѣтей и тетокъ! Одно порочное сердце въ толпѣ заражаетъ весь балъ! Сердца бьются подъ раздражающую музыку, воздухъ напоенъ теплотой и электричествомъ, руки танцующихъ

будто составляють одну злосредную цѣпь!... Я уйду, я долженъ тебя оставить... Я вижу, что немного взволнованъ, и эта деревенская уродина (*указывает на Эврса*), кажется, примѣтила мое замѣшательство....

Капитанъ. Останься хоть минуту, Фоклендъ; поблагодари мистера Эврса за добрыя новости!

Фоклендъ. Пусть черти возьмутъ и его и его новости!

(*Уходитъ.*)

Капитанъ. Ха, ха, ха! бѣдный Фоклендъ! Четверть часа тому онъ говорилъ, что цѣлый міръ не способенъ причинить ему одной минуты горести!... Ха, ха, ха!

По возможности стараясь исправить и передѣлать своего возлюбленнаго, бѣдная Джулія за всѣ свои усилія получаетъ одно горе и по временамъ начинаетъ отчаяваться въ своей будущности.

Миссъ Лидія Ленгвишь, напротивъ, портитъ всѣ блага жизни единственно своимъ черезчуръ романическимъ характеромъ. Она судитъ людей и жизнь по книгамъ, и какимъ еще книгамъ! «Невинная страсть», въ трехъ частяхъ; «Опасности и ошибки сердца» находятся въ рабочемъ ящикѣ вмѣстѣ съ «Вознагражденнымъ Постоянствомъ», «Слезами Чувствительности» и «Трогательною исторіею лэди Вудфордъ». Книги ей нужно прятать отъ своей воспитательницы и тетки, нелѣпой болтуньи мистриссъ Малапропъ, и оттого запретный плодъ становится еще пріятнѣе. Миссъ Лидія лишилась многихъ хорошихъ партій, постоянно отказывая женихамъ и изъявляя совершенное презрѣніе къ сватовству обыкновенному, безъ романическихъ затѣй. «Неужели — говоритъ она — мнѣ согласиться на глупыя приготовленія къ свадьбѣ и съ глупымъ видомъ пойти въ церковь, посреди гостей и родственниковъ, и слышать, какъ глупый пономарь станетъ три раза выкрикивать въ народѣ о томъ, что дѣвица Лидія такая-то вступаетъ въ бракъ! Неужели мнѣ суждено дожить до того, что меня назовутъ *дѣвица Лидія!* Это ужасно, ужасно! Потерять всѣ мои мечты и тихую ночь, и луну, помощницу бѣгства, и дорожный экипажъ четверкой, и благословеніе гретна-гринскаго кузнеца, и миленькія статейки въ газетахъ о моемъ побѣгѣ!» Въ этомъ монологѣ вся миссъ Лидія, со своими хорошими сторонами, а если мы сообразимъ, что до временъ Шеридана типъ романической дѣвушки вовсе не былъ избитъ и изпошленъ такъ, какъ онъ избитъ и изпошленъ во всѣхъ послѣдующихъ драмахъ, то намъ нетрудно будетъ представить себѣ всю оригинальность персонажа, въ которомъ молодой авторъ «Со-

жерниковъ» чрезвычайно удачно слилъ смѣшное съ граціознымъ и каррикатурное съ привлекательнымъ.

Благодаря своимъ романическимъ наклонностямъ, миссъ Лидія Ленгвишь вскорѣ встрѣтила на водахъ своего идеала. Капитанъ королевскаго войска, *мистеръ Эбсолютъ* *), молодой сынъ уже извѣстнаго намъ сэра Антони и другъ Фокленда, плѣнился прелестями причудливой дѣвицы, а зная ея нравъ по слухамъ, сдѣлалъ свои распоряженія для того, чтобъ ей понравиться. На время распростившись съ чиномъ капитана и званіемъ богатато наслѣдника, онъ явился въ Батъ инкогнито, подъ именемъ бѣднаго прапорщика Беверлея, и, поступая совершенно какъ слѣдуетъ герою чувствительнаго романа, завладѣлъ сердцемъ Лидіи. «Боже мой! — разсказываетъ Джуліи наша романическая причудница — сколько трудовъ и хитростей тратила я на то, чтобъ имѣть полъ-минуты разговора съ Беверлеемъ! Сколько разъ, въ холодную январьскую «ночь, я тихонько уходила въ садъ и заставала его тамъ, недвижимаго какъ истуканъ, покрытаго инеемъ! Какъ онъ становился «въ снѣгъ на колѣни и чихалъ и кашлялъ самымъ трогательнымъ «образомъ! Онъ дрожалъ отъ холода, а я — со страха! И когда «пронзительный вѣтеръ продувалъ насъ обоихъ до костей, съ какимъ жаромъ онъ умолялъ меня имѣть состраданіе къ его пламенной «страсти!» Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, миссъ Лидія не хочетъ и глядѣть на двухъ другихъ обожателей: деревенскаго дворянина *Экрса* **) и ирландскаго баронета сэра *Люціуса о'Триггера* ***). Хитрая ея горничная, безъ вѣдома барышни, обманываетъ обоихъ, беретъ съ нихъ деньги и даже вводитъ о'Триггера въ переписку съ старой дурой мистриссъ *Малапропъ*, увѣривъ его, что письма пишетъ миссъ Лидія.

Такимъ образомъ идутъ дѣла до пріѣзда въ Батъ сэра Антони съ Джуліей. Почтенный баронетъ вознамѣрился женить своего сына капитана на миссъ Лидіи и, не переговоривъ съ молодыми людьми, прямо обратился къ теткѣ Лидіи, поспѣшившей изъявить свое согласіе. «Но — даетъ замѣтить мистриссъ Малапропъ — я разсчитываю на препятствія: Лидія врѣзалась въ какого-то голяка Беверлея.» — «Это меня не удивляетъ — говоритъ сэръ Антони — вотъ и результатъ того, что нынче дѣвушки читаютъ книги! Я сейчасъ видѣлъ, какъ ея горничная выходила изъ книжной лавки: вѣрьте

---

*) Уэртъ младшій.
**) Матьюзъ.
***) Бернеттъ.

мнѣ, книжная лавка въ городѣ есть древо мерзости, порожденное адомъ! Это, впрочемъ, не бѣда... Хотите, я сейчасъ же пошлю за сыномъ?» И когда мистриссъ Малапропъ спрашиваетъ: «не будетъ ли со стороны молодого человѣка какихъ нибудь препятствій?» сэръ Антони восклицаетъ: «Препятствій, чортъ возьми! да какъ онъ смѣетъ думать о препятствіяхъ! Съ дѣтскихъ лѣтъ я поступалъ относительно его самымъ разумнымъ образомъ. Я говорилъ: Джекъ, дѣлай то и то, и чуть онъ задумывался, колотилъ его кулакомъ въ голову. А если онъ огрызался, то просто выгонялъ его изъ дома».

Таковъ сэръ Антони, джентльменъ весьма добрый и привлекательный, не смотря на свою великую грубость. Съ появленіемъ его на сцену, начинается рядъ прелестнѣйшихъ сценъ, не всегда естественныхъ по замыслу, но уморительныхъ по изложенію. Переговоривъ съ теткой Лидіи, баронетъ идетъ въ квартиру сына и приказываетъ ему поскорѣе вступить въ бракъ, не называя невѣсты, ему избранной. Капитанъ, влюбленный уже и, сверхъ того, по упрямству достойный своего родителя, сперва отнѣкивается, потомъ проситъ хотя назвать ему невѣсту, потомъ теряетъ терпѣніе.

Сэръ Антони Эбсольютъ. Капитанъ Эбсольютъ.

Сэръ Антони. И я хочу, чтобъ мой сынъ еще при моей жизни имѣлъ независимое состояніе.

Капитанъ. Я очарованъ вашей добротой, батюшка. Но вы не желаете, я думаю, чтобъ я бросилъ службу.

Сэръ Антони. Твоя жена рѣшитъ это.

Капитанъ. Моя жена, батюшка?

Сэръ Антони. Да, да, это ужь ваше общее дѣло, ваше общее дѣло.

Капитанъ. Моя жена, вы сказали?

Сэръ Антони. Да, жена твоя; развѣ я еще не говорилъ о ней?

Капитанъ. Ни одного слова, батюшка.

Сэръ Антони. Вотъ странно! а о ней-то и нужно говорить. Да, Джекъ, ты женишься и получишь состояніе. Надѣюсь, что тебѣ нетрудно жениться!

Капитанъ. Вы меня удивляете, батюшка!

Сэръ Антони. Что сдѣлалось съ дуракомъ? Ты только что былъ исполненъ благодарности и повиновенія.

Капитанъ. Правда, батюшка. Вы говорили о прибавкѣ моихъ доходовъ, но не о женитьбѣ.

Сэръ Антони. Ну такъ что же, чортъ возьми! Хочешь ферму, покупай и скотину. Любишь кататься, люби саики возить.

Капитанъ. Потрудитесь же сказать, на комъ мнѣ должно жениться?

Сэръ Антони. А тебѣ на что? Сейчасъ же обѣщайся любить ее и жениться въ наискорѣйшемъ времени.

Капитанъ. Не странно ли, батюшка, принуждать меня любить особу, которой я не знаю вовсе?

Сэръ Антони. Еще глупѣе отказаться отъ женщины, которой ты не знаешь вовсе.

Капитанъ. Извините меня, батюшка, но я скажу вамъ прямо: я не могу исполнить вашего требованія.

Сэръ Антони. Слушай, Джекъ. До сихъ поръ я слушалъ съ терпѣніемъ. Я былъ спокоенъ, очень кротокъ; но берегись! Я полонъ снисходительности, пока со мной не спорятъ. Со мной легко ладить, не попереча мнѣ. Но слушай: не бѣси меня.

Капитанъ. Повторяю вамъ, батюшка, я не могу исполнить вашихъ желаній.

Сэръ Антони. Чтобъ черти меня взяли, если я когда нибудь назову тебя Джекомъ.

Капитанъ. Выслушайте, батюшка...

Сэръ Антони. Не хочу ничего слушать! ничего! ничего не хочу! Согласись, кивни головой! Я говорю, Джекъ... то есть... канальи! если ты откажешь, всѣми чертями...

Капитанъ. Батюшка! какже могу я жениться, можетъ быть, на безобразной харѣ?

Сэръ Антони. Пусть харя, чортъ возьми! Пусть у ней два горба, одинъ глазъ, какъ у быка въ музеумѣ Кокса! пусть кожа у ней какъ у муміи, борода какъ у еврея: ты долженъ любить ее днемъ, а ночью сочинять сонеты въ честь ея красоты!

Капитанъ. Дивлюсь вашей снисходительности!

Сэръ Антони. Безъ шутокъ, уродъ! безъ насмѣшки, фатъ и нахалъ!

Капитанъ. Мнѣ не до шутокъ въ эту минуту.

Сэръ Антони. Врешь, я знаю, ты смѣешься въ душѣ. Чуть я уйду, ты станешь хохотать надо мною!

Капитанъ. Я слишкомъ много васъ почитаю для этого.

Сэръ Антони. А! ты бѣсишься, ты злишься, бездѣльникъ! Это тебѣ не удастся со мною.

Капитанъ. Я совершенно спокоенъ, батюшка.

Сэръ Антони. Ложь! гнусная ложь: ты исполненъ злости. Ты скрываешь ее... ты...

Капитанъ. Увѣряю васъ...

Сэръ Антони. А! ты вышелъ изъ себя наконецъ! Ты говоришь дерзости! Ты не можешь быть кроткомъ, какъ я кротокъ, чортъ возьми! Что мнѣ въ твоемъ гнѣвѣ, наглецъ, безстыдникъ, дерзкій мошенникъ! А, ты опять усмѣхаешься! Ты дразнишь меня! ты разсчитываешь на мое спокойствіе, плутъ! ты знаешь мой тихій нравъ, собака! но берегись! съ тобой кто не потеряетъ терпѣнія! Слушай меня въ послѣдній разъ: я даю тебѣ шесть часовъ съ половиной: если ты согласишься черезъ шесть часовъ съ половиной жениться безъ разговоровъ, пусть черти тебя задавятъ! я еще могу помириться съ тобою. Если же нѣтъ, не живи со мной на одной землѣ, не дыши однимъ воздухомъ, ищи себѣ особую землю и особый воздухъ! Я отниму у тебя капитанскую должность, положу на твое имя четверть гинеи *), и будешь ты жить процентами съ этого капитала. Я лишу тебя имени и наслѣдства, и пусть черти меня задушатъ, если мнѣ когда нибудь случится назвать тебя Джекомъ! *(Уходитъ.)*

Отецъ и сынъ разстаются въ полномъ неудовольствіи, не сказавъ слова, которое одно могло бы положить предѣлъ спору и очаровать капитана.

Между тѣмъ Фоклендъ, или, вѣрнѣе, самъ Шериданъ, уже успѣлъ раскаяться въ своихъ подозрѣніяхъ, возбужденныхъ болтовней Экрса, и блаженствуетъ въ обществѣ своей невѣсты. Въ противность стародавнему обычаю, дѣлающему изъ всѣхъ нѣжныхъ сценъ въ комедіяхъ нѣчто приторное и безцвѣтное, здѣсь мы видимъ чистую поэзію, сцены, быть можетъ, однообразныя, но постоянно милыя и трогательныя. Въ этомъ сплетеніи нѣжностей и упрековъ, ревности и раскаянія есть нѣчто истинное и неподдѣльное, а потому оправдывающее постоянный успѣхъ хорошихъ актеровъ, повидимому, въ неблагодарныхъ роляхъ Джуліи и Фокленда. Языкъ подлинника превосходенъ, хотя и цвѣтистъ, какъ вообще языкъ англійскихъ драматическихъ произведеній, всѣхъ безъ исключенія.

«Джулія — говоритъ Фоклендъ, послѣ первыхъ восторговъ свиданія — вы олицетворенная доброта, вы мой добрый геній! А я, недостойное чудовище, осмѣливаюсь помрачать тѣнью сомнѣнія вашу преданность, постоянство ваше»!

*) Полтора рубля серебромъ.

Дѣвушка замѣчаетъ, что малѣйшая перемѣна въ ея привязанности послужила бы признакомъ порока и *неблагодарности* (такъ какъ Фоклендъ когда-то ее спасъ отъ смерти, кажется).

Фоклендъ. Ахъ Джулія, это послѣднее слово звучитъ такъ нерадостно! Зачѣмъ я получилъ права на блогодарность вашу! Допросите свое сердце: можетъ быть, чувство, считаемое вами за любовь, есть одно горячее побужденіе благороднаго сердца?

Джулія. Да за что же я люблю васъ?

Фоклендъ. Вы должны любить меня *ни за что*, любить просто. Кто меня любитъ за умъ, за добрыя качества, тотъ только *уважаетъ* меня, а не любитъ. Сколько разъ я желалъ быть безобразнымъ, чтобъ ваша любовь ко мнѣ не оправдывалась физическими причинами!

Джулія. Мужчинѣ нужно думать о своей красотѣ, какъ объ излишнемъ нарядѣ. Я видала людей лучше васъ; но какое дѣло до того моему сердцу?

Фоклендъ. Это опять нехорошо, Джулія. Я презираю красоту въ мужчинѣ; но женщина, способная любить, будь ея другъ негромъ эфіопскимъ, должна считать его бѣлѣе всѣхъ мужчинъ на свѣтѣ.

Джулія. Вы рѣшились огорчать меня. Вы употребляете во зло права ваши.

Фоклендъ. Какія права, Джулія? Не оттого ли вы ласковы со мною, что теперь разрывъ между нами, какъ женихомъ и невѣстою, невозможенъ?

Джулія. Пожалуй, произведемте разрывъ: я все таки буду вѣрна.

Фоклендъ. Какъ скоро вы рѣшаетесь, другъ мой! Если бы вы сильно меня любили, согласились ли бы вы такъ быстро на разрывъ узъ, связывающихъ сердца наши?..

Джулія. Вы меня мучите, и я не могу долѣе переносить этого.

Фоклендъ. Боже меня сохрани огорчить васъ! Но разсудите сами, правъ ли я въ моихъ сомнѣніяхъ. Я не хочу хвалить себя, но я молодъ и имѣю нѣкоторыя достоинства. Я имѣю состояніе, и женщину, меня полюбившую, никто не назоветъ неразумною. О, Джулія, когда любовь такъ согласуется съ требованіями благоразумія, не одинъ робкій умъ способенъ питать подозрѣніе.

Джулія. Я не понимаю смысла вашихъ рѣчей. Но вы хотите оскорбить меня, а я должна избавить васъ отъ упрековъ совѣсти. Я невинна и не заслужила такихъ поступковъ. *(Уходитъ, рыдая.)*

Фоклендъ *(одинъ)*. Она плачетъ! Постой, Джулія! постой!

хотя на одну минуту! Дверь заперта на ключъ! Джулія, ангелъ мой! душа моя! одно, только одно слово! Я слышу какъ она рыдаетъ! Проклятіе на меня. Я извергъ, звѣрь! Я не стою имени человѣка! Вернись сюда, мое дитя!.. А, она подходитъ къ двери... странно, какъ мало постоянства въ женщинахъ, какъ легко успокоить ихъ двумя, тремя ласковыми словами! *(Садится и напѣваетъ арію.)* Нѣтъ, чортъ возьми! она не идетъ ко мнѣ и вовсе не намѣрена мириться! Это упорство, это упрямство! Но я заслужилъ свою участь! Какъ! при свиданіи послѣ тяжкой разлуки самому начать ссору! самому терзать нѣжное сердце, о... подлый и грубый поступокъ!.. Я долженъ сгорѣть со стыда, увидавъ ее снова! Пусть же успокоится ея праведный гнѣвъ, и потомъ, если мнѣ еще случится оскорбить этого ангела, пусть я его потеряю навѣки! *(Уходитъ.)*

Но пора обратиться къ бѣдной миссъ Ленгвишь, принимающей своего незнакомаго жениха капитана Эбсольюта и утѣшающейся только мыслями о Беверлеѣ. Таинственному и романическому прапорщику съ каждымъ часомъ становится хуже и хуже: обожатели миссъ Лидіи, свѣдавъ объ успѣхахъ никогда не виданнаго ими Беверлея, пылаютъ мщеніемъ и вездѣ ищутъ своего соперника. Сэръ Люціусъ о'Триггеръ первый начинаетъ свои дѣйствія, подстрекая дурака Экрса и, вслѣдствіе цѣлаго ряда забавнѣйшихъ сценъ, принуждаетъ его послать картель ненавистному прапорщику. Экрсъ выбираетъ себѣ секундантомъ капитана Джека, и такимъ образомъ молодой Эбсольютъ видитъ себя въ смѣшной необходимости передать вызовъ самому себѣ и быть дуэльнымъ свидѣтелемъ противъ себя самого. Его положеніе и дѣла миссъ Лидіи запутываются еще болѣе вслѣдствіе одного обстоятельства: капитанъ узнаетъ наконецъ отъ своего лакея, что женщина, назначенная ему отцомъ, та самая миссъ Ленгвишь, въ которую онъ влюбился, исполняя роль Беверлея. Объясненіе отца съ сыномъ по этому случаю, которое мы здѣсь передаемъ въ сокращеніи, полно уморительнаго комизма.

Сэръ Антони *(одинъ)*. Проклятый, упрямый, бѣшеный бездѣльникъ мой сынъ. Отъ кого получилъ онъ этотъ характеръ дьявольскій? Я не хочу его больше видѣть никогда, никогда, никогда, никогда!

(Входитъ капитанъ Эбсольютъ.)

Капитанъ. Примемъ печальную физіономію.

Сэръ Антони. Бездѣльникъ, долой съ глазъ моихъ!

Капитанъ. Батюшка, вы видите передъ собой сына, полнаго раскаянія.

Сэръ Антони. Я вижу передъ собой безстыднаго мерзавца.

Капитанъ. Раскаянія самаго искренняго... Я являюсь съ извиненіемъ и готовностію исполнить вашу волю.

Сэръ Антони. Наконецъ-то ты взялся за разумъ! Я опять вижу моего Джека. Приготовляйся же, милый Джекъ, услышать радостную вѣсть, которую ты, дуракъ этакой, услышалъ бы ранѣе, безъ твоей проклятой вспыльчивости. Чтò думаешь ты о миссъ Лидіи Ленгвишь, племянницѣ мистриссъ Малапропъ?

Капитанъ. Ленгвишь? Ленгвишь? не помню этого имени. Впрочемъ... она, кажется... Маленькая... рыжая?..

Сэръ Антони. Она косая? она рыжая? Клянусь всѣми чертями! чтò скажешь ты о семнадцати-лѣтней красавицѣ, во всемъ блескѣ прелестей и юности?

Капитанъ. Мнѣ все равно, батюшка. Мой долгъ исполнить вашу волю.

Сэръ Антони. Ахъ, Джекъ, что за глаза, что за глаза! скромно-лукавые, невинно-кокетливые глаза! всякій ихъ взглядъ шевелитъ сердце и зарождаетъ нѣжную мысль! А потомъ, Джекъ, ея щечки, Джекъ! какъ онѣ мило краснѣютъ! А губки, Джекъ, что за губки! какъ онѣ улыбаются и раскрываются и дѣлаютъ прелестную миночку!.. А грудь, Джекъ! какая грудь, Джекъ!

Капитанъ. На комъ же мнѣ жениться, батюшка, на теткѣ или племянницѣ?

Сэръ Антони. Пошелъ вонъ, оселъ, безчувственное чучело, я презираю тебя! Въ твои года, одно подобное описаніе подняло бы меня въ воздухъ какъ ракету! Тетку? бѣсы бы тебя задавили! Въ твои года, когда я увезъ твою мать, я не захотѣлъ бы плюнуть на всѣхъ старухъ и уродовъ.

Капитанъ. Даже не смотря на отцовское приказаніе, батюшка?

Сэръ Антони. Приказаніе, отцовское приказаніе, чортъ возьми! Да, да, впрочемъ, я бы послушался... отцовскаго... приказанія... чтобъ...

Капитанъ. Я въ вашемъ распоряженіи, батюшка, и женюсь на теткѣ или племянницѣ, какъ вы прикажете.

Сэръ Антони. Глупое, бездушное существо! Болванъ, чурбанъ нечувствительный! Ты — военный человѣкъ? пень въ мундирѣ! дерево безтолковое! Чортъ тебя возьми! я самъ женюсь на молодой дѣвушкѣ! Впрочемъ, я вижу ты притворяешься, плутъ, ты шутишь надо мною?

Капитанъ. Мнѣ жаль, батюшка, что вы истолковываете въ такую дурную сторону мое почтеніе и покорность.

Сэръ Антони. Поди къ чорту съ твоимъ почтеніемъ и покорностью!

Наговорившись такимъ образомъ, сэръ Антони ведетъ капитана въ квартиру Лидіи, и тутъ, посреди разныхъ вводныхъ сценъ, совершается катастрофа. Узнавъ, что все дѣло дрянь, что ея Беверлей лицо выдуманное, что капитанъ Эбсольютъ, скрываясь подъ этимъ именемъ, только угождалъ ея романическимъ прихотямъ, миссъ Ленгвишь выходитъ изъ себя и разрываетъ свою связь съ молодымъ человѣкомъ. Капитанъ, видя всѣ свои убѣжденія напрасными, въ свою очередь упрекаетъ Лидію, беретъ назадъ свой портретъ и клянется забыть причудницу. Выходя отъ нея и весь пылая негодованіемъ, какъ достойный сынъ сэра Антони, онъ встрѣчаетъ на улицѣ сэра Люціуса о'Триггера, уже свѣдавшаго о томъ, что рука Лидіи обѣщана капитану. Слѣдуетъ ссора, вызовъ и общее смятеніе.

Тѣмъ временемъ Фоклендъ, избранный капитаномъ въ секунданты, терзаемый раскаяніемъ насчетъ своего поведенія касательно Джуліи и въ тоже время еще не совсѣмъ освободившійся отъ обычной своей подозрительности, спѣшитъ воспользоваться ожиданіемъ дуэли для того, чтобъ въ послѣдній разъ испытать свою милую дѣвушку и затѣмъ уже навѣки отбросить всѣ подозрѣнія. Онъ пишетъ къ Джуліи письмо, требуетъ немедленнаго свиданія, и вотъ какими словами встрѣчаетъ свою преданную невѣсту.

Фоклендъ. Увы, Джулія, я прихожу надолго проститься съ вами.

Джулія. Боже! что вы хотите сказать этимъ?

Фоклендъ. Вы видите передъ собой несчастнаго преступника. Не пугайтесь: я несу наказаніе, заслуженное моимъ несчастнымъ характеромъ. Оставивъ васъ послѣдній разъ, исполненный гнѣва и волненія... я имѣлъ ссору... исторію... дуэль, вслѣдствіе которой долженъ сейчасъ же оставить Англію. О, Джулія! еслибъ я, до моего несчастія, имѣлъ право назвать васъ своею, изгнаніе потеряло бы для меня часть своей тягости.

Джулія. Все мое сердце наполнено горестью. Меня ужасаетъ причина вашего изгнанія; безъ нея я бы ему радовалась, какъ средству излечить васъ, на дѣлѣ показавъ вамъ мою преданность. Давно ужь я гляжу на васъ, какъ на своего опекуна, друга и брата. Я смѣло ввѣряю мою честь Фокленду. Я готова ѣхать съ вами, исполнить волю моего отца и получить законное право дѣлить вашу горесть, смягчая ее моей нѣжностью.

Фоклендъ. Джулія, у меня недостаетъ словъ отвѣчать вамъ!

Но не желаете ли вы имѣть нѣсколько часовъ на то, чтобъ обсудить все дѣло, взвѣсить все то, чего вы лишаетесь для одинокаго Фокленда, съ одной его любовью?

Джулія. Ни одной минуты! Нѣтъ, Фоклендъ, я радуюсь связи нашей, дающей мнѣ право всюду за вами слѣдовать... Но, Бога ради, не теряйте времени: минуты дороги...

Фоклендъ. Нужно будетъ дождаться ночи. Но подумали ли вы о всѣхъ лишеніяхъ, о всѣхъ бѣдствіяхъ, на которыя вы идете сами?

Джулія. Вы говорите о потерѣ состоянія? Мы можемъ жить моимъ: въ изгнаніи нечего роскошничать.

Фоклендъ. Но въ изгнаніи и бѣдности, посреди разныхъ оскорбленій моей гордости, мой дурной нравъ испортится еще болѣе, а мое сообщничество можетъ сдѣлаться для васъ нестерпимымъ!

Джулія. Тѣмъ нужнѣе будутъ для васъ кротость и преданность любимой женщины.

Фоклендъ. Джулія, я напрасно испытывалъ васъ. Этотъ дерзкій поступокъ будетъ послѣднимъ: я навѣки прощаюсь съ своей подозрительностью. Простите ли вы мнѣ этотъ послѣдній капризъ безпокойнаго моего духа.

Джулія. Такъ съ вами не случилось никакого несчастія?

Фоклендъ. Со стыдомъ признаюсь въ моей лжи. Позвольте мнѣ завтра же, передъ лицомъ свѣта, назвать васъ спутницей и путеводительницей моей жизни и навѣки дать обѣтъ обожать васъ, долгими годами преданности загладить всѣ мои прошлые простунки.

Джулія. Одну минуту, Фоклендъ! Богъ свидѣтель тому, какъ я радуюсь, видя васъ невиннымъ въ преступленіи, котораго я и назвать не осмѣливалась! Но сомнѣнія ваши, породившія эту ложь, терзаютъ все мое сердце, и я не могу словами выразить моихъ страданій!

Фоклендъ. Боже! Джулія...

Джулія. Выслушайте меня. Мой отецъ любилъ васъ, Фоклендъ! Вы спасли мою жизнь. Въ его присутствіи я согласилась отдать руку любимому и спасшему меня человѣку. Память о томъ помогала мнѣ не разъ сносить отъ васъ не одно оскорбленіе, не одно...

Фоклендъ. Я сознаюсь во всемъ, но выслушайте...

Джулія. Послѣ всего, что я перенесла въ этотъ годъ, я имѣла право надѣяться на отдыхъ, могла думать, что вы не принетесь снова оскорблять меня. Но теперь я убѣдилась въ против-

немъ. Вамъ не дано найдти въ любви счастія и спокойствія. Я буду молить Бога о вашемъ счастіи, не полюблю никого другого, но вамъ принадлежать не буду... ни за что въ свѣтѣ. И пусть, современемъ, когда вы обдумаете свои поступки, вы пожалѣете хоть сколько нибудь о женщинѣ, вамъ истинно преданной, но которой любовь потеряли вы сами, черезъ собственныя свои недостатки!..

(Уходитъ.)

Фоклендъ. Она ушла! навсегда ушла! Въ ея голосѣ и чертахъ видна рѣшимость, передъ которой я молчалъ и стоялъ какъ скованный! Безумецъ, варваръ! извергъ, зараженный нечеловѣческими пороками, осмѣлившійся оттолкнуть отъ себя самъ, добраго ангела, небомъ посланнаго! Пора идти на свиданіе. Я готовъ къ дуэли; я хочу играть въ ней главную роль и погибнуть!

Такимъ образомъ, къ концу пятаго акта, всѣ дѣйствующія лица «Соперниковъ», отъ перваго до послѣдняго, находятся въ ярости, свирѣпствѣ, отчаяніи, горести и недоумѣніи. Экрсъ не помнитъ себя отъ трусости, сэръ Антони бѣсится на сына и на Лидію, мистриссъ Малапронъ, успѣвшая влюбиться въ Люціуса о'Триггера, поражена его презрѣніемъ, Фоклендъ, явившійся на дуэль секундантомъ, такъ и лѣзетъ на первое мѣсто. Къ счастію, все дѣло устроивается черезъ глупость Экрсова лакея, который повсюду разглашалъ о дуэли, и является на мѣсто боя въ то самое время, когда капитанъ Эбсольютъ и сэръ Люціусъ скрестили шпаги. За Давидомъ тянутся: сэръ Антони, въ полномъ неистовствѣ, мистриссъ Малапронъ, почти лишившаяся чувствъ, и обѣ дѣвушки, Джулія и Лидія, значительно поутихшія при полученіи извѣстія о смертной опасности бывшихъ возлюбленныхъ. Пьеса кончается извиненіями, цалованіями, объясненіями, остротами и весьма поэтическимъ эпилогомъ отъ лица Джуліи къ публикѣ. Нельзя не замѣтить по этому случаю одной интересной особенности: сквайръ Экрсъ при началѣ пьесы явно скопированный съ Матьюза, въ послѣднихъ сценахъ является добродушнымъ и забавнымъ трусомъ, скорѣе милымъ, нежели достойнымъ презрѣнія. Набрасывая свою пьесу подъ вліяніемъ истинно счастливой страсти, Шериданъ не имѣлъ духа сдѣлать ненавистнымъ даже когда-то ненавистнаго ему гонителя миссъ Линли. Любовь и поэзія молодости набросили поэтическій покровъ на самого клеветника и бездушнаго развратника *).

*) По этому случаю стоитъ здѣсь разсказать еще анекдотъ, весьма характеристическій. Послѣ второй дуэли Шеридана съ Матьюзомъ, этотъ послѣдній, вдво-

Изъ разсказа нашего и изъ вынисокъ, къ нему приложенныхъ, читателю нетрудно будетъ самому составить понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ первой комедіи Шеридана. Кромѣ излишней запутанности въ интригѣ и неестественности нѣкоторыхъ положеній, кромѣ цвѣтистости слога, которую мы смягчили въ переводѣ, пьеса грѣшитъ тѣмъ, что большая часть дѣйствующихъ лицъ несомнѣнно впадаетъ въ каррикатуру. Деревенскій сквайръ Экрсъ уже слишкомъ глупъ, о'Триггеръ уже черезчуръ задоренъ, мистриссъ Малапронъ, называющая аллигаторовъ *аллегоріями*, орѳографію — *ортодоксіею*, языческаго бога Марса — *Апрѣлемъ*, и чествующая своего нечувствительнаго друга именемъ *Вандика* (Вандала), смѣшатъ зрителя, причиняя порядочный ущербъ правдоподобію. Остротъ и бойкихъ выходокъ въ пьесѣ несравненно болѣе, нежели ихъ бываетъ въ самомъ живомъ разговорѣ; у Шеридана самые лакеи, кучера, горничныя и отъявленные дураки поминутно острятъ, играютъ словами, отпускаютъ афоризмы и смѣшныя сентенціи. Но это изобиліе остроумія мы не въ силахъ признать важнымъ недостаткомъ. Если осуждать это обиліе, то прійдется осудить и безсмертнаго Бомарше и самого Мольера, — осудить всю прелесть ума и сверкающей рѣчи — наслажденіе гастрономовъ литературы.

Достоинства «Соперниковъ» таковы, что комедія эта, уже около ста лѣтъ съ честью существующая на сценѣ, переведенная на всѣ почти европейскіе языки и изданная въ безконечномъ числѣ экземпляровъ, до сихъ поръ не утратила своей свѣжести и, по всей вѣроятности, никогда ее не утратитъ. Быстрота дѣйствія, занимательность интриги, отрывки, исполненные чистѣйшаго лиризма, сцены, способныя разсмѣшить самаго меланхолическаго зрителя, и, наконецъ, какая-то особенная, юношеская грація, проникающая все произведеніе, не могутъ быть переданы въ короткомъ анализѣ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить приличіе и благопристойность общаго тона (вещь рѣдкая въ англійскихъ комедіяхъ), при-

---

емъ съ Бернеттомъ, напечаталъ въ газетахъ превратный разсказъ о всей исторіи. Ричардъ получилъ о томъ извѣстіе уже женившись, и послалъ въ одинъ изъ лондонскихъ журналовъ выписку изъ Бернеттовой статейки, за тѣмъ, чтобъ, на другой день, къ тексту противника приложить свои объясненія. Статейка напечатана, но Шеридановыхъ объясненій въ редакцію не было прислано. На запросъ о причинѣ Шериданъ отвѣтилъ, что скоро принесетъ свой отзывъ, и, по лѣности, опять не прислалъ ничего. Такимъ образомъ, самъ Ричардъ безъ нужды напечаталъ въ столичной газетѣ злую на себя клевету и оставилъ ее неопровергнутою.

личіе и благопристойность, неприносящія вреда нѣкоторой игривости многихъ положеній и отрывковъ.

Таковы «Соперники» въ чтеніи, и нѣтъ сомнѣнія, что комедія эта, разъигранная хорошими актерами, и теперь способна обворожить публику такъ, какъ она очаровывала посѣтителей Ковенъ-горденскаго театра въ свои первыя представленія въ январѣ 1775 года. Но подобно всѣмъ пьесамъ, однороднымъ съ «Женитьбой Фигаро», — пьесамъ, въ которыхъ особенно много веселости, запутанности и острословія, она требуетъ отъ актеровъ особеннаго вниманія, еще болѣе ума и какъ нельзя болѣе *живости*. «Комедій, писанныхъ двадцати-пятилѣтними авторами — сказалъ одинъ изъ Ковенъ-горденскихъ директоровъ — невозможно играть, оставаясь равнодушнымъ»! Одинъ изъ актеровъ этого театра, мистеръ Ли, въ роли Люціуса о'Триггера, своей холодностью едва не погубилъ всей пьесы; но чуть роль отдали другому актеру, «Соперники» поднялись и навсегда стали въ разрядъ пьесъ, самыхъ любимыхъ великобританскою публикою.

IV.

Оперы: «Дуэнья» и «День св. Патрикія». — Ихъ успѣхъ. — Примиреніе съ отцомъ. — Директорство Друриленскимъ театромъ. — Успѣхи директора мѣшаютъ успѣхамъ драматическаго писателя. — Поспѣшное окончаніе «Школы Злословія». — Передѣлка старой комедіи: «Путешествіе въ Скербро». — Комическіе поэты временъ Карла II. — Упадокъ общественной нравственности. — Жалкое направленіе модной литературы. — Оцѣнка передѣлки изъ Венбро. — Отвѣтъ доктору Джонсову на книгу «о Податяхъ». — Рецензія «Писемъ Честерфильда». — Проектъ «Письма къ королевѣ».

Успѣхъ комедіи «Соперники», какъ и нужно было ожидать, произвелъ самый благотворный переворотъ въ семейныхъ дѣлахъ ея автора. Молодые супруги, Ричардъ и Элиза, съ неразсчетливостью юности, успѣли было уже промотать часть своего капитала *); а такъ какъ Шериданъ, подобно своему герою Фокленду, не хотѣлъ слышать о томъ, чтобъ женщина, имъ любимая, могла «выдѣлывать трельки» передъ собраніемъ большой публики, то таланты госпожи Шериданъ, когда-то служившіе золотой розсыпью для ея родителя, въ настоящемъ случаѣ оказывались даромъ напраснымъ, по крайней мѣрѣ въ денежномъ отношеніи. Блистательный дебютъ Ричарда на драматическомъ поприщѣ разомъ положилъ

*) 3,000 фунтовъ стерлинговъ, данные миссъ Линлей ея бывшимъ женихомъ Лонгомъ.

предѣлъ неизвѣстности и всѣмъ опасеніямъ: въ теченіе долгаго времени ни одно театральное кресло не оставалось пустымъ во время представленія новой комедіи, и Шериданова часть сборовъ дошла до суммы очень значительной. Но другой, косвенный результатъ успѣха могъ назваться еще утѣшительнѣйшимъ: свѣтскія связи молодого писателя утвердились на прочномъ основаніи, а мистеръ Линли, отецъ Элизы, понявъ всю выгоду имѣть подобнаго зятя, поспѣшилъ сблизиться съ Ричардомъ, купивши для своей дочери домъ въ Лондонѣ и омеблировавши его на свои собственныя деньги.

Ричардъ слишкомъ хорошо понималъ виды своего тестя, чтобы долго оставаться въ долгу: лѣтомъ 1775 года, набросавши планъ небольшой комической оперы въ трехъ актахъ, онъ попросилъ мистера Линли написать къ ней музыку, что и было выполнено къ обоюдному удовольствію. Оперы того времени, какъ читателю извѣстно, не совсѣмъ сходствовали съ нынѣшними операми, въ которыхъ одинъ сплошной, непонятный для публики речитативъ занимаетъ интервалы между аріями, утомляя безъ нужды пѣвцовъ, дѣлая слушаніе всей вещи затруднительнымъ безъ предварительнаго прочтенія либретто и отбрасывая самихъ либретистовъ почти въ разрядъ составителей балетныхъ программъ. Обѣ системы, старая и новая, имѣютъ свои выгоды съ своими невыгодами, обѣ въ свое время имѣли защитниковъ и обѣ не подлежатъ нашему разбору. Шериданъ и мистеръ Линли поладили между собою, какъ рѣдко ладятъ либретисты съ композиторами: первый требовалъ музыки тихой и неспособной заглушить рѣчи актеровъ, а второй выполнилъ его желаніе съ полнымъ успѣхомъ *). Многія изъ батскихъ стихотвореній, пѣсенокъ и романсовъ Ричарда вошли въ составъ оперы, и чѣмъ милѣе оказывалась, которая либо изъ сказанныхъ вещицъ, тѣмъ съ большимъ стараніемъ клалъ ее на музыку отецъ Элизы. Оттого либретто «Дуэньи» хранитъ свою поэтическую прелесть до нашего времени, а въ 1775 году, при постановкѣ оперы на Ковен-гарденскую сцену, публика пришла въ такой восторгъ, что пьеса выдержала *семьдесятъ-пять* ежедневныхъ представленій — случай безпримѣрный во всей исторіи великобританскаго театра.

---

*) «Какъ часто — замѣчаетъ Муръ, въ совершенствѣ смыслившій музыкальное дѣло — аккомпаньементы къ аріямъ напоминаютъ собою древнихъ слоновъ, но временамъ истреблявшихъ и давившихъ тѣ самыя войска, къ которымъ принадлежали»!

Перечитывая «Дуэнью» въ наше время, отдавая полную справедливость изяществу пѣсень, романсовъ и арій, въ ней заключающихся, признавая даже интригу ея очень удачною и живою для оперы *), мы все-таки отчасти затрудняемся объяснить вполнѣ причину громаднаго успѣха этой бездѣлки. Заключеніе, сдѣланное однимъ изъ великобританскихъ обозрѣній нашего времени, при разборѣ которой-то изъ шеридановыхъ біографій, кажется намъ наиболѣе приближающимся къ истинѣ: «Въ 1776 году — говоритъ «рецензентъ — двадцати-пяти лѣтній Шериданъ находился въ положеніи до того блистательномъ и исключительномъ, что свѣтъ «готовъ былъ встрѣтить преувеличеннымъ одобреніемъ всякую его «драматическую попытку, даже гораздо слабѣйшую «Дуэньи». Какъ «мужъ всѣми любимой пѣвицы и красавицы, онъ былъ извѣстенъ «свѣту своими батскими приключеніями; какъ сынъ Томаса Шеридана, около этого же времени снова начавшаго свои сценическіе «подвиги, онъ имѣлъ многихъ друзей въ высшемъ обществѣ между «учениками **) и поклонниками своего отца; какъ авторъ «Соперниковъ», онъ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе. Домъ молодыхъ Шеридановъ считался однимъ изъ пріятнѣйшихъ домовъ «въ Лондонѣ, и быть принятымъ въ этотъ домъ считалось какъ «нельзя болѣе лестнымъ. Одинъ свѣтскій анекдотъ того времени «пояснитъ наши слова. Герцогиня Девонширская, очень сухо обходившаяся съ Шериданомъ, какъ сыномъ актера и мужемъ дѣвушки, пѣвшей въ концертахъ за деньги, одинъ разъ, давая небольшой вечеръ, съ неудовольствіемъ замѣтила отсутствіе большаго «числа гостей, на которыхъ особенно разсчитывала. Мало того, съ «каждымъ часомъ количество особъ, явившихся на приглашеніе «герцогини, исчезало, какъ будто ей на зло. Въ этотъ день Шериданъ давалъ вечеръ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, противъ которыхъ «гости герцогини устоять были не въ силахъ ***). Послѣ всего ска-

*) Дѣйствіе происходитъ въ Севильѣ и можетъ быть разсказано въ трехъ словахъ. Жадный Исаакъ Мендоза, влюбленный въ ненавидящую его донью Луизу, вмѣсто нея, увозитъ старую и безобразную ея дуэнью, между тѣмъ какъ сама дѣвушка, благодаря хитростямъ этой старухи, выходитъ за своего возлюбленнаго и торжествуетъ по случаю униженія своего гонителя. Опера имѣетъ три дѣйствія, но, благодаря вводнымъ лицамъ и еще одной второстепенной интригѣ, нимало не утомляетъ читателя. О музыкѣ Линли біографы Шеридана всѣ до одного относятся съ большой похвалою.

**) Томасъ Шериданъ давалъ уроки декламаціи многимъ молодымъ членамъ Парламента, между прочимъ Каннингу и лорду Ковентри.

***) Въ скоромъ времени герцогъ и герцогиня Девонширскіе начали питать постоянную дружбу къ Ричарду и его супругѣ.

«заннаго, нетрудно себѣ представить, до такой степени всѣ вѣро-«ятности успѣха переходили на сторону молодого человѣка при «каждой его драматической попыткѣ. Опера «Дуэнья» еще стоитъ «вниманія по изложенію, музыкѣ, хорошей игрѣ актеровъ; но ра-«нѣе этой пьесы шла другая вещица нашего же автора: «День свя-«того Патрикія» *), вещица едва-едва выступающая изъ разряда са-«мыхъ дюжинныхъ водевилей, печатаемая въ полномъ собраніи «шеридановыхъ твореній единственно для того, чтобъ собраніе это «было полнымъ. Публика встрѣтила и эту пьеску полнымъ одобре-«ніемъ. Въ этомъ отношеніи будущій творецъ «Школы Злословія» «походилъ на Сельвина или кого либо другого изъ самыхъ знаме-«нитыхъ острослововъ: ему стоило сказать: «здравствуйте!» для «того, чтобъ всѣ слушатели пришли въ восторгъ отъ его забав-«ной рѣчи!» **).

Посреди общихъ восторговъ и слуховъ о славѣ Ричарда, одинъ мистеръ Томасъ Шериданъ оставался холодно-непреклоннымъ, не только не соглашаясь простить непослушнаго сына, но даже запре-щая своимъ дочерямъ съ нимъ видѣться и переписываться — об-стоятельство, подавшее поводъ къ маленькому семейному анекдоту, говорящему въ пользу нравственныхъ качествъ молодого Шерида-на краснорѣчивѣе многотомныхъ похвалъ. Послѣ одного изъ бли-стательнѣйшихъ представленій «Дуэньи», Ричардъ воротился домой не въ упоеніи успѣха, а блѣдный, задумчивый, съ заплаканными глазами. Въ театрѣ былъ отецъ съ его сестрами; они хлопали и смѣялись, модная пьеса пришлась имъ по вкусу. Забывши игру актеровъ, забывъ, что, можетъ быть, глаза всей публики устремля-ются на него, счастливаго молодого писателя, Шериданъ не спу-скалъ глазъ съ отцовской ложи, глазами привѣтствуя сестеръ, ко-торыхъ обнять ему не было позволено. Въ антрактахъ онъ проби-рался къ корридору и глядѣлъ въ щель ихъ ложи, при выходѣ изъ театра онъ сталъ на ихъ пути и далеко проводилъ глазами особъ,

---

*) Сюжетъ этой пьесы чисто водевильный. Стараго мирнаго судью, не согла-шающагося выдать свою дочь за какого-то поручика, увѣрили, что онъ отравленъ; лейтенантъ его вылечиваетъ и за то получаетъ въ награду руку своей возлюбленной. Но не мѣшаетъ прибавить, что вся пьеса сверкаетъ веселостью, а остроуміе раз-говора выше всякихъ похвалъ.

**) Нѣкоторые изъ почитателей Шериданова таланта, не довольствуясь изуст-ными хвалами, присылали поэту отъ себя на память разныя драгоцѣнныя вещи. Мистеръ Ормсби подарилъ автору «Дуэньи» огромный серебряный канделябръ, что заставило Шеридана сказать! «Я очень расположенъ отвѣчать на подарокъ стихами, но прежде всего нужно изъ подсвѣчниковъ сдѣлать вазу. Какимъ образомъ я стану въ стихахъ говорить о подсвѣчникахъ, свѣчахъ, даже о щипцахъ, пожалуй?»

тами дорогихъ его сердцу, проводилъ ихъ такъ, какъ когда-то, въ томъ же Лондонѣ и томъ же театрѣ, провожалъ глазами свою недоступную «жену-дѣвушку». Къ счастію, мученіямъ молодого поэта близился скорый конецъ, ибо мистеръ Томасъ Шериданъ, подобно сэру Антони Эбсольюту, не могъ сердиться слишкомъ долгое время. Снова сошлась компанія друзей и родственниковъ, разставшихся вслѣдствіе батской исторіи и женитьбы Ричарда: общее примиреніе, совершившееся въ концѣ 1776 года, пришлось очень кстати, ибо въ это самое время старый пріятель и соперникъ Томаса Шеридана, Давидъ Гэррикъ, рѣшаясь навсегда проститься съ театральными дѣлами, всюду искалъ надежныхъ людей для продажи имъ своей части акцій дрюриленскаго театра, на сумму слишкомъ 70,000 фунтовъ стерлинговъ (420,000 рублей серебромъ). Вмѣстѣ съ покупкою Гэрриковой части, покупатели имѣли пріобрѣсти, какъ это дѣлается въ управленіи англійскихъ театровъ, право на участіе въ администраціи Дрюрилена, сообразно количеству суммы, ими внесенной. Не теряя времени, Ричардъ Шериданъ и его родственникъ, мистеръ Линли, составили компанію для покупки сказаннаго участка, напередъ принявши мѣры для того, чтобъ должность Гэррика, какъ директора, перешла къ молодому автору «Соперниковъ». Томасъ Шериданъ, не входя въ операцію, вызвался цѣлый годъ находиться въ Лондонѣ, для пособія сыну совѣтомъ и дѣломъ. Докторъ Фордъ, общій другъ, представилъ въ число требуемой суммы пятнадцать тысячъ фунтовъ; между тѣмъ какъ Ричардъ и отецъ Элизы внесли только по десяти тысячъ. Шеридановы біографы теряются въ догадкахъ насчетъ того, откуда Ричардъ, такъ недавно не имѣвшій за душой ничего, кромѣ женинаго приданаго, могъ добыть до шестидесяти тысячъ рублей серебромъ на наши деньги: вопросъ этотъ кажется намъ нестоющимъ особеннаго вниманія; а таинственность, съ которою Томасъ Муръ говоритъ обо всемъ дѣлѣ, ничѣмъ не оправдывается. Шериданъ могъ взять деньги у котораго нибудь изъ своихъ знатныхъ друзей, какъ думаютъ одни, могъ занять ихъ у Уарта, или доктора Форда, какъ предполагаютъ другіе; могъ просто дать Гэррику вексель и современемъ уплатить по немъ безъ шума. Авторъ «Школы Злословія» прожилъ на своемъ вѣку столько денегъ, что исторія какихъ-то десяти тысячъ фунтовъ, добытыхъ имъ для покупки своей части по Дрюрилену, не могла имѣть много мѣста въ его воспоминаніяхъ; а письменныя обязательства, если и имѣлись, конечно, подверглись уничтоженію по уплатѣ десяти тысячъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Предположеніе насчетъ сдѣлки съ Гэррикомъ кажется намъ наиболѣе близ-

кимъ къ истинѣ: разсчетливый, но зоркій и великодушный Давидъ, знакомый со всѣми пружинами театральными и литературными, очень хорошо видѣлъ незначительность риска, имѣя въ своемъ должникѣ человѣка, способнаго написать три популярныя произведенія въ какіе нибудь полтора года.

Какъ бы то ни было, Гэррикъ передалъ директорство Шеридану, комитетъ акціонеровъ единогласно одобрилъ эту перемѣну, деньги поступили куда слѣдуетъ, и Дрюриленскій театръ, начавшій сильно страдать вслѣдствіе соперничества Ковен-гарденскихъ новостей, получилъ въ свои распорядители того самаго писателя, который былъ причиною обращенія всей публики къ Ковен-гардену. Авторъ «Соперниковъ» принялся за дѣло со всѣмъ жаромъ молодости: ангажированіе новыхъ актеровъ, возвышеніе платы старымъ, постановка новыхъ пантомимъ и пьесъ съ эффектами едва оставляли ему нѣсколько свободныхъ часовъ въ день. Въ дѣятельности Шеридана, какъ директора и участника въ выгодахъ, доставляемыхъ Дрюлиленскимъ театромъ, по нашему мнѣнію, нужно искать разрѣшенія вопроса о первыхъ причинахъ прекращенія Шеридановыхъ успѣховъ, какъ драматурга. Нѣтъ занятія болѣе вреднаго для драматическаго писателя, какъ дирекція своего собственнаго театра: самъ Мольеръ едва ли представляетъ исключеніе въ этомъ случаѣ. Кто можетъ сказать, какой дивный полетъ принялъ бы геній, создавшій «Мизантропа», еслибъ его не стѣсняли необходимость угождать публикѣ, старанія приманивать къ себѣ посѣтителей и усилія держать въ порядкѣ труппу своихъ помощниковъ. Давидъ Гэррикъ, актеръ истинно геніальный по образованію, литературному такту и изобрѣтательности, имѣвшій мало людей себѣ подобныхъ, писалъ скоро и писалъ на заданныя темы. Шеридану чуть ли не пришлось еще хуже по причинѣ его молодости и горячности, усиленной необходимостью соперничать съ Ковен-гарденскимъ театромъ во что бы ни стало. Еслибъ въ періодъ принятія имъ директорства «Школа Злословія» не лежала въ его бумагахъ почти конченною, можетъ быть, образованный міръ никогда бъ не восхищался этимъ безподобнымъ твореніемъ *). Работа выгодная, но

---

*) По рукописи «Школы Злословія», хранимой въ архивахъ дрюлиленскаго театра, какъ драгоцѣнность, видно, что пять послѣднихъ явленій комедіи набросаны въ попыхахъ, скорымъ почеркомъ.

Внизу подписано.

«Слава Богу, кончено!»

Ричардъ Шериданъ.

И эти послѣднія явленія далеко слабѣе остальныхъ частей комедіи.

черная и неблагодарная, заняла всѣ свободныя минуты новаго директора: то возился онъ съ программами волшебныхъ интермедій, то перечитывалъ рукописи молодыхъ авторовъ—рукописи, не стоящія чтенія, то безплодно разсыпалъ свое остроуміе, исправляя мелкія пьесы, едва заключавшія въ себѣ что-нибудь способное полюбиться публикѣ. Много таланта и дарованія пропало такимъ образомъ: въ строгомъ смыслѣ слова, Ричардъ Шериданъ только три года своей жизни могъ назваться драматическимъ писателемъ

Одною изъ первыхъ пьесъ, отданныхъ новымъ директоромъ на сцену, была комедія въ пяти актахъ: «Путешествіе въ Скербро», *передѣланная* изъ старинной комедіи Венбро (Vanbrugh), писателя временъ Карла Второго. Какъ произведеніе ловкое и понравившееся публикѣ, оно стóитъ нѣкотораго вниманія; какъ комедія въ литературномъ смыслѣ этого слова, вся вещь слаба и замѣчательна только для дилетантовъ великобританской словесности. Комическіе поэты временъ Карла Втораго (Вичерли, Конгревъ, Венбро) составляютъ въ исторіи англійской литературы , одно странное созвѣздіе, о которомъ мы находимъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ читателямъ. Всѣмъ лицамъ, знакомымъ съ исторіею, извѣстно развращеніе нравовъ, которымъ заражена была Англія послѣ реставраціи Стюартовъ. Ненависть къ оливеровымъ пуританамъ, ихъ жизни и убѣжденіямъ, произвела въ народныхъ нравахъ самую плачевную реакцію. «Великобританія, говорятъ историки того времени, историки не раздѣлявшіе общаго опьяненія, походила на кабакъ или домъ безчестія». Подражаніе французскимъ порокамъ, пріобрѣтенное самою знатною частію населенія во время изгнанія, дошло до крайнихъ предѣловъ и, не обузданное сильною властью, разлилось по массѣ народа, пріобрѣтая особенную неодолимость отъ извѣстной эксцентричности всей націи. Въ Лондонѣ происходили дѣла неслыханныя, о которыхъ, къ несчастію и стыду Англіи, осталось намъ слишкомъ много хроникъ и памятниковъ всякаго рода. Дуэли, картежное плутовство, развратъ, похищеніе чужихъ женъ считались между высшимъ дворянствомъ за поступки честные и удалые. Нѣкій мистеръ Сельденъ, дочь котораго, Катерина, занимаетъ страничку въ исторіи, считался въ свѣтѣ милымъ весельчакомъ за то, что онъ послѣ пьянства выбѣгалъ на свой балконъ безъ одежды и ревѣлъ неистовымъ голосомъ. Одинъ лордъ, донъ-Жуанъ того времени, убилъ на дуэли герцога, мужа своей возлюбленной, между тѣмъ какъ сама герцогиня, переодѣвшись мальчикомъ, присутствовала при дуэли. Другой дуэлистъ закололъ своего противника, пока тотъ приготовлялся обнажить

шпагу — вѣроломство, не только оставшееся безъ наказанія, но признанное свѣтомъ за молодецкую шалость. Леди Кастльмейнъ давала балы, на которые молодежь являлась въ халатахъ; дальнѣйшія подробности сообщаетъ намъ милый Самуэль Пеписъ, секретарь адмиралтейства, оставившій историкамъ свои несравненныя записки; мы же передать ихъ не въ состояніи. Отступаться отъ религіи своей родины и признавать себя католикомъ, считалось моднымъ дѣломъ. Одна актриса, играя роль Роксаны, заколола свою соперницу настоящимъ кинжаломъ; а молодые лорды переодѣвались мошенниками для того, чтобъ производить безчинства на улицахъ и на большой дорогѣ.

Вичерли, Конгревъ, Венбро и Фаркгеръ, комическіе писатели, и писатели необычайно остроумные, были порожденіемъ этого времени. Лозунгами своими они взяли ненависть къ пуританамъ, а пуританиномъ, по ихъ идеѣ, признавался всякій истинный протестантъ, тихій въ обществѣ и домашней жизни. Чтеніе этихъ писателей вредно очень молодымъ людямъ; но мы скажемъ откровенно, что для человѣка взрослаго и здравомыслящаго изученіе модныхъ комиковъ временъ реставраціи едва ли не будетъ изученіемъ полезнымъ въ моральномъ отношеніи. Какъ благодѣянія солнца ощутительны при темнотѣ и холодѣ, какъ человѣкъ, никогда не видавшій зла, не знаетъ цѣны возвышеннымъ благамъ жизни, такъ точно, до знакомства съ названными поэтами, дилетантъ-читатель не пойметъ вполнѣ, какъ много значитъ во всякомъ литературномъ произведеніи идея добра, истины, въ немъ проведенныя. Чтеніе Вичерли и писателей одной съ нимъ школы покажетъ ему какъ нельзя лучше всю шаткость теоріи о томъ, что искусство имѣетъ одной цѣлью искусство, теоріи о томъ, что нѣтъ на землѣ предметовъ, недостойныхъ поэтическаго изображенія. Читая сказанныя комедіи, мы не только пріобрѣтаемъ драгоцѣнныя понятія о нравахъ стараго времени, но постоянно находимся подъ вліяніемъ благороднаго негодованія; въ глубинѣ души нашей слышится голосъ добродѣтели и справедливости. Намъ душно, противно, и тутъ-то мы начинаемъ искать, *чего* именно недостаетъ въ остроумныхъ комедіяхъ Вичерли, Венбро и Конгрева. Всякая новая книга писателя, намъ современнаго и чистаго по душѣ, становится намъ вдвое отраднѣе, мы начинаемъ снисходительнѣе смотрѣть на слабости нашихъ собратій и въ душѣ благодаримъ небо за то, что въ наше время невозможно появленіе писателей, подобныхъ моднымъ комикамъ временъ Карла Второго.

Само собой разумѣется, передѣлывая «Поѣздку въ Скербро»,

Ричардъ Шериданъ выбросилъ изъ венброговой комедіи все рѣзкое, непристойное, обидное для публики его времени, но все-таки духъ, проникавшій произведеніе стараго драматурга, не вполнѣ исчезъ, даже послѣ тщательной передѣлки. Не знаемъ, что чувствовали зрители дрюриленскіе при представленіи «Поѣздки», но читаемъ мы ее съ негодованіемъ. Мерзавцы, составлявшіе прежде Шеридана всю массу дѣйствующихъ лицъ комедіи, остались мерзавцами, не смотря на всѣ усилія поэта, далеко превосходившаго Венбро и талантомъ, и нравственными качествами: половина персонажей произведенія вполнѣ достойны если не Ботани-Бея, то по крайней мѣрѣ тюремнаго заключенія. Герои Венбро стоили висѣлицы, Шериданъ сдѣлалъ ихъ только заслуживающими презрѣнія. Ни на одномъ порядочномъ человѣкѣ не останавливается фантазія читателя; каждое изъ лицъ комедіи плутуетъ, обманываетъ другихъ лицъ, смѣется надъ ними и дѣлаетъ имъ всякое злодѣйство. Меньшой братъ отбиваетъ невѣсту у старшаго, женится на дурѣ для поправленія состоянія; старшій братъ моритъ съ голоду меньшого, дѣвушка, воспитанная въ деревнѣ, превращается въ гнусную кокетку, мужъ бѣгаетъ отъ своей жены, жоны бѣгаютъ отъ мужей. Во всей этой кашѣ видна ложь, преднамѣренное усиліе представить жизнь въ гнусныхъ краскахъ, усиліе столь же ложное, какъ подвиги другихъ сладенькихъ писателей, близкихъ къ нашему времени, пытавшихся представить жизнь постояннымъ праздникомъ, китайскою картиною безъ тѣней, а изъ людей сдѣлать невинныхъ пастушковъ, поминутно кидающихся другъ къ другу въ объятія.

Упрекать Шеридана за «Поѣздку въ Скербро» нельзя слишкомъ строго. Для британской публики, хорошо знакомой съ Венбро и его твореніями, новая комедія не могла показаться непріятной новостью; для посѣтителей театра, въ который, до временъ Гэррика, «опасно было ѣздить, ибо тамъ происходили безчинства и драки», исправленія, сдѣланныя въ «Поѣздкѣ», казались не только достаточными, но отчасти и лишними. Сверхъ того, новый директоръ, не упуская изъ вида своихъ обязанностей по театральному управленію, не отказывалъ еще себѣ въ рѣдкихъ часахъ дѣльной работы. Новое твореніе, которому, по разсказамъ ходившимъ въ публикѣ, «суждено было затмить всѣ комедіи, старыя и новыя», уже репетировалось подъ надзоромъ Шеридана. Актеры, разучивавшіе «Школу Злословія» и знатные пріятели молодого директора всюду разносили самые необыкновенные слухи о новомъ, ожидаемомъ явленіи.

Приготовляясь познакомить читателя съ этимъ предпослѣднимъ

и самымъ знаменитымъ изъ твореній Шеридана, мы считаемъ не лишнимъ въ послѣдній разъ поговорить о другихъ литературныхъ дѣлахъ нашего драматурга, окончательно ниспровергнутыхъ его директорскими занятіями. Въ бумагахъ Ричарда остались двѣ рукописи или скорѣе два отрывка, обѣщавшихъ въ немъ эссейиста первокласснаго. Предметъ перваго (отвѣтъ доктору Джонсону на его книгу «о Податяхъ») слишкомъ сухъ, чтобъ о немъ здѣсь говорить подробнѣе. Второй отрывокъ заключаетъ въ себѣ часть рецензіи на знаменитыя «Письма лорда Честерфильда къ своему сыну», появившіяся въ 1774 году, и встрѣченныя общимъ восторгомъ. Съ зоркостью геніальнаго наблюдателя нравовъ, Шериданъ указываетъ на всѣ слабыя стороны творенія, изобличаетъ часть лжи и вреда, скрытую подъ уроками, достойными справедливаго удивленія со стороны потомства. Такъ такъ честерфильдово твореніе довольно извѣстно нашимъ любителямъ чтенія, то мы здѣсь выписываемъ часть отзывовъ Ричарда Шеридана объ этой книгѣ

«По системѣ лорда Честерфильда, говоритъ нашъ авторъ, невозможно воспитать великаго человѣка. Въ дитяти, руководимомъ этими наставленіями, не останется ничего дѣтскаго, истиннаго. Лордъ Честерфильдъ всюду налегаетъ на соперничество при воспитаніи (emulation), всѣми силами онъ хочетъ поддерживать соперничество въ молодыхъ людяхъ; по мнѣ, это чувство слишкомъ похоже на зависть! Попробуйте упрекать вашего сына въ томъ, что онъ не опередилъ своихъ товарищей, онъ начнетъ ихъ ненавидѣть! Потому-то лучше воспитывать одного ребенка, чѣмъ двухъ разомъ. Римлянинъ стараго времени не думалъ превзойти своихъ сверстниковъ; онъ желалъ, чтобъ его родина превзошла другія страны. Эпаминондъ, одержавъ побѣду, думалъ о томъ, какъ порадуется его отецъ при этой вѣсти — вотъ высокіе примѣры! Лордъ Честерфильдъ совѣтуетъ своему сыну быть постоянно занятымъ; я бы сказалъ молодому человѣку: «не дѣлай повременамъ ничего; *отдыхай и думай*». Нужно учиться, думать, думать читая, думать о прочитанномъ. Но ненадо забывать и того: мысль есть работа; ни душа, ни тѣло не должны работать до изнуренія.»

Сверхъ упомянутыхъ этюдовъ, Томасъ Муръ, авторъ Шеридановой біографіи, приводитъ отрывки изъ проекта «Письма къ королевѣ» съ изложеніемъ проекта объ устройствѣ великолѣпнаго института для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, лишившихся родителей. Въ проектѣ видны примѣты всей политической дѣятельности будущаго оратора виговъ: благородныя мысли, желаніе добра, жаръ и остроуміе, соединенные съ совершеннымъ равнодушіемъ

къ чисто практической, сухой, но существенной сторонѣ вопроса. Гдѣ помѣстить дѣвицъ? Король отдастъ одинъ изъ своихъ дворцовъ подъ институтъ. Кому ввѣрить заведеніе? Ея величество будетъ попечителемъ. Откуда взять денегъ на устройство и хозяйственную часть? Объ этомъ Шериданъ умалчиваетъ.

V.

Первое представленіе «Школы Злословія». — Громадный успѣхъ ея. — Содержаніе комедіи. — Характеры дѣйствующихъ лицъ. — Лучшія сцены. — Оцѣнка «Школы Злословія». — Сравненіе ея съ «Тартюфомъ» Мольера.

Восьмого мая тысяча семьсотъ семьдесятъ седьмого года, вечеромъ, огромная масса публики наполнила залу дрюриленскаго театра, въ ожиданіи представленія новой комедіи Ричарда Шеридана, комедіи, которая, по общимъ толкамъ, не могла не имѣть блистательнѣйшаго успѣха. Тотчасъ же послѣ поднятія занавѣса публика увидала справедливость городскихъ слуховъ: лучшіе актеры, разыгрывавшіе «Школу Злословія», играли такъ твердо и спокойно, какъ будто бы пьеса шла разъ въ двадцатый; авторъ комедіи, онъ же директоръ театра, не выказывалъ въ своей наружности ни малѣйшаго сомнѣнія, ни малѣйшаго безпокойства, такъ сродныхъ поэтамъ самымъ испытаннымъ, самымъ популярнымъ, въ вечеръ перваго представленія ихъ лучшихъ произведеній. И Шериданъ, и актеры, и публика были увѣрены въ счастливомъ исходѣ вечера, но дѣйствительность превзошла собою ожиданія лучшихъ друзей двадцатилѣтняго писателя *): успѣхъ комедіи по справедливости могъ назваться безпримѣрнымъ. Во весь остатокъ 1777 года комитетъ дирекціи Дрюрилена не позволялъ ставить на сцену своего театра ни одной новой пьесы; «успѣхъ «Школы Злословія» — сказалъ Шеридану одинъ изъ членовъ этого комитета — «убилъ самую возможность постановки новыхъ комедій».

Ни одинъ критикъ, ни одинъ зритель, въ теченіе долгихъ лѣтъ, не поднималъ своего голоса противъ «Школы Злословія». До сихъ поръ названіе этой комедіи, выставленное на афишѣ, постоянно привлекаетъ въ театръ многочисленную публику. Самое

---

*) Замѣчательно, что лучшіе комическіе писатели Англіи, почти всѣ безъ исключенія, написали свои лучшія вещи въ періодъ первой молодости. *Конгревъ* кончилъ свое поприще не имѣя двадцати-шести лѣтъ; *Фаркеръ* сочинилъ «Постоянную Чету» на двадцать-второмъ году своего возраста и умеръ тридцати; *Венбро* поставилъ на сцену «Раздраженную Жену», будучи самымъ молодымъ прапорщикомъ.

произведеніе давно уже вышло изъ общаго разряда любимыхъ комедій и подобно нашему «Горю отъ Ума» или французскому «Тартюфу» причислено къ особому отдѣлу твореній, слава которыхъ не померкнетъ вслѣдствіе новыхъ, даже болѣе удачныхъ попытокъ, вслѣдствіе появленія современныхъ, хотя бы геніальныхъ драматурговъ. Голосъ народной гордости и постоянное удивленіе нѣсколькихъ поколѣній провозгласили «Школу Злословія» комедіею изъ комедій, вѣчною, неувядаемою славою великобританскаго театра. Вліяніе Шериданова генія отразилось на всей драматической литературѣ его времени, и мало того — дѣйствуя черезъ переводы, подражанія сознательныя и безсознательныя, прошло десятки лѣтъ, перешагнуло изъ столѣтія въ столѣтіе и живетъ до нашего времени. Можно сказать навѣрное, что изъ десяти новыхъ комедій, даже мелкихъ водевилей, непремѣнно найдется хоть одно произведеніе, въ которомъ есть или сцена, или лицо, или острота, впервые пущенные въ свѣтъ Шериданомъ. Имена дѣйствующихъ лицъ комедіи сдѣлались въ Англіи именами нарицательными, и цѣлыя фразы изъ ихъ рѣчей вошли въ составъ вседневнаго языка подобно тому, какъ у насъ простая рѣчь обогатилась сотнями поговорокъ изъ твореній Крылова или Грибоѣдова.

По прежнимъ примѣрамъ, Шериданъ сливаетъ въ «Школѣ Злословія» двѣ интриги, изъ которыхъ каждая сама по себѣ могла бы служить сюжетомъ превосходной комедіи. Баронетъ сэръ Питеръ Тиззль, мужъ молодой, милой, но немного вѣтреной женщины, видитъ свою супругу, и мало того, все свое семейство, вовлеченныхъ въ кругъ модныхъ любителей клеветы всякаго рода, между которыми особенно сіяютъ двѣ особы: леди Снирвелль, особа оклеветанная въ своей юности, а оттого считающая себя вправѣ дѣлать всякое зло, и молодой Джозефъ Шерфессъ, безстыдный лицемѣръ, имѣющій въ одно время безчестные виды на добродѣтель леди Тиззль и на состояніе воспитанницы сэра Питера, Мери. Миссъ Мери, какъ и слѣдуетъ ожидать, не терпитъ Джозефа; сердцемъ ея владѣетъ меньшой Шерфессъ, Карлъ — пылкій молодой человѣкъ, добраго, но безпутнаго характера, успѣвшій промотать все свое наслѣдство, заслужить гоненія своего брата и его свѣтской партіи. Оба брата Шерфессы имѣютъ въ Индіи стараго дядю, который въ началѣ пьесы, возвратясь на родину, инкогнито является къ своему другу сэру Питеру для того, чтобъ развѣдать о поведеніи своихъ племянниковъ. Отвсюду слышитъ онъ блистательные отзывы о Джозефѣ и самыя плачевныя извѣстія о Карлѣ. Такимъ образомъ, при началѣ дѣйствія, персонажи раздѣляются по слѣ-

дующимъ группамъ: сэръ Питеръ Тиззль, сэръ Оливеръ Шерфессъ (дядя) и старый слуга дома Шерфессовъ, Роули; во второй мы видимъ великобританскаго Тартюфа, Джозефа Шерфесса, леди Снирвелль, влюбленную въ молодого Карла и потому употребляющую всѣ усилія для того, чтобъ разорвать его связь съ Мери. Вокругъ леди Снирвелль толпятся свѣтскіе клеветники и мерзавцы обоего пола: миссъ Кендоръ, сантиментальная болтунья, соединяющая сплетничество съ оттѣнкомъ добродушія, Снекъ, «антрепренеръ по части сплетень и злословія», какъ называетъ его авторъ, молодой злоязычный поэтъ сэръ Бенжаменъ Бекбейтъ, его дядя сэръ Кристоферъ Кребъ, старый безумный болтунъ и наконецъ бѣдная, увлеченная злымъ примѣромъ, но все-таки привлекательная леди Тиззль, еще колеблющаяся между моднымъ развратомъ и благороднымъ инстинктомъ своего сердца. Послѣдняя отдѣльная группа состоитъ изъ гуляки Карла Шерфесса, друзей его, шалуновъ, ростовщиковъ и буяновъ, да еще нѣжной Мери, играющей немного безцвѣтную роль добраго генія молодого повѣсы.

Вотъ, напримѣръ, сцена между сэромъ Питеромъ Тиззлемъ и его супругою, въ самомъ началѣ второго дѣйствія:

Сэръ Питеръ. Леди Тиззль, леди Тиззль! я не потерплю этого!

Леди Тиззль. Сэръ Питеръ, сэръ Питеръ! терпите или не терпите, я къ тому совершенно равнодушна! Я этого хочу, и оно будетъ. Меня воспитали въ деревнѣ, однако, я знаю, что въ Лондонѣ замужняя женщина не даетъ отчета никому въ свѣтѣ.

Сэръ Питеръ. Хорошо, миледи, недурно! Такъ по вашему мужъ не долженъ имѣть никакого вліянія, никакой власти?

Леди Тиззль. Власти? вотъ чего вы захотѣли? вамъ хотѣлось власти, вы должны были усыновить меня, а не жениться. Оно же вамъ и подъ лѣта.

Сэръ Питеръ. Подъ лѣта?.. вотъ... она опять пошла! Хорошо, хорошо, леди Тиззль, вы можете сдѣлать меня несчастнымъ сколько хотите, но раззоряться для васъ я не намѣренъ!

Леди Тиззль. Раззоряться? чѣмъ я васъ раззоряю? Развѣ я не живу, какъ должна жить всякая женщина хорошаго тона?

Сэръ Питеръ. Нѣтъ, нѣтъ, миледи, пора положить предѣлъ вашей безумной роскоши! За деньги, истраченныя на цвѣты для вашего будуара, можно дать сельскій балъ въ декабрѣ мѣсяцѣ!

Леди Тиззль. Боже мой, сэръ Питеръ, виновата ли я, что цвѣты дороги зимою? Сердитесь не на меня, а на климатъ. Я очень рада была бы имѣть весну цѣлый годъ, чтобы розаны росли у насъ подъ ногами!

Сэръ Питеръ. Чортъ возьми, миледи! Еще еслибъ вы отъ рожденія привыкли къ роскоши! Вы забыли, каково вамъ приходилось жить до нашего брака.

Леди Тиззль. Вовсе не забыла, мнѣ приходилось жить очень плохо... иначе я бы за васъ не вышла!

Сэръ Питеръ. Да, да, миледи, вы жили не очень роскошно. Когда я васъ увидалъ въ первый разъ, вы сидѣли за пяльцами въ ситцевомъ платьицѣ, съ связкой ключей у пояса, съ волосами въ шиньонѣ. А на стѣнахъ висѣли шитыя картины, плоды и фрукты, вашего издѣлія!

Леди Тиззль. Какъ не помнить! я точно жила довольно странно. По утрамъ ходила я въ молочню и на птичій дворъ, потомъ переписывала счеты и чесала собачку тетушки.

Сэръ Питеръ. Да, да, это такъ было.

Леди Тиззль. А вечеромъ, вы помните? Приготовлять выкройки, играть въ карты съ пасторомъ, читать тетушкѣ романъ, или играть для батюшки на дрянномъ клавесинѣ!

Сэръ Питеръ. Такъ точно, миледи; память у васъ хороша. Отчегожь теперь вамъ нужны и карета, и три пудренные лакея передъ порт-шезомъ и лѣтомъ два бѣлыхъ пони для прогулки по кенсингтонскому саду? А когда-то вы ѣздили на старой каретной лошади, сзади буфетчика!

Леди Тиззль. Этого-то и не было. Я не признаю буфетчика и каретной лошади!

Сэръ Питеръ. Такъ жили вы, сударыня. Я сдѣлалъ изъ васъ знатную даму, и ввелъ васъ въ общество, короче сказать — я женился на васъ.

Леди Тиззль. И вамъ теперь, чтобъ вполнѣ обязать меня, остается только сдѣлать...

Сэръ Питеръ. Изъ васъ вдову, конечно?

Леди Тиззль. Гм! гм!

Сэръ Питеръ. Очень вамъ благодаренъ... только на этотъ счетъ отложите попеченіе! Вы можете меня мучить, но не удастся вамъ меня уморить. Я не умру съ горя, въ этомъ можете быть увѣрены. Очень, очень благодаренъ...

Леди Тиззль. Для чегожь вы сами стараетесь быть для меня непріятнымъ? Развѣ вамъ не хочется, чтобъ я жила въ свѣтѣ, отличалась приличіемъ, вкусомъ?

Сэръ Питеръ. Вкусомъ! вкусомъ... еще что такое? У васъ не было вкуса, когда вы за меня выходили.

Леди Тиззль. Совершенная правда, сэръ Питеръ; у меня не

было вкуса, я это вполнѣ доказала. Теперь же, оканчивая нашу ежедневную побранку, я должна проститься съ вами. Прощайте, я обѣщалась быть у леди Снирвелль.

Сэръ Питеръ. Какъ нельзя лучше! Клянусь честью, у васъ славный кругъ знакомства!

Леди Тиззль. Чѣмъ же онъ дуренъ?

Сэръ Питеръ. Ахъ! этотъ народъ, эти мерзкіе сплетники развратили васъ, сдѣлали васъ похожею на нихъ самихъ!

Леди Тиззль. Однако, сэръ Питеръ, вы забыли, что сами обѣщали быть у дели Снирвелль!

Сэръ Питеръ. Хорошо, хорошо, я буду тамъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, на мой счетъ тамъ не сказали какой нибудь гадости.

Леди Тиззль. Такъ поторопитесь же, а то опоздаете. Такъ до свиданія. *(Уходитъ.)*

Сэръ Питеръ. Много помогли мои наставленія! А все-таки, какъ мило она споритъ и сердится, какъ граціозно она ставитъ меня самого ни въ грошъ! Нечего дѣлать, если она не хочетъ любить меня, пусть, по крайней мѣрѣ, ругается. Съ ней пріятно ссориться. Она бѣситъ меня, и все-таки я ее люблю безъ памяти!

Въ превосходнѣйшей классической сценѣ второго дѣйствія, неподражаемаго остроумія которой мы не беремся, однако же, передать въ точности, большая половина дѣйствующихъ лицъ сами рекомендуются читателю. Дѣло происходитъ въ гостинной леди Снирвелль, гдѣ присутствуютъ главныя агенты «Школы Злословія».

Миссъ Кендоръ. Ахъ, Боже мой! какіе вы всѣ насмѣшники! Нѣтъ средствъ сидѣть съ вами, просто нельзя васъ слушать!

Леди Тиззль. Что случилось, миссъ Кендоръ?

Миссъ Кендоръ. Да вотъ, они не хотятъ согласиться, что нашъ другъ, миссъ Вермильонъ, хороша собою. А между тѣмъ, какъ свѣжъ ея румянецъ!

Леди Тиззль. Когда его только что наложили.

Миссъ Кендоръ. Что вы говорите! Я своими глазами видѣла, какъ она краснѣетъ и блѣднѣетъ.

Леди Тиззль. Краснѣетъ поутру, блѣднѣетъ вечеромъ.

Миссъ Кендоръ. Ха, ха, ха! но согласитесь, по крайней мѣрѣ, что ея сестра хороша или была хороша.

Сэръ Кребъ. Побойтесь Бога, ей пятьдесятъ шесть лѣтъ!

Миссъ Кендоръ. Вотъ неправда, ей пятьдесятъ два, много три и, конечно, она не кажется старше своего возраста.

Сэръ Бенжаменъ Бекбейтъ. Чтобъ судить о возрастѣ, нужно сперва видѣть физіономію безъ прикрасы.

Леди Снирвелль. Зато она хорошо красится: это лучше чѣмъ конопатить свои морщины съ небрежностью вдовицы Вермильонъ.

Сэръ Бенжаменъ. Вы строги къ бѣдной вдовѣ, миледи. Она красится не худо; только примазавшись, не умѣетъ сдѣлать, чтобъ ея голова ладила съ остальнымъ тѣломъ. При видѣ ея, я всегда вспоминаю реставрированныя статуи — голова нова, но торсъ античенъ!

Сэръ Кристофоръ Кребъ. Браво, племянничекъ, отлично сказано. Ха, ха, ха!

Леди Тиззль. Ахъ, вотъ сэръ Питеръ идетъ портить нашу бесѣду.

Сэръ Питеръ Тиззль *(входя)*. Господа, мое почтеніе. *(Въ сторону.)* Создатель, вся банда въ полномъ сборѣ! Я думаю, за всякимъ словомъ чья нибудь репутація погибаетъ!

Миссъ Кендоръ. Какъ я рада вашему приходу, сэръ Питеръ. Эти безжалостные господа не хотятъ ни о комъ сказать добраго слова.

Леди Тиззль. Къ великому огорченію миссъ Кендоръ.

Миссъ Кендоръ. У нихъ нѣтъ снисходительности даже къ общему нашему другу, мистриссъ...

Леди Тиззль. Какъ, къ этой толстухѣ, что была вчера на балѣ?

Миссъ Кендоръ. Конечно, я жалѣю о ея полнотѣ; но она сама такъ силится отъ нея избавиться, что однимъ этимъ уже пріобрѣтаетъ право на снисходительность.

Леди Тиззль. А! затѣмъ-то она пьетъ сыворотку, и въ жаркіе дни скачетъ верхомъ, подвязавши волосы, по гусарски?

Миссъ Кендоръ. Хорошо, что хоть вы однѣ, леди Тиззль, заступились за бѣдняжку.

Сэръ Питеръ. Хороша защита, чортъ возьми!

Миссъ Кендоръ. Надо признаться, что леди Тиззль умѣетъ подсмѣяться не хуже самой миссъ ***.

Сэръ Кребъ. Смѣетъ эта миссъ, собраніе всѣхъ пороковъ и всякаго безобразія, трунить надъ другими!

Миссъ Кендоръ. Бога ради, не судите о ней такъ строго: она мнѣ близкая родственница. Сверхъ того, развѣ ея манеры не прекрасны... особенно если взять въ соображеніе то, какъ она

была воспитана. Вспомните, что ея мать торговала шляпками, а отецъ точилъ ножи въ Бристолѣ.

Сэръ Бенжаменъ. Вы обѣ черезчуръ снисходительны.

Сэръ Питеръ *(про себя)*. Ай да снисходительность! а еще о родственницѣ! Боже, Боже мой!

Миссъ Кендоръ. Нѣтъ, что до меня, я не могу слышать, когда говорятъ дурно о моихъ пріятельницахъ.

Сэръ Бенжаменъ. О! про вашу доброту что и говорить. Вы вторая леди ***, которую я готовъ слушать дни и ночи.

Леди Тиззль. Особенно за дессертомъ. Ея рѣчи какъ конфекты — и сладко и красиво, истинная мудрость въ цвѣтной бумажкѣ.

Миссъ Кендоръ. Да, да! я никогда не буду вторить нападеніямъ на друга. Сколько разъ я это говорила моей кузинѣ ***, великой сплетницѣ, какъ вы знаете. Эта женщина не можетъ равнодушно видѣть чужой красоты.

Сэръ Кристофоръ Кребъ. Ей-то и судить о красотѣ. У ней рожа — винегретъ, собранный со всего земного шара.

Сэръ Бенжаменъ. Правда, правда... у ней лобъ ирландскій.

Сэръ Кребъ. Волосы шотландскіе.

Сэръ Бенжаменъ. Носъ фламандскій.

Сэръ Кристофоръ Кребъ. Губы австрійскія.

Сэръ Бенжаменъ. Цвѣтъ лица гишпанскій.

Сэръ Кристофоръ Кребъ. А зубы китайскіе.

Сэръ Бенжаменъ. Все лицо ея какъ ресторація въ Спа, гдѣ нѣтъ двухъ гостей изъ одного и того же края.

Сэръ Кристофоръ Кребъ. Или какъ конгресъ послѣ большой войны. Каждый членъ считая тутъ и глаза, глядитъ въ разныя стороны, одинъ только носъ съ подбородкомъ представляетъ нѣкоторую возможность сближенія.

Миссъ Кендоръ. Ха, ха, ха, ха!

Сэръ Питеръ *(про себя)*. Чортъ возьми! и это женщина, съ которой они всѣ обѣдаютъ два раза въ недѣлю!

Въ продолженіе этой невинной бесѣды, сэра Питера отзываютъ въ сторону и подъ великимъ секретомъ извѣщаютъ его о прибытіи въ Англію его стараго друга, сэра Оливера Шерфесса. Свиданіе стариковъ, въ продолженіи котораго набобъ принимается нѣсколько разъ подшучивать надъ несвоевременнымъ бракомъ сэра Питера, приготовляетъ насъ къ капитальнымъ сценамъ комедіи. Старый Шерфессъ хочетъ испытать обоихъ своихъ племянниковъ, Карла и Джозефа, ибо не вполнѣ довѣряетъ свѣтскому суду

насчетъ ихъ обоихъ. «Всѣ хорошо отзываются о Джозефѣ, — говоритъ онъ: — это меня огорчаетъ не мало. Весь свѣтъ съ нимъ друженъ? Это очень плохо. Съ его дарованіями можно имѣть и враговъ. Если человѣка хвалитъ весь свѣтъ, значитъ, что этотъ человѣкъ также полезенъ дуракамъ, бездѣльникамъ, какъ и честнымъ людямъ».

Сэръ Питеръ. Вы перемѣните свое мнѣніе. Какъ онъ хорошо говоритъ! какъ полонъ онъ благородныхъ мыслей!

Сэръ Оливеръ. Къ чорту его мысли! Меня стошнитъ, если онъ подойдетъ ко мнѣ съ моральной тирадой. Отъ Карла я жду гораздо бóльшаго, пусть онъ позволяетъ себѣ разгульную жизнь! Излишнее благоразуміе не идетъ къ юношамъ: это плющъ, который, обвивши молодое дерево, вредитъ его росту.

Сцены испытаній неподражаемы; по выраженію одного изъ великобританскихъ критиковъ, «цѣлое эльдорадо остроумія раскидывается передъ зрителями».

Молодой Карлъ Шерфессъ пируетъ съ друзьями въ своемъ опустѣвшемъ отелѣ, изъ всѣхъ богатствъ котораго осталась непромотанною только галлерея фамильныхъ портретовъ. Шутки, остроты, застольныя пѣсни слѣдуютъ одна за другою: молодежь пьетъ здоровье Мери, а потомъ всѣхъ женщинъ вообще; веселая поэзія беззаботной бѣдности одушевляетъ всю сцену, придаетъ ей прелесть оригинальную и близкую къ сердцу многихъ людей, умѣвшихъ пользоваться своей молодостью. Въ это время Карлу докладываютъ о приходѣ жида Моисея съ какимъ-то новымъ ростовщикомъ, его пріятелемъ. Гостей принимаютъ съ должною почестью; сэръ Оливеръ, принявшій на себя роль ростовщика и переодѣвшійся сообразно своей роли, вступаетъ въ переговоры съ Карломъ относительно новаго займа.

Юный Шерфессъ ведетъ все дѣло какъ слѣдуетъ повѣсѣ.

— Вотъ, мой новый пріятель, говоритъ онъ сэру Оливеру: — краткое изложеніе всего дѣла. Я мотъ, нуждающійся въ капиталахъ: вы, благоразумный и разсчетливый старецъ, имѣете у себя запасъ денегъ. Я до того безуменъ, что соглашаюсь дать пятьдесятъ процентовъ на сто; вы, вѣроятно, на столько плутоваты, чтобъ слупить съ меня сто на сто. Итакъ, ознакомившись съ сущностью дѣла, приступимъ къ переговорамъ.

— Однако, говоритъ сэръ Оливеръ: — капиталъ мой долженъ же быть чѣмъ нибудь обезпеченъ. Мнѣ сказывали, что вашъ родитель оставилъ вамъ бездну дорогой посуды.

Карлъ. Она ужь давно спущена, спросите у Моисея.

С. Оливеръ *(про себя)*. Боже! кубки, выигранные предками на скачкахъ, дѣдовскія вазы, подаренныя за заслуги! *(Громко.)* разсказываютъ, что ваша библіотека превосходна.

Карлъ. Совершенная правда; но я человѣкъ общежительный и не люблю хранить мудрость для одного себя,

С. Оливеръ *(тихо)*. Ай! ай! библіотека, собранная трудами нѣсколькихъ поколѣній! *(Громко.)* И у васъ ничего не осталось изъ вещей?

Карлъ. А галлерея фамильныхъ портретовъ? Не хотите ли купить ее, коли любите старыя картины?

С. Оливеръ. Чортъ возьми! неужели вы продадите вашихъ предковъ?

Карлъ. Всѣхъ до послѣдняго.

С. Оливеръ. И дядей, и тетокъ?

Карлъ. И прадѣдовъ и прабабушекъ.

С. Оливеръ *(тихо)*. Онъ пропалъ совершенно! *(Громко.)* Побойтесь Бога! неужели вы, какъ Шейлокъ, отдадите за мои деньги вашу кровь и плоть?

Карлъ. Чего вы сердитесь? Когда человѣку нужны деньги, къ кому жь ему обращаться какъ не къ своей фамиліи!

С. Оливеръ *(тихо)*. Я не прощу ему, никогда ему не прощу!

Четвертый актъ «Школы Злословія» открывается мастерскою сценою, служащею продолженіемъ сцены, здѣсь выписанной въ сокращеніи. Карлъ Шерфессъ и его шалуны-друзья устроиваютъ для новаго ростовщика, въ старой галлереѣ дома, торжественный аукціонъ фамильныхъ портретовъ. Одинъ изъ гулякъ снимаетъ со стѣны «генеалогическое дерево», свертываетъ въ трубку и вооружась этимъ молоткомъ приготовляется присуждать купленныя вещи. Карлъ выхваляетъ товаръ, пересыпая свою рѣчь шутками и смѣшными выходками. Генералы временъ Мальбруга идутъ за десять фунтовъ, бабушка Дебора, срисованная Неллеромъ въ видѣ пастушки, съ овечками вокругъ себя, отдается за пять фунтовъ десять шиллинговъ; «одни бараны стоятъ дороже», прибавляетъ повѣса Карлъ. Два парламентскіе оратора идутъ за сорокъ фунтовъ. «Тѣмъ болѣе — опять замѣчаетъ хозяинъ, — что эти государственные мужи *продаются въ первый разъ*». Но какъ предковъ еще много остается, то Карлъ спускаетъ весь остальной запасъ портретовъ за триста фунтовъ стерлинговъ. Но тутъ-то и происходитъ споръ между мотомъ и новымъ ростовщикомъ.

С. Оливеръ. Однако, тутъ есть одинъ портретъ, котораго вы какъ будто не желаете пустить въ продажу.

Прiятель Карла. Какой портретъ? Эта дрянная рожа надъ диваномъ?

С. Оливеръ. Этотъ самый, хотя я и не согласенъ назвать его дрянной рожей.

Карлъ. А! этотъ? Это портретъ дядюшки Оливера, писанный передъ его отъѣздомъ въ Индiю.

Прiятель Карла. Такъ это-то дядюшка Оливеръ? Ну, Карлъ, вы съ нимъ никогда не сойдетесь. Сколько я могу судить, у этого урода харя гадкая, взглядъ свирѣпый, а вся фигура отзывается лишенiемъ наслѣдства. Это бестiя, чистая бестiя! Не правда ли, господинъ торговецъ?

С. Оливеръ. Напротивъ, его лицо кажется мнѣ честнымъ и самымъ привлекательнымъ изо всѣхъ лицъ въ этой залѣ. Надѣюсь, что онъ включенъ въ число проданныхъ портретовъ.

Карлъ. Нѣтъ, чортъ возьми, не отдамъ бѣднаго Оливера. Онъ баловалъ меня и пока у меня останется хоть одна комната, портрета я не сбуду.

С. Оливеръ *(тихо)*. Все-таки этотъ бездѣльникъ мнѣ племянникъ! *(Громко.)* Я долженъ сказать вамъ, что мнѣ очень хочется имѣть эту картину.

Карлъ. А ее-то я вамъ и не дамъ! Что жь, наконецъ, или вамъ тѣхъ мало?

С. Оливеръ *(про себя)*. Я ему все прощаю! *(Громко.)* Сэръ, когда мнѣ приходитъ въ голову какая нибудь фантазiя, я не жалѣю денегъ. Я даю за этотъ одинъ портретъ столько же, сколько за всѣ остальные.

Карлъ. Отвяжитесь отъ меня.

С. Оливеръ *(про себя)*. Какъ этотъ плутъ похожъ на отца! *(Громко.)* Вотъ деньги... дайте мнѣ руку... вы честный человѣкъ, Карлъ... сэръ, извините мою смѣлость.

Карлъ. Вотъ чудакъ, такъ чудакъ! Кстати пришлите за портретами карету; этотъ народъ при жизни всегда катался въ колымагахъ.

С. Оливеръ. Да, да, я пришлю. Всѣ, кромѣ сэра Оливера?

Карлъ. Да, за исключенiемъ маленькаго набоба.

С. Оливеръ. И вы рѣшились не продавать его?

Карлъ. Ни за что въ свѣтѣ.

С. Оливеръ *(про себя)*. Милый повѣса! *(Громко.)* Прощайте, сэръ; идемъ, Моисей. *(Уходя.)* Пусть кто нибудь при мнѣ осмѣлится еще разъ назвать его бездѣльникомъ!

И какъ мило оттѣняетъ эту живую сцену послѣдующій простой разговоръ сэра Оливера съ жидомъ Моисеемъ.

Моисей. Что же, сэръ? не правда ли сэръ Питеръ? вы видѣли Карла во всемъ блескѣ, надѣюсь!

С. Оливеръ. Да. Однакожь, онъ не хочетъ продать моего портрета.

Моисей. Сколько пьетъ онъ вина! что онъ за волокита!

С. Оливеръ. Однакожь, онъ не продалъ моего портрета.

Моисей. И еслибъ вы знали, какой онъ картежникъ!

С. Оливеръ. Однакожь, онъ не продалъ моего портрета. А вотъ и Роули. Теперь пора явиться къ старшему племяннику подъ именемъ бѣдняка Стаплея.

Согласно этому плану, нашъ набобъ, переодѣвшись въ бѣдный нарядъ, поспѣшаетъ въ квартиру добродѣтельнаго Джозефа.

Сцена перемѣняется снова, и мы присутствуемъ при цѣломъ рядѣ явленій, не только достойныхъ идти рядомъ съ знаменитой катастрофой Тартюфа, но, по мнѣнію многихъ критиковъ, далеко ее превышающихъ какъ живостью, такъ и разнообразіемъ. Мы въ библіотекѣ у Джозефа Шерфесса; самая комната, наполненная географическими картами, учеными фоліантами и книгами назидательнаго содержанія, отчасти согласуется съ характеромъ хозяина. У окна стоитъ огромный пюпитръ въ родѣ ширмъ, для вѣшанія на него картъ, этому пюпитру предстоитъ играть не послѣднюю роль въ ходѣ дѣйствія.

Самъ Джозефъ находится въ счастливѣйшемъ настроеніи духа: планы его на Мери обѣщаютъ полный успѣхъ; Карлъ, запутавшійся до крайности, пересталъ быть опаснымъ соперникомъ; а сверхъ всего этого, великобританскій Тартюфъ ждетъ къ себѣ въ первый разъ красавицу — посѣтительницу, именно вѣтреную леди Тиззль, жену сэра Питера. Гостья приходитъ и выслушиваетъ цѣлый курсъ свѣтскаго разврата, соединенный съ величайшими проявленіями нѣжности; врожденная ея добродѣтель начинаетъ уже колебаться подъ вліяніемъ зловредныхъ афоризмовъ Джозефа, когда, къ счастію для нея, служитель докладываетъ о приходѣ сэра Питера. Испуганная леди прячется за пюпитръ, между тѣмъ какъ супругъ ея, ничего не подозрѣвая, входитъ, здоровается съ своимъ «искреннимъ другомъ» и повѣряетъ ему исторію своихъ несчастій. Онъ подозрѣваетъ Карла Шерфесса въ волокитствѣ за своей женою, высказываетъ свою благородную привязанность къ этой женщинѣ, упоминаетъ о видахъ Джозефа на Мери, однимъ словомъ — самъ того не зная, невинно изобличаетъ часть происковъ нашего

люцеpа. Замѣшательство Джозефа удвоивается, когда прежній служитель докладываетъ о приходѣ его брата Карла. Но тутъ дѣйствіе начинаетъ кипѣть такъ быстро и смѣло, что мы предпочитаемъ передать главную часть знаменитой сцены, хотя въ сокращеніи.

Джозефъ *(человѣку)*. Проси Карла. *(Про себя.)* По крайней мѣрѣ онъ помѣшаетъ рѣчамъ этого болтуна!

С. Питеръ. Добрый другъ, окажите мнѣ одну услугу. Спрячьте меня гдѣ нибудь и наведите Карла на разговоръ о моей женѣ.

Джозефъ. Что вы, сэръ Питеръ?.. чтобъ я... я... сталъ хитрить! чтобъ я раскинулъ сѣть для моего родного брата!

С. Питеръ. Да вы же говорите, что онъ невиненъ! Бога ради, избавьте меня отъ сомнѣній, этимъ вы одолжите насъ обоихъ. Спрячьте меня за этотъ пюпитръ. *(Хочетъ туда идти, но Джозефъ останавливаетъ его.)* Что за чертовщина, тамъ ужь кто-то сидитъ! Я видѣлъ платье, женское платье!

Джозефъ *(смѣясь)*. Ха! ха! ха! Это комическая штука! Слушайте, сэръ Питеръ, я, конечно, не искатель приключеній; но я, однако, и не Іосифъ. Это одна француженка, маленькая модистка, посѣтившая меня невзначай. Она бережетъ свою репутацію, и когда вы вошли — тутъ же и спряталась.

С. Питеръ. Ахъ, шалунъ, ахъ повѣса! Кто бы могъ это думать! Ха! ха! ха! Однако, постойте, она слышала все, что я говорилъ про жену.

Джозефъ. Ничего, она скромна и молчать умѣетъ.

С. Питеръ. Такъ я спрячусь въ кабинетъ.

Джозефъ. Прячьтесь, прячьтесь

С. Питеръ. Ай, плутишка! плутишка! *(Прячется въ кабинетъ.)*

Джозефъ. Ухъ, гора съ плечъ долой!

Леди Тиззль *(высовывается изъ за пюпитра)*. Можно мнѣ уйдти?

Джозефъ. Ангелъ мой, сидите смирно!

С. Питеръ *(отворяя дверь кабинета и высовывая голову изъ за двери)*. Джозефъ, разспросите же Карла.

Джозефъ. Спрячьтесь, спрячьтесь, сэръ Питеръ.

Леди Тиззль. Да заприте сэра Питера на ключъ!

Джозефъ. Душа моя, тише! тише!

С. Питеръ *(высовывается)*. Пожалуйста, чтобъ маленькая модистка не разболтала.

Джозефъ. Сидите смирно, дорогой сэръ! *(Въ сторону.)* Чортъ возьми, запереть его развѣ!

Входитъ Карлъ Шерфессъ.

Карлъ. Что это, братъ, твой бездѣльникъ лакей не хотѣлъ меня пускать? Кто у тебя: жидъ или милая дѣвушка?

Джозефъ. Ни тотъ, ни другая.

Карлъ. А гдѣ жь сэръ Питеръ? Мнѣ сказали, что онъ у тебя.

Джозефъ. Онъ ушелъ затѣмъ, чтобъ съ тобой не встрѣтиться.

Карлъ. Это что за новость? Или онъ боится, что я попрошу у него денегъ?

Джозефъ. Нѣтъ, но я долженъ сказать тебѣ съ горестью, этотъ добродѣтельный человѣкъ съ нѣкотораго времени питаетъ противъ тебя нѣкоторое неудовольствіе.

Карлъ. Не онъ одинъ. Говорятъ, что многія добродѣтельныя особы питаютъ противъ меня нѣкоторое неудовольствіе. Въ чемъ же дѣло?

Джозефъ. Я буду откровененъ съ тобой, братъ Карлъ. Сэръ Питеръ считаетъ тебя способнымъ похитить у него сердце леди Тиззль.

Карлъ. Кто... я?.. клянусь честью! ха! ха! ха! Такъ старикашка наконецъ понялъ, какъ опасно жениться на молодыхъ дѣвушкахъ?

Джозефъ. Я не одобряю твоей веселости, Карлъ. Человѣкъ, способный воспользоваться...

Карлъ. Правда, правда, можешь не продолжать своей сентенціи. Даю тебѣ мое слово... я и не думаю о леди Тиззль. Мало того, до сихъ поръ я думалъ, что *ты* за ней ухаживаешь.

Джозефъ. Фи, Карлъ, что ты...

Карлъ. Я таки видѣлъ, какъ вы дѣлали глазки другъ другу.

Джозефъ. Полно шутить, полно...

Карлъ. Чортъ возьми, я не шучу. Помнишь какъ одинъ разъ...

Джозефъ. Бога ради, Карлъ...

Карлъ. Вы сидѣли вдвоемъ.

Джозефъ. Братъ! замолчи.

Карлъ. И твой слуга...

Джозефъ *(про себя)*. Онъ все выболтаетъ! *(Громко)* Тс! сэръ Питеръ здѣсь и насъ слышитъ. Я зналъ, что ты правъ и потому позволилъ это маленькое шпіонство!

Карлъ. Сэръ Питеръ? гдѣ онъ?

Джозефъ. Тише. Тамъ. *(Указываетъ на кабинетъ.)*

Карлъ. А вотъ я его вытащу на свѣтъ Божій. *(Отворяетъ двери кабинета.)* Сэръ Питеръ, выѣзжайте-ка предъ судилище!

Вы, мой старый опекунъ, выдумали меня подслушивать! ай, ай! какой срамъ!

С. Питеръ. Дай руку, Карлъ, я тебя подозрѣвалъ понапрасну. Только не сердись на Джозефа, всю штуку я одинъ выдумалъ. Я тебя полюбилъ снова. Все, что я слышалъ теперь...

Карлъ. А! вы слышали и про Джозефа?

С. Питеръ (*смѣясь*). Да! да! ты перебросилъ мячикъ, думалъ свалить бѣду на брата!

Карлъ. Конечно, это была шутка.

С. Питеръ. Еще бы мнѣ не довѣрять Джозефу!

Джозефъ (*про себя*). Когда они оба уберутся къ чорту?

С. Питеръ (*Карлу*). Нужно намъ почаще видаться съ тобой, Карлъ. (*Входитъ слуга.*)

Слуга (*Джозефу*). Леди Снирвелль внизу и желаетъ васъ видѣть.

Джозефъ. Леди Снирвелль! чортъ ее возьми! я ее приму внизу. Господа, извините меня, я долженъ попросить васъ удалиться... меня ждетъ гость, по особому дѣлу.

Карлъ. Принимай его съ Богомъ въ другой комнатѣ, я давно не видалъ сэра Питера и желалъ бы съ нимъ потолковать на свободѣ.

Джозефъ (*про себя*). Нечего дѣлать, надо поскорѣе отдѣлаться отъ леди Снирвелль. (*Тихо сэру Питеру.*) Пожалуйста, ни слова Карлу о маленькой модисткѣ!

С. Питеръ (*тихо*). Будьте покойны! (*Джозефъ уходитъ.*)

Сэръ Питеръ, Карлъ, леди Тиззль *за пюпитромъ*.

С. Питеръ. Ахъ, Карлъ! еслибъ ты почаще бывалъ у своего брата... я бы за тебя не отчаявался. Вотъ истинно нравственный человѣкъ! Нѣтъ на свѣтѣ существа прекраснѣе нравственнаго человѣка!

Карлъ. Онъ для меня уже черезчуръ прекрасенъ. Ужь лучше бъ за нимъ водились какіе нибудь грѣхи!

С. Питеръ. Ну, ты его мало знаешь! Нѣтъ, нѣтъ, Карлъ! Джозефъ, конечно, не такой повѣса какъ ты, однако, и за нимъ есть грѣшки! (*Въ сторону.*) Дай ка я выдамъ Джозефа, то-то мы посмѣемся!

Карлъ. За нимъ грѣшки? это анахоретъ! юный пустынникъ! чортъ бы его побралъ!

С. Питеръ (*про себя*). Не могу удержаться долѣе. (*Громко.*) Хочешь ты немножко посмѣяться надъ Джозефомъ?

Карлъ. Еще бы нѣтъ!

С. Питеръ. Ну, ну, слушай же. *(Про себя.)* я его накажу за то, что онъ меня выдалъ. *(Громко.)* Когда я вошелъ сюда, у Джозефа была въ комнатѣ дѣвочонка!

Карлъ. У Джозефа! быть не можетъ!

С. Питеръ. Тс! французженка! маленькая модистка! ха! ха! ха! И что лучше всего — это то, что она и теперь въ этой комнатѣ! *(Указываетъ на пюпитръ.)*

Карлъ. Здѣсь! здѣсь! *(Идетъ къ пюпитру.)* Чортъ возьми! посмотримъ коварную!

С. Питеръ. Удержись, Бога ради! стой! Джозефъ идетъ сюда!

Карлъ. Нѣтъ, нѣтъ! я хочу видѣть маленькую модистку.

С. Питеръ *(удерживаетъ его)*. Берегись, Джозефъ не проститъ мнѣ этой шалости!

Карлъ. Я беру все на себя.

С. Питеръ. Идетъ Джозефъ! идетъ!

(Джозефъ входитъ, Карлъ опрокидываетъ пюпитръ.)

Карлъ. Леди Тиззль! Боже мой!

С. Питеръ. Моя жена, чортъ возьми! *(Общее оцпененiе.)*

Карлъ. Сэръ Питеръ, я еще никогда и нигдѣ не видалъ такой маленькой модистки! Какъ, чортъ возьми, вы здѣсь играли въ прятки? Что все это значитъ, миледи? Ни слова. Не объяснишь ли ты мнѣ всего дѣла, братъ? Нѣтъ, нашъ моралистъ онѣмѣлъ совершенно! Сэръ Питеръ, я васъ вытащилъ изъ темной комнаты; но надѣюсь, что хотя теперь мракъ разсѣется! Всѣ молчатъ. Я ровно ничего не понимаю, потому и рѣшаюсь оставить васъ однихъ. Любезный братъ, я жалѣю, *что эта добродѣтельная особа (указываетъ на сэра Питера) питаетъ противъ тебя нѣкоторое неудовольствiе!* Сэръ Питеръ, вы сказали правду: *нѣтъ на свѣтѣ существа прекраснѣе нравственнаго человѣка! (Уходитъ.)*

Незачѣмъ хвалить сцены, здѣсь выписанной; но нельзя не прибавить, однако же, нѣсколькихъ замѣчанiй о невѣроятной способности Шеридана вести все дѣйствiе, отъ катастрофы переходя къ катастрофѣ, смѣняя одно дѣйствiе другимъ и поддерживая интересъ зрителя рядомъ поразительныхъ положенiй. Кажется, послѣ громового удара, нанесеннаго ширмою Карломъ, нечего придумать автору и нечего ждать зрителю; но въ эти минуты, опасныя для автора, драматическiй талантъ творца «Школы Злословiя» разражается новою сценою, благородною, драматическою и неожиданною. Джозефъ Шерфессъ, съ врожденною ему хитростью, спѣшитъ опутать сэра Питера, громоздитъ предлогъ на предлогъ, извиняется

стеченіемъ враждебныхъ обстоятельствъ и требуетъ, чтобы леди Тиззль подтвердила все имъ сказанное. Но тутъ молодая женщина, имѣвшая въ теченіи какого нибудь получаса, довольно случаевъ уразумѣть всю черноту джозефовой души и ужаснуться пропасти, въ которую чуть было сама не вверглась, открыто опровергаетъ показанія человѣка, едва было ее не обезчестившаго. Она сознается передъ мужемъ въ своей вѣтренности, сознается, что пришла на свиданіе съ Джозефомъ и, полная благородныхъ чувствъ, высказываетъ одну правду, не испрашивая ни прощенія, ни снисходительности. Это объясненіе, подавшее поводъ къ милліону подражаній на всѣхъ театрахъ, можетъ одно, при хорошемъ выполненіи, составить славу актрисы съ сердцемъ и дарованіемъ, сдѣлать роль леди Тиззль одною изъ ролей, наиболѣе благородныхъ и привлекательныхъ.

Пятый актъ комедіи, какъ мы уже успѣли замѣтить, слабѣе остальныхъ дѣйствій, и не одна торопливость Шеридана тому причиною. Самый замыселъ «Школы Злословія» обусловливаетъ собою слабость развязки. Собственно «Школа Злословія», то есть партія леди Снирвелль, клеветники въ родѣ Бекбейта и Снека, сплетницы, подобныя миссъ Кендоръ и самой леди Снирвелль, составляютъ во всей пьесѣ hors d'oeuvre, сбродъ персонажей естественныхъ и забавныхъ, но едва причастныхъ ходу комедіи. Герои творенія Карлъ и Джозефъ Шерфессы, или даже одинъ Джозефъ, великобританскій Тартюфъ. Чуть Джозефу нанесенъ рѣшительный ударъ въ четвертомъ актѣ, чуть онъ погибъ во мнѣніи главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, интересу остается только слабѣть. Леди Тиззль, уразумѣвшая свои ошибки и остановившаяся на краю пропасти, Карлъ Шерфессъ, обласканный сэромъ Оливеромъ, какъ лица выполнившія уже все задуманное поэтомъ, оба уже не могутъ содѣйствовать оживленію дѣйствія. Ловкій французскій драматургъ новыхъ временъ поспѣшилъ бы устроить новые эффекты, позволивши Джозефу еще разъ одолѣть своихъ противниковъ, явиться во всей славѣ и потомъ уже упасть окончательно. И подобнаго рода систему мы осудить не въ состояніи, въ произведеніи истинно изящномъ, стоющемъ изученія, поучающемъ нравы, интересъ, искусно поддерживаемый до конца, есть не что иное, какъ пособіе къ лучшему уразумѣнію мысли всего творенія.

Какъ бы то ни было, пятый актъ «Школы Злословія» вертится на двухъ пунктахъ: то есть на испытаніи Джозефа сэромъ Оливеромъ и наказаніи всѣхъ порочныхъ лицъ комедіи, особенно членовъ котеріи леди Снирвелль. Подъ именемъ Станлея, бѣднаго

родственника Шерфессовъ, набобъ пробирается въ квартиру нашего Тартюфа, почти тотчасъ же послѣ катастрофы съ леди Тиззль. Джозефъ взбѣшенъ и взволнованъ, но онъ имѣетъ въ себѣ довольно силы на новое лицемѣрство. Еслибъ зритель не начиналъ уже видѣть въ старшемъ Шерфессѣ мерзавца, кончившаго свое дѣло и даже наказаннаго, какъ бы эта сцена на него подѣйствовала! Какъ хитритъ и любезничаетъ лицемѣръ за тѣмъ, чтобъ отдѣлаться отъ бѣднаго родственника! какъ онъ клевещетъ на сэра Оливера, будто бы не присылавшаго ему, Джозефу, никакихъ денегъ изъ Индіи; какъ пламенно онъ жалѣетъ о своемъ безсиліи пособить бѣдняку, какъ вѣжливо выпроваживаетъ онъ его въ двери, съ поклонами и отдаленными обѣщаніями! Необыкновенно удачна развязка всей исторіи дяди съ племянниками *), и потомъ, совершенное униже-

---

*) Вотъ сокращеніе этой сцены. Дѣйствіе происходитъ въ библіотекѣ Джозефа Шерфесса.

Джозефъ *ждетъ* сэра Оливера, *о пріѣздѣ котораго ему сообщено.*

Джозефъ. Моя репутація получше карловой — и бояться нечего. *(Входитъ сэръ Оливеръ.)* Какъ! опять Станлей, когда я жду сэръ Оливера... чортъ возьми этого стараго голяка! что мнѣ съ нимъ дѣлать, и еще въ эту минуту!.. Мистеръ Станлей, для чего вы мнѣ опять надоѣдаете?

С. Оливеръ. Сэръ, мнѣ сказали, что сэръ Оливеръ здѣсь сейчасъ будетъ. Хотя онъ очень скупъ и не присылаетъ вамъ денегъ изъ Индіи; но, можетъ быть, для меня...

Джозефъ. Сэръ, на этотъ разъ невозможно. Оставьте меня и придите въ другой разъ; я за васъ похлопочу.

С. Оливеръ. Я намѣренъ познакомиться съ сэромъ Оливеромъ.

Джозефъ. Я требую, чтобъ вы сейчасъ же ушли отсюда!

С. Оливеръ. Сэръ.

Джозефъ. Убирайтесь, это необходимо. Вилліамъ, выведи этого господина. Вы сами меня къ этому принуждаете, сэръ... Что за нахальство!

Тѣ же и Карлъ Шерфессъ.

Карлъ. Ба! ба! ба! Это что за катавасія? Джозефъ, что тебѣ сдѣлалъ мой почтенный ростовщикъ? Нѣтъ, нѣтъ, братъ, я тебѣ не дамъ обижать такого джентльмена. *(Сэру Оливеру.)* Что съ вами, мой человѣчекъ?

Джозефъ. А! онъ видно и къ тебѣ таскался за деньгами!

Карлъ. Еще бы нѣтъ. А ты видно тоже не прочь занять, Джозефъ?

Джозефъ. Занять денегъ? мнѣ на что занимать деньги!.. Ты знаешь, однако, здѣсь сейчасъ долженъ быть сэръ Оливеръ... всякую минуту...

Карлъ. Правда, чортъ возьми! Не хорошо, коли онъ увидитъ этого дружка съ нами.

Джозефъ. А между тѣмъ мистеръ Станлей хочетъ...

Карлъ. Да его зовутъ не Станлей...

Джозефъ. Все равно... и онъ.

Карлъ. Правда, все равно; не въ имени дѣло...

Джозефъ. Проклятіе — кто-то стучится?.. Умоляю васъ, мистеръ Станлей...

ніе злословящей банды, въ квартирѣ примирившихся супруговъ: леди Тиззль и сэръ Питера. Но выписки наши и безъ того уже слишкомъ длинны, а намъ еще сверхъ того предстоитъ сказать нѣсколько короткихъ словъ о всей вообще комедіи.

Шериданову «Школу Злословія» повсемѣстно принято сравнивать съ мольеровымъ «Тартюфомъ», и нѣтъ сомнѣнія: обрисовывая Джозефа Шерфесса, главное лицо своего произведенія, британскій поэтъ имѣлъ въ виду великое твореніе французскаго комика. Обѣ комедіи считаются первоклассными, и англичанинъ ставитъ «Школу Злословія» во главѣ всѣхъ великобританскихъ комедій, точно такъ же, какъ французъ не равняетъ ни одной комедіи съ «Тартюфомъ». Обѣ осмѣиваютъ лицемѣріе, обѣ полны драматизма и занимательности. Но мольерова комедія выше, какъ одно цѣлое, ея сатира бьетъ сильнѣе, она написана ранѣе, она поставлена на сцену въ то время, когда все высшее французское общество было полно тартюфами столько же сильными, какъ и зловредными. Мольеръ рисковалъ собою, трудясь надъ своимъ геніальнымъ произведеніемъ, онъ шелъ на бѣду, чтобъ высказать всю правду свѣту, и свѣтъ погубилъ бы его, безъ всемощнаго заступничества монарха, бывшаго другомъ просвѣщенію. Комедія Мольера писана превосходными стихами, исполнена артистической сжатости; тамъ, гдѣ Шериданъ беззаботно шутилъ и дробилъ все дѣйствіе во вредъ единству цѣлаго, французскій поэтъ являлся судьей-поэтомъ. Въ твореніи Мольера звучатъ струны героическія, и весь «Тартюфъ» есть одинъ геройскій подвигъ по замыслу, развитію и по исполненію.

Карлъ. И я васъ умоляю...
С. Оливеръ. Господа!..
Джозефъ. Вы уйдете, сэръ, я хочу этого!
Карлъ. Уходите, да поскорѣе!
С. Оливеръ. Такое насиліе...
Джозефъ. Вы сами того хотѣли!..
Карлъ. Да уберетесь ли вы наконецъ!

(Оба начинаютъ выталкивать сэра Оливера.)

Входятъ: Сэръ Питеръ, леди Тиззль, Мери и Роули.

С. Питеръ. Что съ вами, сэръ Оливеръ, другъ мой! Чортъ возьми, вотъ почтительные племянники! Толкать въ зашей своего дядю, для перваго свиданія!

Роули. Сэръ Оливеръ, имя Станлея не принесло вамъ выгоды, какъ я вижу.

С. Оливеръ. Оба имени! Ай-да родственники! Одинъ не далъ мнѣ ни шиллинга, а другой *(показывая Карла)* хотѣлъ сбыть меня съ рукъ, даже безъ аукціона!

Джозефъ. Карлъ! мѣра исполнилась!
Карлъ. Джозефъ! дѣло плохо!

Но уступая лучшей комедіи французской сцены въ замыслѣ, единствѣ и поэтическомъ элементѣ, шериданова «Школа Злословія» беретъ надъ нею неоспоримый перевѣсъ въ частностяхъ. Тамъ, гдѣ Мольеръ сгибается подъ тяжестью оковъ, имъ самимъ на себя наложенныхъ, Шериданъ идетъ бодро и весело, какъ слѣдуетъ счастливому британцу. Онъ шутитъ съ людскими слабостями и беззаботно кидаетъ вокругъ себя перлы, подобно тому, какъ герцогъ Бокингемскій сбрасывалъ, на придворномъ балѣ, драгоцѣнные камни съ своего кафтана. У Шеридана нѣтъ строки скучной или сухой, нѣтъ трехъ единствъ дѣйствія, нѣтъ фантастическихъ Оргоновъ, Оронтовъ, Жеронтовъ и Валеровъ, онъ называетъ лицъ по имени и фамиліи, беретъ ихъ изъ современной жизни, пишетъ для всей массы публики, не помышляя о маломъ числѣ избранныхъ знатоковъ. Комедія Шеридана взволнуетъ, разсмѣшитъ и увлечетъ собою массу самыхъ непросвѣщенныхъ зрителей, между тѣмъ какъ французскій «Тартюфъ» можетъ быть оцѣненъ по достоинству только однимъ истиннымъ чтителемъ поэзіи, и не на сценѣ, а въ тиши кабинета, посреди умнаго уединенія. Наконецъ, по «Школѣ Злословія» можно угадать въ поэтѣ человѣка еще молодого, полнаго иллюзій молодости, привыкшаго смотрѣть на жизнь, какъ на блистательную забаву. Неизвѣстно, что еще могъ бы создать писатель, на двадцать-седьмомъ году подарившій міру такое произведеніе, но Шеридану обстоятельства жизни не позволили идти далѣе, по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи. Тѣмъ трогательнѣе и привлекательнѣе для насъ красоты «Школы Злословія», тѣмъ поучительнѣе для насъ само это произведеніе. Ясная картина великобританскихъ нравовъ прошлаго столѣтія, эта комедія навѣки останется драгоцѣннымъ памятникомъ и въ литературномъ, и въ ученомъ отношеніи. Полная веселости чисто-юношеской, насмѣшливой граціи и неподражаемой живости, «Школа Злословія» порой напоминаетъ собою элементы аристофановской поэзіи. Мольеровъ «Тартюфъ» есть одинъ безцѣнный слитокъ чистѣйшаго золота; «Школа Злословія» есть цѣлая розсыпь золотыхъ монетъ и драгоцѣнныхъ камней, часть того же слитка, размѣненная на мелочь и раскиданная между цвѣтами. Не мѣшаетъ прибавить однако, что мольерово самородное золото, по чистотѣ своей, далеко превосходитъ собою металлъ великобританскаго драматурга.

VI.

Избытокъ удачъ. — Пресыщеніе и жажда дѣятельности. — Общество герцогини Девонширской. — Шериданъ въ ея кругу. — Политическія и ораторскія способности его. — Участіе въ журналѣ «Англичанинъ». — Пріязнь съ Фоксомъ. — Шериданъ въ парламентѣ. — Первое преніе. — Голосъ Фокса въ защиту новаго оратора. — Дальнѣйшая парламентская дѣятельность Шеридана. — Питтъ. — Столкновеніе ихъ.

Посреди развлеченія свѣтской жизни, посреди любви и семейнаго счастія, посреди театральныхъ дѣлъ, къ которымъ Шериданы питали страсть наслѣдственную, наконецъ посреди цѣлаго ряда непрерывныхъ сценическихъ успѣховъ, авторъ «Школы Злословія» не могъ, однако же, назваться вполнѣ счастливымъ человѣкомъ. Онъ слишкомъ рано началъ жить и слишкомъ рано получилъ знаменитость; всѣ лучшія блага жизни слишкомъ рано выпали на долю Ричарда Шеридана. Не страдавшій человѣкъ не наслаждается, не боровшійся за счастіе остается равнодушенъ къ счастію; существо, не знавшее тяжкихъ друдовъ, не знаетъ цѣны спокойствію. Единственною тревожною порой въ Шеридановой жизни можно назвать нѣсколько мѣсяцевъ его разлуки съ Элизой, послѣ двукратной дуэли въ Батѣ, но даже эти немногіе мѣсяцы, проведенные среди довольства, украшенные воспоминаніями и надеждами самыми свѣтлыми, имѣли въ себѣ слишкомъ мало *того*, что поучаетъ молодыхъ людей, дѣлаетъ ихъ способными понимать цѣну жизненнаго счастія. Ричардъ Шериданъ, подобно другому великому барду позднѣйшихъ временъ, хворалъ избыткомъ удачъ всякаго рода. Онъ жилъ и долго жилъ какою-то особенною жизнью, о которой всѣ мечтаютъ, но которая имѣетъ въ себѣ много разрушительнаго и потому рѣдко дается Провидѣніемъ намъ на долю. Съ юношескихъ лѣтъ онъ не терялъ никого и не переносилъ никакихъ испытаній. Умъ его не состоялъ никогда подъ спасительной дисциплиной строгаго, классическаго воспитанія, сердце никогда не знало долгихъ, плодотворныхъ бурь, послѣ которыхъ вся природа человѣка цвѣтетъ и оживаетъ. Въ душѣ своей онъ носилъ много свѣтлыхъ, благородныхъ идей, но между ними не находилось ни одной, съ которой бы навѣки сроднилось все существованіе Шеридана. Съ наслажденіемъ осмѣивая порокъ, онъ, однако же, вовсе не располагалъ быть учителемъ общества, охотно дѣлая добро всякому, но дѣлая его лѣниво, безразсчетно, подобно богачу, холодно раздающему куда ни попало часть своихъ огромныхъ доходовъ. Наука жизненнаго счастія оказывалась для нашего по-

эта наукою легко пріобрѣтенною и оттого почти безплодною; жажда сильныхъ ощущеній, плодъ пресыщенія, начала мало по малу наполнять всю его душу. Болѣзнь, изученная и воспѣтая мыслителями нашего столѣтія, захватила воспріимчивую натуру Ричарда. Лѣность перестала ему нравиться, онъ жаждалъ дѣятельности, но дѣятельности бурной. Онъ чувствовалъ себя веселѣе посреди оргій, пышныхъ аристократическихъ собраній, политическихъ митинговъ и драматическихъ представленій, успѣхъ которыхъ казался сомнительнымъ. Ему хотѣлось ощущеній одуряющихъ, огневыхъ, пожирающихъ организмъ человѣка; пока еще подобныя ощущенія существовали для Шеридана, жизнь казалась ему красна и заманчива. Скоро молодому драматургу представился случай окунуться въ жизнь такого рода, увидѣть передъ собой рядъ сильныхъ ощущеній, по видимому, безконечный. Дѣятельность политическая разкрылась передъ талантливымъ писателемъ.

Въ домѣ герцогини Джорджаны Девонширской, той самой леди Джорджаны, которая одинъ разъ, получивъ извѣстіе о неудачномъ ходѣ выборовъ для партіи ея супруга, лично явилась въ самое непріязненное графство и въ нѣсколько дней, обворожившп всѣхъ избирателей, переманила ихъ на свою сторону; собиралась еженедѣльно блистательная плеяда государственныхъ мужей и первоклассныхъ ораторовъ парламента: тутъ сіяли между прочимъ Карлъ Фоксъ, Виндгамъ, Лордъ Томасъ Гренвилль и лордъ Джонъ Тоунсгендъ, давно уже питавшій къ Ричарду Шеридану привязанность самую восторженную. Герцогиня, сначала смотрѣвшая на поэта съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и долго неимѣвшая силы простить ему тотъ вечеръ, въ который, какъ мы видѣли, лучшіе друзья покинули ея гостинную для того, чтобы ѣхать въ гости къ Шеридану, въ теченіе времени перемѣнила свое обращеніе и сблизилась съ авторомъ «Школы Злословія». Всѣ современники, виги и торіи, единодушно отзываются о прелести общества, собиравшагося въ Девонширъ-Гоузѣ. Тутъ, среди круга избранныхъ знаменитостей, отбрасывался всякій церемоніалъ: герцоги и будущіе министры называли другъ друга уменьшительными именами Дика, Джека и Тома, дамы не требовали титула леди и прилагательнаго «ваша честь»; о государственныхъ дѣлахъ компанія толковала шутливымъ тономъ, и часто, за ужиномъ, послѣ парламентскаго засѣданія, импровизировались шутки, пѣсенки и пародіи на происшествія вечера. Тутъ поэтъ Гэйли, философъ-эпикуреецъ, произносилъ рѣчи о томъ, «какимъ образомъ нужно сохранять въ себѣ постоянную веселость духа», тутъ вѣрный другъ Самуила Джон-

сона, ораторъ Эдмондъ Боркъ, первый изъ первыхъ, великій посреди великихъ, забывалъ труды дня и посреди веселости готовился къ новымъ подвигамъ. Гости скучали безъ Ричарда Шеридана, и между тѣмъ, какъ дамы восхищались остроумными рѣчами моднаго драматурга, ихъ мужья и пріятели начинали цѣнить ораторскія способности молодого человѣка, именно его пламенное краснорѣчіе, его иронію, его находчивость и свѣтлое пониманіе главныхъ политическихъ вопросовъ. По просьбѣ Виндгама, своего батскаго пріятеля, и самого Фокса, Шериданъ принялъ участіе сперва въ редакціи журнала «Англичанинъ», а потомъ въ составленіи знаменитаго циркуляра, въ которомъ Фоксъ излагалъ необходимость измѣненій въ составѣ парламента, тѣхъ самыхъ почти измѣненій, которыя уже въ наше время произведены лордомъ Греемъ, въ продолженіе его министерства. При началѣ общихъ занятій, и Фоксъ, и Шериданъ почувствовали другъ къ другу сильную привязанность; оба они имѣли между собой такъ много сходнаго, что еслибъ не существовало Фокса, Шериданъ занялъ бы его мѣсто въ парламентѣ; а еслибъ Фоксъ не былъ Фоксомъ, то навѣрное совершилъ бы все, совершенное новымъ ораторомъ. Оба имѣли несравненное краснорѣчіе, оба жаждали сильныхъ ощущеній, оба блистали въ обществѣ и любили мотовство, оба не имѣли себѣ равныхъ при натискѣ, оба лишены были достоинствъ практическаго государственнаго человѣка, оба обречены были на дѣйствіе *вліяніемъ*, а не прямымъ путемъ; оба считались опасными противниками, но помощниками посредственными, оба были горды и много жертвъ принесли своей гордости, оба имѣли въ душѣ много благородства, рыцарства и горячности.

Въ 1780 году, послѣ распущенія парламента, Ричардъ Шериданъ былъ выбранъ въ представители небольшого городка Стаффорда; издержки, произведенныя имъ по этому случаю, ясно показываютъ безпредѣльное желаніе поэта блеснуть на новомъ, опасномъ поприщѣ, а совершенное удаленіе отъ авторства, заставившее, по выраженію одного біографа: «Талію плакать и одѣться въ трауръ», говоритъ еще сильнѣе всякихъ издержекъ. Учитель нерожденныхъ поколѣній продалъ свое званіе наставника за нѣсколько лѣтъ сильныхъ ощущеній. По крайней мѣрѣ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи Шериданъ не ошибся, и слава его загорѣлась яркимъ метеоромъ на политическомъ горизонтѣ его родины.

Благодаря подробнымъ историкамъ и составителямъ анекдотическихъ мемуаровъ, мы можемъ себѣ представить съ достаточною ясностью, чѣмъ была Нижняя Палата великобританскаго парла-

мента во время причисленія Ричарда Шеридана къ ея составу. Грозная туча висѣла надъ государствомъ: сѣверо-американская война, со всѣми ея печальными послѣдствіями, повлекла за собою опасное положеніе Ирландіи; министерство лорда Нортса, человѣка ловкаго, краснорѣчиваго и остроумнаго, но болѣе способнаго управлять дѣлами во время спокойствія, нежели бороться съ ежеминутными бурями, клонилось къ упадку. Лордъ Рокингемъ, усиленный всею партіею Фокса, готовился смѣнить перваго министра, и обѣ спорящія партіи ускоряли развязку дѣла безпрерывными спорами, отчаянными столкновеніями. Ирландскій ораторъ Греттенъ, пламенный, но театральный, какъ большая часть его соотечественниковъ, своимъ примѣромъ превратилъ спокойныя пренія въ бурю крупныхъ словъ и личностей, публично называя «джентльмена съ лѣвой стороны» плутомъ и бездѣльникомъ, или посылая свое громовое проклятіе «почтенному лорду, о которомъ вчера говорилось». Фоксъ, являвшійся въ палату послѣ безсонной ночи на балѣ или съ картежной игры, проигравшись дочиста, не умѣлъ говорить хладнокровно; въ свою очередь и друзья лорда Нортса считали долгомъ изливать брань, всякаго рода презрѣніе на своихъ соперниковъ. Члены палаты и зрители оживлялись при всякой стычкѣ, охотно слушая того, кто лучше ругался; чуть спокойствіе водворялось, лавки пустѣли, и вся компанія уходила обѣдать или ужинать до новаго интереснаго вопроса. Шериданъ, желавшій потрясеній душевныхъ, тутъ имѣлъ ихъ достаточно: съ перваго его вступленія въ палату, друзья лорда Нортса начали оспаривать законность его избранія; слова: «сынъ актера! писака! подкупные голоса!» раздавались со всѣхъ сторонъ. Молодой членъ всталъ, и молчаніе водворилось; поэтъ «Школы Злословія» былъ слишкомъ знаменитъ для того, чтобъ ораторствовать посреди общаго невниманія. Въ живой, но слишкомъ цвѣтистой импровизаціи онъ заступался за своихъ избирателей; партіи враждебной того только и хотѣлось. Нужно было сокрушить молодого оратора, пока еще онъ не успѣлъ приладиться къ должностному слогу рѣчей, пока въ его манерѣ еще слышится что-то чужое, театральное. Главный казначей арміи, *мистеръ Ригби*, перебилъ Шеридана ѣдкой насмѣшкой надъ его избирателями и надъ горячностью самой защиты. Посреди новыхъ обычаевъ, слушая тонкую, сухую иронію противника, молодой человѣкъ понялъ свою неловкость и смѣшался. Но тутъ громъ разразился надъ мистеромъ Ригби: Карлъ Фоксъ, «вѣчно готовый, подобно Аяксу, закрыть щитомъ своимъ товарища», приспѣлъ на помощь туда, гдѣ помощь требовалась.

«Почтенному джентльмену, — началъ будущій министръ — почтенному джентльмену угодно изощрять свое остроуміе надъ избирателями? Кажется, онъ могъ бы удовольствоваться тѣмъ, что обираетъ ихъ нещадно! Ему не нравится, что членъ палаты разгорячается, вступаясь за честь тѣхъ, которые сдѣлали ему честь своимъ довѣріемъ? Чтожъ тутъ дурного: обворовывать своихъ избирателей не хорошо, но презирать ихъ есть дѣло безумное! Мы съ своей стороны не раздѣляемъ презрѣнія, которое выказалъ сейчасъ благородный джентльменъ; намъ кажется, и мы въ томъ сознаемся, намъ кажется, что граждане городовъ, почтившіе своимъ избраніемъ того или другого члена палаты, заслуживаютъ, по крайней мѣрѣ съ его стороны, и почтенія, и вѣжливости!»

Левъ подалъ свой голосъ, и мелкіе звѣри затихли. По окончаніи засѣданія, Шериданъ спросилъ между прочимъ одного изъ членовъ палаты, мистера Вудфолля, о томъ, какого онъ мнѣнія о его первой рѣчи.

— Не скрою отъ васъ, отвѣчалъ Вудфолль: — рѣчь мнѣ совсѣмъ не понравилась. Вѣрьте мнѣ, вернитесь на ваше прежнее, славное поприще.

Услыхавъ приговоръ, Шериданъ на минуту задумался, а потомъ вскричалъ, топнувъ ногой: «Есть во мнѣ дарованіе, я вамъ говорю, и чортъ возьми! дарованіе это современемъ покажется свѣту!»

Много лѣтъ спустя, знаменитый ораторъ имѣлъ обыкновеніе разсказывать этотъ анекдотъ, какъ примѣръ ложной оцѣнки, но думалъ ли онъ когда нибудь о томъ, какъ все-таки правъ былъ честный товарищъ, совѣтуя ему вернуться къ литературѣ?

Какъ бы то ни было: защита Фокса и рѣзкій приговоръ Вудфолля заставили Шеридана призадуматься. *Въ первый разъ за него заступились*, въ первый разъ дали ему жосткій урокъ, въ первый разъ молодой ораторъ увидѣлъ передъ собой неудачу. Участь поэта рѣшилась: сказавши самъ себѣ «чортъ возьми, свѣтъ узнаетъ мои дарованія!», онъ высказалъ сокровеннѣйшія свои убѣжденія. Жизнь политическая, пожирающая силы человѣческія, влекла къ себѣ Шеридана. Онъ захотѣлъ быть первымъ въ парламентѣ, какъ до тѣхъ поръ былъ первымъ на театрѣ. Отступленіе оказалось невозможнымъ; разъ извлекши мечъ, Ричардъ Шериданъ бросилъ ножны въ сторону. Онъ перешагнулъ Рубиконъ и окунулся въ ту жизнь, которая одна казалась ему достойною его дарованій.

Около двухъ лѣтъ прошло въ скрытной борьбѣ, въ приготовленіяхъ къ будущимъ подвигамъ. Молодой другъ Фокса, помня

свою недавнюю неудачу, рѣдко говорилъ въ парламентѣ, но въ замѣнъ того наблюдалъ и трудился. Избалованный поэтъ, такъ недавно еще говорившій своимъ друзьямъ: «не дѣлай самъ того, что можешь передать другому, не трудись надъ тѣмъ сегодня, что можно сдѣлать завтра», позабылъ свою эпикурейскую беззаботность. Онъ читалъ протоколы старыхъ засѣданій и изданія старыхъ парламентскихъ рѣчей, дѣятельно просматривалъ кипы дѣлъ, стоявшихъ на очереди, вслушивался въ каждую рѣчь своихъ друзей и противниковъ, исправлялъ свой слогъ, знакомился съ парламентскими обычаями, какъ полководецъ знакомится съ планомъ боевой мѣстности. Уже во время сессіи 1781 года явились плоды такой дѣятельности: рѣчь, сказанная Шериданомъ по поводу мѣръ, принятыхъ правительствомъ для укрощенія католическихъ возмущеній въ Ирландіи, заслужила общее одобреніе. Въ ней не имѣлось тѣни прежняго цвѣтистаго слога, болѣе годнаго для театральныхъ монологовъ, нежели для государственныхъ преній. Въ то же время знакомство Шеридана съ теченіемъ дѣлъ самого разнообразнаго содержанія привлекло на него особенное вниманіе палаты, а когда въ 1782 году министерство лорда Нортса рушилось, маркизъ Рокингемъ, глава новаго кабинета, счелъ долгомъ назначить автора «Школы Злословія» однимъ изъ младшихъ статсъ-секретарей своего министерства. Къ сожалѣнію, скорая кончина лорда Рокингема помѣшала Шеридану освоиться съ дѣлами и пріобрѣсти ту практичность направленія, которая пріобрѣтается только годами административныхъ занятій. Лордъ Шельбурнъ, преемникъ покойнаго министра, былъ причиною удаленія отъ дѣлъ всей фоксовой партіи, въ томъ числѣ Борка и Шеридана.

Пока лучшіе ораторы и государственные мужи тогдашней Англіи тратили время на политическія интриги и взаимныя несогласія, новая звѣзда первой величины загорѣлась на парламентскомъ горизонтѣ. На скамьяхъ министерства помѣстился мальчикъ едва достигшій совершеннолѣтія, мальчикъ съ наружностью мальчика, стройный, тоненькій, съ быстрыми глазами и носомъ, вздернутымъ кверху. Не смотря на юношескую наружность, въ этомъ дивномъ человѣкѣ, осужденномъ судьбою на одну изъ величайшихъ ролей въ жизненной комедіи, не было ничего юношескаго. Онъ говорилъ какъ старикъ, никогда не увлекаясь и не гоняясь за эффектомъ, онъ зналъ ходъ дѣлъ, какъ чиновникъ, посѣдѣвшій въ работѣ и переживлій двадцать первыхъ министровъ; тѣмъ не менѣе онъ принадлежалъ къ числу величайшихъ ораторовъ всѣхъ временъ и народовъ. То былъ министръ и ораторъ чисто великобританскій,

смѣлый, практическій, упорный и неодолимый; министръ способный десятки лѣтъ поддерживать всемірную войну съ врагомъ своей родины; ораторъ, умѣвшій говорить цѣлыя ночи передъ толпами ожесточенныхъ недруговъ и побѣждать весь легіонъ соперниковъ однимъ сухимъ изложеніемъ фактовъ, одними холодными, но неотразимыми силлогизмами. Имя молодого человѣка было Вилліамъ Питтъ, «имя не безъизвѣстное въ исторіи». Питтъ, начавшій свое поприще въ фалангѣ Фокса, Борка и Шеридана, былъ равно ненавистенъ всѣмъ членамъ этой фаланги. Фоксъ и его друзья, «поэты политики», сознавали все превосходство геніальнаго юноши, но покориться этому превосходству не соглашались. Все питало раздоръ между несогласными: и раннее возвышеніе Питта, и сухость его краснорѣчія, и величавое пренебреженіе юнаго оратора ко всѣмъ ухищреніямъ пламеннаго витійства. Борьба долгая и непримиримая готовилась вспыхнуть каждую минуту.

Вилліамъ Питтъ, со своей всегдашней готовностью идти впередъ и впередъ, первый вызвалъ столкновеніе и столкновеніе личное. Въ преніяхъ по поводу адреса, Шериданъ, уже свыкшійся съ парламентскими манерами, зацѣпилъ, и весьма удачно, одного изъ Питтовыхъ товарищей, когда-то вопіявшаго противъ мира съ Сѣверо-Американскими Штатами, а въ теченіе настоящаго засѣданія признававшаго этотъ миръ необходимымъ и благотворнымъ. Чудная иронія, за которую впослѣдствіи поэтъ-ораторъ столько прославился, здѣсь въ первый разъ пущена была въ дѣло. Ѣдкая рѣчь Фоксова друга часто прерывалась взрывами общаго, неподдѣльнаго хохота. Вилліамъ Питтъ, терпѣливо выждавъ заключенія, всталъ съ своего мѣста и, по своему обыкновенію, не измѣняясь въ лицѣ, не измѣняя своему всегдашнему спокойствію, отозвался очень дурно о всѣхъ членахъ, говорившихъ противъ адреса, противъ мира, противъ фактовъ совершившихся. Было что-то странное въ этой безстрастной рѣчи, произнесенной ребенкомъ-министромъ, устремленной противъ цѣлой толпы первоклассныхъ, взросшихъ въ парламентѣ, состарѣвшихся въ парламентѣ ораторовъ. Когда дѣло дошло до Шеридана, легкая улыбка мелькнула на тонкихъ устахъ геніальнаго юноши. «Никто болѣе меня — произнесъ Питтъ — никто болѣе меня не уважаетъ таланта почтеннаго члена, никто не цѣнитъ такъ, какъ я, его оригинальныхъ мыслей, его блестящей фантазіи, его драматическихъ оборотовъ, наконецъ той эпиграмматической силы, которою онъ приправляетъ свои изреченія. Нѣтъ сомнѣнія, что *на сценѣ, имъ болѣе достойной*, всѣ эти совершенства окажутся вполнѣ достойными другихъ произве-

денiй почтеннаго члена — произведенiй, столько разъ вызывавшихъ единодушные апплодисменты многочисленной публики. Но смѣю замѣтить только одно: зала, гдѣ мы находимся, едвали можетъ назваться сценою, пригодною для всѣхъ совершенствъ, мною указанныхъ».

Шериданъ, пораженный въ самое сердце, однако, не смутился, какъ то было два года назадъ, при дерзкомъ нападенiи менѣе блистательнаго соперника. Выждавъ время и встрѣтивъ глаза спикера, по установленному церемонiалу, нашъ драматургъ, посреди глубокаго молчанiя, произнесъ нѣсколько словъ по части общаго вопроса и уже послѣ этихъ словъ обратился къ сторонѣ Питта. «Личности, позволенныя себѣ на мой счетъ почтеннымъ членомъ, я считаю долгомъ оставить безъ особливыхъ комментарiевъ: ихъ приличiе, вѣжливость и изящество безъ сомнѣнiя уже оцѣнены палатою по достоинству. Смѣю увѣрить достопочтеннаго члена, что и всѣ другiя аллюзiи въ томъ же родѣ будутъ мною приняты, какъ нельзя спокойнѣе. Панегирикъ, произнесенный почтеннымъ членомъ по поводу моего таланта, льститъ моему самолюбiю. И если я когда нибудь снова примусь за родъ дѣятельности, о которой ему угодно было распространиться, то первымъ моимъ трудомъ будетъ добавленiе нѣсколькихъ характеристическихъ особенностей къ изображенiю лучшаго изъ персонажей Джонсоновой комедiи: «Алхимикъ», именно *Кестриля* *), *Сердитаго Мальчишки*».

Этотъ ловкiй, блистательный отвѣтъ, въ свое время повергнувшiй весь Лондонъ въ восхищенiе, послужилъ началомъ многихъ другихъ парламентскихъ вспышекъ, въ которыхъ, однакоже, должно замѣтить съ удовольствiемъ, Питтъ и Шериданъ принимали мало участiя. Будущiй первый министръ, одаренный свѣтлымъ взглядомъ, самъ хорошо сознавалъ несправедливость своего упрека, а поэтъ «Школы Злословiя», поддержавши должнымъ образомъ званiе литератора, не считалъ долгомъ особенно злиться за выходку, оказанную при спорѣ и отчасти заслуженную его собственными, ироническими выходками. Мало того, когда Вилльямъ Питтъ, по должности канцлера Шахматной Доски, представилъ палатѣ превосходный проектъ налоговъ, современемъ принесшiй несчетную пользу финансамъ государства, Шериданъ нападалъ только на незначительныя частности проекта, всячески уклоняясь отъ спора съ уважаемымъ противникомъ. Еслибъ другiе члены партiи виговъ дѣлали то же, результатъ общаго соглашенiя оказался бы превос-

*) Kastrille значитъ трещотка, особый родъ очень крикливыхъ ястребовъ.

ходнымъ для Фокса и его партіи, но соперничество съ «Сердитымъ Мальчишкою» увлекло недавнихъ министровъ въ цѣлый рядъ промаховъ, потерь и несообразностей, за которыми послѣдовало окончательное министерство Вилліама Питта — министерство бурь, славы, великихъ опасностей и великихъ дѣлъ всякаго рода.

XII.

Первые годы питтова управленія. — Спокойствіе споровъ. — Вопросъ о Варренъ Гестингсѣ. — Біографическій очеркъ этого правителя. — Ужасы въ Остъ-Индіи. — Нункомеръ, Рогилькондъ, Азафъ-уль-Довла. — Дирекція остъ-индской компаніи. — Лихоимство и жадность. — Мистриссъ Гестингсъ. — Возвращеніе Гестингса въ Англію. — Волненіе общественнаго мнѣнія. — Комитетъ Нижней Палаты. — Эдмондъ Боркъ. — Докладъ комитета. — Первая неудача Шеридана. — Питтъ подаетъ голосъ противъ Гестингса. — Арестъ и назначеніе Верховнаго Судилища.

Твердою рукою ухвативши бразды правленія, Питтъ въ короткое время возстановилъ государственные финансы, и упрочивъ спокойствіе во всѣхъ великобританскихъ владѣніяхъ, окружилъ свое министерство неодолимыми массами единомышленниковъ. Онъ не подкупалъ диссидентовъ подобно Вальполю, не очаровывалъ приближенныхъ лицъ своею любезностью, по примѣру лорда Нортса, но въ замѣнъ того сдѣлалъ себя необходимымъ для своего государя и своей націи. Непреклонная воля министра-юноши, его практичность, его талантъ къ управленію были признаны самими противниками, а ряды противниковъ съ каждымъ годомъ рѣдѣли. Подобно всѣмъ великимъ людямъ, Вилліамъ Питтъ умѣлъ передѣлывать цѣлыя массы людей на свой образецъ: обѣ палаты прежде всего подвергнулись этому неотразимому вліянію генія. Любители политическихъ бурь и скандаловъ, столько лѣтъ ѣздившіе въ палату коммонеровъ какъ въ театръ, скоро примѣтили въ ея тонѣ радикальную перемѣну. Пренія стали сухи и коротки: министръ не любилъ витіеватыхъ разглагольствованій. Личныя ошибки между членами, вѣчный источникъ занимательности засѣданій вышли изъ моды: ни Питтъ, ни его товарищи не любили спорить. Пора пламенныхъ диѳирамбовъ также прошла: никакой диѳирамбъ не въ силахъ былъ разрушить непобѣдимаго большинства, сомкнутаго вокругъ молодого правителя. Фоксъ пропускалъ десятки засѣданій, не пріѣзжая въ палату. Эдмондъ Боркъ молчалъ, въ душѣ своей все болѣе и болѣе сближаясь съ Питтомъ; Шериданъ начиналъ дремать на своемъ мѣстѣ, почти такъ же, какъ дремалъ онъ при окончаніи своего политическаго поприща. Самъ принцъ Валлійскій, наслѣдникъ престола и другъ только-что названныхъ нами орато-

ровъ, не смотря на все свое нерасположеніе къ Питту (впослѣдствіи смѣненное дружбой и уваженіемъ), высказывалъ свое неудовольствіе не въ палатѣ, а на однихъ только вечернихъ пирахъ въ своемъ Карлтонъ-Гоузѣ. Въ это самое время политическаго спокойствія произошелъ цѣлый рядъ событій, снова открывшій широкое поле дѣятельности для лучшихъ великобританскихъ ораторовъ. Въ 1786 году Эдмондъ Боркъ, по званію предсѣдателя комитета, назначеннаго для разсмотрѣнія злоупотребленій остъ-индской администраціи, представилъ нижней палатѣ свой докладъ о беззаконныхъ поступкахъ бывшаго генералъ-губернатора Западной Индіи, знаменитаго въ исторіи *Варренъ Гестингса.* Плодомъ долгаго разсмотрѣнія безчисленныхъ матеріаловъ, документовъ pro и contra, результатомъ труда тяжкаго и добросовѣстнаго; труда, совершеннаго однимъ изъ величайшихъ людей тогдашней Европы, вышелъ строй выводовъ, которыми Гестингсъ обвинялся въ грабительствѣ, безполезномъ пролитіи британской крови посреди войнъ, предпринятыхъ съ корыстною цѣлію, и наконецъ въ нарушеніи всѣхъ, какъ божескихъ, такъ и человѣческихъ законовъ во время сношеній съ индѣйскими владѣтелями. О каждомъ изъ этихъ пунктовъ мы сейчасъ будемъ говорить въ подробности, теперь же считаемъ небезполезнымъ разсказать въ краткихъ словахъ исторію самого Гестингса и причинъ, обратившихъ на него торжественное обвиненіе нижней палаты.

Варренъ Гестингсъ, потомокъ знаменитой, но обѣднѣвшей фамиліи, родился 6 декабря 1732 года. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ любилъ слушать разсказы о блистательной жизни своихъ предковъ и глядѣть на земли, имъ принадлежавшія. Воспитаніе получилъ онъ въ вестминстерской школѣ, но, по бѣдности и небрежности своихъ родственниковъ, не имѣлъ средствъ кончить курсъ въ университетѣ. Отправленный въ Индію этими родными, искавшими средствъ отдѣлаться отъ него, молодой человѣкъ получилъ въ Калькуттѣ скромное мѣсто писца, послужившее началомъ его дальнѣйшихъ успѣховъ. Замѣтивъ способности юноши, начальство стало давать ему порученія по сношеніямъ съ туземцами; порученія, постоянно выполняемыя съ отличіемъ. Лордъ Клейвъ, ранѣе всѣхъ примѣтившій дипломатическія дарованія Гестингса, сдѣлалъ его резидентомъ при особѣ одного изъ принцовъ, подвластныхъ компаніи: въ этой-то школѣ вполнѣ развились дарованія бывшаго конторщика. Въ 1769 году Гестингсъ получилъ мѣсто члена въ комитетѣ мадрасскихъ правителей, а еще черезъ три года уже управлялъ бенгальскою провинціею, самою разстроенною и бѣдною изо всѣхъ британ-

скихъ владѣній въ Индіи. Занимая эту послѣднюю должность, Гестингсъ, за одно съ многими полезными дѣлами, совершилъ самое черное изъ преступленій, когда либо совершенныхъ европейцами въ необразованномъ краѣ: для того, чтобъ выслать компаніи какъ можно болѣе денегъ, онъ продалъ одному изъ самыхъ свирѣпыхъ туземныхъ властителей цѣлое независимое племя Рогильконское, и, получивъ условленную плату, безъ всякаго предлога къ войнѣ, завоевалъ англійскими солдатами всю несчастную область, а затѣмъ передалъ ее во власть безсовѣстнаго хищника.

Между тѣмъ, во время министерства лорда Нортса, изданъ былъ билль, которымъ губернатору бенгальскому вручалась главная власть надъ всѣми остъ-индскими владѣніями Великобританіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначались члены-помощники новому генералъ-губернатору. Гестингсъ не поладилъ съ большинствомъ новыхъ членовъ, съ своей стороны прилагавшимъ всѣ средства къ низложенію властителя, который дѣлалъ все самъ и, несмотря на свои недостатки, былъ любимъ народомъ. Одинъ изъ знатнѣйшихъ туземцовъ, Нункомаръ по имени, давно уже считавшійся заклятымъ врагомъ Гестингса, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ планамъ большинства правителей, поминутно взводя на генералъ-губернатора множество справедливыхъ и несправедливыхъ обвиненій. Участь Гестингса висѣла на волоскѣ, между тѣмъ какъ дѣла правленія, въ силу ежедневныхъ несогласій, шли все хуже и хуже. Но Варренъ Гестингсъ принадлежалъ къ разряду людей, которыхъ страшно доводить до отчаянія; сверхъ того на его сторонѣ находился главный судья провинціи, Илья Импи—лицо, способное на всѣ преступленія и по своему мѣсту не подлежащее контролю комитета правителей. Такого-то человѣка и нужно было Гестингсу. Въ то самое время, когда весь городъ считалъ генералъ-губернатора человѣкомъ погибшимъ, надъ главнымъ изъ его обвинителей разразилось мщеніе самое быстрое. Доносчикъ Нункомаръ, схваченный по предписанію главнаго судьи и обвиненный въ какомъ-то неважномъ преступленіи, былъ запертъ въ темницу, осужденъ и повѣшенъ передъ народомъ, несмотря на свой санъ брамина, несмотря на безсильное бѣшенство членовъ-противниковъ Гестингса. Народъ, присутствовавшій при казни толпами, бросился въ священныя воды, торопясь омыться — такъ поразила его гибель брамина. Вся область наполнилась ужасомъ. Ни одинъ туземецъ не смѣлъ и подумать о новомъ доносѣ; члены правленія, увидавши наконецъ, какого человѣка они раздразнили, понявъ свое одиночество, присмирѣли навремя. Гестингсъ спокойно подалъ въ отставку, но смерть одного изъ чле-

новъ быстро перемѣнила всѣ его планы. Товарищей осталось только двое; изъ нихъ одинъ всегда подавалъ свой голосъ съ генералъ-губернаторомъ. Прежнее большинство сокрушилось.

Конечно, въ Лондонъ, до директоровъ компаніи, не однажды доходили слухи о несогласіяхъ въ Бенгаліи, о злоупотребленіяхъ Гестингса; но никто и не думалъ смѣнять генералъ-губернатора, своей желѣзной рукой державшаго въ порядкѣ безпокойныя дотолѣ области, а главное, возвысившаго доходы съ управляемаго имъ края — заслуга, за которую англичанинъ, какъ извѣстно, готовъ глядѣть зажмуря глаза на всѣ злоупотребленія. Сверхъ того война кипѣла повсюду. Франція, Испанія и Голландія грозили британскимъ владѣніямъ съ моря и суши. Французскіе эмиссары вездѣ воздвигали воинственныя области Индіи; французскія войска собирались въ Пондишери и окрестныхъ областяхъ; грозныя племена маратговъ открыто вручали свои полки командѣ французскихъ офицеровъ и дѣлали приготовленія къ походу. Въ эту тревожную эпоху Варренъ Гестингсъ сдѣлался лицомъ необходимымъ: какъ военный организаторъ и составитель энергическихъ плановъ, онъ заслужилъ удивленіе своихъ неразборчивыхъ современниковъ. Не выжидая непріязненныхъ движеній непріятеля, онъ повсюду нанесъ первые удары. Передъ бывшимъ писаремъ компаніи все упало и разступилось: цѣлыя области завоевывались въ недѣлю; города, населенные десятками тысячъ дикихъ бойцовъ, сдавались безпрекословно, Пондишери былъ взятъ, французскіе отряды разсѣяны, французскія колоніи отняты. «Каковы бы ни были слабости Гестингса — говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ писателей — но всякій англичанинъ, цѣнящій могущество своей родины, долженъ признать его однимъ изъ спасителей этого могущества». Наконецъ извѣстный Гайдеръ-Али, «Лудовикъ XI южной Индіи», самый страшный врагъ великобританскаго владычества, послѣ тяжкой борьбы, призналъ невозможность воевать съ Гестингсомъ. Кто изъ директоровъ компаніи кто даже изъ кабинетъ-министровъ Англіи осмѣлился бы въ такую пору думать объ изслѣдованіи злоупотребленій, произведенныхъ побѣдоноснымъ генералъ-губернаторомъ?

Едва минула опасность и войны прекратились, Гестингсъ увидѣлъ передъ собой новыя затрудненія, очевидное послѣдствіе войнъ — затрудненія финансовыя. Жадная дирекція остъ-индской компаніи, такъ недавно страшившаяся лишиться всего своего фонда, въ первый же годъ спокойствія начала громко требовать обычнаго дивидента. Доходы уже давно казались ей малыми, нужно было подумать объ увеличеніи доходовъ. Дефицитъ, произведенный тяж-

кими издержками тяжкой борьбы, казался дирекціи дѣломъ маловажнымъ. Директорамъ даже не входила въ голову мысль о томъ, что бенгальская провинція давно уже едва пробавлялась своими собственными средствами, не имѣя средствъ отдѣлять отъ нихъ ровно ничего. Въ воображеніи купцовъ Лиденголль-Стрита, Индія играла роль вѣчнаго Эльдорадо съ пагодами на каждомъ шагу, съ бриллiантами и золотыми розсыпями. Денегъ, денегъ и денегъ! говорила дирекція Гестингсу. И Гестингсъ снова рѣшился достать денегъ по извѣстному уже способу. Шейтъ-Сингъ, раджа бенаресскій, считался очень богатымъ властелиномъ: его начали сперва обирать понемногу, потомъ, придравшись къ первому предлогу, выгнали окончательно, а земли его присоединили къ областямъ компанейскимъ. Къ сожалѣнію Шейтъ-Сингъ оказался гораздо бѣднѣе, нежели думалъ генералъ-губернаторъ, а потому, для пополненія дефицита и дивидендовъ, слѣдовало ограбить еще кого нибудь, побогаче.

У набоба люкновскаго Азафа-уль-Довла (сына того самаго раджи, которому былъ проданъ округъ Рогилькондскій) имѣлась мать и бабушка, когда-то получившія въ наслѣдство сокровища Азафова родителя, великаго мастера по части ограбленія своихъ сосѣдей и копленія добычи. Набобъ люкновскій бралъ иногда деньги у своей матери, то съ помощью ласки, то просто силою; и эта женщина, желая защитить себя отъ сыновнихъ притѣсненій, обратилась къ британскому правительству. Британское правительство, въ лицѣ Гестингса, сочло долгомъ вступиться за несчастную вдову. Оно убѣдило Азафа не тревожить матери съ бабушкой, а потомъ, для приличія пропустивъ нѣсколько времени, согласилось съ тѣмъ же набобомъ Азафомъ обобрать обѣихъ старухъ дочиста, затѣмъ вѣроятно, чтобъ положить предѣлъ всякому дальнѣйшему несогласію между кровными. Маленькое возмущеніе, вспыхнувшее было во владѣніяхъ набоба, послужило предлогомъ совершенно достаточнымъ; впрочемъ, у Гестингса никогда не имѣлось недостатка въ предлогахъ для войны и оттяганія чужой собственности. Возмущеніе приписали проискамъ обѣихъ Бегумъ (т. е. принцессъ владѣтельной фамиліи). Земли ихъ заняты были англійскими войсками, дворцы наполнились сыщиками, самихъ старухъ посадили подъ караулъ въ отдаленные покои. Два старые евнуха, издавна распоряжавшіеся всѣмъ хозяйствомъ и всѣми дворцовыми дѣлами, выдержали пытку и заточеніе, не выдавая сокровищъ. Тогда Гестингсъ приказалъ приняться за самихъ хозяекъ. Около полутора милліона фунтовъ стерлинговъ поступило въ кассу дирекціи; самъ генералъ-губерна-

торъ, по своему обыкновенію, не взялъ собственно себѣ ни одной рупіи.

Какъ ни былъ золъ и безпутенъ Азафъ, сынъ и внукъ обиженныхъ женщинъ, но при извѣстіи о всѣхъ ужасахъ, произведенныхъ англичанами въ жилищѣ принцессъ его фамиліи, сердце набоба не выдержало. Народъ отступился отъ него съ ужасомъ. Жадность иноземцевъ, беззаконно мучившихъ индіанокъ высшей касты, иноземцевъ, безсовѣстно попиравшихъ всѣ постановленія религіи, воспрещавшей чужимъ людямъ входить въ дома знатныхъ женщинъ, превзошла мѣру всякаго терпѣнія. Самъ испугавшись своего дѣла, набобъ сталъ письменно умолять Гестингса о прекращеніи суда надъ его родственницами; генералъ-губернаторъ велѣлъ сказать набобу, что если онъ будетъ продолжать дурачиться, то его самого выгонятъ вонъ изъ Люкнова. Главный судья, уже извѣстный намъ Импи, самъ прибылъ къ заключеннымъ старухамъ и произвелъ слѣдствіе по обвиненію въ возмущеніи; слѣдствіе, изъ котораго подсудимые ровно ничего не поняли, не понимая по англійски. Но Гестингсъ, захвативъ всѣ деньги принцессъ, счелъ долгомъ прекратить дальнѣйшія дѣйствія по суду. Старухъ выпустили изъ заключенія, евнухамъ тоже дали свободу.

Ограбленіе родственницъ Азафа могло назваться однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ Варренъ Гестингса по бенгальскому управленію. На родинѣ уже готовилась буря и буря великая. Беззаконныя дѣла судьи Импи дошли до министерства, и бездѣльника отозвали въ Англію. Эдмонду Борку нижняя палата поручила заняться разсмотрѣніемъ жалобъ по рогилькондскому дѣлу, къ этимъ дѣламъ присовокупились новыя, относительно Гестингсова поступка съ родственницами набоба люкновскаго. Дондесъ, извѣстный членъ палаты, предложилъ министрамъ требовать отъ остъ-индской компаніи отозванія Гестингса. Министры сами желали того же. Но компанія, ссылаясь на основныя права и привиллегіи, рѣшительно отказалась разстаться съ своимъ генералъ-губернаторомъ.

До 1785 года Варренъ Гестингсъ оставался на своемъ посту, но тутъ вліяніе любимой женщины сдѣлало то, чего не могли совершить усилія враговъ губернатора въ дирекціи компаніи, въ палатахъ и въ министерствѣ. Жена Гестингса занемогла и, по приказанію врачей, выѣхала въ Европу на кораблѣ, нарочно для нея отдѣланномъ и снаряженномъ. Эта женщина причинила мужу болѣе вреда, нежели всѣ его свирѣпства въ Люкновѣ и Рокилькондѣ. Она брала взятки безъ вѣдома мужа, никогда не лихоим-

ствовавшаго для себя собственно. Она любила необузданную роскошь и будто хвасталась своимъ неправедно добытымъ богатствомъ. Ея бракъ съ Гестингсомъ, совершенный при жизни перваго мужа, нѣмецкаго барона Имгоффа, и съ согласія самого барона, пятналъ частную жизнь генералъ-губернатора. Верренъ Гестингсъ любилъ свою «изящную Маріанну» со всей страстью, на какую только бываютъ способны энергическія натуры, подобныя его собственной; разставшись съ женой, онъ *соскучился* въ Индіи. Таковы были дѣла этого страннаго человѣка, что извѣстіе о его скоромъ отъѣздѣ въ Европу взволновало всѣ сосѣдственныя области. Толпы европейцовъ и туземцовъ бросались къ дворцу генералъ-губернатора, подносили адресы, умоляли его пожить съ ними хотя еще годъ. Этотъ взрывъ популярности одинъ могъ бы оправдать Гестингса въ глазахъ его недруговъ; но правитель не хотѣлъ имъ пользоваться. Онъ остался непреклоннымъ и сталъ приготовляться въ дорогу. День его отъѣзда былъ днемъ необыкновеннымъ для всей Калькутты. Народъ массою провожалъ бывшаго генералъ-губернатора, предаваясь всѣмъ порывамъ горести, на какія только способенъ человѣкъ тѣхъ краевъ. Несмѣтное множество лодокъ, наполненныхъ европейцами и индѣйцами, окружило корабль, назначенный для Гестингса. Англійскія войска, выстроенныя на набережной, выказывали признаки живѣйшей горести; индѣйскіе и мусульманскіе воины въ послѣдній разъ громкими криками привѣтствовали своего великаго Сагибъ-Верранъ Остана.

Въ наше время, благодаря цѣлому ряду превосходныхъ сочиненій о жизни и процессѣ Гестингса, эта общая любовь къ нему понятна какъ нельзя болѣе. Индѣйскія племена, привычныя къ грабежамъ и жадности англичанъ, не возмущались лихоимствомъ, которое казалось имъ дѣломъ уже обычнымъ, Гестингсъ спасъ подвѣдомственныя ему области отъ французовъ и туземныхъ тирановъ, союзныхъ съ французами. Расширивъ британскія владѣнія въ Индіи, онъ имѣлъ средство облегчить подати старыхъ подданныхъ и разложить ихъ на массу всѣхъ владѣній, прежнихъ и новыхъ. Онъ грабилъ сосѣднихъ набобовъ, продавалъ цѣлыя племена другимъ набобамъ; но всѣ эти вопіющія дѣла совершались за предѣлами странъ, ввѣренныхъ его управленію. Подобно Наполеону, онъ обогатилъ свои области добычею съ областей чужестранныхъ. По внутреннему управленію онъ былъ строгъ и довольно справедливъ. Онъ зналъ восточные языки и умѣлъ блеснуть роскошью, вещь весьма важная въ Индіи. Мы видѣли, какъ во время для

себя опасное онъ казнилъ перваго изъ браминовъ, но подобные случаи происходили рѣдко. Гестингсъ давилъ туземцовъ безжалостно, но щадилъ ихъ предразсудки и за то пользовался ихъ безграничною преданностью. Наконецъ, что всего важнѣе, онъ умѣлъ быть страшнымъ и, благодаря своей энергіи, совершенно уничтожилъ самую тѣнь смутъ, грабежей и междоусобій, до его прибытія въ Индію волновавшихъ каждую провинцію, подвѣдомственную компаніи.

Такъ смотрятъ на Варренъ Гестингса лучшіе историки нашего времени, но въ 1785 году большая часть нынѣ дознанныхъ фактовъ оставалась во мракѣ. Все неправедное и свирѣпое въ поведеніи бывшаго генералъ-губернатора дошло до лондонскихъ жителей, въ ту пору знавшихъ объ Индіи менѣе, чѣмъ въ наше время всякій порядочный школьникъ знаетъ о Китаѣ. Мнѣнія людей, имѣвшихъ политическое вліяніе на дѣла Великобританіи, раздѣлялись такимъ образомъ: одна часть министровъ и членовъ палаты считала Гестингса нарушителемъ всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ; между тѣмъ какъ другая, гораздо многочисленнѣйшая, смотрѣла на преступленія, имъ совершенныя, съ снисходительностью испанцевъ временъ Кортеса или Пизарро. Дирекція остъиндской компаніи и огромная масса капиталистовъ, причастная ея выгодамъ, грудью стояла за Гестингса, не высказывая, однако же, того простого факта, что основная причина злодѣйствъ, совершенныхъ въ Индіи, имѣла причиною ничто иное, какъ непомѣрную жадность самой дирекціи. Успѣхи мистриссъ Гестингсъ въ высшемъ обществѣ Лондона, подарки, разсыпаемые сю повсюду, наконецъ совершенная холодность, спокойствіе, съ которыми держалъ себя самъ Варренъ Гестингсъ, по прибытіи своемъ на родину, еще болѣе содѣйствовали распространенію добрыхъ мнѣній о бывшемъ генералъ-губернаторѣ Остъ-Индіи. Его заслуги и добродѣтели поминутно превозносились въ палатахъ; король, уступая настояніямъ многихъ приближенныхъ лицъ, готовился возвести Гестингса въ званіе лорда Дэйльсфордскаго *); свѣтъ, всегда готовый переходить изъ крайности въ крайность, замѣнилъ всѣ прежніе толки въ филантропическомъ вкусѣ открытою снисходительностью къ особѣ Гестингса. О его женѣ и брилліантахъ, имъ привезенныхъ, стали говорить болѣе, нежели о Рогильkондѣ и ограбленіи семейства на-

---

*) Гестингсъ, прибывъ въ Англію, поспѣшилъ купить помѣстье Дэйльсфордъ, принадлежавшее его предкамъ, то самое помѣстье, о которомъ онъ мечталъ, еще будучи дитятей.

боба люкновскаго. Изъ прежнихъ черныхъ тучъ, висѣвшихъ надъ Гестингсомъ, оставалась только одна, повидимому самая нестрашная, именно: комитетъ, уже нѣсколько лѣтъ какъ учрежденный при нижней палатѣ для разсмотрѣнія жалобъ, относящихся до администраціи бывшаго генералъ-губернатора. Но и комитетъ молчалъ, молчалъ долго, молчалъ до того, что одинъ разъ въ палатѣ нѣкій майоръ Скоттъ, рьяный другъ Гестингса, насмѣшливо пригласилъ членовъ комитета поскорѣе представить свой докладъ, такъ медленно составляемый.

А между тѣмъ въ этой-то медленности и таилось начало грозы. Предсѣдателемъ комитета, какъ мы уже сказали, былъ Эдмондъ Боркъ, человѣкъ тоже «небезъизвѣстный въ исторіи». Онъ-то, обуздавши торопливость своихъ сочленовъ по комитету, первый началъ изучать дѣло Гестингса съ терпѣніемъ ученаго, съ зоркостью государственнаго мужа. Зная Индію болѣе, нежели ее знали люди, прослужившіе тамъ часть жизни, Боркъ не уклонился отъ пополненія своихъ громадныхъ свѣдѣній всѣми данными учеными, историческими и литературными, данными, которыя только могли попасть въ его распоряженіе. Поэтическая и здраво поэтическая натура британскаго Демосѳена вполнѣ высказалась въ его воззрѣніи на дѣла Гестингса. Вся Индія съ ея могучей природою и живописными племенами, возникла передъ великимъ человѣкомъ; на отношенія ея къ Великобританіи онъ взглянулъ не глазами корыстолюбиваго британца, но окомъ современнаго, благого правителя. Боркъ оцѣнилъ всѣ заблужденія своихъ соотечественниковъ, всѣ ихъ ошибки по поводу управленія краемъ, имъ подвластнымъ. Онъ понялъ, что для оцѣнки дѣла палатою, необходимо сперва ввести палату въ тотъ міръ, который передъ нимъ раскрывался. Проекты его докладовъ могли назваться поученіемъ для всѣхъ будущихъ правителей Индіи. Оттого главный докладъ составлялся медленно, а о важности доклада даже не помышляла палата, такъ нетерпѣливо его ожидавшая.

Здѣсь не мѣсто входить въ изображеніе достоинствъ Эдмонда Борка какъ политика, оратора, государственнаго человѣка и писателя. Европа заплатила уже дань удивленія этому человѣку, про котораго Джонсонъ въ послѣдніе годы своей жизни, выразился такъ:

«Боркъ выше Фокса и своихъ теперешнихъ товарищей: они будутъ блистать, но онъ удивитъ собою вселенную.»

И голосъ всѣхъ европейцовъ, безъ различія партій, голосъ всѣхъ послѣдующихъ поколѣній подтвердилъ приговоръ суроваго

лексикографа. Эдмондъ Боркъ, рѣчами и перомъ сдѣлалъ для свѣта то, что Питтъ произвелъ годами правленія; Боркъ первый провозгласилъ нещадную войну съ революціонной Франціей; Боркъ приготовилъ свое отечество къ борьбѣ съ Наполеономъ, постоянно требуя союза и дружбы съ нашей Россіей; Боркъ оставилъ сочиненія, въ которыхъ событія нашихъ отдаленныхъ годовъ представлены почти съ пророческою ясностью. При началѣ Гестингсова процесса, предсѣдатель комитета о дѣлахъ Гестингса еще не разрывалъ своей связи съ друзьями Фокса, еще не совершилъ самыхъ великихъ дѣлъ своей жизни, но уже пользовался знаменитостью во всемъ государствѣ. Его мнѣнія объ индѣйскомъ генералъ-губернаторѣ ждало все правительство; мнѣніе Борка имѣло довольно силы, чтобъ увлечь половину Англіи.

Теперь, послѣ долгаго, но необходимаго для читателей отступленія, мы поспѣшаемъ вернуться къ начатому въ началѣ настоящей главы. Было уже сказано, что въ апрѣлѣ 1786 года, комитетъ, предсѣдательствуемый Боркомъ, подалъ свой главный докладъ, обвинявшій Гестингса въ лихоимствѣ, несправедливыхъ войнахъ и нарушеніи законовъ. За общимъ выводомъ послѣдовали обвиненія по пунктамъ, и первымъ изъ нихъ поставлена была беззаконная война съ Рогилькондомъ. Согласно парламентскимъ постановленіямъ, палата имѣла подавать голоса вслѣдъ за изложеніемъ каждаго пункта и послѣ защиты Гестингса. Питтъ подалъ свой голосъ за генералъ-губернатора; по первому и самому тяжкому обвиненію, Варренъ Гестингсъ былъ оправданъ. Но оставалось еще девятнадцать пунктовъ обвиненія.

Мнѣніе Эдмонда Борка, высказанное въ превосходномъ докладѣ и подкрѣпленное рѣчью о рогилькондской войнѣ, врѣзалось въ умы членовъ парламента. Самъ Питтъ поколебался и, какъ мы скоро увидимъ, пламенное краснорѣчіе обвинителя подѣйствовало на послѣдующія воззрѣнія перваго министра. Боркъ не умѣлъ обвинять въ половину: по его убѣжденію, Гестингсъ, позоръ рода человѣческаго, стоялъ на ряду съ ворами и смертоубійцами; знаменитый гонитель бывшаго генералъ-губернатора, пламенѣя мщеніемъ, призывая казнь небесъ на голову преступника, громилъ его, не думая обуздывать своего благороднаго гнѣва. Съ тѣхъ поръ много говорили историки въ защиту или въ обвиненіе Борковой ярости, но намъ кажется, что дѣло само по себѣ не требуетъ ни защиты, ни обвиненія. По смыслу своего порученія, Боркъ, съ его дарованіемъ и сердцемъ, не могъ дѣйствовать иначе. Питтъ могъ оправдывать Гестингса, имѣя въ виду его несомнѣнныя за-

слуги; дирекція компаніи стояла за обвиненнаго, зная, что она сама вынудила большую часть его преступленій; но Эдмонду Борку, какъ предсѣдателю комитета, вовсе не было дѣла ни до заслугъ Гестингса, ни до жадности остъ-индскихъ директоровъ, ни даже до значенія Гестингса въ политическихъ дѣлахъ послѣдняго времени. Палата дала вопросъ Борку: «виноватъ ли бывшій генералъ-губернаторъ Остъ-Индіи въ грабительствѣ и кровопролитіи?» а онъ, изучивши вопросъ, далъ на него свой отвѣтъ, не стѣсняясь посторонними соображеніями. Другія лица могли наказать Гестингса, или почтить его или уничтожить обвиненіе, въ силу какихъ бы то ни было обстоятельствъ, но предсѣдатель слѣдственнаго комитета могъ только отвѣчать на вопросъ — и ничего болѣе. Мало того, Боркъ имѣлъ полное право называть Гестингса позоромъ рода человѣческаго, почти не имѣя возможности сказать слова въ облегченіе своихъ обвиненій. Заслуги Гестингса не подлежали вѣдѣнію предсѣдателя комитета, всѣ черныя дѣла бывшаго генералъ-губернатора прямо подходили подъ его разсмотрѣніе.

Варренъ Гестингсъ, узнавъ о счастливомъ исходѣ рогильковдскаго вопроса, началъ считать все дѣло конченнымъ; но онъ не зналъ, отвыкнувши отъ парламентскихъ дѣлъ въ Индіи, что значитъ Эдмондъ Боркъ и мнѣніе безкорыстнаго Эдмонда Борка. На слѣдующія сутки Карлъ Фоксъ, приступивъ ко второму пункту обвиненія (ограбленію Шейтъ-Синга, раджи бенарésскаго), потрясъ палату краснорѣчіемъ, достойнымъ вчерашняго засѣданія. Питтъ всталъ и произнесъ блистательную рѣчь въ защиту Гестингса. Несомнѣнныя его заслуги нашли въ первомъ министрѣ достойнаго излагателя. Питтъ объявилъ, что Великобританія обязана Варренъ Гестингсу сохраненіемъ остъ-индскихъ владѣній. Всякій изъ присутствующихъ ждалъ новой побѣды. Но, при заключеніи своей рѣчи, первый министръ объявилъ, что подаетъ свой голосъ *противъ* Варренъ Гестингса. Палата—разсказываютъ современники — ощутила нѣчто подобное громовому удару. Питтъ, пробравшись между рядами своихъ обомлѣвшихъ помощниковъ, сѣлъ около Вильберфорса *), человѣка извѣстнаго своей честностью и великими частными добродѣтелями.

«По совѣсти моей, сказалъ онъ, я не могу защищать Гестингса. Я не способенъ стоять за дурное дѣло.»

Все министерское большинство, за малымъ исключеніемъ несо-

---

*) Извѣстнаго по своему содѣйствію въ дѣлѣ уничтоженія торговли неграми.

гласныхъ, подало свои голоса, въ нѣмомъ изумленіи, за одно съ своимъ предводителемъ.

Поступокъ Вилліама Питта, подавшій поводъ къ безчисленнымъ толкамъ и обвиненіямъ *), несомнѣнно показывалъ въ первомъ министрѣ душу великую. Питтъ былъ выше своей націи, своихъ корыстолюбивыхъ современниковъ и товарищей. Онъ обладалъ геройскою, рыцарскою честностью; даже самый злѣйшій изъ клеветниковъ сказалъ про него впослѣдствіи: «Питтъ раззорилъ свою родину, не наживши себѣ ни копѣйки.» Къ этому можно было прибавить, что, не наживши ни копѣйки, первый министръ оставилъ свою должность, имѣя на себѣ долги неоплатные. Грабежъ и злоупотребленіе власти онъ преслѣдовалъ всюду, преслѣдовалъ нещадно, безъ устали и снисхожденія. Безчестная и запутанная политика, за которую Великобританія пріобрѣла справедливую ненависть міра, не была политикой Питта. Самъ не желая наградъ, отвергая всѣ титла и пособія, ему предлагаемыя, Питтъ желалъ видѣть повсюду подобное же безкорыстіе. Частная жизнь его отличалась простотою и часто дѣлами добра и милосердія **). Остат-

---

*) Говорили, между прочимъ, что Питтъ завидовалъ популярности Гестингса и его кредиту въ высшемъ обществѣ. Другіе вѣстовщики и даже историки полагали, что, предавая Гестингса въ жертву Борку, Фоксу и Шеридану, министръ желалъ отвлечь этихъ ораторовъ отъ оппозиціи своимъ собственнымъ биллямъ.

**) Долгомъ считаемъ представить читателю, по этому поводу, нѣсколько отрывковъ изъ живописныхъ замѣтокъ извѣстной леди Эсѳирь Стенгопъ, племянницы Питта, до 1806 года занимавшей должность хозяйки въ домѣ министра.

«Надо удивляться добротѣ, нѣжности Питтова сердца. Я одна знаю, до какой степени онъ былъ добръ и внимателенъ ко всѣмъ людямъ, отъ перваго герцога до послѣдняго изъ работниковъ. Когда къ намъ за городъ пріѣзжали гости, онъ придумывалъ что нибудь пріятное для каждаго. Иногда онъ говорилъ мнѣ:

«— Эсѳирь, такой-то проживаетъ у насъ нѣсколько дней. Его рана еще не зажила, онъ промываетъ ее настойкой изъ такой-то травы. Позаботься, чтобъ лекарство это стояло въ его половинѣ.

«О другомъ онъ говорилъ:

«— Кажется, онъ привыкъ пить ослиное молоко по утрамъ; хорошо, еслибъ онъ въ этомъ себѣ у насъ не отказывалъ.

«Для меня было довольно одного намека, всѣ сказанныя желанія больше чѣмъ исполнялись.

«Въ послѣдніе дни своей послѣдней болѣзни, онъ находилъ время думать о своемъ грумѣ съ необыкновенной заботливостью. Четверо изъ его грумовъ умерли чахоткой отъ безпрестанной шибкой ѣзды, соединенной съ простудами и питьемъ, что разрушало ихъ здоровье. Тотъ, о которомъ я начала говорить, посланъ былъ въ Найтбриджъ, едва только показались у него первые припадки болѣзни, оттуда доктора послали его къ морскому берегу. Итакъ, одинъ разъ мистеръ Питтъ говоритъ мнѣ:

ки лихоимства, еще недавно распространеннаго во всей великобританской администраціи, быстро исчезали повсюду, благодаря смягченію нравовъ, распространенію просвѣщенія и мощнымъ рефор-

«— Кажется, что бѣднякъ очень боленъ, мнѣ бы хотѣлось утѣшить его, сдѣлавъ ему что нибудь пріятное. Мнѣ сдается, что онъ влюбленъ въ Мери, твою горничную: какъ-то рано утромъ я засталъ ихъ посреди разговора; Мери была вся розовая и покраснѣла еще больше при моемъ входѣ. Не можешь ли ты, будто невзначай, устроить такъ, чтобъ она ходила за нимъ во время болѣзни?

«Исполняя его желаніе, я заѣхала къ больному, передъ его отправленіемъ въ Гестингсъ.

«— Не хочешь ли, спросила я его: — взять кого нибудь съ собой, чтобъ не быть одному вдалекѣ? мать, сестру... кого нибудь изъ близкихъ друзей?..

«— Нѣтъ, благодарю васъ, миледи.

«— Я могу приставить къ тебѣ кого нибудь изъ моей прислуги, хочешь этого?

«— Ахъ, миледи, я цѣню ваше вниманіе... но я знаю, что вы сами нуждаетесь въ хорошихъ людяхъ.

«Наконецъ я назвала Мери и ясно убѣдилась въ проницательности мистера Питта. Мери тотчасъ же была отправлена, и больной сказалъ ей, что женится на ней въ случаѣ выздоровленія, а если умретъ, то отдастъ ей все свое имущество. Къ сожалѣнію, ему не пришлось выздоровѣть!

«Когда мистеръ Питтъ удалился изъ министерства и продалъ свой любимый Гольвудъ, онъ продалъ лошадей и экипажи, уменьшилъ число прислуги и уплатилъ изъ своихъ долговъ все, что только былъ въ состояніи уплатить. Несмотря на такую перемѣну, онъ былъ все такимъ же: тотъ же благородный тонъ, тѣ же внимательныя, отчасти снисходительныя манеры. Сидя за столомъ съ какимъ нибудь старикомъ морскимъ капитаномъ или довольно глупымъ начальникомъ земской милиціи, онъ былъ веселъ, какъ будто на тѣхъ обѣдахъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ присутствовало все то, что только есть блестящаго и великаго во всей Европѣ. Онъ умѣлъ ободрить робкихъ добряковъ или скромныхъ собесѣдниковъ, если же который нибудь изъ сосѣдей начнетъ говорить глупости, онъ обыкновенно останавливалъ его однимъ взглядомъ или быстрымъ вопросомъ, сразу давъ ему чувствовать урокъ, въ немъ заключающійся. Онъ любилъ, чтобъ въ веселыя минуты съ нимъ говорили о разныхъ пріятныхъ пустякахъ, и подобнаго рода разговоръ всегда предпочиталъ громкимъ или чувствительнымъ фразамъ.

«— Такія фразы, говаривалъ онъ: — нахватываются изъ книгъ, между тѣмъ какъ для веселой болтовни нужна хорошая доля воображенія.

«Страшную, убійственную жизнь велъ мистеръ Питтъ во все время своего продолжительнаго министерства. Онъ вставалъ въ восемь часовъ, завтракалъ посреди толпы просителей и членовъ парламента; не имѣя времени обѣдать, онъ въ четыре часа наскоро глоталъ телячью котлетку, отправлялся въ палату и часто оставался тамъ до трехъ часовъ ночи, посреди изнурительныхъ занятій и споровъ. Воротясь домой, онъ ужиналъ съ друзьями и ложился спать часа на два, на три. Какъ часто его и тутъ тревожили присылкою важной депеши, посланіемъ отъ короля или принца-регента! Геркулесъ не выдержалъ бы такой жизни! Это была не жизнь, а убійство. Рѣдкіе дни его отдыха проводили мы на фермѣ, въ одномъ помѣстьѣ около Уальмера. Тутъ Питтъ забывалъ дворъ, министерство, Европу, и жилъ какъ мызникъ, и былъ счастливъ. Роскоши, такъ необходимой въ Лондонѣ

намъ молодого министра, достойнаго сына лорда Чатама. Въ Гестингсѣ Питтъ видѣлъ великаго администратора, спасителя остъ-индскихъ владѣній, энергическаго дипломата, составителя превосходныхъ военныхъ плановъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ грабителя и варвара. Передъ лицомъ свѣта отдавши дань почтенія заслугамъ генералъ-губернатора, предоставляя себѣ современемъ возможность облегченія его участи, Вилліамъ Питтъ все-таки, повинуясь голосу сердца, призналъ справедливость борковыхъ выводовъ. Въ лицѣ Варренъ Гестингса онъ каралъ всѣхъ лихоимцевъ и грабителей, возвѣщалъ казнь всякому, кто осмѣлится идти по его стопамъ, прославлялъ начало безкорыстія, правоты и снисхожденія къ слабымъ. Голосъ Питта долженствовалъ возвѣстить для Индіи лучшіе дни и навѣки отзываться въ ушахъ ея будущихъ правителей. Корыстолюбивая дирекція компаніи поняла невозможность прежнихъ дѣлъ и прежняго управленія. Питтъ, можетъ быть, не зналъ всей гнусности ея поведенія при Гестингсовомъ управленіи, можетъ быть, и зналъ всѣ его подробности, но оправдывать генералъ-губернатора повелѣніями остъ-индской компаніи не могъ и не желалъ вовсе. Его санъ воспрещалъ ему подобное разбирательство: передъ Питтомъ находился одинъ только Гестингсъ, лицо отвѣтственное и подлежащее суду. Судя генералъ-губернатора, онъ судилъ директоровъ, подвигнувшихъ его на преступленія.

Прекращеніе годовой парламентской сессіи положило на время предѣлъ преслѣдованіямъ нижней палаты, но въ февралѣ слѣдующаго года послѣдовало разсмотрѣніе остальныхъ пунктовъ обвиненія противъ Варренъ Гестингса. Публика, взволнованная важностью событій, полная тревожнаго ожиданія, наполнила собой залу парламента, всѣ корридоры и выходы. Посреди мертваго молчанія Ричардъ Шериданъ, по примѣру Борка и Фокса, сталъ развивать третій пунктъ обвиненія, именно: ограбленіе принцессъ-родственницъ набоба люкновскаго. Предметъ стоилъ рѣчи, и рѣчь оказалась болѣе чѣмъ достойною своего предмета; ораторъ сѣлъ на свое мѣсто посреди восторженныхъ рукоплесканій, криковъ и неизъяснимаго волненія. Лорды за рѣшеткою, посѣтители въ галле-

---

онъ не могъ терпѣть. На фермѣ, въ любимой его комнатѣ стояло только три стула».

Такова была частная жизнь Вилліама Питта, такъ былъ онъ простъ, добръ и великъ сердцемъ. Насчетъ высшихъ же дѣлъ его честности и самоотверженія не зачѣмъ справляться съ частными мемуарами: исторія и безъ нихъ говоритъ слишкомъ громко.

реяхъ, забывшп обязанность молчанія, обязанность всѣхъ лицъ, непричастныхъ нижней палатѣ, рукоплескали вмѣстѣ съ ея членами. Фоксъ вскричалъ:

«Все, что я только читалъ и слыхалъ въ мою жизнь, исчезаетъ передъ рѣчью Шеридана, какъ туманъ при солнцѣ!»

По отзыву Питта, диѳирамбъ Ричарда превосходилъ всѣ рѣчи, древнія и новыя.

Виндгемъ подтвердилъ отзывы Питта и Фокса долго спустя послѣ Шеридановой рѣчи, когда уже впечатлѣніе, ею произведенное, успѣло охладиться.

По неисправности тогдашнихъ писцовъ и журналистовъ, противъ воли увлекшихся потокомъ Шериданова краснорѣчія, знаменитая рѣчь поэта «Школы Злословія» пропала безвозвратно. Нѣсколько изувѣченныхъ, несвязныхъ отрывковъ, сохраненныхъ намъ современниками, не даютъ о ней никакого понятія. Исторія судебныхъ палатъ и законодательныхъ собраній, какъ всякому извѣстно, изобилуетъ «рѣчами, которымъ нѣтъ и не бывало ничего подобнаго», а потому отзывы Питта и Фокса о первой Шеридановой рѣчи противъ Гестингса, отзывы, сказанные въ минуту восторга, не могутъ служить оцѣнкою непогрѣшимою. Очень вѣроятно, что много постороннихъ обстоятельствъ содѣйствовало славѣ диѳирамба, какъ, напримѣръ, волненіе публики, красота оратора, его звучный голосъ, его литературная знаменитость. Какъ бы то ни было, Шериданъ, безспорно, явилъ себя достойнымъ другомъ-ученикомъ Эдмонда Борка. Рѣчь его принадлежала къ художественнымъ произведеніямъ, а сверхъ того отличалась ѣдкой иронiею, направленной не только противъ Гестингса, но противъ сребролюбія англичанъ, противъ всей остъ-индской компаніи, компаніи купчишекъ-правителей, проливающихъ кровь и обмѣривающихъ покупателей, нарушающихъ законы человѣколюбія и обрѣзывающихъ кошельки у каждаго, кто попадется подъ руку. Тонъ ядовитой насмѣшки, разлитой въ рѣчи, не вредилъ, однако же, благороднымъ взрывамъ негодованія, защитѣ вѣковѣчныхъ законовъ честности и милосердія. Когда слѣдующій за Шериданомъ ораторъ всталъ съ мѣста, палата пришла въ новое волненіе. Она не могла въ этотъ день слушать никого болѣе. Засѣданіе кончилось, и поэтъ оставилъ залу посреди новыхъ восторженныхъ криковъ всей присутствующей публики.

Между безчисленными документами, свидѣтельствующими по наше время о безпримѣрномъ успѣхѣ Шеридановой рѣчи, молодой ораторъ сохранялъ всю свою жизнь, съ особеннымъ тщаніемъ, два

самыя драгоцѣнныя посланія отъ брата своего Карла и отъ старшей сестры.

«Милый Дикъ — между прочимъ пишетъ первый — еслибъ я и забылъ наши братскія отношенія, то одно званіе ирландца дало бы мнѣ право поздравлять и благодарить тебя. Со слезами восторга я прочелъ выписки изъ твоей рѣчи, цѣлая толпа нашихъ соотечественниковъ соединила свои слезы съ моими. Люди, никогда не видавшіе тебя, произносятъ твое имя съ чувствомъ народной гордости. Разсказъ о неслыханномъ впечатлѣніи, произведенномъ твоей рѣчью, переходитъ изъ устъ въ уста».

«Милый братъ — въ свою очередь пишетъ мистриссъ Лефанью — мы всѣ, со слезами, прочитали, списали и выучили наизустъ отрывки твоей дивной рѣчи. Моя любовь къ тебѣ не можетъ прибавиться, но я уважаю тебя и горжусь тобой болѣе прежняго. Я испытываю ощущенія восторга; минуты, которыя стоятъ вѣковъ. Отецъ исполненъ восхищенія, онъ не помнитъ себя, слушая, какъ всѣ говорятъ вокругъ него: «вотъ отецъ Шеридана»...

Между тѣмъ продолжались засѣданія нижней палаты, и Гестингсъ, еще такъ недавно считавшій свою побѣду несомнѣнною, растерялъ почти всѣхъ своихъ защитниковъ *). Результатъ обвиненій сдѣлался очевиднымъ, и борьба утратила часть своего интереса, впрочемъ, только на время. Нижняя палата, покончивъ разсмотрѣніе всѣхъ двадцати пунктовъ слѣдственнаго доклада, объявила Варренъ Гестингса подлежащимъ суду палаты пэровъ за «великія преступленія и беззаконія» (High Crimes and Misdemeanours). Бывшаго генералъ-губернатора Остъ-Индіи арестовали торжественно, и вслѣдъ затѣмъ, выпустивъ его на поруки, велѣли ему готовиться къ настоящему, окончательному процессу.

---

*) Здѣсь можно кстати разсказать одинъ анекдотъ, относящійся къ Гестингсу и Шеридановой противъ него рѣчи.

Варренъ Гестингсъ любилъ литературу, самъ сочинялъ стихи, сдѣлалъ много по части распространенія изученія восточныхъ языковъ, и вообще пользовался привязанностью со стороны лондонскихъ литераторовъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто *Логенъ*, составитель Гестингсовой защиты, человѣкъ искренно преданный бывшему генералъ-губернатору, находился въ палатѣ для слушанія рѣчи Ричарда Шеридана, о которой мы только что говорили. По истеченіи перваго часа, Логгенъ сказалъ: «Все это пустая декламація, неподкрѣпленная фактами». Черезъ часъ онъ произнесъ снова: «Нужно признаться, Шериданъ мастеръ говорить!» еще черезъ часъ: «мистеръ Гестингсъ во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ охужденія», и наконецъ при концѣ четвертаго часа: «Нѣтъ, мистеръ Гестингсъ великій преступникъ!» Чуть Шериданъ кончилъ, Логгенъ вскричалъ, совершенно забывшись: «Изо всѣхъ чудовищъ, когда либо жившихъ на свѣтѣ, я не знаю ни одного ужаснѣе Варренъ Гестингса!»

VIII.

Административный порядокъ. — Зала судилища. — Посѣтители, обвиненный, члены комитета. — Начало засѣданій. — Рѣчь Эдмонда Борка и впечатлѣніе, ею произведенное. — Поведеніе дамъ. — Рѣчь Шеридана по поводу ограбленія родственницъ набоба люкновскаго. — Продажа билетовъ на засѣданіе. — Тріумфъ Шеридана. — «Милорды, я кончилъ!». — Лакей Эдвардсъ. — Гиббонъ. — Взглядъ на окончаніе Гестингсова процесса.

По смыслу коренныхъ великобританскихъ постановленій, нижняя палата, присуждая Варренъ Гестингса къ суду пэрами, обязывалась назначить новый комитетъ изъ числа своихъ членовъ, для присутствованія во время процесса и изложенія обвиненій. Всѣ ораторы, отличившіеся въ послѣднія засѣданія, или состоявшіе въ составѣ прежняго комитета для разбора жалобъ на злоупотребленія бывшаго генералъ-губернатора, считая въ томъ числѣ Борка, Фокса и Шеридана, получили число голосовъ, потребное для ихъ избранія. Одинъ только членъ парламента, Филиппъ Френсисъ, когда-то товарищъ Гестингса по бенгальскому управленію и, сверхъ того, личный врагъ подсудимаго, исключенъ былъ изъ числа обвинителей. Члены, избранные палатою, приступили къ занятіямъ, не теряя времени. 13 февраля 1788 года открылись засѣданія высшаго судилища. Согласно преданіямъ, существующимъ со временъ первыхъ Плантагенетовъ, лорды великобританской имперіи явились судить своего соотечественника за оскорбленія, нанесенныя властителю святого города Бенареса и женщинамъ владѣтельнаго дома Одскаго.

Здѣсь мы спрашиваемъ дозволенія, вмѣсто нашего разсказа, подставить нѣсколько страницъ изъ творенія одного изъ величайшихъ историковъ-поэтовъ нашего времени.

«Мѣсто дѣйствія оказывалось достойнымъ самаго процесса. Для засѣданія избрали величавую залу Вилліама Руфуса, въ которой звучали когда-то возгласы при коронаціи тридцати королей; залу, гдѣ судили Бэкона и Сомерса, гдѣ краснорѣчіе Страффорда извлекало слезы изъ глазъ его обвинителей, гдѣ тихое геройство Карла I прославило собою послѣдніе дни этого монарха. Военная и гражданская пышность прибавляла эффектъ собранія. Входы заняты были гренадерами; кавалерія, выставленная на улицахъ, одна способна была удерживать напоръ волнъ народныхъ. Пэры, облаченные въ парчу и горностаевыя мантіи, вошли въ залу, предводительствуемые герольдомъ ордена подвязки. Судьи, въ парадныхъ

одеждахъ, разместились на скамьяхъ, имъ назначенныхъ. Сто-семьдесятъ лордовъ, покинувъ верхнюю палату, парадньмъ шествіемъ двинулись къ помѣщенію судилища. Меньшой изъ бароновъ, лордъ Гесфильдъ, только что возведенный въ это званіе, за геройскую защиту Гибральтара противъ французовъ и испанцевъ, открывалъ шествіе. Сзади всѣхъ находились герцогъ Норфолькскій, лордъ-маршалъ королевства, высшіе сановники двора и наконецъ принцы королевской крови. Послѣднимъ изъ процессіи шелъ принцъ валлійскій, наслѣдникъ престола, по своей красотѣ и характеру названный первымъ джентльменомъ Великобританіи. Старыя сѣрыя стѣны залы украшались пурпуровыми тканями. Длинныя галлереи вмѣщали въ себѣ зрителей, достойныхъ возбудить соревнованіе въ первыхъ ораторахъ вселенной. Изо всѣхъ краевъ нашей великой и просвѣщенной родины туда стекались красавицы, поэты, ученые, капиталисты и художники. Пышноволосыя дочери дома Брауншвейгскаго сидѣли вокругъ великобританской королевы; представители всѣхъ европейскихъ державъ находились тутъ же. Историкъ древняго Рима (Гиббонъ) тутъ вспоминалъ о временахъ, когда Цицеронъ защищалъ Сицилію отъ Верреса, а Тацитъ громилъ утѣснителей Африки. Тутъ актриса Сиддонсъ, во всемъ блескѣ своей величественной красоты, съ волненіемъ созерцала зрѣлище, великолѣпіемъ своимъ превосходившее всѣ театральныя зрѣлища. Рейнольдсъ и Парръ, величайшій художникъ и величайшій ученый своего времени, покинувшіе тишину своего уединенія, сидѣли рядомъ, посреди другихъ знаменитостей. Ряды историческихъ красавицъ, память о которыхъ сохранена до нашего времени трудами художниковъ и поэтовъ, блестящими линіями помѣщались вокругъ сіяющей Джорджіаны, герцогини Девонширской . . . .

«Наконецъ раздался вызовъ обвиняемаго. Гестингсъ выступилъ впередъ и склонилъ колѣно. Подсудимый былъ достоинъ судилища. Онъ управлялъ обширными, многолюдными землями, повелѣвалъ войсками и двигалъ арміями, издавалъ законы и заключалъ трактаты, назначалъ владѣтелей и отнималъ ихъ области. На своемъ высокомъ мѣстѣ, онъ былъ страшенъ всѣмъ, любимъ многими; сами враги, не признавая его честнымъ человѣкомъ, признавали его славу. И видомъ онъ походилъ на великаго человѣка, и не былъ похожъ на дурного человѣка. Небольшого роста, съ лицомъ истощеннымъ, но энергическимъ, Гестингсъ сохранялъ во всей осанкѣ видъ величія, не имѣвшей въ себѣ ничего самонадѣяннаго. Высокое и задумчивое чело не казалось мрачнымъ, на блѣдныхъ

лицѣ и губахъ, высказывавшихъ непреклонную твердость воли, можно было прочесть девизъ, изображенный надъ картиною въ залѣ калькутскаго совѣта: «Mens aequa in arduis». Таковъ былъ великій проконсулъ въ минуту своего появленія передъ судилищемъ.

«Строй защитниковъ и совѣтниковъ Гестингса въ свою очередь украшенъ былъ многими людьми замѣчательными или впослѣдствіи ими сдѣлавшимися. Тутъ находились смѣлый Ло, занимавшій съ честью должность главнаго королевскаго судьи, краснорѣчивый Даллесъ и Планфъ, двадцать лѣтъ спустя прославившійся защитою лорда Мельвилля, правителя Шотландіи.

«Но взоры публики, мимо осужденнаго и его защитниковъ, направлялись преимущественно къ отдѣленію залы, занятому членами нижней палаты, обвинителями Гестингса. Посреди яркаго отблеска отъ красной драпировки, видны были стѣны и зеленыя скамьи для коммонеровъ. Обвинители, имѣя въ головѣ своей Борка, сидѣли на своихъ мѣстахъ, въ парадной одеждѣ. Фоксъ, всегда одѣвавшійся небрежно и смѣявшійся надъ всѣми прихотями моды, на этотъ разъ надѣлъ шпагу и подвязалъ косу въ мѣшечкѣ. Питтъ, отклонившій отъ себя избраніе, не присутствовалъ въ рядахъ Борковыхъ спутниковъ: его возвышенное краснорѣчіе блистало своимъ отсутствіемъ. Лордъ Нортсъ, по причинѣ своихъ лѣтъ и потери зрѣнія, тоже отказался и не былъ въ залѣ. Но несмотря на отсутствіе этихъ двухъ великихъ ораторовъ, мѣсто, занятое обвинителями, вмѣщало въ себѣ собраніе ораторовъ, можетъ быть, безпримѣрное со времени золотой эпохи аѳинскаго краснорѣчія. Тутъ стояли рядомъ Фоксъ и Шериданъ — британскій Демосѳенъ съ британскимъ Гиперидомъ. Тутъ красовался Боркъ, невсегда обладавшій желаніемъ принаровлять свои рѣчи къ средствамъ слушателей, но по уму и пламенной фантазіи достойный стоять выше всѣхъ ораторовъ, древнихъ и новыхъ. Тутъ, почтительно глядя на Борка, находился одинъ изъ первыхъ джентльменовъ вѣка, высокій, сильный и красивый по фигурѣ, рыцарь по благородству души, великодушный Виндгемъ. Тутъ, окруженный великими, но не затерянный въ ихъ массѣ, стоялъ младшій изъ обвинителей, двадцати-трехъ лѣтній лордъ Карлъ Грей, признанный палатою достойнымъ своего блистательнаго порученія — лордъ Грей, послѣдній членъ великой плеяды, пережившій ся время и удивившій наше поколѣніе своимъ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ» *).

тельо Эдинбургское обозрѣніе, октябрь 1841 года.

Первые два дня засѣданій пошли на первыя формальности и вопросы подсудимому. Публика не скучала: величіе зрѣлища одно вознаграждало собой за жаръ, тѣсноту и трудность добыванія мѣстъ. На третій день Боркъ всталъ и началъ изложеніе обвинительныхъ пунктовъ. Четыре засѣданія тянулась его рѣчь, служившая какъ бы предисловіемъ всему процессу. Перемѣшивая свой возвышенный монологъ съ отступленіемъ и рядомъ блистательнѣйшихъ мыслей, онъ описалъ происхожденіе великобританской власти въ Индіи, основанія, на которыхъ учреждена компанія, описалъ видъ странъ ей подвѣдомственныхъ и нравы народовъ, ихъ населяющихъ. По возможности ознакомивъ слушателей съ основаніемъ всего вопроса, онъ перешелъ къ злоупотребленіямъ индѣйскихъ губернаторовъ и къ Гестингсовой администраціи. Энергія и пламень его словъ потрясли самого Гестингса и произвели во всѣхъ слушателяхъ несказанное волненіе. Женщины, непривыкшія къ подобнымъ сценамъ, уже настроенныя зрѣлищемъ ко всему необыкновенному, начали рыдать и падать въ обморокъ. Примѣръ нѣсколькихъ слабонервныхъ слушателей оказался, какъ это всегда водится между женщинами, примѣромъ для всего женскаго пола, находившагося въ залѣ. Мистриссъ Шериданъ впала въ конвульсіи и была унесена тутъ же; судорожныя рыданія и всхлипыванія раздавшіяся по залѣ, прервали на минуту самого оратора. Но уже заключеніе рѣчи близилось. Возвысивъ голосъ до того, что стекла начали дребезжать въ ближайшихъ окнахъ, Эдмондъ Боркъ обратился къ подсудимому.

«Вслѣдствіе всего сказаннаго — произнесъ онъ — по довѣрію и «порученію нижней палаты великобританскаго парламента, я об«виняю Верренъ Гестингса въ великихъ преступленіяхъ и беззакон«ностяхъ! Я обвиняю его во имя нижней палаты, которой довѣріе «онъ нарушилъ. Я обвиняю его во имя великобританскаго народа, «имъ опозореннаго. Я обвиняю его во имя индѣйскихъ племенъ, «имъ попранныхъ, во имя странъ, имъ опустошенныхъ. И нако«нецъ, во имя человѣческой природы, во имя человѣка, во имя «всѣхъ вѣковъ, народовъ и отдѣльныхъ личностей, я обвиняю Вар«ренъ Гестингса, общаго врага, общаго обидчика!»

Послѣ этой рѣчи не было рукоплесканій, одинъ только общій неопредѣленный ропотъ, высшая награда оратору, ропотъ изумленія, смѣшанный съ плачемъ и вскрикиваніемъ женщинъ, пронесся изъ конца въ конецъ залы судилища. Долго, долго носился этотъ ропотъ по залѣ, между тѣмъ какъ уже давно пренія шли своимъ порядкомъ. Шериданъ, исполненный волненія, побѣжалъ провѣ-

дать жену и засталъ ее еще безъ памяти. Черезъ нѣсколько дней приходила ему очередь поддерживать свой пунктъ обвиненія. Публика, взволнованная краснорѣчіемъ Борка и воспоминаніемъ о послѣдней парламентской рѣчи автора «Школы Злословія», осаждала входы Вестминстеръ-Голля за нѣсколько дней до срока. Билеты на засѣданіе перепродавались и доходили цѣной до пятидесяти фунтовъ стерлинговъ (триста рублей серебромъ). Нѣсколько ночей Шериданъ провёлъ за работой; вѣрная Элиза, еще не оправившаяся послѣ недавняго потрясенія, лишилась сна и неотлучно просиживала около мужа, дѣлая экстракты изъ бумагъ и записывая отрывки изготовляемой рѣчи. То была пора истинно сильныхъ ощущеній — ощущеній, пожирающихъ натуру человѣческую!

Послѣ Борка, Карлъ Фоксъ занялъ нѣсколько дней развитіемъ обвиненій по поводу ограбленія раджи бенаресскаго. Прошло еще дня два или три въ выслушиваніи свидѣтелей; и вслѣдъ за ними наступила очередь вопросу о дѣлѣ Асафъ-уль-Довла и свирѣпствахъ, произведенныхъ надъ его родственницами. Шериданъ явился поддерживать обвиненія, и рѣчь его длилась четыре засѣданія, четыре дня, достойные именоваться блистательнѣйшими днями его жизни; апогеемъ его ораторскаго величія.

Знаменитѣйшая изъ рѣчей Ричарда Шеридана, благодаря распорядительности стенографовъ, осталась потомству. Какъ и слѣдуетъ ожидать, въ чтеніи она производитъ эффектъ весьма слабый: еще въ прошломъ столѣтіи Фоксъ сказалъ очень остроумно, когда ему поднесли одну изъ его импровизацій въ печати: «вы говорите, что рѣчь моя хороша въ чтеніи? значитъ она, какъ рѣчь, никуда не годится!» Лучшее впечатлѣніе, производимое на читателей второю рѣчью Шеридана объ ограбленіи родственницъ набоба люкновскаго, происходитъ отъ благородства мыслей оратора, отъ его непримиримой вражды къ пороку — вражды, высказавшейся въ цѣломъ рядѣ возгласовъ, отступленій, ѣдкихъ шутокъ и пламенныхъ филиппикъ. Ораторъ, обобщивши вопросъ о преступленіяхъ подсудимаго, подходитъ къ нему, какъ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ политическихъ и нравственныхъ, произноситъ косвенный судъ надъ всей безжалостной, сребролюбивой политикой своей родины. Подобно Питту, Борку и Фоксу, въ лицѣ Гестингса онъ казнитъ принципъ лихоимства и притѣсненія, именемъ человѣчества протестуетъ противъ всѣхъ администраторовъ, употребляющихъ во зло довѣріе своего правительства, противъ правителей хладнокровно сносящихъ подобныя злоупотребленія и, можетъ быть, ихъ поощряющихъ. Обвиняя генералъ-губернатора остъ-индскихъ владѣній, Шериданъ стоитъ

за права всѣхъ колоній Великобританіи, права, и прежде и нынѣ, приносимыя въ жертву жадности купеческихъ компаній, чуждыхъ всякой мысли о справедливости и безкорыстіи. «Представимъ себѣ говорить ораторъ, что какой-нибудь путешественникъ издалека пріѣхалъ въ тѣ страны, о которыхъ теперь идетъ рѣчь. Повсюду видя нищету, несогласія, злодѣйства, безплодность полей, разрушенные города и храмы, онъ невольно спроситъ: какого рода бѣдствія прошли надъ этой несчастной страною? Была ли то долгая война, были ли то годы голода, годы моровой язвы? Можетъ быть какая нибудь неслыханная казнь неба прошла всю Индію изъ края въ край, подобно древнимъ баснословнымъ чудовищамъ? Нѣтъ, отвѣтятъ ему жители: причиной нашихъ страданій не война, не моръ и не голодъ. Причиной нашихъ страданій дружба одного изъ образованнѣйшихъ народовъ дальней Европы, покровительство Великобританіи, управленіе человѣка, обезславившаго ея великое имя!»

Переходя къ злодѣйствамъ, учиненнымъ англичанами во дворцахъ матери и бабки набоба люкновскаго, Шериданъ переходитъ къ другому принципу — къ принципу терпимости въ дѣлахъ религіозныхъ, — къ идеямъ, въ силу которыхъ всякій честный правитель обязанъ чтить вѣрованія народа, ввѣреннаго его попеченію. Судья Импи и посланные Гестингса, нарушившіе святость индійскихъ *зенанъ* (женскихъ покоевъ) и сдѣлавшіе строенія, недоступныя для чужеземца, театромъ пытокъ и насилія, подали поводъ къ одному изъ лучшихъ отдѣленій рѣчи. «Сами преступники — говоритъ Шериданъ — самъ Гестингсъ и его помощники сознаются, что оскорбленіе зенаны есть оскорбленіе всей націи, что до ихъ чернаго дѣла святость женскаго уединенія была строго хранима во время войнъ, штурмовъ, даже во время законныхъ преслѣдованій. Какое право имѣлъ судья Импи, по прихоти человѣка, его пославшаго, сдѣлать дѣло, слѣдствіемъ коего народъ Индіи проклялъ дружбу британца? Какое право имѣли эти два человѣка соединить грабежъ съ оскорбленіемъ чужой вѣры и, нарушивъ вѣковыя права, основанныя на религіи туземцевъ, къ нарушенію этому прибавить весь рядъ злодѣйствъ, за которыми послѣдовало завладѣніе чужими сокровищами?»

Положеніе Азафа, набоба люкновскаго, согласившагося на ограбленіе своей матери и отчасти выкупившаго свой проступокъ порывами пламеннаго, хотя и безплоднаго раскаянія, снова даетъ Шеридану возможность возвыситься отъ простого изложенія дѣла къ нравственнымъ вѣковѣчнымъ вопросамъ. Въ постыдной слабо-

для набоба, коварныхъ совѣтахъ Гестингса, въ началѣ отвратительнаго насилія, наконецъ, въ отвѣтахъ на мольбы Азофа и на его ходатайство, отвергнутое такъ безжалостно, Шериданъ видитъ новое нарушеніе началъ, которыя одни только могутъ сближать побѣдителя съ побѣжденными. Для индѣйца, какъ и для всякаго человѣка, узы крови должны быть святы; для индѣйца, какъ и для обитателя Европы, сыновняя любовь есть святая добродѣтель. Что же думать о правителяхъ, основавшихъ планъ беззаконнаго пріобрѣтеній на разрушеніи этихъ идей, на низпроверженіи этихъ добродѣтелей? Что думать о Варренъ Гестингсѣ, научившемъ сына грабить свою мать и, силой заставившемъ этого сына привести въ дѣйствіе адскія приказанія, ему данныя? Что думать о европейцѣ, начальникѣ надъ милліонами непросвѣщеннаго народа, который продаетъ всѣ идеи добра и нравственности за милліонъ фунтовъ стерлинговъ? Что думать о представителѣ просвѣщенной націи, способномъ давать подобные уроки племенамъ ему подвластнымъ? «Перечтите всемірную исторію, призовите въ помощь древнихъ и новыхъ историковъ, раскройте книги Тацита, пробѣгите еще разъ дивныя *) творенія Гиббона (тутъ ораторъ обратился къ сторонѣ знаменитаго писателя, на ту пору находившагося въ залѣ), ознакомьтесь со всѣми мудрецами, когда либо читавшими свой урокъ потомству, но ни въ одномъ изъ мыслителей, здѣсь поименованныхъ, не найдете вы разсказа о преступленіи, хоть сколько нибудь похожемъ на черное дѣло, о которомъ теперь говорится».

Каждое изъ засѣданій, въ продолженіе которыхъ тянулась Шериданова рѣчь, принадлежало къ разряду самыхъ блистательнѣйшихъ засѣданій судилища. Всѣ ожиданія публики сбылись, а восторгъ ея не охладѣвалъ ни на минуту. На третій день ораторъ, истощенный безсонными ночами и усиліями всякаго рода, зане-

---

*) Гиббонъ говоритъ въ своихъ запискахъ: «Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Англіи, я присутствовалъ въ Вестминстеръ-Голлѣ, во время величественнаго процесса Варренъ Гестингса. Не мнѣ произносить приговоръ надъ бывшимъ правителемъ Индіи, но я былъ потрясенъ краснорѣчіемъ Шеридана. Лестное слово, сказанное имъ обо мнѣ въ присутствіи всей Англіи, произвело во мнѣ отрадное волненіе.

Отдавая дань хвалы геніальному историку, Шериданъ, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ чистосердечно; но всегда готовый подшутить надъ кѣмъ угодно для краснаго словца, авторъ «Школы Злословія» въ то же засѣданіе самъ подсмѣялся надъ своей похвалою. «За что вы назвали творенія Гиббона *дивными?*», спросилъ его одинъ членъ нижней палаты. — «Я сказалъ *длинныя*, а не дивныя», смѣясь возразилъ ораторъ. По англійски игра словъ выходитъ лучше, отъ словъ *luminous* и *voluminous*.

ногъ и нанесъ себѣ вышеупомянутымъ остановившися. Засѣданіе закрылось, и толпы народа бросилась за экипажемъ Шеридана; около его квартиры учредилось дежурство изъ пламеннѣйшихъ почитателей поэта. Наслѣдникъ престола, давно уже питавшій къ нему самую лестную привязанность, безпрерывно посылалъ своихъ приближенныхъ узнавать о состояніи Шериданова здоровья: общее участіе всего города, выказывавшееся въ тысячѣ посѣщеній, посланій и страшномъ шумѣ подъ окнами, сдѣлало для оратора всякій отдыхъ вещью невозможною. Собравши послѣднія силы, Шериданъ явился на слѣдующій день въ Вестминстеръ-Голль. Зрители, наполнявшіе залу, привѣтствовали его какъ тріумфатора, а тріумфаторъ, не смотря на всю свою слабость, въ этотъ день превзошелъ всѣ ихъ ожиданія. Покончивъ съ изложеніемъ обвиненія, онъ приступилъ къ заключенію рѣчи. «Величіемъ правосудія, милорды — сказалъ онъ — я заклинаю васъ изслѣдовать истину, поддержать «вашу собственную честь, честь государства и права человѣчества. Именемъ нижней палаты великобританскаго парламента, я «требую отъ васъ правосудія. Приговоръ вашъ будетъ для васъ «лучшею наградою, первымъ благодѣяніемъ для края, величайшимъ дѣломъ милосердія, когда-либо совершеннымъ на свѣтѣ. «Милорды! я кончилъ». При послѣднемъ словѣ Шериданъ сдѣлалъ шагъ назадъ къ своему мѣсту и, полный изнеможенія, пошатнулся въ сторону, ноги его задрожали. Эдмондъ Боркъ, давши волю своему благородному сердцу, принялъ оратора въ свои объятія. Цѣлая масса знаменитыхъ мужей, находившихся въ залѣ и имѣющихъ возможность покинуть свои мѣста, не нарушая приличія, кинулись обнимать и поздравлять Шеридана *).

Послѣдній день Шеридановой рѣчи можетъ назваться послѣднимъ интереснымъ днемъ Генстингсова процесса. Необходимая медленность дѣлопроизводства, изобиліе церемоніаловъ, придавая ихъ столько пышности засѣданіямъ, обусловливали собою цѣлые годы тяжбы. Новыя событія величайшей важности отвлекли народное вниманіе отъ процесса: болѣзнь короля, французская революція, начало всемірной войны отбросили дѣло бывшаго генералъ-

*) Вернувшись домой, поэтъ засталъ своего любимаго слугу, Эдвардса, представляющаго прислугѣ, какъ баринъ говорилъ свою рѣчь, въ особенности слова: «Милорды, я кончилъ!» При этихъ словахъ Эдвардсъ шатался и будто падалъ, что производило несказанный смѣхъ во всемъ домѣ. Съ тѣхъ поръ Шериданъ постоянно заставлялъ Эдвардса говорить при гостяхъ знаменитое: «милорды, я кончилъ!» Этотъ анекдотъ недурно обрисовываетъ Шериданово охлажденіе къ своимъ успѣхамъ, охлажденіе совершенно байроническое.

губернатора на планѣ весьма отдаленный. Не ранѣе 1796 года, новое поколѣніе судей потребовало къ себѣ Гестингса для объявленія ему своего послѣдняго приговора. Это поколѣніе было уже другимъ, жаднымъ и сребролюбивымъ поколѣніемъ, неспособнымъ внимать голосу чести и притѣсненія человѣчества. Изъ двадцати-девяти перовъ только шесть подали голосъ въ пользу обвиненія. Варренъ Гестингсъ выслушалъ свое оправданіе также холодно, какъ за семь лѣтъ назадъ встрѣчалъ громовыя филиппики Шеридана и Борка. Онъ почтительно поклонился и тихо вышелъ изъ залы. Народъ, семь лѣтъ тому назадъ провожавшій его экипажъ грозными криками, теперь кричалъ «ура» въ честь оправданія Гестингса!

Исходъ знаменитаго процесса, возбудившій негодованіе многихъ историковъ и моралистовъ, не могъ совершиться иначе. Еслибъ Гестингса помиловали быстро и торжественно, идея справедливости была бы попрана; еслибъ Гестингса осудили и опозорили передъ свѣтомъ, Великобританія, мало того, что могла понести упрекъ въ неблагодарности къ человѣку, сохранившему ея драгоцѣннѣйшія владѣнія, но осудила бы всю свою политику, чего, конечно, ждать отъ нея было невозможно. Фактовъ совершившихся неизмѣняютъ люди, зараженные корыстолюбіемъ; противъ общаго голоса ни Питтъ, ни Шериданъ, ни Боркъ не могли бороться; но они сдѣлали все, что могли, то есть раскрыли передъ свѣтомъ рядъ злодѣяній, покрыли ихъ осужденіемъ и отчасти сдѣлали ихъ невозможными на будущее время. Они своимъ краснорѣчіемъ казнили и преступника и компанію, вовлекшую его въ преступленія, но голосъ недостойнаго народа призналъ въ преступникѣ одного изъ правителей, оказавшихъ наиболѣе услугъ своему отечеству. Гестингсъ понесъ и награду, и наказаніе; но лучшимъ результатомъ всего дѣла вышли реформы въ постановленіяхъ остъ-индской компаніи, измѣненіе въ общественномъ мнѣніи, лучшій контроль надъ правителями остъ-индскихъ владѣній, однимъ словомъ — рядъ условій, по крайней мѣрѣ, хотя до нѣкоторой степени дѣлающихъ невозможнымъ появленія новыхъ Варренъ-Гестингсовъ.

Шериданъ и его товарищи, за исключеніемъ Борка, котораго непреклонная ненависть ко всякому уклоненію отъ рыцарства не знала предѣловъ, и не смотрѣли на вопросъ иначе. Они знали, что ихъ краснорѣчіе не прошло даромъ, что каждый изъ посѣтителей вестминстерской залы, что каждый гражданинъ, читавшій ихъ рѣчи, вынесъ въ своей душѣ нѣсколько идей добра и спра-

ведливости. Они поставили Гестингса въ невозможность вредить болѣе, развили въ честной половинѣ общества ненависть ко всѣмъ прошлымъ, настоящимъ и будущимъ грабителямъ. Они ужаснули остъ-индскую компанію, раскрыли ея злодѣйства передъ Европой и отчасти принудили ее обращаться съ подвластными племенами по христіански. Осужденіе Гестингса немного подвинуло бы ихъ задачу — задачу чисто нравственную *). Еслибъ Питтъ, Шериданъ и всѣ обвинители бывшаго генералъ-губернатора не выполнили въ свою жизнь никакой другой задачи, за одно это мы должны были бы считать ихъ мужами государственными, мужами великодушными.

Мы сказали еще недавно: первый годъ процесса Варренъ Гестингса нужно считать если не лучшимъ, то блистательнѣйшимъ годомъ Шеридановой жизни. Какъ поэтъ и ораторъ, Ричардъ Шериданъ достигъ апогея человѣческаго величія. Какъ искатель сильныхъ ощущеній, онъ едва не изнемогъ подъ ихъ могуществомъ и разнообразіемъ. Какъ эпикуреецъ и другъ веселія, онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ избраннѣйшихъ кругахъ Лондона. Какъ другъ принца Валлійскаго, онъ видѣлъ передъ собой годы власти и могущества. Какъ мужъ, братъ и отецъ, онъ наслаждался безграничнымъ счастіемъ въ кругу своего семейства. Имѣя только тридцать-семь лѣтъ отъ роду, онъ готовился къ цѣлому ряду годовъ, данныхъ человѣку для его лучшихъ дѣяній.

Но Ричардъ Шериданъ скучалъ чаще и чаще; чаще прежняго началъ онъ предаваться разгулу. Онъ жаждалъ по прежнему сильныхъ ощущеній; но гдѣ было искать сильныхъ ощущеній послѣ «Школы Злословія», послѣ величаваго процесса въ Вестминстеръ-Голлѣ, послѣ громоносныхъ рѣчей въ обвиненіе Варренъ-Гестингса?

. . . .

---

*) Процессъ разорилъ Варренъ Гестингса, но дирекція компаніи почла долгомъ вознаградить эти потери, назначивъ бывшему генералъ-губернатору по 4,000 фунт. стерл. (24,000 руб. сер.) ежегодной пенсіи и выдавъ ему пенсію за 10 лѣтъ впередъ. Остатокъ жизни Гестингсъ провелъ въ довольствѣ, занимаясь литературой и сельскимъ хозяйствомъ. При появленіи его, въ 1815 году, посреди нижней палаты, почти всѣ члены встали, и спикеръ велѣлъ дать Гестингсу почетное кресло. Варренъ Гестингсъ умеръ въ 1818 году, 86 лѣтъ отъ роду. Исторія всѣхъ безъ исключенія послѣднихъ генералъ-губернаторовъ Остъ-Индіи показываетъ, до какой степени вліяніе знаменитаго процесса отразилось при ихъ выборѣ и во время ихъ администраціи.

VI.

Лучшіе дни Шеридана. — Его характеръ. — Семейная жизнь. — Ричардсонъ и Тиккель. — Проказы и школьничество. — Разбитая посуда. — Наемная карета. — Маскарады. — Ирландскій клерджименъ. — Шуточныя стихотворенія. — Болѣзнь мистриссъ Элизы Шериданъ. — Вниманіе свѣта. — Кончина Элизы. — Положеніе дѣлъ въ парламентѣ. — Война съ Франціею. — Питтъ и Фоксъ. — Эдмондъ Боркъ и его «Размышленія». — Кризисъ въ палатѣ. — Поведеніе Шеридана. — Нападенія на Питта, постыдныя интриги. — Избиратели отказываютъ Шеридану въ своихъ голосахъ.

Есть люди, которыхъ само Провидѣніе предназначаетъ для бурь военныхъ, политическихъ и нравственныхъ. Наполеонъ, проѣзжая поле только что конченнаго сраженія, между горами труповъ и разбросаннаго оружія, со вздохомъ сказалъ одному изъ маршаловъ: «mon Dieu! mon Dieu! une chaumière et dix mille francs de rentes!» (Боже мой! зачѣмъ я не живу въ хижинѣ съ десятью тысячами франковъ дохода!), но, несмотря на это грустное восклицаніе, мы сомнѣваемся въ любви Бонапарта къ спокойствію. Питтъ любилъ отдыхать на своей фермѣ, запрещая носить къ себѣ въ комнату газеты и письма, но и Вилліамъ Питтъ едва ли былъ способенъ долго зажиться посреди тихаго уединенія. Эдмондъ Боркъ принадлежалъ къ тому же разряду людей. Великіе дѣятели, нами здѣсь названные, совершали свое назначеніе посреди бурь и уснули посреди бурь. Ихъ дѣйствіями руководили не капризъ, не жажда сильныхъ ощущеній, не простое желаніе славы или рукоплесканій. Подобно приморскимъ растеніямъ, ежеминутно омываемымъ волнами, и одолѣваемымъ шквалами, эти дѣятели очутились бы не на своемъ мѣстѣ посреди тишины, теплоты и солнечнаго блеска.

Ричардъ Шериданъ принадлежалъ къ числу великихъ людей совершенно другой породы. По своимъ кореннымъ наклонностямъ, по остроумію, веселости, беззаботной добротѣ сердца, наконецъ, даже по своей горячей, но скоро остывающей враждѣ къ людской несправедливости, онъ напоминаетъ собой афинянина блистательныхъ временъ Греціи. Жизнь его должна была проходить въ здравыхъ наслажденіяхъ и невозмутимомъ служеніи музамъ. Онъ самъ портилъ себѣ свою жизнь и свое назначеніе; онъ самъ сознавалъ по временамъ всю тягость ноши, такъ неразумно поднятой. Часто, отвозя жену домой послѣ вестминстеръ-голльскаго засѣданія или бала у принца-регента, онъ говорилъ ей со вздохомъ: «гдѣ наши прежніе, блаженные дни въ маленькомъ истъ-боргамскомъ коттедж-

ать!» Всякій разъ, когда съ каждымъ годомъ слабѣвшее здоровье Элизы принуждало ее оставаться дома по недѣлямъ и мѣсяцамъ, Шериданъ на время прощался съ парламентомъ и запирался въ своемъ семействѣ, скликая вокругъ себя преданнѣйшихъ друзей молодости. Разсказы объ этихъ періодахъ отдыха представляютъ изъ себя нѣчто чрезвычайно плѣнительное.

Семейство оратора состояло въ то время изъ сына и дочери, да сверхъ того изъ двухъ дѣтей, тоже мальчика и дѣвочки — сиротъ, принятыхъ Элизою на воспитаніе. Ближайшими друзьями Шеридановъ считались Тиккель, родственникъ мистриссъ Шериданъ, и мистеръ Ричардсонъ, великій спорщикъ, исполненный юмора, иногда печальнаго, но чаще необузданно-забавнаго. Лордъ Джонъ Таунсгендъ и нѣкоторые изъ товарищей по палатѣ, съ женами и дочерьми, дополняли собою кружокъ избранныхъ пріятелей. Сестры Элизы, превосходныя музыкантши и, наконецъ, самъ мистеръ Линли, съ годами утратившій угловатость своего характера, оживляли бесѣды музыкою и пѣніемъ. Шериданъ, сидя дома, предавался не только самому ребяческому веселію, но поминутно изобрѣталъ шалости, просто достойныя назваться школьничествами. Такъ, напримѣръ, одинъ разъ, вся компанія, за что-то разсердившаяся на Тиккеля, устроила, подъ начальствомъ Шеридана, продѣлку такого рода. Въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ поставили на полъ стаканы, тарелки и блюда такъ тѣсно, что между ними остался только одинъ извилистый проходъ, хорошо изученный хозяиномъ. По приходѣ Тиккеля, Шериданъ сталъ его поддразнивать и, разсердивъ хорошенько, пустился бѣгать по всѣмъ комнатамъ, преслѣдуемый довѣрчивымъ гостемъ. Добравшись до залы, уставленной посудой, Шериданъ ловко проскользнулъ между стекломъ и фарфоромъ, а Тиккель, продолжая свою погоню, разбилъ себѣ носъ и лобъ самымъ ужасающимъ образомъ. Въ другой разъ, Шериданъ отправился изъ дома въ наемной каретѣ, и изъѣздивши половину Лондона, вспомнилъ, что въ карманѣ нѣтъ ни копѣйки. Зная, что Ричардсонъ находится тоже не въ лучшемъ положеніи, онъ заѣхалъ къ нему и предложилъ покататься съ собой вмѣстѣ. Дорогой, Ричардсонъ, по обыкновенію, сталъ спорить, а шалуну только того и хотѣлось. Когда спутникъ разгорячился совершенно, Шериданъ приказалъ кучеру остановиться и, отворивъ дверцы, выпрыгнулъ изъ экипажа, крича: «я не могу, я не смѣю, я не долженъ оставаться въ одной каретѣ съ такимъ грубіяномъ и спорщикомъ!». Ричардсонъ, все еще не понимая цѣли своего друга, высунулся изъ окна, продолжая

излагать аргументы, но Шериданъ никого не слушая, скрылся въ толпѣ, оставивъ бѣднаго любителя споровъ, въ добычу разсвирѣпѣвшаго мазопщика.

Обѣды и вечера въ загородномъ домѣ Шеридана, какъ и можно ожидать, отличались веселостью и школьничествами всякаго рода. Одинъ разъ, дамы, желая подшутить надъ мужьями и родственниками, слишкомъ долго остававшимися за бутылкой послѣ ихъ ухода изъ столовой, замаскировались всѣ до одной и, по входѣ мужчинъ въ столовую, встали со своихъ мѣстъ, сохраняя глубокое молчаніе. На всѣ вопросы, шутки джентльменовъ одно и тоже молчаніе служило отвѣтомъ; послѣ тщетныхъ усилій угадать каждое лицо, каждый изъ мужчинъ наконецъ отыскалъ особу, которую желалъ узнать, но тутъ маски были сняты, и оказалось, что никто не угадалъ своей дамы. Посреди хохота, Шериданъ побился съ дамами объ закладъ, утверждая, что и онѣ на слѣдующій день не будутъ въ состояніи узнать своихъ мужей и пріятелей. Пари было принято, и дамы, по условному знаку, въ условный часъ, вошли въ гостинную. Тамъ сидѣла компанія турокъ въ чалмахъ, сидѣла и молчала. Каждая изъ дамъ, поколебавшись немного, тутъ же назвала близкихъ къ себѣ кавалеровъ, и взяла ихъ подъ руку. Но едва произошло заключеніе сцены, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздался хохотъ, а Шериданъ и пріятели Шеридана, отворивъ сосѣднюю дверь, торжественно вошли въ гостинную безъ масокъ и въ своихъ собственныхъ нарядахъ. Турки оказались горничными госпожи Шериданъ и дамъ-посѣтительницъ; хозяинъ самъ ихъ одѣвалъ, пославши напередъ гонца въ свой театръ за костюмами.

Между посѣтителями Шеридановой виллы находился одинъ ирландскій клерджименъ, всѣми любимый за свою веселость и любовь къ бутылкѣ; шаловливый хозяинъ очень ласкалъ этого почтеннаго джентльмена и нѣсколько разъ вызывался написать ему хорошій нравственный трактатъ, для чтенія во время проповѣди. Наконецъ, послѣ долгаго откладыванія, трактатъ, изготовленный и переписанный на бѣло, отправили къ пастору въ самый день чтенія; рукопись называлась «О злоупотребленіи богатства» и какъ нельзя болѣе понравилась ирландцу. Но, прочитавши ее на каѳедрѣ, онъ замѣтилъ, какъ самый богатый прихожанинъ, сквайръ С**, давно уже ненавистный Шеридану, выбѣжалъ изъ залы въ страшномъ негодованіи. Вся рукопись заключала въ себѣ одну ѣдкую сатиру на жаднаго и неправедно разбогатѣвшаго капиталиста!

Пародіямъ, шуточнымъ пѣснямъ, эпиграммамъ, импровизаціо-

занимавшихъ комедіями преднамѣренно невиннаго содержанія, услаждавшихъ вечера въ домѣ Шеридановъ, не имѣется счета; многія изъ этихъ произведеній сохранились въ бумагахъ поэта и въ запискахъ Тиккеля; но всѣ эти вещи и вещицы, лишенныя комментарій и набросанныя подъ вліяніемъ минуты, нынѣ не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Тѣмъ не менѣе, Шеридану и его даровитымъ пріятелямъ многимъ одолжена шуточная литература Великобританіи, имѣвшая въ нашемъ столѣтіи такихъ блистательныхъ представителей, каковы Каннингъ, Эллисъ, братья Смиты и, наконецъ, Теккерей (какъ сотрудникъ «Пунча»). Тиккель, Шериданъ и Ричардсонъ много сдѣлали по части меткихъ пародій и шутокъ, иногда болѣе важныхъ, чѣмъ какой нибудь политическій трактатъ, вываливающійся изъ рукъ читателя на третьей страницѣ. Въ стихотворныхъ шалостяхъ писателей, нами поименованныхъ, много благопристойности, бойкости и, наконецъ, соли, почти аттической.

Жилъ Шериданъ роскошно и не считая денегъ; одно только вліяніе Элизы спасало его отъ совершеннаго раззоренія. Для нашего оратора ничего не значило послать гонца за десять миль для покупки сладкаго пирога, или устроить великолѣпный вечеръ въ самый день, назначенный полиціей для описи его имущества. Въ этихъ случаяхъ полисменовъ сажали за столъ, поили до безчувствія, и потомъ, придравшись къ какому нибудь промаху въ составленіи ихъ предписанія (warrant), отправляли назадъ въ заключенію хозяина. Выгадавъ себѣ день отдыха, Шериданъ обращался къ своимъ вѣрнымъ сподвижникамъ, Тиккелю и Ричардсону, всегда готовымъ за него поручиться, подобно тому, какъ и онъ за нихъ ручался въ годину бѣдствія. А потомъ какой нибудь удачный сборъ, новая пьеса, пособіе мистера Линли, вексель на имя богатаго друга устроивали все дѣло. Избавившись отъ полиціи, Шериданъ опять пускался тратить доходы свои на мебели, картины, старое вино и пособія пріятелямъ, часто не заслуживавшимъ никакого пособія.

Такъ тянулась семейная жизнь Шеридана до 1792 года, когда небу угодно было познакомить его съ величайшимъ изъ бѣдствій, когда либо посылаемыхъ человѣку, именно — потерею обожаемой женщины. Мистриссъ Элиза занемогла, повидимому, ничтожнѣйшею изъ болѣзней — насморкомъ, котораго продолжительность побудила медиковъ обратить особенное вниманіе на грудные органы паціентки, давно уже страдавшіе вслѣдствіе несвоевременныхъ музыкальныхъ занятій ея молодости. Страшная истина мелькнула въ умѣ консультантовъ: супруга оратора уже нѣсколько лѣтъ но-

сила въ себѣ зародышъ страшной болѣзни, никогда не дающей пощады. Съ каждымъ днемъ чахотка дѣлала новые успѣхи, и жертвѣ оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ эти-то трагическіе мѣсяцы, проведенные внѣ Лондона, показалось на дѣлѣ все значеніе тихой, повидимому, незамѣтной Элизы Шериданъ близь своего мужа и посреди лучшаго общества великобританской столицы. Несмотря на важность преній, волновавшихъ палату, Шериданъ совершенно покинулъ парламентскія засѣданія; герцогъ Норфолькскій, одинъ изъ первыхъ вельможъ Англіи, поспѣшилъ предложить свой загородный дворецъ для помѣщенія больной; одна изъ почтеннѣйшихъ жительницъ Лондона приняла на себя должность сестры милосердія, не отходя отъ постели своей бѣдной пріятельницы, дочери музыканта, невѣстки провинціальнаго актера. Первые доктора того времени ходили за Элизою; обширныя комнаты занимаемаго ею замка едва вмѣщали въ себѣ посѣтителей, являвшихся изъ города, за двадцать миль ѣзды, для того, чтобы еще разъ на нее наглядѣться. Вся любовь, всѣ попеченія оказались напрасными для спасенія больной; но они достигнули цѣли, усладивши ея послѣднія минуты, не давши ей времени слишкомъ долго останавливаться на мысли о томъ, что будетъ съ Ричардомъ послѣ ея кончины. Элиза умерла, цалуя своихъ дѣтей, и упрашивая мужа не покидать сиротъ, ею призрѣнныхъ.

Посвятивъ долгіе мѣсяцы оплакиванію умершей, Шериданъ снова явился въ парламентѣ, снова принялъ въ свои руки дирекцію Друри-лена. Дѣятельность, снова раскинувшаяся передъ нимъ, способна была развлечь, укрѣпить собою всякаго другого человѣка. Слѣдовало наконецъ привести въ порядокъ свои дѣла, устроить состояніе дѣтей, подумать о возвышеніи драматическаго искусства въ Англіи, искусства, зараженнаго подражаніемъ, униженнаго скоросиѣлыми фарсами и площадными трагедіями. Было еще дѣло, болѣе святое и важное: Англія уже начала свою борьбу съ революціонною Франціею, виги и торіи тѣсно сомкнулись вокругъ престола, готовилась борьба, долженствовавшая кончиться только въ нашемъ столѣтіи, послѣ нескончаемыхъ бурь и потоковъ крови. Древняя имперія Ричардовъ, Эдуардовъ и Генриховъ волновалась неслыханнымъ образомъ. «Воевать или не воевать?» въ этомъ вопросѣ заключалась вся драма государственная, можетъ быть вся будущая судьба Европы.

Въ наше время, когда исторія послѣдняго полустолѣтія извѣстна каждому, когда войны императора Александра, Наполеона и лор-

да Веллингтона сдѣлалось достояніемъ исторіи, легко судить о томъ, какъ бы должны были дѣйствовать первые политическіе дѣятели стараго времени; но въ 1792 году, посреди ужаса, повсюду возбужденнаго преступленіями французскаго народа, посреди горячки, захватившей значительную часть Европы, истины, нынѣ ясныя какъ день, не могли быть ясными для всякаго. Въ великобританскомъ парламентѣ находилось много великихъ людей, но и они затемняли свою мудрость, свою долгую опытность примѣсью заблужденій или личныхъ интересовъ. Непреклонную, безпощадную войну съ Франціею желалъ и могъ вести только одинъ Питтъ; раздѣлять его мнѣніе почти значило признать его безсмѣннымъ первымъ министромъ и подчиняться ему слѣпо, а того не хотѣли ни Фоксъ, ни группа его ближайшихъ послѣдователей. Шериданъ, лично не любившій Питта и всегда одержимый духомъ противорѣчія, сталъ однимъ изъ надежнѣйшихъ сторонниковъ Фокса. Толкуя о необходимости мира, объ уменьшеніи арміи, эти два оратора какъ бы невольно подавали руку Франціи и своимъ молчаніемъ оправдывали все зло, нанесенное Европѣ ея неистовыми дѣлами. Примѣръ Фокса и Шеридана могъ вредно подѣйствовать на многихъ членовъ, нерасположенныхъ къ министру, могъ свести великій европейскій вопросъ въ разрядъ вопросовъ частныхъ, ничтожныхъ и дурно понятыхъ. Пока Питтъ и Фоксъ боролись за министерство, Франція могла свободно нарушать всѣ права общественныя и международныя. Но судьба не допустила такой постыдной борьбы, еще разъ выдвинувъ впередъ человѣка знаменитаго и мыслителя первостепеннаго.

Эдмондъ Боркъ издалъ свои «Размышленія о французской революціи». Въ этомъ небольшомъ сочиненіи онъ взглянулъ на весь вопросъ съ пророческой ясностью, предсказалъ будущіе военные успѣхи Франціи и всю опасность, въ какой будетъ находиться Европа отъ ея политической и военной пропаганды. Мужественнымъ голосомъ онъ скликалъ въ одну неодолимую фалангу всѣхъ друзей порядка и народной независимости, умолялъ покончить свои мелкія несогласія, отступиться отъ умствованій и твердо встрѣтить враговъ общаго благосостоянія. Онъ требовалъ твердости духа, повиновенія, единодушія и рѣшимости. Онъ изобличалъ всю безполезность миролюбивыхъ иллюзій, дипломатическихъ уступокъ, мечтаній о спокойствіи политическаго горизонта. Онъ предсказывалъ время, когда вся Европа ополчится на общаго недруга, и молилъ небо о томъ, чтобъ это время не пришло слишкомъ поздно. Книжечка получила громадный успѣхъ; а самъ ея авторъ, высна-

заявивъ свои задушевныя убѣжденія, покинулъ партію Фокса и, примкнувъ къ большинству парламента; сталъ требовать войны безпощадной.

Великія слова Борка отозвались по всей Англіи, между тѣмъ какъ лучшіе и независимѣйшіе члены Фоксовой партіи (Виндгемъ между прочимъ) начали открыто выражать свое сочувствіе къ «великому ирландцу». И тутъ-то оказалось на дѣлѣ вся дѣтская, близорукая нетерпимость Фокса и его ревностныхъ послѣдователей. Великій ораторъ, первоклассный писатель, безкорыстный государственный мужъ представился имъ простымъ отступникомъ отъ ихъ кружка. Вдохновенныя его воззванія показались имъ простой угодливостью прихотямъ Питта, съ цѣлію корыстной или по крайней мѣрѣ честолюбивой. Они забыли заслуги Борка, забыли всю его жизнь, полную правдолюбія и дѣлъ христіанскаго милосердія. Они унизили великій вопросъ, посмѣвъ ввести въ него мелочный духъ партіи. Шериданъ, издавна обладавшій способностью всюду выдаваться впередъ, произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ все негодованіе, возбужденное въ его друзьяхъ книгой и поведеніемъ Борка. По словамъ Шеридана, Франціи бояться было нечего, политика Франціи могла назваться миролюбивою и безвредною; утверждать противное могли только люди, желавшіе подслужиться къ министрамъ и возвыситься по службѣ, втянувши свою родину въ борьбу тяжкую, разорительную. Колкимъ аллюзіямъ, ѣдкимъ намекамъ не нашлось числа въ этой рѣчи, такъ опровергнутой событіями двадцати послѣдовавшихъ за нею годовъ.

Можно судить о чувствахъ пламеннаго, нетерпѣливаго Борка при этомъ желчномъ нападеніи изъ устъ человѣка, котораго онъ такъ недавно еще звалъ своимъ другомъ, котораго прижималъ къ своему сердцу послѣ рѣчи о Варренѣ Гестингсѣ. Эдмондъ Боркъ ждалъ спора, борьбы, противорѣчій, но не ждалъ клеветы и мизерныхъ обвиненій. Въ огненной импровизаціи онъ высказалъ все свое негодованіе, всю горечь оскорбленнаго сердца. «Не въ новинку — сказалъ онъ между прочимъ — человѣку доводится терять друзей и вызывать на бой непріятелей, но я рѣшаюсь на то и другое, исполняя свой долгъ, выражая свои убѣжденія!» Фоксъ, взволнованный этими словами, далъ волю своей несомнѣнно благородной натурѣ.

— Боркъ, произнесъ онъ въ полголоса: — дружба должна оставаться дружбой даже посреди споровъ!

— Нѣтъ, отвѣчалъ великій ораторъ: — дружба наша кончилась. Я лишился друга, но я выполнилъ свою обязанность.

Распаденіе Фоксовой партіи, послѣдовавшее тотчасъ за этими рѣчами, сдѣлало Вилльяма Питта тѣмъ, чего тогда требовала Европа и Англія, то есть министромъ неодолимымъ. По его слову безпрепятственно выдвигались флоты, собирались субсидіи, формировалась милиція и заключались коалиціи. Единство и сила власти дали Великобританіи возможность выдержать все то, что она выдержала до тѣхъ поръ, пока Провидѣніе помогло другой, еще сильнѣйшей, еще болѣе великой державѣ низвергнуть общаго врага, искупить честь и миръ Европы. Послѣ распаденія Фоксовой партіи всякая парламентская борьба съ Питтомъ оказывалась борьбой неразумною.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Ричардъ Шериданъ началъ снова ѣздить въ нижнюю палату. Каждый день Фоксъ лишался одного изъ своихъ послѣдователей, каждый день рѣдѣли ряды оппозиціи. Пользуясь короткимъ временемъ отдыха и все еще храня надежду избавить свое отечество отъ тяжкой войны, Питтъ сокращалъ государственные расходы, уменьшалъ подати и запасалъ фонды на случай разрыва съ Франціей; но, заботясь о благѣ народа, удовлетворяя справедливымъ требованіямъ своихъ новыхъ союзниковъ, министръ зналъ о томъ, что буря близится. По всѣмъ графствамъ собиралось подвижное ополченіе, нарушители порядка и лица, служившія орудіемъ эмиссарамъ французской республики, наказывались строжайшимъ образомъ. Въ это тяжкое время ожиданія и смутъ, когда отечество нуждалось въ тѣсномъ союзѣ всѣхъ людей государственныхъ, Шериданъ измѣнилъ надеждамъ своихъ избирателей, измѣнилъ своей заслуженной славѣ. Увлеченный своей враждою къ Питту, не оправившійся еще послѣ своихъ семейныхъ горестей, исполненный жолчи и духа партіи, нашъ поэтъ-ораторъ, обвинитель Варренъ Гестингса, явился непримиримымъ противникомъ всѣхъ мѣръ министерства. Промѣнявши парламентскіе интересы, интересы цѣлой страны, на прихоть кружка крикливыхъ и недовольныхъ товарищей, Шериданъ сдѣлался ихъ органомъ, ихъ щитомъ и копьемъ. Подобно корыстному журналисту, рабу своей партіи, обязавшемуся во что-бы то ни стало осуждать дѣйствія ея противниковъ, авторъ «Школы Злословія» сталъ какъ бы однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ своей лучшей комедіи. Не жалѣя своего остроумія, разливаясь въ обидныхъ обвиненіяхъ, онъ считалъ своимъ долгомъ говорить противъ всякой мѣры Вилльяма Питта, осмѣивать всѣ его усилія, опровергать всѣ его опасенія, къ несчастію, слишкомъ справедливыя. Патріотъ по душѣ и вѣрный сынъ своей родины, время отъ времени

высказываясь и тѣмъ и другимъ *), Шериданъ успѣлъ сдѣлать свой патріотизмъ безплоднымъ. Его слушали и слушали со вниманіемъ, публика наполняла залу палаты во время его рѣчей, но успѣхи подобнаго рода имѣли въ себѣ нѣчто странное. То былъ спектакль своего рода, вѣчно привлекавшій въ парламентъ любителей брани и злословія. Дѣла шли своимъ порядкомъ до импровизацій Шеридана и не измѣнялись послѣ его импровизацій. Самъ ораторъ пересталъ слѣдить за ходомъ преній и дремалъ на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока услужливые друзья не говорили ему: «теперь время!» Наконецъ, при самомъ разгарѣ европейской войны, послѣ распущенія нижней палаты, избиратели отказали Ричарду Шеридану въ своемъ довѣріи. На мѣсто великаго оратора, голосъ котораго такъ недавно раздавался по Европѣ, выбранъ былъ скромный кандидатъ министерства, болѣе способный дѣйствовать, нежели говорить звучныя рѣчи.

X.

Праздность и бездѣйствіе. — Дѣла Друри-ленскаго театра. — Великій пожаръ и анекдотъ во время пожара, мистеръ Уайтбредъ. — Пиры съ молодыми лордами. — Замѣтки лорда Байрона. — *Бѣдный Бринсли!* — Старость Шеридана. — Пособія и мотовство. — Несчастная страсть къ сильнымъ ощущеніямъ. — Нижняя палата и приготовленія къ выборамъ. — Болѣзнь и смерть Шеридана. — Похороны поэта. — Французская острота. — Шериданъ и его соотечественники.

Лишнимъ находимъ мы долгій разсказъ о тѣхъ годахъ Шеридановой жизни, когда, претерпѣвъ неудачи по выборамъ, затемнивъ свою политическую славу, безплодно издержавъ суммы, подаренныя ему принцомъ-регентомъ на издержки по новому кандидатству, поэтъ «Школы Злословія» увидѣлъ себя вынужденнымъ вернуться на старую дорогу, съ которой ему, повидимому, никогда бы сходить не слѣдовало. Друри-ленскій театръ, почти совершенно оставленный Шериданомъ для политики, находился въ бѣдственномъ положеніи: безразсчетное управленіе истощило его суммы, между тѣмъ какъ множество другихъ причинъ, въ главѣ которыхъ всетаки стояли денежныя затрудненія, обусловливало собой упадокъ Друри-лена въ драматическомъ отношеніи. Фарсы, лишенные остроумія, мелодрамы, не имѣющія въ себѣ тѣни изящества, заступили мѣсто пьесъ Шекспира, Отвая и самого Шеридана. При полученіи извѣстія о какой нибудь морской побѣдѣ неминуемо ставилось на

---

*) Такъ, напримѣръ, быстрое укрощеніе мятежа матросовъ въ 1798 году свершилось вслѣдствіе превосходныхъ мѣръ, предложенныхъ Шериданомъ.

сцену ея изображеніе, съ картонными кораблями, полотнянымъ моремъ и пушечной пальбой. Всѣ средства были хороши для привлеченія публики, для доставленія полнаго сбора. На тѣхъ подмосткахъ, гдѣ Лиръ обнималъ погибшую Корделію, и Ромео кончалъ жизнь у гроба Джульеты: нынѣ разыгрывались передѣланныя пьесы Коцебу, и, увы! пьесы, иногда передѣланныя авторомъ «Соперниковъ», когда-то блистательнымъ молодымъ директоромъ Дрюри-лена!

Свѣтская слава Шеридана, его способность къ быстрой (хотя и ничтожной) работѣ, наконецъ приданое второй его супруги *) довольно долго поддерживали существованіе театра, все-таки удовлетворявшаго потребностямъ большинства лондонской публики. Но, въ февралѣ 1809 года, новое бѣдствіе постигло и театръ, и его директора: пожаръ, одинъ изъ тѣхъ пожаровъ, которые навсегда остаются памятными народу, истребилъ все зданіе Дрюри-лена съ его обширными принадлежностями, со всей мебелью, вещами и костюмами, тамъ заключавшимися. Нѣсколько человѣкъ пожарныхъ погибло во время катастрофы, и всякое пособіе оказывалось невозможнымъ. Всю ночь Лондонъ былъ освѣщенъ на всемъ своемъ необъятномъ пространствѣ, всю ночь его огромное населеніе толпилось вокругъ пожара — такъ любили англичане свой старый, историческій Дрюри. Можетъ быть самымъ спокойнымъ изъ числа зрителей нужно назвать Шеридана, сидѣвшаго за бутылкой вина въ кондитерской, насупротивъ разрушающагося зданія.

«Надѣюсь — говорилъ онъ шутя подходившимъ къ нему знакомымъ — надѣюсь, что никто не воспретитъ мнѣ пить вино, сидя у *своего огонька!*»

И онъ пилъ вино, сидя у своего огонька, между тѣмъ какъ вся его собственность погибала, какъ все состояніе его уже взрослаго сына разлеталось въ огнѣ и дымѣ.

Ежели анекдотъ, нами приведенный и сохранившійся въ Муровой біографіи Шеридана, и справедливъ, то онъ не показываетъ въ натурѣ нашего поэта ничего утѣшительнаго. Шуточка передъ бѣдой, беззаботная насмѣшка надъ ударами судьбы хороши только въ періодъ юности, когда будущее передъ нами, а горячая кровь внутри насъ исполняетъ бодростью душу молодого человѣка. Мужъ зрѣлый иначе долженъ встрѣтить испытаніе, на него посланное, онъ долженъ быть твердъ и спокоенъ, не издѣваясь надъ несча-

*) Урожденной мисс Эстеръ-Джевъ *Огль*.

отіемъ, не оскорбляя общей симпатіи проблесками неестественнаго, несвоевременнаго молодечества.

Но въ 1809 году Ричардъ Шериданъ уже не былъ прежнимъ Ричардомъ Шериданомъ, любимцемъ публики, мужемъ-любовникомъ, звѣздою британской палаты, баловнемъ моднаго свѣта. Упадокъ силъ, упадокъ таланта, упадокъ сердца виднѣлся во всѣхъ его поступкахъ. Онъ холодно перенесъ постигшее его бѣдствіе, но извлечь изъ него пользы или поученія не былъ въ состояніи. Компанія людей богатыхъ, преданныхъ искусству, имѣя во главѣ своей извѣстнаго мистера Уайтбреда, реставрировала зданіе Дрюри-лена, приняла Шеридана въ долю по распоряженію дѣлами театра, совершила все возможное для благосостоянія бывшаго директора; но Шериданъ отвѣтилъ лишь одной апатіею на эти послѣднія проявленія своей популярности. Онъ не тяготился долгами, не спѣшилъ выполнить обязательствъ, связавшихъ его съ Уайтбредомъ, не думалъ о своемъ семействѣ, не приступалъ къ серьёзному труду для пользы Дрюри-лена и отечественной словесности. Ему было и такъ хорошо посреди фешенебльныхъ клубовъ, въ компаніи молодыхъ лордовъ, наперерывъ старавшихся угощать «знаменитаго Дика», съ благоговѣніемъ слушавшихъ его разсказы о сплетняхъ стараго времени, и домогавшихся, какъ милости, дозволенія присутствовать на театральныхъ репетиціяхъ. Посреди блеска и излишествъ, посреди необузданныхъ юношей, которыхъ отцы когда-то ему дивились, безполезно кончилась жизнь Ричарда Шеридана, поэта «Школы Злословія», бывшаго товарища Борка и Вилльяма Питта!

Двѣ небольшія выписки изъ журнала одного изъ товарищей нашего писателя, именно лорда Байрона, дадутъ читателямъ понятіе о старикѣ Шериданѣ и о томъ, какъ смотрѣли на него даровитѣйшіе изъ львовъ Лондона:

«Вчерашній день проведенъ въ неслыханномъ безпутствѣ. Обѣдали съ лордами ***, съ ** и Шериданомъ. Сколько ума, остроумія въ этой блистательной развалинѣ! Онъ поминутно смѣшилъ насъ и заставлялъ пить до того, что наконецъ мы почти потеряли сознаніе. Спуститься изъ обѣденной залы пришлось по лѣстницѣ крутой, извилистой, очевидно построенной до изобрѣтенія спиртныхъ напитковъ! Шериданъ, впрочемъ, спустился не самъ, его снесли на рукахъ и положили въ постель...»

«*Суббота 18 декабря 1812 года.* Лордъ Галлендъ передалъ мнѣ любопытный примѣръ сантиментальности со стороны Шеридана. Какъ-то на дняхъ мы разсуждали о разныхъ современныхъ знаме-

нитостяхъ, между прочимъ и о немъ. Я сказалъ такія слова: «Все, что Шериданъ ни дѣлалъ, всегда выходило совершенствомъ въ своемъ родѣ. Онъ сочинилъ лучшую комедію, лучшую оперу (его «Дуэнья» гораздо выше знаменитой оперы: «Нищіе»), лучшіе торжественные стихи (на смерть Гэррика), и, въ довершеніе всего, при обвиненіи Гестингса, сказалъ рѣчь, лучшую изъ рѣчей, когда либо говоренныхъ.» Кто-то на другой день передалъ мои выраженія Шеридану, а тотъ, услыхавъ ихъ, залился слезами! *Бѣдный, бѣдный Бринсли!* Если онъ плакалъ отъ удовольствія, то какъ счастливъ я, доставивъ ему это удовольствіе. Порадовать Шеридана дружескимъ, искреннимъ словомъ для меня пріятнѣе, чѣмъ сочинить Иліаду!...»

Бѣдный, бѣдный Бринсли! можемъ мы повторить вмѣстѣ съ Байрономъ. Но едва ли слезы, пролитыя Шериданомъ вслѣдствіе похвалы мальчика (хотя бы и Гарольдова пѣвца), могли назваться слезами радости! «Школа Злословія» и пьяное путешествіе по лѣстницѣ, «построенной ранѣе изобрѣтенія спиртныхъ напитковъ»! Рѣчь противъ Гестингса и оргіи въ компаніи знатныхъ мальчишекъ! Элегія на смерть Гэррика и шутки за десятой бутылкой кларету! Грустные, грустные переходы, а Байронъ понималъ ихъ, называя Шеридана бѣднымъ Бринсли!

За несогласіями съ Уайтбредомъ и пирами въ фешенбельныхъ клубахъ произошло то, чего ожидать можно было. Молодые лорды бросили Шеридана, и Лондонъ забылъ его такъ, какъ забылъ онъ Бруммеля, Неша, Матьюза и другихъ изящныхъ джентльменовъ, когда-то услаждавшихъ своимъ присутствіемъ роскошные обѣды и рауты британской аристократіи. Нѣсколько разъ, въ теченіе долгого времени, бывшій поэтъ и ораторъ получалъ немалыя пособія отъ принца-регента, герцога Кентскаго и другихъ, менѣе высокихъ, лицъ, но сказанныя пособія, по причинѣ Шеридановой жизни и его характера, доставляли только минутныя облегченія бѣдному Бринсли. И солнце, и дождь равно безполезны полямъ, съ которыхъ уже снята жатва. Въ унылой, изнуренной излишествами машинѣ, еще двигавшейся по улицамъ Лондона, осушавшей бутылки въ тавернахъ и носившей славное имя Ричарда Бринсли Шеридана, не имѣлось уже ничего благороднаго, поэтическаго, живого. Мало того, что запутанность Шеридановыхъ дѣлъ превосходила всякое вѣроятіе, старый ораторъ считалъ себя обиженнымъ, принимая пособіе, а проматывая его, произносилъ хулу на людей, помышлявшихъ объ облегченіи его участи. Остатки прежней нетерпимости, прежняго духа партіи, пріобрѣтенныхъ въ школѣ худшихъ Фоксовыхъ спод-

движниковъ, еще не покидали души поэта. Европа измѣняла свой видъ, величіе Франціи разрушилось, Питтъ давно покоился въ могилѣ, дѣти его сподвижниковъ управляли государствомъ, но Шериданъ по прежнему считалъ себя вигомъ прошлаго столѣтія, другомъ принца-регента и врагомъ Питтовой политики!

Страсть стараго поэта къ парламенту и парламентскимъ преніямъ — страсть, основанная (какъ мы уже много разъ говорили) на необузданной потребности сильныхъ ощущеній, не ослабѣвала, несмотря на бѣдность, на упадокъ силъ, на упадокъ Шеридана въ обществѣ. Часто ходить въ палату онъ не рѣшался, опасаясь самого вида залы, еще недавно оглашавшейся звуками его голоса, но онъ еще не отказывалъ себѣ въ надеждѣ посѣщать эту залу не въ качествѣ зрителя, а однимъ изъ депутатовъ великобританскаго народа. Посреди злого безденежья, окруженный кредиторами и полицейскими чиновниками, бывшій товарищъ Фокса и Виндгама занимался составленіемъ приблизительныхъ счетовъ о расходахъ на слѣдующіе выборы или нетерпѣливо ждалъ смерти котораго нибудь изъ членовъ нижней палаты съ цѣлью поступить на его мѣсто. Эти неразумныя домогательства, соединившись со всегдашней гордостью Шеридана, еще болѣе побуждали его скрывать отъ свѣта отчаянное положеніе своихъ финансовъ. Обманываясь самъ, поэтъ обманывалъ другихъ, на сколько позволяли то его силы. Рѣдко, рѣдко, въ минуты нравственнаго просвѣтленія, онъ позволялъ себѣ откровенное слово или горючую слезу о своей прошлой славѣ, о своихъ настоящихъ страданіяхъ.

Наконецъ въ іюнѣ 1816 года, одна небольшая статейка въ извѣстной газетѣ «Morning Post» снова привлекла все вниманіе Лондона на когда-то знаменитаго поэта. Въ этой статьѣ (увы! даже и въ ней видѣнъ былъ духъ партіи) разсказывалось о нищетѣ, болѣзни и страданіяхъ «одного великаго человѣка, котораго гордая душа изнемогаетъ, не рѣшаясь искать помощи, просить ея у своихъ неблагодарныхъ сограждановъ!» — «Спѣшите — продолжалъ неизвѣстный корреспондентъ газеты — спѣшите окружить попеченіемъ, любовію постель умирающаго: это будетъ полезнѣе, нежели идти за его гробомъ во всемъ блескѣ погребальной пышности! Вмѣсто того, чтобъ чрезъ нѣсколько дней жертвовать суммы на великолѣпные похороны, лучше идите и жертвуйте часть вашего достатка, и спасайте отъ смерти одного изъ знаменитыхъ сограждановъ вашихъ!» *)

---

*) Статейка эта, какъ потомъ открылось, писана была (конечно безъ вѣдома Шеридана) однимъ изъ политическихъ его сверстниковъ, никогда не питавшихъ къ

Безъ догадокъ и поясненій, весь Лондонъ угадалъ, о комъ идетъ рѣчь. Всѣ газеты перепечатали скорбное извѣстіе, и вся аристократія города бросилась къ Шеридановой квартирѣ. Ихъ высочества герцогъ Йоркскій и герцогъ Аргайльскій явились первыми, но пхъ вниманіе предупреждено было заботливостью принца-регена, гораздо ранѣе появленія знаменитой газетной статейки. Часть долговъ поэта уже покрылась чрезъ доставленныя его высочествомъ суммы, второе пособіе, изъ того же источника, пошло на покупку вещей и медикаментовъ. Составитель статьи лгалъ, намекая на безпомощное положеніе Шеридана. Не отъ холода и голода умиралъ бывшій обвинитель Варренъ Гестингса. Желудокъ его, ослабленный, или, вѣрнѣе, разрушенный годами излишествъ, не принималъ болѣе пищи. Усилія первыхъ врачей города не могли бороться съ этимъ недугомъ. 7 іюля 1816 года Ричардъ Шериданъ скончался на 65 году отъ рожденія.

Въ день, назначенный для погребенія великаго писателя, несмѣтныя массы народа наполнили все пространство между Джорджъ-Стритомъ, гдѣ лежало тѣло покойнаго и Вестминстерскимъ аббатствомъ, послѣднимъ пріютомъ Шекспира, Джонсона и другихъ великихъ мертвецовъ. Великолѣпнѣйшая изъ похоронныхъ процессій двинулась къ храму, имѣя впереди двухъ особъ королевской фамиліи, ихъ высочествъ герцоговъ Йоркскаго и Суссекскаго, въ числѣ другихъ лицъ, непосредственно слѣдовавшихъ за высокими посѣтителями, находились герцогъ Аргайльскій, маркизы Тэвистонъ и Энгльси. По сторонамъ гроба мѣста занимались герцогомъ Бедфордскимъ, графомъ Лаудерделемъ, графомъ Мильгревъ, епископомъ лондонскимъ, лордами Голлендъ и Спенсеръ, за гробомъ шли всѣ парламентскія, свѣтскія, литературныя и драматическія знаменитости Лондона, въ томъ числѣ поэты Муръ и Роджерсъ, лорды Джерси и Кевендишь, великій Джорджъ Каннингъ и наконецъ лордъ-мэръ города Лондона. Могила Шеридану была уже приготовлена на самомъ лучшемъ мѣстѣ аббатства, въ *углу поэтовъ*, близъ Гольдсмита, Эддисона и Джонсона. Вся церемонія сопровождалась такой роскошью и стоила такой суммы, что одна французская газета, описывая ее, выразилась очень остроумно: «изъ всего этого слѣдуетъ, что литераторамъ надо *жить* во Франціи, а для похоронъ *умирать* въ Англіи».

Подтвердить ли и намъ это горькое слово, произнести ли намъ

нему особеннаго расположенія. Авторъ ея, по всей вѣроятности, не столько желалъ сдѣлать добро поэту, какъ кольнуть лицъ, забывшихъ Шеридана.

вслѣдъ за другими біографами, строгое осужденіе на современниковъ Шеридана? Вопросъ кажется намъ тѣмъ сложнѣе и запутаннѣе, что изъ числа критиковъ и историковъ литературы, къ нему подступавшихъ, рѣдкіе произносили свой приговоръ съ добросовѣстностью. Надъ трупомъ Шеридана, будто греки съ троянами надъ трупомъ Патрокла, боролись и теперь сражаются политическія партіи, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла. Съ точки зрѣнія практической вопросъ очень простъ: Шериданъ самъ погубилъ себя своей безпорядочной жизнью, и никакой законъ не предписываетъ государству заботиться о поэтѣ, который самъ о себѣ не заботится. «Talent oblige» — эта истина намъ кажется яснѣе дня, а непониманіе сказанной истины было причиной всѣхъ бѣдствій автора «Школы Злословія». Тотъ, кто зарываетъ свои таланты въ землю, позоритъ свой зрѣлый возрастъ разгуломъ и лѣностью, кто въ тяжкія минуты на призывъ отечества отвѣчаетъ мелочнымъ духомъ партіи и пристрастіемъ къ жалкой интригѣ, не можетъ ни желать, ни надѣяться, чтобъ его печальную старость окружили общимъ почетомъ. За славныя дѣла молодости, гробъ его будетъ поставленъ въ Пантеонѣ великихъ мужей; за безполезные и постыдные годы зрѣлаго возраста его имя будетъ вѣчно произноситься съ выраженіемъ одного сожалѣнія. Кто утратилъ способность твердо стоять на своихъ ногахъ, тотъ не пойдетъ далеко, хотя его и возьмутъ подъ руки.

Такъ слѣдуетъ смотрѣть большинству публики на жизнь и смерть Ричарда Шеридана, но намъ кажется, что внимательный цѣнитель, пристально всматриваясь въ главнѣйшіе періоды жизни поэта и оратора, найдетъ сказать многое и противъ его соотечественниковъ. Съ той поры, какъ бывшій защитникъ началъ честности, обвинитель сребролюбцовъ и грабителей пустился вредить Питту и проповѣдывать противъ войны, которую Россія и Англія замышляли противъ революціонной Франціи, съ Ричардомъ Шериданомъ все было кончено: онъ обратился въ политическій нуль и нуль довольно зловредный; но не мѣшаетъ провѣрить, однако же, по какой причинѣ померкъ этотъ свѣтлый разсудокъ и не было ли въ отношеніяхъ оратора къ министерству и отечеству какихъ нибудь особенныхъ причинъ, обусловливающихъ плачевную перемѣну въ его поведеніи? Намъ кажется (и мы выставляемъ свой выводъ какъ одно предположеніе), что соотечественники Шеридана и многіе его парламентскіе товарищи въ душѣ не могли простить оратору словъ и обвиненій, высказанныхъ имъ во время Гестингсова процесса. Великобританія, издавна извѣстная по высокомѣрію и коварству

своей внутренней и внѣшней политики, не могла ласково глядѣть на людей, передъ всѣмъ міромъ раскрывшихъ злоупотребленія ея администраторовъ, жадность ея капиталистовъ, безбожное обхожденіе англичанъ съ слабыми и беззащитными народами. Боркъ, Фоксъ и Шериданъ не могли быть популярными, хотя ихъ рѣчи въ Вестминстеръ-Голлѣ приводили въ восторгъ слушателей: восторгъ оставался восторгомъ, но когда приходилось считать барыши и получать дивиденды изъ остъ-индской компаніи, и теоріи и филиппики, недавно слышанныя, предавались забвенію. Питтъ, какъ мы знаемъ, обладалъ честностью высокой и жаждалъ улучшеній по внутреннему управленію; но, начавши разорительную и тяжкую войну, онъ не могъ продолжать своихъ реформъ, нуждаясь въ деньгахъ и поддержкѣ со стороны общественнаго мнѣнія. Эти и многія другія причины произвели разъединеніе между талантливѣйшими и благонамѣреннѣйшими людьми, разъединеніе тѣмъ плачевнѣйшее, что вслѣдъ за нимъ многіе изъ нихъ утратили свой талантъ и свою благонамѣренность. Боркъ, Фоксъ и Шериданъ, какъ мы имѣли случай видѣть, при огромныхъ, почти одинаковыхъ способностяхъ, были одарены различными качествами сердца. Первый, вполнѣ великій умомъ и душою, сталъ превыше партій и сказалъ: «отечество прежде всего»; второй, человѣкъ минуты и добрыхъ побужденій, ораторъ «до конца ногтей», захотѣлъ говорить тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать — и остался безполезнымъ.

Шериданъ, поэтъ причудливый и слабый по духу, унизилъ и себя, и свою дѣятельность жалкой борьбою, изъ высокихъ вопросовъ вынося одни сплетни и мизерные споры. Всѣ отъ него отступились; всѣ признали его существомъ пустымъ, пережившимъ свою славу.

Но если Шериданъ былъ истинно безполезенъ въ дѣлахъ политики, изъ него, пока еще онъ былъ молодъ и свѣжъ духомъ, отечество могло извлечь другую пользу. Питтъ, всюду высматривая честныхъ и безкорыстныхъ администраторовъ, сверхъ того располагая многими мѣстами чисто художественнаго значенія могъ обезпечить будущность Шеридана и направить его талантъ на добро; преемники великаго министра имѣли возможность сдѣлать то же. Шериданъ былъ честенъ и ненавидѣлъ лихоимство; одно имя его могло быть грозой для Варренъ Гестингсовъ въ миніатюрѣ—Варренъ Гестингсовъ, которыми и понынѣ богата Англія. Вмѣсто подаяній бывшему драматургу и пировъ въ его честь, аристократія Лондона лучше бы сдѣлала, еслибъ довѣрила Шеридану одну изъ должностей, гдѣ бы онъ могъ дѣйствовать на пользу общую и на

дѣлѣ примѣнять свои правила возвышенной честности. Все это, повторяемъ мы, могло произойти только во времена зрѣлаго возраста нашего поэта; подъ старость онъ уже былъ и слабъ и ничтоженъ, но и тогда легко было бы подарить человѣку, столько тѣшившему публику, хоть какое нибудь номинальное ученое мѣсто съ достаточнымъ содержаніемъ.

Англія не бережетъ своихъ великихъ людей. Обвиненіе это такъ часто повторяется, что въ немъ должна быть своя частица истины. Поэты, говорившіе ей правду въ лицо, не кончали своей жизни блистательно. Случай ли это или непріятная истина? Лордъ Байронъ, сказавшій въ двухъ вдохновенныхъ стихахъ: «о, еслибъ мое отечество знало, какъ его великое имя ненавидимо цѣлымъ свѣтомъ!» не имѣетъ ни статуи, ни памятника въ Вестминстерскомъ аббатствѣ; Шериданъ, разоблачившій всѣ недостойныя дѣла остъиндскаго управленія, привезенъ въ аббатство на чужія деньги, въ гробѣ, купленномъ чужимъ человѣкомъ!

ГЕОРГЪ КРАББЪ

И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Намъ предстоитъ трудъ, самый тяжелый, и, прибавимъ съ откровенностью, самый отрадный изъ всѣхъ трудовъ, когда либо нами предпринимаемыхъ. Имя и творенія *Георга Краббa*, Міерися и Говарда поэзіи, христіанина и утѣшителя меньшихъ своихъ братій, человѣка сосредоточившаго въ своихъ вдохновеніяхъ все величіе здравой, хотя и суровой филантропіи, почти неизвѣстны внѣ его отечества. Писатель, удивлявшій полетомъ своего генія Вальтеръ-Скотта и Байрона, дѣятель трехъ поколѣній, получившій дань хвалы отъ Самуила Джонсона, Томаса Мура и Виллльяма Теккерея, первый труженикъ на поприщѣ *сближенія своей родной словесности съ изображеніемъ дѣйствительной жизни*, неизвѣстенъ ни у насъ въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи. Это странное молчаніе нашихъ и иноземныхъ критиковъ о самомъ *натуральномъ* писателѣ нашего столѣтія, мы не обинуясь приписываемъ случаю, и ничему другому. Недавнее знакомство образованной Европы съ англійскою словесностью часто пораждаетъ такіе случаи, можетъ быть, болѣе достойные названія промаховъ. Пока популярнѣйшія творенія Чаусера, Беніана, Форда, Босвелля, де-Фо, Вальполя, Роджерса, Кольриджа, Краббa считаются чѣмъ-то заповѣднымъ для чужестранца, пока біографія Джонсона не переведена на всѣ языки, пока этюды Сиднея Смита читаются только въ Англіи и въ Америкѣ, никто изъ насъ не имѣетъ права сказать, что его соотечественники знакомы съ дѣятельностью самыхъ замѣчательныхъ англійскихъ писателей. По мѣрѣ силъ нашихъ стараясь быть путеводителями русской публики въ этой еще новой

для нея области, мы долгомъ считаемъ сообщить ей о причинахъ, побудившихъ насъ приступить къ писателю, до такой степени трудно переводимому, какъ Краббъ, авторъ «Деревни», «Сельскихъ Сказокъ», «Мѣстечка» и «Метрическихъ Списковъ». Главнымъ поводомъ къ началу труда нашего служило несомнѣнное тождество въ направленіи Георга Краббя и всей современной европейской словесности. Реакція противъ высокопарной идеализаціи въ искусствѣ есть одна изъ лучшихъ заслугъ нашего столѣтія — сила и законность этой реакціи сказывается въ ея повсемѣстности. Всюду, гдѣ литература составляетъ любимое достояніе народовъ, видна эта реакція. Небывалые герои, хитросплетенныя событія, злодѣи въ Гарольдовомъ плащѣ, жизнь, освѣщенная яркимъ свѣтомъ, давно исчезли, уступивъ мѣсто людямъ изъ тѣла и крови, событіямъ простымъ, сценамъ правдивымъ и не преувеличеннымъ. Краббъ, съ его популярными произведеніями, былъ родоначальникомъ этой реакціи въ Англіи, точно такъ же, какъ, напримѣръ, Гоголь въ Россіи. У Краббя имѣлись свои товарищи, даже свои предшественники, но, благодаря своей силѣ и цѣлости взгляда, онъ представляетъ самую замѣтную фигуру между реалистами своей родной словесности. Этой заслуги еще мало: поэтическій реализмъ Краббя (какъ оно почти всегда бываетъ у истинныхъ геніевъ) далеко опередилъ реализмъ всѣхъ его послѣдователей, превзошелъ его какъ здравостью направленія, такъ и той высокой теплотой чувства, безъ которой реализмъ становится узокъ и удушливъ. Пѣвецъ прозаической дѣйствительности, горя и страданій, нелицемѣрный обличитель пороковъ своей родины, такъ обильной пороками, Краббъ вмѣстѣ съ тѣмъ другъ человѣка и по дѣламъ своимъ, и по смыслу своихъ пѣснопѣній. Онъ христіанинъ, чуждый сентиментальной филантропіи, строгій благотворитель, чуждый слезливости; онъ другъ всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ, но врагъ утопіи, врагъ мизантропическихъ болтуновъ въ поэзіи. Даже въ страницахъ безотраднаго содержанія, изображая намъ ни чѣмъ не смягченныя картины страданій человѣческихъ, Краббъ сказывается поэтомъ-практикомъ. Всюду бьется нѣжное сердце, хотя и закаленное горькимъ опытомъ, всюду виденъ намъ мужъ вѣры и твердости, глядящій на жизнь какъ слѣдуетъ мужу, прожившему свой вѣкъ не напрасно. Жизнь Георга Краббя, противопоставленная его поэзіи, представляетъ намъ контрастъ въ высшей степени поучительный. Вслѣдствіе своей нѣжной натуры и горестей, перенесенныхъ въ юности, нашъ поэтъ жилъ посреди ежеминутныхъ увлеченій сердца, разбрасывая неимущимъ свой не-

большой достатокъ, предаваясь необузданной благотворительности и много разъ ошибаясь въ добрыхъ своихъ дѣлахъ; однимъ словомъ, въ частной своей жизни онъ былъ по временамъ сантиментааенъ и нѣженъ. Но когда священный огонь вдохновенія загорался въ его груди, когда приходила минута творчества, скромный и нѣжный пастырь душъ, благодѣтель своего крошечнаго прихода становился на олимпійскія вершины, доступныя только первоклассньмъ мыслителямъ. Весь міръ раскидывался передъ его безпристрастнымъ окомъ, и въ этомъ мірѣ для поэта не было уголковъ особенно милыхъ или особенно ненавистныхъ. Мужъ дѣла, а не сантиментальнаго слова, Краббъ видѣлъ дурныя стороны человѣка и въ хижинахъ, и въ чертогахъ, понималъ добро въ сердцѣ селянина и въ сердцѣ вельможи, уважалъ людскія страданія, но не облекалъ ихъ въ геройство. Онъ описывалъ жизнь во всей ея наготѣ и прозѣ, твердо вѣруя, что *все* посланное намъ Творцомъ нашимъ, есть поэзія, и это основное убѣжденіе давало ему безпредѣльную силу. Оттого въ его сочиненіяхъ не найдете вы ни моральныхъ фразъ, ни филантропическихъ воззваній ни обильно проливаемыхъ слезъ, ни карающаго юмора, ни напыщенной торжественности. Онъ спокоенъ даже у постели умирающаго, вѣчная разлука двухъ любящихся сердецъ не вызываетъ слезъ на глаза поэта, онъ постоянно твердъ и какъ будто безстрастенъ, но это безстрастіе великаго хирурга посреди своей клиники.

По нашему личному убѣжденію, котораго мы не смѣемъ навязывать ни читателямъ, ни цѣнителямъ искусства, реальное направленіе въ словесности нашего времени какъ русской, такъ и чужестранной, зашло слишкомъ далеко, даже переступило границы псевдо и ультра-реализма. Натуральность направленія и непризнаваніе жизненной поэзіи у насъ стали почти синонимами, какъ будто бы писатель новаго поколѣнія имѣетъ возможность, по своему произволу отбросить изъ жизни человѣческой ея здраво-идеальную, возвышенную сторону! Противъ названнаго недостатка надо бороться и бороться неотступнымъ образомъ. Кому не опротивѣли и въ англійской, и въ русской, и во французской литературѣ эти дагеротипныя изображенія мелочей жизни, эти бѣдные скицы, не проникнутые ни одной свѣтлой идеей, этотъ преднамѣренно сатирическій взглядъ на все, что существуетъ на свѣтѣ? Злоупотребленіе идеальной поэзіи можетъ создать Новалиса, злоупотребленіе реализма не въ силахъ создать ничего, кромѣ Шамфлёри, Левера и имъ подобныхъ дагеротипистовъ. Для того, чтобъ обуздать потокъ ложной натуральности, полезнѣе всего изучать

гений здраво-натуральныхъ писателей, между которыми Краббу, безъ сомнѣнія, принадлежитъ первое мѣсто. Если бы корифеи французской псевдо-классической школы были знакомѣе съ Гомеромъ и греческими трагиками, имена которыхъ такъ часто ими употребляются попустому, свѣтъ можетъ быть не видалъ бы трагедіи съ тремя единствами, «самой забавной фарсы, когда либо придуманной *человѣкомъ* *)»! Еслибъ поэты-лекисты, поставившіе себѣ въ обязанность воспѣвать одну дѣйствительность и писатѣ языкомъ разговорной рѣчи, знали наизустъ Крабба и Борнса, мы не видали бы ни основанія, ни паденія каррикатурной школы, погубившей столько сильныхъ талантовъ, и столько лѣтъ бывшей посмѣшищемъ своей родины, въ ущербъ интересамъ поэзіи и просвѣщенія.

Пріятно думать, однако же, что настоящій нашъ трудъ будетъ не однимъ противодѣйствіемъ тому, что имѣется ложно-реальнаго въ нашей родной и такъ дорогой всѣмъ намъ русской словесности. Возвышенныя пѣсни Пушкина еще звучатъ въ памяти нашей, и самъ Гоголь, на зло многимъ изъ своихъ подражателей, не увлечетъ насъ къ псевдо-реализму, ибо самъ полонъ реализма истиннаго, да сверхъ того безпрестанно озаряемаго теплымъ лучомъ поэзіи. Въ первоклассныхъ дѣятеляхъ настоящей нашей литературы, мы находимъ по частямъ то направленіе и ту поэзію, которыми ярко отличается вся масса Крабборыхъ произведеній. Они могутъ учиться у Крабба, но не исправляться, читая Крабба. Щадя скромность высоко-уважаемыхъ товарищей нашихъ, мы не назовемъ ни одного изъ современныхъ русскихъ литераторовъ, о которыхъ мы постоянно думали, составляя этюдъ, нынѣ предлагаемый читателю. Публика сама увидитъ сродство великаго иноземнаго поэта, съ нѣкоторыми изъ нашихъ современныхъ дѣятелей, и еще разъ убѣдиться въ томъ, что добро, правда и художественность одинаковы во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ.

I.

Городокъ Альдборо. — Мѣстность и жители. — Дурная слава. — Семейство Краббовъ. — Георгъ Краббъ старшій. — Поэтъ Георгъ Краббъ и его братья. — Морскіе виды. — Притоны бродягъ и контрабандистовъ. — Смерть дочери Крабба старшаго. — Прогулка по водѣ. — Исторія дѣтства. — Воспитаніе поэта, вліяніе мѣстности и провинціальныхъ нравовъ.

Во всякомъ, самомъ населенномъ и образованномъ государствѣ находятся пустынные, забытые, заброшенные и очень часто зло-

*) Мерсье.

мѣщіе уголки, о существованіи которыхъ имѣетъ понятіе только малая часть неутомимыхъ туристовъ. Географъ не знаетъ что сказать о такомъ уголкѣ, промышленникъ заѣзжаетъ туда неохотно, иноземецъ считаетъ его пустымъ пятномъ на картѣ, грустной пустыней въ сердцѣ цвѣтущаго края. Однимъ изъ такого рода печальныхъ уголковъ былъ въ половинѣ прошлаго столѣтія англійскій городъ *Альдборо* *), нынѣ извѣстный каждому любителю изящной словесности, и сверхъ того знаменитый своими морскими ваннами. Воображеніе захандрившаго поэта не въ силахъ создать пейзажа грустнѣе того, посреди котораго лежалъ бѣдный городокъ съ его двумя параллельными и немощенными улицами, между рядомъ голыхъ возвышенностей и песчаной отмелью, далеко уходившей въ сѣрыя волны нѣмецкаго моря. Отъ вѣчнаго прибоя воды и сильныхъ морскихъ приливовъ, весь берегъ на необозримое пространство былъ засыпанъ пескомъ и морскими раковинами. Часть города, ближайшая къ водѣ, давно уже разрушенная наводненіемъ и никогда не возстановляемая, лежала кучей гнилыхъ развалинъ. Безплодность степи, кое-гдѣ пересѣченной тощими лѣсами, отгоняла отъ города земледѣльцевъ, а отсутствіе этого спокойнаго класса населенія, дѣлало окрестности Альдборо мѣстомъ опаснымъ. По берегу моря, въ несчастныхъ хижинахъ, гнѣздились семейства сумрачныхъ людей, днемъ ловившихъ рыбу, а по ночамъ отправлявшихся на разные таинственные промыслы, часто оканчивавшіеся дракой съ таможенною стражею или ограбленіемъ какого нибудь запоздалаго путника. Никто не ѣздилъ по берегу безъ оружія, и можетъ быть, самый видъ этихъ мѣстъ еще усиливалъ ихъ дурную славу. Носились слухи, что въ бурныя ночи, по скаламъ около города зажигались фальшивые маяки, что экипажи судовъ, разбивавшихся или садившихся на мель, были убиваемы ворами и что много кровавыхъ исторій случалось посреди пустыни, будто нарочно устроенной для дѣлъ такого рода. На сколько имѣлось правды въ подобныхъ слухахъ, рѣшить трудно, но съ достовѣрностью можно сказать, что за сто лѣтъ назадъ городокъ Альдборо считался дурнымъ и безпокойнымъ уголкомъ Англіи. Населеніе его, кормившееся контрабандой, а можетъ быть и еще худшими средствами, отличалось буйствомъ, невоздержностью и неповиновеніемъ. Это былъ какой-то приморскій Cour des Miracles, посреди котораго жило нѣсколько честныхъ семействъ, затерянныхъ въ грязи, скукѣ и окружающемъ ихъ безчинствѣ.

*) Въ графствѣ суффолькскомъ.

Въ числѣ порядочныхъ людей, отчасти уже огрубѣвшихъ отъ безпрестаннаго столкновенія съ своими буйными сосѣдями, считался въ 1754 году нѣкто *Георгъ Краббъ*, сборщикъ податей по соляной части (Salt-Master), въ юности своей занимавшій должность приходского школьнаго учителя въ Орфордѣ, а впослѣдствіи вступившій на службу по таможнѣ. Фамилія Краббовъ считалась едва ли не древнѣйшею въ Альдборо, хотя уваженіе, какимъ она пользовалась въ городѣ, основывалось не столько на ея древности, какъ на томъ обстоятельствѣ, что всѣ Краббы, безъ исключенія, были людьми атлетическими, вспыльчивыми и тяжелыми на руку. Съ Георгомъ Краббомъ, о которомъ здѣсь говорится, шутить было опасно, хотя по своей должности, онъ не могъ пользоваться любовью городского населенія. Не разъ, служа при таможенной стражѣ, ловилъ онъ на дѣлѣ воровъ и смогглеровъ, не разъ его огромные кулаки и толстая палка возстановляли порядокъ на улицахъ или казнили нарушителей общаго спокойствія. Въ городѣ, нами описанномъ, кулачное право всегда пользовалось уваженіемъ и вотъ причина, по которой старый, сердитый Георгъ Краббъ считался другомъ и какъ бы заступникомъ всѣхъ мирныхъ сосѣдей. Въ семьѣ своей онъ являлся такимъ же богатыремъ какъ въ пакгаузахъ или на дозорѣ; его честность и прямота не мѣшали ему быть тяжелымъ семьяниномъ, повелительнымъ мужемъ и отцемъ крайне-взыскательнымъ. У Георга Краббa было трое сыновей и двѣ дочери, изъ которыхъ одна умершая въ младенчествѣ; старшему изъ его дѣтей, тоже Георгу по имени, предстояла честь быть великимъ поэтомъ и прославить имя Краббовъ въ отдаленныхъ поколѣніяхъ. Онъ родился въ 1754 году, наканунѣ Рождества Христова, въ старомъ домѣ, нынѣ почти разрушенномъ приливами. Домъ этотъ имѣетъ форму древнѣйшихъ англійскихъ домиковъ, съ верхнимъ этажемъ, выдавшимся далеко впередъ и крошечными створчатыми окнами, придающими крайне унылый видъ всему строенію. Старикъ Краббъ, какъ читатель, вѣроятно, догадывается, не принадлежалъ къ числу людей богатыхъ. Ни средства денежныя, ни собственное развитіе не позволяло ему много думать о воспитаніи своихъ ребятишекъ. Дѣти по цѣлымъ днямъ бродили на свободѣ, играли на берегу моря, помогали отцу складывать тюки въ пакгаузъ и ловили съ нимъ рыбу, при чемъ маленькій Георгъ, неловкій и задумчивый, получалъ толчки и названія самыя неласковыя. Вообще онъ считался глупымъ мальчикомъ, и, благодаря своей репутаціи, могъ дѣлать, что хотѣлъ, бродить, гдѣ хотѣлъ и мечтать о чемъ ему было угодно.

Печальныя картины — говоритъ намъ сынъ и біографъ поэта — открывались передъ маленькимъ Георгомъ во время его одинокихъ прогулокъ. Слѣдя за всѣми произведеніями отца моего, не трудно подмѣтить съ какой силою врѣзались на вѣки въ его память окрестности городка, полузатопленнаго въ пескѣ и морѣ, населеннаго угрюмыми и буйными жителями, дико глядѣвшими на всякаго пріѣзжаго, безпрестанно дравшимися на улицахъ и нерѣдко нарушавшими тишину ночи криками пьянаго веселія. Городокъ стоялъ на отмели, состоявшей изъ трехъ, рѣзко отдѣлявшихся полосъ: одна устилалась камнями, выброшенными изъ моря; вторая, ближайшая къ водѣ, изъ раковинъ и морскихъ растеній; третья изъ мелкаго и твердаго песку. Довольно много барокъ и рыбачьихъ судовъ стояло у берега, и въ близкомъ отъ него разстояніи, возлѣ угрюмаго зданія ратуши (единственнаго большого зданія въ городѣ), съ озабоченнымъ видомъ ходили группы моряковъ и рыболововъ, поджидая вѣтра или сигнала для отправленія изъ негостепріимнаго края.

Правду сказать, и весь окрестный ландшафтъ не отличался пріятностью: кой-гдѣ выглядывали бѣдныя безплодныя фермы, посреди жалкого песчанаго грунта мѣстами подернутаго тощей травою, возвышались деревья въ маломъ количествѣ, да и тѣ были почти засушены морскимъ вѣтромъ. Строки при началѣ поэмы «Деревня» обрисовываютъ край съ обычною ясностью Краббовыхъ произведеній:

Сперва идетъ вересковая поляна, кое-гдѣ поросшая чахлымъ кустарникомъ,
Изъ которой сосѣдніе бѣдняки берутъ легкій торфъ, чтобъ согрѣваться,
За ней тянется длинная полоса горючаго песку (burning sand),
На которой жидкій хлѣбъ шевелитъ своими полузасохшими колосьями.
Колючія сорныя травы, наперекоръ всѣмъ усиліямъ и заботамъ,
Рвутся изъ-подъ земли и вторгаются въ блѣдно-полинявшую рожь;
Тамъ и сямъ огромный репейникъ далеко раскидываетъ свои колючія руки
И грозитъ войной маленькимъ оборваннымъ ребятишкамъ.

Рѣка Альда, подходя довольно близко къ морю, дѣлаетъ крутой поворотъ и льется почти параллельно морю передъ своимъ впаденіемъ около Орфорда — пространство между взморьемъ и рѣкою все состоитъ изъ болотистой степи. Одно только море отча-

сти скрашивало всю картину, и конечно Краббъ, какъ большая часть поэтовъ его родины, былъ вѣчнымъ поклонникомъ моря и надо прибавить, безпримѣрнымъ его живописцемъ.

Я отдалъ океану (говоритъ одинъ изъ его героевъ)
И мое сердце, и мои думы, безпокойныя какъ волны.
Я бѣжалъ къ толпамъ, собиравшимся у берега,
Слушалъ ихъ рѣчи и слѣдилъ за хлопотами мореходцовъ.
Мнѣ жоны матросовъ съ охотой сообщали
Исторіи о буряхъ, про которыя съ охотой вспоминаютъ люди, вырвавшіеся изъ опасности.
Ни одинъ корабль не разбивался въ сосѣдствѣ,
Котораго бы я не зналъ полной исторіи.
Я любилъ ходить тамъ, гдѣ никто не ходилъ прежде меня;
Между скалами, громоздившимися по берегу,
У меня были любимыя мѣста, гдѣ я стоялъ по часамъ,
Слыша только плесканіе океана, набѣгавшаго на берегъ.
Этого звука не нарушалъ никто, только изрѣдка
Вскрикивалъ сѣрый куликъ, перелетая съ мѣста на мѣсто...

. . . .

Ничтожнѣйшій и величайшій изъ людей имѣютъ равное право
Глядѣть на океанъ — блистательнѣйшую страницу въ книгѣ природы!

Какъ радостно въ тихій лѣтній вечеръ,
Въ тотъ часъ, когда отступающія волны оставляютъ широкій берегъ,
Поджидать, стоя на мелкомъ и твердо-сплотившемся пескѣ,
Какъ обнаруживаются и блещутъ изъ-подъ воды богатства моря —
Яркія, розовыя раковины, группами осѣдающія на землю;
Загадки для ученыхъ, смѣшеніе жизни съ прозябеніемъ, растенія съ камнемъ,
То представляющіяся огромными нескладными массами, то
Маленькими блестящими точками, способными помѣститься на женскомъ кольцѣ;
Издѣлія божественной руки, превосходящія тонкостью и прелестью
Всѣ чудеса, когда либо сдѣланныя рукой человѣка!

. . . .

И даже зимой, какіе чудные виды представляетъ намъ море,
Когда вся окрестность задымляется опаловымъ густымъ туманомъ,
Когда вы ясно слышите голоса вблизи находящихся рыбаковъ,
Не различая ни ихъ, ни мѣста занятаго ихъ лодкой —
Ничего кромѣ полузакрытой фигуры человѣка на кормѣ.

Все заволоклось кругомъ; горизонтъ вашъ сжимается и съуживается;
Ребятишки, кидающіе круглые камешки въ воду съ берега,
Попадаютъ ими въ мачту невидимо-проходящей барки
И лоцманъ угрюмо выкрикиваетъ бранное слово,
Не видя съ кѣмъ бранится и кто бросилъ камешекъ въ его лодку.
Пріятно во время тумана слѣдить за сѣтью, которую возлѣ тянутъ:
Въ глазахъ мелькаетъ узелъ за узломъ, пока наконецъ скроется послѣдній изъ нихъ,
И вслѣдъ за нимъ, будто изъ дыма, выплываетъ челнокъ,
Нарушая тишину всплескомъ веселъ, съ которыхъ падаютъ капли воды.
И въ ушахъ снова отдается близкій звукъ человѣческаго голоса,
Сообщающій что-то печальное всей величавой сценѣ.

Мы съ намѣреніемъ остановились надъ описаніемъ морскихъ сценъ (много подобныхъ намъ предстоитъ встрѣтить въ твореніяхъ Крабба), ибо нашъ поэтъ не могъ жить безъ моря. Слѣды дѣтскихъ впечатлѣній преслѣдовали его всю жизнь съ необыкновенною силою. Но не слѣдуетъ думать, чтобъ одно море и одна природа привлекали къ себѣ сердце молодого мечтателя. Съ юношескихъ лѣтъ онъ уже умѣлъ наблюдать и изучать человѣка. Жизнь горожанъ Альдборо не могла назваться изящною, даже спокойною, но, по крайней мѣрѣ, она не была замкнутой жизнью. Сыну старика Георга Крабба былъ всюду удобный доступъ, и въ пріюты нищеты и въ тихія жилища небольшого числа мирныхъ поселянъ, и въ полуразрушенные пріюты контрабандистовъ и на суда предпріимчивыхъ рыбаковъ. Самъ онъ, въ послѣдующихъ своихъ письмахъ не одинъ разъ говоритъ, что многими изъ лучшихъ своихъ картинъ онъ обязанъ дѣтскимъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ. Вотъ, напримѣръ, великолѣпный отрывокъ изъ поэмы «Метрическій списокъ», отрывокъ, ясно обрисовывавшій бытъ населенія той части городка, которая когда-то была разрушена наводненіемъ.

Войдемъ... Нечего отворачивать глазъ и бояться дурного запаха:
Истинный врачь не остановится передъ неопрятной палатой.
Смотри, сколько валяется на полу тряпицъ и щепокъ,
Сколько корокъ и объѣдковъ на этомъ поломанномъ ящикѣ,
Какимъ пушистымъ слоемъ лежитъ пыль на подоконникѣ,
Сколько ея на перекладинѣ кровати, нерадиво раздѣленной на двое
Перегородкой изъ дранокъ, обклѣенныхъ бумагой или засаленнымъ пологомъ!

На постели, изъ-подъ груды лохмотьевъ, когда-то носимыхъ
Мужчинами и женщинами безъ разбора, а теперь брошенныхъ совсѣмъ,
Маленькое дитя тихо высовываетъ свою головку;
Болтунья-мать забыла о ребенкѣ: она ушла къ сосѣдямъ
Толковать о новостяхъ и жаловаться на нужду, въ которой сама виновата.
...... Въ комнатѣ не отыщемъ мы ни самопрялки, ни шерсти,
Но здѣсь колоды картъ, набранныя изъ разныхъ игръ.
Книгъ тоже не водится, вмѣсто ихъ по стѣнамъ наклѣены баллады
Большею частью непристойныя и ругательныя;
Пара разрозненныхъ пистолетовъ, сѣти и багры,
Большая бутыль, по ночамъ воровски наполняемая голландскимъ ядомъ,
Какiе-то инструменты страннаго вида, съ проволоками,
Кафтаны, шляпы, и парики для переодѣванья по ночамъ,
И толстыя палки подозрительно глядящiя.
.... Около каждаго дома есть клочекъ земли когда-то огороженной;
Нынче заборы развалились и на землѣ ничего не посажено;
Посреди сорной травы торчатъ пни срубленныхъ липъ, да одичавшiе кусты крыжовника;
На голой поверхности, подъ кустами, валяются трубки и разбитыя бутылки,
Гнусные клоки бумаги и карты, разорванныя въ минуту бѣшенства.
На этихъ дворикахъ воспитываетъ бѣдную свою птицу любитель пѣтушьихъ боевъ,
Здѣсь онъ подстригаетъ ей золотистыя крылья и прицѣпляетъ ей острую сталь къ лапѣ,
Кормитъ вспыльчивое животное пряной пищей
И здѣсь же разсыпается въ крикахъ и проклятiяхъ во время боя.
Пробитая до мозга, съ выцарапанными глазами,
Побѣжденная птица должна биться до самой смерти,
Шатаясь и оступаясь при каждомъ слабомъ ударѣ;
И когда она падаетъ, безчувственный дикарь съ проклятiемъ
Срываетъ съ нея оружiе, запятнанное кровью,
И ругаетъ несчастное созданье, которое проиграло игру
И только пролило свою кровь для его грубой прихоти!

Вотъ посреди какихъ сценъ и какого быта воспитывался одинъ изъ величайшихъ поэтовъ нашего столѣтiя, одинъ изъ пламеннѣйшихъ филантроповъ и кротчайшихъ смертныхъ по духу. Въ домѣ

отца своего маленькій Георгъ видѣлъ мало радостей, тѣмъ болѣе, что собственныя его наклонности нисколько не подходили къ наклонностямъ всего семейства, составленнаго изъ людей здоровыхъ, дѣятельныхъ и отчасти грубоватыхъ. Въ первые годы Краббова дѣтства вся семья пережила одно великое огорченіе, тяжкое само по себѣ, да сверхъ того худо перенесенное. Меньшая изъ дочерей старика Крабба, тихій и милый ребенокъ, болѣе всѣхъ любимый и отцемъ и матерью, умерла послѣ мучительной болѣзни. Весь домъ былъ повергнутъ въ ужасъ поведеніемъ хозяина и главы семейства во время катастрофы. Одаренный душой страстною, но необузданно-пламенной и мало смягченной примѣрами самообладанія, старый Георгъ, весь отдавшись отчаянію, довелъ его до предѣловъ страшныхъ и унизительныхъ. Оплакивая свою малютку, онъ бранилъ и обижалъ оставшихся ребятишекъ, не скупился на толчки и побои, запугивалъ свою преданную жену и изнурившись въ силахъ, поддерживалъ себя крѣпкими напитками, становясь еще строптивѣе въ часы опьяненія. Кризисъ длился весьма долго, и конечно, долѣе всѣхъ показался онъ будущему поэту, никогда не считавшемуся любимымъ членомъ семейства. За недѣлями безумія послѣдовали для отца мѣсяцы меланхоліи и цѣлые годы мрачнаго настроенія духа, изрѣдка прерываемые проблесками буйной веселости.

Пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ, какъ имѣли мы случай сообщать читателямъ предыдущихъ нашихъ этюдовъ, — было тогда грѣхомъ повсемѣстнымъ въ Англіи, и жители Альдборо въ этомъ отношеніи отличались отъ своихъ соотечественниковъ тѣмъ только, что во хмѣлю были буйнѣе и задорнѣе. Однимъ изъ самыхъ живыхъ дѣтскихъ воспоминаній нашего поэта было воспоминаніе о небольшой поѣздкѣ по рѣкѣ Альдѣ, окончившейся довольно печальнымъ образомъ. Отецъ его любилъ рыбную ловлю, и, извлекая изъ нея нѣкоторую выгоду, весьма не лишнюю, при ограниченныхъ доходахъ семейства, построилъ себѣ маленькую лодку для катанья на парусахъ. Собраніе друзей семейства рѣшилось отпраздновать пріобрѣтеніе пикникомъ, проплывши въ лодкѣ до Орфорда, пообѣдавши тамъ и воротившись домой ночью. По усиленной просьбѣ мистриссъ Краббъ, маленького Георга помѣстили въ число пассажировъ. При восходѣ солнца, плаватели покинули берегъ, маневрируя по широкой водной поверхности, рѣзвясь и затягивая веселыя пѣсни. Но пусть самъ поэтъ разскажетъ намъ впечатлѣнія дня, такъ долго жданнаго и такъ много обѣщавшаго *).

*) Въ рукописи, оставленной Краббомъ и напечатанной послѣ его смерти въ 1851 году, въ Лондонѣ.

Сладки казались мнѣ дыханіе утра и тихое утреннее теченіе!
Лодка наша скользила по мѣстамъ, гдѣ только могутъ плыть
Самыя небольшія лодки. Поминутно причаливали мы къ берегу той
или другой стороны.
То было истинное наслажденіе, первенецъ моихъ радостей. Старшіе
рѣшили такъ:
«Надо взять ребенка, ему будетъ больше всѣхъ весело:
«Дѣти всегда радуются духомъ, когда имъ позволяютъ
«И веселиться и трудиться вмѣстѣ съ взрослымъ человѣкомъ».
Малиновки, сидя на прибрежныхъ кустахъ чирикали такъ сладко,
Что ихъ пѣніе казалось моему юному слуху слаще соловьинаго.
Все вокругъ глядѣло раемъ, потому что внутри меня
Жило сладкое чувство, неомраченное ни грѣхомъ, ни заботой.

Къ сожалѣнію, какъ въ большей части земныхъ дѣлъ, лучшей частью прогулки оказалось ея начало, ибо поэтъ продолжаетъ:

Когда солнце начало клониться къ низу,
Счастье, которымъ я дышалъ все утро, какъ бы изъ меня изчезло.
Мущины выпили много вина для возбужденія аппетита,
Отяжелѣвши отъ него, выпили для того, чтобъ развеселиться,
Потомъ выпили для удовольствія, потомъ для возбужденія силъ.
Дѣти лѣниво играли рулемъ и около веселъ,
Женщины всего пугающіяся, стали проситься на берегъ.
Затѣялись ссоры, и миръ не улыбался намъ до тѣхъ поръ,
Пока на похолодѣвшей водѣ не разослался слабый свѣтъ
Потухнувшаго дня, и не возвѣстилъ намъ, что веселый день конченъ.
Много подобныхъ ощущеній извѣдалъ я, обогатившись годами,
Многое въ жизни такъ начиналось и такъ оканчивалось!
Долго-жданная радость, вставая какъ ясное утро,
Укрывалась отъ глазъ и къ концу дня застилалась туманомъ.

По всей вѣроятности, не одинъ этотъ разъ ребенку не удавалось съ успѣхомъ «веселиться и трудиться наравнѣ съ взрослымъ человѣкомъ». Онъ самъ разсказывалъ своему сыну, какъ отецъ, взявши его съ собой на рыбную ловлю, прогналъ его назадъ съ такими словами: «ты дуракъ и всегда дуракомъ останешься. И Бобъ *) и Джонъ **) и Уилль ***) къ чему нибудь годятся, а изъ

*) *Робертъ Краббъ* велъ торгъ стекломъ, и 1834 году (во время изданія біографіи его брата) жилъ, удалясь отъ дѣлъ, въ Соутвольдѣ.

**) *Джонъ Краббъ*, впослѣдствіи лейтенантъ королевскаго флота, оставивъ службу, сдѣлался капитаномъ ливерпульскаго невольничьяго судна (тогда еще торгъ неграми былъ дозволенъ). Въ одинъ изъ переѣздовъ, негры возмутились, овладѣли кораблемъ, и посадивъ капитана со всѣмъ экипажемъ въ баркасъ, пустили на волю Океана. Съ тѣхъ поръ не было слуховъ о Джонѣ Краббѣ.

***) *Вилліамъ Краббъ* замѣчателенъ по своей жизни, исполненной приклю-

такой вещи (thing) какъ ты, никто не сдѣлаетъ чего нибудь путнаго». Но къ чести старика Георга надо прибавить, что онъ позволялъ себѣ подобныя выходки только въ минуты вспыльчивости. Старикъ не даромъ когда то исправлялъ должность школьнаго учителя. Онъ привыкъ возиться съ мальчиками и отличать въ нихъ зародыши будущихъ способностей *); для него задумчивость маленькаго Георга не всегда была признакомъ неспособности, и рано загорѣвшаяся страсть дитяти къ чтенію не казалась вредною страстью. Посреди своихъ суровыхъ занятій и столкновеній съ буйнымъ населеніемъ города, отецъ будущаго поэта не совсѣмъ утратилъ слѣды прежняго развитія. Въ свѣтлыя свои минуты онъ сидѣлъ дома, собиралъ вокругъ себя всю семью и читалъ ей въ слухъ или библію или поэмы Мильтона или Юнговы ночи, или кого либо изъ тогдашнихъ классиковъ. Къ легкой поэзіи старый мистеръ Краббъ питалъ полное презрѣніе, и, получая популярное въ то время изданіе «философическій сборникъ Мартина», вырѣзывалъ изъ него беллетрическое прибавленіе, не какъ вещь вредную, но вполнѣ недостойную идти къ переплетчику и поступить на полку съ книгами. Вырѣзанные листки переходили во владѣніе старшаго сына и доставляли ему великое наслажденіе. На бѣдномъ фундаментѣ строились начатки литературнаго образованія Георга, но собственныя силы мальчика съ избыткомъ вознаграждали потерянное время. Будущій поэтъ цѣлые дни предавался чтенію, знакомясь съ сосѣдями обладавшими какой нибудь библіотекой, самъ вызывался въ чтецы старикамъ и старухамъ, у которыхъ глаза были слабы — вообще тихій и безотвѣтный ребенокъ считался фаворитомъ старухъ всего города. Ему всегда былъ открытый доступъ въ дома вдовъ и престарѣлыхъ дѣвушекъ, ему показывались старыя фамиль-

---

ченіями. Онъ служилъ во флотѣ, былъ взятъ въ плѣнъ испанцами, сосланъ въ Мехику, гдѣ разбогатѣлъ и женился. Вице-король, чтобъ воспользоваться его имуществомъ, обвинилъ Крабба въ *протестантизмѣ*. Его обобрали и изгнали, но черезъ нѣсколько лѣтъ, одинъ изъ матросовъ, родомъ изъ Альдборо, отыскалъ Вилліама близъ Гондураса снова въ достаточномъ состояніи. Узнавши, что его братъ, Георгъ — всѣми уважаемый пасторъ, Вилліамъ весьма изумился; конечно матросъ не могъ сообщить ему, что тотъ же самый его братъ, сверхъ духовнаго званія, славится званіемъ первокласснаго поэта въ Англіи. Мы вернемся къ Вилліаму Краббу, давая читателю отчетъ о произведеніи нашего поэта, подъ названіемъ «Часъ Разлуки».

*) Старый Георгъ Краббъ (говоритъ намъ его внукъ, главный, изъ біографовъ поэта Крабба), былъ человѣкомъ малаго роста, но атлетическаго сложенія, плотный и широкоплечій. Черты лица его отличались рѣзкостью и выразительностью: они напоминали собой черты филантропа Говарда, но ихъ часто омрачалъ слѣдъ сильныхъ страстей, какихъ не зналъ великій благодѣтель человѣчества, упомянутый нами.

ныя книги или, за неимѣніемъ книгъ, разсказывались исторіи о былыхъ годахъ исторіи часто обильныя патетическими подробностями. Поэтъ истины находитъ поэзію на самой бѣдной почвѣ и потому не мудрено, что бытъ ласкавшихъ его старухъ говорилъ воображенію мальчика. Ему казались милы ихъ уединенные дома съ видомъ на море, ихъ чистыя комнаты съ балладами на стѣнахъ и древними вещицами на каминѣ, ихъ легенды о мрачныхъ дѣлахъ когда-то творившихся въ заброшенномъ городѣ, ихъ сундуки съ старыми, ни кѣмъ не читаемыми книгами, ихъ гостепріимство, ихъ мелкій мірокъ, — однимъ словомъ, все это затишье честной и уже оканчивающейся жизни, затишье, мимо котораго съ небрежностью проходитъ наблюдатель, имѣющій достаточно другихъ предметовъ для наблюденія. При всей своей бѣдности и безотрадности, городокъ Альдборо можетъ быть далъ нашему поэту болѣе, нежели великолѣпныя столицы даютъ другимъ писателямъ. Впечатлѣнія юности не изгладились вслѣдствіе опыта зрѣлыхъ годовъ и во всѣхъ даже самыхъ позднихъ произведеніяхъ Крабба можемъ мы подсмотрѣть уголокъ его родимаго мѣстечка или въ видѣ безплодной нивы, или въ картинѣ бушующаго сѣраго моря, или въ чисто фламандскомъ очеркѣ одинокой старухи, или въ разсказѣ слышанномъ своими ушами отъ альдбороскихъ мореходовъ.

Мальчики читающіе и учащіеся были такъ рѣдки въ городѣ, что Георгъ Краббъ, имѣя десять или одиннадцать лѣтъ, пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ отъ сосѣдей. Старики звали его будущимъ пасторомъ, и школьники рѣдко угнетали малютку скорѣе изъ снисхожденія, нежели вслѣдствіе почета. Одинъ разъ его хотѣлъ сильно поколотить какой-то бреттеръ приходского училища, но большинство товарищей заступилось за Георга, говоря такъ: «съ нимъ нечего связываться, пусть онъ ходитъ одинъ, развѣ не видишь, что онъ набрался учености».

II.

Біографическія соображенія. — Семейныя дѣла. — Первые поэтическіе опыты. — Первая любовь. — Блестящія надежды. — Выборъ профессіи. — Неудачи. — Рѣшительная мѣра. — Поѣздка въ Лондонъ. — Средства будущаго поэта.

Мы должны съ быстротою пройти событія Крабботовой жизни отъ 1768 до 1780 года, то есть отъ поступленія будущаго поэта въ бонгайскую школу до замысла поѣздки въ Лондонъ, навсегда рѣшившей его участь, какъ писателя и человѣка. Трудясь надъ матеріалами, до насъ собранными, и не имѣя возможности откры-

вать новыхъ, мы, однако же, не лишены права оцѣнить свѣдѣнія о жизни нашего героя, такъ какъ они дошли до насъ. Всѣ біографіи поэта Георга Краббa, большая часть замѣтокъ по поводу его жизни, грѣшатъ обиліемъ фактовъ внѣшнихъ и бѣдностью психологическихъ изслѣдованій. Не смотря на всѣ старанія преданныхъ почитателей, даже на усилія весьма замѣтными въ сочиненіи писанномъ преданной рукой сына и поклонника, молодость пѣвца «Деревни» не увлечетъ никого разнообразіемъ событій. Всякій второстепенный поэтъ, проведшій свою юность въ столицѣ или большомъ городѣ, на этотъ счетъ можетъ дать гораздо болѣе пищи біографу. Сказавъ, что Георгъ Краббъ получилъ воспитаніе въ одной изъ самыхъ плохихъ школъ, изъ нея поступилъ въ другое училище, гдѣ занимался первыми основаніями медицины и хирургіи, пытался прокормить себя званіемъ медика въ Альдборо и оставилъ эту карьеру, по недостатку практики, мы скажемъ почти все, что сказать должно. Для уразумѣнія послѣдующихъ событій надо будетъ прибавить еще, что со старостью отца Краббa, дѣла семейства пришли въ жалкое положеніе, что первые литературные опыты нашего Георга не принесли съ собой ни денегъ, ни славы, и что онъ самъ, не имѣя насущнаго хлѣба на мѣсяцъ впередъ, влюбился въ *миссъ Сару Ильми*, свою сосѣдку, бѣдную и кроткую дѣвушку, твердо рѣшившуюся въ одиночествѣ ждать того времени, когда обстоятельства позволятъ ей соединить судьбу свою съ судьбой любимаго юноши. Вся исторія идетъ печально и просто, ее не разцвѣтишь анекдотическими подробностями, и читатель въ правѣ требовать отъ біографовъ Краббa свѣдѣній другого рода, свѣдѣній, на которыя они всѣ крайне скупы.

Не въ анекдотахъ многотрудной молодости таится смыслъ жизни поэта, а въ ясномъ по возможности знакомствѣ съ его духовною натурой. Геніи, Краббу подобные, не родятся во всемъ оружіи, но формируются медленно, посреди наблюденій надъ ихъ окружающимъ міромъ и событій своего нравственнаго міра. Этотъ-то нравственный міръ мало разработанъ историками словесности, жизнеописателями нашего поэта. Напрасно перевертываемъ мы ихъ страницы, допрашиваясь того, что для насъ выше анекдота и мелкой подробности. Съ какого возраста Краббъ сталъ находить прелесть въ благотворительности и дѣлиться своимъ хлѣбомъ съ бѣдняками? Какимъ путемъ натура юноши, по природѣ вспыльчивая и даже заносчивая, подладилась къ окружавшей его жизни и окрѣпла въ благотворномъ терпѣніи? Каковы были мнѣнія молодого Краббa о главномъ направленіи словесности того времени и

когда посѣтила его первая мысль о введеніи дѣйствительной жизни въ поэзію? Вотъ вопросы основные, но на которые не отвѣчаетъ намъ ни одинъ изъ біографовъ. Весь нравственный міръ будущаго поэта укрытъ отъ насъ, а между тѣмъ мы, во что бы ни стало, должны до него добраться. Мы должны разгадать Крабба начинающаго для того, чтобъ Краббъ знаменитый сталъ для насъ понятенъ. Мы должны создать по возможности вѣрный портретъ поэта юноши, иначе мы не уразумѣемъ поэта старца, обожаемаго своими согражданами и увѣнченнаго лаврами, такъ славно и такъ тяжело добытыми.

Георгъ Краббъ началъ писать стихи, имѣя лѣтъ *осьмнадцать* отъ роду, около этого времени онъ былъ уже влюбленъ и кончалъ свое медицинское воспитаніе. Онъ былъ уменъ и красивъ собою, но слабъ здоровьемъ, робокъ и видимо несклоненъ къ практической жизни. Ко всему этому надо прибавить то, что онъ съ одной стороны былъ избалованъ нѣжной матерью и уваженіемъ малообразованныхъ горожанъ Альдборо, а съ другой—запуганъ строптивостью отца, съ годами и бѣдностью становившагося неуживчивѣе. Судьба влекла его къ созерцательной жизни, почти не сталкивая его съ людьми одинаковаго съ нимъ развитія или одинаковаго общественнаго положенія. Только въ семьѣ миссъ Ильми юноша находилъ равенство и просвѣщенную бесѣду. Единственнымъ совѣтникомъ во всѣхъ его начинаніяхъ была дѣвушка, избранная его сердцемъ. Люди, образованіемъ равные Краббу, превышая его состояніемъ, не сближались съ нимъ, тогда какъ родная семья и лучшіе друзья семейства по воспитанію мало чѣмъ отличались отъ рыбаковъ и земледѣльцовъ. Между высшимъ и низшимъ слоемъ общества, юноша оказался какъ бы гостемъ и уединеннымъ наблюдателемъ: любя людей и въ обоихъ разрядахъ находя стороны дурныя съ хорошими, будущій поэтъ рано привыкъ къ возвышенному безпристрастію, дающему такой свѣтлый смыслъ его пѣснопѣніямъ. Но съ другой стороны, то же исключительное положеніе въ кругу людей ставило его въ тяжкія столкновенія со свѣтомъ, и, обогащая поэта многостороннимъ опытомъ, дѣлало все его существованіе далеко не спокойнымъ.

Отъ отца своего Краббъ наслѣдовалъ вспыльчивость характера и великое нравственное упорство; отъ матери, женщины не далекой, но безгранично нѣжной, всѣ ея любящія способности, мягкую душу и наконецъ пугливость, робость въ житейскихъ дѣлахъ. Оба эти отцевскій и материнскій элементы, часто брали перевѣсъ одинъ надъ другимъ и вводили юношу въ море страданій, пока не сли-

лись въ одно стройное цѣлое. Мы видѣли, что молодой Георгъ, не имѣя еще двадцати лѣтъ, былъ влюбленъ, считалъ себя поэтомъ и готовился къ профессіи, способной обезпечить его будущность. Названная пора могла назваться порою заблужденій и даже юношеской заносчивости. Молодой человѣкъ, отдыхая въ лѣтніе мѣсяцы дома и по обыкновенію работая въ пакгаузѣ около отца, стыдится того, что школьные товарищи, явившись на время въ Альдборо, застали его за такимъ жалкимъ занятіемъ. Нѣсколько времени спустя, онъ ссорится съ отцомъ, упрекавшимъ его за лѣность, и этого проступка уже не можетъ простить себѣ во всю жизнь. Домашній бытъ кажется ему жалокъ, грязенъ. Обѣдъ не приходится по его вкусу *), окружающая его бѣдность возбуждаетъ къ себѣ одно презрѣніе, онъ покидаетъ родительскій домъ, почти оскорбленный стѣсненнымъ положеніемъ своего семейства. Не такая будущность, думаетъ онъ, ожидаетъ его и миссъ Сару. Стихотворенія, посланныя въ печать, доставятъ ему славу и вы-

*) Ничто не пропадало у Краббе. Вотъ отрывокъ изъ его сказки «Разсказъ Вдовы», гдѣ описывается положеніе молодой, заносчивой дѣвушки, вернувшейся изъ городского пансіона въ домъ своего отца — добраго, но грубоватаго фермера.

Она явилась улыбаясь, гордясь разными чопорными талантами,
Нѣжная, робкая дѣвушка, не рѣшавшаяся пройти мимо свиного хлѣва,
Или храбро глядѣть на идущую по улицѣ корову.
За то у ней былъ отличный цвѣтъ лица и тонкая талія.
Не понравилась отцовская кухня и столъ дѣвушкѣ —
Привычной къ маленькимъ и чистенькимъ блюдамъ!
Огорченная невинность вздыхала и гнѣвно хмурила брови,
Когда отецъ съ голоднымъ видомъ садился къ столу
И накладывалъ на тарелку съ фунтъ дымящейся говядины,
Когда братья, еще не остынувъ отъ работы, хватали по такому же куску
И съ быстротой, даже съ жадностію, утоляли свой голодъ.
Только жиръ, капая на столъ, сгущался одна на другую наростазшими массами
И паръ отъ кушанья, тихо колеблясь, стлался по поверхности стола,
И будто тошно дѣлалось изнѣженной дѣвушкѣ!
Но когда, рядомъ съ ней, помѣщались слуги фермы,
И съ ними работницы, и съ ними еще кухарка;
Когда передъ всей компаніей ставилась тяжелая деревянная чаша
Съ катышками изъ тѣста, между которыми лежали толстые ломти
Темной, соленой ветчины, изъ одного жиру, почти что безъ одного слоя краснаго мяса,
И когда обѣдающіе поочередно пили новый крѣпкій эль
Большими глотками изъ одного и того же рога;
Когда глаза ея падали на толстую скатерть, запачканную пятнами —
Тяжело становилось дышать; дѣвушка съ глубокимъ вздохомъ
Поворачивала нѣжную шейку и закрывала оскорбленные глазки;
Она разрѣзывала полузажаренную красную говядину на крошечные квадратики
И сильно удивлялась, глядя какъ обѣдаютъ *эти люди*.

годы, удачныя леченія сдѣлаютъ его имя популярнымъ во всемъ околодкѣ, домъ Крабба, молодая жена Крабба будутъ первыми изъ первыхъ, остается только вооружиться терпѣніемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Но, увы! проходятъ мѣсяцы, а за ними и годы, не принеся съ собой ни денегъ, ни извѣстности. Стихи, написанные въ какомъ-то темномъ сборникѣ, не замѣчены ни цѣнителемъ, ни книгопродавцемъ, кисетъ Ильмы такъ же бѣденъ, какъ и прежде, медицинская практика въ бѣдномъ городкѣ Альдборо, гдѣ никто изъ достаточныхъ жителей не хвораетъ, приноситъ одинъ ущербъ, ибо нельзя же оставлять больныхъ голяковъ безъ совѣта и помощи! За крушеніемъ всѣхъ юношескихъ надеждъ слѣдуетъ прометеевъ коршунъ, бичь мыслящихъ людей, сомнѣніе въ своихъ силахъ, въ значеніи всей до сихъ поръ прожитой жизни!

Къ концу 1779 года страданія молодого человѣка, повидимому, возрасли до непереносимой степени: бѣдный поэтъ не могъ предвидѣть, что ему предстоитъ еще годъ страданій, передъ которыми затмится все имъ пережитое до того времени! Дѣла стараго Георга Крабба совершенно запутались, хворая жена, изнемогши подъ бременемъ болѣзни и горя, уже не имѣла силъ сколько нибудь обуздывать строптивый нравъ своего супруга, или успокоивать старшаго сына своей нѣжностью. Осенью 1779 года молодой Краббъ окончательно убѣдился въ своей неспособности къ медицинскому дѣлу. Есть на свѣтѣ люди, которыхъ голова наполнена умомъ особаго рода, умомъ, такъ мастерски названнымъ у Руссо: esprit de l'escalier. Отличаясь великой робостью, они пропускаютъ всѣ случаи приложить свои свѣдѣнія къ дѣлу, не имѣютъ никакихъ способностей въ минуты, когда въ нихъ оказывается потребность, и только становятся и умными, и острыми, и практическими за порогомъ той комнаты, гдѣ слѣдовало пустить въ ходъ свою практичность, свой умъ и свое остроуміе. Докторъ, обладающій запасомъ esprit de l'escalier и становящійся находчивымъ не въ спальнѣ, а на лѣстницѣ своего больного, есть докторъ погибшій. Въ этой профессіи всего нужнѣе быстрота, смѣлость, самоувѣренность, а ихъ-то и не доставало Краббу. Во время операцій, руки его дрожали, въ минуты кризиса онъ терялся, посреди важной консультаціи онъ забывалъ всѣ свои свѣдѣнія и опять находилъ ихъ только у себя дома или на морскомъ берегу, въ часъ одинокой прогулки. Борьба съ своей натурой истощила Крабба, и наконецъ привела его къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ сказалъ отцу, что не можетъ далѣе заниматься медициной, но желаетъ ѣхать въ Лондонъ, попробовать себя опять на литературномъ поприщѣ, и,

составивъ себѣ имя, искать профессіи, болѣе склонной къ его характеру. Старикъ разсыпался въ горькихъ упрекахъ, но обезоруженный откровенными признаніями сына, не далъ воли своему горячему нраву. Въ домѣ не имѣлось шиллинга на путевые расходы, но будущаго поэта выручилъ мистеръ Додлей Нортсъ, братъ кандидата по городу Альдборо, давши путешественнику, заимообразно, пять фунтовъ стерлинговъ (30 рублей серебромъ).

Выѣзжая изъ родного города въ столицу своего отечества, Краббъ имѣлъ при себѣ чемоданъ съ платьемъ, футляръ хирургическихъ инструментовъ и три фунта наличными деньгами. Жить и кормиться долженъ онъ былъ съ матросами судна, на которомъ ѣхалъ.

Въ небольшомъ, дошедшемъ до насъ автобіографическомъ очеркѣ поэтъ (говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ) выражается такъ:

«М. Краббъ, покидая Альдборо и прощаясь съ профессіей медика, слишкомъ хорошо зналъ весь рискъ своего предпріятія. Его здоровье не отличалось крѣпостью, онъ не могъ похвалиться спокойствіемъ духа, помощи ждать было неоткуда, а онъ не считалъ себя способнымъ обходиться безъ чужой помощи. Съ небольшимъ количествомъ готовыхъ стихотвореній и почти что ни съ чѣмъ болѣе, онъ кинулся въ пучину свѣта, не скрывая отъ себя всѣхъ его ожидающихъ испытаній. Но нельзя было оставаться на мѣстѣ— настоящее глядѣло хуже всякого будущаго.

«Убѣгая отъ печальной дѣйствительности, мѣняя зло извѣстное, на зло невѣдомое, онъ не зналъ объ участи одного молодого, во многомъ съ нимъ сходнаго авантюриста, устремившагося, подобно ему, изъ своего родного угла въ Лондонъ, гдѣ встрѣтили его и тяжкій трудъ, и нужда во всемъ ея ужасѣ, и печальная безвременная кончина. О жизни и смерти Чаттертона, Краббъ не зналъ ничего, и нѣтъ сомнѣнія, что знай онъ всю страшную исторію, сопряженную съ этимъ именемъ — его терпѣніе, его жажда перемѣны, его дерзкая поѣздка въ Лондонъ потерпѣли бы нѣкоторыя измѣненія».

Но у Краббa имѣлась одна сила, которой, сколько мы знаемъ, не находилось у Чаттертона. Нашъ поэтъ былъ богатъ вѣрою твердою, несокрушимою вѣрою, какая обитаетъ только въ душахъ мужественныхъ и предназначенныхъ на великое. Одна замѣтка изъ его записной книги, замѣтка сохраненная намъ его сыномъ и біографомъ, помогаетъ намъ проникнуть въ душу молодого искателя приключеній гораздо глубже, нежели бы могли это сдѣлать съ помощью тысячи анекдотовъ и самыхъ подробнѣйшихъ описаній самого біографа. Вотъ эта замѣтка, не требующая комментаріевъ.

31 декабря 1779 года.

«Для тебя, обожаемый Создатель, тысяча лѣтъ менѣе чѣмъ одно мгновеніе. Сократи же и умягчи бѣдствія моей жизни.

«Въ вѣчность Твою идетъ годъ чувства и заботы, бѣдности и отчаянія, напрасныхъ надеждъ и грѣховъ моихъ. Обрати слухъ Твой, Господи! на мое раскаяніе и молитвы, предай забвенію мои заблужденія и ошибки. Дай мнѣ покорность твоимъ повелѣніямъ, и силу для перенесенія посылаемыхъ тобою испытаній.

«Пускай изъ прошлаго тяжкаго года не возродятся для меня новыя горести, — и если на то воля Твоя, — пускай слѣдующій годъ съ нимъ не сходствуетъ. Но во всемъ да будетъ Твое рѣшеніе, не моя воля. Въ жизни и смерти, въ счастіи и угнѣтеніи, въ довольствѣ и бѣдности, да чту я всегда Твое имя и Твои велѣнія. Аминь».

Нельзя не остановиться надъ этой молитвою и не сказать своего слова о томъ, какой возвышенный смыслъ принимаетъ вся жизнь человѣка, не по годамъ и днямъ, а въ цѣлой своей совокупности, когда на нее смотришь съ отдаленной точки, взглядомъ обнимая всю дивную поэму надеждъ и скорби, радостей и бѣдствія, грѣховъ и подвиговъ, ее ознаменовавшихъ. Молитва нашего поэта, писанная въ послѣдній день тысяча семь сотъ семдесятъ девятаго года, не была исполнена, но она не осталась неуслышанною молитвою. Слѣдующему году суждено было сдѣлаться самымъ тяжкимъ во всей жизни Крабба: бѣдствія, отъ которыхъ бѣжалъ онъ въ столицу могли назваться каплей въ сравненіи съ океаномъ голода, терзаній, борьбы и отчаянія, принявшимъ его въ свое неистощимое лоно. А между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ 1780 года мы никогда не узнали бы Георга Крабба, какъ человѣка и какъ знаменитаго писателя. Дивнымъ путемъ ведетъ божественный Промыслъ человѣка имъ избраннаго, и когда весь этотъ путь развивается передъ очами потомка-наблюдателя, смыслъ цѣлой жизни обнаруженъ вполнѣ, и прямой выводъ его — безграничная вѣра въ высшую мудрость, становится понятенъ всякому.

III.

Лондонъ въ 1780 году. — Пріѣздъ Крабба и планъ его занятій. — Бытъ чердачныхъ поэтовъ. — Дневникъ Крабба. — Сношенія съ книгопродавцами. — Лорды Нортсъ и Шельборнъ. — Неудачи. — Нужда. — Гордоновскіе безпорядки. — Молитвы Крабба. — Нищета.

Лондонъ второй половины прошлаго столѣтія хорошо знакомъ образованному читателю по сочиненіямъ романистовъ того вре-

меня и еще болѣе по картинамъ Гогарта—безсмертному памятнику полнаго быта той эпохи. Что долженъ былъ почувствовать нашъ искатель поэтической славы, двадцатипятилѣтній Георгъ Краббъ, когда передъ нимъ открылась Темза съ ея дремучимъ лѣсомъ мачтъ и необозримыя пространства справа и слѣва, пространства загроможденныя тысячами кирпичныхъ домовъ, пересѣченныя узкими улицами, испещренныя виллами и садами, обезображенныя линіями закопченныхъ фабрикъ, складочныхъ сараевъ и цѣлыми унылыми кварталами — пріютами нищеты съ отчаяніемъ? Какъ долженъ былъ подѣйствовать на него этотъ видъ памятниковъ, башенъ готической архитектуры, дворцовъ и театровъ, какъ должны были поразить поэта смѣшеніе роскоши съ нищетою, странностей съ изяществомъ, старинныхъ нелѣпостей съ причудами новаго времени, вѣчнаго шума толпы съ натянутой молчаливостью отдѣльныхъ личностей — благочестія и пьянства, чинности и грубаго разврата, филантропіи и беззаботности, мотовства и жадности, грязи и золота? По физіономіи своей, Лондонъ стараго времени не имѣлъ почти ничего общаго съ Лондономъ нынѣшнимъ — царствомъ газа, воздушныхъ желѣзныхъ дорогъ, зеленыхъ скверовъ и художественно вымощенныхъ улицъ. Старый Лондонъ глядѣлъ несравненно сумрачнѣе, и надо признаться, живописнѣе. Находилось что-то странно-поэтическое въ одной его громадности, которая нынѣ вымѣрена, приведена въ ясность, озарена яркими огнями и прорѣзана широкими путями сообщенія, въ ущербъ ея хаотической величавости. Во времена Крабовой молодости, сама лондонская полиція не знала названія многихъ лондонскихъ улицъ. Ни одинъ туристъ тѣхъ годовъ, какъ бы ни отличался предпріимчивостью, не осмѣливался броситься на обумъ въ закопченый лабиринтъ дальнихъ улицъ столицы, туманныхъ утромъ, чорныхъ какъ ночь вечеромъ, опасныхъ въ ночной часъ, смрадныхъ во всякій часъ ночи. Городъ еще не поглотилъ въ себѣ почти всѣхъ около него лежащихъ мѣстечекъ и селеній, но они составляли какъ бы агломерацію изъ нѣсколькихъ городовъ, иногда раздѣленныхъ садами, а еще чаще безплодными болотистыми пустырями, по которымъ нельзя было ходить безъ оружія. На одномъ изъ этихъ пустырей, нынѣ занятомъ великолѣпными домами и аркою, вѣшали преступниковъ, на другихъ открыто сходились воры и разбойники города, устраивали пѣтушьи бои и совѣщались на счетъ своихъ предпріятій. Зданія и предметы, попадавшіеся на глаза путешественнику глядѣли грозно, грубо, непривѣтливо. Достаточные домовладѣльцы уже привыкали жить на дачахъ за

городомъ (дворянство только на время наѣзжало въ столицу изъ своихъ замковъ), отъ этого всѣ дома, даже красиво построенные, имѣли мрачный характеръ. Лишась привѣтливой физіономіи, какая придается дому заботой живущаго въ немъ хозяина, они составляли нѣчто среднее между конторой, складочнымъ товарнымъ депо и покинутымъ замкомъ. Великая часть строеній, принадлежала людямъ недостаточнымъ и отдаваемая въ наймы группамъ лицъ почти нищихъ, никогда не поправлялась, или поправлялась по цѣлымъ годамъ, отъ дороговизны денегъ. Это обстоятельство поясняетъ намъ причину почему у Гогарта въ картинахъ такое множество полуразрушенныхъ зданій, недостроенныхъ домовъ, обвалившихся кровель, покачнувшихся лѣстницъ, кривыхъ чердаковъ и сараевъ самаго угрюмаго, даже зловѣщаго вида.

Во всемъ Лондонѣ, и въ то время заключавшемъ среди своихъ стѣнъ до милліона жителей, Краббъ имѣлъ только одно знакомое семейство: подруга миссъ Ильми жила тамъ, въ замужствѣ за нѣкоимъ мистеръ Берчамомъ, продавцомъ полотняныхъ издѣлій. Супруги встрѣтили молодого человѣка какъ нельзя привѣтливѣе и даже предложили ему поселиться въ ихъ помѣщеніи, но будущій поэтъ бѣдныхъ людей, бѣдный и гордый, не принялъ ихъ предложенія. Желая, однако же, находиться поближе къ друзьямъ своей возлюбленной, Краббъ нанялъ чуланчикъ по близости ихъ жилища, купилъ себѣ огромный парикъ, безъ котораго въ ту пору нельзя было показываться на улицу, отнесъ разнымъ книгопродавцамъ привезенныя съ собой вещи, и, положась на волю Божію, кинулся въ океанъ труда, о которомъ наше изнѣженное и вѣтряное поколѣніе можетъ имѣть только слабое понятіе. Занятія молодого человѣка состояли въ чтеніи старыхъ писателей, усовершенствованіи своей версификаціи и испытаніи своихъ силъ во всѣхъ родахъ литературной дѣятельности. Безъ отдыха и безъ торопливости (ohne Hast, ohne Rast, какъ говорилъ Гёте), не позволяя себѣ малѣйшаго развлеченія, питаясь молокомъ и хлѣбомъ, трудясь по двадцати часовъ въ сутки, бѣдный авантюрьеръ поэзіи выжидалъ своего часа, надѣясь каждый день, что дверь его чулана отворится и въ нее войдутъ издатели съ лестными отзывами о вещахъ, ими прочитанныхъ въ рукописи. Но издатели не являлись, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Деньги выходили и всѣ бѣдствія такъ прославленныхъ чердачныхъ поэтовъ выступили передъ Краббомъ, не принося съ собой ни славы, ни жалкихъ доходовъ чердачнаго поэта.

Великій Джонсонъ, самъ испытавшій всю тягость бѣдности и

геройски боровшійся съ бѣдностью, такъ описываетъ свою жизнь во время своихъ величайшихъ трудовъ на пользу родной словесности.

«Я тратилъ — говоритъ онъ — шесть пенсовъ на молоко и хлѣбъ; если мнѣ надо было видѣться съ кѣмъ-нибудь, я назначалъ свиданіе въ кофейномъ домѣ, гдѣ тратилъ еще нѣсколько пенни. Знакомыхъ посѣщалъ я обыкновенно въ тѣ дни, когда приходилось надѣвать чистую сорочку (clean shirts days)». Передъ этими словами геніальнаго бѣдняка — замѣчаетъ Карлейль въ своей статьѣ о Джонсонѣ — всѣ страданія нашихъ Гяуровъ и Гарольдовъ есть одна дѣтская шутка.

Предоставляемъ читателю судить о мученіяхъ Крабба, обреченнаго на жизнь, едва приходившуюся по силамъ гиганту Джонсону, не имѣя притомъ ни Джонсоновой славы, ни Джонсоновыхъ связей съ литературными антрепренерами.

На второй или на третій мѣсяцъ пребыванія нашего поэта въ Лондонѣ, положеніе его начало обозначаться яснѣе, а надежды стали отлетать одна за другою. Мелкія стихотворенія, розданныя по редакціямъ разныхъ журналовъ, возвратились къ нему назадъ, не удостоенныя печати; поэма его «Кандидатъ на выборы», изданная кое-какъ книгопродавцемъ Пейномъ, у рецензентовъ не встрѣтила ничего, кромѣ холодныхъ, краткихъ, неодобрительныхъ замѣтокъ. «Джентльменскій Сборникъ» — корифей между періодическими изданіями, насмѣшливо замѣтилъ, что не совѣтуетъ вновь явившемуся «Кандидату» являться на Парнасскіе выборы.

Посреди тяжкихъ своихъ трудовъ, почти умирая отъ голода и грустно слѣдя за крушеніемъ своихъ юношескихъ надеждъ, Краббъ находитъ время вести свой журналъ, назначаемый для чтенія миссъ Сарѣ Ильми. Журналъ этотъ, найденный уже послѣ смерти поэта, явился въ 1834 году. Не смотря на то, что всѣ главнѣйшія бѣдствія и даже отчаянныя минуты Георга, въ немъ смягчены и даже прикрыты шутками (трогательная хитрость нѣжнаго любовника) онъ представляетъ огромный интересъ, вводя насъ въ тайники внутренней жизни героя нашего. Вотъ нѣкоторые изъ него отрывки.

ДНЕВНИКЪ ПОЭТА *).

21-го апрѣля 1780. Посвящаю тебѣ, мой другъ Мира **), этотъ дневникъ, отъ души желая, чтобъ онъ доставилъ тебѣ развлеченіе. Въ чемъ будетъ онъ состоять и что ждетъ меня впереди, того я самъ не знаю. Стараюсь я слѣдовать твоему совѣту, и даже въ горестяхъ искать ихъ доброе значеніе; до сихъ поръ усилія мои не безплодны, я дѣлаю все, что могу.

24 и 25 апрѣля. Нанялъ комнату у мистера Викри, небольшую, но удобную и недорогую. Занятъ сочиненіемъ новой поэмы: «Герой или посланіе къ принцу Вилліаму Генри». Въ газетѣ прочелъ я объявленіе о томъ, что одна госпожа Брукъ нуждается въ писцѣ, «грамматически-воспитанномъ и способномъ исправлять слогъ джентльмена, не совсѣмъ хорошо знающаго англійскій языкъ». Самолюбіе человѣка безгранично, и я рѣшилъ самъ съ собою, что могу явиться на вызовъ. Совершивъ довольно долгій путь до квартиры мистриссъ Брукъ, получилъ тотъ отвѣтъ, что требуемая персона явилась и уже нанята. Двѣнадцать напрасно пройденныхъ миль, потерянное время и неудача — вотъ, думалъ я, задача для моей философіи. И такъ я старался утѣшить себя разными соображеніями. Со мной могли обращаться худо, меня могли надуть за мои труды, заставить работать по семи часовъ въ день и потомъ кормить меня ужиномъ изъ валлійскаго кролика. На такой столъ у меня еще достанетъ денегъ и я пока имѣю право считаться писцомъ при моей собственной особѣ.

28-го апрѣля. Я кончилъ еще одно маленькое произведеніе подъ страннымъ заглавіемъ: «Враги человѣка»; написавши до трехъ-сотъ пятидесяти стиховъ, рѣшился перемѣнить его заглавіе и назвалъ его «Посланіемъ отъ Демона» ***). Завтра перепишу его и

---

*) Рядъ отрывковъ изъ этого дневника будетъ служить намъ какъ бы исторіей лондонскихъ бѣдствій поэта, до знакомства его съ Боркомъ. Время отъ времени мы будемъ дополнять или пояснять темныя мѣста въ примѣчаніяхъ.

Эпиграфы: Sunt lacrimae rerum, et mentem mortalia tangunt.

. . . . Онъ испыталъ всѣ удары несчастія,
Но силился смотрѣть на бѣду съ утѣшительной стороны.

**) Въ прошломъ столѣтіи, женскія несуществующія имена *Мира*, *Стелла*, *Захарисса* были тоже, что Эльвира, Коринна, или Элоиза въ эпоху романтизма.

***) «Посланіе къ принцу Вилліаму Генри» и «Посланіе отъ Демона», сколько можно судить по отрывкамъ, не представляютъ особенныхъ достоинствъ. Краббова манера еще не выработалась, микроскопическая художественность изложенія, которою нашъ поэтъ такъ впослѣдствіи прославился, еще проглядываетъ слабо, въ

пошлю къ другому книгопродавцу, а не къ Додслею, у котораго моя первая вещь. Лучше имѣть двѣ веревки на лукѣ и два камня за пазухой.

Только что получилъ письмо отъ мистера Додслея: «Г. Додслей «свидѣтельствуетъ свое почтеніе джентльмену, доставившему при-«лагаемую у сего поэму: пріобрѣсти ее онъ не можетъ, ибо по «его соображеніямъ продажа не окупитъ издержекъ по печатанію. «Черезъ это онъ не подразумѣваетъ недостатокъ въ достоинствахъ «поэмы, но скорѣе недостатокъ вниманія въ читателяхъ.»

Еще разъ, моя Мира, буду бороться и стараться! Напишу къ мистеру Беккету, что если онъ скажетъ то же самое?... Но я сохраню твердость духа — Богъ мнѣ поможетъ!

Мая 3-го. М. Беккетъ получилъ мою поэму, но отвѣтъ еще не прислалъ и я въ неизвѣстности. Написалъ еще около пяти сотъ стиховъ поэтическихъ посланій съ эпистолой Мартина Скриблеруса. Встрѣтилъ своего стараго знакомца Морлея — Боже мой, въ какомъ жалкомъ положеніи! — больного, грустнаго, отчаяннаго! Бѣднякъ испыталъ улыбки и гримасы фортуны, но, увы, улыбки шли прежде. Мои похожденія въ Лондонѣ иначе начинаются.

NB. Кошелекъ мой немного пополнѣлъ, отъ продажи книгъ цѣною на тридцать пять шиллинговъ. Я бодръ и хочу работать пока еще солнце свѣтитъ, ибо мой горизонтъ сильно способенъ заволакиваться тучами.

Мая 6-го. Не знаю, отчего бы не попробовать мнѣ сочинить романъ, — такія произведенія хорошо идутъ съ рукъ. Вообще я чувствую себя удивительно твердымъ и предпріимчивымъ, не смотря на то, что живу чужестранцемъ посреди огромнаго города, безъ денегъ... но иногда человѣкъ весь обращается въ трусость, а повременамъ обладаетъ ничѣмъ не объяснимой бодростью.

Мая 10-го. М. Беккетъ далъ такой же отвѣтъ, какъ и Додслей. «Вещи очень не дурны, сэръ, но публика ихъ не купитъ. Я вамъ очень благодаренъ... но» и такъ кончилось дѣло. Не теряй духа, моя милая! Я вовсе не огорченъ и меня гораздо болѣе тревожитъ то, что я не получилъ отъ тебя письма. Все мое состояніе заклю-

---

маломъ числѣ строкъ. Но въ первой поэмѣ есть одно великолѣпное мѣсто, когда Краббъ, прославивъ подвиги своего героя (принцъ Генри былъ храбрый морякъ и участвовалъ во всѣхъ побѣдахъ адмирала Роднея) умоляетъ его бросить взглядъ на жалкое положеніе пѣвцовъ, восхваляющихъ его подвиги. Указывая на бѣдность и жалкую кончину первыхъ поэтовъ своей родины, Отвая, Гольдсмита, Севеджа и др. Краббъ говоритъ принцу: «пускай Муза дастъ *лавры* тебѣ и *кусокъ хлѣба* твоему поэту!»

чается въ шести пенсахъ и одномъ фартингѣ — не думаю, чтобъ во всемъ Лондонѣ нашлось много людей съ такимъ скромнымъ достаткомъ. Я нисколько не ропщу на свою бѣдность и благословляю любовь, кидающую свой золотой лучь на всю печальную окрестность... Я почти готовъ къ тому, что мой главный трудъ *) будетъ также отвергнутъ издателями, какъ и мои стихотворныя изделія. Мелкія бѣдствія помогаютъ намъ смѣло глядѣть въ глаза большой бѣдѣ.

Мая 12-го. Трудно поддерживать себя въ одинаковомъ настроеніи духа нѣсколько дней сряду. Я грустенъ, вялъ и не могу сегодня работать. Моя голова и мое сердце, подобно ребятишкамъ черезчуръ похваленнымъ за их доброе поведеніе, стали вести себя худо. О, моя милая, какъ желалъ бы я видѣть тебя въ эти тяжкія минуты!

Мая 16-го. Дорогая моя Мира, ты меня огорчаешь, сердясь на меня за то, что я не разсказываю тебѣ всѣхъ моихъ дѣлъ въ подробности. Къ чему омрачать тебя подробностями моего печальнаго положенія, разсказывать, напримѣръ, о томъ, что я заложилъ мои часы, продалъ *мой гардеробъ*, долженъ за квартиру, и въ увѣнчаніе всего, не знаю, чѣмъ стану питаться черезъ недѣлю? Ты говоришь, однако, разсказывай мнѣ все. Не желай этого, милая Салли, такіе разсказы не для твоихъ ушей. Сколько сокрушаетъ меня необходимость наружнаго щегольства; я долженъ имѣть платье, а между тѣмъ кажется приходится щеголять насчетъ желудка. Впрочемъ, черезъ недѣлю кончатся мои ожиданія

Мая 18-го. День великихъ хлопотъ, уплата 20-ти шиллинговъ портному; продажа хирургическихъ инструментовъ за восемь шиллинговъ; выкупъ часовъ, заложенныхъ въ слишкомъ малой цѣнѣ, и перезалогъ ихъ на выгодныхъ условіяхъ. Не смотря на расплаты и расходы, въ моемъ карманѣ десять шиллинговъ; а Муза какъ будто начинаетъ глядѣть на меня ласковѣе, ибо, что бы ни говорили поэты, Муза не сходитъ къ голякамъ, обладателямъ совершенно пустыхъ кошельковъ. Благодарю Бога за счастливое настроеніе духа, въ которомъ теперь нахожуся.

Я живу въ ладу съ своими хозяевами и часто думаю о томъ, какого они обо мнѣ мнѣнія. Мистриссъ Викри кажется мнѣ доброй женщиной и заботливой матерью; меня она кажется считаетъ тихимъ безотвѣтнымъ джентльменомъ (и я здѣсь представляю джентль-

---

*) Трактатъ въ прозѣ: «Обозрѣніе философскихъ и моральныхъ мнѣній человѣка.»

меня!) только не совсѣмъ щеголеватымъ. Самъ мистеръ Вокри, хлопотливый и честный дѣтина, смотритъ на мою особу какъ на особу книжнаго юноши (онъ самъ читаетъ книги и потому уважаетъ грамотниковъ), съ которымъ церемониться нечего и который всегда всѣмъ доволенъ. Одна только маленькая хорошенькая горничная съ соколиными глазами дуется на меня за излишнюю скромность, какъ въ обращеніи съ нею, такъ и на счетъ подарковъ. Вообще для всѣхъ нихъ мои занятія остаются тайною и они не могутъ рѣшить, переписываю ли я протоколы для стряпчихъ или сочиняю стихи въ честь той леди, которой портретъ всегда лежитъ у меня подъ подушкой.

Мая 20-го. Купилъ три тома Драйденевыхъ твореній, издержалъ по этому случаю три шиллинга и шесть пенсовъ. И дешево и дорого, покрайней мѣрѣ для меня очень дорого.

Крайне непріятное обстоятельство имѣть одинъ кафтанъ за душою! Мой сегодня разорвался на локтѣ и повергъ меня въ великія затрудненія. Зашить его я рѣшился самъ, но гдѣ было достать иглу и нитокъ, не выдавая своего положенія? Подумавъ немного, я взялъ десть бумаги и сошелъ къ хозяйкѣ, прося у ней нужныхъ инструментовъ затѣмъ, чтобъ сшить себѣ тетрадь. Получивъ иголку съ черной шелковиной, пробрался къ себѣ и обратилъ локоть кафтана почти что въ его первобытное состояніе.

Мая 21-го. Эту ночь я рѣшился писать къ Лорду Нортсу *). Не спалъ всю ночь, написалъ письмо и остался имъ доволенъ. Я не требую никакихъ милостей, кромѣ возможности трудиться, приносить пользу на какомъ бы то ни было поприщѣ, и существовать, не умирая съ голода. Въ письмѣ, копію котораго я тебѣ пришлю, я не льщу и не унижаюсь. Въ немъ нѣтъ ничего кромѣ правды; сегодня мой послѣдній шиллингъ превратился въ восемь пенсовъ. Книга моя готова и я поднесу ее лорду Нортсу, завтра въ Вестминстерѣ, вмѣстѣ съ письмомъ **). Если онъ дѣйствительно

---

*) Министру иностранныхъ дѣлъ и президенту совѣта министровъ.

**) По теперешнимъ литературнымъ понятіямъ, поднесеніе книги незнакомому сановнику и ожиданіе за то вознагражденія можетъ показаться дѣломъ страннымъ, но въ 1780 году подобнаго рода посвященіе было въ обычаѣ повсюду, и особенно въ Англіи. Малый объемъ книжной торговли, дороговизна печатанія и наконецъ весьма ограниченный классъ людей, покупавшихъ книги, дѣлали существованіе словесности невозможнымъ безъ меценатовъ. Всякій знатный человѣкъ считалъ необходимымъ жертвовать нѣсколько денегъ на поддержаніе поэтовъ или изданіе ихъ твореній, — литераторы же видѣли въ вельможахъ прямую защиту отъ спекуляторовъ-книгопродавцовъ. Періодъ покровительства талантовъ, достигшій сильнѣйшаго развитія въ то время, когда Эддисонъ получалъ мѣсто статсъ-секре-

любитъ литературу и писателей, можетъ быть мой трудъ не пропадетъ напрасно и участь моя хотя сколько нибудь измѣнится.

Я вернулся изъ Доунингъ-Стрита, гдѣ живетъ лордъ Нортсъ. Книга и письмо отданы; въ пятницу долженъ я прійдти за отвѣтомъ. Какіе тяжкіе дни ожиданій и тревоги пройдутъ до пятницы! Ахъ, моя милая, я чувствую, что надежды мои улетаютъ, темныя стороны предпріятія являются мнѣ однѣ; въ это короткое время я три раза вступалъ въ борьбу безъ успѣха, три раза мои попытки не приводили ни къ чему. Богъ пусть проститъ меня: у меня трусливое сердце, но чтожъ дѣлать! надо перенести все и ко всему приготовиться. Приметъ ли меня министръ? Не вернетъ ли онъ мнѣ книги безъ отвѣта?.. или съ холоднымъ отказомъ?..

Мая 23-го. Сегодняшнее утро я бодръ, но ночь провелъ безсонную, думая о томъ, что ждетъ меня, презирая свое дарованіе и не предвидя ничего хорошаго. Краткія минуты сна наполнены были видѣніями.

Іюня 5-го. *) Господь свидѣтель мнѣ въ томъ, что душа моя сознаетъ всѣ свои недостатки. Я не заслуживаю ничего. Я не сдѣлалъ ничего похвальнаго въ моей жизни. Съ покорностью принимаю испытанія, мнѣ посылаемыя, и молю Бога о томъ, чтобъ Онъ велъ меня къ нравственному совершенству. Каюсь въ грѣхахъ моей жизни и умоляю о прощеніи и милосердіи къ моимъ заблужденіямъ.

Іюня 6-го. Вотъ тебѣ, дорогая Мира, отрывки изъ моего письма къ лорду Шельборну **). Оно начинается стихами, въ которыхъ я прошу его обратить вниманіе на барда, воспитаннаго въ школѣ горькихъ бѣдствій, никому не льстившаго и такъ далѣе. Вслѣдъ за тѣмъ, я извиняюсь въ своей смѣлости, говоря, что не требую ничего недостойнаго, лишняго или невозможнаго, нуждаясь въ одномъ хлѣбѣ и дружеской рукѣ, которая бы меня поддерживала въ тяжкую годину испытаній.

тара за свои книги и поэты Стилъ, Свифтъ и другіе награждались доходными мѣстами, уже приходилъ къ концу во второй половинѣ прошлаго столѣтія, но все еще держался. Джонсонъ получилъ въ то время пенсію и Боркъ сидѣлъ въ нижней палатѣ.

Надо еще прибавить, что лордъ Нортсъ имѣлъ хорошія сношенія съ городомъ Альдборо, по выборамъ.

*) Лордъ Нортсъ не прислалъ никакого отвѣта и не принялъ Краббе. Министру было не до того, ибо въ парламентѣ кипѣли бурныя пренія и извѣстный лордъ Джорджъ Гордонъ приготовлялъ возмущеніе въ Лондонѣ, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ Гордоновскихъ безпорядковъ.

**) Члену верхней палаты и любителю словесности. Мы передаемъ здѣсь только начало письма, не приводя отрывковъ.

Высказавъ за тѣмъ мои тщетныя попытки обратить на себя вниманіе лорда Нортса (видитъ Богъ, что я обвиняю его не въ нечувствительности, не въ отказѣ, а единственно въ томъ положеніи, въ которое онъ меня поставилъ, не отвѣтивъ мнѣ ни слова), сказавъ, что я не ищу средствъ питаться деньгами моего отечества ничего не дѣлая, я перохожу къ сущности всей моей просьбы. Я не знаю о чемъ собственно просить. Я нуждаюсь въ двухъ вещахъ — хлѣбѣ и вниманіи ко мнѣ. У меня нѣтъ другихъ правъ на вниманіе, кромѣ того отчаяннаго положенія, въ которомъ я нахожусь. Муза моя, я самъ знаю, имѣетъ мало достоинствъ. Не въ теперешнемъ моемъ расположеніи дадутся мнѣ хорошія пѣсни, но (можетъ быть я все еще обманываюсь) мнѣ кажется, что посреди тишины и другихъ обстоятельствъ, я способенъ произвести нѣчто не совсѣмъ ничтожное. Я прошу прощенія за свою самонадѣянность, но неужели я не могу быть полезнымъ въ чемъ нибудь, за какимъ нибудь занятіемъ? Я могу дѣлать многое и готовъ трудиться, лишь бы дѣла, мнѣ довѣренныя не требовали чего нибудь несовмѣстнаго съ прямыми путями...

(Дневникъ продолжается). Вотъ моя милая, до какихъ униженныхъ домогательствъ нужда способна доводить человѣка. Завсѣмъ тѣмъ я не чувствую себя униженнымъ, я не сказалъ ничего подлаго и недостойнаго; людей сильныхъ я всегда почитаю, но не льстилъ имъ никогда и теперь льстить не буду. Есть люди, не склоняющіеся на почтительную просьбу, но тающіе передъ колѣнопреклоненіемъ и жалкими мольбами; отъ такихъ людей я не получу ничего.

За долгій трудъ сегодняшняго утра, отплати мнѣ, дорогой другъ мой, вниманіемъ, и если можешь одобреніемъ. Послѣ безпорядковъ въ городѣ, о которыхъ я тебѣ писалъ недавно, новыхъ безпорядковъ не было и кажется не будетъ. Авось посреди спокойствія и о насъ подумаютъ люди. Пускай ангелы хранятъ тебя и летаютъ надъ тобою!

Іюня 8-го. Вчера около трехъ часовъ, покончивъ свои дѣла, пошелъ я къ Вестминстеру, поглядѣть, какъ члены парламента ѣдутъ въ палату. Шумная толпа останавливала многихъ, но пропускала безъ дальнѣйшаго буйства, только лордъ Сандвичъ долженъ былъ вернуться назадъ съ разбитыми окнами своей кареты. Явились отряды пѣхоты и конницы, но ничего порядочнаго не сдѣлали, а сами разсѣялись передъ толпою. Возвращаясь домой, встрѣтилъ я новую толпу гнуснаго вида бродягъ, дерзкихъ, грязныхъ и оборванныхъ, съ дубинами. Говорятъ, что въ разныхъ кварталахъ Сити собралось до десятка такихъ же партій.

Къ семи часамъ вечера я снова вышелъ изъ дома, и по дорогѣ къ биржѣ, въ первый разъ увидѣлъ сцену безпорядка и ужаса, какой не могъ себѣ представить. Толпа подступала къ новой тюрьмѣ, крѣпкому и красивому строенію съ двумя большими флигелями, въ которыхъ находились нарушители спокойствія, незадолго передъ тѣмъ арестованные. Домъ начальника тюрьмы мистера Экермана былъ разграбленъ и подожженъ, мебель изъ него выкинута и сложена въ костры, самъ хозяинъ спасся, Богъ одинъ знаетъ, какимъ образомъ. Пожарной командѣ, которая прибыла къ тюрмѣ, толпа позволила только сохранять дома, по сосѣдству съ ней находящіеся. Пока я стоялъ и глядѣлъ, къ бездѣльникамъ присоединилась партія человѣкъ въ пятьсотъ и за нею лордъ Гордонъ *) въ каретѣ, тащимой народомъ. Онъ сидѣлъ и раскланп-

*) Лордъ Джорджъ Гордонъ, давшій свое имя безпорядкамъ, о которыхъ здѣсь говорится, родился 19-го октября 1750 года, въ Лондонѣ, и первую свою молодость провелъ въ морской службѣ. По причинѣ своей красивой наружности и остроумія онъ былъ избалованъ всѣми, кто его зналъ, и эта общая угодливость развила въ молодомъ человѣкѣ безмѣрное славолюбіе, заставившее его, бросить службу въ военное время, занять мѣсто депутата въ нижней палатѣ. Тутъ онъ вскорѣ сталъ знаменитъ ораторскимъ талантомъ, къ несчастью, направленнымъ лишь на зло. Духъ бѣшенаго краснорѣчія наполнялъ все существо лорда Гордона; всѣ средства, клонящіяся къ тому, чтобы заставить говорить о себѣ, казались ему хороши. Когда большинство палаты клонилось къ строгимъ мѣрамъ относительно католиковъ, Гордонъ проповѣдывалъ свободу вѣроисповѣданій, когда же палата серьёзно приступила къ законамъ въ духѣ терпимости, безпокойный ораторъ сталъ возбуждать народъ противу католическихъ происковъ. 2-го іюня 1780 года толпы бродягъ и разбойниковъ пустились жечь католическія церкви, оскорблять членовъ палаты, стоявшихъ за терпимость, и главное, подъ предлогомъ защиты протестантизма, грабить частные дома и выпускать арестантовъ изъ Ньюгета. Лордъ Гордонъ не стыдился одушевлять эти толпы своимъ присутствіемъ. Въ теченіи недѣли столица представляла картину злодѣйствъ и грабежа: банки были захвачены, таможня разграблена, нѣсколько тюремъ разрушено, и множество домовъ выжжено. Перечитывая исторію этихъ странныхъ событій, не знаешь чему дивиться болѣе — безумію лорда Гордона и его помощниковъ — или непростительной слабости министерства, терпѣвшаго подобные ужасы въ столицѣ *цѣлую недѣлю.* Только 8-го іюня войска были стянуты и подавили мятежъ не безъ большого труда. Лордъ Гордонъ, обвиненный *въ великой измѣнѣ* (High Treason) былъ *оправданъ*, по неимѣнію основательныхъ доказательствъ и жилъ въ Лондонѣ еще шесть лѣтъ, когда новыя преступленія, къ счастью менѣе опасныя для общественнаго спокойствія, принудили его бѣжать во Францію. Изъ Франціи его заставило бѣжать новое безумное дѣло — изданіе дерзкаго памфлета, за который лорда Гордона приговорили къ шестилѣтнему заключенію. Онъ убѣжалъ въ Голландію и принялъ тамъ *іудейскую вѣру,* по всей вѣроятности за тѣмъ, чтобъ заставить говорить о себѣ, но на этотъ разъ славолюбіе лорда Гордона довело его до погибели. Не имѣя силы жить на чужой сторонѣ въ неизвѣстности, онъ вернулся въ Англію, былъ схваченъ, осужденъ на заточеніе въ Ньюгетѣ и кончилъ жизнь въ темницѣ.

валея на всѣ стороны, показывая свое живое и довольно пріятное молодое лицо. Больше не могу тебѣ сообщить о героѣ этихъ дней.

Въ восемь часовъ Акермановъ домъ вспыхнулъ кругомъ, а толпа выломала двери тюрьмы, полезла на кровлю, ломая и уничтожая все, что ей попадалось. Картина могла назваться истинно ужасною — эти страшные, безобразные люди, ползающіе посреди огня и дыма, походили на мильтоновыхъ демоновъ. Войско не подходило и они дѣлали все, что было угодно. Всѣ арестанты были освобождены и скрылись. Ньюгетскіе мошенники могли гулять, гдѣ хотѣли и народъ входилъ въ страшную темницу, и что удивительнѣе, выходилъ изъ нея по произволу. Тюрьма должниковъ тоже сгорѣла и лица, сидѣвшія въ ней, разбрелись на свободу.

Только ночью явились солдаты и поставленъ былъ караулъ около банка и домовъ, принадлежавшихъ католикамъ. Носятся слухи, что домъ лорда Максфильда зажженъ съ четырехъ концовъ...

На этомъ мѣстѣ кончается дневникъ Крабба. Гордоновскіе безпорядки, надѣлавшіе столько бѣды въ столицѣ, не могли не отразиться на существованіи нашего поэта. Онъ понялъ, что ни лорду Нортсу, ни лорду Мельборну не предстоитъ возможности входить въ разсмотрѣніе бѣдствій умирающаго съ голода литератора. Всѣ надежды на облегченіе рушились; передавать же любящей и нѣжной дѣвушкѣ унылую исторію своихъ ежедневныхъ лишеній, молодой человѣкъ не хотѣлъ ни за что въ свѣтѣ. Исторія долгихъ, несчастныхъ мѣсяцевъ, осени и зимы, съ ихъ голодомъ и холодомъ, по всей вѣроятности навсегда погребена и покрыта забвеніемъ. Для біографа остается только нѣсколько молитвъ изъ записной книжки Крабба, ясно показывавшихъ ужасъ его положенія, и геройство вѣрующей души, то принимающей испытаніе съ твердостью, то почти изнемогающей подъ бременемъ отчаянія.

1.

Вспомни обо мнѣ, Господи, въ минуты благостей Твоихъ. Пошли мнѣ силъ и будь со мной, ибо безъ Тебя вижу я одну гибель. Научи меня цѣнить выше всего святость чистой жизни, пошли мнѣ равнодушіе при видѣ житейскихъ благъ и смиреніе при испытаніяхъ. Гдѣ Твои прежнія милости ко мнѣ, Господи? Помилуй меня и не отвращай лица Твоего отъ моей скорби, и удержи руку, казнящую меня...

2.

Спаситель мой, избавившій родъ человѣка отъ мрака и тѣней смерти, услышь мольбу мою и просвѣти меня, — ибо тяжко душѣ моей и все вокругъ меня темно. Я падаю подъ тяжестью грѣховъ моихъ и подъ бременемъ жизни — простри руку Твою уноляющѐму и подкрѣпи колеблющуюся вѣру мою.

Пораженный во всемъ, и въ тѣлѣ, и въ способностяхъ, и въ существованіи моемъ, взываю къ тебѣ, единственному защитнику страждущихъ, и сбрасывая всѣ надежды на міръ, на свои собственныя усилія, ищу опоры въ одномъ Тебѣ, въ Твоемъ неизреченномъ милосердіи!

3.

Боже мой, Боже мой! на Тебя возлагаю я надежды; мои страданія возрастаютъ, моя душа колеблется въ тоскѣ, близкой къ отчаянію; я въ нуждѣ и горько на сердцѣ у меня. И весь день взываю я къ Тебѣ о помощи въ это тягчайшее время, въ часъ смятенія, въ часъ крайности!

За что покинутъ я Тобою, Господи, и почему отвратилъ Ты отъ меня лучъ милосердія Твоего? Изъ праха, изъ бѣдности, нищеты и униженія призываю Тебя, и молю, да не совсѣмъ Ты меня покинешь.

IV.

Крайняя нищета. — Эдмондъ Боркъ. — Письмо Краббе. — Отвѣтъ Борка и его свиданіе съ поэтомъ. — Благодѣянія великаго человѣка. — Новыя сношенія съ книгопродавцами. — Рукопись «Деревни». — Краббъ гоститъ въ Беконсфильдѣ. — Фоксъ. — Сиръ Д. Рейнольдсъ. — Поэтъ и живописецъ. — Отзывъ Джонсона. — Свиданіе Краббе съ лексикографомъ. — Появленіе въ свѣтъ Библіотеки. — Лордъ-Канцлеръ.

Нельзя не сожалѣть о томъ, разсказываетъ сынъ и біографъ Краббе, что дневникъ моего родителя обнимаетъ только три мѣсяца изъ числа двѣнадцати несчастныхъ, имъ проведенныхъ въ столицѣ, мѣсяцевъ. Все это время было одной сплошной цѣпью неудачь, страданій и разрушенныхъ надеждъ. Обстоятельства его дошли до страшнаго кризиса. Голодъ, въ буквальномъ своемъ смыслѣ, глядѣлъ въ лице поэту, тюрьма начинала казаться ему желаннымъ прибѣжищемъ — лучшей его надеждою. Впрочемъ, ему оставалась еще надежда получить мѣсто антекарскаго помощника и влачить жизнь, отказавшись отъ всѣхъ литературныхъ поползновеній, по крайней мѣрѣ не умирая съ голода. Честность его мѣ-

шала занимать деньги, не имѣя возможности ихъ платить, просить подаянія онъ стыдился, да наконецъ и не надѣялся на это средство пропитанія. Въ такой пучинѣ горя и нужды погибнула бы всякая душа, менѣе вѣрующаго и менѣе твердаго человѣка.

Послѣднее усиліе было сдѣлано Краббомъ. Твердо убѣжденный въ томъ, что только поэты съ громаднымъ дарованіемъ могутъ сами прокладывать себѣ путь, не нуждаясь въ помощи чужого человѣка и не признавая въ себѣ таланта, способнаго разомъ поразить всѣхъ читателей, онъ рѣшился болѣе не выступать на литературную арену, безъ совѣта людей понимающихъ дѣло. Въ его портфейлѣ имѣлось много оконченныхъ вещей, но кому было ихъ показать, съ кѣмъ посовѣтоваться на счетъ ихъ достоинства, къ кому, говоря короче, обратиться за словомъ поощренія и рукой помощи? Думая такимъ образомъ, перебирая въ умѣ имена многихъ людей, знакомыхъ ему по однимъ слухамъ, колеблясь душой и опасаясь новыхъ оскорбительныхъ неудачъ, онъ, въ счастливую для себя минуту, произнесъ имя Эдмунда Борка, котораго чтилъ какъ украшеніе родины, и какъ одного изъ совершеннѣйшихъ людей на всемъ свѣтѣ.

Въ нашемъ сочиненіи о жизни и трудахъ Ричарда Шеридана, мы пространно бесѣдовали съ читателемъ объ ораторскомъ талантѣ, заслугахъ, вдохновенномъ краснорѣчіи и рыцарской честности Борка, которому, какъ предсказывалъ Самуилъ Джонсонъ, предназначено было удивить собой вселенную. Въ 1781 году великій ораторъ и авторъ классическаго сочиненія «Философское изслѣдованіе объ основаніи идей высокаго и прекраснаго», достигъ до апогея своей знаменитости. Другъ, товарищъ и соперникъ первыхъ государственныхъ людей своего времени, — Боркъ считался оракуломъ нижней палаты и любимцомъ слушателей. Маркизъ Рокингемъ, приготовлявшійся принять бразды министерства изъ рукъ лорда Нортса, прочилъ Борка въ главные казначеи арміи и члены тайнаго совѣта. Какъ литераторъ, онъ пользовался безпредѣльнымъ кредитомъ во всѣхъ кругахъ любившихъ изящное и занимавшихся изящнымъ. Первыя звѣзды прошлаго столѣтія удивлялись Борку и цѣнили Борка: Джонсонъ, законодатель поэтическаго преставаго, отзывался о немъ какъ о нравственномъ феноменѣ, сэръ Джесуа Рейнольдсъ, первый художникъ своего отечества, любилъ Борка какъ родного брата. Гольдсмитъ, Босвелль, Гиббонъ, Боклеркъ, Гогартъ, Фоксъ, Гэррикъ, однимъ словомъ всѣ знаменитости эпохи (изъ нихъ уже многіе сошли со сцены около 1781 года) окружали Эдмунда Борка и страстно его любили. По выра-

женію комика Фута, Боркъ имѣлъ возможность въ одно и тоже время подымать бури и въ политическомъ и въ литературномъ мірѣ своего отечества. Но онъ не подымалъ бурь и не употреблялъ во зло своего вліянія. Не нуждаясь ни въ комъ, не скрывая правды ни отъ кого, поражая лихоимство и неправду вездѣ, гдѣ они только являлись, ораторъ и критикъ велъ жизнь скромную и почти незамѣтную, за книгами и бумагами, въ тиши своего семейства. Видѣть его можно было только въ палатѣ, да на бесѣдахъ бывшаго Джонсонова клуба, гдѣ собирались первые литераторы его времени и гдѣ веселились сѣдые ветераны искусства — великодушный лексикографъ Джонсонъ, гостепріимный сэръ Д. Рейнольдсъ, глядѣвшіе Несторами въ кругу преданнаго чудака Босвелля и пламеннаго Генри Фокса. Къ такому-то человѣку рѣшился обратиться поэтъ, умиравшій съ голода. Время было дурно выбрано, ибо каждое засѣданіе палатъ ознаменовывалось грозою; прежнее министерство колебалось, а Боркъ проводилъ дни въ пламенныхъ преніяхъ, ночью готовясь къ новой борьбѣ и новымъ спорамъ.

Вотъ письмо Крабба къ Эдмонду Борку. Мы его переводимъ почти безъ сокращеній, имѣя въ виду его великую важность на всю будущность поэта. Рѣдко какой либо документъ въ такомъ родѣ приносилъ результаты подобные. «Это письмо», говоритъ сынъ Крабба, «дало моему родителю и жизнь и независимость, и славу, и годы счастія. Безъ этого письма и меня не было бы на свѣтѣ», прибавляетъ онъ съ трогательнымъ простодушіемъ.

To Edmund Burke Esq.

«Сэръ, одна только ваша слава можетъ отчасти извинить смѣлость моего настоящаго предпріятія. Но я имѣю еще одно простое оправданіе, которое будетъ понято человѣкомъ возвышенной души вашей. Я принадлежу къ числу существъ, которымъ нѣтъ мѣста на свѣтѣ, которыя не имѣютъ ни друга, ни возможности кормить себя трудомъ, ни хлѣба.

«Простите мнѣ краткое вступленіе. Я имѣю отца, давшаго мнѣ воспитаніе, какое только было возможно при его разрушенномъ состояніи. Я учился медицинѣ, но не имѣя средствъ кончить курсъ и зная слишкомъ мало для успѣшной практики, могъ только понять заблужденіе нѣжныхъ родителей, воспитывающихъ дѣтей не по средствамъ. Въ прошломъ апрѣлѣ я прибылъ въ Лондонъ, имѣя съ собой три фунта и твердо вѣруя, что мои способности, какъ поэта, дадутъ мнѣ средства существовать безбѣдно. Я былъ

высокаго мнѣнія о своемъ талантѣ; я не зналъ свѣта или зналъ его только изъ книгъ. Я писалъ — и видѣлъ совершенство въ своихъ твореніяхъ, но когда мнѣ понадобился хлѣбъ, никто не захотѣлъ ихъ напечатать, и несчастный видъ самого писателя навлекъ презрѣніе къ трудамъ его.

«Время, размышленіе и нужда раскрыли мнѣ глаза. Я понялъ свою ошибку и сталъ глядѣть правильно на мои слабыя созданія. *Но, ценя ихъ по достоинству, я еще не пересталъ думать, что въ нихъ есть что-то высшее противъ стиховъ постоянно являющихся въ свѣтъ за это время.*»

Разсказывая о неудачной попыткѣ издать одну изъ своихъ поэмъ съ помощью подписки, Краббъ говоритъ: «Я сознаю вполнѣ, сэръ, до какой степени печаленъ мой разсказъ, но самая необходимость разсказывать подобныя вещи, пусть будетъ мнѣ извиненіемъ. Книгопродавецъ обманулъ меня и люди, на которыхъ я надѣюсь, отвернулись прочь отъ литератора, находящагося въ такомъ безпомощномъ состояніи. Мнѣ приходится быть подвергнутымъ заключенію по взысканіямъ вслѣдствіе типографскихъ расходовъ. Истощивъ всѣ средства, дозволенныя честному человѣку, я выхлопоталъ себѣ недѣлю отсрочки; послѣ которой мнѣ слѣдуетъ или уплатить должную сумму, или идти въ тюрьму.

«Вы догадываетесь, къ чему ведетъ мое длинное предисловіе. Я обращаюсь къ вамъ, сэръ, какъ къ благому и, позвольте прибавить, великому человѣку. У меня нѣтъ никакихъ правъ на вниманіе ваше, кромѣ моихъ бѣдствій. Можете ли вы пособить мнѣ какимъ нибудь способомъ? Не нуждаетесь ли въ доказательствахъ, касательно справедливости моихъ словъ? Я обманулъ самъ себя, но въ жизнь мою я болѣе никого не обманывалъ. Позвольте мнѣ надѣяться на милосердіе ваше. Я знаю, что люди въ вашемъ положеніи, осаждаемые ежеминутными просьбами, часто не имѣютъ средствъ снизойти къ мольбамъ истинной скорби, по этому случаю, я не даю воли своимъ надеждамъ, но смѣло прошу васъ, сэръ, въ случаѣ отказа, простить мою смѣлость. Идеи, вами провозглашенныя, и дѣла васъ прославившія, могутъ исходить только изъ благороднаго, человѣколюбиваго сердца.

«Завтра, сэръ, я буду имѣть честь зайти къ вамъ, и покорюсь своей судьбѣ, ежели мнѣ не суждено будетъ обратить на себя вашего вниманія. Жизнь моя слишкомъ тяжка, какъ для меня, такъ и для малого числа лицъ, меня любящихъ, но страдающихъ вслѣдствіе моихъ страданій. Мнѣ отрадно будетъ ждать минуты, когда Богу угодно будетъ послать конецъ моимъ испытаніямъ. Остаюсь,

сэръ, съ чувствомъ глубокаго почтенія, покорнымъ слугой вашимъ.

Георгъ Краббъ.

Эдмундъ Боркъ не имѣлъ секретаря для своей частной корреспонденціи; письма на свое имя онъ читалъ *самъ* и это обстоятельство спасло погибающаго поэта. Вопль высокой души, сознающей свои силы и не унижающейся даже посреди отчаянія, дошелъ до сердца великаго оратора. Когда на слѣдующее утро въ приемной Борка появился блѣдный молодой человѣкъ, въ потертомъ, но чистенькомъ кафтанѣ и дрожащимъ голосомъ произнесъ свое имя, его повели вверхъ по лѣстницѣ, въ кабинетъ знаменитаго хозяина. Черезъ минуту, передъ голоднымъ и растерявшимся юношей, уже стоялъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, но казавшійся значительно моложе своихъ лѣтъ, длинный, некрасивый, съ большими очками на постоянно утомленныхъ глазахъ. Краббъ, тысячу разъ видавшій лицо Борка на портретахъ и каррикатурахъ, тотчасъ узналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

«Садитесь — сказалъ великій человѣкъ — садитесь и успокойтесь поскорѣе. Письмо ваше я прочиталъ нѣсколько разъ. Оно показываетъ въ васъ честнаго, благороднаго, умнаго, способнаго человѣка. Вы можете быть плохимъ или отличнымъ поэтомъ, это мы узнаемъ, познакомившись съ вашими стихами, но теперь не въ стихахъ дѣло. Вы не останетесь въ нуждѣ и безъ работы, даю вамъ мое слово».

Къ истинному сожалѣнію біографовъ Краббa, до насъ не дошло другихъ подробностей его перваго свиданія съ Эдмундомъ Боркомъ; вся эта сцена, такъ утѣшительная для человѣчества, такъ возвышающая душу, такъ ясно подтверждающая нашу вѣру въ то, что всѣ почти великіе люди сердцемъ своимъ далеко превышаютъ обыкновеннаго смертнаго, утрачена для потомства. Кому было ее помнить въ подробности? Краббъ, всю свою жизнь съ благоговѣніемъ вспоминая имя Борка, не дивился, однако же, его поступку; получивъ средства дѣлать добро людямъ, онъ самъ слишкомъ много дѣлалъ добра и о подвигахъ христіанскаго милосердія думалъ, какъ о вещи самой простой, незаслуживающей описанія. Сверхъ того, нашъ поэтъ принадлежалъ къ разряду людей простодушныхъ, практическихъ и даже безпорядочныхъ, принимая послѣднее слово въ лучшемъ его смыслѣ. Всю свою жизнь онъ собирался привести въ порядокъ свои бумаги, свой кабинетъ и свою библіотеку, дожилъ до глубокой старости и оставилъ все въ полномъ хаосѣ. Нерѣдко товарищи по литературѣ (Вальтеръ-Скоттъ въ особенности) совѣтовали Краббу записать исторію своихъ сношеній съ знамени-

тостями прошлаго столѣтія; ничего подобнаго онъ не сдѣлалъ и, можетъ быть, не могъ сдѣлать. Владѣя талантомъ истиннаго поэта, Краббъ всего менѣе походилъ на литератора; высокій художникъ по своимъ стихамъ, онъ не обладалъ ни малѣйшей картинностію манеры ни въ разговорѣ, ни въ замѣткахъ, до его жизни относящихся.

«Краткое свиданіе отца моего съ Э. Боркомъ (мы продолжаемъ выписку изъ біографіи, о которой уже говорено было) навѣки измѣнило всю судьбу мистера Краббa. Онъ вошелъ въ кабинетъ оратора несчастнымъ авантюристомъ, безъ одного шиллинга, безъ надеждъ и бодрости, а вышелъ изъ него «поднятымъ человѣкомъ», вполнѣ увѣренный въ своей будущности. Умственный гигантъ, въ груди своей таившій сердце нѣжнаго дитяти, воодушевилъ моего отца словомъ ласки и одобренія. Разговаривая черезъ нѣсколько дней съ сэромъ Джосуа Рейнольдсомъ, Боркъ выразился такъ, по поводу своего новаго protégé: «по уму и чувствамъ это совершеннѣйшій джентльменъ» *). Оттого онъ и обошелся съ молодымъ человѣкомъ, какъ съ джентльменомъ. Выбравши свободный день, онъ пригласилъ мистера Краббa въ свой домъ, познакомилъ его съ женою, ссудилъ его деньгами и заставилъ при себѣ перечитать стихотворенія, самимъ авторомъ признаваемыя за лучшія. Двѣ поэмы «Библіотека» и «Деревня» особенно обратили на себя вниманіе оратора; онъ слѣдилъ за каждымъ стихомъ, откровенно осуждалъ неудачныя мѣста, совѣтовалъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ цѣломъ и послѣ совѣтовъ своихъ, совершенно практическихъ и примѣнимыхъ къ дѣлу, произнесъ такое заключеніе: «многія мысли не хорошо высказаны, но онѣ стоятъ отличной отдѣлки, многія мѣста слабы и показываютъ неопытнаго писателя, но вездѣ виденъ поэтъ самостоятельный по идеямъ». Вслѣдъ затѣмъ, взявъ рукопись «Библіотеки», Боркъ понесъ ее къ книгопродавцу Додслею и самъ прочиталъ ему всю поэму. Додслей согласился ее напечатать и не только что напечатать, но предоставить сочинителю всѣ выгоды предпріятія...»

Біографіи, написанныя лицами слишкомъ близкими къ знаменитостямъ, въ нихъ изображаемымъ, безпрестанно грѣшатъ при-

---

*) Не лишнимъ считаемъ замѣтать, что въ Англіи, и особенно Англіи стараго времени, слово gentleman принимается и принималось не въ томъ узкомъ, дендически-пошломъ значеніи, какое ему даетъ остальная Европа. Безукоризненнѣйшій левъ Лондона можетъ быть не признанъ джентльменомъ, и ветхій кафтанъ Краббa не помѣшалъ ему получить это названіе отъ первыхъ знаменитостей его вѣка.

страстіемъ, и пристрастіемъ совершенно ненужнымъ. Увлеченный обожаніемъ къ памяти родителя своего, сынъ поэта Краббе грѣшитъ едва ли не болѣе всѣхъ другихъ біографовъ и мы находимся въ необходимости опровергать его указанія не только съ помощью другихъ матеріаловъ о жизни Краббе, но даже послѣдующихъ страницъ его книги. Для насъ ясно, какъ день, что Эдмундъ Боркъ, познакомившись съ молодымъ литераторомъ, не имѣлъ о немъ высокаго понятія, какъ о поэтѣ. «Деревня», произведеніе вполнѣ самостоятельное, оставляющее за собой все до той поры сдѣланное Краббомъ, попало въ руки оратору только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; «Библіотека» же, поэма слабая и въ которой нѣтъ ни одного отличительнаго признака Крабборской силы, была отдана въ печать только для доставленія нѣкоторыхъ выгодъ ея автору. 1781 годъ былъ годомъ литературнаго застоя, и вещица, лично принесенная Боркомъ, понравившаяся Борку, да сверхъ того, написанная гладко, не могла пройти незамѣченною. Но только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы сказали, молодой человѣкъ явился къ своему высокому покровителю съ первыми отрывками «Деревни». Ораторъ самъ прочелъ ихъ и дойдя до той страницы *), на которой авторъ описываетъ ласточекъ, роями столпившихся на мрачномъ морскомъ берегу и ожидающихъ попутнаго вѣтра для полета, сказалъ самъ себѣ въ первый разъ: «теперь я вижу истиннаго, самостоятельнаго поэта!» Съ этого дня личное влеченіе Эдмунда Борка къ Краббу пріобрѣло новую силу. Поэтъ въ потертомъ кафтанѣ, сдѣлался домашнимъ другомъ у государственнаго человѣка. Мистриссъ Боркъ стала заботиться о томъ, чтобы въ тѣ дни, когда Краббъ у нихъ обѣдаетъ, къ столу подавались лучшія блюда. Переѣзжая на свою дачу въ Биконсфильдѣ, Боркъ тотчасъ отдѣлилъ въ домѣ особую комнату, убралъ ее по своему усмотрѣнію, привезъ Краббе къ себѣ, возвратилъ ему начало поэмы и потребовалъ, чтобы произведеніе, такъ много обѣщающее, было кончено на его дачѣ, вдали отъ городского шума и душу убивающихъ воспоминаній о прошлыхъ страданіяхъ.

Въ праздничные дни или въ другіе, рѣдкіе часы отдыха, ораторъ отрывалъ своего жильца отъ занятій и они вмѣстѣ бродили по живописнымъ окрестностямъ дачи. О чемъ толковали они между собою, какія мысли развивалъ передъ юношей Эдмундъ Боркъ, котораго послѣднія сочиненія имѣютъ въ себѣ что-то пророческое и

---

*) Почти что въ началѣ поэмы. Читатель найдетъ это мѣсто въ нашемъ разборѣ «Деревни».

кажутся какъ будто вчера написанными? Краббъ ничего не записалъ, ничего не разсказалъ нашимъ современникамъ. Много говорено было о политикѣ, еще болѣе о литературѣ. Толкуя о «Георгикахъ» Виргилія, молодой поэтъ показалъ значительное познаніе латинскаго языка. Боркъ чрезвычайно обрадовался этому открытію и спросилъ у Краббa, имѣетъ ли онъ призваніе къ духовному поприщу. Поэтъ давно уже думалъ объ этой дорогѣ, къ которой давно склоняли его и теплая вѣра, и сочувствіе къ людскимъ страданіямъ, и кротость нрава, и утомленіе городской жизнью — плодъ недавнихъ бѣдствій.

«Итакъ, ваше дѣло устроено — замѣтилъ ораторъ — безъ латинскаго языка вамъ не дали бъ мѣста, но вы изо всякой науки хоть что нибудь да знаете».

Черезъ нѣсколько дней Боркъ самъ поѣхалъ къ епископу норвичскому, и по прошествіи нѣкотораго срока, устроилъ судьбу дорогого себѣ человѣка.

Перечесть всѣхъ сильныхъ и знаменитыхъ людей, съ которыми Краббъ сошелся подъ гостепріимнымъ кровомъ биконсфильдскаго владѣтеля, было бы весьма трудно. Между ними прежде всего надо назвать Фокса, оратора и великаго игрока, тогда еще считавшагося первымъ поклонникомъ Борка, своего будущаго соперника. Въ Фоксѣ блистательнѣйшія качества смѣшивались съ причудами, разсѣянность со свѣтскостью, доброта съ театральностью, золото съ мишурою. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые отдаютъ маленькой партіи тѣ сокровища, какія должны быть отданы всему отечеству, и проживаютъ свой вѣкъ дѣлая много шума, но не очень много пользы. Ночи Фоксъ проводилъ на трибунѣ, изъ палаты пріѣзжалъ не спать, а играть въ карты, днемъ ухаживалъ за придворными дамами, совершалъ великія побѣды, несмотря на полнѣйшее презрѣніе къ модѣ и даже щеголеватости, а остатокъ времени проводилъ съ поэтами, учеными и острословами своего времени. Когда этотъ человѣкъ слѣдилъ за государственными дѣлами, никто не могъ сказать, а между тѣмъ Фоксъ умѣлъ сидѣть за бумагами. Никто не былъ въ силахъ сообразить, когда Фоксъ читалъ книги, а для Фокса ни одинъ печатный листокъ не оставался безъ прочтенія: онъ глоталъ и помнилъ все: газетныя статьи, поэмы, экспромты, ученые трактаты, историческія сочиненія! Вѣчный протей, типическое порожденіе живого XVIII вѣка, блистательный посреди небрежности, философъ, несмотря на свои юныя лѣта, рыцарь и эпикуреецъ, Карлъ Фоксъ способенъ былъ увлечь, поработить, озадачить каждаго человѣка. Несравненно солиднѣе и полезнѣе для

Крабба оказывался другой Борковъ пріятель, сэръ Джосуа Рейнольдсъ, о которомъ мы недавно упоминали. Первоклассный художникъ по своимъ картинамъ и еще болѣе замѣчательный теоретикъ искусства *), старый баронетъ къ этимъ достоинствамъ присоединялъ любовь къ литературѣ и гостепріимство самое безграничное. Его домъ, конечно, могъ назваться первымъ домомъ во всемъ Лондонѣ, потому что такихъ собесѣдниковъ, какъ у Рейнольдса, не могъ имѣть первый аристократъ Великобританіи. Все знаменитое въ политическомъ, ученомъ, артистическомъ мірѣ было дружно съ сэромъ Джосуа, начиная Гэррикомъ и кончая Краббомъ; почти все XVIII столѣтіе прошло чрезъ его гостинную.

Въ первый разъ увидѣвши Крабба, гостившаго въ Биконсфильдѣ, сэръ Джосуа полюбилъ его какъ скромнаго молодого человѣка и Боркова пріятеля, — но когда хозяинъ прочелъ ему нѣсколько страницъ изъ «Деревни», только что приведенной къ окончанію, художникъ тотчасъ же оцѣнилъ поэта, почти безпримѣрнаго по картинности своихъ сочиненій. Никогда еще Рейнольдсъ не встрѣчалъ поэмы болѣе понятной, симпатической для живописца, никогда еще, по его убѣжденію, слово человѣческое не забиралось далѣе въ область живописи. Перо Крабба показалось ему чѣмъ-то среднимъ между перомъ и кистью. Въ полномъ восхищеніи отъ «Деревни» сэръ Джосуа взялъ поэму съ собой въ Лондонъ и отвезъ ее къ Джонсону. Лексикографъ прочиталъ ее въ первую свободную минуту, сдѣлалъ въ ней нѣсколько важныхъ исправленій и отправилъ обратно съ такою запиской:

Сэру Дж. Рейнольдсу.

«Возвращаю вамъ, сэръ, поэму мистера Крабба, которая доставила мнѣ большое, истинное наслажденіе. Она оригинальна, смѣла и изящна.

«Измѣненія, сдѣланныя мною въ нѣсколькихъ стихахъ, могутъ пойти или не пойти въ печать, по усмотрѣнію автора. Очень можетъ быть, что мои строки не лучше его строкъ, но пусть онъ обдумаетъ и тѣ, и другія, а потомъ изъ двухъ способовъ выраженія создаетъ третій, самый лучшій. Я не испортилъ рукописи поправками — мокрая губка легко стираетъ мои красныя чернила съ бумаги.

---

*) За свои лекціи о живописи Рейнольдсъ получилъ отъ Императрицы Екатерины II золотую табакерку съ запиской ея руки: *pour M. le chevalier Reynolds, en souvenir du plaisir pendant la lecture de ses excellents articles sur la Peinture.*

«Одно посвященіе едва ли полюбится читателю, лучше начать всю вещь сжатымъ и бойкимъ началомъ. На счетъ успѣха поэмы я не имѣю малѣйшаго сомнѣнія. «С. Джонсонъ» *).

Записка, нами приведенная, стоила диплома отъ многихъ ученыхъ обществъ, и со дня ея полученія Краббъ имѣлъ полное право считать себя почетнымъ и постояннымъ членомъ своего родного Парнасса. Еще разъ повидавшись съ сэромъ Джосуа, Джонсонъ изъявилъ желаніе познакомиться съ молодымъ поэтомъ, а художникъ тутъ же назначилъ день и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Джонсона, Борка, Фокса, книгопродавца Додслей и Краббa.

Весь порядокъ обѣдовъ у сэра Джосуа — порядокъ, скорѣе достойный называться безпорядкомъ, содѣйствовалъ къ постоянной веселости собесѣдниковъ. Миссъ Рейнольдсъ, хозяйка дома, заботилась только объ изобиліи блюдъ, но въ дальнѣйшіе хлопоты не мѣшалась. Ровно въ пять часовъ подавали кушанье, не заботясь о томъ, явились или нѣтъ приглашенные гости. Сэръ Джосуа не заставилъ бы гостей своихъ ждать хотя бы первѣйшаго аристократа всей Англіи — отсрочить время обѣда нѣсколькими минутами казалось ему верхомъ невѣжливости. Онъ не соображалъ числа приглашенныхъ лицъ съ величиною стола, и такъ какъ многіе гости являлись безъ приглашенія, то часто столъ накрытый на восемь приборовъ давалъ мѣсто пятнадцати гостямъ, а иногда и болѣе. Всегда недоставало рюмокъ, ножей, вилокъ, тарелокъ; гости должны были распоряжаться сами, приносить себѣ хлѣбъ, передавать другъ другу бутылки, отъ этого всегда происходила бѣготня, шутки и хохотъ. Глухой хозяинъ кушалъ за троихъ, изрѣдка приставляя къ уху трубу и наслаждаясь общимъ шумомъ, не подчуя никого и предоставляя каждому гостю дѣлать все, что ему было угодно. Его одинъ разъ убѣдили накупить большой запасъ всякой посуды, но это поползновеніе къ аккуратности только охладило общее веселье до тѣхъ поръ, пока лишніе графины и рюмки не были перебиты и старый порядокъ не водворился съизнова.

*) Какимъ образомъ первая поэма Краббa, въ чисто натуральномъ вкусѣ, послужившая однимъ изъ краеугольныхъ камней новаго направленія въ словесности, могла такъ понравиться великобританскому Боало-Джонсону? Тутъ было много причинъ во первыхъ, лексикографъ не любилъ сельской жизни и оттого былъ холоденъ къ идиллической поэзіи, противъ которой вооружался и Краббъ; во вторыхъ, какъ мы скоро увидимъ, поэтъ «Деревни» не возмущался *формой* псевдоклассической поэзіи, но былъ новъ по *духу* своихъ произведеній. И наконецъ надо имѣть въ виду великую критическую зоркость Джонсона, его практическій умъ, широту его воззрѣнія, однимъ словомъ, всѣ качества, отличавшія его отъ пристрастныхъ законодателей французскаго Парнасса.

Непростительная беапечность Крабба лишила насъ свѣдѣній о его первомъ свиданіи съ литературнымъ аристархомъ того времени, карлейлевымъ герцогомъ Самуиломъ Джонсономъ *); но до нѣкоторой степени мы еще способны пополнить небрежность поэта.

*) Съ юнаго возраста своего, Джонсонъ боролся съ нуждою, болѣзнью и неизвѣстностью. Ипохондрикъ и меланхоликъ по характеру, всегда готовый предвидѣть дурное, но сумрачно рѣшившійся бороться и побѣдить, онъ упрямо и незыблено шелъ своимъ путемъ, презирая постороннюю помощь, благородно разсчитывая на самого себя, и одного себя. Святая гордость избавляла Джонсона отъ дурныхъ послѣдствій бѣдности. Онъ никогда не надѣялся на лучшіе дни и потому ни у кого не занималъ денегъ. Въ годину тягчайшихъ испытаній, онъ гордо сносилъ бѣды, съ которыми не могъ бороться. Во времена своей молодости, когда одинъ неизвѣстный другъ, увидѣвшій истасканные башмаки поэта, поставилъ у двери его пару новыхъ, Джонсонъ не принялъ подарка, и башмаки вышвырнулъ на улицу. Не имѣя методы въ своихъ занятіяхъ, онъ сдѣлался, однако же, первымъ изъ ученыхъ своего времени. Болѣзни и мрачное настроеніе духа, понудивъ Джонсона погрузиться въ самого себя, вдохнули въ его душу глубокій энтузіазмъ и обогатили его память запасомъ всестороннихъ свѣдѣній.

Двадцати-осьми лѣтъ онъ пришелъ въ Лондонъ съ тремя пенсами въ кошелькѣ и рукописной трагедіей въ карманѣ. Съ нимъ вмѣстѣ пришелъ его товарищъ впослѣдствіи знаменитый Давидъ Гэррикъ. Много лѣтъ влачилъ Джонсонъ неизвѣстное существованіе въ Лондонѣ, пробивая себѣ дорогу литературою, не разъ испытывая нужду, по истинѣ безпредѣльную, но не покоряясь передъ нуждою. Не одну ночь онъ и поэтъ Севеджъ (умершій отъ нищеты) должны были бродить по улицѣ, не имѣя копѣйки на ужинъ и наемъ комнаты. Обѣдая у книгопродавца Кева, Джонсонъ, по одеждѣ своей походившій на нищаго, при появленіи чужихъ людей, уходилъ за ширмы и обѣдалъ тамъ, скрываясь отъ нескромныхъ взоровъ.

Но посреди всей этой долгой, тяжкой борьбы, страдая тѣлесно и нравственно, Джонсонъ всегда былъ полонъ уваженія къ своему достоинству, и не сдѣлалъ ничего ему противнаго. И онъ выполнилъ намѣреніе своей юности, пробилъ себѣ дорогу литературой. Его изданія «Странникъ» и «Наблюдатель» дали ему славу перваго моралиста Англіи, а его «Лексиконъ» и «Исторія англійскаго языка» громадный памятникъ, созданный однимъ человѣкомъ, пробудили изумленіе всего образованнаго міра. Онъ сталъ въ челѣ образованнаго общества, и бесѣда его сдѣлалась также славна, какъ его творенія. Властитель на Парнассѣ, рѣшитель литературныхъ вопросовъ, ученый, обласканный королемъ и обезпеченный постоянною пенсіею, Джонсонъ, подъ старость лѣтъ, явился героемъ возвышеннаго милосердія, такъ же какъ до того времени былъ героемъ борьбы и терпѣнія. Онъ раздавалъ бѣднымъ свой достатокъ, въ домѣ своемъ устроилъ пріютъ для обѣднѣвшихъ товарищей и одинъ разъ получилъ болѣзнь отъ того, что ночью пронесъ на плечахъ до своей квартиры убогую женщину, отъ голода упавшую въ обморокъ на улицѣ.

Въ рѣчахъ своихъ Джонсонъ былъ глубоко остроуменъ, и бесѣды его, тщательно записанныя Босвеллемъ, получили вѣчную популярность. Въ обращеніи онъ отличался жестокостью, за что и получилъ прозваніе «великаго медвѣдя»; но люди, къ нему близкіе, знали сколько нѣжности, благородства, ума, добродѣтелей кроется подъ жесткостью Джонсонова нрава, сформировавшагося посреди вѣчной борьбы и ужасающихъ страданій.

Лексикографу было въ то время семьдесятъ три года, но онъ обладалъ еще всѣми своими способностями и даже казался здоровѣе, нежели за много лѣтъ назадъ, въ періодъ своего зрѣлаго возраста. Кому изъ лицъ, читавшихъ Босвелля, Маколея, Ирвинга или Карлейля, не знакома эта нескладная, огромная, некрасивая фигура ветерана литературы, съ ея маленькими подслѣповатыми глазами, паричкомъ, обозженнымъ напереди вслѣдствіе привычки Джонсона читать книги передъ самой свѣчой, съ ея обкусанными ногтями, корчневымъ кафтаномъ и вѣчно суровымъ взглядомъ? Кто не благоговѣетъ передъ Самуиломъ Джонсономъ и не способенъ отдать своего новаго чернаго фрака за кафтанъ прошлаго столѣтія и за бесѣду одного вечера съ Джонсономъ,Боркомъ, и Рейнольдсомъ? Кто не читалъ разсказовъ о геройской благотворительности Джонсона и о его оригинальной, причудливой, жосткой, часто даже невѣжливой бесѣдѣ? Кто не воображалъ передъ собой этого сердитаго, но благодушнѣйшаго патріарха, героя литературы, съ его властительскими замашками, съ его духомъ противорѣчія? — Кто не согласился бы даже быть его жертвою, но только для того, чтобъ своими ушами услыхать отъ Джонсона: — «это не такъ, сэръ; вы говорите великую глупость, сэръ, — вы пустой болтунъ, сэръ; вы ничего не смыслите, сэръ, въ этомъ вопросѣ!» Георгъ Краббъ, такъ недавно еще жившій между нами Краббъ, нашъ современникъ, имѣлъ счастіе видѣть великаго Джонсона, бесѣдовать съ Джонсономъ, слышать похвалы Джонсона, даже подвергаться вспыльчивости Джонсона! И онъ не передалъ намъ ровно ничего. Съ міерисовской точностью умѣя описывать намъ индѣйскаго пѣтуха въ минуту гнѣва *), поэтъ во всю свою жизнь не нашелъ минуты, что-

*) Въ сказкѣ «Нѣмые ораторы» (Tales.)

Такъ огромный индюкъ важно переваливается и бродитъ по зеленому лугу
И вдругъ встрѣтивъ стаю злыхъ мопсовъ, гончихъ и борзыхъ собакъ,
И оскорбясь шумомъ и лаемъ всей крикливой толпы,
Отъѣзжаетъ въ сторону, хотя весь наполняется большимъ гнѣвомъ.
Но когда этотъ же пѣтухъ, у дверей собственнаго птичника,
Встрѣчаетъ одного бѣгающаго щенка и никого болѣе,
(Глупаго щенка, оставившаго родную стаю
И не помышляющаго о томъ, какой врагъ у него за спиною)
Индюкъ колыхается кругомъ, будто корабль, готовящійся летѣть на парусахъ,
Гордо раскидываетъ свой величаво-кругообразный хвостъ,
Выказывая полузаросшіе сверху глаза и грудь перемѣнчиваго цвѣта, въ которой гнѣздится мщеніе.
Болтающійся зобъ его дѣлается то краснымъ, то синимъ;
Иногда и краснымъ и синимъ вмѣстѣ, какъ огонь горящей сѣрной спички;

бы записать подробности своего свиданія съ лексикографомъ! Изъ постороннихъ только свѣдѣній мы узнаемъ, что во время обѣда молодой поэтъ позволилъ себѣ какое-то литературное замѣчаніе, отзывавшееся молодостью и незрѣлостью. Джонсонъ заурчалъ, закачался во всѣ стороны и сказалъ Краббу нѣсколько обычныхъ своихъ невѣжливостей; но, примѣтивъ пугливость Боркова пріятеля, поспѣшилъ перейти къ другимъ предметамъ. Когда разговоръ коснулся Краббовой поэмы, лексикографъ отозвался о ней съ глубокимъ сочувствіемъ и тѣмъ вполнѣ загладилъ слѣдъ своей стариковской вспыльчивости. Между другими сужденіями онъ сказалъ одно, оставшееся въ памяти молодого поэта: «Вы берете своихъ героевъ изъ простой жизни», замѣтилъ онъ ему «но дѣлая это, старайтесь не поддаваться той жизни, которую описываете. Будьте самимъ собою и не страшитесь влагать лучшія и сильнѣйшія ваши мысли въ уста самого простого, самого ничтожнаго героя» *). Никакихъ другихъ замѣтокъ Джонсона Краббъ не передалъ въ теченіи своей жизни.

Тѣмъ временемъ Краббова поэма «Библіотека» **) вышла въ свѣтъ и по причинамъ, о которыхъ говорено было выше, обратила на себя общее вниманіе. Журналисты, безъ сомнѣнія, настроенные авторитетомъ Эдмунда Борка, объявили, что авторъ новой поэмы по таланту своему далеко превышаетъ большую часть стихотворцовъ того времени. Правду сказать, въ такой похвалѣ не имѣлось ничего лживаго. Краббъ потому превышалъ своихъ сверстниковъ, что ихъ у него не было. Передъ нимъ лежало ровное и открытое поле. Гиганты Свифтъ и Поппъ давно уже сошли со сцены, подражатели ихъ манеры не создали ровно ничего замѣчательнаго. Энергическій сатирикъ Чорчиль, художники Грэй и Гольдсмитъ, которыхъ соперничество было бы опасно начинающему пѣвцу, давно покоились въ могилѣ, ранняя могила похитила и Чат-

---

И увлекаемый разгарающимся гнѣвомъ, болтая, грозно захлебываясь звуками своего голоса,
Онъ идетъ навстрѣчу дерзкому, скалящему зубы, пришельцу!

*) Замѣчаніе, нуждающееся въ поясненіяхъ. Принимать его буквально (какъ это сдѣлалъ Водсвортъ, у котораго разнощики, пастухи, прачки говорятъ какъ философы) значитъ прямо бросаться въ пучину неправды; но если Джонсонъ имѣлъ въ виду, что поэтъ долженъ всегда стоять выше описываемаго имъ міра, замѣтка лексикографа справедлива и до нашихъ дней.

**) Содержаніе поэмы весьма просто, она начинается описаніемъ наслажденій, которыя намъ даютъ книги; за описаніемъ слѣдуетъ изображеніе хорошей библіотеки, съ краткими отступленіями по поводу философіи, медицины, драмы и т. д. Сжатость и гладкость стиха замѣчательны.

тертона, несчастнаго юному; что же касается до Джонсона, то онъ давно уже не писалъ стиховъ, посвятивъ себя другимъ занятіямъ. Коуперъ, начавшій печатать свои труды, когда ему было пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, еще не выступалъ на литературное поприще, а геніальный поселянинъ — Робертъ Борнсъ еще пахалъ поле, неизвѣстный никому, кромѣ своихъ сосѣдей-земледѣльцовъ. Начало одной изъ блистательнѣйшихъ эпохъ великобританской литературы, ознаменовалось рѣшительнымъ застоемъ поэзіи, какъ оно часто бываетъ. Между тысячами темныхъ литераторовъ-тружениковъ не находилось талантливыхъ юношей, и меценаты того времени могли смѣло жаловаться на то, что имъ некого покровительствовать.

Вскорѣ послѣ изданія своей первой поэмы, авторъ ея, находившійся въ довольно тѣсныхъ обстоятельствахъ (продажа не могла идти быстро, а сношенія съ Боркомъ и Рейнольдсомъ поневолѣ вовлекали Крабба въ издержки на свою собственную особу) получилъ съ министерскимъ курьеромъ записку, въ которой лордъ-канцлеръ королевства «суровый Тюрло», какъ его называли, приглашалъ къ себѣ автора «Библіотеки», утромъ, въ назначенный день. Поэтъ немного струсилъ, ибо во времена своихъ бѣдствій имѣлъ неосторожность отправить къ канцлеру какое-то стихотвореніе и, не получивъ вѣжливаго отвѣта, намекнулъ на жосткость лорда въ другомъ стихотвореніи. Однако онъ явился на зовъ и былъ принятъ какъ нельзя ласковѣе.

— Я виноватъ передъ вами, сказалъ лодъ Тюрло: — тревожныя обстоятельства помѣшали мнѣ обратить вниманіе на присланную мнѣ вещь; что до меня, то я отъ души извиняю ваши нападки на мою невѣжливость.

Затѣмъ лордъ-канцлеръ заставилъ Крабба завтракать съ собой вмѣстѣ и, прощаясь съ нимъ, вручилъ ему запечатанный конвертъ, сказавши при этомъ:

— Примите, сэръ, эту бездѣлку, и доставьте мнѣ случай похлопотать о васъ, когда вы получите духовное званіе.

Въ конвертѣ находилось сто фунтовъ стерлинговъ, сумма крайне значительная для того времени. Лучшія времена приходили для литературы. Лордъ Тюрло былъ послѣднимъ изъ меценатовъ, и деньги, врученныя Краббу, быть можетъ, были послѣднимъ денежнымъ даромъ представителю словесности отъ покровителя словесности.

Вторая поэма нашего автора «Деревня», окончательно выправленная и предшествуемая громкою славою, вышла въ свѣтъ около

начала 1783 года. Успѣхъ ея могъ назваться блистательнымъ и вполнѣ заслуженнымъ.

V.

Поэма «Деревня». — Анализъ и выписки. — Новизна идеи и манеры. — Противодѣйствіе идиллической поэзіи. — Вступленіе, картины природы, сельскій бытъ, жилище бѣдняковъ. — Сцена похоронъ, заключеніе поэмы. — Лордъ Робертъ Маннерсъ. — Значеніе Крабба въ ряду англійскихъ поэтовъ. — Относительное значеніе его поэмы. — Натуральность направленія

«Деревня» есть маленькая поэма, во вкусѣ извѣстныхъ поэмъ Гольдсмита; по формѣ своей она совершенно приближается къ формѣ бо̀льшей части полу-эпическихъ, полу-дидактическихъ произведеній того времени. Число страницъ весьма не велико, стихъ всей вещи — есть неизмѣнный александрійскій стихъ, прославленный Поппомъ, самымъ псевдоклассическимъ изъ поэтовъ Англіи; въ ней есть и довольно рутинное начало, и финальное обращеніе, и посвященіе меценату, но, несмотря на всю строгую печать подражательности, «Деревня» все-таки должна назваться произведеніемъ самостоятельнымъ, и, относительно своего времени, въ высшей степени оригинальнымъ. Не сбрасывая съ себя ни одного изъ условій, налагаемыхъ критикою на писателей того времени, Краббъ съ первыхъ строкъ отдѣляется отъ всѣхъ современныхъ ему пѣвцовъ по духу своей поэзіи и по отчетливой, естественной, чисто-художественной манерѣ изложенія. Въ этой поэмѣ, читанной Джонсономъ, чтителемъ трехъ единствъ и высокаго слога, Джонсономъ, Боало Великобританіи, таилось сѣмя радикальнаго преобразованія словесности. Радуемся, что небольшой объемъ «Деревни» позволяетъ намъ передать читателямъ не только ея подробное содержаніе, но даже подстрочный смыслъ блистательнѣйшихъ пассажей, впервые обратившихъ на Крабба глаза всѣхъ образованныхъ читателей. *).

«Пѣсня моя — говоритъ поэтъ — будетъ имѣть цѣлью изображеніе сельской жизни, съ ея трудами и заботами, съ бытомъ крестьянина въ годы его юности и старости, съ его удачами и бѣдами, съ концомъ его труднаго поприща; ибо я намѣренъ воспѣвать *истинную*, *дѣйствительную жизнь бѣднаго человѣка*, и муза моя не умѣетъ пѣть другого рода пѣсенъ.

---

*) Особенно замѣчательные отрывки мы будемъ переводить стихъ въ стихъ, отмѣчая эти мѣста скобками.

«Далеки отъ насъ тѣ времена, когда сельскій бардъ воспѣвалъ звучнымъ стихомъ прелести своихъ родныхъ долинъ, когда пастушки, смѣняя одинъ другого, поочередно прославляли красу природы и милыхъ пастушекъ. Времена не тѣ, но все еще поэтъ не хочетъ съ тѣмъ согласиться, все еще въ нашихъ пѣсняхъ слышны жалобы влюбленныхъ коридоновъ, — и до сихъ поръ еще влюбленные пастухи поютъ о своихъ любовныхъ бѣдахъ, *увы! единственныхъ бѣдахъ, никогда съ ними не случающихся!* *).

«Странное заблужденіе, странный обманъ музы! — продолжаетъ поэтъ: — чѣмъ объяснить его въ настоящее время? Не тѣмъ ли, что подобныя пустыя пѣсни не требуютъ глубокой мысли, доступны всякому мальчику, считающему за легкое дѣло изображеніе пастушеской жизни съ ея однообразными, небывалыми радостями? Человѣку такъ легко идти по избитому пути, олицетворить въ пастушкѣ свою красавицу, разрисовать картины какъ можно ярче и тщательно укрыться отъ всего печальнаго въ жизни!

«Я вѣрю, что и поля и стада имѣютъ свою прелесть для музыканта и для простого зрителя, но когда я вижу посреди полей настоящихъ нашихъ сельскихъ жителей, за тяжелымъ трудомъ подъ полдневнымъ солнцемъ, ярко-палящими лучами ударяющимъ на ихъ обнаженное темя и виски, орошенные потомъ, когда я слѣжу глазомъ, какъ самые слабые изъ нихъ усиливаются поспѣть за болѣе здоровымъ товарищемъ, осмѣлюсь ли я прикрыть эту картину истиннаго труда несчастной мишурой поэтической величавости?

«Нѣтъ, не мишурный опытъ взлелѣялъ меня, я родился и жилъ

---

*) Чтобы достаточно оцѣнить смѣлость, съ которой Краббъ протестуетъ противъ устарѣвшаго пасторальнаго направленія, приводимъ для читателя отрывокъ изъ сочиненій Стиля объ этомъ предметѣ, отрывокъ долгое время считавшійся непреложнымъ приговоромъ въ литературѣ.

«Для правильной оцѣнки пасторальной поэзіи, необходимо кинуть взглядъ на первые вѣка нашей планеты. Изобиліе земныхъ благъ спасало людей отъ скупости, зависти, честолюбія; плавая въ довольствѣ, человѣкъ золотого вѣка почти не имѣлъ причинъ для горя. Любовь одна могла нарушить его спокойствіе, ибо часто многіе люди любятъ одну и ту женщину. За исключеніемъ любовныхъ огорченій, то была жизнь полная веселія, спокойствія и невинности. Изобиліе порождало радость, отъ радости происходило пѣніе, отъ пѣнія поэзія, а отъ поэзіи опять наслажденіе. Поэтому писатель пасторальныхъ сценъ долженъ изображать одну невинность и одно счастіе. Ему мало передавать прелесть быта имъ взятаго, онъ долженъ тщательно скрывать всѣ его темныя стороны. Позволяется представить пастуха, огорченнаго потерей любимаго барашка или нечуствительностью пастушки, но тѣмъ все и должно кончиться. Онъ можетъ тосковать о томъ, что занозилъ себѣ ногу или не получилъ первой награды за пляску, но изображеніе подобныхъ несчастій только должно возвышать прелесть той жизни, гдѣ подобныя несчастія считаются несчастіями».

въ краѣ, гдѣ нѣтъ счастливыхъ долинъ и пастушекъ золотого вѣка. Другого рода картины научили меня изображать сельскую жизнь словомъ правды, а не словами бардовъ. И для чего буду я обманывать людей своей пѣснью? Бѣдному селянину нуженъ ли лживый похвальный стихъ или миртовая вѣтвь около его полуразрушенной хижины? Для него самая гладкая пѣсня гладка и звучна понапрасну! *).

«Глядите — продолжаетъ поэтъ — на видъ всей окрестности.
Сперва идетъ вересковая поляна, кое гдѣ поросшая чахлымъ кустарникомъ,
Изъ которой сосѣдніе бѣдняки берутъ легкой торфъ для своихъ печей;
Далѣе, тянется длинная полоса горючаго песку;
По ней жидкій хлѣбъ шевелитъ полузасохшими колосьями.
Колючія сорныя травы, на зло усиліямъ и заботамъ,
Рвутся изъ-подъ земли и врываются въ блѣдно-полинялую рожь.
Тамъ и сямъ громадный репейникъ раскидываетъ свои колючія руки
И грозитъ войною маленькимъ оборваннымъ ребятишкамъ,
Маковые цвѣтки, качаясь, выказываютъ безплодность нивы,
Метла и васильки глушатъ поднимающіеся ростки хлѣба
И каменный берегъ украшенъ яркими цвѣтками,
Печально блистающими посреди никѣмъ не посѣщаемой пустыни.
Такъ глядитъ несчастная женщина, покинутая любимымъ человѣкомъ,
И брошенная на посмѣяніе, и украшающая себя жалкими притираньями,
Которой щоки напрасно сіяютъ обманчивымъ румянцемъ,
Между тѣмъ, какъ унылые глаза говорятъ о тоскѣ, поселившейся въ груди...
Здѣсь угрюмо проживаетъ дикое, земноводное племя
Съ признаками нужды и горя на каждомъ лицѣ,
Племя, убѣгающее невинной веселости, общественныхъ собраній
И косо, насмѣшливо взирающее на путника подозрительнымъ глазомъ.

«Здѣсь беззаконный мореходъ-торговецъ вербуетъ между поселянами своихъ помощниковъ, и, напоивши ихъ, уже изнуренныхъ дневною работою, ночью увлекаетъ на другую работу. Подъ скалами стоятъ они, выжидая прихода нагруженной барки, миновавшей бдительность дозора, быстро нагружаютъ лошадей запретнымъ

*) Припомнимъ, что эти нѣсколько мрачныя картины писаны человѣкомъ — безсмертнымъ, не по одной своей поэзіи, но и по безграничной, чисто-христіанской благотворительности. Краббъ часто сумраченъ въ своихъ изображеніяхъ, но тотъ, кто славенъ столькими дѣлами вѣры и милосердія, *имѣетъ право* по временамъ изображать жизнь въ сумрачномъ видѣ.

товаромъ, по слову тревоги разсыпаются въ степь, обманываютъ преслѣдователей хитростью или вступаютъ съ ними въ открытый бой.

«Долго странствуя по непривѣтнымъ здѣшнимъ полямъ, и я когда-то искалъ простой жизни, и я грезилъ о золотомъ вѣкѣ — грезилъ по пустому. И видѣлъ я только грабежъ и преступленіе и страхъ, на мѣсто пастушескаго вѣка, и вмѣсто кроткихъ поселянъ одно сумрачное, полудикое населеніе...

«Подобно ласточкамъ, что рядами стоятъ на краю отмели,
И раскрывши темныя крылья, ждутъ для отлета попутнаго вѣтра,
И я стоялъ на негостепріимномъ берегу, и ждалъ минуты,
Чтобъ отлетѣть въ другой край, и покинуть эти берега.
Жалѣлъ о людяхъ оставшихся слушать вѣчный ревъ океана
И проживать жизнь на краю пожираемаго волнами берега... *).

«Правда, есть земли не столь безплодныя, есть поля, на которыхъ трудъ человѣка награждается лучше, но и тамъ человѣкъ въ потѣ лица добываетъ свой хлѣбъ, и тамъ не представляетъ онъ мнѣ той картины, къ какимъ пріучили насъ поэты.

«Иди и посмотри, какъ народъ подымается на работу съ солнцемъ,
Имѣя впереди себя безконечный день дневной работы,
Гляди на поселянъ, трудящихся подъ яростными лучами іюльскаго солнца,
Въ тотъ часъ, когда колѣни дрожатъ и жилы въ вискахъ бьются отъ жара,
Прослѣди за тѣмъ, какъ они идутъ домой по болотистымъ лужамъ,
Впивая всѣми открытыми порами вечернюю росу,
И согласись наконецъ съ тѣмъ, что бѣдный человѣкъ терпитъ отъ работы
Навѣрно столько же, сколько ты, богачъ, отъ твоихъ излишествъ.

«Часто примѣтишь ты между рабочими какого нибудь слабаго, еще развивающагося юношу, упорно усиливающагося поспѣть за другими и дѣлающаго свое дѣло съ лихорадочною горячностью молодости. Долго онъ равняется съ болѣе сильными товарищами, даже обгоняетъ ихъ, пока наконецъ безпрестанно возбуждаемыя силы начинаютъ слабѣть, бодрость духа падаетъ, изнурительная

---

*) Прочитавши это мѣсто въ рукописи, я убѣдился, что Краббъ есть поэтъ истинный.

Собственныя слова Эдмонда Борка.

болѣзнь закрадывается въ его внутренности, и близость смертной опасности оказывается болѣе и болѣе.

«Но ты привыкъ восхищаться сельской жизнью, ты любишь хвалить простую и вкусную пищу, подкрѣпляющую силы сельскихъ тружениковъ! Рѣчь твоя кажется мнѣ вѣтренной шуткой надъ нуждами, какихъ ты не можешь испытывать, потому что пища можетъ быть проста и вмѣстѣ съ тѣмъ нездорова, груба, но не изобильна, однимъ словомъ такова, что ты не захочешь къ ней прикоснуться».

Затѣмъ Краббъ описываетъ положеніе безъсемейнаго поселянина, когда-то сильнаго и здороваго, перваго во всѣхъ работахъ, но подъ старость ослабѣвшаго, горько сѣтующаго на скудость своихъ силъ и поступающаго въ приходскую богадѣльню, которыхъ въ Англіи такъ много и которыя до нашихъ дней содержатся съ великой небрежностью.

Этотъ домъ съ поломанной дверью, едва держащейся въ мазанковой стѣнѣ,
Есть послѣдній пріютъ нашихъ обѣднѣвшихъ прихожанъ.
Тамъ, гдѣ удушливая атмосфера дымно колышется въ тѣсныхъ комнатахъ
И унылый вой колеса раздается цѣлые дни,
Живутъ дѣти, никогда незнавшія ласки родительской,
Старцы, никогда неиспытавшіе ласки своихъ дѣтей,
Разведенныя жены, матери, ни съ кѣмъ невѣнчанныя,
Безпріютныя вдовы, на слезы которыхъ никто не обращаетъ вниманія,
Разрушающіяся старухи и старики, всего боящіеся какъ дѣти,
Калѣки, уроды, и (самая счастливая часть жителей)
Идіоты съ раскрытыми ртами или веселые безумцы *).

. . . .

Въ этомъ домѣ опасно больные получаютъ свой послѣдній приговоръ,

*) *Изъ письма Вордсворта къ сыну Крабба.* «Въ первый разъ я ознакомился съ трудами вашего родителя, прочитавши описаніе богадѣльни въ «Годичномъ Сборникѣ» (Annual Register), куда онъ, вмѣстѣ съ другими отрывками, былъ отданъ Боркомъ, для печати. До сихъ поръ я помню всю тираду, которой заключеніе о сумасшедшихъ страшно подѣйствовало на мою юношескую фантазію. Въ нашихъ сѣверныхъ графствахъ безумныхъ не помѣщаютъ въ богадѣльни, они большею частью шатаются гдѣ хотятъ, отъ этого имъ не лучше жить. Лишнимъ считаю добавлять что нибудь касательно таланта, какимъ обладалъ г. Краббъ. Творенія его есть чистѣйшее сліяніе правды съ поэзіею. Они переживутъ все имъ современное и навсегда останутся въ нашей словесности. (Февраль, 1834).

Посреди беззаботнаго шума и холодности смотрителей...
Что почувствовали бы вы, мнительные страдальцы отъ несуществующихъ недуговъ,
Привыкшіе лежать на пуховикахъ, въ толпѣ рабскихъ слугъ,
Надоѣдая унылыми жалобами врачу, соскучившемуся около васъ;
Чтобы сказали вы, лежа въ настоящей болѣзни,
Посреди небрежности, холодности, одиночества, передъ смертнымъ часомъ?»

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе больничнаго покоя, съ однимъ тусклымъ, дурно вставленнымъ окномъ, сквозь которое не проходитъ свѣтъ, но прорывается вѣтеръ. Къ постели торопливо и беззаботно подходитъ деревенскій медикъ, безчувственный шарлатанъ, котораго небрежность лучше всѣхъ лекарствъ имъ прописанныхъ; въ глазахъ врача свѣтятся нетерпѣніе и скука, онъ не отвѣчаетъ на робкіе спросы больного и проскользаетъ въ дверь, не ободривши страдальца, не сказавъ ему хотя одного ласковаго слова *).

Опять обратимся къ печальной сценѣ, теперь уже менѣе печальной.
Горькій часъ кончился, человѣкъ, много страдавшій, уже кончилъ свои страданья,
Къ дальнему холму, подвигаясь медленно, уныло и лѣниво,
Тащится изъ долины процессія съ гробомъ.
Приходъ избавленъ отъ напрасной траты, смерть, облегчивъ ее, облегчила и самого бѣдняка.
Маленькая толпа двигается за гробомъ въ церковь; посреди молчанія,
Крошечныя дѣти, игравшіе по близости, прерываютъ свою игру,
Чтобы посмотрѣть на гробъ, гдѣ лежитъ ихъ давнишній пріятель,
Такъ часто вмѣшивавшійся въ ихъ забавы, управлявшій ихъ толпою,
Устроивавшій для нихъ гибкіе луки, кегли и высокопрыгающій мячикъ.
Тихо брядутъ ребятишки до могилы, и, взявшись за руки,
Задумчиво и молча, стоятъ по сторонамъ гроба
Быстрыми своими глазками глядя на смертные останки.
Поздно. Бьетъ ночной часъ; покрикивающія совы закружились въ воздухѣ,
Страшно становится глядѣть на ихъ полетъ и слушать звонъ колокола.
Пасторъ, долго занятый другими дѣлами, дѣлаетъ свое дѣло наскоро
И долго прождавши, толпа тихо разсыпается въ разныя стороны».

*) Подробности драгоцѣнныя для узнанія сельскаго быта Англіи, страны, такъ горделиво выставляющей впередъ свою филантропію.

Здѣсь кончается первая пѣснь поэмы, которая одна бы могла доставить сочинителю и имя и значеніе. Взглядъ Крабба на сельскую жизнь вполнѣ обозначенъ; не смотря на небольшое число стиховъ, поэтъ высказалъ все, что хотѣлъ, и, такъ сказать, бросилъ вѣчную перчатку противъ ложно идеальнаго направленія изящной словесности *). Но за всѣмъ тѣмъ вторая пѣснь «Деревни» не только есть ея необходимое дополненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и здравое противодѣйствіе заключеніямъ, которое умы слишкомъ пылкіе и мизантропическіе могутъ вывести изъ первой пѣсни. Посвятивъ почти всю вторую половину поэмы изображенію страданій, заблужденій и пороковъ женской части сельскаго населенія, поэтъ пріостанавливаетъ рядъ своихъ мрачныхъ картинъ и, угадывая мысль читателя, дѣлаетъ отъ его имени запросы самому себѣ. «Для чего, — говоритъ онъ, — разсказывать всѣ эти никому не извѣстныя преступленія, для чего останавливаться надъ унылыми сценами нужды и доказывать, что ничтожный человѣкъ, по общественному положенію, также жалокъ и грѣшенъ, какъ его старшіе братья?» Мы чувствуемъ, что на этомъ мѣстѣ долженъ выказаться весь взглядъ, все направленіе, все міросозерцаніе Крабба.

«Для того — отвѣчаетъ нашъ поэтъ, — чтобы люди не строили себѣ вредныхъ призраковъ и понимали правду жизни. Для того, чтобъ бѣдный селянинъ принималъ свою долю горя и видѣлъ въ богатомъ одинаковые съ собой грѣхи, и не завидовалъ бы его богатству. Для того, чтобъ человѣкъ, одаренный земными благами,

---

*) Наше уваженіе къ Крабббову таланту не помѣшаетъ намъ сказать, что въ своемъ первомъ значительномъ произведеніи поэтъ слишкомъ много наложилъ тѣней и слишкомъ увлекся своей антипатіей къ пасторальной поэзіи. Послѣдующія творенія Крабба показали, что онъ скоро отдѣлался отъ черезчуръ мрачнаго направленія. Конечно, собственное усовершенствованіе привело его къ полному поэтическому безпристрастію, но тому много содѣйствовала и критика, на этотъ разъ выполнившая свое назначеніе безукоризненно. Вотъ отрывокъ изъ журнала «Ежемѣсячный Сборникъ» (Monthly Magazine) за 1783, приносящій великую честь перу неизвѣстнаго рецензента. «Давно уже было замѣчено — говоритъ онъ, — что идиллическая муза многихъ современныхъ поэтовъ обманываетъ воображеніе читателя картиной небывалыхъ блаженствъ и быта, никогда несуществовавшаго на землѣ. Сознавая это злоупотребленіе свѣтлыхъ красокъ, авторъ «Деревни» старается свести поэзію въ міръ правды и неприкрашенной истины. Но намъ кажется, что онъ иногда грѣшитъ почти за одно съ тѣми, на которыхъ нападаетъ. *Трудно рѣшить вопросъ о томъ, кто правѣе: поэтъ, изображающій природу вѣчно улыбающеюся и человѣка постоянно счастливымъ, или пѣвецъ, рисующій намъ одни безотрадныя сцены и картину всевозможныхъ бѣдствій человѣка?*

Критикъ правъ, но не безусловно: идиллическая поэзія нуждалась въ «Деревнѣ», какъ въ реакціи.

видѣлъ свои страданія и свои пороки въ ничтожномъ бѣднякѣ и цѣнилъ бы въ немъ, своего брата по человѣчеству. Для того, чтобъ они оба, слѣдя за исторіей «горестей и пороковъ» всего человѣческаго рода, поняли, что оба они есть часть одного бѣднаго, неразумнаго, заблуждающагося племени, которое, переживши свой минутный, короткій вѣкъ, умираетъ равно, и равно успокоивается, сравнявшись во прахѣ.

«Итакъ, всѣ вы, страждущіе и неимущіе, и оплакивающіе свою долю, не завидуйте тѣмъ, кого вы называете счастливцами, ибо счастливцевъ нѣтъ на свѣтѣ. Всякій изъ человѣковъ есть жертва бѣдствія, которое ходитъ по людямъ, потрясая слабыхъ, поражая виновныхъ и угрожая мужественнымъ.

«И ежели въ жизни появится какой либо благородный мужъ, великій именемъ, цвѣтущій годами, рожденный для того, чтобъ испытывать всѣ радости бытія, но не отстраняющій очей отъ вашихъ нуждъ и горестей; если этотъ человѣкъ покинетъ всѣ надежды и радости для добра, лишеній, подвиговъ и опасностей вамъ невѣдомыхъ, тогда, думая о такомъ мужѣ, прекращайте ваши жалобы и примиряйтесь съ своей судьбой.

«У насъ былъ одинъ такой человѣкъ *), герой и благодѣтель

---

*) Здѣсь поэтъ вдохновеннымъ стихомъ оплакиваетъ кончину лорда Роберта Маннерса, меньшого сына маркиза Гранби и леди Френсесъ Сеймуръ, командовавшаго кораблемъ «Резолюшіонъ», прорвавшаго линію французскихъ кораблей въ дѣлѣ 12 апрѣля 1782 года, и получившаго въ этомъ сраженіи раны, отъ которыхъ кончилъ онъ свою жизнь, не имѣя еще двадцати-пяти лѣтъ отъ роду. Изъ всѣхъ біографическихъ свѣдѣній, до насъ дошедшихъ, мы видимъ въ лордѣ Робертѣ юношу необыкновеннаго. Поступивъ въ морскую службу, во время самой грубой дисциплины, съ дѣтскихъ лѣтъ участвуя въ кровопролитныхъ бояхъ (уже командуя своимъ кораблемъ, онъ девять разъ былъ въ сраженіи), сынъ маркиза Гранби былъ обожаемъ моряками за рѣдкую кротость и щедрость. Во время краткихъ своихъ отдыховъ, посреди родительскихъ имѣній, онъ снискалъ себѣ популярность дѣлами благотворительности. Раненный въ послѣднемъ дѣлѣ, онъ согласился на ампутацію ноги только когда его завѣрили, что операція не помѣшаетъ ему командовать судномъ. Покидая командованіе, онъ простился со всѣми матросами, наградилъ каждаго изъ нихъ и только пожелалъ взять съ собой въ Англію, на память, флагъ послѣдняго корабля, имъ взятаго, но впослѣдствіи оставилъ и это намѣреніе, считая его искушеніемъ недостойной гордости. Лордъ Робертъ умеръ, недоѣхавши до своей родины, съ непоколебимой твердостью христіанина.

Физическія достоинства молодого человѣка вполнѣ соотвѣтствовали его нравственнымъ качествамъ. Лордъ Робертъ былъ высокъ и строенъ станомъ, силенъ чрезвычайно и дѣятеленъ. Черты лица его были правильны, даже прекрасны безъ всякаго оттѣнка женоподобности. Большіе, темные глаза поражали выразительностью, а смуглый цвѣтъ лица свѣжестью, которой не могъ даже повредить климатъ Вестъ-Индіи. Онъ былъ скроменъ и задумчивъ, не могъ никогда рѣшиться на

себѣ подобныхъ, возвышавшійся подобно могучему дубу, составляющему гордость и защиту родного лѣса. Высоко стоялъ онъ, давая благодѣтельную тѣнь всякому, пока огневая молнія не ударила въ его вершину. И теперь далеко по долинѣ раскинулся остовъ величественнаго дуба, и онъ лежитъ на ней, достойный удивленія, какъ и прежде, гордость всей окрестности, но увы! уже не защита ея....

«Такъ ты, великодушный Маннерсъ, сынъ славнаго Гранби, но знаменитый, не по славѣ отца, а по своей собственной, великодушный юноша, благодѣтель слабыхъ и гордость своей родины, кончилъ свое поприще, оставивъ по себѣ вѣчно любимое имя, вѣчно славную память...»

Слѣдуетъ немного классическое описаніе доблестей молодого воина, обращеніе къ его роднымъ и ко всѣмъ имъ облагодѣтельствованнымъ людямъ, наставленіе имъ о борьбѣ съ горемъ, величайшимъ врагомъ человѣка, и совѣтъ всему семейству усопшаго, заключающійся въ томъ, чтобъ оно шло по стопамъ великодушнаго юноши. Такъ оканчивается одна изъ оригинальнѣйшихъ поэмъ во всей великобританской словесности.

Всякій человѣкъ, привыкшій слѣдить за ходомъ науки изящнаго, легко оцѣнитъ всю важность «Деревни» въ отношеніи къ литературнымъ идеямъ прошлаго столѣтія. Поэма Крабба, изобилуя первоклассными красотами, все-таки далеко ниже послѣдующихъ произведеній поэта нашего, но ея *относительное достоинство*, ея значеніе въ цѣпи всѣхъ произведеній, когда либо писанныхъ на англійскомъ языкѣ — необыкновенно велики. Георгъ Краббъ вносилъ *новое слово* въ литературу своей родины и ему довелось видѣть, при концѣ жизни, повсемѣстное торжество этого слова. Подобно своему современнику Мерсье, до сихъ поръ еще забытому и даже незнаемому, поэтъ «Деревни» поднялъ знамя правды противъ ложнаго классицизма, и одолѣлъ тамъ, гдѣ Мерсье потерялъ все и погубилъ свою славу. Въ безсознательной борьбѣ своей съ литературной неправдой Краббъ оказался поэтомъ практическимъ до геніальности. Не свергая съ себя мелкихъ, поверхностныхъ стѣсненій, не раздражая псевдоклассическихъ аристарховъ дерзкими умствованіями, онъ повелъ свое нападеніе на ключъ непріятельской позиціи и сломилъ псевдоклассиковъ прежде, чѣмъ

строгость въ наказаніяхъ, отличался дѣлами благотворительности, скрывая свою нѣжность отъ другихъ. Веселымъ онъ казался только въ кругу друзей самыхъ близкихъ, но и съ ними по временамъ казался стыдливымъ и осторожнымъ.

«Annual Register» за 1783 годъ, статья Крабба.

они успѣли подумать о существованіи новаго, сильнаго непріятеля. Надо сказать при этомъ, что задача Краббa значительно облегчалась многими обстоятельствами. Англійская литература существовала для всего народа, а не для одного избраннаго кружка, какъ это было во Франціи. Англійская публика была утомлена единствомъ драматическихъ пьесъ, театральной поэзіею, дидактическими пѣснопѣніями, мелкими, сладенькими вещицами во французскомъ вкусѣ. Положеніе англійскихъ псевдоклассиковъ могло назваться несравненно болѣе шаткимъ, нежели положеніе законодателей французскаго Парнасса: первые имѣли за собой Шекспира и Елисаветинъ вѣкъ, съ которыми надо было мириться, скрѣпя сердце, тогда какъ вторые, съ Расиномъ и вѣкомъ Лудовика XIV, не боялись ничего въ свѣтѣ. За Краббa стояли: народный вкусъ, патріотическіе инстинкты, обожаніе Шекспира, антипатія къ французской школѣ, сочувствіе къ литературѣ правдивой и популярной, такой, какою она была до той поры, когда Карлъ II внесъ въ Англію французскіе обычаи, а Драйденъ французскую драму и французскую критику.

Изъ сказанныхъ нами словъ не слѣдуетъ заключать, однакожь, что старая англійская словесность, Елисаветинскаго и слѣдующихъ за нимъ періодовъ, представляла изъ себя какой-то идеалъ правды въ искусствѣ; возвратиться къ этимъ знаменитымъ періодамъ было необходимо, но останавливаться на нихъ и перейти въ новую подражательность не слѣдовало никогда. Вѣка прошли не напрасно и слѣдовало идти впередъ на пути поэзіи. Что̀ бы ни говорили великобританскіе критики, но для насъ, хладнокровно глядящихъ со стороны на ихъ споры, яснѣе дня то обстоятельство, что Краббъ и почти одновременно возникшіе поэты его школы (Коуперъ и Борнсъ) вносили совершенно новый элементъ въ словесность. Величайшіе изъ поэтовъ величайшей эпохи, Шекспиръ и Мильтонъ, не говоря уже о созвѣздіяхъ, ихъ окружавшихъ, должны были остаться предметами вѣчнаго поклоненія, но никакъ не образцами для современныхъ писателей. Вся жизнь измѣнилась кругомъ, міросозерцаніе перемѣнилось, бытъ народа получилъ новыя формы, языкъ упростился и установился навсегда. Предшественники, современники и наслѣдники Шекспира заимствовали отъ итальянцовъ почти столько же, сколько псевдоклассики заимствовали у французовъ: они писали на языкѣ испорченномъ эфуистами и, уступая прихотямъ образованнаго кружка, внесли въ свое родное нарѣчіе ту безмѣрную напыщенность, отъ которой оно до сихъ поръ еще не можетъ избавиться.

Языкъ идей идетъ всегда по одной дорогѣ съ языкомъ словъ: стоитъ для смѣха написать страницу высокопарнымъ языкомъ для того, чтобъ рядъ странныхъ, вычурныхъ мыслей зародился въ головѣ пишущаго. Краббъ принадлежалъ къ числу поэтовъ, писавшихъ языкомъ разговорнымъ; его необычайной простотѣ не вредитъ даже Александрійскій стихъ, по видимому, сотворенный для напыщенныхъ изрѣченій. Онъ новъ въ подробностяхъ даже, какъ новъ въ духѣ своей поэзіи. Онъ не создаетъ себѣ особаго поэтическаго языка (обычай до сихъ поръ еще не искорененный въ Англіи), не дѣлитъ словъ на низкія и высокія, не боится жизненной прозы. Въ его стихотвореніяхъ можно изучать бытъ его современниковъ подобно тому, какъ бытъ спокойно-поэтической Голландіи можно изучать по картинамъ Ванъ-деръ-Вельда, Остада и Тербурга.

Начало всякой вещи имѣетъ свое начало; конечно у всякого поэта, пролагавшаго новый путь въ искусствѣ, имѣются свои предшественники. Между поэтами Англіи, поэтами разныхъ періодовъ находились практическіе люди, не разъ ступавшіе по той дорогѣ, которая прославила Крабба, и попытки ихъ стоятъ упоминанія. Старый Чаусеръ, «отецъ Чаусеръ», какъ его называютъ, поэтъ Елисаветинскаго періода, писавшій ранѣе Шекспира, до временъ эфуизма, въ своихъ кантербурійскихъ сказкахъ выводилъ простой бытъ старого времени съ рыцарями, монахами, сквайрами, пилигриммами, ворами, браконьерами и трактирщиками *). Дефо писалъ стихотворенія изъ народнаго быта. Шенстонъ въ своей «School mistress» касался того же источника и слогъ его отличался простотою. Геніальный Гольдсмитъ подходилъ всего ближе къ чистому реализму въ своихъ поэмахъ и въ «Векфильдскомъ священникѣ», но робкій по духу, и всей натурой своей увлекаемый къ идилліи, онъ затемнилъ свое направленіе избыткомъ розовой краски. Прозаики, въ родѣ Смоллета и Фильдинга, шли гораздо далѣе, но поэта высокого, смѣлаго и способнаго прямо взглянуть на вседневную, простую жизнь во всей ея наготѣ и правдѣ, не находимъ мы въ плеядѣ поэтовъ Великобританіи, до Георга Крабба.

*) Повѣритъ ли читатель, что значительная часть Вальтеръ Скоттовыхъ рыцарей, сквайровъ, стрѣлковъ взята изъ Чаусера? Отшельникъ Піукъ, Локсней или Робинъ Гудъ, веселый трактирщикъ, и многія другія лица таятся въ видѣ зародышей, посреди кентерберійскихъ сказокъ.

VI.

Отъѣздъ изъ Лондона. — Благотворительныя дѣла. — Свиданіе съ родными. — Краббъ поступаетъ капелланомъ къ герцогу Рутленду. — Бельвуаръ-Кастль. — Жизнь въ замкѣ. — Герцогъ и герцогиня, ихъ гости и увеселенія. — Извѣстіе объ успѣхѣ «Деревни». — Отъѣздъ герцога. — Краббъ женится на миссъ Ильми. — Долгое молчаніе. — Появленіе «Приходскихъ Списковъ» въ 1807 году. — Отзывы критиковъ, анализъ поэмы. — Письмо Вальтеръ-Скотта.

Крабба уже не было въ Лондонѣ, когда появилась въ свѣтъ его «Деревня». Года за полтора до совершеннаго исправленія и напечатанія поэмы, поставившей молодого человѣка на ряду съ первыми поэтами Англіи, герцогъ Джонъ-Генри Рутлендъ, старшій братъ лорда Роберта Маннерса, о которомъ говорилось недавно, взялъ Крабба домашнимъ капелланомъ въ свой замокъ Бельвуаръ-Кастль. Съ полученіемъ духовной степени, нашъ поэтъ выѣхалъ изъ столицы, ознаменовавши послѣдніе дни своего въ ней пребыванія поступкомъ вполнѣ достойнымъ его новаго поприща. Онъ посѣтилъ тружениковъ науки, чердачныхъ поэтовъ, съ которыми когда-то дѣлилъ трудъ и горе, роздалъ имъ большую часть находившихся при немъ наличныхъ денегъ и записалъ ихъ адресы. До конца жизни своей, такъ обильной добрыми дѣлами, Краббъ помнилъ тринадцать страшныхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Лондонѣ до знакомства съ Боркомъ. Всегда расточительный для бѣдныхъ и неразсчетливый, онъ всю жизнь свою забывалъ послѣдніе законы осторожности, когда получалъ просьбы о пособіи какому нибудь нуждающемуся литератору. При этихъ просьбахъ онъ давалъ полную волю своему сердцу, забывалъ о собственномъ семействѣ, входилъ въ долги и успокоивался только, сдѣлавъ все отъ него зависящее къ облегченію труженика. По всей вѣроятности, немного денегъ вывезъ Краббъ изъ Лондона, и богатый подарокъ лорда-канцлера разошелся по убогимъ пріютамъ тощихъ дѣтей Аполлона.

Но худоба Краббова кошелька не могла повредить сладкому чувству, съ которымъ поэтъ, миновавши большую дорогу, направился къ несчастному городу Альдборо, для свиданія, какъ съ родными, такъ и съ своею вѣрною миссъ Ильми. Несчастный авантюрьеръ, нищій мальчикъ и неизвѣстный лекаришка возвращался на родину первоклассньмъ писателемъ, капелланомъ герцога Рутленда, другомъ Эдмунда Борка, Карла Фокса и сэра Д. Рейнольдса. Пугливый любитель чтенія, потѣшавшій горожанъ своей страстью

къ кропанію безполезныхъ стиховъ, заслужилъ похвалы Джонсона, покровительство лорда-канцлера, пріязнь всего семейства Гранби. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Краббъ уѣхалъ изъ родного города на купеческомъ шлюпѣ, кормясь и работая съ матросами, и года прошли, неся съ собой не одни радости. Мать поэта умерла, не дождавшись его успѣховъ, дѣла семейства все еще были запутаны, а миссъ Сара Ильми справедливо думала отложить бракъ еще на нѣкоторое время, до полного устройства Краббовыхъ обстоятельствъ. Но какъ бы то ни было, сѣтовать не позволялось, главная радость брала перевѣсъ надъ всѣмъ. Старые друзья семейства пришли привѣтствовать молодого писателя, чувства миссъ Сары не измѣнились нисколько, будущность сіяла впереди и воображеніе рисовало плѣнительныя картины скораго счастія. Мистеръ Краббъ старшій не могъ порадоваться успѣхамъ сына, и одинъ разъ, отведя его въ свою комнату, показалъ молодому поэту экземпляръ поэмы «Библіотека» весь переписанный его собственною, честною, малограмотною, отцовской рукой.

Съ пріѣздомъ герцога Рутленда въ свой зáмокъ, Краббу пришлось опять проститься съ людьми, дорогими его сердцу, и отправиться къ мѣсту своей службы. Для человѣка, менѣе кроткаго или болѣе честолюбиваго, пребываніе въ Бельвуаръ-Кастлѣ могло бы назваться райскимъ временемъ въ жизни. Богатства герцоговъ Рутлендскихъ могли назваться безконечными, а ихъ потомственный зáмокъ огромностію превосходилъ многіе дворцы Европы. На разстояніи нѣсколькихъ миль, по плѣнительнымъ холмистымъ мѣстамъ, тянулись сады и парки, дубовые лѣса, фермы и хозяйственныя постройки, звѣринцы и псарни, конюшни и флигеля для прислуги. Самый зáмокъ, одинъ изъ древнѣйшихъ на всемъ островѣ, украшаемый и увеличиваемый въ теченіи многихъ столѣтій, былъ образцомъ аристократическаго великолѣпія. Никакіе капиталы, никакія усилія или пожертвованія не помогли бы собрать въ теченіе одной человѣческой жизни малую часть рѣдкостей и богатствъ, наполнявшихъ зданіе. Каждое поколѣніе, каждая эпоха исторіи оставляла въ немъ запасъ сокровищъ, требующихъ одной лишь поддержки. Современники нордманскихъ завоевателей построили укрѣпленія и башни зáмка, царедворцы короля Ричарда наполняли его залы золотомъ и оружіемъ, въ періодъ владычества итальянскаго вкуса галлереи украсились картинами, вельможи королевы Анны привели въ порядокъ библіотеку, эпикурейцы послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія обогатили зáмокъ рѣдкостями и изящными бездѣлками своего времени. Прислуга постоянная и прислуга на-

ѣзжавшая изъ Лондона съ господами, составляла цѣлое селеніе или городокъ. Гости изъ Лондона, гости изъ сосѣднихъ графствъ, избиратели, родственники семейства, многочисленные путешественники, всѣ должностныя лица области имѣли просторное помѣщеніе подъ кровлей герцога. На охоту выѣзжали сотни людей, праздники и балы отличались крезовской роскошью. Жена герцога, леди Мери Изабелла Соммерсетъ, дочь герцога Бофорскаго, считалась послѣ герцогини Девонширской первой красавицей королевства. Она недавно еще вышла изъ дѣвушекъ, любила веселиться и была окружена цѣлымъ дворомъ, можетъ быть, болѣе блистательнымъ, нежели дворъ скромнаго, неприхотливаго короля Георга Третьяго. Таковъ былъ міръ, въ который приходилось погрузиться смиренному пастору Краббу, пѣвцу бѣдныхъ поселянъ, еще недавно умиравшему съ голода на чердакахъ Лондона.

Герцогъ и герцогиня Рутлендъ, любя Эдмунда Борка, полюбили и человѣка ему близкаго. Влюбленные другъ въ друга и счастливые своей молодостью, они желали видѣть вокругъ себя довольныя лица и употребляли много денегъ на благотворенія по сосѣдству. По древнимъ правиламъ знатныхъ семействъ, даже скряга лордъ, проживая въ своемъ графствѣ, обязанъ посвящать часть своихъ доходовъ на добрыя дѣла, а семейство Гранби всегда славилось своей щедростью. Капелланъ зáмка (обыкновенно это лицо выбирается изъ бѣдныхъ родственниковъ или университетскихъ товарищей хозяина) въ этомъ случаѣ становится милостынераздавателемъ (almoner), какъ говорилось въ старые годы. Краббу эта должность пришлась по нраву гораздо болѣе, нежели балы, торжественные обѣды, на которыхъ робкій поэтъ долженъ былъ читать молитву передъ сотней блестящихъ гостей, или охота, по древнему же обычаю никогда не происходившая безъ пастора. Много пособій было разбросано недостойнымъ людямъ черезъ посредство неопытнаго капеллана, и часто повторявшіяся ошибки наконецъ развили въ Краббѣ тотъ суровый, практическій оттѣнокъ благотворительности. безъ котораго милостыня иногда становится вредомъ, а не спасеніемъ. Посреди общаго уваженія и ласки благородныхъ хозяевъ, нашъ поэтъ незамѣтно шелъ по пути двоякого усовершенствованія: съ одной стороны изучая общественную жизнь въ самомъ обворожительномъ ея проявленіи, а съ другой подготовляя себя къ великому поприщу истиннаго пастыря душъ, облегчителя человѣческихъ страданій.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Краббова переѣзда въ зáмокъ Бельвуаръ-Кастль, въ самый разгаръ войны за американ-

скую независимость, получено было герцогомъ извѣстіе о великой побѣдѣ адмирала Роднея надъ французскимъ флотомъ. Нѣжно любимый братъ хозяина, лордъ Робертъ Маннерсъ, командовавшій линейнымъ кораблемъ «Резолюшіонъ» первый прорвалъ непріятельскую линію, съ бою взялъ непріятельскій военный корабль, рѣшилъ участь сраженія и былъ раненъ нѣсколько разъ. Шляпу свою, пробитую пулями, онъ посылалъ брату съ письмомъ, въ которомъ, однако же, скрывалъ опасность собственнаго положенія. Дрожащими отъ волненія руками, герцогъ Джонъ-Генри вскрылъ посылку, поцаловалъ шляпу и при всемъ собраніи гостей, замахалъ ею надъ головой, испуская восторженные крики. Но черезъ минуту, вспомнивъ о ранахъ брата и наполнившись грустнымъ предчувствіемъ, хозяинъ дома громко зарыдалъ, опустившись въ кресла.

Печальная вѣсть не заставила себя ждать долго, и кончина лорда Роберта положила предѣлъ увеселеніямъ въ Бельвуаръ-Кастлѣ. Трауръ еще болѣе сблизилъ герцога съ капелланомъ, хорошо знавшимъ покойнаго воина и глубоко скорбѣвшимъ о молодомъ человѣкѣ. Замокъ, опустѣвъ значительно, сдѣлался, можетъ быть, еще поэтичнѣе: мѣсто баловъ и веселыхъ охотъ заняли уединенныя прогулки, посѣщенія бѣдныхъ поселянъ и чтенія книгъ въ семейномъ кругу. Въ маѣ 1783 года, журналы принесли въ Бельвуаръ-Кастль извѣстіе о громадномъ успѣхѣ «Деревни» Крабба; молодая герцогиня сама поздравила счастливаго поэта и сама прочла ему восторженные отзывы журналистовъ. Герцогъ Джонъ-Генри уже не разставался съ своимъ пасторомъ, и поѣхавши въ Лондонъ по истеченіи траура, взялъ Краббa съ собою. Въ Лондонѣ лордъ-канцлеръ записалъ на имя поэта три пребенды съ небольшимъ ихъ доходомъ, а герцогъ Рутлендъ представилъ его принцу Валлійскому, «самому изящному и образованному джентльмену всей Англіи».

Ярче и ярче разгоралась счастливая звѣзда молодого литератора, пока наконецъ не наступила для него важная минута, отъ которой долженствовала зависѣть вся будущность Крабба. Герцогъ Джонъ-Генри, владѣтель Бельвуаръ-Кастля, получивъ должность лорда лейтенанта Ирландіи, предложилъ поэту служить вмѣстѣ съ собою. Двѣ дороги открылись передъ пѣвцомъ «Деревни»: на одной блестящей дорогѣ ждали его свѣтъ, доходныя мѣста, можетъ быть и политическая дѣятельность и подъ конецъ званіе духовнаго лорда, на другой, полезная и тихая жизнь въ родѣ жизни Векфильдскаго священника, но безъ бѣдъ и лишеній, какимъ под-

вергался герой Гольдсмита. Въ старое время, Джонатанъ Свифтъ, не имѣвшій душевныхъ качествъ Крабба, добился въ Ирландіи и богатствъ и вліянія; но жизнь, подобная жизни Свифта, не улыбалась нашему литератору. Онъ чувствовалъ, что для него пришло время жить въ тѣсномъ кругу бѣдныхъ прихожанъ, дѣлать никому невидимую пользу и исполнять долгъ христіанскаго пастыря душъ, не увлекаясь свѣтскими выгодами. Краббъ передалъ герцогу свой образъ мыслей, не склонился его доводами, устоялъ даже противъ просьбъ молодой герцогини, нерѣшавшейся разстаться съ своимъ капелланомъ. Сознавая правоту поэта, герцогъ простился съ Краббомъ, подаривъ ему на память портретъ Попа, работанный сэромъ Годфреемъ Неллеромъ, однимъ изъ знаменитѣйшихъ художниковъ временъ королевы Анны. Зная, что Краббъ приготовляется вступить въ бракъ съ миссъ Сарою Ильми, владѣтели Бельвуаръ-Кастля предложили ему поселиться съ женой въ замкѣ, до тѣхъ поръ, пока будетъ имъ выбранъ приходъ и устроено все домашнее хозяйство. Затѣмъ семейство Рутлендъ покинуло Англію, а поэтъ поѣхалъ въ Беккльзъ, мѣсто жительства своей невѣсты, и обвѣнчавшись съ миссъ Сарою, занялъ покои, приготовленные для него въ Бельвуаръ-Кастлѣ, по распоряженію добродушнаго герцога.

Здѣсь кончается вся внѣшняя занимательность Крабовой біографіи. Отъ 1783 года до 1807, онъ одинъ только разъ напомнилъ о себѣ свѣту изданіемъ крошечной поэмы *Газета* (the Newspaper), легкимъ сатирическимъ произведеніемъ, замѣчательнымъ для всякаго другого поэта, но неспособнымъ прибавить Краббовой извѣстности. Ни въ славѣ, ни въ денежныхъ выгодахъ не нуждался Георгъ Краббъ, благодаря постояннымъ заботамъ лорда-канцлера и герцогини Рутлендской. Онъ жилъ сперва въ статернскомъ, а потомъ въ мюстонскомъ приходѣ, воспитывая своихъ дѣтей, занимаясь обязанностями истиннаго священника, собирая травы по полямъ, пользуя больныхъ, наблюдая за сельскими школами и изрѣдка дѣлая поѣздки то къ роднымъ въ Альдборо, то въ Лондонъ, гдѣ его имя съ каждымъ годомъ позабывалось. Обожаемый въ кругу семейства, довольный сыновнею любовью своихъ прихожанъ, Краббъ, конечно, и не подумалъ бы о продолженіи своихъ литературныхъ занятій, ежели бы жизнь, имъ избранная, не согласовалась вполнѣ съ его поэтическимъ призваніемъ, со *складомъ* его таланта. Придумывать планы поэмъ, искать вдохновенія посреди сильныхъ ощущеній, нашъ поэтъ не согласился бы ни за что, но все его существованіе переходило въ поэзію, и сильныя ощущенія

приходили сами собою. Жизнь простого поселянина ежеминутно раскидывалась передъ нимъ во всей подробности и Краббъ, по должности своей, не могъ не слѣдить за ея проявленіями. У постели страждущаго, передъ гробомъ усопшаго, въ пріютѣ нищеты, въ тюрьмѣ передъ раскаивающимся преступникомъ, у брачнаго алтаря въ виду счастливой пары влюбленныхъ, рядомъ съ смиреннымъ пасторомъ становился поэтъ и поэтъ первоклассный. Духовникъ не мѣшалъ поэту и поэтъ не вредилъ духовнику; оба человѣка, находившіеся въ Краббѣ, были равно чисты духомъ, равно милосерды и равно просвѣтлены христіанскимъ воззрѣніемъ на меньшихъ братій. Наблюденіе шло за наблюденіемъ, фактъ сцѣплялся съ фактомъ, мысль двигалась за мыслью, и такъ какъ Краббъ не могъ ни минуты оставаться празднымъ, все это сливалось въ одно цѣлое и переходило на бумагу. Наконецъ талантъ поэта, воспитанный въ тиши и получившій полную зрѣлость, не могъ скрываться долѣе. Въ 1807 году явилась въ свѣтъ новая его поэма «Приходскіе Списки», которую какъ-то неловко называть поэмою, до такой степени она проста по замыслу, такъ велика ея близость къ дѣйствительной жизни. Посреди новаго поколѣнія поэтовъ, почти забывшихъ его имя, возникъ голосъ поэта, лично знавшаго великаго Джонсона.

«Поэма «Приходскіе Списки» (the Parish register), говоритъ намъ критикъ Джеффри, имѣетъ цѣлію изображеніе сельскихъ нравовъ и обычаевъ; подобно первой поэмѣ Крабба «Деревня» она раздѣлена на три части; замыселъ ея отличается и простотой и оригинальностью. Послѣ вступительной рѣчи и общихъ разсужденій о своемъ предметѣ, высокопочтенный поэтъ, не скрывая своего духовнаго званія, дѣлаетъ обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ браковъ, крестинъ и похоронъ въ его приходѣ, за послѣдній годъ. При этомъ онъ описываетъ намъ физіономію и приключенія своихъ героевъ, вмѣстѣ съ приличными предмету замѣтками и размышленіями. Итакъ, поэма состоитъ изъ ряда портретовъ, списанныхъ въ самые важные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые обычные моменты жизни человѣческой, снятыхъ съ оригиналовъ изъ простого и средняго общественнаго класса. Выборъ ихъ показываетъ намъ замѣчательную способность замысла, а исполненіе великую силу колорита и безпредѣльную истину рисунка. Манера и подробности поэмы далеко оставляютъ за собой все, что намъ такъ памятно изъ болѣе общихъ достоинствъ «Деревни».

«Г. Краббъ — продолжаетъ даровитый критикъ и редакторъ «Эдинбургскаго обозрѣнія» — г. Краббъ есть поэтъ, и поэтъ самаго

перваго разбора. Его характеристика, *сила* и *правда* кисти, соединены съ крайней сжатостью и энергіей слога. Онъ отчасти напоминаетъ Коупера по самостоятельности, а версификаціей своей сходствуетъ съ Гольдсмитомъ. Но, сходствуя манерой съ этимъ послѣднимъ писателемъ, нашъ поэтъ до такой степени разнится съ нимъ по мысли и взгляду на общество, что первая поэма Краббa «Деревня» служитъ какъ бы опроверженіемъ и противодѣйствіемъ Гольдсмитова направленія. Уступая этому великому поэту сельской жизни въ мягкости, нѣжности и оконченности произведеній, поэтъ «Приходскихъ Списковъ» превосходитъ Гольдсмита, *и правдой и разнообразіемъ своей поэзіи*. На мѣсто однообразнаго оттѣнка поэтической нѣжности, меланхолической задумчивости, оттѣнка, постоянно лежащаго на всей поэзіи Гольдсмита, мы находимъ въ новомъ трудѣ Краббa искры веселости и юмора. Хотя его взглядъ на жизнь не можетъ назваться свѣтлымъ или радостнымъ, но его поэтическій темпераментъ не лишенъ веселости: послѣ сценъ печальныхъ и тяжкихъ, Краббъ находитъ въ себѣ довольно энергіи на шутку, на сарказмъ, даже на невинную игривость...»

Таковъ отзывъ перваго изъ великобританскихъ критиковъ о второй поэмѣ Краббa, нынѣ еще болѣе оцѣненной и еще болѣе возвеличенной судомъ цѣнителей. По началу произведенія уже можно видѣть, до какой степени поэтъ овладѣлъ своимъ направленіемъ. «Прошелъ годъ — такъ начинается поэма — прошелъ годъ, и я снова пересматриваю простыя записки о бѣдныхъ моего прихода, мысленно припоминая, какіе младенцы явились въ мое стадо, сколько паръ сочеталъ я бракомъ, и многіе ли изъ нихъ прихожанъ, молодыхъ или старыхъ, *пастуховъ или пастушекъ*, отошли въ вѣчность, разставшись съ бѣдами и радостями жизни.

«Не зачѣмъ мнѣ обращаться къ музѣ и требовать, чтобъ она помогла простой моей пѣснѣ о простыхъ людяхъ и простыхъ событіяхъ: бóльшую часть того, что случилось, я самъ хорошо помню, а если что выскользнетъ изъ моей памяти, то эта скромная книга «Приходскихъ Списковъ» о томъ мнѣ напомнитъ вѣрнѣй всякой музы.

«И оно лучше будетъ! потому что въ дѣйствительной жизни, не найти намъ ни золотыхъ уголковъ міра, ни вѣчно счастливыхъ людей, о которыхъ муза такъ часто напѣваетъ поэтамъ. Въ жизни зло и добро смѣшаны, но человѣкъ имѣетъ даръ и волю на то, чтобъ отдѣлять ихъ, когда ему того истинно хочется! Истина эта вѣрна и въ отношеніи къ моимъ прихожанамъ, изъ которыхъ одни, полные легкомыслія, отдаютъ себя на жертву стыду, страху и нуж-

дѣ, — между тѣмъ, какъ малое число людей изъ ихъ массы, людей сильныхъ душою и предусмотрительныхъ, спокойно идутъ по хорошей дорогѣ, вооружась честнымъ трудомъ, терпѣніемъ и заботой о самихъ себѣ.

«Взгляни на хижину, которою гордится честный и трудолюбивый поселянинъ, на хижину, укрытую зеленью отъ холоднаго вѣтра, украшенную ползучими растеніями. Ея окна позолочены послѣднимъ лучомъ заходящаго солнца, комнаты глядятъ отъ этого луча такъ спокойно и весело. Въ комнатѣ найдешъ ты все, что потребно для жизни, да еще многое, составляющее наслажденіе для вкуса неизбалованнаго, мало развитаго. Здѣсь хозяинъ любитъ смотрѣть на всѣхъ членовъ королевской фамиліи, соединенныхъ въ одной пестрой картинѣ; — по всѣмъ стѣнамъ развѣшаны изображенія королей, любовниковъ и героевъ, съ надписями и строками стиховъ внизу. Здѣсь послѣдній король Лудовикъ на тронѣ, потомъ въ темницѣ, съ женой и дѣтьми, тутъ король Карлъ и его золотыя правила *); король Карлъ, многому выучившійся въ школѣ несчастій, и сынъ его, для котораго вся школа несчастій не принесла никакого поученія.

«Волшебная мельница, изъ которой старухи выходятъ молодыми, виситъ возлѣ доброй Годивы **), выкупившей бѣдный городъ цѣною собственнаго стыда, и достигнувшей великодушной цѣли, посредствомъ смѣлѣйшаго поступка, о которомъ отдаленныя поколѣнія вспоминаютъ съ восторгомъ.

«Тутъ находится изображеніе жирнѣйшаго быка, когда либо выкормленнаго въ Англіи ***), возлѣ него сражается боксеръ-Мендоза, храбрѣйшій изъ всѣхъ евреевъ, и горитъ враждебный флотъ, сожженный безстрашнымъ Нельсономъ на берегахъ Египта ****).

«Далѣе на деревянной полкѣ, возлѣ часовъ съ кукушкою, красуется запасъ для сельского чтенія, распредѣленный безъ всякаго

*) 1) Не пей ни за чье здоровье. 2) Не говори непочтительно о духовныхъ дѣлахъ. 3) Не суйся въ государственные вопросы. 4) Не выдавай чужихъ тайнъ. 5) Не затѣвай ссоръ. 6) Не сравнивай своего ближняго, съ кѣмъ бы то ни было. 7) Не связывайся съ мошенниками. 8) Не потворствуй пороку. 9) Избѣгай дурныхъ мыслей. 10) Не сиди долго за обѣдомъ. 11) Не повторяй чужихъ сплетенъ. 12) Спорь до слезъ, объ закладъ не бейся.

**) Жена графа Мерсіи, которая, по требованію своего грубаго мужа, согласилась безъ одежды проѣхать по всему городу Ковентри, для того, чтобъ избавить этотъ городъ отъ тяжкихъ налоговъ. Легенда о Годивѣ, популярная во всей Англіи, внушила поэту Теннисону одно изъ лучшихъ его стихотвореній.

***) Неслыханной величины ланкастерскій быкъ, вѣсившій 1568 фунт.

****) Абукирское или, какъ называютъ англичане, *Нильское* сраженіе въ 1798 г.

порядка или нумераціи. «Бери первую книгу отъ угла; принеси вторую отъ стѣны!» но такимъ указаніямъ распознаются книги, а другихъ каталоговъ никому не надобно.

«Священныя книги для воскреснаго чтенія расположены около библіи, надъ которой ни разу не задумывались съ схоластическими мыслями люди, всегда готовые идти запутаннымъ путемъ, или зажигать свой собственный колеблющійся свѣтильникъ, при лучахъ сіяющаго солнца... Потомъ идутъ другія сочиненія, и труды другого рода. Вотъ наука разгадывать сны, наука непреподаваемая ни въ одной школѣ; «Дивныя приключенія странствующаго Жида», книга, добывшая себѣ славу, недоставшуюся ни одному серьезному произведенію. Здѣсь всему народу знакомыя приключенія *Тома Томба* (мальчикъ съ пальчикъ) и храбрый *Джакъ*, поразитель великановъ и чудовищъ, книжки любимыя поселянами, и дѣтьми, прыгающими на колѣни къ отцу, и жадно слушающими чтеніе давно знакомой имъ исторіи! Здѣсь, въ свѣтлый воскресный полдень, послѣ обѣдни, собирается вся семья и другія семьи, пришедшія къ ней въ гости. Всѣ говорятъ громко, всѣ счастливы, веселы и независимы. Пускай какое нибудь избалованное ухо не находитъ прелести въ этихъ однообразныхъ привѣтахъ, въ этихъ старыхъ исторіяхъ, всякій разъ разсказываемыхъ и все одинаковымъ образомъ, — тутъ есть нѣчто лучшее въ чувствѣ радости, одушевляющей рѣчь, сверкающей въ глазахъ, дающей легкость походкѣ, высказывающейся въ крикахъ, смѣхахъ, веселыхъ взглядахъ и веселыхъ возгласахъ!..»

Въ противоположность этой свѣтлой картинѣ идетъ описаніе пріютовъ нищеты и населенія, занимающагося контрабанднымъ промысломъ, то описаніе, которое мы помѣстили въ первой главѣ нашей біографіи.

«Дурнымъ началомъ ознаменовывается мой прошлый годъ *) — рожденіемъ ребенка, о которомъ я хотѣлъ бы умолчать со вздохомъ. Изъ всѣхъ дѣвушекъ, украшавшихъ наше сельское уединеніе, лучше всѣхъ была лицомъ дочь нашего мельника. Гордъ былъ богатый мельникъ, и деньгами и своей дочерью. Часто онъ ѣздилъ верхомъ на ярмарки и тамъ, выпивши вина, любилъ хвастаться своей красавицей, говоря притомъ, что она должна выйдти неиначе, какъ за богатаго молодца. Отыскался, однако, въ сосѣдствѣ молодой матросъ; на всѣхъ парусахъ прибылъ онъ къ жили-

*) Тутъ начинается собственно разборъ «Приходскихъ Списковъ».

щу красавицы, имѣя въ рукѣ дубовую палку, дубовую, какъ его фрегатъ и его собственное молодецкое сердце. Трудно было отыскать лицо свѣжѣе, чѣмъ лицо нашего юноши; одѣтъ онъ былъ чисто и затѣйливо, въ чистомъ бѣльѣ и голубой курткѣ; узкія штаны застегивались серебряной пряжкою. Молодые люди скоро встрѣтились и полюбились другъ другу. Дѣвушка передала моряку о строптивости своего родителя.

«Нечего горевать, красавица (возразилъ юноша). Я пойду къ твоему отцу,
«Мельникъ не может быть недругомъ мореходу,
«Оба мы живемъ Божьимъ вѣтромъ, который шумливо играетъ
«Въ разтянутыхъ парусахъ и въ быстровращающихся крыльяхъ мельницы,
«Вой вѣтра надъ головой, хлопающая парусина,
«Скрыпѣніе колыхающихся досокъ — вотъ наши любимые звуки.
«Штиль для насъ хуже смерти — когда буря вспахиваетъ море какъ ниву.
«Мы беремъ рифъ, — и спокойно спимъ подъ шумъ вѣтра!
«Ага!» возразилъ мельникъ, разсмѣясь на смѣлую рѣчь.
«Такъ ты похожъ на меня? — гдѣ же у тебя деньги и банковые билеты?..
«Убирайся въ свою гавань, собери свое богатство, съ гинею, коли не меньше,
«Возьми его въ руки, сыщи себѣ жену съ такимъ приданымъ,
«Выпей съ товарищами мутнаго пива на свадьбѣ,
«И оставь мою Люси женихамъ болѣе благопристойнымъ!»

Раздраженный морякъ соблазняетъ бѣдную дѣвушку, и ѣдетъ за море, съ твердой рѣшимостью нажить себѣ деньги и прикрыть бракомъ свой поступокъ. Дорогой его корабль сходится съ непріятелемъ, и молодой человѣкъ погибаетъ въ сраженіи.

Между тѣмъ для Люси настали дни замѣшательства, слезныя ночи,
Пора постоянно потупленныхъ глазъ, перемѣнчиваго аппетита,
Притворнаго веселья, взглядовъ, тускнѣющихъ отъ тоски,
Принужденныхъ улыбокъ, смѣняемыхъ непритворными вздохами,
И всякихъ усилій, увы! напрасныхъ усилій,
Для скрытія того, чего никто скрыть не въ состояніи.

День за днемъ проходили въ тоскѣ и страданіи,
Недѣля шла за недѣлей — ни облегченія, ни вѣсти изъ-за моря!
Мальчикъ родился у Люси; толпы молодежи не пришли къ родильницѣ,

Чтобъ ее поздравить и дать имя ребенку;
Важная, гордая своей должностью, кормилица не несла новаго христіанина,
Громко кричащаго, черезъ церковь, для совершенія всенароднаго таинства:
Я исполнилъ требу посреди крошечной комнаты,
Озаренной заходящимъ солнцемъ, просвѣчивавшимъ въ окно, заклѣенное бумагой,
Не при радостныхъ отголоскахъ собранія, а при меланхолическомъ трескѣ сверчковъ,
Двигавшихся въ темныхъ углахъ, на своихъ тонкихъ крыльяхъ,
И при чириканьи быстрыхъ воробьевъ на ближайшей кровлѣ,
Будто подсмѣивавшихся, въ своей радости, надъ слезами и общей тоскою...

Мельникъ, какъ читатель догадывается, выгналъ свою дочь изъ дома еще до рожденія ребенка. Извѣстіе о гибели моряка Вилльама его не смягчило нисколько; онъ проводилъ дни и ночи въ толпѣ недостойныхъ приживальщицъ, забывая о дочери, скитающейся по сосѣдству его богатаго дома. Заключеніе исторіи дышетъ трогательною прелестью:

Тихо бродитъ она; будто скользя по землѣ, въ вечерній часъ,
Посреди пустыхъ полей, тихо укачивая своего ребенка;
Когда она садится и глядитъ вдаль, ничего не видящимъ взглядомъ,
Похожимъ на отблескъ луны, въ окраины ручья,
Тутъ она запѣваетъ какую нибудь пѣсню и голосъ ея журчитъ какъ вода.
И слушая свой голосъ, она со страхомъ замѣчаетъ колебаніе своего разсудка,
И видитъ страшныя картины, и опять переживаетъ минуты жестокой тоски,
И тщетно силится собраться съ мыслями и ужасается своего положенія.

Послѣ исторіи покинутой Люси, отчеты Крабба о другихъ крестинахъ покажутся намъ отчасти блѣдны. За краткимъ описаніемъ жизни двухъ честныхъ поселянъ, обрадованныхъ рожденіемъ перваго своего сына, идетъ еще нѣсколько разсказовъ, иногда трогательныхъ, какъ, напримѣръ, исторія бѣднаго семейства, обремененнаго дѣтьми малаго возраста; иногда юмористическихъ, какъ, напримѣръ, разсказъ о садовникѣ, мудрецѣ и латинистѣ, дающемъ ребятиш-

камъ самыя необыкновенныя имена. Въ одномъ изъ обычныхъ своихъ отступленій, Краббъ разсказываетъ читателю исторію нѣкоего Ричарда Мондея, весьма любопытную по изложенію и по понятію, какое она даетъ намъ о такъ прославляемой когда-то англійской филантропіи.

Много лѣтъ тому назадъ, старики нашего селенія
Собрались, чтобъ обсудить дѣло о только что подкинутомъ ребенкѣ.
Много разсуждали сельскіе мудрецы и спикеры
О недостойномъ поступкѣ бездѣльниковъ, обременившихъ приходъ новыми издержками.
Ребенка принесли предъ ареопагъ. «Что съ нимъ дѣлать?»
«Живой онъ или мертвый?» его ущипнули и онъ заревѣлъ во все горло.
По разрѣшеніи этихъ сомнѣній, приступили къ вопросу о наименованіи мальчика,
Назвали его *Ричардомъ*, такъ какъ между присутствующими ни одного Ричарда не оказалось,
Дали ему фамилію *Мондей*, ибо онъ найденъ былъ въ понедѣльникъ,
Вписали его въ рабочій домъ, и разошлись довольные своимъ дѣломъ.
Въ рабочемъ домѣ мальчика били и кормили, берегли и толкали въ шею,
Онъ ко всему привыкъ и ко всему притерпѣлся.
Началъ подлаживаться ко всякому и угождать всѣмъ на свѣтѣ,
Позволяя послѣднему нищему смѣяться надъ собой,
Не жалѣя своихъ ногъ для побѣгушекъ и даже воруя, по чужому приказу.
Во всѣхъ раздорахъ Ричардъ приставалъ къ сильнѣйшему,
При всякомъ взысканіи первый признавался въ своихъ проказахъ,
И выждалъ своего времени и всѣмъ полюбился.
Всѣ кормили и призирали угодливаго мальчика,
Пока наконецъ пришло время услать его для работъ за море.
Въ день отъѣзда, Ричардъ не явился на перекличку,
Куда-то пропалъ и всѣ рѣшили, что онъ повѣсился.
Прошли года, весь приходъ забылъ о Ричардѣ, а онъ между тѣмъ
Жилъ на свѣтѣ точно такъ же, какъ жилъ въ рабочемъ домѣ,
Соглашаясь со всѣми, угождая всему свѣту, онъ имѣлъ одно только стремленіе:
Какъ бы обезпечить существованіе Ричарда Мондея.
Какъ магнитъ вытягиваетъ крупинки стали изъ сора и всякой дряни,
Такъ нашъ герой изо всего извлекалъ золото,

И разбогатѣлъ, и кончилъ жизнь въ почетѣ, и до прихода дошло
Извѣстіе о кончинѣ «сэра Ричарда Мондея, въ мондейскомъ замкѣ».
Оставивши огромныя богатства женѣ, дочерямъ и внукамъ,
Усопшій отказалъ большія деньги на богоугодныя заведенія,
Положилъ фонды въ пользу миссій и библейскихъ обществъ;
Но справедливо-холодный къ мѣсту, его вскормившему,
Оставилъ приходу нашему доходъ въ два фунта,
Для покупки въ извѣстный день печенаго хлѣба бѣднякамъ.
Жалкій, ничтожный даръ, достойно показывающій всей общинѣ,
Какъ хорошо помнилъ покойникъ ея хлѣбъ и ея щелчки!

Имѣя впереди себя еще много матеріала, мы умалчиваемъ объ остальныхъ крестинахъ и переходимъ къ другому, болѣе занимательному отдѣлу, то есть къ бракамъ.

После первыхъ двухъ браковъ, о которыхъ нельзя сказать ничего особеннаго (старый скупецъ, женившійся на кокеткѣ и буфетчикъ Дональдъ, вступившій въ бракъ съ своей госпожею) идетъ цѣлый рядъ страницъ, лучшихъ во всей поэмѣ *).

Вслѣдъ за ними явилась къ алтарю несчастная пара,
Приведенная къ соединенію судебнымъ приговоромъ и неразумной страстью.
Напрасно невѣста, кутаясь въ широкое платье, висѣвшее некрасивыми складками,
Силилась скрыть то, что было примѣтно всякому глазу.
Мальчишка-женихъ, безпокойно вертясь на своемъ мѣстѣ,
То отворачивалъ, то казалъ всѣмъ свое лицо, на которомъ стыдъ боролся со злобой,
Мутный эль шумѣлъ въ его головѣ бѣшенство въ сердцѣ.
Онъ произносилъ свои отвѣты торопливо и нескладно,
А черты лица въ это время принимали дикое выраженіе
И не пророчили ничего хорошаго для слѣдующихъ дней.
Тихо отвѣчала невѣста, стыдясь и дѣлая ужимки.
По окончаніи обряда, она робко взглянула на мужа, силясь улыбнуться,
Стараясь мягкими рѣчами и лаской вернуть его привязанность,

*) Эта часть поэмы (исторія *Фиби Даусонъ*), читанная Фоксомъ во время послѣдней его болѣзни, извлекла изъ устъ умирающаго оратора восторженное одобреніе. Краббъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ разсказываетъ все событіе въ предисловіи ко второму изданію «Приходскихъ Списковъ».

Разшевелить золу угасшей любви.
Они пошли прочь, но не рядомъ. Тиранъ шелъ одинъ впереди, хмурясь,
Щупая рукою тощій кошелекъ и поглядывая въ ту сторону, гдѣ находилась таверна;
Печально слѣдуя за мужемъ, тихо шла бѣдная женщина.
Въ ея глазахъ безумно пропитъ былъ послѣдній шиллингъ,
И чета пошла къ хижинѣ отца невѣсты,
Навѣки прощаясь съ любовью и согласіемъ! *)

. . . .

Два года тому назадъ, на леммской ярмаркѣ,
Видѣлъ я лучшій цвѣтокъ всего тамошняго края:
Фиби Даусонъ весело переходила зеленую поляну,
Торопясь поглядѣть на народъ и сама показаться въ толпѣ.
Всѣ хвалили ея личико и ея простые пріемы,
Ея стыдливую привѣтливость, ея скромную веселость.
Каждый взглядъ дѣвушки показывалъ веселость и чистоту духа,
Простенькое платье ея отличалось милой щеголеватостью;
Она цвѣла свѣжестью и юностью,—молодые парни заглядывались на Фиби,
И она сама радовалась и невинно веселилась ихъ вниманіемъ.

Скоро нашлись у нея поклонники всякаго рода и возраста;
Одинъ молодецъ явился посмѣлѣй чѣмъ его робкіе товарищи:
Безъ замѣшательства и неловкости сталъ онъ говорить любезныя рѣчи
И понравился кроткой дѣвушкѣ своими рѣзкими выходками.
Громко выражая свою любовь, не скрывая заносчивости не по лѣтамъ,
Юноша былъ замѣчателенъ по смѣлому виду и развязности языка.
Онъ когда-то учился портному мастерству, хоть теперь, состоя въ услуженіи у сквайра,
Не шилъ платьевъ болѣе, а занимался ихъ чисткою,
Но ежели Фиби отдастъ ему свое сердце — можно будетъ опять взяться за промыселъ,
И весело жить вдвоемъ, и наживать деньги, и наслаждаться счастіемъ.
На эти рѣчи дѣвушка могла только вздохнуть и высказать полное одобреніе...

. . . .

---

*) «Вся эта картина есть безукоризненнѣйшее совершенство въ своемъ родѣ» (Л. Джеффри).

Мило было смотрѣть, какъ молодая чета шла въ сторонѣ, по зеленому полю!
Какъ задумчиво, робко, краснѣя при встрѣчахъ съ знакомыми,
Дѣвушка брела въ гору, сходила на лугъ, опираясь на руку юноши!
Она гуляла молча; тихо любовники совершали свой путь,
Рѣзвясь иногда, воображеніемъ уносясь къ порѣ будущаго блаженства.
Въ глазахъ Фиби иногда свѣтились слезы, увы! пророческія слезы,
Затемнявшія сіяющую перспективу, передъ ней раскрывавшуюся.
Прошли часы, дозволенные для прогулки; пара очутилась у воротъ
Дома, въ которомъ жили хозяева дѣвушки.
Тутъ юный обожатель, долго промедливъ, сказалъ свое прости,
Но не ушелъ до тѣхъ поръ, пока его къ тому не принудили...

Свѣтлая идиллія вслѣдъ за тѣмъ заключается изображеніемъ судьбы молодыхъ людей, послѣ ихъ брака, описаннаго въ началѣ всего эпизода.

Боже мой (говоритъ поэтъ), что за женщина въ красномъ верхнемъ платьѣ и черномъ чепцѣ,
Въ разорванныхъ зеленыхъ лохмотьяхъ подъ плащемъ, небрежно висящихъ вдоль спины,
Грустно идетъ, поддерживая рукой маленькаго ребенка?
Взглядъ ея пугливъ, какъ взглядъ просящихъ подаянья,
Сухія губы бѣлы, усталые глаза далеко впали,
И изъ нихъ льются никѣмъ, *даже ею самою, незамѣчаемыя слезы!*
Въ осанкѣ ея еще замѣтно спокойствіе: она тихо подходитъ къ ключу,
Черпаетъ воды въ поломанное ведро,
И тихо, и осторожно идетъ съ дитятей по скользкой, мокрой глинѣ.
Вдругъ, на зеленомъ мѣстѣ, нога ея оступается
И глубоко уходитъ въ вязкую, обманчивую землю.
Съ признаками боли и отчаянія, вынимаетъ она худенькую ногу,
И глядитъ такъ горько, какъ будто бы случилось что нибудь страшно бѣдственное,
Ибо когда чаша горестей наполнена до краевъ,
Съ прибавкой одной капли, она мгновенно проливается.
Уныло приходитъ бѣдная усталая женщина въ хижину,
Оставляетъ дверь на-стежь, сажаетъ ребенка на полъ,
Сама садится у входа, съ обнаженною грудью противъ вѣтра,
И горько рыдая, борется съ началомъ близящагося припадка,
До тѣхъ поръ, пока рѣзкіе крики заступаютъ мѣсто рыданія,
Съ раздирающимъ душу, неудержимымъ истерическимъ хохотомъ...

. . . .

Это ли моя Фиби Даусонъ, гордость Леммской ярмарки,
Выбравшая себѣ любовника, за его быстрые глаза,
За горячія его рѣчи и лжи, возбуждающія любовь?
Слишкомъ скоро склонилась она на убѣжденія волокиты,
Слишкомъ поздно загладили они бракомъ неосторожность юности;
Любовь мужа ушла съ успѣхомъ, — и при любящей женщинѣ остался
Грубый, прихотливый господинъ и шумливый глупецъ,
Разоритель малютокъ и насмѣшливый мучитель замученнаго созданія...

Эпизодъ, идущій за эпизодомъ Фиби, уступая ему въ замыслѣ и вообще не представляя темы, стоящей перевода, не уступаетъ ему въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, чисто Краббовскихъ. Кто можетъ прочесть безъ улыбки, напримѣръ, это описанія обычныхъ подписей въ приходской книгѣ, по заключеніи брака:

Какъ хороши эти имена новобрачныхъ, какъ онѣ четко выписаны,
Какъ не похожи они на остальныя нескладныя подписи именъ въ моей книгѣ!
Буквы жениха, вверху, стоятъ, вытянувшись фронтомъ,
Крѣпко стоятъ онѣ, скривившись на одну сторону, будто ели въ его саду,
Подпись невѣсты состоитъ изъ тонкихъ, гибкихъ,
Легонькихъ штриховъ, напоминающихъ ея любимый кустъ жасмина.
За то въ какой суматохѣ торчатъ и спотыкаются
Слѣдующія за ними неловкія маранья крестьянскихъ рукъ!
То туда, то сюда суются буквы, будто падая, спотыкаясь,
И снова поднимаясь на ноги, и равняясь какъ необученные рекруты!
Много разъ усиливался я водить своей рукой блуждающую кисть съ перомъ,
И все-таки наши плохіе грамотники писали плохо,
Что за нелѣпыя фигуры буквъ, что за разстоянія между буквами!
Какъ далеко отбѣгаютъ одна отъ другой, какъ бы испугавшіяся чего-то строки!..

Это чисто фламандская, міерисовская живопись! Съ мастерствомъ истиннаго поэта, Краббъ переходитъ отъ этого юмористическаго отступленія къ исторіи дѣвушки, нелюбившей честной грубости, нераздѣльной съ сельскимъ званіемъ, а на бѣду себѣ, увлекшейся блескомъ деревенскаго фата, лакея Даніэля, состоявшаго въ услуженіи у богатаго сосѣда помѣщика.

Однако, и наши деревенскія нимфы гоняются за мелкими совершенствами,
Умѣютъ цѣнить грамотниковъ и красноговорящихъ щеголей,
И онѣ иногда отворачиваются отъ плохо-пишущихъ поселянъ,
А отдаютъ сердце какому нибудь нарядному сочинителю нѣжныхъ записочекъ!
Счастлива была бы *Люси Коллинсъ*, еслибъ лакей Даніэль
Не вернулся на свою родину, самъ не зная для чего,
Или если бы этотъ праздный хватъ выбралъ себѣ другую даму сердца!
Уже она обручена была съ добрымъ, простымъ и грубоватымъ юношей *Стефенъ Гиллемъ*,
Но съ того рокового дня, какъ ей бросилась въ глаза гордая красота Даніэля,
Прежній женихъ былъ забытъ, и Даніэль сталъ гордостью Люси.
Во всѣхъ отношеніяхъ Стефенъ былъ добрымъ и честнымъ малымъ,
Но какъ груба, заштопана казалась его куртка,
И потерты его чулки, иногда являвшіеся чернѣй башмаковъ!
Бѣлье же Даніэля было и тонко и бѣло,
Съ господскаго плеча (лестно носить господскую ливрею,
Но господское бѣлье показываетъ пріязнь хозяина!)
Кафтанъ синяго цвѣта не имѣлъ на себѣ ни пушинки, ни пятна,
Шелковые штаны и башмаки не кожаные, а изъ испанской матеріи;
На плечѣ Даніэля сіялъ серебряный узелъ съ шифромъ,
И брилльянтовая застежка красовалась на груди,
Настоящая брилльянтовая, Даніэль былъ готовъ въ томъ поклясться!
Онъ носилъ перстни, блиставшіе на его пальцахъ; его рука, бѣлая какъ молоко,
Мастерски владѣла и зубочисткой и табакеркой.
Нарядившись такимъ образомъ, съ красивой тростью, онъ бродилъ по улицѣ
Совершеннѣйшимъ франтомъ, повергая въ изумленіе и увеселяя прохожихъ...

Разсказавъ исторію Люси Коллинсъ, осмѣянной Даніэлемъ и получившей пріютъ въ домѣ честнаго Стефена, поэтъ снова набрасываетъ намъ полу-грустную, полу-привлекательную, полу-забавную сцену слѣдующаго брака. Выписываемъ ее всю какъ образецъ многостороннѣйшей поэзіи, какъ отрывокъ замѣчательный по неуловимому чувству, его внушившему, чувству, въ которомъ находится и охужденіе, и шутка, и соболѣзнованіе и истинно хри-

стіанскій даръ останавливаться надъ трогательной стороной каждаго предмета.

Теперь является для бракосочетанія пара особъ, достойныхъ другъ друга:
Два раза уже былъ женатъ старикъ *Лоджъ*, и два раза теряла своихъ мужей его престарѣлая невѣста.
Они пришли, неровно выступая отъ старости и ласкаясь другъ къ другу,
(Некрасивая картина!) *но влюбленные, добрые и простодушные какъ всегда.*
Если мы удерживаемъ дѣтей отъ неразумнаго ранняго брака,
То почему закону не останавливать браковъ позднихъ?
Пренебрегая приличіемъ и благоразуміемъ,
Нѣжный старикашка ухаживаетъ за своей беззубой дамою,
Повѣдываетъ ей про любовь своихъ юныхъ лѣтъ и будто пытается
Разшевелить и ее и себя къ нѣжностямъ, для которыхъ прошло время.
Такъ нѣжная пара глубокомысленныхъ птицъ *), цѣлый ясный день
Просидѣвшихъ въ тупой дремотѣ посреди своей щели,
Вылетаютъ изъ нея, пробужденныя первымъ лучемъ мѣсяца,
И пугаютъ ночныхъ пѣвцовъ своими нѣжными криками.
Такъ два одинокихъ дерева, сухія, поблеклыя и гнилыя,
Падая на землю, падаютъ одно на другое,
Соединяютъ свои тощія вѣтви противъ бури и непогоды
И вмѣстѣ шелестятъ своими безлиственными головами...

Послѣдніе два брака, о которыхъ разсказываетъ поэтъ, принадлежатъ къ бракамъ счастливымъ. Поселянинъ Рейбенъ женится на дѣвушкѣ, которую любилъ давно, но любилъ терпѣливо, не имѣя состоянія на двухъ, и деревенскій сквайръ сэръ *Эдвардъ Арчеръ* устроиваетъ счастіе Памелы своего рода, дѣвушки не только устоявшей противъ его искушеній, но чистотой своею подвигнувшей влюбчиваго волокиту на благородное дѣло.

. . . .

Третій отдѣлъ метрическихъ списковъ, то есть отдѣлъ о погребеніяхъ, открывается высокою, но печальною и правдивою картиною. «Въ старое время твердыхъ убѣжденій и непоколебимой вѣры, говоритъ поэтъ, трогательна была кончина смиреннаго христіанина,

*) Совъ.

съ теплой готовностью отходящаго въ лучшій міръ, съ сознаніемъ своего свершоннаго назначенія, въ кругѣ друзей, убѣжденныхъ въ краткости разлуки и скоромъ свиданіи посреди лучшаго міра. Такъ ли въ наши годы люди ждутъ своего страшнаго Царя? подобно утопающему, брошенному посреди оксана, они выказываютъ всю свою слабость, и еще надѣются тамъ, гдѣ нѣтъ надежды, и дико глядятъ вокругъ себя, ища спасенія отъ того, что неизбѣжно, до тѣхъ поръ, пока наплывъ послѣдняго вала не пресѣкаетъ дыханія!

«И перечитывая мою книгу, и останавливаясь надъ именами усопшихъ людей, въ ней написанныхъ, цѣню я вполнѣ, на сколько печальна эта книга! Все, что видѣлъ я у одра умирающихъ, не подтверждаетъ разсказовъ, когда-то читанныхъ мною, о счастливыхъ кончинахъ поселянъ. Рѣдко встрѣчалъ я твердость и полную вѣру; чаще приходилось мнѣ наблюдать за лихорадочной борьбой жизненной жажды и боязни смерти, за крушеніемъ земныхъ надеждъ, неутихающихъ никогда, за страхомъ, передъ которымъ слабѣютъ возвышенныя слова, и часто случалось мнѣ видѣть, вмѣсто безстрашія, одну унылую покорность судьбѣ, которая отворачивается отъ опасности и безславно ее встрѣчаетъ!

«Въ страхѣ, смятеніи, трепетѣ лежитъ больной человѣкъ и только не встрѣчая слова надежды въ окружающихъ, рѣшается послать за послѣднимъ утѣшителемъ. Въ поздній часъ является къ нему духовникъ, и смерть входитъ съ духовникомъ въ двери хижины. И торопливо начинаетъ умирающій говорить *общія мѣста* смертныхъ рѣчей, и холодная его исповѣдь не смываетъ прошлыхъ грѣховъ, и выражаетъ онъ надежду на милосердіе Бога съ какой-то самоувѣренностью. Такъ ли долженъ встрѣчать слово Божіе умирающій христіанинъ и не выше ли нашего маловѣрнаго времени было то время, когда энтузіастъ у воротъ смерти восторженно вскрикивалъ: «вѣрую въ Милость Создателя» и радостно отходилъ въ его лоно?

Годъ нашъ начался именемъ Андрю Коллета,
Слѣпого толстаго трактирщика «Старой Короны».
Толстый какъ бочка и также наполненный крѣпкимъ напиткомъ,
Сиживалъ онъ у огня на своемъ огромномъ стулѣ,
Господствуя надъ пирами и рѣшая споры
И разсказывая исторіи того времени, когда пиво было дешево и люди смѣлы,
И разхваливая героевъ стараго времени, пьяницъ и мошенниковъ.

«Одинъ изъ нихъ могъ выпивать въ три глотка три стопы эля,
«Другой девять дней питался пивомъ, только перемѣнялъ крѣпкое на легкое,
«Двое лихихъ пьяницъ, провертѣвши двѣ дыры въ боченкѣ, приложились къ нимъ
«И не отняли губъ, пока не раздался печальный звукъ изъ опустѣлаго сосуда!»
Онъ разхваливалъ браконьера, шаловливаго парня,
Застрѣлившаго сторожа изъ его собственнаго ружья,
И контробандиста, который связалъ таможеннаго воина
И прицѣпилъ его за ноги къ высокой ивѣ,
Тутъ бы тотъ и задохнулся, еслибъ кто-то изъ шайки —
Измѣнникъ и мерзавецъ! не перерѣзалъ веревки!
Онъ пѣлъ пѣсни, въ которыхъ прославлялось время, когда
Картежная игра и кости не были запрещены въ тавернахъ,
Когда судьи глядѣли сквозь пальцы на буйства веселаго народа,
Когда кружки летѣли въ голову пастору, и жены, являвшіяся за пьяными мужьями,
Сами садились къ столу и напивались исправно.
Когда воры смѣялись надъ правосудіемъ и бѣгали изъ остроговъ *).
Что сказать намъ о жизни такого покойника, что сказать о его смерти?

. . . .

Затѣмъ умерла леди, обладательница сосѣдняго зáмка;
Ея благородныя кости были издалека привезены сюда для погребенія.
Она жила въ городѣ — зáмокъ стоялъ заброшеннымъ **).
Черви ѣли полъ, обои отвалились отъ стѣнъ,
Огонь не зажигался подъ кухонной печальной рѣшеткой,
Свѣчи не мелькали въ постоянно завѣшенныхъ рамахъ оконъ,
Ползающій червякъ, изъ котораго выходитъ лѣтняя бабочка,

---

*) Чтобъ оцѣнить причины великой популярности Крабба, надо замѣтить его народный духъ и умѣнье затрогивать популярнѣйшіе предметы сельской жизни. Сочувствіе англійскихъ поселянъ къ удальству воровъ и мошенниковъ напоминаетъ уваженіе итальянцовъ къ бандитамъ, хотя оправдать его труднѣе: бандитъ имѣетъ въ себѣ нѣчто поэтическое, чего не могутъ имѣть изверги въ родѣ Вильда и Шенпарта, герои великобританскаго простолюдина. Опозорить народное пристрастіе къ этимъ мошенникамъ Краббъ хотѣлъ всѣми силами.

**) Тутъ нашъ поэтъ касается *абсентеизма*, вредной привычки англійскихъ землевладѣльцевъ, покидающихъ свои родовыя владѣнія. «Описаніе покинутаго дома, — говоритъ Джеффри, — весьма разительно, въ добромъ старомъ вкусѣ Поппа и Драйдена». Намъ кажется, что талантливый критикъ пристрастенъ къ старымъ псевдоклассикамъ своей родины, Поппу и Драйдену.

Покойно свивалъ себѣ саванъ, въ которомъ спитъ всю зиму; надъ
парадной кроватью
Рѣзко кричащая летучая мышь, неправильнымъ полетомъ, гналась
за своей убѣгающей подругой.
Отъ пустыхъ службъ угрюмо отходилъ прохожій бѣднякъ
И нищіе уныло глядѣли на вѣчно замкнутую дверь дома.
Въ маленькой отдѣльной комнатѣ дома помѣщался управитель,
Въ нее приходили мызники платить ренту и жаловаться;
Только жалобы не доходили до отсутствующей хозяйки:
Заботливый управитель не огорчалъ ими чувствительную барыню!
Она не пріѣзжала никогда взглянуть на запущенныя аллеи,
Или выслушать шумныя жалобы своихъ земледѣльцовъ.
Что ей было у себя въ замкѣ дѣлать, зачѣмъ слѣдить за работами,
Толковать о полѣ и дубахъ, заботиться о больныхъ поселянахъ?
Она вѣрила своему слугѣ, вполнѣ полагалась на его честность
И думала, что ее замѣняетъ человѣкъ честный и сострадательный!
. . . .

Въ параллель съ беззаботной леди идетъ другая покойница, старая дѣва, давно уже жившая невдалекѣ отъ церкви, гдѣ «ручей извивается около пасторскаго дома, изображая фигуру пастушескаго посоха». Особа эта прибыла въ мѣстечко съ порядочнымъ капиталомъ и запасомъ дорогихъ вещей (злые языки говорили, что она когда-то находилась въ бо́льшой пріязни съ купцомъ, долго жившимъ въ Индіи), купила себѣ домикъ съ зелеными ставнями и стала жить въ свое собственное удовольствіе. Это типъ совершенной эгоистки, преданной мелкому женскому эпикуреизму, современемъ обращаемуся въ скупость.

Она расположила свои богатства на виду и радовалась похваламъ
гостей.
Тутъ находились шелковыя матеріи до того плотныя, что могли
стоять однѣ на полу,
Брилльянты, сіяющіе на застежкахъ и ожерельяхъ,
Ряды ровныхъ перловъ на ниткахъ, браслеты въ агатовыхъ коробочкахъ,
Гладкій, свѣтлый янтарь, драгоцѣнный по величинѣ или формѣ,
Ящики кедроваго дерева съ потайными пружинами,
А въ нихъ золотые часы, кольца съ рубинами и нѣжныя письма,
Доказательства любви, и стихи на валентиновъ день.
Въ шкапѣ для фарфора, предмета ежедневной заботы,
Соблазняли взглядъ женщинъ японскія и китайскія чашки.

Подобно своей холодной владѣлицѣ, эти вещи рѣдко выходили на свѣтъ.
Въ любимой ея чистой комнатѣ, убранной съ женской щепетильностью
Красовалась ломаная любимая французская кукла,
Умершій попугай, искусно набитый и сохраненный
(При жизни онъ говорилъ слова, заставлявшія краснѣть хозяйку)
И на гладкой поверхности шкатулки изъ индѣйскаго дерева
Стеклянный, обдѣланный въ слоновую кость шаръ, съ двумя рыбами,
Золотою и серебряною, сообразно послѣдней модѣ,
Старый сѣрый котъ облизывался и отпралъ свои усы лапой.
Замѣтно скучая въ пріютѣ чопорной гордости,
Овдовѣвшая тетка хозяйки жила тутъ же, принужденная бѣдностью
Льстить хозяйкѣ и кормить ея домашнихъ животныхъ,
Скрывая свою досаду, молча какъ рыба, и ласкаясь какъ собаченка.
Года проходили и всѣ эти сокровища становились хозяйкѣ дороже и дороже.
Такъ скупецъ, чѣмъ дольше глядитъ на гинею, тѣмъ больше ее любитъ.
Иногда, правда, она раскрывала великолѣпно переплетенный молитвенникъ
И тяжко вздыхала, какъ бы говоря: и слѣдовало бы...
... вспомнить о душѣ, и кормить бѣдняковъ,
И думать о смерти, отогнавши житейское тщеславіе!»
Но время шло, и жаль было разстаться съ своимъ достаткомъ,
И смерть явилась, и ничего для души не было сдѣлано;
И въ одиночку отъ другихъ похоронена *Катерина Лойдъ*,
Всю свою жизнь прожившая въ одиночку.

. . . .

Вслѣдъ за этими женщинами, умеръ человѣкъ несходный съ ними, благородный земледѣлецъ *Исаакъ Ашфордъ* *).

«Истинно благороденъ онъ былъ, чуждый всего низкаго,
Ясный душою и несравненный по честности.
Ни одного человѣка не боялся Исаакъ Ашфордъ,
Ни передъ кѣмъ изъ людей не чувствовалъ онъ себя неловкимъ,
Правда, простая правда изображалась на лицѣ его;
Всю свою жизнь ему было нечего стыдиться и нечего опасаться.

*) Оригиналомъ И. Ашфорда былъ честный *Джонъ Джесперъ*, приходскій клеркъ одного изъ приходовъ Суффольскаго графства, поселянинъ особенно любимый и находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ поэтомъ. (Дж. Краббъ сынъ).

Онъ незналъ зависти (великаго бѣдствія бѣдныхъ людей),
Серьёзный по нраву, онъ глядѣлъ весело и любилъ чужую веселость·
Я понялъ его любящее сердце, глядя, какъ катились слезы
По морщинистымъ щекамъ Ашфорда въ тотъ день, когда его дитя умерло,
Или когда его старый сосѣдъ былъ допрашиваемъ въ судѣ по наговору.
Онъ не гордился ни уваженіемъ всѣхъ, ни своей ученостью, хотя мой пономарь
Говорилъ всякому, что въ случаѣ его смерти, Исаакъ приметъ должность эту...

. . . .

Я чувствую отсутствіе Ашфорда въ воскресные дни,
Глазами ищу его мѣста въ церкви, и вздыхаю объ усопшемъ.
Больше не вижу я этихъ локоновъ, жидко вьющихся
Около почтеннаго, голаго чела его почтенной головы,
Не вижу я серьёзнаго взгляда, обращаемаго Исаакомъ на шумливыхъ сосѣдей,
Которые, увидавъ его взглядъ, тотчасъ же начинали снова молиться,
Тревожно поглядывая на старика до тѣхъ поръ, пока его лицо не озарялось спокойной улыбкой;
Не вижу я болѣе его глазъ, исполненныхъ теплой вѣрою,
Но я не скорблю о добромъ и благомъ поселянинѣ,
Ибо онъ будетъ благословенъ *тамъ* какъ и на землѣ.

Трогательное изображеніе похоронъ жены фермера Франкфорда, честной женщины и обожаемой матери семейства, мы можемъ представить только въ сокращеніи.

Тихо и торжественно выступая, толпа пришла съ гробомъ;
Я началъ исполнять свою должность посреди плача, стенаній,
Горя написаннаго на каждомъ лицѣ и священнаго страха во взорахъ
Съ бѣднымъ вдовцомъ пришли дѣлить горе всѣ его друзья,
Ибо добродушный Франкфордъ былъ любимъ во всемъ краѣ;
Его послѣдняго ребенка держали на рукахъ около гроба.
Ребенокъ не понималъ своего горя, но кричалъ отъ страха,
Всякій поднималъ свой голосъ и горевалъ по своему,
Смотря по своему полу и возрасту
И добрый отецъ семейства, прислушиваясь къ общему сѣтованію,
Горько рыдалъ, какъ бы владычествуя надъ всѣми голосами.
Старшая сестра усиливалась скрыть свое горе
И успокоивала младшихъ ребятишекъ ласковыми словами,
Часто силилась она сказать «не плачьте, терпѣливо переносите горе»

И языкъ ея не поворачивался, и дѣвушка отвертывалась въ сторону
со слезами.
Деревенскіе мальчики, съ уныніемъ и любопытнымъ взглядомъ,
Печально окружали свѣже-вырытую могилу.
Вернувшись домой, съ какимъ чувствомъ вся семья увидѣла мѣста,
Гдѣ она такъ недавно жила — гдѣ ее больше не было видно,
Увидѣли мѣсто за столомъ, ей принадлежавшее,
Ея любимый стулъ, у огня, по прежнему, но пустой;
Садовыя дорожки, надъ которыми она работала,
Сквозную бесѣдочку, обросшую кустами и цвѣтами...
Каждый уголокъ, теперь ставшій святымъ уголкомъ!
О святая горесть! святое испытаніе душъ нашихъ,
Такія горести посылаются намъ не въ казнь, а въ поученіе!»

Слѣдуетъ еще описаніе нѣсколькихъ похоронъ, еще нѣсколько характеровъ, по большей части юмористически набросанныхъ и наконецъ заключеніе поэмы, несомнѣнно навѣянное знаменитыми «Возрастами» Шекспира, поэта обожаемаго нашимъ авторомъ.

Умеръ старый Диббль, и всѣ мы понемногу уходимъ изъ свѣта.
Увядая, какъ нѣжные цвѣты и падая какъ листъ древесный,
Такъ течетъ жизнь человѣка: здѣсь приходятъ съ ребенкомъ
веселые кумовья,
Даютъ ему имя и несутъ домой новаго христіанина,
Проходитъ нѣсколько краткихъ годовъ и онъ самъ передъ алтаремъ
Стоитъ, держа за руку невѣсту и испрашивая благословенія,
Еще пройдетъ время и вдова его зарыдаетъ, стоя у его гроба.
И много новыхъ дѣтей получатъ свои имена,
И много молодыхъ паръ станетъ на колѣна передъ алтаремъ,
Пока я самъ, или кто либо послѣ меня, пробѣжитъ эту книгу
Простыхъ приходскихъ замѣтокъ о бѣдныхъ поселянахъ.

Вмѣстѣ съ «Метрическими списками» и въ одной съ ними книгѣ помѣщалось нѣсколько небольшихъ стихотвореній, между которыми два: «Судейское присутствіе» и «Сэръ Юстесъ Грей» возбудили особенный энтузіазмъ критики. Первое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ разсказъ несчастной цыганки, судимой за воровство — стихъ его сжатъ и энергиченъ до крайности, а подробности страшны и обильны поученіемъ. По всей вѣроятности, Краббъ, самъ когда нибудь присутствуя при подобномъ допросѣ, былъ пораженъ ужасными показаніями подсудимой. Міръ подземный и порочный, исполненный преступленія и такъ тщательно скрытый подъ верх-

ними слоями великобританскаго общества, открывается передъ глазами читателя; мы не остановимся передъ этимъ міромъ, но скажемъ только, что «Судейское присутствіе» дало Краббу незаслуженную славу поэта неслыханно мрачнаго. «Сэръ Юстесъ Грей» имѣетъ въ себѣ часть того же элемента: дѣйствіе происходитъ въ домѣ съумасшедшихъ, гдѣ одинъ затворникъ, помѣшанный на томъ, что его преслѣдуютъ злые духи, разсказываетъ посѣтителямъ свою исторію. Фантастическая часть разсказа выше всякой похвалы и мы выписываемъ ее въ подробномъ, хотя не въ подстрочномъ переводѣ.

(Сэръ Юстесъ Грей, когда-то богатый владѣлецъ и счастливый супругъ, изъ ревности убиваетъ человѣка и замучиваетъ свою жену. Съ той поры, бѣдствія жизни доводятъ его до съумасшествія и ему кажется, что въ наказаніе за свои дѣла, онъ отданъ въ жертву бѣсамъ).

И тогда раздался голосъ, говорившій: «чаша твоя полна,
Ты приговоренъ къ смерти и отданъ во власть демонамъ!»

Два демона овладѣли мною — лишили меня всего,
Они будили меня рано поутру — ночью не давали мнѣ спать до зари,
Пугали меня по ночамъ и душили меня днемъ,
И много лѣтъ былъ я добычею духовъ тьмы,
И веселились надо мной они оба.
И хотя печаленъ разсказъ о ихъ дѣлахъ, но я тебѣ разскажу все.

— —

Они лишили меня всего и отдали меня на позоръ
Даже презрѣннѣйшему изъ нищихъ,
И повели меня, трепещущаго и убитаго, вдаль,
Невидимые ничьему глазу, кромѣ моего.
Мы пронеслись черезъ степь и море,
И остановились на безбрежной полянѣ,
Гдѣ никто не жилъ, ничто не расло, ничто не дышало,
И гдѣ царствовало одно ненарушимое молчаніе.

— —

На эту безбрежную поляну, съ ея края
Садящееся солнце кидало свои послѣдніе лучи
И блистало тихимъ, унылымъ свѣтомъ
На всю сонную, мертвую, безмолвную окрестность;
Посреди поляны разбрасывались обширныя развалины,
Столбы и камни, покрытые зеленымъ мохомъ.

Тамъ поставили меня злые гонители, и я стоялъ
Долго, долго, обреченный стоять на безконечное время
Года не проходили, одно ужасное Нынѣ (Now)
Не измѣнялось ни днями, ни ночами.
Тотъ же сонный лучь заката низко сіялъ, и все время,
Пока глядѣлъ я, видны были унылые лучи садящагося солнца *).

(Затѣмъ демоны придумываютъ истязянія другого рода.)

Мы проносились въ часъ ночи по улицамъ городовъ,
Незримые никому, но пугающіе всѣхъ своимъ полетомъ,
Пока мы неслись въ темнотѣ, сторожевые огни, шевелясь, померкали,
Сторожевой песъ съ визгомъ переставалъ лаять,
Звончѣе раздавался въ воздухѣ звонъ колокола, воздухъ холодѣлъ.
Вольный вѣтеръ вѣялъ вольнѣе, мы были внѣ города, на кладбищѣ!

Меня ставили на гробовой камень, посреди новыхъ и старыхъ могилъ,
И посреди памятниковъ сильныхъ земли,
Между прямо стоящими плитами и могильными холмами.
Я оставался, предчувствуя ужасы и моля о помилованіи.
И мертвые, шелестя саванами, грозно вставали
И смотрѣли въ лицо живому человѣку, приведенному демономъ въ их собраніе!

. . . .

Меня ставили въ бурную ночь, на зыбкую трясину болота.
Мимо меня носились стаи птицъ, отлетавшихъ на зиму.
Блудящіе огни плясали около болотныхъ окошекъ, обросшихъ осокой,
И когда загоралось утреннее солнце, оно загоралось надъ снѣговымъ полемъ.
Меня сажали на шевелящееся ядро,
Которымъ оканчивается шпицъ колоколенъ,
Меня скидывали съ утесовъ и я руками удерживался за корни растеній.

Меня отдавали въ Бедламъ, гдѣ стая умалишенныхъ,
Замышляетъ убить всякого человѣка въ здравомъ разумѣ.
Меня привязывали подъ дождемъ къ верху мачты

---

*) По чувству, силѣ и воображенію, описаніе сумасшествія сэра Юстесъ Грея имѣетъ мало себѣ равныхъ эпизодовъ во всей современной поэзіи. Контрастъ между бурнымъ волненіемъ помѣшательства и вечернимъ унылымъ пейзажемъ, на который глядитъ умалишенный, придаетъ разсказу что-то страшно-проницающее душу (Гиффардъ).

**И я свертывалъ хлопающій парусъ, рвущійся изъ рукъ,
Меня опускали подъ воду, въ пучину морскую;
Я бродилъ съ бродягами и боясь ихъ, совершалъ ужасающія пре-
ступленія.**

**На песчаную отмель, заливаемую морскимъ приливомъ,
Меня поставили и позволили мнѣ умереть,
Я твердо стоялъ, опершись на посохъ,
Пока быстрыя волны, вращаясь шли на меня
И выше, выше поднимались волны;
И горькая волна стала вливаться мнѣ въ ротъ.
Судорожно хлебнулъ я въ послѣдній разъ, опустилъ глаза,
И волны, заколыхавшись на одномъ мѣстѣ, пошли на отливъ!**

Мы уже имѣли случай познакомить читателя съ отзывомъ лорда Джеффри о «Приходскихъ Спискахъ»; статья, помѣщенная этимъ первоклассным критикомъ въ первоклассномъ журналѣ того времени *), послужила началомъ цѣлаго ряда рецензій, въ которыхъ всѣ критики, безъ исключенія, поспѣшали прославить имя поэта, такъ долго молчавшаго. Вообще не мѣшаетъ замѣтить, что изъ всѣхъ поэтовъ, когда либо писавшихъ по англійски, Краббъ одинъ никогда не имѣлъ случая жаловаться на неблагосклонность хотя бы одного мелкаго рецензента. Статьи, по поводу его поэмъ, часто грѣшили поверхностью взгляда, невѣрнымъ пониманіемъ Краббова призванія, но всѣ онѣ отличались теплымъ сочувствіемъ къ автору «Деревни» и «Приходскихъ Списковъ». Идиллисты, псевдоклассики и, наконецъ, корифеи озерной школы лекисты, по видимому могли бы во многомъ поперечить Краббовой музѣ, но и они ее привѣтствовали, и они предрѣкали ей блестящую будущность. Казалось, что атмосфера мира, добра и спокойствія, облекавшая частную жизнь поэта, окружила и его литературную дѣятельность. Задорнѣйшій журнальный воинъ, въ минуту совершеннаго сплина, не рѣшился бы сказать дурного слова о Краббѣ, высказать неблагосклонное слово о его твореніяхъ. Такъ велика сила поэтической истины, когда поэтъ, ее понимающій, умѣетъ подходить къ ней просто и скромно, безъ оскорбленія своихъ предшественниковъ и безъ литературнаго фанатизма, приносившаго столько зла всякому вопросу и всякой поэзіи.

Авторъ «Приходскихъ Списковъ», начавшій свою литературную дѣятельность еще во времена Джонсона и двадцать два года

*) «Эдинбургское Обозрѣніе», котораго Джеффри былъ редакторомъ.

прожившій въ полномъ удаленіи отъ парнасскихъ дѣлъ, дѣйствительно сохранилъ въ своемъ поведеніи оригинальную и по временамъ трогательную простоту поэтовъ прошлаго столѣтія. Нововводитель почти безсознательный, Краббъ по своей личности всего менѣе походилъ на нововводителя въ литературѣ; безгранично смѣлый въ своихъ поэмахъ, онъ былъ наивнѣе дитяти въ своихъ литературныхъ сношеніяхъ. Къ знаменитымъ людямъ поддержавшимъ поэта въ эпоху его молодости, Краббъ сдѣлавшись популярнымъ и славнымъ поэтомъ, продолжалъ питать прежнее удивленіе, прежнюю безпредѣльную преданность. Помня амфиктіоновскіе приговоры Джонсона, онъ нѣмѣлъ передъ критикою и не рѣшался считать себя выше критики. Къ новымъ товарищамъ по литературѣ нашъ поэтъ питалъ уваженіе и чувство, подобное чувствамъ умнаго, скромнаго старичка при сношеніяхъ съ шаловливой, блистательной, причудливой и ласковой молодежью. Во всѣхъ дѣлахъ Крабба сіяла едва ли не самая рѣдкая доблесть литератора, то есть безграничная скромность, иногда доходящая до простодушія. Обычаи старины были для него святыней — такъ и въ 1807 году, послѣ напечатанія «Приходскихъ Списковъ», онъ отобралъ для своего употребленія значительную часть экземпляровъ, поэмы, велѣлъ переплести ихъ чистенько, самъ запечаталъ каждую брошюрку въ особый конвертъ и разослалъ конверты по всѣмъ уважаемымъ знакомцамъ или незнакомцамъ, какъ это дѣлалось во времена Грея и Гольдсмита. Лордъ Грей получилъ подарокъ и отвѣчалъ на него любезнымъ письмомъ, лордъ Голлендъ (когда-то молодой Карлъ Фоксъ) поспѣшилъ благодарить своего стариннаго пріятеля и сказать нѣсколько умныхъ словъ о его дарованіи. И Френсисъ Джеффри и герцогиня Рутлендъ и Джорджъ Каннингъ не оставались безъ авторскаго экземпляра; мистриссъ Боркъ, вдова «великаго человѣка изъ великихъ людей», первая получила книгу, и, по всей вѣроятности, экземпляръ ея былъ переплетенъ великолѣпнѣе прочихъ. Много радости доставили Краббу отвѣты лицъ, здѣсь поименованныхъ, и между прочимъ, отвѣтъ Вальтеръ-Скотта, къ которому нашъ поэтъ заочно питалъ великое расположеніе. Вотъ письмо шотландскаго барда, адресованное изъ *Эшстиля*, гдѣ Скоттъ жилъ до пріобрѣтенія Абботсфорда.

«Дорогой сэръ, я только что получилъ почтенное письмо ваше, доставившее мнѣ истинное наслажденіе, а сверхъ того осуществившее одно изъ моихъ желаній, двадцать лѣтъ бывшее неудовлетвореннымъ желаніемъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, еще мальчикомъ, я прожилъ длинную снѣжную зиму въ старомъ, почти необитаемомъ

деревенском домѣ, сидя за книгами, въ положеніи юноши изображеннаго въ поэмѣ вашей «Библіотека!» Между весьма малымъ числомъ современныхъ произведеній, изучаемыхъ мною въ то время, находились два тома ежегоднаго «Сборника» Додсли, съ обширными отрывками изъ «Библіотеки» и «Деревни». Стихи ваши врѣзались мнѣ въ память и поселились тамъ въ странной компаніи съ легендами о привидѣніяхъ, пѣснями пограничныхъ горцевъ, отрывками старыхъ комедій, и прочимъ хламомъ, живущимъ въ головѣ восемнадцатилѣтняго мальчика, страстно любящаго чтеніе, но не имѣющаго ни средствъ, ни вкуса для того, чтобы читать лишь книги, стоящія чтенія. Новыя книги въ то время были очень рѣдки и дороги въ Эдинбургѣ, и потому, истративши много времени на отыскавіе хотя одного экземпляра поэмъ вашихъ *), я принужденъ былъ довольствоваться Дослеевымъ сборникомъ и его отрывками, давно уже заученымп напзусть. Чѣмъ чаще освѣдомлялся я о невидимыхъ покупателю поэмахъ Крабба, тѣмъ болѣе лестнаго узнавалъ я о славѣ ихъ автора. Моей ребяческой гордости льстило то, что поэтъ, такъ меня поразившій, такъ подѣйствовавшій на мой незрѣлый вкусъ, считается первокласснымъ поэтомъ Англіи. До этого дня, и вполнѣ ознакомившись съ музою вашею, я таилъ въ душѣ намѣреніе писать къ вамъ и посвятить вашему имени одну вещицу, находящуюся у меня на наковальнѣ въ настоящее время.

Можете представить себѣ теперь, до какой степени былъ я обрадованъ письмомъ вашимъ и приложенною къ нему книгою, и благосклоннымъ вашимъ отзывомъ о трудахъ моихъ. Я слишкомъ горжусь добрымъ о себѣ мнѣніемъ такого поэта и не намѣренъ поперечить этому мнѣнію. Чтобы ознакомить васъ съ тѣмъ, какъ гляжу я въ настоящее время па оба наши таланта, могу сказать одно только: дѣти мои никогда не читаютъ поэмъ Скотта, между тѣмъ, какъ ваши поэмы въ вечерній часъ доставляютъ всему семейству нашему полное и постоянное наслажденіе. Моя старшая дѣвочка уже порядочно читаетъ, достаточно разумѣетъ прочитанное, юморъ и глубокое чувство вашихъ произведеній для нея понятны. Мы съ вами идемъ по разнымъ дорогамъ и не можемъ считаться соперниками, — да едва ли литературное соперничество можетъ существовать для людей, убѣжденныхъ въ той истинѣ, что

*) По причинѣ знакомой намъ безпечности Крабба «Деревня» не была издана вторично и вышла вторымъ изданіемъ вмѣстѣ съ «Приходскими Списками», *черезъ двадцать четыре года* послѣ перваго.

есть на свѣтѣ нѣчто высшее литературной славы, а именно: пріязнь людей, отмѣченныхъ между всѣми людьми по своимъ дарованіямъ. Эту пріязнь я желалъ бы заслужить отъ васъ и теперь глубоко цѣню ваши добрыя обо мнѣ слова. Мнѣ грустно было читать въ вашемъ письмѣ ваши жалобы на дурное состояніе здоровья: судьба должна беречь людей вамъ подобныхъ, людей приносящихъ столько услугъ обществу. Позвольте мнѣ надѣяться, однако, что въ скоромъ времени силы ваши возстановятся и позволятъ вамъ предпринять небольшое путешествіе въ наши страны. Я рѣдко бываю въ Лондонѣ, но не пропущу случая во время моей слѣдующей поѣздки свернуть съ дороги, явиться къ вамъ и лично передать вамъ чувства давняго удивленія къ трудамъ вашимъ и искренняго уваженія къ вашей особѣ, уваженія, съ которымъ всегда останется преданнѣйшій слуга вашъ

Вальтеръ Скоттъ.

Переѣздъ Скотта въ Абботсфордъ съ одной стороны, а съ другой перемѣщеніе самого Крабба въ другой приходъ, помѣшали исполненію плана относительно свиданія двухъ поэтовъ, питавшихъ другъ къ другу самое полное сочувствіе. Краббу и Вальтеру Скотту суждено было увидѣться только разъ въ жизни, въ 1822 году въ Лондонѣ и въ Абботсфордѣ, осенью того же года.

Между тѣмъ, лестные отзывы критики и письма знаменитыхъ людей, эти дорогіе отголоски Крабовой популярности, являясь въ уединеніе мирнаго пастора, стали подстрекать его къ усиленной дѣятельности. Послѣ «Деревни» нашъ поэтъ отчасти не писалъ потому, что не зналъ, какъ будетъ принята общимъ мнѣніемъ роль пастора, занимающаго сочиненіемъ стихотвореній, но его опасенія исчезли послѣ «Приходскихъ списковъ» всѣми одобренныхъ и даже признанныхъ за вещь вполнѣ достойную Крабба, какъ христіанскаго пастыря. Успокоившись на этотъ счетъ, поэтъ сталъ посвящать болѣе времени литературнымъ занятіямъ, вступилъ въ число членовъ коммиссіи для составленія фонда на облегченіе участи нуждающихся писателей и покончилъ новую свою поэму, которая явилась въ 1809 году, подъ скромнымъ названіемъ «Мѣстечко» (the Borough). Мы будемъ говорить о ней въ слѣдующей главѣ.

VII.

Анализъ поэмы «Мѣстечко» (the Borough). — Общій взглядъ на произведеніе. — Характеристика поэтовъ практическихъ. — Первыя страницы поэмы: набережная и море. — Приближеніе бури. — Вечернія сцены. — Церковь и кладбище. — Эпизодъ Салли. — Дѣвушка надъ могилой. — Отзывы Гиффорда и Вильсона. — Морскія купанья. — Пріѣзжіе гости и увеселенія. — Прогулка на островъ, затопляемый приливомъ. — Клубы: Курильщиковъ, Гастрономовъ и Бѣдняковъ. — Карты. — Гостинницы мѣстечка. — Гостинница Льва, Гостинница Королевы Каролины. — Блескъ и упадокъ.

Смѣло можно сказать, что для людей, цѣнящихъ простоту въ поэзіи, произведеніе, о которомъ мы теперь будемъ говорить съ читателемъ, представится высшею точкою истиннаго творчества, почти безпримѣрнаго въ исторіи искусства. По обыкновенію своему, подступая къ предмету просто и прямо, Краббъ съ первой страницы даетъ ему поэзію, передъ которой нельзя не преклониться. «Мѣстечко» есть ничто иное, какъ рядъ писемъ, съ описаніемъ крошечнаго, небогатаго городка, его занятій, его торговли, его жителей, его забавъ, общественныхъ увеселеній и такъ далѣе. Болѣе незатѣйливаго плана, конечно, не придумывалъ ни одинъ изъ поэтовъ. Чѣмъ же разцвѣтилъ Краббъ свое созданіе, какимъ процессомъ онъ свелъ къ нему лучи поэзіи? На такіе вопросы можно отвѣчать рядомъ громкихъ фразъ или тонко-эстетическою диссертаціею; но мы предпочтемъ итти по иной дорогѣ и пояснить трудъ поэта однимъ, по возможности, поэтическимъ отступленіемъ.

Случалось ли кому нибудь изъ нашихъ читателей, изъ числа людей, одаренныхъ артистическимъ складомъ ума и способностью къ тихимъ наслажденіямъ, переселяться, въ лучшую пору своей жизни, изъ шумной столицы въ какое нибудь тихое и даже скучное мѣсто, въ родѣ маленькаго городка, будто уснувшаго посреди живописной окрестности? Большая часть умныхъ людей, очутившись въ подобномъ уединеніи, начинаютъ чистѣйшей идилліей и кончаютъ сплиномъ, то есть оба раза подходятъ къ своей новой жизни съ ложной стороны и, обманувшись какъ слѣдуетъ, вымѣщаютъ свою досаду на бѣдномъ уголкѣ, удостоенномъ ихъ присутствія. Мѣсто кажется имъ дряннымъ, собственная праздность принимаетъ видъ чего-то роковаго, необходимаго; люди, ихъ окружающіе, представляются какою-то особой породой людей, совершенно отличныхъ отъ столичнаго жителя; вся поэзія успокоенія пропадаетъ; въ собственной ихъ душѣ, будто въ помутившейся лужѣ, окрестные предметы представляются въ ложномъ, обезобра-

женномъ видѣ. Если въ нихъ есть запасъ нѣкоторой поэзіи, эта поэзія принимаетъ какое-то особенно кислое, мизантропическое, ложно юмористическое направленіе. Не понявъ окружающей себя среды, они дерзко становятся надъ всѣмъ имъ видимымъ міромъ и, съ высоты воображаемаго величія, издѣваются надъ своимъ ближнимъ, не догадываясь о томъ, что сами они достойны посмѣянія изъ-за одной своей непрактической заносчивости. Ложный реализмъ обыкновенно зарождается изъ подобныхъ положеній, принося съ собой одинаковый вредъ и для жизни, и для поэзіи, и для собственныхъ своихъ представителей.

Не въ такомъ положеніи находится посреди мирнаго затишья поэтъ сильный, поэтъ истинный, поэтъ практическій, поэтъ подобный Георгу Краббу. Если судьба кинула его въ среду унылую, непривѣтливую и, повидимому, безобразную, поэтъ или вырвется изъ нея, во что бы то ни стало, или, оглядѣвъ ее хорошимъ поэтическимъ взглядомъ, примирится съ нею. Истинный поэтъ можетъ быть непрактическимъ человѣкомъ въ домашнихъ дѣлахъ, но въ сокровенномъ своемъ міросозерцаніи онъ не можетъ жить безъ практичности. Иначе и быть не можетъ, ибо его глазъ долженъ видѣть дальше, чѣмъ глазъ простого человѣка. Истинный поэтъ никогда не забудетъ, что человѣкъ вездѣ одинаковъ, что людской бытъ вездѣ стоитъ изученія, что природа повсюду даетъ работу кисти художника, что, наконецъ, поэзія неразлучна со всякой жизнью и повсюду видна для глаза, одареннаго священнымъ «двойнымъ зрѣніемъ поэта». Потому онъ найдетъ примиреніе тамъ, гдѣ псевдо-поэты ищутъ только пищи для насмѣшливости, и — мало того—онъ будетъ наслаждаться тамъ, гдѣ близорукіе псевдопоэты станутъ видѣть одну тоску и одну грязь жизни. Въ одно время снисходительный и проницательный, онъ не создастъ себѣ идилліи, но зато и не смѣнитъ ся глупымъ сплиномъ. Работая тамъ, гдѣ судьба его поставила, видя своего брата въ каждомъ встрѣчномъ человѣкѣ, онъ мало по малу создастъ себѣ цѣлый тихій міръ наблюденій, радостей, новыхъ наслажденій, опытовъ и открытій, цѣлый поэтическій міръ, за который онъ не возьметъ другого міра, болѣе блистательнаго и (для близорукихъ очей) болѣе разнообразнаго. Вотъ какимъ путемъ объясняется привязанность великихъ поэтовъ къ своимъ деревнямъ, сельскимъ домикамъ, роднымъ городкамъ, мѣстечкамъ, въ которыхъ, повидимому, ничего хорошаго не находитъ проѣзжій туристъ или человѣкъ, тамъ поселившійся по какому нибудь дѣлу. Вотъ отчего путешествія, перемѣна мѣстъ, шумная столичная жизнь, такъ необходи-

мыя писателю въ его ученическіе годы, становятся въ тягость поэту созрѣвшему. Не изъ прихоти и не для простыхъ удобствъ жизни Гёте прожилъ на одномъ мѣстѣ лучшую часть своего долгаго вѣка; Скоттъ предпочиталъ сѣрые аботсфордскіе холмы красотамъ Италіи, Краббъ никуда не ѣздилъ изъ Англіи, и Шиллеръ умеръ даже не видавъ моря, по своему собственному выраженію. Поэтъ самаго громаднаго дарованія не можетъ быть гражданиномъ міра, то есть *истолкователемъ поэзіи* разныхъ странъ міра: какъ онъ ни хлопочи, вся поэзія разнообразныхъ частей свѣта, милліона городовъ, полей и селъ, составляющихъ свѣтъ, никогда не отразится въ его произведеніяхъ. Какъ бы онъ ни былъ народенъ у себя въ отечествѣ, онъ даже никогда не будетъ полнымъ поэтомъ своей родины, если она объемомъ болѣе республики Санъ-Марино или княжества Лихтенштейнскаго. Поэтъ есть человѣкъ, дни его сочтены, какъ дни каждаго человѣка, опытъ жизни не дается ему легко, глазъ его, при всей проницательности, есть глазъ простого смертнаго. И для него наука долга, а жизнь коротка, и для него существуетъ поговорка *qui trop embrasse, mal etreint*. Поэтому счастливы писатели, мирно живущіе на одномъ мѣстѣ, во время странствовавшіе, во время узнавшіе свѣтъ и во время предавшіеся спасительному спокойствію, безъ котораго нѣтъ ни труда, ни поэтическихъ открытій. Изучивъ и полюбивъ міръ, ихъ окружающій, они начинаютъ помогать ближнему, учиться, любить и понимать непонятое. Вѣчные труверы, угадчики, истолкователи жизненныхъ явленій, они черпаютъ свѣтъ отвсюду и повсюду его разливаютъ, обозначая свою дѣятельность яркою полосою огня, отъ которой всѣ окружающіе предметы не только дѣлаются виднѣе, но и картинно озаряются. И когда въ извѣстномъ народѣ разведется много свѣтлыхъ точекъ, когда жизнь этого народа будетъ истолкована рядомъ поэтовъ (поэтовъ науки, поэтовъ искусства и поэтовъ мышленія), которыми онъ гордится, его литературное значеніе установилось, и самъ онъ становится понятенъ другимъ народамъ. Но мы отвлеклись отъ своего предмета и должны скорѣй вернуться къ «Мѣстечку» Георга Краббa.

Краббъ въ своей поэмѣ описываетъ небольшое приморское мѣстечко Англіи, можетъ быть, дѣйствительно существующее, можетъ быть, фантастическое и не показанное на картѣ — до этого намъ нѣтъ дѣла. Сынъ его говоритъ намъ, что Краббово «Мѣстечко» есть Альдборо, въ которомъ провелъ поэтъ свою юность — пусть оно будетъ и такъ. Мѣстечко это населено живыми людьми, строенія его знакомы намъ лучше строеній собственнаго нашего уѣзд-

наго города, въ описаніи природы и быта жителей нѣтъ ни одного штриха невѣрнаго или преувеличеннаго. По этимъ причинамъ намъ дорого мѣстечко, выбранное Краббомъ; но оно еще дороже по той поэзіи, которая пробуждается въ душѣ нашей при одномъ о немъ воспоминаніи. Стихотворная статистика, представленная нашимъ поэтомъ, выше всѣхъ диѳирамбовъ, драмъ и романовъ съ раздирающими эффектами. Читатель не можетъ устоять противъ особеннаго очарованія, читая Краббову поэму: ему кажется, что онъ самъ поселился въ какомъ-то укромномъ уголку Англіи, съ любовью изучаетъ его физіономію, ходитъ въ сопровожденіи поэта по улицамъ мѣстечка, вникаетъ въ бытъ его жителей, слушаетъ поэтическіе разсказы и благословляетъ своего спутника, умѣющаго извлечь столько художественнаго матеріала изъ такихъ простыхъ данныхъ. Впечатлѣніе, испытываемое нами во время чтенія, какъ нельзя болѣе подходитъ къ впечатлѣнію, оставляемому на насъ рядомъ лучшихъ картинъ фламандской школы, съ кермессами, внутренностями древнихъ домовъ, берегами каналовъ и отдаленнымъ видомъ на море. Краббъ имѣетъ огромное сходство съ фламандскими художниками. Его произведеній можно не любить, но, разъ ихъ понявъ, нельзя не пристраститься къ нимъ на вѣчное время.

Первое письмо, или первая пѣснь поэмы, описывающая общую физіономію мѣстечка, состоитъ изъ цѣлаго строя картинъ. Прежде всего открывается рѣка у своего впаденія въ море, — рѣка, покрытая шлюпами, бригантинами и барками; воды ея, постоянно волнуемыя приливомъ и отливомъ, подходятъ къ самымъ строеніямъ. Около набережной пахнетъ смолою; всюду виднѣются суда, вытащенныя на берегъ и дѣятельно исправляемыя; между ними высятся какія-то земноводныя зданія, шалаши и сараи, наскоро устроенные моряками для ночлега или склада товаровъ. Полунагіе *морскіе* ребятишки рѣзвятся по берегу, плаваютъ около барокъ или пробуютъ кататься на лодкахъ — достойныя дѣти смѣлыхъ матросовъ, ужасъ и удивленіе остальныхъ городскихъ мальчиковъ!

Вся окрестность, довольно голая и бѣдная растительностью, получаетъ свой характеръ отъ близости моря. Садики огорожены барочными досками; обломки разбитыхъ судовъ складены въ кучи для топлива; груды каменнаго угля валяются около маяка, по ночамъ загорающагося, какъ красная звѣзда надъ моремъ. Въ ближайшей хижинѣ, съ дверьми настежь, видѣнъ опрокинутый стулъ около самопрялки; старая вдова, тамъ живущая, ушла за водой.

Комната наполнена признаками того, что отсутствующій сынъ хозяйки принадлежитъ къ морякамъ: на стѣнахъ висятъ синяя куртка, полосатая рубаха, шелковый шейный платокъ, мѣховой кафтанъ изъ холоднаго Лабрадора, а на столѣ валяются раковины, подобранныя на дальнихъ, дальнихъ берегахъ, далеко отъ отечества.

Набросавъ здѣсь поименованныя картины, поэтъ всею силою своею налегаетъ на изображеніе любимаго своего предмета, первой прелести всего «Мѣстечка» — моря, блистательнѣйшей страницы въ великой книгѣ природы. Сначала онъ ставитъ читателя на берегъ, въ тихій лѣтній полдень. Отступившая полоса моря оставила свободною полосу мокраго песку, надъ которой нагрѣтый воздухъ колышется едва видными струйками. Море спитъ, *мѣрно дыша своей широкой грудью;* тихо струится около песку его окраина, слегка затрогивая обсыхающій берегъ лѣнивой струей и подталкивая только что осмоленную лодку возлѣ берега. Суда неподвижно стоятъ на якоряхъ или тихо-тихо двигаются къ городу, безъ вѣтра, безъ парусовъ, слѣдуя по одному водному теченію.

Не таково бываетъ это море въ зимнюю бурю, описаніе которой теперь слѣдуетъ. Еще за день до бури нескладные тюлени тревожно ныряли вблизи отъ берега, то скрываясь, то рѣзко выказывая надъ водой свою дикую фигуру. И точно, настала гроза— примѣта оправдалась. Море закипѣло и покрылось пѣною; волны поднялись въ видѣ скалъ и утесовъ. Не оставаясь мгновенія на одномъ мѣстѣ, передъ берегомъ начали онѣ бѣшеную скачку, обгоняя одна другую, брызжа пѣною, наступая на землю, обваливаясь и съ ревомъ натыкаясь на камни, когда-то выкинутые изъ моря прежними бурями. Весело летаетъ въ воздухѣ петрель — птица, всегда радующаяся бурѣ. Она будто плаваетъ надъ водою, то поднимаясь высоко, то опять опускаясь и исчезая въ пѣнномъ облакѣ. Высоко надъ безпокойной пучиною, недоступная ружейному выстрѣлу, длиннымъ клиномъ летитъ стая дикихъ утокъ, отлетающихъ съ сѣвера.

Вечеръ близится, небо стало темнѣй моря, волны заревѣли сильнѣе. Облака повременамъ раздвигаются на мгновеніе, и луна кидаетъ свой свѣтъ на грозную картину. Слышенъ пушечный выстрѣлъ на водѣ — корабль въ опасности! Толпа зрителей набѣгаетъ изъ города; между ними отдѣляются матросы, готовые на помощь и гордые своей смѣлостью, и женщины, ихъ удерживающія, съ капишонами, наброшенными на голову. На берегъ выброшено нѣсколько тѣлъ. Помощь безполезна: море дико бьется о берегъ, выкидывая прочь спускаемыя на него лодки.

Ночь наступаетъ, буря успокоивается, промокшая толпа возвращается назадъ въ городъ. Въ окнахъ зажглись огни, огни загорѣлись въ тавернахъ; изъ одного дома несутся буйныя восклицанія, въ другомъ нѣсколько скромныхъ пріятелей сидятъ за вистомъ; на улицахъ еще сталкиваются кружки пѣшеходовъ; разговоры и привѣтствія отрадно ласкаютъ ваше ухо. Напившагося моряка товарищи осторожно ведутъ на ночлегъ; вечерній колоколъ раздается изъ церкви, и вечерняя жизнь мѣстечка начинается.

Второе письмо посвящено описанію церкви и ея принадлежностей, церкви старой и неправильной готической постройки, съ высокой башней и кладбищемъ. Древнее, величественное строеніе съ стрѣльчатаю огромной дверью, внутри украшенное рядомъ колоннъ; подъ его сводами таинственно играетъ лучъ солнца, пробѣжавшій сквозь цвѣтныя, расписанныя стекла. Его созидали въ разное время, оттого однѣ части уже обросли мхомъ и очень древни. Художникъ придетъ въ отчаяніе, слѣдя за всей этой растительностью, пустившей свои корни въ разсѣлинахъ камня и покрывшей часть стараго зданія своей зеленой одеждой. Внутри церкви есть нѣсколько плитъ и памятниковъ; какой-то мраморный баронъ лежитъ на могилѣ съ отбитой головою, возлѣ него почіетъ каменная его лэди, тоже не пощаженная временемъ. Кто знаетъ ихъ имена? кто о нихъ заботится? На плитахъ, болѣе современныхъ, разборчиво сіяютъ надгробія, въ высшей степени лестныя для покойниковъ. Здѣсь каждая жена составляетъ утѣшеніе мужа, каждый мужъ называется незабвеннымъ; сынъ восхваляетъ добродѣтели отца и самъ, умерши, получаетъ еще восторженнѣйшую дань хвалы. Вѣрить ли этимъ надгробіямъ, стóитъ ли говорить, что такой-то незабвенный *Гольмсъ*, неутѣшный вдовецъ, былъ женатъ три раза, былъ скупъ и жаденъ, не любилъ давать шиллинга бѣдняку и умеръ, не возбудивъ ни въ комъ чувствъ особеннаго сожалѣнія?

Есть, однако, люди, искренно плачущіе объ усопшихъ. Я хорошо зналъ
Милую, добрую дѣвушку, кроткую и ясную посреди горя;
Она никому не навязывала своихъ чувствъ, не искала состраданія,
Смирно исправляла она свои занятія днемъ, но къ ночи, уложивъ родителей
И одѣвшись чистенько, шла на кладбище, тамъ садилась и плакала.
Задумчиво сидѣла дѣвушка, и память рисовала передъ нею

Изображеніе юноши, когда-то обрученнаго съ нею.
Здѣсь лежалъ онъ въ землѣ, около этого мѣста онъ простился съ нею,
Отправляясь въ послѣднюю морскую поѣздку, за которой должно было слѣдовать ихъ соединеніе.

Весело онъ отплылъ отъ берега, счастливый согласіемъ и заботами невѣсты:
Бѣлье его было уложено ею, его сундукъ казался богаче другихъ сундуковъ у товарищей.
Много тамъ лежало вещей, припасенныхъ дѣвушкой,
Ибо она знала; что судно плыветъ въ Гренландію, гдѣ такъ холодно
И гдѣ такъ надо беречь себя во время плаванія.
Но мысль объ опасности не приходила въ голову влюбленныхъ,—
И опасность вдругъ явилась: лихорадка и слабость схватили моряка.
Онъ не умиралъ, но слабѣлъ съ каждымъ днемъ, хотя щеки его были красны,
Хотя товарищи въ шутку звали его румяной дѣвушкой.
Понявъ бѣду, на обратномъ пути корабля онъ позвалъ къ себѣ товарища
И сталъ такъ говорить съ нимъ, вздыхая: «Я умру, Томъ!
«Какъ бы я хотѣлъ разокъ увидѣть Салли, положить больную голову
«На ея вѣрную грудь и умереть глядя на нее!
«Еслижь этого не придется, возьми вещицу, мной у нея взятую,
«Отдай ей и скажи, что я носилъ ее на груди, помня Салли...
«Ахъ, еслибъ вѣтеръ дулъ посвѣжѣе, если бы я могъ
«Еще разъ взглянуть на нее и умереть на нее глядя!»

Исполнилось желаніе моряка — и больше чѣмъ исполнилось.
Не мнѣ описать встрѣчу любовниковъ: дѣвушка съ перваго взгляда
Поняла положеніе жениха, и надежды ея отлетѣли.

Но долго она ходила за нимъ, обмѣнивала съ нимъ нѣжныя мысли
И святыя надежды, святыя чувства чистыхъ сердецъ;
Она помогала ему умирать съ твердостью и каждый день
Разрушала частицу его страха передъ кончиной;
Съ нимъ она молилась, съ нимъ читала библію,
Ободряла слабое сердце и въ рукахъ держала больную голову, у которой въ вискахъ бились жилки;
Съ нѣжной улыбкой являлась она по утрамъ,
Вздыхала и плакала втихомолку, — но при своемъ другѣ
Она сіяла тихимъ свѣтомъ и позлащала его могилу.

Однвъ разъ ему сдѣлалось такъ легко, что оба позабыли на минуту
Весь страхъ, все горе, всю тоску ожиданія;
Они весело разсуждали вдвоемъ, и глаза ихъ говорили:
«Можетъ быть, не придетъ смерть», и голосъ юноши казался тверже.
Дѣвушка прочитала ему молитвы изъ своей книги,
Провела жениха до стула, сѣла возлѣ него, и опять они оба
Стали болтать объ отсутствующихъ друзьяхъ, ему особенно милыхъ
И до сихъ поръ милыхъ дѣвушкѣ, по воспоминанію объ этой бесѣдѣ.
Наконецъ онъ ласково прошепталъ: «ты устала, поди отдохни.»
«Сейчасъ иду» — отвѣтила она, и въ то же время
Почувствовала холодъ въ рукѣ, услышала какой-то смутный звукъ!
Испугавшись, взглянула она въ лицо юношѣ, встрѣтила
Послѣдній взглядъ теплой любви — и все кончилось!

Она положила приличный камень надъ его могилой,
Съ красиво вырѣзанной надписью, въ память своей любви:
Для этого камня она вставала ночью и работала,
Не прося ни у кого помощи и скрывая свое горе.
Къ камню этому часто приходитъ она и садится на немъ,
Скрестивши руки, глубоко, глубоко задумавшись;
Но если какой нибудь прохожій является поблизости, дѣвушка встаетъ
И начинаетъ ходить съ безпечнымъ видомъ, скрывая свои чувства;
По уходѣ посторонняго, она снова садится,
Снова задумывается и улетаетъ въ завѣтный міръ воспоминаній.
Мужайся, милая кроткая дѣвушка! тоскуй о мертвомъ,
Но не давай воли своей скорби, не падай передъ душевной тоскою!
Тяжко твое испытаніе — всѣ мы обречены на испытанія.
Коротокъ срокъ тоски, и придетъ къ тебѣ великая награда!
Плачь объ усопшихъ, но живи съ живыми,
Не уклоняясь отъ обязанностей, на тебя возложенныхъ! *)

---

*) Приведенный здѣсь эпизодъ достоинъ безграничной популярности, которою пользуется. «Критики временъ Лонгина», говоритъ Гиффордъ, «спорили о томъ, можетъ ли высокое (sublime) быть произведено описаніемъ нѣжныхъ ощущеній. Еслибъ отъ насъ требовалось рѣшеніе такого спора, мы указали бы на этотъ отрывокъ, какъ на неопровержимое доказательство нашего убѣжденія».

Вильсонъ выражается такъ: «отъ читателей поверхностныхъ Краббъ пользуется репутаціей поэта мрачнаго. Кто прочелъ всѣ его творенія, тотъ засмѣется надъ такимъ приговоромъ Многіе эпизоды Крабба — совершенство по чувству прелести, невинности и добра, ихъ проникающему. Какъ поэтъ истины, онъ мастеръ описывать дурныя стороны человѣка; но сердце Крабба *горитъ въ его груди*, когда глазу поэта приходится успокоиться на сценахъ любви и добродѣтели».

Боясь не въ мѣру увеличить объемъ нашего этюда, мы пропускаемъ нѣсколько писемъ, менѣе необходимыхъ для уразумѣнія хода поэмы, какъ-то: письмо о пасторѣ и викаріи, о сектахъ диссентеровъ, о городскомъ докторѣ, адвокатѣ, а равнымъ образомъ описаніе городской торговли, со многими замѣчательными эпизодами. Имѣя въ виду интересъ, болѣе доступный нашему читателю, мы рѣшились прямо перейти къ девятому письму — объ увеселеніяхъ мѣстечка.

«Въ обыкновенное время года — разсказываетъ поэтъ — и до открытія морского купанья, привлекающаго къ намъ толпы посѣтителей, мы живемъ тихо и веселимся безъ шума. Есть своя пріятность въ спокойномъ гуляньи по морскому берегу или въ ходьбѣ безъ цѣли по нашимъ улицамъ. На душѣ легко, когда бродишь не торопясь и располагая свободно своимъ днемъ, встрѣчаясь съ другими пѣшеходами и перебрасываясь съ ними бесѣдой о погодѣ, приходѣ кораблей, купаньѣ или новой книгѣ. День проходитъ безъ потрясеній, и вечеръ встрѣчается спокойно: съ его наступленіемъ и больные чувствуютъ себя свѣжей, и люди съ повѣшенными носами, послѣ сытнаго стола, какъ-то возбуждаются духомъ.

«Все измѣняется съ началомъ сезона морскихъ ваннъ, когда толпы гостей наѣзжаютъ въ наше уединеніе. Богачи захватываютъ себѣ лучшіе дома, тщеславный голякъ ищетъ себѣ квартиры подалѣе отъ наблюдателя; наперекоръ повелѣніямъ докторовъ, истощенныя дамы устроиваютъ балы и пляшутъ до утра, съ удивленіемъ не видя пользы отъ своего леченія. Худенькія дѣвушки, способныя упасть безъ чувствъ при видѣ мыши, задолго до бала бѣгаютъ по лавкамъ, не спятъ ночей, кашляютъ, простуживаются, а въ назначенный день пляшутъ до тѣхъ поръ, пока небо не сдѣлается краснымъ на востокѣ.

«По утрамъ, послѣ купанья, всѣ наши гости, и богатые и бѣдные, любятъ бродить по морскому берегу, глядя на картины, которыми никогда не налюбуешься достаточно. Взгляните съ какимъ веселымъ смѣхомъ бѣгаютъ эти прекрасныя дѣвушки по узкой, гладкой, чистой полосѣ песку между моремъ и однимъ изъ его притоковъ, образовавшимъ большое соленое озеро! Какъ тѣшитъ ихъ бѣлизна узкаго пути, какъ весело имъ видѣть передъ собой опасность и вмѣстѣ съ тѣмъ знать, что ничего дурного не случится съ ними! Какъ стараются красавицы не зацѣпить ножкой воды, мелкими волнами бьющейся по обѣимъ сторонамъ дороги. Какъ звонко хохочутъ онѣ, зная, что обѣ водныя равнины, раздѣленныя дорогой, не соединятся между собой, на гибель прохожему!

«Въ сторонѣ отъ нихъ, уныло облокотясь на огромный якорь, стоитъ высокая, больная фигура задумавшагося мужчины. Недавно онъ прибылъ съ береговъ Индіи, гдѣ собралъ большое богатство и погубилъ свое здоровье. Чѣмъ толще становился его карманъ, тѣмъ слабѣй дѣлались его силы; чѣмъ роскошнѣе онъ жилъ, тѣмъ духъ его становился печальнѣе. И вотъ, здѣсь, грустно стоя передъ водной равниной, онъ завидуетъ послѣднему бѣдняку, пользующемуся здоровьемъ. Съ какимъ томленіемъ во взглядѣ глядитъ онъ на рѣзвящуюся молодежь, какъ отворачиваетъ онъ глаза отъ веселой картины и переноситъ ихъ на поляну соленой воды! Разбогатѣть и потерять способность къ наслажденію, трудиться всю жизнь и послѣ успѣха почувствовать себя мертвымъ для радостей — какой урокъ судьбы, какое горькое положеніе!

«Между нашими увеселеніями важное мѣсто занимаетъ катанье въ лодкѣ по широкой рѣкѣ, впадающей въ море. Въ тихій вечеръ, когда нѣтъ на рѣкѣ волненія, кромѣ струекъ, вскипающихъ около киля лодки, при лунномъ свѣтѣ, вся окрестность принимаетъ такую роскошную физіономію! Кучи извести, камни, заборы, скотъ, щиплющій траву по берегу, — все это, при неясномъ сіяніи, облекается въ фантастическія формы и манитъ къ себѣ фантазію. Луна, отражаясь въ болотистыхъ закраинахъ, обращаетъ ихъ будто въ серебряную раму воднаго зеркала; величавые скелеты судовъ на якоряхъ ясно вырѣзываются на горизонтѣ; стая спавшихъ утокъ съ крикомъ поднимается въ высоту или, ныряя, скрываетъ своихъ безперыхъ птенцовъ подъ водою. Съ кораблей раздается звонкій окликъ, а дѣти на лодкѣ, смѣясь, играютъ около борта, зацѣпляютъ рукой широколиственныя водяныя растенія или тянутся за громадной водяной лиліей, *около которой вода морщится, огибая цвѣтокъ, раскинувшійся на пути теченія.*

«Иногда кучка гуляющихъ, отъѣхавъ отъ города, причаливаетъ лодку къ песчаному островку, покрытому раковинами, — островку сухому и гладкому во время отлива, но въ приливный часъ исчезающему подъ водою. Бросивъ якорь, плаватели сходятъ на гладкій песокъ, любуются безпредѣльнымъ полемъ воды и слѣдятъ за тѣмъ, какъ волны опять начинаютъ набѣгать на обѣ стороны острова, поглощая берегъ и каждую минуту какъ бы обрѣзывая края острова. Что̀, если бы въ эту минуту лодка сорвалась съ якоря и уплыла прочь, оставивъ на узкомъ клочкѣ земли веселыхъ путешественниковъ?

«А одинъ разъ случилось подобное дѣло. Собраніе друзей прибыло на островокъ, съ пѣніемъ и веселымъ смѣхомъ. Чайники за-

дымились, молодежь пустилась танцовать и играть у моря, собирая раковины. Боцманъ съ гребцами, выпивъ вина, заснули съ спокойнымъ духомъ, когда одна изъ женщинъ, держа дѣтей своихъ за руку и торопясь домой, подошла къ тому мѣсту, гдѣ лодка была привязана. Съ ужасомъ увидѣла она пустое мѣсто: лодка сорвалась и едва виднѣлась на морѣ! Съ трепетомъ кинулась бѣдная женщина къ своимъ, крича слабымъ голосомъ; но голосъ ея не смотря на свою слабость, поразилъ всѣхъ хуже громоваго удара. Приливъ начинался: еще нѣсколько времени, и островокъ долженъ былъ изчезнуть подъ водою.

«Скорѣй — закричали всѣ — закричимъ всѣ, ставъ лицомъ къ берегу;
Громче кричите всѣ, или мы навсегда пропали!»
Напрасный трудъ! голоса не могли дойти до дальняго берега,
Глазъ посреди тумана не могъ различить сигнала.
Снова вся толпа испустила самый громкій крикъ
И пріумолкла, тоскливо дожидаясь отвѣтнаго крика:
Никто не отвѣтилъ; только посреди тишины началъ выть поднимающійся вѣтеръ.
Еще разъ закричали они и, вскрикнувъ, поглядѣли назадъ,
Въ сторону, откуда уже наступали волны прилива.
Въ промежуткахъ каждаго крика, море взбѣгало далѣе и далѣе,
Футъ за футомъ впередъ, производя глухой шумъ,
И затопляемый островъ со всякой минутой становился уже,
И на узкомъ пространствѣ раздались плачъ, жалобы и проклятія.

Конечно, еслибъ тутъ находился наблюдатель съ твердой душою,
Который бы, и готовясь умереть, не покинулъ своихъ высокихъ наблюденій,
Онъ могъ бы подмѣтить многое и увидѣлъ бы онъ съ удивленіемъ,
Какъ иная слабая, нѣжная дѣвушка превосходила мужествомъ мужчинъ сильныхъ
И, тихо молясь, спокойно ждала своей участи,
Между тѣмъ, какъ не одинъ мужчина, сильный, громкій въ рѣчахъ,
Разливался въ отчаянныхъ крикахъ, пугая и безъ того несчастныхъ своихъ товарищей!
Старшій во всемъ обществѣ говорилъ съ отчаяніемъ:
«Вы меня уговорили здѣсь пристать: я долго васъ отговаривалъ!»
Но ему отвѣчали съ сердцемъ: «и ты смѣешь жаловаться,
«Когда ты зналъ объ опасности и самъ на нее рѣшился!»

Между тѣмъ, шли и шли волны, и казалось несчастнымъ,
Что вода стоитъ выше ихъ роста и сейчасъ ихъ поглотитъ, нахлынувши.
Солнце сѣло; со всѣхъ сторонъ виднѣлось одно вздувающееся море,
Сумерки быстро двигались, воздухъ похолодѣлъ и проникнулся сыростью.
Не оставалось надежды даже для самыхъ легкомысленныхъ,
Дѣти громко плакали, и съ плачемъ сливался вой вѣтра,
И плескотня валовъ, разбивавшихся подъ самыми ногами несчастныхъ.

«Еще разъ, одинъ разъ, собравъ всѣ наши силы,
Крикнемъ, оборотясь къ городу — одно это намъ осталось!»
Жалкая, послѣдняя надежда, — и вдругъ... слышенъ шумъ весла,
Сладкій шумъ! онъ опять слышенъ, и какъ близко!
«Помогите! къ намъ, моряки! еще минута — и мы погибли!»

И вотъ днище спасительной лодки врѣзывается въ мокрый песокъ,
Каждая рука тянется къ борту и къ веревкамъ...
Дрожа всѣмъ тѣломъ, бѣдняки перебираются съ острова...

Слѣдующія два письма поэмы заключаютъ въ себѣ описаніе клубовъ и гостинницъ мѣстечка. Тутъ поэтъ даетъ свободу своему юмору, который получаетъ особенно оригинальный оттѣнокъ отъ однообразно классическаго стиха и еще болѣе отъ какого-то простодушнаго декорума, составляющаго отличительную физіономію клерджимена Крабба передъ своимъ читателемъ. Вотъ, напримѣръ, изображеніе помѣщенія для курильщиковъ:

«Вотъ гдѣ помѣщаются любители куренія. Не страшно ли
Войдти въ эту жаркую, тѣсную, задымленную, наркотическую комнату,
Гдѣ послѣ полуночи самыя свѣчи какъ будто
Задыхаются безъ воздуха и кидаютъ мертвенный свѣтъ вокругъ себя?
Курчаво волнующійся дымъ поднимается кверху лѣнивыми кольцами,
И болтливые питухи безпрестанно протираютъ свои мигающіе глаза.
Часть собесѣдниковъ уже разошлась, остальные, дремля у дремлющаго огня,
Тянутъ свои скучные, безконечно тянущіеся разсказы.
Самый вентиляторъ у форточки, открытой для освѣженія воздуха,
Сперва быстро вертѣвшійся, совсѣмъ пересталъ вертѣться
И словно задремалъ отъ табачнаго и пуншеваго запаха...»

Съ неменьшей ироніею и декорумомъ поэтъ отзывается о черезчуръ сытныхъ клубныхъ обѣдахъ: его простодушное поученіе и въ наши дни можетъ быть не безполезнымъ иному клубному посѣтителю.

Чувствуете ли вы себя счастливымъ, проведя время
Въ веселой бесѣдѣ и разумныхъ удовольствіяхъ?»
Увы! я далеко не чувствую себя счастливымъ, и можно ли
Послѣ такого объяденія и питья съ удовольствіемъ бесѣдовать?
Мы пообѣдали превосходно, этого я не отвергаю;
Но для обмѣна мыслей у насъ не было времени.
Каждое блюдо такъ хорошо было изготовлено, что намъ приходилось
Съѣдать его наперекоръ умѣренности, и съ аппетитомъ, раздраженнымъ другимъ блюдомъ,
Опять приниматься за ѣду, не думая ни о чемъ болѣе.
Отдыха не было — вино безпрестанно ходило кругомъ.
И Бахусъ связалъ намъ и языки и фантазію.
Вино дѣйствуетъ на умы, какъ вода на огонь:
Прысни его чуть-чуть — и умъ и огонь разгорятся сильнѣе;
Но начни лить въ излишествѣ, яркій свѣтъ померкнетъ,
И все живое пламя исчезнетъ въ удушливомъ дымѣ!

А послѣ стола всѣ садятся за карты — міръ забытъ,
Война, миръ, высадка *) — все забыто для безобразныхъ фигуръ и склеенной бумаги;
Важно сидятъ гости, будто за важнымъ дѣломъ, и часто
Между играющими раздаются необязательныя восклицанія:

«Увѣряю васъ, сэръ, всякій, сидя на моемъ мѣстѣ,
Потерялъ бы терпѣніе, видя, какъ вы пропускаете игру!»
«Сэръ, на вашемъ мѣстѣ я постарался бы быть учтивымъ
«Хоть на одинъ вечеръ, наперекоръ природѣ!»
Можетъ ли моя миролюбивая муза въ точности передать
Другія бранныя выраженія, сыплющіяся справа и слѣва?
«Сэръ! въ другой разъ не играйте, не выучась игрѣ,
И не бросайте даромъ чужихъ денегъ».
«Сэръ! вы должны отдать деньги: карточный долгъ есть долгъ чести».
«Берите ваши деньги, сударыни, только помните,
Что я никогда не буду играть противъ жены съ мужемъ:

*) Въ 1809 году англичане ждали высадки французовъ.

У васъ свои масонскіе знаки, и не мѣшало бы спросить:
Дѣлите ли вы между собой выигрышъ, или идетъ онъ въ общую кассу?»

. . . .

И у бѣдняка есть свой клубъ. По праздникамъ сходится онъ
Съ добрыми товарищами, за скромнымъ столомъ,
Каждый мѣсяцъ платитъ онъ маленькую сумму въ контору
И во время болѣзни или подъ старость получаетъ отъ нея пособіе,
Правила клубныя, четко напечатанныя, висятъ у него въ комнатѣ.
Въ росписной рамѣ, *и онъ показываетъ дѣтямъ мѣсто, гдѣ стоитъ его имя.*
Ему весело глядѣть на этотъ знакъ согласія, и домашній очагъ
Кажется ему гораздо свѣтлѣй и отраднѣе,
И, вѣрьте, радостно иногда придти вечеромъ въ бѣдное семейство,
Когда родной морякъ, только что вернувшійся издалека,
Сидитъ у огня, держа на каждомъ колѣнѣ по мальчику,
И разсказываетъ семьѣ про бури и опасности переѣзда,
И дѣти, вздрагивая и вздыхая, слѣдятъ за разсказомъ,
Глядя въ лицо моряку изумленными глазками,
Превозмогая свой сонъ и жадно прислушиваясь.
И весь домъ представляетъ одну картину мира и радости.

Теперь моей музѣ приходится воспѣвать предметы, никѣмъ не воспѣтые —
Мы будемъ говорить о *гостинницахъ* — и муза должна
Освѣтить привѣтнымъ лучемъ поэзіи эти мѣста спокойствія и веселья.

Высоко надъ сосѣдними домами, озирая площадь и улицу,
Прилегшій *Левъ* показываетъ свою царственную фигуру:
Огромныя челюсти его идутъ отъ одной стороны головы до другой,
Глаза его грозно глядятъ и ноздри гнѣвно расширяются,
Могучее тѣло покрыто серебристыми завитками
И въ ужасъ повергающая грива красуется на груди.
Исполненный гордости, онъ тщеславится своимъ положеніемъ
И служитъ предметомъ тщеславія для всѣхъ своихъ владѣній:
А между тѣмъ, для друзей своихъ видъ Льва не только не страшенъ,
Но скорѣе припоминаетъ имъ часы отдыха и веселой бесѣды.
Къ нему стремится пріѣзжій богачъ, чтобъ заснуть и пообѣдать,
На него смотритъ небогатый путникъ, и толпа, глядя на него,

Мечтаетъ о наслажденіяхъ, испытываемыхъ подъ кровлею,
Гдѣ всякое удобство жизни встрѣчаетъ гостя,
Не справляющагося о количествѣ своихъ расходовъ.

Вокругъ широкаго двора расположены домашнія строенія;
Содержатся они въ чистотѣ и съ великой исправностью.
Важный хозяинъ наблюдаетъ за наружнымъ порядкомъ,
Бродитъ между рядомъ экипажей, вытянутыхъ въ линію по двору,
Съ поклономъ провожаетъ уѣзжающаго гостя и встрѣчаетъ новыхъ посѣтителей.
Внутри дома — область хозяйки, владычицы по кухонной части,
Встрѣчающей гостя краткой рѣчью, сообразной съ его достоинствомъ *).

. . . .

Вывѣской другого пріюта для пріѣзжающихъ служитъ портретъ
Прекрасной королевы Каролины; но — увы! — онъ въ жалкомъ положеніи!
Каждая черта лица обезображена лѣтнимъ солнцемъ или зимней вьюгой.
Печально глядитъ все изображеніе, никогда не подновляемое,
И его упадокъ говоритъ часто о томъ, что̀ ждетъ его внутри дома.
Владѣнія велики; но все вокругъ согласуется съ вывѣской:
Надворныя строенія почти развалились, вы напрасно кличете слугу,
Никто васъ не встрѣчаетъ, и только послѣ большихъ хлопотъ,
Поставивъ лошадь въ разрушенную конюшню, путникъ идетъ
По огромнымъ, холоднымъ, запущеннымъ комнатамъ гостиницы:
Все въ нихъ дышетъ давнишнимъ, испятнаннымъ великолѣпіемъ —
Ковры вездѣ разодраны, обои перепачканы на стѣнахъ,
Нечисты переломанные канделябры, нечисты мраморные столики,
Къ древнимъ стульямъ придѣланы новые задки, столы качаются,
Выбитыя стекла въ рамахъ замѣнены оконницами изъ дурного стекла,
Или просто заклеены намасленою бумагой.
Быстро минуя это нищенское великолѣпіе, гость наконецъ поселяется
Въ крошечной комнатѣ, почти безъ мебели, съ огонькомъ, еще не погасшимъ въ каминѣ.
Здѣсь можетъ онъ ужинать, послѣ долгихъ хлопотъ и крика,
Пить кислое вино, читать безсмысленныя вирши на стѣнахъ,

*) Въ Альдборо имѣется гостинница «Бѣлаго Льва», а ея хозяинъ до сихъ поръ показываетъ посѣтителямъ комнату, въ которой останавливался Краббъ, во время своихъ проѣздовъ.

О томъ, что «Фиби Гринъ мила» и что «Питеръ Джаксонъ здѣсь ужиналъ»,
И наконецъ, покончивъ безотрадную трапезу, удалиться на покой,
Въ холодную постель, надъ которой шелестятъ обои, отклеившіеся отъ стѣны.
А, между тѣмъ, было время, когда далеко черезъ дорогу
Виднѣлся веселый свѣтъ изъ каждаго окна этой гостинницы,
И дворъ былъ набитъ народомъ, и каждый слуга хлопоталъ,
И звонки раздавались по коридорамъ, и ловкіе буфетчики,
Выпрыгивая изъ своихъ норъ, проворно бѣжали на радостный звукъ!
Въ общей комнатѣ, за рѣшеткой, владычествовала счастливая повелительница.
Все ей повиновалось и она первая повиновалась гостю.
Розовая, полная, въ ярко-красномъ спензерѣ,
Она говорила веселое слово всякому и, какъ Цирцея, очаровывала гостя.
Длинными рядами, сзади ея стояли на полкахъ бутылки портвейна,
Только что заготовленныя для вечера и налитыя изъ бочки въ подвалѣ.
Въ особыхъ отдѣленіяхъ, съ перегородками, хранилась водка трехъ сортовъ,
На рѣшетчатыхъ подносахъ красовались соленые фрукты;
Серебряная посуда сіяла, какъ зеркало; на столикахъ не было ни пятна,
И всюду видна была опытная, твердая рука хозяйки.
. . . .
Теперь нѣтъ прежней хозяйки, и какая-то пара жалкихъ супруговъ
Наблюдаетъ за гостинницей, все еще воображая, что она великолѣпна.
Такъ устарѣлая красавица, давно уже потерявшая и тѣнь красоты,
Не хочетъ примириться съ новымъ положеніемъ, но постоянно
Разсчитываетъ на вниманіе къ своимъ давно исчезнувшимъ прелестямъ.

VIII.

Продолженіе поэмы «Мѣстечко». — Старый благотворитель. — Домъ для неимущихъ. — Его жители. — Проживщійся эпикуреецъ *Блени*. — Бывшая красавица *Клелія*. — Общественная благотворительность. — Богадѣльня. — Дурныя стороны англійской филантропіи. — Жилища бѣдныхъ людей, дальнія улицы городка. — Домъ, занимаемый нищими и бродягами. — *Элленъ Орфордъ*. — *Абель Кинъ*. — *Питеръ Греймсъ*, его злодѣянія и казнь. — Госпитали и тюрьмы. — Сонъ приговореннаго къ смерти. — Школы. — Школьная учительница. — Женскій пансіонъ. — Школа для мальчиковъ.

Тринадцатое письмо, которымъ открывается лучшая и характернѣйшая часть поэмы, прежде всего знакомитъ насъ съ покой-

нымъ благотворителемъ мѣстечка, основателемъ пріюта для его бѣдныхъ и престарѣлыхъ жителей. Сурово подступаетъ поэтъ къ своей темѣ, не позволяя себѣ ни малѣйшаго сантиментальнаго замѣчанія, не смягчая ни одной угловатой черты въ избранномъ характерѣ.

Когда умерла жена купца и за ней умерли его дѣти,
Онъ сталъ копить деньги и прослылъ за скрягу.
Питаясь самой скудной пищею, онъ носилъ свой кафтанъ
До той поры, пока каждый шовъ его не истирался.
Съ нимъ жила старая родственница, подобно ему, искусная
Въ наукѣ жить скупо и не тратить денегъ.
Соперничая другъ съ другомъ, они оба наконецъ ухитрились
Тратить на себя только то, безъ чего нельзя просуществовать человѣку.
Съ ихъ стола не раздавалось крохъ ни одному нищему;
Бѣдняки, встрѣчаясь съ скупымъ купцомъ, принимали его за товарища,
И собаки, пріучившіяся лаять на бѣдно одѣтыхъ прихожанъ,
Всегда кидались на него изъ-подъ воротъ каждаго достаточнаго хозяина.
Сосѣди не знали, жалѣть купца или ему завидовать
И, встрѣчаясь съ нимъ, выказывать ему почтеніе или презрѣніе.

А между тѣмъ, нашъ богачъ, казавшійся хуже нищаго,
Часто куда-то ходилъ одинъ, и его прогулки не всегда оставались втайнѣ:
По ночамъ навѣщалъ онъ нуждающихся и нерѣдко
Разставался съ большими суммами и разомъ ставилъ бѣдняка на ноги.
Часто тратилъ онъ деньги, на которыя могъ бы
Цѣлую жизнь ѣсть отлично, на драгоцѣнной посудѣ,
И часто иной любопытный видѣлъ нашего скупца,
Тихо идущаго ночью домой, изъ пріюта нищеты и скорби.
Онъ копилъ для того, чтобъ раздавать; сидя одинъ, онъ постился,
Но зато какая нибудь вдова съ сиротами въ тотъ день ѣла сладко.
Въ зимнія ночи онъ ходилъ въ дальній путь за своимъ дѣломъ
И любовался на восторги семействъ, имъ спасенныхъ, и слеза
Просилась на его очи, наперекоръ суровой природѣ.
И когда онъ шелъ назадъ, его бѣлые, какъ снѣгъ, волосы,
Развѣваясь, выдавали, тайну одинокаго путника.

Уже семьдесятъ лѣтъ ему минуло, когда на лугу, съ сѣверной стороны,
Начало возвышаться большое зданіе, искусно устроенное.

Еслибъ можно было ослѣпить глаза сосѣдей, никто бы не увидѣлъ,
как оно строилось.
Двѣнадцать комнатъ было расположено рядомъ и шесть въ сторонѣ,
Однѣ назначались для мужчинъ другія для неимущихъ, но честныхъ
старухъ.
Сзади дома разведены были садики со скамьями и тѣнистыми аллеями.
Выстроивъ зданіе и облегчивъ его будущность, благотворитель
Отклонилъ отъ себя заботу по управленію и даже выборъ начальни-
ковъ....

Память о добромъ основателѣ, однако же, сохраняется въ первой залѣ пріюта, гдѣ, между скромными украшеніями и даже нѣкоторыми предметами роскоши, виситъ портретъ великодушнаго старца, забывавшаго объ удобствахъ жизни и наслаждавшагося лишь радостями меньшихъ своихъ братій. Нѣсколько избранныхъ довѣрителей наблюдаютъ за порядкомъ учрежденія. Описавъ вкратцѣ ихъ физіономіи, Краббъ переходитъ къ нѣкоторымъ изъ жильцовъ пріюта. Тутъ поражаютъ читателя два портрета, особенно удачные: стараго промотавшагося вивёра и достойной его подруги, устарѣлой, обнищавшей красавицы. Перваго зовутъ *Блэни*, вторую *Клелiей*.

Глядите на этого высокаго ветерана, по протекціи получившаго
здѣсь мѣсто,
Въ пріютѣ тишины и разскаянія, такъ несогласномъ съ его наруж-
ностью!
Какъ смѣшивается въ лицѣ его стыдъ и порочныя чувства, нищета
и веселость,
Врожденная низость души и остатки физической пріятности!
Вслушайтесь въ его смѣхъ, совершенно достойный его собствен-
ныхъ плоскихъ шутокъ,
И вы отчасти угадаете, чтò за человѣкъ передъ вами.
Блэни на двадцать-второмъ году своего возраста, считавшійся бога-
тымъ наслѣдникомъ,
Въ двадцать-пять лѣтъ промотался дочиста.
Исторія этихъ годовъ коротка: онъ игралъ не умѣя, покупалъ не
зная ни въ чемъ толку,
Ссужалъ деньгами людей, которыхъ не уважалъ, и занималъ деньги,
не думая объ отдачѣ.
Благодаря своей красотѣ и веселости, онъ женился потомъ на бога-
той вдовѣ
И ударился въ пороки высшаго разряда:

Онъ держалъ пѣвицъ, бравшихъ съ него невѣроятныя суммы,
Перекупалъ лошадей, которыхъ иной герцогъ призадумался бы купить
Связался съ игроками и жокеями.... Впрочемъ, онъ не былъ жестокъ въ своихъ дѣлахъ
И если бросилъ жену, то бросилъ ее, давъ ей полную свободу.

Послѣ многихъ перипетій, несчастій, наслѣдствъ, путешествій и безумныхъ дѣлъ, Блэни остается при одной гинеѣ, которую тутъ же изъ тщеславія отдаетъ какой-то «оперной птичкѣ».

Глядите всѣ, люди удовольствія, глядите всѣ на бывшаго эпикурейца
Въ періодѣ его нищеты, старости и безсилія:
Прошлая жизнь не представляетъ его памяти ни одной свѣтлой минуты,
Будущность кажется еще хуже, одиночество гнететъ бѣдняка,
Друзья не даютъ ему руки и только бѣгаютъ изъ дома въ домъ
Съ извѣстіемъ о его плачевной участи и какъ будто жалѣютъ о немъ!
Каково ему пробираться пѣшкомъ по городу,
Подстерегать часъ чужихъ обѣдовъ, занимать мелкія суммы,
Хвалить чужія вещи, чужія картины и чужихъ лошадей,
Угождать дуракамъ и нахаламъ, смѣяться ихъ шуткамъ,
Носить какой нибудь билье-ду отъ красавицы къ ея возлюбленному
Или, забывая весь стыдъ, изъ корыстныхъ видовъ,
Потворствовать безпутной молодежи и развращать вконецъ порочныхъ, но еще стыдящихся юношей?
Такимъ образомъ несчастный Блэни, посреди нужды и стыда,
Плелся до могилы, когда очистилось мѣсто директора въ пріютѣ,
И онъ дерзко отнесся къ распорядителю, прося этого мѣста.
Ему отвѣчали такими словоми: «Конечно, Блэни скотина,
Однако, когда-то онъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ.
Дать ему мѣсто, — только не директора, а просто жильца!»
Не имѣя никакихъ надеждъ болѣе, онъ принялъ благодѣяніе,
Не заботясь о себѣ, не умѣя молиться и жить смирно.
Скоро возненавидили его всѣ товарищи, кромѣ одной женщины,
Достойной чести назваться его сестрою.

Клэлія, урожденка мѣстечка, кончающая свой вѣкъ въ одномъ зданіи съ Блэни, была когда-то красавицей и дѣвушкой независимаго характера. Она часто ѣздила въ Лондонъ, читала стихи и романы, любила театръ и разгульную компанію, что и причинило ея гибель. Покинувъ свою родину съ какимъ-то Ловласомъ, она до своей старости перешла всѣ состоянія: одинъ годъ блистая роскошью, слѣдующій затѣмъ голодая и потомъ съизнова поднимаясь

и богатѣя. Но прошло десять лѣтъ, и перемѣны къ лучшему стали рѣже; черезъ десять лѣтъ еще блистательно-кокетливая Клэлія сдѣлалась учительницей въ школѣ, откуда скоро была выгнана за неспособность. Вслѣдъ затѣмъ устарѣлая нимфа вступила въ бракъ съ содержателемъ гостинницы и нѣкоторое время была на своемъ мѣстѣ между бутылками, служанками и веселыми гуляками, но и тутъ испортила дѣло своей заносчивостью. Мужъ умеръ, не оставивъ ей ничего, и, послѣ новыхъ неуспѣшныхъ попытокъ, Клэлія очутилась безъ копѣйки на улицахъ своего родного мѣстечка.

И тутъ-то, посреди одиночества, старости, нищеты и болѣзни,
Пришлось ей пролить первыя слезы униженной гордости.
Горьки, истинны были эти слезы; но все-таки ея жалкое себялюбіе
И посреди ничтожества искало хотя жалкаго удовлетворенія!
Пускай ея хвастливымъ разсказамъ не вѣрилъ ни одинъ слушатель,
Пусть голосъ Клэлія сдѣлался непріятенъ, а шутки ея плохи,
Пусть у нея осталось лишь одно платье (жалкое платье,
Пятьдесятъ разъ перешиваемое, и все по новому фасону!) —
Все-таки она желала, чтобъ ее видѣли: безъ этого Клэлія не умѣла жить.
Она ходила въ театры, на послѣднія мѣста, вспоминая то время,
Когда въ ея сіяющей ложѣ толпились петиметры,
И когда гдѣ нибудь давался балъ, она смѣшивалась съ толпой бродягъ,
Торчавшей у стѣны, и глядѣла вмѣстѣ съ ними въ окна,
Не переставая разсказывать, какъ и она сама когда-то танцовала на балахъ
И считалась красавицею въ старые годы!
Въ церкви показывала она на отдѣльное возвышенное мѣсто,
Говоря: «здѣсь, бывало, сиживалъ мой отецъ, когда онъ былъ мэромъ!»
Съ годами слабѣла память Клэліи. Она сбивалась въ числахъ,
Но не прекращала разсказовъ и даже ихъ украшала, безпрестанно
Примѣшивая вымыселъ къ истинѣ и хвастаясь безъ совѣсти прошлымъ величіемъ.
Такъ влачила она жизнь, пока ее не призрѣли въ пріютѣ.
Здѣсь она встрѣтилась съ Блэни, и оба подружились,
И оба беапрестанно болтаютъ между собой о прошлыхъ годахъ.
И странна бесѣда обоихъ стариковъ: они хвастаются своими пороками,
О позорныхъ дѣлахъ говорятъ со слезами наслажденія
И, не думая о презрѣнной своей жизни и о наказаніи впереди,
Скорбятъ только о прошлой порѣ и проклинаютъ настоящую свою долю.

Описавъ такимъ образомъ благотворительный пріютъ, для людей, лишенныхъ всякаго средства къ существованію, поэтъ переходитъ къ изображенію другихъ благотворительныхъ учрежденій, устроенныхъ уже не частными доброхотными лицами, но учрежденій *обязательныхъ*. Въ Англіи, какъ оно извѣстно многимъ читателямъ, всякая община, или приходъ (parish), *должна* прокармливать своихъ бѣдныхъ — постановленіе, имѣющее и свою хорошую и свои дурныя стороны. Къ числу послѣднихъ относится чрезвычайно тягостный денежный налогъ (poor-tax), развитіе нищеты (такъ какъ благотворительность *обязательная* съ одной стороны вредитъ благотворительности частной, а съ другой поощряетъ дурные инстинкты бѣднаго населенія) и, наконецъ, жосткая нечувствительность въ распредѣленіи пособій. Распорядители приходскихъ благотвореній, глядя на весь вопросъ, какъ на дѣло коммерческое, или, скорѣе, оффиціальное, заботятся только объ экономіи и о скорости дѣлопроизводства. Каждое лишнее пособіе, каждое благое дѣло, истекающее отъ сердца, кажутся разсчетомъ вреднымъ, содѣйствующимъ къ развитію праздности въ бѣдномъ сословіи. По идеѣ англійскаго филантропа-практика (а человѣку непрактичному не поручатъ приходской poor-tax), обнищавшему человѣку должно помогать, но помогать такъ, чтобы пособіе казалось ему немного лучшимъ голода: иначе лицо, питающееся черезъ благотворительность своего прихода, пріучится жить на чужой счетъ. Наши слова не должны казаться читателю преувеличеніемъ; напротивъ того, онъ долженъ принять ихъ за истинную исходную точку для уразумѣнія великобританской обязательной благотворительности. На этомъ фундаментѣ строились и теперь строятся цѣлыя системы, которыми не гнушались первые экономисты и люди крайне благонамѣренные. Система *рабочихъ домовъ*, вслѣдствіе которой каждый прихожанинъ, не имѣющій средствъ къ пропитанію, запирается въ зданіе, имѣющее всѣ признаки тюрьмы, и тамъ употребляется на занятія совершенно безполезныя *), — система, равняющая нищаго съ преступникомъ, до сихъ поръ имѣетъ защитниковъ въ Англіи, а во времена Крабба считалась единственною системой, при которой благотворительность не влекла за собой распложенія нищихъ. Всѣ здѣсь приведенныя объясненія необходимы для того, чтобъ понять смыслъ нижеслѣдующаго отрывка, въ которомъ поэтъ воз-

---

*) Ибо если обитателямъ рабочаго дома позволить работы для прибыли, дешевизна издѣлій, ими изготовленныхъ, произведетъ подрывъ работникамъ, трудящимся у себя дома.

стаетъ противъ экономическаго плана, имѣющаго цѣлью соединить всѣхъ бѣдняковъ мѣстечка подъ одну кровлю и одинаковый надзоръ.

Не нравится мнѣ ваше предположеніе: вы хотите обозначить
Каждаго нищаго, вами призрѣннаго, особеннымъ нумеромъ
И соединить ихъ всѣхъ, на всю жизнь, въ одномъ зданіи,
Огромномъ дворцѣ нищеты, ненавистномъ для каждаго изъ нихъ!
Къ чему это гигантское зданіе съ высоко воздымающейся стѣною,
Эта голая площадка для прогулокъ, эта высокая зала,
По которой эхо отдается, будто гулъ дальняго грома,
Эти громкіе часы, такъ страшно бьющіе каждый часъ,
Эти замки и желѣзныя ворота, напоминающіе крѣпость?
Не тюрьма ли ваше зданіе, тюрьма подъ другимъ названіемъ, —
Тюрьма, которой бѣдняки стыдятся и страшатся?
Пускай бѣдняка тутъ хорошо кормятъ, пускай чистый воздухъ,
И чистыя постели, и кроткій надзоръ, и всѣ удобства,
Недоступныя нищему въ его домѣ, здѣсь его ожидають.
Все это не утѣшитъ страдальца, не дастъ ему покоя,
Не примиритъ его съ жизнью въ подобной темницѣ.

Подобно жилищу смерти, этотъ домъ не терпитъ шума и веселости,
Въ немъ не могутъ собираться дѣти около своихъ родныхъ,
А между его жильцами есть старики, всю жизнь свою привыкшіе
Возиться съ дѣтьми и няньчить внуковъ, для которыхъ теперь нѣтъ къ нимъ доступа!
Развѣ не живутъ въ этомъ домѣ старухи, къ которымъ, бывало,
Вечеромъ, кончивъ свою работу, прибѣгалъ сынъ, хотя на минуту?
Иногда, не имѣя времени оставаться, онъ только стучалъ въ дверь хижины
И, сказавъ «добрая ночь!» уходилъ, обрадовавъ мать звукомъ своего голоса.
Теперь его мать живетъ у васъ, не нуждаясь; но сыну нельзя
Приходить къ ней послѣ работы и бесѣдовать съ нею!
И сколько тутъ другихъ женщинъ, отторгнутыхъ отъ семьи
И друзей своихъ, во время бесѣдъ съ которыми сама нужда забывалась!
Кто имъ разскажетъ теперь про родныхъ и родную деревню,
Кто сообщитъ имъ новость, подслушанную на улицѣ?
Съ кѣмъ будутъ онѣ говорить и дружиться? ибо на старости
Трудно сходиться съ новыми людьми, и отсутствіе людей,
Съ которыми мы росли и жили вмѣстѣ, ничѣмъ не замѣнится.

Конечно, онѣ свободны отъ заботъ о своемъ продовольствіи,
Но зато и впереди ихъ нѣтъ мѣста надеждѣ!
Грустно жить, не имѣя передъ собой ничего новаго,
Не радуясь ничему и не скорбя ни о чемъ,
И проводить дни болѣе сонные, чѣмъ ночь,
Не имѣя развлеченія или заботы и только оживляясь
Приходомъ новаго бѣдняка, смертью другого,
Посѣщеніемъ досмотрщика, прогулкой
По черной тропинкѣ вокругъ стѣны
И Богъ вѣсть какъ занесеннымъ разсказомъ
О никогда не происходившей новости или исторіи, случившейся за годъ назадъ!

Здѣсь матери, разлученныя съ дѣтьми, страдаютъ, какъ спартанки,
У которыхъ отнимали дѣтей, — только безъ всякой пользы для человѣчества.
Здѣсь честный старый бѣднякъ, благородно трудившійся, пока были у него силы,
Стоитъ на одной доскѣ съ бродягой; честное прошлое ставится ему ни во что,
Печально маячитъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ умираетъ,
Окруженный чужими людьми, болтающими около его смертнаго одра!

Нѣтъ! не такъ должны мы заботиться о страждущемъ собратѣ,
Не такъ слѣдуетъ лелѣять людей, въ жизнь свою трудившихся много!
Хорошій охотникъ, когда любимая его лошадь старѣется,
Не продаетъ ее за безцѣнокъ, но, помня ея прежнія заслуги,
Кормитъ доброе животное гдѣ нибудь на пушистомъ лугу, до конца его дней.
Старый дубъ, когда-то могучій, нынѣ почти засохшій,
Пробуждаетъ въ насъ теплое чувство состраданія.
Отчего же мы не хотимъ дать воли своему сердцу,
Когда приходится заботиться о старомъ поселянинѣ,
О матросѣ, когда-то съ пользой трудившемся, и о имъ подобныхъ?
Не лучше ли кормить ихъ тамъ, гдѣ они родились и жить привыкли,
И не тревожить ихъ старости и предоставить имъ полную возможность
До послѣдней минуты видѣть предъ собой любимыя мѣста и дорогія лица?

. . . .

Простимся съ этими бѣдняками и пойдемъ искать
Другихъ бѣдняковъ прихода, живущихъ по дальнымъ частямъ города:

Такъ какъ и блистательнѣйшія палаты имѣютъ свои грязные закоулки,
И наше мѣстечко не служитъ исключеніемъ изъ общаго правила.
По большой дорогѣ, гдѣ постоялые дворы сулятъ проѣзжему поселянину
Дешевый пріютъ и неизысканное угощеніе,
Между развалившимися заборами, сидятъ домики бѣдныхъ людей.
Тутъ не найдете вы мощеной улицы или красивой лавки,
Гдѣ бы можно было остановиться или отдохнуть.
Мутныя лужи стоятъ по дорогѣ, подходя къ самымъ строеніямъ,
Поневолѣ заставляя васъ искать брода,
За исключеніемъ иныхъ мѣстъ, гдѣ лежатъ два-три камня
Или гдѣ можно миновать лужу, ступивъ на порогъ хижины.

Сюда надо было бы заглянуть филантропамъ; но никто изъ нихъ
Не находитъ вредною всей этой нечистоты,
Этихъ лужъ, на которыхъ дѣти матросовъ спускаютъ игрушечные корабли,
Этихъ кучь сору и золы передъ каждымъ порогомъ.
Вся бѣдная флора нашего мѣстечка выказываетъ тутъ свои богатства:
Прижимаясь къ строеніямъ, густо растутъ полынь и крапива,
Репейникъ, возвышаясь на бугоркахъ мусора, кажетъ свою сѣрую зелень,
Ромашка на тощихъ стебляхъ, одуванчики и другіе цвѣты
Съ слабымъ, болѣзненнымъ ароматомъ, виднѣются повсюду.

На площадкѣ, огороженной заборомъ изъ корабельныхъ обломковъ,
Видѣнъ домикъ рыбака, весьма похожій на лодку,
Такъ же, какъ его лодка отчасти походитъ на домъ.
Всюду видны блоки, сѣти, канатъ, паруса и деготь;
По двору валяются рули, весла, куски мачтъ, клочки парусовъ,
Обломки, подобранные въ разное время на морѣ;
Тутъ же находится рыба въ кучахъ, любимая пища морехода,
Имъ самимъ пойманная и имъ же приготовленная въ пищу.
Взгляните на это длинное печальное строеніе, съ широкой лѣстницею,
Которая хорошо освѣщается однимъ огромнымъ окномъ.
Когда-то его строили для богатаго человѣка — домъ не удался
И былъ проданъ чудаку, не желавшему его перестроить.
Новый хозяинъ самъ не пожелалъ жить въ домѣ, но отдаетъ его
Въ наймы цѣлой компаніи нищихъ, бродягъ и лѣнтяевъ,
Предполагая притомъ, что дѣлаетъ дѣло очень полезное для человѣчества!

Въ просторной комнатѣ помѣщается нѣсколько семействъ и отдѣльныхъ лицъ
Всякаго пола и возраста: каждый занимаетъ мѣсто, къ которому привыкъ.
Нѣсколько промотавшихся мужчинъ, не ужившихся съ людьми,
Нѣсколько старухъ безъ пристанища, все еще говорящихъ о любви,
Много дряхлыхъ праздколюбцевъ, безъ цѣли шатающихся весь день
И людей подозрительнаго промысла, связанныхъ нуждою и пороками.

Взгляните на окно комнаты: сквозь старое стекло и масляную бумагу
Пробивается потускнѣвшій, но все таки сильный лучъ солнца
И сообщаетъ какую-то пыльную теплоту всей картинѣ,
Ложась блѣдными пятнами на полъ и противоположную стѣну.
Полъ, когда-то дубовый, испещренъ сосновыми заплатами,
И около нихъ дубовая часть пола глядитъ черно и нечисто;
Когда-то выбѣленная стѣна запятнана всѣми цвѣтами,
Не представляя только ни одного пятна бѣлаго.
Единственная дверь замыкается тяжелымъ поперечнымъ болтомъ,
Ибо жильцы комнаты иногда любятъ запираться.

На крѣпко прибитыхъ палкахъ вдоль стѣнъ видны вещи,
Не подходящія одна къ другой: куски хлѣба, колоды картъ,
Трубки и мѣшки съ табакомъ, и ниже ихъ на гвоздикѣ
Виситъ скрипка со смычкомъ — память о прежнемъ жильцѣ,
Когда-то любившемъ пляски и пѣніе и преждевременно разлученномъ съ товарищами
Своей ссылкою въ Конвиктсъ-Бэй.

Множество постелей вдоль стѣны, едва прикрытыхъ,
Которая занавѣсью, которая просто повѣшенной простынею.
На этихъ постеляхъ иной спитъ днемъ, иной ночью, какъ придется.
Сами дѣти, чуть ихъ одолѣваетъ дремота, не спрашиваясь никого,
Лѣзутъ въ свои кроватки и тамъ спятъ сколько угодно....
Такимъ же образомъ готовится и пища, въ двухъ печахъ по сторонамъ,
Около которыхъ висятъ принадлежности кухни:
Всякій жилецъ варитъ себѣ кушанье, когда придется —
Днемъ ли, ночью ли, смотря по охотѣ и средствамъ.

Надъ огнемъ, каминная доска украшена разрозненными
И поломанными остатками фарфоровой посуды.
Не одна ярко расписанная и потрескавшаяся чашка стоитъ тутъ,
Поставленная неутомимой рукой тщеславія,

Потому что и тутъ живетъ тщеславіе, и тутъ оно силится
Высказаться въ какихъ нибудь предметахъ, отрадныхъ для глаза... *)

Продолжая свое путешествіе по жилищамъ бѣдныхъ людей, поэтъ снова выводитъ передъ нами три типическихъ лица, которыя мы можемъ только слегка обозначить въ нашемъ анализѣ, боясь, чтобъ намъ не пришлось, переходя отъ хорошаго этюда къ другому столь же замѣчательному, перепечатать всей поэмы. Первое изъ сказанныхъ лицъ — слѣпая вдова *Элленъ Орфордъ* — служитъ олицетвореніемъ честной и твердой женской натуры, падающей передъ несчастіемъ, но только за тѣмъ, чтобы снова подняться и примириться съ жизнью, не теряя своего достоинства. Всевозможныя бѣдствія постигали бѣдную женщину: мужъ ея умеръ, оставивъ ей огромное семейство и дочь-идіотку, изъ сыновей ея одинъ утонулъ въ морѣ, а другой сдѣлался преступникомъ и былъ казненъ; наконецъ, когда Элленъ завела школу и стала добывать себѣ честный достатокъ, зрѣніе ей измѣнило, и старухѣ пришлось отказаться отъ своихъ занятій. Разсказъ слѣпой женщины ведется отъ ея собственнаго лица и дышетъ великой теплотою. Его не мало украшаютъ отступленія самого поэта, разсказывающаго читателю, до какой степени бѣдствія, ежедневно встрѣчаемыя, и страсти повседневныя значительнѣе страстей и бѣдствій, придуманныхъ романистами или поэтами. **)

---

*) Мы не знаемъ во всей нашей поэзіи болѣе полнаго и художественнаго описанія, какъ тотъ эпизодъ «Мѣстечка», въ которомъ Краббъ изображаетъ внутренность стараго дома, отдаваемаго въ наймы разнымъ нищимъ и бродягамъ. Ни одинъ фламандскій художникъ не рисовалъ своей картины яснѣе и отчетливѣе. («Эдинбургское Обозрѣніе» 1809 года.)

**) Когда-то и я (говоритъ Краббъ) отдавалъ мои слезы и мои шесть пенсовъ
За героинь романа, за цвѣтистыя повѣствованія объ ужасныхъ бѣдствіяхъ.
Я переходилъ отъ книги къ книгѣ, отъ героя къ герою и гонялся за тѣнью тѣни.
Какъ плѣняли меня вѣрные любовники, красавицы, заточенныя въ замкахъ,
Бандиты въ лѣсу и помощь, приспѣвающаго вовремя!
И сколько разъ, въ зимнюю ночь, при лунѣ, бродилъ я по стѣнамъ старыхъ замковъ!
О, старый замокъ, съ полуразрушенною восточной башнею,
Ужасъ поселянина, свидѣтель ужасныхъ дѣлъ!
Сколько страховъ видѣли его стѣны: на полу еще видны пятна, —
Пятна крови, до сихъ поръ не смытой....
Съ какимъ глухимъ стономъ вѣтеръ воетъ по длинной залѣ,
Затягивая музыку, любимую мертвецами.... И вотъ, въ часъ полночи,
Показывается бѣлая прекрасная женщина, призванная для открытія преступленій....
. . . .

Слѣдующій бѣднякъ, *Абель Кинъ*, есть лицо столько же жалкое и слабое, сколько Эллепнъ Орфордъ тверда и достойна уваженія. Въ этомъ человѣкѣ сидитъ душа старой глупой бабы, и несчастія его не трогательны, но презрительны. Молодость свою онъ провелъ тихо и скромно, сперва школьнымъ учителемъ ватаги звонко кричащихъ, непокорныхъ мальчиковъ, а потомъ писцомъ въ купеческой конторѣ, гдѣ бесѣда и примѣръ франтиковъ-писарей совершенно невернули его слабую голову. На старости лѣтъ Абель связался съ волокитами, сшилъ себѣ красный камзолъ, надѣлъ парикъ, шпагу и треугольную шляпу, сталъ корчить беззаботнаго весельчака *), водить дружбу съ блестящей молодежью и кончилъ тѣмъ, что сперва промотался, а потомъ впалъ въ меланхолію.

Не таково послѣднее лицо изъ числа трехъ, о которыхъ здѣсь говорится. *Питеръ Граймсъ*, сынъ рыбака и самъ рыбакъ, принадлежитъ къ числу сумрачныхъ типовъ, какіе только могутъ отыскаться въ приморскихъ полузаброшенныхъ городахъ, посреди природы грозной и неприветливой, между населеніемъ, мало смягченнымъ осѣдлою жизнію **). Еще мальчишкой Питеръ былъ золъ,

---

Теперь я иначе думаю и вмѣсто воображаемыхъ страданій
Нахожу болѣе полезнымъ знакомиться съ страданіями истинными....
Я не сочувствую испытаніямъ, за которымъ идетъ счастливый бракъ....

*) Абель началъ свою новую, смѣлую карьеру,
Какъ мальчики, катающіеся по лѣсу, со страхомъ и удовольствіемъ,
И хотѣлось ему веселиться, и боялся онъ своего удальства,
Неловкимъ шагомъ ступая по порочному пути и стыдясь своей неловкости,
Жаждая, чтобъ товарищи его одобрили, и стыдясь ихъ одобренія,
Конфузясь передъ сценами, такъ новыми для его лѣтъ и его слабости,
И послѣ всякаго недостойнаго дѣла ужасаясь всего только что сдѣланнаго....

Вотъ еще отрывокъ изъ увѣщаній сестры Абеля:
Прощай, братъ, поступаю въ число бѣдныхъ, призрѣваемыхъ приходомъ,
Затѣмъ, чтобъ молиться....
Объ одномъ тебѣ стану я плакать, бѣдная, заблудшаяся овца!
Молодость можетъ падать: ей есть время на то, чтобъ подняться
Но унизившій себя старикъ никогда не подыметъ своей головы!
Разбитое грозой и поваленное вихремъ на землю,
Юное дерево можетъ еще жить, благодаря почвѣ и солнцу;
Но когда сухой и старый пень опрокинутъ,
Ни заботой, ни удобреніемъ его не заставишь роста, -
И годна лишь къ сожженію никуда не годная карга!

**) Жаднымъ глазомъ онъ глядѣлъ на чужой достатокъ,
Не признавалъ правосудія и смѣялся надъ закономъ,
На все попавшееся тянулся онъ съ готовой рукою,
Ловилъ рыбу въ морѣ и дѣлалъ воровства на сухомъ пути.

непокоренъ и даже поднималъ руку на своего отца; послѣ смерти старика, онъ взялъ къ себѣ изъ города одного бѣднаго мальчика и обходился съ нимъ такъ жестоко, что ребенокъ вскорости умеръ. Въ сосѣднихъ селеніяхъ стали поговаривать, что Граймсъ замучилъ мальчика побоями или работой не по силамъ; нашлись старухи, слыхавшія своими ушами крики и плачь дитяти въ разное время. Но люди легкомысленны, забывчивы, и злому рыбаку исторія прошла безнаказанно. Второго мальчика нанялъ Питеръ, и опять случилась бѣда: ребенокъ былъ найденъ въ сажелкѣ для рыбы утонувшимъ. Граймсъ самъ будто жалѣлъ бѣднягу, и ему опять удалось добыть новаго маленькаго работника, который тоже недолго съ нимъ пожилъ, но, по словамъ Граймса, упалъ съ лодки въ море, во время сильнаго волненія.

Тутъ уже правосудіе не могло молчать. Всѣ жители мѣстечка открыто обвиняли Питера; но концы были схоронены, доказательствъ никто не могъ представить. Мэръ отпустилъ злого рыбака съ грознымъ увѣщаніемъ, строго запретивъ ему нанимать себѣ въ помощь юношей несовершеннолѣтнихъ или неспособныхъ отвѣчать на его жестокость по заслугамъ.

Никто, однакожь, не нанимался ко всѣмъ ненавистному Питеру, и положеніе одинокаго злодѣя, посреди меланхолически грозныхъ картинъ моря, изображено поэтомъ съ ужасающей вѣрностью. Мы слѣдимъ за мрачнымъ Питеромъ и за его безотрадными мечтами, видимъ его на печальномъ берегу, едва оживленномъ кое-гдѣ группами чахлыхъ деревьевъ, наблюдаемъ, какъ онъ закидываетъ свои сѣти въ часъ прилива или, сидя одинъ у моря, въ ту пору, когда волны отходятъ объ берега, глазомъ окидываетъ всю картину. Теплая волна тихо уходитъ къ другимъ волнамъ, оставляя за собой раковины, вертлявыхъ маленькихъ угрей и слизняковъ, медленно влачащихся за нею; морскія птицы съ рѣзкими криками носятся надъ болотомъ. Всюду безграничный просторъ, одиночество, мысль о вѣчности. По берегу лежатъ три мѣста, около которыхъ Граймсъ ходитъ неохотно: если ему случает-

---

Часто Граймсъ бросалъ весла и, причаливъ лодку къ берегу,
Пробирался по ночамъ вдоль заборовъ;
Часто шелъ онъ назадъ съ мѣшкомъ овощей и плодовъ
Или съ другимъ добромъ, украденнымъ гдѣ нибудь на фермѣ,
И чѣмъ больше дѣлалъ онъ недобрыхъ дѣлъ,
Тѣмъ рѣшительнѣе глядѣлъ онъ на людей и признавалъ ихъ врагами.
Изъ глины выстроилъ онъ себѣ землянку и тамъ иногда спалъ,
Охраняя неправдою добытый достатокъ....

ся проходить поблизости ихъ, онъ кидаетъ вокругъ себя робкіе взгляды и громко свищетъ, чтобъ отогнать злыя воспоминанія.

Питеръ сходитъ съ ума и умираетъ посреди ужасныхъ видѣній, безсознательно сознавшись въ своихъ преступленіяхъ. Нечего говорить о томъ, до какой степени естественно приходитъ катастрофа, какъ понятно помѣшательство въ злодѣѣ, обреченномъ на одиночество, посреди картинъ грустной, но величавой природы.

Два письма поэмы: «Госпитали» и «Тюрьмы», отличаются обычными красотами, которыхъ родъ, какъ мы надѣемся, уже хорошо знакомъ читателю *). Одного только мѣста въ послѣднемъ письмѣ мы не можемъ оставить безъ перевода: такъ велика его сила и такъ безчисленны въ каждой словесности ему подражанія. Это — ночь приговореннаго къ смерти преступника. Особы, восхищавшіяся замѣчательною книгой В. Гюго «Le dernier jour d'un condamné» могутъ съ пользой для себя увидѣть, что сдѣлалъ съ подобною темою немногорѣчивый Георгъ Краббъ, за много лѣтъ до французскаго писателя.

Ему не оставалось надежды. Милосердіе не можетъ снизойти
До такой глубины преступленія: нельзя простить такого злого дѣла!
Онъ остановилъ робкаго прохожаго, съ проклятіемъ приставилъ
оружіе къ его груди!

---

*) Долгомъ считаемъ, однако же, перевести для любителей эпизодъ изъ «Госпиталей», заключающій въ себѣ изображеніе выздоравливающаго паціента:

Смотрите, вотъ идетъ оправляющійся больной, которому дозволено сегодня
Погулять и подышать свѣжимъ воздухомъ одинъ только часъ.
Изъ двухмѣсячнаго заточенія, съ лихорадкой, бредомъ и страданіями,
Онъ вышелъ наконецъ и чувствуетъ, что живъ еще.
Еще весной привезли его въ больницу и онъ помнитъ
Какъ тогда шелъ снѣгъ и, падая, таялъ на его лицѣ.
А теперь уже лѣто! Всѣ предметы глядятъ свѣжо и весело,
Улыбаясь зрителю и заставляя его улыбаться.
Какъ онъ поминутно останавливается, не желая подвигаться впередъ,
Не насмотрѣвшись досыта и не кинувъ еще нѣсколькихъ взглядовъ!
Съ какой простодушной радостью любуется онъ на стадо барановъ посреди луга,
Съ какимъ состраданіемъ смотритъ онъ на больныхъ, съ нимъ гуляющихъ!
Какъ тепло и отрадно на его сердцѣ! сколько въ немъ любви и благодарности!
Онъ, конечно, не слыхалъ про злого Кесаря, хотѣвшаго, чтобъ у всѣхъ римлянъ
Была одна шея, для того, чтобъ ее перерубить;
Но желаніе, нѣсколько сходное съ этимъ, волнуетъ и нашего больного:
Онъ хотѣлъ бы, чтобъ всѣ англичане, его соотечественники (далѣе, конечно, не
идетъ его простодушное желаніе),
Имѣли одну правую руку, чтобъ онъ могъ, схвативъ ее, пожать крѣпко, отъ всей
души....

Онъ заслужилъ смерть. Можно ощущать къ нему жалость;
Но простить такого преступника значитъ вредить человѣчеству.

И его способности будто скованы, какъ члены.
Онъ шагаетъ по своей узкой кельѣ, думая только объ одномъ;
Чувства ему не служатъ, будто пораженныя параличемъ.
Отвѣдавъ пищи, онъ отходитъ со вздохомъ, говоря: «довольно; она хороша».
Глядя передъ собой, онъ не видитъ ничего, уши худо слышатъ.
Увидя его въ первый разъ, я подумалъ, что преступникъ
Или стыдится моего прихода, или на меня гнѣвается.
Я ошибался, я не зналъ, что слабѣйшія страсти человѣка
Всѣ исчезаютъ передъ отчаяніемъ...

Черты лица его измѣнились и стали страшны,
Голосъ осужденнаго сдѣлался похожъ на стенаніе.
Въ пищѣ не находитъ онъ никакого вкуса, но, кончивъ обѣдъ,
Разсчитываетъ, что ему уже немного разъ придется обѣдать,
Ибо страшное ожиданіе грызетъ его душу,
И человѣкъ всегда съ напряженіемъ глядитъ впередъ, какъ передъ радостью, такъ и передъ казнью!

Такъ и во снѣ впечатлѣнія дня при немъ остаются:
Слышитъ онъ чтеніе приговора и чувствуетъ холодъ надѣваемой цѣпи,
Видитъ передъ собой судью и присяжныхъ и, весь дрожа,
Съ крикомъ: «я не виноватъ!» пробуждается въ трепетѣ.
И ощущеніе мертваго холода ползетъ по членамъ,
Пока истощенный организмъ не подвергается въ новый сонъ.

Опять прежнія грёзы, опять картины ужаса,
Самое преступленіе и за нимъ приходъ предъ судилище.
Вокругъ него, сзади и спереди, волнуется толпа зрителей.
Иные изъ нихъ, безчувственные, дико кричатъ, другіе жалѣютъ, но всѣ осуждаютъ.
Съ завистью преступникъ глядитъ на этихъ свободныхъ людей...
Вотъ и мѣсто казни, ужасъ, ожиданіе и смертная жажда,
И священникъ возлѣ, котораго онъ зналъ въ лучшее время своей жизни.

И при видѣ духовника страшная картина померкаетъ:
Осужденный, съ наслажденіемъ видитъ свое родное село,
Домъ и комнату, гдѣ онъ когда-то молился на колѣняхъ,
Гдѣ жило веселье, гдѣ шли дни безпечной невинности.
Передъ нимъ тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ онъ взялъ за руку
Робкую дѣвушку, слушавшую его разсказы...

Все, все опять къ нему вернулось: свѣтлыя надежды въ будущемъ,
Милая улыбка Фанни; любимая сестра, дорогой товарищъ дѣтства...
Сладко текутъ лучшія минуты жизни, и природа глядитъ краше
прежняго...
Но дорогѣ, обсаженной кустами, идутъ они всѣ на зеленый лугъ,
Пробѣгаютъ его, рѣзвясь и заигрывая другъ съ другомъ.
Далѣе, за лугомъ, раскидывается поляна пурпуроваго вереска;
Надъ яркими его цвѣтами носятся жужжащія пчелы.
Нарвавъ цвѣтовъ, компанія друзей идетъ далѣе, по песку,
Покрытому жидкой травой и другими цвѣтами-карликами.
По грубо-устроенному мосту они переходятъ шумящій ручей
И видятъ передъ собой заливъ Океана, улыбающійся на солнцѣ.
Тихо вздуваются мелкія волны, опускаясь тихо;
Корабли плывутъ въ отдаленіи, и барки тянутся вдоль берега...

И вотъ по песку забѣгали обѣ дѣвушки, почти касаясь воды
Маленькими ножками и сами робѣя своей смѣлости.
Онѣ собираютъ круглые красные камни, выкинутые приливомъ,
Перламутровыя раковины и морскія звѣзды *) рубиноваго цвѣта —
Морскіе дары, приносящіе счастіе, которыми такъ весело
Убирать каминъ своей комнаты, стоя передъ огнемъ.
И вдругъ *она* вскрикиваетъ: «Боже мой! волна идетъ за мной!
Эдвардъ! помоги, помоги мнѣ!» И онъ бросается съ крикомъ...
Увы! сторожъ отворяетъ дверь осужденнаго, и съ нимъ вмѣстѣ
Входятъ къ нему дѣйствительность, ужасъ и дневной свѣтъ!

Послѣднее письмо поэмы «Школы» достойнымъ образомъ заканчиваетъ все произведеніе. Утомивъ насъ рядомъ печальныхъ или страшныхъ картинъ, непосредственно идущихъ одна за другою, Краббъ будто самъ чувствуетъ, что читателю необходимо успокоиться на отрадныхъ или, по крайней мѣрѣ, тихихъ картинахъ. И вотъ передъ нами выступаютъ пріюты учености и дѣтскихъ игръ, юношеской бойкости и стариковскаго педантизма, міръ начинаній, первой дружбы и перваго труда, — міръ, знакомый всякому и дорогой всякому. Передъ читателемъ проходятъ старые люди, посвятившіе жизнь воспитанію дѣтства, женщины-наставницы, шумливые мальчики и задумчивыя дѣвочки со своими книжками. Что можетъ быть вѣрнѣе и привлекательнѣе этого портрета честной и достойной начальницы школы:

---

*) Star-fish.

Изощреннымъ умомъ она угадываетъ будущія способности дѣтей,
И я не знаю болѣе вѣрнаго судьи дѣтскихъ дарованій.
Для нея ясны слабыя мерцанія ума, вкуса, фантазіи;
Она знаетъ, что̀ пройдетъ у дитяти и съ чѣмъ оно останется,
И, не довѣряя быстрымъ способностямъ, часто разгадываетъ въ образцовомъ ученикѣ
Будущаго пустого весельчака или болтливаго праздиолюбца.

Долго прожила она на свѣтѣ и любитъ слѣдить зорко
За свѣтскимъ путемъ своихъ бывшихъ учениковъ.
Иныхъ видитъ она въ мантіяхъ сановника
И подсматриваетъ гордость, противъ которой когда-то боролась;
Иногда къ ней приходитъ почтенный гражданинъ, тихій, важный и любезный,
Который когда-то читалъ худо, былъ глупъ, упрямъ и самонадѣянъ.
Года сгладили съ него часть прежнихъ недостатковъ;
Но не скроются они отъ зоркаго глаза, когда-то за ними слѣдившаго.
Зато воспитательница не отчаявается въ иныхъ людяхъ,
Повидимому, погибшихъ, запутанныхъ и всѣми презираемыхъ,
Зная, что въ глубинѣ ихъ души таились добрыя начала:
Она не перестаетъ надѣяться и ждетъ другого времени...

Далѣе надобно указать на дѣвочку, только что поступившую въ женскую школу, за городомъ, въ большое, пустое, закрытое отъ всѣхъ строеніе:

Здѣсь нѣжная дѣвочка, обожаемая въ своемъ семействѣ,
Только что прожившая нѣсколько грустныхъ дней съ того дня,
Какъ пришлось ей проститься съ своей мамашей,
Безпрестанно глядитъ на дорогу, и все ей кажется,
Что застучали колеса экипажа, и она слушаетъ, глотая слезы.
Какъ все ново вокругъ! Сколько большихъ и маленькихъ дѣвицъ!
И всѣ онѣ кажутся злы, какъ и начальница, какъ и учителя!
Какъ не по сердцу ей ихъ смѣхъ, приказанія, даже участіе!
Отъ всего бѣдняжкѣ приходится плакать или вдругъ посреди слезъ сердиться!
Какъ невкусенъ столъ и какъ трудно спать
На жесткой, узенькой постели, гдѣ можно только плакать напролетъ ночи!
Самое состраданіе подругъ такъ обидно!... Но дни проходятъ,
И медленно, медленно дитя начинаетъ примиряться съ своей жизнью...

Позволимъ себѣ послѣднюю выписку — описаніе школы для маленькихъ ребятишекъ:

На молчаливой улицѣ, вдалекѣ отъ городского шума,
Вдалекѣ отъ набережной и рынка, высится просторное зданіе.
Подходя къ нему, вы поражены страшнымъ шумомъ изъ дома
И догадываетесь, что тутъ учатся не тихія дѣвочки.
Для одного начальника школы шума не существуетъ: тридцать лѣтъ
Сидитъ онъ невозмутимо, уши его приладились къ гвалту,
Онъ можетъ думать и заниматься посреди этого содома;
Посреди вѣчныхъ перемѣнъ и нескончаемаго движенія
Сидитъ онъ...

. . . .

Кончены занятія дня! Съ радостными криками
Вскочивши съ мѣстъ, летитъ на лугъ веселая толпа,
Думая только о томъ, что сегодняшнія заботы покончены.
Мальчишки кидаются играть, и тутъ-то высказывается
Характеръ каждаго, не скрытый никакимъ принужденіемъ...

Вотъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ, бродитъ ребенокъ,
Рано привыкшій не давать воли глазамъ и языку.
Робкій, подозрительный не по лѣтамъ, онъ не затѣетъ ссоры,
Не попадется въ шалости, не соединится дружбой ни съ кѣмъ.
Зато вся школа состоитъ изъ его должниковъ.
Онъ жаденъ и скупъ. Смотрите, какъ глядитъ онъ
На плоды и лакомства, поставленные на продажу.
Въ карманѣ его есть деньги, аппетитъ великъ;
Но денегъ жаль тратить: лакомство — дѣло минутное!...
Другой, неразумный мальчикъ прибѣжалъ и купилъ плодовъ:
Не лучше ли поживиться около него? Моты отличаются щедростью.

Этимъ изображеніемъ великобританскаго Чичикова мы покончимъ нашъ анализъ «Мѣстечка», предоставляя читателю самому вывести заключенія о достоинствахъ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ недостаткахъ Краббовой поэмы.

IX.

Повѣсти въ стихахъ — Старая и современная критика въ отношенія къ Георгу Краббу. — Анализъ повѣстей: «Онѣмѣвшіе Ораторы». — «*Часъ Разлуки*». — «Джентльменъ-Мызникъ». — «*Промедленія*». — «*Покровитель*». — «Быстрое Сватовство». — «Разсказъ Вдовы». — «Мать». — «Арабелла». — «*Поѣздка Влюбленнаго*». — «Эдвардъ Шоръ». — «Сквайръ Томасъ». — «*Джесси и Коленъ*». — Отзывы критиковъ.

Четвертымъ капитальнымъ произведеніемъ поэта нашего были «Повѣсти въ стихахъ» (Tales in verses), изданныя имъ въ іюлѣ 1812 года. Все твореніе, посвященное Изабеллѣ, вдовствующей герцогинѣ Рутлендской, заключало въ себѣ *двадцать-одинъ* разсказъ; всѣ разсказы были взяты изъ простой жизни. Читатель, какъ мы надѣемся, уже достаточно знакомъ съ нашимъ собственнымъ воззрѣніемъ на сущность Краббовой поэзіи: оттого въ предстоящемъ анализѣ повѣстей мы не станемъ утомлять его частыми отступленіями. Простота всей книги понятна безъ словъ нашихъ. Лучшія ея красоты, мы, по возможности, сохранимъ, съ помощію подстрочнаго перевода; для показанія же того, какъ понимали Крабба современные ему цѣнители, мы будемъ, въ примѣчаніяхъ къ тексту, сообщать отзывы главныхъ критиковъ того времени. Хотя полная добросовѣстность приговоровъ и не могла назваться постоянной цѣлію старой англійской критики, но въ отношеніи къ автору «Повѣстей» критика эта вела себя непогрѣшимо. Краббъ держалъ себя вдалекѣ отъ всѣхъ партій, какъ политическихъ, такъ и литературныхъ, онъ не работалъ ни въ одномъ обозрѣніи, не зацѣплялъ никого, былъ старъ и покоенъ, да сверхъ того всюду былъ уважаемъ за честную жизнь свою, полную благихъ дѣлъ всякаго рода. Оттого-то, какъ намъ кажется, критика прежняго времени, наперекоръ всѣмъ ожиданіямъ, глядѣла на Крабба умнѣе, нежели глядитъ на него современная намъ критика, зараженная не одною ложною теоріею. Боги новаго великобританскаго Олимпа, Теннисонъ и Вордсвортъ, пользуются настоящимъ величіемъ только вслѣдствіе нетерпимости своихъ жрецовъ и поклонниковъ. Для того, чтобъ подобныхъ поэтовъ признавать поэтами натуральными, чтобъ изображаемую ими жизнь признавать жизнью дѣйствительною, надобно что нибудь одно: или не знать о существованіи Георга Крабба, или преднамѣренно отворачиваться отъ этого писателя. Критики новой школы дѣлаютъ послѣднее, отвертываясь отъ всего вопроса съ помощью похвалъ пышныхъ, но голословныхъ. Нынѣ въ Англіи Краббъ считается классическимъ

писателемъ, о немъ говорятъ, какъ о великомъ поэтѣ; но противопоставить его музу музамъ пѣвцовъ, теперь восхваляемыхъ, никто еще не рѣшается. Но время сравненія и реакціи не далеко, и мы вполнѣ вѣримъ, что вліяніе Крабба на англійскую словесность только что начинается. Оттого всѣхъ людей, сочувствующихъ движенію новой европейской словесности, мы просимъ помнить нашъ анализъ Краббовыхъ произведеній: для подобныхъ читателей мы преимущественно стараемся быть полными и отчетливыми.

Повѣсть первая: «Онѣмѣвшіе ораторы». «Эта повѣсть, говоритъ Джеффри, не совсѣмъ разсчетливо поставлена авторомъ въ началѣ своего «Собранія». Содержаніе ея представляетъ интересъ до того слабый, что можетъ удержать поверхностнаго читателя отъ знакомства съ другими повѣстями. Но выполнена она въ совершенствѣ. Поэтъ желаетъ показать ею, что смѣлость, бойкость, могущество каждаго оратора заключаются не столько въ немъ самомъ, сколько въ слушателяхъ, ему сочувствующихъ. На сценѣ два клубныхъ говоруна: педантическій, строгій, повелительный судья *Больтъ*, онѣмѣвшій въ собраніи болтуновъ, враждебно къ нему расположенныхъ, и его противникъ, испытавшій ту же бѣду въ собраніи друзей Больта. Характеръ этого послѣдняго есть типъ провинціальнаго диктатора.»

Отрывокъ изъ этой повѣсти (изображеніе индѣйскаго пѣтуха, нападающаго на маленькую собачку) помѣщенъ въ 4 главѣ нашего этюда.

Повѣсть вторая: «Часъ разлуки». Подъ деревомъ отдыхаютъ двое старыхъ людей: спящій мужчина и женщина, поглядывающая на него дружески задумчивымъ взглядомъ. Она ему ни жена, ни сестра, его имя не ея имя, родства между ними нѣтъ никакого; но дружба ихъ велика и никогда не нарушится. Никто не можетъ сказать дурного слова о ихъ жизни, а между тѣмъ, они живутъ вмѣстѣ, помогая другъ другу, дѣля между собой маленькія удобства существованія и мирно готовясь къ своему послѣднему часу.

У честнаго *Давида Бутса*, много времени тому назадъ, родился четвертый сынъ, котораго назвали *Олленомъ*. Ребенка любили всѣ сосѣди. Онъ росъ бойкимъ и ловкимъ мальчикомъ; нравъ его всегда отличался веселой смѣлостью и счастливой предпріимчивостью. Съ дѣтскихъ лѣтъ Олленъ привязался къ хорошенькой сосѣдкѣ-дѣвочкѣ, и красивая пара всегда играла вмѣстѣ.

Въ школѣ дѣти учились вмѣстѣ, и маленькій рыцарь храбро защищалъ свою даму отъ постороннихъ шалуновъ. Любовь ихъ выросла съ годами; съ годами молодые люди стали задумчивѣе, стыдливѣе, осторожнѣе. Никто не мѣшалъ ихъ привязанности

сперва не стоило разрушать любовь ребятишекъ, потомъ она и сама не разрушилась бы ни отъ чего на свѣтѣ, да и не зачѣмъ было вредить Юдиѳи и Оллену: такъ чисты были ихъ отношенія.

О женитьбѣ, однако, думать не приходилось, ибо и женихъ и невѣста не имѣли ровно ничего за душою. Вдругъ приходитъ изъ Вестъ-Индіи вѣсть отъ далекаго родственника Бутсовъ, тамъ поселившагося и давно разбогатѣвшаго. «Если какой нибудь парень изъ моей фамиліи рѣшится ко мнѣ пріѣхать и жить со мной, я, какъ старый холостякъ, отдамъ ему свое состояніе.» Братья Оллена отклонили предложеніе, боясь моря и разлуки съ родиной; но нашему влюбленному улыбалась мысль о путешествіяхъ. Надо же было чѣмъ нибудь кончить! Юдиѳь согласилась на его планъ, и родители Оллена, нехотя, дали ему согласіе.

Наступилъ прощальный день. Давно уже на якорѣ, въ виду стоялъ корабль,
И матросы на лодкѣ еще съ вечера прибыли за Олленомъ.
Юноша провелъ все утро съ родными, кромѣ послѣдняго часа, —
Грустные, сердце сжимающіе часы нашего существованія!
Старикъ отецъ, притворяясь веселымъ, подчивалъ всѣхъ виномъ.
Мать пристально глядѣла на уѣзжающаго сына,
Думая въ душѣ: «не перемѣнитъ ли онъ своего намѣренія, пока еще время?»
Маленькая сестра, уцѣпившись за каѳтанъ Оллена,
Съ плачемъ умоляла помедлить хоть еще немного.
Не могъ онъ ее послушаться: Юдиѳь ждала на берегу,
Чтобы проститься съ нимъ, — можетъ быть, навсегда проститься!
Тихо плача, вѣрная и неизмѣнная, она стояла у моря,
На полосѣ песку, обнаженной морскимъ отливомъ;
Взявшись за руки, медленно пошли вдоль берега наши влюбленные,
Наслаждаясь сладкими минутами и боясь пугать другъ друга грустнымъ словомъ.

Юдиѳь пытается дать нѣсколько совѣтовъ жениху, уговариваетъ его беречься чужихъ красавицъ и помнить о ней посреди всѣхъ искушеній бродячей жизни. Олленъ въ свою очередь проситъ дѣвушку, чтобъ она угождала его матери и терпѣливо сносила капризы старушки. Во время разговора имъ кажется, что лодка уже подъѣхала за Олленомъ; но это одинъ обманъ слуха и сердца. Разговоръ снова начавшись, во второй разъ прерывается — увы! — дѣйствительнымъ пріѣздомъ лодки. Слѣдуетъ прощаніе и одинокій плачъ бѣдной невѣсты.

Такъ разстались любовники, полные юности и надежды.
И дни Юдиѳи долго проходили въ задумчивости, не лишенной отрады.
Но скоро ли вернулся юноша? Не юношей вернулся Олленъ,
Не счастливымъ молодымъ человѣкомъ прибылъ онъ обратно къ родным мѣстамъ:
Сорокъ лѣтъ прошло, и по прошествіи сорока лѣтъ
Очутился на пристани старый, сгорбленный путникъ,
Много терпѣвшій въ жизни и мечтавшій только о томъ,
Чтобы лежать въ землѣ рядомъ со своими, на родномъ кладбищѣ!
Въ ясный осенній вечеръ Олленъ вышелъ съ корабля на берегъ
Одинъ-одинехонекъ и молча остановился у пристани,
На самомъ мѣстѣ своего послѣдняго прощанья съ родными и съ Юдиѳью!
Тутъ когда-то стояли отецъ съ матерью; тутъ милая дѣвушка,
Дрожа и глотая слезы, тихо отходила отъ моря
Все ожило передъ путникомъ, все освѣжилось въ его памяти,
И грустно понеслась его душа къ воспоминаніямъ и картинамъ прошлаго.
Ни души не было у пристани; на водѣ качался тихо
Одинъ только ботъ, оставленный экипажемъ до утра.
На черной кормѣ его нѣжно игралъ лучъ мѣсяца;
Спущенный передній парусъ изрѣдка шелестилъ въ тѣни.
Все было тихо на берегу; только изъ города
Доносились тяжелые звуки отдаленнаго колокола.
Тамъ и сямъ, въ окнахъ высокихъ домовъ загорѣлись огни,
И посреди своихъ воспоминаній старикъ сказалъ самъ себѣ:
«Тутъ жилъ я; здѣсь былъ домъ моей милой дѣвушки!
Неужели всѣ мои умерли?.. Мнѣ не подъ силу ждать!»
И нетерпѣливо пошелъ онъ къ городу, торопясь, но все-таки не имѣя силы идти скоро.
Въ это время раздался веселый шумъ около него, и толпа
Возвращавшихся матросовъ, окруженныхъ родными, съ нимъ встрѣтилась.
Напрасно силился Олленъ различить знакомое лицо
Между людьми, радушно кричавшими ему: «откуда ты, пріятель?»
Наконецъ онъ обратился къ престарѣлой женщинѣ, говоря:
«Живы ли *Бутсы?* Тутъ онъ задрожалъ.—Нѣтъ ли у васъ старика
«Давида Бутса по имени? *Флемминги* когда-то здѣсь жили
«И дѣвушка въ ихъ семьѣ — Юдифь? Ужели и ее не помните?»

Печальная вѣсть доходитъ до Оллена. Родные его перемерли,
Юдиѳь, десять лѣтъ послѣ его отъѣзда остававшаяся въ дѣвушкахъ,

вышла замужъ и овдовѣла; никто па родинѣ не помнитъ Оллена и сама Юдифь живетъ не на старомъ мѣстѣ, а гдѣ-то по сосѣдству. Дальніе родственники не узнаютъ стараго матроса, и ему грозитъ печальная участь, когда старушка Юдифь, при извѣстіи о возвращеніи бѣдняка, является въ городъ. Прежніе любовники встрѣтились со слезами. Время и горя, погасивъ пламень любви, однако же, не разлучили ихъ сердецъ. Олленъ не имѣлъ пріюта, Юдифь была совершенно свободна; они условились поселиться вмѣстѣ и до могилы не разставаться. Когда чувства обоихъ стариковъ успокоились, Олленъ разсказалъ бывшей невѣстѣ всю запутанную исторію своихъ странствованій и несчастій. Корабль, на которомъ отъѣзжалъ онъ изъ родной гавани, былъ взятъ испанцами. Оллена отвезли въ Южную Америку, гдѣ онъ работалъ въ рудокопняхъ, у суроваго хозяина, который съ годами смягчился къ чужеземцу и возвысилъ его надъ другими работниками. Потерявъ надежду вернуться домой, женихъ Юдифи вступилъ въ бракъ съ испанской дѣвушкой, обзавелся семействомъ и даже пріобрѣлъ состояніе, навлекшее на него гоненіе жадныхъ правителей области. *). Принужденный оставить и семейство и все свое состояніе, Олленъ задумалъ вернуться на родину; но судьба еще не перестала его преслѣдовать. Война продолжалась, флотъ нуждался въ матросахъ; у самыхъ родныхъ береговъ бѣднаго морехода захватили на военный корабль, и снова начались для Оллена года странствованій, битвъ, лишеній и безнадежности.

Всѣ эти разсказы слушала старушка Юдифь, часто роняя слезу и пугаясь при изображеніи какой нибудь кровопролитной схватки. Охотно сообщалъ ей Олленъ свои похожденія, но часто, посреди разговора, глубоко задумывался, воображеніемъ уносясь въ иной край и подъ другое небо. И часто во снѣ онъ произноситъ незнакомое имя, и заботливая Юдифь удивляется, наблюдая за порывами любящей души, стремящейся къ прошлому.

Честно исполняетъ она свою должность друга и помощницы,
Заботливость ея неусыпна, и теперь, когда ея другъ спитъ подъ тѣнью,
Юдифь внимательно смотритъ, чтобы лучи солнца не перешли на его сторону,
Или, задумавшись, сидитъ у ногъ своего Оллена.

---

*) Исторія Оллена внушена была поэту приключеніями его родного брата моряка Вилліама Краббе, о которомъ говорили мы въ первой главѣ нашего труда.

А гдѣ его душа въ это время? конечно, тамъ, гдѣ прошли его лучшіе дни,
Посреди ярко блестящей зелени, пересѣченной множествомъ ручьевъ,
Гдѣ каждое дуновеніе вѣтра приноситъ проницательный ароматъ изъ сосѣдней долины,
Гдѣ фосфорная муха сверкаетъ, какъ метеоръ, въ густой листвѣ
Или горитъ на травѣ, будто брошенный на нее драгоцѣнный камень.
Во снѣ щоки Оллена радостно краснѣютъ, ибо ему грезится,
Что онъ, улыбаясь своей Изабеллѣ, слушаетъ пѣніе ночной птицы,
Что сумерки сгущаются по долинѣ, что его ребятишки
Весело бѣгаютъ вокругъ родителей, обгоняя другъ друга.
И отъ воображаемаго блаженства Олленъ спитъ тревожнѣе.
Юдифь кладетъ работу въ сторону и глядитъ на него внимательнѣе,
И старикъ вдругъ просыпается отъ своей долгой дремоты,
И поднимаетъ голову, и вскрикиваетъ: «Боже мой, это одинъ только сонъ!»

Повѣсть третья: «Джентльменъ-Мызникъ», замѣчательна по отдѣлкѣ главнаго характера, то есть горделиваго, дѣятельнаго, независимаго и самонадѣяннаго фермера, смѣющагося надъ докторами, женщинами и нравственными людьми до тѣхъ поръ, пока его собственныя силы позволяютъ ему жить не хворая и наслаждаться грубыми удовольствіями. На старости лѣтъ герой разсказа, потерявъ всю бодрость духа, становится слабѣйшимъ и мнительнѣйшимъ изъ смертныхъ. Переходъ отъ бодрой самонадѣянности зрѣлыхъ лѣтъ къ старческой безхарактерности изображенъ поэтомъ въ совершенствѣ.

Повѣсть четвертая: «Промедленія», можетъ служить панданомъ къ недавно разсказанной нами повѣсти «Часъ Разлуки». Дѣйствіе также происходитъ въ приморскомъ городѣ, женихъ-морякъ также уѣзжаетъ въ дальное странствованіе, чтобъ накопить денегъ для свадьбы. Отсутствіе его также продолжается долго, но встрѣча на родинѣ ждетъ его другая. Пока честный *Рупертъ* борется съ погодой морской и бурями жизни, осторожная его невѣста попадаетъ въ пристанище слишкомъ тихое, подъ крыло богатой и скупой тетки, пріучающей *Дину* къ положительности, разсчетливости, холодности. Время идетъ между тѣмъ, и письма отъ Руперта приходятъ рѣже; дѣвушка неохотно отвѣчаетъ на нихъ: тетка не одобряетъ ея привязанности, и мало по малу храбрый морякъ перестаетъ занимать Дину. Тетка умираетъ, оставивъ ей свое состояніе; но дѣвушка не торопится вызвать Руперта и не тревожится его

странствованіями по морю. Въ душу ея вторгаются двѣ новыя страсти: ханжество и скупость, въ соединеніи съ изнѣженностью. Не жалѣя расходовъ на себя самоё, Дина не даетъ ни гроша неимущимъ; читая нравственныя книги и посѣщая богослуженіе, она все-таки съ каждымъ днемъ черствѣетъ душою. Весь міръ сжимается для нея въ одну комнату, — ея любимую, заставленную драгоцѣнностями комнату, — предметъ вѣчнаго наслажденія для самой Дины и зависти для всѣхъ сосѣдей.

Въ этой изукрашенной комнатѣ гости могли любоваться, сколько хотѣли,
На комфортъ и богатство, выставленные напоказъ тщеславіемъ:
Стѣны сіяли, обитыя расписными обоями,
Эластическій пунцовый коверъ покрывалъ полъ,
Все вокругъ было чисто и богато, драгоцѣнныя бездѣлушки
Показывались вездѣ, говоря про достатокъ дѣвицы.
Въ драгоцѣнномъ шкапу, изъ полированнаго дерева,
Красовались ровными рядами книги въ раззолоченныхъ переплетахъ.
Далѣе стояли: серебряная ваза съ фигурными украшеніями,
Серебряная лампа, отдѣланная по греческимъ образцамъ,
На бронзовыхъ золоченыхъ ножкахъ стояли большіе часы,
Надъ ихъ богатымъ ящикомъ возвышалась оленья голова съ рогами,
Эмалевый кругъ часовъ блестѣлъ сквозь хрустальное стекло,
И стальныя стрѣлки, щелкая въ своемъ круговратномъ движеніи,
Исправно переходили время отъ молитвы, къ молитвѣ, и отъ обѣда къ ужину...

Такова была обстановка разбогатѣвшей Дины. Одинъ разъ, когда она сидѣла въ своей комнатѣ, слушая сплетни сосѣдокъ, такихъ же старыхъ дѣвъ, какъ и сама, горничная вбѣжала къ нимъ вся встревоженная. «Огромный загорѣлый матросъ — объявила субретка — стучится въ двери и непремѣнно хочетъ говорить съ барыней. Онъ хохочетъ, радуется и настаиваетъ, чтобъ его тотчасъ же пустили: должно быть, какой-то бѣсъ сидитъ въ этомъ нахалѣ!»

Вслѣдъ за испуганной горничной, самъ Рупертъ вбѣгаетъ къ Динѣ, съ радостнымъ привѣтствіемъ. Года много измѣнили его наружность; но это все тотъ же честный и веселый морякъ, прямой по душѣ и оттого воображающій весь свѣтъ честнымъ. Вмѣсто пламенной встрѣчи, видя одну блѣдность и тревогу въ Динѣ, онъ шутливо проситъ у ней прощенія, боясь, не наскучилъ ли ей своимъ шумнымъ вторженіемъ.

Старая дѣва находитъ нѣсколько ласковыхъ словъ для бывшаго жениха: можетъ быть, въ ея памяти возникли воспоминанія прошлаго; можетъ быть, она еще обдумываетъ, какъ бы спровадить докучнаго претендента.

— Какъ мы постарѣли съ тобой, Рупертъ, грустно говоритъ Дина: — какъ измѣнило насъ время, какъ странны въ устахъ нашихъ рѣчи о любви и супружествѣ!

— Правда, моя милая, правда, весело перебиваетъ ее Рупертъ: —мы съ тобой не влюбленные дѣти. Что же! будемъ пользоваться и тѣмъ, что судьба намъ оставила!

— А! ты узналъ о перемѣнѣ моего состоянія? коварно спрашиваетъ невѣста.—Правда, я имѣю нѣкоторый достатокъ; можетъ быть, и ты составилъ себѣ состояніе? Зла и насмѣшлива наша судьба: богатство пришло къ намъ обоимъ слишкомъ поздно!

— Для меня оно не пришло ни поздно, ни рано! простодушно возразилъ морякъ:—я вернулся къ тебѣ такимъ же голякомъ, какимъ и уѣхалъ изъ дома. Если ты богата, тѣмъ лучше для насъ обоихъ! Мнѣ не стыдно зависѣть отъ любимой жены, а тебѣ не жаль будетъ кормить меня на старости.

— Боже! тутъ возразила хитрая невѣста, не видя надобности хитрить долѣе:—и ты, въ твои лѣта, приближаясь къ старости и послѣднему часу, смѣешь говорить про земную любовь!

Затѣмъ послѣдовалъ потокъ лицемѣрныхъ тирадъ, заставившихъ честнаго Руперта разинуть ротъ отъ удивленія.

«Говори прямо, Дина, скажи мнѣ безъ оговорокъ:
Признаешь ли ты свои клятвы, считаешь ли себя моей невѣстой?
Я передъ тобой какъ разбитая барка: хочешь ли взять меня на буксиръ?
Къ чему хитрить? Можетъ быть, ты имѣешь жениха красивѣе?
Божьей невѣстой я тебя не признаю. Богъ не принимаетъ
Любви дѣвушекъ, безстыдно обманывающихъ мужчину.

«Правда, я не прежній юноша! я видѣлъ войну и службу;
Щоки мои не красны, какъ прежде, и я не стыжусь этого;
Лицо мое загорѣло и стало грубымъ; можетъ быть и рѣчь груба,
Потому что я провелъ жизнь съ людьми суровыми и неучеными.
Я раненъ въ честномъ бою; я трудился, хоть и не накопилъ денегъ.
Жаль мнѣ этого, потому что мнѣ радостно было бы
Подѣлиться своимъ достаткомъ съ нарѣченною моей подругою!

Говори же безъ обиняковъ; сомнѣніе въ тебѣ для меня хуже
Всѣхъ моихъ горестей, разрушенныхъ надеждъ и даромъ пропавшей юности.
Смѣшно сказать, мнѣ самому странны мои дѣтскіе страхи;
Но я чувствую себя слабымъ, стыжусь и готовъ плакать.
Слова мои прерываются въ горлѣ; все мужество меня покидаетъ.
Я не хочу оставаться въ неизвѣстности; кончи ее и вылечи меня одним словомъ».

Тутъ Дина вздохнула, будто боясь говорить,
И наконецъ отвѣтила: «человѣкъ слабъ и ничтоженъ:
Ей мила душа моряка, и она надѣется,
Что онъ не станетъ думать болѣе о житейскихъ дѣлахъ!»

Она умолкла. Съ проницательнымъ взглядомъ,
Казалось, пробившимъ до корня все ея лицемѣріе,
Рупертъ сжалъ въ своей смуглой рукѣ маленькіе пальцы Дины
И гнѣвно отбросилъ эту руку, сказавъ обманщицѣ,
Что навѣки потерялъ къ ней чувство уваженія,
Но что остатки прежней любви мѣшаютъ еще ему
Поразить недостойную невѣсту заслуженнымъ проклятіемъ.
Затѣмъ онъ ушелъ, навсегда простившись съ послѣдними надеждами.

Никому не разсказывая о своемъ горѣ, онъ продолжалъ жить въ тоскѣ и нуждѣ,
Слабѣя здоровьемъ и страдая душевною болью.
Приходъ призрѣлъ честнаго моряка, и часто приходится ему
Встрѣчаться съ Диною во время богослуженія по праздникамъ,
И часто, при выходѣ изъ церкви, встрѣчается разлученная пара:
Дина, все время молившаяся на колѣняхъ, идетъ домой важной поступью,
И ея шелестящее атласное платье измѣнчиваго цвѣта
Зацѣпляетъ грубую синюю куртку старика Руперта.
Откровенное лицо моряка, его смѣлая походка, его рѣдкіе, сѣдѣющіе волосы
Составляютъ такую противоположность съ чопорной и тихой наружностью дѣвицы,
Его простодушный взглядъ такъ разнится отъ ея сладкихъ взглядовъ,

Что зритель, въ первый разъ видящій ихъ обоихъ,
Дивится, какимъ образомъ такія двѣ натуры когда-то были связаны
страстью *).

Повѣсть пятая: «Покровитель» **). У скромнаго мѣщанина, несшаго какую-то земскую должность въ своемъ мѣстечкѣ, было большое семейство, жившее, по причинѣ отцовскаго трудолюбія, въ нѣкоторомъ довольствѣ. Самъ старикъ, хорошо знавшій суровыя воды житейскаго океана, пріучилъ сыновей своихъ работать и добывать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица. Всѣ они хорошо дѣлали свое дѣло, кромѣ меньшого изъ всѣхъ, по имени *Джона*. Мальчикъ когда-то имѣлъ слабое сложеніе и потому жилъ въ деревнѣ, у родныхъ, посреди домика, котораго стѣны были кругомъ обвѣшаны пѣснями о счастливыхъ любовникахъ и балладами о ночныхъ привидѣніяхъ. Тутъ же были книги, по содержанію своему такъ любезныя молодымъ умамъ: сказки о разбойникахъ и пиратахъ, о витязяхъ, истребляющихъ богатырей и избавляющихъ заколдованную принцессу, собранія народныхъ пѣсенъ и стихотвореній, называющихся избранными.

Гордо держа себя въ сторонѣ отъ деревенскихъ ребятишекъ, не находя радости въ ихъ забавахъ и питаясь однимъ чтеніемъ, Джонъ самъ принялся за перо, составляя исторіи, какъ казалось, не хуже имъ читанныхъ исторій. Онъ писалъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Стихи его, конечно, походили на дикія растенія, но выказывали несомнѣнную силу почвы. Вернувшись домой, привезъ онъ съ собой запасъ сокровищъ, показалъ ихъ одному изъ товарищей, любившему чтеніе, услышалъ отъ него похвалы, потомъ отправилъ часть стиховъ въ печать не подъ своимъ именемъ: стихи были напечатаны и похвалены знатоками.

— Ну! сказалъ отецъ Джона, услыхавъ обо всемъ дѣлѣ не

---

*) Повѣсть «Промедленіе» отдѣлана небрежнѣе, нежели «Часъ Разлуки», съ которымъ она имѣетъ нѣчто однородное. Но объясненіе моряка съ лицемѣрной дѣвушкой, ея бездушныя рѣчи и удивленіе, ими возбужденное въ честной душѣ несчастнаго любовника, — всѣ эти подробности сняты съ натуры, да сверхъ того сняты кистью великаго художника. (Рецензія «Эдинб. Обозрѣнія».)

**) Сынъ Крабба (въ біографіи отца) говоритъ, что нашъ поэтъ въ этой повѣсти изображаетъ собственное свое положеніе въ Бельвуаръ-Кастлѣ герцоговъ Рутлендъ, гдѣ онъ былъ капелланомъ. Но онъ же самъ приводитъ десять примѣровъ ласки и истиннаго покровительства со стороны этого семейства, постоянно любившаго Краббе, какъ друга. И наконецъ, все собраніе повѣстей, къ которымъ принадлежитъ «Покровитель», посвящено герцогинѣ Рутлендъ, вдовѣ герцога Джона Генри. Бельвуаръ-Кастль могъ служить оригиналомъ для чисто художественныхъ частностей повѣсти; въ этомъ мы совершенно увѣрены.

безъ тревоги: — если мальчикъ не годится для сохи или торговли, надо отдать его туда, гдѣ бы могъ онъ воспользоваться своимъ даромъ.

Кончивъ свое воспитаніе въ коллегіи, Джонъ съ честью вернулся домой и сталъ выжидать духовнаго мѣста. Работалъ онъ много и охотно.

Еще немного дней, говорилъ онъ самъ себѣ: — и муза моя удивитъ родину, и слава мнѣ достанется, и со славой богатство, и съ богатствомъ красавица-жена, считающая за честь быть подругой великаго поэта. Еще нѣсколько времени, и всѣ мечты мои осуществятся!

Проживая дома и смотря изъ подлобья и дичась разговоровъ, Джонъ, однако, умѣлъ высматривать людскія слабости и надъ ними смѣяться; сатирическіе стихи его иногда ходили по сосѣдямъ и отъ всѣхъ, даже отъ старика-отца, получали дань похвалы самой заслуженной.

Съ давнихъ временъ мѣстечко, въ которомъ проживалъ Джонъ, выбирало своего члена въ палату, оттого въ немъ были партіи, и въ разное время передъ выборами туда являлись знатные люди, ухаживая за избирателями. Отецъ нашего писателя стоялъ за лорда Фридриха Демера, и Джонъ, со своими стихами, сталъ на ту же сторону, смѣясь надъ противникомъ-кандидатомъ и воспѣвая доблести лорда Фридриха. Побѣда осталась на ихъ сторонѣ, и избранникъ лордъ долгомъ почелъ пригласить молодого поэта въ свой зáмокъ.

— Мнѣ пріятно будетъ, сказалъ онъ отцу Джона: — дать ходъ и дорогу генію вашего мѣстечка. Пускай онъ будетъ Борнсомъ англійскаго племени и своимъ успѣхомъ заставитъ позабыть бѣдствія Чаттертона. Свѣтъ ознакомится съ его талантомъ, и его имя будетъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Нѣсколько времени колебался старикъ, однако, отпустилъ Джона, сказавъ ему нѣсколько умныхъ словъ на прощанье, посовѣтовавъ ему не увлекаться роскошью, не унижать своего достоинства, не льстить и не завидовать, а вернуться домой съ свѣтлой головой и незапятнанной совѣстью. Весело простился съ отцомъ юноша, твердо увѣренный въ себѣ. Онъ весело совершилъ переходъ, спокойно вошелъ въ замокъ и хотя былъ пораженъ его великолѣпіемъ, но скоро успокоилъ себя разными разсужденіями. Во время представленія хозяйкѣ, Джонъ очень перетревожился; однако, ея вниманіе, похвалы гостей и общая вѣжливость опять привели его въ спокойное положеніе. За обѣдомъ рискнулъ онъ поговорить,

сказалъ шутку, его рѣчи всѣмъ полюбились, ледъ былъ сломанъ, и, ложась спать, поэтъ не безъ гордости убѣдился, что разговаривать съ лордами весьма нетрудно.

Сестра самого покровителя была всѣхъ внимательнѣе къ молодому человѣку: ласково улыбаясь, она такъ хвалила произведенія его музы, такъ дружески на него смотрѣла, такъ радовалась гостепріимству брата! Столько красоты, откровенности и вниманія подняли бурю въ груди смѣлаго мальчика,—бурю, съ которой ему не подъ силу было бороться. «Бѣдный, бѣдный юноша! пока ты проводишь безсонную ночь, говоря себѣ: «бывали примѣры, что геній завоевывалъ себѣ знатность, — всемогущая любовь сильнѣе всѣхъ преградъ житейскихъ!» красавица, съ одного взгляда проникшая твои чувства, не заботится о тебѣ и отъ праздности забавляется твоими страданіями!»

Для чего лэди Эмма говоритъ съ тобой о славѣ, поощряетъ тебя добиваться славы и почета? Изъ какихъ причинъ она дала тебѣ замѣтить, что человѣкъ съ твердымъ духомъ стóитъ всѣхъ возможныхъ успѣховъ? Какое ей дѣло до того, что ты будешь бороться съ жизнью, мучиться и страдать, падать и снова подниматься на бой? Красивыя женщины исполнены тиранства: власть ихъ тѣшитъ, и о бѣдахъ своихъ поклонниковъ онѣ мало думаютъ, лишь бы властью пользовалась ихъ красота. Тревога новой жертвы для нихъ простое развлеченіе, и тоска, ими причиняемая, только льститъ ихъ самолюбію...

Такъ проживалъ нашъ юноша, трудясь, читая книги, бесѣдуя и упиваясь взглядами лэди Эммы. Давно онъ простился со всякой осторожностью, и надежды его были велики. Осень только что начиналась: семейство лорда разсчитывало еще долго прожить въ своихъ владѣніяхъ. Между тѣмъ, отецъ Джона, услыхавъ, что сынъ живетъ посреди роскоши и веселья, страшась за неопытность мальчика, послалъ ему письмо, повторяя въ немъ нѣкоторые благоразумные совѣты.

«Джонъ — говорилъ, между прочимъ, старикъ — тебя зовутъ геніемъ, самъ ты считаешь себя умнымъ человѣкомъ: но имѣешь ли ты запасъ здраваго смысла, который иногда бываетъ полезнѣе таланта съ остроуміемъ? Здравый смыслъ, другъ мой, проходитъ по свѣту, какъ золото, всѣми признанный и всѣми уважаемый, тогда какъ талантъ повременамъ сходенъ съ банковой нотой, уплата по которой зависитъ отъ кредита, которымъ она пользуется.

«Съ геніемъ часто неразлучно несчастіе и, что еще хуже, зависть и недовольство своимъ общественнымъ положеніемъ. Поэты

завидуютъ танцовщикамъ, ученые вздыхаютъ о славѣ художника, и бóльшая часть ихъ, подобно осѣ, летая на золотыхъ крыльяхъ, носитъ съ собой жало для противника. Берегись зависти и въ особенности не считай себя выше другихъ людей. Я знаю, что въ душѣ твоей таятся хорошія наклонности; но горе тебѣ, если ты, по примѣру Донъ-Кихота, захочешь бороться съ слабостями старшихъ и оскорблять ихъ своими поученіями. Никто не замѣтитъ твоей запосчивости, и она пропадетъ безплодно, а если ее замѣтятъ, то, конечно, отплатятъ тебѣ зломъ, ибо тебѣ не подъ силу мѣряться съ людьми сильными....

«Для чего тебѣ жить въ зáмкѣ съ лордами и отвлекаться отъ обыкновенной жизни? Другомъ ты тамъ быть не можешь, а любимымъ приживальщикомъ — самъ не захочешь. Въ душѣ твоей есть благородная гордость, и ты не способенъ лестью завоевывать себѣ дружбу хозяевъ. Ты не способенъ отпускать глупыя шутки и давать потѣшаться надъ собою; законъ простого благоразумія запрещаетъ тебѣ мыслить мыслями твоего покровителя и жить только для его прихотей. Когда дамы станутъ пѣть — хорошо или дурно — ты вѣрно не станешь кричать: «безподобно, дивно, божественно!» за обѣдомъ не станешь ты восхищаться каждымъ блюдомъ и толковать о достоинствѣ винъ. Одобренія твои никому не нужны, и самому тебѣ негдѣ было еще добыть довольно вкуса для того, чтобъ твои отзывы цѣнились.

«Трудно будетъ тебѣ, любезный сынъ, твердо идти на своихъ ногахъ, между знатными хозяевами и цѣлой толпой людей, отъ нихъ зависящихъ, — толпою, полною лести, зависти, нахальства и дерзости. Между этой толпой твоя независимость духа прослыветъ за недостатокъ; послѣдній слуга станетъ глядѣть на тебя, какъ на мальчишку двусмысленнаго положенія въ обществѣ, жалкаго проживальщика, ожидающаго хозяйскихъ милостей. Между женской прислугой лэди ты найдешь не одно хорошенькое личико и, можетъ быть, имъ увлечешься; но, помни Джонъ, что худыя жены выходятъ изъ женщинъ такого разряда, привыкшихъ къ довольству, полуобразованныхъ, пустыхъ и ненавидящихъ всякую работу. Въ домѣ нашемъ никогда не найдется мѣста для гордой, испорченной, презирающей бѣдность дѣвушки.

«Вотъ тебѣ, любезный Джонъ, изложеніе опасностей, съ которыми тебѣ придется бороться. Если ты одолѣешь, ты и мимо подводныхъ камней пройдешь въ пристань: тѣмъ больше тебѣ чести. Но если подымется волненіе, и тебѣ не будетъ мѣста на бурномъ

морѣ, помни, что отцовская хижина всегда будетъ для тебя вѣрнымъ прибѣжищемъ».

Поэтъ нашъ прочелъ письмо, отдавъ справедливость вѣрности иныхъ замѣчаній, но посмѣялся надъ предостереженіемъ отца на счетъ горничныхъ милэди: мысли его были заняты другимъ, и недѣли проходили живо, и съ прежней любезностью лордъ и его сестра обращались съ Джономъ. Одна только супруга лорда Фридриха молча наблюдала за всѣмъ происходившимъ и, улыбаясь, отчасти жалѣла Джона.

Дни становились коротки, туманъ и холодъ приходили по утрамъ,
Слабо держался ярко-красный листъ на вишневыхъ деревьяхъ,
До полдня роса не сходила съ поля, ручьи раздулись отъ ливней
Изъ глубины лѣсовъ вылъ и стоналъ осенній вѣтеръ,
Зелень осталась только на соснахъ и ивахъ,
И та приняла какой-то унылый оттѣнокъ.
Еще были остролистникъ съ красными ягодами
И зеленый мохъ, побѣжавшій по опустѣлымъ дорожкамъ парка.

Милордъ скоро поѣдетъ въ городъ къ должности; дамы съ нимъ уѣдутъ.
Какъ покинутъ они своего гостя? не пригласятъ ли съ собою?
День отъѣзда назначенъ, близился, пришелъ,
Пришло рѣшительное время, наполнившее тоской душу поэта.
Задумчиво поднялся онъ съ постели, въ утро передъ отъѣздомъ,
И сказалъ себѣ: «одинъ часъ рѣшитъ мою участь, —
«Страшный часъ, отъ котораго зависитъ вся моя будущность.
«Если я теперь упаду, то не встать мнѣ болѣе!»

Ранній завтракъ кончился. По всему дому раздавался нескладный шумъ отъ сбора;
Прислуга торопливо бѣгала. Всякій взглядъ
Выражалъ радость при мысли о скоромъ свиданіи съ Лондономъ;
Одинъ только нашъ юноша, при всемъ шумѣ, не ощущалъ радости.
Задумчиво стоялъ онъ, глядя, какъ выѣзжали на лугъ передъ домомъ
Готовые экипажи и верховые служители.
Дамы вышли на крыльцо. Джонъ смутился и бросилъ
Быстрый взглядъ и опустилъ свои глаза потихоньку.
Въ глазахъ ея онъ ясно прочелъ: мнѣ тебя жаль, но я презираю тебя,
«Жалкій мальчишка, самонадѣянный бумагомаратель!
«Какъ смѣешь ты грезить такими мечтами? Отрезвись, и прощай!»

Пришелъ и благородный покровитель талантовъ. Неужели и онъ
Не скажетъ ласковаго слова, не сообщитъ чего нибудь утѣшитель-
наго?
Однако, онъ заговорилъ: «Добрый мой молодой пріятель!
«Ты знаешь мои виды — надѣйся на мою заботливость.
«Поблагодари отъ меня твоего почтеннаго родителя
«И занимайся хорошенько... Гарри, пошелъ!»

И тишина водворилась въ зàмкѣ. Недавно оживленныя сцены
Смѣнились унылой и холодной пустотою.
Суровъ долженъ быть человѣкъ, который, въ подобныя минуты,
Не чувствуетъ мучительнаго сжиманія въ сердцѣ.
Грустно бродилъ нашъ поэтъ изъ одной пустой залы въ другую.
«Здѣсь — думалъ онъ — меня ласкали, здѣсь повторяли мои пѣсни,
«Здѣсь она улыбалась, и я уносился вдаль мечтами.
«Какая перемѣна!» Пока онъ разсуждалъ, бродя по комнатамъ,
Пришла старая ключница и, перетаскивая мебель въ одинъ рядъ,
Ворчала и мурлыкала пѣсню, не заботясь о покинутомъ гостѣ.
Съ чувствомъ гордости и стыда, поэтъ кинулъ послѣдній взглядъ
на зàмокъ
И къ ночи былъ уже въ родительскомъ домѣ».

Отецъ выслушалъ грустную исторію и убѣдилъ Джона терпѣливо дожидаться милости лорда. Тяжко показалось поэту въ своей семьѣ; простодушные разспросы друзей его мучили; онъ сталъ мраченъ и разсѣянъ. Нить занятій прервалась: стихи не шли на умъ, книга его не занимала. Накопецъ пришло письмо отъ лорда Фридриха, короткое и холодное. Джона вызывали въ Лондонъ, обѣщаясь выхлопотать ему хорошую должность. Юноша прибылъ въ столицу, съ трепетомъ подошелъ къ высокому зданію, тихо постучался у двери. Знакомый слуга ему отворилъ. «Подождите немного» — сказалъ онъ Джону — «у милорда гости!»

Въ одиночку усѣлся нашъ герой, съ газетой въ рукѣ.
Прочитывая печатныя слова, онъ не понималъ ихъ смысла.
День былъ холодный, такой день, когда надо имѣть огонь въ комнатѣ,
Ибо и тѣло и мозгъ въ это время равно мерзнутъ.
Комната была огромна и звучна. Рѣшетка камина блистала;
Кругомъ стояла пунцовая мебель, древній шкапъ съ серебромъ;
Великолѣпная софа, на которую теперь уже не смѣлъ бы сѣсть,
Джонъ;
Ярко полированные столы со врѣзанными арабесками.

Все великолѣпіе глядѣло гордо, холодно и какъ бы превращало
Джона, когда-то дорогого гостя, въ робкаго просителя.
Неужели его позабыли? Три раза надъ его ухомъ
Пробили громкіе часы — и все никто не спрашивалъ Джона.
Каждая съ трескомъ отъѣзжавшая карета или стукъ въ дверь,
Нарушая его задумчивость, обманывали ожиданіе.
Иногда проходилъ по залѣ слуга... не съ извѣстіемъ ли? но онъ шелъ мимо!
Наконецъ сказали Джону: «зайдите въ среду, къ полудню», — и день кончился.

Онъ пришелъ въ назначенное время: прежняя зала, прежнее ожиданіе. Слуга подалъ ему записку отъ хозяина. Въ ней значилось: «Всѣ мои просьбы о мѣстѣ были напрасны: всякій имѣетъ своихъ кандидатовъ. Я совѣтую Джону не думать о духовномъ званіи и попытать счастія на другой дорогѣ».

Пораженный во всѣхъ своихъ надеждахъ, несчастный юноша долгое время борется съ нищетою, губитъ свое здоровье, почти доходитъ до сумасшествія и возвращается подъ родной кровъ только за тѣмъ, чтобъ умереть спокойно. Извѣстіе о его кончинѣ холодно принято семействомъ лорда. Одна только жена его, зная всю сущность дѣла, упрекаетъ лэди Эмму и получаетъ отвѣтъ довольно жосткій. Старикъ-отецъ, похоронивъ милаго сына, произноситъ такія слова надъ его могилою:

«Здѣсь лежитъ бѣдный мой мальчикъ, безъ заботъ и горя,
«И, слава Богу, въ моемъ семействѣ теперь нѣтъ геніевъ:
«Ни одинъ изъ васъ, сыновья, не будетъ гоняться за чужой милостью,
«Ни одинъ не увидитъ своихъ надеждъ погибшими и не умретъ отъ тоски!
«Цѣной жизни добрый нашъ Джонъ отбился отъ страданій.
«Недолго прожилъ онъ, и не принесла жизнь ему радостей!
«Помните же о его судьбѣ, дѣти мои: надѣйтесь на однѣ свои способности
«И въ своей собственной душевной силѣ ищите себѣ «Покровителя»! *)

*) Повѣсть «Покровитель» содержитъ въ себѣ эпизоды великой и разнообразной прелести. Исторія Джона, предостереженія отца, жизнь въ замкѣ и, въ особенности, разрушеніе иллюзій поэта поражаютъ насъ истиной и познаніемъ сердца человѣческаго. Микроскопическая, несравненная картинность нѣкоторыхъ сценъ можетъ назваться достойною удивленія. Утро передъ отъѣздомъ, покинутый замокъ, пріемная лорда въ Лондонѣ, ощущенія Джона въ этой пріемной составляютъ лучшія страницы всей повѣсти. (Джеффри).

Повѣсть десятая *): «Поѣздка влюбленнаго», не имѣетъ ровно никакого содержанія, если только одни происшествія составляютъ содержаніе повѣсти. Влюбленный юноша ѣдетъ верхомъ на свиданіе съ любимой дѣвушкой. Несмотря на то, что путь его лежитъ по голой и степной окрестности, всѣ предметы кажутся ему прекрасными. Но, доѣхавъ до цѣли, онъ не находитъ дѣвушку и возвращается назадъ по другой дорогѣ, мимо красивыхъ мѣстъ, кажущихся ему печальными и гнусными. Наконецъ любовники сходятся, мирятся и ѣдутъ вмѣстѣ, не думая объ окрестностяхъ и не замѣчая ни красотъ, ни унылыхъ сценъ природы. Повѣсть эта есть скорѣе поэтическая фантазія, замѣчательная по замыслу и еще болѣе по отдѣлкѣ подробностей. Вотъ первая поѣздка юноши.

По голой степи ѣхалъ Орландо, вдоль морскаго берега,
Находя красоту во всемъ и говоря такъ:

---

*) Стѣсняясь предѣлами журнальной статьи, мы не можемъ передать читателю содержаніе всѣхъ повѣстей Крабба, а хотя бы могли кончить этотъ трудъ съ помощью краткаго голословія, но, уважая поэта, надъ которымъ трудимся въ настоящую минуту, не рѣшаемся на такой поступокъ. Краббъ не переведенъ съ англійскаго и, вѣроятно, долго еще будетъ ждать переводчика; а намъ хотѣлось бы, чтобы любители литературы имѣли основательное понятіе о всѣхъ его произведеніяхъ. Потому мы рѣшаемся помѣщать въ примѣчаніяхъ кратчайшее изложеніе сюжета каждой повѣсти, ускользнувшей отъ нашего анализа. Подобный трудъ сдѣланъ лордомъ Джеффри, въ рядѣ его знаменитыхъ рецензій по поводу поэмъ Крабба.

Повѣсть 6-я: «Быстрое Сватовство». Дочь строгаго квакера, воспитанная вдали отъ своей семьи, является домой съ предубѣжденіемъ противъ домашнихъ, противъ тишины ихъ быта и серьёзныхъ юношей. Отецъ собирается пріискать ей жениха по своему вкусу; дѣвушка готовится сопротивляться, осыпать юношу насмѣшками и сохранить свою свободу. Но строгая красота и разумъ жениха до такой степени ее поражаютъ, что она, сама не зная, что́ дѣлаетъ, съ перваго свиданія даетъ свое полное согласіе. Въ повѣсти замѣчательны фигура отца, строгихъ стариковъ его друзей и черты дѣвическаго кокетства, вѣрно схваченныя.

Повѣсть 7-я: «Разсказъ Вдовы». Такого же рода исторія съ дочерью фермера, воспитывавшейся въ модномъ пансіонѣ. Сельская жизнь отца и братьевъ возмущаетъ ея душу; но совѣты старухи-сосѣдки заставляютъ дѣвицу опомниться и примириться съ своимъ положеніемъ. Великолѣпный отрывокъ изъ этой повѣсти (дѣвушка во время сельскаго обѣда) помѣщенъ нами во 2-й главѣ нашего этюда.

Повѣсть 8-я: «Мать». Исторія несчастной невѣсты, разлученной съ небогатымъ женихомъ происками честолюбивой и жадной матери.

Повѣсть 9-я: «Арабелла». Весьма живое изображеніе разборчивой невѣсты, начитавшейся книгъ, ослѣпленной своей ученостью и отказывавшей хорошимъ женихамъ во время своей молодости. Когда года красоты исчезли, взыскательная Арабелла выбираетъ себѣ дряннаго и порочнаго человѣка, на котораго когда-то не захотѣла бы и взглянуть. Мало того: она не слушаетъ предостереженій и увлекается самыми пороками своего избранника.

Какъ хороша эта трава, съ мелкими золотыми цвѣточками,
Какъ красивъ верескъ, съ его розовыми цвѣтами,
И эти едва замѣтные колокольчики, пурпурные, какъ губки моей Люси!
Еслибъ я былъ свободнѣе, я бы сидѣлъ здѣсь по часамъ и любовался!
Люди говорятъ, что степь скучная — ничего нѣтъ милѣй степи!
Что за просторъ, что за трава! Чтобы находить такія мѣста скучными,
Надо имѣть или сплинъ, или тяжкія заботы на душѣ!

Далѣе ѣхалъ юноша, и жаръ становился несноснѣе,
Облаками вырывалась пыль изъ-подъ копытъ лошади,
Черезъ пустыни раскаленнаго песку лежитъ дорога;
Изрѣдка попадаются на голой землѣ полосы жидкихъ посѣвовъ,
Темнаго цвѣта макъ растетъ среди рѣдкой, бѣлесоватой ржи,
А за тощимъ хлѣбомъ идутъ безплодныя и невоздѣланныя равнины.

«Какъ весело глядѣть, говоритъ Орландо,
На трудъ человѣка, щедро вознагражденный природою!
Какое разнообразіе растительности видно по сторонамъ!
Вотъ ростетъ полынь, такъ полезная здоровью человѣка,
Вотъ цвѣты, съ медовымъ запахомъ, вотъ могучій терновникъ,
Берегъ усѣянъ кустами, съ высокаго колючаго репейника
Спускается бѣлоснѣжный пухъ большими клочками,
И всѣ эти растенія ростутъ безъ человѣческой помощи,
Они цвѣтутъ для всѣхъ, не окруженныя рвами и заборами!»

Далѣе ѣдетъ Орландо, считая милю за милей,
Погоняя лошадь, по мѣрѣ своего приближенія къ мѣсту.
Такъ всѣ предметы, испытывая силу притяженія,
Стремятся быстрѣе, чѣмъ ближе предметъ, къ себѣ влекущій;
Мѣстность опять измѣнилась около всадника: дорога потянулась
По узкой высокой дамбѣ, между болотистыхъ равнинъ,
Заканчивавшихся натуральной плотиной къ сторонѣ моря.
Дикъ и печаленъ казался видъ полузатопленныхъ полянъ,
Соленые источники и лужи сверкали повсюду,
Далеко вправо раскидывалось необозримое море,
И притоки его дремали въ грязныхъ берегахъ,
Поросшихъ однимъ остролиственнымъ, жосткимъ тростникомъ.
Около ветхаго моста, по дорогѣ, находится потонувшая лодка,
Изрѣдка колеблемая прибывающею водою; тихо течетъ въ море
Мутная, нечистая, лѣнивая рѣка, пересѣкающая дамбу.
Цвѣтовъ мало на болотѣ: всѣ они почти безцвѣтны.
По землѣ ползутъ ивы-карлики и дрянной лозникъ.

Глухо отдается въ ушахъ ропотъ моря, бьющагося о камни;
Солнце кидаетъ свои горячіе лучи, — жаръ его не ослабленъ тѣнью деревьевъ;
Птицы, кромѣ птицъ морской породы, не любятъ этихъ мѣстъ
И никогда не чирикаютъ въ тростникѣ, орошенномъ соленой влагой.

Снова начались пески, и вдругъ, въ маленькой лощинѣ,
Показалась палатка, раскинутая цыганской семьею.
Полы палатки были открыты, и ясно видно было путнику,
Какъ вся бродячая компанія собиралась обѣдать.
Двое загорѣлыхъ мальчишекъ подбѣжали къ всаднику, прося милостыни.
Подавая имъ монету, Орландо разглядѣлъ ихъ сестру,
Дѣвушку, лѣтъ двѣнадцати, молчаливую, гибкую, съ лукавымъ взглядомъ.
Она взглянула на него плутовски и слегка засмѣялась,
Кокетничая передъ всадникомъ и будто испытывая силу своей красоты.
Въ ея пріемахъ выказывалось что-то хитрое и дикое;
Много душевной испорченности проглядывало въ ея тихомъ смѣхѣ
Отецъ съ матерью стояли у слабаго огня. Женщина кормила груднаго ребенка;
Ея дикое и худое лицо еще сохраняло остатки пріятности;
Глаза ея, испещренные красными жилками, сердито глядѣли.
Старуха-цыганка, важно возсѣдавшая на единственномъ стулѣ въ палаткѣ,
Держала руку молодой молочницы, разглядывая на ней линіи
И въ то же время жадно присматриваясь къ готовящейся пищѣ.
Послѣднимъ во всей группѣ представлялся дряхлый цыганъ,
Начальникъ всей семьи, но брошенный и презираемый всей семьею,
Истощенный годами, отягощающій всѣхъ своихъ и едва живой.
Тупыми глазами слѣдитъ онъ за прыжками играющихъ ребятишекъ,
И по грусти, выражающейся на его лицѣ, можно подумать,
Что онъ, вспоминая свою юность, пророчитъ мальчикамъ-бродягамъ
Жизнь изъ нужды и порока, печальную, одинокую, презрѣнную старость.

Само собой разумѣется, и мѣстность и группа цыганъ кажутся очаровательными влюбленному всаднику. Не имѣя времени сопровождать Орландо, втеченіе всего переѣзда, мы считаемъ за лучшее перейти къ слѣдующей повѣсти.

Повѣсть тринадцатая *): «Джесси и Коленъ», принадлежитъ къ разряду идиллій, только идиллій *Крабовскихъ*, то есть взятыхъ изъ дѣйствительности, и не подкрашенныхъ сантиментальными невѣроятностями. *Джесси*, дочь бѣднаго пастора, любитъ простого молодого мызника, *Колена* по имени; но происки тщеславной родни навремя разрушаютъ счастіе обрученныхъ. Богатая, одинокая старуха, переманившая Джесси подъ свою кровлю, собирается оставить ей свое состояніе и заботится о томъ, чтобъ погубить Колена въ ея мнѣніи. Сперва дѣвушка ладитъ со старухой, но, присмотрѣвшись къ образу ея жизни, сердцемъ возвращается къ своему прежнему быту. Покровительница учитъ невинную Джесси сплетничать на прислугу, высматривать сосѣднія дѣла, — однимъ словомъ, идетъ совершенно наперекоръ ея честной, добродушной натурѣ. Не имѣя силы подладиться къ подобнымъ требованіямъ, бѣдняжка рѣшается проститься съ блестящей будущностью и вернуться къ своему вѣрному поклоннику. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ послѣднихъ страницъ идилліи, отъ начала до конца проникнутой тихими, теплыми, успокоительными чувствами:

Задумчиво бродилъ Коленъ по своему садику,
Не любуясь его красотой и не думая о садѣ.
Понапрасну попадался его глазу не одинъ милый предметъ;
Холодно глядѣлъ онъ на молодой свѣтло-зеленый дубовый лѣсокъ
за садомъ,
На рѣчку, текущую тутъ же, на сельскій лугъ и большую дорогу.
Хорошій видъ открывался отвсюду; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ
Загораживали его сосны и тополи, кидавшіе тѣнь на розовые кусты.

---

*) *Повѣсть 11-я:* «Эдвардъ Шоръ». Одна изъ лучшихъ повѣстей во всемъ «Собраніи», и мы ее особенно рекомендуемъ всѣмъ, кто будетъ изучать Крабба въ оригиналѣ. Эдвардъ Шоръ — гордый, умный, восторженный юноша, гибнетъ жертвою излишней увѣренности въ своихъ добрыхъ качествахъ. Считая себя непобѣдимымъ передъ житейскими искушеніями, онъ падаетъ передъ первымъ искушеніемъ, соблазняетъ жену слишкомъ довѣрчиваго друга и, мучимый совѣстью, влачитъ несчастную жизнь. Оскорбленный мужъ, освѣдомясь о бѣдности и жалкой судьбѣ Шора, великодушно подаетъ ему руку помощи и забываетъ прошлое; но его милосердіе убиваетъ Эдварда. Уничтоженный вконецъ, юноша лишается разсудка и становится, послѣ долгихъ страданій, тихимъ, веселымъ идіотомъ, играющимъ съ городскими ребятишками. Фазисы Эдвардова сумасшествія описаны съ несравненнымъ искусствомъ.

Повѣсть 12-я: «Сквайръ Томасъ, или Неосторожный выборъ». Исторія самонадѣяннаго, грубаго, привыкшаго къ власти сквайра, рѣшившагося жениться на самой тихой и скромной дѣвушкѣ, для того, чтобы имѣть въ женѣ покорную служанку. Но скромница, избранная Томасомъ, оказывается сердитою вѣдьмою, которая его оскорбляетъ, обираетъ кругомъ и притѣсняетъ поминутно.

Мать его сидѣла у садовой двери, одѣтая такъ же точно,
Какъ одѣвалась она въ лучшее время своей жизни.
Чепецъ ея съ широкими оборками былъ знакомъ всѣмъ сосѣдямъ,
И платье было то же, которое когда-то всѣ расхваливали,
И которое носила она прежде, чѣмъ отецъ Колена продалъ свою послѣднюю ферму,
И когда еще бѣдняки толпились у ея любезной имъ двери.
«Ахъ, милый Коленъ! — говорила старушка — о чемъ ты вздыхаешь и тоскуешь?
«Правда, мы съ тобой бѣдны; но намъ нечего стыдиться прежняго:
«Не порочнымъ образомъ покойный отецъ твой прожилъ свой достатокъ:
«Предпріятія его не удались, онъ умеръ, тоскуя и обвиняя себя;
«Но ты, добрый мой мальчикъ, остался мнѣ въ утѣшеніе.
«Располагая жалкими остатками имущества нашего,
«Ты съумѣлъ придать нашей жизни веселость и довольство;
«Твой живой характеръ и веселые пріемы прогоняютъ тоску.
«Всякая мать завидуетъ мнѣ и любуется на моего сына;
«Старики тебя хвалятъ, и всякій старикашка
«Всегда говоритъ, что въ свою молодость онъ былъ на тебя похожъ,
«И всякая дѣвушка въ деревнѣ толкуетъ одно: какъ добръ, какъ веселъ Коленъ Грей!
«Я понимаю, впрочемъ, что ты тоскуешь о Джесси; но я все надѣюсь,
«Что она помнитъ насъ и посѣтитъ наше уединеніе...

. . . .

«Да — отвѣтилъ Коленъ — я не вздыхалъ бы, еслибъ она меня не покинула;
Но ея нѣтъ со мной, всякій день проводитъ она въ роскоши и праздности:
Чего ждать хорошаго впереди? Я вѣрю, что первое время
Будетъ она вспоминать и обо мнѣ и о своей родной деревнѣ.
Такъ пройдетъ нѣсколько дней, можетъ быть, нѣсколько недѣль даже,
Потомъ новое мѣсто ей полюбится, новая семья придется по вкусу,
Беззаботная жизнь, изобиліе и тщеславіе мало по малу станутъ необходимостью,
И наконецъ она, не потерявъ своей доброты и откровенности,
Станетъ мало думать о родинѣ и понемногу насъ забудетъ.

Такъ говорилъ онъ, вздыхая; но — чу! — раздался дробный стукъ колесъ,
Вечерняя почтовая карета несется по большой дорогѣ.

При знакомомъ топотѣ копытъ, сильно забилось сердце юноши.
Недаромъ онъ всегда въ этотъ часъ бродитъ по своему саду!
Слабы его надежды; но онъ не рѣшается отъ нихъ отказаться,
И всякій разъ, когда дребезжащій экипажъ проносится мимо,
Старушка-мать съ горестью слышитъ тяжелый вздохъ сына!
О, еслибъ можно было деньгами купить счастіе, какую сумму
Не далъ бы Коленъ за то, чтобы Джесси была въ каретѣ!

Но она въ каретѣ! она пріѣхала! Онъ видитъ, какъ она стала со-
гнувшись на подножку,
Ея лицо, ея улыбка! Больше ничего не разобралъ Коленъ.
Онъ потерялся отъ радости; старушкѣ самой пришлося
Встрѣтить милую дѣвушку и пригласить ее въ садикъ.
Джесси боялась опоздать: она разсчитывала ночевать у пастора;
Но старушка была такъ ласкова, Коленъ такъ внимателенъ,
Ей самой не хотѣлось уходить, между тѣмъ, ночь наступила;
Джесси не хотѣла притворяться болѣе, однако, съ минуту
Простояла задумавшись — и осталась на фермѣ!

X.

Продолженіе повѣстей. «*Наперсница*». — «*Злопамятность*». — «Совѣтъ, или Сквайръ и Пасторъ». — «Закладъ». — «Раскаявшійся Грѣшникъ». — «Братья». — «Ученый Мальчикъ».

Повѣсть шестнадцатая *): «Наперсница». Извѣстный Чарльзъ Лембъ сдѣлалъ изъ «Наперсницы» драму въ семи сценахъ, встрѣченную публикой весьма благосклонно и, если не ошибаемся, до сихъ поръ не утратившую своей занимательности для читателя. Дѣйствительно, между всѣми вещами поэта

---

*) *Повѣсть четырнадцатая:* «Борьба съ совѣстью». Краткая біографія одного изъ плутовъ, которыхъ общество часто считаетъ честными и даже уважаетъ, но противъ которыхъ вооружается ихъ собственная совѣсть. Всѣ поступки *Фульгема*, героя этой вещицы, облечены законностью. Онъ богатъ и счастливъ и пользуется привязанностью другихъ людей; но наединѣ съ своею совѣстью страданія его невыносимы. Постепенное развитіе грѣха и раскаянія занимаетъ собой всю повѣсть.

Повѣсть пятнадцатая: «Совѣтъ, или Сквайръ и Пасторъ». Богатый помѣщикъ, отличающійся весьма безпутною жизнью, доставляетъ мѣсто клерджимена въ подвластномъ ему приходѣ своему молодому племяннику, надѣясь найти въ немъ снисходительнаго духовника и веселаго собесѣдника. Но молодой человѣкъ, навремя поддавшійся своему дядѣ, выпутывается изъ-подъ его вреднаго вліянія.

Крабба, повѣсть «Наперсница» отличается необычайно драматическимъ содержаніемъ. Неопытная дѣвушка, въ первой своей молодости, обольщенная ловкимъ донъ-Жуаномъ, возвращается на путь истины и вступаетъ въ бракъ съ достойнымъ человѣкомъ не знающимъ ея прежней исторіи. Одна только подруга Анны обладаетъ страшною тайною. Эта безсовѣстная женщина, пользуясь своимъ значеніемъ, выманиваетъ у несчастной много денегъ и затѣмъ, не довольствуясь добычей, поселяется въ ея домѣ оскорбляя хозяйку и, при всякой размолвкѣ, грозя открыть мужу Анны всю тайну. Бѣдная героиня теряетъ всю свою веселость и замѣтно слабѣетъ здоровьемъ. Сердце ея не можетъ выдерживать тяжкихъ колебаній. Много разъ собирается она во всемъ признаться супругу; но чувство весьма понятной стыдливости ее удерживаетъ. Послѣ долгихъ страданій, дѣло улаживается весьма натуральнымъ, хотя и неожиданнымъ образомъ. *Стаффордъ*, мужъ Анны, задремавъ послѣ обѣда въ комнатѣ, около которой сидѣли обѣ подруги, узнаетъ все дѣло изъ ихъ разговора. Глубоко цѣня всѣ достоинства жены своей, онъ безъ труда прощаетъ ей минуту юношескаго заблужденія, искупленнаго годами добродѣтельной жизни и мѣсяцами послѣднихъ страданій. Гнусную наперстницу выгоняютъ съ безчестіемъ, и почетный миръ водворяется въ смущенной ею семьѣ Стаффорда.

Читатели этюда нашего, какъ мы смѣемъ надѣяться, хорошо знаютъ, что не драматизмъ положеній и не внѣшняя занимательность привязываютъ насъ къ произведеніямъ поэта, нами здѣсь разбираемаго. Выше всѣхъ многостороннихъ достоинствъ Краббa ставимъ мы его картины, его описанія, его манеры, его перо, которое, по прекрасному выраженію живописца Рейнольдса, забралось въ область живописи далѣе, чѣмъ кисти многихъ первоклассныхъ художниковъ. Потому-то, не дорожа эффектомъ цѣлаго, мы передали всю настоящую повѣсть въ сжатомъ изложеніи и затѣмъ приступаемъ къ подробному переводу нѣсколькихъ отдѣльныхъ отрывковъ, наиболѣе заслуживающихъ анализа. Повѣсть открывается, какъ разсказъ для ребятишекъ:

Анна была молода и хороша собою. Въ ея глазахъ
Свѣтилась красота, и румянецъ красоты покрывалъ ея щоки.
Худенькая и гибкая станомъ, съ миніатюрными чертами лица,
Она поражала изяществомъ, простотой, ловкостью движеній;
На юномъ лицѣ ея — признакъ здоровья и свѣжести,
Цвѣтъ мѣнялся часто, оживляя его безпрестанно.

Чистая и молодая кровь, подступая къ ея щекамъ,
Говорила про горячую и страстную натуру.
И хотя милая дѣвушка жила посреди богатой семьи,
Но, воспитанная въ простотѣ и простая по роду,
Она не умѣла скрывать своего волненія при нескромныхъ намекахъ,
И свободная рѣчь заставляла ея кровь бросаться въ ея лицо.
Нельзя было не боятся за Анну — ея положеніе въ свѣтѣ
Вызывало со всѣхъ сторонъ намекъ подобнаго рода:
Она была бѣдна и жила при богатой графинѣ
Не товарищемъ и не служанкой, видя ея знатныхъ друзей
И сама подвергаясь иногда ихъ назойливому вниманію.
Хоть и считалась Анна выше горничныхъ, но отъ этого ей не было легче жить:
Чужіе люди глядѣли ей въ лицо съ беззаботной непринужденностью,
Не думая о томъ, что ихъ взглядъ заставляетъ краснѣть бѣдняжку.
Не одинъ богачъ старался ей понравиться,
Конечно, не имѣя въ виду брачныхъ узъ и постоянной любви.
Свободно и весело высказывали эти волокиты все то, что́ имъ хотѣлось.
Пугая и унижая компаньонку-красавицу.
Съ горемъ смотрѣла Анна на свое настоящее; не видать и въ будущемъ
Ничего, кромѣ зависимости, а за нею бѣдной и одиночной старости!

Вслѣдъ затѣмъ на сцену является губитель героини, пламенный капитанъ королевской службы, ирландецъ, урожденецъ того острова, гдѣ бѣдность и влюбчивость, храбрость и вѣтренность составляютъ отличительныя черты всего народа. Капитанъ *Седли* берется за дѣло со всей горячностью ирландца, обманывая и себя и свою пятнадцатилѣтнюю очаровательницу, толкуя пустяки про богатаго своего родителя, проживающаго въ Ирландіи, и, можетъ быть, во время своихъ импровизацій, самъ вѣря тому, что у него точно есть богатый отецъ въ родномъ краѣ. Любовь разгорается сильнѣйшимъ пламенемъ, зато и выгораетъ вся впродолженіе самаго короткаго времени. Юноша, испугавшись надѣланныхъ дѣлъ, обращается въ бѣгство, а жалкая красавица, не имѣя никакихъ надеждъ въ жизни, отправляется къ своей подругѣ *Элизѣ*, сообщаетъ ей одной исторію своего стыда, въ твердой увѣренности, что ей недолго остается жить на свѣтѣ.

Никто, кромѣ Элизы, не зналъ о несчастіи дѣвушки.
Анна хотѣла умереть непремѣнно; но время сдѣлало свое дѣло.

Наступили рѣшительные дни и съ ними невыразимый страхъ;
Дни прошли, и страхъ сталъ отлетать мало по малу.
Родился мертвый ребенокъ. Анна похорошѣла съизнова:
Зато разумъ ея исполнился тревоги и ужаса.
«Чтó, если Элиза? О нѣтъ? она слишкомъ благородна и добра!
«На нее можно положиться... Ахъ! она, къ сожалѣнію, слишкомъ
еще молода!»
Анна вернулась къ графинѣ, заняла старое мѣсто.
Красота ея, на время омрачившаяся, зацвѣла новой прелестью.
Если иные сосѣди и начинали шептаться, ее видя,
Не было основанія ихъ подозрѣніямъ, ничто ихъ не подтверждало

Другія дѣла и другія заботы увлекли дѣвушку, и прошлое стало ей представляться, какъ сонъ, не имѣвшій никакой, даже малой связи съ дѣйствительностью. Отецъ Анны умеръ. За нее присватался богатый землевладѣлецъ Стаффордъ, безукоризненно-честный малый, способный составить счастіе всякой женщины. Дѣвушка радостно отдала ему свою руку, но утаила свою исторію съ вѣтреннымъ ирландцемъ. Она была слишкомъ честна для того, чтобъ утаивать правду изъ злонамѣренности, но она была стыдлива и неопытна, кромѣ того, ей едва ли минуло шестнадцать лѣтъ отъ роду.

И вотъ, противъ всякаго ожиданія, избавленная отъ зависимости
и тревоги,
Анна стала жить, какъ слѣдуетъ честной супругѣ честнаго человѣка.
Тихая, веселая, внимательная и бдительная,
Она составила радость любящаго ее мужа,
Счастливаго ся счастіемъ, наслаждающагося ея видомъ.
Онъ съ гордостью видѣлъ, какъ всякій гость и каждый пріятель
Восхищались подругою, имъ избранною.
Еще съ бóльшей гордостью поглядѣлъ онъ,
Не скрывая своей шумной радости, на перваго своего ребенка...
Но все-таки, однако, не взирая на окружающее спокойствіе,
Изрѣдка прорывались признаки чего-то угрызающаго.
Когда между супругами лежитъ какая либо тайна,
Самая необходимость скрытности составляетъ большую тягость.
Часто думала жена Стаффорда объ отсутствующей подругѣ,
Твердо вѣря, однако, что тайна находится въ вѣрныхъ рукахъ.
Одинъ разъ, вечеромъ, когда она, закончивъ счастливый день,
Безпечно пѣла и рѣзвилась, вдругъ пришло письмо.
Со страхомъ (замѣтнымъ для мужа) она взяла его, прочла и смутилась.

Въ письмѣ было сказано: Элиза смиренно радовалась
Тому, что ея другъ живетъ въ богатствѣ и удовольствіи,
Сама же она, къ сожалѣнію, послѣ долгихъ странствованій,
Лишилась мужа, передъ смертью растратившаго весь свой достатокъ
И оставившаго ее съ ребенкомъ на произволъ суровой судьбы!
Письмо оканчивалось жосткими жалобами на недостатокъ,
На бремя по случаю дитяти, на холодность родственниковъ
И на невниманіе самой Анны.
Отчего же происходило это невниманіе? Развѣ милая Анна
Не имѣла случая убѣдиться въ любви и вѣрности своей подруги?
Конечно, ей тяжко въ настоящее время упоминать о прошлыхъ дняхъ,
О тайнѣ, обнаруженіе которой можетъ повести къ бѣдствіямъ;
Но что же дѣлать! Нужда не знаетъ деликатности: Элиза рѣшается
Напомнить о себѣ своей бывшей и любимой подругѣ!

Можно представить себѣ чувства молодой женщины при полученіи такого посланія! Анна показываетъ письмо Стаффорду, почти рѣшаясь признаться во всемъ; но застѣнчивость и страхъ ее удерживаютъ. Къ тому же мужъ ея такъ добръ, такъ довѣрчивъ, такъ дорожитъ своимъ счастіемъ! Намекъ на тайну, повидимому, не возбуждаетъ въ немъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Какая нибудь школьная проказа, какая нибудь дѣтская шалость! говоритъ онъ шутливо.

Анна послала подругѣ порядочный подарокъ, съ письмомъ, въ которомъ умоляла ее быть не столь жестокою и письма свои адресовать на чужое имя. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Самъ читатель можетъ догадаться, въ какомъ родѣ былъ этотъ отвѣтъ и другія письма Элизы, за нимъ слѣдовавшія. Напрасно Анна лишала себя необходимаго, напрасно она посылала жадной наперсницѣ все, что могла отдѣлить отъ своего достатка: со всякой новой добычей дерзкій драконъ становится ненасытнѣе. Нельзя не остановиться надъ иными отрывками изъ писемъ Элизы: въ нихъ имѣется что-то змѣиное, наглое, ядовитое и превосходно обрисовывающее всю женщину.

Хоть я и очень бѣдна (пишетъ Элиза), но не безъ гордости смѣю думать,
Что тайну подруги могу хранить я свято и ненарушимо,
Я знаю весьма хорошо, что тайны подобнаго рода,
Переданныя ревнивымъ мужьямъ, мгновенно разрушали ихъ семейное счастіе;

Но есть у меня убѣжденіе, что, не смотря на бѣды и нелишенія,
Я съумѣю быть скромною, хотя искушеніе по истинѣ велико.

. . . .

Нужда, въ которой нахожусь я (говорило другое письмо), есть стыдъ для людей!
Я съ моимъ ребенкомъ, несчастнымъ, но законно признаннымъ ребенкомъ,
Веду тревожную жизнь, между тѣмъ, какъ мой другъ Анна,
Счастливая мать, супруга богатаго человѣка,
Наслаждается всѣми благами міра... справедливо ли это?
Неужели я должна весь вѣкъ свой нуждаться и мучиться,
Принимать жалкіе дары за то, что умѣю быть вѣрною дружбѣ?
Изъ двухъ вещей что нибудь одно — или Элиза другъ Анны,
И тогда обѣ должны пользоваться равною долею,
Или мы враги, и тогда чего щадить другъ друга?

Тревоги бѣдной женщины доходятъ до того, что Стаффордъ требуетъ отъ нея серьёзныхъ объясненій. Признаваться поздно, и Анна, съ хитростью, свойственною всему ея полу, ловко отдѣлывается отъ распросовъ. Она говоритъ мужу, что ея первый, истинный другъ, вѣрная Элиза, находится въ бѣдствіи и нуждѣ, что это обстоятельство терзаетъ ей сердцѣ, что она рѣшилась помогать несчастной по мѣрѣ всѣхъ силъ и всей возможности. Драма завязывается болѣе и болѣе. Обѣ женщины, ненавидящія одна другую сближены еще болѣе. Элиза увѣдомляетъ мистриссъ Стаффордъ о смерти своего ребенка. Теперь она свободна, теперь она можетъ до конца дней жить у своего вѣрнаго друга, какъ сестра и постоянная собесѣдница.

Убитая, пораженная извѣстіемъ, Анна дико посмотрѣла вокругъ себя.
Горе сказалось дрожаніемъ тѣла, измѣненіемъ въ голосѣ,
И вслѣдъ за тѣмъ потокъ слезъ немного облегчилъ несчастную.

Что оставалось ей дѣлать? Стаффордъ едва ли дастъ согласіе,
А между тѣмъ, Элиза не отступится отъ своей мысли!
Кого умолять? къ кому обратиться? а дни проходили.
Каждый день Анна откладывала разговоръ съ мужемъ до завтра,
Каждый день становилась она грустнѣ, и мужъ ея,
Видя горе и скрытность, самъ дѣлался мрачнымъ.
И вотъ, въ одинъ вечеръ, когда наши супруги сидѣли вдвоемъ,
Молча погруженные въ горе, раздался какой-то шумъ,
И подруга, рѣзко вбѣжавъ въ комнату, сказала съ улыбкой:
«Вотъ и я!»

Анна встрѣтила ее смѣшавшись, полная трепета,
И тихо прошептала: «Пожалѣй меня, Элиза!»
Стаффордъ, спокойный и холодный, старался показать,
Что не обращаетъ вниманія на отношенія обоихъ подругъ;
Но умъ его съ неотступной пытливостью слѣдилъ за всѣмъ
И силился проникнуть причину, по которой Анна,
Такъ любя свою подругу, повидимому, дрожитъ передъ нею.
Скоро примѣтилъ онъ, что незванная гостья,
Не очень ему любезная, обладаетъ особенной властью.
Беззаботно и высокомѣрно держала она себя передъ робкой Анной,
Словно боявшеюся говорить въ ея присутствіи.
Молча, съ какой-то тяжкой улыбкою, жена его слушала
Громкую, веселую рѣчь нецеремонной гостьи,
Разсказывавшей пустыя исторіи, съ прибавленіемъ
Выраженій не очень скромныхъ и не совсѣмъ пріятыхъ для неиспорченнаго слуха.
Хорошо зналъ онъ, что жена его, богатая здравымъ смысломъ,
Не могла любить такихъ рѣчей, а между тѣмъ, она слушала ихъ,
И, съ чувствомъ оскорбленной гордости, Стаффордъ слѣдилъ за тѣмъ,
Какъ тихъ былъ голосъ Анны, какъ въ ея взглядахъ проскользало что-то робкое.
Шумливая подруга дерзко перебивала ея рѣчь,
Отвѣчала ей небрежно и невѣжливо,
Дерзко опровергала ея замѣчанія, если заподозрѣвала ихъ истину;
Анна же, полная дѣтской робости, дрожала, какъ ребенокъ,
При взглядѣ змѣи, начинаетъ дрожать, полный ужаса....

Прошло шесть недѣль.

— Однако, твоя гостья не очень чинится съ нами, замѣтилъ Стаффордъ женѣ: — не пора ли отдѣлаться отъ ея присутствія?

— Я люблю милую подругу моей молодости, отвѣтила Анна.

— Нечего дѣлать, шутя сказалъ мужъ: — люби ее сколько хочешь: у тебя мало будетъ соперниковъ по этой части!

Несмотря на веселый тонъ рѣчи, честный, нетерпѣливый и правдивый Стаффордъ былъ глубоко взволнованъ. Хитрость была ему противна по природѣ; но въ настоящемъ дѣлѣ откровенность не могла привести ни къ чему. Тамъ, гдѣ всѣ хитрили и дѣйствовали страннымъ образомъ, дозволялось хитрить и Стаффорду.

Одинъ разъ обѣ подруги сидѣли въ комнатѣ, которую ненавистная гостья называла своимъ уголкомъ и украшала съ тщаніемъ. На стѣнахъ красовались изящныя гравюры, книги, ноты и

письма валялись на столѣ; туалетъ и его принадлежности находились у окна, и горящій каминъ бросалъ красное сіяніе на постель съ пунцовыми занавѣсками.

По лицу Анны и слезамъ на ея глазахъ можно было примѣтить,
Какъ занимателенъ былъ разговоръ нашихъ пріятельницъ.
«Теперь я вижу — говорила гостья — вполнѣ вижу,
Что и ты и твой мужъ смотрите на меня одинаково!
Пора оставить васъ, пора опять пойти навстрѣчу
Бѣдамъ и нуждѣ, сознавать себя забытою и отверженною!
Но неужели ты можешь думать, что я стану беречь тебя
И молчаніемъ платить за то, что я оскорблена тобою?
Нѣтъ, твоя подруга не червякъ, на котораго можно наступить
И сказать себѣ: все кончено съ гадкимъ пресмыкающимся!
И я умѣю чувствовать. Во мнѣ нѣтъ желанія
Быть посмѣшищемъ женщины, не цѣнящей моихъ заслугъ.
Твоя воля — законъ для мужа: ты можешь сдѣлать для меня
Все, что̀ пожелаешь; но ты даже пожелать не хочешь.
А было время, когда я, по первому твоему призыву,
Поспѣшила дѣлить съ тобой твое горе, была матерью
Для несчастнаго ребенка, рожденнаго тобою.
Я скрыла отъ всѣхъ твой стыдъ; а теперь ты,
Богатая и счастливая, прогоняешь отъ твоей двери
Бывшую свою наперсницу, за то, что она бѣдна и несчастна!»

Тутъ замолкла гостья, Анна же вскричала съ отчаяніемъ:
«У меня нѣтъ силъ больше! ты убиваешь меня, безжалостная!
Лучше бы я хотѣла лежать въ землѣ возлѣ моего дитяти,
Чѣмъ переносить твои упреки, злыя слова и оскорбленія.

Примѣтивъ полное отчаяніе въ глазахъ несчастной хозяйки,
Гостья смягчила свои слова, стала ласковѣе, но все же повторила:
Ты можешь многое для меня сдѣлать, но сама того не желаешь.

Стаффордъ любилъ сидѣть дома и вечера проводилъ или читая въ слухъ книги, или разсказывая женѣ прочитанныя поутру исторіи. Въ вечеръ, послѣ сейчасъ приведеннаго разговора, онъ вышелъ къ дамамъ съ видомъ, предвѣщающимъ что-то необыкновенное. Гостья сидѣла за работой, покойная, какъ у себя дома, Анна, блѣдная и, по обыкновенію, испуганная, изрѣдка роняя слезу за слезою. Чѣмъ-то безотраднымъ отзывалась вся картина недавняго счастія, нарушеннаго такъ внезапно и такъ таинственно. «У меня есть для васъ въ запасѣ одна исторійка — весело сказалъ Стаф-

фордъ — исторія короткая и печальная. Пусть всѣ наши печали будутъ коротки, какъ эта исторія!

«Калифъ Харунъ-аль-Рашидъ, какъ разсказываютъ намъ историки,
Царствовалъ милосердно и славно — для калифа стараго времени,
Гдѣ его собственные интересы не были тронуты, тамъ онъ былъ мудръ и кротокъ,
Даже иногда бывалъ мудръ на зло своимъ интересамъ и удовольствіямъ.
Въ одномъ только отношеніи былъ онъ суровъ выше мѣры:
Калифъ любилъ сады, плодоносныя деревья, и горе человѣку,
Который осмѣлился бы похитить хотя что либо изъ его сада.
Между икогланами Харуна находился одинъ живой мальчикъ,
Веселый и неспособный править собою, слабый передъ искушеніемъ,
Честный но сердцу, но жадный до удовольствія.
Разъ, гуляя по калифскому саду, мальчикъ этотъ загляделся
На круглые золотые плоды, висящіе въ густолиственной зелени.
На бѣду, въ этотъ день Османъ много ходилъ по солнцу:
Жажда его была возбуждена, желаніе разгоралось съ каждой минутой,
Онъ трогалъ и нюхалъ душистые плоды,
Стоя подъ деревомъ, съ открытымъ ртомъ и жадными глазами.
Наконецъ жажда превозмогла: онъ съѣлъ нѣсколько плодовъ —
И вдругъ замѣтилъ, что возлѣ него находился
Одинъ изъ его товарищей, связанный съ нимъ по годамъ и занятіямъ.

«Что съ тобой будетъ, несчастный мальчишка? — говоритъ товарищъ Османа — что будетъ съ тобой, если калифъ догадается о пропажѣ любимыхъ своихъ фруктовъ? Мнѣ кажется, что я уже вижу тебя на полу, посреди предсмертныхъ мученій! Счастье твое, что никто кромѣ меня тебя не засталъ на дѣлѣ. На мою скромность ты можешь надѣяться: я буду молчать, не имѣя никакихъ корыстныхъ видовъ, хотя на моемъ мѣстѣ многіе продали бы это молчаніе цѣною всего, что ты имѣешь.»

Исторія Стаффорда продолжается въ такомъ же родѣ, видимо совпадая съ исторіею самой мистриссъ Стаффордъ и ея жадной наперсницы. Сперва товарищъ Османа проситъ у провинившагося ребенка небольшой суммы для того, чтобъ разсчитаться съ долгами. Сумма эта, конечно, дается ему безпрекословно. Послѣ короткаго срока онъ уже не проситъ, а требуетъ новыхъ подарковъ, для себя собственно. По мѣрѣ уступчивости грѣшника, и жадность его друга увеличивается. Онъ уже не проситъ, а требуетъ подачки, какъ выкупа, грозя увѣдомить калифа о съѣденныхъ фруктахъ.

Османъ, доведенный до отчаянія, объявляетъ, что ему самая смерть покажется отраднѣе такой тяжкой зависимости, такихъ безпрерывныхъ мученій. «Что же? — отвѣчаетъ злой мальчикъ — умереть тебѣ нетрудно, хотя, конечно, ты не знаешь еще, что значитъ умирать въ мученіяхъ. Стоитъ только сообщить калифу объ одной тайнѣ — и желаніе твое исполнится безъ замедленія!»

«Между тѣмъ — продолжаетъ исторія — оба мальчика не знали, что у калифа, поблизости того мѣста, гдѣ они разговаривали, находилась отъ всѣхъ скрытая комната, въ которую онъ зачастую приходилъ отдыхать, молиться, дремать или читать священныя книги.

«Калифъ находился въ своей потаенной комнаткѣ въ самую минуту послѣдняго разговора между икогланами. Само собою разумѣется, что, извѣстясь о покражѣ, онъ вознамѣрился было навсегда прогнать отъ себя виновнаго мальчика, но, взвѣсивъ умомъ количество нанесеннаго вреда и продолжительность страданій, затѣмъ послѣдовавшихъ, обратилъ весь свой гнѣвъ на безсовѣстнаго наперсника. Османъ былъ торжественно прощенъ и попалъ въ милость, тогда какъ его коварный пріятель былъ тотчасъ же, съ безчестіемъ, удаленъ отъ двора и отъ свѣтлаго лица калифова.

«Исторія кончена — тутъ сказалъ Стаффордъ — но я долженъ еще отъ себя
Описать потаенную комнату, въ которой иногда прячутся калифы.»

Обѣ женщины взглянули на разсказчика, полныя волненія.
Страсти, наполнявшія обѣихъ, не могутъ быть выражены словомъ.
«Потаенная комнатка, о которой я говорю, расположена возлѣ спальни,
Въ которой опочиваетъ госпожа, одаренная не простымъ вкусомъ:
Въ этой спальнѣ которую она называетъ своей комнатой,
Сидѣла она и бесѣдовала съ своей подругой.
На стѣнахъ ея висятъ пріятныя для насъ картины,
Ноты, книжки и письма раскиданы по столу,
Туалетъ и всѣ принадлежности находятся неподалеку,
И огонь горящаго камина кидаетъ красный свой свѣтъ
На постель, убранную красными занавѣсками!»

Онъ замолчалъ и всталъ. Полная радостнаго смятенія,
Анна почувствовала, что для нея начинается новая пора жизни.
Откровенность и ласковость засіяли на лицѣ Стаффорда,
И навсегда отлетѣли отъ молодой женщины ея прежнія тревоги!

Два раза вставала гостья, пытаясь сказать что-то
И собраться съ мыслями; два раза садилась она снова,

Не имѣя силы бороться со стыдомъ и даже скрыть свое огорченіе.
Быстро ушла она потомъ и всю длинную, печальную ночь
Продумала о своей винѣ, о своей глупости, о своемъ позорномъ бѣгствѣ,
И на утро удалилась изъ дома, въ свою унылую нору
Помышлять о потерянномъ довольствѣ и ждать всякаго бѣдствія!»

Къ анализу нашему слѣдуетъ прибавить, что повѣсть «Наперсница» была любимою повѣстью сэра Вальтера Скотта, считавшагося, какъ мы уже знаемъ, однимъ изъ усерднѣйшихъ Крабботыхъ почитателей. Въ семействѣ шотландскаго барда сочиненія Краббa считались настольною книгою, и рѣдкій абботсфордскій вечеръ проходилъ безъ того, чтобъ эта книга не раскрывалась. И дѣйствительно, для семейнаго чтенія, которое не можетъ быть очень продолжительнымъ за одинъ разъ, мы не знаемъ почти ничего равнаго съ повѣстями поэта нашего. Пускай читатель самъ задумается хотя надъ «Наперсницею», сейчасъ ему переданною въ подробномъ анализѣ. Вся исторія можетъ быть прочитана въ полчаса. Не смотря на смѣлость интриги, въ ней нѣтъ слова неприличнаго или фразы жосткой для женскаго уха. Въ ней нѣсколько менѣе обычной міерисовской картинности; но какъ богата она портретами, драматизмомъ, теплыми чувствами, правдою жизни! Интересъ выдержанъ въ совершенствѣ: даже послѣ разсказа о Калифѣ аль-Рашидѣ, читатель, зная развязку всего происшествія, желаетъ узнать, какъ именно была выгнана злая наперсница, и достойное ли она понесла наказаніе за свои змѣиныя дѣйствія! Ни морали, ни сентенціи, ни философскихъ афоризмовъ не сыщете вы во всемъ разсказѣ, а между тѣмъ, плодомъ его оказываются идеи истинно христіанскія: прощеніе обидъ, честная откровенность въ житейскихъ дѣлахъ, милосердіе къ падающимъ, пониманіе женщины и утѣшительная вѣра въ достоинство женщины.

Повѣсть семнадцатая: «Злопамятность», не смотря на свое названіе, напоминающее дѣтскія повѣсти съ грошевой моралью, принадлежитъ къ числу наиболѣе трогательныхъ, драматическихъ и патетическихъ во всемъ «Сборникѣ». Она начинается блистательною замѣткою объ особенностяхъ женскаго характера, — замѣткою, которую мы переводимъ подстрочно:

Много есть на свѣтѣ женщинъ довѣрчиваго свойства,
Добрыхъ и мягкихъ душою, легковѣрныхъ и незлобныхъ:
Онѣ, обиженныя въ двадцать разъ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ,

«А когда онъ придетъ домой, какой жалкій огонь въ печи!
Я видѣла эту жалкую постель, занимающую половину всего угла,
Видѣла около рѣшетки хворостъ терновника и кучку гнилой соломы,
Другихъ дровъ нѣтъ у старика. Ставъ на колѣни,
Силится онъ раздуть маленькій огонь, но силится напрасно:
На минуту вспыхнувъ, жидкое топливо гаснетъ съ большимъ дымомъ,
И всѣ усилія несчастнаго пропадаютъ въ минуту...
Мнѣ страшно подумать, что пока бѣдный старикъ страдаетъ такимъ образомъ,
Я нахожусь въ теплой комнатѣ, спокойная и довольная...»

Тронутая разсказомъ дѣвушки, оскорбленная женщина отчасти смягчается. Она посылаетъ Сусанну въ землянку бѣдняка съ необходимой помощью, пищею и виномъ, строго запретивъ говорить несчастному хотя бы одно слово, способное дать ему надежду на возможность примиренія. Воротясь домой, горничная не должна была докучать ей изложеніемъ своего порученія или передавать выраженія благодарности со стороны несчастнаго. Отпустивъ дѣвушку, хозяйка сѣла за книгу; но взволнованный умъ ея отказывался дѣйствовать, противъ воли ей представлялись картины нищеты и страданій, сейчасъ только изображенныя. Пока она сидѣла задумавшись, Сусанна вернулась домой, заливаясь слезами. Помощь пришла слишкомъ поздно: несчастный старикъ упалъ и умеръ на порогѣ своей землянки. Возлѣ мертваго тѣла находился одинъ только бѣдный оселъ, товарищъ трудовъ старика, самъ полумертвый отъ голода и холода *).

Повѣсть двадцатая **) будетъ послѣднею изъ разбираемыхъ

*) Изъ всѣхъ изображеній страждущихъ бѣдняковъ, которыми такъ обильны рѣчи въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, и однородныя имъ произведенія, — нѣтъ ни одного на половину столь полнаго, потрясающаго, вѣрнаго, какъ изображеніе бѣднаго старика съ осломъ въ Краббовой «Злопамятности».

«Эдинбургское Обозрѣніе».

**) *Повѣсть восемнадцатая:* «Закладъ» юмористическая исторія о двухъ мужьяхъ заспорившихъ о томъ, чья жена лучше покорится мужу, и для этого рѣшившихся предпринять поѣздку въ Ньюмаркетъ, безъ своихъ супругъ. Жена перваго спорщика, вспыльчивая, бойкая женщина, поспоривъ съ мужемъ, скоро ему уступила, тогда какъ жена второго, нервная и слабая смиренница, своими обмороками и слезами принудила супруга отказаться отъ поѣздки.

Повѣсть девятнадцатая «Раскаявшійся грѣшникъ» — полу-юмористическій, полу-печальный разсказъ о связяхъ бывшаго шалуна съ методистами и его несогласій съ суровою сектою.

нами повѣстей. Она называется «*Братья*» и представляетъ рядъ картинъ не менѣе трогательныхъ, какъ и эпизодъ только что представленный читателю. Въ маленькомъ приморскомъ городѣ родились и выросли два брата, не сходные по характеру. *Джорджъ Флетчеръ*, старшій, представлялъ изъ себя типъ храбраго, веселаго, чистосердечнаго моряка, — типъ, не одинъ разъ начертанный Краббомъ. Онъ служитъ честно, дѣлится съ товарищемъ призовыми деньгами и заботится о своемъ меньшомъ братѣ *Исаакѣ*, разсчитывая подъ старость найти прибѣжище въ его семействѣ. Характеръ Исаака сложнѣе, но очерченъ еще искуснѣе; это человѣкъ не злой и даже любящій, но въ одно время слабый, хитрый, жадный, робкій и лишенный самостоятельности. Половину жалованья и призовыхъ денегъ Джорджъ отдаетъ брату и сверхъ того еще часто помогаетъ ему въ трудныя минуты. Черезъ его благодѣянія Исаакъ скоро становится значительнымъ лицомъ въ своемъ мѣстечкѣ. Зато какія встрѣчи ожидаютъ Джорджа въ родномъ семействѣ во время краткихъ его отпусковъ: какъ ласкова къ нему невѣстка, какъ заигрываютъ съ нимъ дѣти; что̀ до Исаака, то встрѣчая дорогого брата, онъ почти падаетъ въ обморокъ отъ восторга! Но времена перемѣняются: храброму Джорджу ядромъ оторвало ногу. Его увольняютъ отъ службы и предлагаютъ ему мѣсто въ Гринвичѣ, отъ котораго онъ отказывается, помня, что его ждутъ на родинѣ. Безъ копѣйки въ карманѣ является честный матросъ къ Исааку. На что ему деньги? Пока его кошелекъ былъ набитъ, онъ дѣлился съ любимой семьей и гулялъ съ товарищами. И тутъ-то начинается рядъ семейныхъ сценъ, безпримѣрныхъ по своей вѣрности. Исаакъ, конечно, любитъ брата; но жена имъ открыто тяготится. Не понимая, почему его приходъ какъ-то странно дѣйствуетъ на дорогихъ людей, Джорджъ пытается угождать всякому — и никакъ не можетъ достигнуть своей цѣли. Боевые разсказы его не возбуждаютъ прежняго вниманія; отъ дыма его трубки голова хозяйки кружится; дѣтямъ не пристало слушать грубыя рѣчи гостя. Такъ проходитъ довольно времени. Исаакъ вертится между женой и братомъ; но понятно, на чью сторону онъ склоняется болѣе. Скоро положеніе бѣднаго Джорджа дѣлается невыносимымъ: его переводятъ на чердакъ, кормятъ худо, попрекаютъ въ глаза; онъ боленъ — и никто о немъ не заботится, кромѣ маленькаго племянника, названнаго Джорджемъ, въ честь того Джорджа, который когда-то, пріѣзжая домой, привозилъ въ карманѣ призовыя деньги и трудовое жалованье.

«Забытый и покинутый, старикъ уныло валялся на постели,
Плохо питаемый остатками отъ стола, огорченный до глубины души:
Но ему весело было видѣть ребенка, прибѣгавшаго къ нему въ свободные часы,
И разсказывать ему сказки, всегда выслушиваемыя съ участіемъ.
«Скоро совсѣмъ заболѣлъ Джорджъ, и ласковый мальчикъ
Цѣлые дни просиживалъ у его постели.
Напрасно мать запрещала ему ходить на чердакъ: онъ являлся туда тихонько
И, осторожно крадясь, приносилъ моряку кое-что изъ своего обѣда,
И старикъ слабымъ голосомъ говорилъ съ нимъ о своихъ походахъ;
Грустно и холодно ему было безъ маленькаго Джорджа.
Къ пищѣ, присылаемой ему изъ кухни, онъ не прикасался.
Исаакъ забѣгалъ къ брату въ недѣлю разъ и, сказавъ: «Ты болѣнъ, Джорджъ?»
Поскорѣй уходилъ къ женѣ и ей говорилъ: «Заботься же хорошенько о братѣ!»
Тѣмъ и кончалось участіе хозяина, пропадая въ какихъ-то темныхъ помыслахъ!
Но съ истиннымъ и теплымъ участіемъ ребенокъ хлопоталъ о дядѣ.
Напрасно Исаакъ, поймавъ его у брата, сказалъ, что сказки моряка
Вредны для дитяти, и даже попрекнулъ Джорджа своими благодѣяніями.

Но добрый ребенокъ посѣщаетъ дядю наперекоръ приказаніямъ отца и злости матери. Одинъ разъ, когда онъ, по обыкновенію, стучится въ двери чердака, морякъ ничего не отвѣчаетъ. Мальчикъ повторяетъ зовъ встревоженнымъ голосомъ, и Исаакъ, только что настроенный женой своею къ строгости, вмѣстѣ съ мальчикомъ входитъ къ Джорджу. Бѣдный больной лежитъ на кровати безъ движенія. Исаакъ осыпаетъ его бранью, говоритъ, что онъ учитъ его сына не повиноваться родителямъ, и вдругъ, посреди азарта, на который такъ способны жалкіе и презрѣнные люди подобнаго свойства, прерываетъ брань отчаяннымъ крикомъ: «Боже мой! братъ умеръ!»

Никакой переводъ, никакія усилія съ нашей стороны не въ состояніи передать всего отчаянія, проникнувшаго въ душу Исаака передъ тѣломъ честнаго Джорджа. Это спазматическое, безграничное и неутѣшное отчаяніе душъ слабыхъ и презрѣнныхъ, постигнутыхъ громовымъ ударомъ судьбы, не имѣющихъ довольно силы на борьбу съ своей совѣстью, понимающихъ весь ужасъ своего

поведенія и если поддающихся раскаянію, то поддающихся до изступленія. Исаакъ осыпаетъ проклятіями и себя и жену свою. Простодушные разсказы ребенка о томъ, что̀ говорилъ, что̀ дѣлалъ больной морякъ въ послѣднія съ нимъ свиданія, переполняютъ чашу наказанія. «Проклялъ ли онъ меня, дитя мое?» спрашиваетъ онъ Джорджа. «Онъ не проклиналъ никого — отвѣчаетъ ребенокъ — онъ говорилъ только, что ему тяжело дышать, что сердце у него болитъ очень: «Мое сердце болитъ, мое сердце разбито!» «Дядя всегда молился, когда ему было грустно», замѣчаетъ мальчикъ.

Но и на молитву, даже на слабую молитву, недостаетъ силъ Исаака. Вся прежняя любовь, всѣ благодѣянія брата терзаютъ его память. Время не приноситъ ему облегченія, домъ становится ему противенъ, и онъ влачитъ жалкое свое существованіе, не наслаждаясь жизнью, не радуясь ничему, но боясь смерти *).

XI.

Послѣдняя поэма Крабба «Сельскіе Разсказы». — Общій взглядъ на это произведеніе. — Разныя эпохи Краббовой поэзіи. — Поэзія преклоннаго возраста. — Анализъ поэмы. — Два брата. — Характеры сквайра Георга и капитана Ричарда. — Встрѣча братьевъ. — Сельскій пасторъ. — Разсказы: «Живописецъ безъ дарованія». — *Сэръ Гарри Блендъ.*

Намъ остается познакомить читателя съ послѣднимъ произведеніемъ нашего поэта, а затѣмъ досказать остальныя событія его жизни. Въ 1819 году Краббъ издалъ послѣднюю свою книгу, подъ названіемъ: «Tales of the Hall», — названіемъ, которое мы должны передать не совсѣмъ правильнымъ выраженіемъ «Сельскіе Разсказы» **). Книга эта, подобно сочиненію, разобранному въ предъидущихъ главахъ, заключаетъ въ себѣ рядъ повѣстей, по большей части изображающихъ нравы сельскаго и загороднаго населенія, съ тою только разницей, что на этотъ разъ всѣ повѣсти

*) *Повѣсть двадцать первая*: «Ученый мальчикъ» — простая исторія избалованнаго юноши, посланнаго учиться въ Лондонъ и вернувшагося къ отцу своему, честному мызнику, съ запасомъ вредныхъ книгъ самонадѣянности и стремленія учить всякаго встрѣчнаго. Строгій земледѣлецъ сожигаетъ книги, а юнаго мудреца колотитъ хлыстомъ. Не смотря на крайне пустое содержаніе, очень хороши характеръ юноши и сцены сельскаго быта.

**) Слово Hall имѣетъ очень много значеній: *замокъ, отель, зала, загородная усадьба, помѣщичій домъ*. Если бы мы не стѣснялись длиннотой фразы, то должны были бы, передавая мысль Крабба, назвать послѣднюю его книгу такъ: «Исторіи, разсказанныя въ загородномъ замкѣ».

вяжутся между собою, замкнуты въ одну, отдѣльную поэму и, такимъ образомъ, составляютъ эпизоды одного стройнаго цѣлаго. Потому «Сельскіе Разсказы» составляютъ нѣчто среднее между поэмой и сборникомъ повѣстей; а главная повѣсть всей книги, составляющая предлогъ другихъ разсказовъ и какъ бы нить, ихъ связующую, едва ли не замѣчательнѣе всѣхъ отдѣльныхъ эпизодовъ, отъ перваго до послѣдняго. Скромная нитка оказывается драгоцѣннѣе нанизаннаго на ней жемчуга.

Рецензенты и цѣнители Краббa, какъ во время жизни, такъ и послѣ смерти поэта нашего, иногда спорили о томъ, которое изъ его твореній должно считаться безукоризненнѣе прочихъ. Особенно послѣ выхода «Сельскихъ Разсказовъ» сказанные споры возникли съ особенной живостью. Собственно намъ кажется, что умствованія и изслѣдованія подобнаго рода не имѣютъ прочнаго основанія. Краббъ — писатель необыкновенно оригинальный, самостоятельный и почти эксцентрическій по своему литературному поприщу. Онъ началъ писать въ тѣ годы, когда бо́льшая часть поэтовъ, покидая Парнассъ, берутся за горестную прозу. Онъ былъ сильнѣйшимъ реформаторомъ въ словесности, не сбросивъ съ себя даже устарѣлой формы стихотворенія; въ семьдесятъ лѣтъ отъ роду онъ и не думалъ прекращать своихъ литературныхъ занятій, чувствуя всѣ свои способности нимало не ослабленными вліяніемъ глубокой старости. Всегда ровный и всегда одинаковый, Георгъ Краббъ почти не знаетъ ни упадка, ни прогресса въ своемъ талантѣ: для него каждый возрастъ приноситъ свою поэзію, свою прозу и свое міросозерцаніе. Года измѣняютъ Краббa, измѣняютъ *видъ* его поэзіи; но поэзія постоянно горитъ въ немъ съ тою же силою. Мерцаніе этого огня различно; но теплота и сила его постоянно однѣ и тѣ же. Съ этой точки зрѣнія изученіе нашего автора полезно въ высшей степени, особенно для людей, считающихъ старость писателя несомнѣннымъ условіемъ его упадка. Пять капитальныхъ вещей, написанныхъ Краббомъ, замѣчательны, какъ пять ступеней человѣческаго развитія, пять поэтическихъ возрастовъ, такъ же не поддающихся сравненію, какъ, напримѣръ, не поддаются сравненію тридцатилѣтній мужчина и семидесятилѣтній старецъ, семнадцатилѣтній юноша и мужъ полной зрѣлости, готовящійся перейти дантову mezzo cammin di nostra vita. Въ первыхъ двухъ вещахъ Краббa («Деревня» и «Метричечкіе Списки») видѣнъ сперва молодой человѣкъ посреди жизненной борьбы, потомъ мужъ, еще не остывшій отъ боя, еще не примирившійся съ темной стороной жизни, строгій мыслитель, тяжелымъ опытомъ завоевавшій

себѣ право глядѣть на людскія слабости суровымъ и даже грознымъ взглядомъ. «Мѣстечко», поэма, проникнутая здравымъ милосердіемъ духа, сладкимъ сознаніемъ добра и великимъ успокоительнымъ чувствомъ, представляетъ намъ поэзію, облекающую человѣка, установившагося въ своихъ понятіяхъ, счастливаго своей дѣятельностью, — человѣка практическаго и безстрашнаго, строгаго къ себѣ и къ другимъ, неумолимаго передъ порокомъ, но нѣжнаго передъ страданіемъ незаслуженнымъ. «Повѣсти», съ которыми мы познакомили читателя въ предъидущей главѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи внушены тѣмъ же духомъ; но въ нихъ уже видѣнъ мудрый человѣкъ, близкій къ старости, преклонный годами, бодрый духомъ, — человѣкъ, исполненный житейской опытности, съ безконечнымъ знаніемъ сердца человѣческаго соединяющій ту примирительную спокойную поэзію, которой такъ много бываетъ во всякомъ благомъ существѣ, прожившемъ жизнь не напрасно, сохранившемъ безъ растраты всѣ дары, данные Провидѣніемъ на его долю. «Повѣсти», есть, конечно, самое мудрое, мужественное изъ твореній Георга Краббa. Въ немъ слышенъ любезный голосъ отца и пастыря. Читая эту книгу, можно сказать слова, произнесенныя какимъ-то лордомъ по поводу Джонсонова «Странника»: «Сидя за Джонсоновымъ листкомъ, я повременамъ думаю, что покойный отецъ мой, вставъ изъ гроба, опять заговорилъ со мной своимъ строгимъ, обожаемымъ голосомъ!»

Сельскіе Разсказы (Tales of the Hall), о которыхъ теперь идетъ рѣчь, богаты поэзіею совершенно другого рода, — поэзіею замѣчательною въ высшей степени, ибо она рѣдка до крайности — *поэзіею преклонныхъ лѣтъ*, поэзіею послѣдняго возраста нашей жизни. Гомеръ, самый всеобъемлющій изъ всѣхъ поэтовъ, недаромъ вывелъ въ своей божественной книгѣ того старца, который былъ олицетвореніемъ самаго преклоннаго возраста, Нестора, прожившаго нѣсколько поколѣній и съ своей сѣдой головой похожаго на обитателя Олимпа! «Иліада» была бы не полна безъ этого патріарха, льющаго изъ своихъ вѣщихъ устъ рѣчи сладчайшія меда, этого богу подобнаго воина, передъ которымъ Пріамъ, «знаменитый во браняхъ» — юноша, и Гекторъ, «шеломомъ блистающій», и Агамемнонъ, «предводитель народовъ» — мальчики. Кто не понимаетъ Нестора, тотъ никогда не пойметъ поэзіи возраста преклоннаго, для того, стало быть, человѣкъ, отягощенный годами, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ созданіемъ, безъ надобности влачащимся по свѣту и живымъ только вслѣдствіе своего прошлаго. Такое воззрѣніе на послѣднія ступени человѣческаго бытія про-

тивно природѣ и законамъ Божескимъ. Такое воззрѣніе противно поэтической правдѣ, противно поэзіи, противно величію перваго изъ поэтовъ вселенной. Типъ патріарха и дряхлаго человѣка, гомеровъ Несторъ правдивъ, какъ нельзя болѣе, въ своемъ свыше человѣческомъ величіи, въ своихъ долгихъ и сладкихъ рѣчахъ, въ своемъ мирномъ воззрѣніи на жизнь, въ своемъ полу-безстрастномъ положеніи посреди столкнувшихся племенъ, въ самыхъ своихъ подвигахъ, такъ спокойныхъ, такъ медленныхъ, такъ приличныхъ старцу, доживающему благой вѣкъ посреди общаго почтенія и общей покорности къ своему слову.

Если срокъ человѣческой жизни въ современномъ намъ племени короче срока жизни у древнихъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ личность, подобная Гомерову старцу, была фальшивою личностью: Вслѣдствіе нашихъ излишествъ, нашей изнѣженности въ дѣтствѣ и старости, приходящей къ намъ слишкомъ рано, мы привыкли видѣть въ преклонномъ возрастѣ человѣка одну слабость и одинъ упадокъ; но тѣмъ сильнѣе обязаны мы напрягать наше вниманіе, когда посреди насъ раздается голосъ маститаго пѣвца, пережившаго не одно поколѣніе и все еще сохранившаго свой голосъ звучнымъ и незатемненнымъ. Мы должны слушать его съ полнѣйшей готовностью, потому что подобные голоса рѣдки и всегда сообщаютъ намъ что нибудь необыкновенное, чего не сообщитъ намъ другой, болѣе молодой и болѣе звучный голосъ. Такого рода патріархомъ поэзіи является намъ семидѣсятилѣтній поэтъ Георгъ Краббъ въ своихъ «Сельскихъ Разсказахъ», — поэтъ, къ сохранившейся силѣ своего таланта присоединяющій всю опытность долгой жизни, все величіе благого и милосердаго патріарха, всю поэзію своего преклоннаго, древняго возраста. Новый міръ, новый кругъ идей объемлетъ всякаго читателя, взявшаго въ руки его книгу. Передъ нами не прежній Краббъ, котораго мы знали по его прежнимъ твореніямъ: передъ нами старецъ, вполнѣ успокоенный духомъ, вполнѣ примирившійся съ человѣчествомъ и взирающій на новыя поколѣнія такъ, какъ прототипъ его, сѣдовласый Несторъ, глядѣлъ на подвиги бурнаго сына Тидеева. Счастливый своей вѣрою, своей жизнью и своей славою, поэтъ смѣло высказываетъ себя преклоннымъ человѣкомъ, со всѣми особенностями, сродными его возрасту. Онъ любитъ жизнь, но не боится кончины и знаетъ ея близость. Онъ ничего не требуетъ отъ людей, но цѣнитъ ихъ и безъ людей жить не желаетъ. Спокойные, свѣтлые, величавые помыслы занимаютъ его умъ; сердце его не остыло ни къ чему доброму или прекрасному; сонъ его спокоенъ, и жизнь

его ясна, какъ морозное ясное утро, про которое Шекспиръ говоритъ въ одной изъ своихъ комедій.

Поэма «Сельскіе Разсказы» раздѣляются на двадцать-двѣ книги незначительнаго объема, и, послѣ всего сейчасъ нами сказаннаго, читатель, конечно, позволитъ намъ передать книгу первую, вступленіе всего произведенія, въ достаточной подробности.

Два брата сошлись вмѣстѣ,—два брата, много лѣтъ невидавшіеся,
Разлученные много лѣтъ назадъ, и, повидимому, навсегда разлученные.
У нихъ не было родни или общаго друга, связующаго обоихъ,
Некому было своимъ вліяніемъ поддерживать въ нихъ дружеское чувство,
Потому что есть души, передъ соединеніемъ своимъ требующія,
Чтобъ ихъ расположили одна къ другой и подвигли на дружбу,
Подобно тому, какъ два твердые и упругіе металла
Требуютъ сильнаго жара, затѣмъ, чтобъ слиться въ одно цѣлое.

Старшій братъ, Георгъ, дожилъ до шестидесяти лѣтъ,
Сильнымъ дѣятелемъ въ жизни, полной сильныхъ ощущеній,
Онъ не былъ женатъ, хотя не любилъ одиночества;
Но онъ когда-то любилъ сильно и любилъ несчастливо.
Когда прошла пора страстей и зрѣніе его прояснилось,
Когда сердце устало и покой сталъ необходимостью,
Георгъ имѣлъ еще довольно ума и энергіи для того, чтобы выбрать
Мѣсто своего отдыха и имъ кончить свою житейскую дѣятельность.

Онъ выбралъ свое родное селеніе: его сердцу еще были милы
И холмы, по которымъ лазилъ онъ мальчишкой,
И извилистый ручей подъ горою, около котораго онъ часто,
Рѣзвясь, останавливался и гасилъ нетерпѣливую жажду,
Черпая воду рукою, и потомъ останавливаясь, и глядя,
Какъ солнечные лучи улыбаются, играя на водной поверхности.

Прежніе могучіе дубы росли на плодоносной полянѣ.
Между ними ясно вырѣзывалась фигура церкви съ высокой башнею.
Только старыя ясени большой аллеи были срублены до возвращенія Георга,
Ибо, будь онъ на мѣстѣ, онъ не допустилъ бы ихъ истребленія:
Благоговѣніе питалъ онъ къ древнимъ деревьямъ,
Далеко пускающимъ въ землю свои углубляющіеся корни
И величественно возносящимъ къ небу свои все еще возвышающіяся вершины.

Ясени эти когда-то были насажены для украшенія замка,
Но разрослись и, не украшая вида, только скрывали все строеніе.

Старъ и величественъ былъ замокъ, о которомъ идетъ рѣчь,
Окруженный валомъ и сверхъ того рвомъ.
Часть замка была пристроена роскошнымъ сквайромъ,
Прежнимъ владѣтелемъ, особенно любившимъ всякія улучшенія.
Онъ засыпалъ ровъ, прочистилъ паркъ, придалъ окрестности видъ веселый.
Все мѣсто глядѣло богато. Но обладатель его промотался,
Земли давно оставались безъ дохода, и все владѣніе было продано.

Въ это время старый Георгъ, оставляя торговыя дѣла, купилъ помѣстье, —
То самое помѣстье, тотъ замокъ, на который онъ любовался въ дѣтствѣ.
Дивясь на вышину строенія, со страхомъ созерцая его величавость,
Всякій разъ, когда мальчикъ, налюбовавшись замкомъ, возвращался домой,
Некрасивъ казался ему родительскій, кирпичный домикъ.
Но и тогда, въ періодъ дѣтскихъ мечтаній, ни разу не представлялась ему
Мысль, что современемъ онъ сдѣлается властелиномъ древняго замка.
Но прошли года, исполненные перемѣнъ, труда и усилій —
Георгъ сталъ хозяиномъ замка, предмета его дѣтскихъ восторговъ и страховъ.
Какъ весело ему любоваться на сумрачныя залы,
Слабо освѣщенныя глубокаго солнца не пропускающими окнами,
На эту широкую темную лѣстницу, на своды и ихъ украшенія,
На свинцовую обшивку, по которой рисуются еще
Украшенія, вырѣзанныя ребятишками: ноги, руки, узлы и гирлянды!
Оставивъ безъ вниманія заново отдѣланную часть строенія,
Георгъ поселился въ старой и спокойно зажилъ въ новомъ своемъ пріютѣ,
Дѣля время съ небольшимъ числомъ друзей, съ трудомъ отысканныхъ между бывшими товарищами дѣтства.

Слѣдуетъ описаніе сосѣдей, наиболѣе близкихъ къ старику — сельскаго пастора, его школьнаго пріятеля, — доктора съ эксцентрическими философскими теоріями и двухъ старыхъ сестеръ-дѣвушекъ, много испытавшихъ въ жизни. Нашъ сквайръ, конечно,

ревностный торій, и изложенію его политическихъ убѣжденій посвящены слѣдующія замѣчательныя строки.

Георгъ любилъ благоразумную независимость, но строго осуждалъ людей,
Любящихъ ее неразумною, буйною и ребяческою любовью.
Не любилъ онъ всѣхъ тѣхъ, кто не понималъ усовершенствованія иначе,
Какъ при борьбѣ и шумѣ, своими криками и своимъ нетерпѣніемъ
Навлекая на себя бѣды и заслуженное порицаніе.
Онъ чтилъ законы родной земли и вѣрилъ, что ихъ надо хранить строго.
Что общественный порядокъ подобенъ потоку живой воды,
Изъ котораго могутъ пить всѣ, но что немногіе должны направлять его теченіе;
Онъ вѣрилъ, что неразумныя массы способны разрушать
Собственное свое благосостояніе, если имъ дадутъ полную свободу,—
И, зная все это, нашъ сквайръ ревностно стоялъ за законы родины,
Не рѣшаясь выставлять наружу даже ихъ несовершенства,
Какъ то сдѣлалъ проклятый сынъ въ Писаніи, издѣвавшійся надъ слабостями родителя.

Нельзя не остановиться надъ изображеніемъ привычекъ стараго сквайра.

Онъ любилъ ѣсть и пить, на сколько это позволительно людямъ,
Не считающимъ ѣду и питье за первое дѣло въ жизни.
Конечно, имѣлись люди, болѣе воздержные, чѣмъ Георгъ,
Но, любя иногда баловать себя, онъ былъ врагомъ излишествъ.
Сверхъ того онъ понималъ, что нельзя одному вкушать земныхъ благъ,
И, не расточая своего избытка, дѣлился имъ съ другими,
Ибо только истинно разсчетливый человѣкъ умѣетъ тратить свой достатокъ.
Года, заботы и задумчивость часто дѣлали Георга
На видъ жосткимъ, саркастическимъ и суровымъ.
Издали онъ казался старымъ и ходилъ согнувшись;
Но движенія его были бодры и взглядъ быстръ.
Такъ и душа его, казавшаяся холодною для постороннихъ,
Для тѣхъ, кто близко зналъ сквайра, оказывалась мягкой и любящею.
На его слово смѣло можно было положиться: честность его была велика.
Какъ человѣкъ, онъ былъ ласковъ, и нѣженъ, какъ другъ.
Таковъ былъ человѣкъ, спокойно покинувшій тревоги свѣта,

Безъ вражды и нѣжности къ свѣту, не благоговѣя передъ нимъ и
не презирая его.
Онъ пришелъ на родину и поселился въ ней, не ожидая
Особенныхъ наслажденій отъ жизни и не боясь несчастій.
Проницательнымъ взглядомъ пробѣжавъ книгу своего опыта,
Гдѣ улыбка и гнѣвныя гримасы фортуны занимали по ровной долѣ,
Георгъ взвѣсилъ въ умѣ своемъ все прошедшее, настоящее и будущее,
А затѣмъ сказалъ: «*я доволенъ — могло бъ быть и хуже!*»

Другими путями шелъ меньшой братъ, Ричардъ, — человѣкъ еще не старый, много странствовавшій и испытавшій, служившій въ морской и сухопутной службѣ, еще не успокоившійся сердцемъ, бѣдный, но женатый и счастливый въ своемъ семействѣ. Природа одарила его привлекательной наружностью и пылкимъ нравомъ; въ юности своей онъ до дна испилъ чашу честныхъ наслажденій, бывалъ подъ конемъ и на конѣ, влюблялся нѣсколько разъ, дѣлалъ много ошибокъ, но, благодаря природнымъ своимъ качествамъ, и въ зрѣломъ возрастѣ сохранилъ все великодушіе и горячность блистательнѣйшаго возраста. Оставивъ службу, Ричардъ увидѣлъ себя на родинѣ, съ обязанностью заботиться о своей многочисленной семьѣ, и то, чего не могли сдѣлать года опытности, совершено было его нѣжной любовью къ женѣ и дѣтямъ. Пока онъ жилъ, семья его была выше нужды; но необезпеченное ея положеніе въ первый разъ заставило Ричарда задуматься. Правда, братъ Георгъ былъ богатъ; но гордое сердце меньшого брата отвращалось отъ корыстныхъ разсчетовъ на пособіе отъ кого бы ни было. Но предоставимъ самому Краббу описать намъ встрѣчу обоихъ своихъ героевъ, такъ несходныхъ между собой по жизни и настроенію мыслей:

Пришло время братьямъ встрѣтиться. Они условились въ свиданіи,—
Не на письмѣ, а на словахъ, черезъ посторонняго человѣка.
И много миль Ричардъ проѣхалъ неохотно, колеблясь въ такихъ
думахъ:
«Что хорошаго выйдетъ изъ свиданія двухъ людей, почти забывшихъ другъ друга?
«*Братъ мой богатъ и гордъ*, *я очень гордъ и бѣденъ*.
«Можетъ быть, посланный худо передалъ мнѣ смыслъ его рѣчи;
«Можетъ быть, Георгъ холодно встрѣтитъ меня, какъ чужого.
«Тогда, конечно, вернусь я домой; но горько мнѣ будетъ
«Пересказать домашнимъ о моихъ надеждахъ и о холодной встрѣчѣ!

«Припомним всё дѣло: пріятели—одинъ мой, а другой моего брата,
«Встрѣтились въ гостинницѣ, пообѣдали вмѣстѣ,
«И когда кончена была рѣчь о домашнихъ ихъ дѣлахъ,
«Передъ тѣмъ, что мой пріятель хотѣлъ встать и идти домой,
«Его собесѣдникъ вдругъ произнесъ такія слова: «Скажи капитану,
«Что братъ его сохраняетъ къ нему братскія чувства
«И проситъ его пріѣхать къ нему, когда не будетъ у него въ виду другого дѣла.»

«Хорошо, я принимаю приглашеніе; но любезный братъ,
«Не для того, чтобъ льстить тебѣ и питаться на твой счетъ, я къ тебѣ ѣду;
«Не найдешь ты во мнѣ угодника и вѣчнаго служителя,
«Готоваго счищать пыль съ твоего кафтана и развеселять твой сплинъ;
«Разсказовъ твоихъ не стану я слушать по цѣлымъ днямъ,
«Соглашаясь съ тобой, когда ты неправъ,
«Я не способенъ любить и ненавидѣть заодно съ тобою
«И платить за обѣдъ готовностью на услуги;
«Говоря съ тобой, я не стану соображать моихъ рѣчей съ твоимъ взглядомъ
«И слушая твои слова, принимать почтительно робкую физіономію
«Человѣка, боящагося проронить хотя одно слово изъ словъ, тобой изреченныхъ!
«Ты дорогъ мнѣ не какъ покровитель, а какъ сынъ моей матери,
«И я не намѣренъ... вотъ и за̀мокъ. Славный старый за̀мокъ!»

Братья сошлись. Они оба были слишкомъ взволнованы,
Чтобъ еще имѣть силу наблюдать другъ за другомъ.
«Я радъ тебѣ, братъ!..» Больше ничего не могъ сказать Георгъ,
Но протянулъ руку, отвернувъ голову въ сторону;
Ибо онъ не любилъ нѣжныхъ изліяній, смѣялся надъ слезливостью,
И вдругъ съ удивленіемъ почувствовалъ что-то особенное на глазахъ и въ сердцѣ.

Въ то же время Ричардъ напрасно силился сказать что-то.
Упорствуя въ своихъ намѣреніяхъ, онъ чувствовалъ на дѣлѣ свою слабость,
Ибо трудно, по произволу, обуздывать горячность чувствъ нашихъ.
Черезъ нѣсколько мгновеній, братское чувство, воздымавшееся, подобно морскому приливу,

Успокоилось въ обоихъ: оба брата нашли силу взглянуть другъ на друга,
И каждый поглядѣлъ другому въ глаза, и встрѣча совершилась отлично *).

Нельзя не остановиться надъ описаніемъ первыхъ дней пребыванія Ричарда въ старомъ замкѣ. Только человѣкъ съ безгранично-любящимъ сердцемъ способенъ написать слѣдующія строки:

Наконецъ оба брата уже могли сходиться, не испытывая
Бурныхъ чувствъ: они утихали подъ вліяніемъ времени.
Разговоръ ихъ еще не сдѣлался плавнымъ; но уже и взгляды и жесты
Были правильнѣе у обоихъ и гораздо спокойнѣе, нежели въ первый день встрѣчи.
Сердца утихнули и стали доступнѣе обыденнымъ ощущеніямъ —
Дрожащая стальная стрѣлка начала устанавливаться въ компасѣ—
Шутливыя улыбки стали появляться во время рѣчи,
И самая рѣчь стала не такъ отрывиста, какъ прежде.
Но все еще между братьями по временамъ возникало молчаніе, —
Выразительное, умное молчаніе, отдыхъ взволнованнымъ чувствамъ.
Не отъ недостатка мыслей происходило оно,
Но отъ безпокойной стремительности ощущеній, за которой долженъ былъ итти отдыхъ.

Прошли еще дни. Ричардъ полюбился Георгу, и Георгъ пріобрѣлъ расположеніе Ричарда. Старшій братъ не могъ долго оставаться въ взволнованномъ положеніи: какъ человѣкъ спокойный и даже немного педантическій въ своихъ привычкахъ, онъ мало по малу вводитъ своего гостя въ скромный міръ собственныхъ своихъ ощущеній, собственнаго своего быта. Онъ показываетъ брату хозяйство замка и знакомитъ его съ обычными своими собесѣдниками. Приходскій пасторъ болѣе всѣхъ нравится Ричарду, и читатель, конечно, не можетъ быть разнаго мнѣнія съ нашимъ капитаномъ: въ строгомъ очеркѣ честнаго, стараго ректора нетрудно различить самого поэта, съ его суровымъ взглядомъ на жизнь, любовью къ дѣтскимъ школамъ и художественной манерой разсказывать разныя исторіи. О школахъ и о дѣтяхъ прежде всего ведутъ разговоръ

*) Великая нѣжность и красота исполненія видны въ очеркахъ обоихъ братьевъ и контрастѣ ихъ характеровъ. Братская любовь и трогательная встрѣча изображены въ совершенствѣ. М. Краббъ сразу заставляетъ насъ любить обоихъ своихъ героевъ, и съ первыхъ страницъ его книги все до нихъ относящееся не можетъ не занимать собою читателя. *Вильсонъ.*

три собесѣдника, выше поименованные, т. е. самъ сквайръ, Ричардъ и старый ректоръ. Послѣ сытнаго дружескаго обѣда, за стаканомъ вина, поднимается первый послѣдовательный разговоръ между братьями и ихъ гостемъ. Языкамъ дана полная свобода: предметъ бесѣды не обозначенъ заранѣе.

Ричардъ, всегда увлекаясь впечатлѣніями юности, вспоминая свои школьные годы, мало по малу вовлекаетъ ректора въ разговоръ, такъ для него интересный. Бесѣда, начатая обоими братьями, переходитъ въ простой разсказъ пастора, по поводу одного изъ его бывшихъ воспитанниковъ, о которомъ случайно вспомнилъ сквайръ послѣ обѣда. Дѣло идетъ о ребенкѣ задумчиваго вида, съ большою склонностью къ наукамъ и сверхъ того покровительствуемомъ какимъ-то лордомъ, другомъ просвѣщенія, въ родѣ лорда, о которомъ говорилось въ «Повѣстяхъ» *). Мальчикъ, дѣйствительно, обладалъ нѣкоторыми способностями; но, съ одной стороны, онъ не имѣлъ положительнаго таланта къ чему бы то ни было, а съ другой — его знатный покровитель, охладѣвъ къ дѣлу въ самое важное время, оставилъ юношу на произволъ судьбы, чуть онъ покинулъ училище. Печальная и весьма простая драма, начавшаяся съ этого времени, не требуетъ ни комментарій, ни похвальныхъ словъ. Юноша, воспитанный не для родного своего званія, сдѣлавшійся самолюбивымъ вслѣдствіе раннихъ успѣховъ и постояннаго покровительства, рѣшается быть художникомъ. Добросовѣстно трудится онъ, безъ отдыха и поощренія; но успѣхъ къ нему не приходитъ, ибо таланта къ живописи у него нѣтъ и никогда не было. Не рѣшаясь сознаться въ собственномъ безсиліи, стыдясь своей бѣдности, несчастный художникъ наконецъ изнемогаетъ подъ бременемъ тяжкой ноши.

«Много лѣтъ не видалъ я его (говоритъ ректоръ), и слухи о немъ пропали,
Когда одинъ разъ въ сумерки, бродя по узкимъ улицамъ огромнаго города,
По тѣснымъ, грязнымъ дворамъ, жалкимъ переулкамъ, между пріютами нищеты,
Въ которыхъ скрываются труженичающіе сыны Генія, Горя и Гордости,
Встрѣтилъ я его. Онъ шелъ задумавшись;
На лицѣ его легко было различить истощеніе съ грустью
И тихую печаль, всегда слѣдующую за конечнымъ крушеніемъ надеждъ нашихъ.
Я подошелъ къ нему хладнокровно, стараясь не выказывать

*) The patron.

Ни изумленія, ни сожалѣнія; но хотя я и упаилъ свои чувства
И подошелъ къ нему хладнокровно, было видно, что онъ тяготился
встрѣчею.

Ускоряя шагъ и видимо не желая длинныхъ разговоровъ,
Онъ сообщилъ, что на дворѣ очень холодно,
Что дѣла его идутъ недурно, что скоро смеркнется совсѣмъ,
И что мнѣ трудно будетъ найти дорогу,—а затѣмъ простился и исчезъ.

Черезъ нѣсколько времени увидалъ я его въ пустой комнатѣ,
Наполненной толпою бѣдняковъ. Когда его назвали по имени.
Онъ закрылъ лицо руками, считая свою нищету позоромъ.
На всѣ мои убѣжденія онъ отвѣчалъ словами: Сэръ! перестаньте...
Сидѣлъ онъ на постели, какія обыкновенно бываютъ въ богадѣльняхъ,
Склонивъ свою голову на деревянный ея край.
Вокругъ одра шумѣли дѣти, и безпрестанно они кричали.
Какой-то бѣднякъ, подобно ему, умиралъ возлѣ.
На сидѣньи изломаннаго стула, возлѣ постели,
Лежали вещи, какія были еще ему нужны.
И стоялъ желтый чайникъ съ разбитымъ носикомъ,
Въ которомъ находился чай — черный и холодный.

Въ этотъ пріютъ бѣдствія представили бѣднаго нищаго художника.
Его нашли на улицѣ, безъ чувствъ истощеннаго голодомъ.
Потомъ найденъ былъ его бѣдный уголъ, и оттуда
Изъ темнаго, дешеваго чердака вывезены вещи больного.
Одинъ кафтанъ, не очень заштопанный, немного бѣлья,
Чистаго, но износившагося, свертки бумагъ и тетради,
Рисунки и начатыя картины — ихъ-то онъ, при собраніи
Зѣвающихъ бѣдняковъ, кидалъ одна за другою въ затопленный каминъ,
Усмѣхаясь уныло! Одну только картину изъ всѣхъ
Кинулъ въ огонь не имѣя силы улыбнуться.

Разсказъ о другомъ воспитанникѣ ректора, *Гарри Бленд̀ѣ*, не взирая на свою краткость, можетъ назваться зерномъ цѣлаго романа, грустнаго, оригинальнаго и поучительнаго въ одно время. Умный, робкій, горделивый, застѣнчивый мальчикъ, по выходѣ изъ училища, женился и живетъ счастливо, когда, на бѣду его, въ немъ вдругъ загорается новая, унизительная любовь къ женщинѣ уже замужней, гораздо низшей его по общественному положенію и даже находящейся у него въ прямой зависимости, ибо мужъ ея нанимаетъ мельницу на землѣ Гарри Бленда. Разъ упавъ, Гарри, какъ всѣ натуры, съ нимъ сходныя, не знаетъ мѣры своей

страсти и предается ей навсегда, самъ сознавая свое бѣдствіе, но не имѣя средствъ вырваться на другую дорогу. Обращаемъ вниманіе читателя на слѣдующій отрывокъ разсказа: онъ жестокъ и какъ будто даже неприличенъ, если на него взглянуть поверхностно; но сколько цѣлебнаго, хотя и горькаго поученія въ немъ скрыто!

И онъ ходитъ къ этой женщинѣ, хотя знаетъ, что его видятъ сосѣди;
Но нѣтъ у него силъ идти противъ униженія и даже таиться.
Ослѣпленный вполнѣ, онъ будто поневолѣ, какою-то чуждою силою влечется на мельницу.
Тамъ сидитъ онъ, вполнѣ сознавая тягостную свою роль,
Стараясь приласкаться къ ребятишкамъ мельника, смѣющимся, сидя у него на колѣняхъ,
Между тѣмъ, какъ маленькая Доркасъ безъ церемоніи
Лепечетъ о своемъ богатомъ папà и зоветъ его этимъ именемъ.
Рѣже прежняго улыбается ему мать дѣвочки; но онъ силится
Дорогими подарками разбудить ея благосклонность.
А суровый мельникъ, подкупленный дорогой цѣною,
Угрюмо ворча, спѣшитъ уйти прочь изъ дома.
Часто бѣдный Гарри глубоко и тяжко вздыхаетъ,
Говоритъ себѣ: «Боже мой! пора проснуться отъ этого ужаснаго сна!»
Но слабѣющій умъ его ужасается разлуки,
И день проходитъ за днемъ, принося прежнее униженіе...

XII.

Продолженіе «Сельскихъ Разсказовъ». — Осенняя картина. — Признаніе обоихъ братьевъ. — Исторія Ричарда. — Дѣтскія воспоминанія. — Идиллія. — Исторія сквайра Георга. — Первая и послѣдняя любовь. — Вводные разсказы. — Двѣ сестры. — *Дженъ и Люси*. — *Мужъ-учитель*. — Типъ Фанча. — Разсказъ стараго холостяка. — Разсказъ старой дѣвицы. — Сэръ Овенъ Дель. — Повѣсть — «Медлить опасно». — Типъ Фанни.

Уже восемь дней наши братья прожили подъ одною кровлею. Для обоихъ наступила пора полной откровенности, и вотъ наконецъ, посреди утренней прогулки, заговорили они о прошлыхъ событіяхъ въ жизни каждаго. Разсказъ былъ начатъ Ричардомъ. Но прежде, чѣмъ подойти къ нему, мы переведемъ изображеніе сцены, посреди которой сквайръ и его гость заговорили о старомъ времени.

Было тихое, мягкимъ свѣтомъ сіяющее осеннее утро,
Глазу поминутно встрѣчались созрѣвшія сокровища осени,
И на умъ приходила мысль о вполнѣ развившейся красавицѣ,
Роскошно и блистательно себя наряжающей.
Тучная и влажная трава, мѣстами помятая ногами пѣшеходовъ,
Еще не успѣла выпрямиться и упорно хранила эти слѣды.
Глубокій ручей раздулся отъ ночного дождя;
Крылья мельницы быстро вращались отъ утренняго вѣтра,
Стаи грачей рѣяли въ воздухѣ по одному направленію,
И гордо надъ нимъ взвивался зоркій ястребъ,
Оглядывалъ шумную стаю и отдѣлялся отъ нея въ сторону.
Длинные ивовые листья, спавшіе съ деревьевъ,
Лежали повсюду, засыпая поверхность ручейка и глуша его слабое журчаніе,
Груды другихъ сухихъ листовъ валялись по дорогѣ.
И сквайръ, задумчиво глядя на нихъ, вымолвилъ: «да, и мы также умремъ!»

«Конечно — отвѣтилъ Ричардъ — и незачѣмъ заживаться на свѣтѣ
До жалкой поры слабоумія и тѣлеснаго упадка.
Но, не смотря на то, мнѣ весело глядѣть вокругъ себя.
Есть своя прелесть въ сегоднишнемъ утрѣ, хотя воздухъ холоденъ,
И чуднымъ спокойствіемъ дышитъ вся картина окрестности,
Такая богатая и разнообразная въ одно и то же время.
Въ самыхъ звукахъ, раздающихся повсюду, нахожу я пріятность.
Порознь эти звуки рѣзки, но вмѣстѣ составляютъ гармонію осени.
Вслушайся въ тихое завыванье вѣтра, въ шумъ ручья,
Въ крики работниковъ фермы, въ удары этого дровосѣка....
Вонъ топоръ застучалъ опять! вотъ раздался выстрѣлъ изъ ружья....
Развѣ все это вмѣстѣ тебѣ не нравится?...»

История Ричарда начинается послѣ утренней прогулки и обѣда. Въ ней, какъ почти во всемъ выходившемъ изъ-подъ пера Крабба, таятся подробности, взятыя поэтомъ изъ собственной своей жизни. Дѣтство молодого моряка прошло въ маленькой хижинѣ, въ виду неумолчно шумящаго моря, между моряками и женами матросовъ, шкиперами, вернувшимися къ отдаленнымъ странамъ, и военными мореходами, прославлявшими на чуждыхъ моряхъ флагъ своей родины. Не мудрено, что ребенокъ очень рано ощутилъ желаніе побывать на морѣ; но, кромѣ этого естественнаго стремленія, Ричардъ получилъ еще страсть къ поэтической наблюдательности, какъ то видно изъ настоящаго отрывка:

«Я былъ любимъ матерью, избалованъ, могъ дѣлать все, что хотѣлъ,
И потому съ раннихъ поръ полюбилъ гулянья безъ цѣли.
Часто пробирался я одинъ на загроможденную народомъ набережную,
Слушалъ странныя рѣчи матросовъ и извощиковъ,
Слѣдилъ за трудомъ этихъ земноводныхъ хлопотуновъ,
Въ безпорядкѣ толпящихся, подобно пчеламъ у отверстія улья,
Но усердно и дружно занимавшихся своимъ дѣломъ.
Стоя у воды, *никѣмъ незамѣченный, какъ клочекъ мокрой травы на волнахъ*,
Я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за работниками
Или глядѣлъ на открытыя лавки торговцевъ
И заговаривалъ съ купцами, получая отъ нихъ ласковый отвѣтъ;
Ибо хотя въ толпѣ ребенокъ бываетъ молчаливъ, а взрослый работникъ гордъ,
Но очень часто и взрослые люди охотно болтаютъ
Съ добрымъ, любопытнымъ и отчасти робкимъ дитятей.

Для меня были крайне занимательны собранія передъ очагами въ гостинницахъ,
И болѣе смѣлымъ мальчикамъ не было туда доступа; но у меня
Имѣлись свои покровители, говорившіе: «пустите къ огню нашего мальчишку.
Ребятишки похожи на людей: иные любятъ высматривать и выслушивать,
Другіе, какъ Ричардъ, ничего не понимаютъ, — но все-таки онъ добрый ребенокъ!»

Часто, въ лѣтнюю пору, идя по вересковой полянѣ,
Забирался я къ одинокому пастуху. *Пастухи любятъ говорить.*
Пастухъ былъ суевѣренъ и угощалъ меня
Простыми, но страшными разсказами о видѣніяхъ.
У него былъ когда-то сынъ, хорошо служившій на морѣ.
Онъ лишился этого сына и въ день смерти своего Джо
Видѣлъ тѣнь его, — холодную, мертвую тѣнь.

Я забирался и къ смогглерамъ, въ ихъ хижину между скалами.
Тамъ честная старушка Марта, смотрѣвшая за ихъ хозяйствомъ,
Разсказывала мнѣ исторію удальства и опасности той жизни.... *)

---

*) Какъ отдѣльный эпизодъ въ исторіи юношескихъ воспоминаній Ричарда, стоитъ исторія *Руфи*, молодой дѣвушки изъ сосѣдняго семейства, близкаго къ дитяти. Весь разсказъ, какъ говорили когда-то, «выхваченъ изъ дѣйствительности». Хорошенькую и страстную дѣвицу, еще не остывшую отъ первой своей (и печаль-

По окончаніи отроческихъ лѣтъ, меньшой братъ сквайра поступаетъ на службу, сражается въ Испаніи и пріобрѣтаетъ себѣ заслуженную славу храбраго офицера. О компаніяхъ своихъ говоритъ онъ мало, изображая въ подробности только одинъ эпизодъ изъ своей молодости. Какъ-то разъ, рѣзвясь съ мальчиками-товарищами, онъ упалъ за бортъ корабля, плывшаго на всѣхъ парусахъ по вѣтру. Нескоро моряки спохватились и подали помощь Ричарду, и не одну тяжкую минуту юноша провелъ между прыгающими валами, не предвидя спасенія и замѣчая, въ промежуткахъ борьбы, какъ корабль на полномъ ходу, уносился все дальше и дальше. Нечего говорить о томъ, какъ выполненъ весь анализъ ощущеній утопающаго.

Далѣе и далѣе идетъ разсказъ меньшого брата, прерываемый разспросами и замѣтками со стороны Георга. Морскія и военныя сцены смѣняются идилліей, получающей новую прелесть отъ контраста съ эпизодами предшествовавшими. Капитанъ Ричардъ, послѣ долгой компаніи, возвращается на родину, бѣдный, больной, разбитый тѣлесно, безъ друзей и пріюта. Никто не встрѣчаетъ молодого воина, никто не заботится о лихорадкѣ, давно уже закравшейся въ его организмъ. Съ большимъ трудомъ Ричардъ отыскиваетъ семейство, когда-то близкое къ его покойной матери. Семья эта состоитъ изъ стараго пастора, бѣднаго деньгами, но богатаго хорошенькими дочерьми. Одна изъ нихъ, Матильда, нравится Ричарду, Ричардъ нравится всей семьѣ, и священникъ, подобно самаритянину, не рѣшается покинуть безпріютнаго офицера. Затѣмъ начинаются сцены душевнаго отдыха, первой страсти, безкорыстной привязанности, ревности *), раскаянія и полнаго счастія. Ри-

---

ной) любви, родители насильно принуждаютъ выйти замужъ за хорошаго методиста, въ нее влюбившагося. Мольбы отца съ матерью, совершенно опутанныхъ краснорѣчіемъ жениха, и въ добавокъ еще бѣдныхъ, побуждаютъ Руѳь согласиться на бракъ. Она даетъ слово, не питая къ методисту ничего, кромѣ отвращенія. Но въ день, назначенный для свадьбы, дѣвушки нигдѣ не отыскивается. Руѳь утопилась, не находя въ себѣ силы на жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ. *Долго бродила она по берегу моря, не рѣшаясь на самоубійство, но наконецъ уступила искушенію и бросилась въ воду.* Разсказъ о предсмертныхъ колебаніяхъ дѣвушки вложенъ въ уста ея несчастной матери.

*) Поэтъ Краббъ (какъ разсказываетъ намъ сынъ его) не чуждъ былъ ревности въ своихъ привязанностяхъ. Миссъ Сара Ильми была весьма хороша собой и кокетлива. Когда она считалась невѣстой молодого студента Краббa, многіе сосѣди съ хорошимъ достаткомъ добивались чести получить ея руку. Все это зналъ нашъ поэтъ въ эпоху сильнѣйшихъ испытаній, а потому и не удивительно, что онъ тревожился за счастіе всей своей жизни.

чардъ и Матильда, равно бѣдные и равно влюбленные, соглашаются идти по жизненному пути рука съ рукою. Отецъ невѣсты, всю жизнь не заботившійся о земныхъ благахъ, даже и не помышляетъ полагать препятствія ихъ соединенію.

Болѣе послѣдователенъ, болѣе холоденъ, но и болѣе печаленъ разсказъ старшаго брата. Намъ уже извѣстенъ характеръ его; мы на столько знаемъ особенности сквайра Георга, чтобъ понять необузданно страстную натуру, скрывающуюся въ немъ подъ самой холодной оболочкой. Для подобныхъ людей, въ одно время увлекающихся и упорныхъ, жосткихъ, но любящихъ, жизнь иногда бываетъ многосложной комедіей; они сами словно составлены изъ одного куска, для нихъ въ жизни не бываетъ повтореній прошлаго, они умѣютъ любить только разъ, ненавидѣть однажды, но и любить и ненавидѣть навѣки. Первая любовь для нихъ бываетъ послѣднею, первое бѣдствіе — бѣдствіемъ цѣлой жизни, первое разочарованіе — вѣчнымъ разочарованіемъ. Въ юности своей Георгъ имѣлъ одно тяжкое испытаніе и, навѣки затаивъ его въ своей груди, можетъ быть, въ первый разъ отъ роду рѣшился передать его исторію меньшому, любимому брату. Сказанная исторія довольно проста и важна лишь по изложенію поэта да по вліянію, произведенному ею на героя. Проживая гдѣ-то въ замкѣ, посреди красивой природы, мечтательный юноша Георгъ влюбился въ молодую дѣвушку, которой ему удалось оказать услугу. Послѣ достодолжныхъ справокъ, очаровательница оказалась временною гостьею въ краѣ: никто не зналъ ея свойства, ея поведенія, ея состоянія. Она пропала изъ окрестностей замка такъ же неожиданно, какъ туда явилась, пропала, не давъ о себѣ вѣсти, но успѣвъ обворожить будущаго сквайра своей красотою, кротостью и внимательностью къ его страсти. Всѣ поиски были безполезны; а, между тѣмъ, лѣто проходило, и Георгу не позволялось заживаться въ сельскомъ уединеніи. Богатый дядя выписалъ его въ Лондонъ, сдѣлавъ его довѣреннымъ лицомъ по части торговыхъ операцій, всѣми средствами развлекалъ очарованнаго юношу; но для особъ въ родѣ Георга развлеченія теряютъ свою спасительную силу. Нашъ герой дѣлалъ свое дѣло и искалъ полюбившуюся ему дѣвушку. Онъ трудился неутомимо, но за трудъ свой искалъ одной только награды. Женщинъ для него не существовало. Онъ вставалъ съ постели и отходилъ ко сну съ одной мыслью въ головѣ, съ одной страстью въ сердцѣ. Упрямою, безконечною, неудержимою любовью было полно все его су-

щество. И вотъ наконецъ удалось ему встрѣтить свою очаровательницу, — но гдѣ и въ какомъ видѣ!

Выписываемъ самую характерную часть эпизода, словно списаннаго съ извѣстной картины Гогарта. По дѣламъ дяди, Георгъ является въ загородный домъ одного негоціанта, извѣстнаго своей безпорядочною жизнью.

Домъ былъ хорошъ, но не такъ чистъ, какъ бы слѣдовало.
Я зналъ, однако, что у занятыхъ людей часто не бываетъ порядка.
Небрежно одѣтая служанка, грубаго вида,
Оглядѣла мою худенькую фигуру, спросила мое имя и ввела въ пріемную.
Подъ вліяніемъ страннаго чувства началъ я оглядывать комнату:
Ставни оконъ были полуоткрыты, занавѣсы оконъ
Не поднятыя, какъ слѣдуетъ, мѣстами висѣли во всю длину,
Мѣстами падали на подоконники.
Въ комнатѣ было темно; не смотря на позднюю пору дня,
Видно было, что никто не убиралъ комнаты.
Кое-гдѣ валялись слѣды вчерашняго ужина,
Запахъ сильныхъ духовъ еще не исчезъ совершенно.
Двѣ софы не одинаковаго фасона, были прорваны во многихъ мѣстахъ,
Гардины и коверъ приходили въ ветхость,
Огромное старое зеркало, въ полинявшей золотой рамѣ,
Отражало картины на стѣнахъ, — картины довольно неприличныя;
Каменная рѣшетка, заваленная пепломъ, и стулья,
Стоявшіе въ великомъ безпорядкѣ, будто говорили
Про какую-то буйную запоздалую компанію людей,
Быстро удалившихся наканунѣ и быстро покинувшихъ
Унылое, угрюмое, непривѣтливое помѣщеніе.

Пока молодой человѣкъ ждетъ хозяина и оглядываетъ комнату, къ нему весело вбѣгаетъ женщина, и въ этой женщинѣ узнаетъ онъ свою Розабеллу. Видъ несчастной жертвы говоритъ лучше всѣхъ догадокъ; да она, впрочемъ, и не желаетъ скрываться.

«Неужели это она? Да, она! Роза утратила свою прелесть,
Свой ароматъ, свой нѣжный цвѣтъ, свою гордую красоту;
Но все же нельзя было ошибиться: передо мной стояла женщина,
Въ первый разъ заставившая говорить мое сердце, — предметъ всѣхъ моихъ помысловъ!

Я не могу ее описывать: представляется мнѣ и теперь
Что-то стройное и блѣдное, нарядное и не совсѣмъ опрятное,
Съ безпокойнымъ взглядомъ, выражающимъ порокъ и горе,
Слабое, смѣющееся, веселое въ своемъ униженіи.
На лицѣ ея были замѣтны слѣды притиранья,
Яркой краски, наложенной съ небрежностью
И говорившей про что-то мертвое;
Но черты лица были прежнія черты, — и это сходство
Путало мои ощущенія, привлекало мои взоры
И обманывало меня картинами прошлаго...»

Начавъ встрѣчу веселымъ смѣхомъ, Розабелла кончаетъ ее горячими слезами: она сознаетъ весь ужасъ своего паденія. Она цѣнила безкорыстную любовь Георга; она доведена была до пропасти разными обстоятельствами; она, наконецъ, знаетъ, что ей недолго жить на свѣтѣ, что ея здоровье разрушено какъ тоской, такъ и излишествами. Какая участь ожидаетъ ее, когда человѣкъ, теперь ей покровительствующій, соскучится ею?

Увлекаясь своей молодостью, Георгъ пытается воротить несчастную на путь истинный, обѣщаетъ ей забыть все прошлое, снова полюбить ее, если и она, съ своей стороны, попытается расторгнуть всѣ свои сношенія съ прошлымъ. Обѣщаніе дано съ радостью, опытъ сдѣланъ, но увы! — результатъ его не отличается нисколько отъ результата всѣхъ опытовъ въ подобномъ родѣ. Сколько грустной истины въ слѣдующихъ словахъ Георга:

И я сказалъ, смягчившись: «разорви всѣ сношенія съ твоимъ кругомъ,
Отступись отъ прошлаго — моя рука съ моимъ сердцемъ будутъ твои».
Она радостно согласилась, попробовала... Увы! она сама не знала еще,
Какъ глубоко сидятъ корни зла, если оно поселилось въ женскомъ сердцѣ!
Разумъ ея вполнѣ могъ сознавать истину;
Но, по привычкѣ, ей нужны были тщеславный блескъ и роскошь,
Увеселенія, пиры, — не утонченные пиры,
Но просто шумливыя собранія, заглушающія голосъ совѣсти.
Съ праздностью не могла она бороться: ей было необходимо
Убивать время, выдумывать лжи и оправданія,
Между тѣмъ, какъ душа ея, уступчивая и лишенная твердости,
Падала болѣе и болѣе...

Смерть Розабеллы полагаетъ конецъ всей исторіи. Георгъ остается вѣрнымъ ея другомъ до гроба, смягчая страданія несчастной, охраняя ее отъ нужды и окружая ее всевозможнымъ попеченіемъ. Онъ кончаетъ съ любовью такъ, какъ кончаютъ съ нею люди, отмѣченные печатью силы душевной. Ни паденіе, ни скорбь, ни разрушеніе иллюзій, ни даже чувство презрѣнія не отвращаютъ его отъ заботы о женщинѣ, тронувшей его сурово любящее сердце. Закрывъ глаза ей и поцаловавъ Розабеллу въ послѣдній разъ, сквайръ Георгъ навѣки отказывается отъ любви и даже брака по разсчетамъ.

Не слѣдуетъ думать, однако же, что сквайръ Георгъ, вслѣдствіе сейчасъ разсказаннаго эпизода, прервалъ всѣ связи съ женскимъ поломъ: ему не зачѣмъ было убѣгать женщинъ: для его сердца первая красавица не могла назваться опасною. Въ числѣ сосѣдей по замку Георгъ считаетъ двухъ сестеръ, *Дженъ* и *Люси*, съ которыми знакомитъ меньшого брата. Обѣ небогаты, обѣ независимы, обѣ одиноки, обѣ откровенны, обѣ весьма умны и благотворительны. Ихъ скромная исторія сообщается читателю; но о ней мы не имѣемъ времени говорить долго. Достаточно будетъ сказать, что Дженъ, гордая по природѣ, была обманута своимъ женихомъ и впала въ унылую мизантропію, между тѣмъ, какъ Люси, много бѣдствій видѣвшая въ теченіе своей жизни, бодро перешла испытанія, благодаря своему тихому, уживчивому и женско-практическому характеру. Всѣмъ знакомая басня о дубѣ и тростинкѣ здѣсь происходитъ въ лицахъ; сверхъ того, весь эпизодъ украшенъ замѣчательною пѣснію, вложенной поэтомъ въ уста больной Дженъ. Пѣсня эта начинается стихами:

Зачѣмъ все такъ печально въ моей комнатѣ и вокругъ моей постели?
Несите ко мнѣ свѣжія розы, смоченныя утреннею росою...
Пускай и около гроба моего лежатъ цвѣты, взрощенные мною,
Наполняя воздухъ своимъ нѣжнымъ благоуханіемъ...

Слѣдующая затѣмъ повѣсть *«Мужъ учитель»*, не взирая на свою краткость, стоитъ быть упомянутою. Ричардъ встрѣчаетъ на прогулкѣ какого-то серьёзнаго и задумчиваго всадника, «какъ будто рѣшающаго алгебраическую задачу, сидя на своей лошади». Наружность незнакомца ведетъ къ разспросамъ, и сквайръ Георгъ, во время послѣобѣденной бесѣды, передаетъ брату приключенія педанта Финча, *«который, еще въ школьные свои годы, танцовалъ лишь съ дѣвочками, особенно замѣчательными по прилежанію и успѣху въ наукахъ»*.

Все достоинство эпизода, какъ нетрудно догадаться, заключается въ мастерскомъ очеркѣ самого героя. Къ особамъ въ родѣ Финча рѣдко подходили даже прозаики, не только что поэты, и причина тому понятна. Финчи, педанты по жизни, нечасто встрѣчаются наблюдателю, особенно, если наблюдатель не очень проницателенъ. Въ большихъ городахъ, въ центрахъ сильной дѣятельности, посреди роскоши и практическихъ занятій, *Финчамъ* нечего дѣлать. Ихъ пріютъ — маленькіе кружки и муравейники, городки и сельскіе углы, такъ изученные Краббомъ. *Финчи* любятъ быть первыми въ своемъ уединеніи и всегда почти достигаютъ первенства за неимѣніемъ антагонистовъ. Ихъ никакъ нельзя сравнивать съ заслуженными, истинно учеными педантами, выкупающими свой недостатокъ честнымъ трудомъ и происходящей отъ того пользой. *Финчъ* не очень привязанъ къ труду и никому неспособенъ принести пользы; изъ наукъ онъ знаетъ однѣ верхушки и даже педантизмъ свой устремляетъ онъ не къ наукѣ, а ко всѣмъ житейскимъ дѣламъ; житейскимъ мелочамъ даже. Педантъ ученый можетъ нагнать скуку на своего собесѣдника; но Финчъ, педантъ жизни, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дурной человѣкъ, нестерпимый во всѣхъ своихъ поступкахъ. Онъ худой школьникъ, худой юноша, худой мужъ, никуда негодный старикашка. Онъ мучитель своей жены, деспотъ въ семьѣ, заносчивый спорщикъ между друзьями, лицо истинно вредное и заслуживающее сатиры. Про одного изъ такихъ Финчей сообщаетъ намъ сквайръ Георгъ исторію, не лишенную благого поученія. Юноша, взросшій посреди довольства и общаго почета, зараженный жизненнымъ педантизмомъ и въ добавокъ еще избалованный, намѣревается выбрать себѣ подругу жизни. Всѣ дѣвушки ему не по вкусу, всѣ неразвиты и тупоумны, то слишкомъ рѣзвы и вѣтрены. Наконецъ попадается ему особа, съ благоговеніемъ слушающая рѣчи Финча, усердно сидящая за книгами и во всякомъ затруднительномъ дѣлѣ почтительно испрашивающая совѣтовъ у мудраго Финча. Молодой педантъ поддается очарованію, предлагаетъ свое сердце; свадьба совершается — и за нашимъ героемъ остается упрямая, невѣжественная интригантка, не только неспособная къ какому-либо умственному развитію, но положительно враждебная просвѣщенію, мысли, наукѣ, благороднымъ правиламъ! Смѣшнымъ спором окончивается весь разсказъ.

Слѣдующіе затѣмъ два эпизода: «Старый Холостякъ» и «Исторія Старой Дѣвицы», открываются замѣчательными словами сквайра Георга. Онъ собирается познакомить своего меньшого брата

съ героями обоихъ разсказовъ и по этому поводу высказываетъ свои мысли о людяхъ, подобно ему обреченныхъ на одиночество въ жизни:

«Въ первомъ ряду друзей моихъ находится одна старая дѣвица
И старый холостякъ, котораго признаю я однимъ изъ лучшихъ людей въ свѣтѣ.
Въ обществѣ принято смѣяться надъ особами такого разряда.
Въ пѣсняхъ и разсказахъ встрѣчаемъ мы вздорныхъ одинокихъ стариковъ и смѣшныхъ дѣвъ,
Жалкихъ твореній, возбуждающихъ досаду и презрѣніе,
Неспособныхъ радоваться ничему, кромѣ чужого горя,
Возбуждающихъ боязнь въ робкой, но шаловливой молодости,
Всѣмъ ненавистныхъ при жизни и безполезныхъ до смертнаго часа.

Не признаю я друзей моихъ лицами такого сорта: оба они
Имѣли пору молодости и желаніе ею пользоваться.
И горячія страсти, и надежды, и увлеченіе юности,
И пора пламенной любви, — все имъ было доступно:
Судьба, одна судьба затемнила ихъ солнечный лучъ,
Испортила ихъ жизнь и разсѣяла веселые призраки.
Намъ ли смѣяться надъ ними за это, и благородно ли
Преслѣдовать ихъ за то, что они не имѣли счастія въ жизни?
Если даже они и преднамѣренно избрали себѣ удѣломъ одиночество,
То какое право имѣемъ мы осуждать ихъ рѣшеніе?

Ричардъ совершенно соглашается съ братомъ, увидавъ его друга-холостяка и побесѣдовавъ съ нимъ, около пылающаго камина, въ обычный часъ разговоровъ и признаній. Добрый, спокойный, радушный старикъ разсказываетъ братьямъ свою исторію, свое воспитаніе, свою первую привязанность, свои неудачныя сватовства, даже свою послѣднюю, стариковскую любовь къ очень молодой дѣвушкѣ. Пять разъ находился онъ на волосокъ отъ брака, и пять разъ враждебная судьба снова повергала его въ полное одиночество, пока наконецъ онъ не отказался навсегда отъ надежды перемѣнить свою долю. Въ разсказѣ находятся частности, стоящія подробнѣйшаго перевода слово въ слово.

Вотъ, напримѣръ, весьма неидиллическое, но до крайности вѣрно подмѣченное чувство жениха за недѣлю передъ свадьбою:

«Одна недѣля оставалась до брака: еще семь дней къ ряду
Ни одинъ мужчина, ни одна женщина не могли стѣснять меня ни въ чемъ;
Семь *дорогихъ* ночей имѣлъ я право уходить спать
Въ какой часъ мнѣ вздумается, не давая никому отчета;
Семь блаженныхъ дней могъ я бродить или сидѣть дома
По собственному произволу, не слыша, чтобъ кто нибудь
Спросилъ меня: куда это вы уходите, сэръ?
Въ теченіе цѣлой недѣли имѣлъ я право бесѣдовать
Съ кѣмъ хочу, какъ хочу, о чемъ хочу, какъ пристойно свободному человѣку!

Описаніе первыхъ подступовъ старости:

«Прошло шесть лѣтъ, а раньше этихъ шести — сорокъ,
И время начало шутить со мной свои обычныя шутки:
Кудри мои, когда-то нравившіяся не одной дѣвушкѣ,
Кудри, когда-то черныя, запестрѣли, и сѣдина стала въ нихъ вторгаться.
Я много ѣздилъ верхомъ и ходилъ, какъ обыкновенно,
Но не ощущая во время этихъ прогулокъ прежней рѣзво-порывистой веселости.
На небольшой рыси я чувствовалъ, что меня пробираетъ испарина,
Отъ умѣренной ходьбы ноги мои уже уставали;
Гостямъ моимъ я сталъ показывать великолѣпные холмы около моего дома,
Прибавляя, однако: «видъ съ нихъ нехорошъ, лазить на нихъ не стоитъ!»
Ночуя у кого-либо изъ друзей, я ощущалъ безпокойство,
Если комната была холодновата и постель не согрѣта, какъ слѣдуетъ.
Къ своему дому получилъ я привязанность и съ педантизмомъ
Требовалъ отъ домашнихъ, чтобъ всѣ мои вещи ставились и клались
Постоянно въ одномъ и томъ же порядкѣ.
Псовую охоту я бросилъ, разлюбилъ лошадей,
Сталъ дольше сидѣть за обѣдомъ, выучился шахматной игрѣ.
Иногда бралъ я ружье и шелъ съ собакой; но животное
Начинало выказывать признаки досады, видя, что я пропускаю дичь.
Утреннія прогулки перестали быть для меня необходимостью,
И я съ удовольствіемъ, вставая съ постели, видѣлъ, что сильный ливень мѣшаетъ прогулкѣ.
Короче сказать, я ощущалъ какую-то небывалую лѣность,
Руки мои стали менѣе сильны и менѣе ловки,

Пустыя занятія дня незамѣтно начали переходить въ привычки,
Къ новымъ модамъ и выдумкамъ сталъ я ощущать отвращеніе,
Въ саду моемъ я сажалъ деревья правильными линіями, считалъ персики на деревьяхъ,
А въ разговорахъ не разъ принимался разсказывать снова недавно разсказанную исторію...

Прошло еще четырнадцать лѣтъ:

«Мнѣ минуло шестьдесятъ; но я ходилъ много и не жаловался на желудокъ,
Аппетитъ былъ хорошъ, а сонъ очень сладокъ.
Судьба моя не могла назваться тяжкою; но что же заставило меня
Въ такую пору жизни привязаться къ женщинѣ?
Злой рокъ не оставилъ меня: я былъ атакованъ, —
Нельзя сказать, чтобъ невзначай, но посреди полнаго отдыха.
Такъ бѣдный солдатъ, вернувшійся цѣлымъ изъ сраженія,
Вырвавшійся невредимымъ изъ двухъ или трехъ опасныхъ схватокъ,
Падаетъ на отдаленномъ отъ боя посту, еще не сложивъ оружія,
Жертвою пули на излетѣ, — пули, пущенной наудачу!

Исторія старой дѣвушки, служащая какъ бы панданомъ къ предъидущему эпизоду, сходна съ нимъ по содержанію, хотя изложенію придано должное разнообразіе, и весь тонъ, по мягкости своей соотвѣтствуетъ предмету. Обращаемъ вниманіе читателя на одну изъ заключительныхъ страницъ вещи. Въ кроткую героиню, на склонѣ лѣтъ еще сохранившую часть своей красоты, влюбляется молоденькій мальчикъ, со всею необузданностью своего возраста, и это обстоятельство, вѣрно подмѣченное, безпрерывно встрѣчающееся въ дѣйствительной жизни, даетъ возможность нашей старой дѣвушкѣ явиться въ истинно благородномъ, почти высокомъ видѣ:

«Вы спросите была ли я довольна такой любовью? забавляла ли меня
Любовь, которой я не могла отвѣчать, уважая свою женскую гордость?
Признаюсь откровенно, я была занята, и нѣсколько дней
Не могла найти въ себѣ достаточно силы на то, чтобъ остановить опасную игру.
Однако, я не дала себѣ воли и твердо вознамѣрилась
Навсегда проститься съ пылкимъ и привлекательнымъ ребенкомъ.
Помню я вечеръ, холодный, но тихій.
Море, посеребренное луною, похоже было на огромный прудъ.

Однѣ только маленькія курчавыя волны тихо набѣгали на берегъ
И дробились у ногъ нашихъ, не издавая никакого шума.
Мы гуляли вдвоемъ, держась за руки.
Посреди общаго молчанія, я чувствовала, какъ тревожится мой
спутникъ.
Нѣсколько разъ переводилъ онъ духъ, молча и стыдясь своего
молчанія,
Придумывая гладкую рѣчь и не имѣя силъ сказать одного слова.
Какъ вдругъ онъ, безъ всякихъ приготовленій, сталъ на колѣни
И произнесъ: «сжалься надъ муками несчастнаго человѣка!...»

Дѣвица держитъ умную рѣчь своему неоперившемуся поклоннику. Изъ рѣчи этой выписываемъ мы лишь небольшое число лучшихъ строкъ:

«Съ какими глазами, милый Рупертъ, станешь ты встрѣчать охужденіе свѣта,
Общій голосъ близкихъ тебѣ и неблизкихъ: «вотъ мать съ ребенкомъ!»
Какъ стыдно тебѣ будетъ за твой собственный выборъ,
И какъ жестоко будешь ты обходиться со мною,
Чтобъ показать свою самостоятельность; а, между тѣмъ, самое время,
Общій утѣшитель горя, только будетъ увеличивать твое несчастіе.

Прибавь двадцать лѣтъ къ моей тревожной жизни
И вообрази передъ собой твою старую, дряхлѣющую супругу,
Скучную, надоѣдающую, огорченную и огорчающую,
Стыдящуюся своей роли и заставляющую тебя самого стыдиться!
Въ то время, когда я буду сгибаться подъ рукой времени,
Ты будешь стоять гордо и прямо, во всемъ цвѣтѣ мужества,
И станешь ты убѣгать отъ меня въ общества людей болѣе юныхъ,
Чтобы тамъ откровенно высказываться передъ особами, съ тобой
сходными.
Между тѣмъ, какъ я, покинутая и ревнивая,
Если стану молчать, то буду презрѣна, а въ противномъ случаѣ
ненавидима.
И, не смотря на то, что дни мои будутъ проходить въ горѣ,
Самая жизнь моя будетъ тянуться долго, долго,
До того времени, пока ты самъ, схоронивъ свою жену,
Не будешь уже способенъ пользоваться данной тебѣ свободою!»
Вы спросите меня, лестны ли казались мнѣ мольбы юноши.
Нѣтъ! я не радовалась его любви, но боялась его упорства.
Три раза онъ бросался ко мнѣ, умоляя меня смягчиться,

Кидая на меня взгляды, полные скорби и отчаянія.
И чувствовала я, что въ эту ночь, при тихомъ сіяніи мѣсяца,
Нельзя безопасно выслушивать рѣчей хорошенькаго, влюбленнаго
мальчика.
Сознавая въ себѣ начало тревоги, я вскричала: «ни слова болѣе!»
И нахмурилась и положила конецъ объясненію.

Повѣсть «Сэръ Овенъ Дель» (разсказанная приходскимъ ректоромъ послѣ одного изъ обѣдовъ въ замкѣ), замѣчательна не столько по собственнымъ своимъ красотамъ, сколько по одному вводному разсказу, въ нее вставленному. Сэръ Овенъ Дель, богатый помѣщикъ, человѣкъ честный и умный, но необузданный и мстительный по природѣ, оскорбленъ, отвергнутъ, осмѣянъ молоденькою кокеткою, которой вздумалъ было на старости лѣтъ предложить руку и сердце. Любовь его обращается въ ненависть: все существованіе суроваго сквайра проникается одной мыслью, однимъ желаніемъ отмстить кому слѣдуетъ. Случай, весьма часто дѣйствующій лучше самого Скриба, въ скоромъ времени даетъ Делю полную возможность погубить коварную женщину, насмѣяться надъ ея привязанностями, разрушить все ея счастіе. Мститель готовъ; злое дѣло начато; но въ это время сэру Овену простой поселянинъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ отыскалъ свою жену, бѣжавшую съ похитителемъ, и, вмѣсто того, чтобъ свершить надъ нею немедленное наказаніе, могъ только пріютить, пригрѣть и простить несчастную, заблудшуюся жертву. Чѣмъ-то героическимъ дышетъ весь разсказъ честнаго земледѣльца, изрѣдка прерываемый гнѣвными замѣтками злопамятнаго сэра Овена:

«Я долго искалъ ихъ, сэръ Овенъ, не забывая вѣчно гнетущей
меня злобы;
Но два года, два ненавистные года, прошли ранѣе,
Чѣмъ я наконецъ отыскалъ преступниковъ. И гдѣ же я нашелъ ихъ?
Въ полной нищетѣ, въ грязи и нуждѣ проживали они,
Занимая маленькій чердакъ и платя за него понедѣльно,
Мучась и голодая, испытывая горе, о которомъ и говорить тяжко.

Потолокъ чердака, поврежденный мѣстами, пропускалъ снѣгъ,
Лежавшій нетающими кучками на полу.
Когда я съ трудомъ взобрался по узкой лѣстницѣ въ самую комнату,
Охлажденную неровными дуновеніями морознаго вѣтра,
Нищета встрѣтила меня во всемъ, что попадалось мнѣ на глаза.
Угрюмо хмурились почернѣлыя, когда-то бѣлыя стѣны,

Тускло глядѣли рамы, когда-то пропускавшія свѣтъ:
Объѣдки жалкихъ кушаньевъ валялись въ безпорядкѣ.
Пустой ящикъ безъ дровъ и угля стоялъ около печи...
Несчастная чета, тщетно пытаясь согрѣться въ грязной постели,
Утоляла свой голодъ пищею, отъ которой и голодный отвернулся бы...

«Эллисъ! въ умѣ ли ты? (говоритъ сэръ Овенъ). И ты можешь вздыхать,
Говоря объ этомъ?» — «Могу вздыхать, сэръ Овенъ,
И вы сдѣлали бъ тоже, еслибъ могли извѣдать
Всю пучину бѣдствія, ихъ обоихъ окружавшую,
Еслибъ вы знали, съ какимъ трудомъ добывали они пищу,
Какъ часто приходилось имъ сидѣть безъ работы или, по болѣзни,
Пользоваться подаяніемъ сосѣдей, немного менѣе нуждающихся...

«Зачѣмъ же ты шелъ къ нимъ, Эллисъ? неужели для того,
Чтобъ сжалиться и оказать помощь преступникамъ?» — «Сначала, сэръ,
Я имѣлъ въ виду отплату и мщеніе; но когда я увидалъ
Въ этомъ жалкомъ чердакѣ ту женщину, которая, полагалъ я,
Тѣшится и смѣется надо мною посреди преступнаго довольства,
Когда я увидѣлъ эту женщину, эту когда-то веселую, преданную жену,
Которую я за счастіе считалъ наряжать не по состоянію,
На которую съ гордой радостью смотрѣлъ я,
Когда она, счастливая и нарядная, шла между сосѣдками, —
Когда я увидалъ ее на нечистой постели, съ обнаженной грудью,
Около которой лежалъ больной, истощенный, почти нагой ребенокъ,
Когда я подсмотрѣлъ, какъ она, даже не имѣя силы стыдиться,
Взглянула на меня взглядомъ, выражающимъ одинъ ужасъ,
Когда я увидѣлъ соблазнителя, дрожавшаго отъ лихорадки,
Бьющей его въ то время, какъ онъ глядѣлъ мнѣ въ лицо,
Чувства мои смѣшались, я не зналъ, что̀ дѣлается со мною,
И залился слезами...»
«Другъ мой — возразилъ сэръ Овенъ — что̀ же сталось съ твоимъ праведнымъ гнѣвомъ?
Ихъ стыдъ, ихъ бѣдствіе развѣ не были воздаяніемъ за твои страданія?
Развѣ ты ихъ ввергнулъ въ нищету? Ты могъ не показывать гнѣва,
Но могъ быть твердымъ и сознавать торжество праваго дѣла.»

«Вѣрю, что они виноваты сами; но кто посмѣлъ бы, глядя на нихъ,
Отказать въ милосердіи тамъ, гдѣ нужно милосердіе?»

«И ты могъ оказать имъ помощь?» — «Сэръ Овенъ! я видѣлъ
Какъ дитя, прикасаясь къ увядшей груди матери,

Напрасно искало себѣ пищи въ этой истощенной груди
И съ слабыми криками, двигая маленькими губами,
Все еще тянулось къ оскудѣвшему источнику!»

«И ты позабылъ про мать, про оскорбленіе, про свои права?»
«Не говорите мнѣ, сэръ, о правахъ и оскорбленіяхъ:
Я сознаю, что есть другой законъ и другое повелѣніе: мщеніе не для человѣка.»

Выслушавъ исторію Эллиса, суровый старикъ самъ поспѣшаетъ простить вѣтренницу, которую желалъ и могъ погубить безнаказанно.

Нельзя не обратить вниманія читателей на повѣсть «Медлить опасно», тотчасъ же слѣдующую за повѣстью «Сэръ Овенъ Дель». Въ этомъ небольшомъ произведеніи, старецъ-поэтъ затрогиваетъ самыя сокровенныя струны человѣческаго сердца и, рисуя намъ сцены изъ нравовъ простого сословія, умѣетъ касаться предметовъ общихъ всѣмъ, близкихъ къ сердцу каждаго. Въ разсказѣ «Медлить опасно» нѣтъ мрачныхъ очерковъ въ родѣ сейчасъ приведеннаго Эллисова разсказа, нѣтъ поражающихъ картинъ убійственной нищеты, но за всѣмъ тѣмъ вся вещь производитъ впечатлѣніе болѣе грустное, нежели «сэръ Овенъ Дель» и ему подобные эпизоды. Здѣсь горе другого рода, нищета душевная, а не тѣлесная, великое униженіе человѣка передъ самимъ собою. Слабость и самолюбіе смертнаго, его шаткость и ничтожество развиваются передъ нами тѣмъ явственнѣе, что они развиваются сами собою, безъ умствованій или поясненій со стороны разсказчика. Передавая всю исторію безъ особенныхъ подробностей, мы надѣемся, что она, и въ возможно сжатомъ видѣ, заставитъ призадуматься не одного читателя.

Генри, сынъ достаточнаго земледѣльца, юноша честный, но отчасти слабый, отчасти тщеславный, влюбляется въ умную, прекрасную дѣвушку, которая платитъ ему полной взаимностью. Счастье легко и возможно; но, къ сожалѣнію, у жениха есть отецъ, связанный интересами съ сосѣднимъ лордомъ, гостепріимнымъ владѣтелемъ одного изъ окрестныхъ зàмковъ. Вельможа дорожитъ своимъ кредитомъ въ графствѣ, ухаживаетъ за избирателями, ласкаетъ старика, а молодого Генри зазываетъ къ себѣ въ зàмокъ на лѣтнее время. Неохотно отпускаетъ Цецилія своего жениха; но ни препятствовать поѣздкѣ, ни читать наставленій умная дѣвушка не рѣшается. Времени такъ много впереди, молодые люди такъ

влюблены другъ въ друга, лордъ такъ внимателенъ къ гостю, а самъ гость такъ скроменъ и разсудителенъ!

Въ замкѣ благороднаго помѣщика проживала, отчасти какъ гостья, отчасти какъ родственница его управляющаго, молодая дѣвушка, по имени Фанни. Подмѣтить и представить живымъ подобнаго рода типъ можетъ только поэтъ самаго перваго разбора; потомки Краббовой Фанни отыщутся и у Диккенса, и у Корреръ Белля, и у Теккерея даже. Это красивая, тихая, добрая, безотвѣтная, сиротливая дѣвушка, всегда молчаливая и робкая, всегда какъ будто испуганная, скромная и неспособная на зло положительное, но весьма и весьма пригодная на вредную хитрость, какой отъ нея и ждать невозможно. По красотѣ своей Фани далеко ниже Цециліи, умомъ и характеромъ она червякъ въ сравненіи съ невѣстою Генри, состояніе у ней нѣтъ никакого; а между тѣмъ, не взирая на всѣ эти вѣроятности неуспѣха, червякъ отнимаетъ орлиную добычу и заползаетъ туда, куда ему заползти хотѣлось! Интрига завязывается самымъ естественнымъ и невиннымъ образомъ: во время прогулокъ своихъ, Генри часто встрѣчаетъ тихую, робкую дѣвочку, исчезающую при его появленіи и глядящую на него съ нѣкоторымъ подобострастіемъ. За нѣмыми встрѣчами идутъ краткіе разговоры, за разговорами дружба, за дружбой потаенныя свиданія. И какъ нашему юношѣ не приголубить, не оцѣнить такого кроткаго существа, всегда готоваго слушать его рѣчи съ робкимъ благоговѣніемъ? Говорятъ намъ, что изъ всѣхъ родовъ лести грубѣйшая лесть всегда бываетъ наиболѣе привлекательною; а женское подобострастіе не есть ли грубѣйшая и неодолимѣйшая лесть на свѣтѣ? Мало по малу Генри запутывается и самъ сознаетъ нелѣпость своего положенія; но съ огнемъ шутить опасно: такъ, ступивъ на ложную дорогу, онъ уже не имѣетъ духа идти по прямому пути. Взгляды его измѣняются: правдивая, гордая преданность Цециліи уже не шевелитъ мальчика, пріучившагося повелѣвать и въ любимой женщинѣ видѣть рабыню. Отношенія Генри къ Фанни, дѣлаясь нѣжнѣе со всякимъ днемъ, наконецъ навлекаютъ на него заслуженную катастрофу: родня хитрой дѣвушки ставитъ ловушку, подстерегаетъ молодыхъ людей во время жаркаго объясненія и устроиваетъ свадьбу прежде, нежели несчастный мальчишка успѣваетъ кинуть устрашенный взглядъ на горе, ждущее его въ будущемъ!

Вся повѣсть изобилуетъ тонкимъ анализомъ и обычными картинами, исполненными фламандской точности. Толстый управитель замка, родственникъ Фанни, стоитъ какъ живой со своимъ бѣлымъ

парикомъ, широкополымъ кафтаномъ, дорогою тростью и до безобразія раскормленнымъ мопсомъ, повсюду его сопровождающимъ. Изображеніе Фанни принадлежитъ къ удачнѣйшимъ и вѣчнымъ типамъ. Легкомысленный, самолюбивый и заносчивый Генри есть живой человѣкъ, хотя очерченъ съ нѣсколько мѣньшимъ искусствомъ. Какъ образецъ всей манеры разсказа и дополненіе всей исторіи, приводимъ нѣсколько строкъ изъ послѣдней части эпизода.

«Прошло пять лѣтъ послѣ брака — и что̀ сталось съ Генри?
Вышелъ изъ него скучающій, унылый, раскаявающійся человѣкъ,
Обремененный вѣрною, надоѣдающею, вялою, вѣчно встревоженною женою,
Ужасающеюся всякаго вниманія къ чужой женщинѣ со стороны мужа,
А, между тѣмъ, неимѣющей средствъ для того, чтобъ нравиться ему!
Живетъ она для того лишь, чтобъ плакать, обвинять, мучиться, умолять;
Ревнивая и влюбленная, знающая всѣ свои слабости, хотя
Она все-таки ждетъ многаго, не сто̀итъ ничего.
Она все надѣется невозможной любви отъ Генри,
Вздыхаетъ о радостяхъ, которыхъ ей не увидать болѣе,
Съ жалобами вторгается въ комнату мужа
И своими упреками заставляетъ его еще болѣе дорожить уединеніемъ.
А мужъ, между тѣмъ, вполнѣ видя всѣ ея недостатки,
Горько жалуется на свою долю и обращается съ нею грубо.
«Глупъ я, глупъ! — говоритъ онъ — глупъ оттого, что я продалъ
Свою свободу за это личико и приторную улыбку
И промѣнялъ женщину, гордость цѣлаго женскаго пола,
На этого жалкаго, бременящаго меня ребенка!

Изъ-за чего связалъ я свою участь съ ея участью?
Что̀ остается мнѣ теперь, когда ея красота не нравится мнѣ болѣе?
Я могу называть ее своею; но что̀ же изъ этого?
Я вижу ее безъ наслажденія, показываю ее другимъ людямъ безъ гордости.
Съ кислымъ видомъ сидитъ она между своими дѣтьми,
Уже не стараясь нравиться, хотя и прежде нравилась она мало!
Съ однимъ чувствомъ досады гляжу я на нее и вижу, что она
Холодна, какъ ледъ, ненадежна, какъ ледъ, и безвкусна, какъ ледъ!»

XIII.

Продолженіе «Сельскихъ Разсказовъ». — Естественная развязка любви. — Двѣ повѣсти о привидѣніяхъ. — Трактирщикъ Вилльямъ Бейльи. — Послѣдняя глава поэмы. — Старшій и меньшой братья. — Отъѣздъ Ричарда. — Часъ разлуки. — Заключеніе. — Отзывъ критика Вильсона.

Мы имѣли свою опредѣленную цѣль, передавая читателю съ особенной полнотою всю первую половину «Сельскихъ Разсказовъ» Крабба. Чтобы уловить духъ этой поэмы, необходимо было придать должную подробность ея анализу. Мы это сдѣлали на сколько могли; но, говоря безъ всякаго лицемѣрія, рѣшительно не знаемъ, каковъ результатъ усилій нашихъ. Имѣя въ виду людей, пріобыкшихъ разумѣть поэзію, мы должны прямо обратиться къ нимъ, выспросить ихъ мнѣнія и самыми нашими вопросами показать то, къ чему стремились сами. Сохраненъ ли нами поэтическій элементъ душевной ясности, проникающей собой каждую страницу разбираемаго произведенія? Рисуются ли передъ читателемъ сердцу милыя картины тихой сельской жизни, съ маленькими наслажденіями преклоннаго возраста, съ дружескими бесѣдами, съ дружескимъ обмѣномъ мыслей, съ полнымъ, благословеннымъ спокойствіемъ,— тѣмъ спокойствіемъ, какое умѣютъ вкушать лишь одни люди, много жившіе и много испытавшіе на свѣтѣ? Близокъ ли сталъ читателю старый зáмокъ Георга, оживленный присутствіемъ молодого гостя? принимаетъ ли онъ хотя сколько нибудь участія въ бесѣдѣ двухъ братьевъ? по сердцу ли ему тихія картины окрестной природы? нравятся ли ему фигуры посѣтителей зáмка — задумчиваго ректора, стараго холостяка, старой дѣвушки, недавно разсказывавшей свою исторію? Если на вопросы наши читатель не можетъ отвѣчать утвердительно, трудъ нашъ напрасенъ, и поэзія послѣдняго Краббова произведенія можетъ быть усмотрѣна лишь изъ самаго подлинника поэмы. Во всякомъ случаѣ, мы будемъ менѣе многословны, передавая вторую половину «Сельскихъ Разсказовъ».

Съ быстротой летятъ дни въ зáмкѣ сквайра Георга: залы и корридоры его не поражаютъ прежнею пустотою, комнаты не остаются безъ веселыхъ огней, за обѣденнымъ столомъ сидитъ не одинокій холостякъ-хозяинъ, долгіе послѣобѣденные часы, — часы когда-то тяжелые, сумрачные, теперь посвящены разсказамъ, спорамъ, шуткамъ, воспоминаніямъ. Напрасно капитанъ Ричардъ, повременамъ, собирается ѣхать домой: старшій братъ постоянно убѣждаетъ его помедлить, и молодой человѣкъ всякій разъ усту-

паетъ его настояніямъ. И для счастливаго человѣка бываютъ временами нужны дни полнаго спокойствія; иногда безстрастная, тихая жизнь въ какомъ нибудь сельскомъ уголку приноситъ пользу даже семейному человѣку, даже мужу прекрасной женщины. Итакъ, день идетъ за днемъ, недѣля за недѣлею. О чемъ только не бесѣдуетъ компанія нашихъ друзей, какихъ разсказовъ не происходитъ около огромнаго камина, въ столовой сквайра Георга! Сегодня братья и ихъ гости толкуютъ о любви и о томъ, какъ, обыкновенно, кончаются привязанности, необузданныя въ началѣ *), завтра рѣчь идетъ о привидѣніяхъ **), на слѣдующій день о невыгод-

---

*) Повѣсть «Естественная развязка любви» сообщается отъ лица сквайра Георга, который, по своей врожденной наблюдательности, иногда имѣетъ обыкновеніе набрасывать на бумагу событія и наблюденія, особенно его поразившія. Весь разсказъ состоитъ изъ разговора двухъ супруговъ, черезъ годъ послѣ брака. Дѣло идетъ о разности между первыми днями восторговъ и хладнокровнымъ, вялымъ спокойствіемъ брачнаго существованія. Жена говоритъ съ жаромъ, нетерпѣливыми выходками и чувствомъ замѣтно оскорбленной гордости; отвѣты мужа, болѣе вѣжливые, разумные, приличные, проникнуты невольною холодностью, дѣйствительно, оскорбительною для страстной женщины. «Вся повѣсть — замѣчаетъ Джеффри — есть одна изъ лучшихъ, если не лучшая во всей книгѣ. Вѣрность языка непостижима, и оба лица схвачены превосходно».

**) «Лэди Барбара, или Привидѣніе» основана на истинномъ происшествіи, популярномъ въ Вильтшейрѣ. Молодую вдову тѣнь ея мужа предостерегаетъ отъ втораго брака, но предостерегаетъ напрасно. Она выходитъ за юношу, котораго бы могла, по годамъ судя, называть своимъ сыномъ, и результаты брака весьма плачевны, какъ и слѣдовало ожидать. «Эдинбургское Обозрѣніе» замѣчаетъ очень справедливо, что для такого событія не стоило духу усопшаго являться изъ могилы. Но въ повѣсти и въ приготовленіи къ разсказу находятся строки чистой поэзіи.

Вторая повѣсть о привидѣніяхъ: «Прогулки около церкви», бѣдна внѣшнимъ интересомъ, но обставлена и разсказана замѣчательно. Краббъ, какъ духовное лицо и, сверхъ того, какъ человѣкъ весьма проницательный, не считалъ пристойнымъ пугать читателя суевѣрными страхами; но, съ другой стороны, какъ поэтъ многосторонній, онъ не могъ обойти вопроса, не лишеннаго всѣмъ доступной поэзіи. Содержаніе «Прогулокъ» весьма просто: молодая дѣвушка, схоронившая любимаго жениха, вся отдается тоскѣ съ безграничнымъ *сладострастіемъ отчаянія*, чувствомъ, весьма знакомымъ всякому, кто въ юныя лѣта переносилъ большія потери. Она не хочетъ слушать утѣшеній, избѣгаетъ всѣхъ удовольствій и ночи проводитъ на кладбищѣ, упиваясь воспоминаніями. Она рада была бы увидѣть возлюбленную тѣнь, она ничего не ищетъ кромѣ возлюбленной тѣни. Но въ одну ночь, вмѣсто дорогого призрака, встрѣчается ей мошенникъ на могилѣ, а слѣдующій затѣмъ испугъ возвращаетъ мечтательницу къ помысламъ, менѣе фантастическимъ.

Разсказъ идетъ отъ лица сквайра Георга, собственными ушами слышавшаго его отъ самой дѣвушки, на уединенной фермѣ, гдѣ онъ когда-то лечился, и куда, въ поздніе часы вечера, собиралась сельская молодежь для долгихъ бесѣдъ. Вотъ картина, которою открывается описаніе этихъ англійскихъ посидѣлокъ.

ныхъ сторонахъ брачной жизни, еще черезъ день о блаженствѣ той же жизни и о неразумiи лицъ, неспособныхъ вкушать счастiе

Былъ осеннiй вечеръ, холодный и тихiй.
Солнце только что скрылось за дальними холмами.
Дѣти проводили его глазами, въ молчанiи глядя на тихую картину окрестности.
Величественная царица ночи вышла на небо во всей своей славѣ,
И сладко было смотрѣть на ея неровное сiянiе, на тѣнь,
Ложившуюся тамъ, гдѣ смѣшивались блескъ луны и черныя пятна отъ кустовъ жимолости,
Или глядѣть, какъ огромное старое дерево въ саду
Бросало свой отчетливый черный силуэтъ на дорожку, усыпанную пескомъ.
Все было тихо, и слышались только тѣ слабые звуки,
Отъ которыхъ тишина прiобрѣтаетъ что-то страшное.
Глухое вскрикиванье летучей мыши, жужжанье пролетавшаго жука
И другiе голоса безъ названiя, неизвѣстно откуда возникавшiе.
Таковъ былъ вечеръ; и въ старомъ домѣ
Собралась обычная компанiя сосѣдей-говоруновъ.
Изъ сада къ двери *вели каменныя поломанныя ступени.*
Поверхность ихъ, овлаженная росою, сiяла при мѣсяцѣ.
Кое-гдѣ по камню, на мѣстахъ, куда нога человѣка не ставилась,
Росли зелень и мохъ, медленно прозябавшiе.
Глубина запыленныхъ оконъ слабо пропускала въ комнату
Лучи мѣсяца и остатки дневнаго свѣта.
На стѣнахъ висѣли портреты, и съ каждой рамы глядѣло лицо,
Почему-то располагавшее къ грустной задумчивости.
Невидимые червяки много лѣтъ работали около рамъ и холста,
Пока опустошенiе, ими нанесенное, стало видимо глазу.
Въ каминѣ пылалъ огонь изъ хвороста, причудливыми вспышками,
Неровно озаряя всю комнату, и при вспышкахъ этихъ
Казалось, что какiе-то страшные образы выглядывали изъ мрака.
Одна веселая гостья, взглянувъ на близъ висѣвшiй портретъ,
Спросила: «кто этó», и ей разсказали, какъ тотъ, съ кого онъ былъ писанъ,
Былъ великимъ воиномъ и отчасти колдуномъ:
Обладая страшными тайнами, онъ — прости его Боже! —
Не боялся ни пуль, падающихъ какъ градъ, ни другого оружiя...
И вдругъ онъ забылъ одно заклинанiе...

. . . .

Вотъ эти дѣти, чтó изображены на той картинѣ,
Лишились жизни во цвѣтѣ дѣтскихъ и раннихъ лѣтъ.
Вѣдьма, чѣмъ-то разгнѣванная, слѣпила ихъ фигуры
Изъ чего-то похожаго на воскъ и также тающаго.
Дѣти истаявали мало по малу и умерли,
А злодѣйка, приговоренная къ смерти, призналась въ своей винѣ.

Вотъ отрывокъ изъ разсказа дѣвушки, лишившейся жениха. Мы выписываемъ его изъ-за картины, въ немъ содержащейся:

Дядя мой, деканъ, тогда принялъ меня въ свое жилище.
Онъ овдовѣлъ недавно, и все въ домѣ его было очень печально.

раздѣленной страсти. Изъ числа этихъ разсказовъ, многіе стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ; но, покоряясь необходимости, мы должны выбрать только одинъ, по возможности, самый характеристическій. По замѣчанію лорда Джеффри, «Вилльямъ Бейльи», изъ разсказовъ всей поэмы, можетъ назваться «лучшимъ произведеніемъ, по части описаній простыхъ нравовъ». Познакомимъ же читателя съ честнымъ трактирщикомъ Вилльямомъ Бейльи, который умѣлъ любить и прощать лучше всякаго тонко развитаго философа.

«Я знаю — говорилъ Георгъ — одного добраго и счастливаго человѣка, —
Совершенно счастливаго своей женою и увѣреннаго въ своемъ счастіи.
Я когда нибудь поведу тебя къ Вилльяму Бейльи и женѣ его,
Женщинѣ безукоризненной чистоты со дня ея замужства.
Ходили до того времени про нее странныя исторіи;
Но самъ Вилльямъ не любитъ ими заниматься,
И часто, когда его жена, думая о нихъ, отираетъ навернувшуюся слезинку,
Онъ добродушно упрекаетъ свою подругу въ излишней строгости къ прошлому.
Наши добрые супруги проживаютъ въ собственной своей гостинницѣ,
И живутъ въ мирѣ, въ довольствѣ и изобиліи.
Со вкусомъ отдѣлалъ Вилльямъ гостинницу «Золотое Руно».
Не бывало еще никогда въ этой гостинницѣ ни шума, ни ссоры.

Церковь стояла возлѣ его дома. Въ этомъ величавомъ зданіи
Проводила я много времени, молясь и предаваясь размышленіямъ,
И часто, безъ всякаго дѣла, имѣя при себѣ ключъ,
Я входила туда, бродила по придѣламъ, между колоннами,
Глядя, какъ лучъ заходящаго солнца ложился на каменныя плиты,
Слѣдя за тѣмъ, какъ этотъ свѣтъ, слабѣя съ каждой минутой,
Тусклѣе и туманнѣе прорывался сквозь росписныя стекла въ старыхъ рамахъ.
И вотъ все вокругъ темнѣло, краснымъ свѣтомъ вспыхивали окна
Въ послѣдній разъ, отъ послѣдняго луча заката,
И мгла разстилалась вокругъ меня, вмѣстѣ съ тишиною.
Скучный день кончался, и вокругъ меня не оставалось ни луча свѣта, ни звука,
Которые могли бы напомнить мнѣ о свѣтѣ...

И тогда приходили мнѣ въ голову гордыя мысли Горя,
И я готова была произносить съ упоеніемъ: «мнѣ не надо свѣта!
Я не забочусь о свѣтѣ, о жалкихъ его обитателяхъ,
И скоро покину я ихъ для обители несравненно лучшей!...»

Но хотя тиха и пріятна теперешняя жизнь супруговъ,
На долю ихъ когда-то выпали года тяжкихъ испытаній.

Жена героя нашего въ дѣвицахъ жила на фермѣ.
Молодые люди, видаясь часто, полюбили другъ друга,
Но не торопились вступать въ бракъ, наученные примѣромъ
Многихъ неразсчетливыхъ бѣдняковъ, торопящихся быть счастли-
выми.

Вилльямъ былъ честенъ, простодушенъ, кротокъ и ласковъ,
Любознателенъ, трудолюбивъ и склоненъ къ разсчетливости.
Одѣвался онъ чище многихъ молодыхъ поселянъ, тратя денегъ ме-
нѣе, чѣмъ они,
Избѣгалъ трактировъ, хотя и было ему суждено быть трактирщикомъ.
Но, совсѣмъ тѣмъ, нерѣдко дѣлалъ онъ добрыя дѣла,
Помогая нуждающимся товарищамъ, или работой, или даже деньгами.
Онъ имѣлъ много дарованій: комната его была украшена
Разными рѣзными вещицами, трудомъ собственныхъ его рукъ —
Не всѣ понимали ихъ изящество — но, сверхъ того,
Вилльямъ игралъ на флейтѣ: всѣ дѣвушки признавали этотъ талантъ.
Въ церковь ходилъ онъ исправно, и тамъ, съ небольшой гордостью,
Онъ пѣлъ во весь голосъ и громко читалъ молитвы.
Самоучкой выучился онъ писать по печатной книгѣ,
И почеркъ Вилльяма вполнѣ согласовался съ его характеромъ:
То не были крючки и каракульки, трудныя для пониманія, —
Почеркъ былъ смѣлъ и ровенъ; читалъ Вилльямъ такъ,
Какъ читаютъ умные пономари — громко и торжественно.
Походка его была тиха, но имѣла пріятность и говорила о силѣ.
Черные волосы, раздѣленные посреди головы, вились кудрями,
Всегда спокойный взглядъ говорилъ про честную душу...» *)

Френсесъ, невѣста нашего поселянина, очерчена съ мѣньшей подробностью и мѣньшимъ искусствомъ. Дѣвушки, ей подобныя, уже намъ встрѣчались въ Краббовой галлереѣ. Это натура нѣжная, но легко увлекающаяся, отчасти сбитая съ толку общей лестью, от-

*) Надъ изображеніемъ Вилльяма Бейльи стоитъ призадуматься. Соединивъ столько хорошихъ качествъ и подробностей, поэтъ съумѣлъ не отступить шага отъ дѣйствительности. Во всемъ очеркѣ нѣтъ полуслова сантиментальнаго. Фигуры подобнаго рода составляютъ величайшій трудъ для художника, — въ этомъ, конечно, согласятся всѣ знатоки поэзіи.

части испорченная воспитаніемъ, немного высшимъ, чѣмъ воспитаніе сельскихъ дѣвушекъ. Френсесъ читаетъ книжки, мечтаетъ о величественныхъ зàмкахъ, прелестныхъ героиняхъ и обворожительныхъ юношахъ знатнаго происхожденія. Она часто поперечила своему жениху, иногда даже помышляла о любви, болѣе яркой и бурной; но, въ сущности, сердце дѣвушки всегда было и навсегда должно было остаться золотымъ сердцемъ. Недостатки ея были недостатками дитяти, а не взрослой женщины.

На бѣду для Вилльяма и его невѣсты, у Френсесъ была еще жива тетка, старая дѣвица, правившая какую-то должность въ отдаленномъ зàмкѣ сосѣдняго аристократа-барона. Старушка захотѣла видѣть племянницу передъ свадьбой, и Вилльямъ проводилъ Френсесъ до зàмка, неохотно прощаясь съ нею на нѣсколько дней, потому что нельзя же было дѣвушкѣ покинуть обрадованную родственницу въ самый день свиданія. Величавая вилла и вообще пріемъ значительно поразили обоихъ любовниковъ...

Самъ Вилльямъ, воротясь домой, не могъ не разсказывать
Объ учтивой и привѣтливой встрѣчѣ, имъ сдѣланной,
О длинныхъ галлереяхъ и портретахъ во весь ростъ,
О прелестныхъ гостинныхъ и большой залѣ поразительнаго вида,
О бюстахъ, статуяхъ, о мраморныхъ полахъ.
Онъ особенно восхищался коврами на стѣнахъ, съ вышитыми картинами,
Да еще однимъ просторнымъ покоемъ, въ которомъ стояли
Ширмы и шкапы изъ Индіи, съ никогда не виданными имъ фигурами...

Съ своей стороны, невѣста Вилльяма очарована не одной блистательной внѣшностью: сами люди, наполняющіе зàмокъ, кажутся ей какъ бы особымъ разрядомъ людей, начиная отъ ея тетки, уже умѣвшей усвоить себѣ нѣкоторыя привычки высшаго общества, до молодого лорда Роберта, хозяйскаго сына, являющагося нашей начитанной поселянкѣ чѣмъ-то въ родѣ героя, неслыханно-привлекательнаго. Вообще, Краббъ въ своихъ повѣстяхъ часто изображаетъ намъ бѣдствія лицъ, выступившихъ на время изъ того круга, въ которомъ они родились и должны бы были жить постоянно. За пристрастіе къ темамъ такого рода мы его не упрекаемъ нисколько. Поэтъ Правды не могъ не останавливаться надъ положеніями, безпрерывно встрѣчающимися въ дѣйствительной жизни, безпрерывно приносящими съ собой зло и горе, благодаря

человѣческому тщеславію, человѣческой гордости и человѣческому неразумію.

Тетка съ племянницей часто ходили по садамъ и парку.
Иногда на пути встрѣчались имъ господа и ихъ благородные гости.
«Свернемъ въ сторону!» тихо говаривала при этомъ робкая дѣвица.
«Свернуть?» перебивала тетка. — «Да чего же намъ стыдиться?
Развѣ въ этихъ людяхъ есть что нибудь страшное и дерзкое?
Развѣ на прекрасномъ лицѣ лорда Роберта — взгляни на него! —
Развѣ на этомъ лицѣ не написано истиннаго благородства?

«Почему ты вдругъ покраснѣла? Или ты боишься,
Чтобъ милордъ не началъ за тобой ухаживать?
Но я увѣряю тебя, что никогда, встрѣчаясь со мною,
Не говаривалъ онъ неприличныхъ вещей — ни въ шутку, ни серьёзно». —
«Дадимте же ему пройдти». — «Что жь! правда, онъ взглянулъ на тебя.
И взглянулъ пристально — что жь въ томъ удивительнаго?
Онъ увидалъ новое лицо и захотѣлъ въ него вглядѣться.
Онъ, конечно, неспособенъ сдѣлать ничего безумнаго!»

А между тѣмъ, прошелъ мѣсяцъ и ни Бейльи, ни родители невѣсты не имѣли никакого извѣстія о своей Френсесъ. Поселяне не любятъ безпокоиться попустому, мнительность не въ ихъ нравѣ. Однако, дни проходятъ за днями, а дѣвушка какъ будто канула въ воду. Наконецъ, стороною, до фермы дошло ужасное извѣстіе: Френсесъ убѣжала съ лордомъ Робертомъ; тетка ея лежала больная при смерти. Тутъ на сцену выступаетъ новое лицо: честный и суровый земледѣлецъ, отецъ невѣсты, настоящій британскій йоменъ, непривычный къ оскорбленіямъ и въ своемъ семействѣ считающій себя неприкосновеннѣйшимъ гражданиномъ, вполнѣ равнымъ первому лорду британской имперіи. Его объясненія съ старухой и самимъ барономъ, отцомъ лорда Роберта, стóитъ передать со всей подробностью.

— «Гдѣ моя дочь? сейчасъ же представить ее мнѣ!» (говоритъ онъ старухѣ).
— Братецъ! я мучусь, страдаю и днемъ и ночью.
— «Что мнѣ до твоихъ страданій — изъ-за чего тебѣ страдать!
Гдѣ моя дочь?» — Я готова поклясться въ томъ,
Что она помнитъ свой долгъ, а молодой лордъ честенъ.
— «Молчи, глупая женщина! нечего тебѣ смягчать свою совѣсть
Ты продала дѣвушку, ты погубила свою племянницу!»

— Я больна, братецъ: каждое твое слово меня терзаетъ.
Уйди домой. Что̀, если старый лордъ услышитъ твои рѣчи?

— «Старый лордъ! есть дочь у стараго лорда?
Если есть, то пусть она убѣжитъ съ голякомъ: тогда и мы послушаемъ, что̀ онъ скажетъ.
Мнѣ что̀ за надобность беречь его? Я хочу его видѣть!»
— Братецъ, уйди: ты оскорбляешь хозяевъ за̀мка!

Явился и милордъ. Движимый чувствомъ состраданія,
Онъ ласково сказалъ, что не одобряетъ поступковъ сына,
Что онъ серьёзно раздраженъ на сумасшедшаго мальчишку,
Что дѣло вышло худое, что онъ надѣется, дѣла по фермѣ идутъ хорошо.

Суровый отецъ тутъ же послалъ ферму къ чорту
И пожелалъ лично видѣть мерзавца-соблазнителя.
На это милордъ снисходительно посовѣтовалъ ему быть осторожнѣе,
Прибавивъ, что вполнѣ извиняетъ его праведный гнѣвъ,
Но только считаетъ нужнымъ напомнить ему о его лѣтахъ и положеніи.

«Напомнить, милордъ! нечего мнѣ напоминать про это!
Отдайте мнѣ мою дочь! Я старъ и бѣденъ;
Но я умѣю чувствовать позоръ и мстить какъ слѣдуетъ!
Я старъ и слабъ; но во мнѣ еще осталось силы,
Чтобы встрѣтить злодѣя и убить его до смерти!
Чему вы улыбаетесь, милордъ? Или вы думаете,
Что вашему сыну легко справиться съ отцомъ, соблазнивъ его дочь?»
Милордъ отвѣтилъ: «Я жалѣю отъ глубины души;
Но мальчишки всегда будутъ мальчишками, и отвѣчать за нихъ трудно.»

«Да развѣ нѣтъ правосудія? развѣ бѣдные люди
Не умѣютъ чувствовать? Развѣ вашъ сынъ не можетъ
Загладить бракомъ этого стыда?» — Бракомъ? — сказалъ милордъ —
Мой сынъ не женится на вашей дочери: оно невозможно!

Горе и напрасный гнѣвъ скоро сводятъ старика въ могилу. Френсесъ присылаетъ о себѣ извѣстіе и порядочную сумму денегъ. Деньги возвращены ей назадъ, безъ отвѣта. За старикомъ-отцомъ умираетъ и мать Вилльямовой невѣсты. Нашъ молодой человѣкъ, все время ходившій за стариками съ нѣжностью сына, не имѣетъ болѣе никакихъ цѣлей въ жизни. Одна изъ сестеръ остав-

ляетъ ему порядочное наслѣдство; но неожиданная независимость не радуетъ честнаго Бейльи. Читатель угадываетъ въ героѣ нѣкоторую ограниченность натуры; но надо прибавить: ту энергическую ограниченность, подъ вліяніемъ которой иногда совершаются дѣла великія. Вилльямъ Бейльи есть человѣкъ, рожденный для одной страсти, для одной женщины, для одной идеи, для одной дѣятельности: съ той минуты, какъ у него отнята особа, имъ любимая, для юноши уже не существуетъ ни настоящаго, ни будущаго. Донъ-Жуану легче жениться и стать постояннымъ, нежели поселянину Вилльяму Бейльи жениться и влюбиться снова. Жить на одномъ мѣстѣ ему тошно. Сестрино наслѣдство избавляетъ его отъ необходимости постоянной работы, и вотъ нашъ герой выбираетъ себѣ образъ жизни весьма оригинальный, но крайне естественный въ его положеніи. Онъ путешествуетъ такъ, какъ можетъ путешествовать простой человѣкъ въ родѣ Вилльяма Бейльи — не по Италіи или Франціи, а по городамъ своей родины, пѣшкомъ, на пути сходясь съ другими пѣшеходами въ томъ же родѣ, пріобрѣтая себѣ временныхъ товарищей по гостинницамъ, утомляя себя усиленными переходами, глядя на новыя мѣста и бесѣдуя съ своими спутниками. Много людей бѣдныхъ, огорченныхъ, тяжко страждущихъ встрѣчаетъ Вилльямъ во время своихъ странствованій; много грустныхъ или покинутыхъ женщинъ узнаетъ онъ повсюду. Подъ вліяніемъ странствія и невольныхъ наблюденій отчасти расширяется нравственный горизонтъ молодого человѣка.

Много лѣтъ проходитъ такимъ образомъ. Одинъ разъ, ночью, послѣ утомительнаго перехода, Вилльямъ-Бейльи, съ радостнымъ чувствомъ изнуреннаго странника, подходитъ къ гостинницѣ, которую ему указали, какъ пріютъ особенно тихій, опрятный и комфортабельный. Для англичанина прежнихъ временъ гостинница въ родномъ краѣ не есть просто гостинница и ничего болѣе, пустое заведеніе, въ которомъ можно наѣсться и выспаться наскоро, безъ особеннаго наслажденія. Со временъ старой веселой Англіи, — Англіи временъ Чаусера и Шекспира, до нашего времени и романовъ Скотта, — гостинницы въ Англіи имѣютъ великое, классически-поэтическое значеніе. Въ гостинницѣ, даже въ кухнѣ гостинницы, передъ пылающимъ огнемъ, въ кругу путешествующихъ рыцарей, купцовъ и пиллигримовъ, разсказывались Чаусеровы *канторберійскія сказки*, первый художественный памятникъ старой словесности. Въ гостинницахъ принцъ Генри и его вѣрный Фальстафъ задумывали свои шаловливые подвиги. Много ночей было проведено въ гостинницахъ Шекспиромъ и друзьями Авонскаго барда. Суро-

вый Джонсонъ говаривалъ, что чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ только посреди чистой и привѣтной гостинницы; поэтъ Шенстонъ объявлялъ печатно, что изъѣздивъ кругомъ весь свѣтъ, самые ласковые пріемы встрѣчалъ онъ лишь въ однѣхъ гостинницахъ. Страшныя сцены у Смоллета и Льюиза совершаются въ уединенныхъ тавернахъ. Томъ Джонсъ Фильдингъ веселится и колобродитъ въ гостинницахъ. Скоттъ никогда не утомляется, говоря о пріютахъ того же разряда. Всюду, у поэтовъ, у прозаиковъ, даже у художниковъ, видимъ мы гостинницы и кухни гостинницъ: веселый огонь въ каминѣ, группы людей, только что познакомившихся подъ гостепріимнымъ кровомъ, робкихъ путешественницъ и неистощимыхъ разскащиковъ, влюбленныхъ героевъ, хорошенькую хозяйку и толстаго, краснощокаго трактирщика (mine host), соблюдающаго общій комфортъ, побуждающаго всѣхъ къ сближенію и разговорамъ. Къ такого рода пріюту направляется Вилльямъ Бейльи. Онъ много слышалъ о красотѣ, о привѣтливости настоящей трактирщицы, о ея вниманіи къ путникамъ, о ея кротости и благочестіи. Ему весело, онъ отчасти забываетъ горе всей жизни, онъ тихо входитъ въ общую комнату — и что̀ же? — за прилавкомъ, съ книгою въ рукахъ, сидитъ не старая женщина, лицомъ своимъ напоминающая его несчастную, его незабвенную, его потерянную Френсесъ.

Много лѣтъ не видались наши обрученные, во многомъ перемѣнились они оба: оттого и немудрено, что волненіе, охватившее ихъ обоихъ, было приписано случайному сходству, можетъ быть, капризу памяти. Но оба чѣмъ-то тронуты, оба заняты и не веселы. Вилльямъ не торопится сойтись съ другими гостями, ловкая трактирщица не такъ усердно угощаетъ своихъ посѣтителей. Хозяйка и новый гость изрѣдка посматриваютъ другъ на друга со вниманіемъ, потомъ расходятся на ночь съ весьма озабоченнымъ видомъ. Утро приноситъ съ собой и бесѣду и объясненіе. Френсесъ узнана и прощена — безъ борьбы, безъ фразъ, безъ геройства. Вилльямъ оцѣненъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ былъ оцѣненъ въ старое время. Прошлое горе смыто раскаяніемъ и новой любовью; время искуса прошло, за нимъ слѣдуютъ годы довольства и счастія.

И мирно зажилъ хозяинъ и хозяйка «Золотого Руна»,
Богатѣя понемногу и радуясь возрастающему довольству.
Въ ихъ гостинницѣ сходятся даже диссентеры враждебныхъ сектъ
Не ссорясь и не смѣясь одни надъ другими.

Распорядители приходского сбора дают банкеты въ этой гостинницѣ,
Повторяя каждый часъ одну и ту же остроту за столомъ.
Заѣзжіе торговцы всегда находятъ тамъ особые нумера
Безукоризненной чистоты, со всѣми удобствами,
И въ общей залѣ простые поденщики, бѣдные, но веселые,
Наслаждаются своимъ часомъ отдыха отъ дневной работы.
Такъ живетъ наша честная чета, и кажется, что горести жизни
Никогда уже не взволнуютъ яснаго потока ихъ жизни,
И въ сладкомъ спокойствіи идутъ безоблачные дни
Любящаго мужа и преданной его супруги.

Заключительную, двадцать-вторую, главу «Сельскихъ Разсказовъ» намъ придется передать съ бо́льшей противъ прежнихъ подробностью, какъ по причинѣ неожиданной развязки, въ ней заключающейся, такъ и потому, что она вся, отъ первой строки до послѣдней, проникнута чистѣйшею, оригинальнѣйшею поэзіею.

Исторія опять обращается къ двумъ братьямъ, гостю и хозяину: Ричарду и сквайру Георгу. Уже не одну недѣлю прожили они подъ одной кровлей, уже они свыклись другъ съ другомъ, уже приближеніе разлуки, повидимому, огорчаетъ обоихъ.

— Что̀, нѣтъ писемъ отъ твоихъ? въ одно утро спрашиваетъ Георгъ капитана.

— Что нибудь худое случилось въ домѣ, грустно говоритъ меньшой братъ: — съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, Матильда не оставляла меня такъ долго безъ извѣстій. Прощай, братъ! мнѣ надо ѣхать изъ за̀мка.

«Поживи еще два дня со мною — замѣтилъ Георгъ — тогда я пущу тебя.
Два послѣдніе дня мы съумѣемъ провести весело;
А чтобы развлечься, поѣзжай осмотрѣть новую землю, мной купленную,
Сообщи мнѣ твои замѣчанія о домѣ и постройкахъ:
Мнѣ хочется, чтобъ ты помогъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ
И далъ мнѣ хорошій отчетъ о томъ, что̀ меня занимаетъ.

На слѣдующее утро Ричардъ сталъ дѣлать прощальные визиты сосѣдямъ. Подъ вліяніемъ грусти, безпокойства, ожидаемой разлуки съ братомъ, онъ невольно поддается какимъ-то тяжелымъ припадкамъ душевной мнительности.

Онъ явился къ ректору, за послѣдніе дни отлучавшемуся отъ прихода,
«Прощайте», сказалъ молодой человѣкъ, громко, съ истиннымъ сожалѣніемъ.

— Прощайте, отвѣтилъ холоднымъ тономъ честный пасторъ.
Скоро ли вы покидаете насъ? — «Черезъ два дня».
— Вы очень торопитесь... Прощайте... Богъ съ вами.

«Вотъ человѣкъ — задумчиво сказалъ Ричардъ, пробираясь далѣе —
Съ которымъ столько разъ я сидѣлъ и дружески бесѣдовалъ,
Котораго я люблю и почитаю всѣмъ моимъ сердцемъ,
Которому я хотѣлъ бы нравиться, зная его рѣдкія качества.
И онъ провожаетъ меня холоднымъ: «прощайте, Богъ съ вами».

Это ли дружба, къ которой способны мужчины между собою?
Можно ли сравнить ее съ женскою преданностью, съ любовью супруги?
Конечно, отъ серьёзнаго мужчины нельзя требовать горячихъ изъясненій,
Выраженія горести при прощаніи; но все-таки, мнѣ кажется,
Что когда мы сходимся съ человѣкомъ, дорожимъ его обществомъ,
Видимъ его съ радостью, чтимъ его откровенность и чувствительность,
Могъ бы онъ прощаться иначе. Ну, г. ректоръ! Богъ съ вами!»

Двѣ сестры, Люси и Дженъ, о которыхъ уже было говорено читателю, прощаются съ Ричардомъ несравненно радушнѣе; но въ ихъ рѣчахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, есть что-то весьма горькое для молодого капитана съ любящимъ сердцемъ:

«Вы вернетесь къ намъ? — спросили его обѣ дѣвушки. —
«Вы должны вернуться, хотя бы для своего брата.
«Онъ узналъ васъ хорошо, онъ столько разъ намъ говорилъ
«О своей сильной любви (извините насъ) къ брату-мальчику.
«Онъ живетъ одинъ и часто задумывается; а ваше присутствіе
«Будетъ оживлять его, какъ оно его оживляло за эти дни.
«Бѣдные всего околодка, такъ обязанные сквайру,
«Радуются его гостю и любятъ его брата.
«Всѣ вамъ будутъ обязаны, если вы, своей бесѣдою,
«Будете развлекать и успокоивать нашего добраго помѣщика».

Ричардъ не отвѣчалъ почти ничего, но зато
О многомъ сталъ думать вслѣдствіе этихъ словъ.

«Братъ любитъ меня — въ его любви я совершенно увѣренъ —
Но развѣ любовь не можетъ утомиться наконецъ?
Онъ ласково говоритъ: «отложи день отъѣзда»,
А, можетъ быть, въ душѣ желаетъ, чтобъ я оставилъ его одного.

Правда, во всѣхъ его поступкахъ видна большая любезность;
Но и я долженъ быть любезенъ, не употребляя ея во зло.
И чего дурного въ томъ, что я могу надоѣсть брату?
Не разъ и мнѣ надоѣдали иные гости.
Братъ меня любитъ, — и тѣмъ болѣе причинъ намъ разстаться
Съ дружескимъ чувствомъ въ сердцахъ: человѣкъ всегда человѣкъ,
Желанія его измѣнчивы, любовь его ненадежна;
Потому-то и должно, чтобъ Георгъ вернулся къ своимъ старымъ друзьямъ,
Къ своимъ старымъ привычкамъ, и чтобъ я уѣхалъ отсюда».

Преданный такимъ соображеніямъ и, сверхъ того, искренно сожалѣя о томъ, что приходится разстаться съ обѣими сосѣдками-сестрами, Ричардъ сидитъ у нихъ довольно долго, забывъ, что Дженъ и Люси, какъ содержательницы школы, должны идти къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Въ это время вбѣжало къ нимъ толстощекое, полное дитя,
Прося помощи и рыдая отъ всей полноты невыносимаго горя.
То была раскормленная дѣвченочка, съ крѣпкими красными щеками
И довольно грубыми чертами лица, которую другая дѣвочка,
Въ минуту досады, приколотила своимъ крошечнымъ кулакомъ.

Ричардъ наконецъ прощается съ добрыми дѣвушками. Меньшой братъ весь наполненъ смутными чувствами: близость разлуки видимо его тяготитъ и огорчаетъ. Георгъ же, напротивъ того, тщательно отгоняетъ прочь всякую мысль о скоромъ отъѣздѣ гостя. Онъ говоритъ о своей новой покупкѣ, заботится насчетъ хозяйственныхъ улучшеній, хладнокровно распоряжается обѣдомъ, разсказываетъ свои всегдашніе разсказы. И вотъ наступаетъ утро прощальнаго дня. Братья въ послѣдній разъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни, сходятся за завтракомъ.

Каждый явился къ столу съ какимъ-то особеннымъ, затемненнымъ взглядомъ.
Георгъ въ молчаніи раскрылъ книгу и началъ въ нее смотрѣть,
По всей вѣроятности, не разбирая страницы, раскрытой наудачу,
Или разбирая слова, но нисколько не заботясь о ихъ смыслѣ.

Ричардъ держалъ свою руку на принесенной газетѣ;
Но глаза его блуждали гдѣ-то по ковру.
Онъ заговаривалъ изрѣдка съ хозяиномъ; но было ясно,
Что мысли говорящаго порхали Богъ одинъ знаетъ гдѣ.

Вообще разговоръ прерывался поминутно: обоимъ братьямъ говорить было не о чемъ,
Спорить не стоило, оба не могли бесѣдовать спокойно,
Оба сидѣли въ молчаніи, подавляя душевное волненіе,
Оба повременамъ пристально взглядывали другъ на друга и будто
Наблюдали другъ за другомъ.

Ричарду было тяжелѣе. Его кроткая и любящая душа
Подвергалась рѣшительному испытанію:
Онъ съ тоскою сознавалъ, что братъ его,
Почему-то, прощается съ нимъ не такъ, какъ бы слѣдовало,
И, словно опасаясь дать волю своему сердцу,
Отпускаетъ гостя какъ будто на короткую прогулку въ паркѣ.
«А впрочемъ — продолжалъ думать Ричардъ — вслѣдствіе какихъ причинъ
Сталъ бы онъ сокрушаться въ часъ прощанья со мною?
Что̀ можетъ дать ему мое общество? изъ-за чего будетъ онъ
Дорожить мною больше, чѣмъ своими привычками?
Онъ доволенъ знакомствомъ нашимъ, доволенъ и моимъ отъѣздомъ;
Но я, признаюсь, не доволенъ — этого скрывать не зачѣмъ.
Братъ мой былъ добрымъ хозяиномъ для меня; но почему же теперь
Не скажетъ онъ мнѣ дружескаго слова, не выразитъ желанія
И надежды когда нибудь снова со мной увидѣться?»

Въ это время Георгъ обратился къ брату: «Ѣхать тебѣ еще рано.
Я нахожу скучнымъ сидѣть здѣсь безъ дѣла
И безъ всякой способности къ оживленной бесѣдѣ.
Прогуляемся, оживимъ себя воздухомъ и видомъ новыхъ мѣстъ.
Отчего бы намъ не проѣхать до недавно купленной мызы
И вдвоемъ не осмотрѣть ее, какъ слѣдуетъ?
Поднимайся-ка съ мѣста, милый Ричардъ! Нечего намъ
Поддаваться печальнымъ мыслямъ. Забудемся навремя
И встрѣтимъ часъ разставанья, какъ слѣдуетъ взрослымъ людямъ.»

Ричардъ принимаетъ предложеніе съ нѣкоторою холодностью. Гость и хозяинъ пускаются въ путь молча. Мнительность меньшого брата возрастаетъ съ каждой минутой, а Георгъ, по прежнему, не говоритъ ни одного ласковаго слова, не даетъ отзыва молодому сердцу, жаждущему братской нѣжности. Медленно бредутъ лошади всадниковъ. Молчаніе длится, длится и вдругъ прерывается голосомъ стараго сквайра.

«Ричардъ — началъ старшій братъ — я вижу, что я неспособенъ
Любовью и увѣщаніями отклонить тебя отъ твоей поѣздки,
И, по правдѣ сказать, съ моей стороны было бы неразумно
Нарушить твой покой, для моей собственной выгоды.
Ты ѣдешь къ любимой семьѣ; но скажи мнѣ, что̀ буду я дѣлать
Безъ твоего общества, къ которому успѣлъ привыкнуть?
Чѣмъ займу я тяжелые часы дня, не имѣя возлѣ себя
Собесѣдника и разскащика, способнаго спорить со мною,
Соглашаться со мною, поперечить мнѣ, расшевеливать меня,
Указывать мнѣ мои же недостатки и невѣрныя мнѣнія?
Что̀ стану дѣлать я безъ человѣка любящаго и кроткаго,
Всегда готоваго стать между мной и горемъ,
Безъ того гостя, который подарилъ мнѣ то, на что̀ я не надѣялся,
То есть цѣль въ жизни, сообщающую занимательность всему, что̀
меня окружаетъ?»

Молча выслушалъ Ричардъ эту рѣчь, все время стараясь
Въ своемъ отвѣтѣ выразиться яснѣе; а отвѣчать онъ желалъ.
Онъ чувствовалъ волненіе въ груди; его самолюбіе не могло
Не бороться съ врожденною нѣжностью всей натуры.
И онъ хотѣлъ высказать все, что̀ лежало грустнаго на его сердцѣ.

«Самъ я, любезный мой братъ — началъ онъ — отъ всего сердца
сожалѣю
О томъ, что покидаю тебя, и о томъ, что ты останешься одинъ.
Съ своей стороны встрѣтилъ я все, на что̀ могъ надѣяться,
Самого тебя я, съ чувствомъ гордости, считаю истиннымъ братомъ;
Но все-таки я долженъ сказать тебѣ, хотя весьма трудно
Гладко выразить тебѣ мои настоящія чувства, —
Я долженъ сказать тебѣ, что за послѣднее время
Любовь твоя ко мнѣ какъ будто потерпѣла нѣкоторое измѣненіе.

Будь ты съ первыхъ дней такимъ же, каковъ ты теперь,
Я не сказалъ бы ни слова и, конечно, не нашелъ бы
Въ твоемъ обращеніи ничего, кромѣ ласки и братской любви;
Но ты съ первой поры избаловалъ меня нѣжностью, и я вижу,
Что теперь ты утомился ею...

Если я чѣмъ нибудь оскорбилъ тебя, прошу у тебя прощенія.
Я могъ наскучить тебѣ моими бесѣдами въ тѣ минуты,
Когда душа твоя жаждала полнаго одиночества;
Я могъ чѣмъ нибудь затронуть тебя.»

«Ричардъ! можетъ быть,
Въ настоящую минуту ты не правъ передо мною; но въ прошломъ
Не видалъ я отъ тебя малѣйшаго повода къ неудовольствію;
Лучшаго брата, чѣмъ ты, человѣку имѣть невозможно;
Лишаясь тебя, я лишаюсь возможности заниматься всѣмъ,
Что̀ меня окружаетъ. Теперь скажи и ты, въ свою очередь,
Не сдѣлалъ ли твой хозяинъ чего либо не по твоей душѣ
И не огорчилъ ли онъ хотя немного своего дорогого гостя?»

Вслѣдствіе этихъ ласковыхъ, истинно братскихъ объясненій, молодой капитанъ чувствуетъ неодолимое желаніе высказать всѣ свои чувства, всѣ свои сомнѣнія, всѣ свои припадки мнительности. Можетъ быть, онъ ошибается, не получая такъ долго извѣстія изъ дома: онъ расположенъ видѣть во всемъ дурное; но, тѣмъ не менѣе, Ричардъ обязанъ открыть брату всю свою душу. Такъ, ему кажется, что не въ одномъ за̀мкѣ, но и въ сосѣдствѣ его, на гостя смотрятъ не такъ, какъ на него глядѣли въ первые дни пріѣзда. Георгъ менѣе внимателенъ, а озабоченъ гораздо болѣе. Честный пасторъ прощается съ капитаномъ, какъ съ полузнакомымъ господиномъ. Вокругъ него совершается что-то странное, сдержанное, тягостное. Его отпускаютъ домой не какъ брата, а какъ хорошаго пріятеля, который можетъ завтра же пропасть безъ вѣсти, не сдѣлавъ этимъ никому большого огорченія. Сердце капитана жаждетъ чего-то лучшаго, чего-то болѣе дружескаго, болѣе теплаго, болѣе родственнаго. И вотъ почему его тянетъ домой, къ милой женѣ, къ дѣтямъ, туда, гдѣ его любятъ и безотчетно и пламенно.

Георгъ остановилъ лошадь и, взглянувъ на брата умиленными глазами,
Сталъ говорить отъ сердца, такъ, какъ говоритъ человѣкъ,
Открывающій другу своему всю свою душу,
Увлекаясь своей откровенностью и, въ тоже время, какъ будто ея опасаясь:

«Съ той минуты, какъ я полюбилъ тебя, Ричардъ — а полюбилъ я тебя
Ранѣе, чѣмъ могъ разсудокъ оправдать влеченіе моего сердца —
Съ той минуты созналъ я, что, пріобрѣтая подобнаго друга,
Не надо никогда съ нимъ разставаться, ибо разлука съ нимъ есть бѣда,
Ибо человѣку сладко, день за днемъ, быть въ обществѣ любимой особы;
Но приходитъ день разлуки — и все наслажденіе приводитъ къ страданію!

Ты былъ терпѣливъ и любезенъ со мною; не одинъ разъ,
Страдая отъ разлуки съ твоими, ты слушалъ мои просьбы
И отлагалъ день отъѣзда, желая меня тѣмъ порадовать.
Требовать отъ тебя новой отсрочки было бы жестоко;
Но я не въ силахъ отпустить тебя, не въ силахъ разстаться
Со всѣми радостями дружбы, съ нашими тихими бесѣдами.
Еще менѣе желалъ бы я видѣть тебя повременамъ,
Такъ, какъ школьникъ видитъ своихъ родителей, сознавая,
Что радость его умаляется ежечасно, и что каждый день
Близится день разлуки, разрушитель всей радости.

Нѣтъ, милый братъ мой! я желаю имѣть тебя вполнѣ,
Я хочу, чтобъ ты былъ возлѣ меня, подобно деревьямъ, мною посаженнымъ,
Вѣчною радостью для моихъ глазъ, гордостью для моего сердца.

И я скажу тебѣ по правдѣ, Ричардъ, еслибъ, увидавшись съ тобою,
Нашелъ я въ тебѣ духъ безъ независимости и сердце безъ твердости,
Еслибъ ты, выставляя впередъ свою бѣдность, рѣшился угождать мнѣ,
Соглашаться со всѣми моими словами, одобрять всѣ мои поступки,
Представлять изъ себя покорнаго друга, услужливаго меньшого брата,
Я бы наградилъ тебя щедро, руководясь обязанностью и разумомъ,
Но, уплативъ долгъ, отпустилъ бы тебя домой,
Не радуясь твоему посѣщенію, не печалясь о твоемъ отъѣздѣ.
Ты могъ бы ѣхать безъ затрудненій, сообщать твоимъ дѣтямъ
О дядюшкѣ Георгѣ, о томъ, что онъ старъ и боленъ подагрой.
Такъ простились бы съ тобой мы; но теперь, зная и цѣня тебя,
Я не согласенъ, я не могу разстаться съ тобою!
Нѣтъ! человѣческой природѣ несвойственно отказывать себѣ
Въ возможности блага, посланнаго ей Провидѣніемъ!
Я не могу отказаться отъ твоего общества, отъ дружескихъ наслажденій,
Я не могу снова быть одинокимъ человѣкомъ. И этого не будетъ!

Мы не разстанемся болѣе, милый Ричардъ. Тебѣ самому надобно
Жить возлѣ брата и позволять ему учить читать твоихъ мальчишекъ.
Мнѣ нужно общество жены твоей, мнѣ нужно спорить съ тобою
О политикѣ и другихъ вопросахъ...

Ты знаешь, какъ мы дружны съ насторомъ. Ему поручилъ я
Съѣздить къ твоей женѣ и передать ей всѣ мои планы.
Я просилъ его передать ей дружескій поклонъ отъ меня,

Описать нашъ край и меня самого въ хорошихъ чертахъ,
А затѣмъ пригласить ее жить съ нами. Тебѣ самому не смѣлъ я
Поручать этихъ важныхъ переговоровъ. Всѣ счастливцы лѣнивы:
Я зналъ, что ты счастливъ въ кругу домашнихъ, и боялся твоей медленности.

Живи же со мною, милый братъ, но будь полнымъ хозяиномъ
У себя дома, прогоняя отъ себя всѣхъ людей не по твоему сердцу.
Прости меня за то, что я таился отъ тебя столько времени:
Не на пустой сюрпризъ разсчитывалъ я, но на нѣчто лучшее.»

Тутъ Георгъ пришпорилъ свою лошадь и попросилъ брата слѣдовать за собой.
Полный недоумѣнія, Ричардъ двинулся вслѣдъ за нимъ.
Смущенный, тронутый, онъ казался похожимъ на заблудившагося человѣка,
Начинающаго находить дорогу, по которой надо слѣдовать.
И вотъ лѣсъ разрѣдѣлъ по сторонамъ дороги, и передъ братьями
Обозначилась мыза, только что купленная Георгомъ.
Ричардъ узналъ мѣсто: мысли его стали проясняться;
Онъ ощутилъ волненіе, сходное съ волненіемъ странника,
Который, пробродивъ цѣлую бурную ночь, наконецъ видитъ родную кровлю,
Но еще боится и не смѣетъ вѣрить своему взгляду.
А, между тѣмъ, ближе и ближе придвигались братья съ сельскому домику,
И Ричардъ узналъ домъ, большую аллею сада,
Ряды ясеней, насаженныхъ для охраненія персиковъ отъ восточнаго вѣтра,
И опускныя стекла надъ виноградникомъ.

«Это твоя новая мыза. Она твоя, Ричардъ!
Мы въ гостяхъ у тебя: эта земля, эта вода, этотъ лѣсъ
Принадлежатъ твоей женѣ и твоимъ дѣтямъ.
Войдемъ же, другъ мой, подъ твою собственную кровлю.
Скоро увидишь ты здѣсь новую гостью — твою Матильду.
Она знаетъ все и одобрила мои предложенія.
На этомъ самомъ лугу, кончивъ утренніе уроки,
Станутъ рѣзвиться, прыгать твои дѣвочки и мальчишки;
Изъ этого окна мать съ улыбкою станетъ глядѣть
На счастливый ихъ кружокъ, радуясь ихъ радостью,

А ты самъ, отчасти скрывая свои чувства,
Будешь важно говорить: «что за ребячество!» и радоваться, глядя
на дѣтей.

Еще одно слово, Ричардъ! Если бы мнѣ случилось
Огорчить тебя, забыть нашу дружбу или прикидываться покровителемъ,
Если я словомъ или дѣломъ когда либо нанесу вредъ твоему спокойствію,
Еслибъ я сталъ суровымъ, холоднымъ и неласковымъ другомъ
(Потому что я избалованъ общей угодливостью и, видя вокругъ себя
Слишкомъ покорныхъ людей, наклоненъ къ повелительности),
Если когда нибудь съ тобой произойдетъ что либо подобное, —
То пусть тогда жена твоя, покинувъ свою веселую улыбку,
Приметъ со мною холодно учтивый, сухо почтительный тонъ:
Понявъ свою ошибку, тогда я попрошу у тебя извиненія,
Боясь потерять счастіе, Небомъ данное на мою долю».

Не нужны были эти предостереженія, прибавляетъ Краббъ: чистое
душевное счастіе,
Соединясь съ взаимной любовью, наполнило всѣ умы.
Всякій старался угодить всякому, и надъ жизнью друзей нашихъ
Распростерлось тихое благословеніе, вызывавшее на благодарную
молитву.
Здѣсь кончается наша повѣсть «Повѣстей». Отдохни и будь здоровъ, мой читатель!

Въ статьѣ «Блеквудскаго Сборника» за 1819 годъ (по всей вѣроятности, написанной Вильсономъ) находится общій взглядъ на Краббовы «Сельскіе Разсказы». Къ этому взгляду, по нашему мнѣнію, нельзя прибавить ничего новаго. «Съ истиннымъ наслажденіемъ — сказано въ статьѣ этой — примѣчаемъ мы, что г. Краббъ, не смотря на преклонные свои годы, не только не лишился энергическихъ особенностей своего дарованія или тонкости, всегда отличавшей его наблюдательность, но еще, въ добавокъ къ нему, пріобрѣлъ особенную мягкость, симпатію въ чувствахъ, которой, по убѣжденію самыхъ первыхъ его поклонниковъ, иногда недоставало въ произведеніяхъ поэта нашего. Философскій взглядъ автора на жизнь не измѣнился нимало; по прежнему Краббъ не щадитъ человѣческихъ пороковъ и слабостей, но, со всѣмъ тѣмъ, глядитъ на міръ взоромъ болѣе свѣтлымъ, болѣе ласковымъ, какъ и должно ожидать отъ человѣка, хорошо понимающаго, человѣка, снисхо-

дительнаго къ грѣхамъ человѣка. Г. Краббъ относится къ дѣламъ нашего міра уже не какъ дѣятель и участникъ запутанныхъ драмъ, въ немъ совершающихся, но какъ старецъ, вполнѣ успокоившійся отъ бурь житейскихъ, какъ мудрецъ, спокойно приготовляющійся навсегда разстаться съ житейскими треволненіями, какъ христіанинъ, сердцемъ увѣренный въ святости той религіи, которой онъ, втеченіе такого долгаго времени, былъ ревностнымъ священнослужителемъ».

XIV.

Продолженіе Краббовой біографіи. — Домашнія дѣла. — Смерть мистриссъ Краббъ. — Переѣздъ въ городъ Троубриджъ. — Новый пасторъ и новые прихожане. — Благотворенія. — Общественная жизнь. — Сближеніе съ лондонскими литераторами. — Роджерсъ. — Поѣздка въ Лондонъ и приключенія въ Лондонѣ. — Новый литературный кругъ. — Книгопродавецъ Муррай. — Аристократія. — Письма Мура, Кембелля и Локгарта. — Поѣздка въ Эдинбургъ. — Подробности и характеристика. — Послѣдніе годы жизни. — Болѣзнь и смерть. — Посмертныя почести.

Въ то время, когда слава поэта нашего достигла своего полнаго развитія, а имя Георга Крабба сдѣлалось именемъ дорогимъ для каждаго грамотнаго человѣка, самъ престарѣлый пасторъ продолжалъ жить на прежнемъ мѣстѣ, неподалеку отъ Бельвуаръ-Кастля, мирно занимаясь своимъ дѣломъ и почти не подозрѣвая собственной знаменитости. Двое взрослыхъ сыновей, получивъ мѣста по сосѣдству, оживляли его уединеніе своимъ присутствіемъ. Оба они женились, оба обзавелись семействами, и толпа дѣтей окружила поэта, всегда любившаго дѣтей до слабости. Выручка за проданныя поэмы благополучно покрыла дефицитъ, произведенный въ бюджетѣ Крабба его безграничной благотворительностью, и слухи носились, что книгопродавецъ Муррай намѣренъ предложить 3,000 фунтовъ стерлинговъ (18,000 р. с.) за право изданія «Сельскихъ Разсказовъ», въ то время дѣятельно подвигавшихся къ окончанію. Завидное спокойствіе, со всѣхъ сторонъ облекавшее нашего Міериса поэзіи, было въ 1814 году нарушено громовымъ ударомъ, однимъ изъ тѣхъ неизбѣжныхъ ударовъ, безъ которыхъ не обходится жизнь человѣческая. Подруга Краббовой жизни, вѣрная и дорогая спутница его свѣтлаго существованія, мистриссъ Сара Краббъ, урожденная миссъ Ильми, скончалась послѣ долговременной болѣзни, на шестьдесятъ-третьемъ году своей жизни.

Для всякаго человѣка менѣе страстнаго и нѣжнаго душою, не-

жели Краббъ, потеря подобнаго рода не могла бы считаться потерею слишкомъ тяжкаго разбора. Не годъ и не два года супруги прожили вмѣстѣ, не молодой красавицей мистриссъ Краббъ покинула нашъ свѣтъ, и даже въ кончинѣ ея не имѣлось ничего неожиданнаго: дѣти и внуки давно готовились встрѣтить неизбѣжную катастрофу. Но поэтъ нашъ, начиная седьмой десятокъ своихъ годовъ, превосходилъ всякаго юношу силой привязанностей: въ его жилахъ текла кровь того старика Крабба, который едва не лишился разума, потерявъ дочь-младенца, и всю жизнь послѣ того не могъ воротить своей прежней веселости. Подъ вліяніемъ горя, отецъ поэта (какъ мы видѣли) доходилъ до унизительныхъ слабостей; на самомъ Георгѣ Краббѣ тяжкая семейная потеря отразилась иначе. Онъ занемогъ и нѣсколько дней былъ между жизнью и смертью. Отъ болѣзни поэтъ перешелъ къ мрачной меланхоліи, передъ которой оказывались безсильными всѣ увѣщанія сыновей, всѣ силы его собственнаго свѣжаго ума. Бросивъ дѣла и приходъ, старикъ поскакалъ въ Эльдбро, къ мѣстамъ, по которымъ, за сорокъ лѣтъ назадъ, бродилъ влюбленнымъ юношей, объѣздилъ мѣста, гдѣ жила его невѣста, выплакалъ всѣ свои слезы, глядя на окно ея комнаты, и, только уступая настояніямъ старшаго сына, его сопровождавшаго, вернулся домой, но дома снова впалъ въ тоску, близкую къ отчаянію. Жить на томъ мѣстѣ, гдѣ каждая мелочь напоминала ему недавнюю потерю, онъ не имѣлъ никакой возможности. Было что-то ужасное, хотя и высокое, въ этой скорби шестидесяти-трехъ-лѣтняго пастыря, утѣшителя всѣхъ своихъ прихожанъ, главы цвѣтущаго семейства. Въ теченіе своей долгой мирной жизни, Краббъ не постарѣлъ нимало; подъ его обожаемыми сѣдинами скрывались всѣ добрыя страсти юноши и въ особенности нѣжность безпредѣльная, хотя вѣчно сдерживаемая разумомъ. Молодой герцогъ Рутлендскій, сынъ того герцога, который когда-то одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ юную музу поэта, своимъ вмѣшательствомъ устроилъ благотворную перемѣну, безъ которой, конечно, лютая скорбь могла бы окончательно сокрушить всю дѣятельность поэта. Его ходатайствомъ, Краббъ получилъ духовную должность въ городѣ Троубриджѣ и, видя передъ собой дѣятельность, на новомъ мѣстѣ, въ кругу новыхъ прихожанъ, охотно покинулъ мѣста, среди которыхъ не могъ оставаться долѣе. Дѣти и внуки послѣдовали за нимъ. Старшій сынъ его, Джонъ, былъ назначенъ въ помощники своему родителю.

Троубриджъ, мѣсто, въ которомъ прошли остальные годы Краббовой жизни, расположенъ въ замѣчательно здоровомъ и

весьма красивомъ мѣстоположеніи, на границахъ Вильтшайра. Доходы по мѣсту значительно превышали выгоды съ прихода, только что оставленнаго; пасторскій домъ и всѣ къ нему принадлежности состояли въ большомъ порядкѣ, и, что̀ всего важнѣе, многочисленное общество изъ числа горожанъ и сосѣднихъ владѣльцевъ было способно доставить тоскующему старику развлеченія всякаго рода. Слава Крабба, какъ поэта и благотворительнаго человѣка, опередила его прибытіе, и почти торжественный пріемъ, сдѣланный ему прихожанами, пріятно поразилъ скромнаго писателя. На первое время, однакожь, случилось то, что̀ часто бываетъ въ свѣтѣ: гость, такъ долго жданный и въ воображеніи хозяевъ изукрашенный всевозможными совершенствами, оказался совершенно несходнымъ съ тѣмъ идеальнымъ посѣтителемъ, котораго ждали. По идеямъ жителей Троубриджа и сосѣднихъ помѣщиковъ, Краббъ долженъ былъ представлять изъ себя фантастическое сліяніе блистательнаго поэта съ филантропомъ самымъ сантиментальнымъ. Его рѣчи имѣли отличаться остроумной свѣтскостью, а добрыя дѣла носить на себѣ печать эффектной восторженности. Краббу, по идеямъ его новыхъ друзей, слѣдовало повергать прихожанъ въ слезы слезливыми проповѣдями, дивить ихъ своей ученостью, притѣснять дессентеровъ и дѣлать подвиги человѣколюбія посреди улицы, въ общее назиданіе. Ничего подобнаго не оказалось. Въ городѣ явился задумчивый и неразговорчивый человѣкъ, никогда не блиставшій краснорѣчіемъ и сдѣлавшійся сумрачнымъ отъ недавней своей потери, — человѣкъ практическій и нимало не расположенный къ слезливой филантропіи. Онъ не увлекалъ никого своими рѣчами, не нападалъ на пресвитеріанцевъ и католиковъ, дѣло свое дѣлалъ честно и просто, безъ всякаго фанатизма или нетерпимости. Его лѣвая рука не знала о благодѣяніяхъ, расточаемыхъ правою, да и сами эти благодѣянія рѣдко сопровождались слезами, объятіями, нѣжными возгласами. Только передъ нуждой неотразимой и незаслуженной Краббъ покидалъ свою суровость; только съ больными, старцами и дѣтьми онъ оказывался ласковымъ, а не строгимъ помощникомъ. Не имѣя очень высокаго понятія о натурѣ человѣческой, нашъ благотворитель не льстилъ никому, былъ скупъ на утѣшенія и зналъ очень хорошо, сколько зла и порока скрывается въ особахъ, дѣлающихъ себѣ роль изъ своихъ страданій, даже изъ страданій истинныхъ. Оттого съ бѣдняками назойливыми и *всѣмъ видными* новый пасторъ велъ себя строго, жостко, всякое подаяніе сопровождая суровымъ и вовсе не сантиментальнымъ поученіемъ. Эти праздные люди, избалованные

слабостью его предмѣстника и близорукой добротою горожанъ, поспѣшили дурно отозваться о Краббѣ. О ночныхъ путешествіяхъ поэта въ пріюты нищеты стыдливой и никому не видной не зналъ никто изъ городскихъ сплетниковъ. Онъ велъ себя, какъ тотъ скупой и суровый купецъ, съ которымъ мы познакомились въ его же поэмѣ «Мѣстечко» *).

Было еще одно обстоятельство, вредившее поэту въ первое время его пребыванія на новомъ мѣстѣ. Выборы близились. Предмѣстникъ Крабба, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, имѣлъ привычку не только вмѣшиваться въ избирательное дѣло, но даже играть въ немъ роль, совѣщаясь съ чернью и роняя свое достоинство среди политическихъ митинговъ. Легко себѣ представить, какъ смотрѣлъ Краббъ на все дѣло, такъ несовмѣстное съ его званіемъ и характеромъ. Обязанный подать голосъ въ пользу одного изъ парламентскихъ кандидатовъ, онъ намѣревался исполнить свою обязанность по совѣсти, не принимая участія въ предварительныхъ сходкахъ и ясно показывая свое отвращеніе къ спорамъ такого рода. Кандидатъ, о которомъ идетъ рѣчь, не пользовался популярностью въ городѣ. Его противники, сопровождаемые толпой черни, осмѣлились остановить Крабба на улицѣ въ то время, когда онъ шелъ подавать голосъ. Начавъ свое дѣло совѣтами и убѣжденіями пристать на его сторону, толпа перешла къ угрозамъ и ругательствамъ. Поэтъ увидѣлъ себя посреди одной изъ безобразныхъ сценъ, которыхъ столько насмотрѣлся во время дѣтства на улицахъ Эльдборо, всегда наполненныхъ буйными бродягами. Наслѣдственное упрямство жило въ крови старика, а вспыльчивость его не угасла съ годами. На шумные возгласы онъ отвѣтилъ суровымъ словомъ, не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки, растолкалъ негодяевъ, прошелъ своей дорогой и исполнилъ долгъ независимаго избирателя передъ глазами свирѣпствующихъ противниковъ.

Такъ велъ себя Георгъ Краббъ въ первый годъ, проведенный среди новаго прихода. Заботы, трудъ, дѣятельность всякаго рода одолѣли его меланхолію, и, наконецъ, послѣдніе ея остатки стали исчезать вслѣдствіе ласкъ, которыми окружили поэта такъ недавно

---

*) Въ зимнія ночи онъ ходилъ въ дальній путь, за своимъ дѣломъ,
Любовался восторгомъ семей, имъ спасенныхъ, и часто слеза
Въ это время просилась на его очи, наперекоръ суровой природѣ.
И когда онъ шелъ домой, его бѣлые, какъ снѣгъ, волосы,
Развѣваясь, выдавали тайну одинокого путника.

недовольные имъ сограждане. Великій человѣкъ неспособенъ долго скрываться въ тѣни; а Краббъ, конечно, принадлежалъ къ великимъ людямъ, и по своему дарованію, и по жизни, исполненной подвиговъ милосердія. Не всѣ дѣла свои могъ онъ скрыть отъ проницательнаго глаза провинціальныхъ наблюдателей. Кто хотѣлъ, тотъ могъ его видѣть въ первоначальныхъ школахъ, окруженнаго ребятишками, читающаго имъ законъ Божій и награждающаго примѣрныхъ учениковъ подарками изъ собственнаго кармана. Всѣ догадывались, откуда шли пособія миссіонерамъ, отправляющимся въ дикія страны проповѣдывать Слово Божіе, небогатымъ студентамъ, собиравшимся искать занятій въ столицѣ, богадѣльнямъ, библейскимъ обществамъ и воскреснымъ школамъ для дѣтей рабочаго сословія. Можетъ быть, иной запоздалый весельчакъ встрѣчалъ Краббa одного, въ ночной часъ, среди пріютовъ нищеты и скорби; можетъ быть, сѣдины стараго поэта, развѣваясь по вѣтру, выдавали его инкогнито. Дѣти всѣхъ сословій первыя поняли Краббa, и каждое утро, когда онъ отправлялся искать камней и минераловъ (ибо всегда былъ пристрастенъ къ естественнымъ наукамъ), кучки дѣтей, съ игрушечными молотками и заступами, неотвязно бѣжали за почтеннымъ пасторомъ. Взрослымъ зѣвакамъ Краббъ не позволялъ раздѣлять своихъ прогулокъ, и даже сыновья ему сопутствовали очень рѣдко; но маленькимъ дѣтямъ, бѣднымъ ли, богатымъ ли, никогда и ни въ чемъ отказа не было. Мало по малу достаточные сосѣди, всѣ безъ исключенія, оцѣнили своего гостя, а простой народъ сталъ снимать шапки при встрѣчѣ съ Краббомъ. По мѣрѣ того, какъ его меланхолія проходила съ годами, онъ сталъ дорогимъ посѣтителемъ въ каждомъ семействѣ, любимцемъ мужчинъ за свои мужественныя качества, идоломъ женщинъ за свою старосвѣтскую, скромную, немного изысканную любезность. Его видѣли и на балахъ, и въ театрѣ, и въ увеселительныхъ мѣстахъ, куда протестантскія духовныя особы могутъ имѣть доступъ; въ домѣ же своемъ Краббъ не могъ принимать гостей, потому что его денежныя дѣла, по весьма понятной причинѣ, всегда находились въ стѣсненномъ положеніи. Старость Краббa, какъ и старость Джонсона, могла служить поучительнымъ зрѣлищемъ для мыслящаго человѣка. Шестидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, онъ былъ, по словамъ своего сына и біографа, бодрѣе и красивѣе, нежели когда либо въ свою жизнь. Строгое лицо Краббa очень часто озарялось ласковою, чрезвычайно свѣтлою усмѣшкою; волоса его, бѣлые, какъ снѣгъ, стали падать около висковъ, увеличивая объемъ лба, всегда высокаго и величественнаго; станъ, немного согнутый,

отличался крѣпостью и пропорціональностью. Въ кабинетѣ своемъ сидѣлъ онъ довольно неряшливо, среди пыли, никогда не сметаемой, и книгъ, разбросанныхъ въ неслыханномъ безпорядкѣ; но относительно домашняго быта и одежды старикъ не позволялъ себѣ малѣйшей небрежности. Когда онъ выходилъ на улицу или гдѣ нибудь на вечерѣ садился въ кругу поклонявшихся ему женщинъ, не одинъ сплетникъ, глядя на стариковскій парадный костюмъ и ослѣпительно чистое бѣлье Крабба, называлъ поэта женихомъ и пророчилъ его взрослымъ сыновьямъ новую хозяйку дома. Нѣсколько разъ говорилъ онъ о самомъ себѣ словами Шекспира:

Хоть старъ на видъ я, но силенъ и бодръ.
Въ года забавъ и юношеской жизни
Не смѣшивалъ я съ кровію своею
Горячихъ и бушующихъ напитковъ;
Я не искалъ, съ безстыдными глазами,
Потѣхи, изнуряющей намъ тѣло.
Зато мои послѣдніе года
Сходны съ зимой умѣренной и ясной,
Морозной, но привѣтной и веселой!

Довольный своимъ угломъ и небольшимъ числомъ истинныхъ друзей сердца, нашъ поэтъ, конечно, и не думалъ бы о шумныхъ сценахъ и веселости столицы, если бы географическое положеніе Троубриджа, сосѣдняго съ Батомъ, Боудомъ и другими мѣстами аристократической вилледжатуры не сближало его съ лондонскими обитателями, лондонскими вельможами, лондонскими поэтами, долгомъ считавшими сворачивать съ дороги и посѣщать Троубриджъ, чтобы взглянуть на человѣка, о которомъ столько говорилось въ свѣтѣ, но котораго никто изъ столичныхъ жителей не зналъ лично. Поэтъ Роджерсъ, авторъ «Человѣческихъ Возрастовъ», человѣкъ, котораго строгое, отчасти дидактическое дарованіе было замѣчено и въ періодъ Мура, Байрона, Скотта, Крабба, Вордсворта, особенно сошелся со старикомъ и даже соблазнилъ его на поѣздку въ Лондонъ. Самуэль Роджерсъ принадлежалъ къ числу лицъ, которыхъ было такъ много въ то время, — лицъ, становившихся посредниками между политическою и умственною аристократіею своей родины. Обладая достаткомъ и связями, онъ зналъ весь городъ и всѣхъ литераторовъ. Знатные люди черезъ его содѣйствіе сближались съ одинокими тружениками поэзіи; поэты извѣстные, но небогатые, поручали ему заботы о своихъ матеріальныхъ выгодахъ, что̀ было лестно и выгодно для обѣихъ сторонъ, ибо Роджерсъ,

зная всѣхъ книгопродавцевъ, сверхъ того, пользовался почетомъ во всѣхъ журнальныхъ редакціяхъ. Около Роджерса группировалось все, что только Лондонъ имѣлъ блистательнаго и дружественнаго просвѣщенію: фамилія лордовъ Лансдоуновъ, семейство покойнаго лорда Голленда (Г. Фокса), поэты Муръ и Кембелль *) леди Байронъ, герцогини Бедфордъ и Гордонъ, лордъ Вилльямъ Спенсеръ, самъ писавшій довольно плохіе стишки, Генри Брумъ, впослѣдствіи лордъ Брумъ, проживающій на свѣтѣ до нашего времени, книгопродавецъ Муррай, другъ лорда Байрона и всѣхъ знаменитостей литературныхъ, актеръ Кембль и хорошенькая дочь его Фанни **), живописцы Вильки и Филиппсъ, министръ Кеннингъ, адвокатъ Босвелль (сынъ знаменитаго и милаго Джемса Боцци), итальянскій поэтъ Уго Фосколо, епископъ Гиберъ, безсмертный филантропъ и авторъ «Писемъ объ Индіи», сочиненія классическаго. Таковъ былъ кругъ, радостно встрѣтившій старца-поэта, сорокъ лѣтъ тому назадъ имѣвшаго счастіе обѣдать у сэра Дж. Рейнольдса, съ Эдмундомъ Боркомъ, Джонсономъ, Фоксомъ, богами древняго Олимпа, — Олимпа уже перешедшаго въ миѳъ и успѣвшаго принять миѳическіе размѣры въ памяти благодарнаго новаго поколѣнія.

Первыя встрѣчи литературнаго Нестора съ молодымъ, незнакомымъ племенемъ читатель можетъ самъ себѣ представить съ нѣкоторой ясностью. Все измѣнилось, все расширилось, все приняло иной свѣтъ: казалось, вмѣсто сорока лѣтъ, Краббъ прожилъ четыре столѣтія въ своемъ уединеніи. Неужели эти молодые львы, живущіе такъ роскошно, окруженные герцогинями и министрами — поэты, литераторы, журналисты? Куда дѣвались чердачные поэты? Неужели маленькая книжка можетъ быть куплена книгопродавцемъ за 4,000 фунтовъ стерлинговъ? Неужели Вальтеръ-Скоттъ получаетъ за мѣсяцъ своего труда цѣлое состояніе, о которомъ во всю свою жизнь не могъ подумать олимпіецъ Джонсонъ? Неужели Скотта, сочинителя рыцарскихъ поэмъ, хотѣли сдѣлать баронетомъ и не шутя назвать сэромъ Вальтеромъ? Что сталось съ прежними литературными нравами? куда скрылись старыя партіи, въ какую трущобу провалились оборванные, злобные критики, ужасъ поэтовъ

*) Весьма замѣчательный авторъ «Наслажденій Памяти», «Гертруды», «Ѳеодорика» и другихъ произведеній. Читателя, желающаго знать подробности о Кембеллѣ, мы попросимъ пробѣжать нашъ этюдъ «Вальтеръ-Скоттъ и его современники».

**) Тоже знаменитая актриса и весьма замѣчательная писательница (мистриссъ Ботлеръ). Сочиненія ея особенно полезны для артистовъ, желающихъ изучать драматическое искусство.

стараго поколѣнія? Терпимость воцарилась всюду: романистъ пьетъ здоровье зацѣпившаго его рецензента, пэръ, со скамьи торіевъ, зоветъ къ себѣ обѣдать сатирика Мура, братья Смиты, осмѣявшіе всю литературу въ рядѣ пародій, гдѣ досталось и Краббу, съ чувствомъ жмутъ руку старику, а рекомендуетъ ихъ лордъ Спенсеръ, хуже всѣхъ затронутый въ «Отвергнутыхъ Адресахъ» *). Картина

*) «Отвергнутые Адресы» — «Rejected Adresses» — такъ называется книга братьевъ Смитовъ, имѣвшая до сихъ поръ до сорока изданій. Это необыкновенно мѣткая пародія на всѣхъ поэтовъ того времени, начиная съ Байрона и кончая Краббомъ. Странное названіе книги дано ей по слѣдующему случаю. Дирекція Дрюри-ленскаго театра, вновь отстроеннаго послѣ пожара, пожелала имѣть прологъ, или *Адресъ*, для дня открытія театра, и, открывъ состязаніе, объявила за лучшій прологъ самую ничтожную премію (если не ошибаемся, 5 фунт. стерл.). На этой преміи Смиты построили свое твореніе. Они говорятъ, что 5 фунт. стерлинговъ соблазнили всю литературу и что каждый знаменитый поэтъ по этому случаю прислалъ свой Прологъ. Неразумная дирекція (говорятъ братья Смиты) отвергла эти адресы; но мы, видя ихъ достоинства, предлагаемъ ихъ въ оригиналѣ, на судъ публики. И тутъ-то начинаются стихотворныя произведенія, приноровленныя на манеръ каждаго изъ поэтовъ. Лордъ Байронъ испускаетъ мизантропическіе крики; Муръ, всегда считавшійся селадономъ, совѣтуетъ сдѣлать въ театрѣ новаго рода люстру изъ красавицъ Лондона. Когда на сценѣ нужна ночь, каждая красавица должна закрыть свои глаза. Вальтеръ-Скоттъ сжатымъ стихомъ описываетъ пожаръ и подвиги пожарной команды, высчитывая имена полисменовъ, какъ имена рыцарей. Спенсеръ городитъ непонятный вздоръ. Краббъ рисуетъ рядъ фламандскихъ картинъ, изображая, какъ во время спектакля, афишка падаетъ изъ райка, крутится по воздуху и опускается на завитую голову скрипача, или передавая, какъ музыканты начинаютъ, съигрываясь, производить нестройные звуки. Нелишнимъ считаемъ передать маленькій отрывокъ пародіи: зажиганіе свѣчей въ театрѣ и потеря шляпы однимъ изъ зрителей.

Отрадно глядѣть, отъ половины шестого до шести часовъ пополудни,
Какъ наши длинныя театральныя свѣчи, имѣя на концѣ выглядывающій кончикъ бумажной свѣтильни,
При слабомъ прикосновеніи огня, подносимаго къ нимъ ламповщикомъ, достойнымъ Прометея,
Быстро загораются, и ламповщикъ дивится ихъ огню, отпрыгивая въ сторону.
Пріятно, стоя гдѣ нибудь у щели, глядѣть, какъ красный Фебъ
Начинаетъ озарять корридоры, и кресла, и ложи Дрюри-Лена,
Между тѣмъ, какъ зрители начинаютъ одинъ за другимъ проходить въ партеръ
И, раскрывая рты, глядѣть вверхъ и дивиться открывающемуся виду!
Сперва, пока еще мѣста довольно, они ведутъ себя съ разборчивостью, выбирая мѣста,
Но потомъ, когда толпа нахлынула, всякій присаживается гдѣ только можетъ.

. . . .

Патъ Дженнингсъ сидѣлъ, наслаждаясь, въ самой верхней галлереѣ
И вдругъ стремительно перегнувъ голову внизу, уронилъ съ нея шляпу!
Съ быстротой молніи ринулась сверху пуховая шляпа
И, будто презирая раекъ, остановила свой полетъ въ галлереѣ этажемъ ниже.

нова и блистательна, слова нѣтъ; но не имѣется ли и въ ней своей темной стороны? Не вредитъ ли литературѣ это слишкомъ тѣсное сближеніе съ разсѣяннымъ и озабоченнымъ свѣтомъ? Роскошь, которой и во снѣ не видали товарищи Гольдсмита, не вредитъ ли поэзіи? Уступчивость въ убѣжденіяхъ не предполагаетъ ли слабости этихъ убѣжденій? Не прочнѣе ли и не завиднѣе ли репутація, которая дается тяжкимъ трудамъ, жизнью нужды и одиночества, такъ, какъ далась она безсмертному Джонсону? Но обо всемъ этомъ нѣкогда думать посреди ласкъ и увеселеній, подъ вліяніемъ новыхъ сценъ и волшебно великолѣпнаго свѣта, встрѣчающаго насъ такъ привѣтливо!

Въ свою очередь, и самъ Краббъ произвелъ свѣтлое впечатлѣніе на своихъ младшихъ товарищей, на читателей и меценатовъ новаго поколѣнія. Они вѣрить не рѣшались, что ему подъ семьдесятъ лѣтъ, что онъ началъ свои труды подъ крыломъ Борка и Джонсона, великановъ, какъ будто жившихъ въ эпоху великановъ задолго до нашихъ дней. Съ почтеніемъ столпился просвѣщеннѣйшій кругъ столицы около знаменитаго старика, остатка знаменитыхъ годовъ. Королевская фамилія обласкала поэта, знатныя дамы были въ восторгѣ отъ его невинныхъ стариковскихъ любезностей, между ними нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, престарѣлая миссъ Фоксъ, были еще дѣтьми, когда видѣли его въ первый разъ. За почетными представленіями послѣдовалъ рядъ увеселеній, отъ которыхъ маститый ветеранъ и не думаетъ отказываться: его возили на торжественный обѣдъ по случаю отставки актера Кембля, въ засѣданія королевской академіи, при чемъ художникъ Филиппсъ

«Что дѣлать мнѣ? — думаетъ Патъ. — Взять мѣсто внизу
И вернуть шляпу, которая сама не стоитъ платы за мѣсто?...»
Пока онъ волнуется въ такихъ мысляхъ, тревожно глядя, чтобъ присвоитель чужой собственности
Не завладѣлъ его достояніемъ, *Смитъ* сказалъ: «Бери мой платокъ!»
«Одного мало!» отвѣтилъ *Патъ;* но *Джибсъ* и *Стоксъ* прибавили: «И мой возьми тоже!»
И вотъ три платка, связанные плотными узлами, образовали вервь.
Пестрой радугой опустилась она во вторую галлерею, сіяя желтымъ, голубымъ и краснымъ цвѣтомъ.
Представляя глазу соединеніе ткани спитальфильдскихъ станковъ, драной шелковой матеріи и новой кисеи.
И вотъ, посреди общаго волненія, одинъ изъ членовъ нижней галлереи
Дрожащей рукою привязываетъ шляпу къ концу пестрой верви.
Веревка поднимается съ добычей, зрители рукоплещутъ, и благодарный Патъ,
Отвѣшивая низкій поклонъ на рукоплесканія, съ восторгомъ касается рукой до возвращенной шляпы.

началъ писать портретъ Крабба; обѣдамъ и баламъ въ семействахъ Роджерса, лорда Голленда, лорда Спенсера и лорда Лансдоуна конца не оказывалось. Сезонъ столицы только что начинался, праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, и приглашенія перекрещивались съ приглашеніями.

Но едва ли не болѣе всѣхъ праздниковъ удивила Крабба жизнь и обстановка книгопродавца Муррая, преемника тѣхъ знаменитыхъ книгопродавцевъ прошлого столѣтія, которые сосали кровь изъ несчастныхъ литераторовъ, не дѣлаясь оттого ни богаче, ни тороватѣе. Мѣщанское довольство какого нибудь Кэва или Додсли, книжныхъ торговцевъ прошлого времени, казалось грязью въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ Краббъ увидалъ въ домѣ Муррая и на пирахъ Муррая. Комната, въ которой книжный владыка принималъ отъ двухъ до пяти часовъ всѣхъ имѣющихъ до него дѣла, по величинѣ своей могла назваться залой, а по богатству — артистическимъ музеумомъ. Замѣтно выдаваясь между картинами, висѣвшими на стѣнахъ, висѣли оригиналы портретовъ, съ тѣхъ поръ обошедшихъ весь міръ и знакомыхъ всякому. Вильки, Лауренсъ, Филиппсъ, Барроу своей кистью обезсмертили фигуры людей, отъ которыхъ Муррай сталъ богатымъ и знаменитымъ. Задумчивыя лица Соути и Вордсворта составляли контрастъ съ веселымъ, смѣющимся лицомъ Мура; Вальтеръ-Скоттъ, въ своемъ пледѣ, привлекалъ зрителя своей честной, хотя не очень поэтической наружностью; около него красовался другой даровитый шотландецъ, чистенькій и щеголеватый Томъ Кембелль. Но ближе всѣхъ къ письменному столу хозяина, сіяло изображеніе юноши красоты изумительной и неслыханной, chef-d'oeuvre Филиппса и драгоцѣннѣйшій портретъ для Муррая—портретъ лорда Джорджа Ноэля Байрона, Ахиллеса поэзіи, добровольнаго изгнанника изъ своей родины *). Можно себѣ представить, съ какимъ радушіемъ принялъ Муррай престарѣлаго поэта и какими увеселеніями ознаменовалъ онъ свое съ нимъ знакомство. По его настоятельной просьбѣ, Краббъ согласился, чтобъ съ него снятъ былъ большой портретъ, для Мурраевой галлереи, и продалъ

*) Кто не видалъ своими глазами лорда Байрона, тотъ хотя бы пересмотрѣлъ всѣ его портреты, не составитъ себѣ тѣни понятія о его сверхъестественной, необычайной и безпримѣрной красотѣ. Главная его прелесть заключалась во взглядѣ, въ улыбкѣ, въ подвижности лица, чего никакая кисть передать не можетъ, даже приблизительно. Вы видите передъ собой алебастровую лампу; но гдѣ огонь, въ ней горѣвшій? «Видавъ разъ лицо Байрона — говорила одна женщина — можно было грезить о немъ всю жизнь».

Сэръ В. Скоттъ (Корреспонденція).

книгопродавцу собраніе своихъ новыхъ повѣстей, «Tales of the Hall», за 3,000 фунтовъ стерлинговъ — сумму, показавшуюся ему баснословною.

На этомъ мѣстѣ мы попросимъ позволенія, пріостановивъ нашъ разсказъ, подставить вмѣсто него письма знаменитыхъ современниковъ поэта, относящіяся къ его пребыванію въ Лондонѣ. Первое адресовано Муромъ къ Мурраю *); второе писано къ сыну автора «Деревни» поэтомъ Томасомъ Кембеллемъ. Читатель, конечно, не будетъ на насъ сѣтовать за сообщеніе ему этихъ малоизвѣстныхъ документовъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ прямо относится къ предмету статьи нашей.

1 января 1834 года.

«Дорогой м. Муррай! Скорость, съ которою вы подвигаете впередъ изданіе твореній г. Крабба, мѣшаетъ мнѣ передать мои о немъ воспоминанія въ должномъ порядкѣ. Сынъ поэта, занимающійся составленіемъ его біографіи, можетъ быть, войдетъ въ мое положеніе и извинитъ нѣкоторую непослѣдовательность свѣдѣній, сообщенныхъ мною.

«Я познакомился съ г. Краббомъ въ 1817 году, во время его кратковременнаго пребыванія въ Лондонѣ. Видались мы съ нимъ чаще всего въ Голлендъ-Гоузѣ (отелѣ лордовъ Голлендовъ) и у с. Роджерса. Въ одномъ дѣлѣ, которое я имѣлъ съ нимъ, вы сами были дѣйствующимъ лицомъ. Когда вы предложили м. Краббу сумму 3,000 ф. ст. за его поэмы и право на изданіе его прежнихъ произведеній, онъ сообщилъ объ этомъ двумъ своимъ пріятелямъ, которые, повидимому, не зная книжныхъ дѣлъ, начали отговаривать его отъ сношеній съ вами и обращать его къ другимъ издателямъ. Не имѣя способности заниматься денежными разсчетами, мистеръ Краббъ довѣрился было вѣтренымъ совѣтникамъ, и все предпріятіе не обѣщало ничего хорошаго, когда мы съ Роджерсомъ поспѣшили сблизить поэта съ вами. Мы заключили условіе отъ его имени и вернулись къ нему, имѣя съ собой банковые билеты въ 3,000 фунтовъ. Мистеръ Краббъ, не довѣрявшій успѣху дѣла, изъявилъ трогательное и простодушное восхищеніе. Мы совѣтовали ему отдать принесенную сумму въ вѣрныя руки.

« — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ намъ: — я возьму деньги съ собой въ Троубриджъ и покажу моему сыну Джону. Дома не повѣрятъ моей удачѣ: надо показать деньги моимъ домашнимъ.

---

*) По поводу посмертнаго изданія Крабовыхъ твореній.

«И онъ постоянно носилъ ихъ въ карманѣ, забывая о нихъ, по разсѣянности. Проѣзжая изъ Лондона и ночуя въ Салисбюри у г. банкира Эверетта, онъ чуть не потерялъ своего капитала; но напрасно Эвереттъ предлагалъ взять деньги на сохраненіе.

«— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ ему мистеръ Краббъ: — я долженъ показать эти деньги моему сыну Джону!

«Чаще всего встрѣчались мы съ мистеромъ Краббомъ на больших обѣдахъ, какъ, напримѣръ, въ день памяти Роберта Борнса (при чемъ была собрана значительная подписка на монументъ усопшаго барда). Нашъ поэтъ вообще былъ веселъ и доволенъ окружавшей его компаніей. На одномъ обѣдѣ, лордъ Лансдоунъ торжественно предложилъ тостъ въ честь «мудраго поэта, котораго строгая муза зорко слѣдитъ за темными сторонами человѣческихъ нравовъ, не нанося вреда нѣжному и милосердому характеру самого пѣвца». Мистеръ Краббъ, вставъ со стула, отвѣтилъ краткимъ изъявленіемъ благодарности, и слова его ясно показывали человѣка, умѣющаго владѣть словомъ.

«Лѣтомъ 1824 года я провелъ съ нимъ нѣсколько дней въ Лонглишѣ, виллѣ маркиза Бата, и когда мы гуляли по очаровательнымъ садамъ, окружающимъ зáмокъ, мистеръ Краббъ много говорилъ со мною о планахъ своихъ новыхъ произведеній. Между особами гостившими въ зáмкѣ, находилась очаровательная госпожа ***, генуэзская дама, хорошо знакомая съ нашей словесностью и питавшая къ престарѣлому поэту восторженное удивленіе. И похвалы и красота блистательной итальянки были по достоинству оцѣнены мистеромъ Краббомъ: нашъ маститый бардъ, всегда милый и ласковый въ обращеніи, умѣлъ наслаждаться женскимъ обществомъ. По временамъ, его бесѣды съ женщинами были trop doucereuses, говоря французскою фразою, и насмѣшливая миссъ ** однажды выразилась такъ по поводу старосвѣтской вѣжливости Крабба: «Булка превосходна; только сверху насыпано на ней черезчуръ много сахару».

«Одинъ разъ сэръ Джемсъ Мекинтошъ, постоянно желавшій, чтобъ я выпыталъ отъ Крабба нѣсколько подробностей о Боркѣ и его жизни въ Беконсвильдѣ, настоялъ на томъ, чтобы мы съ Роджерсомъ приступили къ почтенному поэту съ открытыми на этотъ счетъ требованіями. «Краббъ не имѣетъ права умирать — выражался Мекинтошъ: — не сообщая свѣту подробностей о великомъ человѣкѣ, съ которымъ былъ близокъ.» Но всѣ наши усилія не привели ни къ чему: мистеръ Краббъ помнилъ только немного фактовъ общихъ и знакомыхъ всякому. Во время своей связи съ

Борkомъ онъ былъ молодъ *), и пробуждающiйся поэтъ не могъ интересоваться тѣмъ, что̀ не входило въ разрядъ предметовъ, особенно близкихъ его сердцу.

«Соображая все это, я не могу не прибавить, что мистеръ Краббъ никогда не отличался энциклопедическимъ направленiемъ своей бесѣды, не гнался за поверхностной широтой свѣдѣнiй, которая оживляетъ и придаетъ блескъ разговору свѣтскихъ людей. Рѣчи его не сiяли ни разнообразiемъ, ни обилiемъ: оттого личность поэта, по мнѣнiю многихъ, нисколько не соотвѣтствовала величiю его творенiй. Имѣлась еще одна причина, вслѣдствiе которой онъ не отличался разговорной способностью: часть Краббовой молодости **) прошла въ кругу людей, высшихъ его по общественному положенiю, но неизмѣримо низшихъ по умственнымъ и душевнымъ способностямъ. Бесѣдуя съ ними, онъ привыкъ сдерживать себя, снисходительно выслушивать пустые разговоры, беречь свой умъ для себя и не высказывать его передъ всякимъ. Эта привычка укоренилась и уже осталась на вѣки при Краббѣ. Вотъ, мистеръ Муррай... и проч.

Томасъ Муръ.»

«М. Г. Въ первый разъ я имѣлъ счастiе встрѣтить вашего знаменитаго родителя въ за̀мкѣ Голлендъ-Гоузѣ. Взявъ съ собою Т. Мура, мы всѣ трое цѣлое утро бродили по парку, по библiотекѣ, и могу сказать съ достовѣрностью, что изъ числа трехъ собесѣдниковъ одинъ былъ очень счастливъ и веселъ. Мистеръ Краббъ страстно любилъ Фильдинга; я же принадлежалъ къ горячимъ смоллетистамъ. Мы спорили много о достоинствахъ обоихъ писателей. Меня поразила мягкость вашего отца при литературныхъ спорахъ: такая кротость была необыкновенна въ поэтѣ столь строгаго и даже суроваго направленiя. Вообще скромность его, отсутствiе всякой претензiи на славу чрезвычайно казались оригинальными при огромныхъ заслугахъ и неменьшей извѣстности мистера Краббa. Что̀ касается до мелкой разговорной монеты, которую мы привыкли видѣть въ такомъ изобилiи, встрѣчаясь съ извѣстными писателями, вашъ родитель и въ этомъ отношенiи не сходствовалъ со своими сверстниками. Его рѣчи были просты и неблестящи; но въ нихъ, какъ и во всей манерѣ поэта, оказывался человѣкъ проницательный, не позволявшiй долго наблюдать за

*) И влюбленъ, и только что вырвался изъ когтей крайней нужды, можемъ мы отъ себя прибавить.

**) Муръ намекаетъ на жизнь поэта въ за̀мкѣ герцоговъ Рутлендскихъ.

собою. Не смотря на свои преклонныя лѣта и пріемы старыхъ годовъ, онъ не былъ защитникомъ старины, одной старины: онъ любилъ наше время; нашъ кругъ и сочувствовалъ молодымъ поколѣніямъ.

«Разговоръ нашъ во время утра отличался искренностью и дружелюбіемъ. Мистеръ Краббъ сообщилъ мнѣ и Муру нѣсколько откровенныхъ замѣчаній, относящихся до его собственной жизни. Онъ сказалъ намъ, между прочимъ: «Хотя мое расположеніе духа очень ровно и почти свѣтло, но со времени смерти моей жены я не испыталъ ни одной минуты настоящаго счастія.» Я отвѣтилъ ему, что, по моему мнѣнію, человѣкъ часто ошибается въ воззрѣніи на свое счастіе. «Мнѣ кажется одно — добавилъ я — человѣкъ, тихій и кроткій духомъ, доставляющій другимъ наслажденіе своей особою, не можетъ никогда считать себя несчастнымъ».

«Когда Муръ ушелъ отъ насъ, къ намъ явился Уго Фосколо *), и не могу передать вамъ, какъ поразилъ меня контрастъ между Фосколо и Краббомъ! Я весьма уважаю память итальянскаго поэта, но долженъ признаться въ одномъ: сравненіе несомнѣнно клонилось въ пользу родителя вашего. Оба принадлежали къ геніальнымъ людямъ и оба были богаты простотой; но какъ различна была простота одного отъ простоты другого! Мнѣ казалось, что я стою между ревущимъ водопадомъ и свѣтлой, покойной рѣкою. Уго кричалъ, неистовствовалъ въ спорѣ, забавляя меня, но непріятно поражая родителя вашего.

«Одинъ разъ (могу ли я забыть этотъ день, памятный и для Мура?) родитель вашъ, съ Муромъ и Роджерсомъ, прибыли въ Сейденгамъ рано поутру, собираясь у меня обѣдать. Мы были очень счастливы всѣ и много толковали объ основаніи въ Лондонѣ клуба поэтовъ. Мысль эта насъ чрезвычайно заняла; мы даже принялись съ жаромъ за составленіе правилъ клуба и порядка выборовъ. Не знаю, по какимъ причинамъ, мысль эта не получила исполненія.

«Въ послѣдній разъ сошелся я съ мистеромъ Краббомъ на одномъ обѣдѣ въ Гемпсмидѣ и послѣ обѣда проводилъ его по дорогѣ до кареты. Съ того дня никогда не прохожу мимо мѣста, на которомъ мы простились, безъ самаго теплаго воспоминанія. Лишнимъ считаю распространяться въ моемъ письмѣ о трудахъ вашего

---

*) Авторъ извѣстной книги «Jacobo Ortis», сочиненія, справедливо названнаго итальянской перифразой «Вертера».

отца, о силѣ его генія и о значеніи его незабвенныхъ, всѣми оцѣненныхъ произведеній. Примите... и пр.

«Томасъ Кемпелль.»

Въ одинъ изъ своихъ послѣднихъ пріѣздовъ въ Лондонъ, Георгъ Краббъ наконецъ встрѣтился съ своимъ любезнѣйшимъ корреспондентомъ и почитателемъ: Вальтеръ Скоттъ сошелся съ нимъ у Муррая и нѣсколько мгновеній не могъ начать говорить отъ радости, при видѣ поэта, къ которому такъ влекло его сердце. Оба литератора подружились въ минуту. Между ними имѣлось много общаго: оба отличались честностью, безграничной добротой и литературной скромностью, доходящей до странностей. Оба глядѣли ветеранами въ рядахъ своихъ товарищей: Краббъ по годамъ, а Скоттъ по своему веселому старчковскому воззрѣнію на весь свѣтъ. Разлучились они съ горемъ, условившись увидаться въ Абботсфордѣ, хотя авторъ «Ивангое» не смѣлъ думать, чтобъ семидесятилѣтній бардъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣшился совершить утомительную поѣздку къ холмамъ эйльдонскимъ. Но, должно быть, сэръ Вальтеръ и самъ съ своей стороны особенно плѣнилъ Краббa. Старичекъ собрался, бодро совершилъ переѣздъ до Эдинбурга, и прямо попалъ посреди сценъ невыразимой суматохи, пиршествъ и великолѣпія. Новый король, вскорѣ послѣ коронаціи, посѣтилъ свою вѣрную столицу Шотландіи. Сэръ Вальтеръ Скоттъ, какъ археологъ и знатокъ церемоніяловъ древности, распоряжался встрѣчею. Городъ кипѣлъ народомъ, воинами въ юбкахъ, стрѣлками въ древнихъ нарядахъ, лордами въ парчевыхъ мантіяхъ, рыцарями, герольдами и судьями въ маскарадномъ облаченіи. Краббa, однакожь, тотчасъ приняли на руки поэты Шотландіи и барды «Эдинбургскаго Обозрѣнія»: Френсисъ Джеффри, профессоръ Вильсонъ, Гоггъ, пастушокъ эттрикскій, наконецъ Скоттъ и зять его Джонъ Гибсонъ Локгартъ. Письмо этого послѣдняго *) передастъ читателю исторію похожденій Краббa въ Шотландіи и на эдинбургскихъ празднествахъ.

Лондонъ. 2 декабря 1832.

«Дорогой сэръ! Я искренно сожалѣю, что сэръ Вальтеръ Скоттъ не велъ дневника во время пріѣзда вашего родителя въ Шотландію: его замѣтки были бы искуснѣе и свѣтлѣе моихъ воспоминаній. Сэръ Вальтеръ, свыше мѣры занятый хлопотами по части тріумфальнаго въѣзда и феодальныхъ пиршествъ, долженъ былъ

*) Къ Джону Краббу.

поручить мнѣ познакомить дорогого гостя со всѣмъ замѣчательнымъ въ нашей столицѣ. Много годовъ прошло съ того времени: память всей этой маскарадно-шумной недѣли едва во мнѣ сохранилась; но изображеніе отца вашего, во всей своей ясности, фигура человѣка, такъ обожаемаго и такъ давно знакомаго по его твореніямъ, до сихъ поръ передо мной будто живая. Мнѣ стоитъ раскрыть томъ твореній г. Крабба для того, чтобъ передо мной опять возникли это почтенное лицо, этотъ благородный лобъ, эти свѣтлые, ласковые глаза, не омраченные старостью (хотя м. Краббу уже было за семьдесятъ лѣтъ, если не ошибаюсь), эта тихая и, если можно выразиться, невинная улыбка. Памятенъ мнѣ его спокойный, звучный голосъ. И во сколько разъ любезнѣе, понятнѣе стала мнѣ поэзія Крабба съ той минуты, какъ мнѣ довелось увидѣть и узнать самого поэта! Чаще всего родитель вашъ видѣлся въ Эдинбургѣ съ сэромъ Вальтеромъ и Генри Мекензи *). Рѣчи ихъ часто касались предстоящихъ торжествъ и шотландской старины, которою гость очень интересовался, къ великой радости сэра Вальтера. Много было говорено о кланахъ, тартанахъ, гаэлическихъ преданіяхъ. Бесѣда оживлялась поэтическими тирадами хозяина и шутками м. Мекензи. М. Краббъ, со своимъ смирнымъ, спокойнымъ видомъ, не говорилъ много. Весьма часто бесѣды такого рода становились очаровательны, и объ одномъ вечерѣ въ домѣ мистера Мекензи я всегда стану вспоминать, какъ о вечерѣ высочайшаго умственнаго наслажденія, когда либо мной испытаннаго.

«Какъ кажется, мистеръ Краббъ очень мало читалъ и мало думалъ о Шотландіи передъ своимъ пріѣздомъ. Онъ смѣшивалъ названія городовъ и островов и, если не ошибаюсь, никогда не предполагалъ, что жители Шотландіи имѣютъ свой народный языкъ, совершенно отличный отъ англійскаго. Это послѣднее обстоятельство подало поводъ къ презабавной сценѣ въ самое утро его къ намъ пріѣзда. Родитель вашъ, войдя въ залу, гдѣ былъ поставленъ завтракъ, нашелъ въ ней не сэра Вальтера, а двухъ гостей величаваго вида, въ полномъ горскомъ нарядѣ. Эти джентльмены, говорившіе между собой на какомъ-то неизвѣстномъ нарѣчіи, показались гостю иноземцами. Кельты же, въ свою очередь, оглядѣвъ старомодный кафтанъ м. Крабба и его башмаки съ пряж-

*) Сочинителемъ романа «Чувствительный», человѣка весьма знаменитаго въ свое время. Мекензи былъ писателемъ старого поколѣнія, годами старше Крабба, что не мѣшало ему быть великимъ весельчакомъ.

ками, приняли великаго поэта за какого нибудь ученаго аббата, привлеченнаго въ Шотландію желаніемъ увидѣть Скотта. Потому, когда сэръ Вальтеръ и его семейство вошли въ залу, они увидѣли мистера Крабба и горныхъ шефовъ, пытающихся вести разговоръ на самомъ изломанномъ французскомъ языкѣ: каждая сторона думала, что собесѣдникъ не понимаетъ по англійски. Сэръ Вальтеръ прервалъ это многотрудное объясненіе веселымъ привѣтствіемъ на родномъ языкѣ, и за тѣмъ послѣдовалъ общій хохотъ.

«Во время нашихъ странствованій по городу, родитель вашъ восхищался и старыми домами, и мѣстоположеніемъ, хотя формація почвы и камня, повидимому, занимала его больше, чѣмъ красоты природы. И шотландскіе обычаи, и шотландскіе поэты были ему не совсѣмъ знакомы. Съ особеннымъ вниманіемъ и по нѣскольку разъ обходилъ онъ городскія больницы: порядкомъ, въ нихъ замѣченнымъ, онъ остался доволенъ. Домъ умалишенныхъ былъ имъ посѣщенъ также. Въ Голирудѣ и въ комнатахъ Маріи Стюартъ онъ не выказалъ особеннаго влеченія къ поэзіи старой нашей исторіи; но когда ему сказали, что нѣкоторые ученые разрушили иллюзію многихъ туристовъ, оспаривая древность вещей, находившихся въ замкѣ, мистеръ Краббъ выразился такъ: «Есть что-то безчеловѣчное въ этомъ педантическомъ стремленіи разочаровывать зрителей». Родитель вашъ принималъ участіе во многихъ празднествахъ, происходившихъ въ Эдинбургѣ по случаю посѣщенія города его величествомъ, и даже сочинилъ стихи на этотъ случай. На одномъ изъ выходовъ въ Голирудѣ, король узналъ мистера Крабба и привѣтствовалъ его съ особенною ласкою.

«Всѣ лица, имѣвшія счастіе видѣть родителя вашего въ эти дни, до сихъ поръ вспоминаютъ о немъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія. Сэръ Вальтеръ и семейство его черезъ силу могли разстаться съ мистеромъ Краббомъ. Весь домъ привязался къ почтенному гостю; особенно дѣти любили его, какъ отца. Было что-то тихое, простое, плѣнительное въ его обращеніи. Скромность поэта была чрезвычайна: собесѣдники почти забывали про его великій талантъ и только изрѣдка, пораженные мѣткимъ словомъ или глубокимъ замѣчаніемъ, не безъ благоговѣнія соображали, что съ ними бесѣдуетъ авторъ произведеній столь знаменитыхъ.

«Я припоминаю, что у постели мистера Крабба, по его просьбѣ, всегда ставили лампу, чернильницу и прочіе письменные приборы. Когда лэди Скоттъ шутливо замѣтила своему гостю: «не-

ужели вамъ недостаетъ дня для работы?» онъ отвѣтилъ ей: «Дорогая моя лэди, я бы потерялъ много хорошихъ мыслей, еслибъ не имѣлъ привычки записывать того, что иногда мнѣ случается во снѣ видѣть».

«Нельзя не пожалѣть о томъ, что родитель вашъ посѣтилъ сэра Вальтера въ Эдинбургѣ, посреди суматохи и празднествъ, а не въ Аббетсфордѣ — пріютѣ домашнихъ наслажденій, болѣе сообразныхъ со вкусами обоихъ поэтовъ. Только одинъ разъ и гость и хозяинъ могли совершить свободно большую прогулку, безъ постороннихъ лицъ. Я, по счастію, имъ сопутствовалъ, и мы трое дошли до развалинъ часовни св. Антонія. Мѣсто это, прославленное романомъ «Эдинбургская Темница», въ особенности интересовало нашего гостя. Во время прогулки мистеръ Краббъ много говорилъ о своей юности и вообще о подробностяхъ своей жизни. Во время жизни въ Лондонѣ — разсказывалъ онъ намъ — нищета доходила до страшной степени. Онъ только разъ въ недѣлю ѣлъ мясо, по воскресеньямъ, въ одномъ купеческомъ домѣ, и никакое лакомство, по его понятіямъ, не могло равняться съ жареной бараньей ногой, подававшеюся на этихъ обѣдахъ. Когда рѣчь дошла до Борка и его помощи, слезы показались на глазахъ родителя вашего.

«— Въ ту ночь, когда я вручилъ мое письмо служителю Борка, сказалъ онъ: — со мной произошла душевная тревога, заставившая меня проходить по вестминстерскому мосту, взадъ и впередъ, отъ начала ночи до разсвѣта.

Примите... и пр.

Джонъ Гибсонъ Локгартъ.»

Мы надѣемся, что предъидущія письма достаточно познакомили читателя съ послѣдними годами героя нашей біографіи. Закатъ благого и милосердаго человѣка былъ такъ же ясенъ, какъ и вечеръ его жизни. За два мѣсяца до своей послѣдней болѣзни, Краббъ, не смотря на свои семьдесятъ семь лѣтъ, пользовался хорошимъ здоровьемъ, полнымъ спокойствіемъ духа, любовью къ труду. Страдая по временамъ отъ недуга, извѣстнаго подъ именемъ tic douloureux, онъ и на одрѣ болѣзни не оставлялъ литературной работы, отдѣлывая новую серію повѣстей въ стихахъ, писанныхъ прежнимъ размѣромъ, одушевленныхъ прежними чувствами правды и филантропіи. Чувствуя себя лучше, онъ продолжалъ свои геологическія прогулки, исполнялъ духовныя требы и говорилъ проповѣди тѣмъ тихимъ голосомъ, который столько

лѣтъ отдавался въ ушахъ и сердцахъ прихожанъ Краббa. Аппетитъ его былъ хорошъ, кабинетъ вѣчно наполненъ новыми книгами, дѣти и внуки окружали почтеннаго старца, слава его прибывала съ каждымъ годомъ, человѣколюбивые подвиги шли своимъ порядкомъ. Но 29 января 1832 года простуда грудныхъ органовъ причинила поэту его послѣднюю болѣзнь, кончившуюся 3-го февраля, въ часъ по полудни. Георгъ Краббъ умеръ спокойно и безъ страданій, исполнивъ всѣ христіанскія обязанности, посреди друзей и всего семейства. Послѣднія слова его, сказанныя за нѣсколько мгновеній до смерти, были: *Богъ пусть благословитъ васъ*, *Богъ пусть благословитъ васъ!* Почти всѣ духовныя дѣти Краббa окружали домикъ, гдѣ умиралъ поэтъ, такъ что послѣднія слова добраго пастыря были вмѣстѣ съ тѣмъ и прощальнымъ благословеніемъ его паствѣ.

При первомъ извѣстіи о кончинѣ Краббa, окна всѣхъ лавокъ въ Троубриджѣ были закрыты ставнями. Девяносто два почетнѣйшихъ горожанина, соединясь съ представителями всѣхъ диссентеровъ въ городѣ, составили депутацію для сопровожденія тѣла. Другой комитетъ положилъ открыть подписку на сооруженіе памятника покойному. Въ день погребенія всѣ лавки были опять заперты, церковныя галлереи обтянуты трауромъ; толпы народа шли за гробомъ, и, при внесеніи тѣла во храмъ, начальникъ хора открылъ пѣніе слѣдующимъ гимномъ:

Благословенно было ухо, его слышавшее,
И глазъ, видѣвшій его, свидѣтельствовалъ о величіи души его.
Онъ спасалъ собратій отъ нищеты, для сиротъ былъ отцомъ,
Защитой и стѣною для всѣхъ беззащитныхъ,
Полный ласки и привѣта, добра и поученія.

Въ рѣчи, сказанной послѣ похоронъ, въ присутствіи первоначальныхъ и воскресныхъ школъ, такъ любимыхъ Краббомъ, находятся выраженія, вполнѣ достойныя человѣка, къ которому они относятся.

«— Бѣдный мистеръ Краббъ, передъ нами выразилась маленькая дѣвочка, хорошо его знавшая и любившая его такъ, какъ «всѣ его любили:—бѣдный мистеръ Краббъ не войдетъ болѣе на «каѳедру, съ своей сѣдой головою!

«Такъ, дѣти мои, эта сѣдая, почтенная голова теперь покоится отъ трудовъ жизненныхъ, и вы уже не увидите ее передъ собою тамъ, гдѣ до сихъ поръ ее видѣли на пути къ правдѣ, миру и добродѣтели! Кто изъ васъ не помнитъ его ласкъ, кто не

«слыхалъ его привѣта, кто позабудетъ тихій взглядъ его свѣт-«лыхъ глазъ въ то время, когда онъ произносилъ передъ вами «слова великой молитвы: *да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ* «*воля Твоя!* Храните же библіи, имъ вамъ подаренныя, и, читая «въ святой книгѣ слова Спасителя вашего, помните о любившемъ «васъ учителѣ, о заслугахъ его и о предсмертномъ его благосло-«веніи!»

Памятникъ великому поэту, исполненный скульпторомъ Бейли, изображаетъ умирающаго старца и священную книгу передъ его глазами. Два ангела, въ благоговѣйной позѣ, находятся по сторонамъ, будто ожидая души, прощающейся съ бреннымъ тѣломъ. Фигуры изъ бѣлаго мрамора, безплатно пожертвованнаго самимъ артистомъ. Длинная надпись, на англійскомъ языкѣ, передастъ зрителю заслуги усопшаго, память о его произведеніяхъ и о дѣлахъ христіанскаго милосердія, прославившихъ земную жизнь поэта.

Такъ почтили современники память Георга Крабба, о которомъ можно сказать словами Карлейля: *въ этомъ человѣкѣ не жило сомнѣніе; и вся жизнь его была не пустой грёзой, а благотворной дѣйствительностью!* У скольнихъ несчастливцевъ своего поколѣнія Краббъ осушилъ слезы! сколько святыхъ помысловъ породятъ его произведенія въ поколѣніяхъ, еще не родившихся?

ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ
И
ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

О литературныхъ трудахъ и частной жизни сэра Вальтера Скотта писано было весьма много на всѣхъ европейскихъ языкахъ, особливо на англійскомъ. Новые труды по этому предмету до сихъ поръ являются отъ времени до времени въ разныхъ журналахъ, исторіяхъ словесности и энциклопедическихъ лексиконахъ; рѣдкій годъ обходится безъ дополненій къ доселѣ изданнымъ біографіямъ и собраніямъ писемъ поэта къ знаменитѣйшимъ изъ своихъ современниковъ. Изъ жизнеописаній Скотта, по добросовѣстности и обилію матеріаловъ, Локгартово твореніе «Записки о жизни сэра В. Скотта» считается лучшимъ, не смотря на свою громадность (парижское изданіе Бодри заключаетъ въ себѣ болѣе 1,500 страницъ мелкой печати), и даже нескладность, съ ней соединенную. Джонъ Локгартъ, какъ извѣстно читателямъ, былъ женатъ на старшей дочери романиста, Софіи; послѣ своего брака провелъ нѣсколько лѣтъ близъ Абботсфорда, почти ежедневно видясь съ своимъ знаменитымъ родственникомъ, и незамѣтно обогащаясь самыми характеристическими, любопытными свѣдѣніями, недоступными для всѣхъ остальныхъ чтителей Скоттова генія. Книгою Локгарта мы руководствовались во многомъ, не упуская, однакожь, изъ вида цѣлаго собранія брошюръ и статей о жизни В. Скотта, собранія, доставленнаго автору черезъ снисходительность многихъ лицъ, основательно изучившихъ исторію британской словесности и богатыхъ матеріалами по части ея исторіи.

Долгомъ считаемъ предувѣдомить читателя, что нашъ этюдъ о Скоттѣ и современникахъ Скотта оканчивается не послѣдними

днями жизни поэта, а разстройствомъ его дѣлъ и банкротствомъ дома констэблей. По нашему мнѣнію, послѣдніе годы Скоттовой жизни и его геройская борьба съ коммерческими бѣдствіями должна составить особый эпизодъ, по направленію и изложенію вовсе несходный съ здѣсь представляемой статьею. Если читатель съ удовольствіемъ встрѣтитъ трудъ, здѣсь предлагаемый, то мы не замедлимъ и съ заключительнымъ эпизодомъ.

I.

Зàмокъ Гарденскій и родоначальники дома Скоттовъ. — Старый Ватъ и его жена. — Отбиваніе скота у сосѣдей. — Вилльямъ Гарденскій и его странный бракъ. — Свинтонъ Свинтонскій и легенда о Галидонъ-Галльскомъ сраженіи. — Вальтеръ Скоттъ Бородатый, его приверженность дому Стюартовъ. — Положеніе шотландскаго дворянства во второй половинѣ прошлого столѣтія. — Герцоги буклейгскіе и аргайльскіе. — Рожденіе романиста В. Скотта, впослѣдствіи сэра Вальтера. — Болѣзнь и леченіе. — Описаніе Сенди-Коуской фермы и ея обитателей. — Первыя занятія ребенка. — Отецъ и мать В. Скотта. — Братъ и сестра. — Дядя и тётки. — Чудаки и старые якобиты. — Дама въ красномъ платьѣ. — Поѣздка въ Батъ и воспоминаніе о первомъ посѣщеніи театра. — Письмо мистриссъ Кокбурнъ о раннемъ развитіи способностей маленькаго Вальтера.

Между горами той части Шотландіи, которую народъ до сихъ поръ называетъ пограничною, отъ ея близости, къ когда-то непріязненнымъ провинціямъ Англіи, невдалекѣ отъ Тивіютской Долины, до сихъ поръ возвышаются развалины мрачнаго, массивнаго зàмка Гарденскаго (Harden — зайцова нора), древнѣйшаго мѣстопребыванія древней фамиліи *Скоттовъ*. Передъ главной башней строенія, окрестные холмы раздвигаются въ обѣ стороны, открывая глубокую, темную, узкую долину, по которой извивается горная рѣчка — одинъ изъ притоковъ Борсвика. Самый зàмокъ стоитъ на утесѣ, надъ водою; старыя деревья, кое-гдѣ растущія по берегу, едва-едва достигаютъ своими верхушками до подножія его стѣнъ, а изъ оконъ и бойницъ первой стѣны легко можно разглядѣть каждое воронье гнѣздо на этихъ деревьяхъ. Одинъ взглядъ на описанное мѣсто можетъ ужь дать приблизительное понятіе о томъ, каковы были первые члены названной нами фамиліи, и какого рода профессіей занимались они преимущественно. Война, постоянные набѣги, защита своего зàмка отъ своихъ и чужихъ постоянно занимали собой старыхъ бароновъ, связанныхъ узами родства съ самыми безпокойными фамиліями Шотландіи. Имя перваго Гарденскаго владѣтеля, который считался ученымъ чело-

вѣкомъ и зналъ столько буквъ, сколько нужно для подписанія своего имени, было — Вальтеръ; въ народѣ же прозывался онъ старикомъ Ватомъ. Занимался старикъ Ватъ отбиваніемъ скота у своихъ сосѣдей; онъ былъ женатъ на великой красавицѣ, прославленной современными минестрелями, подъ именемъ «ярроутскаго цвѣтка», особѣ, повидимому, довольно энергической и нисколько несмущавшейся сомнительными занятіями своего супруга. Мало того, супруга стараго Вата часто сама посылала его въ опасныя экспедиціи, изъ хозяйственныхъ цѣлей. Всякій разъ (гласитъ преданіе), когда запасъ говядины въ зàмкѣ истощался, молодая красавица приказывала подносить мужу за обѣдомъ пару шпоръ на пустомъ блюдѣ. Увидавъ шпоры, лордъ приказывалъ сѣдлать лошадей, пристегивалъ клейморъ и отправлялся на добычу, къ ужасу окрестныхъ поселянъ и владѣтелей. Въ шотландскомъ народѣ до сихъ поръ сохраняется острое слово воинственнаго старика, послѣ одного изъ такихъ набѣговъ. Прогоняя по дорогѣ къ зàмку чье-то отбитое стадо, старый Ватъ примѣтилъ подъ горой огромный стогъ сѣна, можетъ быть, припасенный для быковъ, поступившихъ въ его владѣніе; въ сопровожденіи своихъ воиновъ, онъ подскакалъ къ стогу и вскричалъ, грозя ему кулакомъ: «Хорошо, что у тебя нѣтъ четырехъ ногъ, быть бы тебѣ сегодня въ нашемъ зàмкѣ!»

Молодой сынъ Вата Гарденскаго, Вилльямъ Скоттъ, съ дѣтскихъ лѣтъ раздѣлялъ труды и похожденія своего родителя, на радость своей родительницы, «цвѣтку ярроутскому». Вилльямъ былъ строенъ, ловокъ и красивъ лицомъ, какъ дѣвушка; эти три достоинства въ черный день спасли и его и, можетъ быть, весь домъ Скоттовъ отъ окончательной гибели. Одинъ разъ, тѣшась набѣгомъ на земляхъ казначея-депутата Шотландіи, сэра Гедеона Муррая Элибанкскаго, юноша и его оруженосцы были окружены Мурраевыми воинами и разбиты на-голову, послѣ кровопролитной схватки; самого Вилльяма Скотта, схваченнаго въ плѣнъ, привели на судъ къ озлобленному владѣтелю, передъ ворота его зàмка, на берегу Твида. У воротъ же находилось старое дерево, въ подобныхъ случаяхъ служившее висѣлицей; на одномъ изъ суковъ болталась петля, а на крѣпостной стѣнѣ уже сидѣли и ждали любопытнаго зрѣлища многочисленные вассалы и домочадцы сэра Гедеона. Въ ту минуту, когда молодой плѣнникъ готовился помолиться Богу и взглянуть въ послѣдній разъ на прозрачно-бѣгущую Твидъ, хозяйка зàмка, тоже стоявшая на валу, поспѣшно подозвала къ себѣ грознаго супруга и сказала ему, указывая на осужденнаго: «Чтò ты хочешь дѣлать, сумасшедшая голова? Ты за-

былъ, что у тебя три дочери въ дѣвицахъ, и собираешься повѣсить молодого дворянина, словно какого нибудь конюха! Гдѣ ты найдешь такого красавца и молодца-зятя? Ступай, предложи ему жениться на той изъ дочерей, которая похуже; остальныхъ авось тоже удастся пристроить».

Сэръ Гедеонъ, совершенно довольный такимъ предложеніемъ, тутъ же, не снимая петли съ дерева, велѣлъ подвести къ себѣ юношу и объяснилъ ему свое желаніе. Вилльямъ очень хорошо зналъ, что ему достанется самая безобразная изъ старыхъ, некрасивыхъ дочерей своего побѣдителя, но размышлять было некогда, онъ изъявилъ свое согласіе такъ быстро и съ такимъ радостнымъ видомъ, что дамы полюбили его еще болѣе. Чтобъ не произошло обмана, или проволочекъ, бракъ былъ заключенъ тотчасъ же; а такъ какъ для написанія контракта не доставало въ замкѣ пергамента, то сэръ Гедеонъ тотчасъ велѣлъ вырѣзать на этотъ конецъ квадратикъ изъ кожи барабана, находившагося въ его арсеналѣ. Этотъ оригинальный лоскутъ до сихъ поръ хранится въ бумагахъ дома Скоттовъ. Нелишнимъ считаемъ прибавить къ разсказанной исторіи, что бракъ молодого Вилльяма оказался самымъ счастливымъ, что изъ некрасивой невѣсты, вышла преданная, умная жена и что самъ молодой человѣкъ, достигнувъ славы и почестей при дворѣ Іакова VI, былъ любимцемъ и почти другомъ этого государя. Вообще, какъ читатель, безъ сомнѣнія, догадывается, подобная жизнь и набѣги Скоттовъ нисколько не мѣшали этой фамиліи дѣлать свое дѣло на полѣ ратномъ, являться ко двору государей и наконецъ пользоваться уваженіемъ своихъ современниковъ *).

---

*) Вотъ еще поэтическая легенда, героемъ которой является опять одинъ изъ предковъ Вальтеръ Скотта (съ материнской стороны), рыцарь, по имени Свинтонъ Свинтонскій, весьма любимый менестрелями и составителями хроникъ за свою богатырскую силу, гигантскій ростъ и жизнь, исполненную подвиговъ всякаго рода. Воинъ этотъ, за что-то неполадившій съ фамиліей Гордоновъ, убилъ наповалъ, въ честномъ бою, главу этого семейства. Сынъ убитаго владѣтеля, подобно Эдгарду Равенсвуду, поклялся на могилѣ своего родителя, пролить кровь своего врага и продолжать междусемейную войну до послѣдней возможности. Планамъ его помѣшала война, возгорѣвшаяся между Шотландіею и Англіею, вслѣдствіе которой оба врага должны были, каждый со своими воинами, стать подъ родныя знамена и по крайней мѣрѣ, на время, не предпринимать непріязненныхъ дѣйствій одинъ противъ другаго.

Въ сраженіи при Галидонъ-Гиллѣ шотландцами командовалъ генералъ робкій и неискусный: по его распоряженію, вся армія раскинута была на склонѣ безлѣснаго холма, представляя вѣрную цѣль стрѣлкамъ великобританскимъ. Долго взирая

Изъ ближайшихъ предковъ автора Ваверлея, особенно замѣчателенъ Вальтеръ Скоттъ Бородатый (Beardie), едва-было непогибшій за свою преданность вторично изгнанному изъ Англіи дому Стюартовъ. «Бородатымъ» прозвали его за то, что онъ, со дня изгнанія Іакова II-го, далъ обѣтъ не брить подбородка до возвращенія на родину любимой имъ династіи; а такъ-какъ сказаннаго возврата не воспослѣдовало, жилъ же Вальтеръ Скоттъ весьма долго, то и огромная борода его оставалась небритою до конца дней. Не довольствуясь отпущеніемъ бороды и смѣлыми рѣчами, Вальтеръ не разъ присоединялся къ кланамъ, поднимавшимъ оружіе за Стюартовъ, интриговалъ, составлялъ разныя общества и наконецъ попалъ въ бѣду, изъ которой едва-едва спасло его заступничество Анны, герцогини монмоутской и букклейгской. Съ этой поры знаменитый домъ герцоговъ букклейгскихъ, постоянно-связанный съ Скоттами узами отдаленнаго родства и феодальнаго покровительства, сблизился съ этой фамиліей еще болѣе. Неукротимость бородатаго Вальтера имѣла результатомъ конфискованіе всѣхъ его владѣній — и вотъ одна изъ причинъ, по которой ближайшіе родственники романиста Вальтера Скотта обладали достаткомъ едва-едва только предохранявшимъ ихъ отъ бѣдности.

Другая причина, по которой фамилія Скоттовъ лишилась своего прежняго значенія и достатка (не лишаясь, впрочемъ, общаго къ себѣ уваженія) заключается въ размноженіи самого семейства, размноженіи, заставившемъ многихъ его членовъ покинуть свои

на безплодное истребленіе своихъ товарищей, рыцарь Свинтонъ Свинтонскій не выдержалъ и вызвался ударить на непріятельскихъ стрѣлковъ и отбросить ихъ далеко. Въ это время къ Свинтону подъѣхалъ такъ оскорбленный имъ молодой Гордонъ со всѣми всадниками, бывшими въ его распоряженіи. Въ присутствіи всей арміи юноша присоединился къ отряду своего заклятаго недруга и, слѣзши съ коня, сталъ на колѣни передъ соперникомъ своего родителя. «Я знаю (сказалъ онъ ему), что лучшаго воина нѣтъ во всей Шотландіи; только отъ твоей руки могъ пасть мой великій отецъ. Я еще не имѣю рыцарскаго званія: посвяти меня въ рыцари и поѣдемъ вмѣстѣ на мой первый подвигъ». Обрядъ былъ совершенъ тутъ же, рыцари обнялись, ударили на англичанъ, прогнали стрѣлковъ и далеко врѣзались въ толпу непріятеля. Но подкрѣпленія имъ дано не было. Совершивъ чудеса храбрости, и старый рыцарь, и крестникъ *), и вассалы ихъ были изрублены англичанами. Когда сраженіе кончилось, трупъ Свинтона былъ найденъ лежащимъ на тѣлѣ молодого рыцаря — гигантъ искупилъ убійство отца, защищая сына, пока только защита оказывалась возможною.

---

*) Godson — такъ называли молодыхъ рыцарей старики, посвятившіе ихъ въ это званіе, то-есть совершившіе надъ ними ту церемонію, которую знаетъ всякій читатель рыцарскихъ романовъ.

родныя земли и искать средствъ къ существованію иногда въ городахъ, иногда даже на чужбинѣ. Нелишнимъ считаемъ разсказать по этому случаю нѣсколько словъ о положеніи шотландскаго дворянства во второй половинѣ прошлого столѣтія. Въ каждомъ графствѣ Нижней Шотландіи, а иногда и въ нѣсколькихъ графствахъ сряду, всѣ почти дворянскія фамиліи приходились одна другой родными и, кромѣ того, въ видѣ остатковъ феодальнаго времени, имѣли надъ собой какое-нибудь одно аристократическое семейство, къ которому питали чувство отчасти родственное, отчасти патріархально-подчиненныхъ. Семейство герцоговъ букклейгскихъ (Боклю), къ которому принадлежала только-что упомянутая нами герцогиня Анна, находилось къ Скоттамъ и множеству другихъ фамилій въ отношеніяхъ весьма оригинальныхъ и трогательныхъ. Герцоги бокклейгскіе въ старое время могли призвать подъ свои знамена, въ случаѣ войны, до ста лердовъ-владѣтелей, связанныхъ съ ними узами крови и до десяти тысячъ дворянъ безземельныхъ, но тоже приходящихся имъ роднею. Эти-то безземельные воины въ мирное время жили на земляхъ герцоговъ и подчиненныхъ имъ лердовъ-владѣтелей; если же кому изъ нихъ земли не доставало, кредитъ главнаго патрона былъ къ услугамъ бѣднаго родственника для пріисканія ему должности въ Эдинбургѣ, Лондонѣ, Индіи, въ сухопутныхъ войскахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и во флотѣ. Лерды-владѣтели, не желая дробить своихъ имѣній, тоже старались пристроить своихъ меньшихъ сыновей въ разныя должности, по ихъ способностямъ, и въ этомъ дѣлѣ опять имъ пособляли герцоги бокклейгскіе. То же дѣлалось и въ другихъ графствахъ, гдѣ каждый аристократъ силился прославить свой кредитъ, иногда достигавшій до-того, что нѣкоторыя знатныя фамиліи (какъ, напримѣръ, герцоги аргайльскіе, Argyle) держали себя совершенно на королевской ногѣ, творя въ окрестныхъ провинціяхъ судъ и расправу, управляя выборами, замѣщая своими кліентами сотни должностей въ Англіи и Шотландіи, а сверхъ того ежедневно держа обѣденные столы на триста, четыреста и пятьсотъ человѣкъ. Эти-то отношенія лордовъ титулованныхъ, простыхъ лордовъ, лердовъ-владѣтелей, дворянъ-арендаторовъ и дворянъ безземельныхъ, отношенія, и понынѣ весьма замѣтныя въ Шотландіи, связывали все населеніе страны и приносили дворянству неисчислимыя выгоды. Мы еще не разъ будемъ имѣть случай говорить объ этомъ предметѣ; а теперь, покончивши съ самой скучной частью нашей біографіи, то-есть, родословною героя, поспѣшимъ перейдти къ самому разсказу.

Вальтеръ Скоттъ, впослѣдствіи сэръ Вальтеръ, поэтъ, романистъ и историкъ, авторъ «Пѣсни послѣдняго менестреля», «Ивангое» и «Жизни Наполеона Бонапарте», праправнукъ Бородатаго Вальтера, родился въ Эдинбургѣ, 15 августа 1777 года отъ Вальтера Скотта, чиновника одного изъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ и мистриссъ Анны Скоттъ, дочери доктора Ротсерфорда, профессора медицины въ эдинбургскомъ университетѣ. «Я былъ необыкновенно здоровымъ ребенкомъ (пишетъ нашъ романистъ въ своихъ запискахъ *), составленныхъ имъ вскорѣ послѣ брака и, брошенныхъ безъ окончанія), но едва не умеръ оттого, что моя кормилица имѣла чахотку и скрывала свою болѣзнь, чтобъ не лишиться мѣста. Но когда ее отставили и отдали меня доброй, здоровой крестьянкѣ (которая и теперь любитъ разсказывать, какъ изъ ея мальчугана (laddie) вышелъ великій джентльменъ), я снова оправился и силу свою сохранялъ до восьмнадцатилѣтняго возраста. Въ это время одинъ разъ, съ наступленіемъ ночи, я совершенно неожиданно выразилъ свое нежеланіе идти ко сну тѣмъ, что выпрыгнулъ изъ постели и сталъ бѣгать по комнатѣ, что̀ было во мнѣ силы. Съ трудомъ я былъ пойманъ и уложенъ въ постель послѣ этихъ, къ сожалѣнію, послѣднихъ доказательствъ моего проворства. На утро у меня явилась лихорадка, какая обыкновенно бываетъ у дѣтей при прорѣзываніи зубовъ; она длилась три дня, а на четвертый правая нога моя потеряла силу двигаться. Ни вывиха, ни опухоли, ни боли нигдѣ не оказывалось; призванные доктора и дѣдушка мой, профессоръ Ротсерфордъ, знаменитый своими анатомическими познаніями, не знали что̀ и подумать; всѣ средства, ими присовѣтованныя, не оказывали ни малѣйшаго дѣйствія. Послѣ долгаго леченія, меня отправили, по совѣту дѣдушки, на сенди-нодсскую ферму, гдѣ проживалъ мой другой дѣдъ; тамъ долженъ былъ я на чистомъ воздухѣ ожидать себѣ пособія отъ природы и нѣсколькихъ легкихъ лекарствъ. Тамъ-то получилъ я первое сознаніе о своемъ существованіи, и очень хорошо помню, что тогдашній мой видъ и положеніе были достаточно забавны. Между разными странными леченіями для моей ноги, одно заключалось въ томъ, что меня завязывали съ руками и ногами въ кожу только что убитаго барана. Я хорошо помню себя въ этомъ мохнатомъ татарскомъ одѣяніи, лежащимъ на полу маленькой комнаты,

*) Записки эти извѣстны подъ именемъ эшестильской рукописи, отъ фермы Эшестиль, гдѣ въ то время жилъ Скоттъ. Рукопись эту, весьма-любопытную и мало написанную, издалъ Джонъ Гибсонъ Локгартъ въ 1836 году.

между тѣмъ, какъ мой дѣдушка, почтеннаго вида старикъ, съ бѣлыми, какъ серебро, волосами *), дѣлалъ все возможное, чтобъ заставить меня ползать. Хлопоты по этому случаю съ нимъ дѣлилъ нашъ дальній родственникъ, сэръ Джорджъ Макъ-Дугалль Макерстонскій, старичокъ, въ мундирѣ старыхъ временъ, изъ свѣтлаго сукна (онъ служилъ когда-то въ Сѣромъ шотландскомъ полку), красномъ камзолѣ, шитомъ золотомъ, и шляпѣ, почти зашитой позументами. Помню я его сѣдыя кудри, бѣлыя какъ молоко, и зачесанныя по-военному; помню, какъ онъ становился передо мной на колѣни и, держа свои часы за цѣпочку, волочилъ ихъ передо мной по ковру. Оба старца и дитя, завернутое въ баранью шкуру, могли бы послужить сюжетомъ довольно оригинальной картины. Недолго дѣдъ и сэръ Джорджъ Макъ-Дугалль играли со мной: оба старика умерли, когда мнѣ не было еще трехъ лѣтъ отъ роду **).

Въ томъ, что окрестности сенди-ноусской фермы дали душѣ будущаго барда первое поэтическое настроеніе, не можетъ быть никакихъ сомнѣній: одно наименованіе мѣстъ, окружавшихъ владѣніе дѣдушки, приведетъ на память читателю Скоттова генія десятки вѣчно юныхъ, вѣчно прелестныхъ страницъ и пѣсенъ. Надъ

*) Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній поэтъ почтилъ память дѣда слѣдующими поэтическими строками:

Владѣтель дома, крытаго соломой,
Сѣдой старикъ шотландской чистой крови,
Добрякъ-мудрецъ безъ всякихъ школьныхъ знаній,
Судья всегдашній спорящихъ сосѣдей,
Судья правдивый, строгій, даровой!

(Введеніе къ 3-й пѣсни Марміона.)

**) До сихъ поръ (1836 г.) въ окрестностяхъ Сенди-Ноу (разсказываетъ зять Вальтера Скотта), живы двѣ старухи, находившіяся въ услуженіи на фермѣ въ тотъ годъ, когда туда привезли маленького Вальтера. Одна изъ нихъ, Тибби Гонтеръ, очень хорошо его помнитъ и говоритъ, что то былъ тихенькій крошка, любимецъ всего дома. Молодыя молочницы, отправляясь доить овецъ на пастбище, сажали дитя себѣ на плечи и носили его по холмамъ и по долинамъ. Маленькій Скоттъ весьма часто проводилъ цѣлыя утра въ сообществѣ главнаго пастуха, въ шутку названнаго коровьимъ судьей, лежа на травѣ и играя съ маленькими ягнятами, къ которымъ всю свою жизнь чувствовалъ особенную привязанность. Одинъ разъ его совершенно забыли въ полѣ и хватились только тогда, какъ потускнѣвшее небо и отдаленные раскаты грома показали скорое приближеніе бури. Старая бабушка, супруга владѣтеля соломой крытаго дома, сама бросилась въ долину, откуда пришло стадо; но не успѣла добраться до своего питомца ранѣе начала грозы. Ребенокъ лежалъ на травѣ, нисколько не пугаясь своего одиночества, хлопая ручонками и вскрикивая: ахъ, славно! славно! (bonny! bonny!) всякій разъ, когда на небѣ вспыхивала молнія.

самымъ домикомъ фермы высится каменный утесъ, увѣнчанный полуразрушенными стѣнами и башнями, изъ которыхъ одна, самая большая, отчасти сохранилась, или, по крайней мѣрѣ, не утратила своего величественнаго очертанія. Это остатки замка Смальгольмскаго, сцена той безсмертной баллады, которую такъ изящно передалъ намъ Жуковскій. Въ этотъ самый замокъ приходила преступная тѣнь рыцаря Кольдингема, въ шишакѣ съ соколинымъ перомъ, съ тремя звѣздами на голубомъ щитѣ и паланомъ на золотой цѣпи; на площадку этого замка взошелъ, послѣ убійства, суровый баронъ Смальгольма, на этой же площадкѣ сидѣла.

. . . одиноко унылая тамъ
Молодая жена, и тиха и блѣдна,
И въ молчаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, на мертувски лѣса,
На пространно бѣгущую Твидъ *)...

Само собою разумѣется, что съ знаменитой площадки видно все это и еще многое. Почти подъ ногами зрителя лежитъ древнее *Драйбургское* аббатство, окруженное ивами, считающими уже нѣсколько столѣтій. Далѣе подымается *мрачный Эльдонъ* — коническая гора, кажущаяся розовой отъ покрывающаго ее вереска, Эльдонъ, на которомъ Томасъ Реймеръ, поэтъ эрсильдоунскій, имѣлъ свиданіе съ царицей волшебницъ, а позади еще нѣсколькихъ древнихъ замковъ тянутся холодные пустыри *ламмермурскіе*. Нѣсколько въ сторону, къ западу, открывается монастырь *Мельрозскій* **), подобно сѣдому утесу, обвитому ползучими растеніями; положеніе этой обители, хорошо сохранившейся и со всѣхъ сторонъ окаймленной голубыми изгибами Твида, знаменито во всей Европѣ. Наконецъ вся картина замыкается горами Галаскими, Этрикскими и Ярроускими, горами, сто разъ воспѣтыми въ древнѣйшихъ сказкахъ и балладахъ Шотландіи... «Таковы были (говоритъ одинъ изъ біографовъ Скотта) первые предметы, представлявшіеся дѣтскимъ взорамъ послѣдняго и величайшаго изъ нашихъ пограничныхъ минестрелей».

---

*) Жуковскій былъ несовсѣмъ вѣренъ оригиналу въ этомъ отношеніи: онъ пропустилъ одну строку въ концѣ: «а вдоль всей Тевіотской Долины». Скоттъ копировалъ пейзажи съ вѣрностью дагерротипа: этимъ объясняется безпримѣрная популярность его стиховъ въ Шотландіи и нѣкоторая къ нимъ холодность со стороны континентальныхъ читателей.

**) Есть монахиня въ древнихъ драйбургскихъ стѣнахъ:
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ мельрозской обители мрачный монахъ, и проч.
(Замокъ Смальгольмъ.)

Самъ поэтъ, въ посланіи своемъ къ другу своей молодости, Вилльяму Эрскину, подробно обрисовываетъ сцены, приковывавшія къ себѣ его вниманіе въ самые нѣжные годы дѣтства. Не имѣя ни возможности, ни надобности дѣлать изъ сказаннаго посланія обширныхъ выписокъ, мы ограничимся только немногими строками, дающими весьма ясное понятіе о физіономіи края:

«То была дикая и суровая картина: повсюду высились нагія «скалы, взгроможденныя одна на другую; но между ними часто «пробѣгали пространства, украшенныя свѣжей, бархатной зеленью, «и во многихъ мѣстахъ одинокій ребенокъ могъ примѣтить милые «ему цвѣты и на камняхъ и на полуразрушенныхъ стѣнахъ. И «многія, временемъ потрясенныя стѣны, казались ему чудомъ че-«ловѣческаго искусства, и много странныхъ разсказовъ выслуши-«валъ онъ про эти старыя строенія, и много разъ самъ, съ по-«мощью своего воображенія, населялъ ихъ пирующими витязями, «возвратившимися изъ наѣзда»...

Теперь слѣдуетъ перейдти къ предмету еще важнѣйшему и обрисовать людей, окружавшихъ маленького Вальтера какъ въ домѣ родительскомъ, такъ и на фермѣ, гдѣ протекли первые годы послѣ перваго, пробудившагося въ душѣ поэта, самосознанія.

Отецъ будущаго писателя, Вальтеръ Скоттъ-старшій, былъ добрымъ, чрезвычайно красивымъ и всѣми уважаемымъ старикомъ; много драгоцѣнныхъ качествъ передалъ онъ въ наслѣдство своему сыну, но замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ была мягкость нрава. Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній по части запутанно многосложной шотландской администраціи, мы не можемъ передать съ достовѣрностью, въ чемъ именно состояли служебныя занятія стараго Скотта, да и едва-ли кто изъ читателей способенъ интересоваться такими подробностями. Довольно будетъ сказать, что занятія мистера Скотта были весьма щекотливы и многосторонни, вмѣщая въ себѣ и судебныя дѣла и адвокатскія обязанности, и хлопоты по опекамъ надъ малолѣтными кліентами. Его честность, соединенная со всегдашнею готовностью пособлять ближнимъ какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ, доставила ему обширную практику, но мало денежныхъ выгодъ. Онъ былъ сухъ, неласковъ и нѣсколько церемоненъ въ обращеніи; ѣздилъ въ гости и пилъ вино рѣдко; но въ минуты веселости, особенно обѣдая съ друзьями въ кругу своего семейства, иногда очаровывалъ всѣхъ собесѣдниковъ своей тихой, лукавой, оригинальной веселостью. Подобнаго рода старички довольно часто встрѣчаются между людьми, безукоризненно спокойно проведшими свою долгую жизнь и вслѣдствіе того невидящими ника-

кой причины хмуриться или тяготиться унылыми воспоминаніями. Онъ былъ строгихъ правилъ и часто, отложивъ дѣловыя бумаги въ сторону, проводилъ долгіе часы надъ фоліантами Нокса (Knox) и Споттисвуда. «Этотъ человѣкъ (какъ говоритъ про него одинъ изъ пережившихъ его родственниковъ) свершилъ свой жизненный путь, отъ колыбели до гроба, не потерявъ ни одного друга и не добывъ себѣ ни одного недруга».

Мистриссъ Анна Скоттъ, урожденная миссъ Ротсерфордъ, была женщиной весьма малаго роста и довольно некрасивой наружности. Какъ дочь извѣстнаго медика и профессора, она получила самое лучшее, по тогдашнему времени, воспитаніе въ институтѣ мистриссъ Евфиміи Синклеръ; для окончательнаго же изученія свѣтскихъ манеръ и высшихъ познаній провела нѣсколько времени подъ надзоромъ нѣкоей мистриссъ Огильви, дамы изъ весьма хорошаго круга, нѣсколько испорченной педантизмомъ, пуританизмомъ, а оттого черезчуръ взыскательной. Вліяніе этой суровой особы на кроткій нравъ мистриссъ Анны отразилось во многихъ невинныхъ странностяхъ, которыя только придаютъ особенную живописность и рельефность всему ея характеру. По словамъ сына, она, будучи уже осьмидесяти лѣтъ, сидѣла на стулѣ такъ прямо и съ такимъ опасеніемъ коснуться его спинки своей спиной, что можно было принять ее за пансіонерку, еще находящуюся подъ надзоромъ мистриссъ Огильви. Вообще же, мать поэта была женщиною разумною, преданною, свѣдущею въ хозяйствѣ и во многихъ отношеніяхъ хорошо образованною. Она любила читать исторію, стихи и романы, писала безъ ошибокъ и во всемъ Эдинбургѣ считалась хозяйкою самою благовоспитанною и привѣтливою.

У маленького Вальтера было много сестеръ и братьевъ, изъ которыхъ почти всѣ умерли въ младенчествѣ, ранѣе его появленія на свѣтъ. Изъ нихъ уцѣлѣло только двое, да двое другихъ родились послѣ Вальтера. Старшій, Робертъ Скоттъ, служившій въ королевскомъ флотѣ и отъ времени до времени пріѣзжавшій въ домъ своихъ родителей, былъ типомъ великобританскаго моряка, а потому не могъ не произвести впечатлѣнія на воспріимчивое воображеніе своего брата. «Его нравъ былъ гордъ и задоренъ (говоритъ сэръ Вальтеръ) и въ обращеніи со мною Робертъ былъ порядочнымъ и довольно капризнымъ деспотомъ; но все-таки я его любилъ очень. Онъ имѣлъ наклонность къ литературѣ, читалъ намъ стихи съ чувствомъ, и самъ, между морскими своими товарищами, считался за поэта. Стихи его, писанные наканунѣ знаменитаго сраже-

нія 12 августа 1782 года *), кажутся мнѣ совершенно достойными своей извѣстности. Онъ пѣлъ очень хорошо — талантъ, котораго не было дано на мою долю; былъ весьма ловокъ на всѣ механическія работы, и угощалъ насъ, если ему случалось быть въ духѣ, чудными разсказами о бояхъ и смѣлыхъ экспедиціяхъ. Но зато, въ дурныя минуты, онъ на практикѣ знакомилъ насъ съ обычаями англійскихъ военныхъ судовъ, въ изобиліи давая намъ толчки, щелчки и подзатыльники. Парижскій миръ положилъ предѣлъ честолюбивымъ мечтамъ брата; сверхъ того, благодаря своему высокомѣрному духу, онъ успѣлъ повздорить съ кѣмъ-то изъ офицеровъ и получить отвращеніе отъ службы. Онъ вступилъ въ службу Остиндской Компаніи, сдѣлалъ два большіе рейса и погибъ гдѣ-то жертвою гибельнаго климата».

Странныхъ, разительныхъ и забавныхъ личностей было множество между родственниками и друзьями фамиліи Скоттовъ какъ въ Эдинбургѣ, такъ и на сенди-ноуской фермѣ. Шотландія, только-что успокоившаяся послѣ послѣдней бури, навлеченной на нее несчастной высадкой принца Карла Эдуарда и желѣзной строгости его побѣдителя, герцога Кумберлендскаго, все еще была наполнена приверженцами дома Стюартовъ, лицами, участвовавшими въ куллоденскомъ сраженіи. Всѣ Скотты, за весьма малыми исключеніями принадлежали къ якобитамъ; но такъ какъ, по ходу вещей, ихъ симпатія къ дому Стюартовъ ни въ какомъ случаѣ не могла быть ни для кого опасною, то они и пользовались совершенною свободою мнѣній, вспоминали о претендентѣ сколько имъ было угодно и бесѣдовали о добромъ старомъ времени безъ всякой практической цѣли. Партія когда-то предпріимчивая и опасная, незамѣтно сдѣлалась безвредною, а политическія ея симпатіи сами собою перешли въ разрядъ поэтическихъ преданій. Вдова сѣдого дѣдушки Роберта, продолжавшая управлять фермою при пособіи Томаса Скотта **), дяди маленькаго Вальтера, первая разсказала ребенку

*) Въ этомъ сраженіи французскій флотъ былъ совершенно разбитъ эскадрою адмирала Роднея.

**) Сказанный Томасъ Скоттъ тоже достоинъ занять мѣсто въ фамильной галереѣ, съ которой мы знакомимъ читателя. До девяностолѣтняго возраста онъ читалъ безъ очковъ и удивлялъ ближнихъ необыкновеннымъ искусствомъ своей игры на шотландской волынкѣ. Когда во время послѣдней его болѣзни, ему давали лекарства, онъ ихъ бралъ въ ротъ и потомъ тихонько выплевывалъ въ платокъ, говоря: «всю жизнь я не принималъ докторскихъ снадобьевъ, пусть же безъ нихъ и умру». «Я посѣтилъ старика (разсказываетъ Локгартонъ) года за два до его смерти; со мной былъ и сэръ Вальтеръ. Болѣе почтенной фигуры не видалъ я въ свою жизнь. Онъ былъ высокъ и прямъ, съ длинными кудрями самой яркой бѣлизны. Чулки его

исторіи о принцѣ Карлѣ и кулладенской баталіи — исторіи, которымъ суждено было, подъ перомъ ея геніальнаго внука, удивить собою весь читающій свѣтъ. Отъ нея же услыхалъ онъ исторію дѣлъ и подвиговъ своихъ предковъ; чрезъ ея бесѣды ознакомился съ старымъ Ватомъ Гарденскимъ, съ бородатымъ Скоттомъ и съ героями Галидонъ-Гилля, получилъ восторженное понятіе о герояхъ всей Шотландіи, Черномъ Дугласѣ, Вилльямѣ Валласѣ и Робертѣ, Брюсѣ, королѣ Робертѣ, героѣ Баннокборнскомъ. «Одинъ разъ, подъ соломенной кровлей сенди-ноускаго дома, явилась старая женщина огромнаго роста и величавой наружности, въ длинномъ красномъ платьѣ, на которую я смотрѣлъ вѣроятно съ бо́льшимъ страхомъ, нежели маленькій Джонсонъ на королеву Анну. Она начала знакомство тѣмъ, что дала мнѣ яблоко. Величественная особа въ красномъ носила знаменитое имя Гордоновъ и, подобно бородатому Вату, оставалась вѣрною памяти Стюартовъ; жизнь же свою проводила въ уединеніи и знала тысячи романическихъ исторій». Кто изъ почитателей Вальтера Скотта не отъищетъ въ его романахъ воспоминаній о Меджъ Гордонъ, такъ поразившей своимъ видомъ дѣтскую фантазію будущаго писателя *)?

были свернуты около колѣнъ, какъ носили за три поколѣнія назадъ. Онъ читалъ библію безъ очковъ и такъ былъ углубленъ въ чтеніе, что насъ сперва не замѣтилъ, но потомъ, увидавъ своего племянника, всталъ, подошелъ къ нему и поцаловалъ его въ обѣ щеки, сказавъ: «Дай Богъ тебѣ здоровья, Вальтеръ, добрый мой дѣтина. Теперь ты великій человѣкъ, но сердце у тебя всегда было славное». Въ старикѣ оставалось много веселости, живости и какого-то особеннаго юмора».

*) Тётка ребенка, тоже проживавшая на фермѣ, миссъ Дженетъ Скоттъ, добрая старая дѣва, пристрастная къ поэзіи, первая познакомила маленькаго Вальтера съ лучшими изъ народныхъ пѣсенъ, а нѣкоторыя баллады читала при немъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не врѣзывались въ его память. «Особенно скоро (опять говоритъ сэръ Вальтеръ) далась мнѣ баллада о Гардиканутѣ, къ великой досадѣ и огорченію нашего постояннаго гостя, достойнаго приходскаго клерджьмена, доктора Дункана, котораго тихія и воздержныя рѣчи поминутно прерывалъ я выкрикиваньемъ своихъ любимыхъ стиховъ. Я будто вижу предъ собой его длинную, худощавую фигуру, съ ногами въ какихъ-то особенныхъ башмакахъ съ застежками, его длинное лицо, должно быть, по своей длинѣ сходное съ донкихотовымъ, и, кажется, слышу, какъ онъ восклицаетъ: «Гораздо покойнѣе говорить въ пушечномъ жерлѣ, чѣмъ при этомъ ребенкѣ». Не смотря на свою, природную брюзгливость, то былъ добродушнѣйшій и прекраснѣйшій старикъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова, совершенно несходный со многими изъ своихъ собратій, паразитовъ нашего дворянства. Въ свою молодость онъ былъ капелланомъ лорда Марчмонтскаго, видалъ Попе и умѣлъ разсказывать о многихъ лицахъ, украшавшихъ собой вѣкъ королевы Анны. Не пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ, онъ прожилъ, однакожъ, до девяноста лѣтъ, и послѣдніе годы его жизни ознаменовались радостью великою. Изъ Индіи вернулся къ нему въ Шотландію его сынъ, полковникъ Вилльямъ Дунканъ, нажив-

Въ обществѣ подобныхъ людей проходило дѣтство даровитаго дитяти съ большою пользою для его сердца и разума, но безъ особеннаго результата для здоровья. Больная нога не поправлялась: перепробовавъ всѣ средства и системы леченія, доктора наконецъ попали на благую мысль о минеральныхъ ваннахъ. На основаніи ихъ предписанія, Вальтеръ отправленъ былъ, подъ надзоромъ тётушки Дженетъ, въ Батъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ еще дядя Робертъ Скоттъ, капитанъ остиндскихъ войскъ. Ребенка лечили, баловали, учили читать и возили въ театръ; послѣднее ему особенно нравилось, хотя въ первый разъ, при представленіи шекспировой As you like it, при ссорѣ двухъ братьевъ, малютка горько заплакалъ, вскричавъ: «развѣ они не братья?» *). «Когда я вернулся домой

шій себѣ большое богатство, вмѣстѣ съ словою превосходнаго воина и умнаго администратора. Въ 1795 году, за нѣсколько дней до его смерти, я заѣхалъ къ старику, чтобы узнать о его здоровьѣ. Онъ сидѣлъ за работой, исхудалый до послѣдней степени, и, завернувшись въ клѣтчатый тартановый шлафрокъ, поправлялъ листы историческаго сочиненія, надъ которымъ много лѣтъ трудился. Сильнымъ голосомъ онъ прочелъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ рукописи; и когда я попросилъ его перестать, посовѣтовавъ ему избѣгать излишняго утомленія, онъ сказалъ мнѣ такія замѣчательныя слова: « знаю, что мнѣ остается жить какую-нибудь недѣлю: зачѣмъ избѣгать занятія, которое едва можетъ сократить мою жизнь нѣсколькими днями?» Я ѣхалъ домой, и честный старецъ умеръ ранѣе, чѣмъ чрезъ недѣлю».

*) Вотъ какими поэтическими строками поэтъ, въ собраніи своихъ мелкихъ статей въ прозѣ, подарилъ читателей при воспоминаніи объ этомъ представленіи:

«Немногія воспоминанія дѣйствуютъ на воображеніе сколько-нибудь воспріимчиваго человѣка живѣе и таинственнѣе воспоминанія о первомъ спектаклѣ, на которомъ ему удалось присутствовать. Странная форма помѣщенія, наполненнаго группами столпившихся жителей, сама составляетъ часть зрѣлища; но гораздо болѣе этой толпы взоръ привлекается необыкновенной величины загадочнымъ занавѣсомъ, который повременамъ тихо волнуется, позволяя различать около своего края какую нибудь блестяще костюмированную фигуру, или снизу концы чьихъ-то ногъ, обутыхъ въ сандаліи и двигающихся съ осторожностью; а потомъ освѣщеніе, подобно свѣту дня; музыка, которую, по неопытности, принимаешь за самое представленіе, наконецъ тихое поднятіе занавѣса и за нимъ цѣлый магическій міръ съ озерами, лѣсами и горами, міръ, повидимому, освѣщенный новымъ солнцемъ и населенный особаго рода существами, которыхъ языкъ — стихи, которыхъ одежда повергаетъ насъ въ изумленіе, которыхъ дѣла и разговоры такъ отличны отъ нашихъ вседневныхъ разговоровъ и дѣлъ: то заставляющіе ихъ плакать, то приводящіе въ ужасъ, то возбуждающіе въ насъ неодолимый хохотъ! Сверхъ всего этого, какъ дѣйствуютъ на насъ взрывы апплодисмента, подобные отдаленному грому, и позволеніе участвовать въ общемъ восторгѣ, хлопая нашими маленькими руками. Все нами сказанное и еще многое живо намъ помнится, тѣмъ-болѣе, что въ первое наше посѣщеніе театра мы смотрѣли на сцену, на которой еще красовался Геррикъ. Много лѣтъ прошло съ той поры, но часы безграничнаго наслажденія свѣжи въ нашей памяти. До-сихъ-поръ мы помнимъ, какъ начали гаснуть огни,

(простодушно прибавляетъ сэръ Вальтеръ), то въ нѣсколько дней, съ помощью опыта, я постигнулъ всю естественность ссоръ и даже потасовокъ между братьями». Батское леченіе, довершенное сендипоусскимъ воздухомъ и ѣздою на маленькой лошадкѣ, подаренной ему дядей Томасомъ въ слѣдующее лѣто, поправило Вальтера, хоть хромать онъ не переставалъ во всю свою жизнь.

Каждому человѣку на свѣтѣ стоитъ только хорошенько прославиться для того, чтобъ печатные и изустные анекдоты о необыкновенномъ его дѣтствѣ и о неслыханно раннемъ развитіи его способностей пошли ходить по свѣту. Въ этомъ нѣтъ ничего непозволительнаго и подобные анекдоты иногда съ успѣхомъ вплетаются въ біографическія статейки; но мы все-таки попросимъ позволенія не останавливаться на безчисленныхъ разсказахъ о дѣлахъ мальчика-Скотта, имѣя впереди много замѣчательныхъ дѣяній, совершенныхъ Скоттомъ въ его зрѣломъ возрастѣ. Ограничимся только приведеніемъ здѣсь одного документа, составленнаго безъ всякой задней мысли и лести, въ то время, когда ребенку-Вальтеру было только шесть лѣтъ отъ-роду. Вотъ письмо писанное въ 1777 году, родственницею его матери, мистриссъ Кокбурнъ *) къ своему другу, пастору доктору Дугласу.

«Прошлую ночь я ужинала у Вальтеръ Скотта. У него есть геній — сынишка, мальчикъ, которому ничего подобнаго я до сихъ поръ нигдѣ не видала. Ему не двѣнадцать и не четырнадцать, а шесть лѣтъ отъ-роду. Когда я вышла, онъ читалъ своей матери какую-то поэму; послѣ того самъ прочелъ мнѣ описаніе какого-то кораблекрушенія. Во время чтенія онъ приходилъ въ восторгъ, поднимая ручонки и прерывая стихи криками: «мачта упала!... мачта сломана... они погибнутъ, всѣ погибнутъ!» Потомъ онъ сказалъ мнѣ, улыбаясь: «это очень печально; дайте я прочту вамъ что-нибудь веселенькое». Потомъ мы говорили о Мильтонѣ и другихъ читанныхъ имъ книгахъ; отвѣты его приводили меня въ

какъ толпа начала расходиться, какъ въ сердцѣ нашемъ еще оставалось слабое ожиданіе того, что музыка снова заиграетъ, занавѣсъ снова поднимется и очаровательный сонъ приснится намъ съизнова Какъ непонятна казалась намъ апатія старшихъ членовъ нашего общества, которые, имѣя всѣ къ тому средства, не проводили въ театрѣ каждаго вечера?»

*) Мистриссъ Кокбурнъ занималась поэзіею и издала въ свѣтъ томикъ своихъ пѣснопѣній, подъ названіемъ: «Лѣсовые Цвѣтки». Сэръ Вальтеръ увѣряетъ, что въ этой книжечкѣ, ужь при немъ несуществовавшей въ продажѣ, есть много милыхъ стиховъ и возвышенныхъ мыслей. Имя Кокбурновъ извѣстно въ британской словесности и въ исторіи шотландскаго судопроизводства Одинъ изъ Кокбурновъ былъ лордомъ-деканомъ шотландскихъ адвокатовъ.

изумленіе. Ложась послѣ того спать, онъ сказалъ теткѣ: «мнѣ нравится эта леди!» — «Какая леди?» спросила та. — «Мистриссъ Кокбурнъ: она такая жь виртуозка, какъ и я». — «Милый Вальтеръ», опять спросила тетушка Дженни: «что такое виртуозъ или виртуозка?» — Неужели ты не знаешь, тетушка? Виртуозъ *) тотъ, что хочетъ знать все на свѣтѣ!» — «Сознайтесь, сэръ, что все это необыкновенно, изумительно!»

По девятому году, Вальтера отдали въ школу и, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ отлучекъ изъ столицы Шотландіи, постояннымъ мѣстопребываніемъ его сталъ городъ Эдинбургъ, съ физіономіей котораго намъ предстоитъ въ слѣдующей главѣ короче познакомиться.

II.

Эдинбургъ въ концѣ прошлаго столѣтія. — Нравы жителей. — Драки и кулачные бои. — Образъ жизни высшаго общества. — Науки и литература, — Народный поэтъ. — Нѣчто о жизни и трудахъ Роберта Борнса (Burns). — Вліяніе его произведеній на отечественную словесность. — Свиданіе молодого Вальтера Скотта съ Борнсомъ. — Гравюра и ласковое слово. — Физіономія и манеры поэта. — Школьныя занятія Вальтера. — Греческій языкъ. — Парадоксальная параллель между Гомеромъ и Аріосто. — Пуританинъ Джемсъ Мичелль. — Домашній спектакль, танцы и пѣніе. — Тревога въ Эдинбургѣ. — Поль Джонсъ. — Нашествіе горскихъ воиновъ. — Похожденія Александра Стюарта Инвернагайльскаго. — Путешествіе въ горныя провинціи Шотландіи. — Бытъ горцевъ-владѣтелей. — Леченіе. — Шарлатанъ Грагамъ и его Храмъ Здравія.

Эдинбургъ, какъ извѣстно, по своему мѣстоположенію, можетъ назваться однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ; благодаря Скоттовымъ романамъ и очеркамъ путешественниковъ, общая наружность древней столицы съ ея тюрьмою, аббатствомъ, сотней средневѣковыхъ строеній и цитаделью на вершинѣ коническаго

*) Слово virtuoso, употребленное маленькимъ Вальтеромъ, имѣло въ прошломъ столѣтіи значеніе, вовсе несходное съ его настоящимъ значеніемъ: оно означало *антикварія*. Вотъ какими стихами поэтъ Экенсейдъ (Akenside) описываетъ виртуоза тогдашнихъ временъ:

«Онъ зналъ обычаи временъ прошедшихъ,
«Старинное искусство и обряды,
«Порядокъ пиршествъ, свадьбъ и похоронъ,
«Пировъ, торжествъ, забавъ, ученыхъ споровъ.
«Одежды старыя ему знакомы были,
«Оружіе мужчинъ, уборы женщинъ,
«Ученымъ слогомъ могъ онъ описать,
«Наряды гладіаторовъ и скомороховъ».

холма, знакома всякому читателю В. Скотта. Живописная мѣстность, украшенная водой и скалами, на всякомъ шагу представляющая картины то грозныя и печальныя, то милыя и улыбающіяся, сверхъ того, еще освѣщена множествомъ воспоминаній, въ которыхъ исторія перемѣшивается съ поэзіей, недавнія событія съ преданіями отдаленныхъ вѣковъ. Самый городъ, во время юности Вальтера Скотта былъ такой же, какимъ засталъ его докторъ Джонсонъ во время своего перехода изъ почтоваго экипажа къ дому своего поклонника Босвелля, когда, проходя по узкимъ и грязнымъ улицамъ, онъ бормоталъ, зажимая себѣ носъ: «и въ темнотѣ я ощущаю Шотландію!» И Лондонъ въ ту пору не могъ похвалиться чистотой улицъ; но онъ все-таки въ этомъ отношеніи стоялъ далеко выше Эдинбурга, въ которомъ подъ-вечеръ нельзя было ни ходить, ни ѣздить спокойно, потому что изъ домовъ выливались не только помои, но и всякія ненужныя вещи, даже тяжелыя — бросались на улицу. Городское управленіе обыкновенно состояло изъ людей старыхъ, часто вовсе неживущихъ на своемъ мѣстѣ и предоставлявшихъ всю заботу о городскомъ благочиніи малому числу ночныхъ сторожей и низшихъ полицейскихъ чиновниковъ. Такъ-какъ простолюдинамъ (особенно горцамъ, highlanders) запрещено было носить оружіе, то грабежи и убійства случались весьма рѣдки; но драки, потасовки и кулачные бои (о которыхъ мы еще поговоримъ впослѣдствіи) происходили безпрерывно на самыхъ лучшихъ улицахъ. Нерѣдко случалось, что два джентльмена, поссорившись между собою, тузили другъ друга нещадно; если одинъ изъ нихъ былъ горцемъ, а другой *низовцемъ* (lowlander), то къ ратоборцамъ присоединялись простолюдины изъ Верхней и Нижней Шотландіи, съ палками и камнями. Дѣлалось и то, что какой нибудь хитрый мститель нанималъ двухъ трехъ горцевъ съ тѣмъ, чтобъ въ темнотѣ поколотить своего недруга.

Независимо отъ отдѣльныхъ стычекъ и потасовокъ разъ въ недѣлю, а иногда и чаще, въ Эдинбургѣ происходили повальные кулачные бои между забіяками разныхъ частей города.

Не смотря на такіе остатки средневѣковыхъ нравовъ задорной Шотландіи, занятія дворянъ, проживавшихъ въ Эдинбургѣ, были спокойны и пріятны. Науки и литература пользовались тамъ большимъ уваженіемъ: въ этомъ отношеніи, столица Шотландіи сдѣлала большіе успѣхи со времени прекращенія политическихъ смутъ на сѣверѣ. Классическая ученость на древній манеръ, о которой такъ сожалѣлъ докторъ Джонсонъ, бесѣдуя съ отцомъ Босвелля и лордомъ Монбоддо, дѣйствительно упала въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ, особенно по части изученія древнихъ языковъ и древней литературы. Но зато науки историческія, естественныя и философскія поднялись чрезвычайно и пріобрѣли себѣ первоклассныхъ представителей, изъ которыхъ довольно будетъ назвать Смита, Стюарта, Юма и Робертсона. Эдинбургскій университетъ сдѣлался центромъ блистательной и полезной дѣятельности, надѣляя городъ большимъ числомъ профессоровъ и дилетантовъ, вносившихъ въ общество свою любовь къ наукѣ, свое уваженіе ко всему важному и прекрасному. Ученые старики и ученые молодые люди, по необходимости сдѣлались посѣтителями лучшихъ домовъ въ столицѣ, неразвлеченной ни политическими дѣлами, ни обиліемъ увеселеній; ихъ ласкали и цѣнили по достоинству; мужчины и женщины слѣдили за ихъ спорами и сами, научаясь, отдавали наукѣ должную ей почесть. Труды Босвелля и многихъ другихъ, нынѣ полузабытыхъ писателей и писательницъ, поддерживали легкую словесность своей родины; подъ вліяніемъ этихъ людей, въ Эдинбургѣ ужь составилось нѣсколько литературныхъ обществъ для чтенія новыхъ книгъ, выписыванія журналовъ и разсужденія какъ объ отечественной, такъ и объ иностранной словесности. Молодые люди имѣли охоту къ занятіямъ и много времени на ея удовлетвореніе. Наконецъ, Эдинбургъ и Шотландія имѣли то, чего въ то время не имѣла Англія, именно: поэта народнаго и геніальнаго въ лицѣ Роберта Борнса. Сынъ земледѣльца, пастухъ и продавецъ скота, Робертъ Борнсъ, по жизни и духу своихъ произведеній, сходенъ съ нашимъ незабвеннымъ Кольцовымъ; разница въ ихъ литературномъ значеніи та, что Кольцовъ явился въ русской словесности ужь послѣ упрощенія нашего языка чрезъ труды Карамзина, Крылова, Грибоѣдова и Пушкина, между тѣмъ, какъ Борнсъ имѣлъ своими предшественниками, какъ въ Англіи, такъ и въ Шотландіи, поэтовъ часто-даровитыхъ, иногда геніальныхъ, но писавшихъ на старомъ стихотворномъ языкѣ, исполненномъ риторики, напыщенности и условныхъ, неестественныхъ оборотовъ рѣчи *). Потому-то изъ новыхъ британскихъ поэтовъ почти всякій чѣмъ нибудь одолженъ Борнсу, а многіе происходятъ отъ него по прямой линіи **). Борнсъ провелъ свое дѣтство съ простыми людь-

*) До сихъ поръ еще англійская поэзія не упростилась достаточно. Корень ея цвѣтистости въ духѣ языка и поэтахъ, подобныхъ Шекспиру.

**) Англичане въ томъ не сознаются, но, какъ кажется (и мнѣніе наше раздѣлено нѣсколькими знатоками дѣла), что вся школа лекистовъ (Уордсвортъ, Уильсни, Кольриджъ) съ одной стороны, а Джорджъ Креббъ и его подражатели съ другой, прямо идутъ отъ Борнса, не взирая на разность въ языкѣ и въ развитіи самихъ поэтовъ.

ми, посреди красотъ природы, въ полѣ и лѣсахъ; онъ любилъ дѣвушку изъ простого званія и потерялъ ее, напередъ изведавъ всю сладость раздѣленной любви. Онъ былъ знакомъ съ поэтическими легендами и лучшими поэтами своей родины; но вещи, вырывавшіяся изъ-подъ его пера, были чужды всякому подражанію. Онъ пѣлъ не героевъ древности и даже не героевъ старой Шотландіи: въ его пѣсняхъ отражалась поэзія родныхъ горъ и лѣсовъ, сельскихъ работъ и сельскихъ бесѣдъ зимою и первая страсть молодой поселянки и его собственныя, сердце рвущія воспоминанія о милой Мери, которая теперь въ небесахъ! Все питало его талантъ; всякая мелочь будила въ немъ поэтическія чувства. Одинъ разъ, идя за плугомъ, онъ нечаянно разорилъ гнѣздо полевыхъ мышей, и плодомъ этого происшествія было одно изъ обворожительнѣйшихъ стихотвореній, когда-либо писанныхъ. Другой разъ, толкуя о пропажѣ любимаго барана, или передавая въ простодушной балладѣ исторію хлѣбнаго зерна, посѣяннаго въ землю, онъ съумѣлъ возвыситься до чистой, истинно народной поэзіи Когда слухи о такомъ пѣвцѣ достигли жителей Эдинбурга, они выказали къ Борнсу большое участіе: вытребовали въ столицу, достали ему мѣсто *), ласкали его, угощали и задавали въ честь его пиры, бывшіе для Борнса, наклоннаго къ веселой жизни, великимъ бѣдствіемъ. Восторги, пробужденные Борнсомъ, были вполнѣ раздѣлены Англіею, которая еще болѣе Шотландіи нуждалась въ новомъ элементѣ словесности, томъ самомъ элементѣ, который составлялъ всю сущность трудовъ геніальнаго Борнса. Великобританская поэзія того времени, какъ національная, такъ и созданная вліяніемъ еще сильной въ ту пору французской словесности, дошла до крайнихъ предѣловъ искусственности: метафора раскидывала въ ней свою широкую мантію, и половина мірскихъ предметовъ не входили въ ея область по своей *вульгарности* (vulgarity). Борнсъ подоспѣлъ во-время. Публика, не останавливаясь ни трудностью пониманія его стиховъ, ни увѣреніями тогдашнихъ судей искусства, заучила Борнсовы пѣсни — и поэтъ сталъ ея любимцемъ. Цѣлая розсыпь новыхъ, простыхъ, всѣмъ доступныхъ идей, раскинулась передъ любителями поэзіи, незнавшими куда дѣваться отъ бывшихъ до того въ ходу дидактическихъ, психологическихъ и ложно-идиллическихъ пѣснопѣній. Все въ Борнсовыхъ пѣсняхъ оказывалось новостью: и ихъ сладкозвучный, оригинальный размѣръ, и безъискусствен-

*) Несовсѣмъ, впрочемъ, пригодное для Борнса. Его сдѣлали акцизнымъ досмотрщикомъ.

ность изложенія, и простонародные, но мѣткіе обороты, и пониманіе природы, и безпредѣльная теплота пылкаго сердца *). Самое знакомство съ личностью поэта-самоучки усиливало удивленіе, возбужденное его трудами. То былъ человѣкъ веселый и красивый, весьма-образованный для поселянина, но нисколько нестыдившійся своего званія и несшій неожиданно пришедшую къ нему славу безъ всякаго непріятнаго замѣшательства. Онъ говорилъ хорошо, умѣлъ веселиться и разсказывать бойкія, простыя народныя исторіи. Пока буря вдохновенія не касалась его души, онъ казался добродушнымъ, умнымъ гулякой; но чуть мысль его наполнялась поэтическими образами, особенно воспоминаніями старой любви и дѣтства, Борнсъ являлъ собой типъ истиннаго поэта. Онъ искалъ уединенія, бѣжалъ отъ людей и, наединѣ съ природою, его вскормившею, на мѣстахъ ему дорогихъ и связанныхъ съ жизнью его сердца, отдавался весь своимъ порывамъ. Онъ бросался на траву, проводилъ ночи безъ сна подъ синимъ небомъ, плача и призывая свою Мери, видя ея глаза между звѣздами, забывая о снѣ и времени, не думая сдерживать порывовъ своего сердца. Плодомъ такихъ дней выходили его лучшія пѣсни и баллады. Но чѣмъ болѣе Борнсъ знакомился съ жизнью столичной, тѣмъ рѣже стали находить на него эти минуты творчества. Посреди развлеченій и новыхъ привязанностей онъ понялъ, что источникъ первыхъ его вдохновеній изсякаетъ и что, для поддержанія своей славы, ему ужь нужно полное образованіе, нуженъ трудъ. Онъ сталъ трудиться въ рѣдкія, свободныя минуты и результатъ его усилій, могъ назваться удивительнымъ—такъ богата была его натура. Свѣдѣнія Борнса расширились: англійскій языкъ дался ему до-того, что письма и другія вещи, имъ писанныя на этомъ языкѣ, принадлежатъ къ образцовымъ; сатирическій элементъ въ его стихотвореніяхъ усилился и, по оригинальности своей, обѣщалъ многое впереди. Но веселая жизнь шла своимъ чередомъ, а у Борнса не было друга, способнаго руководить его занятіями. Растративъ свое здоровье и вполнѣ сознавая свои недостатки, Борнсъ умеръ слишкомъ-рано для искусства, но не уронилъ своей поэтической репутаціи. Главная задача его поэзіи была выполнена; ея значеніе до сихъ поръ еще неоцѣненное вполнѣ однако признано и разъяснено многими историками словесности **).

---

*) См. статью о Борнсѣ въ собраніи этюдовъ (Essays) Карлейля.

**) Нелишнимъ считаемъ выписать замѣтку сэра Вальтера Скотта о свиданіи его съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ.

Въ эдинбургскомъ училищѣ Фразера, а потомъ въ университетской коллегіи молодой Вальтеръ Скоттъ учился только тому, что ему нравилось, оставляя немилые предметы въ совершенномъ пренебреженіи, а оттого перелетая, подобно метеору, съ одного конца класса на другой, къ досадѣ и огорченію истинно любившихъ

«Кстати о Борнсѣ. И я могу сказать, что видѣлъ Виргилія. Когда онъ въ первый разъ явился въ Эдинбургѣ (1786 г.), мнѣ было пятнадцать лѣтъ; не смотря на этотъ возрастъ, во мнѣ было на столько чувства, чтобъ умѣть цѣнить его творенія. Я искалъ случая увидать Борнса, но у меня почти не оказывалось знакомства между писателями, или дворянами западныхъ провинцій, а между этими людьми онъ бывалъ всего-чаще. Одинъ изъ клерковъ моего отца, Томасъ Грирсонъ, знавшій поэта, обѣщалъ мнѣ пригласить его къ себѣ на обѣдъ, но не сдержалъ своего слова. Такимъ образомъ я встрѣтился съ Борнсомъ только одинъ разъ у почтеннаго профессора Фергюссона, въ компаніи многихъ джентльменовъ, имѣвшихъ литературную репутацію, между которыми я хорошо помню знаменитаго Дюгальда Стюарта. Само собой разумѣется, что бывшіе тутъ молокососы моихъ лѣтъ не принимали участія въ бесѣдѣ, а сидѣли молча и слушали. Въ этотъ день я былъ пораженъ дѣйствіемъ, произведеннымъ на Борнса одною гравюрою работы Бенбюри, висѣвшею на стѣнѣ комнаты. На ней изображенъ былъ мертвый солдатъ на кучѣ снѣга; по одну сторону трупа уныло сидѣла собака, по другую — женщина, съ младенцемъ на рукахъ. Подпись была такая:

«Безъ чувствъ, безъ жизни, на поляхъ Канады
«Лежитъ ея охолодѣвшій мужъ,
«И капаютъ жены несчастной слезы
«На грудь, и бѣдное дитя у груди.
«Печальное пророчество ребенку,
«Вскормленному слезами и бѣдой.»

Борнсъ не могъ оторваться отъ картины, или, скорѣе, отъ мыслей, ею возбужденныхъ. Онъ заплакалъ. Потомъ онъ спросилъ, кѣмъ писаны строки, здѣсь приведенныя. Случилось такъ, что изъ бывшихъ въ комнатѣ никто, кромѣ меня, не могъ этого вспомнить. Я сказалъ на-ухо одному изъ знакомыхъ, что сказанные стихи взяты изъ поемы Ленгорна, напечатанной подъ немного обѣщающимъ названіемъ: «Мирный Судья». Пріятель передалъ свѣдѣніе Борнсу, который наградилъ меня тутъ же взглядомъ и ласковымъ словомъ, памятнымъ мнѣ и до сего времени.

Поэтъ былъ сильно и крѣпко сложенъ; маверы имѣлъ простыя, сельскія, но не грубыя; ихъ простота и безъискусственность бросались въ глаза лицамъ, знавшимъ и цѣнившимъ талантъ этого человѣка; лицо его казалось болѣе-широкимъ и массивнымъ, чѣмъ на портретахъ. Вообще, Борнса можно было принять за умнаго мызника старой шотландской школы. Во всемъ его лицѣ ясно отражались умъ, сметливость; но поэтическимъ выраженіемъ отличались только одни глаза: большіе, темные; они горѣли (буквально, *горѣли*, повторяю) чуть только онъ говорилъ съ чувствомъ и охотою. Подобныхъ глазъ не видалъ я во лбу ни у одного человѣка, и хотъ имѣлъ случаи въ свою жизнь наглядѣться на всѣхъ знаменитыхъ современниковъ. Въ разговорѣ Борнсъ былъ твердъ и самоувѣренъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Въ кругу самыхъ ученыхъ людей того времени и того края онъ выражался безъ замѣшательства и безъ задора. Если его мысли не сходились

его наставниковъ. «Моя память (признается онъ самъ) напоминала собой старинныя каменныя пушки, весьма неудобныя для стрѣльбы и заряжанія, но производящія великое дѣйствіе, чуть только какой нибудь предметъ подвертывался подъ ихъ выстрѣлъ». Особенно плохими оказывались успѣхи въ языкѣ греческомъ — обстоятельство, о которомъ поэтъ до конца дней вспоминалъ съ горестью. «Сознавая самъ свои малыя познанія (продолжаетъ Скоттъ), я думалъ, что могу оправдать себя, выказывая постоянное презрѣніе къ самому предмету. Я открыто сообщалъ товарищамъ, что не желаю знать по-гречески. Одинъ юноша, изъ первыхъ въ классѣ, почувствовалъ ко мнѣ истинное и благородное сожалѣніе. Онъ навѣстилъ меня въ Джорджъ-Скверѣ, изъяснилъ мнѣ все безуміе моего поведенія, сообщилъ, что я служу предметомъ насмѣшекъ для класса и предложилъ мнѣ свою помощь, днемъ и ночью, для одолѣнія могущихъ встрѣтиться трудностей при изученіи языка. Глупая моя гордость была оскорблена тѣмъ болѣе, что, по моимъ понятіямъ, званіе совѣтника (имя ученика было Арчибальдъ, а отецъ его содержалъ гостинницу) не давало ему никакого права вмѣшиваться въ мои дѣла. Я отвѣчалъ холодно учтивымъ отказомъ, а мальчикъ ушелъ отъ меня болѣе огорченнымъ, чѣмъ разсерженнымъ. Вскорѣ послѣ того, когда въ классѣ намъ заказали каждому составить по этюду, насчетъ изучаемыхъ нами писателей, я имѣлъ смѣлость смастерить произведеніе, въ которомъ я сравнивалъ Гомера и Аріосто, разумѣется, во вредъ первому. Досада добраго профессора Дельзелля не можетъ быть описана словами: его равно удивила и моя дерзость и количество безтолковой начитанности, замѣтной въ моемъ трудѣ. Онъ произнесъ надо мной тяжкій приговоръ: «ты дуракъ и дуракомъ вѣчно останешься!» Къ удовольствію моему, ученый мой наставникъ прожилъ долго и, спустя много лѣтъ, бесѣдуя со мною, удостоилъ отречься отъ своего невыгоднаго заключенія».

Отецъ Скотта, вѣроятно, замѣчая пристрастіе своихъ сыновей къ бикерсамъ и предпочтеніе, оказываемое ими рыцарскимъ романамъ передъ книгами, болѣе полезными и назидательными, взялъ

съ мыслями этихъ людей, онъ не терялся, но твердо и скромно выражалъ свои личныя убѣжденія. Память моя не сохранила въ ясности никакихъ подробностей мною описанной бесѣды. Съ тѣхъ поръ я встрѣчалъ Бориса только на улицѣ; онъ, конечно, не узналъ меня, да я на это и не могъ разсчитывать. Его очень ласкали въ Эдинбургѣ, но матеріальныя выгоды, имъ полученныя за стихотворенія, были очень малы, особенно, если взять въ соображеніе тѣ размѣры, до какихъ съ тѣхъ поръ достигла цѣнность литературной собственности».

къ себѣ въ домъ, въ видѣ гувернера и наблюдателя, одного строгаго и ученаго пуританина, по имени Джемса Мичелля, воспоминаніе о которомъ высказывается въ нѣсколькихъ лучшихъ персонажахъ нашего романиста *) Мистеръ Скоттъ призрѣлъ бѣдняка и впослѣдствіи выхлопоталъ ему хорошее мѣсто, а во время его занятій съ дѣтьми, строго наблюдалъ, чтобъ они не заразились его причудами. Джемсъ Мичелль былъ вигомъ и поклонникомъ кругло-головыхъ; маленькій же Вальтеръ любилъ домъ Стюартовъ и благоговѣлъ предъ кавалерами. Слѣдствіемъ того, у наставника съ питомцемъ ежедневно происходили споры, при которыхъ оба антагониста цитировали любимыхъ поэтовъ, горячились и, совершенно выбившись изъ силъ, переходили къ очереднымъ занятіямъ. Все это не мѣшало Мичеллю любить мальчика съ нѣжностью отца и начертать въ рукописи подъ названіемъ: «Замѣчательныя событія моей жизни, составленныя для поученія моихъ дѣтей» — трогательное воспоминаніе о порѣ, про которую мы разсказываемъ. «Нельзя безъ особеннаго чувства перечитывать замѣтокъ этого милаго чудака, описаній того, какъ иногда мальчикъ засыпалъ при чтеніи книгъ (конечно, причина тому была въ его тѣлосложеніи, прибавляетъ добродушный учитель), или какъ маленькій Вальтеръ, прощаясь съ нимъ, подарилъ своему гувернёру, на память, латинскую грамматику, всю разукрашенную на поляхъ изображеніями животныхъ и забавными надписями. Если мнѣ случалось, за лѣность, или другой проступокъ, грозить ему наказаніемъ, мастеръ Вальтеръ **) всегда кидался мнѣ на шею и, цалуя меня, просилъ прощенія, послѣ чего всякая мысль о строгости исчезала». О своихъ спорахъ съ Вальтеромъ, Мичелль упоминаетъ, какъ о бесѣдахъ, несомнѣнно-пророчившихъ о будущей славѣ своего питомца ***).

---

*) Монтрозъ.

**) Въ Англіи и Шотландіи дѣтей мужскаго пола, лѣтъ до шестнадцати, называютъ по именамъ, съ прибавленіемъ слова «master»; исключеніе составляютъ старшія дѣти знатныхъ фамилій, къ которымъ ужь перешелъ, по смерти отца, или другихъ родственниковъ, титулъ ихъ.

***) Въ своихъ замѣткахъ Мичелль ничего не упоминаетъ о неудовольствіи своемъ въ тотъ день, когда ввѣренныя ему дѣти, съ согласія отца и матери, затѣяли нѣчто въ родѣ домашняго театра, и не только разъиграли въ залѣ старинную пьесу «Джемъ Шоръ», но даже принялись разучивать шекспирова «Ричарда III-го», въ которой хромоножка Вальтеръ взялъ себѣ роль герцога глостерскаго. Вслѣдъ затѣмъ дѣтей стали учить танцовать, не слушая пуританскихъ возгласовъ Мичелля, ужь готовившагося бѣжать изъ дома; но въ сказанномъ горѣ утѣшеніемъ гувернёра было то, что его дорогой мастеръ Вальтеръ, по болѣзни ноги, не могъ принимать участія въ танцахъ. Не успѣлъ бѣдный Мичелль примириться съ идеей о танцахъ,

Маленькій Вальтеръ только что началъ ходить въ школу, когда въ Эдинбургѣ случилось происшествіе, сильно врѣзавшееся въ его память и сблизившее его съ нѣсколькими оригинальными особами, которыхъ ему безъ того никогда бъ не довелось видѣть въ полномъ блескѣ. Въ одно утро, огромная столица Шотландіи взволновалась слухами о близости неминуемой опасности пожара, разграбленія и всѣхъ ужасовъ самой безжалостной войны. Миръ съ Соединенными Штатами еще не былъ заключенъ и два военныя сѣвероамериканскія судна, подъ начальствомъ корсара Поль Джонса, сдѣлавшія столько вреда великобританской торговлѣ, усмотрѣны были у береговъ Шотландіи, невдалекѣ отъ столицы. Поль Джонсъ (герой Куперова романа, «Лоцманъ»), въ то время пользовался славой за свою предпріимчивость, соединенную съ непримиримой ненавистью къ Англіи *): его операціи вдоль непріятельскихъ береговъ дѣйствительно составляли одну изъ блистатель-

---

какъ старикъ Скоттъ, любившій музыку и самъ хорошо игравшій на віолончели, захотѣлъ, чтобъ дѣти его учились пѣнію. Съ этой цѣлью приглашенъ былъ въ домъ нѣкто Александръ Кембель (Campbell), восторженный дилеттантъ и пѣвецъ, къ тому же и литераторъ, сочинитель «Путешествія по Шотландіи», въ свое время пользовавшейся нѣкоторымъ успѣхомъ. Тщетно противился Мичелль, тщетно разсуждалъ онъ о безполезности музыки: уроки начались, но голоса и способности учениковъ далеко не соотвѣтствовали рвенію пѣвца, ихъ учившаго. «Реву и усилій было довольно, но гармоніи никакой не выходило. Наконецъ наша джоржъ-скверская сосѣдка, леди Коммингъ, прислала къ отцу человѣка просить его *не наказывать всѣхъ дѣтей разомъ*. Она была увѣрена, прибавлялъ посланный, что дѣти вполнѣ заслуживали своей участи, но соединеніе ихъ жалобныхъ криковъ оказывалось невыносимымъ для сосѣднихъ ушей. Добрая леди приняла пѣніе и музыкальные уроки дѣтей за вопль при сѣченіи розгами, и (прибавляетъ Скоттъ) была совершенно права: изъ всѣхъ моихъ братьевъ, только одинъ Робертъ умѣлъ пѣть, но его въ ту пору не было съ нами» *).

*) Поль Джонсъ, какъ извѣстно, былъ родомъ англичанинъ. Экспедиція его къ берегамъ Шотландіи, одна изъ смѣлѣйшихъ во всей исторіи морскаго дѣла, предпринята была вслѣдствіе ложныхъ извѣстій о томъ, что горныя провинціи этой страны желаютъ поднять оружіе противъ Англіи. Блистательнѣйшимъ дѣломъ Поля Джонса можетъ, безспорно, назваться его бой съ двумя англійскими фрегатами, «Сераписомъ» и «Графиней Салисбюри» у береговъ Франціи. Командуя старымъ 44-хъ-пушечнымъ фрегатомъ «Bon homme Richard», американскій морякъ взялъ оба непріятельскія судна, изъ которыхъ каждое числомъ орудій превышало его фрегатъ.

---

*) «Учитель нашъ Кембелль жилъ долго и впослѣдствіи впалъ въ бѣдность, которую «я имѣлъ удовольствіе смягчать, если не облегчать вполнѣ. Онъ былъ полонъ благодарно«сти и въ одномъ отношеніи выказывалъ ее забавнымъ образомъ. Онъ не хотѣлъ сознать«ся, что у меня, его ученика, не было ни уха, ни голоса: малые мои успѣхи въ пѣніи, по «его словамъ, заключались въ недостаткѣ охоты съ моей стороны». («Эшестіельскія Записки В. С»).

ныхъ страницъ американской исторіи; но все это едва-ли можетъ объяснить ужасъ, объявшій весь Эдинбургъ при его приближеніи. По улицамъ начали строить завалы и ставить ржавыя пушки; мирные жители тысячами кинулись бѣжать изъ столицы, а на мѣсто ихъ явились повсюду лица, словно пришедшія изъ области рыцарскихъ балладъ и легендъ Шотландіи, старые воинственные горцы, шефы клановъ, обвѣшанные оружіемъ, въ сопровожденіи своихъ родныхъ воиновъ. Постояннаго войска въ городѣ вовсе не имѣлось, а потому эти сѣдые герои, видавшіе на своемъ вѣку не одну междоусобную войну и съ дѣтства привыкшіе къ оружію, пришли, привлеченные ужасными слухами, выручать своихъ ученыхъ, но невоинственныхъ соотечественниковъ. Одинъ изъ нихъ, престарѣлый Александръ Стюартъ Инвернсгайльскій, имѣвшій дѣла съ отцомъ Вальтера, привлекъ къ себѣ все вниманіе ребенка, особенно въ тотъ день, когда явился при немъ во всеоружіи и радостно вскричалъ: «наконецъ-то мнѣ удастся обнажить клейморъ еще разъ передъ смертью!» Не смущаясь сценами общаго ужаса, бодрый старецъ пошелъ въ городской магистратъ и засталъ всѣхъ членовъ правленія въ положеніи, близкомъ къ помѣшательству. Никто изъ нихъ не скрывалъ своего страха; каждый думалъ о томъ, чтобъ самому улизнуть потихоньку, оставивъ на произволъ судьбы бразды правленія. Инвернсгайль пристыдилъ трусовъ, поставилъ на видъ всю невозможность для малой горсти людей взять старый, большой городъ и, въ-заключеніе, вызвался снова поѣхать въ горы и привести съ собой цѣлый отрядъ своихъ воиновъ. Мало по малу городъ началъ успокоиваться и скоро прибыло извѣстіе о томъ, что Джонсова флотилія, разоривъ нѣсколько приморскихъ мѣстечекъ и потопивъ суда, ей попавшіяся, отъѣхала въ открытое море.

Герой этихъ дней, Александръ Инвернсгайльскій, продолжалъ отъ времени до времени бывать по своимъ дѣламъ въ домѣ Скоттовъ. Вальтеръ не могъ насмотрѣться на его грозную фигуру, наслушаться разсказовъ воинственнаго старца, участвовавшаго не только въ дѣлахъ 1745, но и 1715 года, дравшагося одинъ на одинъ съ знаменитымъ Робъ-Роемъ (Робертомъ Рыжимъ), коротко знавшимъ графа Мара и принца Карла Эдуарда. Нѣчего и говорить о томъ, что маститый горецъ былъ ревностнымъ якобитомъ послѣ куллоденскаго сраженія; онъ долго скрывался въ пещерѣ около своего дома, занятаго англійскимъ гарнизономъ, потомъ схваченъ и преданъ суду, но спасся отъ смерти совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ престонпанскомъ сраженіи (гдѣ, какъ извѣстно, вой-

ска претендента остались побѣдителями), одинъ англійскій полковникъ, по имени Уайтъ-Фурдъ, наблюдая за отступленіемъ своей части, былъ раненъ и упалъ на землю. Одинъ гигантскаго роста горецъ уже поднялъ свою двухстороннюю сѣкиру надъ головой офицера, когда его рука была остановлена Александромъ Инвернсгайльскимъ. Полковникъ выздоровѣлъ и въ черный день отплатилъ своему спасителю спасеніемъ его жизни. Въ судной коммиссіи онъ разсказалъ всю исторію и неукротимый горецъ, вмѣсто смертнаго приговора, встрѣтилъ знаки общаго участія. Всѣ эти разсказы по нѣсколько разъ Вальтеръ слышалъ отъ своего грознаго друга, а старикъ, очарованный вниманіемъ мальчика, привязался къ нему всей душою. Слѣдствіемъ этой пріязни была первая поѣздка пятнадцатилѣтняго Скотта въ горныя провинціи, къ старому Стюарту Инвернсгайльскому *).

---

*) Это маленькое путешествіе оставило такіе неизгладимые слѣды въ памяти мальчика, до такой степени содѣйствовала его поэтическому развитію, что нельзя будетъ не сказать о ней нѣсколькихъ словъ. «Въ первый разъ (разсказываетъ Вальтеръ) я очутился въ дальнихъ горахъ, на своей собственной лошадкѣ горной породы — обстоятельство, исполнившее всю мою душу восхищеніемъ и сладостью независимости. Когда передо мною, съ бельскихъ возвышеній открылась несравненная долина Пертская, я весь предался восторгу и ребяческому изумленію. Я шевелилъ поводомъ, не зная самъ, что̀ дѣлаю, и глядя на раскидавшіяся передо мною чудеса природы, будто боялся, чтобъ они не исчезли разомъ, какъ театральная декорація, не давъ на себя наглядѣться. Съ тѣхъ поръ многія важныя событія, имѣвшія вліянія на всю мою жизнь, совершились и успѣли потускнѣть въ моей памяти, но воспоминаніе о вышеописанномъ, несравненномъ пейзажѣ существуетъ съ рѣдкой ясностью».

Съ образомъ жизни горныхъ шефовъ и съ частной дѣятельностью старика Инвернсгайля знакомитъ насъ слѣдующая замѣтка Скотта: «Наконецъ я добрался до владѣній гостепріимнаго хозяина. Въѣхавъ на голую вершину холма, свѣсившагося надъ старинной башней, другими строеніями и кусочкомъ воздѣланной земли, я примѣтилъ старика, окруженнаго тремя сыновьями и полдюжиной служителей. Вся компанія дремала на верескѣ, съ ружьями въ рукахъ, завернувшись въ тартаны; множество собакъ и куча убитой дичи показывали счастливое окончаніе охоты. Далеко внизу, у подножія горы, находилась толпа женщинъ, занимавшихся грузкой сѣна на телеги; между трудолюбивыми работницами, какъ оказалось впослѣдствіи, жена лерда и три ея дочери занимали первое мѣсто, дѣлая свое дѣло безъ устали. Поклонившись гостю, хозяйки безъ всякаго замѣшательства отошли отъ сѣна, отправились въ свои комнаты и вышли оттуда въ чистомъ платьѣ, украшенныя, вслѣдствіе утренней работы, яркимъ румянцемъ, для пріобрѣтенія котораго не одна знатная леди отдала бы половину своихъ брилльянтовъ. Дѣвицы оказались нелишенными воспитанія; манеры ихъ поражали привѣтливостью; въ веселостяхъ не было недостатка, ибо каждый день, безъ исключенія, послѣ работъ начинались танцы, пѣніе и музыка. Даже за обѣдомъ играла музыка и всякое блюдо (замѣчательное по своей огромности) приносилось на столъ двумя крайне-легко

Описанныя нами поѣздки и увеселенія, соединенныя съ вліяніемъ горнаго воздуха, имѣли благодѣтельное вліяніе на здоровье будущаго романиста. Болѣзни, довольно часто посѣщавшія его въ дѣтствѣ, исчезли, не оставя по себѣ никакого слѣда, кромѣ великой страсти къ чтенію, пріобрѣтенной во время невольнаго затворничества. Сама хромая нога отчасти выправилась, можетъ быть, потому, что ее совершенно перестали лечить. Послѣдняя попытка въ ея пользованіи сблизила Вальтера съ лицомъ весьма интереснымъ въ исторіи шарлатанства и апокрифическихъ наукъ, докторомъ Грагамомъ, Каліостро своего рода. «Знаменитый докторъ Грагамъ (сообщаетъ намъ В. Скоттъ *) былъ эмпирикомъ, нелишеннымъ таланта, но еще болѣе богатымъ самоувѣренностью. Въ его натурѣ имѣлась частица сумасшествія. Онъ имѣлъ отличные электрическіе аппараты и дѣйствовалъ ими весьма искусно. И я, вмѣстѣ со многими другими, выдержалъ курсъ его леченія. До сихъ поръ я будто вижу передъ собой одного изъ паціентовъ, стараго графа Гоптоунскаго, какъ онъ сидитъ въ огромныхъ креслахъ, обвѣшанный цѣпями, ожерельями и магнитными кусочками, точь-въ-точь какой нибудь индійскій предводитель. Потомъ вздумалъ онъ устроить «храмъ здравія» и читать лекціи о пользѣ *небесныхъ ваннъ*. Когда эдинбургское городское правленіе запретило ему читать такую безсмыслицу, онъ сталъ издавать объявленія отъ своего лица, исполненныя брани и всякаго вздора. Въ одной диссертаціи онъ объявлялъ, что смотритъ на безуміе магистрата подобно полдневному солнцу, взирающему на тусклое мерцаніе копеечной свѣчи, или какъ высшіе духи глядятъ на червячковъ, зародившихся въ гниломъ сырѣ! Грагамъ имѣлъ наружность щеголеватую, и обыкновенно показывался публикѣ, имѣя на себѣ бѣлый кафтанъ, шитый серебромъ, chapeau-bas подъ-мышкой и огромной двойной тупей, раздѣлявшійся на его головѣ, подобно двумъ вершинамъ Парнасса. «Храмъ здравія», о которомъ я говорилъ, бывалъ, въ часы пріема, украшенъ богиней здравія, стоявшей на пьедесталѣ, въ родѣ живой картины, или статуи; одна изъ этихъ богинь впо-

---

одѣтами кельтами, въ сопровожденіи третьяго, дувшаго изо всей силы въ волынку». Нужно прибавить, что, въ числѣ старяковъ, окружавшихъ владѣтеля наверигайльскаго, особенное вліяніе Вальтера привлекъ сѣдой великанъ-горецъ, тотъ самый, который занесъ свою сѣкиру надъ головой раненнаго полковника Уайтъ-Фурда.

*) Замѣтка эта, по словамъ Локгарта, сдѣлана сэромъ Вальтеромъ на поляхъ книги, составленной капитаномъ Грозомъ: «Руководитель къ здоровью, богатству, красотѣ и долгой жизни». Названное сочиненіе заключаетъ въ себѣ взглядъ на жизнь и теорію шарлатановъ стараго и новаго времени.

слѣдствіи сдѣлалась супругой лорда Гамильтона *). Изъ «храма здравія» вышло нѣчто въ родѣ игорнаго дома, съ ссорами и драками. Наконецъ въ одну ночь какой-то юноша, изъ числа посѣтителей, въ дракѣ былъ насквозь проткнутъ раскаленной желѣзной палкой для мѣшанія угольевъ въ каминѣ, отчего и умеръ въ скоромъ времени. Толпа народа, услыхавъ о преступленіи, почти разметала домъ, гдѣ храмъ помѣщался, а городское правленіе запретило Грагаму приниматься за дальнѣйшія аферы. Послѣ того онъ лечилъ народъ *земляными ваннами*; но не въ силахъ будучи опять подняться, умеръ, чуть ли не голодною смертью».

III.

Вальтеръ получаетъ должность подъ начальствомъ отца. — Порядокъ его занятій. — Чтеніе. — Джонъ Ирвингъ — Путешествія за городъ и первые опыты романовъ. — Книга епископа Перси: «Остатки древней поэзіи». — Ея вліяніе на Скотта. — Рисованіе. — Жидъ Беррель и Вальтеръ. — Мнѣніе Локгарта о изученіи живописи писателями. — Дѣтскіе опыты. — Литературныя общества и клубы. — Литературныя занятія и пирушки стараго времени. — «Speculative Society». — Френсисъ Джеффри; его знакомство съ Вальтеромъ. — Жилище молодого человѣка. — Начало музея. — Исторія фарфороваго блюдечка. — Муррай Броутонскій. — Анекдотъ про нищаго и доброе дѣло. — Обращеніе Скотта съ низшими. — Его убѣжденія и терпимость. — Капризы. — Экзаменъ и возложеніе адвокатской тоги.

Когда Вальтеру пошелъ шестнадцатый годъ, отецъ выхлопоталъ ему мѣсто своего помощника, или, скорѣе, писца, безъ жалованья, но съ платою трехъ пенсовъ за каждую исписанную имъ

*) Та самая леди Гамильтонъ, которую потомъ прославила привязанность лорда Нельсона, героя трафальгарскаго. Авторъ статьи, находящейся передъ читателемъ, въ дѣтствѣ своемъ имѣлъ случай слыхать воспоминанія о красотѣ леди Гамильтонъ отъ покойнаго своего сосѣда, по имѣнію, Алексѣя Гавриловича Харламова, видѣвшаго ее въ Англіи. Покойный морякъ разсказывалъ также объ одномъ балѣ, на которомъ леди Гамильтонъ произвела впечатлѣніе, чрезвычайно оригинальное У береговъ Неаполя англійскіе офицеры устроили балъ на кораблѣ и пригласили къ себѣ всѣхъ капитановъ съ турецкой эскадры, тамъ находившейся. Мусульмане сначала вели себя кротко и чинно; но когда на палубу явился побѣдитель абукирскій подъ-руку съ дамой своего сердца, они хоромъ издали крикъ удивленія, защолкали зубами, подняли руки кверху, а потомъ всей толпой пустились ходить за плѣнившей ихъ красавицей. Напрасно ихъ старались усадить, успокоить, напрасно имъ толковали, что такое поведеніе конфузитъ леди: турки не хотѣли слышать ничего. Гдѣ ни останавливалась леди Гамильтонъ, бородатые капитаны тоже бросали якорь, садились кружкомъ, поджавъ ноги и не спуская съ нея глазъ. Молодые мичмана стали надъ ними подсмѣиваться, слѣдствіемъ чего едва не вышла ссора весьма серьёзная.

страницу опредѣленнаго закономъ размѣра. «Я лѣнивъ отъ природы (сообщаетъ романистъ, бесѣдуя въ разное время со своими друзьями), но вмѣстѣ съ тѣмъ, разъ взявшись за работу, схвативъ весло въ руки, могу превращаться въ неутомимаго человѣка. Работая для моего отца, я въ одинъ присѣстъ, не ѣвши и не отдыхая, исписывалъ до 120 страницъ, и такимъ образомъ пріобрѣталъ около 30 шиллинговъ, обыкновенно тотчасъ же употребляемыхъ на покупку книгъ, или рѣдкихъ вещей, къ которымъ я ужь тогда имѣлъ пристрастіе. Времени моихъ занятій по службѣ я никогда не считаю потеряннымъ временемъ: во-первыхъ, эти занятія пріучили меня къ труду устойчивому; а во-вторыхъ, моя должность заключалась не въ одномъ переписываніи бумагъ: меня посылали къ разнымъ кліентамъ отца и другимъ лицамъ, имѣвшимъ до него дѣло, въ разныя сосѣднія провинціи; мнѣ поручали бывать въ присутственныхъ мѣстахъ; и такъ какъ, по нашимъ обычаямъ, адвокатъ не имѣетъ права имѣть личныхъ сношеній съ защищаемыми имъ особами, то я нерѣдко бывалъ и зрителемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлахъ, открывавшихъ мнѣ большое поле для наблюденій. Одинъ разъ мнѣ пришлось сдѣлать цѣлую экспедицію въ окрестности живописнаго озера Лохъ-Катрина *), къ владѣніямъ одного задорнаго лерда, захватившаго чужую землю и объявлявшаго, что онъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтитъ лицъ, посланныхъ для его вывода. Мы ѣхали съ солдатами и капраломъ, разсказавшимъ мнѣ по этому случаю исторію своихъ походовъ, ѣхали и всякій часъ ждали нападенія. Ночевали мы по военному, не выпуская изъ рукъ оружія; только подъ конецъ слухи о сопротивленіи оказались ложными, а самъ непокорный лердъ безъ шума эмигрировалъ въ Америку».

О книгахъ, читанныхъ Скоттомъ съ дѣтскихъ лѣтъ, и о поэтахъ, особенно ему милыхъ, многого говорить мы не станемъ. «Есть пора въ жизни (говоритъ онъ самъ съ рѣдкой глубиной наблюдательности), когда мы приходимъ въ восторгъ *даже отъ однихъ рифмъ и отъ одного размѣра*. До сихъ поръ, вслѣдствіе юношескихъ воспоминаній, мнѣ нравятся такія строфы и четверостишія, въ которыхъ снисходительнѣйшій цѣнитель не найдетъ ничего хорошаго. Я читалъ много, читалъ безъ системы, заучивалъ длиннѣйшія стихотворенія, не зная, къ чему они мнѣ современемъ пригодятся. Могу только сказать, что главное направленіе моей фантазіи влекло меня ко всему волшебному, фантастическому,

*) Впослѣдствіи имъ прославленнаго въ поэмѣ «Дѣва Озера» (Lady of the Lake).

рыцарскому и отдаленному. Узнавъ, что въ итальянской словесности есть много твореній въ моемъ вкусѣ, я скоро выучился этому языку и познакомился съ поэзіей Тасса, Аріоста, Босардо, Данта и Бокаччіо. Мой рабочій столъ вѣчно былъ загроможденъ десятками самыхъ разнообразныхъ книгъ, по большой части взятыхъ на прокатъ, или купленныхъ въ лавкѣ Джона Сиббальда, содержателя подвижной библіотеки, въ которую, по временамъ, заглядывали литераторы того времени, Борнсъ, между прочимъ. Самъ Сиббальдъ былъ человѣкомъ весьма грубымъ и суровымъ, но нелишеннымъ ни вкуса, ни образованія. Я имѣлъ полное право рыться въ его заброшенномъ запасѣ старыхъ французскихъ и итальянскихъ книгъ, на которыя не находилось охотниковъ между абонентами его библіотеки» *).

Почти каждый человѣкъ, расшевеливая свои юношескія воспоминанія, непремѣнно отыщетъ въ нихъ какую нибудь книгу, или поэтическое произведеніе, дѣйствовавшее особенно благотворно (а иногда и очень вредно) на его развитіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Подобнаго рода сочиненіемъ для молодого Скотта было знаменитое собраніе старыхъ простонародныхъ балладъ и пѣсенъ, изданное около половины прошлаго столѣтія, Перси, епи-

*) Труды Вальтера и привязанность его къ безпорядочному чтенію раздѣлялъ молодой человѣкъ изъ его школьныхъ товарищей, Джонъ Ирвингъ, впослѣдствіи занимавшій важную должность по гражданской службѣ. Оба они, бывши еще дѣтьми, имѣли обыкновеніе прогуливаться вдвоемъ по живописнымъ городскимъ окрестностямъ, посѣщая мѣста, почему нибудь прикосновенныя къ исторіи, или поэтическимъ преданіямъ. «Въ старомъ замкѣ, или на полѣ стариннаго сраженія, мы оба, такъ сказать, плавали въ своей сферѣ, наполняя уединеніе лицами живыми, въ древнемъ нарядѣ и съ привычками давняго времени». Такимъ образомъ друзья не разъ посѣщали пещеру, въ которой, по словамъ легенды, спалъ крѣпкимъ сномъ король Артуръ и его рыцари, въ ожиданіи звуковъ волшебнаго рога, долженствующаго ихъ вызвать изъ долгого заточенія. Когда время не позволяло предпринять долгаго перехода, молодые фантазёры взбирались на ближайшія скалы, отыскивали тамъ какую нибудь расщелину, или подобный уголокъ, скрытый отъ взоровъ, садились въ нее, вытаскивали изъ кармана «Царицу Волшебницъ» Спенсера, «Отрантскій Замокъ» Горація Вальпола и занимались чтеніемъ. Однимъ разъ ими избрана была такая неприступная нора, что, разъ въ нее влѣзши, они совершенно не знали, какъ изъ нея выбраться и едва было не сломали ногъ при отступленіи. Иногда наши юноши, вмѣсто чтенія, условливались разсказывать другъ другу, во время пути, необыкновенныя, романическія исторіи собственнаго сочиненія, задавъ себѣ нужныя тэмы за нѣсколько дней впередъ. Такимъ образомъ Скоттъ двумя путями шелъ къ ожидающему его назначенію: во-первыхъ, развивая и обогащая свою фантазію, а во-вторыхъ, пріобрѣтая, чрезъ регулярный, сухой трудъ, ту способность къ механической работѣ, безъ которой и талантливѣйшій человѣкъ не съумѣетъ совладѣть со своимъ талантомъ.

скономъ дроморскимъ. Въ городкѣ Кельсо, гдѣ проживала уже извѣстная намъ дѣвица Дженетъ Скоттъ, посреди старинпаго сада въ голландскомъ вкусѣ, съ длинными, прямыми аллеями, обставленными непрерывнымъ рядомъ ивъ и липъ, съ рѣдкими растеніями, группами цвѣтовъ, лабиринтомъ и живой бесѣдкой (bower), посреди которой высился платанъ — цѣлая гора широкихъ листьевъ — сидя подъ этимъ самымъ, имъ изображеннымъ платаномъ, мальчикъ впервые насладился «Остатками старинной поэзіи» *) и заучилъ половину вещей, въ нихъ помѣщенныхъ. Въ первый разъ, поглощая эти воинственныя пѣсни, сумрачныя баллады и легенды временъ рыцарскихъ, онъ увидѣлъ, что и его собственныя свѣдѣнія по части народной поэзіи не могутъ назваться ничтожными. Все слышанное имъ въ этомъ родѣ отъ стариковъ-волынщиковъ, старыхъ тётушекъ и горскихъ виртуозовъ, стало группироваться въ его памяти, между тѣмъ, какъ мысль о томъ, что остатки народной поэзіи не пустяки, если лицо такого высокого званія, какъ Перси, посвящалъ имъ свои досуги, дала ему должный запасъ уваженія къ сокровищамъ, хранившимся въ его памяти **).

Еще однимъ занятіемъ, по нашему мнѣнію, имѣвшимъ чрезвычайно полезное вліяніе на артистическое развитіе будущаго литератора, должно считать уроки живописи и простыми масляными красками, начатые подъ руководствомъ крошечнаго и забавнаго еврея, по имени Борреля. Часть времени, опредѣленнаго на живопись, проходила въ тщетныхъ усиліяхъ со стороны Вальтера совладать съ трудностями искусства «мой глазъ не былъ зорокъ, а рукѣ недоставало вѣрности» (говоритъ онъ самъ), между тѣмъ, какъ осталь-

*) Сборникъ епископа Перси до сихъ поръ считается и всегда считаться будетъ однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ народной музы, необходимымъ пособіемъ для историка и настольной книгой всякаго любителя безъискусственной поэзіи. Изъ иностранцевъ даже Августъ Тьерри, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Conquete de l'Angleterre par les Normands», отдаетъ полную справедливость трудамъ Перси; Альфредъ Мишіэльсъ, авторъ весьма дѣльной книги: «Etudes sur l'Angleterre», посвящаетъ нѣсколько лучшихъ страницъ отчету о трудѣ, давшемъ почти европейскую извѣстность многимъ, до того неизвѣстнымъ пѣснямъ и легендамъ. Кто, напримѣръ, изъ грамотныхъ людей не знаетъ сказокъ про Гризельду, стрѣлка, про Робинъ-Гуда и его товарища Литльджона? Русскій переводъ въ прозѣ, одной изъ граціознѣйшихъ балладъ изъ числа изданныхъ Перси: *О рыцарѣ и добродѣтельной дѣвушкѣ*, напечатанъ въ «Современникѣ», кажется, за 1850 годъ, въ Смѣси (Письма о журналахъ).

**) Короткое пребываніе Скотта въ Кельсо замѣчательно тѣмъ, что въ этомъ городѣ онъ подружился съ двумя мальчиками, Джемсомъ и Джономъ Беллентейнъ, исторія которыхъ такъ тѣсно связана со всей исторіей его жизни и литературной дѣятельности.

ная посвящалась весьма интереснымъ бесѣдамъ. Боррель считался прусскимъ подданнымъ; отецъ его занималъ должность коммиссара въ войскахъ Фридриха Великаго.

Преемникомъ Боррели по части художественныхъ уроковъ былъ нѣкто Валькеръ, прозываемый Синей-Бородою за свое безобразіе, человѣкъ, повидимому, аккуратный и формальный во всѣхъ дѣлахъ жизни, что не помѣшало ему, однакожь, промотаться до-чиста и умереть несостоятельнымъ должникомъ. И подъ его руководствомъ Скоттъ трудился съ ревностью, принесшей за собою награду, хотя нѣсколько и отдаленную. Едва ли кто нибудь въ настоящее время сомнѣвается въ той пользѣ, какую извлекаетъ каждый поэтъ и романистъ изъ познанія правилъ живописи, а Скоттъ имѣлъ счастіе пріобрѣсти сказанныя познанія, именно въ той мѣрѣ, какая была ему надобна. «Слишкомъ долгія и слишкомъ «успѣшныя занятія живописью, замѣчаетъ Локгартъ (и мы выписываемъ его слова, видя въ нихъ мысль новую и полезную), «могли бъ, вмѣсто пользы, принести вредъ Скотту, какъ художнику-литератору. Онъ могъ привыкнуть копировать съ картинъ «вмѣсто того, чтобъ изображать природу на своихъ страницахъ. «Мы не видали бы въ его сочиненіяхъ той очаровательной манеры «изображать природу, которая состоитъ въ выборѣ немногихъ ра«зительныхъ особенностей, сгруппированныхъ съ легкою, безсозна«тельною граціею, равно чуждою и голословныхъ тирадъ стараго «времени, и рабской копировкѣ мелочей, въ которую вдаются вто«ростепенные писатели нашихъ дней, составители пейзажей, по«хожихъ на дѣловую опись, поэты, столько же понимающіе худо«жественный порядокъ, сколько его понимаютъ китайскіе рисо«вальщики».

О дѣтскихъ опытахъ Вальтера въ стихахъ и прозѣ, о его стихотвореніяхъ «Буря», «Изверженіе Этны», о поэмѣ «Гвискаръ и Матильда», за которую первая его поклонница, ужь упомянутая нами, мистриссъ Кокбурнъ, привѣтствовала его посланіемъ, пророчившимъ ему великую славу въ будущемъ, мы станемъ говорить такъ же мало, какъ и о его школьныхъ занятіяхъ. Лучшимъ результатомъ этихъ попытокъ можно назвать то, что молодого человѣка, какъ сочувствующаго искусству и съ нѣкоторымъ успѣхомъ занимающагося поэзіею, избрали членомъ нѣсколькихъ эдинбургскихъ литературныхъ обществъ, гдѣ онъ имѣлъ случай сблизиться съ людьми замѣчательными; а сблизившись съ ними разъ, пріобрѣсти ихъ дружбу на всю свою жизнь. «Веселый нравъ, большой запасъ энтузіазма и любовь къ людямъ, дѣлали изъ меня не совсѣмъ лишняго

сверстника молодыхъ людей, далеко опередившихъ меня познаніями всякаго рода; но въ самыхъ занятіяхъ обществъ я не былъ лицомъ, заслуживающимъ вниманія. Говорить хорошо я могъ только о предметахъ, которые сильно взволновывали всѣ мои чувства, а статьи мои выходили крайне плохи отъ непривычки писать и отъ неумѣнья обобщать свои идеи. Я принимался за нихъ не иначе, какъ при совершенной необходимости, и тогда дѣлался похожимъ на лорда рокрентскаго замка, *срубавшаго цѣлое дерево для того, чтобъ вскипятить чайникъ*. Количество раздробленныхъ, перепутанныхъ свѣдѣній, запасенныхъ мною по каждому предмету, нелегко поддавалось процессу сжатія, и совладать съ нимъ оказывалось дѣломъ не совсѣмъ легкимъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ мой странный мозгъ оказывалъ мнѣ хорошія услуги и тѣмъ поддерживалъ, хотя сколько нибудь, мою репутацію. Драгоцѣннѣйшими пріятелями моими въ это время были Джонъ Ирвингъ, Вилльямъ Клеркъ, имѣвшій служебныя занятія, сходныя съ моими, Джорджъ Аберкромби (впослѣдствіи лордъ), сынъ знаменитаго генерала, Адамъ Фергюсонъ, сынъ извѣстнаго профессора, юноша, соединяющій вѣчно веселый нравъ съ теплотой сердца, Томасъ Дугласъ, нынѣ графъ Селькиркскій, Давидъ Бойль *) и двое или трое еще — все молодые люди, весьма преданные политическимъ и философскимъ наукамъ, по временамъ способные *смотрѣть на цѣлый свѣтъ, какъ на пустяки, сравнительно съ предметами, ихъ занимавшими*».

Читатель, знакомый съ великобританскими нравами прошлаго столѣтія, безъ труда догадается, что засѣданія многочисленныхъ литературныхъ обществъ и клубовъ, которыхъ Скоттъ былъ членомъ, не могли отличаться тишиной и толками объ однихъ только дѣлахъ словесности. И въ «Литературномъ обществѣ» и въ «Тивіотдельскомъ клубѣ» и въ собраніи, носившемъ, въ отличіе отъ прочихъ, просто названіе «Клуба», собесѣдники занимались опустошеніемъ бутылокъ съ ревностью, достойною лучшей цѣли. На этихъ пирушкахъ Вальтеръ пріобрѣлъ способность пить весьма много, не напиваясь пьянымъ, за что получилъ названіе *полковника грога*, названіе, можетъ быть, больше его радовавшее, нежели волшебный титулъ «авторъ Ваверлея», добытый имъ впослѣдствіи. Разъ добившись способности «быть своимъ господиномъ, даже среди пира», Скоттъ пріобрѣлъ во всѣхъ клубахъ не малое вліяніе, укрощая ссоры, возникавшія за бутылкой между его безпокойными сочле-

*) Бывшій впослѣдствіи лордомъ.

нами. Много лѣтъ спустя, поэтъ писалъ къ своему сыну Вальтеру, служившему въ гусарахъ: «нравы перемѣнились къ лучшему, и «въ настоящую пору рѣдкій гуляка можетъ представить себѣ, до «какой степени невоздержность допускалась въ обществѣ въ мое «время. Молодой человѣкъ лучшаго круга могъ напиться въ го-«стяхъ до безчувствія, пьяный проспать всю ночь на улицѣ, по-«драться съ лучшимъ пріятелемъ — и все это не вмѣнялось ему «въ позоръ. На улицахъ, ночью, пьяные нападали на проходя-«щихъ, особенно на тѣхъ, кто бродилъ въ трезвомъ видѣ. На меня «самого, во время юности, напали, въ Тронской улицѣ, трое такихъ «молодцовъ; но такъ какъ со мною на эти оказіи всегда была тол-«стѣйшая палка, то всѣ они не остались въ выгодѣ. Много вреда, «по всей вѣроятности, принесли моему сложенію наши ужины въ «тавернахъ и клубныя засѣданія. Я пилъ всякій день, иногда мно-«го, иногда мало — вотъ и причина моей желудочной болѣзни. «Совѣтую тебѣ избѣгать употребленія крѣпкихъ напитковъ. Не «думай, однако (прибавляетъ баронетъ шутливымъ тономъ), чтобъ «твой родитель во дни молодости былъ совершеннымъ пьяницей: «онъ всегда помнилъ, что изъ всѣхъ пороковъ, пьянство болѣе «всего не совмѣстно съ величіемъ».

Оканчивая о старинныхъ литературныхъ клубахъ Эдинбурга, нельзя не упомянуть о самомъ важномъ изъ числа ихъ «Speculative Society», къ которому Скотта причислили въ январѣ 1791 года. Названное общество считало въ числѣ своихъ членовъ многихъ людей, впослѣдствіи занявшихъ блистательнѣйшія мѣста въ судахъ, парламентѣ и словесности. Члены общества избрали Вальтера сперва своимъ библіотекаремъ, а впослѣдствіи секретаремъ и казначеемъ. Поощряемый ихъ вниманіемъ, онъ написалъ и прочелъ въ собраніи нѣсколько статей, по содержанію своему совершенно согласовавшихся съ направленіемъ его любимыхъ занятій *). Между членами общества, по своему миньятюрному росту, изящной наружности, вѣчно оживленной насмѣшливой улыбкой, по своимъ милымъ манерамъ и пламенному, увлекательному краснорѣчію отличался молодой Френсисъ Джеффери, впослѣдствіи лордъ, деканъ общества шотландскихъ адвокатовъ, первоклассныхъ критикъ и основатель «Эдинбургскаго Обозрѣнія». Вотъ какими словами описываетъ этотъ замѣчательный человѣкъ свое первое сближеніе съ В. Скоттомъ.

*) «О происхожденіи феодальной системы» (1791 г), «О достовѣрности поэмъ Оссіана» (1792 г.) и «Происхожденіе скандинавской миѳологіи».

«Въ самый первый вечеръ, проведенный мною посреди общества, меня поразилъ видъ молодого секретаря, важно сидящаго на «концѣ стола въ преужасномъ шерстяномъ колпакѣ. Когда пре«зидентъ подошелъ къ своему стулу, чтобъ открыть засѣданіе, эта «особа поднялась съ своего мѣста и принесла извиненіе всей ком«паніи въ томъ, что злая зубная боль вынудила его явиться въ «собраніе, имѣя на себѣ такую зловѣщую махину. Вслѣдъ за тѣмъ «Скоттъ прочелъ свой опытъ о балладахъ, до того меня поразив«шій, что я тутъ же попросилъ своего сосѣда насъ познакомить. «На слѣдующій вечеръ я зашелъ къ нему и засталъ его, посреди «крошечнаго чуланчика въ подвальномъ этажѣ дома, занимаемаго «его отцомъ въ Джорджъ-Скверѣ. Всюду валялись запыленныя кни«ги, старыя монеты, римскія и шотландскія гравюры, древнее «оружіе, клеймаръ и двусторонняя сѣкира, подаренная ему лер«домъ инверчгайльскимъ. Съ великою тщательностью сохраня«лось гдѣ-то въ углу, фарфоровое блюдечко, съ которымъ связана «цѣлая романическая исторія *); имѣлись и другія странныя вещи—

---

*) Исторія фарфороваго блюдечка, о которомъ здѣсь упоминается, до того характеристична, что нельзя не передать ее здѣсь въ подробности. Подобные разсказы лучше обрисовываютъ вѣкъ и людей, нежели многотомныя диссертаціи.

Мистриссъ Скоттъ, мать нашего поэта, не смотря на свои нравственныя достоинства, была любопытна, какъ всѣ женщины. Одинъ разъ осенью, вечеромъ, вниманіе ея привлекъ къ себѣ портшезъ, остановившійся передъ ихъ воротами. Изъ него вышелъ человѣкъ, тщательно закутанный въ плащъ, и прошелъ въ рабочій кабинетъ хозяина, послѣ чего двери были тщательно заперты. Мистеръ Скоттъ пришелъ къ женѣ гораздо позже обыкновеннаго времени; какое-то неуловимое, неопредѣленное чувство ярко выражалось на его лицѣ. На разспросы жены онъ отвѣчалъ темно и неохотно. Въ теченіе довольно долгого времени, почти всякій вечеръ, происходила та же исторія: тотъ же закутанный незнакомецъ являлся въ домъ, бесѣда, такъ же долго тянулась, отвѣты мужа становились темнѣе и короче. Добрую хозяйку всего болѣе поражало то, что во время сказанныхъ засѣданій, случавшихся въ пору вечерняго чая и ужина, гостепріимный мужъ ея ни разу не требовалъ никакого питья, или кушанья въ кабинетъ, ни разу не угостилъ посѣтителя хоть бы рюмкой вина. На этомъ-то основаніи мистриссъ Скоттъ, не въ силахъ будучи переносить дальнѣйшей неизвѣстности, и рѣшилась основать планъ своихъ дѣйствій. Услыхавъ, поздно вечеромъ, когда незнакомецъ сидѣлъ у мужа, звонокъ въ кабинетѣ, она вошла туда съ подносомъ и чашками чая, какъ будто бы принявъ этотъ звонокъ (она очень хорошо знала, что мужъ ея требовалъ слугу для отправки за портшезомъ) за извѣщеніе о чайной порѣ. Незнакомецъ оказался пожилымъ человѣкомъ, величавой наружности, въ блестящемъ нарядѣ; онъ вѣжливо поклонился, въ отвѣтъ на приглашеніе хозяйки, и взялъ чашку съ подноса. Но мистеръ Скоттъ нахмурилъ брови и не взялъ чая. Чрезъ нѣсколько минутъ, посѣтитель раскланялся и уѣхалъ Тогда мужъ мистриссъ Скоттъ отворилъ окно настежь, схватилъ со стола чашку, изъ которой пилъ незнакомецъ, и, размахнувшись, бросилъ ее на мостовую.

«основаніе будущаго абботсфордскаго музеума, такъ извѣстнаго «всей Европѣ. Изъ этой норки (den) мы отправились въ таверну, «гдѣ и поужинали».

Разъ рѣшившись, вмѣсто сухого перечня событій Скоттовой молодости, знакомить съ ней читателя посредствомъ характеристическихъ анекдотовъ, способныхъ бросать свѣтъ на этотъ періодъ его жизни, не можно умолчать еще объ одной исторіи, которую сэръ Вальтеръ, по увѣренію лицъ, бывшихъ въ его обществѣ, любилъ подъ старость разсказывать. Посѣщая, въ свободныя отъ служебныхъ занятій часы, курсъ лекцій Дюгальда Стюарта, читавшаго въ Эдинбургѣ моральную философію, будущій романистъ часто усаживался возлѣ какого-то молодого и трудолюбиваго, но бѣдно одѣтаго студента, нѣсколько старше годами, чѣмъ В. Скоттъ. Знакомство завязалось въ скорости, и не одинъ разъ новые пріятели, сходясь вмѣстѣ по праздникамъ, совершали, къ обоюдному удовольствію, обширныя загородныя прогулки; но при этомъ одно обстоятельство казалось Скотту весьма страннымъ: его другъ ни разу не заговаривалъ ни о мѣстѣ своего жительства, ни о своихъ родныхъ, ни о ихъ общественномъ положеніи. Одинъ разъ, возвращаясь вечеромъ изъ уединенной прогулки за городомъ, Вальтеръ встрѣтилъ невдалекѣ отъ городскихъ воротъ дряхлаго, но красиваго старика-нищаго, живописно и неподвижно стоявшаго со шляпой въ рукѣ, опершись на палку. Скоттъ подалъ ему милостыню и съ тѣхъ поръ старикъ сталъ попадаться ему на глаза весьма часто. Вскорѣ послѣ того, гуляя вмѣстѣ съ пріятелемъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, будущій романистъ снова встрѣтилъ нищаго, снова подалъ ему мелкую монету и вдругъ, взглянувъ на своего спутника,

---

Хозяйка вскрикнула, заступаясь за свой фарфоръ, но мистеръ Скоттъ взглянулъ на нее и сказалъ строгимъ голосомъ: «я могу простить ваше маленькое любопытство, сударыня, но вы должны за него заплатить потерею чашки. Я могу принимать у себя по дѣламъ людей, которыхъ за всю вселенную не соглашусь видѣть своими гостями. Ни я, ни мои домашніе не станутъ пить изъ чашки, оскверненной губами *Муррая Броутонскаго*».

Этотъ человѣкъ извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что занималъ, въ 1745 году, должность секретаря при принцѣ Карлѣ Эдуардѣ; но чуть экспедиція пошла худо для послѣдователей послѣдняго представителя дома Стюартовъ, рѣшился спасти свою жизнь, выдавая англичанамъ своихъ товарищей, служившихъ въ войскѣ претендента. Лордъ Кильмарнокскій и лордъ Бальмерино лишились жизни вслѣдствіе обвиненія Муррая. Когда Сен-Джемская судная палата судила послѣдняго, у него было спрошено, при появленіи обвинителя: «вамъ извѣстенъ этотъ свидѣтель, милордъ?» «Нѣтъ!» гордо отвѣчалъ Бальмерино: «я зналъ прежде человѣка, именующагося Мурраемъ Броутонскимъ, но тотъ былъ джентльменъ и человѣкъ честный!»

примѣтилъ на лицѣ юноши признаки какого-то страннаго замѣшательства. Миновавъ нищаго, онъ тутъ же спросилъ молодого человѣка: не знаетъ ли онъ чего нибудь дурного насчетъ этого старика? Въ отвѣтъ на такой вопросъ, студентъ залился слезами и вскричалъ: «О нѣтъ, сэръ! сохрани Боже! но я, презрѣнное существо, стыжусь говорить съ нимъ... онъ мой отецъ! Въ теченіе своей жизни онъ довольно заработалъ на свое пропитаніе; но, чтобъ имѣть средство платить за мои уроки, онъ стоитъ на холоду и на вѣтрѣ съ открытой головою!» Глубоко тронутый признаніемъ, Скоттъ успокоилъ пріятеля, обѣщалъ хранить въ тайнѣ все узнанное и продолжалъ обходиться съ нимъ по старому. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ довелось ему снова увидѣть нищаго старика въ уединенномъ мѣстѣ, и тотъ попросилъ у него позволенія сказать ему нѣсколько словъ. «Сэръ (началъ старикъ), я знаю какъ ласковы вы къ моему Вилли. Онъ говорилъ мнѣ про васъ раньше, чѣмъ я имѣлъ счастіе васъ увидѣть. Простите ли вы моей смѣлости и согласитесь ли доставить мнѣ счастіе и удовольствіе видѣть васъ подъ своей кровлею, завтра, въ субботу, въ два часа? Вилли нездоровъ эти дни, и ему радостно будетъ на васъ взглянуть». Полный любопытства и теплыхъ чувствъ, Скоттъ согласился, и въ указанный часъ пришелъ по адресу въ уединенную избушку, въ той самой части, гдѣ впослѣдствіи было имъ помѣщено жилище Дженни Денсъ, героини «Эдинбургской Темницы». На каменной скамьѣ у воротъ уже сидѣлъ его молодой пріятель, блѣдный и нѣсколько похудѣвшій отъ болѣзни, глядя ему навстрѣчу и произнося дружеское привѣтствіе. Вслѣдъ затѣмъ Вилли ввелъ Вальтера въ маленькую, но чистую свѣтелку, гдѣ находился самъ старикъ, въ лучшемъ своемъ платьѣ, занимавшійся качаніемъ бараньей ноги, привѣшенной надъ огнемъ, на крѣпкой веревкѣ. Баранина, картофель и виски оказались превосходными, а бесѣда, оживленная разсказами старика, много служившаго и видавшаго на своемъ вѣку, тянулась до самаго вечера. Нищій гордился своимъ гостемъ и своимъ сыномъ, и нѣсколько разъ повторялъ, глядя на послѣдняго: «Дастъ Богъ, я поживу и увижу, какъ мой парень (bairn) станетъ болтать головой съ каѳедры!» Воротясь домой, Вальтеръ разсказалъ всю исторію своей матери и оба они рѣшились поскорѣй пріискать молодому Вилли мѣсто гувернёра въ хорошемъ семействѣ. Духовникъ госпожи Скоттъ, докторъ Эрскинъ, человѣкъ съ сердцемъ и кредитомъ, самъ вызвался на доброе дѣло, сыскалъ юношѣ мѣсто и обѣщалъ современемъ позаботиться объ исполненіи желанія старика насчетъ каѳедры. Таковъ былъ въ обращеніи съ низшими В. Скоттъ, кото-

раго еще такъ недавно нѣкоторые критики и біографы силились представить какъ существо смѣшное и грубое, исполненное предразсудковъ, достойныхъ суроваго феодальнаго времени! Отвергать то, что, по нѣкоторымъ изъ своихъ убѣжденіямъ и невиннымъ странностямъ, Скоттъ довольно рѣзко отличался отъ массы своихъ современниковъ, мы не станемъ, конечно; но въ то же время можемъ сказать съ достовѣрностью и доказать въ слѣдующихъ главахъ нашего труда, что эти убѣжденія и странности имѣли въ себѣ много милаго, патріархальнаго, артистическаго. Любя Стюартовъ и все прикосновенное къ ихъ исторіи, Вальтеръ Скоттъ все таки былъ лучшимъ подданнымъ и, въ частныхъ сношеніяхъ, другомъ своего настоящаго государя; восторженная его преданность памяти Брюса и Дугласа не влекла за собой никакого непріязненнаго чувства къ своимъ братьямъ-англичанамъ. Пересказывая подвиги своихъ предковъ, онъ, конечно, не сожалѣлъ о тѣхъ временахъ, когда Ватъ Гарденскій безнаказанно грабилъ чужія стада и чужія деревни; но зоркій взглядъ антикварія, изощренный изученіемъ старины, ясно видѣлъ, что и въ древнія времена земля не была населена одними варварами и разбойниками. Личныя убѣжденія Скотта по этому предмету оказывались чрезвычайно полезными въ тотъ вѣкъ, когда множество даровитыхъ, но заблудившихся людей въ Англіи выказывало полную готовность на основаніи немногихъ, прочитанныхъ ими новыхъ сочиненій, перестроивать весь свѣтъ по своему. Въ бесѣдахъ съ пламеннѣйшими изъ виговъ своего времени Скоттъ, съ помощью своей терпимости, веселости и теплоты душевной, часто побѣждалъ и навѣки привязывалъ къ себѣ лица, которыя могли бы только ожесточиться и предаться еще бо́льшему фанатизму, еслибъ ихъ, въ спорѣ, встрѣтили задоромъ и жосткими выходками. Не слѣдуетъ, однакожь, думать, чтобъ на будущаго романиста повременамъ не находили періоды капризнаго и неуступчиваго расположенія, по прямой линіи перешедшія къ нему отъ отца, вмѣстѣ съ деликатностью нрава и другими джентльменскими качествами. Но разница между отцомъ и сыномъ была та, что мистеръ Скоттъ началъ терять мягкость своего характера, подвигаясь далѣе на пути жизни *), между тѣмъ какъ Вальтеръ Скоттъ младшій, иногда

*) Про Скотта-отца Локгартъ, сообщаетъ нѣсколько исторій, показывающихъ, что въ послѣдніе годы своей жизни достойный старецъ сдѣлался нечуждъ пуританскаго духа, за который когда то самъ обвинялъ Мичелля. Однажды, когда дѣти его похвалили супъ, стоявшій на столѣ, онъ влилъ въ него кружку воды, сказавъ: «да, онъ *слишкомъ* для васъ хорошъ!» На литературныя занятія Вальтера старикъ смотрѣлъ съ неудовольствіемъ; но впослѣдствіи, убѣдясь, что молодой человѣкъ не

покоряясь влiянiю своей горячей крови во дни молодости, въ совершенныя лѣта сдѣлался образцомъ терпимости въ общежитiи.

Мы ужь сказали, что Вальтеръ, не смотря на мѣсто, полученное имъ и находящееся подъ прямымъ начальствомъ его родителя, началъ готовить себя къ званiю адвоката, добровольно отказываясь отъ прямой служебной дороги, которая бы, современемъ, доставила ему, безъ хлопотъ, ту самую должность, что занималъ его отецъ и начальникъ. Причина такой, повидимому, безразсудной мѣры заключалась въ семейномъ разсчетѣ: мистеръ Скоттъ, желая обезпечить одного изъ своихъ сыновей, неимѣвшаго блистательныхъ способностей Вальтера, самъ предложилъ послѣднему устроить участь меньшого брата, выбравъ себѣ другую дорогу. Согласно этому плану, будущiй романистъ измѣнилъ свои занятiя, изучилъ законы и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ даже годовъ, упорнаго труда, выдержалъ частный, а потомъ публичный экзаменъ съ полнымъ успѣхомъ. Послѣ экзамена его заставили прочитать свой тезизъ и деканъ факультета далъ молодому человѣку дозволенiе возложить на себя безобразную тогу. Одинъ изъ друзей дома, находившiйся при торжествѣ, тутъ же, конечно, изъ любезности обратился къ Вальтеру съ какой то должностной просьбой, вручилъ ему гинею (6 р. сер.) какъ адвокатскiй гонорарiй (fee) и долго послѣ того любимый романистъ Европы, бравшiй впослѣдствiи по пяти тысячъ гиней *) за одну книгу, стоившую ему нѣсколькихъ недѣль труда, вспоминалъ о радости, доставленной гинеею услужливаго прiятеля. На первыя деньги, заработанныя въ адвокатской должности, купленъ былъ матери серебряный подсвѣчникъ **), а себѣ большой ночный колпакъ ***)—можетъ быть, ту самую зловѣщую махину, въ которой его увидѣлъ впервые лордъ Джеффри. День избранiя согласно тогдашнимъ обычаямъ, окончился ужиномъ, даннымъ отъ лица Скотта своимъ новымъ товарищамъ.

Событiя эти произошли въ концѣ iюня 1792 года. Вальтеру былъ тогда двадцать второй годъ отъ рожденiя.

имѣетъ стремленiя заниматься одной литературой и основать свое общественное положенiе на этомъ шаткомъ грунтѣ, совершенно успокоился.

*) 30,000 рублей серебромъ.

**) Старая леди, прожившая еще 25 лѣтъ и вполнѣ насладившаяся славой своего сына, держала этотъ подсвѣчникъ на каминѣ и съ гордостью указывала его всѣмъ посѣтителямъ.

***) Въ Англiи и Шотландiи, съ идеей о ночномъ колпакѣ связана идея о бракѣ. Въ день свадьбы жениху дарятъ великолѣпный колпакъ ближайшiе его родственники. Покупая себѣ колпакъ, Скоттъ показалъ, что считаетъ день своего избранiя днемъ для себя важнымъ.

IV.

Адвокатскія занятія. — Нѣмецкій классъ и нѣмецкая словесность. — Скоттовъ переводъ Бюргеровой Леноры; успѣхъ. — Пріобрѣтеніе черепа и мертвыхъ костей. — Дикій охотникъ. — Изданіе первой брошюры.—Услужливость Эрскина. — Творенія и характеръ. — Метью Грегори Льюизъ. — Его романъ и «Повѣсти Ужаса». — Переписка и знакомство съ В. Скоттомъ. — Военныя занятія.—Эдинбургскіе волонтеры, пѣшіе и конные. — Скоттъ избранъ квартирмейстеромъ въ конномъ полку. — Маневры и ученья. — Загородныя поѣздки. — Воспоминанія Скотта и Роберта Шортрида о Лиддльсдэльскомъ Округѣ. — Вилла Эллiотъ.—Музыкантъ, старый Томасъ О'Туззильговъ. — «Ура! вотъ наконецъ и боченокъ везутъ!». — Знакомства аристократическія. — Мистриссъ Скоттъ-Гарденъ, леди Діана Скоттъ. — Отзывы женщинъ о наружности и обращеніи Скотта. — Серьёзная любовь. — Миссъ Шарлотта Карпентеръ. — Сватовство и женитьба.

Засѣданія шотландскихъ судовъ (sessions), происходя въ одно извѣстное время года, оставляютъ такимъ образомъ и судьямъ и адвокатамъ достаточно времени на отдыхъ, сельскую жизнь и разъѣзды по разнымъ провинціямъ, для распространенія своей репутаціи. Поэтому и жизнь Вальтера Скотта, со времени полученія имъ своего новаго званія, представляетъ собой какъ бы двѣ отдѣльныя жизни, равно занимательныя и равно дѣятельныя, но сходныя между собой только по своему вліянію на литературное развитіе будущаго писателя

Адвокатскія занятія Скотта не могли назваться обширными: его молодость и конкурренція другихъ, болѣе знаменитыхъ собратій, мѣшали его практикѣ *), да сверхъ того онъ говорилъ робко и конфузился передъ большой аудіенціей. Часто ему приходилось, поочереди, быть безплатнымъ защитникомъ неимущихъ подсудимыхъ, и въ такихъ случаяхъ онъ выполнялъ свою обязанность такъ честно и добросовѣстно, что бѣдняки, не дожидаясь очереди, обращались къ нему за совѣтомъ и помощью.

Часы, свободные отъ должностныхъ занятій, и продолжительные интервалы между судебными сессіями, будущій романистъ употреблялъ на занятія, по своей многочисленности, способныя удивлять собой наше лѣнивое поколѣніе.

«Трудно передать читателю (говоритъ самъ сэръ Вальтеръ въ одномъ изъ своихъ, такъ извѣстныхъ читателямъ, предисловій), ка-

*) Доходы перваго года едва дошли до 25 фунтовъ стерлинговъ; на второй — Скоттъ получилъ около шестидесяти, на пятый — до *полутораста* (суммы, достаточной для жизни, по тогдашнимъ деньгамъ).

кой эффектъ произведенъ былъ по всей ученой Шотландіи статьею, читанною мистеромъ Маккензи въ Королевскомъ Обществѣ, 21 апрѣля 1788, статьею по поводу *германской литературы и поэзіи*. Мы въ первый разъ узнали о существованіи великихъ, геніальныхъ твореній, на языкѣ родственномъ нашему и сходственномъ съ нашимъ по своей мужественной выразительности. Сказанныя творенія были намъ переданы, и по духу и по формѣ согласовались съ лучшими сокровищами нашей словесности. Поклонникамъ Мильтона и Шекспира предстояло знакомство съ поэтами, напоминавшими собой пѣвца «Потеряннаго Рая», съ драматургами, непреклонившимися передъ ложной теоріей единствъ, искавшими вдохновенія въ полныхъ проявленіяхъ жизни и въ безграничномъ разнообразіи противоположностей. Ихъ вымышленные разсказы, баллады, фантастическое направленіе, любовь къ сверхъестественному затронули вниманіе большинства великобританскихъ литераторовъ. Въ Эдинбургѣ, гдѣ это впечатлѣніе проявилось еще живѣе, вслѣдствіе значительнаго сходства между языками нѣмецкимъ и нарѣчіями нижнихъ провинцій Шотландіи, шестеро или семеро молодыхъ людей, связанныхъ между собою узами тѣсной дружбы, рѣшились составить классъ для изученія нѣмецкаго языка. Они собирались вмѣстѣ по условленнымъ днямъ, и часы, проводимые ими въ новомъ занятіи, проходили необыкновенно пріятно. Вѣчной причиной шутокъ и споровъ была лѣность одного изъ товарищей, нынѣ бесѣдующаго съ читателемъ, который, не имѣя терпѣнія основательно изучать грамматику, думалъ одолѣвать всѣ трудности посредствомъ шотландскихъ и англосаксонскихъ оборотовъ и черезъ то впадалъ въ безчисленные ошибки и промахи». Изъ другихъ свѣдѣній по этому предмету оказывается, что учитель нашей молодежи былъ сантиментальный медикъ Виллихъ, помѣшанный на прелестяхъ Геснеровой музы и пытавшійся, весьма неудачно, сблизить съ нею своихъ веселыхъ слушателей. Соученниками Скотта были Джонъ Макферленъ, Кирктонъ, Вилльямъ Клеркъ, Томасъ Томсонъ и еще одинъ молодой человѣкъ, сынъ пертшейрскаго пастора, по имени Вилльямъ Эрскинъ, юноша способностей быстрыхъ и ума необыкновеннаго. Какъ любитель и знатокъ лекціи посѣщалъ, поощряя молодыхъ людей своимъ примѣромъ, мистеръ Ал. Фразеръ Тейтлеръ, впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ судей, и лордъ Вудгоузли, переводчикъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ».

Вслѣдъ за грамматикой и чтеніемъ нѣмецкихъ авторовъ пошли занятія болѣе-широкія. Кирктонъ весь предался Канту и пустился объяснять своимъ друзьямъ его философію. Скоттъ, повинуясь своей

натурѣ, сталъ выучивать наизустъ страшныя баллады и передавать отрывки изъ нихъ стихами. Въ это время одна изъ тогдашнихъ женщинъ-писательницъ, о твореніяхъ которой авторъ, къ сожалѣнію своему, не имѣетъ даже смутнаго понятія, именно миссъ Эйкинъ, повергнула въ восхищеніе всю аристократію Эдинбура чтеніемъ (и, вѣроятно, изустнымъ переводомъ) Бюргеровой «Леноры». Эта баллада о мертвецѣ, увезшемъ къ себѣ въ могилу, или въ адъ, тосковавшую по немъ невѣсту, имѣла безпримѣрный успѣхъ на разныхъ языкахъ, подъ разными названіями и въ разныхъ краяхъ всей образованной Европы. Безчисленные переводы, подражанія, картины и гравюры *) изъ «Леноры», достаточно свидѣтельствуютъ истину нашихъ словъ. Вальтеръ не присутствовалъ при чтеніи, но на другой же день досталъ себѣ «Ленору» въ оригиналѣ и послѣ ужина рѣшился не ложиться въ постель, не кончивъ перевода. Доработавшись до совершенно неистоваго состоянія, онъ успѣлъ кончить дѣло ранѣе утра.

Зато и успѣхъ былъ немалымъ. И мило и немножко смѣшно слѣдить за эффектомъ, сдѣланнымъ и на читателей и на самого переводчика балладою, которая, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все-таки нечто иное, какъ пустая и довольно нескладная сказка. Добрая пріятельница Скотта и повѣренная его сердечныхъ дѣлъ **), миссъ Дженъ Кранстоунъ (впослѣдствіи нѣмецкая графина Пургисталль) тотчасъ же написала къ предмету Вальтеровой страсти: «Клянусь честью, изъ Вальтера Скотта выходитъ истинно великій поэтъ, нѣчто среднее между Борисомъ и Греемъ!» Въ тотъ же день баллада была прочитана самимъ авторомъ своему другу сэру Александру Вуду, тихимъ и торжественнымъ голосомъ. «Не

---

*) Намъ еще недавно случилось видѣть одну, истинно ужасную картину изъ «Леноры», писанную французомъ, имени котораго мы не упомнили. Адскій конь, съ рыцаремъ и дѣвицей, скачетъ около кладбища; мертвецъ поднимаетъ забрало шлема и обнаруживаетъ не черепъ, не мертвое, или живое лицо, а какой-то отвратительный остатокъ лба и щекъ, сквозь которыя уже проглядываютъ кости.

**) Мы ничего не сказали о первой привязанности В. Скотта, не находя въ ней ничего ни особенно характеристическаго, ни даже занимательнаго. Вальтеръ влюбился въ молодую и богатую дѣвушку, съ которой видался у обѣдни. Разъ, во время дождя, онъ одолжилъ ей свой зонтикъ, при выходѣ изъ церкви. Оказалось, что семейство дѣвицы было знакомо мистриссъ Скоттъ, и что сама Матильда очень любила литературу. Изъ этого возникла дружба и даже переписка о литературныхъ предметахъ; но ни родители юной особы, ни она сама не имѣли желанія поощрять искательства молодого адвоката, едва имѣющаго доходъ, достаточный для одинокой жизни. Матильда вскорѣ вышла замужъ за человѣка довольно знатнаго, а Скоттъ, какъ мы скоро увидимъ, утѣшился, въ свою очередь.

«успѣли мы сказать нѣсколькихъ словъ о достоинствахъ самой по-
«эмы, какъ Скоттъ замолчалъ и молча сталъ глядѣть на огонь. По
«прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ вдругъ сказалъ мнѣ:—Боже
«мой! Боже мой! какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть черепъ и двѣ кости,
«сложенныя накрестъ!» Вудъ, самъ находившійся подъ вліяніемъ неземной поэзіи, объявилъ очень резонно и серьёзно, что если поэтъ желаетъ сходить вмѣстѣ съ нимъ къ славному хирургу Джону Беллю, то въ его домѣ онъ можетъ получить желаемое. Друзья тутъ же пустились въ путь и не мало были поражены, когда Белль (одинъ изъ безжалостнѣйшихъ насмѣшниковъ того времени) отъ души засмѣялся, узнавъ о причинѣ ихъ прихода. Однакожь, онъ, какъ добрый хозяинъ, попросилъ Скотта войдти въ его кабинетъ и выбрать оттуда вещи по своему вкусу. Черепъ и кости были выбраны, завернуты въ носовой платокъ и отнесены переводчикомъ «Леноры» въ свою квартиру, гдѣ и стояли на шкапѣ во все время его тамъ пребыванія. Долго спустя, Вудъ имѣлъ удовольствіе увидать тамъ знакомый ему черепъ съ костями, на шкапѣ же, въ одной изъ комнатъ абботсфордскаго замка.

Кончивъ съ «Ленорой» и насладившись своимъ успѣхомъ, Скоттъ принялся за другую балладу, Бюргера же, извѣстную подъ названіемъ «Дикаго Охотника», и перевелъ ее гораздо лучше и глаже, все болѣе и болѣе свыкаясь съ трудностями стихосложенія. Бюргеровъ «Дикій Охотникъ» никогда не имѣлъ той популярности, какая выпала на долю «Леноры», но онъ несомнѣнно грандіознѣе и страшнѣе этой баллады. Въ немъ есть черты феодальныхъ временъ и послѣднія его страницы, когда нечестивый баронъ, свершившій мѣру своихъ преступленій на охотѣ въ день воскресный, видитъ вокругъ себя адскихъ собакъ и адскихъ всадниковъ, посреди лѣса, темноты и, кажется, еще грома и молніи, способна потрясти душу читателя. Обѣ баллады, чрезъ содѣйствіе В. Эрскина, имя котораго намъ не разъ придется встрѣтить въ теченіе этой біографіи, отданы были эдинбургскому книгопродавцу Миллеру, какъ, кажется, безъ вознагражденія съ его стороны, и напечатаны въ 1796 году тоненькой брошюрой, безъ имени переводчика. Судя по Эдинбургу, успѣхъ книжки могъ назваться весьма удовлетворительнымъ, но изъ жителей Англіи только весьма малая часть узнала о ея существованіи ранѣе появленія сказаннаго изданія. Бюргерова «Ленора» разъ пять являлась въ англійскихъ переводахъ, въ передѣлкахъ на британскій ладъ, и энтузіазмъ публики весь пошелъ на трудъ въ этомъ же родѣ, сдѣланный *Вилльямомъ Тэйлоромъ Норвичскимъ*, молодымъ литераторомъ, всю жизнь подававшимъ самыя блиста-

тельныя надежды и никогда ихъ неосуществившимъ *). Тѣмъ не менѣе, Скоттъ получилъ не одинъ признакъ одобренія какъ отъ лучшей части эдинбургскихъ жителей, такъ и отъ довольно многочисленныхъ литераторовъ, которымъ послалъ свое первое твореніе. Знаменитые его профессоры Дюгальдъ Стюартъ и Виллья̀мъ Тэйлоръ, о которомъ мы сейчасъ говорили, отвѣчали на знакъ его вниманія лестными письмами и, спустя нѣсколько времени, благодаря своей «Ленорѣ», будущій романистъ вошелъ въ письменныя сношенія съ человѣкомъ, о которомъ въ то время не могъ подумать безъ сердечнаго трепета, именно Льюизомъ, пользовавшимся въ то время блистательною, хотя кратковременною славою за свой романъ, исполненный всякаго рода ужасовъ и эпизодовъ, едва ли непревосходящихъ по этой части всѣ страшныя исторіи, когда либо писанныя человѣкомъ **). Такъ-такъ въ Льюизѣ, такъ сказать, сосредоточилось извѣстное (и, конечно, оригинальное) направленіе поэзіи, то мы осмѣлимся сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ и его странномъ, однако, переведенномъ едва-ли не на всѣ европейскіе языки сочиненіи.

Матью Грегори Льюизъ (Lewis) литературный денди, пріятель Скотта, Байрона, госпожи Сталь и многихъ знаменитыхъ людей

---

*) Виллья̀мъ Тэйлоръ (съ прибавленіемъ Норвичскій, въ отличіе отъ другихъ Тэйлоровъ) родился въ Норвичѣ, въ 1765 году, отъ весьма богатыхъ родителей. Онъ получилъ отличное воспитаніе и въ первой молодости два раза ѣздилъ въ чужіе края, для изученія коммерціи и иностранныхъ языковъ. Ему было 18-ть лѣтъ, когда, вернувшись изъ Германіи, онъ привезъ съ собой, вмѣстѣ съ обширными, по-тогдашнему, свѣдѣніями о германской словесности, нѣсколько стихотвореній, переведенныхъ имъ изъ Фосса, Гёте и Бюргера. Вслѣдъ затѣмъ онъ первый перевелъ «Ленору» (съ измѣненіями въ исторіи и размѣрѣ); переводъ его глаже, чѣмъ Скоттовъ, но бѣднѣе поэзіею. Двадцати лѣтъ отъ роду, онъ сталъ какъ-бы въ посредники между англійской публикой и германской словесностью—обстоятельство, слишкомъ рано давшее ему авторитетъ и извѣстность. Онъ былъ звѣздой литературныхъ клубовъ своего города и въ Лондонѣ его принимали очень ласково. Въ это лучшее время своей дѣятельности онъ перевелъ Лессингова «Натана», потомъ Шиллерову «Мессинскую Невѣсту» и «Ифигенію» Гёте. Соути былъ его другомъ, а Кольриджъ отчасти ученикомъ. Къ сожалѣнію, онъ разбросалъ свои свѣдѣнія по мелкимъ статейкамъ и мелкимъ переводамъ, да, сверхъ-того, не въ мѣру отдался политикѣ. Всю жизнь собирался онъ изготовить что-нибудь оригинальное и остался при одномъ намѣреніи. Даже славу знатока нѣмецкой словесности Тэйлоръ не поддержалъ, какъ слѣдуетъ, ставя, напримѣръ, Коцебу наравнѣ съ Шекспиромъ, что̀ наконецъ вызвало опроверженіе со стороны лицъ, продолжавшихъ изучать нѣмецкую словесность. Послѣдніе его годы прошли весьма печально, вслѣдствіе неудачъ литературныхъ и торговыхъ. В. Тэйлоръ умеръ въ мартѣ 1836 года, 71 года отъ-роду.

**) Романъ этотъ «The Monk», въ русскомъ переводѣ называется: «Монахъ, или погубныя слѣдствія пылкихъ страстей».

своего времени, былъ маленькимъ, бойкимъ, нѣсколько пошлѣноватымъ человѣкомъ, исполненнымъ необузданнаго воображенія и честолюбія, столько же необузданнаго. Славы литературной ему хотѣлось съ дѣтскихъ лѣтъ и всѣ средства казались ему хороши для достиженія своей цѣли. Примѣтивъ пристрастіе публики къ романамъ и преимущественно къ мрачнымъ романамъ Годвиновской школы (первымъ отцомъ страшныхъ романовъ, былъ сатирическій Вальполь въ своемъ сочиненіи «Отрантскій Замокъ») онъ рѣшился разомъ перещеголять всѣхъ своихъ предшественниковъ и соперниковъ, поднести читателю такую повѣсть ужаса (tale of terror), какой еще до него не бывало. Прекрасно владѣя языкомъ и стряпая очень изящные стихи, онъ быстро составилъ романъ изъ испанскихъ нравовъ, въ которомъ главная роль дана была злому духу. Этотъ духъ ада, являющійся во многихъ видахъ, между прочимъ, въ образѣ прекрасной женщины, совращаетъ съ истиннаго пути одного добродѣтельнаго, но слишкомъ гордаго человѣка, и ведетъ его къ погибели черезъ цѣлый рядъ злодѣйствъ и преступленій. Но Льюизъ очень мало думалъ о томъ, какой вредъ могла принести его книга; онъ хотѣлъ пугать и дѣйствовать на страсти, во что бы ни стало. Съ этой цѣлью къ своему потрясающему, хотя довольно нелѣпому разсказу главной интриги, онъ прибавилъ нѣсколько фантастическихъ баллад и эпизодовъ *).

Весь романъ кончается сценами самыми кровавыми и возмутительными. Не смотря на вопіющія несообразности сочиненія, безпримѣрный успѣхъ наградилъ Льюиза за его ловкость. Герцоги и графини, которыми онъ бредилъ постоянно, стали приглашать его

---

*) Одинъ изъ нихъ — совершенство въ своемъ родѣ. Вся исторія довольно проста. Одинъ изъ героевъ романа, влюбленный въ дѣвушку, обитающую въ какомъ-то старомъ замкѣ, хочетъ увезти ее и придумываетъ, для облегченія побѣга, хитрость такого рода. Всѣ жители замка убѣждены въ томъ, что разъ въ годъ въ немъ является тѣнь которой-то изъ его владѣтельницъ, дамы, крайне-преступной и погибшей вслѣдствіе своихъ преступленій. Въ ту ночь, когда привидѣніе должно являться въ бѣлой, окровавленной одеждѣ, съ кинжаломъ и фонаремъ въ рукѣ, всѣ сторожа и люди уходятъ со своихъ мѣстъ, оставляя двери незапертыми. Основываясь на этомъ предразсудкѣ, дѣвушка соглашается, нарядившись въ костюмъ, подобный наряду привидѣнія, пройдти въ ворота и сѣсть въ экипажъ своего друга. Въ назначенный часъ, дѣйствительно, особа въ длинномъ, бѣломъ платьѣ, съ необходимыми пятнами крови, выходитъ изъ воротъ и идетъ въ условленное мѣсто. Женихъ подсаживаетъ ее въ экипажъ и садится вмѣстѣ съ нею. Лошади мчатся, чуя, что везутъ что-то недоброе; буря поднимается на ночномъ небѣ. При блескѣ молніи, молодой селадонъ открываетъ, что увезъ, вмѣсто невѣсты, настоящее привидѣніе. Все это описано превосходно.

къ себѣ; нѣсколько изданій романа разошлось съ быстротою. Торопясь извлечь изъ своей удачи все, что только можно изъ нея извлечь, нашъ романистъ разсудилъ пустить въ свѣтъ объявленіе о сборникѣ страшныхъ стихотвореній и исторій, имѣющемъ въ-скорости выйдти въ свѣтъ подъ его редакціею и названіемъ «Повѣстей Ужаса». Но такъ какъ никакихъ новыхъ повѣстей ужаса въ запасѣ не было, и самъ издатель, закружившись въ модномъ свѣтѣ, получилъ отвращеніе къ труду, то дѣло не оказывалось легкимъ и требовало многихъ сотрудниковъ. Въ это время неутомимый Эрскинъ (идеалъ услужливыхъ друзей), имѣвшій въ Лондонѣ отличное знакомство и ѣздившій туда по дѣламъ, вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ Скоттовыхъ переводовъ изъ Бюргера, указалъ на нихъ Льюизу, прибавивъ, что ихъ составитель имѣетъ въ своемъ портфёлѣ *много германской чертовщины.* Маленькій антрепренёръ литературныхъ ужасовъ, тотчасъ же послалъ Скотту ласковое письмо, завязалъ съ нимъ переписку, ослѣпилъ своимъ величіемъ, очаровалъ пріятностью обращенія и безъ труда завербовалъ въ свои сотрудники. Вслѣдъ затѣмъ онъ посѣтилъ Эдинбургъ, насладился тамъ лестнымъ пріемомъ и опять не забылъ лично обласкать Вальтера. «Что я почувствовалъ (черезъ тридцать лѣтъ говорилъ авторъ Ваверлея Олленъ Коннингену), когда получено было мною отъ Люьиза приглашеніе отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ, въ его гостинницѣ! Въ семнадцать лѣтъ, гляда на Борнса, я не испытывалъ части тогдашнихъ ощущеній! *).

*) Не мѣшаетъ прибавить, что «Повѣсти Ужаса» долго не выходили въ свѣтъ; наконецъ вышли и прошли безъ успѣха: ложный вкусъ не могъ существовать долго. Самъ Льюизъ продолжалъ жить въ лучшемъ кругу Лондона, путешествовать по Европѣ, изрѣдка писать стихи и веселиться. Онъ умеръ около 1820 года, въ Ямайкѣ, принимая полученное имъ наслѣдство. Въ первое время сношеній съ Вальтеромъ Скоттомъ, Льюизъ былъ ему довольно полезенъ черезъ свое вліяніе у книгопродавцовъ и въ кружкахъ литературныхъ.

Для любителей литературныхъ подробностей приводимъ здѣсь два отзыва о М. Г. Льюизѣ: Байроновъ и Скоттовъ. Не нужно подписывать, который кѣмъ составленъ: оба великіе поэта выказываются съ первыхъ словъ.

1) «Льюизъ былъ добрый человѣкъ, умный человѣкъ, но какъ онъ надоѣлъ мнѣ! Я единственно утѣшался, или мстилъ ему, стравливая его съ какой нибудь вспыльчивой особой, ненавидящей болтуновъ, съ Гобгоузомъ или госпожей Сталь. Однако я любилъ Льюиза: то былъ брильянтикъ въ скверной оправѣ, не въ смыслѣ физическихъ красотъ, однакожъ. Онъ былъ скученъ и болтливъ и какъ любилъ поперечить всякому на всякомъ словѣ! Когда намъ случалось ѣздить верхомъ около Бренты, онъ, по близорукости, пускалъ меня впередъ, а я, по разсѣянности, причинялъ ему великія бѣдствія, въѣзжая въ рѣку, перескакивая болота и лужи, гдѣ

Кромѣ занятій служебныхъ, ученыхъ и литературныхъ, Вальтеръ Скоттъ въ теченіи довольно обширнаго пространства времени, обнимаемаго настоящею главою біографіи (1793 — 97), имѣлъ еще одно занятіе, сильно его интересовавшее, именно: изученіе военнаго искусства на практикѣ, въ кавалерійскомъ полку эдинбургской милиціи, собранной въ началѣ войны съ Франціею *). «Не было солдата неутомимѣй его (разсказываетъ мистеръ Скинъ, другъ и сослуживецъ Скотта): не оставляя своихъ постоянныхъ занятій, трудясь и читая до поздней ночи, онъ являлся на утреннія ученья чуть не первымъ, и запоздавшіе волонтеры могли быть увѣренными, что найдутъ его на полѣ, окруженнаго всѣмъ эскадрономъ, съ пѣсней, или веселой сказочкой на устахъ. Безъ графа Вальтера

онъ вязъ, и дважды наѣзжая на дилижансъ, къ ужасу пассажировъ. Три раза я терялъ его въ сумракахъ и долженъ былъ подавать сигналы, будто во время кораблекрушенія. Всю дорогу Льюизъ проводилъ въ болтовнѣ, ибо то былъ человѣкъ «великаго многословія». Бѣдный Матъ! онъ погибъ жертвой своего новаго богатства, во второй разъ посѣщая Ямайку (гдѣ росъ его сахаръ).

Я много сахара бы далъ,
Чтобъ Льюизъ нашъ не умиралъ!

2) И я отдалъ бы свою долю сахара, чтобъ спасти Льюиза. Много ли у насъ друзей безъ слабостей, или со слабостями, способными возбудить одну шутку? Его дурныя стороны только могли насъ забавлять. Онъ ѣздилъ въ Ямайку затѣмъ, чтобъ улучшить положеніе своихъ невольниковъ. Онъ дѣлалъ много добра украдкой и былъ щедрымъ созданіемъ... Льюизъ сходилъ съ ума на высокихъ знакомствахъ. Герцоги и герцогини не сходили у него съ языка, и всякій человѣкъ съ титуломъ могъ разсчитывать на его патетическую привязанность. Можно было, видя его, сказать: вотъ недавній parvenu, а между тѣмъ онъ всю свою жизнь провелъ въ хорошемъ обществѣ. У него были быстрые глаза, выпуклые какъ у насѣкомыхъ. Вся фигура его напоминала собой мальчика: это былъ самый маленькій изо всѣхъ правильно сложенныхъ людей, мною видѣнныхъ. Живописецъ Соундерсъ изобразилъ Льюиза въ черной мантіи со складками, изъ-подъ которой видѣнъ былъ кинжалъ, потайной фонарь, или какой-то другой смертносный аппаратъ; но сходство было сохранено въ точности. Матъ до конца жизни казался ребенкомъ; и точно, его можно назвать ребенкомъ, даже испорченнымъ ребенкомъ, но все-таки ребенкомъ съ высокимъ воображеніемъ, которое онъ растратилъ на привидѣнія и нѣмецкіе романы. Онъ имѣлъ отличное ухо для стиховъ, лучше Байронова.

*) Въ англійской кавалеріи званіе quarter master не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ квартирмейстеромъ. Quarter Master — одинъ изъ замыкающихъ унтеръ-офицеровъ, на котораго въ походѣ возлагается постоянная обязанность квартирьера. Такъ какъ эдинбургскій полкъ весь состоялъ изъ джентльменовъ, то мѣсто, данное Скотту, могло считаться наградою, при его молодыхъ лѣтахъ: офицерами полка были или баронеты, или лица почтенныхъ лѣтъ, или отставные кавалеристы. Впрочемъ, должность Скотта нужно считать офицерскою, такъ какъ къ ней была присоединена обязанность казначея и завѣдывающаго письменной частью.

(Earle Walter), какъ называлъ Скотта весь полкъ, не существовало веселости на отдыхѣ, или въ свободныя минуты до окончанія сбора; при немъ же смѣхъ и шутки сыпались отовсюду, едва утихая при началѣ равненія. Такъ какъ бо́льшая часть волонтеровъ имѣла свои занятія, независимыя отъ военный службы, то ученья производились въ пять часовъ утра, и Скотту часто приходилось, слѣзши съ лошади, бѣжать прямо въ судъ, надѣвать тамъ парикъ, адвокатскую тогу и часа четыре присутствовать на засѣданіи».

Съ наступленіемъ теплыхъ мѣсяцовъ каждаго года, начинались загородныя поѣздки по должности и для увеселенія. Нигдѣ и никогда молодой адвокатъ не чувствовалъ себя такъ счастливымъ, какъ посреди горъ и живописныхъ озерныхъ окрестностей лиддльсдельскаго края, верхомъ на добромъ конѣ, одинъ или съ двумя друзьями своего сердца, а при случаѣ, и просто съ какимъ нибудь забавнымъ чудакомъ, или веселымъ поселяниномъ. «На первой нашей поѣздкѣ (разсказываетъ спутникъ Скотта Р. Шортридъ), хозяинъ ближайшей фермы Вилли Элліотъ, по всей вѣроятности, никогда невидавшій адвоката и получившій извѣстіе, что къ нему ѣдетъ одна изъ такихъ особъ, дождался насъ у воротъ, встрѣтилъ Скотта съ великой почестью и непремѣнно хотѣлъ самъ вести его лошадь въ конюшню. Я за нимъ послѣдовалъ, смѣясь, а Скоттъ остался одинъ въ первой комнатѣ. Тогда Вилли еще разъ посмотрѣлъ на своего гостя въ дверную щелочку и, оборотясь ко мнѣ, прошепталъ: «ну, дружище Робинъ, чортъ возьми, если я его боюсь хоть сколько нибудь: онъ такой же дѣтина, какъ и мы съ тобою!» Собаки, постоянно любившія Скотта *), собрались около него и его къ нимъ ласковость окончательно укрѣпила нервы добраго Вилли, а въ теченіе обѣда и пуншевой бесѣды онъ успѣлъ развеселиться какъ слѣдуетъ.

Простившись съ Вилли и посѣтивъ пастора Элліота клейгедскаго, имѣвшаго у себя запасъ старыхъ балладъ и пѣсенъ, наши путники переночевали въ пасторскомъ домѣ, гдѣ, какъ въ старое время, гости спали по двое на одной постели, наши путники, съ разсвѣтомъ поѣхали къ старому Томасу О'Туззильгопу (*auld* Thomas o'Thuzzilchopé), артисту, извѣстному въ округѣ за свою великолѣп-

---

*) Скоттъ всю свою жизнь пользовался необыкновенной привязанностью всѣхъ домашнихъ животныхъ, не только собакъ, напримѣръ, или кошекъ, но птицъ, лошадей, барановъ и такъ далѣе. Иногда за нимъ бѣжалъ какой нибудь поросенокъ, не говоря ужъ о чужихъ собакахъ, приставившихъ къ нему безпрестанно со своими ласками.

ную игру на волынкѣ. Старикъ встрѣтилъ гостей какъ нельзя ласковѣе, подалъ завтракъ, съигралъ множество необыкновенныхъ morceaux на своемъ инструментѣ и, между дѣломъ, изготовилъ пуншъ изъ виски, въ крошечномъ деревянномъ сосудѣ, имѣющемъ форму ведра и носящемъ странное названіе *мудрость!* Этотъ сосудъ ужь пятьдесятъ лѣтъ былъ извѣстенъ въ околодкѣ тѣмъ, что никто еще не вставалъ изъ-за него трезвымъ — съ такой ловкостью старый Томъ успѣвалъ его вновь наполнять, незамѣтно отъ гостей. Отдавъ должную дань «мудрости», туристы сѣли на лошадей и двинулись далѣе. «Ай, ай! (разсказываетъ Шортридъ на чудномъ, по своей наивности, шотландскомъ нарѣчіи), откуда этотъ бѣсъ Вальтеръ набиралъ въ себя столько веселости и шутовства всякаго! Ста шаговъ мы не проѣзжали безъ того, чтобъ не пѣть, или не хохотать, или не кричать изо всѣхъ силъ! Гдѣ бы мы ни останавливались, какимъ молодцомъ онъ подлаживался ко всякому! Ни передъ кѣмъ онъ не задиралъ носа, ни на кого онъ не хмурился. Онъ всегда былъ джентльменомъ!»

Одинъ разъ, вечеромъ, проѣхавъ порядочное пространство пустырями, Скоттъ съ Шортридомъ нашли гостепріимство въ уединенной фермѣ, названіе которой потеряно для исторіи. Честный владѣтель, глава обширной фамиліи, принялъ друзей очень ласково, накормилъ ужиномъ, но, къ изумленію и даже ихъ удовольствію, не сдѣлалъ пунша, не поилъ никого и къ столу подалъ какую то бутылку водянки. По окончаніи ужина, добрый хозяинъ началъ дремать — обстоятельство довольно извинительное, если взять въ соображеніе его дневные труды. Но вдругъ, къ минутному ужасу всей компаніи, онъ, какъ безумный, вскочилъ съ своего мѣста и, протирая глаза, закричалъ изо всей силы: «Ура! вотъ наконецъ и боченокъ везутъ!» Въ ту же минуту вступили въ комнату два пастуха атлета, еще наканунѣ отправленные къ знакомому контрбандисту, для покупки хорошей водки, чтобъ честно угостить адвоката! Боченокъ поставили на столъ, принесли воду, сахаръ — и веселье продолжалось до первыхъ лучей солнца. Анекдотъ этотъ всегда оставался любимымъ анекдотомъ сэра Вальтера; онъ даже любилъ представлять дремлющаго хозяина и потомъ, вскакивая, возглашать громовымъ голосомъ: «Ура! вотъ наконецъ и боченокъ везутъ!» *)

Къ счастью, не всѣ кліенты и родственники Скотта принадле-

*) «Во время всѣхъ этихъ поѣздокъ (прибавляетъ Шортридъ) мы по недѣлямъ не опускали руки въ карманъ: деньги оказывались ненужными.

жали къ числу сельскихъ чудаковъ: между ними находилось нѣсколько лицъ отличнаго образованія, знакомыхъ со всѣми тонкостями свѣтской жизни и всегда готовыхъ ласково принимать даровитаго юношу. Въ замкѣ Мартоунскомъ, гдѣ проживалъ въ 1796 году Скоттъ Гарденскій (прямой потомокъ стараго Вата), молодой человѣкъ, много читавшій и путешествовавшій, Вальтеръ Скоттъ пріобрѣлъ родственную пріязнь жены хозяина, урожденной графини Брюль-Марткирхенской, дочери саксонскаго посланника при сент-джемскомъ дворѣ, молодой особы, съ изяществомъ манеръ соединявшей любовь къ словесности и превосходное знаніе многихъ языковъ, изъ которыхъ два, нѣмецкій и англійскій, были для нея равно родными языками. Нѣмецкая библіотека мистриссъ Скоттъ Гарденской постоянно была къ слугамъ Вальтера; но общество собиравшееся въ Мертоунѣ, во многихъ отношеніяхъ заставляло забывать о библіотекѣ. Дружбу хозяйки къ Вальтеру совершенно раздѣляли самъ супругъ ея и его мать, леди Діана Скоттъ, умнѣйшая старуха, процвѣтавшая въ юности при дворѣ королевы Анны, гдѣ лично видѣлась съ Поппомъ, Эддисономъ и другими лицами, прославившими это отдаленное царствованіе. Изъ воспоминаній госпожи Скоттъ Гарденской, сообщенныхъ ею зятю покойнаго сэра Вальтера, мы можемъ составить себѣ ясное понятіе о манерахъ и наружности великаго поэта въ пору молодости. «Когда я въ первый разъ увидѣла сэра В. С. (говоритъ эта замѣчательная женщина), ему было около двадцати пяти лѣтъ, но на видъ онъ казался гораздо моложе. Онъ казался (вѣроятно, только при женщинахъ) застѣнчивъ и неловокъ; но въ его рѣчахъ сверкали такія искры необыкновенныхъ способностей, что впослѣдствіи, когда наша дружба завязалась тѣснѣе, я постоянно чувствовала, что бесѣдую съ геніальнымъ человѣкомъ. Онъ былъ чрезвычайно скроменъ по части своихъ литературныхъ трудовъ, и, показывая ихъ мнѣ, какъ будто не сознавалъ ихъ достоинствъ. Всѣ замѣтки насчетъ языка *) онъ принималъ необыкновенно просто и весело, не думая оскорбляться никакими совѣтами».

Наружность его была очень пріятна: при очень высокомъ ростѣ онъ казался силенъ и строенъ; недостатокъ въ ногѣ не могъ его очень портить. Лицо было свѣжо и глаза свѣтлы, какъ у мальчика; улыбка поражала своей пріятностью, сверхъ того, открывала рядъ правильныхъ и чрезвычайно бѣлыхъ зубовъ. Общее выраже-

*) Читатель вспомнитъ, что сэръ Вальтеръ до конца дней не могъ отвыкнуть отъ скоттацизмовъ.

ніе лица отличалось смѣшеніемъ задумчивости съ нѣжностью, невинной веселости съ важностью, которую придавалъ всей головѣ его лобъ, высокій и благородно сформированный. На немъ могли остановиться глаза не одной прекрасной женщины. Это описаніе, можетъ быть, во многомъ пристрастно, но оно неслишкомъ противорѣчитъ отзывамъ другихъ лицъ, знававшихъ Скотта въ его молодости. Женщинамъ онъ могъ нравиться, даже не успѣвъ нажить себѣ своей великой извѣстности, которая, какъ извѣстно, часто превращаетъ въ красоту недостатки физическіе, по крайней мѣрѣ въ глазахъ женщинъ (потому что между мужчинами едва ли кто нибудь влюблялся въ какую нибудь безобразную дѣву единственно изъ-за ея литературной извѣстности).

Какъ бы то ни было, Вальтеръ Скоттъ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія могъ иногда, по своему собственному признанію, доводить молодыхъ и хорошенькихъ особъ до такого къ себѣ расположенія, что не одна изъ нихъ рѣшалась, на балѣ, вмѣсто танцевъ, просиживать въ уголку залы съ своимъ хромымъ кавалеромъ. Но несчастная любовь, о которой мы недавно упомянули, не развила въ немъ охоты къ волокитству, тежду тѣмъ, какъ первая серьёзная привязанность, возникшая вслѣдъ за нею по своей продолжительнюсти и счастливому окончанію, на вѣчныя времена положила предѣлъ любовнымъ подвигамъ Скотта.

По окончаніи судебной сессіи, 1797 года, будущій романистъ отправился, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Джономъ и весельчакомъ Адамомъ Фергюссономъ, къ берегамъ англійскихъ озеръ, ужь тогда начинавшихъ входить въ славу за красоту ихъ окрестностей. Чрезъ Твидскую Долину, Карлейль, Пенротъ, Броугамъ Кастль и Виндермеръ, наши туристы прибыли въ красивое уединенное мѣстечко Гейслендъ, гдѣ тоже были воды, и, плѣнившись его мѣстоположеніемъ, рѣшились пожить нѣсколько времени около находившихся тамъ минеральныхъ водъ, подобно героямъ, впослѣдствіи описанныхъ Скоттомъ въ его «Источникѣ Сент-Ронанскомъ». На первой же утренней прогулкѣ три друга были поражены красотой одной амазонки, ѣхавшей передъ ними. Молодые люди не спускали съ нея глазъ и успокоились только, узнавъ, что эта фея обитаетъ въ Гейслендѣ и пользуется тамошними водами. На балѣ, вечеромъ, они познакомились съ своей очаровательницей и сами произвели на нее доброе впечатлѣніе, благодаря своимъ красивымъ мундирамъ (всѣ трое служили въ милиціи). Вальтеру, непринимавшему участія въ танцахъ, за ужиномъ удалось сидѣть возлѣ дѣвушки и тѣмъ одержать верхъ надъ своими товарищами.

Знакомство завязалось и скоро перешло во взаимную любовь. Миссъ Шарлотта Маргаретъ Карпентеръ родилась въ Лиллѣ, отъ французскихъ родителей, впослѣдствіи эмигрировавшихъ вмѣстѣ съ нею и даже разставшихся съ своимъ родовымъ именемъ Шарпантье. Въ настоящее время у нея не было ни отца, ни матери, никого, кромѣ брата, служившаго въ Индіи, и почтеннаго опекуна, лорда Доуншейрскаго, связаннаго узами старой дружбы съ ея семействомъ. Миссъ Шарлотта, не имѣя правильной красоты, обладала богатствомъ наружныхъ прелестей: ея станъ казался легокъ и строенъ, какъ станъ феи, цвѣтъ лица имѣлъ красивый и нѣжный смуглый оттѣнокъ; большіе яркіе глаза и изобиліе шелковистыхъ волосъ, черныхъ какъ вороново крыло, довершали портретъ. Манеры дѣвушки, по своей живости и бойкости, напоминали ея родину; по англійски она долго потомъ не могла говорить правильно. Въ Гейслендѣ жила она подъ надзоромъ старой пріятельницы своей покойной матери, миссъ Дженъ Никольсонъ.

Послѣ небольшихъ хлопотъ и взаимной переписки, которая очень мила въ своемъ родѣ, послѣ обоюдныхъ приготовленій, уроковъ французскихъ и англійскихъ, послѣ разныхъ объясненій съ лордомъ Доуншейрскимъ и мѣръ, принятыхъ въ обезпеченіе будущей семейной жизни, молодая чета была обвѣнчана на послѣднихъ дняхъ 1797 года и пріютилась на первый разъ въ родительскомъ домѣ Скотта на Джорджъ-Скверѣ. Веселыя, немного рѣзкія манеры Вальтеровой супруги, родившейся во Франціи и проведшей всю молодость посреди полной независимости, сперва возбудили нѣкоторые толки между эдинбургскими старушками и заставили было даже самую мистриссъ Аннъ (мать поэта) призадуматься. Особенно честная теща не могла приладиться къ тому, что ея молодая невѣстка любила по простымъ днямъ сидѣть и принимать гостей въ парадной гостинной, которая, въ силу прадѣдовскихъ обычаевъ, могла только открываться по днямъ высокоторжественнымъ. Но такъ какъ во всемъ остальномъ мистриссъ Шарлотта оказывалась доброю и преданною дочерью, то все патріархальное семейство было скорѣе оживлено, нежели стѣснено ея прибытіемъ.

Черезъ годъ молодая мистриссъ Скоттъ произвела на свѣтъ дочь, Софію Шарлотту, а ея супругъ разрѣшился своимъ первымъ оригинальнымъ произведеніемъ — тою балладой о Смальгольмскомъ Зáмкѣ, которая такъ очаровывала и очаровываетъ русскаго читателя въ плѣнительныхъ стихахъ Жуковскаго.

V.

Баллада «Зàмокъ Смальгольмъ». — Стихъ Скотта; красоты баллады — Начало первой поэмы. — Положеніе книжной торговли въ Англіи и Шотландіи. — Практическій взглядъ на жизнь черезъ литературный трудъ. — Скоттъ получаетъ мѣсто шерифа селькиркскаго. — Устройство домашнихъ дѣлъ. — Работы по собранію старыхъ балладъ и пѣсенъ. — Товарищи и помощники. — Ричардъ Гиберъ; его знакомство съ Джономъ Лейденомъ. — Лавочка Констэбля, будущаго «Наполеона книжной торговли». — Характеръ и занятія Лейдена. — Реджинальдъ Гиберъ, епископъ Калькутты. — Издатели сатирическихъ листковъ. — Эллисъ, Гиффордъ и Каннингъ; ихъ дѣятельность при концѣ прошлаго столѣтія. — Знакомство Скотта съ Джемзомъ Гоггомъ, пастушкомъ этрикскимъ. — Жизнь и дѣянія пастушка. — Изданіе въ свѣтъ «Minstrelsy of the Scotch Border». — Успѣхъ сборника.

Баллада *Зàмокъ Смальгольмъ* (Смейльгольмъ), въ оригиналѣ названная «Кануномъ Иванова дня» (Eve of St. John), кажется намъ истиннымъ началомъ дѣятельности Вальтера Скотта, какъ поэта народнаго и оригинальнаго. Осенью 1799 года, находясь съ женою въ гостяхъ у гостепріимнаго Скотта Гарденскаго, будущій романистъ, вмѣстѣ съ милыми хозяевами, или одинъ, ходилъ къ старой башнѣ, около которой протекли первые годы его счастливаго дѣтства.

Плодомъ этихъ прогулокъ вышла баллада, или, скорѣе, небольшая поэма, написанная по просьбѣ хозяйки. Если поэма въ русскомъ переводѣ такъ нравится намъ, то какое же дѣйствіе должна она была произвести на жителей и гостей Мертоунскаго Зàмка, шотландцевъ, знакомыхъ съ родными преданіями и каждый день видящихъ мѣста, въ ней воспѣтыя? И «Ленора» и «Дикій Охотникъ» и другія модныя баллады того времени показались посредственными въ сравненіи съ этимъ сжатымъ, живописнымъ разсказомъ, чуждымъ нѣмецкой туманности, исполненнымъ картинъ, достойныхъ кисти великаго художника. И самая легенда, и аксессуары, и общій колоритъ всего разсказа громко свидѣтельствуютъ о томъ, что за дѣломъ сидѣлъ поэтъ, и поэтъ первоклассный. Эта ночь на горахъ, освѣщенныхъ сторожевыми огнями; рыцарь, осужденный за преступную любовь бродить въ мглѣ на пустынныхъ скалахъ; молодая владѣтельница Смальгольма и ея печальное раздумье на площадкѣ зàмка, потомъ ея вопросъ мертвецу: «ты спасенъ, или нѣтъ?» наконецъ самъ сумрачный баронъ, отправившійся на потаенное мщеніе въ то время, когда его

сограждане бились съ англичаниномъ на поляхъ анкраморскихъ — все это драма и жизнь средневѣковой, суровой Шотландіи. И наконецъ, въ сказанной балладѣ стихъ уже является тѣмъ быстрымъ, порывистымъ Скоттовымъ стихомъ, который всегда будетъ узнаваться и безъ авторской подписи, тотъ стихъ, что̀, по словамъ лорда Джеффри, дѣйствуетъ на душу какъ звуки превосходной военной музыки.

Изъ всѣхъ стихотворныхъ вещей Скотта, только одинъ «Смальгольмскій За̀мокъ» переданъ на русскій языкъ въ превосходномъ переводѣ, и это обстоятельство, позволяющее намъ глубже всмотрѣться въ сущность Скоттовой поэзіи, не должно быть пропущено даромъ. И «Марміонъ», и «Рокби», и «Пѣсень послѣдняго Минестреля», и «Владѣтель островов» — всѣ эти поэмы, несравненныя въ своемъ родѣ, извѣстны нашей публикѣ только по стариннымъ переводамъ прозою, переводамъ, въ которыхъ вовсе нѣтъ тѣхъ качествъ, за которыя поэзія Скотта такъ вѣрно и мѣтко названа искрометною (sparkling). Въ четырехъ названныхъ нами поэмахъ дѣйствительно преобладаетъ какой-то неуловимый элементъ, по своему живительному и нѣсколько туманящему свойству, напоминяющій газъ нарзана или шампанскаго. Опредѣлить его словами невозможно, и вотъ почему лица, желающія имѣть довольно вѣрное понятіе о стихахъ Скотта, хорошо сдѣлаютъ, если со вниманіемъ перечитаютъ «Смальгольмскій За̀мокъ» въ переводѣ Жуковскаго.

Почти въ одно время съ «За̀мкомъ Смальгольмскимъ» Скоттъ написалъ еще пять или шесть балладъ нѣсколько низшаго достоинства, предназначая ихъ частью на пополненіе своей брошюры съ «Ленорой», частью въ Льюизовы «Повѣсти Ужаса». Стихъ его выработывался болѣе и болѣе, а удачный выборъ сюжетовъ заставилъ г-жу Скоттъ Гарденъ замѣтить, что, по ея мнѣнію, отъ самого автора зависитъ, черезъ одно распространеніе въ разсказѣ, перейти отъ сказокъ къ поэмамъ. Замѣтка этой прозорливой женщины принята была къ свѣдѣнію и первая мысль о поэмѣ «Пѣснь послѣдняго Минестреля» промелькнула въ умѣ Вальтера Скотта. Ему уже оставался только одинъ шагъ до славы *).

Замѣчательно, что, при всей своей любви къ литературѣ, при

*) Въ это же время Скоттомъ написана была очень эффектная драма, въ подражаніе нѣмецкимъ драмамъ, подъ названіемъ «Домъ Аспенскій» (House of Aspen). На сцену являлось «Тайное Судилище» и другіе страхи. Драма не печаталась до 1829 года.

всемъ обиліи разныхъ плановъ и предпріятій, Скоттъ не имѣлъ ни малѣйшаго разсчета на денежную сторону этихъ трудовъ: цѣнность литературной собственности въ то время еще находилась въ непрочномъ положеніи, доходы лучшихъ писателей оказывались еще шаткими. Мода и одна мода нерѣдко награждала писателей, любимыхъ публикою, неправильнымъ и неожиданнымъ доходомъ: книгопродавцы, жадные и безденежные, давали хорошую цѣну только за тѣ вещи, которыя могли своей быстрой продажей воротить ихъ капиталы въ какую нибудь недѣлю времени.

Эта неизвѣстность насчетъ практическаго результата археологическихъ и поэтическихъ усилій, безъ сомнѣнія, нѣсколько лѣтъ парализировала геній Скотта и часто, ко вреду любимой работы, отбрасывала его насильно въ міръ адвокатской рутины и сутяжничества. Изъ представленныхъ нами очерковъ Вальтеръ Скоттовой молодости, читатель, безъ сомнѣнія, уже составилъ себѣ понятіе о характерѣ будущаго романиста и поэта. Скоттъ не былъ артистомъ-фанатикомъ; онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ упрямцовъ изъ семьи Данта, Камоэнса и Сервантеса, которые спасали цѣлое искусство, пронося съ собой свѣтлый лучъ поэзіи чрезъ огонь и воду, чрезъ всѣ бѣдствія и искушенія, посланныя на нихъ судьбою. Обвинять Скотта въ его прозаическомъ воззрѣніи на удобства и неудобства жизни, на пріятность достатка и печальное значеніе бѣдности (особенно при возрастающемъ семействѣ) могъ только одинъ Карлейль въ своемъ превосходномъ этюдѣ, болѣе похожемъ на поэму, чѣмъ на біографическій очеркъ. Вальтеръ Скоттъ, неспособный пожертвовать благосостояніемъ жены и дѣтей созданію идеальныхъ лицъ своей поэтической фантазіи, дѣйствовалъ по внушенію своего сердца. Можетъ быть, еслибъ онъ рѣшился поголодать въ теченіе лучшихъ лѣтъ жизни, бросить въ кусты свою адвокатскую тогу и, вмѣсто споровъ въ судѣ объ украденныхъ коровахъ, почаще предаваться бурѣ поэтическаго вдохновенія, слава посѣтила бы его ранѣе и жизнь его вышла бы болѣе похожею на романъ. Но судьба не предназначила его для треволненій и, можетъ быть, веселая, честная фигура поэта, въ роли Данта или Камоэнса, оказалась бы также смѣшною, какъ Дантъ или Камоэнсъ въ адвокатскомъ парикѣ посреди скромнаго города Эдинбурга.

Герцогу Бокклейгскому, родственнику и патрону всей фамиліи Скоттовъ, вельможѣ, владѣніями котораго наполнены были окрестности Эдинбурга, выпала на долю возможность поддержать поэта въ трудную годину усилій всякаго рода, навсегда обезпечивъ Вальтера и его семейство въ денежномъ отношеніи. Шерифъ-де-

путатъ селькирскаго графства, Андрью Плюммеръ, страстный охотникъ до древней поэзіи и Скоттовъ помощникъ по части собиранія народныхъ пѣсенъ, умеръ, и мѣсто его, приносящее до 300 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, осталось вакантнымъ *). Все селькирское графство, за небольшими исключеніями, принадлежало герцогу Бокклейгскому, и когда онъ выразилъ желаніе имѣть шерифомъ Вальтера Скотта, всѣ препятствія устранились. Обязанности новаго шерифа ни въ какомъ случаѣ не могли назваться многосложными: весь округъ принадлежалъ къ самымъ тихимъ и патріархальнымъ во всей Шотландіи, а сверхъ того, изобиловалъ красотами природы и лицами, имѣвшими въ своей памяти большой запасъ древнихъ пѣсенъ и сказокъ. Званіе адвоката осталось при Скоттѣ, но онъ ужь пересталъ искать себѣ практики, къ которой никогда не чувствовалъ особливой наклонности **).

Устроивъ себя такимъ образомъ и вздохнувъ спокойнѣе, Вальтеръ Скоттъ съ новымъ рвеніемъ предался собиранію остатковъ шотландской народной поэзіи. Съ помощниками его въ этомъ дѣлѣ мы теперь намѣрены познакомить нашихъ читателей.

Первыми изъ нихъ слѣдуетъ назвать братьевъ Геберовъ, или, вѣрнѣе, Гиберовъ (Heber), людей весьма ученыхъ. Старшій, Ричардъ, долго состоялъ членомъ великобританскаго парламента, какъ депутатъ и представитель оксфордскаго университета. Самъ владѣя большими талантами и свѣдѣніями, Ричардъ Гиберъ не могъ, по причинѣ государственныхъ занятій, много работать своей особою; но его непосредственное вліяніе на все дѣльное и прекрасное могло назваться огромнымъ. Зоркій глазъ его всюду выискивалъ людей, одаренныхъ талантами, предпріятія, успѣшному ходу которыхъ могъ онъ содѣйствовать кредитомъ и помощью. Имѣя связи со всѣми политическими людьми и учеными сословіями всей Вели-

*) Для читателей, незнакомыхъ съ административнымъ устройствомъ Великобританіи, не лишнимъ считаемъ объяснить, что каждое графство Трехъ Соединенныхъ Королевствъ состоитъ подъ управленіемъ лорда-лейтенанта, имѣющаго прямымъ помощникомъ своимъ одного шерифа; но лорды-лейтенанты, имѣя службу въ столицѣ, или мѣста въ верхней палатѣ, въ спокойное время не живутъ въ своихъ графствахъ, отчего должность ихъ почти вездѣ считается номинальною, а важнѣйшая часть обязанности переходитъ къ шерифу. Это называется: исправлять свою должность чрезъ депутата; вслѣдствіе того и шерифы, состоящіе подъ прямымъ начальствомъ лордовъ-лейтенантовъ, называются шерифами-депутатами, въ отличіе отъ выборныхъ, городскихъ шерифовъ.

**) Приданое мистриссъ Скоттъ состояло въ пожизненной пенсіи въ 500 ф. стерл., купленной ея братомъ.

кобританіи, особенно пользуясь привязанностью всѣхъ особъ, сколько нибудь прикосновенныхъ къ университету, котораго онъ былъ представителемъ. Ричардъ Гиберъ пріобрѣлъ большое вліяніе и умѣлъ имъ пользоваться. Прибывъ въ Эдинбургъ на зиму, онъ тотчасъ же сошелся со Скоттомъ, самъ вызвался дать ему письма къ лицамъ, обладавшимъ старинными рукописями и коллекціями по части древней поэзіи. Обширная библіотека Ричарда была всегда открыта ученымъ людямъ, и онъ даже сердился, если въ нее приходило мало посѣтителей. У него имѣлось какое-то дивное чутье ко всему артистическому и полезному *). Одинъ разъ, посѣтивъ лавку Констэбля, Ричардъ Гиберъ увидалъ въ ней страннаго, волосатаго человѣка, стоявшаго на лѣсенкѣ для доставанія книгъ съ верхнихъ полокъ; въ рукахъ незнакомца находился фоліантъ и онъ читалъ его почти часъ времени, совершенно забывъ о своемъ зыбкомъ подножіи. Гиберъ предостерегъ незнакомца и, завязавъ съ нимъ разговоръ, узналъ, что онъ занятъ выбираніемъ старинныхъ стиховъ для одного мистера Скотта, про котораго ему говорили какъ про человѣка хорошаго, возымѣвшаго похвальное намѣреніе издать въ свѣтъ остатки старой шотландской поэзіи. Это благородное рвеніе на пользу незнакомаго человѣка поразило Гибера, а дальнѣйшій разговоръ съ волосатымъ бѣднякомъ привелъ его въ восхищеніе. Какъ Панюржъ въ романѣ Рабле — этотъ необыкновенный юноша (имя его было Джонъ Лейденъ), готовъ былъ говорить безъ запинки на десяти древнихъ и новыхъ языкахъ; сверхъ-того, онъ съ толкомъ читалъ такія рѣдкія книги, о которыхъ даже самъ Ричардъ Гиберъ едва имѣлъ смутное понятіе. Молодой бѣднякъ считался сотрудникомъ эдинбургской литературной газеты и писалъ много для насущнаго хлѣба. Не теряя времени, Гиберъ познакомилъ Лейдена съ Скоттомъ и ввелъ его въ лучшій кругъ города Эдинбурга.

---

*) Во время своего пребыванія въ Эдинбургѣ онъ часто посѣщалъ бѣдную книжную лавчонку, гдѣ повременамъ сходились люди, неимѣвшіе довольно денегъ на покупку книгъ въ другихъ, болѣе роскошныхъ магазинахъ. Разговорившись съ хозяиномъ лавки, Гиберъ сказалъ Скотту, случившемуся на улицѣ при его возвращеніи: «или я очень ошибаюсь, или этотъ купецъ будетъ въ скорости извѣстнымъ человѣкомъ!» Имя продавца было *Арчибальдъ Констэбль*. Чрезъ годъ послѣ свиданія съ Гиберомъ, онъ ужь былъ издателемъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», чрезъ десять лѣтъ — однимъ изъ богатѣйшихъ книгопродавцовъ въ свѣтѣ; еще черезъ десять лѣтъ — «Наполеономъ книжной торговли», способнымъ платить на наши деньги по *сту двадцати-пяти тысячъ рублей ассигнаціями* за романъ, или поэму первоклассныхъ писателей.

Всюду получивъ ласковый пріемъ и пособія, Джонъ Лейденъ въ теченіе двухъ лѣтъ оказалъ Скотту много услугъ по части коллекціи и сдѣлался однимъ изъ его лучшихъ друзей; но эта связь, обѣщавшая такъ много, прервалась вслѣдствіе желанія Лейдена ѣхать въ Индію, для изученія санскритскаго языка и санскритской литературы. Скоттъ, Гибберъ и Дондесъ выхлопотали-было Лейдену покойное мѣсто въ компанейской службѣ, но вдругъ, за четыре мѣсяца до срока, назначеннаго къ отъѣзду, дирекція компаніи, вѣроятно, желая отдѣлаться отъ чиновника съ литературными побужденіями, дала знать Лейдену, что всѣ мѣста заняты, кромѣ *должности младшаго лекаря*, которую ему и предлагаетъ, съ тѣмъ, однако, чтобъ онъ предварительно выдержалъ медицинскій экзаменъ. Друзья Лейдена, конечно, сочли дѣло потеряннымъ, но, къ неслыханному ихъ изумленію, молодой лингвистъ отвѣчалъ на предложеніе дирекціи полнымъ согласіемъ. Не теряя ни минуты, онъ принялся за медицинскія книги, въ четыре мѣсяца одолѣлъ науки, на изученіе которыхъ обыкновенные люди употребляютъ четыре года, выдержалъ экзаменъ, получилъ нужную степень и, будто желая показать всю силу своихъ способностей, еще издалъ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Индію, поэму, подъ названіемъ «*Картины Дѣтства*». Въ 1811 году, проживая въ Индіи, онъ ужь пользовался репутаціей необыкновеннаго оріенталиста, имѣющаго затмить заслуги сэра Виллььяма Джонса, впервые раскрывшаго передъ Европой сокровищницу индійской поэзіи. Ранняя смерть, однако, пресѣкла и надежду и славу Джона Лейдена *).

Чрезъ братьевъ Гиберовъ Вальтеръ Скоттъ еще сошелся съ нѣкоторыми молодыми лондонскими литераторами. То были Эллисъ, Гиффордъ и Каннигъ, издатели сатирическихъ листковъ въ родѣ теперешняго «Пунча». Ихъ сатира, иногда тонкая и ѣдкая, иногда

---

*) Второй братъ Гиббера, Реджинальдъ, нынѣ извѣстный, какъ авторъ исполненнаго занимательности сочиненія объ Индіи, только что готовился вступить въ духовное званіе, когда Вальтеръ Скоттъ сошелся съ нимъ у его брата въ Оксфордѣ *). Получивъ, въ первыхъ годахъ нашего столѣтія, мѣсто епископа въ Калькуттѣ, Реджинальдъ Гиберъ съ учено-религіозной цѣлью совершилъ много поѣздокъ по краю и плодомъ его путешествій осталась книга, считаемая англичанами за лучшее сочиненіе во всей ихъ словесности, такъ богатой путешествіями. Реджинальдъ умеръ на своемъ посту, около 1825 года.

---

*) Во время посѣщенія Скоттомъ Оксфорда, Реджинальдъ Гиберъ привелъ и его и весь университетъ въ восторгъ своей поэмой, заданной на конкурсъ по стихотворной части. Поэма называлась «Палестина».

забавная и преднамѣренно нелѣпая, была постоянно жива и остроумна; ея колкость и оригинальность замѣчательны даже и теперь, через столько лѣтъ послѣ ея появленія. Проживая въ центрѣ лучшаго круга, слѣдя за политикой и слухами города, Эллисъ, Гиффордъ и Каннингъ умѣли быть всегда новыми, колкими и популярными. Сегодня они осмѣивали воинственные планы французской республики, завтра отпускали забавныя остроты насчетъ свѣтскаго пристрастія къ французскимъ обычаямъ; еще чрезъ день, поднимали на смѣхъ ложную филантропію того времени, или кололи эпиграммами какихъ нибудь космополитовъ, граждан міра, чудаковъ, довольно вредныхъ уже и въ тогдашнюю пору. Не одна политика давала пищу неутомимымъ насмѣшникамъ: для нихъ было хорошо все новое — и туманность нѣмецкой философіи, и запутанность германской драмы, и педантизмъ ученыхъ, и нахальство разныхъ денди, блиставшихъ въ тогдашнемъ свѣтѣ, и новыя литературныя теоріи, и какой нибудь домъ, выстроенный безъ вкуса, и новая мода, некрасивая или неудобная. Листки ихъ кипѣли пародіями, начиная отъ лаконическихъ бюллетеней консула Бонапарте, до объявленій иного шарлатана, продавца пилюль противъ всѣхъ болѣзней. Гиффордъ, Эллисъ и Каннингъ долгое время дѣйствовали, не подписывая своихъ именъ и не распредѣляя общаго труда по способностямъ каждаго. Публика привыкла смотрѣть на нихъ как на литературныхъ близнецовъ, созданныхъ для ея увеселенія; а между тѣмъ каждый изъ названныхъ шутниковъ имѣлъ свои собственныя достоинства и свою собственную дорогу, по которой впослѣдствіи пошелъ со славою. Гиффордъ, съ начитанностью и образованіемъ критика соединялъ способности превосходнаго редактора журнала; имя Каннинга, какъ оратора и государственнаго человѣка, извѣстно всѣмъ *). Эллисъ, впослѣдствіи возведенный въ достоинство лорда, долго еще оставался веселымъ поэтомъ временъ своей веселой молодости.

---

*) Вилльямъ Гаффордъ былъ постояннымъ совѣтникомъ лорда Байрона и читателемъ всѣхъ его произведеній передъ ихъ печатаніемъ. Это онъ, прочитавъ, по просьбѣ лорда (при началѣ его карьеры) первую пѣснь Чайльдъ-Гарольда, написалъ книгопродавцу Мурраю: «Скажите отъ меня Байрону, что мной была прочитана одна изъ блистательнѣйшихъ поэмъ во всемъ мірѣ».

О Каннингѣ мы видимъ замѣтку въ дневникѣ Байрона. «*Изъ всѣхъ слышанныхъ мною ораторовъ, Каннингъ болѣе всѣхъ даетъ понятіе о томъ, что такое ораторъ совершенный.*»

Не мѣшаетъ еще сказать, что Эллисъ издалъ въ свѣтъ прелестное собраніе старыхъ англійскихъ стихотвореній, въ дополненіе къ изданію Перси.

Въ началѣ 1800 года, проѣзжая, по должности шерифа, лѣсистый округъ своего графства, извѣстный подъ названіемъ эттрикскаго, Вальтеръ Скоттъ, зажился нѣсколько дней въ Блекгаузѣ, небольшомъ помѣстьѣ, арендуемомъ семействомъ Ледло. Одинъ изъ молодыхъ людей этой фамиліи, Вилльямъ, или, попросту, Вилли Ледло, сошелся съ шерифомъ, показывая ему лѣсъ и живописныя окружности своего жилища, и, въ разговорѣ о старыхъ балладахъ, сообщилъ Скотту, что въ околодкѣ имѣется живой экземпляръ старинной поэзіи въ лицѣ поэта самоучки, Джемса Гогга (Hogg), болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Пастушка Эттрикскаго». На разспросъ о пастушкѣ, Вилли сообщилъ исторію о томъ, какъ Гоггъ, ходя за скотомъ ихъ фермы, выучился читать и писать безъ посторонней помощи, копируя буквы какой-то книги во время своихъ отдыховъ подъ открытымъ небомъ. Мать Гогга, съ самой молодости богатая свѣдѣніями по части пѣсенъ и сказокъ, познакомила юношу съ чудесами старой народной музы, а смазливая молочница, являвшаяся въ стадо доить овецъ, сдѣлалась и первымъ предметомъ и первою слушательницей стиховъ собственно Гоггова издѣлія. Вилли Ледло, душой привязавшійся къ Джемсу, поспѣшилъ, по первому требованію Скотта, представить эттрикскаго пастушка шерифу. Пастушокъ, вопреки своей клички, возбуждавшей идеи нѣжныя и аркадскія, оказался нескладнымъ дѣтиной гигантскаго роста, съ носомъ, уже начинавшимъ синѣть отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ; но эти недостатки не помѣшали Скотту признать въ немъ поэта самостоятельнаго, хотя и не первокласснаго. Успѣхи Борнса въ то время сбивали съ пути многихъ пастуховъ и земледѣльцовъ, имѣвшихъ случай получить первоначальное образованіе и слышать о томъ, что̀ дѣлалось въ Эдинбургѣ; но Джемсъ Гоггъ, и по воспитанію своему и по жизни въ глуши, не могъ быть ни чьимъ подражателемъ. Еслибъ пастушокъ подолѣе пожилъ посреди эттрикскихъ лѣсовъ, можетъ быть, талантъ его окрѣпъ и развернулся бы еще болѣе; но пріязнь молодого Вилли и почетъ сосѣдей уже начали пробуждать въ взбалмошной головѣ Гогга мечты бурныя и честолюбивыя. Ему хотѣлось поскорѣй попасть въ Эдинбургъ: тамъ погулять и повеселиться, издать свои стихи, набрать побольше денегъ, найти на чьей нибудь фермѣ хорошее мѣстечко безъ всякой работы, потомъ поѣздить по свѣту, еще нажить денегъ, а затѣмъ окончательно пить и веселиться. Забавныя выходки Гогга, а еще болѣе его грубая наивность и какая-то оригинальная, порывистая особенность въ обращеніи, очень понравились Скотту: обласкавъ пастуш-

ка̀, онъ пригласилъ его къ себѣ въ столицу, обѣщаясь, между тѣмъ, войдти въ сношенія съ книгопродавцами насчетъ изданія его стихотвореній.

Вскорѣ послѣ описаннаго разговора, пастушокъ эттрикскій явился въ Эдинбургѣ, предшествуемый цѣлымъ стадомъ порученныхъ ему барановъ. Сдавъ скотъ куда слѣдовало, онъ, не теряя ни минуты и даже не перемѣнивъ своего аркадскаго, запыленнаго костюма, явился въ джоржъ-скверкскую квартиру Вальтера Скотта. Встрѣча пастушка̀ съ поэтомъ была самая радостная; какъ герои Иліады, они обмѣнялись дарами: Гоггъ принесъ собраніе старыхъ рукописныхъ балладъ и свои стихотворенія, сочиненныя доро́гою, а Скоттъ поднесъ пастушку̀ нѣсколько денегъ, собранныхъ въ его пользу, вмѣстѣ съ запиской книгопродавца Констэбля о его согласіи издать въ свѣтъ плоды Гогговой музы. Велли Ледло и другіе гости шерифа, съ своей стороны, оказали пастушку̀ всевозможную ласку. Гоггъ развеселился, примѣтивъ, что мистриссъ Скоттъ (въ то время чувствовавшая себя несовсѣмъ здоровою) легла на диванъ и продолжала говорить съ гостями лежа; пастушокъ также растянулся на софѣ съ ногами, думая, что уроки городского обращенія всего лучше брать отъ хозяйки дома. Мебель, только что обитая шолковой матеріей, нѣсколько пострадала отъ подбитыхъ гвоздями башмаковъ Гогга, но это обстоятельство не могло помѣшать общему удовольствію: обѣдъ прошелъ чрезвычайно весело и эттрикскій пастушокъ не уронилъ своей репутаціи: онъ смѣшилъ всю компанію народными присказками и спѣлъ за столомъ нѣсколько пѣсенъ. Хозяина называлъ сперва sherra (шерифъ), потомъ Вальтеромъ, а наконецъ, своимъ милымъ Ватти. Къ концу обѣда и мистриссъ Скоттъ была просто маленькой Шарлоттой. Развеселившагося пастушка̀ отправили домой уже къ ночи, въ сопровожденіи трезваго служителя.

Такая жизнь не могла не понравиться Джемсу Гоггу, а самъ онъ произвелъ замѣчательный, хотя и довольно забавный эффектъ на эдинбургскую публику. Съ появленіемъ въ свѣтъ «Горнаго Барда» (такъ называлось собраніе его стихотвореній, изданное Констэблемъ) извѣстность пастушка̀ распространилась по всей Шотландіи, а въ Эдинбургѣ стали его ласкать и угощать пуще прежняго. Впрочемъ, Гоггъ, при всей своей неотесанности, былъ весьма зорокъ, самолюбивъ и обидчивъ; онъ скоро примѣтилъ, что большинство публики смотритъ на него какъ на забавнаго оригинала, а затѣмъ, не думая смягчать угловатость своихъ пріемовъ, сталъ ссориться съ лицами, смѣявшимися надъ этою угловатостью. Бѣд-

ный пастушокъ, конечно, обратился бы въ городского шута, еслибъ къ нему не подоспѣлъ на помощь Вальтеръ Скоттъ съ своимъ кредитомъ. Онъ убѣдилъ Гогга оставить на время столицу и досталъ ему нѣсколько мѣстъ, одно за другимъ, при разныхъ фермахъ; только неусидчивый постушокъ едва-ли былъ въ состояніи ужиться на какомъ нибудь мѣстѣ. На него находили дни, въ которые онъ забывалъ мѣста и стада, ему поручаемыя: въ эти дни онъ совершалъ нашествія на Эдинбургъ, пилъ, смѣшилъ народъ, ссорился съ друзьями и, до чиста промотавъ все свое имущество, снова возвращался къ баранамъ въ эттрикскій лѣсъ.

Читатель, можетъ быть, помнитъ о двухъ братьяхъ *Беллентейнахъ:* Джемсѣ и Джонѣ, съ которыми Скоттъ подружился во время своего пребыванія въ городѣ Кельсо. Старшій изъ нихъ, въ 1802 году имѣвшій свою типографію въ этомъ небольшомъ городкѣ, издалъ ту книгу, надъ которою другъ его трудился столько лѣтъ и съ такимъ рвеніемъ, именно «Поэзію минестрелей пограничной Шотландіи» (Minstrelsy of the Scotch Border), въ трехъ томахъ, издалъ изящно и чисто, хотя и не роскошно. Первое изданіе, пущенное въ свѣтъ при началѣ 1802 года, въ скромномъ числѣ 800 экземпляровъ, все разошлось къ декабрю, доставивъ Скотту чистаго дохода около 80 фунтовъ стерлинговъ (480 р. с.); второе изданіе разошлось такъ же быстро и дало составителю еще 500 фунтовъ (3000 р. с.), сумму, довольно значительную по тогдашнимъ деньгамъ. Еще четыре изданія той же книги, заключающія въ себѣ около 15 тысячъ экземпляровъ, разошлись до 1820 года. Выборъ пьесъ, ученое значеніе труда и наконецъ безчисленныя, полныя занимательности комментаріи, принадлежащія собственно Скотту и изложенныя съ необыкновенной увлекательностью, сдѣлали изо всей коллекціи трудъ любопытный не для однихъ антикваріевъ. Въ какой-то рецензіи того времени было замѣчено очень справедливо: «Въ книгѣ, принадлежащей мистеру Скотту, видѣнъ зародышъ сотни историческихъ романовъ. Какъ полюбитъ публика того писателя, который соединитъ въ одно цѣлое богатые элементы, раскиданные здѣсь въ такомъ искусительномъ изобиліи!»

VI.

Переѣздъ на эштильскую мызу. — Описаніе Эштиля. — Образъ жизни Скотта. — Труды. — Знакомство съ Мунго-Паркомъ. — Воспоминаніе о великомъ туристѣ. — Отъѣздъ Мунго-Парка. — Свиданіе съ Вордсвортомъ. — Взглядъ на труды и литературныя теоріи Вордсворта; его достоинства и слабыя стороны. — Упрощеніе языка. — Причина неудачъ и насмѣшекъ. — Лекисты. — Пріемъ Скотта своему собрату. — Рыбная ловля. — Процессія въ Джедбургѣ и мельрозское аббатство. — Окончаніе «Пѣсни послѣдняго Менестреля». — Блистательный успѣхъ поэмы. — Краткій ея анализъ. — Отзывы Питта и Фокса.

Небольшое помѣстье Эштиль, съ домомъ и садомъ, принадлежащее двоюродному брату поэта, уѣхавшему въ Индію, осталось свободнымъ со смертью арендовавшаго дворянина, и Скоттъ, осмотрѣвъ его въ подробности, рѣшился въ немъ поселиться съ женою. Эштиль лежитъ весьма близко отъ Селькирка, на самомъ берегу Твида, въ мѣстоположеніи красивомъ и романтическомъ; самая мыза, окруженная холмами, украшена древнимъ садомъ, цвѣтами, террасами и другими сельскими прихотями. Доходы Скотта, не считая случайныхъ литературныхъ выгодъ, въ то время простирались ужь до тысячи фунтовъ стерлинговъ (6,000 р. с.) въ годъ, а небольшое наслѣдство, оставленное ему дядею, капитаномъ Робертомъ Скоттомъ, дало ему возможность устроить и украсить свою резиденцію, какъ слѣдовало человѣку его званія. Лучшее время жизни романиста протекло въ Эштилѣ: тутъ, посреди такъ любимыхъ имъ сельскихъ занятій, въ кругу семейства, богатый друзьями и полный завидной веселостью духа, Вальтеръ Скоттъ встрѣтилъ славу самую громкую, и, причисленный къ разряду первыхъ поэтовъ своего времени, съумѣлъ остаться прежнимъ Вальтеромъ, пріятелемъ всѣхъ даровитыхъ людей и чудаковъ своего округа. Изъ разныхъ замѣтокъ, изданныхъ впослѣдствіи лицами, знавшими поэта въ эти годы, ясно видно, что для каждаго изъ нихъ дни, проведенные въ Эштилѣ, могли назваться днями наслажденій и веселья самаго ребяческаго; образъ жизни хозяина сложился такъ умно и искусно, что онъ могъ веселиться вмѣстѣ съ посѣтителями, не прекращая своихъ ежедневныхъ работъ. Вставалъ Скоттъ постоянно въ пять часовъ утра; если было холодно, самъ топилъ каминъ, потомъ самъ брился и, одѣвшись въ коротенькій охотничій сюртучокъ (халата онъ не любилъ, какъ и всего, что̀ располагаетъ къ лѣности), тотчасъ же садился за свой письменный столъ, около котораго въ стройномъ порядкѣ

находились книги, съ вечера заготовленныя для справокъ *). Жена и дѣти вставали къ десяти часамъ. Позавтракавъ съ ними, Скоттъ работалъ еще часа два и затѣмъ оставался полнымъ хозяиномъ цѣлаго дня, въ ту пору, когда для большей части людей занятія только-что начинаются. Гостей онъ очень любилъ; но если день обходился и безъ посѣтителей, скука оставалась вещью незнакомою и непонятною для Скотта. Передъ обѣдомъ онъ ѣздилъ верхомъ, садилъ цвѣты и подрубалъ деревья, игралъ съ собаками, которыхъ множество находилось и внутри и внѣ дома, а вечеромъ совершалъ большую поѣздку по окрестностямъ; охотился или ловилъ рыбу. Дни дождливые, или очень холодные, составляли, по его выраженію, особенный фондъ для работы: въ теченіе ихъ заготовлялъ онъ экстренный запасъ рукописей, на случай, если какой нибудь день пропадетъ безъ утреннихъ занятій. При началѣ своего пребыванія въ Эштилѣ, Скоттъ ужь имѣлъ на рукахъ три или четыре труда: «Пѣсень послѣдняго Минестреля», большую поэму; еще одну поэму, «Тристремъ», поменьше, и цѣлый рядъ статей для первыхъ книжекъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» **), начавшаго являться, подъ управленіемъ Эссеиста Сидней Смита, съ октября 1802 года. Констэбль, издатель «Обозрѣнія» и Джеффри, одинъ изъ его основателей, а впослѣдствіи главный редакторъ, принадлежали къ разряду лицъ особенно любимыхъ Скоттомъ.

Въ двухъ шагахъ отъ границъ эштильскаго владѣнія, въ началѣ нашего столѣтія проживалъ въ домѣ своего брата, считавшагося однимъ изъ шерифскихъ помощниковъ и, стало-быть, особой, весьма близкою къ эштильскимъ жителямъ, тотъ самый Мунго-Паркъ, который оставилъ извѣстное сочиненіе о земляхъ и народахъ внутренней Африки, два раза совершилъ походъ къ истокамъ рѣки Нигера и впослѣдствіи погибъ жертвою своего ученаго самоотверженія. Мунго-Паркъ, по справедливости, долженъ но-

*) В. Скоттъ сохранялъ обычай, принятый имъ съ молодыхъ лѣтъ, отвѣчать на каждое полученное письмо въ слѣдующее же утро. До окончанія дѣлъ по корреспонденціи онъ не садился работать, а переписка его всегда была огромная. Не смотря на раннее вставанье и аккуратность въ распредѣленіи работъ, быстрота, съ которой Скоттъ издавалъ книгу за книгой, статью за статьею, заключаетъ въ себѣ что-то необыкновенное.

**) Статья «О рыцарскихъ романахъ» (рецензія «Амадиса Гальскаго», Соути), «О шотландской поэзіи» (рецензія Сиббальдова сочиненія объ этомъ предметѣ), «О жизни и трудахъ Чаусера» (рецензія Годвиновой книги), «О старой англійской поэзіи» (рецензія сборника, изд. Эллисомъ) и, наконецъ, «О жизни и трудахъ Чаттертона», по случаю новаго изданія твореній этого несчастнаго поэта.

сить названіе туриста изъ туристовъ, а книга его, нынѣ отчасти забытая, есть тѣмъ неменѣе твореніе замѣчательное въ своемъ родѣ. При началѣ чтенія, Мунго-Парковы записки о первомъ путешествіи *) не могутъ понравиться, особенно въ наше время, обильное щегольскими сочиненіями туристовъ-литераторовъ; но чѣмъ болѣе начинаешь вчитываться въ эти сжатыя страницы, исполненныя простодушія и какой-то особенной скромности, личность самого путешественника выдвигается впередъ и привязываетъ читателя.

Мунго-Паркъ, одинъ совершенно (сопровождавшіе его два негра не захотѣли за нимъ слѣдовать), совершилъ длинное странствованіе по мѣстамъ, въ которыхъ никогда не бывало бѣлаго человѣка; значительная часть этихъ переходовъ совершена была пѣшкомъ, и во время болѣзни. Еще на берегахъ Гамбіи, около поселеній, изрѣдка посѣщаемыхъ европейцами, Мунго-Парку сказали, что онъ погибнетъ, если пойдетъ далѣе; но онъ пошелъ впередъ, безъ малѣйшаго колебанія. Въ песчаной степи онъ остался безъ воды и видѣлъ передъ собою смерть самую ужасную; но, на его счастіе, пошелъ дождь, и Мунго-Паркъ, утоливъ жажду, пошелъ далѣе. Разбойники его ограбили и оставили въ одной рубашкѣ посреди звѣрей и ядовитыхъ насѣкомыхъ; Мунго-Паркъ пошелъ далѣе, безъ коня, безъ одежды и оружія. Полудикое мавританское племя захватило туриста въ плѣнъ, мучило его ежедневно и морило голодомъ; онъ перенесъ всѣ муки и оскорбленія, бѣжалъ; но увидя себя свободнымъ, опять пошелъ далѣе. Наконецъ, онъ увидѣлъ передъ собой Нигеръ — цѣль своего путешествія, и только тогда позволилъ себѣ подумать, что нѣсколько сотъ миль отдѣляютъ его отъ селеній, гдѣ нѣтъ опасности для бѣлаго человѣка. Уже новымъ путемъ, черезъ новыя бѣдствія и опасности, онъ вернулся къ своему исходному пункту, увидалъ друзей, давно ужь считавшихъ его погибшимъ, и вернулся въ Англію, употребивъ на свой подвигъ два года и семь мѣсяцовъ. За всѣ свои дѣла Мунго-Паркъ получилъ, кромѣ славы, награду весьма бѣдную, и попробовавъ исправлять должность медика въ небольшомъ городѣ Гедикѣ, предпочелъ поселиться на родномъ мѣстѣ, около Ярроускихъ Холмовъ. То былъ человѣкъ еще молодой, высокаго роста и атлетическаго сложенія, значительно ослабленнаго трудами и африканскими лихо-

*) Вторая экспедиція Мунго-Парка въ Африку извѣстна только по малому числу отрывковъ изъ его журнала и изустныхъ разсказовъ, собранныхъ послѣдующими путешественниками.

радками, съ худощавымъ и строгимъ лицомъ, на которомъ сила и непреклонность воли изображались яркими чертами. Сельская жизнь и сельское бездѣйствіе ему не нравились; онъ мечталъ о новыхъ экспедиціяхъ и новыхъ открытіяхъ. «Разсказы его (говоритъ Скоттъ) въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Мунго-Паркъ оживлялся и дѣлался разговорчивымъ, могли назваться необыкновенно увлекательными. Одинъ разъ, когда онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько приключеній своихъ въ Африкѣ, приключеній, до того мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, я спросилъ его: почему онъ ихъ не помѣстилъ въ свои «Записки»? Мунго отвѣчалъ почти такъ: «Когда событія, со мной случавшіяся, могли быть переданы публикѣ съ пользой для ней, когда ихъ изложеніе влекло за собой возможно большее распространеніе свѣдѣній о краѣ, я высказывалъ ихъ въ печати смѣло, представляя читателямъ вѣрить или не вѣрить, по своему усмотрѣнію. Но печатать случаи, касавшіеся меня и только меня, я не хочу и не стану: это значило бы безъ нужды колебать довѣріе читателя». Отвѣтъ этотъ, по моему мнѣнію, выражаетъ всего человѣка; и часто съ тѣхъ-поръ думалъ я собрать въ одно цѣлое всѣ разсказы, слышанные мной отъ Мунго-Парка, но удерживался, вспомнивъ его замѣчаніе» *).

---

*) «Мунго-Паркъ (продолжаетъ поэтъ) не любилъ, когда его косвенными вопросами старались наводить на разсказы объ африканскихъ похожденіяхъ, и съ похвалой отзывался о докторѣ Адамѣ Фергюссонѣ, при свиданіи, разложившемъ передъ нимъ карту Африки съ просьбою описать свой походъ по вершкамъ, со всевозможными подробностями. Отъ себя я могу замѣтить одно: лѣта и слава доктора Фергюссона давали ему право на такое любопытство; но простому любителю разспросовъ я бы не посовѣтовалъ возобновлять эту систему съ Мунго.

«Одинъ разъ, не заставъ его дома, я поѣхалъ искать его по берегу рѣчки Ярроу, и скоро открылъ своего африканца за страннымъ занятіемъ. Онъ стоялъ около воды, кидая туда камешки и внимательно слѣдя глазомъ за пузырьками, оттого подымавшимися на поверхности рѣчки. «Вотъ», сказалъ я шутя, «занятіе довольно-пустое для человѣка, видавшаго на своемъ вѣку столько необыкновенныхъ приключеній!» — «Оно не такъ пусто, какъ вамъ кажется», возразилъ Мунго и тутъ же объяснилъ мнѣ, какъ во время своихъ одинокихъ странствованій по Африкѣ онъ узнавалъ глубину рѣкъ, кидая въ воду камни и примѣчая, скоро ли послѣ того поверхность воды покрывается пузырями.

«Онъ безпрестанно думалъ о своей Африкѣ и часто, просыпаясь ночью, воображалъ себя плѣнникомъ въ ставкѣ Али *); но воспоминанія о претерпѣнныхъ ужасахъ ни мало не охлаждали его желанія путешествовать. Когда я однажды ему это замѣтилъ, Мунго сказалъ: «мнѣ противно скучное шатанье по холмамъ Шотландіи и всѣ здѣшніе труды, за которые человѣкъ едва получаетъ возможность держать душу въ тѣлѣ (не умереть съ голода)».

---

*) Такъ назывался предводитель мавровъ, особенно тиранившій Мунго-Парка и всюду таскавшій его съ собою какъ рѣдкій, но достойный посмѣянія и казней предметъ.

Осенью 1804 года, собираясь въ свою вторую, послѣднюю экспедицію, кончившуюся, какъ извѣстно, гибелью всѣхъ лицъ, въ ней участвовавшихъ *), великій путешественникъ ночевалъ въ Эшстилѣ и простился съ его гостепріимными обитателями. Грустное чувство Вальтера Скотта по этому случаю было усилено еще однимъ обстоятельствомъ. Незадолго до того, какъ правительство предложило Мунго-Парку начальство надъ экспедиціею, отправляемою во внутренность Африки, неукротимый туристъ вступилъ въ бракъ съ молодой дѣвушкой, вполнѣ заслужившей его привязанность. Мунго, не имѣя духа передать женѣ вѣсть о необходимой разлукѣ, просилъ Скотта увѣдомить ее, что дѣла задержали его въ Эдинбургѣ, и такимъ образомъ понемногу приготовить ее къ роковому извѣстію. «Я сѣлъ на лошадь и проводилъ Мунго по всей долинѣ, покрытой въ то утро густымъ осеннимъ туманомъ. Вся картина поразила меня, какъ изображеніе опаснаго, сомнительнаго предпріятія, на которое мой спутникъ пускался. Мунго казался твердымъ и непреклоннымъ. Мы доѣхали до мѣста, гдѣ слѣдовало разстаться; тутъ лошадь его оступилась и едва не упала. «Мунго, сказалъ я: не дурная ли это примѣта?» На это отвѣчалъ онъ мнѣ улыбаясь, поговоркой: «Примѣты ходятъ за тѣми, кто имъ вѣритъ!» и, пришпоривъ лошадь, ускакалъ вдоль по дорогѣ **).

Годъ Скоттова переселенія на эшстильскую мызу ознаменовался сближеніемъ двухъ поэтовъ, весьма несходныхъ между собою по духу произведеній, по успѣху и даже по жизни, но постоянно питавшихъ одинъ къ другому взаимное чувство уваженія, ненарушаемое ссорами партій. Вилльямъ Вордсвортъ ***), авторъ лириче-

*) До сихъ поръ подробности о гибели Мунго-Парка не приведены въ ясность. По словамъ однихъ писателей, онъ убитъ дикими племенами на берегахъ рѣки Холибы, или Жолибы; по увѣреніямъ же другихъ, кончина Мунго послѣдовала въ Томбукту отъ лихорадки, или другой эпидемической болѣзни. Журналъ его пропалъ безъ вѣсти, начало же экспедиціи извѣстно изъ первыхъ писемъ Мунго-Парка къ друзьямъ.

**) Братъ Мунго-Парка, Арчибальдъ Паркъ, постоянно оставался другомъ Скотта, и, какъ шерифскій помощникъ, пріобрѣлъ себѣ славу поимкою одного убійцы, защищаемаго цѣлой шайкой цыганъ и грабителей. Вдвоемъ съ нашимъ шерифомъ онъ атаковалъ всю партію и вырвалъ оттуда бездѣльника, послѣ чего вся толпа обратилась въ бѣгство. Арчибальдъ считался едва-ли не первымъ богатыремъ во всемъ графствѣ.

***) При началѣ нашего труда мы рѣшились въ правописаніи собственныхъ именъ не гнаться вполнѣ за англійскимъ произношеніемъ и щадить языки своихъ читателей, тѣмъ болѣе, что совершенно приблизиться къ точному звуку англійскаго

скихъ балладъ и сонетовъ, глава только-что начавшей формироваться школы *озерныхъ поэтовъ* (лекистовъ), совершая путешествіе по Шотландіи вмѣстѣ съ своей сестрою, при началѣ осени посѣтилъ Скоттово уединеніе, пѣшкомъ, какъ слѣдуетъ поэту-лекисту. Впрочемъ, экипажъ ѣхалъ за путниками въ нѣкоторомъ разстояніи. Вордсвортъ въ то время былъ человѣкомъ весьма нестарымъ; задумчивая наружность его могла нравиться, а манеры поэта не успѣли еще очень пострадать вслѣдствіе долгаго произвольнаго затворничества и литературныхъ непріятностей. Со всѣмъ тѣмъ, если мы не ошибаемся (вещь весьма возможная, если сообразить литературную деликатность Скотта и его, можетъ быть, излишнюю неохоту высказывать свои мнѣнія, когда они оказывались невыгодными для его собратовъ-писателей), ни Вордсвортъ, ни его поэзія, ни достопримѣчательныя литературныя теоріи, высказанныя имъ въ предисловіи къ лирическимъ балладамъ, не возбуждали въ будущемъ романистѣ особенно пламеннаго сочувствія. Скоттъ любилъ жизнь, блескъ, веселость и обширный кругъ изящныхъ друзей. Вордсвортъ не только не понималъ жизни безъ книгъ и уединенія, но имѣлъ слабость косо смотрѣть на особъ, нераздѣлявшихъ его убѣжденій. «Искрометная поэзія» Скотта воспѣвала зàмки, пиры, турниры, важные подвиги и страшныя легенды предковъ, золото и сталь, бархатъ и гербы родины, стихомъ мѣткимъ, быстрымъ и увлекательнымъ; муза Вордсворта предпочитала витать около тихихъ озеръ, зеленыхъ кустовъ и отчасти идеальныхъ поселянъ, по большей части наклонныхъ къ философствованію и проливанію слезъ. Для Скотта, человѣка практическаго, литературныя занятія и доходы были, по его выраженію, посохомъ, но отнюдь не костылями; между тѣмъ какъ Вордсвортъ весь отдался своему призванію, не заботясь ни о богатствѣ, ни о будущности семейства; наконецъ, Скоттъ высоко цѣнилъ расположеніе публики и всегда былъ готовъ прилаживаться къ ея вкусу, даже иногда во вредъ своему дарованію, тогда-такъ глубокомысленный пѣвецъ Вестморлендскихъ Озеръ, съ истиннымъ постоянствомъ артиста шелъ своимъ собственнымъ путемъ, наперекоръ враждѣ и насмѣшкамъ свѣта, во многомъ исправляясь, но не от-

---

произношенія не всегда бываетъ возможно. Иные литераторы (и мы сами между-прочимъ) предпочитали писать Уортсуортъ, вмѣсто Вордсвортъ; но если мы возьмемъ въ соображеніе, что и тутъ оба *р* должны быть почти неслышны, оба *о* произнесены крайне-протяжно и послѣднее *т* звучать какъ нѣчто среднее между *с* и *ө*, то убѣдимся, что *Уортсуортъ* все-таки звукъ не англійскій.

ступаясь для популярности отъ своихъ любимыхъ литературныхъ убѣжденій. Къ приведенной здѣсь параллели слѣдуетъ прибавить, что и Скоттъ и Вордсвортъ оба могли назваться людьми весьма добрыми, образованными и повременамъ причудливыми.

Главная прелесть Вордсвортовой поэзіи, которая долго будетъ привлекать къ себѣ читателей задумчивыхъ и глубокомысленныхъ, заключается въ картинности описаній природы, проницательномъ анализѣ впечатлѣній, которыми даритъ насъ уединенная жизнь, въ какой-то невинной мечтательности, и въ заключеніе всего, въ мастерскомъ изображеніи простыхъ и большею-частью жалостныхъ событій изъ народной жизни. Но, чтобъ найти пріятность въ многотомныхъ твореніяхъ Вордсворта, читатель долженъ вооружиться большою терпимостью, немалымъ терпѣніемъ и безпрестанно вспоминать во время чтенія о томъ, что непростительные недостатки изучаемаго поэта уже искупились хорошими страницами: только тогда онъ увидитъ себя въ силахъ одолѣть всѣ длинноты, безпрерывныя поясненія и дополненія, почти заставляющія предполагать, что Вордсвортъ писалъ для несовершеннолѣтнихъ читателей, и пуще всего цѣлые ряды неудачныхъ строкъ и строфъ, производящихъ эффектъ совершенно сходный съ эффектомъ нѣсколькихъ фальшивыхъ нотъ въ концертѣ. Многіе первоклассные поэты бываютъ мѣстами слабы, и Гомеръ, отецъ поэзіи, иногда позволяетъ себѣ вздремнуть; но несчастіе Вордсворта состояло въ томъ, что его слабыя страницы, имѣя совершенный видъ пародій, часто способны возбудить хохотъ въ самомъ безпристрастномъ читателѣ. Совершенно разъединившись съ требованіями и вкусомъ свѣта, совѣтуясь только съ своими поклонниками и, что̀ еще хуже, съ старыми поклонницами, Вордсвортъ безпрестанно позволяетъ себѣ тирады и промахи истинно-ребяческіе. Даже его прекрасныя изображенія природы страдаютъ отъ неизмѣнной, дагерротипической точности рисунка; даже трогательнѣйшія изъ его балладъ испорчены или многословіемъ, или слезливыми амплификаціями, неидущими къ дѣлу, прозаическимъ стихомъ, будто подставленнымъ на смѣхъ злѣйшимъ врагомъ поэта. Вордсворту выпала незавидная доля — подарить публику отрывкомъ изъ неизданной поэмы *), отрывкомъ, состоящимъ изъ двухъ толстыхъ томовъ, писанныхъ бѣлыми стихами! Въ однихъ своихъ сонетахъ, по формѣ своей несовмѣстныхъ съ многословіемъ,

*) The Excursion, a portion of «Recluse».

поэтъ часто являлся поэтомъ истиннымъ; но и тутъ незнаніе мѣры пренесло съ собой грустный плодъ: Вордсвортовы сонеты считаются сотнями и по-временамъ цѣлая сотня относится къ одному и тому же предмету.

Понятно, вслѣдствіе всего сказаннаго, что въ началѣ нашего столѣтія Вордсвортъ не принадлежалъ къ любимцамъ публики. Онъ имѣлъ нѣсколькихъ поклонниковъ, вмѣстѣ съ нимъ подвергнувшихъ насмѣшкамъ со стороны критиковъ и публики. Духъ сатиры и ѣдкой ироніи, господствовавшей въ то время въ великобританскомъ обществѣ и, наконецъ, частью отразившейся въ поэтической личности лорда Байрона, находилъ себѣ обильную пищу въ жизни и трудахъ Вордсворта, а потомъ его друзей и подражателей. Сатирическія газеты нуждались въ новомъ предметѣ для шутокъ, и Вордсвортъ съ своимъ ученымъ уединеніемъ, съ своими многословными стихами, подоспѣлъ во-время. «Эдинбургское Обозрѣніе», тотчасъ же послѣ своего основанія ставшее въ головѣ критическихъ изданій, обладало многими остроумными сотрудниками: Вордсвортъ и лекисты стали ихъ любимою добычею. Поэтовъ, занимавшихся сочиненіемъ пародій, имѣлось весьма много; каждый изъ нихъ счелъ долгомъ терзать Вордсворта и его музу, для потѣхи читателей. Насмѣшки удвоились, когда было замѣчено, что предметъ шутокъ сознаетъ всю ихъ горечь и постоянно готовъ въ шуткѣ видѣть себѣ личное оскорбленіе. И дѣйствительно, если мы станемъ на точку зрѣнія тогдашнихъ литераторовъ и читателей, многія отличныя качества осмѣиваемаго поэта покажутся намъ забавными. Какъ-то странно было, въ вѣкъ обильный войнами, въ эпоху Наполеона и Вилльяма Питта, въ государствѣ, напрягавшемъ всѣ свои силы на борьбу съ ненавистнымъ завоевателемъ, ежечасно ожидавшемъ встрѣтить батальйоны враговъ на своей родной почвѣ — видѣть маленькій кружокъ взрослыхъ мечтателей, поселившихся около озеръ Южной Англіи *) и воспѣвающихъ на сотнѣ страницъ какой нибудь закатъ солнца, журчаніе ручейка, или приключенія слѣпого мальчика, захотѣвшаго кататься по водѣ въ корытѣ, находившемся около берега для удобства бабъ, полоскавшихъ бѣлье. Прошли годы, завоевателя низложили. Лордъ Байронъ очаровалъ публику своей огненной поэзіею; Муръ разсыпалъ передъ ней самоцвѣтные камни ирландской фантазіи; Скоттъ возсоздалъ былыя эпохи и вызвалъ

---

*) Эти знаменитыя озера находятся въ живописномъ округѣ вестморлендскомъ.

изъ мрака старинныхъ героевъ, а лекисты все оставались тѣми же пѣвцами заката солнца и зеленой травки и, сверхъ того, отъ нѣсколькихъ лишнихъ годовъ на плечахъ, сдѣлались сердитѣе и упрямѣе. Насмѣшки удвоились и безжалостная война закипѣла съ обѣихъ сторонъ.

Литературныя теоріи, высказанныя Вордсвортомъ въ своихъ предисловіяхъ и нѣсколькихъ полемическихъ статьяхъ, заслуживаютъ вниманія, не смотря на частныя свои несовершенства, не смотря на то, что даровитый сотрудникъ поэта, Кольриджъ, о которомъ мы будемъ говорить современемъ, самъ опровергалъ идеи своего друга и родственника. Вордсвортъ увѣрялъ, между прочимъ, что въ дѣлѣ поэзіи на свѣтѣ нѣтъ ничего малаго и недостойнаго пѣснопѣній. По его идеѣ, терновый кустъ, птица на дорогѣ, камень, обросшій мхомъ, могли вдохновить поэта такъ же, какъ эти самые предметы вдохновляли великихъ художниковъ живописцевъ. Бытъ самаго необразованнаго класса обиленъ тѣми же страданіями и радостями, какъ и бытъ всѣхъ другихъ классовъ. Совершенство формы искупаетъ бѣдность содержанія, отсутствіе разительной мысли. Природа вообще достойна вдохновлять поэта. Для мыслящаго художника, все его окружающее составляетъ міръ поэзіи: окрестности какого нибудь коттеджа около красиваго озера, могутъ быть воспѣваемы всю жизнь и предметъ пѣснопѣній никогда не истощится. Простота содержанія должна отразиться и въ простотѣ слога; *писать стихи нужно тѣмъ же языкомъ, на которомъ люди говорятъ между собою.*

Таковы были главныя убѣжденія, высказанныя Вордсвортомъ, и важность ихъ содержанія и формы весьма очевидны, особенно, если мы возьмемъ въ соображеніе ту искусственность, которая все еще тяготѣла надъ англійской поэзіей. Поэтъ только привелъ въ систему основанія поэтической реформы, уже начатой Борнсомъ, Креббомъ и отчасти ихъ предшественникомъ Коуперомъ. Но — увы! многія изъ своихъ идей Вордсвортъ высказалъ языкомъ запутаннымъ, да сверхъ того, сообщилъ самимъ теоріямъ достаточно рѣзкости, преувеличенія и исключительности. Доведя многія его умозрѣнія до крайнихъ результатовъ, легко было прійдти къ тому заключенію, что вся блестящая, драматическая, пышная сторона жизни недостойна поэзіи, и что истинный поэтъ обязанъ только изображать камни, поросшіе мхомъ, и слѣпыхъ мальчиковъ въ корытѣ. Тѣмъ же путемъ ревностный поклонникъ лекистскихъ теорій становился совершенно наперекоръ общаго вкуса и признавалъ Скотта, Мура, Китса, Шелли, Байрона поэтами ложной школы,

ослѣпившейся искать вдохновенія внѣ дагерротипныхъ изображеній сельской природы *).

Хуже всего было то, что Вордсвортъ не имѣлъ духа, или не имѣлъ таланта достойнымъ образомъ примѣнить свои теоріи къ дѣлу. Поэтъ субъективный и мечтательный, скорѣе наклонный къ лиризму, нежели къ артистическому безстрастію, такъ необходимому для поэтовъ, желающихъ владѣть перомъ, какъ кистью, онъ почти въ каждомъ стихотворномъ произведеніи опровергаетъ то, что написалъ въ прозѣ. Его любимые герои: пастухи, разнощики, школьные учители и собиратели піявокъ — тѣ же Вордсворты, замаскированные неудачно пригнаннымъ костюмомъ. Сколько поэтъ ни описываетъ каждую заплату на ихъ нарядѣ, какъ онъ, иногда очень неумѣстно, ни силится познакомить читателя съ чувствами, приключеніями, даже дѣтскими воспоминаніями этихъ героевъ, все-таки, вмѣсто поселянъ, читатель видитъ передъ собой не поселянъ, а поэтовъ мечтателей, иногда милыхъ и умныхъ, чаще зараженныхъ духомъ болтовни и педантства. Его пастушки и поселянки говорятъ какъ дочери богатаго квакера, и синій чулокъ безпрестаннаго показывается изъ-подъ ситцеваго ихъ платья. Тонкія, подробныя картины природы, вложенныя въ уста какого нибудь неграмотнаго земледѣльца, поминутно поражаютъ своей неумѣстностью и оттого теряютъ часть своей красоты. Насчетъ языка и предполагаемаго упрощенія слога можно сказать еще болѣе невыгоднаго. Рѣшившись соблюдать тождество между языкомъ стихотворнымъ и языкомъ вседневной рѣчи, Вордсвортъ самъ понялъ невозможность задачи **); но, не имѣя силъ вполнѣ отступиться отъ сказаннаго, добровольно сталъ портить прекраснѣйшіе отрывки строками прозаическими и какъ-будто преднамѣренно пошлыми. Тягостная неровность языка, произведенная скачками подобнаго рода,

*) Большимъ зломъ при спорѣ были жоны, родственницы и поклонницы лекистовъ, дамы, по большей части начитанныя и даже занимавшіяся писаньемъ. Своими сплетнями и женской нетерпимостью раздражая любезныхъ себѣ поэтовъ, онѣ въ то же время возбуждали общее посмѣяніе своею преувеличенной ненавистью къ противникамъ.

**) Кольриджъ, имѣвшій многія достоинства хорошаго критика, опровергнулъ эту теорію весьма удачнымъ образомъ. «Положимъ (говоритъ онъ), что компанія охотниковъ рѣшилась идти въ поле на слѣдующее утро и легла спать. Съ разсвѣтомъ одинъ изъ охотниковъ разбудилъ товарищей, сказавъ: «пора вставать, ужь утро!» Но можетъ ли онъ сказать въ разговорѣ: *пора вставать, занялось розовое утро?* А кажется, что въ эпитетѣ «розовое утро» нѣтъ ничего ложнаго, напыщеннаго и противнаго простотѣ. Разсудите теперь, можетъ ли совпадать разговорный языкъ съ языкомъ поэтическимъ?» *(Coleridge's Biographia Literaria.)*

признана даже друзьями поэта. Англійскій стихотворный языкъ до сихъ поръ весьма цвѣтистъ, допускаетъ метафоры, аллегоріи, сотню словъ, давно изгнанныхъ изъ прозы со всѣми этими особенностями, введенными поэзіей Шекспира. Вордсвортъ, какъ англичанинъ и поклонникъ старыхъ драматурговъ не смѣлъ, да и не думалъ бороться съ ними. Желая согласить двѣ несогласимыя крайности, онъ достигъ только до того, что самъ далъ противъ себя оружіе злѣйшимъ насмѣшникамъ, перепутывая періодъ въ старинномъ духѣ съ фразами простонародными, пошлѣйшія общія мѣста съ возвышенными оборотами рѣчи, и убивая весь результатъ поэтической строфы выраженіями словно подслушанными отъ какой нибудь старой бабы. Но мы будемъ имѣть случай еще говорить о лекистахъ; теперь же поспѣшимъ вернуться къ Вальтеру Скотту. Пріемъ, сдѣланный Вордсворту эшстильскимъ хозяиномъ, оставилъ въ сердцѣ озернаго поэта самое отрадное воспоминаніе. Вальтеръ Скоттъ, какъ сотрудникъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», уже открывшаго свою перепалку съ авторомъ лирическихъ балладъ и его послѣдователями, долгомъ счелъ какъ можно менѣе говорить о литературѣ, а вмѣсто того, представить созерцательнымъ пѣшеходамъ рядъ наслажденій въ ихъ вкусѣ. Послѣ отдыха и обѣда, поэты и дамы ихъ совершили прогулку по берегу рѣки, и когда наступила темнота, приняли участіе въ рыбной ловлѣ, крайне живописной и занимательной. По приказанію шерифа, берегъ Твида покрылся поселянами, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ рукѣ факелъ и длинную палку съ острымъ наконечникомъ. Размѣстившись по разнымъ пунктамъ около воды, они принялись, по ихъ выраженію, жечь воду, то-есть ловить лососей, привлеченныхъ свѣтомъ въ ихъ сторону. Вся трудность заключалась въ томъ, чтобъ избрать себѣ хорошее мѣсто и, завидѣвъ ласося въ глубинѣ прозрачной рѣки, убить его острой палкою: если рыболовъ принималъ глубокую часть рѣки за мель, или ошибался въ ударѣ, то за неудачей слѣдовало паденіе въ воду и общій хохотъ. Самъ Скоттъ едва не принялъ холодной ванны и только помощь сильнаго служителя, ухватившаго его за полу сюртука, спасла шерифа отъ насмѣшекъ. Къ Вордсворту, конечно, приставили двоихъ рыбаковъ, вцѣплявшихся въ его платье при каждомъ ударѣ. Веселое занятіе заключилось роскошнымъ ужиномъ и угощеніемъ для жителей фермы.

На другой день поэты разстались, и Скоттъ, не имѣя времени цѣлые дни бродить пѣшкомъ съ своимъ собратомъ, обѣщалъ встрѣтить его черезъ два дня около аббатства мельрозскаго. «Мы были

очарованы (разсказываетъ Вордсвортъ Локарту) дружескимъ, веселымъ пріемомъ Скотта, его живымъ, анекдотическимъ разговоромъ, его живописными исторійками и отвращеніемъ къ спорамъ всякаго рода, отвращеніемъ, вполнѣ достойнымъ веселаго, доброжелательнаго, свѣтскаго человѣка. Онъ намъ успѣлъ прочитать и сказать на память четыре первые отдѣла «Пѣсни послѣдняго Минестреля», исполненныя картинныхъ описаній. Я былъ пораженъ новостью манеры, пламенною энергіею многихъ стиховъ. «Пока мы шли до Мельроза и за Мельрозомъ, намъ стоило только назвать шерифа— и всѣ двери передъ нами отворялись. Вездѣ его считали другомъ или добрымъ начальникомъ».

Развалины мельрозскаго аббатства, основаннаго королемъ Давидомъ Первымъ (святымъ) и украшеннаго въ свое время пожертвованіями могущественной фамиліи бокклейгской (Боклю), принадлежатъ къ самымъ драгоцѣннымъ памятникамъ готической архитектуры; знаменитость этихъ развалинъ еще болѣе увеличена ихъ мѣстоположеніемъ около Твида и величественныхъ холмовъ гелидонскихъ, прославленныхъ разными легендами и историческими воспоминаніями. Встрѣтивъ своихъ гостей около условленнаго мѣста, Скоттъ показалъ имъ развалины въ подробности, устроилъ въ сосѣдней гостинницѣ ночлегъ съ ужиномъ, а на утро снова оставилъ Вордсворта, имѣя въ эту пору года дѣла по округу. Въ Джеббургѣ поэты опять сошлись, и Скоттъ, снова привѣтствуя туристовъ просилъ ихъ, шутя, не глядѣть на его шествіе въ городскія присутственныя мѣста: само собою разумѣется, запрещеніе тутъ же было нарушено и серьёзный поэтъ озеръ не могъ удержаться отъ смѣха, глядя, какъ, во исполненіе церемоніала, издавна установленнаго въ Шотландіи, Вальтеръ Скоттъ, украшенный шпагой и треугольною шляпою, торжественно выступалъ между народомъ, имѣя впереди трубача, безъ всякой совѣсти дувшаго въ свой испорченный инструментъ. На слѣдующій день, около развалинъ фернигерсткаго зàмка, поэты немного поспорили о природѣ, по поводу того, что Вордсвортъ изъявилъ особенную привязанность къ деревьямъ (какъ извѣстно, Шотландія не богата лѣсомъ). Не пускаясь въ споры, Скоттъ разсказалъ, кàкъ одна изъ близкихъ къ нему, очень умныхъ женщинъ, воспитанная на безлѣсныхъ Оркадскихъ Островахъ, въ виду скалъ и моря, имѣетъ рѣшительное отвращеніе къ виду лѣса и отдѣльныхъ деревьевъ. Затѣмъ, проводивъ туристовъ еще немного, Скоттъ простился съ ними и вернулся къ своимъ очереднымъ занятіямъ.

Поэма, извѣстная подъ названіемъ «Zay of the last Minstrel»

(Пѣснь послѣдняго Минестреля), первая изъ Скоттовыхъ поэмъ, главный трудъ всего описываемаго нами періода его сельской жизни, вышла въ свѣтъ къ самому началу 1805 года. До изданія названнаго произведенія, Скоттъ считался талантливымъ поэтомъ, разсказчикомъ, очень увлекательнымъ, не болѣе; но, съ января 1805 г., онъ безъ споровъ и домогательствъ добылъ себѣ славу одного изъ первыхъ поэтовъ Великобританіи. Менѣе чѣмъ въ два года поэму издали восемь разъ *) и денежныя выгоды, доставленныя ею Скотту **), заставили его смотрѣть съ меньшимъ пренебреженіемъ на доходы литературные.

Лица, незнакомыя съ англійскимъ языкомъ, оцѣнятъ прелесть «Пѣсни Минестреля», какъ и другихъ поэмъ Вальтера Скотта тогда только, какъ появится русскій стихотворный переводъ этихъ произведеній, переводъ, исполненный первоклассньмъ поэтомъ-переводчикомъ, въ родѣ нашего покойнаго Жуковскаго: никакой прозаическій трудъ неспособенъ передать публикѣ понятія о чудномъ стихѣ, о картинныхъ эпизодахъ, которыми изобилуетъ первая поэма Скотта. Содержаніе ея не ново и къ тому еще испорчено введеніемъ въ разсказъ одной легенды, едва-ли интересной кому нибудь, кромѣ шотландца ***); вся исторія вертится на враждѣ и примиреніи двухъ могучихъ фамилій бокклейгской и кранстоунской, примиреніи совершившемся вслѣдствіе того, что молодой лордъ Генри Кранстоунъ, влюбленный въ Маргариту, дочь герцогини бокклейгской, на судѣ Божіемъ инкогнито сражается съ англійскимъ рицаремъ и тѣмъ спасаетъ маленькаго брата своей возлюбленной, единственнаго представителя бокклейгскихъ герцоговъ. Но вся эта простая канва заткана арабесками, достойными удивленія. Жизнь старой феодальной Шотландіи рисуется передъ нами съ обворожительною ясностью; полудикая, воинственная поэзія среднихъ вѣковъ, мастерски схваченная и переданная стихами, вполнѣ достойными своего предмета, видна въ каждой строкѣ, въ каждой фразѣ произведенія. Читатель видитъ передъ собой зàмокъ бранксомскій и его гордую владѣтельницу, окруженную своими рыцарями, посреди приготовленія къ осадѣ; знакомится съ погра-

---

*) Въ числѣ 12,000 экземпляровъ. Всѣхъ экземпляровъ до 1830 года распроданно около 44,000.

**) Около 800 фунт. стерл. (4800 руб. сер.), включая въ то число 100 фунтовъ, поднесенныхъ Скотту книгопродавцами, въ видѣ добровольнаго приношенія за выгоду, ими полученную.

***) О карликѣ изъ гномовъ, или домовыхъ, служившемъ пажомъ у одного рыцаря изъ фамиліи Кранстоуновъ.

ничными мародерами (между ними и съ Ватомъ Гарденскимъ), слышитъ вечернее пѣніе монаховъ въ древнемъ Мельрозѣ, слѣдитъ за ночнымъ переходомъ англійскихъ войскъ, закованныхъ въ желѣзо, присутствуетъ на «Судѣ Божіемъ» — турнирѣ между двумя пѣшими рыцарями, будто самъ сидитъ на обручальномъ пиру, котораго описаніе одно способно доставить Скотту названіе одного изъ величайшихъ художниковъ. Самый рѣзкій недостатокъ всѣхъ старыхъ поэмъ и романовъ изъ рыцарской жизни, безспорно, заключается въ какомъ-то вяло преувеличенномъ изображеніи необыкновенно прекрасныхъ витязей, вѣрныхъ оруженосцовъ, безцвѣтныхъ дамъ и невозможныхъ злодѣевъ; у Скотта, напротивъ того, подъ кольчугами и стальными шлемами видны люди съ дикостью и смѣшными слабостями, съ повѣрьями, пороками и достоинствами того времени. Поэтому Скоттъ въ своихъ поэмахъ новъ какъ нельзя болѣе; его поэтическій восторгъ не мѣшаетъ юмору, а слабость къ старинѣ — прозорливости наблюдателя. Онъ переноситъ читателя въ интимную жизнь предковъ и иногда одинъ его стихъ, одна черта говоритъ болѣе, чѣмъ цѣлое изъисканіе о феодальныхъ нравахъ. Одна изъ полузабавныхъ лицъ поэмы — тощій и широкоплечій лердъ Вальтъ Тинлиппъ, проклиная англичанъ, захватившихъ и предавшихъ пламени его пограничный зàмокъ наивно замѣчаетъ: «пусть демонъ возьметъ ихъ души, *вотъ ужъ больше года, какъ моего дома никто не жегъ!*» Подобнаго же рода черта брошена Скоттомъ при описаніи того, какъ маленькій герцогъ бокклейгскій захваченъ въ лѣсу англійскими рыцарями. При видѣ враговъ, малютка не плачетъ и не просится къ матери, а гордо приказываетъ отпустить себя домой, обѣщая, въ случаѣ непослушанія, «повѣсить непокорныхъ у своего зàмка, въ добычу воронамъ». Такихъ мастерскихъ особенностей множество во всей поэмѣ. Вся поэма замкнута въ другую, маленькую поэму о томъ, какъ послѣдній изъ минестрелей, дряхлый бардъ, воевавшій вмѣстѣ съ герцогомъ монмоутскимъ, получилъ гостепріимство и пріютъ въ домѣ Анны, вдовствующей герцогини бокклейгской и монмоутской. Приходъ стараго пѣвца, его замѣшательство передъ знатной дамой, его напрасныя усилія передъ началомъ давно забытой пѣсни — всѣ эти страницы, принадлежащія къ лучшимъ частямъ поэмы, доставили Скотту одобреніе Питта и Фокса. Вилльямъ Питтъ, разговаривая съ членомъ парламента, Вилльямомъ Дондесомъ, лично знавшимъ Скотта, восхищался стихами, описывающими замѣшательство Минестреля. «Признаюсь вамъ (сказалъ министръ), до сихъ поръ я не признавалъ, что поэзія способна пере-

бить дорогу у живописи. Сцена, описанная Скоттомъ, повидимому, можетъ быть изображена только въ цѣлой картинѣ. Разскажите мнѣ, кто такой Вальтеръ Скоттъ и чѣмъ онъ занимается?» Получивъ требуемыя свѣдѣнія, Питтъ сказалъ своему собесѣднику: «Его нельзя такъ оставить. Позаботьтесь объ этомъ» *). Передъ этимъ министръ хвалилъ «Пѣснь Минестреля» своей племянницѣ, леди Эсѳири Стенгопъ и похвала эта тоже достигла до ушей поэта вмѣстѣ съ отзывомъ Чарльза Фокса. «Я прочелъ Скоттову поэму три раза, говорилъ послѣдній и каждый разъ она казалась мнѣ прекраснѣе и прекраснѣе».

Про Шотландію говорить нѣчего: каждая строка, каждое собственное имя въ поэмѣ говорили каледонскому сердцу. Кто восторгался поэтическими воспоминаніями, кто искалъ въ книгѣ имени своего предка, кто отправлялся глядѣть на мѣсто дѣйствія, на зáмки и развалины, воспѣтые своимъ соотечественникомъ. Число посѣтителей мельрозскаго аббатства возрасло до невѣроятной степени; остатки башень бранксомскихъ, старой резиденціи герцоговъ бокклейгскихъ пріобрѣли себѣ новую славу; восторгъ публики могъ назваться и всеобщимъ и заразительнымъ **).

---

*) Письмо В. Дондеса къ В. Скотту. На письмѣ значится надпись рукой сэра Вальтера: «отъ Вилл. Дондеса, очень радостное письмо».

**) Самый благоразумный и добросовѣстный разборъ «Пѣсни Минестреля» былъ помѣщенъ въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи»; авторомъ его былъ самъ редакторъ, Джеффри. Отдавъ должную дань Скоттову генію и, признавъ его первоклассным поэтомъ, критикъ, не стѣсняясь общимъ восторгомъ и журнальной дружбой, указываетъ на слабость общей басни, неумѣстность этюда съ пажомъ-гномомъ, на нѣкоторые скоттицизмы и небрежность въ отдѣлкѣ многихъ стиховъ — очевидное доказательство слишкомъ быстрой работы. Къ этому Джеффри, небывшій энтузіастомъ относительно феодальныхъ нравовъ, прибавилъ нѣсколько замѣчаній о пристрастіи къ нимъ поэта. Скоттъ сперва было-разсердился, но тотчасъ же подавилъ неудовольствіе и тотчасъ, по выходѣ книжки, дружески отобѣдалъ съ своимъ критикомъ.

Статья Джеффри произвела въ публикѣ сильное впечатлѣніе, подобно всему, чтò только было писано этимъ даровитымъ человѣкомъ. Въ Лондонѣ, на одномъ обѣдѣ, въ присутствіи извѣстнаго намъ Эллиса, какой-то изъ второстепенныхъ поэтовъ того времени захотѣлъ распространить замѣтки эдинбургскаго критика на всю поэму, и принялся осуждать всю «Пѣснь Минестреля». «Сэръ (сказалъ Эллисъ), вы напоминаете мнѣ анекдотъ съ скульпторомъ Фальконетомъ. Этотъ знаменитый художникъ, глядя на лошадь Марка Аврелія въ Капитоліи, сталъ, какъ слѣдуетъ французу, перечислять окружающимъ его друзьямъ всѣ недостатки коня; но вдругъ, посреди исчисленія, понюхалъ табаку и, указывая на модель лошади своего собственнаго издѣлія, сказалъ со вздохомъ: «А между тѣмъ, господа, нужно признаться въ одномъ: эта проклятая, безобразная античная лошадь — живая, а моя лошадь — мертвая лошадь!» (Cependant, messieurs, il faut avouer que cette vilaine bête-la est vivante, et que la mienne est morte!)

VII.

Книгопродавцы и издатели. — Братья Беллентейны, ихъ наружность и качества. — Наполеонъ книжной торговли, Арчибальдъ Констэбль. — Ихъ сношенія съ Скоттомъ. — Работы для «Эдинбургскаго Обозрѣнія». — Изданіе классиковъ и другіе труды. — Изумительная дѣятельность. — Редакція «Эдинбургскаго Обозрѣнія». — Неудовольствія. — Критика Джеффри и статья Брума объ Испаніи. — Джонъ Муррай, книгопродавецъ лондонскій. — Планъ новаго «Обозрѣнія». — Письма къ Эллису и Гиффорду. — Соути. — Горестныя вѣсти изъ Испаніи. — Начало «Трехмѣсячнаго Обозрѣнія» (Quarterly Review). — Отношенія Скотта къ Джеффри и Констэблю. — Скоттъ въ Лондонѣ. — Принцесса валлійская. — Дѣти Скотта.

Появленіе такого талантливаго, дѣятельнаго и въ особенности плодовитаго литератора, какимъ былъ Вальтеръ Скоттъ имѣло вліяніе на ходъ книжной торговли города Эдинбурга. Издатели «Обозрѣній», книгопродавцы и типографщики хорошо понимали, какую обильную дѣятельность обѣщаетъ имъ все болѣе и болѣе развивающаяся любовь публики къ чтенію; а понимая это, давно уже нуждались въ хорошихъ производителяхъ стихотворнаго и прозаическаго товара. Скоттъ, начиная съ 1805 года, былъ заваленъ заказами и вызовами на разныя предпріятія по этой части, и вмѣсто того, чтобы тяготиться ими, изъявлялъ всегдашнюю готовность браться за каждый трудъ, обѣщающій славу и прибыль. По своему многостороннему образованію и способности писать обо всемъ съ любовью, по своей аккуратности и изобрѣтательности, онъ составлялъ рѣзкій контрастъ со многими литераторами своего времени, лишенными практическаго взгляда на свои занятія, причудливыми въ условіяхъ, неровными въ обращеніи, нерадивыми въ дѣлахъ, требующихъ точности. Съ своей стороны, и Скоттъ, зная свои достоинства, желалъ имѣть товарищами и издателями людей надежныхъ, въ случаѣ надобности, готовыхъ дать умный совѣтъ, или придумать дѣльное предпріятіе. Желающихъ сдружиться съ Скоттомъ имѣлось большое число, и выборъ не могъ назваться труднымъ. Два брата Беллентейны, Джемсъ и Джонъ, съ которыми мы сейчасъ познакомимъ читателя, стали союзниками Скотта по типографской части; а обоюдная связь поэта съ этими друзьями дѣтства увеличилась еще его вступленіемъ въ товарищество Беллентейновъ по торговой части. Арчибальдъ Констэбль, издатель «Эдинбургскаго Обозрѣнія» и будущій Наполеонъ книжной торговли, устранилъ соперниковъ по части изданія Скоттовыхъ сочиненій разомъ, предложивъ автору «Пѣсни послѣдняго Министреля» 1,000 гиней (болѣе 6,000 руб. сер.) за новую, еще неначатую поэму. Въ

компаніи этихъ трехъ оригинальныхъ лицъ Скотту пришлось открыть свое плаваніе по литературному морю, видѣть много успѣха и много бѣдствій, извѣдать торжества самыя завидныя и бури самыя тяжкія.

Дружба поэта съ братьями Беллентейнами началась весьма давно, въ школѣ городка Кельсо. Для Скотта личная симпатія вѣчно шла впереди всѣхъ разсчетовъ, и только этимъ чувствомъ можно объяснить его постоянную преданность интересамъ обоихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ старшій, Джемсъ, могъ называться человѣкомъ дѣльнымъ. *Джемсъ Беллентейнъ*, маленькій, коренастый человѣчекъ, съ лицомъ довольно красивымъ, но имѣвшій привычку безпрестанно коверкаться самымъ смѣшнымъ образомъ, обладалъ дѣятельностью, положительнымъ умомъ и природнымъ литературнымъ тактомъ, изощреннымъ еще болѣе вслѣдствіе чтенія и бесѣдъ съ умными людьми. Приговоры его по поводу печатаемыхъ или приносимыхъ на его судъ рукописей, отличались рѣзкостью, лаконизмомъ, но всегда оказывались вѣрными; носъ Джемса, поминутно морщившійся и приходившій въ соприкосновеніе съ верхней губой, чуялъ успѣхъ тамъ, гдѣ его не ждали, и ловко распознавалъ, какое предпріятіе останется безъ успѣха. Онъ любилъ веселость, хорошій столъ, застольныя прибаутки, имѣлъ густой басъ и пріятно пѣлъ разгульныя пѣсни, но, не смотря на то, въ компаніи сохранялъ видъ строгій и будто пасмурный. *Джонъ Беллентейнъ*, похожій на своего старшаго брата, только болѣе приземистый и тощій, не ходившій, а скакавшій какъ сорока, безпутный, лѣнивый, неаккуратный, способный считать себя богачомъ, имѣя долговъ болѣе чѣмъ волосъ на головѣ, Джонъ Беллентейнъ оказывался способнымъ испортить всякое дѣло, раззорить самого себя, въ тоже время думая, что дѣйствуетъ очень разумно. Не смотря на свою молодость, онъ уже нѣсколько разъ оставался безъ куска хлѣба, и выпутывался изъ бѣдъ, при помощи чужихъ плечъ.

Многимъ обязанъ книгопродавцу Арчибальду Констэблю описываемый періодъ великобританской словесности; вліяніе Констэбля, его примѣръ и его планы во многомъ содѣйствовали нынѣшнему развитію книжной торговли, и въ Англіи трудно указать на какое нибудь нововведеніе по этой части, котораго начало не было бы развито и испробовано эдинбургскимъ торговцомъ. Отъ изданія лучшихъ журналовъ до продажи дешевыхъ курсовъ той или другой науки, отъ компактныхъ изданій, до дѣтскихъ книжекъ съ картинками, отъ коллекцій классиковъ до живописныхъ сбор-

никовъ — всюду, гдѣ требовалось улучшеніе, дешевизна, изящество, Констэбль находился или единственнымъ издателемъ, или компаньономъ, или совѣтникомъ. «Эдинбургское Обозрѣніе», лучшій критическій журналъ того времени, основано на деньги Констэбля; много писателей, талантливыхъ и любимыхъ публикой, открыты и пущены въ ходъ Арчибальдомъ, въ короткое время доведшимъ цѣнность литературной собственности до предѣловъ, за которые она не переступила до сихъ поръ, и долго еще не переступитъ. Въ спорахъ о достоинствѣ того или другаго произведенія, Констэбль былъ скроменъ и оставлялъ въ покоѣ знатоковъ дѣла; но тамъ, гдѣ выступала на сцену коммерческая сторона вопроса, являлся упрямымъ и непреклоннымъ. Изъ тысячи предпріятій, говоритъ Локгартъ, затѣянныхъ Констэблемъ, ни одно не оставалось безъ успѣха, если только онъ самъ не бросалъ его безъ вниманія: вещь, случавшаяся довольно часто. Зоркость и ловкость Констэбля не всегда были соединены съ осторожностью, или, лучше сказать, часто онъ самъ, подъ вліяніемъ вѣчнаго успѣха, презиралъ осторожность, какъ качество не для него пригодное. Въ лучшихъ его замыслахъ имѣлось много чисто артистическаго; обдумывая какой нибудь новый, блистательный оборотъ, Констэбль лишался сна, передавалъ свой планъ друзьямъ, и, въ случаѣ опроверженій, предавался порывамъ вспыльчивости, всегда составлявшей одну изъ замѣтнѣйшихъ сторонъ его характера. Вальтера Скотта онъ любилъ очень, но отнюдь не поддавался очарованію, которое поэтъ производилъ на всѣхъ окружающихъ своими душевными и умственными качествами; самая слава будущаго романиста нисколько ни стѣсняла Констэбля въ его замѣткахъ и указаніяхъ. Много разъ, просматривая вещи, писанныя его другомъ съ особенной любовью, книгопродавецъ прямо говорилъ «Это не пойдетъ!» и не отступался отъ своего приговора до тѣхъ поръ, пока Скоттъ не принималъ его замѣтокъ къ свѣдѣнію и исполненію. Чуть Скоттъ сошелся съ Констэблемъ поближе, закипѣла дѣятельность самая многосторонняя. За тысячу гиней, о которыхъ мы говорили, написана была вторая поэма «Марміонъ», также какъ и «Пѣснь Минестреля», основанная на легендахъ феодальной Шотландіи, такая же великолѣпная въ частностяхъ и не совсѣмъ отчетливая въ цѣломъ, также встрѣченная общимъ восторгомъ *). Бездѣлки,

*) Поэма эта, изданная въ началѣ 1808 года, въ первый годъ выдержала два изданія, во второй еще два, и до 1836 года была издана въ числѣ 50,000 экземпляровъ. Слѣдствіемъ такого успѣха произошла кратковременная мода на все сред-

писанныя поэтомъ для отдохновенія въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ, послѣ выпуска въ свѣтъ его первой поэмы, какъ-то: рецензіи новыхъ книгъ — обширная статья объ Оссіанѣ, и два остроумные этюда по поводу разныхъ сочиненій о кухнѣ, поступили въ «Эдинбургское Обозрѣніе». Въ тоже время, по совѣщаніи съ Констэблемъ, Скоттъ предпринялъ трудъ медленный и весьма полезный, въ видѣ красиваго и, по цѣнѣ своей, всѣмъ доступнаго изданія англійскихъ классиковъ, съ комментаріями и біографіями издаваемыхъ поэтовъ. Джонъ Драйденъ, поэтъ плодовитый, но писавшій въ періодъ упадка вкуса, былъ избранъ началомъ трудовъ по этой части; около того же времени Скоттъ получилъ приглашеніе обогатить вновь предпринимаемое изданіе лучшихъ старыхъ романовъ біографіями ихъ авторовъ. Если ко всему этому прибавить первую часть романа *), начатаго между дѣломъ, да еще нѣсколько статей, замѣтокъ и предисловій къ чужимъ книгамъ, то намъ будутъ совершенно понятны его слова, сказанныя, много лѣтъ потомъ, Джону Локгарту: «Да, да! (говорилъ Вальтеръ Скоттъ своему зятю) дѣла имѣлось достаточно, чтобъ разорвать меня на кусочки; но зато я обладалъ какой-то сумасшедшей потребностью работы. Моя кровь кипѣла какъ будто во время лихорадки; я сознавалъ, что могу взяться за все на свѣтѣ и потягаться со всякимъ. Кромѣ того, чрезъ всякій трудъ я или приносилъ удовольствіе публикѣ, или пособлялъ какому нибудь бѣдному собрату изъ числа поэтовъ или ученыхъ людей. Полдюжины представителей

невѣковое и рыцэрское. По словамъ Джеффри, первый годъ со времени появленія «Марміона», свѣтскія дамы и денди только и толковали что о замкахъ, потайныхъ дверяхъ, шлемахъ съ забралами, турнирахъ и гербахъ. Арсеналы древняго оружія и коллекція старинныхъ вещей подобнаго же рода завелись во всѣхъ порядочныхъ домахъ. Но ужь близокъ былъ соперникъ-поэтъ, при появленіи котораго мода на рыцарство не могла долго держаться. Во всякомъ случаѣ, безпримѣрный успѣхъ феодальныхъ поэмъ Скотта основанъ на красотахъ самихъ произведеній; мало того, сказанныя поэмы неоспоримо подготовили публику къ ряду историческихъ романовъ, подаренныхъ ей тѣмъ же писателемъ.

*) «Дойдя до седьмой главы «Ваверлея», я показалъ рукопись одному другу, на «вкусъ котораго всегда надѣялся; но его отзывъ не могъ назваться поощрительнымъ. Имѣя нѣкоторую репутацію, какъ поэтъ я, не желая рисковать ею, я отложилъ въ сторону начатое дѣло безъ всякаго сожалѣнія Хотя судъ моего друга и «не былъ утвержденъ публикою, но это не можетъ служить доказательствомъ «ошибки съ его стороны: онъ читалъ только похожденія моего героя до его отъ«ѣзда въ Шотландію, стало-быть, ту часть романа, которая всѣми признана наименѣе занимательною».

(В. Скоттъ, предисловіе къ полному изданію сочиненій).

Пріятель, отсовѣтовавшій продолжать «Ваверлея», былъ Вилльямъ Эрскинъ.

оборваннаго парнасскаго легіона имѣли въ моемъ домѣ вѣчную работу, собирая матеріалы, компилируя факты, составляя указатели, дѣлая маленькія поѣздки въ ту и другую сторону. Потомъ я долженъ сказать еще одно: розыски, свѣдѣнія, пособія замѣчательныхъ людей моего времени давались мнѣ весьма легко, благодаря моей извѣстности. Слава веселила меня и я смотрѣлъ на нее, будто на красивое перо въ шляпѣ. Всюду, всюду, особенно въ Лондонѣ, куда мнѣ случалось ѣздить по литературнымъ и другимъ дѣламъ, меня встрѣчали съ готовыми объятіями, глядѣли на меня какъ на чудо, и, стало быть, открывали доступъ повсюду. *Извѣстное имя* — это талисманъ въ Лондонѣ. Чѣмъ бы вы ни были знамениты: искусствомъ писать стихи, или рѣзать огурцы; чрезмѣрно огромнымъ, или очень малымъ ростомъ, умѣньемъ играть на театрѣ въ тѣ годы, когда остальныхъ людей сѣкутъ розгами въ школѣ, или школьными занятіями въ тѣ годы, когда остальные люди думаютъ о смерти — вы обладатель талисмана, передъ которымъ всѣ двери отворяются... до тѣхъ поръ, пока общее мнѣніе не признаетъ васъ надоѣдалой, или на ваше мѣсто не явится другой увеселитель публики. При такихъ условіяхъ я могъ и хотѣлъ работать много».

Едва успѣлъ Вальтеръ Скоттъ раздѣлаться съ Джономъ Драйденомъ и приняться за новый трудъ: комментаріи къ трудамъ Джонатана Свифта, какъ вспыхнула ссора между поэтомъ и редакціею «Эдинбургскаго Обозрѣнія», ссора, имѣвшая послѣдствіемъ основаніе новаго журнала, съ успѣхомъ продолжающагося и до нашихъ дней. Главные и лучшіе сотрудники Френсиса Джеффри и самъ Джеффри, почти всѣ были приверженцами Фоксовой политики, между тѣмъ, какъ Скоттъ принадлежалъ къ торіямъ и единомышленникамъ Вилльяма Питта. Дѣла «Обозрѣнія», первые два года, съ его основанія, находились въ рукахъ доктора богословія Сиднея Смита, писателя, соединявшаго ученость съ природными дарованіями и, сверхъ того, остроуміе самое оригинальное. Сидней Смитъ первый водворилъ правильность въ веденіи тогда еще новаго журнальнаго дѣла и назначилъ за статьи постоянную и опредѣленную цѣну. По идеѣ Смита, критическому журналу не слѣдовало посвящать много страницъ политикѣ; но съ этимъ рѣшеніемъ не могъ согласиться его другъ и товарищъ Джеффри, постоянно говорившій одно: «Наше Обозрѣніе» стоитъ на двухъ ногахъ: *правою* должна быть политика, *лѣвою* — словесность». Большинство людей, въ то время работавшихъ для извѣстнаго журнала, скорѣе склонялось на сторону Джеффри, по своей молодости и горячности нрава. Войны съ Фран-

щею, смерть Питта, кратковременное министерство Фокса и вообще бурное положение европейскихъ дѣлъ не мало содѣйствовали къ тому, что нумера «Обозрѣнія», имѣвшіе въ себѣ статьи о внѣшней и внутренней политикѣ, стали расходиться быстрѣе другихъ нумеровъ. Пользуясь этими обстоятельствами, Джеффри умѣлъ придать всему изданію характеръ отчасти рѣзкій и во многомъ пристрастный. Скоттъ и его товарищи по убѣжденіямъ особенно раздражались тѣмъ, что «Эдинбургское Обозрѣніе» снисходительно смотрѣло на завоеванія ненавистнаго англичанамъ Наполеона Бонапарте. Крайне неумѣстны были подобныя миролюбивыя выходки въ ту эпоху, когда все государство напрягало свои силы и боролось съ гордымъ завоевателемъ; извѣстно также, въ какой степени невѣрными оказались предсказанія виговъ насчетъ результата борьбы. Огромное большинство находилось на сторонѣ Питта и его преемниковъ, цѣлью которыхъ было низложеніе Бонапарта. Тысячи вопросовъ второстепенныхъ, примѣшиваясь къ этимъ главнымъ, здѣсь очерченнымъ вопросамъ, питая скрытое несогласіе между Скоттомъ и его товарищами «Эдинбургскаго Обозрѣнія», наконецъ подали поводъ къ разрыву, невознаградимому.

Ужь въ Джеффріевой рецензіи на «Пѣснь Минестреля» можно подсмотрѣть начало обоюдныхъ неудовольствій; рецензія его же, по поводу второй поэмы Скотта, превосходная въ практическомъ отношеніи, заключаетъ въ себѣ еще болѣе аллюзій по поводу пристрастія нашего поэта ко всему старинному и феодальному *). Будто забывая, что поэзія рыцарскихъ временъ съ давняго времени способна вдохновлять поэтовъ, рецензентъ упрекаетъ Скотта, какъ литератора, тратящаго свой высокій талантъ на пустяки, интересные для малаго кружка антикваріевъ. «Въ наше время (прибавляетъ онъ) также странно сочинять рыцарскую поэму, какъ,

*) Лордъ Джеффри, постоянно любимый Скоттомъ, привязанный къ нему въ теченіе всей своей жизни, самъ даетъ нѣсколько свѣдѣній о томъ, подъ вліяніемъ какихъ воспоминаній писалъ онъ эти замѣтки. Во время министерства Фокса и Гренвилля послѣдовалъ рядъ постановленій, уничтожавшихъ нѣсколько (впрочемъ, весьма незначительныхъ) привилегій, которыми шотландскіе суды пользовались съ незапамятныхъ временъ. Эти мѣры, показывавшія въ министерствѣ виговъ желаніе уравнять судебныя установленія Шотландіи съ англійскими, огорчали Скотта. Джеффри и два его пріятеля встрѣтили поэта на улицѣ тотчасъ послѣ рѣчи, сказанной имъ въ факультетѣ адвокатовъ по этому случаю, и замѣтя волненіе Скотта, хотѣли развлечь его, дружески подшучивая надъ его страстью ко всему, что только напоминало старую Шотландію. «Не смѣйтесь, господа», отвѣчалъ Скоттъ дрожащимъ голосомъ: «не трогайте мелочей, чтобъ не повредить старой Шотландіи въ важныхъ дѣлахъ». Тутъ мы увидѣли, говоритъ Джеффри, слезы на его щекахъ.

инженеръ, строитъ себѣ домъ, въ видѣ аббатства, или индійской пагоды. Еще первый опытъ въ такомъ родѣ можетъ быть извиненъ, какъ милый капризъ генія; но упорное слѣдованіе по одному и тому же пути, налагаетъ на критика обязанность отвлечь поэта отъ труда безполезнаго и неблагодарнаго». Само собою разумѣется, что вышеприведенныя жосткія мысли смягчались, какъ заслуженной похвалой частностямъ, такъ и отрывками изъ самыхъ лучшихъ частей «Марміона».

Рецензія эта, безъ сомнѣнія, не могла доставить Скотту большого удовольствія; но, цѣня Джеффри, какъ пріятеля, и по своимъ обширнымъ занятіямъ не имѣя времени слишкомъ принимать къ сердцу каждую журнальную строчку, поэтъ продолжалъ прежнія сношенія съ редакторомъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія». Правда, наивная мистриссъ Скоттъ не упустила случая сказать Джеффри, во время обѣда, на изломанномъ англійскомъ языкѣ: «Говорятъ, мистеръ Джеффри, что вы очень выбранили Скотта въ журналѣ; вѣрно мистеръ Констэбль вамъ много далъ за это денегъ»; но эта выходка принята была какъ шутка и разсказывалась всѣмъ, какъ шутка. Главная причина разрыва послѣдовала 1808 г., когда въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи» появилась статья мистера Брума (впослѣдствіи лорда) о испанскихъ дѣлахъ и политикѣ французскаго императора. Прочитавъ названный этюдъ, явно поперечившій общему мнѣнію, требовавшему войны за Испанію, Скоттъ немедленно написалъ Констэблю записку, въ которой просилъ не присылать къ себѣ нумеровъ, слѣдовавшихъ ему по подпискѣ. «Получивъ ее, книгопродавецъ тутъ же вычеркнулъ своего друга изъ списка абонентовъ, а затѣмъ прекратилъ съ нимъ (на время) всѣ литературныя сношенія.

Послѣдствія здѣсь описанной размолвки оказались, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма выгодными для англійской публики, да еще для одного ловкаго книгопродавца, менѣе талантливаго, чѣмъ Констэбль, но болѣе аккуратнаго и потому болѣе счастливаго. Джонъ Муррай, лондонскій торговецъ (впослѣдствіи издатель Байроновыхъ твореній и другъ этого поэта), свѣдавъ о несогласіяхъ между Скоттомъ и партіей «Эдинбургскаго Обозрѣнія», самъ явился въ Эштиль, заказалъ хозяину нѣсколько біографій и другихъ трудовъ, по его усмотрѣнію, а потомъ навелъ его на мысль объ изданіи другаго «Обозрѣнія», лондонскаго, въ конкурренцію съ эдинбургскимъ. О томъ, какъ дѣятельно ухватился Скоттъ за эту идею, какъ быстро сформировались въ его головѣ планы и подробности по изданію, мы много распространяться не будемъ, предпочитая

представить несколько занимательных отрывков изъ писемъ поэта къ его лондонскимъ пріятелямъ.

«Ранѣе Мурраеваго визита, я совѣтовался съ лордомъ-адвокатомъ Шотландіи *), касательно мѣръ противъ вліянія «Эдинбургскаго Обозрѣнія» на публику. Девятнадцать двадцатыхъ изъ числа жителей нашего Эдинбурга не раздѣляютъ мнѣній изданія, безпрестанно восхваляющаго политику Наполеона и утверждающаго, что самый невыгодный міръ съ Франціей лучше, нежели война съ непобѣдимымъ соперникомъ. Неужели наши мнѣнія, мнѣнія истинныхъ британцевъ не найдутъ себѣ достойнаго органа? Неужели наши противники изъ-за одного молчанія нашего, будутъ продолжать свои успѣхи и пріобрѣтать новыхъ единомышленниковъ? Времени много пропущено; но лучше начать дѣйствовать поздно, нежели сидѣть сложа руки.

«Я снесся съ Гиффордомъ и онъ готовъ принять на себя должность редактора. Самъ я обѣщаю сколько угодно статей на первые нумера. Насчетъ другихъ сотрудниковъ... неужели ваша Англія уступитъ Шотландіи? Развѣ у васъ нѣтъ Мальтуса, братьевъ Гиберовъ, Матіаса, наконецъ, Каннинга, который, по своей высокой должности и связямъ со всѣми министрами, будетъ атлантомъ изданія? Еслибъ еще можно было его уговорить къ сотрудничеству — мы имѣли бы геркулеса. Что̀ стоитъ ему только одинъ разъ отказаться отъ министерскаго обѣда, откушать въ три часа у себя (откушать скромно — ничего, кромѣ цыплятъ и кружки вина) и, сѣвши за перо, заложить основаніе хорошей статейкѣ, хоть бы, напримѣръ, въ защиту бѣдной Испаніи! Соути **) я, года

*) Лордъ-адвокатомъ былъ тогда Джонъ Кольгунъ, родственникъ Скотта.

**) Робертъ Соути, другъ и школьный товарищъ Вордсворта, по нѣкоторымъ изъ своихъ твореній относимый къ школѣ лекистовъ, авторъ множества произведеній, изъ которыхъ лучшими считаются въ прозѣ «Жизнь Нельсона» и «Исторія Бразиліи», а въ стихахъ поэмы «Мадокъ», «Кегама» и «Родригъ, послѣдній изъ готеовъ». Слава Соути, какъ прозаика, неоспорима; но какъ поэтъ, онъ еще ожидаетъ окончательнаго приговора. Поэмы его намъ кажутся многословными и тяжелыми, а содержаніе ихъ, взятое изъ отдаленной древности, или исторія полудикихъ народовъ, отзывается вдохновеніемъ болѣе книжнымъ, чѣмъ естественнымъ. Какъ эссейистъ, Соути заслуживаетъ великихъ похвалъ: его страшная начитанность, соединенная съ знаніемъ множества языковъ, придаетъ особенный интересъ даже самымъ пустымъ его статейкамъ. Статьи Соути, касающіяся политическихъ наукъ, къ сожалѣнію, затемнены въ одно время и нетерпимостью и шаткостью убѣжденій — недостатками, доставившими автору много враговъ. Какъ человѣкъ, Соути отличался добрымъ нравомъ и тихою жизнью, исключительно посвященной труду. Онъ имѣлъ, при своемъ маломъ достаткѣ, едвали не великолѣпнѣйшую изъ част-

съ три назадъ, предлагалъ работать для «Эдинбургскаго Обозрѣнія», но онъ отказался, единственно по причинѣ разности въ убѣжденіяхъ; для насъ онъ станетъ работать тѣмъ охотнѣе, что, при его небогатомъ положеніи, гиней сотня въ годъ не будетъ ему лишнею... Правда, «Эдинбургское Обозрѣніе» расходится иногда въ числѣ 9,000 нумеровъ; правда, Джеффри человѣкъ, способный писать прекрасно; но вы знаете пѣсню: генералъ Гоу храбрый человѣкъ, однако, есть генералы и кромѣ Гоу...»

(Письмо къ Джорджу Эллису).

«Успѣхъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», по моему мнѣнію, имѣетъ причиной два условія: 1) совершенную независимость изданія отъ вліянія книгопродавцовъ, которые умѣли сдѣлать изъ всѣхъ періодическихъ изданій нѣчто въ родѣ пособій сбыту своихъ книгъ и 2) постоянную плату за статьи.

«Обязанности редактора трудны и многосложны. Мнѣ кажется, что, взявшись издавать по книжкѣ въ мѣсяцъ, мы не справимся: откуда набрать предметы для статей? Лучше всего, чтобъ нумеръ являлся каждые три мѣсяца; все изданіе можетъ быть названо «Англійскимъ Обозрѣніемъ» или «Трехмѣсячнымъ Обозрѣніемъ». Напрасно вы, какъ редакторъ, не хотите работать сами; но, впрочемъ, занятіе вамъ найдется: у васъ будутъ рукописи, доставленныя молодыми, неопытными писателями, слишкомъ длинныя или слишкомъ короткія для журнала; вы, конечно, будете имѣть и охоту и право исправлять ихъ, подкладывая соль и перецъ въ чужое блюдо. Свирѣпыхъ и азартныхъ статей нужно избѣгать; вѣжливость прежде всего, а потомъ холодное опроверженіе, шутка довольно ѣдкая — вотъ что̀ болѣе всего поразитъ нашихъ противниковъ...»

(Письмо къ В. Гиффорду).

«13-го декабря 1809 года, вѣсти о разбитіи испанцевъ подъ Сомосьеррою дошли до Шотландіи; вслѣдъ за этимъ ужаснымъ извѣстіемъ прибыло другое: о взятіи Мадрида французами. Никогда еще международная ненависть англичанъ и ихъ сосѣдей не достигала такого кризиса: рѣдкій изъ англичанъ не пылалъ злобой и мщеніемъ. Письма Скотта за это время проникнуты, то скорбью,

---

ныхъ библіотекъ во всей Англіи, работалъ въ день болѣе двѣнадцати часовъ и, изнуривъ себя такою работою, послѣдніе годы жизни впалъ въ умственное разслабленіе. Соути важенъ еще въ свой періодъ, какъ лучшій изъ немногаго числа тогдашнихъ знатоковъ испанской и португальской словесности.

то воинственнымъ духомъ; въ одномъ изъ нихъ заключается, какъ бы восторженное восклицаніе: «Веллеслея *) надо впередъ: Веллеслею нужно идти въ Испанію!» Понятно, что въ такой періодъ и слѣдовало открыть журналъ, способный высказать патріотическія идеи, завладѣть расположеніемъ читателей и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать новой борьбѣ съ Наполеономъ.

«Трехмѣсячное Обозрѣніе» (Quarterly Review) появилось въ это самое время, и съ разу пріобрѣло себѣ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Гиффордъ, принявшій на себя, какъ мы видѣли, обязанность редактора, показалъ себя человѣкомъ чрезвычайно ловкимъ и прозорливымъ. Не смотря на всѣ совѣты, на всѣ искушенія, онъ не захотѣлъ для временной популярности жертвовать дальнѣйшимъ успѣхомъ «Обозрѣнія»; оттого первые нумера изданія не имѣли въ себѣ ничего похожаго на памфлетъ. Политическія статьи, малыя числомъ, отличались, какъ приличіемъ, такъ и фундаментальностью; сторона литературная и вѣчно занимательная стояла на первомъ планѣ. Скоттъ хорошо понялъ мысль своего друга и содѣйствовалъ ей со всѣмъ рвеніемъ своей натуры: первая книжка «Обозрѣнія» вмѣщала въ себѣ *три* его рецензіи: «Борисовыхъ посмертныхъ твореній», «Хроники о сидѣ Кампеадорѣ» и «Керровой поѣздки въ Шотландію».

Констэбль, не взирая на ущербъ, причиненный Скоттомъ и Мурраемъ его интересамъ, вскорѣ послѣ появленія «Quarterly», написалъ поэту вѣжливое письмо, въ которомъ просилъ о продолженіи торговаго товарищества **), между тѣмъ, какъ Джеффри, вовсе неимѣвшій матеріальныхъ причинъ, особенно дорожить сношеніями съ своимъ бывшимъ сотрудникомъ, часто сходился съ авторомъ «Марміона», хотя удерживался отъ посѣщеній Скоттова дома, опасаясь новыхъ дѣтскихъ выходокъ со стороны простодушной хозяйки. «Изъ всѣхъ вашихъ лондонскихъ сверстниковъ (шутя говаривалъ поэту редакторъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія»), мнѣ страшны только четверо. — Скоттъ. Ктожь эти четверо? — Джеффри. Во-первыхъ, какой-то мистеръ Скоттъ. — Скоттъ. Благодарю за комплиментъ и постараюсь, чтобъ онъ сказанъ

*) Читателю извѣстно, что герцогъ Артуръ Веллингтонъ въ то время носилъ фамилію лорда Веллеслея (Wellesley).

**) Въ это время Джонъ Беллентейнъ, при помощи Скотта, открылъ въ Эдинбургѣ книжную лавку, и поэтъ, желая его поддержать, не могъ тотчасъ же согласиться на предложенія Констэбля. Тѣмъ не менѣе онъ просилъ Арчибальда руководить новаго книгопродавца своими совѣтами, а Констэбль поспѣшилъ исполнить его желаніе.

былъ незапрасно. — **Джеффри.** Пожалуйста, Скоттъ, не бранитесь со мной очень. — **Скоттъ.** Васъ я люблю, а политикѣ вашей не будетъ пощады. — **Джеффри.** Не вы зачинщикъ, а потому вамъ дается право быть свирѣпымъ. — **Скоттъ.** Не хочу я этого права. Кто ваши остальные соперники изъ числа четырехъ? — **Джеффри.** Джорди Эллисъ и Соути; четвертаго не назову». Вѣроятно, онъ разумѣлъ Каннинга. Въ этомъ же разговорѣ Джеффри просилъ Скотта снова помѣщать свои статьи въ его изданіи, обѣщаясь, въ такомъ случаѣ, не печатать никакихъ статей, относящихся до политики, но, должно быть, обѣщаніе принадлежало къ числу шутокъ *).

Послѣ нѣсколькихъ перебранокъ и многихъ обоюдныхъ заблужденій, оба «Обозрѣнія», Эдинбургское и Трехмѣсячное, раздѣлили между собою репутацію главныхъ (leoding) журналовъ, стали на прочной ногѣ, во многомъ усовершенствовались, во многомъ испортились и за тѣмъ продолжаютъ свое существованіе до нашихъ дней, не смотря ни на какую конкурренцію.

«Вскорѣ послѣ разрыва Вальтера Скотта съ редакціею «Эдинбургскаго Обозрѣнія», разсказываетъ одинъ изъ друзей Локгарта, жившій въ компаніи извѣстнѣйшихъ людей своего времени, я провелъ пріятнѣйшій вечеръ въ компаніи двухъ величайшихъ *львовъ* Эдинбурга, то есть Скотта и Френсиса Джеффри. Мы вмѣстѣ обѣдали въ одномъ домѣ и болтали до поздней ночи о тысячи вещей по части литературы, старинныхъ обычаевъ и настоящихъ дѣлъ. Краснорѣчіе Джеффри, его остроуміе, обиліе свѣдѣній и быстрая увлекательность разговора дѣлали его обворожительнымъ собесѣдникомъ. Скоттъ поминутно вызывалъ его на споръ, спорилъ самъ и по этому случаю выказывалъ такой же, если не бо́льшій запасъ свѣдѣній, соединенный съ горячимъ сочувствіемъ ко всему доброму и полезному. Въ разговорѣ, относительно литературы, особенно поражало то, что Джеффри вѣчно забавлялъ насъ исторіями о книжныхъ промахахъ, авторскихъ странностяхъ и нелѣпостяхъ, между тѣмъ, какъ его соперникъ во всякомъ сочиненіи, во всякомъ писателѣ, о которыхъ говорилось, открывалъ что нибудь хорошее и достойное вниманія. Въ это время Джеффри работалъ вмѣстѣ съ Смитомъ, Брумомъ, Гернеромъ, Плайфеиромъ и другими замѣчательными людьми; но, не смотря на то, всюду искалъ новыхъ сотрудни-

*) Этотъ анекдотъ переданъ Локгартомъ во второмъ томѣ Скоттовой жизни; но съ тѣхъ поръ Джеффри его опровергнулъ въ предисловіи къ полному собранію своихъ сочиненій.

ковъ; завоевывать его сердце было всего легче съ помощью остроумія и способности къ шуткамъ. Кто умѣлъ острить и съ талантомъ цыганить всякаго, тому страницы «Обозрѣнія» торжественно открывались. Вечеромъ Скоттъ шутилъ надъ этой слабостью Джеффри и приписывалъ ей обиліе задорныхъ статей въ журналѣ; Джеффри же отвѣчалъ шутя, что не имѣетъ силы идти противъ остроумія. За стаканомъ кларета, редакторъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», чтобъ поддразнить Скотта, сталъ хвалить своихъ товарищей, особенно Смита, Брума и Гернера. «Подите вы!» (сказалъ на это поэтъ) «Смита и даже Брума я вамъ оставляю; но вашъ Гернеръ похожъ на безплоднаго быка въ Тристрамѣ Шэнди, котораго кормили за то, что онъ ходилъ по лугу съ важнымъ видомъ!» Веселая эта шутка возбудила общій хохотъ».

Не меньшимъ дружествомъ отличались Скоттовы отношенія къ тогдашнимъ государственнымъ людямъ: его поѣздка въ Лондонъ, во время министерства Фокса, во многомъ содѣйствовала избавленію поэта отъ многихъ предубѣжденій, полученныхъ имъ въ Эдинбургѣ, гдѣ всякій споръ между лицами, принимавшими участіе въ городскомъ или областномъ управленіи, вѣчно отличался жосткостью, достойной временъ грубой старой Шотландіи. Въ столицѣ Великобританіи, напротивъ, каждое значительное лицо, безъ различія мнѣній, оказывало всевозможныя ласки пѣвцу «Послѣдняго Минестреля», а министры, узнавъ, что шотландскій поэтъ хлопочетъ о мѣстѣ одного изъ производителей дѣлъ въ эдинбургской судебной палатѣ (Clerk of the Session), поспѣшили доложить просьбу королю и увѣдомить Скотта о счастливомъ исходѣ дѣла. Во время этой же поѣздки, «шотландскаго льва» представили принцессѣ Каролинѣ, супругѣ наслѣдника престола, сохранявшей ту обворожительную веселость характера, которою она славилась, бывъ еще принцессою брауншвейгскою. Въ ея блекгетскомъ дворцѣ Скоттъ часто обѣдывалъ и проводилъ цѣлые вечера, читая стихи и разсказывая шотландскія сказочки, за что̀ принцесса наградила его титуломъ «своего вѣрнаго трубадура». Въ теченіе своихъ бесѣдъ съ ея высочествомъ, каледонскій поэтъ успѣлъ выхлопотать пособіе пастушку этрикkскому, предварительно познакомивъ принцессу съ его лучшими произведеніями *).

Вновь полученное мѣсто окончательно избавило Скотта отъ

*) Въ воспоминаніе этихъ вечеровъ, принцесса Каролина валлійская, по прочтеніи первыхъ пѣсенъ «Марміона» въ рукописи, препроводила въ Шотландію, на имя Скотта, большую серебряную вазу старинной работы.

хлопотъ, сопряженныхъ съ адвокатскими занятіями, увеличило его доходы, но обязало его проживать въ Эдинбургѣ шесть мѣсяцовъ въ годъ, во время судебныхъ засѣданій. Самыя занятія по мѣсту состояли въ веденіи протоколовъ засѣданій и другихъ работъ въ такомъ же родѣ, по большей части передаваемыхъ прежними производителями дѣлъ на руки младшимъ чиновникамъ; но Вальтеръ Скоттъ имѣлъ слишкомъ много деликатности, чтобъ получать жалованье за чужой трудъ: благодаря своей привычкѣ работать скоро, онъ дошелъ до возможности въ какой нибудь часъ времени исправлять всю должность въ совершенномъ порядкѣ и, вслѣдствіе того, посвящать остальное время на литературные труды.

За всѣ эти годы домъ Вальтера Скотта какъ въ Эштилѣ, такъ и въ Эдинбургѣ, могъ назваться постояннымъ пріютомъ дружбы и семейнаго счастья. Въ 1808 году поэтъ имѣлъ ужь четырехъ дѣтей: Софію, Вальтера, Анну и Карла; такъ какъ старшей дочери еще не минуло десяти лѣтъ, то поэтъ неслишкомъ много занимался воспитаніемъ своего юношества. Отъ дѣтей требовалось только, чтобъ они не дичились, не боялись лошадей и большихъ собакъ, плакали какъ можно менѣе и *всегда говорили правду*. Дѣти всегда сидѣли за общимъ столомъ, учили наизустъ старинныя баллады, обязаны были знать всѣ тропинки и развалины, посѣщаемыя во время общихъ прогулокъ, и, вмѣстѣ съ собаками и домашнимъ сѣрымъ котомъ, имѣли право всегда входить въ кабинетъ безъ доклада и играть тамъ, какъ бы отецъ ни былъ занятъ. Софія и Вальтеръ учились ѣздить верхомъ, и тотъ день, въ который они начали сами держаться на маленькихъ лошадкахъ, ознаменовался общей семейной радостью. Черезъ годъ, или два, Вальтеръ убилъ изъ ружья дикую утку. «Это событіе (пишетъ Скоттъ къ своему другу Морриту), обрадовало меня столько же, какъ успѣхъ какой нибудь моей книги» *).

---

*) В. Скоттъ долго не давалъ дѣтямъ въ руки своихъ сочиненій. Софіѣ Скоттъ ужь было около 12 лѣтъ, когда Джемсъ Беллентейнъ спросилъ ее, читала ли она поэму подъ названіемъ «Дѣва Озера», что̀ такъ хорошо продается въ его лавкѣ? «Нѣтъ», отвѣчала дѣвочка: «папа̀ не даетъ намъ своихъ стиховъ, потому что они очень плохи, а дѣтямъ не слѣдуетъ читать плохихъ стиховъ». Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что мальчики видѣли книгу «Дѣва Озера», будто бы съ именемъ Вальтера Скотта. Одинъ изъ гостей, желая удостовѣриться, точно ли ребенокъ не имѣетъ понятія о славѣ своего отца, спросилъ Вальтера: «Какъ ты думаешь, Ватти, за что̀ твоего отца такъ всѣ хвалятъ и почитаютъ больше, чѣмъ другихъ твоихъ родственниковъ?» Мальчикъ, подумавъ нѣсколько времени, отвѣчалъ: «За то, что онъ всегда первый видитъ подъ кустомъ зайца».

VIII.

«Дѣва Озера». — Предостереженія со стороны друзей. — Лердъ, пристрастный къ охотѣ. — Успѣхъ новой поэмы. — Байронова сатира. — Дѣла Байрона съ «Эдинбургскимъ Обозрѣніемъ». — Вліяніе Байроновой поэзіи на труды и успѣхи Скотта. — Сближеніе двухъ поэтовъ. — Письма Скотта и Байрона. — Принцъ-регентъ; его отзывы о Скоттѣ. — Свиданіе Скотта съ Байрономъ. — Замѣтки Скотта. — Байронъ, его поэтическій талантъ, веселость, пороки и странности. — Взаимные дары. — Послѣднее свиданіе. — «Рокби»; достоинства и недостатки поэмы. — Популярность Байрона вредитъ успѣхамъ Скотта. — Денежныя дѣла. — Покупка Абботсфорда; описаніе имѣнія.

Третья поэма Вальтера Скотта, извѣстная подъ названіемъ «Дѣвы Озера», явилась въ свѣтъ лѣтомъ 1810 года *). «Въ то время, когда я трудился надъ этою поэмою (разсказываетъ самъ ея авторъ) въ Эштилѣ проживала старая пріятельница нашего семейства, моя тётка миссъ Ротерфордъ, ровесница мнѣ по годамъ и сестра по всему остальному. Нѣсколько разъ спрашивала она меня: почему я встаю такъ рано, и, узнавъ о существованіи новаго стихотворнаго произведенія, нѣсколько огорчилась. «Добрый другъ», сказала она мнѣ, «Бога-ради не рискуй съизнова. Ты самъ еще невполнѣ знаешь сколько ты извѣстенъ: повѣрь мнѣ, въ твоемъ положеніи неудача будетъ ужасна. Не лѣзь выше, чтобъ не свалиться». Я отвѣчалъ ей словами Монтроза:

Боится тотъ своей судьбы,
Иль крови не имѣетъ,
Кто уклонился отъ борьбы
И вдаль идти не смѣетъ!

«Сверхъ того», прибавилъ я, «нужно сдѣлать рѣшительный опытъ. Если онъ не удастся, нужно покориться и всю жизнь писать прозой: это меня не огорчитъ и не испортитъ моего аппетита».

«Вообще нужно признаться (продолжаетъ Скоттъ), я не былъ спокоенъ на счетъ успѣха. Многимъ изъ слушателей мои отрывки несовсѣмъ нравились. Не могу забыть, между прочимъ, какъ одинъ изъ друзей охолодилъ мой восторгъ на самомъ эффектномъ мѣстѣ крайне-оригинальнымъ замѣчаніемъ. Этотъ другъ **), страстный лю-

---

* Единственными издателями поэмы были братья Белентейны. Констэбль, не участвуя въ выгодахъ, давалъ имъ много полезныхъ пособій во время печатанія и продажи. За поэму Скоттъ получилъ болѣе 2000 гиней; въ одинъ годъ она имѣла шесть изданій въ числѣ 20,000 экземпляровъ; затѣмъ, до 1836 года «Дѣва Озера» во всѣхъ изданіяхъ разошлась въ числѣ 50,000 экземпляровъ.

**) Карлъ Скоттъ, лордъ Но-Соутскій и двоюродный братъ поэта.

битель охоты и земледѣлія, воспитанный въ деревнѣ, вполнѣ вознаграждалъ нѣкоторые недостатки своего образованія поэтическимъ тактомъ, здравымъ, природнымъ вкусомъ и замѣчательными умственными способностями. Мнѣ хотѣлось узнать его мнѣніе о поэмѣ; заманивъ его въ Эшстиль, я сталъ, послѣ обѣда, читать рукопись. Пріятель мой сидѣлъ молча, облокотясь на столъ и подпирая лобъ рукою. Молча прослушалъ онъ описаніе оленьей охоты до того мѣста, гдѣ разсказывается, какъ собаки кинулись въ воду вслѣдъ за своимъ господиномъ. Но тутъ, къ изумленію моему, слушатель вскочилъ съ громкимъ крикомъ, стукнулъ рукой по столу и закричалъ недовольнымъ голосомъ: «Всѣ собаки пропадутъ: можно ли ихъ пускать въ воду послѣ такой горячей гонки!» Впрочемъ, я былъ отчасти доволенъ восхищеніемъ, потому-что оно выказывало со стороны моего Нимврода немалое сочувствіе къ ходу разсказа. Другая его замѣтка, на счетъ странствующаго рыцаря, была мнѣ непріятнѣе, но я принялъ ее къ свѣдѣнію. Онъ съ первыхъ строкъ узналъ въ рыцарѣ короля Іакова — обстоятельство, которое должно оставаться какъ нельзя болѣе скрытнымъ до конца произведенія. Я рѣшился поступить подобно ирландскимъ почтальонамъ, пускающимъ коней вскачь только при самомъ концѣ переѣзда».

Въ «Дѣвѣ Озера», какъ и въ послѣдующихъ поэмахъ Вальтера Скотта, замѣтенъ огромный шагъ впередъ, показывающій всю прозорливость поэта и его способность примѣнять къ дѣлу указанія критиковъ. Вмѣсто бѣдной канвы, испещренной превосходными арабесками, мы уже видимъ передъ собой планъ, мастерски придуманный и выполненный такъ искусно, что даже прозаическій переводъ всего произведенія представитъ собою если не романъ, то оживленную, занимательную повѣсть, основанную на историческихъ событіяхъ. Мѣсто дѣйствія избрано вблизи Эдинбурга и въ самой столицѣ, въ тревожныя времена короля Іакова V-го, по своей жизни и любви къ гарун-аль-рашидовскимъ похожденіямъ, отчасти напоминавшаго собой того Ричарда Плантагенета, котораго такъ геніально обрисовалъ Скоттъ въ его «Ивангое». Вообще, Вальтеръ Скоттъ, начиная съ «Дѣвы Озера», въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ является на столько же романистомъ, на сколько впослѣдствіи былъ поэтомъ въ своихъ романахъ. Каждое изъ лучшихъ «Обозрѣній» того времени указало на замѣчательный внѣшній интересъ «Дѣвы Озера» и отдало ему должную справедливость; а извѣстный намъ Джорджъ Эллисъ даже посовѣтовалъ ся автору, не стѣсняясь рыцарскими временами и историческими эпизодами,

подарить публикѣ какую нибудь истинную шотландскую повѣсть, въ которой бы могъ онъ ознакомить читателя съ поэзіей Горной Шотландіи, ея меланхолическими красотами, оригинальными нравами жителей, ихъ родными повѣрьями и предразсудками *).

«Успѣхъ «Дѣвы Озера», (говорилъ В. Скоттъ) заставилъ меня подумать, что мнѣ наконецъ удалось вбить гвоздь въ непостоянное колесо фортуны. Но уже на литературномъ горизонтѣ явился на сцену человѣкъ, которому суждено было отбросить въ уголокъ всѣхъ своихъ товарищей поэтовъ. Возвращаясь изъ поѣздки къ вестморлендскимъ озерамъ, вскорѣ послѣ изданія моего «Марміона», я нашелъ и прочиталъ сатиру лорда Байрона, подъ названіемъ: «Британскіе барды и шотландскіе критики». Какъ извѣстно, первое произведеніе благороднаго лорда, подъ названіемъ «Часы Праздности», въ 1807 или 1808 году, Ф. Джеффри предалъ посмѣянію въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи». Рецензія **) эта такъ оскорбила молодого поэта, что онъ и сочинилъ сатиру, въ которой безъ разбора отдѣлалъ и друзей и недруговъ. Между прочимъ, досталось и мнѣ за то, что я описываю рыцарей, а между тѣмъ беру по тысячѣ гиней за свою поэму. Я названъ былъ «корыстолюбивымъ сыномъ Аполлона», и такъ далѣе. Обвиненіе въ корыстолюбіи оскорбить меня не могло; я перечелъ сатиру со вниманіемъ и, конечно, примѣтилъ въ ея авторѣ присутствіе первоклассного дарованія. Забав-

---

*) См. «Quarterly Review» за 1810 годъ.

**) Сказанная рецензія принадлежитъ не Джеффри, а Генр. Бруму (впослѣдствіи лорду). Въ англійскихъ обозрѣніяхъ статьи не подписываются. Правда, что лучшіе рецензенты узнаются по ихъ слогу. Манера Брума весьма сходна съ манерой Джеффри, оттого и нападеніе на первые опыты Байроновой музы долго относилась насчетъ редактора. Еще въ 1831 году «Quarterly Review», разбирая Мурову «Жизнь Байрона» относило жостскость эдинбургской критики *къ желанію оскорбить молодого поэта за его званіе лорда.* Джеффри хладнокровно перенесъ всѣ обвиненія, на разные запросы отвѣчая очень резонно: «стихи были плохи и заслуживали своей участи». Когда ему было сказано, по какой же причинѣ, изъ тысячи плохихъ стихотворныхъ книжекъ, вы устремили стрѣлы своего остроумія на Байронову? онъ съ неменьшей справедливостью отозвался: «по своему общественному положенію поэтъ имѣлъ право на рецензію; а сверхъ того порядочные стихи, изрѣдка мелькавшіе въ его книгѣ, показывали въ немъ писателя, все-таки болѣе стоящаго вниманія, нежели весь рой поэтовъ, о которыхъ «Обозрѣніе» и упоминать не желало». Весь этотъ споръ происходилъ изъ одного желанія вздорить: «Часы Праздности» слабы и журналъ могъ ихъ осудить съ полной справедливостью, тѣмъ болѣе, что это собраніе первыхъ трудовъ Байрона, по предисловію и содержанію нѣкоторыхъ пьесъ, поражало тѣмъ высокомѣріемъ, которое постоянно составляло одну изъ особенностей поэта, высокомѣріемъ, едва-едва оправданнымъ чрезъ всю послѣдующую, блистательную дѣятельность.

но то, что Байронъ выбранилъ меня совершенно понапрасну: чуть ли не я одинъ изъ лицъ, близкихъ къ Джеффри, замѣтилъ ему, тотчасъ же послѣ напечатанія жестокихъ выходокъ о «Часахъ Отдохновенія», слишкомъ рѣзкій, непріятный тонъ статейки! Вообще, даже и послѣ прочтенія «Британскихъ Бардовъ» я не питалъ къ Байрону ни особенной злобы, ни особеннаго уваженія. Въ 1811 году я прочелъ начало Чайльдъ-Гарольда. Сперва я не могъ переварить охлажденія, мизантропіи, духа сомнѣнія и гордости, которымъ отличалась поэма; но, перечитавъ ее съизнова, долженъ былъ признать необыкновенное дарованіе поэта и дивился могуществу этого дарованія».

Книгопродавецъ Джонъ Муррай, о которомъ мы уже говорили, желая сближенія между двумя поэтами, поспѣшилъ передать лорду Байрону лестные отзывы Скотта и свѣдѣнія о восторгѣ, причиненномъ автору «Пѣсни Минестреля» поэзіей «Чайльдъ-Гарольда». На это Байронъ, кромѣ обычныхъ любезностей, отвѣчалъ просьбою передать Вальтеру Скотту отъ его имени, что его высочество принцъ-регенъ, встрѣтившись съ нимъ недавно на частномъ балѣ, сдѣлалъ нѣсколько въ высшей степени похвальныхъ отзывовъ о Скоттѣ и всѣхъ его поэмахъ. «Я тѣмъ болѣе обязанъ передать нашъ разговоръ Скотту (прибавилъ къ этому Байронъ), что считаю себя передъ нимъ очень виновнымъ за неприличныя выходки въ сатирѣ!» Результатомъ этихъ обоюдныхъ нѣжностей оказалась переписка между двумя поэтами, часть которой приводится здѣсь въ нѣкоторомъ сокращеніи *).

---

*) *To the Right Honourable Lord Byron. etc., etc.*

Эдинбургъ, 3 іюля 1812.

«Милордъ, обязательныя извѣстія, переданныя вами черезъ общаго нашего друга, Муррая, даютъ мнѣ смѣлость потревожить васъ, во-первыхъ, изъявленіемъ моей искренней благодарности, а во-вторыхъ, однимъ объясненіемъ, котораго я не могу избѣгнуть, высоко цѣня доброе мнѣніе людей, подобныхъ вамъ, милордъ.

«Что касается до благодарности за наслажденіе, доставленное мнѣ чтеніемъ «Чайльдъ-Гарольда» и предшествовавшихъ твореній вашихъ, то она можетъ только усилиться отъ благосклонныхъ отзывовъ вашихъ насчетъ моихъ твореній, отзывовъ тѣмъ болѣе для меня драгоцѣнныхъ, что они помѣщены въ твореніи, писанномъ съ сатирическою цѣлью *). Дорожа вполнѣ мнѣніемъ вашимъ, я считаю себя въ правѣ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ по поводу выгодъ, доставленныхъ мнѣ поэмою «Марміонъ». Поэма эта, милордъ, не была заказана по контракту, или продана еще ненапечатаною, хотя я долженъ признаться, что денежныя затрудненія и обстоятельства семейныя вынудили меня получить деньги ранѣе ея изданія въ совершенно отдѣльномъ видѣ...

---

*) Въ поэмѣ «English bards» Байронъ, называя Скотта корыстнымъ дѣтищемъ Аполлона, однакожъ, отдаетъ справедливость достоинствамъ его поэмъ.

Во второмъ своемъ письмѣ къ Байрону, Вальтеръ Скоттъ приглашалъ благороднаго лорда, въ случаѣ, если ему вздумается совершить поѣздку по Шотландіи, посѣтить его сельское уединеніе и взглянуть на своихъ шотландскихъ поклонниковъ. Но, вопреки обоюдному желанію, личное свиданіе между двумя поэтами произошло не ранѣе 1815 года, когда Скоттова знаменитость увеличилась изданіемъ въ свѣтъ первыхъ его романовъ, а Байронъ, кромѣ послѣдующихъ пѣсенъ «Чайльдъ-Гарольда», успѣлъ подарить Англіи, не одно новое произведеніе своего блистательнаго генія *).

«Любя литературу и посвятивъ ей себя, я отказался для нея отъ занятій, которыя почти, безъ сомнѣнія, дали бы мнѣ и богатство и служебныя почести, еслибъ я имъ отдался исключительно. Безъ стыда скажу, что на этомъ основаніи считаю себя въ правѣ извлекать вознагражденіе черезъ нѣкоторую привязанность публики къ моимъ произведеніямъ, и такимъ образомъ къ простому обезпеченію присоединять нѣкоторыя удобства жизни. Вотъ мое оправданіе, милордъ, единственно внушенное мнѣ уваженіемъ къ вашему генію, и еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что сатира ваша, какъ я слышалъ, не будетъ, по собственному вашему желанію, имѣть новыхъ изданій. *Ваше* доброе мнѣніе мнѣ дорого; передъ публикой я не сталъ бы оправдываться, тѣмъ болѣе, что образъ моей жизни, хорошо всѣмъ извѣстный, достаточно защищаетъ меня отъ всѣхъ обвиненій въ жадности, или скупости...»

Остальная часть письма заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣтокъ о «Чайльдъ-Гарольдѣ», и шутливый запросъ о томъ: не преувеличилъ ли Муррай въ своемъ письмѣ любезности отзывовъ принца-регента. Байронъ отвѣчалъ слѣдующимъ посланіемъ.

To Walter Scott Esq. Edinburgh.

6 іюля 1812.

«Сэръ, я только что получилъ письмо, которымъ вы меня почтили. Ваше объясненіе насчетъ проказъ моей молодости огорчило меня, показавъ, что вы считаете это дѣло достойнымъ вниманія. Я былъ очень молодъ и очень золъ, когда писалъ сатиру; я безразсудно изливалъ на всѣхъ брань и колкости, за то нынче воспоминаніе о моей брани иногда является мнѣ въ видѣ грознаго привидѣнія. Не могу достаточно отблагодарить васъ за похвалу вашу, а затѣмъ, оставляя свою персону, перехожу къ принцу-регенту. Онъ потребовалъ на одномъ балѣ, чтобъ меня ему представили, и, послѣ нѣкоторыхъ ласковыхъ замѣтокъ, касательно моихъ трудовъ, завелъ рѣчь о васъ и о вашихъ «безсмертныхъ дѣяніяхъ» (immortalities). Онъ предпочитаетъ васъ всѣмъ бардамъ, древнимъ и новымъ. На трудный вопросъ регента о томъ, которая изъ вашихъ поэмъ мнѣ больше нравится, я назвалъ «Пѣснь послѣдняго Минестреля». Говоря о другихъ поэмахъ, я сказалъ ему: «Скоттъ долженъ быть, по моему мнѣнію, названъ поэтомъ королей — его короли въ «Мarміонѣ» и «Дѣвѣ Озера» описаны превосходно». Съ этимъ принцъ согласился, прибавивъ, что ваши изображенія «Джемсовъ» и величественны и полны поэзіи. Муррай нисколько не преувеличилъ его отзывовъ; напротивъ, вся ихъ ласковость и пріятность не можетъ быть вамъ передана въ сухомъ изложеніи...»

*) Между прочимъ Скоттъ получилъ въ подарокъ отъ автора экземпляръ «Гяура» съ шутливой надписью: *парнасскому повелителю отъ одного изъ его подданныхъ*. Вообще Байронъ платилъ Скотту за его къ себѣ чувства полнѣйшимъ со-

Весной 1815 года (мы соединили въ настоящемъ разсказѣ бо́льшую часть свѣдѣній, сообщенныхъ Скоттомъ изустно и письменно на счетъ своего знакомства съ Байрономъ), будучи въ Лондонѣ, я поспѣшилъ увидѣться съ моимъ заочнымъ другомъ. Печатныя сплетни и городскіе слухи приготовили меня къ свиданію съ какимъ-то фантастическимъ чудакомъ, и хоть я имъ не очень вѣрилъ, но иногда серьезно думалъ о томъ, способны ли мы на то, чтобъ полюбиться другъ другу. Къ удовольствію моему, я обманулся. Чрезвычайная вѣжливость и даже ласковость манеръ Байроновыхъ меня обворожили. Каждый день мы сходились на часъ, или на два, въ гостинной Муррая и каждый разъ не могли наговориться достаточно. Кромѣ того, въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ мы безпрестанно видались на вечерахъ и обѣдахъ. Я не могъ насмотрѣться на красоту лорда Байрона. У Борнса были самые дивные глаза въ свѣтѣ, но Байронъ весь подходилъ къ идеалу поэта, идеалу, которымъ остался бы доволенъ самый восторженный изъ артистовъ. Измѣнчивое выраженіе его свѣтлыхъ глазъ, изящнѣйшее очертаніе лба, подбородка и въ особенности, рта, не передаваемо, да и не передастся ни въ одномъ портретѣ. На портретѣ вы видите люстру, но эта люстра не зажжена! Лицо Байрона — это дивная грёза, a thing to dream of. Одна прекрасная женщина тогдашняго свѣта, имя которой часто произносится вмѣстѣ съ его именемъ, разсказывала которому-то изъ общихъ нашихъ пріятелей, какъ она, увидавъ Байрона въ первый разъ на балѣ, узнала его сама посреди толпы, и не могла отвести отъ него глазъ, и сама сказала себѣ: «Судьба моя въ этомъ блѣдномъ лицѣ!»

Съ Байрономъ мы говорили о словесности, о чужихъ краяхъ, о политикѣ; наши мнѣнія во многомъ сходились. Байронъ гордился своей знатностью и своимъ именемъ — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; многія его мнѣнія отзывались шаткостью молодости и въ особенности вліяніемъ гордой натуры.

Я не нашелъ въ Байронѣ особенной начитанности, особенно по части старыхъ историческихъ сочиненій и вообще старыхъ книгъ; но его врожденный поэтическій тактъ и сочувствіе ко всему истинно-поэтическому не имѣли предѣловъ. Имѣя случай, въ

чувствіемъ. Вотъ что говоритъ онъ о шотландскомъ поэтѣ въ своихъ замѣткахъ: «Глупцы тѣ, которые хотятъ сдѣлать изъ меня нѣчто въ родѣ Скоттова соперника. Я преданъ Скотту какъ человѣку и дивлюсь его дарованіямъ. Я до энтузіазма люблю его стихи. Его романы — цѣлая новая область въ словесности. Противникамъ, видно, надоѣло слышать, что Скоттъ во всемъ первый и они злятся, какъ аѳиняне злились на справедливаго Аристида».

теченіе моей жизни, достаточно копаться въ старыхъ фоліантахъ и слышать много произведеній древней народной музы, я часто развлекалъ Байрона разсказами о предметахъ для него новыхъ. Одинъ разъ я прочелъ ему мою любимую балладу о Гардиканутѣ: слушая ее, Байронъ пришелъ въ такое волненіе, что гости, находившіеся въ другой комнатѣ, выбѣжали къ намъ, думая, не случилось ли чего съ моимъ собесѣдникомъ.

Байронъ часто бывалъ унылъ, даже мраченъ; въ этихъ случаяхъ не слѣдовало его развлекать, и я всегда ждалъ очень спокойно, чтобъ тоска разсѣялась и тѣни оставили его лицо подобно тому, какъ туманъ поднимается отъ земли кверху. По временамъ замѣчалъ я въ немъ припадки подозрительности, и онъ смотрѣлъ вокругъ себя, какъ будто желая поймать того или другого изъ говорившихъ съ нимъ лицъ, въ какомъ нибудь зломъ, потаенномъ умыслѣ. И въ подобныхъ случаяхъ я старался вести себя какъ можно проще и откровеннѣе; да и самъ Байронъ могъ ли опасаться серьезнаго нерасположенія съ моей стороны? Правда, я очень хорошо зналъ, какъ много тѣни брошено на мою извѣстность его славою, на мои труды его дивными произведеніями; но завистливымъ человѣкомъ я едва-ли могу назваться; а судьба, не одаривъ меня талантами Байрона, вознаградила этотъ недостатокъ, надѣливъ меня душевнымъ спокойствіемъ и способностью къ счастливой жизни.

Еще однимъ великимъ недостаткомъ лорда Байрона можно назвать иногда посѣщавшую его страсть къ мистификаціямъ и злымъ шуткамъ: корень означенной наклонности заключался въ его натурѣ, испорченной съ дѣтства. Одинъ разъ Вилльямъ Беккеъ выразилъ Байрону свое удивленіе, вслѣдствіе чтенія одного изъ его посвященій, въ которомъ нѣкій мистеръ Гобгоузъ, пріятель поэта, превозносился до небесъ, но едва-ли по заслугамъ. «Чему вы удивляетесь?» отвѣчалъ Бойронъ: «это Гобгоузъ самъ написалъ о себѣ. Онъ надоѣдалъ мнѣ до тѣхъ поръ, пока я ему не далъ пера въ руки и не сказалъ: пиши самъ все, что захочешь». Вся исторія не имѣла въ себѣ частицы правды: посвященіе писалъ самъ Байронъ. Сверхъ того, онъ любилъ, особенно передъ малознавшими его поклонниками, представляться мрачнымъ, угрюмымъ, произносить рѣчи и намёки совершенно зловѣщіе.

Негодованіе свѣта, его клеветы и признаки справедливаго неодобренія дѣйствовали на Байрона одинаково-дурно. Онъ старался вести себя еще хуже, давать злословію еще бóльшую пищу, будто

говоря: «А, вы меня не любите, такъ вотъ же вамъ — злитесь еще больше!»

Послѣднее мое свиданіе съ лордомъ Байрономъ произошло въ 1815 же году, послѣ моего возвращенія изъ Франціи. Мы обѣдали вмѣстѣ съ нимъ, актеромъ Матьюзомъ, другимъ театральнымъ джентльменомъ Терри, который передѣлывалъ для сцены мои романы, и моимъ двоюроднымъ братомъ, Скоттомъ-Гала. Это былъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ дней моей жизни. Подобно Гомеровымъ героямъ, мы обмѣнялись дарами на прощаньи: я подарилъ Байрону великолѣпный кинжалъ въ золотой оправѣ, когда-то принадлежавшій страшному Эльфи-Бею. Но мнѣ пришлось сыграть роль Діомеда (который, какъ извѣстно, получилъ даръ болѣе-цѣнный, чѣмъ свое приношеніе), потому что Бойронъ вскорѣ послѣ того прислалъ мнѣ огромную погребальную урну изъ серебра, найденную, вмѣстѣ съ мертвыми костями, около аѳинской стѣны. Я помню, какъ самъ лордъ смѣялся по случаю своего мрачнаго подарка. При вазѣ находилось письмо, которое я хранилъ внутри ея; но оно потомъ пропало: кто-нибудь изъ моихъ гостей не устоялъ противъ искушенія завладѣть автографомъ поэта.

Вліяніе Байроновыхъ произведеній отразилось на первой поэмѣ Скотта «Рокби», изданной въ свѣтъ черезъ два года послѣ «Дѣвы Озера». Чрезвычайная популярность всѣхъ произведеній шотландскаго барда оправдывала его желаніе состязаться съ пѣвцемъ Гяура и Гарольда, а совѣты и требованія Скоттовыхъ поклонниковъ даже требовали поэтическаго турнира между блистательнѣйшими изъ рыцарей своего времени. Подобно нормандскому витязю въ «Ивангое», который перемѣнилъ доспѣхи и коня при появленіи новаго соперника, низложившаго всѣхъ его товарищей, Скоттъ совершилъ всѣ приготовленія съ великой заботливостью, не отказавшись даже усвоить себѣ часть тѣхъ особенностей, которыя дали лорду Байрону такую быструю извѣстность. Очень хорошо замѣтивъ пристрастіе, оказываемое публикой къ героямъ самымъ мрачнымъ, онъ выбралъ себѣ въ число главныхъ дѣйствующихъ лицъ одного изъ тѣхъ буканьёровъ *), кортесовъ въ маломъ видѣ,

*) Такъ назывались въ XVII столѣтіи пираты, отправившіеся изъ Европы къ берегамъ Ост и Вестиндіи, грабившіе тамъ корабли европейскіе и туземные, и кромѣ того, дѣлавшіе частыя высадки на берега, и повременамъ завоевывавшіе цѣлыя провинціи. Войны королевы Елисаветы съ испанцами породили безчисленное множество корсаровъ. Религіозная и политическая ненависть, существовавшая между Англіей и Испаніей оправдывала всѣ ихъ жестокости. Въ школѣ Дрека, Ралейга и Фробишера образовались первые буканьеры (тоже называемые флибусть-

наполнявшихъ самые отдаленные края земнаго шара слухами о своихъ отчаянныхъ похожденіяхъ. Мѣстомъ дѣйствія поэмы Скоттъ избралъ самый плѣнительный уголокъ Шотландіи — глубокую долину рѣки Греты, на берегахъ которой находятся зáмки: Рокби (мѣстопребываніе Скоттова друга Морринса), Барнардскій и Мортгемскій, тщательно изучивъ всѣ окрестности. Онъ посвятилъ имъ въ своемъ новомъ произведеніи цѣлый рядъ превосходныхъ пейзажей. Сверхъ того, Скоттъ старался по возможности избѣгать обычной своей небрежности въ стихѣ и обогатилъ поэму большимъ числомъ балладъ, написанныхъ съ любовью и стараніемъ. Со всѣмъ тѣмъ, успѣхъ «Рокби», хотя и могъ назваться удовлетворительнымъ, показалъ съ неоспоримой ясностью, что время популярности начало проходить для шотландскаго барда *). Самъ Локгартъ, крайне пристрастный судья во всемъ, что относится до заслугъ Вальтера Скотта, приписывая нѣкоторую холодность публики шутливымъ нападкамъ Томаса Мура, все-таки говоритъ, что главная причина неудачи заключалась въ «Чайльдъ-Гарольдѣ». «Рокби», съ своими красотами и нѣсколькими любопытными частностями, много теряла при сраженіи. Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что сказанная поэма Скотта, отличаясь занимательностью, грѣшила тѣмъ же, чѣмъ грѣшатъ лучшіе романы того же писателя. Матильда, героиня поэмы, и Вильфридъ, влюбленный въ нее юноша, отличались нестерпимой безцвѣтностью, безцвѣтностью, еще сильнѣе поражавшею отъ своего контраста съ энергической, безподобно схваченной фигурой Бертрама Ризингама.

За нѣсколько времени до изданія «Рокби», приведя свои денежныя дѣла чрезъ успѣхъ «Дѣвы Озера» и изданіе небольшой патріотической поэмы, въ которой прославлялась настоящая борьба Испаніи съ Франціей («Видѣніе дона Родрига»), въ положеніе самое удовлетворительное, Вальтеръ Скоттъ началъ серьёзно помышлять о пріобрѣтеніи хорошаго помѣстья, и, если можно, то въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прошло его дѣтство. Въ глазахъ

ерами) нехотѣвшіе окончить своихъ прибыльныхъ операцій даже и по заключеніи мира. Въ Англіи понынѣ имѣются семейства, одолженныя своимъ богатствомъ грабительству предковъ-буканьеровъ.

*) Въ первые три мѣсяца экземпляровъ «Рокби» разошлось до 10,000, но затѣмъ продажа пріостановилась. Тѣмъ неменѣе, денежныя выгоды, доставленныя поэмою, могли назваться огромными, а успѣхъ ея очень значительнымъ. Во многихъ мѣстахъ новаго своего произведенія Скоттъ, видимо, соперничалъ съ Байрономъ и довольно удачно тронулъ «Байроновы струны». Описаніе Ризингама совершенно напоминаетъ собой изображеніе Конрада (въ Корсарѣ).

поэта красота мѣстоположенія была первымъ условіемъ; а такъ-какъ, по его мнѣнію, окрестности мельрозскаго аббатства могли назваться однимъ изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ во всемъ свѣтѣ, то Скоттъ недолго колебался въ выборѣ. Чуть наступилъ срокъ эштильской арендѣ, онъ поспѣшилъ купить помѣстье, подходившее къ самому аббатству, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣку Твидъ можно перейдти вбродъ, отчего ферма, съ принадлежащею къ ней землею, слыла подъ названіемъ Абботсфорда. Эти-то съ небольшимъ сто акровъ удобной земли, впослѣдствіи увеличенные новыми покупками, нынѣ украшенные садами, рощами и готическимъ абботсфордскимъ замкомъ, служили основаніемъ помѣстья, къ которому столько лѣтъ стекались туристы изъ всѣхъ краевъ Европы. Ферма абботсфордская, до покупки ея Скоттомъ, принадлежавшая доктору Дугласу, находилась, отъ беззаботности прежняго своего хозяина, въ совершенномъ запущеніи: на поляхъ не расло ничего, кромѣ вереска; при бѣдномъ господскомъ домикѣ имѣлись, изъ хозяйственныхъ принадлежностей, только одинъ сарай, огородъ и грязный прудъ, вѣчно покрытый стаею домашнихъ утокъ; но зато окна дома выходили на Твидъ, такъ любимый Скоттомъ; мельрозское аббатство красовалось невдалекѣ, и отъ эссельдонскихъ холмовъ къ самому броду шла древняя дорога — гигантскій остатокъ военныхъ построекъ во время римскаго владычества. Довольно большое количество полей, показанныхъ при продажѣ неудобными къ воздѣлыванію, шло по берегамъ Твида, только ожидая умнаго хозяина. Тутъ новый помѣщикъ вознамѣрился посѣять дубовый лѣсъ и его предпріятіе, сначала возбудившее смѣхъ между сосѣдями, удалось какъ нельзя болѣе *).

Кое-какъ помѣстившись съ семействомъ въ старомъ домѣ **),

*) Еще болѣе шутокъ возбудило желаніе Скотта насѣять около дома коштановую рощу; но тутъ онъ самъ поневолѣ раздѣлялъ общій хохотъ: каштаны, выписанные нарочно изъ Испаніи, оказались *печеными*.

**) Вотъ какъ описываетъ В. Скоттъ, въ письмѣ къ леди Эльванлей, свое переселеніе изъ Эштиля: «Всѣ сосѣди поселяне сбѣжались смотрѣть на обозъ съ моими вещами, и точно, вся процессія способна была возбудить хохотъ не въ однихъ земледѣльцахъ. Цѣлая выставка старыхъ мечей, луковъ, копій, кольчугъ и круглыхъ щитовъ, украшенная присутствіемъ другихъ, болѣе современныхъ и употребительныхъ въ общежитіи предметовъ, представляла, особенно при переправѣ черезъ Твидъ, нѣчто цыганское и достойное кисти Кальйо. Индѣйка съ цыплятами сидѣла въ огромномъ шлемѣ какого-то витязя нашихъ пограничныхъ странъ; даже на коровъ, кажется, взвалили часть мушкетовъ. За караваномъ бѣжала толпа румяныхъ, оборванныхъ ребятишекъ съ удочками и копьями, непомѣстившимися на повозкѣ, другіе бѣжали въ видѣ зрителей, и вся сцена могла назваться крайне-живописною.

Вальтеръ Скоттъ поспѣшилъ увеличить его разными пристройками для удобства посѣтителей, и въ тоже время приступилъ къ постройкѣ коттеджа въ изящномъ, но простомъ стилѣ, къ разведенію садовъ, улучшенію нивъ и покосовъ. Все имѣніе стоило ему 4,000 фунтовъ стерлинговъ (24,000 р. с.). Покупая его, онъ отложилъ значительную сумму на постройки и улучшенія по хозяйству, а потому всѣ работы пошли быстро и новый домъ строился не долго. Скоттъ занимался сельскимъ хозяйствомъ съ любовью, съ наслажденіемъ; а безпрестанное улучшеніе его финансовыхъ дѣлъ каждый годъ давало ему возможность прикупать новыя поля и задумывать новыя постройки. Скоро и новый его коттеджъ сдѣлался только временнымъ жилищемъ помѣщика, а въ виду его началъ строиться, по плану лучшихъ архитекторовъ того времени, величавый зáмокъ, съ башнями и галлереями, въ готическомъ стилѣ старой Англіи.

IX.

Послѣдняя война съ Франціею. — Отреченіе Наполеона. — Восторги во всей Европѣ и Великобританіи. — Легіонъ туристовъ. — Медикъ сэръ Чарльзъ Белль; его заслуги послѣ Ватерлоо. — Письма Белля. — Французы въ госпиталяхъ. — Скоттова поѣздка въ Голландію и Францію. — Пьяный капитанъ. — Брюссель. — Поѣздка къ ватерлооскому полю. — Остатки знаменитаго дня. — Чичероне Костаръ. — Воспоминанія на полѣ битвы. — Франція, видъ страны между Парижемъ и границею. — Скоттовы замѣтки о Парижѣ и союзныхъ войскахъ. — Блистательный пріемъ. — Ласки, оказанныя Скотту, императоромъ Александромъ Павловичемъ, Виллингтономъ, Платовымъ и Блюхеромъ. — Лордъ и леди Кастльре. — Поѣздка въ Эрменонвилль. — Отъѣздъ на родину. — Бирмингамъ. — Возвращеніе въ Абботсфордъ; радостныя сцены. — Подарки поселянамъ. — Анекдотъ съ табакеркой.

Дивнымъ и великимъ временемъ для всей Европы, особенно для Россіи и для Англіи, были двѣнадцатый, тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый годы нашего столѣтія.

«О, кто изъ насъ, пережившій это время, забудетъ когда нибудь душу потрясающія впечатлѣнія той поры, когда на площадяхъ встрѣчались измученные, запыхавшіеся вѣстники, по утрамъ и вечерамъ, днемъ и ночью, привозя намъ изумительные разсказы; когда громъ

«Не смотря на переѣздъ и издержки, не смотря на довольно шаткое положеніе денежныхъ дѣлъ, я, какъ ребенокъ, продолжаю покупать оружіе и всякаго рода рѣдкости; да, мало того, ужь вознамѣрился прикупить еще кусокъ земли съ горами и красивыми, но безплодными, оврагами. Я не въ силахъ противиться искушенію: при землѣ этой есть озеро, въ виду къ Твиду — кто можетъ устоять при такомъ соблазнѣ?»

пушекъ и веселый звонъ колоколовъ привѣтствовали отрадныя новости, далеко разнося слухъ о побѣдахъ за побѣдами; когда надежда, долго непосѣщавшая насъ, загорѣлась въ сердцахъ народовъ; когда наши радостные глаза привѣтствовали ее, будто широкое знамя, озаренное яркими лучами восходящаго солнца!

О, то были часы неописаннаго восторга, вполнѣ вознаграждавшаго насъ за долгое, долгое время мрака, сомнѣній и ужаса! И тоска изнывшихъ сердецъ, и бѣды, и опустошенія, и слезы, и кровавыя рѣки, и всѣ ужасы послѣднихъ двадцати лѣтъ — все было забыто въ эту благословенную пору юбилея! И даже люди, удрученные горестью, примѣшивали свою благодарную молитву къ восторженнымъ кликамъ, привѣтствовавшимъ паденіе завоевателя — начало мира и независимости народовъ *). (Lord of the Isles).

«Радость, радость всему Лондону! (писалъ Вальтеръ Скоттъ изъ Абботсфорда по полученіи извѣстія объ отреченіи Наполеона) радость во всемъ Эдинбургѣ, радость намъ всѣмъ, дожившимъ до славнаго конца тяжкой борьбы, удостоившимся услышать благословенную вѣсть, вѣсть, которой ничего подобнаго мы никогда не услышимъ! Страшно подумать, что, вмѣсто этого нашего великаго торжества надъ врагомъ, мы чуть было (еслибъ послушались трусовъ, желавшихъ спокойствія) не заключили съ нимъ ненадежнаго

---

*) Другой, еще болѣе блистательный отрывокъ изъ твореній еще блистательнѣйшаго барда, писанный уже послѣ побѣды и народнаго торжества, даетъ намъ еще болѣе ясное понятіе о всей поэзіи этого періода тревоги и славы, періода почти безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ исторіи:

«И торопливыя движенія туда и сюда, и слезы, и трепетъ отчаянія, и блѣдность щекъ, только что краснѣвшихъ радостно, и быстрыя прощанія, способныя исторгнуть жизнь изъ юныхъ сердецъ и заглушенные вздохи, можетъ быть, послѣдніе вздохи безнадежнаго разставанья, и страшная утренняя заря послѣ сладкой ночи!

«И воины, спѣшно садившіеся на коней, и скакуны, и на походѣ сдвигавшіеся эскадроны, и гремящія орудія, быстро катившіяся впередъ къ своимъ воинственнымъ рядамъ, и глухіе громы отдаленной пальбы вдали и вблизи, стукъ барабановъ, поднимающихъ солдата съ зарею, между тѣмъ, какъ граждане, оцѣпенѣлые отъ ужаса, тихо шептали побѣлѣвшими губами: идетъ, идетъ непріятель!

«И рѣзко и дико раздаются въ ночномъ воздухѣ душу возбуждающіе звуки «камеронова сбора» *), звуки, гремѣвшіе между холмами Шотландіи, когда ея горные воины еще отстаивали свою родину отъ саксонца! И отъ пронзительныхъ тоновъ горной волынки трепещетъ сердце бойцовъ, почуявши тысячелѣтнюю славу Эвановъ и Дональдовъ **)!

---

*) Шотландскіе полки великобританской арміи имѣютъ при себѣ, какъ извѣстно, хоры національной музыки.

**) Чайльдъ-Гарольдъ, описаніе ночи передъ ватерлооскимъ сраженіемъ.

перемирія, чуть было не уступили передъ тѣмъ, кто самъ теперь уступилъ передъ нами! Собственная ярость врага свяела васъ; безстыдное ослѣпленіе и дерзость Франціи, привели къ прочному миру съ этой державой! Хвала Господу: все кончено! Не скрою отъ васъ, помышляя о всемъ злѣ, нанесенномъ Европѣ Наполеономъ: я почти жалѣю о томъ, что онъ живъ и спокойно сидитъ на своемъ островѣ *); но, впрочемъ, нѣтъ, жалѣть объ этомъ не слѣдуетъ: еслибъ онъ погибъ въ бою, или былъ растерзанъ, подобно де-Витту, человѣчество могло лишиться высокаго нравственнаго урока! Боже, Боже мой! съ какими чувствами этотъ человѣкъ долженъ былъ перейдти отъ необузданнаго самовластія, къ уединенію и безсилію? Я не думаю, чтобъ онъ могъ назваться добрымъ человѣкомъ по частной своей жизни; но еслибъ на этотъ счетъ онъ въ пятьсотъ разъ превосходилъ Тита, одно воспоминаніе о крови, имъ пролитой, о бѣдахъ, имъ сдѣланныхъ, затмило бы собой утѣшеніе отъ всѣхъ частныхъ добродѣтелей! Нечего сказать: отрадныя мечты послѣдуютъ за нимъ въ его заточеніе! Страшное наставленіе дано честолюбцамъ судьбою Наполеона; цѣль не оправдываетъ гибельныхъ средствъ; нравственное начало не можетъ попираться безнаказанно для политическихъ видовъ! Скоро ли сойдемся мы съ вами, чтобъ поговорить о всѣхъ этихъ чудесахъ за стаканомъ кларета?

«Моя работа, какъ и вообще наша литература, не смотря на время, повидимому, не совсѣмъ литературное, двигается такъ бойко, какъ будто бы на землѣ все обстояло покойно. Мало того, на твердой землѣ возгарается несомнѣнное сочувствіе къ нашей словесности. Народы просыпаются отъ желѣзнаго сна. Въ короткое время я получилъ множество посланій изъ Германіи отъ людей, мнѣ незнакомыхъ; въ каждомъ письмѣ спрашивается о томъ, когда трудились мы на пользу изящнаго въ то время, какъ германцы играли въ жмурки съ своимъ бывшимъ притѣснителемъ... Я только и могу говорить, что объ одномъ предметѣ; но вы меня простите за это — я знаю. По сосѣдству нашему, въ деревняхъ около Мельроза, проживаетъ много плѣнныхъ французскихъ офицеровъ; изъ нихъ многіе дѣлали всѣ бонапартовы походы. Мы часто угощаемъ ихъ

*) Не нужно смѣшивать выходокъ, писанныхъ въ минуты восторга и еще неослабѣвшей международной ненависти, съ послѣдующими отзывами Скотта о Наполеонѣ, какъ человѣкѣ и полководцѣ. Шотландскій поэтъ не могъ любить закоренѣлаго врага своей родины, но его антипатія не могла назваться неразумною, или пристрастною.

въ Абботсфордѣ и движимся на нихъ. Бо́льшая ихъ часть не хочетъ вѣрить отреченію и говоритъ: «все это выдумка Питта!» *).

«Не смотря на общій восторгъ, мысли всѣхъ будто спутаны и отуманены. Я помню, какъ меня, маленькаго еще, одинъ разъ взяли смотрѣть спускъ корабля. Меня не столько поразило движеніе судна къ водѣ, или минута его величественнаго соприкосновенія съ волнами, какъ пустота, образовавшаяся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ корабль строили. Разомъ исчезла огромная масса съ берега, открывъ цѣлый видъ на противоположную сторону — на доки, на берегъ, усѣянный народомъ и до того закрытый отъ моихъ глазъ. Паденіе Бонапарта напоминаетъ этотъ случай моего дѣтства; отсутствіе завоевателя и окончаніе его дѣятельности показываетъ намъ, какъ много все это значило, какъ много мы думали о его дѣлахъ и о немъ самомъ!

«Зачѣмъ дрались подъ Тулузой, когда ужь почти всѣ знали о скоромъ мирѣ? Однако я и этому радъ: не мѣшало еще разъ побить французовъ!

«Кто осмѣливается толковать о томъ, что Франціи нужно возвратить часть коллоній, съ боя отнятыхъ нами, населенныхъ нами, устроенныхъ нами? Вознаградить Францію? Это за что? Связавъ бѣшенаго человѣка, надѣвъ на него бедламскій камзолъ, получивъ отъ него во время операціи порядочное количество синяковъ и царапинъ, мы еще имѣемъ ассигновать ему кое-что въ награду? Нѣтъ, нѣтъ, того не будетъ, никогда не будетъ!»

Едва дождавшись мира 1815 года, цѣлыя толпы англичанъ-туристовъ нахлынули на Бельгію и Францію; впрочемъ, значительное число любителей сильнаго ощущенія выбрались на материкъ, не дожидаясь окончанія военныхъ дѣйствій. Вальтеръ Скоттъ, не смотря на всю свою торопливость, не могъ угнаться за этими послѣдними *).

---

*) Вилльяма Питта уже нѣсколько лѣтъ какъ не существовало на свѣтѣ.

**) Другъ Вальтера Скотта, докторъ сэръ Чарльзъ-Белль (тотъ самый, что снабдилъ поэта, въ пору его молодости, черепомъ и костями изъ своего анатомическаго кабинета), эмигрировалъ одинъ изъ первыхъ съ цѣлью, достойною хвалы и подражанія. Явившись въ Брюссель, тотчасъ же послѣ ватерлооскаго сраженія, онъ добровольно присоединился къ медицинскому штабу побѣдоносной арміи и принялъ въ свое завѣдываніе часть госпиталей, заваленныхъ ранеными. Его-то письма, изъ которыхъ поспѣшаемъ здѣсь представить нѣсколько самыхъ живыхъ отрывковъ, совершенно очаровали Вальтера Скотта. Какъ замѣтки, набросанныя подъ вліяніемъ только что видѣнныхъ событій, отрывки эти весьма замѣчательны.

«Вотъ второе воскресенье послѣ сраженія (пишетъ Белль), а еще не всѣ больные перевязаны! Въ одномъ Брюсселѣ болѣе 20,000 раненыхъ; всякій городокъ въ

По возможности секретивъ всѣ приготовленія, нашъ поэтъ оставилъ свое семейство въ Абботсфордѣ, а самъ, въ сопровожденіи одного родственника Джона Скоттъ-Гала и еще двухъ джентльменовъ, вызвавшихся ему сопутствовать, отправился въ свое первое путешествіе за границу. Туристы наши, на короткое время заѣхавъ въ Кембриджъ, сѣли въ гервичскую карету, перезнакомились со всѣми пассажирами и, не смотря на свой довольно зрѣлый возрастъ, всю дорогу веселились какъ дѣти. Одинъ изъ ихъ сопассажировъ, при разставаньи въ Гервичѣ, поблагодарилъ Скотта за все удовольствіе, доставленное компаніи его разсказами и анекдотами, а потомъ спросилъ: «не имѣетъ ли онъ привычки записывать особенно рѣдкія исторіи?» Авторъ «Пѣсни Минестреля» отвѣчалъ: «иногда это случается со мною»; но пассажиры верхней части дилижанса, съ которыми поэтъ иногда проводилъ нѣсколько часовъ, уставая сидѣть внутри кареты, составили о немъ заключеніе не совсѣмъ выгодное, такъ-какъ Скоттъ въ то время или сидѣлъ задумавшись, или шевелилъ губами, или произносилъ отрывки ка-

---

окрестностяхъ заваленъ ими; подвижныхъ госпиталей я здѣсь не считаю. Плѣнныхъ взято только 3 000. Разсказываютъ, что число убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ простирается до 80,000!

«Только сейчасъ я кончилъ осмотръ раненыхъ французовъ въ городскомъ госпиталѣ. Ихъ лежало болѣе ста человѣкъ въ одной палатѣ на полу, или на низенькихъ кроватяхъ; многіе не имѣютъ на себѣ никакого платья. Передо мной лежали, дико на меня глядя, ряды сильныхъ, коренастыхъ, закаленныхъ ветерановъ, на бѣлыхъ простыняхъ, составлявшихъ рѣдкій контрасъ съ черными глазами и загорѣлыми щеками бонапартовыхъ воиновъ. Нельзя было не дивиться способности француза примѣняться ко всякой бѣдѣ: половина ихъ поступила въ госпиталь, пролежавъ безъ помощи нѣсколько ночей на полѣ сраженія; значительная часть этихъ раненыхъ или умирала, или находилась въ смертной опасности, а между тѣмъ почти каждый больной подшучивалъ надъ своимъ сосѣдомъ, или утѣшалъ его, говоря въ отвѣтъ на его крики: *Aha! vous chantez bien!* Похвала моя вырвалась почти противъ воли: я столько слышалъ о жестокости французовъ, ихъ нахальствѣ и любви къ кровопролитію, что часто теперь, глядя на моихъ больныхъ, прихожу ко многимъ горестнымъ предположеніямъ. Какъ пріучить ихъ къ миру? какъ переломить ихъ привычки?

«Весь городъ наполненъ войскомъ — образчиками военныхъ силъ всей Европы. Недавно меня поразилъ одинъ пріятель, показавъ мнѣ чернаго гусара изъ брауншвейгскихъ войскъ и сказавъ притомъ: «вотъ одинъ изъ первыхъ вѣстниковъ о 16 іюнѣ». Гусару этому, вслѣдствіе раны, отняли руку на полѣ сраженія, а потомъ отпустили его въ Брюссель привезти извѣстіе о побѣдѣ. Онъ въѣхалъ въ городъ, твердо и прямо сидя на лошади, съ кровяной перевязкой на остаткѣ руки, блѣдный какъ смерть, но съ выраженіемъ лица грознымъ и торжествующимъ. Вообще, весь черный полкъ, называемый гусарами смерти, чрезвычайно красивъ въ своей мрачной одеждѣ, такъ хорошо оттѣняющій бѣлые усы и мужественныя сѣверныя лица всадниковъ».

кихъ-то необдѣланныхъ стиховъ. (Онъ занимался въ это время сочиненіемъ «Повелителя Островов»). При разставаньи же одинъ изъ верхнихъ сѣдоковъ указалъ своему сосѣду на Скотта, а потомъ, приставивъ палецъ ко лбу, сказалъ довольно громко: «у этого человѣка въ верхнемъ этажѣ (въ головѣ) не все обстоитъ благополучно!»

Зато морской переѣздъ отъ Гервича къ Гельветлюйсу не могъ назваться благопріятнымъ ни относительно Скоттова инкогнито, ни вообще по части переѣзда. Капитанъ пакетбота узналъ популярнаго поэта, привѣтствовалъ его какъ нельзя дружественнѣе и тотчасъ же выпилъ за его здоровье столько тостовъ, что въ самое непродолжительное время напился почти до безчувствія; между тѣмъ, вѣтеръ поднялся и судно, управляемое пьянымъ морякомъ, едва-едва избѣгло весьма непріятной участи.

Въ Брюсселѣ тотчасъ же встрѣтилъ знаменитаго туриста сынъ его друга и товарища по судебнымъ должностямъ, генералъ-майоръ сэръ Фредерикъ Адамъ, начальникъ небольшого гарнизона, оставленнаго въ городѣ англичанами. Сэръ Фредерикъ, еще неоправившійся отъ раны, полученной подъ Ватерлоо, не могъ самъ свезти своего гостя на поле сраженія, но поручилъ его любезности своего адъютанта, капитана Кембелля, и майора Прейсъ-Гордона, оставившаго намъ довольно интересное сочиненіе о тѣхъ временахъ подъ заглавіемъ «Мои Воспоминанія» *).

*) «Сэръ Вальтеръ Скоттъ (разсказываетъ Гордонъ) принялъ мои услуги насчетъ осмотра ватерлооскихъ окрестностей, и во все время поѣздки выказывалъ постоянные признаки живѣйшаго любопытства. Онъ собирался написать нѣчто о сраженіи и потому входилъ въ малѣйшія подробности, разспрашивалъ насъ о всѣхъ мелочахъ и, не видавъ никогда поля битвы, да и вообще не бывавъ до тѣхъ поръ на континентѣ, съ жадностью питалъ свой духъ изобиліемъ новыхъ предметовъ. День могъ назваться прелестнымъ. Чтобъ не утомляться пѣшей ходьбой по полю, часть котораго только что была вспахана, я распорядился насчетъ верховыхъ лошадей. Во время осмотра, намъ встрѣтился и вступилъ съ нами въ бесѣду мосье де-Костаръ, ловкій плутъ, нажившій себѣ порядочныя деньги, показывая туристамъ поле и разсказывая имъ вымышленныя подробности о Наполеонѣ, при которомъ будто бы находился во весь день сраженія въ качествѣ проводника. Шарлатанство Костара я открылъ только впослѣдствіи, устроивъ очную ставку между нимъ и однимъ слесаремъ, въ чьей компаніи этотъ Наполеоновъ проводникъ провелъ цѣлый день сраженія, спрятавшись гдѣ-то за десять миль отъ поля. Когда опасность минула, ловкій Костаръ собралъ исправный запасъ свѣдѣній о ходѣ дѣла и, обладая даромъ слова, сдѣлался любимымъ чичероне многихъ туристовъ, получая за свои труды, какъ говорятъ, въ годъ до двухъ сотенъ наполеондоровъ. Мое изобличеніе, какъ легко догадаться, нисколько не повредило его репутаціи.

«Когда сэръ Вальтеръ достаточно насладился разсказами и видомъ поля, мы всѣ отправились завтракать въ ватерлоосккую гостинницу подъ названіемъ: «Ностоя-

«На прошлой недѣлѣ (пишетъ самъ В. Скоттъ своему высокому другу герцогу бокклейгскому) я ѣздилъ по ватерлоосскому полю, обреченному на вѣчное безсмертіе. Самые ужасные слѣды кровопролитія ужь уничтожены, мертвыя тѣла людей и лошадей преданы сожженію или схоронены, но вся земля изрыта ядрами, покрыта патронами, старыми киверами, башмаками и другими предметами, нельстившими жадности окрестныхъ поселянъ. Въ самомъ Ватерлоо и сосѣднихъ деревушкахъ устроены лавки для продажи кирасъ, орловъ, снятыхъ съ шапокъ императорской гвардіи, касокъ, сабель, карабиновъ и другихъ вещей того же разряда. Я купилъ двѣ кирасы, книжку, въ которой французскій солдатъ обязанъ записывать полученіе денегъ, очереди по службѣ и другія судебныя дѣла, да еще другую книжку съ пѣснями, вѣроятно, принадлежавшую какому нибудь молодому офицеру. Гугумонскій домикъ, родъ сельскаго зáмка, сожженный во время боя, очень интересенъ своимъ видомъ и воспоминаніями объ отчаянныхъ схваткахъ, около его происходившихъ... Тутъ погибло много народа и, должно быть, мертвыхъ хоронили нáскоро, потому что около Гугумона, да и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ поля, запахъ очень непріятенъ. Все пространство, нами объѣзженное, удобно для кавалерійскихъ атакъ; и точно, судя по разсказамъ, во время сраженія даже наши тяжелые драгунскіе полки сходились и рубились съ французскими кирасирами. По разсказамъ очевидцевъ, это столкновеніе тяжелой кавалеріи (обстоятельство рѣдкое въ бóльшей части дѣлъ) сопровождалось страшнымъ стукомъ, похожимъ на стукъ, что слышится въ большихъ кузницахъ. Французы при атакѣ выставляли палаши впередъ и низко сгибали го-

---

щій герцогъ Веллингтонъ». Тутъ Скотта окружила толпа крестьянъ, продававшихъ кирасы, пуговицы и всякаго рода трофеи съ поля: онъ накупилъ много вещей, между прочимъ большой крестъ Почетнаго Легіона. Вскорѣ потомъ жена моя подарила ему еще одинъ интересный памятникъ боя — маленькую солдатскую книжку, запятнанную кровью, съ записанными въ ней народными французскими пѣсенками.

«Все время онъ утѣшалъ насъ своимъ веселымъ нравомъ и разсказами. Весьма забавно показалась намъ его исторія о встрѣчѣ въ Антверпенѣ, съ какимъ-то незнакомцемъ, который на вопросъ Скотта о мѣстѣ, гдѣ схороненъ Рубенсъ, снявъ шляпу, сказалъ на шотландскомъ нарѣчіи: «мнѣ очень жаль, сэръ, только я не говорю ни на какомъ чужестранномъ языкѣ, кромѣ англійскаго.» — «Ай, Дональдъ!» сказалъ на это поэтъ его жь нарѣчіемъ: «какъ же намъ быть, я самъ только и смыслю болтать по шотландски?» Горецъ крайне обрадовался и попросилъ сообщить адресъ его барина, капитана Камерона, что служитъ въ 79 полку. Все это простое событіе теряетъ смѣшную сторону въ моемъ разсказѣ; но юморъ Скотта имѣлъ дарованіе восхищать всякаго съ помощью совершенно пустого анекдотца!»

ловы, а нении сбивали съ нихъ каски первымъ ударомъ, а второй наносили ужь по открытымъ головамъ. Офицеры нападали другъ на друга, или рубились въ общихъ рядахъ; физическая сила и ловкость спасли многихъ. Конногвардеецъ Шо (Shaw) убилъ, или сбросилъ съ сѣдла до двадцати французовъ, но самъ лишился жизни въ толпѣ. Изъ союзниковъ, брауншвейгцы и ганноверцы дрались хорошо, зато бельгійскіе полки никуда не годились. Одинъ изъ этихъ полковъ во время бѣгства остановленъ былъ самимъ лордомъ Веллингтономъ. «Ребята», сказалъ герцогъ съ своимъ вѣчно спокойнымъ видомъ: «Что, побили васъ? Отдохните минуту и снова попробуйте». И онъ двинулъ ихъ съизнова. Онъ самъ находился вездѣ и повсюду; дерево, подъ которымъ стоялъ герцогъ, исцарапано и избито ядрами.

«Я долго толковалъ съ фламандскимъ крестьяниномъ Костаромъ, находившемся весь день сраженія при свитѣ Наполеона. Императоръ все время сохранялъ хладнокровіе и веселость духа *). . .

«*12-е августа*, Руа (въ Пикардіи). Продолжаю свое письмо. Часть Франціи, по которой я ѣду, весьма плодородна и красива; но каждый предметъ имѣетъ въ себѣ нѣчто странное. Здѣсь ни война, ни миръ: Валансьеннъ обложенъ союзными войсками, но французы пропустили насъ черезъ городъ. Войско покорилось, но еще не получило новыхъ начальниковъ. Солдаты смотрятъ сурово. Бо́льшая часть домовъ по дорогѣ стоятъ съ закрытыми ставнями. Чуть заговоришь съ какой нибудь женщиной, она начнетъ плакать; мужчины глядятъ исподлобья и, кажется, вовсе утратили свою французскую учтивость. Офицеры германскихъ войскъ дѣйствительно ведутъ себя какъ въ завоеванномъ краѣ: при мнѣ, въ гостинницѣ Монса отобѣдала компанія кавалерійскихъ офицеровъ, отобѣдала, сѣла на коней и уѣхала, не только не заплативъ хозяину, но еще насмѣявшись надъ нимъ, какъ бы въ отплату за недавнія безчинства французовъ въ Германіи. Зато французскіе трактирщики вымѣщаютъ все на нашихъ соотечественникахъ: чуть замѣтишь въ счетѣ излишнее стремленіе къ обдиранію проѣзжающихъ, тотчасъ явится сама хозяйка, начнетъ рыдать и просить милорда «заплатить ей по своему произволу», потому что она ужь разорена и не имѣетъ средствъ къ пропитанію. Противъ такого новаго средства взимать пошлину съ туристовъ сказать нечего!

«Пріемъ, сдѣланный Вальтеру Скотту въ Парижѣ, по справедли-

---

*) Костаръ, какъ сказано выше, оказался шарлатаномъ; оттого мы не помѣщаемъ здѣсь его разсказовъ.

вости долженъ назваться блистательнымъ. Герцогъ Веллингтонъ, лорды Кастльре *), Каткартъ и Эбердинъ достойно почтили поэзію въ лицѣ своего національнаго барда, не только доставивъ путешественнику всѣ удобства, почести и развлеченія, но поспѣшивъ представить его знаменитымъ союзникамъ Англіи. На обѣдѣ у лорда Каткарта, Скотта подвели къ императору Александру Павловичу, привѣтствовавшему его съ той несравненной ласковостью, которая пріобрѣла великому государю сердца, даже сердце самого побѣжденнаго непріятеля, и о которой поэтъ вспоминалъ до конца своей жизни. Послѣ довольно долгой бесѣды о разныхъ предметахъ, русскій императоръ, заключая по одеждѣ Скотта (на немъ былъ мундиръ селькирской милиціи, красный съ голубымъ), что онъ причастенъ къ военной службѣ, заботливо спросилъ глядя на его хромую ногу: «въ какомъ дѣлѣ были вы ранены?» Поэтъ поспѣшилъ объяснить государю родъ своей службы, и по его желанію доставить нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о порядкѣ сбора, упражненіяхъ и составѣ милиціонныхъ войскъ Великобританіи. Въ тотъ же день Скоттъ сошелся съ Блюхеромъ и Платовымъ, изъ которыхъ послѣдняго описываетъ какъ «стройнаго и статнаго воина, съ лицомъ пріятнымъ и красивымъ, но покрытымъ мильйономъ мелкихъ морщинъ, издали непримѣтныхъ глазу, морщинокъ тонкихъ, какъ будто начертанныхъ остріемъ иголки». Храбрый атаманъ съ перваго свиданія почувствовалъ замѣчательное влеченіе къ Скотту, и съ тѣхъ поръ, при каждой встрѣчѣ, привѣтствовалъ его не иначе, какъ цалуя въ обѣ щеки; если случалось быть верхомъ въ то время, то, слѣзая съ лошади и сопутствуя поэту въ его прогулкахъ по Парижу. Передъ каждымъ большимъ смотромъ, Платовъ присылалъ къ Вальтеру Скотту украинскую верховую лошадь и черезъ адъютанта просилъ пристроиваться къ своему штабу. Фельдмаршалъ Блюхеръ, менѣе всѣхъ германскихъ генераловъ знакомый съ твореніями Скотта, и по всей вѣроятности нечитавшій «Пѣсни Минестреля», ни въ переводѣ, ни въ подлинникѣ, не пропускалъ ни одного случая сдѣлать поэту что нибудь угодное: угостить его или насмѣшить своими веселыми выходками. Многіе между Блюхеровыми соотечественниками тоже оказывали Скотту всевозможное вниманіе; но старый рубака маршалъ Форвертсъ **) въ этомъ отношеніи оставилъ далеко позади себя всѣхъ товарищей, повидимому, гораздо болѣе способныхъ отдавать почесть литературной знаменитости.

*) Маркизъ Лондондерри.
**) Маршалъ-Впередъ! прозвище, данное Блюхеру солдатами.

«Можно себѣ представить (такъ продолжаетъ поэтъ замѣтки свои о тогдашнемъ положеніи Парижа), до какой степени тяжелъ кажется французамъ переходъ отъ славы, самовластія, къ заслуженному уничиженію. Они печально покоряются своей судьбѣ и, повидимому, исполнены духа повиновенія, а гордость ихъ весьма упала.

«Недавно я присутствовалъ при великолѣпномъ зрѣлищѣ: болѣе двадцати тысячъ русскихъ войскъ проходили по площади, мимо своего императора, короля прусскаго, герцога Веллингтона, окруженныхъ блестящими свитами. Вся окрестность походила на пылающую печь, отъ лучей солнца, игравшихъ на яркомъ оружіи. Отрядъ казаковъ, съ пиками, и воинственный видъ ихъ чрезвычайно усиливалъ эффектъ зрѣлища. По одну сторону отъ меня виднѣлся сквозь зелень садовъ и ряды апельсинныхъ деревьевъ тюльерійскій дворецъ, съ другой — длинная линія колоннъ войска, двигавшихся подъ музыку. Сзади меня находилась колоннада, украшающая собой зданіе, назначенное для новой представительной палаты, а далеко впереди, между рядомъ великолѣпныхъ зданій — колонна, поставленная Наполеономъ въ память побѣдъ, за которыя нынѣ совершилась законная отплата... Всякій можетъ себѣ представить, какого рода чувства волновали меня въ эти минуты.

«Съ герцогомъ Веллингтономъ я видаюсь, бесѣдую весьма часто, обѣдаю у него, и не смотря на непроизвольную робость въ его присутствіи, отъ остатковъ которой, не могу вполнѣ избавиться, надоѣдаю ему разспросами о самыхъ замѣчательныхъ случаяхъ его военной дѣятельности. Онъ ласковъ со мною и не разъ говорилъ мнѣ шутя, что считаетъ мои произведенія честью для Англіи и для XIX-го вѣка! Многіе изъ его приближенныхъ, не шутя хотятъ увѣрить меня, что герцогу такъ же лестно бесѣдовать со мною, поэтомъ, какъ мнѣ, поэту, съ ватерлооскимъ побѣдителемъ. Комплиментъ ужь слишкомъ великъ; и хотя я вовсе не намѣренъ унижать своихъ способностей, но все-таки долженъ сознаться, если наше столѣтіе прославлено чьими нибудь мирными заслугами, то, конечно, не моими. Передъ паровыми машинами Ватта и предохранительною лампой сэра Гомфри-Деви слабы кажутся стихи и поэмы, хотя бы мои собственныя.

«Какъ бы то ни было, я очарованъ герцогомъ. Это одинъ изъ героевъ нашего вѣка; на него нельзя насмотрѣться достаточно. Его благородная фигура, осанка вовсе не изобличающая въ немъ такого знаменитаго воина, его презрѣніе къ щегольству и мело-

чамъ этикета *) дѣлаютъ изъ его особы нѣчто оригинальное и величавое. Онъ говоритъ немного, но превосходно, и каждое его слово врѣзывается въ памяти. Сколько мнѣ показалось, герцогъ, какъ бо̀льшая часть великихъ полководцевъ, отчасти убѣжденъ въ существованіи какой-то магической силы, охраняющей его жизнь въ минуты жесточайшихъ опасностей. Подъ Ватерлоо изъ его свиты и ординарцевъ не осталось почти никого не раненнымъ, не говоря ужь объ убитыхъ; дѣйствительно, въ этотъ день онъ находился вездѣ и даже одинъ разъ очень близко подъѣхалъ къ Наполеону и его штабу. Крики французскихъ батальйоновъ: «vive l'Empereur»! дали ему знать о близости своего главнаго врага, но самого Бонапарта онъ не успѣлъ разсмотрѣть за дымомъ и пылью».

Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, извѣстный впослѣдствіи своимъ печальнымъ самоубійствомъ, лордъ Кастльре считался въ то время однимъ изъ блистательнѣйшихъ иноземцевъ въ Парижѣ. Скоттовы къ нему отношенія сперва могли назваться нѣсколько щекотливыми; за нѣсколько лѣтъ назадъ, этотъ лордъ имѣлъ съ своимъ товарищемъ по кабинету и другомъ поэта, ужь упоминаемымъ нами Георгомъ Кеннингомъ, дуэль, окончившуюся довольно несчастливо для Кеннинга **). Но остатки прежнихъ неудовольствій не помѣшали министру сблизиться съ другомъ своего бывшаго противника, и, кромѣ многочисленныхъ знаковъ своего къ нему уваженія, дать приказаніе своей канцеляріи, при всякой отправкѣ депешъ въ Англію, посылать особаго курьера къ Вальтеру Скотту, для полученія его писемъ къ женѣ или друзьямъ, въ Лондонъ или Шотландію. Въ 1815 году лордъ Кастльре, онъ же и лордъ Лондондерри, вмѣстѣ съ своей женою, исторической кра-

*) Герцога солдаты и офицеры называли the Beau (денди, фатъ) за его отвращеніе къ прихотямъ моды, ненужной роскоши и изнѣженности.

**) Впослѣдствіи Скоттъ сталъ глядѣть на все дѣло, не смотря на свою привязанность къ Кеннингу, съ истинной точки зрѣнія. Въ 1809 году, во время председательства герцога Портлендскаго, Кеннингъ (тогда министръ иностранныхъ дѣлъ), имѣя причины неудовольствія противъ лорда Кастльре, убѣдилъ своихъ товарищей смѣнить его съ должности секретаря военныхъ дѣлъ, *когда кончится парламентская сессія*. До условленной поры и Кеннингъ и другіе товарищи не говорили лорду Кастльре ни слова, продолжая принимать его совѣты и дѣйствовать заодно, какъ будто при совершенномъ согласіи. Когда все дѣло пришло въ ясность, Кастльре, вмѣстѣ съ подачей отставки, написалъ къ Кеннингу письмо, въ которомъ выражалъ все свое негодованіе, не по несогласіямъ дѣловымъ, но по случаю всей интриги, вредившей и ходу государственныхъ дѣлъ и его чести. За письмомъ послѣдовала извѣстная дуэль, а общее мнѣніе совершенно оправдало лорда Кастльре, не смотря на всю его непопулярность въ народѣ. Кеннингъ, при всѣхъ своихъ великихъ способностяхъ, иногда любилъ интриговать и хитрить болѣе во вредъ себѣ, чѣмъ другимъ.

сающею, представляли изъ себя чету, приковывавшую къ себѣ вниманіе и жителей и посѣтителей Парижа, въ ихъ обществѣ, Скоттъ часто дѣлалъ загородныя поѣздки и, между прочимъ, совершилъ отчасти сантиментальное, отчасти веселое путешествіе въ Эрменонвиль къ гробницѣ Жанъ-Жака Руссо и садамъ, такъ имъ любимымъ при концѣ своей тревожной жизни. Во время сказанной поѣздки, люди, отправленные за ослами для дамъ, должны были захватить этихъ животныхъ силой отъ какого-то упрямаго фермера. Все населеніе окрестныхъ деревушекъ, воспылавшее гнѣвомъ по случаю неожиданной реквизиціи, вслѣдъ за ослами прибѣжало къ Эрменонвиллю съ плачемъ и угрозами, но, къ счастью, лордъ Кастльре, всегда готовый разсыпать золото пригоршнями, укротилъ встревоженныхъ обывателей *).

Пребываніе Вальтера Скотта на твердой землѣ продолжалось не долѣе мѣсяца. Пышность и блескъ, встрѣтившіе его въ Парижѣ, тоже усилили желаніе поэта поскорѣе вернуться на родное мѣсто. Вообще, привязанность Скотта къ дому и Шотландіи, далеко превосходившая обыкновенную страсть почти каждаго человѣка къ своей родинѣ, могла назваться вѣчнымъ источникомъ наслажденій для поэта. Эймдонскіе холмы казались ему прелестнѣе всѣхъ снѣговыхъ хребтовъ въ свѣтѣ; передъ воспоминаніемъ о Мельрозѣ, или эдинбургскомъ замкѣ, исчезла вся прелесть великолѣпнѣйшихъ дворцовъ Европы, а Абботсфорда, или сельскаго до-

*) «Начало болѣзни, доведшей лорда до самоубійства (разсказывалъ Вальтеръ Скоттъ), я подмѣтилъ задолго въ какой-то мрачной задумчивости, впрочемъ, случавшейся очень рѣдко. Сверхъ того, онъ одинъ разъ разсказалъ мнѣ страшнѣйшую исторію, ясно показывавшую въ немъ наклонность къ иллюзіямъ зрѣнія, которыя, какъ извѣстно, составляютъ одинъ изъ главныхъ признаковъ наклонности къ помѣшательству. По словамъ Кастльре онъ имѣлъ въ свою молодость видѣніе, рѣшительно необъяснимое: стоя съ полкомъ милиціи гдѣ-то въ Ирландіи, онъ легъ спать въ старомъ, полуразрушенномъ помѣщичьемъ домѣ, на концѣ длинной комнаты, имѣя противъ себя, на другомъ ея концѣ, неизмѣримый каминъ съ пылавшимъ въ немъ костромъ изъ дровъ и торфа. Проснувшись около полуночи, онъ приподнялся съ подушки и машинально устремилъ глаза на меркнущіе уголья: въ эту самую минуту огонь вспыхнулъ съизнова и изъ огня выскочилъ нагой ребенокъ. Фигура тихо подошла къ постели, возвышаясь ростомъ на каждомъ шагу, и наконецъ принявъ видъ страшнаго, блѣднаго какъ смерть, великана, съ бѣшеными глазами и раной на лбу, изъ которой кровь бѣжала ручьемъ. Лордъ Кастльре спокойно всталъ съ постели и грозно двинулся на привидѣніе, тотчасъ же начавшее отступать шагъ за шагомъ, снова принявшее видъ ребенка и наконецъ исчезнувшее посреди камина. Въ то время онъ самъ приписывалъ иллюзію лихорадкѣ, соединенной съ послѣдствіями слишкомъ невоздержнаго ужина съ своими офицерами; но катастрофа нынѣшняго года дала всему дѣлу настоящую развязку».

ника въ Эпстиль, Скоттъ, конечно, не промѣнялъ бы на зáмки и вавилонскіе сады герцоговъ девонширскихъ. Любя природу со всѣмъ жаромъ поэтической души, пѣвецъ «Марміона» имѣлъ завиднѣйшую способность привязываться именно къ своей родной природѣ, къ пейзажамъ и небесамъ, постоянно бывшимъ передъ его глазами, и не только не охладѣвать вслѣдствіе своего постоянства, но еще усиливать привязанность чрезъ бóльшее и бóльшее знакомство съ краемъ. Оттого-то, встрѣтивъ въ Парижѣ начало осени, Вальтеръ Скоттъ видимо началъ тяготиться городской жизнью, балами, обѣдами, а разъ почувствовавъ усталость, отправился къ своимъ пенатамъ, прямой дорогой черезъ Дьеппъ, Брайтонъ и Лондонъ, оставивъ своихъ молодыхъ спутниковъ на свободѣ ѣхать въ Швейцарію и куда угодно. Въ послѣдній разъ наглядѣвшись въ Лондонѣ на своего друга, Байрона, Скоттъ пустился на сѣверъ, осмотрѣлъ зáмки варвикскій и кенильвортскій и, проведя короткое время въ Бирмингамѣ *), прибылъ въ свое владѣніе, гдѣ его встрѣтили искреннѣйшіе друзья его сердца и всѣ поселяне абботсфордскихъ владѣній. Послѣ обѣда, оживленнаго присутствіемъ любимыхъ людей и неистощимыми разсказами о чудесахъ Парижа, Вальтеръ Скоттъ приказалъ принести особый сундукъ, привезенный имъ изъ Франціи, и, созвавъ всю свою прислугу, надѣлилъ ее разными нарядами и мелкими вещицами, для нихъ накупленными въ изобиліи. Никого онъ не забылъ, и нѣсколько лѣтъ спустя, американецъ Вашингтонъ Ирвингъ, напечатавъ свои записки объ Абботсфордѣ и его обитателяхъ, сохранилъ для потомства память о томъ, какъ подарки эти были приняты. «Когда мы ходили съ Скоттомъ (пишетъ авторъ Коломбовой біографіи) по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ еще продолжались работы, каждый каменьщикъ и помощникъ садовника на минуту оставлялъ свое занятіе и, улыбаясь, съ сіяющимъ лицомъ ожидалъ какой нибудь шуточки, или ласковаго привѣта. Между ними я замѣтилъ одного высокаго, здороваго старика съ румянымъ лицомъ и серебряными волосами, въ маленькой круглой шляпѣ бѣлаго цвѣта. Онъ собирался тащить какую-то ва-

*) Въ Бирмингамѣ случилось съ Скоттомъ маленькое происшествіе, о которомъ воспоминаніе сохранилъ онъ до конца жизни. Заказавъ на фабрикѣ стальныхъ вещей ножъ для подрѣзыванья деревьевъ, онъ оставилъ тамъ записку съ тремя словами: *Вальтеръ Скоттъ. Абботсфордъ*, вмѣсто адреса. На другой день ему сообщили, что одинъ изъ работниковъ, шотландецъ, увидавъ записочку, «сошелъ съ ума отъ радости и предложилъ начальнику фабрики работать цѣлую недѣлю даромъ, только чтобъ ему досталась записка, писанная рукой Скотта». Понятно, съ какимъ чувствомъ принялъ поэтъ эту нелицемѣрную дань простого работника.

замку, но увидавъ лорда, пріостановился и началъ глядѣть на Скотта своими сіяющими голубыми глазами, будто ожидая своей очереди поболтать. «Давай-ка табачку!» сказалъ абботсфордскій владѣтель, ударяя по плечу своего фаворита. Старикашка вытащилъ роговую тавлинку и поднесъ ее по всѣмъ правиламъ чинопочитанія. «Эй, человѣкъ!» замѣтилъ Скоттъ, «что это за дрянная посудина? Развѣ я тебѣ не привезъ изъ Парижа хорошей табакерки?» — «Нѣтъ ужь, ваша честь», возразилъ поселянинъ «вашу тавлинку по буднямъ носить не приходится».

Плодомъ Скоттовой поѣздки оказалась небольшая но очень энергическая поэма «Ватерлооское Поле» и описаніе замѣчательнѣйшихъ вещей, видѣнныхъ имъ въ Голландіи и Франціи, изданное въ видѣ писемъ *), очень живыхъ и крайне интересныхъ для будущаго историка, или нравоописателя. Оба сочиненія имѣли значительный успѣхъ — обстоятельство, напоминающее намъ успѣхъ другого болѣе важнаго творенія, которое мы чуть не прошли молчаніемъ, увлекшись разсказомъ о заграничныхъ похожденіяхъ поэта.

X.

Начало перваго романа. — Неблагопріятные отзывы. — Вліянія тревогъ политическихъ на книжную торговлю. — Неудача Свифтовой біографіи. — Безпорядки дѣлъ; мотовство Джона Беллентейна. — Затрудненія по типографіи. — Переговоры съ Констэблемъ. — Новые хлопоты. — Помѣшательство Вебера. — Скоттъ снова принимается за романъ. — Анекдотъ о таинственной рукѣ. — Отзывы Эрскина. — Изданіе въ свѣтъ «Веверлея». — Успѣхъ и причины успѣха. — Тайна, хранимая на счетъ имени сочинителя. — Мнѣніе самого Скотта о романѣ. — Толки публики. — Обѣды у принца-регента. — Забавный анекдотъ о лордѣ Браксфильдѣ и тосты въ честь автора «Веверлея». — «Вѣнчанные поэты». — Письма къ Соути и Кларку на счетъ должности вѣнчаннаго поэта (poet-laureate). — Послѣдняя поэма Скотта. — Романъ «Гэй-Меннрингъ».

Въ предъидущихъ статьяхъ нашихъ мы не разъ имѣли случай упоминать о рукописи сочиненія, начатаго Вальтеромъ Скоттомъ, по его разсказамъ, тотчасъ послѣ изданія въ свѣтъ «Дѣвы Озера», а по замѣткамъ многихъ его біографовъ, даже гораздо ранѣе. Сочиненіе это, до времени названное «Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ», представляло собой начало романа, долженствующаго познакомить публику съ обычаями Шотландіи въ критическую эпоху борьбы за послѣдняго изъ Стюартовъ, борьбы, какъ извѣстно,

*) Paul's letters to his Kinsfolk.

окончившейся куллоденскимъ сраженіемъ, такъ гибельнымъ для старой Каледоніи. Много разъ романъ, названный нами, откладывался въ сторону, лежалъ безъ вниманія по годамъ и снова появлялся на рабочемъ столѣ поэта, недогадывавшагося, какой переворотъ произойдетъ во всѣхъ его дѣлахъ и извѣстности вслѣдствіе этого вѣчно бросаемаго и вѣчно забываемаго произведенія. Работа шла лѣниво и вся вещь едва дошла до конца первой части. Друзья, которымъ дали ее прочитать, единогласно не одобрили попытки: по ихъ словамъ, слогъ поражалъ своей непростительною небрежностью; хатактеръ героя не имѣлъ ничего привлекательнаго; обиліе совершенно ненужныхъ подробностей безъ нужды вредило ходу дѣйствія, и событія текли вяло, медленно *). Съ 1810 года романъ немного подвинулся, къ отзывамъ довѣренныхъ цѣнителей, хотя все еще очень строгимъ, начала примѣшиваться нѣкоторая похвала. «Присланное мнѣ начало романа» пишетъ старшій Беллентейнъ, «я прочелъ безъ скуки, хотя разсужденія, перемѣшанныя съ разсказами, не приходятся мнѣ по вкусу. Вся исторія происходитъ въ 1750 году, а между тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ приданъ какой-то оттѣнокъ старины, вовсе несходный съ характеромъ эпохи. Вспомните, что наши отцы жили весело, что тогда писалъ Джонсонъ и Гаррикъ украшалъ лондонскую сцену, да что и вообще частная жизнь англичанъ съ тѣхъ поръ измѣнилась только въ мелочахъ, чуть ли не въ одномъ покроѣ платья.

«Зачѣмъ отчетъ о занятіяхъ героя и книгахъ, имъ читанныхъ, такъ непріятно мелоченъ? Зачѣмъ вы говорите, напримѣръ: «Онъ читалъ Дон-Кихота», хотя изъ всѣхъ послѣдующихъ событій вовсе не видно вліянія этой книги на его характеръ? Вы такъ умѣете сжимать свою рѣчь въ стихѣ и такъ многословны въ прозѣ! Но изображать предметы вы все-таки мастеръ во всемъ.

«Забавныя сцены весьма удачны. «Продолжать ли романъ?» спросите вы. Конечно продолжайте. Успѣхъ будетъ, хотя неизвѣстно до какой степени. Я не берусь угадывать».

Такой холодный отзывъ не могъ поощрить поэта, привыкшаго къ успѣхамъ быстрымъ и блистательнымъ. Рукопись опять отправилась въ число ненужныхъ бумагъ и нѣсколько разъ находилась въ опасности подвергнуться уничтоженію, когда стеченіе многихъ непріятныхъ обстоятельствъ, побудившее Скотта, во что бы ни стало, удвоить свою литературную дѣятельность, снова обратило его вниманіе на начатый романъ, во всякомъ случаѣ способ-

---

*) Замѣтки Эрскина и Джемса Беллентейна.

ный былъ проданнымъ не безъ выгоды. Періодъ послѣднихъ войнъ съ Франціею, періодъ тревоги и напряженія, какъ можно догадаться, не совсѣмъ ладилъ съ выгодами тогдашней книжной торговли. Правда, Великобританія обладала въ то время нѣсколькими первоклассными поэтами и учеными, которые могли поддержать блескъ ея словесности въ года, невыгодные для развитія литературнаго, но одни труды дѣятелей перваго разряда не только никогда не способны вознаградить собою отсутствія обыкновеннаго литературнаго движенія въ смутное историческое время, но даже своимъ яркимъ блескомъ откидываютъ въ тѣнь книги простыя, повседневныя, но всегда дающія главную работу книгопродавцамъ и издателямъ. Въ эти годы поэмы, подобныя «Гяуру» и «Рокби», конечно разшевеливаютъ равнодушную публику, но, сверкнувши, они только отчасти разгоняютъ мракъ, покрывающій всю область словесности. Мало того, публика, постоянно привыкшая къ однимъ первокласснымъ новостямъ, начинаетъ жаждать только чего нибудь рѣзкаго и необыкновеннаго, проходя безъ вниманія все, чтò поперечитъ подобнымъ ожиданіямъ. Книгопродавцы, неуспѣвшіе запастить какимъ нибудь львомъ, въ родѣ Скотта, Байрона, Мура, погибаютъ безъ занятія, и даже самые литературные львы, видя передъ собой вѣчную необходимость озадачивать читателя, поневолѣ начинаютъ вдаваться въ эксцентричность, прощаясь со всякимъ трудомъ тихимъ и осмотрительнымъ. Дѣятельность Скотта, какъ мы видѣли, постоянно дѣлилась на двое: рядомъ съ поэмами онъ велъ цѣлые ряды монографій, комментарій къ старымъ писателямъ, рецензій и этюдовъ всякаго рода, дававшихъ ему случай поучаться, поучая другихъ и соблюдать свои выгоды, содѣйствуя какъ успѣху дружественныхъ изданій, такъ и выгодамъ своихъ компаньоновъ по книжной торговлѣ. Въ упоминаемый нами періодъ, вся скромная часть этихъ трудовъ пришла въ самый неблистательный видъ вслѣдствіе холодности публики, а малый успѣхъ одного изъ любимыхъ предпріятій въ этомъ родѣ, предпріятій, стоившихъ Скотту многихъ хлопотъ, долголѣтняго труда и значительныхъ издержекъ *) заставилъ поэта устремить тревожный взглядъ на положеніе своихъ литературно-торговыхъ занятій.

*) Мы говоримъ про изданіе полныхъ сочиненій *Свифта* съ комментаріями и біографіей поэта, написанными В. Скоттомъ. *Джонатанъ Свифтъ,* авторъ знаменитаго «Гулливерова Путешествія», одинъ изъ литераторовъ аннинскаго періода, до сихъ поръ составляетъ какую-то психологическую загадку, привлекающую къ себѣ біографовъ и историковъ словесности. Жизнь его очень хорошо, хотя отчасти пристрастно, описанная Скоттомъ — цѣлый романъ, далеко оставляющій за

Джонъ Беллентейнъ, открывшій, какъ мы видѣли *), на Скоттовы деньги книжный магазинъ въ Эдинбургѣ и начавшій уже терпѣть неудачи тогда, какъ еще всѣ работы шли безпрепятственно и продавались удачно, пропадалъ совершенно посреди нами описаннаго книжнаго кризиса. Растративъ съ обычной своей вѣтренностью, часть общаго запаснаго капитала на обѣды и подарки хорошенькимъ дѣвушкамъ, онъ самъ испугался послѣдствій своего мотовства и, не желая пугать себя еще болѣе, нѣсколько лѣтъ сряду не сводилъ счетовъ по своимъ операціямъ. «Этотъ бездѣльникъ-шутъ, говаривалъ Скоттъ впослѣдствіи, отличался отъ всѣхъ почти людей одною необыкновенною странностью. Онъ никогда не зналъ — положительно не зналъ, богатъ ли онъ, или бѣденъ, есть ли у него какое нибудь средство жить и веселиться, или грозитъ ему совершенная нищета» **). Но такъ сильно любилъ поэтъ веселаго Джона, что никакія тяжкія испытанія не заставили его понять всю неспособность этого человѣка къ дѣламъ, требующимъ какой нибудь солидности. Съ помощью займа и остатковъ капитала, назначеннаго на отдѣлку Абботсфорда, дѣло кое-какъ поправили; но тутъ подоспѣлъ другой Беллентейнъ, Джемсъ, съ печальнымъ извѣстіемъ о дурномъ ходѣ типографскихъ дѣлъ и объ остановкѣ бо́льшей части заказовъ. По его идеѣ, требовалось сейчасъ же пустить въ свѣтъ новую поэму съ именемъ Скотта, хоть плохую, хоть не обдѣланную, для пріобрѣтенія денегъ, нужныхъ для изворота; но какъ поэтъ ни цѣнилъ независимость въ денежномъ отношеніи, какъ ни тяготился всякимъ долгомъ ***), однакожъ, мысль о такомъ вредномъ для своего имени дѣлѣ онъ тотчасъ же отстранилъ съ неудовольствіемъ.

Пока всѣ эти переговоры тянулись и Арчибальдъ Констэбль

собой, относительно интереса, многіе изъ лучшихъ чисто-вымышленныхъ романовъ. Указанный нами трудъ Скотта важенъ еще потому, что по поводу его появилась въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи» огромная статья о жизни и сочиненіяхъ Свифта, принадлежащая къ числу лучшихъ вещей, когда либо написанныхъ лордомъ Джеффри.

*) Послѣ ссоры Скотта съ Констэблемъ.

**) Слова эти подтвердились много разъ на дѣлѣ и, кромѣ того, вся ихъ справедливость выказалась, много лѣтъ спустя, по смерти Джона Беллентейна. Джонъ, имѣлъ иногда привычку вести дневникъ, и въ этомъ дневникѣ, за нѣсколько недѣль до смерти, значилось: «труды мои увѣнчались успѣхомъ; много разъ я бывалъ нищимъ по своей винѣ, а теперь пріобрѣлъ до 10,000 фунтовъ стерлинговъ». Но Джонъ умеръ, не оставивъ ничего, кромѣ долговъ: 10,000 ф. ст. существовали только въ его воображеніи.

***) Герцогъ Бокклейгскій, при первомъ извѣстіи о затруднительныхъ дѣлахъ Скотта, поспѣшилъ предложить ему свои услуги. Поэтъ занялъ у него 4000 ф. ст. (24,000 р. с.) и тѣмъ спасъ обоихъ Беллентейновъ.

предлагалъ свои услуги, вызываясь купить весь магазинъ, такъ разэстроенный бездѣльникомъ Джономъ, послѣдовало новое событіе, надолго повернувшее вверхъ дномъ всѣ Скоттовы планы по части новыхъ работъ. Въ семействѣ его болѣе десяти лѣтъ проживалъ, на хорошемъ жалованьи, нѣкто Генрихъ Веберъ, еще не старый, добрый нѣмецъ, призрѣнный Скоттомъ, и, по своей учености, оказывавшійся чрезвычайно дѣльнымъ помощникомъ во всѣхъ трудахъ хозяина, конечно, за исключеніемъ поэмъ и стихотвореній. И семейство и друзья поэта очень любили Вебера за его добрую наружность, тихій нравъ, разсказы о студенческой жизни, а Вальтеръ Скоттъ давно уже привыкъ считать его своей правой рукою вездѣ, гдѣ требовалась работа книжная сухая, то есть подборъ матеріаловъ, заготовленіе выписокъ и первая разработка свѣдѣній, уже собранныхъ. Съ молодости своей проживая въ Шотландіи, и сердечно полюбивъ ее, какъ новую родину, Веберъ имѣлъ несчастіе заимствовать нѣкоторыя привычки, безвредныя для уроженцевъ края, съ дѣтства привыкшихъ ко всякаго рода излишествамъ, но гибельныя для иностранцевъ, особенно пріѣхавшихъ изъ края, гдѣ народъ ведетъ жизнь умѣренную, короче сказать: Генрихъ началъ пить, въ одно время навлекая на себя справедливые укоры со стороны своего друга и начальника, а сверхъ того, производя безпорядки въ работахъ, до тѣхъ поръ двигавшихся съ исправностью хорошаго маятника.

Въ послѣдніе дни 1813 года, работая передъ обѣдомъ, вмѣстѣ съ Веберомъ въ своемъ кабинетѣ, Скоттъ далъ себѣ, при наступленіи сумерекъ, минуту отдыха и потребовалъ огня, машинально устремивъ глаза на своего товарища. Въ отвѣтъ на этотъ взглядъ нѣмецъ вынулъ изъ кармана пару пистолетовъ, взвелъ курки и, подойдя къ кресламъ поэта, сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Мистеръ Скоттъ, вы уже давно какъ начали оскорблять меня и я неспособенъ долѣе переносить вашихъ дерзостей. Потрудитесь взять одинъ изъ пистолетовъ и теперь же покончить дѣла между нами». Съ разу понявъ состояніе бѣднаго Генриха, Скоттъ имѣлъ счастіе сохранить все присутствіе духа. «Вы могли ошибиться (отвѣтилъ онъ Веберу); но, впрочемъ, дѣло не въ томъ, и я готовъ дать вамъ полное удовлетвореніе, какъ вы сами того желаете. Но я не могу думать, чтобъ вы серьёзно намѣревались стрѣляться со мной въ этой самой комнатѣ, перепугать мою жену и всѣхъ домашнихъ. Не лучше ли намъ пока спрятать пистолеты въ шкапъ, а послѣ обѣда кончить дѣло какъ слѣдуетъ джентльменамъ?» Веберъ сказалъ: «Я и самъ такъ думаю», вслѣдствіе чего пистолеты тутъ же

у него взялъ хозяинъ. Черезъ нѣсколько часовъ признаки помѣшательства, угаданнаго Скоттомъ, выказались въ полной мѣрѣ. Веберу уже не было суждено прійдти въ себя и онъ кончилъ жизнь, черезъ пять лѣтъ, въ Іоркскомъ домѣ умалишенныхъ, гдѣ его лечили и содержали на счетъ суммъ, постоянно вносимыхъ за него авторомъ «Рокби».

Посреди затрудненій финансовыхъ, сдѣлавъ долгъ, начавъ постройки, которыхъ нельзя было бросить безъ окончанія, каждый день получая самыя неутѣшительныя свѣдѣнія отъ Беллентейновъ, наконецъ, потерявъ въ Веберѣ помощника, надолго незамѣнимаго, и оттого находя себя въ необходимости отложить всѣ работы, требующія хлопотъ по собранію для первой обработки матеріаловъ, Вальтеръ Скоттъ увидѣлъ себя въ необходимости перевести на наличныя деньги часть своихъ вещей, отложенныхъ въ сторону по разнымъ причинамъ, и тутъ же далъ позволеніе объявить въ газетахъ о скоромъ появленіи въ свѣтъ новаго романа, подъ названіемъ: «Веверлей, или Шестьдесятъ лѣтъ назадъ», въ трехъ частяхъ. Имени автора не выписывалось и вообще съ издателей требовалось строжайшаго секрета по этому случаю. «Если даже вещь и удастся (прибавилъ поэтъ), то я все-таки требую совершеннаго молчанія. Я, какъ ШериДановъ лицемѣръ *), страдаю отъ избытка хорошей обо мнѣ славы, а книга, способная получить успѣхъ, можетъ навлечь на меня одну брань, если я подпишу ее своимъ именемъ. Сверхъ того, я усталъ и истаскался; публика слишкомъ часто встрѣчалась съ однимъ и тѣмъ же Вальтеромъ Скоттомъ».

Снова положивъ романъ передъ собою, авторъ далъ себѣ слово не отступаться не побѣдивъ. Очень милый анекдотъ разсказанъ по случаю Скоттовыхъ трудовъ, въ этотъ періодъ, его зятемъ Локгартомъ, тогда еще незнакомымъ ни съ поэтомъ, ни съ его семействомъ. Компанія молодыхъ эдинбургскихъ адвокатовъ и литераторовъ, въ томъ числѣ и Локгартъ, обѣдали у одного изъ товарищей **), жившаго насупротивъ Скоттовой квартиры. Какъ водится между молодежью, обѣдъ незамѣтно перешелъ въ ужинъ, за ужиномъ послѣдовали безконечные тосты и долго послѣ разсвѣта веселая компанія еще пила, смѣялась и пѣла шотландскія пѣсни. Посреди общаго шума, одинъ только хозяинъ задумался, не спу-

*) Джозефъ Шерфесъ, въ «Школѣ Злословія».

**) Вилльяма Мензи, впослѣдствіи бывшаго главнымъ судьей на Мысѣ Доброй Надежды.

сквя глазъ съ открытаго окна въ сосѣднемъ домѣ черезъ улицу. «Что съ тобой?» спросилъ Локгартъ. «Рука, рука! опять эта рука!» могъ только произнести молодой человѣкъ съ чувствомъ. Всѣ подошли къ окну, и дѣйствительно увидѣли сквозь противоположное стекло часть комнаты, письменный столъ, груду бумагъ на столѣ и руку съ перомъ, быстро исписывающую Богъ знаетъ который листъ бумаги. «Господа!» сказалъ молодой хозяинъ, весь взволнованный вліяніемъ утренняго воздуха и безсонной ночи: «я не могу смотрѣть хладнокровно на эту руку. Она была тутъ, когда еще мы не сошлись къ обѣду, она писала весь вечеръ, пока мы пили, она уже нѣсколько часовъ какъ явилась опять на этомъ мѣстѣ. Листъ за листомъ откладывается въ сторону, а онъ все пишетъ и пишетъ. Когда я провожу день въ безпутствѣ и праздности, у меня нѣтъ силъ глядѣть на эту руку!» Одинъ изъ гостей, недавно прибывшихъ въ Эдинбургъ, замѣтилъ, улыбаясь: «вѣрно какой нибудь подъячій строчитъ свои ябеды!» — «Нѣтъ, мой другъ, уныло сказалъ хозяинъ, рука, на которую мы всѣ глядимъ, подарила Англіи цѣлый рядъ великихъ произведеній: это рука Вальтера Скотта, нашего великаго поэта!» Трудно описать — заключаетъ разсказчикъ — какъ сильно поразили насъ и рѣчь хозяина, и вся сцена и видъ руки, продолжавшей ходить по бумагѣ во время самаго о ней разговора! *)

Вилльямъ Эрскинъ, ужь одинъ разъ отозвавшійся очень дурно о «Веверлеѣ», снова перечитавъ рукопись, значительно прибавленную, сказалъ смѣло и рѣшительно: «Начало все-таки неудачно; но романъ этотъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ будетъ самымъ любимымъ изъ всѣхъ Скоттовыхъ произведеній». Такъ какъ авторъ, не взирая ни на какія похвалы, требовалъ строжайшаго секрета на счетъ своего имени, то оригиналъ сперва дали переписать Джону, потомъ ужь отправили въ типографію и оттуда въ готовомъ видѣ передали Констэблю для прочтенія, не сказывая кѣмъ книга написана. Констэбль, безъ сомнѣнія, догадавшись въ чемъ дѣло, тутъ же предложилъ купить романъ за 700 фунтовъ, но Беллентейнъ, посовѣтовавшись съ Скоттомъ, отвѣтилъ такъ: «Если книга получитъ успѣхъ, цѣна приходится малою; если же ей суждено отправиться къ бѣсу (the d — d), то семьсотъ фунтовъ слишкомъ

---

*) В. Скоттъ принялся за неоконченный первый томъ «Веверлея» 4 іюня; къ 1 іюлю, менѣе чѣмъ чрезъ тридцать дней, и двѣ послѣднія части отправлены были въ типографію! Трудно повѣрить этому факту, но онъ засвидѣтельствованъ отзывами современниковъ и признаніемъ самого поэта.

много» *). Тысячи фунтовъ (цѣны, назначенной Скоттомъ) Констэбль дать не согласился и потому, вмѣсто полнаго обладанія «Веверлеемъ», получилъ, какъ книгопродавецъ, только свою часть выгодъ, впрочемъ, очень значительныхъ. Объ успѣхѣ жь романа можно составить себѣ понятіе, сообразивъ, что въ первый годъ своего появленія онъ разошелся въ пяти изданіяхъ; число же отдѣльно проданныхъ экземпляровъ (не считая переводовъ и контрфакцій), въ какіе нибудь десять лѣтъ дошло до баснословнаго количества — *пятидесяти тысячъ*.

Многіе Скоттовы біографы и вообще историки словесности приписываютъ огромный успѣхъ романа «Веверлей», не столько его неоспоримымъ достоинствамъ, какъ изящнаго произведенія, сколько новости замысла: основать романъ на извѣстныхъ историческихъ событіяхъ, и еще болѣе изумленію публики, до тѣхъ поръ привыкшей считать всякій романъ сбродомъ нелѣпыхъ приключеній и приторныхъ сантиментальностей. По идеѣ этихъ историковъ и біографовъ, Скоттъ представляется преобразователемъ романа, человѣкомъ, возвысившимъ, почти создавшимъ, нынѣшнее значеніе этого рода литературныхъ произведеній, а потому достойнымъ стоять въ головѣ всѣхъ романистовъ, подобно тому, какъ, напримѣръ, Аристофанъ числится отцомъ комедіи, хотя разные сценическіе фарсы существовали и до Аристофана. Мнѣніе это еще можно было бы поддерживать, еслибъ Вальтеръ Скоттъ жилъ не въ Англіи и писалъ не для Англіи, въ теченіе долгихъ лѣтъ обладающей романами классическими и романистами самыхъ разнообразныхъ достоинствъ, начиная отъ Де-Фо и кончая миссъ Остенъ, писательницей съ большимъ дарованіемъ, но мало извѣстной внѣ Англіи. Производить реформу въ романахъ и считаться отцомъ романистовъ едва ли было возможно въ той странѣ, гдѣ Ричардсонъ восхищалъ всѣхъ своей «Кларисой», Смоллетъ выводилъ на сцену веселыхъ моряковъ и авантюрьеровъ, Фильдингъ сочинилъ «Амелію» и «Тома Джонса», въ словесности, гдѣ по части романовъ трудились Годвинъ **), Гольдсмитъ ***), миссъ Бюрлей ****), Горацій Валь-

*) Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ, что въ англійской книжной торговлѣ, до В. Скотта, покупка романовъ не считалась дѣломъ очень прибыльнымъ и выгоды романистовъ, даже самыхъ любимыхъ, могли назваться весьма незначительными. 700 фунтовъ, предложенныхъ Констэблемъ, составляли гонораріи безпримѣрный, хотя, какъ извѣстно, превосходные романы писались задолго до В. Скотта.

**) Авторъ «Калебъ Вилльяма».

***) «Vicar of Wakefield».

****) «Эвелина» и «Цецилія».

ноль *), миссъ Марія Эджвортъ **), Стернъ ***), наконецъ мистриссъ Радклифъ и Льюизъ — основатели страшной школы, хотя и заблуждавшіеся, но исполненные дарованія. Цѣлый рядъ первоклассныхъ романовъ, названія которыхъ извѣстны каждому человѣку, что нибудь читавшему, романовъ, переведенныхъ на всѣ европейскіе языки, существуя до Вальтера Скотта, нисколько не потерялъ своего значенія и послѣ Скоттова «Веверлея». Нельзя отвергнуть, что интрига этого послѣдняго сочиненія много выигрываетъ отъ своего сплетенія съ извѣстными историческими событіями, что въ романѣ является нѣсколько лицъ, поступившихъ въ область исторіи; но это нововведеніе отчасти не было новостью: до Скотта еще Смоллетъ въ одномъ изъ своихъ романовъ ****) подробно описалъ морскую экспедицію, сильно занимавшую умы его современниковъ, а госпожа Радклифъ, въ другомъ сочиненіи *****) вывела передъ публику лица, во время несчастной исторіи «Брилльянтоваго Ожерелья», занимавшія Европу гораздо болѣе, чѣмъ смерть Фергуса Мак-Ивора и неудачная экспедиція принца Карла-Эдуарда. Успѣхъ «Веверлея», по нашему мнѣнію, основанъ не на новизнѣ замысла, не на холодности англійской публики къ твореніямъ предшественниковъ Скотта, а на громадномъ дарованіи самого писателя, на его умѣньи разсказывать, на веселости и увлекательности его слога, на всѣхъ тѣхъ достоинствахъ, однимъ словомъ, которыя всегда дадутъ писателю славу, явись онъ хотя послѣ тысячи блистательныхъ предшественниковъ.

И Рафаэль, и нашъ Брюлловъ не были одинокими звѣздами на горизонтѣ искусства; Шекспиръ также сплеталъ свою интригу, какъ и его предшественники; Мольеръ даже преклонялся передъ условіями, стѣснявшими его геній; но слава этихъ великихъ дѣятелей отъ того не меркнетъ нимало. Правда, что Скоттъ, въ послѣдующихъ романахъ, посвятивъ особенное вниманіе элементу историческому, создалъ совершенно отдѣлъ историческихъ романовъ и породилъ школу безчисленныхъ подражателей; но эта реформа можетъ назваться частною, не столь важною для словесности, какъ важна прелесть Скоттова дарованія, равно блистательнаго и въ очертаніи Ричарда Плантагенета и вы-

*) «Отрантскій Замокъ».
**) Повѣсти изъ свѣтской жизни, ирландскія повѣсти, «Элленъ» и другіе романы.
***) «Tristram Shandy», «Sentimental Journey».
****) «Roderik Random».
*****) «The forest».

мышленныхъ посѣтителей Сен-Романскихъ, въ описаніи похожденія Лудовика XI и героизма Джени Денсъ, поселянки шотландской, и антикварія, неимѣющаго претензіи на историческое значеніе. Мы слишкомъ способны въ каждомъ геніальномъ писателѣ видѣть человѣка, открывшаго новыя стези искусства и неминуемо отбросившаго въ тѣнь всѣхъ своихъ предшественниковъ. Безъ новизны направленія, по мнѣнію многихъ, нѣтъ генія: а всякій геній поэтому словно находится въ необходимости двигаться какимъ-то особеннымъ путемъ, до той поры неизвѣстнымъ никому на свѣтѣ. Сказанный предразсудокъ порождаетъ много ложныхъ теорій, еще болѣе неестественныхъ сближеній, такъ часто превращающихъ исторію словесности въ какую-то довольно замысловатую игру, гдѣ на мѣсто фактовъ, являются одни умствованія, часто запутанныя, всегда почти ложныя.

Какъ бы то ни было, съ достовѣрностью можно сказать одно только: если Вальтеръ Скоттъ въ своемъ «Веверлеѣ» и не открылъ какого нибудь несуществовавшаго до него рода литературныхъ произведеній, зато онъ въ совершенствѣ открылъ искусство писать романы такъ, чтобъ ихъ продавалось по пятидесяти тысячъ экземпляровъ. Безпримѣрный успѣхъ его новой книги, какъ водится, породилъ тысячи предположеній на счетъ ея таинственнаго сочинителя. Друзья Скотта свято хранили тайну, имъ ввѣренную; Беллентейны ловко отшучивались отъ всѣхъ разспросовъ и такимъ образомъ любопытная публика принуждена была довольствоваться однѣми догадками, изъ которыхъ въ каждой заключалось что нибудь лестное для книги, то приписываемой В. Эрскину, то Эллису, то, наконецъ, Френсису Джеффри *).

---

*) О шумѣ, возбужденномъ появленіемъ «Веверлея», а также и о собственномъ взглядѣ на достоинства и недостатки романа, пускай сообщитъ намъ самъ счастливый его авторъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Моррату, для котораго «тайны не существовало».

«Я не согласенъ признать «Веверлея»; сдѣлавъ это, я лишу себя возможности писать снова. Публика заинтригована, а теперь новый романъ съ подписью «авторъ Веверлея» возбудитъ бо́льшее любопытство, чѣмъ еслибъ на оберткѣ стояло ужь примелькавшееся имя Скотта, имя знакомое и очень истертое! Конечно, бо́льшая часть знатоковъ дѣла или догадываются или скоро догадаются о томъ, кто писалъ «Веверлея», но я стану молчать и молчать. Давидъ Юмъ, племянникъ историка, сказалъ мнѣ: «авторъ романа торій и любитель якобитовъ (защитниковъ Стюартовской династіи), шотландскій юристъ и сверхъ того членъ кавалерійской милиціи: какъ вы думаете, кто бы это могъ быть? Впрочемъ, эдинбургскій свѣтъ скорѣе возлагаетъ весь грѣхъ на Джеффри, будто бы сочинившаго «Веверлея» во время своей скучной, за-атланти-

Однимъ изъ лицъ, прилагавшихъ наибольшія усилія къ побужденію Скотта признаться въ сочиненіи «Веверлея», былъ его королевское высочество принцъ-регентъ, ужъ не разъ изъявлявшій желаніе, какъ это мы видѣли въ прежнихъ главахъ, ближе сойдтись съ однимъ изъ любимѣйшихъ своихъ поэтовъ. Узнавъ отъ мистера Крокера *), занимавшаго важную должность адмиралтействъ-секретаря, что въ мартѣ 1815 года Скоттъ прибудетъ въ Лондонъ, принцъ приказалъ дать себѣ знать о его прибытіи, собираясь

ческой поѣздки» *). Итакъ, вы видите, нашъ подкидышъ не остался безъ родителей, да еще какихъ! Подумайте еще объ одномъ обстоятельствѣ: я занимаю въ судебной палатѣ замѣтную должность, *и не одинъ изъ судей, составляющихъ эту палату, способенъ косо глядѣть на производителя дѣлъ, занимающагося сочиненіемъ романовъ*. Во всякомъ случаѣ, мое молчаніе основано на весьма извинительномъ желаніи: изрѣдка писать разные пустячки, не подвергаясь суровой оцѣнкѣ. Мекензи никогда не подписывалъ ни одного изъ своихъ сочиненій, а Свифтъ едва ли призналъ одну изъ ста сочиненныхъ имъ вещей. И вы и многіе цѣнители слишкомъ снисходительны къ «Веверлею»; еслибъ я былъ критикомъ, а романъ принадлежалъ не мнѣ, я могъ бы отдѣлать его самымъ жосткимъ образомъ.

«Такъ, напримѣръ, я вижу очень хорошо, что герой романа вышелъ весьма жалокъ и безхарактеренъ. Еслибъ онъ женился на Флорѣ Мак-Иворъ, она могла бы ставить его на каминъ подъ зеркало, какъ это дѣлала жена карлика Борославскаго, показывавшая мужа за деньги. Я вовсе неспособенъ описывать такъ называемыхъ героевъ, и мало того, одаренъ незавиднымъ дарованіемъ изображать съ любовью буканьеровъ, горскихъ удальцовъ и всякихъ молодцовъ Робин-Гудовой породы. Не могу придумать, почему бы оно было такъ; самъ я довольно честенъ; никогда не совершалъ ни открытой, ни скрытой покражи: должно быть, вѣрно во мнѣ еще остается кровь предковъ, отгонявшихъ чужой скотъ къ себѣ, въ долину тивіотскую!

«Прощайте, нѣкогда писать болѣе. Меня постигло огромное домашнее бѣдствіе: индѣйскій пѣтухъ, предводительствуя семействомъ изъ сорока или пятидесяти малыхъ индѣйцовъ, разрушилъ мои клумбы и гордо ходитъ между низверженными цвѣтами. Шарлотта и ея птичница только смѣются надъ моимъ отчаяніемъ, и я утѣшаю себя одной безчеловѣчной надеждой — когда нибудь съѣсть противниковъ моего сада. Сейчасъ, для моего утѣшенія, явился Джемсъ Беллентейнъ съ письмомъ отъ моей знакомой незнакомки, милой миссъ Мери Эджвортъ, которая проситъ прислать ей экземпляръ «Веверлея», съ надписью «отъ автора». Обожая ея прелестный талантъ я напишу къ ней любезное письмо, будто бы отъ Беллентейна, и пошлю ей три просимые томика».

**) Автора многихъ политическихъ статей, дѣятельнаго сотрудника «Трехмѣсячнаго Обозрѣнія» и большаго знатока англійской словесности. Этому самому Крокеру принадлежитъ изданіе Босвеллевой біографіи Джонсона и комментаріи къ этой книги. Многія достоинства Крокера, какъ литератора, помрачались духомъ задора и нетерпимости, вовлекавшимъ его въ полемическіе споры, не всегда достойные его учености и почетныхъ мѣстъ, имъ занимаемыхъ.

---

*) Лордъ Джеффри былъ женатъ на дѣвицѣ изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

устроить веселый маленький обѣдъ въ шотландскомъ вкусѣ. Согласно повелѣнію, поэта представили на выходъ его высочеству, тутъ же пригласившему его въ свой Карльтон-Гоузъ къ обѣду. Отпустивъ автора «Пѣсни Минестреля», принцъ-регентъ, не даромъ прозванный первымъ джентльменомъ во всей Великобританіи, потребовалъ къ себѣ своего библіотекаря, Адама, Скоттова друга съ дѣтскихъ лѣтъ, и попросилъ его назвать изъ числа своихъ приближенныхъ, лицъ, особенно любимыхъ поэтомъ. «Соберемъ, сказалъ принцъ-регентъ: — всѣхъ его пріятелей, и какъ можно болѣе шотландцевъ». «Такимъ образомъ, разсказываетъ Крокеръ, одинъ изъ участниковъ обѣда, собралась небольшая компанія изъ герцога Йоркскаго (брата е. в.) герцога Гордона, графа Фейорскаго, и лорда Мельвиля, бывшаго правителя Шотландіи, постоянно отличавшаго Скотта задолго еще до пріобрѣтенія имъ европейской репутаціи. Обѣдъ дѣйствительно прошелъ необыкновенно весело. Его высочество и Вальтеръ Скоттъ, оба, имѣвшіе даръ несравненно разсказывать анекдоты, оба любившіе посмѣяться, отбросили въ тѣнь всѣхъ остальныхъ собесѣдниковъ. Регентъ объявилъ, что онъ очарованъ своимъ гостемъ; подъ вліяніемъ его высокихъ ласкъ, Скоттъ превзошелъ самъ себя въ забавныхъ разсказахъ о шотландскихъ деревенскихъ лердахъ и разныхъ литературныхъ новостяхъ. Нѣсколько разъ его высочество, конечно, шутя, наводилъ разговоръ на «Веверлея», хвалилъ романъ, лукаво спрашивалъ Скотта, какъ онъ имъ доволенъ, но хитрый романистъ постоянно находилъ въ отвѣтъ или шутку, или разсказъ, отводившій прямые разспросы. Одинъ изъ разсказовъ Скотта заставилъ всѣхъ насъ покатиться со смѣха, не смотря на его содержаніе, отчасти мрачное, и потому, быть можетъ, еще болѣе разительное. Лордъ Браксфильдъ, одинъ изъ старыхъ шотландскихъ судей, великій чудакъ и охотникъ до шахматной игры, имѣлъ обыкновеніе во время своихъ должностныхъ поѣздокъ ужинать, играть въ шахматы и ночевать у котораго-то изъ сосѣднихъ лердовъ, не разъ ужь навлекавшаго на себя его подозрѣнія въ участіи по нѣсколькимъ дѣламъ уголовнаго свойства. Одинъ разъ, доигравшись съ хозяиномъ до разсвѣта и все-таки не кончивъ партіи, лордъ Браксфильдъ сказалъ: «Ну, Дональдъ, отложи-ка доску въ сторону такъ, какъ она есть; къ веснѣ я къ тебѣ прикачу опять и мы снова сцѣпимся». Но одно неожиданное, а можетъ быть и ожиданное обстоятельство повредило плану: черезъ нѣсколько дней Дональда схватили за дѣланіе фальшивыхъ актовъ и привели въ судъ передъ очи его недавняго гостя и противника за шахматной доскою. Уликъ скопились де-

сятки, присяжные удалились и вернулись съ обвиненіемъ, услышавъ которое, лордъ судья Браксфильдъ, по смыслу закона, всталъ съ своего мѣста и произнесъ приговоръ, осуждавшій Дональда быть повѣшеннымъ за шею дотолѣ, покуда приключится смерть. Но тутъ шотландская веселость взяла свое: громкимъ голосомъ сказавъ послѣднюю фразу сентенціи, лордъ Браксфильдъ быстро надѣлъ шляпу и, подмигнувъ осужденному, прошепталъ весьма громко: *ну Дональдъ, задалъ же я тебѣ шахъ и матъ съ одною раза!*

«Принцъ долго не могъ перестать смѣяться, такъ хорошо разсказалъ Скоттъ всю исторію. «Клянусь честью, Вальтеръ (съ первыхъ словъ, принцъ ужь не могъ называть поэта другимъ именемъ) — сказалъ онъ — вашъ старый судья *самою меня* перещеголялъ своимъ свирѣпствомъ».

«Выпьемъ же по стакану за здоровье автора «Веверлея», прибавилъ принцъ, въ то же время лукаво поглядѣвъ на Скотта. На минуту поэтъ будто смѣшался, но тотчасъ оправившись, весело налилъ свой стаканъ. «Ваше высочество, сказалъ онъ при этомъ:— повидимому предполагаете, вмѣстѣ съ многими, что романъ написанъ мною. Я не имѣю права претендовать на одобреніе ваше въ этомъ случаѣ, но тотчасъ же приму мѣры для увѣдомленія настоящаго сочинителя о выской чести, ему здѣсь сдѣланной!» Затѣмъ онъ выпилъ вино и вмѣстѣ съ друвими собесѣдниками прокричалъ громкое восклицаніе, употребительное во время тостовъ; но только что клики замолкли, принцъ-регентъ, не давая гостямъ сѣсть и наливъ еще бокалъ, произнесъ, улыбаясь: «Господа, выпьемте же теперь за здоровье автора «Марміона!» И тутъ же, весело обратясь къ Скотту, принцъ прибавилъ: *ну, Вальтеръ, задалъ же я тебѣ шахъ и матъ съ одного раза!* Новый тостъ сопровождался новыми криками и счастливый поэтъ, вставъ съ своего мѣста, произнесъ очень удачный благодарственный спичъ, въ которомъ все-таки отвернулся отъ признанія въ сочиненіи «Веверлея».

Отъ марта до мая Вальтеръ Скоттъ много разъ пользовался высокимъ гостепріимствомъ принца, и при отъѣздѣ получилъ отъ него въ подарокъ золотую табакерку съ брильянтами и медальйонъ, какъ залогъ уваженія къ его генію и душевнымъ качествамъ *).

*) Около того же времени, за смертью незначительнаго стихотворца Пайя (Pye), много лѣтъ занимавшаго придворную должность «вѣнчаннаго поэта» (poet-laureate) *), эта должность остается вакантною и принцъ-регентъ, черезъ своего

*) Эта странная должность, установленная еще во времена первыхъ Генриховъ, существуетъ до сихъ поръ, какъ памятникъ старины; нынѣ вѣнчаннымъ поэтомъ считается из-

Въ январѣ 1815 года появилась въ свѣтъ послѣдняя изъ бывшихъ поэмъ Скотта: его «Властитель Острововъ» — плодъ поэтическаго дарованія, достигшаго своей полной зрѣлости. Дѣйствіе

ученаго секретаря, доктора Кларка *), предложилъ ее Вальтеръ Скотту. Часть переписки по этому случаю, мы представимъ читателю, какъ довольно любопытный очеркъ литературныхъ нравовъ того времени.

Отъ герцога Бокклейгскаго В. Скотту, въ Абботсфордъ.

«Дорогой сэръ, я получилъ письмо, въ которомъ вы просите моего поручительства на 4000 ф. ст., и спрашиваете моего совѣта на счетъ принятія почетной должности, предложенной вамъ его высочествомъ. По первому дѣлу я съ удовольствіемъ изъявляю согласіе. Совѣтовъ же давать я не умѣю; но если мой другъ изъявляетъ желаніе узнать мое мнѣніе, мнѣніемъ этимъ я всегда готовъ съ нимъ подѣлиться.

«Вамъ извѣстно, что должность «вѣнчаннаго поэта» въ публикѣ не считается очень блестящей должностью. Меня очень огорчило бы извѣстіе о принятіи вами этого устарѣвшаго титла, налагающаго на васъ обязанность писать оды въ старинномъ вкусѣ, на заданныя темы и въ урочные сроки. На вашемъ мѣстѣ я написалъ бы благодарное, откровенное письмо къ принцу, съ цѣлью отклонить отъ себя званіе, вовсе несогласное съ вашимъ талантомъ и вашими привычками. Вкусъ его высочества такъ извѣстенъ, самъ онъ столько любитъ васъ и поэзію, что отказъ вашъ не примется въ худую сторону.

Истинно преданный вамъ

Г. Бокклейгскій».

Мистеру Кларку, въ Брайтонѣ.

«Сэръ, вернувшись въ Абботсфордъ, я былъ удивленъ и глубоко тронутъ письмомъ, въ которомъ вы передаете мнѣ высокое и лестное предложеніе е. в. принца регента относительно назначенія меня въ должность «вѣнчаннаго поэта». Вынужденнымъ находясь отказаться отъ предлагаемой мнѣ чести, я боюсь прослыть неблагодарнымъ въ глазахъ е. в., оказавшаго мнѣ столько ласки и честь, можетъ быть, мною незаслуженную. Но я надѣюсь на вашу доброту и потому покорнѣйше прошу васъ повергнуть къ стопамъ е. в., вмѣстѣ съ изъявленіемъ моей живѣйшей признательности, изложеніе причинъ, заставляющихъ меня считать себя неспособнымъ къ предлагаемой мнѣ должности. Всѣ мои творенія, писанныя до сего времени, были плодомъ быстрой и прихотливой фантазіи, едва ли способной на ея примѣненіе къ работамъ постояннымъ и періодическимъ. Самые предметы пѣснопѣній, подлежащихъ голосу «вѣнчаннаго поэта», великія современныя событія, побѣды и освобожденіе Европы, давая пищу вдохновенію, не подходятъ подъ разрядъ предметовъ, которые бы можно было воспѣвать къ сроку, воспѣвать холодно. Есть еще одно обстоятельство, останавливающее меня въ этомъ случаѣ: я ужь имѣю двѣ казенныя должности, и если еще прибавлю къ нимъ третью, публика, всегда готовая преувеличивать наши выгоды, не замедлитъ счесть меня существомъ жад-

вѣстный Альфредъ Теннисонъ, авторъ «Принцессы» и очень милыхъ баллад. «Вѣнчанный поэтъ» получаетъ небольшое постоянное жалованье, по праздникамъ запасы испанскаго вина и сверхъ того извѣстныя награды за каждую торжественную оду, имъ написанную. Впрочемъ, всѣ выгоды, получаемыя «вѣнчаннымъ поэтомъ», едва доходятъ въ годъ до 200 стерлинговъ (1,200 р. с.).

*) Автора «Успѣха морскихъ открытій» и «Жизни лорда Нельсона».

происходитъ въ 1307 году, сперва на Гебридскихъ Островахъ, съ которыми поэтъ хорошо ознакомился во время двукратной къ нимъ поѣздки, а потомъ въ Айрскомъ Графствѣ и на Баннокбурнскихъ Поляхъ, прославленныхъ побѣдою Роберта Брюса, короля освободителя Шотландіи. Извѣстно, что Брюсъ, изгнанный изъ Шотландіи *), укрылся на время посреди острова Рехрина и оттуда ужь снова проникнулъ на свою родину, снова сразился и остался побѣдителемъ. Эти-то странствованія великаго воина по морю и утесамъ гебридскимъ, его приключенія въ изгнаніи, наконецъ, возвращеніе и торжество служатъ содержаніемъ поэмы. Лучшій изъ персонажей самъ Брюсъ, но главная прелесть произведенія состоитъ не столько въ изображеніи характеровъ, сколько въ совершенствѣ описаній, въ блескѣ и быстротѣ дѣйствія, въ лирическихъ

нымъ и ненасытнымъ. Выше всего цѣня высокое ко мнѣ расположеніе е. в. и гордясь сдѣланною мнѣ честью, я убѣдительнѣйше прошу васъ передать мои извиненія и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить е. в. какъ въ чувствахъ моей безпредѣльной преданности къ его особѣ, такъ и въ моей глубочайшей признательности за отличіе, мнѣ сдѣланное. В. Скоттъ».

Роберту Соути, въ Кесвикъ.

«Любезный другъ Соути, по смерти поэтическаго Пайя мнѣ предложили должность «вѣнчаннаго поэта», которую я отклонилъ, не желая къ двумъ казеннымъ должностямъ моимъ прибавлять еще третью, и тѣмъ давать пищу разнымъ обвиненіямъ на свою особу. Простите ли вы меня за то, что я при этомъ случаѣ подумалъ о васъ, не спросясь вашего согласія? Я написалъ Крокеру о васъ, замолвилъ словцо и другимъ приближеннымъ е. в.; въ скоромъ времени, я надѣюсь, вы получите предложеніе занять должность, въ которой сіяли Драйденъ и Уартонъ, хотя ихъ преемники своимъ плохимъ дарованіемъ чаще смѣшили, чѣмъ поучали. Спенсеръ тоже считался «вѣнчаннымъ поэтомъ». На счетъ срочныхъ занятій и стиховъ на заданныя тэмы будьте покойны: высокій умъ принца-регента и его уваженіе къ талантливымъ людямъ скоро произведутъ реформу во всѣхъ странныхъ обычаяхъ, сопряженныхъ съ вашей должностью *). Итакъ съ Богомъ, получайте мѣсто.
В. Скоттъ».

Отказъ Скотта, какъ и слѣдовало ожидать, не только не огорчилъ принца-регента, но даже ему понравился, точно также, какъ его рекомендація Соути, человѣка очень небогатаго и нуждающагося въ протекціи. Принцъ назначилъ Соути въ должность «вѣнчаннаго поэта», предварительно избавивъ кесвикскаго пустынника отъ разныхъ остатковъ стариннаго церемоніала по этой должности и другихъ его обязанностей, относительно срочной работы.

*) Робертъ Брюсъ, по своей гигантской силѣ и другимъ рыцарскимъ качествамъ, достойный имени истиннаго феодальнаго героя, передъ сказаннымъ бѣгствомъ *одинъ* прикрывалъ отступленіе вѣрныхъ шотландцевъ, убивая всякаго кто къ нему подступался; этотъ подвигъ воспѣтъ въ сотнѣ народныхъ балладъ, сдѣлавшихъ имя Роберта Брюса популярнымъ.

---

*) Скоттъ не ошибался: принцъ, тотчасъ же послѣ назначенія Соути, избавилъ его отъ срочныхъ поэмъ и пригласилъ его «писать, когда угодно, и выбирать предметы по своему собственному усмотрѣнію».

отступленіяхъ и наконецъ въ послѣднихъ сценахъ сраженія, едва ли не превышающихъ все, до того созданное воинственною музою Скотта. Но достоинства «Властителя Островов», въ свое время *), отчасти по случаю 1815 года, отчасти по стеченію многихъ другихъ причинъ, остались невполнѣ оцѣненными. Чрезъ нѣсколько дней послѣ ея напечатанія, Скоттъ потребовалъ къ себѣ Джемса Беллентейна. «Ну, дружище» сказалъ онъ ему, на минуту оставляя перо и откладывая въ сторону кучи исписанныхъ листовъ: «ну, Джемми, что говорятъ въ публикѣ о «Властителѣ»? Беллентейнъ молчалъ. «Неудача?» спросилъ поэтъ, замѣтно смѣшавшись. «Неудача!» выговорилъ Беллентейнъ, наклоня голову.

«Нечего дѣлать», снова сказалъ Скоттъ, оправившись и дружески улыбнувшись: «Байронъ гонитъ насъ стариковъ **) долой со сцены, какъ мальчишекъ. Съ нимъ нельзя тягаться, Джемсъ: онъ прямо бьетъ въ цѣль тамъ, гдѣ я прицѣлиться не смѣю! Унывать однако не слѣдуетъ, хотя, по всей вѣроятности, не много буду я писать стихами. Бери со стола эти тетради и тащи ихъ въ типографію».

Въ тетрадяхъ, про которыя говоритъ поэтъ, заключался его новый романъ «Гэй-Меннерингъ», предназначенный къ выходу въ свѣтъ на другой мѣсяцъ послѣ «Властителя Островов». Успѣхъ «Меннеринга», по числу проданныхъ экземпляровъ, совершенно равнялся успѣху «Веверлея», но одно обстоятельство при его продажѣ не могло не возбудить въ авторѣ полнаго сознанія всей своей популярности. *Первое изданіе романа, въ числѣ 2,000 экземпляровъ, разошлось на другой день послѣ публикаціи о выходѣ въ свѣтъ.*

XI.

Лучшіе годы. — Эдинбургская жизнь. — Замѣтка Локгарта. — Эдинбургская квартира Скотта. — Бесѣды о Гёте. — Красота поэтовъ. — Кабинетъ Скотта. — Эдинбургскій годовой сборникъ. — Разговорный даръ Вальтера Скотта. — Обѣды; его понятія о гастрономіи. — Чтенія по праздникамъ. — Обѣды у Джемса Беллентейна. — Дача Джонни; его пиры и роскошь. — Арчибальдъ Констэбль. — Анекдотъ. — Денежныя дѣла.

Разсказавъ исторію литературныхъ занятій Вальтера Скотта по 1816 годъ, мы считаемъ не лишнимъ, на время оставивъ въ

*) Число проданныхъ экземпляровъ поэмы, не считая ея перепечатки въ полномъ собраніи скоттовыхъ сочиненій, дошло только до 13,000 — количество, завидное для многихъ, но не для самого поэта, привыкшаго къ иной встрѣчѣ.

**) Въ это время Скотту было 44 года. Часто, говоря о своемъ переходѣ отъ поэзіи къ прозѣ, онъ сравнивалъ себя съ Сервантесомъ, какъ извѣстно, начавшимъ свой романъ вслѣдствіе несчастнаго соперничества съ драматургомъ Лопе де-Вега.

сторонѣ артистическую дѣятельность знаменитаго поэта и романиста, изобразить въ подробности его домашнюю жизнь въ это время, по справедливости достойное назваться для Скотта апогеемъ славы и счастія.

Со времени покупки Абботсфорда и другихъ смежныхъ владѣній, съ каждымъ годомъ получая бо́льшую страсть къ постройкамъ и сельскимъ занятіямъ, авторъ «Веверлея» началъ считать Абботсфордъ любимымъ своимъ мѣстопребываніемъ; отлучаясь же въ Эдинбургъ для служебныхъ занятій, не только пользовался всякимъ праздникомъ для посѣщенія своихъ владѣній, но посреди столицы жилъ не иначе какъ по походному, безъ жены и дѣтей, въ небольшой холостой квартирѣ. Въ Эдинбургѣ, съ жизнью Вальтера Скотта лучше всего можетъ познакомить насъ Джонъ Гибсонъ Локартъ, извѣстный литераторъ *) и *знатокъ* испанской литературы, въ первый разъ видавшій поэта въ теченіе 1818 года, во время лѣтней эдинбургской сессіи. «Въ это время» (говоритъ будущій зять Скотта) «положеніе нашего поэта могло назваться во многихъ отношеніяхъ безпримѣрно-блистательнымъ. Перомъ своимъ, и однимъ перомъ, онъ пріобрѣлъ себѣ почесть, славу, богатство. Его творенія составляли ежегодную пищу не для однихъ соотечественниковъ, но для всей просвѣщенной Европы. Всѣ замѣчательные люди Великобританіи искали его дружбы и общества. Состояніе его увеличивалось съ каждымъ мѣсяцомъ; годовой доходъ Скотта за одни романы состоялъ (приблизительно) изъ 10,000 фунтовъ стерлинговъ (60,000 р. с.); къ его землямъ безпрерывно прикупались новыя земли; его зáмокъ подходилъ къ концу. Правительство, умѣвшее цѣнить таланты, уже намѣревалось возложить на него почетный титулъ, до котораго рѣдко доживали поэты. Не смотря на всѣ дары фортуны, не смотря на славу и блестящія ожиданія въ будущемъ, Вальтеръ Скоттъ умѣлъ жить, не наживая себѣ ни одного врага и не лишаясь ни одного друга. Всякій, кто сближался съ нимъ, находилъ въ немъ рѣдкій примѣръ человѣка, посреди заслуженнаго величія, хранящаго всю скромность, веселость и теплоту своего прежняго сердца».

«Въ маѣ, 1818 года, я въ первый разъ имѣлъ честь сойдтись съ нимъ въ обществѣ, у мистера Блеръ-Дроммонда, внука лорда Кемза. Вальтеръ Скоттъ, всегда готовый снисходительно судить о чужомъ литературномъ трудѣ, и въ особенности любившій по-

---

*) Романы Локгарта «Валерій, повѣсть изъ римскихъ нравовъ» и «Адамъ Блеръ» до сихъ поръ считаются въ Англіи произведеніями весьма замѣчательными.

ощрять молодыхъ писателей своей похвалою, привѣтствовалъ меня съ ласковостью, на которую я не имѣлъ и не могъ никогда разсчитывать. Когда дамы вышли изъ-за стола, мнѣ пришлось помѣститься возлѣ него и мы довольно долго бесѣдовали о германской литературѣ и о Германіи, изъ которой я тогда только что пріѣхалъ. Я разсказалъ ему, какъ, по моемъ пріѣздѣ въ Веймаръ, когда я спросилъ трактирнаго лакея о мѣстѣ жительства поэта Гёте, тотъ покачалъ головой и не могъ мнѣ ничего отвѣтить, пока хозяйка не спросила; *можетъ-быть, господинъ иностранецъ разумѣетъ Герра Гегеймерата фон-Гёте?* (господина тайнаго совѣтника фон-Гёте)? Скоттъ, засмѣявшись сказалъ мнѣ: «если вамъ когда нибудь захочется сдѣлать мнѣ честь посѣщеніемъ Абботсфорда, тоже не спрашивайте никого кромѣ *шерифа*». Когда я сообщилъ поэту, какъ я въ первый разъ увидалъ Гёте съ цѣлыми пуками травъ и цвѣтовъ, собранныхъ имъ самимъ около холмовъ іенскихъ, Скоттъ замѣтилъ: «Мнѣ пріятно слышать, что мой вкусъ и вкусы моего стараго учителя похожи одинъ на другой. Я не ботанистъ, хоть и живу на цвѣтущихъ берегахъ Твида, но деревья люблю до страсти и радъ былъ бы о нихъ потолковать съ Гёте» *). Услышавъ вслѣдъ затѣмъ мой разсказъ о томъ, какъ поразила меня величественная красота Гёте, нашъ романистъ замѣтилъ снова: «изъ величественныхъ людей болѣе всѣхъ отличался наружностью одинъ мой знакомый, докторъ Карлейль, прозванный *Юпитеромъ-Карлейлемъ* за то, что Гемильтонъ вѣчно рисовалъ съ него языческихъ боговъ». Къ сожалѣнію, докторъ-Юпитеръ писалъ стихи крайне плохіе. Что до поэтовъ, то я видалъ ихъ довольно; но кромѣ Байрона, ни одинъ изъ нихъ по наружности не подходитъ къ идеалу поэта. У Борнса были дивные глаза, но Байронъ весь — олицетвореніе мечты артиста. Потомки наши ничего не узнаютъ, глядя на его портретъ: ни портретъ, ни бюстъ самый вѣрный не передаютъ понятія о его дивной красотѣ». Въ это время кто-то изъ друзей Скотта спросилъ его черезъ столъ: какъ онъ думаетъ: вѣрить ли намъ сходству античныхъ бюстовъ Гомера съ

---

*) Гёте въ то время очень занималъ Англію, благодаря восторженнымъ статьямъ Кольриджа и Тэйлора, а еще болѣе вслѣдствіе необыкновенной рецензіи лорда Джеффри, въ которой Вильгельмъ Мейстеръ осмѣивался изящнѣйшимъ, безжалостнѣйшимъ и отчасти заслуженнымъ образомъ. Время пріучило насъ цѣнить по достоинству многія творенія Веймарскаго поэта несовсѣмъ достойныя ихъ славы; а потому рѣзкій, остроумный приговоръ Джеффри надъ страннымъ романомъ Гёте, не смотря на многіе промахи, важенъ, какъ начало критической реакціи, смѣнившей прежнее безплодное поклоненіе.

оригиналомъ? «Нѣтъ, никакъ не вѣрить!» (отвѣтилъ поэтъ, улыбаясь). «Если бы во времена Гомера имѣлись художники, способные дѣлать бюсты, самъ оригиналъ не былъ бы вынужденъ бродить съ котомкой. Вѣрно, нашелся бъ тогда любитель искусства, готовый прокормить старикашку».

«Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго обѣда, имѣя работу по исторической части въ «Годовомъ Эдинбургскомъ Сборникѣ», нѣсколько лѣтъ ужь издаваемомъ Беллентейнами, я зашелъ въ городскую квартиру Скотта, чтобъ условиться съ нимъ насчетъ нѣкоторыхъ занятій по сказанному изданію. Въ это время романистъ жилъ въ Кестль-стритѣ, занимая для кабинета небольшую квадратную комнату съ однимъ венеціанскимъ окномъ, выходившимъ на зеленый дворикъ, величиною не болѣе самой комнаты. По всѣмъ стѣнамъ стояли полки съ книгами, въ полномъ порядкѣ, изобличающемъ присутствіе библіомана; до дюжины сочиненій, потребныхъ для справокъ, находились около стола на деревянныхъ пюпитрахъ, остальныя же красовались на своихъ мѣстахъ, раззолоченныя и чисто-переплетенныя, разбитыя по отдѣламъ на историческія и біографическія, стихотворныя и сценическія. Мѣста книгъ, отданныхъ для прочтенія, занимались деревянными дощечками въ величину тома, съ билетикомъ, означавшимъ кому и когда отданъ экземпляръ. Въ комнатѣ находился одинъ только столъ, для занятій секретаря, и одна старая конторка, крытая краснымъ бархатомъ, для самого хозяина; на ней стоялъ весь письменный приборъ изъ серебра, чистый и блестящій, будто сейчасъ изъ лавки. Только одна картина могла помѣститься въ комнатѣ, и она висѣла надъ каминомъ: то былъ превосходный портретъ во весь ростъ воина въ одеждѣ XVII вѣка (1688) съ лицомъ меланхолически-прекраснымъ, какъ самая страстная романическая грёза *), около портрета располагались звѣздообразно ружья, клайморы и кинжалы съ двумя круглыми горскими щитами (target) по обѣ стороны камина. Три большія кресла, лѣсенка для снимавія книгъ и зеленые картоны для дѣловыхъ бумагъ съ лисьимъ хвостомъ на

*) То былъ портретъ Грагама Клавергоуза, виконта Донди, такъ восхитительно изображеннаго Скоттомъ въ его «Old. Mortality». По жизни своей, Клавергоузъ могъ назваться вполнѣ оправдывающимъ свой портретъ: до 1688 года онъ былъ ужасомъ шотландскихъ пуританъ и грозилъ первокласснымъ воинамъ; когда же, послѣ изгнанія Стюартовъ, всѣ лица, приближенныя къ Іакову II, оставили своего повелителя, Клавергоузъ одинъ изъ вельможъ остался вѣренъ несчастной династіи и погибъ въ честномъ бою противъ пуританъ, своихъ вѣчныхъ противниковъ.

одномъ изъ нихъ, для сметанія пыли, дополняли убранство комнаты. На верхней ступенькѣ лѣстницы, передъ дверью, лежалъ *Гинсъ Гинсфельдъ* *), сѣрый толстый котъ, ужь утратившій съ годами веселость характера, но время-отъ-времени приходившій играть съ своимъ господиномъ и его любимой борзой собакой *Майдою*, всегда находившейся при Скоттѣ. Во время нашихъ разговоровъ я замѣтилъ, что руки хозяина никогда не оставались не занятыми: онъ то дѣлалъ замѣтки на листахъ бумаги, то свертывалъ конверты, то изготовлялъ длинные лоскуты бумаги для зажиганія сигаръ, то, наконецъ, гладилъ кота или затрогивалъ собаку. По его увѣренію, котъ и собака понимали каждое его слово; и точно, мнѣ случилось видѣть, какъ послушно исполняли они все, что имъ было приказано: уходили изъ комнаты, перемѣняли мѣсто, играли другъ съ другомъ, и такъ далѣе. На мой вопросъ по дѣламъ «Эдинбургскаго Сборника», Скоттъ отвѣтилъ: «о чемъ писать мнѣ въ этой книгѣ? Пока война длилась и событія казались интересными, я работалъ для «Сборника» по исторической части, а теперь неужели мнѣ взять на себя скучный трудъ описыванія митинговъ и преній по поводу хлѣбныхъ биллей? Нѣтъ (прибавилъ онъ) улыбаясь и показывая мнѣ лежавшую подлѣ него на столѣ кипу рукописей, нѣтъ, я ужь старъ и работалъ довольно. Я готовъ писать только вещи, способныя доставить удовольствіе мнѣ самому. Для скучныхъ работъ существуетъ молодежь. Я самъ былъ молодъ и зѣвалъ; теперь вы позѣвайте!»

«До моего знакомства съ Скоттомъ, я часто слышалъ сужденія постороннихъ о его разговорной способности. Они сознавались въ веселости, занимательности рѣчей поэта, но между эдинбургскими жителями находились многіе, открыто высказывавшіе, что геній поэта и романиста незамѣтенъ въ Скоттовыхъ застольныхъ бесѣдахъ (table talk). Сужденіе это всегда казалось мнѣ несправедливымъ; причину его я видѣлъ въ довольно странныхъ требованіяхъ, въ то время развитыхъ между компаніями эдинбургскихъ литераторовъ и дилетантовъ. Пристрастіе лучшей городской публики къ метафизическимъ лекціямъ, составлявшимъ славу перваго изъ шотландскихъ университетовъ, много повредило общему тону бесѣдъ. На обѣдахъ и вечерахъ лучшіе львы города щеголяли спорами, совершенно пригодными для напечатанія ихъ въ «Обозрѣніи» или другой книгѣ, но несовсѣмъ естественными и несовсѣмъ чуждыми педантизма. Профессора, юристы и литераторы,

*) Имя кота въ одной нѣмецкой сказкѣ.

составлявшіе лучшую часть городского общества (высшее дворянство жило или въ Лондонѣ, или въ своихъ владѣніяхъ), вносили въ бесѣды, вмѣсто живости и веселости, духъ фразерства, или утонченныхъ преній. Эти люди, по словамъ одного изъ нашихъ писателей, Севеджъ-Лендора, полагали, что изящество рѣчи состоитъ въ забвеніи всякой простоты. Для нихъ дѣйствительно, простой и свѣжій разговоръ Вальтера Скотта казался мелокъ по той самой причинѣ, по которой дѣти считаютъ мелкимъ всякій свѣтлый ручей, хотя бы его прозрачныя воды, по глубинѣ своей, способны были поглотить и взрослаго человѣка съ головою. Часто кружокъ гостей, переходя изъ газомъ освѣщенной залы въ комнату, гдѣ горятъ однѣ восковыя свѣчи, жалуется на темноту; но пусть каждый изъ нихъ рѣшитъ, подумавъ, при которомъ изъ двухъ освѣщеній удобнѣе читать и работать, при которомъ изъ двухъ освѣщеній человѣческое лицо кажется краше *).

«Жизнь Вальтера Скотта въ Эдинбургѣ протекала пріятно: всѣ его знали и любили. Вставалъ онъ чрезвычайно рано, работалъ до службы и послѣ службы; остатокъ дня проводилъ у котораго

*) Скоттова рѣчь скорѣе можетъ быть сравнена съ освѣщеніемъ, далеко лучшимъ обоихъ здѣсь указанныхъ, именно съ простымъ дневнымъ свѣтомъ. Его разговоръ имѣлъ то сходство съ солнцемъ, что онъ позлащалъ самые простые предметы и увеличивалъ блескъ самыхъ блистательныхъ. Искусно выбирать предметы для спора, перебрасываться меткими остротами, неожиданно поражать противника его собственнымъ оружіемъ, высказывать парадоксъ, способный сдѣлаться предлогомъ занимательнаго пренія, Вальтеръ Скоттъ не умѣлъ да и не желалъ. Его разговоръ не отзывался желаніемъ понравиться, а просто истекалъ изъ веселой, благородной души, безъ претензій и приготовленія. Бесѣды лондонскихъ остряковъ отличались ежеминутными эпиграммами, шутками и бойкими, хотя заучеными выходками; споры эдинбургскихъ профессоровъ поражали глубокомысліемъ; но и та и другая методы разговора не приходились ему по вкусу. Онъ былъ самъ собой только въ кругу друзей и своего семейства, всегда веселый и милый; тутъ онъ превосходилъ самъ себя и поминутно разсыпалъ разсказы, передъ которыми почти блѣднѣютъ лучшія страницы его литературныхъ произведеній. Одни педанты находили разговоръ Скотта не по себѣ: для лицъ первоклассного дарованія, для Байрона, Кеннинга, Эллиса, Мекинтоша, Мура, Роджерса, Крокера, Галлама, лорда Джеффри бесѣда съ авторомъ «Веверлея» всегда считалась за наслажденіе. Лордъ Кокборнъ, блистательный юристъ этого времени, споря съ лицами, нападавшими на разговорное дарованіе поэта, выразился такъ: «Для меня, господа, *здравый смыслъ* Вальтера Скотта представляетъ нѣчто болѣе удивительное, чѣмъ его *геній*!» Я чуть-было не забылъ сказать еще, что замѣчательнѣйшею особенностью скоттова разговора, особенно его разсказовъ, была необыкновенно-живая картинность всей рѣчи, дѣлавшая то, что слушатель, безъ малѣйшаго усилія воображенія, будто глядѣлъ на цѣлый рядъ сценъ и живыхъ лицъ, до которыхъ только разговоръ касался. (Замѣтка Дж. Локгарта).

нибудь изъ своихъ многочисленныхъ пріятелей. По праздникамъ онъ ѣздилъ въ Абботсфордъ, или обѣдалъ дома, особенно если семейство его находилось въ Эдинбургѣ. Трудно представить себѣ собраніе лицъ болѣе даровитыхъ и замѣчательныхъ, какъ обыкновенные гости поэта. Тутъ можно было встрѣтить его любимаго друга Эрскина, Джозефа Юма *), юношу прекрасной наружности и наслѣдственныхъ способностей, сэра Александра Босвеля Охинлеккскаго **), съ добродушіемъ и веселостью своего родителя соединявшаго другія качества истиннаго джентльмена; художника В. Олленя, недавно воротившагося въ Шотландію изъ своей поѣздки въ Россію и Турцію, обоихъ Беллентейновъ и Констэбля, Наполеона книжной торговли; старыя леди и молодыя красавицы украшали дружескій обѣдъ своимъ присутствіемъ; изъ послѣднихъ упомяну только о двухъ сестрахъ Маклин-Клифон-Торлойкъ ***), которыхъ Вальтеръ Скоттъ былъ опекуномъ, и миссъ Изабеллѣ-Макдональд-Бухананъ, любимой родственницѣ романиста.

«Самъ хозяинъ за обѣдомъ ѣлъ немного, предпочитая завтракъ обѣду, а поутру совершая нападенія на пастеты, ростбифъ, вмѣстѣ съ другими, столь же положительными блюдами. Вкусъ Вальтера Скотта не могъ назваться изысканнымъ, но за то онъ поражалъ своей національностью; древнѣйшіе соусы и блюда Старой Каледоніи находили себѣ мѣсто на пышномъ столѣ нашего хозяина. Угощая своихъ друзей обильно и роскошно, самъ Скоттъ не любилъ роскоши; и вообще, не смотря на свое поэтическое дарованіе, всегда почти неразлучное со страстью къ утонченнымъ наслажденіямъ не могъ назваться существомъ утонченнымъ. По музыкальному выраженію, онъ не имѣлъ уха, духовъ не любилъ и не могъ похвастаться тонкостью обонянія; въ дорогихъ винахъ не зналъ толка, и одинъ разъ не могъ распознать, что буфетчикъ, вмѣсто *ширазскаго вина*, присланнаго ему съ Востока, подалъ на столъ хересъ (Sherry). Мадеры онъ тоже не умѣлъ отличать отъ хереса, портвейнъ считалъ за микстуру и, подчуя имъ гостей, обыкновенно произносилъ слѣдующее четверостишіе Джон-Гома:

«Былъ храбръ и гордъ шотландецъ горделивый,
Барановъ ѣлъ и пилъ кларетъ игривый.
«Души портвейнъ!» британецъ возгласилъ,
И ядомъ тѣмъ шотландцевъ отравилъ!»

---

*) Сына извѣстнаго историка.

**) Сына извѣстнаго Джемми Бозвеля.

***) Третья сестра, тоже воспитанница поэта, была въ супружествѣ за графомъ Комптономъ, впослѣдствіи маркизомъ нортамптонскимъ.

«Шампанское и французскія вина онъ любилъ, хотя и въ нихъ не могъ назваться знатокомъ, предпочитая имъ пуншъ изъ виски. Передъ обѣдомъ онъ наливалъ гостямъ простой виски безъ воды, въ маленькія деревянныя чарочки, а самъ пилъ его изъ особенной, еще болѣе древней чашки, принадлежавшей принцу Карлу Эдуарду. Эта чашка — любопытный памятникъ старыхъ нравовъ, имѣла стеклянное дно, затѣмъ, чтобъ сквозь него можно было видѣть своего сосѣда и такимъ образомъ имѣть возможность схватиться за оружіе при первомъ непріязненномъ движеніи.

«Въ праздничные дни музыка въ домахъ запрещена эдинбургскимъ начальствомъ, оттого эти вечера у Скотта, вмѣсто танцовъ и пѣнія, заключались чтеніемъ новыхъ книгъ, или старыхъ классиковъ. Обыкновенно хозяинъ читалъ самъ, иногда мѣняясь съ Эрскиномъ, или Беллентейномъ. Онъ превосходно декламировалъ стихи Шекспира, и самъ Квибль, въ «Макбетѣ», или «Юліѣ Кесарѣ», едвали могъ производить подобное впечатлѣніе на слушателей. По временамъ, вмѣсто Шекспира, за неимѣніемъ замѣчательныхъ новостей, читались басни Драйдена, двѣ сатиры Джонсона, наконецъ драмы миссъ Дженъ Бейльи, лондонской пріятельницы Скотта, которую онъ, до Байрона, называлъ первымъ поэтомъ вѣка *). Отдѣльныя вещицы Соута и Вордсворта читались рѣже стихотворенія Кребба **), поэта, особенно уважаемаго хозяиномъ, и наконецъ, всякая новая вещь пѣвца Чайльдъ-Гарольда, постоянно стояла на

*) Миссъ Дженъ, или Джоанна Бейльи, о которой мы еще будемъ имѣть случай говорить въ нашей статьѣ, представляетъ изъ себя феноменъ безпримѣрный въ литературѣ. Ея драмы (Plays of the Passions), едва извѣстныя у насъ и, кажется, даже непереведенныя на французскій, изобилуютъ первоклассными красотами, страницами истинно Шекспировскими. Ни одна женщина-писательница (а Дж. Бейльи была *дѣвицей-писательницей*) старыхъ и новыхъ временъ не давала себѣ болѣе трудной задачи и по временамъ не исполняла своей задачи болѣе блистательнымъ образомъ. Въ отдѣльныхъ ея стихотвореніяхъ видно нѣчто скорѣе достойное временъ античныхъ, или періода Елизаветинскаго, нежели нашихъ дней. Къ сожалѣнію, миссъ Бейльи писала, не примѣняясь къ требованіямъ сцены, и тѣмъ лишила себя популярной репутаціи, которая неминуемо для нея прійдетъ современемъ. Еще однимъ ея недостаткомъ нужно назвать странность общей идеи всѣхъ ея драмъ, о которой мы еще распространимся при случаѣ.

**) Георгъ Креббъ, поэтъ замѣчательный, какъ по великому дарованію, такъ и по направленію своихъ произведеній; авторъ сказокъ «Деревенскихъ повѣстей» и маленькихъ поэмъ, взятыхъ изъ самой простой жизни, разсказанныхъ самымъ простымъ слогомъ. Труды Кребба не имѣютъ себѣ равныхъ по простой картинности описаній и теплой филантропіи, въ нихъ разлитой. Креббъ занималъ духовную должность и жизнь свою провелъ въ благотвореніяхъ. Объ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ здѣсь же будетъ говорено подробнѣе.

первомъ планѣ. За каждымъ чтеніемъ шли анекдоты, возбужденные слышаннымъ, воспоминанія о самихъ поэтахъ, споры о достоинствахъ ихъ сочиненій, наконецъ новые анекдоты и новые разсказы.

«Около этого же времени я началъ свое знакомство съ Беллентейнами, у которыхъ тоже не разъ имѣлъ удовольствіе сходиться съ Вальтеромъ Скоттомъ. Джемсъ жилъ на Ст.-Джон-стритѣ, занимая мрачный старинный домъ, украшенный присутствіемъ его цвѣтущаго семейства. Обѣды его напоминали собой альдерменскіе обѣды, по изобилію блюдъ (особенно дичи и черепаховаго супа), мороженаго пунша, великолѣпной мадеры и съ ногъ сшибающаго элю; но всегдашняя ихъ роскошь удвоивалась въ то время, когда въ типографіи печатался какой нибудь новый романъ автора «Веверлея». Тутъ пились безконечные тосты въ честъ «Великаго незнакомца», и Скоттъ, не видя надобности соблюдать особенной скрытности передъ короткими лицами, поднявшись съ своего мѣста, держалъ забавный спичъ, обѣщаясь сообщить таинственному романисту о чести, ему сдѣланной, и насладиться видомъ его радости при этомъ случаѣ! За тостами слѣдовали застольныя пѣсенки игриваго содержанія, веселыя пѣсни Борнса, его же вдохновенныя стихотворенія, положенныя на музыку, потомъ шумъ и крикъ, пользуясь которыми Скоттъ обыкновенно уходилъ съ Эрскиномъ. На столѣ ставилась великая чаша пуншу и всѣ гости начинали кричать Джемсу: «одну главу, одну главу только!» Хозяинъ уступая гостямъ, приносилъ изъ кабинета корректурные листы новаго романа и читалъ лучшія мѣста, по своему выбору; послѣ чтенія всѣ гости опять пили за «Незнакомца». Такъ прослушалъ я, до изданія въ свѣтъ «Эдинбургской Темницы», знаменитую сцену между Дженни Денсъ, герцогомъ Аргайльскимъ и королевой Каролиною, въ Ричмондскомъ Паркѣ.

«Пиры *бездѣльника Джона* (John the Picaroon) отличались совершенно особымъ характеромъ. Щегольская вилла Джонна, около Фортскаго залива, представляла въ миньятюрѣ нѣчто чрезвычайно плѣнительное; садъ, ее украшавшій, не смотря на свое малое пространство, казался очень обширнымъ. Всюду по саду красовались крытыя аллеи, рощицы, лабиринты, статуи; въ домѣ же имѣлся цѣлый подборъ рѣдкихъ, щегольскихъ и старинныхъ вещей, ибо меньшой Беллентейнъ ко многимъ своимъ достоинствамъ присоединялъ страсть къ составленію разныхъ коллекцій. Мебель и украшенія комнатъ совершенно отличались отъ обыкновеннаго убранства шотландскихъ дачъ, представляя собой довольно ясное изо-

браженіе вкусовъ веселаго хозяина. Зеркаламъ не имѣлось числа; между ними висѣли миѳологическія картины, портреты самыхъ хорошенькихъ актрисъ и танцовщицъ; парижская petitemaitresse не могла бы омеблировать своихъ комнатъ милѣе и щеголеватѣе. Джонъ въ то время былъ женатъ. Обѣды составлялись на парижскій манеръ: страсбургскіе и перигорскіе пироги, чиненныя медвѣжьи головы и индѣйки съ трюфлями получались изъ Кобленца и Пале-Рояля. Кромѣ Скотта и его друзей, къ обѣду приглашались всѣ театральныя знаменитости, жившія въ Эдинбургѣ, или пріѣзжавшія туда на время. Здѣсь пѣвецъ Брагамъ услаждалъ руладами компанію; комическіе актеры Листокъ и Джонстонъ перебрасывались шутками; Кинъ шумѣлъ и опорожнялъ бутылки; Кембль игралъ въ карты съ вечера до утра. Въ прелестныхъ пѣвицахъ и танцовщицахъ недостатка не было, разныя Армиды порхали по саду Джонни, представляя изъ его обиталища нѣчто въ родѣ паѳосскихъ рощицъ.

«Надъ мотовствомъ Джонни гости обыкновенно потѣшались вдоволь. Онъ держалъ на конюшнѣ много лошадей, названныхъ по имени героя, или героинь Вальтера Скотта, любилъ травить лисицъ и принадлежалъ ко многимъ охотничьимъ клубамъ. Миланскія кирасы, венеціянскія лампы, старинная мебель поминутно вводили его въ безконечные расходы; на прогулки выѣзжалъ онъ въ щегольскомъ кабріолетѣ, самъ правя лошадьми и по временамъ трубя во французскій рожокъ очень искусно. Всякій годъ Джонни ѣздилъ по дѣламъ въ Парижъ, или Брюссель, и тамъ предавался увеселеніямъ всякаго рода *). «Принимать къ сердцу шалости Джонни (говорилъ романистъ) все равно, что сердиться на проказы обезьяны». Однако, эти проказы и шалости, уже не разъ вводившія Скотта въ денежныя затрудненія, современемъ обошлись ему еще дороже.

«Арчибальдъ Констэбль, у котораго я тоже обѣдывалъ съ В. Скоттомъ, проживалъ въ барскомъ домѣ, расположенномъ за семь, или за восемь миль отъ Эдинбурга. Онъ жилъ богато, изобильно,

*) Ко всему этому слѣдуетъ, однакожь, прибавить, что Джонни дѣлалъ много добра, не жалѣя денегъ и умѣя приправить доброе дѣло веселымъ, радушнымъ словомъ. Разъ, на аукціонѣ, встрѣтилъ онъ молодого студента богословія, худого, блѣднаго и одѣтаго весьма бѣдно. «Вы вѣрно нездоровы, другъ мой?» спросилъ его Джонни. «Точно такъ, сэръ», отвѣчалъ тотъ со вздохомъ и краснѣя. «Вотъ вамъ рецептикъ — быстро сказалъ Джонни, суя бѣдняку въ руку десятифунтовую ноту (60 р. с.) — это лекарство славно дѣйствуетъ, особенно если его принимать на пустой желудокъ».

но безъ всякихъ признаковъ щегольства, или изысканнаго блеска, представляя изъ себя въ частной жизни скорѣе наслѣдственнаго лорда, чѣмъ торговца, еще недавно начавшаго свои обширныя предпріятія. Въ компаніи людей, имъ любимыхъ, или ему нужныхъ, Арчибальдъ являлся хорошимъ собесѣдникомъ, искуснымъ разсказчикомъ анекдотовъ стараго времени и гостепріимнымъ хозяиномъ. Его тщеславіе и привычка къ самовластью, при всей своей огромности, были всегда хорошо прикрыты. Джемсъ Беллентейнъ боялся Констэбля и при немъ терялъ часть своей веселости; но Джонни никогда не оказывался такимъ милымъ и забавнымъ, какъ въ присутствіи Арчибальда. Глядя на нихъ, можно было вообразить себѣ льва, играющаго съ обезьяной. Если Констэбль по временамъ являлся слишкомъ жосткимъ, Беллентейнъ младшій удвоивалъ свое безстыдство и всегда оставался побѣдителемъ. «Джонъ, Джонъ!» разъ сказалъ Констебль, при гостяхъ, послѣ только что разсказанной Джономъ исторіи, несовсѣмъ правдоподобной. «Признайся, Джонъ, правда ли все это?» — «Правда ли?» возразилъ веселый бездѣльникъ, улыбаясь «во всемъ, что я разсказалъ, нѣтъ ни одного слова правды — клянусь честью! Другъ мой сердечный (my heatry), для такихъ геніальныхъ людей какъ я, правды не существуетъ».

Къ этому оживленному очерку эдинбургской жизни знаменитаго романиста, мы прибавимъ отъ себя нѣсколько свѣдѣній для поясненія связи, существовавшей между главными изъ лицъ, здѣсь описанныхъ, то-есть Вальтеромъ Скоттомъ, Арчибальдомъ Констэблемъ и братьями Беллентейнами. Въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ поэмъ, мелкихъ статей для «Трехмѣсячнаго Обозрѣнія», годовыхъ историческихъ обзоровъ для «Эдинбургскаго Сборника», издаваемаго Беллентейномъ старшимъ, Скоттъ написалъ, не считая «Веверлея» три отдѣльные романа: «Гей Мэннерингъ», «Антикварій» и «Роб-Рой», да еще восемь томовъ «Сказокъ моего хозяина», вмѣщавшихъ въ себѣ «Чернаго Карлика» — «Old Mortality» (шотландскіе пуритане), и наконецъ «the Heart of Mid-Zothian» (эдинбургская темница), твореніе, тотчасъ же сдѣлавшееся безпримѣрно популярнымъ во всей Шотландіи. За каждый изъ романовъ поэтъ получалъ прямого дохода отъ 4 до 6 тысячъ гиней, что составляетъ на наши деньги отъ 24 т. до 36 т. рублей серебромъ; каждый изъ романовъ (исключая одного, «Черный Карликъ») *) тот-

*) Малый успѣхъ этой небольшой вещи не могъ повредить ея продажѣ, такъ какъ она продавалась вмѣстѣ съ романомъ «Old. Mortality», тотчасъ распроданнымъ въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ.

часъ же поступилъ въ число книгъ, любимыхъ публикой, и расходился въ баснословномъ количествѣ экземпляровъ. Констэбль и Беллентейны, составлявшіе одну компанію по части пріобрѣтенія, печатанія и распродажи Скоттовыхъ романовъ, извлекали на каждаго выгоду до того значительную, что, напримѣръ доля бездѣльника Джонни, доля самая незначительная изъ трехъ, вскорѣ послѣ выпуска Роб-Роя, за одинъ этотъ романъ дошла до 1,500 гиней (9,900 р. сер.). Изданіе шло за изданіемъ; типографія, распространенная и улучшенная, была завалена постоянною работой; долги выплачены; книжный магазинъ Констэбля, поминутно посѣщаемый жадною публикою, увеличилъ общую продажу книгъ (не говоря уже о Скоттовыхъ произведеніяхъ) въ изумительной прогрессіи. Самъ романистъ, имѣя свою долю въ торговыхъ выгодахъ Беллентейновъ и, сверхъ того, видя скорую возможность снова продать право на отдѣльное печатаніе массы своихъ твореній, покупалъ земли; изъ Абботсфордскаго замка помышлялъ сдѣлать дворецъ и возами отправлялъ туда запасы драгоцѣнныхъ рѣдкостей.

Умъ отказывается вѣрить, чтобъ всѣ эти чудеса, литературныя и денежныя, совершены были однимъ человѣкомъ въ какіе нибудь три года времени! Теперь намъ понятна восторженная преданность Констэбля и братьевъ Беллентейновъ къ «Великому Незнакомцу», который, почти не покидая своего кабинета, завоевывалъ европейскую славу, обогащалъ нѣсколько семействъ, поднималъ цѣну литературной собственности и, безпрестанно расширяя кругъ дѣйствій книжной торговли, давая хлѣбъ множеству торговцовъ и работниковъ, въ то же самое время услаждалъ досуги публикѣ и доставлялъ наслажденія всѣмъ любителямъ изящнаго.

XII.

Абботсфордская жизнь. — Вашингтонъ Ирвингъ. — Нѣчто о поэтѣ Кемпбеллѣ. — Странная его репутація. — Пріѣздъ Ирвинга. — Абботсфордскій коттеджъ. — Встрѣча. — Джонни Бауеръ. — Прогулка по горамъ. — Майда и другія собаки. — Видъ края. — Безлѣсная Шотландія и американскіе лѣса. — Еще Кембелль. — Дѣвица Скоттъ. — Ледло и добродѣтельная гостья. — Ночлегъ. — Другіе посѣтители Абботсфорда. — Художникъ сэръ Давидъ Вильки; его успѣхи и пріѣздъ въ Шотландію. — Пиръ у герцога Бокклейгскаго. — Пастушокъ Гопъ и Вильки. — Вильки въ Абботсфордѣ. — Проектъ картины и анекдотъ по этому случаю. — Леди Байронъ (урожденная миссъ Мильбанкъ). — Пріѣздъ ея въ Абботсфордъ.

Свѣдѣній объ Абботсфордской жизни великаго романиста у насъ дотого много, что выборъ дѣлается затруднительнымъ. Извѣстность лицъ, оставившихъ эти свѣдѣнія, литературное до-

стоинство изложенія и наконецъ изобиліе самыхъ оригинальныхъ подробностей, очерчивающихъ и человѣка, и край, и всю эпоху, дѣлаютъ въ этомъ случаѣ краткость, чѣмъ-то въ родѣ недостатка. Трудно представить себѣ что нибудь отраднѣе, плѣнительнѣе тщательнаго изображенія сельской жизни Вальтера Скотта, жизни, далеко оставляющей за собою всѣ самые поэтическіе воздушные зàмки, когда либо устроенные добрыми любителями мудраго уединенія, артистическихъ наслажденій и дружбы самой искренней, самой цѣлительной для сердца и разума.

Первымъ изъ извѣстныхъ литераторовъ, посвятившихъ часть своего досуга на изложеніе воспоминаній объ Абботсфордѣ съ его обитателями, нужно считать американца Вашингтона Ирвинга, такъ справедливо названнаго, въ которомъ-то изъ новыхъ журналовъ, первымъ нувеллистомъ нашего времени, автора «Колумбовой Жизни» — «Бресбриджъ Голля» и «Никербокеровой Исторіи Нью-Йорка» въ комическомъ родѣ *). Послѣднеее изъ этихъ сочиненій, вышедшее въ 1812 году, чрезвычайно понравилось Скотту, а одобреніе его, приведя въ восторгъ молодого писателя, удвоило его всегдашнее желаніе, гдѣ нибудь лично сойдтись съ Вальтеромъ Скоттомъ. Совсѣмъ тѣмъ деликатный нувеллистъ, по опыту зная, съ какими чувствами знаменитые поэты встрѣчаютъ визиты своихъ восторженныхъ поклонниковъ, не посмѣлъ бы явиться въ Абботсфордъ, еслибъ одинъ изъ пріятелей и олимпійскихъ собратій абботсфордскаго хозяина, Томасъ Кемпбелль (Campbell) **), самъ не разъ слыхавшій лестные отзывы Скотта объ Ирвингѣ, не далъ ему рекомендательнаго письма и заранѣе не увѣрилъ американца касательно самой ласковой встрѣчи, ему предстоящей.

Рекомендація поэта Томаса Кемпбелля, имя котораго внѣ Англіи теперь извѣстно только однимъ записнымъ любителямъ поэзіи, въ то время значила весьма много. Современные критики и диле-

*) Первое и послѣднее изъ здѣсь названныхъ произведеній переданы на русскій и изданы отдѣльными книгами, между тѣмъ, какъ почти всѣ несравненныя повѣсти, вошедшія въ составъ «Бресдбриджъ Голля» въ разное время являлись въ русскихъ журналахъ. Лицамъ, незнающимъ иностранныхъ языковъ, если они пожелаютъ ознакомиться съ талантомъ Ирвинга, какъ нувеллиста, мы совѣтуемъ отыскать въ прошлогоднихъ нумерахъ «Отечеств. Записокъ», его повѣсть «Дольфъ Гейлигеръ» и потомъ перечесть еще нѣсколько лучшихъ его повѣстей, давно ужь изданныхъ въ сборникѣ, подъ названіемъ «Разскащикъ или повѣсти Иностранныхъ Писателей».

**) Campbell произносится почти, какъ Кембль (Kemble), но мы сохранили разницу произношенія, чтобъ не смѣшивать имени этого писателя съ именемъ Кембля — актера.

танты ставили этого литератора за двѣ его крошечныя поэмы: «Отрада Надежды» (Pleasures of Hope) и «Гертруда» *) на ряду съ Скоттомъ и Байрономъ; мало того, и Скоттъ и Байронъ признавали Кемпбелля своимъ достойнымъ сверстникомъ, если не предводителемъ. Всѣ литературные журналы, особенно шотландскіе, поминутно именовали его однимъ изъ первыхъ поэтовъ вѣка, и только сожалѣли, почему, обладая такимъ дивнымъ дарованіемъ, Кемпбелль почти ничего не пишетъ. Можетъ быть, эти самыя преувеличенныя похвалы, причиной которыхъ была отчасти мода, отчасти дѣйствительный восторгъ по поводу мягкихъ, благозвучныхъ стиховъ Кемпбелля, вредили поэту своимъ обиліемъ и преувеличеніемъ. Съ первыхъ шаговъ своего поприща, увидѣвъ себя на такой завидной высотѣ, Кемпбелль, такъ сказать, боялся сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобъ не слетѣть книзу. Онъ ладилъ со всѣми, не держался ни одной партіи и за всякую похвалу платилъ той же монетою. Работая ежедневно, онъ пропускалъ годы, ничего не издавая, или пуская въ свѣтъ по одному, по два стихотворенія на тэмы, составляющія сами по себѣ часть успѣха, какъ, напримѣръ, на морскія побѣды Англіи, на прощаніе трагика Кембля съ театромъ, на смерть испанскихъ воиновъ, убитыхъ подъ Трокадеро. Онъ самъ боялся своей репутаціи, но потерять ее страшился еще болѣе. По смерти Кемпбелля, случившейся около 1840 года, не нашлось между бумагами ничего достойнаго печати; послѣдняя поэма его, изданная въ 1824 или 25 году, неоспоримо показала великую бѣдность фантазіи, бѣдность, признанную даже «Эдинбургскимъ Обозрѣніемъ», больше всего содѣйствовавшимъ, какъ намъ кажется, незаслуженному возвеличенію автора «Гертруды».

Совсѣмъ тѣмъ, въ многочисленной компаніи второстепенныхъ поэтовъ того времени Томасъ Кемпбелль, не смотря на скупость и осторожность своей музы, имѣлъ право на нѣкоторое значеніе. Его полудидактическая вещь «Отрада Надежды» изобилуетъ звучными стихами и эффектными эпизодами; а «Гертруда», всѣми почитаемая за перлъ Кемпбеллевыхъ произведеній, стоитъ вниманія и по вымыслу, и по исполненію. Эта послѣдняя поэма, писанная подъ вліяніемъ Павла и Виргиніи, можетъ быть, даже въ подражаніе Шатобріановымъ американскимъ повѣстямъ, имѣетъ въ себѣ много нѣжности и картинныхъ описаній. Ея сюжетъ: счастливая любовь

*) Впослѣдствіи, черезъ 15 лѣтъ послѣ изданія «Гертруды», Кемпбелль сочинилъ третью поэму «Ѳеодорикъ» — совершенное повтореніе одной изъ двухъ первыхъ поэмъ. Послѣ того поэтъ занимался изданіемъ весьма порядочнаго журнала «Monthly Magazine», впослѣдствіи переданнаго имъ Эдв. Лит. Бульверу.

двухъ молодыхъ людей, блаженствующихъ въ Пенсильваніи на берегахъ рѣки Соскеганны, посреди прелестей заантлантической природы, въ одномъ изъ самыхъ маленькихъ европейскихъ поселеній. За годами счастія слѣдуетъ катастрофа: индійцы нападаютъ на жилище и убиваютъ героиню, которая, умирая въ объятіяхъ своего друга, произноситъ нѣжную рѣчь, трогательную, не смотря на всю свою длинноту и неправдоподобіе. Въ своихъ описаніяхъ медоваго времени, цвѣтущаго уединенія и сельскихъ красотъ, Кемпбелль совершенно удовлетворилъ вкусу своихъ соотечественниковъ, издавна имѣющихъ страсть ко всѣмъ описаніямъ такого рода; между тѣмъ, какъ нѣжный колоритъ и спокойный ходъ всей поэмы, тоже не могли не понравиться читателю, тѣмъ болѣе, что вся вещь была коротка, гладка и могла безъ страха быть дана на прочтеніе самой застѣнчивой дѣвушкѣ.

Извинившись передъ читателями за это небезполезное отступленіе, поспѣшаемъ вернуться къ разсказу Вашингтона Ирвинга. «Шумъ отъ моего экипажа (разсказываетъ Ирвингъ) произвелъ тревогу во всемъ домѣ. Хранитель за̀мка, старый борзый пѣсъ, выпрыгнулъ первый и, вскочивъ на одинъ изъ большихъ камней, заготовленныхъ для строенія, поднялъ свирѣпый лай. Цѣлый гарнизонъ собакъ не замедлилъ присоединиться къ нему, и лай поднялся неслыханный. Черезъ минуту показался на песчаной дорожкѣ, между коттеджемъ и за̀мкомъ, еще несовершенно отстроеннымъ, самъ хозяинъ. Мнѣ легко было узнать его по сходству съ портретами; онъ шелъ быстро и твердо, опираясь на толстую палку. Около него шла, совершенно спокойно и не обращая вниманія на лай, огромная гончая собака желѣзнаго цвѣта; видъ ея поражалъ своей важностью; она будто чувствовала себя обязанною ласково встрѣтить гостя. Еще не доходя воротъ, Скоттъ привѣтствовалъ меня громкимъ голосомъ, тутъ же освѣдомляясь о здоровьи Кемпбелля. «Подъѣзжайте же къ дому (продолжалъ онъ), вы прямо поспѣли къ завтраку, а Мельрозъ ужь потомъ посмотрите». Я думалъ извиниться, говоря, что успѣлъ позавтракать. «Ничего, ничего! (возразилъ хозяинъ) поѣздивъ по шотландскимъ холмамъ, вы узнаете, что можно завтракать по два раза!»

«Меня подкатили къ подъѣзду и черезъ минуту я ужь сидѣлъ за столомъ, въ комнатахъ Вальтера Скотта! Все семейство поэта находилось тутъ, въ лицѣ мистриссъ Скоттъ, старшей дочери Софіи, милой дѣвушки лѣтъ семнадцати; миссъ Анны Скоттъ, имѣвшей три или четыре года менѣе; Вальтера, высокаго, красиваго

юноши и веселаго, одиннадцати или двѣнадцати-лѣтняго мальчишки Карла.

«Я чувствовалъ себя, какъ дома, и сердцу моему было такъ тепло, вслѣдствіе этого радушнаго пріема! Я разсчитывалъ сперва начать знакомство простымъ утреннимъ визитомъ; но скоро увидѣлъ, что оно несовсѣмъ легко. «Не думайте, чтобъ ознакомиться съ нашими окрестностями можно было въ одно утро, какъ съ новой газетой (сказалъ мнѣ хозяинъ); извольте-ка посвятить имъ нѣсколько дней! Послѣ завтра идите смотрѣть Мельрозъ, какъ и намѣревались. У меня есть домашнія дѣла и я не пойду съ вами, а дамъ вамъ въ путеводители Карла, моего сына. Онъ и сторожъ при развалинахъ, Джонни Боуеръ, разскажутъ вамъ все, что нужно, и многое еще сверхъ того; впрочемъ, вы вольны имъ вѣрить или не вѣрить. Когда вы вернетесь, я васъ потащу верхомъ глядѣть другія чудеса. Завтра надо намъ будетъ видѣть Ярроу, а послѣ завтра аббатство драйбургское — памятникъ чудный и достойный вашего вниманія». Такимъ образомъ я увидѣлъ себя на нѣсколько дней впередъ абботсфордскимъ гостемъ, и передо мной словно открылось цѣлое маленькое царство въ романическомъ вкусѣ».

Осматривая мельрозское аббатство, Ирвингъ познакомился съ его наслѣдственнымъ сторожемъ, Джонни Боуеромъ, котораго престарѣлый отецъ явился тутъ же, чтобъ потѣшить туриста разными легендами о развалинахъ и, кромѣ того, неистощимыми, восторженными отзывами объ абботсфордскомъ хозяинѣ. «Часто онъ приходитъ сюда, съ большой компаніей разнаго народа (говоритъ старикъ) и вѣчно кричитъ, еще издалека: Джонни, Джонни Боуеръ!» А потомъ навѣрно отпуститъ какую нибудь шуточку, или ласковое слово. Со всякимъ, со всякимъ онъ готовъ пошутить и веселиться, *даромъ, что онъ такъ славно знаетъ исторію!*» Свою прогулку въ тотъ же день съ самимъ Вальтеромъ Скоттомъ, Вашингтонъ Ирвингъ описываетъ такъ:

«Насъ сопровождала порядочная партія собакъ: знаменитая Майда, о которой я ужь говорилъ, Гамлетъ, той же породы, еще невыучившійся вести себя скромно, и Финетта, прелестный сеттеръ, съ длинною шелковистой шерстью, висящими ушами и ласковыми глазами — общій любимецъ и членъ гостиной. Поравнявшись съ домомъ, мы увидѣли еще древнюю собаку, которая вышла къ намъ на встрѣчу изъ кухни, махая хвостомъ, и получила отъ Скотта привѣтствіе, какое слѣдуетъ старому другу и товарищу. Во время пути онъ часто прерывалъ разговоръ, указывая мнѣ на

какую нибудь собачью шалость, или передавая исторійки о способностяхъ и привязанности собакъ. Майда одна поддерживала должную важность во время прогулки; ея молодыя спутницы бѣгали, играли, прыгали на нее, таскали ее за ухо: она все шла мѣрнымъ шагомъ, изрѣдка ворча, будто выговаривая молодежи неприличное ея поведеніе. По временамъ, если шалости Гамлета и сеттера становились очень дерзки, она вдругъ оборачивалась, хватала шалуна за шею и повергала его на землю, послѣ чего, принявъ прежнюю осанку, кидала на насъ взглядъ, будто говоря: «вы видите, господа, что я должна была на минуту пошалить съ этими бездѣльниками!» Скоттъ забавлялся этими штуками чрезвычайно. «Я не сомнѣваюсь (сказалъ онъ мнѣ), когда Майда наединѣ съ этими собачонками, она прыгаетъ и играетъ съ ними; но теперь она не хочетъ шалить въ нашемъ обществѣ, и только что не говоритъ: «убирайтесь, собачонки! что̀ подумаютъ обо мнѣ лердъ и этотъ незнакомый джентльменъ, если я пойду возиться съ вами?» Въ числѣ сопровождавшихъ насъ псовъ находилась маленькая лягавая собака, съ стеклянными глазами и физіономіей, какъ будто стыдливою. «Эта собака (сказалъ хозяинъ) удивляетъ меня своей щекотливостью и чувствительностью. Если ее ударить, она тотчасъ же удаляется въ темный чуланъ, и выманить ее оттуда очень трудно. Когда она захочетъ ѣсть, то вылѣзаетъ оттуда съ такимъ плачевнымъ и пристыженнымъ видомъ, какъ будто цѣлый свѣтъ присутствовалъ при ея униженіи».

«Нѣсколько разъ во время прогулки, собаки, почуявъ дичь, поднимали лай; Майда почти все молчала, изрѣдка примѣшивая къ ихъ хору два или три густые звука. «Ай, ай старый другъ! (говорилъ ей Скоттъ) когда-то эйльдонскіе холмы тряслись отъ твоего лая; твое дѣло было сдѣлано и ты можешь успокоиться. Майда (прибавилъ онъ) похожа на огромныя константинопольскія пушки, ихъ долго заряжать, за-то, если ужь одна изъ нихъ выпалитъ, то надѣлаетъ бѣды больше, чѣмъ дюжина нашихъ орудій».

«Мы взобрались на одинъ изъ самыхъ высокихъ окрестныхъ холмовъ. «Теперь (сказалъ мнѣ Скоттъ) я привелъ своего пилигрима на самую высокую гору и долженъ показать ему все лучшее въ нашемъ краѣ. Вонъ Ламмермуръ, вонъ Смейльгольмъ, вотъ Гельшиль, Торвудли и Гала-Ватеръ; по другую сторону тянется Тивіотская Долина и рѣчка Этрикъ течетъ по ней, какъ серебряный снурокъ, направляясь къ Твиду». И онъ назвалъ еще много именъ, прославленныхъ шотландскими бардами и самимъ Вальтеромъ Скоттомъ. Великая часть пограничной Шотландіи раскиды-

валась передо мною, и я могъ глазомъ прослѣдить мѣста дѣйствія поэмъ и романовъ, очаровавшихъ весь просвѣщенный свѣтъ.

«Нѣсколько минутъ я глядѣлъ передъ собой во всѣ глаза, съ нѣмымъ изумленіемъ и, нужно признаться, съ чувствомъ нѣкотораго разочарованія. Я видѣлъ передъ собою безконечные ряды сѣрыхъ холмовъ, однообразныхъ по формѣ, до-того безлѣсныхъ, что, казалось, большая муха не прошлась бы по нимъ незамѣченною. Между такого же рода холмами пробѣгала знаменитая Твидъ, и на берегахъ ея также не оказывалось ни дерева, ни кусточка; но я все-таки съ восторгомъ глядѣлъ на эту рѣку, бѣдность которой такъ возвеличена была магической прелестью поэзіи. Не желая скрывать своихъ мыслей, я передалъ ихъ моему спутнику. Скоттъ задумался и опустилъ голову: ему не нравилась дань хвалы, соединенная съ осужденіемъ родныхъ холмовъ поэта. «Можетъ-быть, я ошибаюсь (сказалъ онъ черезъ минуту), но для меня эти сѣрые холмы и весь дикій край, передъ нами раскинутый, обиленъ невыразимыми красотами. Я люблю даже пустынный видъ безлѣснаго края: въ немъ имѣется нѣчто смѣлое, и сумрачное, и величественное. Каждый разъ, зажившись въ Эдинбургѣ, котораго окрестности похожи на щегольской паркъ, я вздыхаю объ этихъ сѣрыхъ холмахъ. Еслибъ меня лишили возможности хоть разъ въ годъ глядѣть на поля и горы, поросшія верескомъ, *я умеръ бы по всей вѣроятности*». При послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ съ благородной горячностью, онъ пристукнулъ своей палкой, ясно показывая, что вся его душа перешла въ нихъ. Затѣмъ онъ снова заступился за безлѣсные берега Твида, выхваляя ихъ удобство для рыбной ловли, особенно для уженья, во время котораго истинный любитель всегда удаляется отъ деревьевъ, свѣсившихся надъ водою.

«Желая смягчить мой рѣзкій отзывъ о красотахъ Шотландіи, я сложилъ вину моей нечувствительности на неотразимое вліяніе воспоминаній дѣтства. Я выросъ между холмовъ, увѣнчанныхъ вѣковыми лѣсами; рѣки, любимыя мною, вытекали изъ чащи дѣвственныхъ деревьевъ, а потому не мудрено, что мои понятія о красотахъ природы имѣютъ свою особенность. «Да, да! (сказалъ на это Скоттъ), лѣса — это великая прелесть вашей родины. Вы любите ихъ, какъ я люблю свои пустыни, поросшія верескомъ. Но не думайте, чтобъ я не понималъ прелести лѣсистыхъ пейзажей. Какъ бы я хотѣлъ на-минуту очутиться посреди вашихъ гигантскихъ лѣсовъ, въ центрѣ нѣсколькихъ сотъ миль, поросшихъ громадными деревьями, нѣсколькихъ сотъ миль земли, по которой

никогда не ходила нога человѣческая! Въ Лейтѣ я видѣлъ одинъ разъ неимовѣрной величины пень, привезенный изъ Америки; я глядѣлъ на него долго, будто на одинъ изъ обелисковъ, изрѣдка вывозимыхъ изъ Египта, на стыдъ нашимъ мизернымъ памятникамъ. Я долго соображалъ, каково должно быть само дерево, въ полномъ ростѣ и со всѣми вѣтвями! Ваши вѣковыя деревья, подъ которыми сживали цѣлыя индійскія племена задолго до появленія европейцевъ—вотъ истинные памятники, обелиски вашей родины!»

«Разговоръ перешелъ къ Кемпбеллевой поэмѣ «Гертруда», какъ извѣстно, изобилующей изящными описаніями американской природы. Вальтеръ Скоттъ прочиталъ наизусть нѣкоторыя мѣста поэмы. «Какъ жаль (сказалъ онъ), что Кемпбелль пишетъ такъ мало, такъ рѣдко и не даетъ воли своему дарованію! У него орлиныя крылья, и онъ повременамъ ихъ расправляетъ, но расправляетъ лишь затѣмъ, чтобъ свернуть ихъ тотчасъ же, струсить и сѣсть на свой шестокъ. Какимъ дивнымъ стихомъ, напримѣръ, изображаетъ онъ предчувствіе, или, пошотландски, *второе зрѣніе*.

Передъ собой грядущій рядъ событій
Кидаетъ тѣнь...

«Кемпбель (прибавилъ онъ), самъ-себя пугается. Ранніе его успѣхи мѣшаютъ его настоящей дѣятельности.

Такъ, передъ нимъ самимъ его извѣстность
Кидаетъ тѣнь.»

«Подвинувшись еще немного, мы увидали обѣихъ дочерей поэта, двигавшихся по склону холма, намъ на встрѣчу. Кончивъ утренніе уроки, онѣ вышли побродить и нарвать вересковыхъ цвѣтковъ, чтобъ къ обѣду вплести ихъ въ свои волосы. Пока онѣ бѣжали къ намъ, прыгая, какъ дикія козы, и платьица ихъ развѣвались по прихоти лѣтняго вѣтра, я вспомнилъ Скоттово описаніе своихъ дѣтей въ предисловіи къ одной изъ пѣсенъ «Марміона».

Какъ дѣти горъ — они игривы,
Смѣлы и веселы и живы;

«Собаки, увидавъ приближающихся дѣвицъ, бросились къ нимъ и начался смѣхъ, игра и скачки. Мило было глядѣть на всю сцену. Миссъ Софія рѣзвѣе своей сестры; ея разговоръ, живой и разнообразный, напоминаетъ рѣчи отца; миссъ Аннъ, напротивъ, вѣроятно по причинѣ своихъ лѣтъ, смотритъ молчаливѣе и задумчивѣе...

«Въ одной изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ по окрестностямъ, насъ сопровождалъ управитель абботсфордскихъ владѣній, мистеръ Вилльямъ Ледло, человѣкъ очень-образованный и связанный съ

Вальтеромъ Скоттомъ узами старинной дружбы. При многихъ высокихъ душевныхъ качествахъ, онъ не могъ назваться счастливымъ въ денежныхъ дѣлахъ; но Скоттъ навсегда обезпечилъ друга, давъ ему сказанное мѣсто, поселивъ его въ маленькой фермѣ возлѣ зáмка, и вообще обращаясь съ нимъ не какъ съ наемникомъ, но какъ съ лучшимъ и высокоцѣнимымъ пріятелемъ.

«За обѣдомъ въ тотъ день находились гости: мистеръ Ледло съ женою и еще одна женщина, среднихъ лѣтъ, особенно любимая абботсфордскимъ хозяиномъ. Бесѣда могла назваться истинно очаровательною. Скоттъ каждую минуту тѣшилъ и угащалъ своихъ посѣтителей, а они, вполнѣ цѣня его расположеніе, были милы и веселы. По уходѣ ихъ, хозяинъ обратился ко мнѣ. «Я радъ (сказалъ онъ), что могъ доставить вамъ случай увидать истинныхъ, добрыхъ шотландцевъ». Затѣмъ онъ передалъ мнѣ нѣсколько свѣдѣній о дамѣ, обѣдавшей у него. Отецъ ея, бѣдный пасторъ, оставилъ ее почти дитятей, безъ куска хлѣба и съ долгами. Получивъ простое, но солидное воспитаніе, она открыла школу, добрымъ управленіемъ пріобрѣла себѣ многочисленныхъ учениковъ, и получивъ такимъ образомъ вѣрный кусокъ хлѣба, стала помышлять объ уплатѣ отцовскихъ долговъ. Твердо перенося всѣ лишенія, послѣ долгихъ лѣтъ суровой экономіи, она наконецъ достигла своей благородной цѣли. Мало того, совершивъ уплату сполна, она объявила, что дѣти сосѣдей, когда-либо оказывавшихъ пособіе ея родителю во время нищеты и болѣзни, могутъ учиться въ ея школѣ *безплатно*. «Однимъ словомъ (заключилъ Скоттъ), это честная шотландская дѣвушка. Видя ее у себя, я горжусь ею болѣе, чѣмъ посѣщеніемъ самой великолѣпной леди. А великолѣпныхъ леди, я видалъ на своемъ вѣку немало!»

«Вечеръ провели мы въ изящной, чистой комнатѣ, отчасти похожей на гостиную, отчасти на кабинетъ. Скоттъ прочиталъ намъ нѣсколько отрывковъ изъ романа объ Артурѣ звучнымъ, торжественнымъ голосомъ, чрезвычайно подходящимъ къ духу этого древняго произведенія. Любопытно было слушать отрывки изъ названнаго рѣдкаго творенія, читанные въ жилищѣ Вальтера Скотта самимъ Вальтеромъ Скоттомъ. Стоило нарисовать поэта въ его широкомъ креслѣ за книгою, между разными древностями и трофеями пограничной Шотландіи, съ своей вѣрной любимицей, Майдою, у ногъ. Удалившись на ночь въ свою комнату, я не могъ заснуть: мысль о томъ, что я въ самомъ центрѣ такъ прославленныхъ мѣстъ, на берегу Твида, подъ кровлей Вальтера Скотта, соединясь съ вос-

поминаніемъ о наслажденіяхъ и отрадныхъ бесѣдахъ этого дня, долго не давала мнѣ спать.

«На утро солнце разбудило меня, засіявши надъ холмами и проскользнувъ сквозь верхнюю часть окна моей спальни. Я всталъ и выглянулъ на дворъ кусты шиповника, вившаѓося около рамъ. Скоттъ уже былъ тутъ и, сидя на камнѣ, весело болталъ съ работниками. Судя по времени, которое онъ вчера истратилъ на наши бесѣды, я полагалъ, что онъ будетъ много работать утромъ; но мой хозяинъ имѣлъ совершенный видъ человѣка, думающаго только о прогулкахъ и отдыхѣ на солнцѣ. Одѣвшись, я тотчас же вышелъ къ нему. Скоттъ сообщилъ мнѣ свои планы на-счетъ новаго дома, парка и прочаго. Зачѣмъ не удовольствовался онъ своимъ милымъ коттеджемъ, чуть-примѣтнымъ изъ-за массы ползучихъ, его одѣвавшихъ растеній? Для чего думалъ онъ дѣлать измѣненія въ образѣ своей тихой, веселой, гостепріимной, счастливой сельской жизни?»

Здѣсь мы заключимъ выписки изъ Ирвингова журнала и перейдемъ къ другому абботсфордскому посѣтителю, соотечественнику Вальтера Скотта и шотландскому Фан-Остаду, знаменитому сэру Давиду Вильки. Оригинальныя картины сэра Давида едва-ли имѣли случай видѣть лица, небывшія въ Англіи; но кто не знакомъ съ ними по гравюрамъ, кто не знаетъ, напримѣръ, «Слѣпаго Скрипача» или «Rent-Day» или «Деревенской Свадьбы» или «Инвалидовъ, читающихъ бюллетень о ватерлооскомъ сраженіи»? Немного лѣтъ прошло съ той поры, какъ бѣдный и неловкій мальчикъ Давидъ Вильки покинулъ свою родную Шотландію, гдѣ занимался писаніемъ портретовъ за ничтожную цѣну и даже, въ часы голода, малеваніемъ вывѣсокъ—и вотъ онъ ужь возвращается на родину почетнымъ членомъ королевской академіи, съ порядочнымъ запасомъ денегъ и славою одного изъ первыхъ европейскихъ художниковъ! Герцоги и лорды привѣтствовали его, какъ роднаго; зажиточные земледѣльцы покидали свои фермы, торопясь взглянуть на того, который рисовалъ ихъ жонъ и дочекъ за сходную цѣну; родня художника безчисленная, какъ всякая шотландская родня, ликовала и гордилась своею связью съ великимъ живописцемъ. Герцогъ Бокклейскій первый устроилъ въ честь Вильки великолѣпный праздникъ, съ національной игрой въ мячъ, во время которой играющіе дѣлились по кланамъ, получали почетныя знамена и чуть-было не произвели между собой настоящей потасовки *).

*) Тутъ Вильки получилъ отъ извѣстнаго намъ пастушка этрикскаго лестное привѣтствіе, дающее высокое понятіе объ умѣ поэта-самоучки, разумѣется, въ

Въ Абботсфордѣ Вильки провелъ нѣсколько счастливѣйшихъ дней своей жизни. Рожденный посреди бѣдности, нескладный и некрасивый по природѣ, неимѣвшій времени, по случаю своихъ геркулесовскихъ трудовъ, пріобрѣсти лоскъ и изящныя манеры свѣтскаго человѣка, геніальный живописецъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ посреди пировъ и собраній, возбужденныхъ его прибытіемъ въ Шотландію; подъ кровлей же Вальтера Скотта онъ чувствовалъ себя свободнымъ, какъ птица небесная. Хозяинъ не стеснялся гостями и гости не стѣснялись ни имъ, ни его семействомъ; дни проходили тихо и весело: толпы оригиналовъ, посѣтителей всевозможнаго вида и званія, наконецъ поселянъ, такъ любимыхъ сэромъ Давидомъ, каждый день представлялись его артистическому взгляду. Въ то время Вильки не питалъ еще такъ зловредной (для него) идеи о подражаніи испанцамъ и итальянцамъ, не стремился къ эффектнымъ сюжетамъ, но рисовалъ, какъ рисовали старые голландскіе мастера, все, что попадалось ему на глаза, можетъ быть, даже слишкомъ далеко простирая артистическое равнодушіе къ *содержанію своихъ произведеній*. Въ Абботсфордѣ онъ трудился по своему вкусу, срисовывалъ садовниковъ и работниковъ, набрасывалъ очерки фонтановъ и украшеній для будущаго зàмка, указывалъ, кàкъ нужно чинить древнюю мебель и придавать ей изящную форму, наконецъ составлялъ планъ прелестной картины, въ которой Скоттъ и его семейство имѣли быть изображенными въ видѣ поселянъ, а капитанъ Фергюссонъ, старый и общій другъ —въ одеждѣ лѣсничаго, или браконьера. «Одно меня затрудняетъ (сказалъ хозяину сэръ Давидъ), какъ бы не потревожить васъ сеансами: вы столько пишете въ годъ разныхъ сочиненій, что совѣстно отвлекать васъ отъ дѣла». На это Скоттъ засмѣялся, сказавъ: «никакіе сеансы не помѣшаютъ мнѣ работать». — «Ваша работа — загадка для всѣхъ (снова замѣтилъ художникъ). Положимъ, вы встаете ранѣе всѣхъ насъ и успѣваете исписать довольно бумаги, но гдѣ вы берете время *обдумывать* ваши вещи?». «Во-первыхъ, ложась спать (отвѣчалъ Скоттъ); потомъ, осматривая постройки, а наконецъ во всякую минуту уединенія. Во время вашихъ сеансовъ, я тоже буду обдумывать разные планы». Скоттъ

свѣтлыя минуты. Вслѣдъ за представленіемъ и формулами рекомендаціи, пастушокъ нѣсколько минутъ не сводилъ глазъ съ художника и наконецъ сказалъ ему, протягивая руку, сквозь слезы и дрожащимъ голосомъ: «*Благодареніе Богу! я не думалъ, что вы еще такъ молоды*». Въ этомъ короткомъ привѣтѣ заключалась и хвала дарованію художника и радостное привѣтствіе.

уже начиналъ довольно беззаботно хранить свое инкогнито во-части «Веверлеевскихъ романовъ» (Waverley Novels).

Въ сентябрѣ 1817 года, коттеджъ абботсфордскій взволнованъ былъ неожиданнымъ пріѣздомъ одной особы, имя которой въ то время волновало артистическій и аристократическій кругъ Великобританіи. Леди Байронъ, урожденная миссъ Мильбанкъ, бывшая супруга знаменитаго поэта и причина его добровольнаго изгнанія, посѣтила то семейство, гдѣ каждый членъ, отъ хозяина до меньшаго сына, питалъ восторженную любовь къ человѣку, ею непонятому и оскорбленному. Причины развода и всѣхъ вообще семейныхъ несогласій лорда Байрона оставались неизвѣстными для Скотта точно также, какъ онѣ и теперь неизвѣстны; но шотландскій бардъ не могъ не знать о всѣхъ клеветахъ, оскорбленіяхъ и невыразимыхъ словами горестяхъ, которыхъ прямою причиною была безразсудная неосторожность леди Байронъ и ея злобныхъ совѣтниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Вальтеръ Скоттъ смотрѣлъ на отношенія лорда Байрона и его супруги съ точки зрѣнія весьма невыгодной для послѣдней. Но леди Байронъ прибыла къ нему съ письмомъ отъ его доброй пріятельницы, миссъ Бейли; да ежели бъ, наконецъ, и этого не было, абботсфордскій хозяинъ имѣлъ слишкомъ много гостепріимства и способности подсматривать въ людяхъ ихъ хорошія стороны, и не могъ сухо принять особу, его посѣтившую. Главная причина несчастій леди Байронъ заключалась въ ея безхарактерности. Будучи еще дѣвицей, она одинъ разъ отвѣчала на сватовство Байрона отказомъ, и не смотря на то, продолжала съ нимъ переписку, потомъ вышла зáмужъ и черезъ годъ произвела ужь извѣстную исторію, а послѣ совершеннаго разрыва принялась тосковать и печалиться. Леди Байронъ не могла назваться совершенною красавицею; но пріятность лица ея и изящество всей фигуры въ то время значительно возвышались выраженіемъ меланхоліи, тотчасъ же подѣйствовавшей на душу абботсфордскихъ обитателей. «Мнѣ она, можетъ быть, не понравилась бы во время своего счастія (писалъ Скоттъ къ миссъ Бейли); но въ настоящее время мое сердце взволновалось при видѣ ея печали и тихаго унынія. Я былъ тронутъ и долго чувствовалъ сжиманіе сердца. Леди Байронъ пробыла у насъ всего одинъ день; мы всѣ гуляли на берегахъ Ярроу, и кажется она осталась довольна пріемомъ. Вечеромъ мой Вальтеръ, въ ея присутствіи, вернулся съ охоты, притащивъ съ собой около восьми глухарей — удача, причинившая мнѣ не малую и очень гордую радость».

Дальнѣйшихъ извѣстій о пребываніи леди Байронъ въ Абботсфордѣ не имѣется вовсе.

XIII.

Сатира въ блеквудскомъ журналѣ, «Халдейская рукопись». — Великій магъ. — Джонъ Локгартъ; его замѣтки объ Абботсфордѣ. — Лордъ Мельвиль и Фергюссоны. — Строенія. — Домочадцы Скотта: Томъ Порди, Питеръ Матисонъ. — Волынщикъ Джонъ Скай. — Обѣдъ. — Восточная башня. — Вечерніе увеселенія. — Гёте и Кольриджъ. — Почта и неудобства европейской репутаціи въ отношеніи переписки. — Исторія «Чирокейскихъ Любовниковъ». — Еще невыгода славы: американскіе туристы — Великій незнакомецъ. — Замѣтки Локгарта послѣ его брака съ миссъ Софіей Скоттъ. — Живописная охота. — Розъ, докторъ Воластонъ, Макензи и сэръ Гомфри Дэви. — Привязанность животныхъ къ Скотту. — Охотничьи эпизоды. — Бесѣды Скотта и Дэви. — Годовые пиры абботсфордскіе: ловля лососей и большая охота. — Описаніе этихъ пировъ. — Джемсъ Гопъ и разбитый носъ.

Около половины 1818 года, въ одномъ изъ шотландскихъ періодическихъ изданій, «Blackwood's Magazine», появилась статейка забавнаго содержанія, понравившаяся публикѣ почти наравнѣ съ лучшими пародіями Эллиса и Кенинга, или извѣстными «Отвергнутыми Адресами» (Rejected Adresses) братьевъ Смитовъ *). Въ статейкѣ, представленной въ видѣ извлеченія изъ «халдейскихъ недавно открытыхъ рукописей», заключались шутки по поводу эдинбургскихъ писателей, журналистовъ и книгопродавцовъ, въ томъ числѣ Скотта, Констэбля и Беллентейна, шутки мѣткія, но неядовитыя, а сверхъ того очень много выигрывавшія отъ мистическаго, величаваго слога, составлявшаго забавный контрастъ съ свѣжестью самихъ событій. Вотъ какъ описываются, напримѣръ, неудачныя попытки Констэбля завербовать Вальтера Скотта въ число постоянныхъ сотрудниковъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія».

«И когда духи удалились (говоритъ халдейскій писатель), человѣкъ, носящій имя Хитреца **), сказалъ себѣ: «пойду я къ ве-

---

*) Эта брошюра, имѣвшая огромное число изданій, заключаетъ въ себѣ собраніе удачнѣйшихъ пародій на Байрона, Скотта, Соути, Мурра, Крабба, Водсворда и всѣхъ лучшихъ поэтовъ того времени. «Отвергнутыми Адресами» или, скорѣе, прологами, она названа вотъ почему. Друриленскій театръ, возобновленный послѣ пожара, нуждался въ прологѣ для своего открытія. Дирекція театра назначила какую-то небольшую премію за лучшій изъ прологовъ, которые будутъ по этому случаю написаны. Авторы брошюры сообщаютъ, что каждый изъ поэтовъ Англіи поспѣшилъ откликнуться на зовъ, приславъ прологъ своего издѣлія, и эти-то прологи представляютъ пародіи на слогъ и манеру каждаго поэта. Книжка Смитовъ, какъ литературная рѣдкость, довольно подробно разобрана въ «Библіотекѣ для Чтенія» (за осенніе мѣсяцы 1852 года).

**) The Crafty, одно изъ шуточныхъ прозвищъ А. Констэбля.

ликому волшебнику; онъ другъ души моей и спасетъ меня отъ треволненій».

«И всталъ онъ, и пошелъ къ великому волшебнику *), живетъ тотъ волшебникъ въ древнихъ стѣнахъ, у рѣки Нила, близъ границы.

«И волшебникъ открылъ уста и изрекъ: «сердце мое желаетъ тебѣ добра и успѣха.

«Но руки мои исполнены работы, и трудъ мой великъ. Питаю я сыновъ земли и никто не знаетъ откуда идетъ пища, но раскрываетъ ротъ и я кладу туда яства сладкія.

«И противникъ твой — мнѣ другъ.

«Поставь войско твое на горѣ Публикаціи и сразись съ врагомъ, и молчи; я могу пособить тебѣ, хотя не много».

«Но человѣкъ, носящій имя Хитреца, узрѣлъ что нѣтъ къ нему любви въ сердцѣ волшебника.

«И ушелъ онъ изъ его стѣнъ, и отряхнулъ пыль съ сандалій своихъ, и сказалъ: «Зрите всѣ, много денегъ давалъ я сему магу, но онъ оставилъ меня. Истинно говорю, пропало мое доброе золото!»

Скоттъ первый посмѣялся шалости, прочелъ весь отрывокъ сэру Давиду Вильки и успокоилъ гнѣвъ Констэбля, нелюбившаго никакихъ шутокъ надъ своей особой. Джонъ Локгартъ, настоящій или предполагаемый авторъ статейки (въ составленіи ея онъ не сознался), еще болѣе полюбился великому волшебнику и получилъ вторичное приглашеніе погостить въ Абботсфордѣ, куда его ужь давно привлекало воспоминаніе о миссъ Софіи Скоттъ, старшей дочери мага.

«Въ октябрѣ 1818 года (разсказываетъ Д. Локгартъ) я въ первый разъ посѣтилъ Абботсфордъ вмѣстѣ съ Джономъ Вильсономъ, впослѣдствіи профессоромъ нравственной философіи въ эдинбургскомъ университетѣ. Мы застали хозяина посреди молоденькихъ аллей и рощицъ, имъ насаженныхъ, въ обществѣ пяти или шести молодыхъ людей, да еще двухъ его вѣрныхъ и старыхъ друзей, лорда Мельвилля (старшаго лорда адмиралтейства) и капитана Фергюссона. Представивъ насъ первому изъ нихъ и намекая на послѣднія пародіи въ блеквудскомъ журналѣ, Скоттъ сказалъ: «я радъ, что доставилъ случай лорду увидаться съ шалунами, про которыхъ онъ такъ много слышалъ». Отъ плантацій передвинулись мы къ огромной плотинѣ, воздвигаемой хозяиномъ

*) Скотту.

въ защиту отъ разлитія Твида, во время пути останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ, откуда можно было любоваться новымъ зàмкомъ на вершинѣ горы. Тогдашній зàмокъ составлялъ только часть настоящаго строенія, но ужь его фантастически-оригинальная архитектура, галлереи, башенки и наружныя украшенія составляли эффектное цѣлое. Отъ сѣраго гранита, употребляемаго при постройкѣ, все зданіе имѣло видъ достаточно готическій, темный. Когда Скоттъ указалъ намъ на этотъ древній колоритъ зàмка, капитанъ Фергюсонъ, подмигивая мнѣ и полагая меня сочинителемъ «халдейской рукописи», сказалъ торжественнымъ голосомъ: *«да! зàмокъ похожъ на древнія стѣны у рѣки Нила!»* Эта цитата возбудила хохотъ между молодежью, окружавшею Скотта; но самъ онъ, усиливаясь принять суровый видъ, произнесъ только: «Эй, Адамъ! ей, Адамъ, берегись!» Потомъ сталъ онъ разсказывать о своихъ трудахъ, относительно новой плотины, и о томъ, какъ старую вода снесла въ одну ночь, почти до основанія. Но и тутъ капитанъ имѣлъ наготовѣ другой отрывокъ изъ «халдейской рукописи»: *«Истинно говорю: пропало мое доброе золото!»* произнесъ онъ глухимъ голосомъ. Въ отвѣтъ на новую цитату, великій магъ поднялъ палку, будто грозясь поколотить Фергюссона, но вмѣсто того замахалъ ею надъ головой и принялся хохотать громче всей компаніи. Пока мы бродили и болтали, собаки, сопровождавшія насъ, совались туда и сюда, выгоняли зайцовъ изъ кустовъ, преслѣдовали ихъ при общемъ крикѣ; вмѣстѣ съ собаками участвовалъ въ погонѣ Гинсъ Гинсфельдскій, тотъ самый достопочтенный котъ, съ которымъ я ужь познакомилъ читателя.

«Около Питергоуза, сельскаго домика, въ которомъ помѣщалось семейство стараго кучера Питера Матисона, мы встрѣтили самого Питера вмѣстѣ съ веселымъ Томасомъ Порди, лѣсничимъ, смотрителемъ стадъ абботсфордскихъ и любимымъ слугою Вальтера Скотта. Томъ Порди, лицо столь же извѣстное, какъ Байроновъ Флетчеръ, или Френсисъ Барберъ доктора Джонсона; подобно имъ онъ былъ облагодѣтельствованъ своимъ господиномъ и платилъ за благодѣянія безпредѣльною преданностью. Первое знакомство Скотта съ Томомъ произошло при обстоятельствахъ, повидимому, неблагопріятныхъ: бѣдняка Порди, уличеннаго въ многократной стрѣльбѣ чужой дичи, привели на судъ шерифскій, какъ браконьера самого неисправимаго. Убѣдившись въ добродушіи виновнаго и въ его бѣдности, поэтъ освободилъ Тома отъ взысканія и пристроилъ его на своей мызѣ, гдѣ тотъ вскорѣ съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ. Всѣ жители Абботсфорда, на-

чиная лердомъ и кончая поварёнкомъ, любили Порди за честность, неутомимость, веселый нравъ и всегдашнюю готовность перебрасываться шутками *) (to crake a joke). Въ описываемый мною день, честный Томъ, покуривая трубочку, наблюдалъ за нѣсколькими дюжинами парнями, укладывавшими дернъ для бесѣдки изъ зелени, тутъ назначенной къ построенію. «Видите (сказалъ намъ Скоттъ), тутъ ужь мной посажены кусты и даже отведено *лердово мѣсто*; около этой бесѣдки я думаю устроить кегли: безъ нихъ нельзя вообразить себѣ полной *vie de chateau*». Когда мы отошли далѣе отъ Тома, Питера и работниковъ, онъ прибавилъ: «здѣсь будетъ хорошо сидѣть вечеромъ и слушать, какъ семейство набожнаго Питера поетъ вечерніе псалмы, и слушая, вспоминать чудные стихи Борнса въ его «Ночи съ субботы на воскресенье».

«Добравшись до дома къ самому обѣду, мы ужь нашли тамъ цѣлую толпу друзей и сосѣдей хозяина, между прочимъ, морскаго капитана Джона Фергюссона (любимца лорда Нельсона), мистера Скоттъ-Гала, три года назадъ, сопутствовавшаго шерифу во время его поѣздки во Францію, и доктора Скотта-Дарнли, долго служившаго въ Остиндіи, и нынѣ проживавшаго близъ Абботсфорда, гдѣ его присутствіе было такъ полезно, по случаю желудочныхъ припадковъ, которые уже начинали чаще и чаще тревожить великаго романиста. Какъ помѣстилась вся компанія въ маленькой столовой — этого я ужь не умѣю сказать; знаю только, что обѣдъ могъ назваться превосходнымъ и однимъ изъ самыхъ веселыхъ, какіе только бывали во всю мою жизнь. Тотчасъ же послѣ супа, мы

*) Болѣе счастливый, нежели Флетчеръ и Барберъ, Томъ Порди не пережилъ своего обожаемаго господина, а былъ имъ схороненъ и оплаканъ. Осенью 1829 года, оставивъ полевую работу и передъ ужиномъ весело поболтавъ съ домашними, Томъ положилъ голову на столъ и тихо заснулъ — безъ пробужденія. Когда подали ужинъ и стали его будить, онъ оказался уже давно охолодѣвшимъ. Нѣсколько дней послѣ смерти Тома, В. Скоттъ тосковалъ и даже не отвѣчалъ на получаемыя письма. По приказанію его, надъ тѣломъ Тома, положеннымъ въ мельрозскомъ аббатствѣ, воздвигнутъ памятникъ съ слѣдующей трогательною надписью:

Въ благодарность и память
за 22-хъ лѣтнюю вѣрную службу
въ свидѣтельство горести при потерѣ
слуги и преданнаго друга
сей памятникъ воздвигнутъ сэръ В. Скоттомъ.
Абботсфордскимъ.
Здѣсь лежитъ тѣло Томаса Порди, лѣсничаго въ Абботсфордѣ,
Умершаго 29 окт. 1829 года, 62-хъ лѣтъ отъ-роду.
«Въ маломъ ты былъ вѣренъ — и надъ многимъ поставлю тебя»!
(Еванеліе отъ Матѳея.)

услышали около самыхъ ушей нашихъ звуки горной волынки, и, поглядѣвъ въ открытое окно, примѣтили высокаго музыканта, въ полномъ національномъ нарядѣ, расхаживающаго подъ самымъ домомъ и игравшаго съ неописаннымъ рвеніемъ. То былъ Джонъ Скай, искусный канавщикъ, съ трудолюбіемъ соединявшій дарованія артиста. Только что сняли скатерть со стола и поставили на него послѣобѣденные напитки, Джонъ Скай, повинуясь данному сигналу, величественно вошелъ въ комнату, не снимая шапки, и съ воинственнымъ видомъ помѣстясь сзади хозяина, принялъ изъ рукъ его преужасную чашу съ водкой. Затѣмъ честный Джонъ сказалъ краткое привѣтствіе всей компаніи, залпомъ выпилъ живительную влагу и съ прежнимъ серьёзнымъ видомъ надувъ волынку, заигралъ на ней новые «сборы», военныя пѣсни и «пиброхи».

«Осенняя луна, свѣтившая ярче свѣчей, стоявшихъ на столѣ, сквозь окна озаряла сцену самаго милаго, самаго шумнаго веселья. Никогда не видалъ я Скотта такимъ счастливымъ: онъ угощалъ подъ своей кровлею лучшихъ друзей своего сердца, сослуживцевъ, товарищей юности и школьной жизни, наконецъ молодыхъ людей, къ возрасту которыхъ всегда хранилъ благороднѣйшее сочувствіе. Исторія о давнишнихъ дняхъ и о прошлыхъ забавахъ быстро шли одна за другою; друзья пили здоровье *Гринъ-Брикса* *) и другихъ лицъ, съ которыми связывались ихъ отраднѣйшія воспоминанія.

«Когда мы встали изъ-за стола, хозяинъ предложилъ намъ взобраться на восточную башню, любоваться видомъ долины при лунномъ освѣщеніи. Молодежь радостно согласилась; но старики, знавшіе, какъ крутъ и тѣсенъ ходъ на башню, отговорились подъ разными предлогами. Предводительствуемые Скоттомъ, мы одолѣли всѣ трудности и, взойдя на площадку, вознаграждены были прелестною панорамою, раскинувшеюся передъ нашими глазами. Всѣ дикія и безлѣсныя части пейзажа, при мягкомъ лунномъ свѣтѣ, теряли свой унылый характеръ, Твидъ и Гала вились и искрились подъ ногами зрителей, а отдаленныя развалины Мельроза очертывались на темномъ фонѣ эйльдонскихъ возвышеній, будто алебастровое украшеніе. Поэтъ, опершись на одинъ изъ зубцовъ башни, глядѣлъ на картину такъ, какъ будто бы не имѣлъ никогда случая на нее наглядѣться. «Нѣтъ (произнесъ онъ), нужно выстроить еще башню повыше, и сдѣлать площадку пошире и лѣстницу по простор-

---

*) Смотри статью первую.

нѣе». Звуки волынки снова раздались далеко внизу. Скоттъ велѣлъ Джону съиграть прощальную пѣснь Стюартовъ (Zochober nomore), и слушая музыку, значительно смягченную разстояніемъ, на память прочелъ меланхолическія слова пѣсни.

«По возвращеніи нашемъ съ башни, мы нашли всю компанію въ новой обѣденной залѣ, еще неотдѣланной вполнѣ, но освѣщенной великолѣпно. Музыка, какая случилась на ту пору, начала играть и весь домъ, за исключеніемъ Скотта и пастора, пустился отплясывать до упада. Хозяинъ и еще одинъ гость съ деревянной ногой, били тактъ: одинъ палкою, а другой своей деревяшкой. Теплый пуншъ и разогрѣтое вино разносились въ изобиліи, волынки дребезжали и только общая усталость заставила прекратить танцы. Но веселье не прекратилось: каждый изъ мужчинъ приглашенъ былъ спѣть какую нибудь пѣсню, и концертъ открылся сперва пѣніемъ капитана Фергюссона, а потомъ общимъ хоромъ, одной изъ любимыхъ національныхъ пѣсенъ. Лордъ Мельвиллъ предложилъ тостъ за новый домъ абботсфордскій и этимъ тостомъ заключились увеселенія вечера.

«Проснувшись утромъ въ седьмомъ часу, я услышалъ подъ своими окнами голоса хозяина и Тома Порди, совѣщавшихся о порядкѣ работъ по случаю осушенія какого-то болотистаго поля. Примѣтивъ, что я не сплю, Скоттъ послалъ мнѣ громкое привѣтствіе и просьбу, одолжить ему на нѣсколько часовъ новое изданіе Гётева «Фауста», которое я привезъ съ собою. Когда, черезъ два часа, мы сошлись за завтракомъ, Скоттъ ужь находился подъ вліяніемъ страницъ, имъ прочитанныхъ, восхищался характеромъ Маргариты, разительнымъ паѳосомъ молитвы передъ образомъ Богоматери *) и воздушною прелестью стихосложенія всей поэмы. Предисловіе (кажется, до тѣхъ поръ имъ нечитанное) онъ осуждалъ, какъ подражаніе величайшей изъ поэмъ, когда-либо писанныхъ. Мистеръ Вильсонъ сообщилъ, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, Кольриджъ **) занимается переводомъ «Фауста».

---

*) O neige,
Du schmerzenreiche etc.

**) Самуэль Тайлоръ Кольриджъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ Великобританіи, родившійся въ 1772 году отъ Джона Кольриджа, девонширскаго пастора, тоже извѣстнаго нѣсколькими сочиненіями по части филологіи. По родству своему съ Соути и Вордсвордомъ, а также и по временному своему сотрудничеству съ этимъ послѣднимъ, Кольриджъ причисляется къ школѣ поэтовъ-лекистовъ довольно несправедливо. Жизнь Кольриджа странна, какъ и его произведенія. То поэтъ, то проповѣдникъ секты унитаріевъ, то журналистъ, то лѣнивый бѣднякъ, то замѣчательный критикъ, то шарлатанъ, обворовывавшій нѣмецкихъ писателей безъ всякой

«Это меня очень радуетъ (сказалъ абботсфордскій хозяинъ). Кольриджъ сдѣлалъ изъ Шиллерова Валленштейна въ переводѣ нѣчто лучшее, чѣмъ самъ подлинникъ; то же будетъ и съ Фаустомъ. Нѣтъ поэта, равнаго Кольриджу по средствамъ, но онъ не умѣетъ овладѣть ими, не умѣетъ трудиться собразно своему генію. У него нѣтъ здраваго смысла и твердой воли — двухъ качествъ, достаточныхъ, при его талантѣ, на то, чтобъ стать выше всѣхъ современниковъ. Я ужь не жду отъ Кольриджа прекрасной оригинальной поэмы, но онъ можетъ еще составить себѣ оригинальную и завидную славу поэта-переводчика».

«Въ это время пришла почта и количество писемъ на имя Скотта такъ всѣхъ удивило, что лордъ Мельвилль, спросилъ его: «Нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь занятій по выборамъ?» — «Всякую почту (отвѣчалъ хозяинъ) я получаю столько же писемъ, и давно раззорился бы до тла *), еслибъ Крочеръ и другіе чиновные друзья не франкировали моихъ посланій, или не вкладывали ихъ въ казенные конверты; совсѣмъ тѣмъ, рѣдкій годъ вношу я менѣе полутораста фунтовъ (900 р. с.) на почту; а ужь насчетъ посылокъ — это чистое бѣдствіе! Прошлую весну, напримѣръ,

совѣсти, Кольриджъ наконецъ погубилъ себя, пристрастившись къ опіуму и тѣмъ совершенно затмивъ свой разсудокъ, и безъ того наклонный къ временнымъ затменіямъ. Лучшими его произведеніями считаются поэма «Кристабель», переводъ Шиллерова Валленштейна, и еще странная книга подъ названіемъ «Biographia Litteraria», заключающая въ себѣ между несвязными главами нѣсколько превосходныхъ отрывковъ по части критики. Вордсвортъ и школа лекистовъ одолжены Кольриджу основательнымъ, лестнымъ, но повременамъ очень безпристрастнымъ изложеніемъ озерныхъ теорій, съ ихъ дурными и хорошими сторонами. Самъ поэтъ безспорно принадлежалъ, по дарованію, къ поэтамъ перваго разряда, но самой своею никогда не могъ воспользоваться. Въ самыхъ первыхъ вещахъ Кольриджа уже замѣчается нѣчто порывистое, неестественное, переносящее читателя не въ жизнь дѣйствительную, а въ какой-то особенный міръ сонныхъ грезъ и призраковъ. Характеръ видѣній, зарождаемыхъ опіумомъ, кажется, долженъ сходствовать съ характеромъ Кольриджевой поэзіи. На русскомъ языкѣ почти нѣтъ переводовъ изъ Кольриджа, за исключеніемъ его баллады или, скорѣе, небольшой поэмы «Старый морякъ», переведенной два года назадъ, если не ошибаемся, г. Миллеромъ. Переводъ весьма хорошъ, а сама вещь одна изъ характернѣйшихъ вещей Кольриджа: это какой-то мучительный сонъ въ душную лѣтнюю ночь, рядъ грёзъ, иногда милыхъ, чаще ужасныхъ, но постоянно странныхъ; отъ частаго чтенія такихъ вещей голова туманится.

Кольриджъ былъ женатъ на дочери квакера мистера Фриккера, женился очень рано, провелъ всю жизнь въ бѣдности и умеръ въ полусумасшедшемъ состояніи, оставивъ, между другими дѣтьми, сына, Гертли Кольриджа, тоже поэта и тоже чудака довольно печальнаго.

*) Въ Англіи, какъ извѣстно, за письмо платитъ получающій.

приносятъ ко мнѣ огромный свертокъ — откуда же? изъ Америки! требуя съ меня пять фунтовъ за пересылку. Въ сверткѣ заключалась драма, сработанная какою-то ньюйоркскою леди, и письмо на мое имя, съ просьбою прочесть пьесу, исправить ее, снабдить прологомъ и эпилогомъ, отдать на дрюриленскій театръ, озаботиться по части успѣха, потомъ продать рукопись Мурраю, или Констэблю, разумѣется за хорошую цѣну! Нечего дѣлать, я простоналъ и покорился судьбѣ. Что же вы думаете, черезъ недѣлю получаю новую посылку отъ той же леди, и въ посылкѣ туже трагедію «Чирокейскіе Любовники» съ новымъ письмомъ, гдѣ значилось, что такъ-какъ послѣ отхода корабля съ первымъ экземпляромъ, произошла буря, могущая потопить рукопись, то сочинительница долгомъ считаетъ *послать мнѣ дубликатъ своего произведенія*» *).

«Повидимому, тайна о «Веверлеѣ» и веверлеевскихъ романахъ хранилась не совсѣмъ тщательно, по крайней мѣрѣ въ абботсфордскомъ семействѣ. Въ одно утро, за завтракомъ, который-то изъ

---

*) «Осмотрѣвъ аббатство драйбургское и воротясь въ замокъ, мы нашли мистриссъ Скоттъ съ дочерьми въ крайне непріятномъ положеніи. Двое американскихъ туристовъ, одинъ судья, а другой методистъ, оба молодые и очень тощіе на видъ, мучили дамъ, бродили по всѣмъ комнатамъ и вышли вмѣстѣ съ ними, къ намъ на встрѣчу. Мистриссъ Скоттъ, думая, что туристы имѣютъ отъ кого-нибудь рекомендательное письмо къ ея мужу, пригласила ихъ закусить съ собою; самъ же хозяинъ, думая, что его жена приняла и распечатала письмо незнакомцевъ, обошелся съ ними очень вѣжливо. Но мистриссъ Скоттъ, при всей своей великой добротѣ, имѣла много находчивости въ подобныхъ случаяхъ. Давъ пріѣзжимъ поболтать и разсыпаться въ привѣтствіяхъ ея мужу, она поразила ихъ просьбою передать Скотту письма, ими привезенныя. Оказалось, что писемъ не было никакихъ, и туристы вторгнулись въ Абботсфордъ, не спрашивая ни у кого дозволенія. Тогда хозяинъ далъ замѣтить американцамъ свое неудовольствіе, вѣжливо посовѣтовавъ имъ осмотрѣть мельрозское аббатство, не теряя времени. Выпроводивъ неучтивыхъ гостей и вернувшись къ намъ, онъ засталъ свою супругу въ полномъ негодованіи. Оба туриста, во время его отсутствія, при ней вытащили изъ кармановъ записныя книги и начали дѣлать вопросы, будто въ лавкѣ, или на судейскомъ засѣданіи. Они спросили не только о возрастѣ самого хозяина, но даже пожелали записать сколько лѣтъ отъ роду имѣетъ мистриссъ Скоттъ! «Намъ теперь остается съ тобою (весело сказалъ поэтъ на ея сѣтованія) устроить вывѣску, съ двумя деревьями, бутылками элю и портеру и надписью *гостинница для пріѣзжающихъ*. Это лучше всѣхъ рекомендательныхъ писемъ». Но я безъ труда замѣтилъ, что Скоттъ видимо жалѣлъ о сдѣланномъ, и раза два повторилъ, идучи обѣдать: «чтобъ провалиться этимъ обезьянамъ, Шарлотта, а все-таки мы должны были пригласить ихъ къ обѣду!» — «Не безпокойтесь (замѣтилъ тутъ морякъ Фергюссонъ), посѣтители все время говорили о романахъ и жалѣли, зачѣмъ замокъ не названъ Толливеленомъ и Тиллитодлемомъ; ихъ визитъ назначался не вамъ, а сочинителю «Веверлея». Добрый морякъ, можетъ быть, одинъ изъ присутствующихъ не зналъ о секретѣ романовъ.

(Дополненіе къ замѣткамъ Локгарта).

гостей взялъ себѣ яйцо, отмѣченное особеннымъ іероглифомъ, вѣроятно, вслѣдствіе особыхъ соображеній со стороны кухарки, мистриссъ Порди. Миссъ Анна Скоттъ, живая болтушка, лѣтъ шестнадцати, тихо шепнула гостю: «Что, если это таинственное яйцо назначено «великому незнакомцу?» Скоттъ, вслушавшись, тотчасъ же замѣтилъ: «Охота леди Аннъ *) городить такой вздоръ, будто она не знаетъ, что отмѣтка значитъ: яйцо въ смятку для *ширры* (шерифа)». Вся покраснѣвъ и стыдясь своей нескромности, дѣвушка возразила: «Я думала, что къ завтраку ждутъ мистера Джона Беллентейна». Мысль о томъ, что бездѣльникъ Джонни можетъ считаться великимъ незнакомцемъ, тотчасъ же разсмѣшила всю компанію».

Понравившись миссъ Софіѣ Скоттъ и получивъ согласіе ея родителя, авторъ здѣсь приводимыхъ замѣтокъ провелъ съ молодою женою лѣто на маленькой фермѣ около Абботсфорда, а на слѣдующій годъ поселился въ самомъ замкѣ, украшавшемся съ каждымъ годомъ. Чтобъ не прерывать свѣдѣній о порядкѣ абботсфордскихъ веселостей, дополняемъ главу нашу лучшими отрывками изъ дальнѣйшихъ воспоминаній Джона Гибсона Локгарта.

«Во многихъ виллахъ нашей аристократіи существуютъ книги для записыванія именъ посѣтителей ими самими; и сколько разъ я жалѣлъ, что такого реестра не существовало въ Абботсфордѣ! Въ теченіе семи или осьми лѣтъ, когда обстоятельства Вальтера Скотта и его слава находились на своей высшей точкѣ, подъ кровлей поэта перебывало безконечное множество лицъ, знаменитыхъ въ политическомъ, ученомъ и артистическомъ мірѣ. Прибавить къ этому необходимо почти каждаго изъ замѣчательныхъ туристовъ-иностранцовъ, въ то время посѣщавшихъ Англію, наконецъ множество личныхъ друзей Скотта, его сосѣдей по имѣнію, его товарищей по службѣ, его родственниковъ и простыхъ незнакомцевъ, добывшихъ себѣ рекомендацію отъ людей близкихъ, или простое дозволеніе посѣтить зáмокъ. Это безграничное гостепріимство стóило очень дорого; ибо абботсфордскій хозяинъ не умѣлъ разсчитывать тамъ, гдѣ требовались веселья и угощенья. Съ одними только часами, назначенными для работы, онъ не разставался ни для кого изъ посѣтителей; а работы «великаго волшебника» текли своимъ стройнымъ порядкомъ, не взирая ни на какой приливъ посѣтителей.

«Одинъ разъ, когда все собраніе гостей столпилось въ ясное

*) Въ дѣтствѣ своемъ, играя съ дочерьми герцога Бокклейгскаго, миссъ Аннъ Скоттъ печально сказала: «я бы хотѣла быть леди Аннъ, это лучше, чѣмъ просто миссъ». Съ той поры всѣ члены семейства называли ее леди Аннъ.

сентябрское утро передъ подъѣздомъ замка и поджидало минуты отправиться на дальнюю охоту, я сказалъ знаменитому нашему художнику Вилльяму Оллену: «Неправда ли, картина передъ нами стóитъ кисти вашей, или Вильки, или Эдвина Лендсира?» При яркомъ сіяніи сентябрскаго солнца, начинавшаго согрѣвать живительный утренній воздухъ, вся компанія казалась вдвое интереснѣе. Одинъ только гость, мистеръ Розъ не желалъ участвовать въ охотѣ, но и онъ стоялъ тутъ же съ переносной сѣткою и багромъ, въ сообществѣ своего веселаго служителя, и Чарльза Порди, одного изъ первыхъ рыболововъ во всемъ краѣ. Сэръ Вальтеръ, сидя на бѣломъ конѣ, прилагалъ всѣ усилія для водворенія нѣкотораго порядка въ цѣломъ конномъ взводѣ молодыхъ людей и дѣвицъ, невполнѣ способныхъ сохранять дисциплину при передвиженіи. Между молодежью, исполненною веселости, красовались мужи зрѣлые и знаменитые: сэръ Гомфри Дэви, докторъ Волластонъ и патріархъ шотландскихъ литераторовъ, Генри Маккензи, авторъ «Чувствительнаго человѣка» и потому всѣми называемый чувствительнымъ человѣкомъ. Съ трудомъ убѣдили этого послѣдняго сойдти на время съ лошади, и, по крайней мѣрѣ, до мѣста охоты, доѣхать въ экипажѣ мистриссъ Скоттъ. Семидесяти-шести лѣтній поэтъ долго не хотѣлъ слушаться никакихъ убѣжденій и не вручалъ лошади своему вѣрному негру. Около коляски мистриссъ Скоттъ ѣхалъ, въ видѣ адъютанта, Вилльямъ Ледло, на лошадкѣ бойкой и красивой, но до того малой ростомъ, что ноги высокаго всадника чуть не волочились по травѣ. Но всего живописнѣе была фигура изобрѣтателя *Спасительной лампы* (Гомфри Дэви), который, повидимому, собирался удить рыбу вмѣстѣ съ мистеромъ Розомъ и присоединился къ компаніи охотниковъ, не давъ себѣ времени переодѣться. Его сѣрая шляпа съ широкими полями, высокіе сапоги какъ у голландскихъ контрабандистовъ и свѣтлый сюртукъ, перепачканный кровью убитыхъ лососей, составляли забавный контрастъ съ щегольскими жакетками, бѣлыми панталонами и лакированными сапожками большей части всадниковъ. Докторъ Волластонъ, облеченный съ ногъ до головы въ черное, съ своимъ спокойно-величавымъ лицомъ походилъ на архіепископа старыхъ временъ, вздумавшаго позабавиться охотою. Мистеръ Маккензи, семидесяти-шести лѣтній старецъ, о которомъ ужь было сказано, имѣлъ на себѣ бѣлую шляпу съ зеленымъ подбоемъ, зеленый кафтанчикъ и зеленые очки на носу; на шеѣ его висѣлъ свистокъ и самъ онъ весь напоминалъ собою охотниковъ сквайровъ стараго времени. Томъ Порди ужь находился далеко

со стаей собакъ; одна только огромная Майда не разсталась съ господиномъ и, прыгая около его коня, лаяла и рѣзвилась поминутно.

«Порядокъ шествія наконецъ устроился и всѣ присутствующіе готовились двинуться въ путь, когда *леди Аннъ*, весело смѣясь, выѣхала къ линіи и закричала: «Папа, папа! я знала, что вашъ любимецъ тоже отправится на охоту!» Скоттъ поглядѣлъ вокругъ себя, и при общемъ хохотѣ увидѣлъ маленькаго чернаго поросенка, радостно прыгающаго около его лошади и, повидимому, считающаго себя совершенно на своемъ мѣстѣ, между собаками и всадниками. Онъ замахнулся хлыстомъ на непрошеннаго друга, но не могъ его ударить, а вмѣсто того самъ присоединилъ свой голосъ къ общему шуму. Бѣдное животное тутъ же поймали и отправили на свое мѣсто, а караванъ тронулся безъ дальнѣйшей помѣхи. Эта странная привязанность разныхъ животныхъ къ Вальтеру Скотту, причину которой я предоставляю объяснять философамъ, замѣчена была не одинъ разъ. Одна изъ аббoтсфордскихъ курицъ, неизвѣстно вслѣдствіе чего, получила страстную привязанность къ своему владѣтелю и поминутно бѣгала за нимъ, а два маленькіе лошака, Анна Моръ и леди Морганъ (такъ назвала ихъ лукавая леди Аннъ), которыхъ иногда закладывали въ колясочку моей жены для прогулокъ по парку, безпрестанно бѣгали съ луга въ гости къ Вальтеру Скотту, будто желая, по выраженію Ирвингова горца съ табакеркой, тоже пошутить съ лердомъ.

«Но пора вернуться къ нашей охотѣ. Добравшись до Кюарн-Кестля, мы нашли тамъ леди Скоттъ, ея старшую дочь и маститаго Маккензи, занятыхъ открываніемъ походныхъ корзинъ и устанавливаніемъ завтрака на мшистый берегъ рѣчки Ярро. Едва дождавшись конца завтрака, «чувствительный человѣкъ» первый вскочилъ на лошадь и началась скачка. Рядомъ со мной ѣхалъ сэръ Гомфри Дэви, отпуская веселыя шуточки и безпрестанно повторяя, опустивъ глаза на свой смѣшной парядъ, или слѣдя глазами за группой охотниковъ: «такъ вотъ какъ мнѣ довелось видѣть мѣста, воспѣтыя *Послѣднимъ Минестрелемъ!*» При воспоминаніи о любимой поэмѣ, глаза великаго химика (самые ясные и прекрасные глаза изо всѣхъ мнѣ извѣстныхъ глазъ) заблистали и онъ сталъ тихонько декламировать заключительную строку первой поэмы Скотта.

«Маккензи, не смотря на свои зеленые очки, первый увидалъ зайца; впередъ рванулись собаки, за собаками поскакала молодежь и старики. Тогдашняя охота за зайцами не походила на англійскую охоту нашихъ временъ, по ровнымъ лугамъ и сухому мѣсту.

Не прошло нѣсколько минутъ, какъ сэръ Гомфри Дэви провалился въ болото по шею и вылѣзъ оттуда весь въ грязи и тинѣ, украшенный морскими травами какъ богъ какой нибудь рѣки. Вальтеръ Скоттъ поскакалъ къ нему на помощь, громко смѣясь и крича: «Нельзя ли еще разъ! encore! encore!» Но философъ скоро отплатилъ за дружескую насмѣшку: авторъ «Веверлея», захотѣлъ совершить скачокъ не по силамъ своей лошади и стремглавъ полетѣлъ въ канаву, а сэръ Гомфри на своемъ славномъ конѣ, ловко перемахнулъ и черезъ лошадь, и черезъ низверженнаго всадника. Бѣдствій никакихъ къ счастью не произошло, тѣмъ болѣе, что пожилая часть охотниковъ скоро послѣ того оставила юношество скакать во весь духъ за зайцами, а сама стала только издали слѣдить за послѣдствіями ловли.

«Я видѣлъ сэра Гомфри Дэви во многихъ мѣстахъ и компаніяхъ, но нигдѣ онъ не бывалъ такъ привлекателенъ, какъ во время своихъ абботсфордскихъ посѣщеній. И онъ, и его хозяинъ обожали другъ друга, а ихъ взаимная скромность представляла изъ себя урокъ, довольно замѣчательный. Дэви могъ назваться поэтомъ по природѣ; и хотя Скоттъ съ своей стороны едва ли могъ претендовать на званіе философа въ его теперешнемъ смыслѣ, но зато имѣлъ склонность къ естественнымъ наукамъ. И тотъ и другой вызывали другъ друга на умную бесѣду; Скоттъ придавалъ своимъ разсказамъ особенно поэтическій колоритъ, если слушателемъ его былъ Дэви; Дэви же въ свою очередь передавалъ ученые вопросы съ такой живостью и блистательной ясностью, которая далеко превышала даже ясность его безсмертныхъ твореній. Много разъ, слушая этихъ двухъ друзей, абботсфордская компанія засиживалась далеко за положенный часъ отдыха, позже ложилась спать и позже вставала. Одинъ разъ, Вилльямъ Ледло, просидѣвъ вмѣстѣ съ нами, Скоттомъ и Дэви далеко за полночь вокругъ камина, шепнулъ мнѣ, хлопая глазами, какъ сова: «Ай, Боже мой! Боже мой! что̀ за люди и что за рѣчи! Сходились ли когда нибудь Шекспиръ съ Бэкономъ и мѣшали ли они спать своимъ слушателямъ!»

«Рѣдкій день въ Абботсфордѣ не имѣлось посѣтителей; но праздниковъ торжественныхъ, праздниковъ, о которыхъ многіе изъ шотландскихъ старичковъ вспоминаютъ и понынѣ, обыкновенно дѣлалось Скоттомъ два въ году. Жители за̀мка и сосѣди задолго начинали готовиться къ сказаннымъ днямъ, и долго о нихъ вспоминали послѣ ихъ окончанія. Первый праздникъ не имѣлъ опредѣленнаго числа въ году; назначался же смотря по

тому, удачно ли ловились лососи въ Твидѣ. Пиршество начиналось съ утра ловлею рыбы на всѣхъ тоняхъ, принадлежащихъ къ абботсфордскимъ владѣніямъ. Бездна гостей всякаго вида и званія стекалась въ зâмокъ, часто изъ Лондона, часто изъ-за границы. По окончаніи утренней ловли, слѣдовалъ обѣдъ на травѣ, на берегу Твида, за милю отъ зâмка, обѣдъ, кончавшійся поздно ночью съ пѣніемъ и танцами, угощеніемъ поселянъ, общими хорами и забавами, напоминавшими собой содержаніе лучшихъ картинъ Ватто. Если ночь была тиха и удобна для новой ловли, начиналось «сженіе воды» то есть ловля лососей баграми съ берега и съ лодокъ, при свѣтѣ факеловъ, посреди криковъ и пѣнія, что̀ все вмѣстѣ составляло сцену въ высшей степени поэтическую. Нѐчего и говорить, что Вальтеръ Скоттъ лучше всѣхъ молодыхъ людей умѣлъ и любилъ

«Въ часъ полночи, ловко управлять челнокомъ, и весело под-«нимать вверхъ пылающій свѣтильникъ, и ловко кидать въ воду «зазубренное колье, когда скалы, лѣсъ и вода озаряются краснымъ «свѣтомъ факела и съ берега голосистая ватага рыболововъ напоми-«наетъ собой толпу духовъ, вооруженныхъ огненными копьями!»

«Второе изъ упомянутыхъ мною пиршествъ происходило 28-го августа, въ день рожденія старшаго сына Вальтера Скотта, и носило названіе *Абботсфордской Охоты*. Каждый сосѣдъ Скотта, начиная отъ богатаго лерда, до поселянина, если только имѣлъ страсть и способность къ охотничьему дѣлу, могъ являться на пиръ и получалъ пріемъ самый ласковый. Посвятивъ утро ловлѣ зайцовъ (въ этотъ день они ловились сотнями), компанія садилась за обѣдъ въ зâмкѣ, и пировали до поздней ночи. Къ столу подавались блюда преимущественно простыя и шотландскія, какъ-то: цѣлыя жареныя свиньи, супы изъ зайцовъ, эль, вѝски и горячій пуншъ истреблялись въ изобиліи, хотя никому изъ гостей не мѣшали пить портвейнъ, хересъ и другіе *нѣжные напитки*. Для дѣланія пунша, изъ числа компаніи избирались лица, прославившіяся своимъ искусствомъ въ этомъ дѣлѣ; первымъ изъ нихъ всегда оказывался Джемсъ Гоггъ, пастушокъ этрикскій. За второй или третьей чашей начинались пѣсни, хоромъ или по очереди; въ пѣсняхъ отличались шерифскій помощникъ Шортридъ, маленькій веселый человѣчекъ съ блестящими глазами, и какой-то израненный ветеранъ изъ сосѣдей, съ щетинистой бородой, прозывавшійся капитаномъ Ормистономъ. За пѣснями Мура, Борнса и Гогга слѣдовали другія, какъ-то: «Эль, добрый эль! я тебя люблю больше всего на свѣтѣ», и «Храбрый адмиралъ Донканъ на синемъ

моръ»; эта послѣдняя обыкновенно пѣлась отставными моряками. Веселость самая ребяческая царствовала до тѣхъ поръ, пока какой нибудь гость, сообразивъ, что ему нужно ѣхать домой миль пятнадцать или двадцать, начиналъ намекать о необходимости отправиться къ *женѣ* и *дѣтенышамъ* (wife and bairns). Послѣ разныхъ споровъ, компанія соглашаясь выпить *стремянную чашу*, то есть хватить по стакану крѣпчайшей водки и проститься съ хозяиномъ. Одинъ Богъ знаетъ, какъ весь этотъ народъ добирался до своихъ домовъ; но я не слыхалъ ни объ одномъ бѣдственномъ приключеніи по дорогѣ, исключая развѣ того, что однажды Джемсъ Гоггъ, пастушокъ, разбилъ себѣ носъ у подъѣзда, пытаясь удивить публику и прямо вскочить на лошадь, безъ пособія стремени. Жена одного мызника, у котораго Скотту случилось побывать вскорѣ послѣ абботсфордской охоты, выше мѣры потѣшила шерифа разсказомъ о томъ, въ какомъ видѣ мужъ ея явился съ пира и какъ онъ кинулся на постель, говоря: «давай спать, Эйли, моя душа; я хочу спать, хочу спать цѣлый годъ до новой абботсфордской охоты... Если на свѣтѣ стóитъ жить... такъ это только для одной абботсфордской охоты».

«Любовь Скотта къ Абботсфорду и его частое тамъ пребываніе могло назваться истиннымъ благодѣяніемъ для всѣхъ поселянъ и небогатыхъ сосѣдей. Слѣдя за сельскою жизнью великаго романиста, поминутно присутствуя при его сношеніяхъ съ подчиненными, самый закоренѣлый *абсенти* *) (absentee) понялъ бы, сколько добра и пользы приноситъ съ собой всякій благонамѣренный и добрый человѣкъ, проводящій хотя часть года въ своихъ земляхъ. Правъ былъ знаменитый государственный мужъ, сказавшій: «Для того, чтобъ только заставить помѣщиковъ жить въ своихъ имѣніяхъ, я готовъ поддерживать всякій законъ, дѣлающій для нихъ эту жизнь пріятною, я готовъ преслѣдовать браконьеровъ, поощрять разведеніе лисицъ, поощрять бои пѣтуховъ и быковъ, однимъ словомъ: угождать всѣмъ прихотямъ добрыхъ сквайровъ: пусть только за все это они согласятся *жить въ своихъ домахъ*, *заботиться о своихъ поселянахъ и быть отцами своихъ дѣтей*».

XIV.

Лѣтомъ 1821 года, Вальтеръ Скоттъ, недавно получившій званіе баронета, поѣхалъ въ Лондонъ для присутствованія при коронаціи Георга IV-го.

*) Помѣщикъ, непроживающій въ своемъ имѣніи.

«Видъ, представляемый вестминстерскимъ аббатствомъ (такъ описываетъ поэтъ всю церемонію въ одномъ изъ своихъ писемъ), могъ назваться свыше мѣры великолѣпнымъ. Представьте себѣ ряды длинныхъ галлерей въ каждомъ крылѣ величаваго строенія; галлерей, изъ которыхъ ближайшія къ алтарю заняты огромными хорами музыки, а остальныя — публикою, вмѣщавшею въ себѣ все, что только Великобританія имѣетъ прелестнаго и знаменитаго. Одна изъ поперечныхъ галлерей отдана была вестминстерской школѣ, и толпа дѣтей, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, присутствовала при зрѣлищѣ, о которомъ воспоминаніе, вѣроятно, никогда не изгладится изъ ихъ памяти. Около алтаря, окруженнаго представителями церкви, находился король, окруженный дворянствомъ, членами государственнаго совѣта и воинами, носящими на себѣ слѣды недавнихъ кампаній; представьте себѣ весь этотъ океанъ страусовыхъ перьевъ, коронъ, почетныхъ шишаковъ и мантій, и солнце, то ярко озарявшее всю картину, то тихо игравшее на какомъ нибудь знамени, или на старинныхъ бердышахъ и копьяхъ, или на брильянтахъ какой нибудь знаменитой красавицы; вообразите себѣ все это — и вы сознаетесь, что я не даромъ проѣхалъ 400 миль отъ своего помѣстья до Лондона! Распредѣленіе всего торжества дѣлаетъ честь распорядителямъ. Въ этомъ смѣшеніи древнихъ нарядовъ съ одеждами новыми, старыхъ церемоній съ настоящими условіями праздниковъ, имѣлась бездна трудностей почти неодолимыхъ. Но весь день прошелъ самымъ блистательнымъ образомъ, а праздникъ поражалъ и величіемъ и вкусомъ.

«Нѣкоторые изъ обычаевъ древняго церемоніала исполнены невыразимой прелести, другіе потрясли всѣхъ зрителей своею торжественностью. Нельзя было безъ почтительнаго трепета слышать «Обмѣну Обѣтовъ», когда король, обращаясь къ подданнымъ, призывалъ Бога свидѣтелемъ своей рѣшимости править сообразно закону, и когда подданные въ свою очередь, торжественно признавая его своимъ государемъ, клялись любить и почитать его вовѣки. Трудно передать вамъ весь эффектъ этихъ старыхъ словъ и выраженій, фразъ изъ священнаго писанія и, наконецъ, громкаго клика зрителей въ отвѣтъ на вопросы прелата, исполнявшаго должность посредника между королемъ и народомъ. Потомъ, когда герцогъ Йоркскій (братъ короля) подошелъ къ его величеству и совершилъ «братское лобызаніе», будто электрическая искра пробѣжала въ толпѣ зрителей. Герцогъ Девонширскій, во главѣ всѣхъ лордовъ партіи виговъ, почтительно стоялъ возлѣ трона. Не смотря на жаръ и усталость, король въ точности исполнялъ малѣй-

шія подробности церемоніала, превозмогая утомленіе всякій разъ, когда подходилъ который либо изъ особливо древнихъ и замѣчательныхъ обрядовъ.

«Изъ участниковъ церемоніи, особенно замѣчательныхъ нарядомъ и фигурою, прежде всего слѣдуетъ назвать лорда Лондондерри (Кестльри), представителя кавалеровъ ордена Подвязки, носившаго костюмъ временъ Эдуарда III-го, великолѣпнѣйшій изъ костюмовъ. Онъ шелъ одинъ, въ шишакѣ съ превысокимъ перомъ, поражая зрителей красотой своего лица и величіемъ стана. Герцогъ Веллингтонъ, съ своимъ жезломъ и лаврами, казался вполнѣ достойнымъ и жезла и лавровъ. Пэры, обязанные быть верхами и потомъ совершать обратный путь изъ залы, не поворачивая лошадей къ выходу, исполнили свое дѣло въ совершенствѣ, не смотря на то, что одинъ изъ нихъ, маркизъ Энгльси (Anglesea), дѣйствовалъ только одною рукой, лишившись другой подъ Ватерлоо. Я самъ хорошій ѣздокъ и могу васъ увѣрить, что рѣдко видалъ ѣздоковъ болѣе искусныхъ.

«Должность «рыцаря-защитника» исполнялась молодымъ Даймоккомъ, лордомъ Скрейвальсдейскимъ, юношей прекрасной наружности, но слишкомъ похожимъ на дѣвочку для того, чтобъ вызывать на бой всѣхъ противниковъ короля. Тѣмъ не менѣе онъ ловко и сильно кинулъ перчатку, лошадью же управлялъ съ большимъ искусствомъ — вещь трудная, если сообразить, что пространства ему было дано мало, да и то безпрерывно съуживалось: такъ тѣснились судьи и рыцари. Вооруженіе лорда показывало въ немъ вкусъ и знаніе дѣла, но онъ ошибся въ одномъ только: вмѣсто треугольнаго щита, употребляемаго конными рыцарями, онъ имѣлъ круглый щитъ (rondache), щитъ пѣхотныхъ воиновъ; какъ антикварій, я тутъ же замѣтилъ промахъ.

«Нарядъ членовъ государственнаго совѣта, необозначенный старыми церемоніалами, былъ сдѣланъ во вкусѣ Елисаветинскихъ временъ: изъ бѣлаго атласа съ голубымъ, при епанчахъ и короткихъ панталонахъ. Поодиночкѣ онъ почти смѣшонъ, особливо на старикахъ, но въ массѣ производитъ эффектъ весьма пріятный. Говоря объ эффектѣ, нельзя позабыть той минуты, когда всѣ пэры разомъ возлагаютъ короны на свои головы. Костюмъ пажей очень милъ: красные обтянутые кафтанчики, голубыя епанчи, бѣлые шелковые панталоны, шитье и позументы повсюду.

«Ложа иностранныхъ посланниковъ вся сіяла брильянтами. Когда солнце дошло до князя Эстергази, онъ будто весь загорѣл-

ся: на немъ имѣлось драгоцѣнныхъ камней болѣе чѣмъ на сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Чужестранцы не скрывали своего изумленія при видѣ этихъ древнихъ нарядовъ, коронъ, латъ, шишаковъ, коней, закованныхъ въ сталь, бердышей, копій и всего феодальнаго блеска. Въ посланнической же ложѣ возсѣдалъ нѣкоторый почтенный персіянинъ, исполненный хладнокровія самаго достопримѣчательнаго. Онъ глядѣлъ на всю церемонію, ни разу не моргнувъ глазомъ, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ. Не смотря на такую чисто восточную степенность, онъ могъ бы наконецъ полюбоваться хоть на цѣлый эдемъ въ своемъ вкусѣ, раскинутый по его правую руку. Тутъ засѣдали жены и дочери лордовъ; особенно дѣвицы были истинно прелестны, и красота всѣхъ вообще тутъ находившихся дамъ чрезвычайно выигрывала отъ общаго головнаго убора: страусовыхъ перьевъ, граціозно-колебавшихся надъ цѣлымъ строемъ обворожительныхъ лицъ!

«Все это волшебство, возрожденіе феодальной роскоши, блескъ мужского вооруженія, женскихъ нарядовъ, наконецъ, древнее величіе всей сцены, представляли изъ себя что-то истинно-повергающее въ восторгъ...»

По окончаніи торжества, такъ мастерски описаннаго поэтомъ, сэру Вальтеру привелось испытать одно изъ величайшихъ наслажденій, которыя когда-либо давались Провидѣніемъ на долю знаменитымъ людямъ. Парадный банкетъ, заключавшій собою день коронаціи, окончился почти въ три часа ночи, и нашъ романистъ, послѣ безплодныхъ усилій отыскать свою карету между рядами экипажей, стѣснившихся у вестминстерскаго подъѣзда, рѣшился дойдти до дома пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ молодыхъ родственниковъ. Едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ между толпою, романистъ раскаялся въ своемъ намѣреніи. Волны народа, бушевавшія подъ окнами дворца, буквально запрудили площадь и сосѣднія улицы, а многочисленный отрядъ гвардейскаго шотландскаго полка съ усиліемъ удерживалъ по сторонамъ выхода узкій путь для первыхъ сановниковъ. Около этого самаго отряда остановились наши пѣшеходы, и товарищъ сэра Вальтера принялся просить ближайшаго унтеръ-офицера о пропускѣ ихъ сквозь ряды. Горецъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, а между тѣмъ новый приливъ народа, хлынувъ въ сторону солдатъ, почти сбилъ съ ногъ новаго баронета. «Берегитесь, сэръ Вальтеръ Скоттъ!» вскричалъ спутникъ, кидаясь къ нему на помощь. «Это сэръ Вальтеръ Скоттъ? въ свою очередь вскрикнулъ унтеръ-офицеръ, обращаясь къ товарищамъ. — *Ребята! здѣсь нашъ знаменитый землякъ:*

мѣсто сэру Вальтеру Скотту»! Мгновенно весь отрядъ гвардіи разступился на крики: «ура, сэръ Вальтеръ!» — «Дай Богъ здоровья сэру Вальтеру Скотту!» раздалось въ толпѣ. Не имѣя силы удержать радостныхъ слезъ, поэтъ прошелъ между рядами воиновъ, неперестававшихъ восклицать на всемъ пути: «это сэръ Вальтеръ Скоттъ! да здравствуетъ нашъ сэръ Вальтеръ (God bless him!)».

Вскорѣ послѣ своей коронаціи, Георгъ IV посѣтилъ Ирландію и изъявилъ намѣреніе пріѣхать въ Эдинбургъ, къ августу слѣдующаго года. До того времени ни одинъ принцъ ганноверскаго дома не посѣщалъ Шотландіи, за исключеніемъ герцога комберлендскаго, знаменитаго куллоденскимъ сраженіемъ и своими грозными мѣрами противъ шотландскихъ приверженцовъ принца Карла-Эдуарда. Эдинбургскіе жители, не желая отстать отъ лондонцевъ въ феодальной пышности, назначили особый комитетъ для составленія церемоніала, сообразнаго случаю, для заготовленія древнихъ костюмовъ, и вообще устройства обстановки королевскаго пріема. Сэру Вальтеру Скотту, какъ поэту и антикварію, предоставлена была должность одного изъ главныхъ распорядителей, вмѣстѣ съ генераломъ Девисомъ Стюартомъ-Гартскимъ, ветераномъ, израненнымъ во время египетской и испанской кампаній. Цѣлые полки волынщиковъ, кланменовъ, горцовъ и низовскихъ воиновъ стеклись въ столицу Шотландіи; всюду вышивались знамена, чистились древніе щиты и кирасы; всюду совершались репетиціи шествія, съ герольдами, рыцарями и трубачами. Требовалась бездна добродушія, ловкости, снисходительности для того, чтобъ удержать весь этотъ народъ въ должномъ порядкѣ, пріискать каждому шефу почетное мѣсто, не обидѣть никого и не дать повода къ ссорамъ, на которыя такъ готовъ всякій шотландецъ. Сэръ Вальтеръ, какъ и слѣдовало ожидать, выполнилъ свое дѣло въ совершенствѣ, сообразжаясь съ древними актами и не только актами офиціальными, но даже съ старинными легендами, сказками и пѣснями. Чтобъ разомъ положить предѣлъ всѣмъ домогательствамъ и претензіямъ, онъ рѣшилъ, что всѣ кланы должны размѣститься такъ, какъ они стояли на полѣ баннокбурнскаго сраженія; но, покончивъ съ шефами и ихъ подвластными, онъ еще не кончилъ съ мелочами другаго рода: отовсюду къ нему обращались и спрашивали о девизахъ, знаменахъ, монтрозовомъ клейморѣ, панцырѣ короля Роберта, нарядѣ конныхъ и пѣшихъ герольдовъ, мундирахъ дворянской гвардіи, вооруженіи рыцарскихъ оруженосцевъ. Романистъ не имѣлъ минуты свободной, и

къ пріѣзду короля исхудалъ такъ, какъ только можно похудѣть послѣ самой упорной болѣзни.

Наконецъ, наступило торжественное 14-е августа, и яхта его величества, сопровождаемая военною эскадрою, бросила якорь въ Лейтскомъ Заливѣ. Подъ сильнымъ дождемъ, къ королевскому судну двинулась процессія лодокъ, впереди которыхъ находилась лодка сэра Вальтера. Король, стоявшій на палубѣ, вскричалъ: «Сюда, сюда, сэръ Вальтеръ! васъ-то я хотѣлъ и хочу видѣть первымъ». Баронетъ, пробравшись на ютъ, гдѣ находился его величество, поднесъ ему, отъ лица дамъ города Эдинбурга, серебряный крестъ съ надписью на шотландскомъ языкѣ. Георгъ IV-й, принявъ подарокъ, отвѣтилъ краткою рѣчью, въ которой просилъ выразить эдинбургскимъ дамамъ всю свою признательность; затѣмъ, потребовавъ себѣ бутылку шотландскаго виски, налилъ чашу, выпилъ ее за здоровье сэра Вальтера, велѣлъ налить ее снова, для баронета, и когда тотъ осушилъ ее до дна, подарилъ ее поэту въ память четырнадцатаго августа. По случаю дурной погоды, король рѣшился съѣхать на берегъ не ранѣе слѣдующаго утра, а потому, сказавъ сэру Вальтеру еще нѣсколько ласковыхъ словъ, отпустилъ его и другихъ посѣтителей.

Воротясь домой съ королевскимъ подаркомъ, поэтъ нашелъ у себя неожиданнаго и никогда невиданнаго въ лицо, но давно ужь любимаго и почитаемаго гостя. Въ гостинной, между дамами, засѣдалъ престарѣлый человѣкъ въ духовной одеждѣ, съ кроткимъ, выразительнымъ и привлекательнымъ лицомъ. При входѣ хозяина, старичокъ всталъ и рекомендовался какъ корреспондентъ и давнишній чтитель Скотта, давно ужь желавшій имѣть съ нимъ личное свиданіе. «*Мистеръ Джорджъ Краббъ*»! прибавила леди Аннъ, замѣтивъ, что задумчивый и разсѣянный посѣтитель все еще не сказалъ своей фамиліи. При этомъ знаменитомъ имени Вальтеръ Скоттъ, радостно вскрикнувъ, прижалъ гостя къ своему сердцу.

Есть поэты, которымъ бываетъ суждено проходить литературное поприще, не наживая себѣ ни одного врага, ни одного хулителя; есть писатели, о которыхъ говорить отрадно, которыхъ вся дѣятельность, поэтическая и житейская, представляетъ потомству умилительный урокъ. Къ лицамъ такого разряда, безспорно, принадлежалъ Джорджъ Краббъ, поэтъ, котораго первымъ трудамъ дивился Джонсонъ, а послѣднимъ отдавалъ пламенную дань хвалы другой его современникъ, лордъ Байронъ, пѣвецъ Чайльдъ-Гарольда. Покровителемъ Краббовой молодости былъ Эдмондъ Боркъ, обвинитель Варренъ-Гестингса; старость его услаждалась данью поч-

тенія со стороны Скотта и всѣхъ поэтовъ Скоттова періода. Въ двухъ столѣтіяхъ, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ людей имя Джорджа Крабба будило идеи добра и правды, поэзіи и простоты. Молодость свою, до встрѣчи съ Джонсономъ и Боркомъ, онъ провелъ посреди нужды и лишеній, подготовившихъ его къ ряду дѣлъ христіанскаго милосердія. Эдмондъ Боркъ первый оцѣнилъ по заслугамъ литературныя начинанія Крабба и устроилъ его будущность *); съ той поры вся Краббова жизнь превратилась въ одну цѣпь благихъ дѣлъ и литературныхъ успѣховъ. Главныя сочиненія его — деревенскія сказки, домашнія повѣсти. «Мѣстечко» — не что иное, какъ рядъ маленькихъ разсказовъ въ стихахъ, разсказовъ, взятыхъ изъ жизни простаго сословія, такъ хорошо знакомаго поэту. Разсказы эти, писанные стихомъ Поппе съ частыми антитезами и даже остротами, напоминающими собой манеру поэтовъ Аннинскаго періода, составляютъ сами въ себѣ цѣлую литературную школу, вліяніе которой живо и понынѣ. Два элемента составляютъ особенную прелесть Краббовыхъ произведеній, именно: картинность слога, выше которой едва ли поднимался самый художественный изъ поэтовъ, и теплота души, равно далекая и отъ юношеской сантиментальности, и отъ догматизма модныхъ филантроповъ. Краббъ слишкомъ хорошо зналъ бытъ и нравы поселянъ, рыбаковъ и фермеровъ Англіи для того, чтобъ вдаваться въ тонкости или слезливую манеру идиллистовъ лекистовъ. Его простая, даже нѣсколько грубая муза выучилась своимъ напѣвамъ въ школѣ истиннаго труда, въ школѣ разумной благотворительности. Для каждаго изъ своихъ прихожанъ онъ былъ другомъ, совѣтникомъ, медикомъ, банкиромъ, строгимъ надзирателемъ, утѣшителемъ въ бѣдѣ, участникомъ семейныхъ радостей — и неудивительно, что Краббова жизнь, исполненная подобнаго рода дѣятельности, давала безпрерывную пищу его поэтическому вдохновенію. Лучшая изъ идиллій Вордсворта, при всѣхъ своихъ совершенствахъ, не выдерживаетъ

*) Мало въ исторіи литературы случаевъ, болѣе трогательныхъ какъ исторія перваго знакомства Крабба съ Боркомъ. Молодой поэтъ явился въ Лондонъ продавать свои стихотворенія и искать пасторскаго мѣста, явился безъ денегъ, знакомыхъ и покровителей. Послѣ долгихъ, безплодныхъ стараній, Краббъ понялъ свое безсиліе и впалъ въ совершенную нищету. На краю погибели онъ написалъ письмо къ Борку, котораго никогда не видалъ, и въ письмѣ этомъ просилъ помощи, основываясь на томъ, что *съ дѣтскихъ лѣтъ питалъ восторженную къ нему симпатію*. Боркъ отвѣтилъ тотчасъ же, пригласивъ Крабба на личное свиданіе, а свиданіе кончилось тѣмъ, что Краббовы стихи были изданы, а самому ему дано мѣсто пастора. Такимъ образомъ Боркъ однимъ разомъ подарилъ своей родинѣ и талантливаго поэта и неутомимаго филантропа.

сравненія съ нѣкоторыми изъ самыхъ простыхъ разсказовъ Крабба: герои перваго поэта существовали только въ воображеніи, между тѣмъ, какъ второй самъ крестилъ, женилъ и хоронилъ своихъ героевъ, помогалъ имъ своими скудными доходами въ черный день, отиралъ ихъ слезы, разсыпалъ передъ ними духовныя утѣшенія— такъ сказать, велъ ихъ за руку отъ колыбели до гроба. Потому-то школа лекистовъ, видя въ трудахъ Крабба и Борнса какъ бы лучшій упрекъ своимъ собственнымъ трудамъ, не любила обоихъ поэтовъ, не имѣя однако духу открыто на нихъ ополчиться *). Еще Борнсъ имѣлъ враговъ и хулителей; но Краббъ въ теченіе долгихъ лѣтъ представлялъ изъ себя лицо, неприкосновенное для зоиловъ, лицо, глубоко уважаемое всѣми поэтами, всѣми художниками Великобританіи. Сказать дурное слово про Джорджа Крабба значило почти то же, что сдѣлать дурное дѣло. Достигнувъ маститой старости, поэтъ-пастырь шелъ своей дорогою тихо и беззаботно, изрѣдка пуская въ свѣтъ какое нибудь новое твореніе, свидѣтельствовавшее о томъ, что муза его не дремлетъ и не старѣется. Онъ кончилъ жизнь свою посреди дѣлъ добра, посреди книгъ и начатыхъ твореній, не споря ни съ кѣмъ и не доискиваясь ничего, приписывая свою славу прихоти вѣка и даже не помышляя о томъ, что его творенія, всѣми читаемыя и изучаемыя, въ высокой степени содѣйствуютъ упрощенію стихотворнаго слога, уничтоженію неестественности въ литературѣ и окончательному торжеству здраваго взгляда на жизнь и поэзію.

Краббъ никогда не бывалъ въ Шотландіи, зналъ ее очень мало, а заботился о ней еще менѣе; къ Вальтеру Скотту же въ гости сталъ онъ собираться по прочтеніи «Эдинбургской Темницы», понравившейся ему болѣе всѣхъ произведеній шотландскаго барда. Подвигъ Дженни Демъ и другія частности романа, по своему направленію такъ подходящаго къ поэзіи и понятіямъ Крабба, наполнили душу добраго пастора неизъяснимымъ восхищеніемъ; а все, что ему разсказывали про нравъ и частную жизнь Скотта, могло только поддерживать его симпатію. Краббъ разсчитывалъ найдти романиста въ Абботсфордѣ, совершить съ нимъ нѣсколько пѣшеходныхъ странствованій, провести тихую, отрадную недѣлю въ

*) Для писателей, стремящихся къ достиженію *художественности* въ своихъ описаніяхъ, изученіе Крабба можетъ назваться въ высшей степени полезнымъ. Простонародныя сказочки Диккенса и лучшія изъ идиллій Альфреда Теннисона во многомъ напоминаютъ собой духъ и манеру Крабовыхъ стихотвореній; но оба названные автора, и прозаикъ и поэтъ, далеко уступаютъ Краббу въ картинности описаній. Краббъ есть фон-Остадъ, Жерардъ До и Міерисъ поэзіи.

бесѣдѣ съ любимымъ человѣкомъ, и питая мысли такого рода, пріѣхалъ въ Шотландію. Можно представить себѣ замѣшательство задумчиваго и разсѣяннаго пастора, давно отвыкшаго отъ свѣта и пышности, когда, по окончаніи переѣзда, не зная ничего о торжествахъ, приготовлявшихся въ Эдинбургѣ, онъ вдругъ очутился посреди суматохи, блеска и цѣлаго феодальнаго маскарада! Поэтъ, котораго Краббъ всегда воображалъ серьёзнымъ, трудолюбивымъ, аккуратнымъ смертнымъ, предсталъ предъ очи своего гостя, въ пестромъ тартанѣ Кембеллева клана, въ пестромъ токѣ съ орлинымъ перомъ, посреди цѣлой толпы горцевъ, оруженосцевъ и герольдовъ. Передъ домомъ сэра Вальтера происходила раздача знаменъ разнымъ кланамъ, шумѣвшимъ на весь городъ. Пушки палили, трубы и волынки гудѣли у каждаго перекрестка, окна и балконы осьмиэтажныхъ домовъ *), завѣшенные дорогими матеріями, придавали всему Эдинбургу видъ необыкновенно торжественный; а пріѣзжій поэтъ, по наивному выраженію одного изъ Скоттовыхъ клансменовъ, посреди всего этого спектакля очень походилъ на коровку въ чужомъ полѣ.

На слѣдующее утро хозяинъ, вставъ съ солнцемъ и сдѣлавъ нѣсколько послѣднихъ распоряженій касательно шествія, нашелъ мистера Крабба въ гостинной, посреди цѣлой толпы «полунагихъ кельтовъ», съ значками и клейморами. Добрый старичокъ, въ своемъ безукоризненно чистомъ пасторскомъ нарядѣ, съ большими пряжками на башмакахъ, свѣтлыхъ какъ зеркало, составлялъ разительный контрастъ по фигурѣ съ персонами воинственныхъ горцевъ, на которыхъ поглядывалъ не безъ нѣкотораго страха. Горцы, въ свою очередь, считая его за иностраннаго аббата, или епископа, пытались занять Крабба бесѣдой на изломанномъ французскомъ діалектѣ, повергшимъ добродушнаго поэта въ новое замѣшательство. Онъ не могъ догадаться, что кельты, принятые имъ за полудикихъ островитянъ, принадлежали къ эдинбургскому обществу антикваріевъ. Сэръ Вальтеръ поспѣшилъ окончить забавную сцену: представилъ своихъ гостей другъ другу, а потомъ, помѣстивъ Крабба на самомъ выгодномъ пунктѣ площади, отправился къ своему посту.

Великолѣпіе дня, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ наградило англійскаго поэта за суматоху и замѣшательство въ первые часы

*) Эдинбургскіе жители до сихъ поръ любятъ строить домы невѣроятной высоты. Лучшими этажами считаются не бельэтажи, и не первый, а третій и четвертый.

его прибытія. Вся окрестность шотландской столицы вплоть до берега, близъ котораго помѣщалась королевская эскадра, представляла изъ себя лучшую иллюстрацію къ Вальтеръ-Скоттовымъ романамъ. Всякій холмъ украшался флагами и парадными палатками; всюду стояли то шотландскіе полки, то живописные отряды иррегулярныхъ войскъ; каждый житель города, несшій какую-либо офиціальную должность, или приписавшійся къ одному изъ клановъ, носилъ нарядъ, въ которомъ его прапрадѣды бились подъ знаменами Дугласа, присутствовали на торжественныхъ встрѣчахъ королевы Мери. На высокой скалѣ, высившейся посреди города и увѣнчанной древнимъ эдинбургскимъ зàмкомъ, развѣвалась королевская хоругвь, окруженная огнемъ и дымомъ отъ неумолкающихъ салютовъ артиллеріи. Сотни тысячъ народа наполняли берегъ, поля, сады, улицы и площади. Королевское шествіе открылось эскадрономъ милиціи мид-лотіанскаго графства, къ которому принадлежитъ столица Шотландіи; за кавалеріею двигались волынщики и два шефа клана Кембеллей и Макгрегоровъ съ своей свитой. Генералъ Стюартъ Гартскій, со всѣмъ клубомъ кельтскихъ антикваріевъ шелъ потомъ, имѣя впереди себя двухъ горныхъ волынщиковъ. Вслѣдъ за ними, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, проходили герольды, маршалы, шерифы и лейтенанты, судьи и депутаты, съ отрядами кавалеріи, горныхъ стрѣлковъ и музыкантовъ. Въ серединѣ поѣзда ѣхала королевская карета, въ которой, однако, короля не было: Георгъ IV слѣдовалъ верхомъ, имѣя по обѣ стороны отряды стрѣлковъ въ древней одеждѣ, а позади себя весь штабъ и новыя отдѣленія войска. Сѣрый шотландскій полкъ гвардейскихъ драгуновъ замыкалъ шествіе. Король не надѣлъ національнаго наряда, въ которомъ такъ легко простудиться съ непривычки; но на слѣдующій день, во время выхода въ Голирудѣ, явился въ полномъ горскомъ уборѣ, составленномъ подъ наблюденіемъ ужь извѣстнаго намъ Стюарта Гартскаго. Въ голирудскомъ дворцѣ Георгъ IV оставался недолго: выбравъ для своей резиденціи Далькейтъ-Паласъ, чертоги герцоговъ Бокклейгскихъ, находящіеся въ шести миляхъ отъ столицы. Въ Далькейтѣ его величество встрѣченъ былъ, со всей феодальной церемоніей, шестнадцатилѣтнимъ герцогомъ Бокклейгскимъ, въ то время находившимся подъ опекой сэра Вальтера.

«Пока еще впечатлѣнія этого дня свѣжи въ моей памяти (пишетъ Джорджъ Краббъ), слѣдовало бы ихъ описать поскорѣе; но, впрочемъ, всякое описаніе останется напраснымъ: никакое описаніе тутъ невозможно. Торжество заключилось оригинальнымъ пи-

ромъ, на который всѣ гости явились въ горскомъ нарядѣ, и поразивъ меня своимъ видомъ, еще болѣе удивили веселостью и любезностью. Пѣлись національныя пѣсни и баллады Скотта; времена старыхъ клановъ возникли передо мною. Лордъ Гленгерри очень ласкалъ меня; то же дѣлали и другіе шефы клановъ: лордъ Эрроль, Маклеодъ и Фразеръ, и Гордонъ съ Фергюссономъ *). Болѣе всѣхъ бесѣдовала со мной за обѣдомъ леди Гленгерри, а я, сидя возлѣ нея, готовъ былъ вообразить себя минестрелемъ, или старымъ бардомъ (скорѣе бардомъ, чѣмъ минестрелемъ, потому что играть на арфѣ я никогда не учился). Сэръ Вальтеръ оживлялъ и увеселялъ все собраніе; его смѣло можно было назвать душой общества. Всюду кипѣло веселье и я чувствовалъ себя почти молодымъ человѣкомъ».

Праздники слѣдовали за праздниками до самого отъѣзда его величества. Рядъ шумныхъ увеселеній, тянувшійся почти двѣ недѣли, помѣшалъ Краббу посвятить нѣсколько дней абботсфордскому уединенію, а дѣла, призывавшія престарѣлаго поэта въ Англію, помѣшали ему видѣть сэра Вальтера въ его лучшемъ видѣ, посреди своего зàмка, избранныхъ друзей и своего семейства. Только одну тихую прогулку совершили вдвоемъ оба поэта такъ почитавшіе другъ друга. Краббъ пожелалъ видѣть мѣста, прославленныя въ его любимомъ романѣ, и авторъ «Эдинбургской Темницы», выбравъ свободный часъ, взялся быть его спутникомъ. Локгартъ, сопровождавшій обоихъ, передаетъ намъ въ слишкомъ краткихъ словахъ бесѣду писателей, въ первый разъ разговорившихся на свободѣ. Краббъ сообщилъ нѣсколько трогательныхъ анекдотовъ о тяжелыхъ дняхъ своей юности, о Боркѣ и Джонсонѣ, о замѣчательныхъ людяхъ давно, давно ужь исчезнувшихъ съ литературнаго горизонта Великобританіи. Онъ коснулся своихъ собственныхъ занятій, своихъ поэтическихъ трудовъ и благихъ дѣлъ, говоря обо всемъ этомъ, какъ слѣдуетъ истинному поэту и другу человѣчества, безъ высокихъ фразъ, безъ лицемѣрія, или ложной скромности.

Возвращаясь домой, Скоттъ еще разъ попросилъ своего гостя дождаться окончанія праздниковъ, но Краббъ, почти со слезами долженъ былъ въ этомъ отказать романисту. Семейство сэра Вальтера, съ дѣтскихъ лѣтъ пріученное уважать имя Крабба, успѣло въ эти нѣсколько дней полюбить его какъ отца. Въ послѣдній разъ пожавъ руку, написавшую «Эдинбургскую Темницу», добродѣтель-

*) Добрый пасторъ ошибся, принявъ капитана Фергюссона за начальника клана.

ный поэтъ «Деревни» оставилъ домъ въ Кестль-Стритѣ и пустился въ обратный путь, провождаемый общимъ привѣтомъ, общими благословеніями. Обоимъ поэтамъ не суждено было еще разъ повидаться другъ съ другомъ.

Во время посѣщенія Эдинбурга королемъ Георгомъ IV-мъ, сэру Вальтеру было ужь болѣе пятидесяти лѣтъ, но ни талантъ его, ни слава не понесли ни малѣйшаго ущерба съ годами. Сэръ Робертъ Пиль, сопровождавшій короля въ качествѣ статс-секретаря, передаетъ намъ нѣсколько свѣдѣній о безпримѣрной популярности шотландскаго романиста, популярности, доходившей до того, что Скоттъ даже боялся ходить по улицамъ во время народныхъ собраній. «Я имѣлъ честь сопровождать его величество (говоритъ бывшій министръ) во время его достопамятной поѣздки въ столицу Шотландіи. .Сэръ Вальтеръ, въ то время распоряжавшій бо̀льшей частью церемоніи, часто проходилъ со мной по главнымъ улицамъ города, и всякій разъ появленіе его служило сигналомъ восторженныхъ восклицаній. Эдинбургъ, наполненный множествомъ народа изъ другихъ городовъ и дальнихъ провинцій, вмѣщалъ въ себѣ тысячи лицъ, неимѣвшихъ случая видѣть сэра Вальтера и всюду искавшихъ случая на него насмотрѣться. Одинъ разъ онъ повелъ меня по Гей-Стриту, предполагая, что народъ, ожидавшій королевскаго поѣзда со стороны Голируда, позволитъ намъ пройдти спокойнѣе обыкновеннаго. «Васъ не пропустятъ, сэръ Вальтеръ» (замѣтилъ я, гляда на массы волнующейся публики). «Имъ теперь не до насъ», сказалъ на это поэтъ, но съ этимъ словомъ увидѣлъ свою ошибку. Крики: «Это Скоттъ! это сэръ Вальтеръ!» раздались изъ конца въ конецъ улицы».

Съ 1818 по 1823 годъ включительно Скоттъ не написалъ ни одной поэмы, ни одного стихотворенія, сколько нибудь замѣчательнаго; но за то романы его, относящіеся къ этому періоду времени, отличаются передъ другими его романами запасомъ изумительной поэзіи, въ нихъ разлитой. Подобно тому, какъ въ первые годы своей дѣятельности сэръ Вальтеръ придавалъ своимъ поэмамъ живость и внѣшнюю занимательность превосходнаго романа, такъ въ эти пять лѣтъ онъ переливалъ въ свои прозаическія произведенія все необыкновенное богатство вдохновенія, наполнявшее его душу. Кто не скажетъ, читая «Ламмермурскую Невѣсту», «Пирата», «Сен-Ронанскія Воды», «Аббата», что названныя произведенія прямо выступаютъ изъ разряда романовъ, относясь скорѣе къ поэмамъ, нуждаясь только въ стихѣ и нѣкоторыхъ сокращеніяхъ для поступленія въ число перловъ великобританской поэзіи? Кто, напримѣръ.

не дивился искусству, съ которымъ дѣйствительность сливается съ поэзіею самою безпредѣльною въ «Айвенго», «Кенильвортѣ», «Нэйгелѣ», «Квектин-Дорвардѣ» и «Певерилѣ Пикскомъ»? Какіе романы, какія прозаическія произведенія, какія поэмы, наконецъ, представляли читателямъ сцены и эпизоды, подобные исторіи «Люси» и Эдгара Равенсвудскаго, свиданію Эми Робзартъ съ Лейстеромъ въ «Кенильвортѣ», взятію зáмка въ «Айвенго», проказамъ Фенеллы въ «Певерилѣ»? Во многихъ ли поэмахъ прелесть моря и приморскихъ странъ очертана такъ, какъ она очертана въ «Пиратѣ»? А лица «Клары Мовбрай» и непреклоннаго «Аббата» развѣ не переносятъ читателя въ тѣ области поэзіи, куда до Вальтера Скотта фантазія заносилась только подъ вліяніемъ сладкозвучныхъ пѣсенъ, стройныхъ аккордовъ, чистой, поэтической гармоніи.

Романы, написанные сэромъ Вальтеромъ въ это блистательнѣйшее пятилѣтіе его дѣятельности, мы не обинуясь назовемъ романами-поэмами для того, чтобъ поставить ихъ въ отдѣльную группу и сходную и несходную съ романами Ваверлеевскаго періода. Въ головѣ этой плеяды дивныхъ произведеній слѣдуетъ поставить твореніе неполное и прихотливое, невыдержанное и даже испорченное слишкомъ огромнымъ приливомъ вдохновенія, нехорошо перемѣшаннаго съ дѣйствительностью, но, не смотря на то, твореніе изумительно поэтичное. Мы говоримъ про «Монастырь», романъ-поэму попреимуществу. Эта книга не разобрана и не оцѣнена по достоинству; многіе чтители сэра Вальтера говорятъ о ней неохотно, считаютъ ее вещью неудавшеюся, забывая, что въ ней, посреди длиннотъ и несомнѣнныхъ промаховъ, мелькаетъ обильный источникъ поэзіи. Полная картина феодальной монастырской жизни возникаетъ передъ нами въ этой книгѣ, по частностямъ своимъ возвышающейся и надъ лучшими романами, и надъ первыми поэмами въ стихахъ или прозѣ. Рядомъ съ нимъ передъ читателемъ развиваются поэтическія преданія, облеченныя въ форму неизъяснимо трогательную и возвышенную. Опираясь на свое вдохновеніе, поэтъ вводитъ читателя, въ XIX-мъ столѣтіи, въ міръ духовъ и волшебницъ, и читатель противъ воли покоряется его генію, почти вѣритъ въ Бѣлую Даму Авенельскую и въ весь легіонъ фантастическихъ существъ, наполняющихъ широкія долины и прибрежья пограничной Шотландіи. Есть въ этой книгѣ одна глава, одинъ небольшой эпизодъ, передъ которымъ меркнутъ и «Пѣснь Минестреля» и «Рокби» и «Дѣва Озера», глава, выше которой самъ Шекспиръ не подымался въ своихъ волшебныхъ драмахъ. Ни Гёте въ своей «Коринѳской Невѣстѣ», ни Муръ въ «Лаллѣ Рукъ» не создали ничего

подобнаго этой главѣ, въ которой описывается встрѣча стараго инока, ночью, при лунномъ свѣтѣ, на берегу Твида, съ Бѣлой Дамой Авенельскою. Пѣсня, которую поетъ Бѣлая Дама, направляя коня своего спутника къ бездоннымъ проваламъ Твида, по нашему мнѣнію, превосходитъ все, когда либо написанное въ фантастическомъ вкусѣ. Послѣ чтенія подобныхъ страницъ, сердце говоритъ читателю: «геній поэта, геній человѣка не въ силахъ идти далѣе!»

Плодовитость сэра Вальтера Скотта и его безпримѣрная популярность, за которою въ наше время послѣдовало весьма понятная и, конечно, кратковременная реакція, были причиной, что его многочисленныя творенія до сихъ поръ не оцѣнены въ критическомъ отношеніи какъ слѣдуетъ. Біографы и журнальные рецензенты почти одни изъ цѣнителей подступали къ вопросу, требующему долгихъ лѣтъ и долгаго труда для своей разработки. Благодаря ихъ стараніямъ, составился запасъ отрывистыхъ и стереотипныхъ отзывовъ о достоинствахъ и слабыхъ сторонахъ Скоттова генія. Многіе очень хорошо умѣютъ говорить о живописи описаній, объ удачномъ возсозданіи эпохъ давно минувшихъ, объ анахронизмахъ, о безцвѣтности героевъ, о щепетильности развязокъ, даже о феодальныхъ предразсудкахъ Вальтера Скотта. Но духъ живительной поэзіи, скрытой подъ этими частностями, но сила и значеніе этой поэзіи до сихъ поръ еще не разобраны, до сихъ поръ еще не оцѣнены по достоинству.

XV.

Джону Гибсону Локгарту, такъ часто упоминаемому нами исторіографу жизни и сочиненій знаменитаго барда Шотландіи, принадлежитъ открытіе и сообщеніе публикѣ нѣсколькихъ документовъ по части переписки сэра Вальтера, документовъ, весьма интересныхъ и поучительныхъ. Мы говоримъ о письмахъ поэта къ его сыну, молодому Вальтеру Скотту, со дня поступленія юноши въ 18-й гусарскій полкъ корнетомъ. Трудно представить себѣ что нибудь плѣнительнѣе, милѣе и возвышеннѣе этихъ посланій отца къ нѣжно любимому сыну, въ первый разъ покинувшему родительскую кровлю для вступленія въ службу.

Время, въ которое восьмнадцатилѣтній наслѣдникъ имени Скоттовъ долженъ былъ покинуть домъ родительскій, во многихъ отношеніяхъ могло назваться тяжелымъ временемъ для сэра Вальтера. Долгая, тяжкая болѣзнь, причиненная отчасти сидячею жизнью, отчасти простудой желудка, отчасти излишествами молодости (безъ которыхъ встарину шотландецъ не могъ существовать), почти

цѣлый годъ держала поэта между жизнью и смертью; припадки ея, возвращавшіеся почти каждую недѣлю и неуступавшіе дѣйствію самыхъ энергическихъ лекарствъ, заключались въ судорогахъ живота и спазмахъ, за которыми слѣдовали дни совершеннаго изнеможенія. По англійской системѣ, больного принялись лечить каломелемъ, и это опасное средство наконецъ оказало пользу, не имѣя силы совершенно разрушить здоровую натуру Скотта. Страданія больного были такъ велики, что онъ, забывая всю обычную твердость духа, во время припадковъ кричалъ на весь замокъ, а послѣ припадка на день или на два терялъ всякое сознаніе. Повѣритъ ли читатель, что въ эту ужасную эпоху, между пароксизмами почти отчаянной болѣзни, Скоттомъ были написаны или, вѣрнѣе, продиктованы два великолѣпнѣйшія творенія его фантазіи: «Ламермурская Невѣста», и «Айвенго, или Возвращеніе изъ Крестовыхъ Походовъ»! *).

Печальное состояніе здоровья сэра Вальтера усиливалось еще вслѣдствіе тревоги нравственной: за свое счастіе въ семействѣ и между друзьями поэтъ платилъ дань горя, знакомую каждому человѣку съ нѣжной душою. Обѣ дочери абботсфордскаго лерда захворали, тоскуя около его постели; нѣсколько товарищей юности и друзей его сердца разлучено было съ нимъ или смертью, или враждебными обстоятельствами. Всего тяжеле для романиста была потеря знаменитаго друга, товарища дѣтскихъ лѣтъ, покровителя его счастливой юности, однимъ словомъ: герцога Карла Бокклейгскаго **), того вельможи, исполненнаго самыхъ возвышенныхъ хри-

---

*) «Невѣста» (разсказываетъ Джемсъ Беллентейнъ) была издана прежде нежели сэръ Вальтеръ могъ встать съ постели. Когда ему подали экземпляръ, онъ прочелъ его и сказалъ мнѣ, что «всѣ лица, событія и разговоры показались ему совершенно незнакомыми»! О главномъ ходѣ интриги, по его словамъ, онъ хранилъ воспоминаніе, помнилъ лица любовниковъ, вражду семействъ, катастрофу брачную, однимъ словомъ все то, о чемъ гласитъ народная легенда, знакомая ему съ дѣтства; но о развитіи дѣйствія, о частностахъ, остротахъ, описаніяхъ, короче сказать: обо всемъ сдѣланномъ имъ, какъ романистомъ, онъ забылъ совершенно. «Читая книгу (продолжалъ Скоттъ), я находился въ тревогѣ, боясь, не сочинилъ ли я какой нибудь глупости, но успокоивался, вспоминая, что вы (Джемсъ Б.) читали корректуру». Когда я спросилъ его, остался ли онъ доволенъ романомъ, поэтъ отвѣчалъ мнѣ: «тутъ много страннаго и неправдоподобнаго, но я смѣялся во многихъ мѣстахъ и вѣрю въ снисходительность публики». Нужно сознаться (прибавляетъ Джемсъ), что въ исторіи ума человѣческаго мало происходило феноменовъ страннѣе мною описаннаго!»

**) Вотъ какъ В. Скоттъ отзывается о герцогѣ въ одномъ изъ частныхъ своихъ писемъ (къ миссъ Дженъ Бейлья).

стіанскихъ добродѣтелей, о которомъ память до сихъ поръ хранится и вѣчно будетъ жить въ сердцахъ обитателей пограничной Шотландіи. Смерть Вилльяма Эрскина и Джонни Беллентейна, случившаяся около этого же самого времени, снова потрясла нѣжную душу поэта. Но всѣ сказанныя испытанія сэръ Вальтеръ переносилъ съ твердостью. Былъ одинъ день, въ который страданія абботсфордскаго хозяина, достигнувъ высочайшей точки, не оставили больному ни малѣйшей надежды на исцѣленіе. Ослабѣвъ донельзя и едва владѣя языкомъ, сэръ Вальтеръ созвалъ все свое семейство къ постели и простился съ каждымъ изъ членовъ поочереди. Благословивъ каждаго и сказавъ каждому нѣсколько ласковыхъ словъ, онъ обратился ко всѣмъ присутствующимъ. «Милые мои! (произнесъ онъ слабымъ голосомъ) хотя въ жизнь мою, сколько могу припомнить, я не сдѣлалъ преднамѣреннаго зла ни одному человѣку, но знаю, что жизнь всякаго изъ насъ слаба и порочна передъ глазами Бога; твердо полагаюсь, однакожь, на Его благость: Богъ пусть благословитъ васъ, мои милые. Живите такъ, чтобъ намъ всѣмъ встрѣтиться въ другой жизни. Прощайте и оставьте меня: я хочу повернуться лицомъ къ стѣнѣ». Сказавъ это послѣднее слово, поэтъ

«Герцогъ принадлежитъ къ числу тѣхъ одинокихъ, возвышенныхъ душою людей, о которыхъ свѣтъ говоритъ рѣдко при ихъ жизни. Только послѣ ихъ кончины съ удивленіемъ спрашиваютъ: что̀ сталось съ этимъ величавымъ дубомъ, который еще недавно высился на верху горы, кидая свою тѣнь на всю окрестность? Во время послѣдняго голода, не получая великой части своихъ безконечныхъ доходовъ, онъ покинулъ Лондонъ и поселился въ имѣніи своей фамиліи для того, чтобъ давать работу и плату неимущимъ. Число однихъ подепьщиковъ по земледѣльческой работѣ (я это знаю, ибо помогалъ герцогу при составленіи списковъ) доходило до *девятисотъ-пятидесяти*. Въ такого рода дѣлахъ видно значеніе герцога Карла Бокклейгскаго». Впродолженіе нашего эпизода мы нѣсколько разъ имѣли случай останавливаться на персонажѣ герцога Карла Бокклейгскаго, говорить о его вліяніи на служебную и артистическую дѣятельность Вальтера Скотта. Герцоги Бокклейгскіе издревле считались шефами клана Скоттовъ и число дворянъ этой фамиліи, получившихъ чрезъ герцоговъ свои мѣста, состоянія и наконецъ пособія всякаго рода, было очень значительно. Но отношенія сэра Вальтера къ герцогу Карлу основывались не на одной памяти старой подчиненности, или на матеріальныхъ разсчетахъ: тутъ была дружба, нѣжная, достойная обоихъ друзей. Когда герцогъ Карлъ потерялъ свою нѣжно-любимую жену (обстоятельство, бывшее главной причиной его уединенія и болѣзней), поэтъ не оставлялъ его, и даже во время необходимыхъ отлучекъ утѣшалъ своего шефа письмами, присылкою стихотвореній и тому подобныхъ мелочей. Скоттъ содѣйствовалъ благотворительнымъ дѣламъ герцога, устроивалъ въ его за̀мкахъ праздники, и портретъ его понынѣ виситъ въ главной комнатѣ Бокклейгской библіотеки, какъ памятникъ пріязни, существовавшей между знаменитымъ писателемъ Шотландіи и могущественнѣйшимъ магнатомъ того же края.

заснулъ глубокимъ сномъ, и проснувшись на утро, почувствовалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ. По увѣренію докторовъ, кризисъ миновался и не оставалось никакой опасности. Прежняя веселость, прежнее спокойствіе вернулись въ зàмокъ абботсфордскій.

Распростившись съ ожиданіемъ близкой кончины, сэръ Вальтеръ счелъ безполезнымъ долѣе удерживать старшаго сына въ Абботсфордѣ, и снабдивъ его рекомендательными письмами, отпустилъ юнаго Вальтера въ Ирландію, гдѣ стояли гусары нумера восьмнадцатаго. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ нашъ романистъ отзывается о молодомъ человѣкѣ въ своемъ письмѣ къ миссъ Мерри Эджвортъ, сочинительницѣ повѣстей изъ ирландской жизни и романовъ, знакомыхъ всякому любителю великобританской словесности.

«Дорогая моя миссъ Эджвортъ… настоящее письмо будетъ сопровождаться *новымъ изданіемъ* Вальтера Скотта, въ огромномъ форматѣ, въ красномъ переплетѣ, со всякими блестками и украшеніями, изданіемъ, нужно признаться, очень красивымъ, хотя и не столь полнымъ, какъ старое потертое изданіе. Говоря другими, болѣе понятными словами, высокій гусарскій корнетъ, податель письма, мой старшій сынъ, отправляющійся въ Ирландію на службу. Тяжко мнѣ разставаться съ моимъ Вальтеромъ, моимъ вѣчнымъ собесѣдникомъ, моимъ лѣсничимъ и егермейстеромъ, подпорой моей слабой особы. Слава Богу, что я во-время обзавелся семействомъ, и въ теперешніе грустные дни болѣзни, имѣю возлѣ себя вѣрныхъ друзей и хранителей. Чтò бъ ни говорили мизантропы и старики, въ жизни есть много хорошаго; но лучше всего въ жизни — согласное семейство и изобиліе истинной дружбы: во всемъ моемъ литературномъ значеніи, мнѣ всего дороже связи съ талантливыми, прекрасными особами, прикосновенными къ литературѣ. Я горжусь этими связями и буду считать себя счастливымъ, если мнѣ удастся передать ихъ моему сыну, давно ужь восхищающемуся вашимъ талантомъ и выучившемуся видѣть въ васъ одного изъ лучшихъ друзей всего нашего семейства…

Корнету Вальтеру Скотту, въ Коркъ. 1 авг. 1819.

«Милый Вальтеръ, я радъ, что ты доѣхалъ благополучно и кончилъ свою экипировку. Твой полковникъ *), прислалъ мнѣ очень милое письмо, и вообще, какъ кажется, расположенъ къ тебѣ очень. Онъ, говорятъ, весьма молчаливъ и серьёзенъ — это общая черта

*) Генри Муррай, братъ лорда Менсфильда.

всей ихъ фамиліи; тѣмъ нужнѣе тебѣ быть съ нимъ какъ можно внимательнѣе, ласковѣе и откровеннѣе. Если ты станешь дичиться, а онъ молчать — вы не сойдетесь никогда, а между тѣмъ его совѣтъ и расположеніе, тебѣ весьма нужны. По его совѣту, держи только двухъ лошадей; джиговъ и кабріолетовъ заводить не слѣдуетъ: чрезвычайно глупо кататься въ чертопхайкѣ подобно извощику, имѣя красиваго коня и не умѣя на немъ ѣздить. Покупая лошадей, держись такихъ правилъ: старыхъ не покупай, какъ бы онѣ ни были красивы; не гонись также за лошадьми, знающими службу: всякій порядочный конь самъ ей выучится, и въ короткое время. Покупая лошадь у товарища, прежде всего огляди ее въ конюшнѣ: если она слегка качается и шевелитъ передними ногами, то и не приступай къ дѣлу. У офицеровъ, оставляющихъ полкъ, иногда можно купить хорошую лошадь, но рѣдкій изъ служащихъ кавалеристовъ разстанется съ добрымъ конемъ, если въ немъ нѣтъ какого нибудь скрытаго недостатка.

«День твоего отъѣзда былъ довольно печаленъ. Съ леди Аннъ ночью случилась истерика, Карлъ повѣсилъ носъ, мамаша и я тоже по временамъ задумывались; однако не изволь предполагать, что твое отсутствіе совершенно насъ сокрушило. Ко всему человѣкъ привыкаетъ, а солнце свѣтитъ и дождь капаетъ совершенно такъ же, какъ и при Вальтерѣ. Мы воображаемъ тебя посреди новыхъ занятій и новой компаніи. Увѣдомь меня, есть ли между твоими товарищами хорошо образованные и кое-что читавшіе юноши. Со всѣми новыми персонами будь вѣжливъ и потихоньку высматривай, съ кѣмъ можно сойтись и съ кѣмъ стоитъ сойтись.

«Софія посылаетъ тебѣ письмо съ разными новостями. Ярмарка прошла неблагополучно: наши «миссы» вымочились подъ дождемъ. Дичи очень мало, вѣроятно она умерла съ горя о твоемъ отъѣздѣ. Собаки здоровы только, Гамлетъ захворалъ и едва не взбѣсился, но Вилли Ледло пустилъ ему кровь и опасность минула. Котъ въ отличномъ состояніи. Прощай доброе мое дитя, пиши больше и пиши все, что тебѣ взбредетъ въ голову: на этотъ счетъ ты можешь быть спокоенъ, я тебѣ даю привилегію марать бумагу сколько угодно. В. Скоттъ».

Ему же. 7-го августа.

«Милый Вальтеръ, сошелся ли ты съ товарищами, и какъ проводишь время? Офицерская ѣзда и ученья, вѣроятно, занимаютъ у тебя хорошую часть утра; но во всякомъ случаѣ не забывай своихъ артинъ, плановъ, книгъ и прочаго. Ты не можешь представить

себѣ, какъ много пользы приносятъ человѣку какіе-нибудь полчаса въ день, если эти полчаса постоянно употреблять на одно, опредѣленное занятіе. Очень легко пріобрѣсти привычку проводить время безъ дѣла, но и пріучить себя извлекать пользу, или увеселеніе изо всякой минуты, вовсе нетрудно.

«Не дружись слишкомъ скоро съ товарищами, а жди и высматривай, постоянно оставаясь вѣжливымъ. Не довѣряй лицамъ, которыя съ первыхъ дней пытаются тебѣ понравиться: лучшіе изъ людей всегда немного серьёзны и неподатливы на быструю дружбу. У итальянцевъ есть славная пословица, которую ты долженъ понять, если не успѣлъ разучиться языку: Volto sciolto e pensieri stretti. Удерживайся отъ скорыхъ отзывовъ о томъ или другомъ товарищѣ въ дурную или хорошую сторону: помни, что, по всей вѣроятности, тебѣ придется не разъ ошибиться въ разъ высказанномъ мнѣніи.

«Досталъ ли ты хорошаго слугу? Остерегайся ирландскихъ лакеевъ: этотъ народъ любитъ пить, воровать и лгать; то ли дѣло нашъ родной шотландецъ! Во всякомъ случаѣ будь остороженъ съ человѣкомъ въ денежныхъ счетахъ и наблюдай за нимъ для его же пользы: много прекрасныхъ людей погибло отъ неразумнаго довѣрія своихъ господъ. Еще я попрошу тебя сообщить мнѣ кое-что о вашихъ мессахъ *). Пить много ты не любишь, но даже умѣренное употребленіе вина ежедневно, по моему мнѣнію, вредно для желудка, а желудокъ твой, по наслѣдству, не принадлежитъ къ числу очень крѣпкихъ. Бѣдный Г*** нажилъ себѣ болѣзнь и кончилъ дни вслѣдствіе попоекъ, поминутно случавшихся въ его полку, во времена молодости; и я самъ долженъ тебѣ со стыдомъ признаться: моя недавняя страшная болѣзнь имѣетъ причиною шалости моей молодости. Въ мое время молодежь пьянствовала безсовѣстно. Лучше изрѣдка, въ крайнихъ случаяхъ, выпивай по бутылкѣ, чѣмъ всякій день проглатывать англійскую пинту.

«Собаки всѣ здоровы. Котъ занемогъ оттого, что наѣлся птицъ съ перьями. Всѣ наши кланяются бѣдному гусару — какъ гласитъ пѣсня».

Ему же. 4-го сентября.

«Милый Вальтеръ, я опять получилъ письмо отъ полковника Муррая, съ которымъ совѣтовался на счетъ твоего содержанія. Онъ

*) *Mess* — офицерскій обѣдъ. Въ великобританской арміи, какъ извѣстно, офицеры каждаго полка имѣютъ общій столъ — обычай весьма разорительный и ведущій ко многимъ излишествамъ.

сообщилъ мнѣ, что 200 или 250 фунтовъ въ годъ, при твоемъ жалованьи, будетъ достаточно; къ этому прибавилъ онъ очень утѣшительное свѣдѣніе на счетъ ровнаго состоянія и приличной жизни большей части твоихъ сослуживцовъ. Я хочу, чтобъ ты жилъ пристойно и съ удобствами, не позволяя себѣ, однако, лишней роскоши. Впрочемъ, вспоминая народную поговорку, «чтобъ конь не умеръ съ голоду, пока трава растетъ на полѣ», прилагаю присемъ 50 фунтовъ; экстраординарные расходы, покупку лошади и проч., я, конечно, принимаю на себя теперь и на будущее время. Веди счетъ деньгамъ, отчасти для порядка, отчасти для того, чтобъ не отвыкнуть отъ ариѳметическихъ разсчетовъ: математика — душа военнаго искусства.

«Пріятно мнѣ было узнать, что ты перезнакомился съ сосѣдними дворянами, охотишься и вертишься въ хорошей компаніи. Нынче принято нападать на псовую охоту и трунить надъ ея любителями; этотъ предразсудокъ мнѣ кажется неосновательнымъ. Это занятіе пріучаетъ молодыхъ людей къ смѣлости, зоркости и ѣздѣ, а для тебя, какъ легкаго кавалериста, оно будетъ крайне полезно. Легкая кавалерія есть, такъ сказать, *глаза* всего войска, а гусаръ долженъ прежде всего имѣть хорошій глазомѣръ, способность распознавать и изучать мѣстность; всему этому охота верхомъ очень хорошо учитъ. Занимаясь ею, плохой ѣздокъ можетъ испортить свою посадку; но тебѣ на этотъ счетъ, кажется, нечего боятся. Во всякомъ случаѣ, охота лучше бильярдной игры въ кофейныхъ—обычнаго занятія нашихъ молодыхъ офицеровъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я нападалъ на бильярдъ — занятіе очень милое въ частныхъ домахъ; но въ тавернахъ и бильярдныхъ комнатахъ, гдѣ, какъ ты самъ знаешь, стекаются всякаго рода праздношатающіеся рыцари, играть я тебѣ не совѣтую.

«Извѣстіе о томъ, что ты ходишь на анатомическія лекціи, меня весьма порадовало. Всякая наука, особенно-*любимая* наука, приноситъ пользу юношѣ. Не забывай языковъ, особенно нѣмецкаго: знаніе этого языка выдвинуло впередъ многихъ офицеровъ въ послѣднія войны.

«Все въ домѣ благополучно; только Карлъ, совершивъ путешествіе на лоренскую ярмарку, вернулся оттуда больнымъ отъ огромнаго количества съѣденныхъ имъ пряниковъ, и оттого впалъ въ немилость. У насъ было много гостей, дѣвицы *** между прочимъ, дѣвицы довольно пустоголовыя, хоть и очень добрыя. Аннъ была ими очень утомлена и вела себя во вредъ гостепріимству. Всѣ тебѣ кланяются, собаки и котъ совершенно здоровы. Собака, которую

ты подарилъ Генри Скоттъ Гарденъ, нѣсколько разъ прибѣгала домой, желая съ тобой повидаться, но Генри съ ней очень ласковъ и она привыкаетъ къ новому мѣсту. Такъ какъ у васъ, въ гусарахъ, курятъ, то я назначилъ тебѣ одну изъ моихъ трубокъ; напиши только, нѣтъ ли случая переслать ее побезопаснѣе. Лучшую мою пѣнковую трубку я подарю тебѣ послѣ нашего предполагаемаго путешествія за границу».

Ему же. 27-го сентября.

«Милый Вальтеръ, у насъ все тихо и благополучно. Въ послѣдніе дни нашъ Абботсфордъ былъ посѣщенъ принцомъ Леопольдомъ саксен-кобургскимъ *), котораго я зналъ еще въ Парижѣ. Мамаша, узнавъ, что онъ изъ Селькирка будетъ къ намъ, впала въ хлопоты, результатомъ которыхъ вышелъ хорошій завтракъ. Въ Селькиркѣ встрѣтила принца толпа народа съ хоромъ музыки (хоръ состоялъ изъ трубы и барабана) подъ предводительствомъ прокурора Ленга. Его высочеству поднесли дипломъ на званіе гражданина города съ обычными церемоніями. «Я никакъ не думалъ (сказалъ принцъ одному изъ альдермеповъ), что вашъ городъ имѣетъ такое большое населеніе». — Ваше высочество (очень ловко отвѣтилъ тотъ, взглянувъ на толпу), оно всегда такимъ кажется въ день пріѣзда высокихъ посѣтителей. Пріѣхавъ къ намъ, принцъ очень лестно отозвался объ офицерахъ вашего полка, прибавивъ очень обязательно: «теперь я имѣю между ними однимъ другомъ болѣе!» Нашъ волынщикъ Джонъ Скай получилъ отъ него завидную похвалу своей игрѣ и отъ радости чуть было не сошелъ съ ума. Джонъ Скай, между прочимъ, къ своимъ музыкальнымъ дарованіямъ съ нѣкоторыхъ поръ присоединилъ дарованія медика: во время моего послѣдняго нездоровья, онъ подложилъ мнѣ подъ подушку двѣнадцать маленькихъ камней изъ двѣнадцати горныхъ ручейковъ; но, должно признаться, пользы изъ того никакой не вышло.

«Я собираюсь купить еще землю, Фольконсейдъ, тебѣ извѣстный, за тридцать тысячъ фунтовъ, хотя наготовѣ у меня капиталу не болѣе десяти тысячъ. Но если Богъ дастъ жизни и здоровья, остальное какъ нибудь сколотимъ. Тогда Абботсфордъ округлится, будетъ давать тысячи двѣ дохода и, конечно, станетъ однимъ изъ прелестнѣйшихъ имѣній во всей Шотландіи. Вотъ каковы мои теперешніе планы, добрый мой мальчишка! и хотя въ нихъ собствен-

*) Впослѣдствіи королемъ бельгійскимъ.

ная моя прихоть играетъ немалую роль, но все-таки, приступая къ дѣлу, я не забываю твоего будущаго благосостоянія *).

«Не забывай языковъ и чтенія, запасайся свѣдѣніями, обогащай себя, пока память еще свѣжа, умъ гибокъ и воспріимчивъ. Читай любимыхъ авторовъ, вдвойнѣ занимайся предметами, особенно тебѣ нравящимися: занятія такого рода, все равно, что пища, съѣденная съ аппетитомъ; они питаютъ и укрѣпляютъ.

«Погода у насъ отличная и жатва богатая. Въ день твоего рожденія всѣ выплясывали съ усердіемъ; впрочемъ, на этотъ счетъ сестры твои будутъ писать подробнѣе. Очень желали бы мы видѣть тебя въ этотъ день, и еслибъ ты какимъ нибудь волшебствомъ, какъ Сандрильйона, очутился между нами, мы задержалибъ тебя больше положеннаго часа. Прощай, милый другъ».

Ему же, 13-го ноября.

«Милый Вальтеръ, я огорченъ и встревоженъ, такъ долго не получая отъ тебя никакихъ извѣстій. Ты долженъ помнить о томъ, что какъ бы весело ни проходило твое время, мы здѣсь имѣемъ право разсчитывать и желать, чтобъ часть этого времени была и намъ посвящена. Многаго мы не требуемъ: одно письмо въ недѣлю еще не большое пожертвованіе; и я скажу тебѣ откровенно: новая небрежность съ твоей стороны не можетъ мнѣ польстить очень.

«Послѣ абботсфордской охоты, на которой присутствовала, какъ говорится въ газетахъ «небольшая, но избранная компанія», я перебрался въ Эдинбургъ, съ сожалѣніемъ, какъ это всегда со мной водится. Въ Эдинбургѣ готовятся великія дѣла: ждутъ принца Густава шведскаго, Во время охоты и за обѣдомъ въ Абботсфордѣ о тебѣ много воспоминали.

«До меня дошли слухи, что ты не передалъ всѣхъ писемъ, тебѣ данныхъ при отъѣздѣ. Пожалуйста на этотъ счетъ будь аккуратенъ, потому что въ каждомъ рекомендательномъ письмѣ, кромѣ обычныхъ любезностей, можетъ заключаться какая нибудь приписка, интересная для получающаго; задержавъ письмо, ты такимъ образомъ, кромѣ невѣжливости, сдѣлаешь непріятность обоимъ корреспондентамъ. Очень можетъ быть, что твои новые пріятели отчасти заразили тебя своими понятіями: по мнѣнію многихъ молодыхъ

---

*) Сэръ Вальтеръ недолго «сколачивалъ» двадцать тысячъ, о которыхъ здѣсь упоминается. Вторичная продажа «Кенильверта», «Айвенго», «Монастыря» и «Аббата», дала ему пять тысячъ гиней, а первоначальная выгода, доставленная этими романами, съ прибавленіемъ другихъ выгодъ за два года, доходила почти до 15,000 ф. ст.

офицеровъ, полковая месса способна замѣнить собой всякое общество. Поживши въ свѣтѣ, милый Вальтеръ, ты узнаешь невѣрность этой идеи. Одни педанты (а педанты имѣются во всѣхъ службахъ и сословіяхъ) исключительно толпятся кучками къ своей собственной братіи, за то свѣтъ надъ ними и смѣется, какъ надъ педантами. Лучшіе офицеры, изъ числа мною видѣнныхъ, всѣ ѣздили въ свѣтъ и принадлежали свѣту, въ этомъ можетъ тебя завѣрить человѣкъ, всю жизнь свою жившій въ свѣтѣ и видавшій, можетъ быть, болѣе на своемъ вѣку, нежели видала и будетъ видѣть вся компанія гусарскихъ офицеровъ, собирающихся на вашихъ полковыхъ обѣдахъ.

«Чтобъ усладить свою нотацію, увѣдомляю тебя о пятидесяти фунтахъ, которые имѣю наготовѣ для пересылки къ тебѣ по первому увѣдомленію; только безъ увѣдомленія посылать ихъ не стану. Я, какъ привидѣніе, не говорю ни съ кѣмъ, пока не заговорятъ со мною.

«Еще разъ, милый другъ, пиши чаще и не заставь меня подумать о томъ, что первый человѣкъ, когда либо позволившій себѣ небрежность въ перепискѣ со мною — мой сынъ Вальтеръ».

Ему же, 17-го декабря.

«Милый Вальтеръ, на этотъ разъ я имѣю передать тебѣ цѣлый рядъ печальныхъ новостей. Бабушка твоя *), которую я въ субботу еще видѣлъ въ совершенномъ здоровьи, занемогла паралитическимъ ударомъ. Еще въ воскресенье сестры твои пили у ней чай, и она весело, съ своей обычной живостью, разсказывала имъ сказочку стараго времени. Надежды нѣтъ никакой, хотя она и можетъ еще прожить нѣсколько времени. Братъ матушки, докторъ Ротсфортъ, тоже умеръ нечаянно, на рукахъ своей дочери, даже не вздохнувъ ни разу. Тётка наша, миссъ Кристи, пораженная болѣзнью матушки, сама впала въ отчаянное состояніе и медики не пророчатъ ничего хорошаго...

«У насъ собирается старый полкъ «Голубыхъ Волонтеровъ», въ рядахъ котораго я когда-то маневрировалъ. Старые товарищи собрались въ весьма маломъ количествѣ; много ихъ исчезло съ лица земли, да и остальные смотрятъ развалинами».

---

*) Мать сэра Вальтера, жившая въ Эдинбургѣ, а вскорѣ послѣ этого письма скончавшаяся. Родительница поэта, дожившая до глубокой старости, постоянно гордилась имъ, а сэръ Вальтеръ, въ свою очередь, питалъ къ ней безграничную преданность.

Ему же, 31 мая 1820 г.

«Милый Вальтеръ, посылаю тебѣ твое жалованье въ видѣ банковаго билета. Размѣнивая его, обращай вниманіе на сданныя тебѣ ноты, чтобъ не произошло новой потери. Посовѣтуйся съ знающими людьми, потому что, когда одинъ банкъ банкрутится, дѣло не ограничивается *однимъ*, другіе тянутся туда же *). Жаль мнѣ твоей потери: поскупись и поэкономничай немного, потому что у меня, вслѣдствіе покупки земель, денегъ на лицо очень мало.

«На прошлой недѣлѣ у насъ, въ Абботсфордѣ, гостилъ шведскій принцъ Густавъ, проживающій въ Эдинбургѣ подъ именемъ графа Иттербурга. Онъ былъ очень счастливъ, доволенъ и веселъ, а прощаясь съ нами, почти прослезился. Его положеніе, вдали отъ родины, выше мѣры трогательно; но онъ переноситъ свою судьбу съ твердостью, достойною его имени. Онъ долго любовался знакомымъ тебѣ портретомъ Карла XII-го во весь ростъ, и при этомъ случаѣ мы замѣтили разительное сходство между нимъ и портретомъ. Съ принцемъ находился, въ качествѣ наставника и спутника, швейцарецъ баронъ Полье, извѣстный своими свѣдѣніями и вообще образованіемъ. Отъ насъ они поѣхали въ Ирландію, обѣщаясь быть и въ Коркѣ. Съ прибытіемъ туристовъ въ вашъ городъ, явись къ нимъ и пригласи ихъ на полковой обѣдъ, какъ это водится. Полковникъ Муррай, безъ сомнѣнія, поможетъ тебѣ принять гостей со всевозможнымъ радушіемъ. Прощаясь со мной, принцъ подарилъ мнѣ прелестную печать съ новымъ нашимъ гербомъ, вырѣзаннымъ на аметистѣ; оправа украшена словомъ *Густавъ*, а съ другой стороны на ней вырѣзано мое имя.

«Мамаша, Анпъ и Карлъ здоровы; Софія жалуется на боль въ рукѣ, которую она когда-то ушибла. Я пригрозилъ ей, говоря, что Локгартъ отдастъ ее къ намъ назадъ, по причинѣ неисправности въ статяхъ. Будь здоровъ и не забывай заниматься языками».

Ему же, 14 ноября 1821 г.

«Милый Вальтеръ, посылаю тебѣ деньги и, по обыкновенію, прошу тебя соблюдать аккуратность въ расходахъ. Имѣй въ виду то, что наше состояніе не можетъ назваться огромнымъ, хотя можетъ дать человѣку независимость при порядкѣ и хорошемъ управленіи. Пріучайся же къ порядку, пока еще къ нему легко пріучиться.

*) Въ Англіи уже начинался кризисъ частныхъ банковъ, вслѣдствіе котораго самъ сэръ Вальтеръ разорился, какъ будетъ разсказано впослѣдствіи.

«На этихъ дняхъ я пристроилъ Карла въ Кердиганшейрѣ, подъ надзоръ ученаго и добраго пастора Вильямса, товарища моей юности, для усовершенствованія въ наукахъ, особенно въ древнихъ языкахъ. Мы съ нимъ переписывались о его занятіяхъ и успѣхахъ въ древней литературѣ, безъ которой, конечно, можно прожить на свѣтѣ, но незнаніе которой съ трудомъ замѣняется. Человѣкъ, незнающій древнихъ языковъ, долженъ, если позволено будетъ такъ выразиться, перелѣзать черезъ стѣну, тогда, какъ сверстники его, болѣе богатые наукой, спокойно проходятъ въ двери. Софію мы нашли въ Эдинбургѣ, посреди полнаго семейнаго счастія. Она не требуетъ многаго, но всѣ ее любятъ, глядятъ ей въ глаза и о ней заботятся. Между прочимъ, она приготовляется выпустить въ свѣтъ новое лицо, и такимъ образомъ сдѣлать тебя дядею, а меня — Боже мой! Боже мой! — дѣдушкой!

«На абботсфордской охотѣ, лошадь капитана Фергюссона ударила копытомъ въ ногу мистера Крегга Гельсшильскаго. Бѣдный джентльменъ долго не позволялъ снимать съ себя сапога, говоря, что не въ состояніи перенести вида своей собственной сломанной кости, торчащей изъ чулка. Вѣрнѣе, какъ гласятъ злые языки, что Креггъ боялся показать публикѣ свои ноги, похожія на пару щипцовъ. Впрочемъ, кость оказалась цѣлою и все минуло благополучно.

«Дошли до меня слухи, можетъ быть пустые слухи, насчетъ будто бы твоей привязанности къ какой-то дамѣ вашихъ краевъ. Не читая тебѣ наставленій, усердно прошу тебя быть откровеннымъ со мною въ этомъ дѣлѣ и, сверхъ того, помнить, что часто связь, начатая шутя, кончается великими бѣдствіями. Avis au lecteur» *).

Неизвѣстно, по какому случаю изъ жизни молодого Вальтера данъ былъ ему этотъ послѣдній совѣтъ нѣжно любящаго родителя. Во всякомъ случаѣ, не ирландскимъ красавицамъ досталось сердцѣ абботсфордскаго наслѣдника, въ короткое время успѣвшаго совершить полезную поѣздку за границу, заслужить своею службой благоволеніе герцога Йоркскаго и явиться въ Абботсфордъ на Рождество 1824 года, во всемъ блескѣ опытнаго офицера, только-что награжденнаго лейтенантскимъ чиномъ. Между дѣвицами, въ это

---

*) Предѣлы нашей статьи не дозволяютъ намъ дальнѣйшихъ выписокъ изъ этой переписки отца съ сыномъ; но по крайней мѣрѣ мы долгомъ считаемъ указать читателю, что она помѣщена (хотя далеко неполною) въ сочиненіи Локгарта «Life of sir W. Scott.» Нѣтъ сомнѣнія, что и остальныя письма Скотта къ сыну будутъ скоро изданы, если только покойный майоръ Скоттъ хранилъ ихъ со тщаніемъ.

время гостившими во владѣніяхъ гостепріимнаго баронета, первое мѣсто занимала, по красотѣ и состоянію, племянница уже извѣстнаго намъ Фергюссона, миссъ Дженъ Джобсон-Лохоръ. Вальтеръ и Дженъ давно ужь питали другъ къ другу нѣжную привязанность, встрѣчавшую сильное сопротивленіе со стороны матери дѣвицы. Почтенная старушка имѣла два сильные аргумента противъ молодого Вальтера: во-первыхъ, онъ посилъ усы, а во-вторыхъ, его отецъ, сэръ Вальтеръ занимался однимъ изъ пустѣйшихъ занятій, именно: сочиненіемъ романовъ. Нетрудно будетъ читателю догадаться, что препятствія такого рода едва ли могли служить помѣхою дѣлу. И точно, къ новому 1825 году, долго жданное согласіе матери, наконецъ осчастливило абботсфордскихъ жителей. Полный радости за счастіе сына, авторъ «Веверлея» поспѣшилъ созвать въ свой зáмокъ легіонъ лучшихъ друзей, задать рядъ праздниковъ, которымъ, увы — суждено было назваться *послѣдними* абботсфордскими пиршествами.

По сказанію людей, съ дѣтства привыкшихъ къ изяществу, всю жизнь свою обращавшихся въ лучшихъ кругахъ европейскаго свѣта, рядъ упомянутыхъ нами праздниковъ заключалъ въ себѣ нѣчто невыразимо восхитительное. Зáмокъ Абботсфордскій, отстроенный и убранный внутри по рисункамъ Оллена, Вильки и Чентри, наполненный рѣдкостями и предметами искусства, со всѣхъ концовъ земли присылаемыхъ Скотту, весь освѣщенный газомъ (рѣдкость въ то время), ужь самъ по себѣ имѣлъ видъ волшебный. Каждая комната могла назваться рѣдкостью въ своемъ родѣ, о каждой, самой незначительной вещицѣ хозяинъ умѣлъ разсказать цѣлую исторію, или странную, или смѣшную, или трогательную. Матерію, украшавшую стѣны главной гостинной, хозяинъ получилъ изъ Китая отъ одного изъ своихъ почитателей, долго тамъ жившаго; прелестный мраморный фонтанъ у входа прибылъ изъ Италіи, гдѣ его только-что нашли подъ землею; рѣзная мебель кабинета, кромѣ вещей, совершенно старинныхъ, дѣлалась по рисункамъ сэра Давида Вильки. Несравненный музей зáмка, вмѣсто того, чтобъ быть сбитымъ въ извѣстное число комнатъ, тянулся по всему строенію, дѣлая изъ жилища поэта олицетворенную мечту художника или антикварія. Каждое семейство, помѣщавшееся въ зáмкѣ, и каждый отдѣльный гость имѣли въ своемъ владѣніи особую половину, тоже украшенную рѣдкостями, библіотекою, картинами и древнимъ оружіемъ. Всякій имѣлъ свою прислугу и цѣлый день могъ дѣлать все, чтò ему хотѣлось, но, само собой разумѣется, все собраніе друзей постоянно окружало хозяина, слушало

его разсказы *), веселилось его весельемъ. Помолвка молодого Вальтера и миссъ Дженъ оставалась еще въ секретѣ, но почти каждый изъ посѣтителей Абботсфорда догадывался о существованіи какой-то великой семейной радости въ жизни знаменитаго шотландскаго барда.

Послѣдній балъ, самый торжественный вначалѣ и самый шумный при концѣ, произошелъ послѣ новаго года, 9-го января, наканунѣ дня, назначеннаго для разъѣзда гостей. Тутъ сэръ Вальтеръ почти утомилъ посѣтителей Абботсфорда своимъ радушіемъ. Онъ минуты не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и не давалъ сидѣть спокойно ни одному гостю. Танцы прерывались хорами національныхъ пѣсенъ, за пѣснями слѣдовали игры, въ которыхъ каждый долженъ былъ принимать участіе; ужинъ и фейерверкъ заключили вечеръ. Комнаты зáмка, отворенныя для званыхъ и незваныхъ, едва могли вмѣстить въ себѣ всю публику; фермеры, поселяне пировали на чистомъ воздухѣ.

Вечеръ 9-го января 1825 года былъ послѣднимъ, истинно счастливымъ вечеромъ въ жизни сэра Вальтера. Начиная съ этого

---

*) Одинъ изъ этихъ разсказовъ до того оригиналенъ, что мы не можемъ не передать его, хотя въ сокращеніи. «Сорокъ лѣтъ назадъ (разсказывалъ Скоттъ), мой двоюродный братъ, Ватти Скоттъ, служа мичманомъ въ королевскомъ флотѣ и находясь въ портсмутской гавани, отправился съ товарищами въ одну городскую таверну «погулять наканунѣ выхода въ море». Гулянка кончилась поутру звукомъ сигнальной пушки, вызывавшей всѣхъ офицеровъ на корабль немедленно. Мичмана потребовали счетъ, хотя денегъ ни у кого изъ нихъ не было. Хозяйка таверны, старая и сварливая женщина, узнавъ объ этомъ плачевномъ обстоятельствѣ, велѣла запереть всѣ двери. Гулякамъ оставалось лишь нѣсколько часовъ срока, по исходѣ котораго ихъ, по закону, слѣдовало признать дезертёрами. Съ корабля продолжали палить: положеніе юношей могло назваться истинно-ужаснымъ. — «Ну, джентльмены (сказала имъ вѣдьма), есть одно средство выпутаться изъ бѣды: пусть одинъ изъ васъ женится на мнѣ сейчасъ же. Не думайте, чтобъ я очень дорожила вашими персонами; мнѣ нуженъ мужъ офицеръ, или, вѣрнѣе, званіе офицерши: полиція пристаетъ ко мнѣ безпрестанно. Рѣшайтесь, киньте жребій, тогда я васъ угощу обѣдомъ и выпущу». Мичмана кинули жребій, не видя другаго исхода дѣлу; страшная участь выпала Ватти. Свадьбу сыграли тутъ же, съ угощеніемъ, и хозяйка таверны, напоивъ замертво и новаго мужа и его товарищей, отправила ихъ всѣхъ на корабль. Нѣсколько мѣсяцевъ бѣдный Ватти скучалъ и томился своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, какъ вдругъ, во время стоянки въ Ямайкѣ, онъ прибѣжалъ къ товарищамъ внѣ себя отъ восторга, съ листомъ газеты въ рукѣ! «Слава Богу! слава Богу! кричалъ онъ, прыгая какъ ребенокъ. — «Что съ тобой?» спрашивали мичмана, давно уже опасавшіеся послѣдствій его меланхоліи. — «Господа, слава Богу! (опять вскричалъ Ватти) старая вѣдьма повѣшена въ Портсмутѣ!» Дѣйствительно, свирѣпая трактирщица совершила въ своей тавернѣ убійство, за что и понесла заслуженное наказаніе».

дня, почта, приходившая изъ Лондона, приносила съ собой какое либо тяжкое извѣстіе касательно благосостоянія торговыхъ домовъ, съ которыми были связаны интересы Скотта, Констэбля или Беллентейна. Финансовое положеніе великобританской коммерціи грозило рядомъ катастрофъ, самыхъ гибельныхъ.

XVI.

Страшный коммерческій кризисъ 1825 года, порожденный безмѣрнымъ развитіемъ производительныхъ силъ Англіи и ускоренный духомъ неразумной предпріимчивости великобританскихъ капиталистовъ, подошелъ тихо и почти незамѣтно. Два-три торговые дома закрылись, два-три второстепенные банкира запутались въ своихъ дѣлахъ, двѣ-три фабрики не успѣли сбыть всего запаса своихъ издѣлій, и вдругъ, ранѣе, чѣмъ тѣнь опасенія зародилась въ умахъ большинства публики, началось явленіе, весьма удачно сравниваемое съ сильною оттепелью въ послѣдніе дни весны, когда рыхлый, почти уничтоженный, но на видъ весьма изобильный снѣгъ начинаетъ таять и исчезать съ быстротою, видимою глазу. Фабрики закрывались сотнями; ряды газетныхъ столбцовъ наполнялись извѣстіями о банкротахъ; огромныя массы рабочихъ остались безъ дѣла и повсюду распространялся паническій страхъ, столь же гибельный для торговли, сколько для людей, имъ пораженныхъ. Каждое лицо, прикосновенное къ коммерціи, или имѣющее часть своихъ капиталовъ въ оборотахъ, принялось за счеты, съ трепетомъ ожидая слѣдующаго дня; каждое лицо, жившее роскошно, сочло долгомъ сократить расходы; но и самая осторожность, задерживая обороты, увеличивала массы несбытыхъ произведеній, порождая сплетни и вредные слухи. Бѣдствіе расло, расло и наконецъ сдѣлалось народнымъ бѣдствіемъ.

Посреди общей тревоги и смутнаго ожиданія, ею порожденнаго, сэръ Вальтеръ Скоттъ и его товарищи по издательской и типографской части первое время оставались, какъ нельзя болѣе спокойными. Джонни Беллентейна, человѣка, производившаго частыя разстройства въ ихъ дѣлахъ, уже не существовало на свѣтѣ и, повидимому, безпорядковъ ждать было не откуда. Конечно, въ типографіи и книжныхъ лавкахъ дѣла пошли худо съ началомъ кризиса; но, повидимому, этотъ временной уронъ не могъ длиться слишкомъ долго. Банкротство нѣсколькихъ должниковъ, непосредственно случившееся за пріостановленіемъ продажи, заставило

Скотта призадуматься, но ни Джемсъ Беллентейнъ, ни Констэбль не раздѣляли его опасеній *).

Въ маѣ 1825 года, когда Арчибальдовы соперники по книжной торговлѣ открыто предрекали паденіе Констэбля, нашъ «Наполеонъ книжнаго дѣла», пируя въ своей виллѣ, развивалъ передъ гостями планъ громаднаго предпріятія, долженствующаго произвести переворотъ въ исторіи промышлености. Полный жара и восторженныхъ чувствъ, онъ держалъ передъ Беллентейномъ, сэромъ Вальтеромъ и Локгартомъ рѣчь, безпримѣрную въ своемъ родѣ. «Поэты и романисты (выражался Арчибальдъ) сдѣлали для литературы все, что могли; но типографщики и книгопродавцы — эти орудія успѣха и просвѣщенія, совершили очень мало. Господа! я говорю вамъ: книжная торговля еще находится въ младенчествѣ! Вы можете глядѣть на меня, какъ на сумасшедшаго, но я прошу васъ слушать внимательно. Вотъ вамъ длинная выписка изъ документа, полученнаго мной изъ министерства финансовъ, о податяхъ съ предметовъ роскоши. Просмотрѣвъ эту выписку, намъ нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, какое огромное количество семействъ и лицъ въ великобританскихъ владѣніяхъ можетъ тратить значительныя суммы на предметы прихоти **). Отчегожъ эти лица тратятъ такъ мало на книги? почему не каждый домъ имѣетъ свою библіотеку? Потому, что книги все еще дороги. По случаю ихъ дороговизны, всякій или подписывается въ магазинѣ на право чтенія, или занимаетъ новую книгу у пріятеля. Пускайте книги такъ дешево, чтобъ издержка на ихъ покупку поселила въ каждомъ желаніе купить новую книгу, не подписываясь въ магазинѣ и не тревожа пріятеля. Пошлина на предметъ роскоши невелика, оттого ее платятъ, не тяготясь, и платятъ часто: пусть тоже будетъ и съ книгами. Отчего въ каждомъ порядочномъ домикѣ Великобританіи нѣтъ библіотеки? Отчего самые бѣдняки не имѣютъ въ своемъ владѣніи хорошихъ книгъ? Впрочемъ, о бѣднякахъ мы погово-

---

*) Сэръ Вальтеръ держалъ въ величайшемъ секретѣ свое товарищество съ Белентейнами и Комп.; ни зять, ни дочери не знали объ этомъ секретѣ, до самой катастрофы. Причины этой скрытности совершенно неизвѣстны. Еслибъ хотя одинъ изъ богатыхъ друзей романиста зналъ о его части въ торговлѣ Констэбля, банкротства не произошло бъ; это можно сказать утвердительно, сообразивъ безчисленныя предложенія пособій, посыпавшіяся на поэта послѣ бѣдствія, уже совершившагося.

**) Тутъ слѣдуетъ длинный разборъ выписки, разсужденіе о каждомъ предметѣ и о суммѣ податей, за него собираемыхъ. «Какъ хорошо и ясно (разсказываетъ Локгартъ) этотъ человѣкъ умѣлъ говорить о цифрахъ, и какъ мало знакомъ онъ былъ съ цифрами своего собственнаго торговаго дома!»

римъ еще черезъ годъ; сперва заберемъ въ руки восковыя свѣчи, а потомъ ужь заберемъ сало».

«Ну Арчибальдъ! (замѣтилъ Скоттъ, увлеченный пламеннымъ ораторомъ) говорю тебѣ не шутя: ты «Наполеонъ книжной имперіи». — «Если я умру, не кончивъ дѣла (отвѣтилъ Констэбль), велите написать эти слова на моей гробницѣ. Но пока еще мы живы, отчего *вамъ*, сэръ Вальтеръ, не быть моей правой рукою? Вотъ планъ нашего маренгскаго сраженія. Мы будемъ издавать въ мѣсяцъ по одному тому, оставляя себѣ выгоды по нѣскольку пенни за экземпляръ. Каждую книжку пустимъ мы по три шиллинга; само собой разумѣется, книжка должна быть такъ хороша, чтобъ десятки тысячъ, сотни тысячъ ее покупали». Долго еще говорилъ Констэбль, излагая свои планы. Для начала Вальтеръ Скоттъ вызвался написать «Жизнь Наполеона» въ четырехъ книгахъ, и компаньйоны разстались, совершенно довольные другъ другомъ.

Подробное описаніе хода коммерческихъ бѣдствій сэра Вальтера Скотта, завело бы насъ слишкомъ далеко, не представивъ особеннаго интереса читателю. Достаточно будетъ сказать, что Джемсъ Беллентейнъ, не успѣвъ привести въ порядокъ дѣлъ, запущенныхъ Джономъ, и съ своей стороны выдавшій слишкомъ много обязательствъ по денежнымъ дѣламъ, первый прибѣгнулъ къ помощи Скотта, и получивъ отъ него заимообразно значительную сумму, кое-какъ водворилъ порядокъ въ своихъ счетахъ — увы! только до новой тревоги: банкиры Горстъ и Робинзонъ, въ Лондонѣ, имѣя значительную сумму на Констэблѣ и нуждаясь въ деньгахъ, продали всѣ векселя «книжнаго Наполеона», который, не имѣя суммъ въ наличности, занятый своими громадными планами и очень мало обращая вниманія на опасность операціи, пустилъ въ дѣло всѣ векселя Джемса Беллентейна (даже векселя, выданные ему безплатно, на случай какихъ-либо неожиданныхъ оборотовъ). Масса проданныхъ обязательствъ, взволновала всѣхъ остальныхъ кредиторовъ Джемса и Арчибальда, между тѣмъ, какъ банкротство дома Горста и Робинзона, послѣдовавшее тотчасъ же за катастрофой Констэбля, привело въ волненіе всѣхъ эдинбургскихъ капиталистовъ. Такимъ образомъ сэръ Вальтеръ въ одно время терялъ суммы, должныя ему Констэблемъ, и, какъ участникъ по типографіи Беллентейна, долженъ былъ платить по его векселямъ своими деньгами; но денегъ не было, и еще сумма потерь не пришла въ извѣстность.

Поведеніе Наполеона книжной торговли во время поѣздки его въ Лондонъ, послѣ свиданія съ Горстомъ и Робинзономъ, представляетъ собой рядъ сценъ истинно драматическихъ. Застигнутый въ

расплохъ посреди своихъ колоссальныхъ предпріятій, Арчибальдъ Констэбль не желалъ покориться своей участи. Не смотря на свою подагру, на совѣты докторовъ и на ужасъ всѣхъ окружающихъ, онъ топалъ ногами, бѣгалъ по своей квартирѣ, искалъ денегъ по всему Лондону, осыпая укоризнами всѣхъ лицъ, нераздѣлявшихъ его судорожно энергическаго настроенія. Потребовавъ къ себѣ зятя, сэра Вальтера, Констэбль предложилъ ему сейчасъ же ѣхать съ нимъ въ англійскій банкъ и тамъ просить 200,000 фунтовъ стерлинговъ подъ залогъ рукописей Скотта вмѣстѣ съ правомъ на изданіе всѣхъ его сочиненій; а когда Локгартъ отказался, Арчибальдъ отправился одинъ; но всѣ его аргументы пропали напрасно: въ эту эпоху (какъ потомъ было объявлено въ парламентѣ) даже англійскій банкъ помышлялъ о пріостановленіи уплаты по своимъ облигаціямъ.

Не оставалось надежды на дальнѣйшую борьбу. Семнадцатаго января Джемсъ Беллентейнъ зашелъ въ эдинбургскую квартиру сэра Вальтера съ роковымъ извѣстіемъ; но не заставъ его дома, отложилъ свое горькое посѣщеніе до вечера. Поэтъ встрѣтилъ его дружески и, выслушавъ все, произнесъ: «Рѣшайте же что̀ намъ дѣлать, а дѣлать что нибудь необходимо». — «Остановить дѣла по обязательствамъ», отвѣтилъ Беллентейнъ. Сэръ Вальтеръ потупился, и пожавъ руку посѣтителю, сказалъ ему: «Джемсъ, пока Богъ хранитъ меня, я тебя не оставлю».

На другой день, весь Эдинбургъ узналъ о бѣдствіи, и десятки писемъ съ предложеніями услугъ всякаго рода нѣсколько утѣшили романиста въ эту тяжкую годину его существованія. Въ одномъ анонимномъ письмѣ, составитель котораго до сихъ поръ остался неизвѣстенъ, Скотту предлагали 30,000 фунтовъ стерлинговъ безъ векселя и росписки; имѣлись и предложенія забавныя по своей скромности. Иная почитательница «Веверлея» предполагала, что все дѣло можно покончить нѣсколькими сотнями и предлагала, «ses économies»; иной голякъ-лердъ предлагалъ заложить нѣсколько акровъ принадлежащаго ему сѣнокоса и деньги вручить поэту, такъ услаждавшему его сельскіе досуги. Знаки участія со стороны особъ, лично знакомыхъ съ абботсфордскимъ владѣльцемъ, не смотря на всю свою любезность, отклонялись Скоттомъ точно также, какъ и анонимныя предложенія; на предупредительность друзей сэръ Вальтеръ отвѣчалъ одинаково: «я не знаю еще количества потери; я не ожидаю совершеннаго разоренія; я имѣлъ отъ публики слишкомъ много выгодъ въ свое время и теперь могу поплатиться». Только одному своему старому другу, мистеру Скину, Вальтеръ Скоттъ

сказалъ со слезами на глазахъ: «Дорогой другъ, пожмите мнѣ руку, я нищій. Перо мое принадлежитъ кредиторамъ, и если Богъ сохранитъ дни мои, оно сдѣлаетъ свое дѣло».

Наконецъ пришли къ окончанію грустные разсчеты по конкурсу. Констэбль, признавъ себя несостоятельнымъ на страшную сумму 250,000 фунтовъ, уплатилъ кредиторамъ по три шиллинга на фунтъ; домъ Горста и Робинзона, должный 300,000 фунтовъ, отдѣлался еще дешевле; но сэръ Вальтеръ Скоттъ не позволилъ Беллентейну операціи подобнаго рода. «Пока я вашъ компаньйонъ (сказалъ онъ Джемсу), мы должны дѣйствовать какъ джентльмены, а не какъ торгаши». Долги дома Беллентейновъ простирались до 115,000 фунтовъ стерлинговъ, почти безъ всякаго обезпеченія, потому что абботсфордскія владѣнія сэра Вальтера, давно ужь законно укрѣпленныя за его старшими дѣтьми, не могли поступить въ продажу. Это послѣднее обстоятельство налагало на поэта двойную обязанность быть рыцаремъ: и въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ и касательно кредиторовъ, лишившихся права располагать имъ пріобрѣтенною собственностью. Заложивши свои земли, замокъ, музеумъ, все движимое и недвижимое имущество, сэръ Вальтеръ внесъ тотчасъ же часть долга и объявилъ собранію заимодавцевъ, что, начиная съ этого дня, всѣ его литературные доходы станутъ поступать на погашеніе претензіи по долгамъ Беллентейна. Напрасно дѣти представляли ему полное право продать Абботсфордъ, напрасно большинство друзей поставляло ему на видъ, что, съ продажей этого владѣнія, кредиторы по всей вѣроятности довольны будутъ своей частью: Вальтеръ Скоттъ не допускалъ даже мысли о причиненіи имъ малѣйшаго ущерба. Можно представить, съ какимъ чувствомъ кредиторы Беллентейна, едва ожидавшіе получить по пяти шиллинговъ на фунтъ, приняли благородное предложеніе сэра Вальтера, и первую сумму послѣ общей уплаты, сумму, вырученную за продажу стараго дома въ Кестль-Стритъ. Прошелъ еще годъ и романистъ представилъ имъ же 2,000 фунтовъ, полученныхъ за «Вудстока»; баснословная сумма 18,000 фунтовъ стерлинговъ, вырученная за продажу «Наполеоновой Жизни», поступила къ нимъ же. Полные возвышенной благодарности, заимодавцы поспѣшили поднести поэту его посуду и вещи изъ кестльстритскаго дома, съ письмомъ, выражающимъ всю ихъ признательность. Но Скоттъ и тутъ не остался въ долгу, и 35,000 фунтовъ, доставшіеся за новое изданіе «Полныхъ Сочиненій», дали ему новую возможность отблагодарить людей, цѣнившихъ его самоотверженіе.

На этомъ мѣстѣ мы считаемъ долгомъ остановить нашъ разсказъ о Вальтерѣ Скоттѣ и его современникахъ, предоставляя себѣ право поговорить о послѣднихъ годахъ знаменитаго поэта въ другомъ эпизодѣ, грустномъ по содержанію, но въ то же время поучительномъ по своему направленію. Намъ не трудно было бы здѣсь же, въ одной или двухъ лишнихъ главахъ, передать читателю весь ходъ борьбы Скотта за свое доброе имя, всю печальную исторію упадка его таланта и другія событія, ознаменовавшія собою періодъ времени до кончины сэра Вальтера; но біографіи людей, ему подобныхъ, не могутъ писаться вкратцѣ. Сверхъ того, мы чувствуемъ, что тонъ, значеніе этихъ заключительныхъ главъ не ладили бы съ значеніемъ и тономъ всего труда, безъ нужды омрачали бы воображеніе читателя, не принеся ему никакой опредѣленной пользы. И наконецъ, почему не признаться съ откровенностью: намъ самимъ не хотѣлось перейдти отъ счастливаго, веселаго, гостепріимнаго Скотта, лерда абботсфордскаго, окруженнаго всѣми знаменитостями Британіи, къ бѣдному, огорченному сэру Вальтеру съ его трогательнымъ самоотверженіемъ, съ его семейными бѣдствіями, къ сэру Вальтеру послѣднихъ годовъ, исполненныхъ грусти, болѣзней и одиночества. Намъ не хотѣлось писать двухъ картинъ на одномъ полотнѣ: отъ смѣха и веселыхъ анекдотовъ переходить къ потрясающей трагедіи.

Но какъ бы то ни было, послѣдніе годы сэра Вальтера привлекаютъ къ себѣ какъ бы магическою силою. Многими дѣлами христіанскаго милосердія, дѣлами самоотверженія и честности ознаменованы эти послѣдніе годы, достойные человѣка, ихъ пережившаго. Любители произведеній шотландскаго романиста не знали бы возвышенной души Скотта, еслибъ вся его жизнь протекла такъ блистательно, какъ она текла до 1826 года; еслибъ поэтъ не пережилъ своей жены, не растерялъ, одного за другимъ, всѣхъ друзей юности, не трудился въ уединенномъ уголку за нелюбимой работой, не жертвовалъ жизнью и достаткомъ для спасенія людей, вовлеченныхъ въ разореніе, не скитался по Европѣ въ сопровожденіи своей дочери леди Анны, преданной Антигоны бѣднаго старца, безъ этого ряда бѣдствій и недуговъ, не обнаружилась бы вся теплота Скоттова сердца, вся твердость свѣтлыхъ его убѣжденій, и наконецъ публика не узнала бы одного изъ лучшихъ твореній Скотта, твореній, писанныхъ для себя собственно, достойныхъ идти рядомъ съ его милыми письмами къ сыну, именно: его «Дневника» въ годину горести, изъ котораго многихъ выписокъ, перепеча-

танныхъ его зятемъ, нѣтъ средствъ читать безъ живаго сочувствія *).

*) Вотъ отзывъ знаменитаго Карлейля объ отрывкахъ изъ «Дневника» Вальтера Скотта, помѣщенныхъ въ Локгартовой біографіи.

«Мы выпишемъ изъ «Дневника» нѣсколько строкъ трагическихъ, но многозначительныхъ строкъ. Скоттъ совершаетъ геркулесовскую работу, совершаетъ ее съ неутомимостью, съ мужественною веселостью. Его тѣло слабѣетъ, душа надрывается, но онъ ведетъ свою борьбу, онъ трудится. Скоттъ находится одинъ, въ маленькой квартирѣ посреди Эдинбурга, онъ только-что оставилъ свою жену въ Абботсфордѣ: бѣдная Шарлотта больна при смерти. Скоттъ, уѣзжая изъ замка, долго смотрѣлъ на нее, пока она спала. Увы, ему не было уже суждено болѣе видѣть дорогаго лица: смерть носится надъ поэтомъ и придаетъ особенный тонъ всей этой картинѣ разрушенія. Вотъ выписки:

«*Абботсфордъ. Мая 11 (1826).* Сердце мое сжимается. Неужели я болѣе не буду довѣрять моихъ горестей *ей*, которой столько лѣтъ я ввѣрялся во всемъ? Неужели она не будетъ болѣе слышать меня, совѣтовать мнѣ? Я не хотѣлъ уѣзжать, но она въ летаргическомъ состояніи — и я безполезенъ дома. Анна ходитъ за матерью и на нее можно положиться. Я долженъ быть съ Беллентейномъ хотя лучше бъ желалъ остаться дома. Но зачѣмъ поддаваться безотраднымъ чувствамъ? Я не уступлю имъ, я долженъ бороться!

«*Эдинбургъ. Мая 14.* Солнце весело свѣтитъ надъ голыми стѣнами. Я послалъ ему свое привѣтствіе, хотя оно освѣщаетъ одну сцену горести и страданія. Приходилъ бѣдный Гоггъ, просилъ денегъ, и я не могъ пособить ему!!...

«*Мая 15.* Получилъ горькую вѣсть: все кончено въ Абботсфордѣ.

«*Абботсфордъ. Мая 16.* Она умерла утромъ, въ 9 часовъ, безъ страданій. Я пріѣхалъ поздно ночью. Бѣдная Анна, увидавъ меня, впала въ истерику. Ея голосъ, вскрикиванья, слова напоминали собой голосъ и слова маленькихъ дѣтей. «Бѣдная мамаша! ушла навсегда, никогда не придетъ къ намъ!» Но, придя въ себя, она стала говорить съ твердостью и умомъ, до новаго припадка. Чужой человѣкъ заплакалъ бы въ это время — что́ же чувствовалъ я — мужъ и отецъ! Впрочемъ, я не могу разсказать, что́ я чувствовалъ и чувствую. Я по временамъ твердъ, какъ скала, иногда же слабъ, какъ вода подъ скалою. Мысли мои ясны, но сердце мое разрывается. Боже мой! давно ли здѣсь все шумѣло, было полно весельемъ, вокругъ меня толпилось семейство; теперь же я одинъ — бѣднякъ, сирота, безъ жены, безъ вѣрнаго друга и совѣтника...

«Я видѣлъ ее, я смотрѣлъ на нее: это не моя Шарлотта, не спутница тридцати лѣтъ моей жизни. Та же симетрія формъ, тѣ же члены, когда-то гибкіе, теперь оцѣпенѣлые; но это жолтое лицо, это странное выраженіе, это подобіе жизни!.. Я не буду болѣе смотрѣть на нее. Анна говоритъ, что перемѣны никакой нѣтъ... Гробъ готовъ, скоро ее положатъ въ холодную землю. Но нѣтъ, это не Шарлотта, это не моя бывшая невѣста, это не мать дѣтей моихъ; не ее положатъ въ драйбургскомъ аббатствѣ, куда мы столько разъ ходили гулять. Нѣтъ! нѣтъ!

«*Мая 22.* Желаю, чтобъ похороны кончились скорѣе. Бѣдный Карлъ пріѣхалъ и, кажется, засталъ меня плачущимъ. Для меня слезы — ужасная вещь: я плачу болѣзненно, тяжело и послѣ плача на меня находитъ апатія, близкая къ безумію...

«*Мая 26.* Еслибъ на мой домъ напали враги, неужели я не сталъ бы защищать его, неужели я, погрузившись въ безплодную горесть, уступилъ бы непріятелю? Неужели я въ настоящіе дни я не долженъ бороться съ мрачными мыслями? Съ помощью неба будемъ бороться!»

Въ біографіяхъ сэра Вальтера, до сихъ поръ изданныхъ въ Англіи, упомянутый «Дневникъ» занимаетъ очень много мѣста; можетъ быть одна двадцатая часть его извѣстна публикѣ. Пока лица, въ немъ упоминаемыя, жили и играли значительную роль въ политикѣ, или литературномъ мірѣ, помышлять о его изданіи оказывалось невозможнымъ. Но пять или шесть лѣтъ назадъ, Джонъ Локгартъ, издавая сокращенную біографію своего тестя, обѣщалъ публикѣ обширный запасъ новыхъ матеріаловъ относительно послѣднихъ годовъ Скоттовой жизни, включая въ число сказанныхъ матеріаловъ весь «Дневникъ» и большое количество еще не изданныхъ писемъ. Обѣщанный сборникъ вѣроятно скоро появится въ свѣтъ.

1854.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

«Возвышенныя и прекрасныя строки! (заключаетъ Карлейль). Въ этомъ человѣкѣ было много мужества, и много мужества сошло съ нимъ въ могилу. Истинное геройство жило въ груди поэта, въ груди сэра Вальтера, достойнаго именоваться «гордостью своей родной Шотландіи».

(*«London and Westminster Review» 1838*).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ЭТЮДЫ ОБЪ АНГЛІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

